
РОССИЙСКО-ПОЛЬСКАЯ ГРУППА
ПО СЛОЖНЫМ ВОПРОСАМ

БЕЛЫЕ ПЯТНА
—
ЧЕРНЫЕ ПЯТНА

**Сложные вопросы
в российско-польских отношениях**

*Под общей редакцией
академика А. В. Торкунова
профессора А. Д. Ротфельда*

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2017

УДК 327
ББК 66.4
Б43

Книга издана при поддержке МГИМО МИД России

Авторский коллектив:

В. Г. Барановский, В. Бородзей, Н. И. Бухарин, Л. Б. Вардомский, А. В. Воробьев, А. Гловацкий, А. Граевский, С. Дембский, Я. Калинский, В. П. Козлов, М. Корнат, Н. С. Лебедева, Д. Липиньская-Наленч, А. В. Мальгин, В. Марчиняк, Г. Ф. Матвеев, В. Матерский, Т. Наленч, М. М. Наринский, А. Ф. Носкова, В. С. Парсаданова, А. Пачковский, К. Пелчиньская-Наленч, Е. Помяновский, А. Пшевозьник, А. В. Ревякин, В. Стелпняк, Б. А. Шмелев, А. В. Шубин, И. С. Яжборовская

Редакторы русского издания:

А. В. Мальгин, М. М. Наринский

Переводчики:

*В. А. Александров, Н. С. Дымшиц, Ю. С. Зеленов, Н. А. Махова,
Н. В. Селиванова, Ю. А. Федотьева*

Координатор издания:

О. В. Шишкина

Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: Научное издание / Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. Отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 823 с.

ISBN 978–5–7567–0597–3

Книга представляет собой совместный труд российских и польских историков, подводящий итоги работы российско-польской Группы по сложным вопросам. Разделы книги позволяют сопоставить взгляды российских и польских исследователей по наиболее важным проблемам двусторонних отношений, начиная с 1917 г. до сегодняшних дней. В числе этих проблем — советско-польская война 1920–1921 гг., отношения Советского Союза и Польши в период между двумя мировыми войнами, генезис и причины Второй мировой войны, польско-советские противоречия и сотрудничество в период вооруженной борьбы с германским фашизмом, характер отношений СССР и ПНР в рамках социалистического содружества и противостояния двух мировых систем. Особое место занимают вопросы, связанные с катынской трагедией.

Для специалистов-международников и широкого круга читателей, интересующихся российско-польскими отношениями.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0597–3

© Коллектив авторов, 2010, 2017
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2010, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ С МЫСЛЬЮ О БУДУЩЕМ

Торкунов А. В., Ротфельд А. Д. 5

1. НАЧАЛО

Матвеев Г. Ф. 15

Липиньская-Наленч Д., Наленч Т. 50

2. 1920–1930-е ГОДЫ В ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ревякин А. В. 74

Матерский В. 103

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Наринский М. М. 127

Дембский С. 165

4. ПОЛЬША МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ. 1939–1941

Лебедева Н. С. 202

Гловацкий А. 230

5. КАТЫНСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Лебедева Н. С. 280

Пшевкозъник А. 304

6. ВОЕННОЕ ВРЕМЯ. 1941–1945

Парсаданова В. С. 338

Матерский В. 365

7. ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. 1945–1955

Носкова А. Ф. 394

Бородзей В. 431

8. ОТТЕПЕЛЬ

Бухарин Н. И. 450

Пачковский А. 467

9. ДОРОГА К СВОБОДЕ

Воробьев А. В., Шубин А. В. 480

Помяновский Е. 491

10. СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО И ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ В 1981 г.

Яжборовская И. С. 503

Пачковский А. 528

11. ВОЗВРАЩЕННАЯ СВОБОДА И СУВЕРЕНИТЕТ

<i>Барановский В. Г., Шмелев Б. А.</i>	539
<i>Марчиняк В.</i>	558

12. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И СССР

<i>Вардомский Л. Б.</i>	586
<i>Калинский Я.</i>	600

13. РОССИЯ И ПОЛЬША В НОВОМ МИРЕ

<i>Мальгин А. В.</i>	622
<i>Пелчиньская-Наленч К.</i>	651

14. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ

<i>Бухарин Н. И.</i>	671
<i>Граевский А.</i>	687

15. АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Козлов В. П.</i>	714
<i>Стемняк В.</i>	724

16. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Яжборовская И. С.</i>	737
<i>Корнат М.</i>	767
Приложения	814
Сведения об авторах	822

Размышления о прошлом с мыслью о будущем

Проходит время, меняются люди, страны и системы ценностей, которыми они руководствуются во внутренних делах и при формировании своих отношений с соседями. Через двадцать лет после начала великих трансформаций, приведших к преодолению раскола Европы на Восток и Запад, Россия и Польша предприняли совместные усилия, направленные на то, чтобы убрать из взаимных отношений нагромождения лжи и фальши.

Наши страны стараются основывать партнерство на уважении национальных интересов, признании своеобразия и специфики каждого из участников этого партнерства.

В современных отношениях России и Польши свою отрицательную роль сыграла история. Действительно, историческая память существенным образом влияет на наше мировосприятие, на восприятие нас самих в окружающем нас мире. Главное же, чтобы эта память не была предметом манипуляций и сознательной фальсификации прошлого — стирания следов того, что было постыдным и заслуживающим сурового осуждения.

Исторические факты неопровержимы, но их интерпретация может быть различной. Народы по-разному оценивают одни и те же события. Более того, с течением времени новые поколения иначе смотрят на известные факты прошлого, чем их предшественники. Им становятся известны последствия, к которым привели решения, принимавшиеся их отцами и дедами.

Верно, что не катынское преступление разделило поляков и русских. Нас разделяла ложь об этом преступлении. Правда же — как подчеркнул Владимир Путин 7 апреля 2010 г. в Смоленске, — очищает. А польский премьер Дональд Туск добавил: «Правда не только очищает, но и просветляет». Эти слова были сказаны после завершения совместных польско-российских мемориальных мероприятий в Катыни, организованных по случаю 70-й годовщины скорбной даты.

После траурной церемонии премьеры встретились с сопредседателями российско-польской Группы по сложным вопросам и дали высокую оценку результатам ее работы, без которой, скорее всего, не состоялось бы совместное поминовение расстрелянных в Катынском лесу.

Созданная по указанию руководства обеих стран Группа сыграла роль своеобразного позитивного катализатора во взаимоотношениях Польши и России.

Одним из результатов работы Группы по сложным вопросам является настоящая книга.

Эта книга — о нашей истории в двадцатом веке, истории, которая волею судьбы оказалась в значительной степени общей. Эту книгу российские и польские авторы писали вместе, писали для общего читателя — российского и польского.

Коллективный труд содержит экспертные оценки польских и российских ученых, которые — по принципу зеркального отражения — представили в шестнадцати разделах польские и российские взгляды на самые сложные проблемы в отношениях между нашими государствами на протяжении последних десятилетий.

При этом мы старались это сделать так, чтобы, оттолкнувшись от тяжелого, но, еще раз повторим, совместного прошлого, пойти в будущее, в основе которого должны быть правда и взаимопонимание.

К этой книге мы продвигались не просто. Все началось еще в 2002 г., когда лидеры наших стран решили создать весьма необычный для практики межгосударственных контактов механизм — Группу по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Первый, полностью отличный от нынешнего, состав Группы собрался в 2005 г., была и еще одна встреча, но без особого результата. В силу ряда причин, к числу которых можно смело отнести и напряженность в политическом климате отношений России и Польши, эта инициатива на первом этапе не дала весомого результата.

Переформатирование Группы, придание ей фактически нового статуса произошло только в декабре 2007 г. Не вдаваясь в анализ причин, можно сказать, что к этому времени свою весьма неоднозначную популярность стала приобретать «историческая политика». Проблемы истории стали проблемами политической повестки дня межгосударственных отношений в Европе в целом. Руководство двух стран вполне рационально пришло к выводу о том, что эти проблемы реально мешают развитию современных контактов между нашими странами, между народами России и Польши. Главным же стало понимание того, что от совместных исторических проблем нужно избавляться также совместными усилиями.

Такие усилия могли стать успешными только при самом внимательном отношении к аргументации другой стороны, при наличии готовности к компромиссу, при искреннем желании вернуть историю историкам, а правду — нашим народам.

Трудная ли это была задача? Стратегически — нет. Мы понимали свою цель — хорошие отношения, лишенные груза взаимных исторических претензий. Тактически — да. Мы должны были придумать, как это сделать.

Идея переформатирования Группы начала свою жизнь в политическом руководстве и внешнеполитических ведомствах двух стран за несколько месяцев до первой встречи сопредседателей, которые тогда еще не знали, что на их долю выпадет такая роль. В результате были определены новый состав членов Группы, новые сопредседатели и новый мандат.

Когда фамилии визави были оглашены, мы вздохнули с облегчением. Во-первых, мы были знакомы, пусть и не очень близко. Во-вторых, мы представляли и высоко ценили исследовательский багаж друг друга. В-третьих, нам, как сопредседателям, предоставили достаточно большую автономию в деле принятия решений. В-четвертых, к нам проявили высокое доверие и начали искренне и охотно помогать представители самой высокой власти и дипломатической службы России и Польши.

Первая встреча сопредседателей состоялась на «нейтральной почве» — в Брюсселе 1–2 февраля 2008 г. Обменявшись домашними заготовками в виде предложений по персональной композиции Группы, по кругу затрагиваемых вопросов, по процедуре и частоте встреч, по желаемым и эвентуальным результатам нашей работы, мы поняли, что можем приступить к делу.

Состав российской и польской частей Группы формировался по достаточно сложному, но, как оказалось, верному принципу. Очевидно, что в Группе с обеих сторон должны были быть историки, знающие прошлое наших стран, разбирающиеся в европейском историческом контексте ушедшего века. Вместе с тем Группа не должна была стать некоей комиссией историков. Важно было включить в нее специалистов по современным вопросам, понимающих, как исторические проблемы прелом-

ляются в текущей политике наших стран, как общества реагируют на те или иные исторические вопросы, поднимаемые другой стороной.

Важно было инкорпорировать в Группу тех, кто профессионально с правовой, государственной, если хотите, стороны уже занимался решением исторических проблем. Так в нашей Группе оказались юристы, представители следственных органов, занимавшиеся, в частности, катынским делом. В Группу были включены представители государственных архивов. Предельно важным для эффективности Группы было то, что в ее состав вошли представители внешнеполитических ведомств. Дипломаты помогли нам сверять часы с официальной повесткой отношений двух стран, подсказывали тактические приемы продвижения к компромиссу и совместному успеху.

Круг вопросов, которыми будет заниматься Группа, стал понятен относительно быстро. Мы оставили попытки обсуждать то, на что у нас не было реальных полномочий и знаний, — будь то нерешенные вопросы собственности, доставшиеся нам из периода правового нигилизма, или вопросы материального и финансового свойства.

Группа не пыталась подменять собой никого и ничего, мы заполнили, насколько смогли, те пустоты в двустороннем общении по трудным историческим вопросам, которые объективно существовали.

Не создавая неких новых исторических знаний и не давая юридических оценок нашему прошлому, мы, говоря бюрократическим языком, провели инвентаризацию и систематизацию того, что было сделано ранее. Такой подход дал поразительные результаты — оказалось, что реальных противоречий, реальных разногласий не так много! Гораздо больше эмоций, проистекающих из нежелания услышать, а скорее дослушать другую сторону!

Итак, Группа щедро отмерила себе историческую ретроспективу длиной в век — двадцатый. Или почти век — от появления на руинах Первой мировой войны независимой Польши и советской России до нового распада миропорядка на рубеже 1980—1990-х годов и еще одной смены вех в истории наших стран.

Первое заседание Группы в новом составе состоялось в Варшаве 12—14 июня 2008 г. Ему предшествовали отдельные встречи российской и польской частей, где участники с каждой из сторон смогли высказать пожелания по повестке дня и по направлениям работы. Меньше чем за месяц перед этим еще раз «сверили часы» сопредседатели.

Не ошибемся, если скажем, что этого заседания мы ждали с напряжением, которое подстегивалось ожиданиями общественного мнения, публикациями в прессе, некоторые из них своей неадекватностью вносили дополнительную нервность и раздражение. Надо отдать должное тому, что участники Группы с обеих сторон смогли отрешиться от давящего информационного контекста и подойти к работе с чистого листа, без предубеждений и комплексов в отношении своих визави.

Первая часть заседания Группы носила сугубо неформальный характер — большинство ее участников встретились на приеме, посвященном Дню России, который устраивало российское посольство в Варшаве.

Собственно рабочая часть заседания Группы проходила в Доме приемов МИД Польши. Под стенами этого уютного и повидавшего много внешнеполитических встреч и событий особняка плотным кольцом стояли журналисты. Участников Группы приветствовали министр иностранных дел Польши Р. Сикорский и российский посол В. М. Гринин.

Сопредседатели, изложив позиции сторон, свои соображения и предварительные договоренности, достигнутые ими ранее, передали слово для обсуждения пове-

стки участникам Группы. Такая процедура стала традиционной для работы Группы в дальнейшем.

При обсуждении мандата и новых задач Группы было отмечено, что в последние годы политические, равно как и другие аспекты отношений между нашими странами не отвечали ожиданиям общественного мнения России и Польши. Участники Группы с удовлетворением констатировали улучшение политического климата, которое будет способствовать решению сложных и чувствительных вопросов, доставшихся нам в наследство от истории. Было выражено мнение, что подобные вопросы не должны быть предметом политических игр, они требуют со стороны политиков и исследователей смелости и ответственности в их рассмотрении и разрешении. Особенно это относится к однозначному выяснению всех аспектов катынского преступления и принятию по этому вопросу должных политических решений.

Было четко заявлено, что одной из важнейших целей работы Группы является снятие преград на пути к принятию решений на высшем уровне, которые призваны заложить крепкий фундамент партнерских отношений, опирающихся на правду и взаимное уважение.

Еще раз однозначно было сказано, что задачей Группы ни в коей мере не является подмена собой других институтов и государственных структур, созданных для развития взаимоотношений между Российской Федерацией и Республикой Польша. Группа ориентируется на содействие решению тех проблем прошлого, которые блокируют и затрудняют взаимные отношения.

Уже на первом заседании было принято решение о том, что работа Группы, ее сопредседателей должна вестись по двум взаимодополняющим направлениям.

Первое — выработка рекомендаций, которые должны носить одновременно принципиальный и реалистичный характер для властей наших стран относительно того, как лучше и быстрее снимать преграды исторического плана из политической повестки.

Второе направление — подготовка совместной публикации историко-документального характера, которая дошла бы до самых широких кругов общественности. Цель публикации — представить российский и польский взгляд на ключевые и противоречивые проблемы XX в. в отношениях между нашими странами и народами. В первом приближении некоторые из этих тем были обозначены уже на заседании в Варшаве. В этот список сразу были внесены и Катынь, и война 1920 г., равно как и начало Второй мировой войны, и послевоенное мироустройство.

Участники Группы исходили из того, что изложение проблемных и чувствительных вопросов в рамках единой публикации создаст возможность содержательных и формальных отсылок к этому исследованию желающих в очередной раз «обсудить» политические аспекты истории.

С тем чтобы сделать работу Группы максимально публичной и интересной для общественности и средств массовой информации, было решено завершать каждое заседание Группы пресс-конференцией, сопровождать заседания экспертными семинарами на текущие темы, содействовать проведению под эгидой Группы, с участием ее отдельных членов научных конференций, круглых столов, публикаций.

Участники Группы с одобрением восприняли информацию сопредседателей об их контактах с представителями Русской православной церкви и Римско-католической церкви в Польше. Было справедливо отмечено, что готовность обеих церквей к активному включению в общественный диалог и к сближению между народами России и Польши будет содействовать созданию духовного измерения отношений между нашими странами. Взаимодействие Группы, ее сопредседателей с церковны-

ми властями продолжилось и впоследствии, что в значительной степени стало залогом успеха нашей работы.

Несомненно, важным событием первой встречи Группы стал приход и выступление на заседании Председателя Совета Министров Польши Д. Туска.

В тот же день сопредседателей принял Президент Республики Польша Лех Качиньский. Столь высокий уровень внимания не мог не воодушевить участников Группы на конструктивную и плодотворную работу.

Можно попытаться пересказать, что говорил покойный президент, а можно просто ограничиться одним штрихом. Л. Качиньский полушутя-полусерьезно сказал: «Вот все говорят, что я русофоб, а это не так. Иностраный язык, который я знаю, — русский, а потом, оба моих прадеда служили в русской армии».

На следующий день, 14 июня, Группа провела открытое заседание с участием председателей ассоциации «Катынских семей», других неправительственных организаций и представителей СМИ. Стоит отметить, что президент ассоциации «Катынских семей» Анджей Сариуш-Скомпский и Божена Лоек — председатель «Катынского фонда», выступая за реабилитацию убитых польских офицеров, подчеркнули свою заинтересованность в морально-этическом, а не материальном аспекте этого вопроса.

Между заседаниями продолжалась активная работа над концепцией совместной публикации, уточнялись во взаимодействии с историками и юристами применяемые подходы и формулировки. Продолжались непосредственные контакты между участниками Группы и сопредседателями, в том числе в рамках российско-польского Форума общественности, возглавляемого К. Занусси и Л. В. Драчевским, структурой, которая стала для нас дружественным каналом продвижения информации о работе Группы в более широкие круги.

Второе заседание нашей Группы состоялось в Москве 27–28 октября 2008 г. Эта встреча была более легкой с той точки зрения, что мы уже знали друг друга, понимали настроения своих визави и занимались общим делом. Встреча Группы прошла в Доме приемов МИД России на ул. Спиридоновка. Встречу открыл министр иностранных дел России С. В. Лавров.

Он отметил, что важно уйти от фрагментарности исторического дискурса. «Разговор надо вести об истории во всей ее целостности — по принципу “вся правда, и только правда”. Избирательная же правда всегда опасна — в первую очередь для тех, кто готов принять ее за окончательную истину. История не начинается с отдельной даты — она непрерывна и вся состоит из причинно-следственных связей. Весь ход исторического развития учит, что осмысленное поверхностно, а то и откровенно спекулятивно прошлое становится основой для новых политических мифов, которые отравляют атмосферу отношений между государствами и народами».

По сложившейся традиции на заседании выступил посол Польши в России Е. Бар. В заседании Группы с российской стороны также принял участие заместитель министра иностранных дел Г. В. Титов, который вместе со своим коллегой А. Кремером оказывал поистине огромную поддержку нашей работе на всем протяжении деятельности Группы.

Исходя из необходимости более широкого знакомства российских СМИ с проблематикой работы Группы мы сделали ее первое заседание, на котором присутствовал министр, открытым для прессы.

Московская встреча окончательно утвердила такую наметившуюся особенность работы, как фактически непрерывные консультации в течение всего времени нахождения Группы в принимающей стране. Важно было собирать и учитывать мне-

ния всех лиц, способных внести вклад в работу Группы, транслировать им настроения сторон, в оперативном порядке снимать возникающие вопросы.

На самом заседании Группы большая часть времени была посвящена обсуждению концепции совместной публикации, отработке формулировок конкретных глав, согласовывались те моменты, которые обязательно должны были найти отражение в этой публикации.

Участники договорились представить первые предварительные варианты своих текстов к весне 2009 г.

Участники Группы одобрили намерение подготовить отдельную публикацию, приуроченную к 70-й годовщине начала Второй мировой войны. Ответственными за подготовку этой публикации были определены Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) и Польский институт международных вопросов (PISM). Соредакторами этой публикации выступили: с российской стороны — профессор М. М. Наринский, а с польской — доктор исторических наук С. Дембский. Авторами публикации стали многие участники Группы, которые смогли в более узком формате отработать практическое взаимодействие над совместным текстом. Как и в представленной вниманию читателя «большой» книге, в публикации, посвященной генезису и началу войны, была выбрана зеркальная структура. То есть на одну тему было решено подготовить две статьи — российского и польского авторов, а дополнить это совместным введением редакторов.

На заседании Группы участники отметили необходимость лучшего доступа к архивным материалам, что ускорило бы работу над упомянутыми публикациями. Участники приветствовали готовность министра иностранных дел России С. В. Лаврова содействовать лучшему доступу к Архиву внешней политики Российской Федерации, который потом был активно задействован при подготовке книги, посвященной началу войны.

В ходе обсуждения и в финальном коммюнике Группа отметила, что целый ряд вопросов в связи с архивными фондами может быть решен в рабочем порядке в соответствии с установленными межгосударственными процедурами.

Участники Группы, обращаясь к руководству обеих стран, еще раз подчеркнули необходимость активизировать усилия по надлежащему выяснению всех обстоятельств и снятию вопроса о катынском преступлении сталинского режима с повестки отношений между нашими обществами и странами. Группа обсудила возможные конкретные шаги на пути к этой цели.

На следующий день после официального заседания в ректорском зале МГИМО состоялся экспертный семинар, посвященный «восточной политике» Польши и ЕС, которая зачастую ставит трудные вопросы в отношениях между Россией и ее соседями по СНГ. В семинаре активное участие приняли представители МИД двух стран, в частности с подробным сообщением выступил директор Восточного департамента польского внешнеполитического ведомства Я. Браткевич.

Важным моментом, предшествовавшим третьему заседанию, стала встреча сопредседателей 24 апреля 2009 г. с архиепископом Волоколамским Иларионом (ныне — митрополит Волоколамский), а также с руководителями синодальных отделов Московской Патриархии, которые оказали поддержку усилиям Группы и заверили в своей готовности содействовать общественному диалогу по историческим проблемам.

28–29 мая 2009 г. в Кракове состоялось третье пленарное заседание российско-польской Группы по сложным вопросам. Участники Группы окончательно согласо-

ли содержание и параметры совместного издания, обменялись рядом подготовленных текстов. Было проведено достаточно подробное обсуждение этих текстов и достигнута договоренность о предоставлении заинтересованной общественности и прессы согласованного проспекта предстоящей публикации, что и было сделано на пресс-конференции по итогам заседания.

Одним из центральных и, несомненно, запомнившихся участникам Группы моментов третьего заседания стала встреча с кардиналом Станиславом Дзивишем, митрополитом Краковским.

Участники Группы с удовлетворением отметили конструктивный характер и итоги международной конференции, посвященной генезису Второй мировой войны. Конференция, прошедшая 26–27 мая 2009 г. в Варшаве, фактически предвляла заседание Группы. В ее работе приняли активное участие члены Группы. Продуктивная работа ученых из Польши, России, Германии и других государств продемонстрировала конкретный пример научного диалога и противодействия попыткам фальсификации истории.

Весна и лето 2009 г. в российско-польских отношениях проходили под знаком ожидающейся встречи премьер-министров двух стран на мемориальных мероприятиях, посвященных 70-й годовщине начала Второй мировой войны. Это давало уникальную возможность конструктивного продвижения по вопросам исторического характера.

По поручению Группы сопредседатели подготовили свое совместное обращение-письмо, направленное в адрес министров иностранных дел обеих стран. Учитывая, что это обращение содержало конкретные рекомендации по достаточно чувствительным вопросам, мы посчитали возможным сделать его непубличным. Руководители двух стран сами должны были решить, что из наших предложений принять, к чему прислушаться.

Мы довели до сведения руководства наших стран, что «в вопросе о катынском преступлении Группа достигла предела своих возможностей и не может обеспечить какого-либо продвижения вперед без должной поддержки со стороны министров иностранных дел и руководства двух стран».

Сопредседатели отметили, что «приближающиеся 70-е годовщины начала Второй мировой войны и катынской трагедии могут создать дополнительный негативный эмоциональный фон вокруг исторических проблем и осложнить отношения между нашими странами». В этой связи сопредседатели предложили «придать соответствующим усилиям сторон устойчивый и системный характер, совместно и окончательно снять проблему Катыни с повестки дня двусторонних отношений».

В этом обращении впервые была высказана идея создания в России и Польше двух центров «совместной истории», которые, в частности, занимались бы «поддержанием в надлежащем порядке мест захоронений — как связанных с катынским преступлением, так и других российских и польских захоронений на территории двух стран», осуществляли бы «противодействие попыткам фальсификации истории путем поощрения исторических исследований», выполняли бы «просветительские функции, прежде всего в отношении молодого поколения».

1 сентября 2009 г. состоялась историческая во многих смыслах этого слова встреча премьеров В. В. Путина и Д. Туска в Сопоте. Все, что было сказано и сделано двумя руководителями, означало, что коренный перелом в оценке нашей общей истории наступил. Мы поняли, что нам, Группе, будет намного проще работать, что мы выходим на некую финишную прямую.

В такой воодушевляющей нас атмосфере 9 ноября 2009 г. состоялось четвертое заседание российско-польской Группы по сложным вопросам. От имени министра иностранных дел России участников Группы приветствовал заместитель министра А. В. Грушко.

Сопредседатели традиционно дали краткий обзор деятельности Группы между заседаниями и отметили позитивные изменения в историческом диалоге между российским и польским обществами. Особо были отмечены итоги визита премьер-министра России В. В. Путина в Польшу 1 сентября 2009 г. и видеовыступление Президента России Д. А. Медведева 30 октября 2009 г., в котором однозначно была подчеркнута необходимость «изучать прошлое, преодолевать равнодушие и стремление забыть трагические стороны».

Сопредседатели отметили важность общественного, публичного измерения деятельности Группы, в том числе публикации Польским институтом международных вопросов и Московским государственным институтом международных отношений книги, вышедшей на двух языках, — «Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков», посвященной генезису и причинам Второй мировой войны. Равно была отмечена публикация специального выпуска «Вестника МГИМО», приуроченного к 70-й годовщине начала войны, значительную часть которого составили тексты авторов, входящих в состав Группы.

Участники Группы сконцентрировались на финальном обсуждении совместной «большой» публикации, в частности подробно были рассмотрены вопросы историографии, отношений между нашими странами в период и сразу после завершения Второй мировой войны, вопросы «исторической политики». Участники Группы обсудили и конкретные шаги в развитие заявлений премьер-министров двух стран, в частности о создании центров совместной истории.

Важнейшим вопросом стало обсуждение конкретных аспектов проведения мемориальной церемонии в Катыни в апреле 2010 г. Сопредседатели по итогам этой дискуссии дали свои предложения руководителям двух стран.

Кроме того, мы посчитали возможным проинформировать представителей Русской православной церкви и Римско-католической церкви в Польше о подготавливаемых мероприятиях и возможности совместного поминовения жертв катынского преступления и других жертв сталинского режима, захороненных в Катыни.

На заседании Группы была отмечена необходимость уделить особое внимание 90-летию советско-польской войны 1920 г., что предполагает проведение соответствующих мемориальных церемоний в местах захоронения погибших и умерших в плену. Участники отметили необходимость провести презентацию сборника документов, посвященного российским военнопленным, равно как и рассмотреть возможность проведения исторической конференции.

На московской встрече мы договорились провести специальное заседание Группы в Смоленске в апреле 2010 г. и приурочить его к мемориальным церемониям в Катыни.

Многие участники Группы, ее сопредседатели оказались максимально вовлечены в подготовку исторической встречи двух премьеров в Катыни 7 апреля 2010 г.

Сопредседатели в период подготовки этой встречи, а потом непосредственно в Смоленске имели возможность донести до председателей правительств мнение Группы по проблематике нашей работы, а также высказать свои соображения, связанные с созданием в обеих странах центров диалога и согласия.

Впервые руководители новой России и новой Польши одновременно находились в том месте, которое многие годы разделяло наши страны, и сделали совместное публичное заявление над могилами жертв сталинских репрессий. Историческое единение произошло.

Мы надеялись, что это будет яркой финальной точкой в работе Группы. Именно с таким настроением мы проводили наше рабочее заседание в Смоленске, которое закончилось уже ночью. Мы шлифовали формулировки, связанные с общей публикацией, обсуждали конкретные шаги по созданию историко-мемориальных центров диалога и согласия, о которых договорились премьеры, рассматривали некие сугубо технические аспекты нашей работы. Что-то не успели сделать и собирались доделать через несколько дней, когда некоторые наши польские коллеги должны были снова прибыть в Россию...

А потом случилось 10 апреля.

В катастрофе вместе с Президентом Польши и многими хорошо знакомыми и близкими нам людьми погибли наши товарищи по Группе — Анджей Кремер и Анджей Пшевозник.

7–10 апреля 2010 г. стали поворотным пунктом в отношениях между нашими государствами. И не только потому, что они разорвали плетенную почти 70 лет паутину лжи, но — что более важно — открыли глаза миллионам поляков и россиян на то, что в общих могилах в лесу под Смоленском покоятся — наряду с польскими офицерами — тысячи других безымянных жертв сталинских репрессий. От рук палачей НКВД там погибли невинные люди самых разных национальностей — русские и украинцы, белорусы и евреи, представители многих других народов СССР, павшие жертвами тоталитарного террора. Поляки и русские поверили в то, что краеугольным камнем нового типа отношений между нашими народами является общность их судьбы и правда.

Работа нашей Группы и решения руководителей обоих государств способствовали тому, что правда о Катыни дошла до миллионов россиян. Фильм Анджея Вайды «Катынь», показанный на главном канале государственного российского телевидения объяснил многомиллионной зрительской аудитории в России, почему правда об этом преступлении имеет для поляков такое большое значение. Правда устраняет одно из самых больших препятствий на пути к историческому согласию.

В своем выступлении премьер Туск напомнил слова Солженицына: «Одно слово правды весь мир перетянет». «И сегодня, — сказал премьер-министр Польши, — я хочу верить в то, что одно слово правды может потянуть за собой, повести два великих народа, которые столь болезненно были разъединены историей. Сегодня эти два народа ищут простой и краткий путь к примирению».

7 апреля в Катыни на этом пути были установлены два указателя: память и правда.

Катастрофа президентского самолета под Смоленском вызвала у миллионов россиян спонтанное проявление сочувствия, доброжелательности, взаимного переживания, готовности сломать лед, который долгие годы охлаждал отношения между нашими странами. Во время встреч на высшем уровне — на Вавеле (18 апреля) и в Кремле (8 мая) — президент России Дмитрий Медведев с пониманием отнесся к просьбам польской стороны рассекретить документы по делу о преступлении в Катыни, а также реабилитировать жертв этого злодеяния. Он заверил, что даст поруче-

ние компетентным службам о постепенном рассекречивании этих документов, а также о разработке соответствующей формы реабилитации жертв, которая отвечала бы чаяниям катынских семей. Заверенные копии 67 томов документов были переданы польской стороне во время визита в Россию маршала Сейма, исполнявшего тогда обязанности Президента Республики Польша Бронислава Коморовского.

Официальные заявления, встречи руководителей и жесты, свидетельствующие о стремлении к согласию — еще недавно считавшиеся событиями необычными, — становятся повседневностью. Однако наивно было бы считать, что ликвидированы все главные преграды на пути польско-российского примирения. Глубоко укоренившиеся в сознании обоих народов стереотипы мышления, консерватизм и инертность некоторых звеньев административного управления, а также необходимость «сохранения внешнего врага», наличествующая у ряда политических группировок, отнюдь не помогают руководителям двух стран в достижении поставленных перед собой целей. Важно то, что выбранное направление движения встречает одобрение миллионов поляков и россиян.

Весна 2010 г. дала нам шанс. Воспользоваться им можно только через системное движение навстречу друг к другу. Именно это предопределяет будущее польско-российских отношений.

Министры культуры обеих наших стран предприняли шаги по созданию центров польско-российского диалога и согласия, о которых договорились премьер-министры. Эти центры станут опорными пунктами для широких и многоплановых контактов между россиянами и поляками.

Ведется интенсивный — беспрецедентный в истории — диалог между представителями Русской Православной Церкви и римско-католического Костела в Польше. Трудно переоценить тот духовный характер, который обе Церкви — восточного и западного христианства — могут придать начатому процессу примирения. В одной из своих работ нынешний Патриарх Московский и всея Руси Кирилл привел слова святого мученика Игнатия Антиохского: «Вникай в обусловленность времени». Это поистине глубокая и актуальная мысль.

То, что 20 лет назад нельзя было себе даже представить, происходит — на наших глазах формируется новое общественное сознание, которое в свою очередь определяет новую политическую действительность в отношениях между Россией и Польшей.

Сопредседатели Группы по сложным вопросам *А. В. Торкунов,*
А. Д. Ротфельд

1

НАЧАЛО

Г. Ф. Матвеев (Россия)

Д. Липиньская-Наленч, Т. Наленч (Польша)

Польский вопрос в политике России накануне падения царизма. Польский вопрос долгое время был для России единственным, который безоговорочно можно отнести к разряду национальных, то есть таких, для решения которых требовалось существенное изменение статуса данной нации в империи. При этом если до 1890-х годов польское национальное самосознание было характерно главным образом для представителей шляхты, духовенства и интеллигенции, в основном дворянского происхождения, то с конца XIX столетия в национальных категориях начинают мыслить и в «низах» общества — рабочие, крестьяне, мещане. Это со всей очевидностью продемонстрировали как события в Царстве Польском в годы революции 1905—1907 гг., когда не революционеры-социалисты, а национальные демократы (эндеки) задавали тон уличным выступлениям, так и выборы в Государственную думу I—IV созывов, неизменно приносившие победу эндекам. Даже часть последователей К. Маркса, не отказываясь от социализма как конечной цели борьбы, в качестве первоочередной задачи своей деятельности называли завоевание независимости для Польши.

Ни один из реализовавшихся Петербургом проектов превращения поляков Царства Польского в верноподданных Романовых, таких же, как, например, прибалтийские немцы, полного успеха не имел. Конечно, какая-то часть поляков отправлялась заниматься бизнесом или работать в непольские области империи, служила офицерами и чиновниками, заключала смешанные браки и ассимилировалась. Но основная масса оставалась в Царстве Польском и культивировала свою польскость, боролась за свой язык, культуру и веру. Превзошедшие все ожидания итоги призыва в русскую армию и отсутствие массовой поддержки повстанческого проекта Ю. Пилсудского¹ в начале Первой мировой войны свидетельствовали скорее не о лояльности большинства поляков Романовым, а о высокой результативности антинемецкой пропаганды эндеков день за днем многие годы убеждавшей поляков, что их злейший враг — немцы. И германская армия, которая в августе 1914 г. орудийным огнем уничтожила мирный польский городок Калиш, а затем расстреляла 80 ни в чем не повинных его жителей, этот тезис подтвердила и еще больше ослабила позиции ее потенциальных союзников в Царстве Польском.

Г. Ф. МАТВЕЕВ

В Петербурге уже до войны прекрасно отдавали себе отчет в том, что не знают иного рецепта решить польский вопрос, кроме как начать контролируемый процесс восстановления польской государственности. Некоторые согласны были даже предоставить Царству Польскому полную самостоятельность, но боялись, что такой шаг спровоцирует Германию на войну с Россией. Да и в самой империи это могло стать прецедентом для других народов, входивших в ее состав, в первую очередь финнов, уже обладавших реальной автономией². Ни внутривластная, ни международная обстановка для такого радикального шага не подходила. К тому же режим вовсе не считал ситуацию безнадежной, чтобы решиться на шаг, который легко мог оказаться для него самоубийственным.

Начавшаяся война, впоследствии получившая название Великой, а еще позже Первой мировой, коренным образом разнилась от всех прежних войн. И главным ее отличием было то, что фронт и тыл, армия и гражданское население теперь были одним целым. Через тыл можно было влиять на действующую армию, ее моральное состояние и боевой дух³. В связи с этим многократно возрастала роль пропаганды, она становилась как бы новым родом войск наряду с пехотой, артиллерией, кавалерией и др. Особенно велика была роль пропаганды в регионах дислокации действующих армий, и Царство Польское было именно таким регионом. Первоначальный русский план ведения войны, согласно которому армия, мобилизовав резервистов, должна была оставить левобережную часть Царства Польского и закрепиться на правом берегу Вислы, потерял актуальность с самого начала. Надо было помочь Франции, подвергшейся мощной атаке германской армии, а для этого следовало организовать наступление русских войск в Восточной Пруссии и Галиции. Об оставлении Царства Польского теперь не могло быть и речи, провинции надлежало стать базой для наступательных операций. В связи с этим важно было, на чьей стороне окажутся симпатии ее жителей.

В августе 1914 г. население Царства Польского имело возможность познакомиться с позициями по польскому вопросу обеих воюющих сторон. Обращенное к нему воззвание австро-венгерского и германского командований на Восточном фронте от 9 августа было выдержано в духе концепции Ю. Пилсудского: мы, европейцы, несем вам освобождение от азиатов и т.п. — однако в нем ни слова не говорилось о том, что же будет с остальными частями разделенной Польши.

Воззвание русского Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 1(14) августа было составлено с учетом польских ожиданий, сформулированных национальными демократами. Оно содержало обещание воссоединить все части разделенной Польши «под скипетром русского царя» и предоставить ей свободу веры, языка и самоуправления. Правда, в возвании ничего не говорилось о масштабах этого самоуправления, а позиция в вопросе о будущих границах Польши была откровенно двусмысленной. Слова: «полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски...» — можно было истолковать и как обещание восстановить Польшу в границах Речи Посполитой 1772 г. Но условие: «Одного ждет от вас Россия: такого же уважения к правам тех национальностей, с которыми связала вас история» — могло сделать такую возможность ничтожной, поскольку могло означать, что украинцам, белорусам позволят остаться вне польской самоуправляемой провинции. Важно отметить, что аналогичных воз-

званий представителей государственной администрации к другим народам России не было ни в 1914 г., ни в последующие годы, вплоть до падения царизма.

Содержание воззвания «К полякам», как и обстоятельства его подготовки и принятия, не раз были предметом исследования историков. Известны имена авторов этого документа (в их числе министр иностранных дел С. Д. Сазонов), с его проектом успел ознакомиться лидер польских национальных демократов Р. Дмовский, приехавший в Петербург из Швейцарии 12 августа, он обсуждался на заседании Совета министров, его видел император Николай II⁴. Несколько последующих лет, до конца 1916 г., как только поляки заводили речь о перспективах послевоенного устройства их судьбы, официальные лица в Петербурге отсылали их к этому воззванию. До сих пор не прекращается критика в адрес Николая II за то, что он все эти годы не хотел конкретизировать позицию России по польскому вопросу. Вполне следует согласиться с приводимыми объяснениями его нерешительности (учет норм международного права, разрешавшего менять границы государств только на мирных конференциях, противодействие достаточно влиятельной при дворе партии сторонников заключения сепаратного мира с Центральными державами, слабохарактерность императора). И как-то выпадает из поля зрения то обстоятельство, что в этом не было особой надобности. Призванные в русскую армию поляки не изменяли присяге. Открыто высказанная в воззвании русского главнокомандующего, изданном в занятом русскими войсками г. Черновицы, угроза карать как государственных изменников всех русских подданных, которые пошли бы на службу в военизированные формирования на стороне Австро-Венгрии, возымела действие. К тому же, как уже упоминалось выше, пропаганда сторонников независимости Царства Польского, лидером которых был Ю. Пилсудский, находила весьма слабый отклик у подданных России. Национальные демократы были полностью удовлетворены обрисованной в воззвании великого князя Николая Николаевича перспективой, а их лидер легально, с помощью императора и Главного командования выехал в ноябре 1915 г. на Запад вовсе не для того, чтобы проповедовать идею безотлагательного создания единого независимого польского государства. Не следует забывать и о том, что судьба войны до весны 1918 г. оставалась открытым вопросом. Таким образом, выбранный в августе 1914 г. алгоритм решения польского вопроса полностью себя оправдывал, и всякий непродуманный шаг, не служивший решению судьбоносных для империи вопросов, грозил труднопрогнозируемыми негативными последствиями.

5 ноября 1916 г. произошло событие, взбудоражившее достаточно спокойное положение дел, связанных с польским вопросом. В Варшаве и Люблине, центрах германской и австро-венгерской оккупационных зон в Царстве Польском (оно было оставлено русскими войсками в августе—сентябре 1916 г.), был оглашен манифест двух генерал-губернаторов, действовавших от имени своих императоров. В нем провозглашалось создание на территории Царства Польского Польского королевства в форме наследственной конституционной монархии, находящейся в тесной связи с Центральными державами. Армия королевства должна была формироваться при непосредственном участии австрийцев и немцев. О будущих границах Польского королевства и польских землях в составе Германии и Австро-Венгрии манифест умалчивал. Сторонники Пилсудского восприняли этот акт как торжество его программы решения польского вопроса и возрождения польского госу-

дарства⁵. Какими бы ни были подлинные мотивы этого шага Германии и Австро-Венгрии (а они главным образом преследовали две цели: заполучить от 500 тыс. до 1 млн солдат в польский вермахт, который участвовал бы в войне на их стороне, а также активизировать национальный вопрос в западных областях России и тем самым существенно ее ослабить), следует признать, что он имел самые серьезные последствия для польского вопроса.

Россия, естественно, без промедления осудила откровенное нарушение международного права своими противниками, но этого было явно недостаточно, чтобы нейтрализовать их опасные планы. Николай II понял, что теперь настало его время откровенно сформулировать позицию России по польскому вопросу, не опасаясь обвинений в пренебрежении международными нормами и обычаями. К этому его поощряло и единодушное осуждение манифеста от 5 ноября союзниками по Антанте, которые в главных моментах солидаризировались с позицией России по польскому вопросу.

12 (25) декабря 1916 г. в рождественском приказе по армии и флоту император, который к этому времени возложил на себя функции Верховного главнокомандующего русской армией, сформулировал цели войны для России. Одной из них он назвал объединение всех польских земель под скипетром Романовых и предоставление им широкой автономии, аналогичной той, которую Александр I даровал Царству Польскому в 1815 г. Будущей Польше было обещано создание не только собственных органов законодательной и исполнительной власти, но и армии.

Следует сказать, что проект Николая II не нарушал международные обычаи. Он базировался на сформулированном в XIX в. так называемом праве национальностей, допускавшем объединение разделенных на части наций, не обязательно в независимом государстве. В свое время на этом основании произошло объединение Италии и Германии, то есть право национальностей было не только осуществлено на практике, но и признано мировым сообществом как абсолютно допустимое для решения такого рода проблем. Германо-австрийское решение польского вопроса этому праву не соответствовало, поскольку не касалось их собственных польских провинций.

Позиция России была с одобрением воспринята в союзных столицах и Вашингтоне. Президент США В. Вильсон с начала 1916 г. проявлял все возрастающий интерес к польскому вопросу. В феврале 1917 г. в Петрограде приступило к работе Особое совещание по польскому вопросу, призванное подготовить практические решения по проведению в жизнь монаршей воли. Оно работало без особой спешки, что вполне объяснимо: Россия выиграла очередную схватку за Польшу со своими партнерами по разделам Речи Посполитой; Царство Польское было оккупировано, и скорое окончание войны не предвиделось; национальные демократы сделали очередной шаг к своей цели, добившись наконец согласия Николая II на их проект решения польского вопроса; вербовка добровольцев в польский вермахт безнадежно буксовала; поляки в русской армии не стали воевать хуже; австро-германская пропагандистская атака с целью возбуждения в России национальных противоречий захлебнулась. Поэтому члены совещания вполне могли позволить себе неспешное, серьезное обсуждение принципиальных положений будущей конституции автономной Польши.

Вряд ли кто-либо в верхних эшелонах российской власти предполагал близость революционного взрыва в России, который не только смел монархию, но и вывел на авансцену политической жизни новых людей, далеко не всегда готовых к исполнению неожиданно доставшихся им ролей.

Польский вопрос в декларациях и политике Петроградского совета, Временного правительства, Совета народных комиссаров. Своеобразие второй русской революции состояло в том, что у власти оказались два политических лагеря — созданное на базе Постоянного комитета Государственной думы Временное правительство и стихийно возникший Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Вошедшие во Временное правительство бывшие думцы имели опыт управленческой деятельности (например, на собственных предприятиях, в земствах, думских и военно-промышленных комитетах), а также навык просчитывать возможные последствия принимаемых решений. Поскольку Временное правительство не решилось на сохранение конституировавшего его органа в качестве временного парламента, то эта функция *de facto* перешла к Петроградскому совету. Это стало особенно очевидным после того, как возникшие в провинции аналогичные органы признали за столичным Советом роль центральной инстанции, а Временное правительство — право Петросовета смещать и назначать министров. Творцами Петроградского совета были журналисты, адвокаты и другие, вечно недовольные действительностью «правдоискатели», посвятившие свою жизнь борьбе не с правительством (как в западных демократиях), а с государством, способствовавшие его разрушению. Не случайно первым актом Петросовета стал приказ № 1 «О демократизации армии», фактически приведший к развалу этого одного из важнейших, а в условиях войны — наиглавнейшего государственного института.

Соревнуясь друг с другом в степени демократичности, Петросовет и Временное правительство не могли пройти мимо польского вопроса, далеко не самого первоочередного для страны в условиях политического переворота и продолжающейся войны. Не последнюю роль в этом сыграли представители польской колонии в Петрограде, имевшие доступ к влиятельным членам обоих властных центров. Петросовет свою позицию сформулировал первым. Уже 14 (27) марта 1917 г. в обращении «Народу польскому» в свойственном ему популистском духе Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов заявил, что «демократия России стоит на почве признания национально-политического самоопределения народов и провозглашает, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении.

Посылаем польскому народу свой братский привет и желаем ему успеха в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя»⁶.

Из обращения нельзя понять, имели ли депутаты Петросовета в виду все части Польши или только Царство Польское. Зато не вызывает сомнений, что в случае воссоздания польского государства в духе обращения неизбежно возникал бы ряд конфликтов во взаимоотношениях Польши с Россией, в том числе самый грозный — территориальный. Неизбежно, поскольку аналогичных решений по украинскому, белорусскому и литовскому вопросам Петроградский совет до Октябрьского переворота не принял. То есть он считал эти земли интегральной частью Рос-

сии, что делало ее непосредственной соседкой Польши. А поскольку в польском обществе самый живой отклик находила идея воссоздания Польши в границах Речи Посполитой 1772 г., то избежать территориального спора никакой возможности не было.

Обращение обошло вниманием и вопрос о внешнеполитической ориентации независимой Польши. Учитывая неизбежность территориального спора, трудно было ожидать, что Польша, даже демократическая, станет союзницей демократической России. Более того, депутаты Петросовета от имени России фактически отказывались от участия в решении судьбы ее польской провинции, признавали за польским вопросом статус открытого.

16 (29) марта последовало воззвание Временного правительства «Поляки». Относительно инициаторов этого шага существуют самые различные мнения. Одни приписывают его Р. Дмовскому, действовавшему через британский МИД⁷, а А. Ледницкий, известный московский адвокат польского происхождения, считал появление воззвания исключительно своей заслугой⁸. Авторы «Поляков», как и разработчики обращения Петросовета, в начале документа ссылались на волю революционной России, признавали за польским народом право «собственной волей определять судьбу свою». А вот дальше начинались расхождения. Во-первых, право на независимое существование признавалось за поляками всех «земель, населенных в большинстве польским народом», то есть и за поляками Австро-Венгрии и Германии. Тем самым Временное правительство вслед за Николаем II заявило о намерении аннулировать все договоры о разделе Речи Посполитой.

В полном соответствии с нормами функционирования современного государства Временное правительство, будучи органом, созданным для управления Россией до момента конституирования ее нового устройства, оставляло окончательное решение вопроса об изменениях «государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши из всех трех ныне разрозненных частей ее» на усмотрение Учредительного собрания⁹.

При таком решении польского вопроса, понимаемого как признание права всех трех частей разделенного польского народа на объединение и создание независимого государства в этнических границах, будущие отношения между Польшей и Россией, скорее всего, имели бы мирный характер. Следует напомнить, что эта позиция Временного правительства полностью совпадала с подходом США и держав Антанты к вопросу о территориальном переустройстве Центральной и Юго-Восточной Европы. Как известно, в 1917–1919 гг. великие державы отдавали предпочтение этническому, а не историческому принципу при проведении новых границ¹⁰.

Авторы воззвания понимали, что воссозданная по этническому принципу Польша будет небольшим государством, с территорией порядка 120–150 тыс. км². Лишенная стратегического пространства, она не могла бы самостоятельно противостоять Германии и Австро-Венгрии (вопрос о судьбе последней еще не был решен союзниками), нуждалась бы в сильном покровителе из числа ближайших соседей. Было бы странным, если бы Временное правительство, заботящееся о безопасности России, позволило будущей Польше выбирать патрона самостоятельно. Поэтому оно открыто извещало, что считает условием предоставления Польше независимости ее соединение «свободным военным союзом» с Россией, чтобы

польское государство превратилось в «твердый оплот против напора средних держав на славянство»¹¹. Тем самым решение польского вопроса объявлялось исключительной прерогативой России. В целом же изложенная в воззвании Временного правительства программа решения польского вопроса в полной мере учитывала национальные интересы России.

О серьезности намерений Временного правительства в польском вопросе свидетельствует создание при нем Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, наделенной необходимыми полномочиями в решении всех вопросов будущего польско-российского разъединения¹². В ее состав на паритетных началах входили представители российских министерств, чаще всего в ранге вице-министров, а также различных польских общественных и политических организаций в России. Такой состав позволял комиссии реально вести учет польской собственности и культурных ценностей, перемещенных властями в империю после разделов Речи Посполитой и во время эвакуации Царства Польского, а также защищать интересы многих сотен тысяч польских беженцев в России.

Занятая Временным правительством в польском вопросе позиция решительно склонила чашу весов в ориентационном споре эндеков и пилсудчиков в пользу первых. Кроме того, она позволила державам Антанты и США активизировать свою польскую политику, сделать ее более независимой от России. В июне 1917 г. Франция согласилась на формирование на своей территории союзной польской армии, в августе—декабре того же года союзники признали Польский национальный комитет в Париже во главе с Р. Дмовским в качестве официальной польской организации. Самостоятельные польские воинские части начали формироваться и в России. Как развивался бы польский вопрос дальше, можно только гадать, но совершенно очевидно, что в его решении в конце войны обязательно участвовала бы Россия. И маловероятно, что западные державы не учли бы на мирной конференции ее позиции относительно прохождения российско-польской границы. Однако решать польский вопрос от имени России пришлось другим политическим силам.

Постоянно углублявшемуся конфликту между двумя российскими властными центрами суждено было разрешиться большевистским переворотом в октябре 1917 г. Его вожди по своему прошлому опыту мало чем отличались от создателей Петровета. Так, В.И. Ленин впервые серьезно задумался о роли и месте государства лишь летом 1917 г. Но, к его чести следует сказать, что он очень быстро учился реальной политике. Это видно при сравнении двух относящихся к польскому вопросу основополагающих документов новой власти, к которым Ленин имел прямое отношение.

Уже на следующий день после взятия власти в Петрограде большевики в известном «Декрете о мире» предложили аннулировать «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединенная или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»¹³. Нельзя отрицать, что по отношению к Польше такой подход был равнозначен

признанию за всеми ее тремя частями права на объединение и независимость. Но в глобальном смысле в случае реализации этого декрета человечество ожидала бы нелегкая участь. Некоторое представление о грозившем ему в этом случае катаклизме дает трагедия Югославии в конце XX — начале XXI в.

Последующие документы советского правительства показывают, что это был «экспортный» рецепт решения национального вопроса, что вожди большевиков осознавали степень угрозы для самой России, исходившей от их предложения о переустройстве мира. Спустя неделю после «Декрета о мире» была обнародована «Декларация прав народов России», на первый взгляд столь же радикальная, как и «Декрет о мире». Она состояла из пространной преамбулы и четырех четко сформулированных основ деятельности Совнаркома по решению национального вопроса в России: равенство и суверенность населяющих ее народов; их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. Чаще всего исследователи ограничиваются рассмотрением именно этой части документа.

Однако не менее важна не только констатирующая часть декларации, но и ее преамбула. После дежурного осуждения национальной политики царизма и Временного правительства определялась суть деятельности Совнаркома в области национальных отношений — проведение «открытой и честной политики, ведущей к полному доверию народов России», а также ее цель — создание «честного и прочного союза народов России», ибо «только в результате такого союза могут быть спасены рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всех покушений со стороны империалистическо-аннексионистской буржуазии»¹⁴. Таким образом, подписавшие декларацию В. И. Ленин и И. В. Сталин не ставили целью нового руководства расчленение России по национальным швам. Исходя еще из своих довоенных подходов к национальной проблематике они провозглашали достижение единства рабочих и крестьян всех народов России как необходимое условие успешной защиты социальных завоеваний совершенно большевиками переворота. Тем самым они объявляли себя сторонниками сохранения России как многонационального государства и в будущем.

Поскольку из декларации трудно понять, о каких территориях России идет речь, невольно напрашивается вопрос: адресовалась ли декларация населению Царства Польского? Косвенным ответом на него можно считать воззвание исполнительного комитета и правления петроградской группы СДКПиЛ в России от 12 (25) ноября 1917 г. В нем, в частности, говорилось: «Только партия большевиков честно и открыто ставит вопрос о национальном освобождении Польши, и только Совет народных комиссаров провозгласил предоставление всей полноты прав народам, населяющим Россию, гарантировал широкие права для национальных меньшинств, в число которых входят поляки, населяющие восточные пограничные районы. Совет народных комиссаров честно и открыто поднял вопрос о демократическом мире, благодаря которому Польша перестает быть предметом дипломатического торга»¹⁵. Из этого воззвания следует, что Царство Польское не рассматривалось большеви-

ками как интегральная часть новой России. Но это вовсе не означало их отказа от участия в решении его судьбы в будущем, когда начнется горячо ожидавшаяся ими мировая революция. Для этого они считали нужным самым активным образом готовить польскую армию революции из поляков-беженцев. В декабре 1917 г. деятельность Ликвидационной комиссии была прекращена, а в январе 1918 г. ведение дел польских беженцев было поручено комиссариату по польским делам Народно-го комиссариата по делам национальностей.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство, не замеченное исследователями проблемы. При всем радикализме в вопросах внутренней и внешней политики большевики не пошли на одностороннее аннулирование договоров о разделах Речи Посполитой, как, впрочем, и других договоров, на основании которых Россия присоединяла окраинные территории.

До начала Брестской мирной конференции в декабре 1917 г. этого нельзя было делать помимо прочих соображений еще и потому, что вопрос о судьбе Царства Польского не мог не стать предметом торга. И действительно, в Брест-Литовске ему было уделено существенное внимание. По определению наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, заключенный там в марте 1918 г. договор оторвал Польшу от России¹⁶. Более того, Центральные державы настояли на том, чтобы советская сторона в течение полугода аннулировала все договоры о разделах Польши¹⁷. 6 апреля 1918 г. Регентский совет Польского королевства назначил А. Ледницкого (бывшего руководителя Польской ликвидационной комиссии, деятельность которой была прекращена в декабре 1917 г.) уполномоченным по делам опеки над польскими гражданами на территории РСФСР. В его обязанности вменялись реэвакуация беженцев, переговоры о судьбе имущества, фондов, вкладов и депозитов, собственности польского государства, гмин и публичных корпораций¹⁸. Однако советское правительство не торопилось признавать полномочия Ледницкого, поскольку ведение всех польских дел было передано созданному в начале декабря 1917 г. комиссариату по польским делам Наркомата по делам национальностей, который был наделен широчайшими полномочиями в деле организации всех сторон жизни поляков в Советской России¹⁹.

Лишь в июне 1918 г. Совнарком, идя навстречу «определенно выраженному желанию германского правительства» (т.е. помимо своей воли, под давлением Берлина), признал А. Ледницкого в качестве представителя польского Регентского совета, но лишь по вопросам реэмиграции польских беженцев. При этом он однозначно заявил о непризнании «существующего в Польше так называемого Регентского совета представителем воли польского народа», поскольку считает этот орган не чем «иным, как только органом германской оккупации»²⁰. Столь четко обозначенная позиция советского правительства чрезвычайно важна для понимания его поведения в конце 1918 г. при попытке установить дипломатические отношения с польским правительством Е. Морачевского. Что же касается взаимоотношений с миссией А. Ледницкого, то советская сторона и в дальнейшем всячески саботировала ее работу²¹.

Как показали дальнейшие события, навязанное РСФСР в Бресте решение польского вопроса оказалось для нее крайне неблагоприятным, особенно в связи с

тем, что Запад до конца 1919 г. не принял решения относительно прохождения польской восточной границы. Отказ России от договоров о разделе Польши дал возможность польским политикам требовать восстановления своего государства в границах 1772 г., то есть включения в ее состав территорий, которые, как показывала «Декларация прав народов России», большевики считали неотъемлемой частью российского государства. Это стало одной из причин начавшейся в феврале 1919 г. очередной польско-русской войны, которую в современной Польше вслед за доверенными пропагандистами почему-то называют польско-большевистской.

Итак, из трех властных центров, действовавших в России в ходе революционных событий 1917 г., наиболее взвешенный, бесконфликтный проект решения польского вопроса был предложен Временным правительством. Проекты Петро-совета и большевиков при некоторых различиях были все же родственны между собой, слабо учитывали возможные угрозы, порождаемые длительным вхождением бывшего Западного края Российской империи в состав I Речи Посполитой.

Окончание Первой мировой войны и становление Версальской системы. Довоенный европейский миропорядок держался на балансе сил пяти главных европейских держав: России, Германии, Австро-Венгрии, Франции и Великобритании. Заключенные в 1915-м — начале 1917 г. соглашения между ними, а также между ними и вовлекавшимися в войну Италией, Румынией, Болгарией свидетельствовали, что их руководители не собирались отказываться от проверенной практикой доктрины в пользу другой, учитывающей интересы как великих держав, так и всех других акторов мировой политической сцены. Иной позиции придерживались США, прежде всего президент Вудро Вильсон, считавший нужным подвести под послевоенный миропорядок новую основу. Особого внимания заслуживает вопрос о роли США в придании универсального характера принципу права наций на решение собственной судьбы. В 1916 г. в Вашингтоне активно обсуждался вопрос об участии США в войне в Европе, что противоречило всей предшествующей политике этой набиравшей мощь державы. Для того чтобы убедить американцев в необходимости отхода от доктрины Монро, нужны были сильные и, желательно, возвышенные аргументы. В феврале 1916 г. Хауз писал президенту В. Вильсону из Франции: «Ни один беспристрастный человек не поверит, что США разумно поступили бы, приняв участие в этой войне, если она не будет обоснована высшими человеческими побуждениями»²².

Вашингтон, не связанный союзническими обязательствами ни с одним из воюющих блоков, свободный от угрозы внутреннего сепаратизма, имел достаточно большую свободу в формулировании самых смелых проектов будущего устройства мира без войн. Первым демонстративным шагом в этом направлении можно считать речь Вильсона перед американской Лигой насаждения мира 27 мая 1916 г. В ней он впервые в числе принципов международных отношений назвал и такой, как право всякого народа «выбирать ту верховную власть, под которой он будет жить»²³. Его вполне можно было считать одним из вариантов провозглашавшегося либералами, пацифистами и революционерами, но отвергавшегося реальными политиками права наций на самоопределение вплоть до отделения.

Определенным рубежом в процессе конструирования нового миропорядка, который получил впоследствии название Версальской системы, стало выяснение

воюющими сторонами возможных условий будущего мира в конце 1916-го — начале 1917 г. Американцы вновь, правда, в недостаточно конкретной форме, заявили о праве малых наций и государств на самоопределение. Союзные державы в числе условий мирного урегулирования назвали: реорганизацию Европы, обеспеченную твердым соглашением, основанным в одинаковой мере на национальном принципе, на праве каждого народа — великого или малого — пользоваться полной безопасностью и свободой экономического развития; освобождение итальянцев, славян, румын, «чехословаков», нетурецких народов Османской империи от иностранного владычества; полное изгнание Турции из Европы; проведение в жизнь царского манифеста об освобождении Польши²⁴. Условия имели откровенно избирательный характер, касались только Центральных держав. Ничего не говорилось о формах освобождения угнетенных народов Австро-Венгрии и Турции, о том, смогут ли они создать независимые государства или ограничатся автономией. Если исходить из отождествления русского плана решения польского вопроса с освобождением, то речь шла только об автономии. Именно так понимали лондонские условия в Вене: территориальные уступки Румынии, Италии и Сербии и «полное преобразование двуединой монархии на началах федерализма»²⁵.

Определение Антантой позиции по принципиальным вопросам будущего мира позволило Вильсону сформулировать американское видение проблемы. 22 января 1917 г. в послании сенату США он предложил взять за основу прочного мирного урегулирования доктрину Монро, «а именно: ни одна страна не должна стремиться установить свой образ правления в другой стране или над другим народом; всякий народ должен быть свободен в определении своей собственной формы правления, собственных путей развития, беспрепятственно, безбоязненно, не подвергаясь угрозе, — малые народы наравне с великими и могущественными»²⁶. Позиция Вильсона, на первый взгляд, созвучна праву наций на самоопределение, но главная идея послания свидетельствовала, что в тот момент он склонялся к мысли о нежелательности каких-либо территориальных изменений в Европе по сравнению с довоенным периодом. Исключение делалось им только для Польши, поскольку на предоставление ей независимости согласились, хотя и на разных условиях, Австро-Венгрия, Германия и Россия.

Таким образом, к январю 1917 г. в лексиконе правительств государств Антанты и США можно было увидеть нечто подобное признанию в общей форме права народов на определение собственной судьбы, но конкретизировалась только готовность решить польский вопрос, правда, в составе России.

Занятая Временным правительством России позиция по польскому вопросу, придававшая ему открытый международный характер, встретила одобрение союзников. В течение лета и осени 1917 г. Западом были предприняты практические шаги по созданию условий для возрождения польского государства: началось формирование польских воинских частей в России и Франции, получил признание Польский национальный комитет в Париже во главе с Р. Дмовским в качестве представительства польского народа. Конечно, эти действия не были равнозначны завершению процесса международно-правового признания Польши как независимого государства, полноправного члена мирового сообщества. Пока что это была демонстрация намерений союзников и сигнал полякам Царства Польского не всту-

пать в союз с Центральными державами даже после того, как революционная Россия отказалась от своих прав на эту область и у них появилось законное основание для самостоятельного обустройства своей жизни. В 1918 г., уже после Октябрьского переворота в России, западные союзники стали определяться в вопросе границ будущей Польши.

8 января 1918 г. американский президент в 13-м пункте программы мира, сформулированной в послании конгрессу, представил свое видение проблемы следующим образом: «Должно быть организовано независимое Польское государство с включением в него территорий, населенных безусловно польским населением, причем этому государству должен быть обеспечен свободный и надежный выход к морю и его политическая и экономическая независимость и территориальная неприкосновенность должны быть обеспечены международным соглашением»²⁷. Спустя полгода, 3 июня, лидеры Франции, Великобритании и Италии Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джордж и В. Э. Орландо заявили, что «создание единой и независимой Польши с выходом ее к морю составляет одно из условий прочного и справедливого мира и восстановления права в Европе»²⁸.

Таким образом, в подходе к вопросу о границах Польши единодушия между союзниками не было. Если Вильсон высказывался за установление границ на основании этнографического принципа, то его европейские партнеры, особенно французы — сторонники опоры послевоенного мира на проверенные практикой принципы стратегического равновесия сил, избрали фигуру умолчания. Тем самым у поляков появлялась возможность поучаствовать в установлении границ своего государства, несмотря на то, что великие державы однозначно зарезервировали это право за собой.

Помимо весьма двусмысленно формулируемого права наций на самоопределение как одной из главных опор послевоенного мира англичанами и американцами было также предложено учреждение после войны всеобщей организации по поддержанию мира, получившей после ее создания на мирной конференции в Париже название Лиги наций. Однако французы, для которых целью войны было ослабление Германии всерьез и надолго, сомневались в эффективности подобной организации. В интересах собственной безопасности они последовательно проводили политику привязки к себе новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, стремясь возложить на них функции, прежде исполнявшиеся Российской империей. Одновременно Франция активно участвовала во внутрисоветском конфликте на стороне антибольшевистских сил и не возражала против помощи ей в этом деле лимитрофов. Сильные позиции на Парижской мирной конференции Франции, продолжавшей, пусть и неявно, политику стратегического баланса сил, давали новым государствам возможность добиваться решений территориальных вопросов, не всегда соответствовавших рассуждениям о высоких идеалах, под прикрытием которых победители осуществляли собственные стратегические планы. Причем и те, и другие делали это за счет как проигравших войну государств Четверного союза, так и своего вчерашнего союзника — России. Руководители независимой Польши поняли это достаточно быстро. Уже в апреле 1919 г. польский президент (премьер) Совета министров и министр иностранных дел И. Падеревский писал главе государства и главнокомандующему Ю. Пилсудскому, что держа-

вы сквозь пальцы смотрят на политику «свершившихся фактов»²⁹. Таким образом, создававшийся новый миропорядок изначально допускал достаточно большую степень свободы действий международного характера новых государств Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно Польши, в силу того, что она была обречена иметь общую границу с обеими державами-изгоями, то есть с Россией и Германией.

Возрождение Польского государства, трудности с определением границ. Возрождение Польского государства нельзя рассматривать как одномоментный акт. Это был длительный процесс, начавшийся с признания великими державами права всех или только «русских» поляков на различные формы самостоятельной организации их общественной жизни в конце 1916 г. и завершившийся в марте 1923 г. международно-правовым признанием границ Польской Республики. Внутри этого процесса легко выделяется несколько этапов, одним из которых стали события ноября 1918 г., связанные с формированием вместо нескольких региональных центров власти правительства в Варшаве, сумевшего в январе–феврале 1919 г. получить признание держав-победительниц. Одну из главных ролей на этом этапе сыграл Ю. Пилсудский. В силу целого комплекса объективных и субъективных причин он сумел стать центром консолидации основных политических сил, считавших создание и укрепление основ независимого государства первоочередной задачей нации³⁰.

Ему же принадлежала ведущая роль в решении, пожалуй, самой трудной для независимой Польши задачи — установления ее государственных границ. Дело в том, что в момент вымарывания с политической карты мира в последней трети XVIII в. Польша входила в состав Речи Посполитой, была ее стержнем, включала в свои административные границы не только этнически польские, но и восточнославянские земли. И при этом не существовала как самостоятельное государство. Но в общественном сознании поляков понятия «Польша» и «Речь Посполитая» были нераздельными. К тому же игнорировался очевидный факт, что за последние 123 года у непольского населения окраин бывшей Речи Посполитой произошли серьезные ментальные изменения. Особенно в восточных провинциях, где память большинства жителей о Речи Посполитой устойчиво ассоциировалась с шляхетским землевладением и всевластием, росло национальное самосознание украинцев, белорусов и литовцев и их стремление к созданию собственных национальных государств, а еврейское население, постепенно выходящее из кагалов, в большей степени тяготело к русской, а не польской культуре. Поэтому намерение создать Польшу в границах I Речи Посполитой с неизбежностью должно было породить на окраинах межнациональные конфликты в самой острой форме³¹. Да и владевшие ими прежде Германия и Россия (и красная³², и белая) не собирались отказываться от этих территорий, считая их своими по историческому праву (вхождение в состав Пруссии до разделов Речи Посполитой, преемственность с Киевской Русью).

Начавшийся в конце октября 1918 г. процесс освобождения польских земель от иноземного правления очень быстро показал, что на простое решение вопроса о границах рассчитывать не следует. Западные державы зарезервировали за собой право устанавливать линию разграничения между Польшей и соседями, причем намеревались сделать это в ходе мирной конференции, с началом работы которой они не спешили. До решений конференции территория независимой Польши ограничивалась лишь бывшим Царством Польским и западной частью австрийской

коронной земли — Галиции. Все другие территории, которые поляки считали своими, пришлось добывать с оружием в руках.

Восточной частью Галиции первыми овладели местные украинцы, установив в ночь на 1 ноября 1918 г. контроль над Львовом. Там была провозглашена Западно-Украинская народная республика. Начавшаяся вслед за этим польско-украинская война закончилась победой поляков лишь в середине 1919 г., во многом благодаря успехам Пилсудского в создании регулярной польской армии, а также использованию им, вопреки запрету держав, переброшенной из Франции «голубой» армии. Однако право Польши на Восточную Галицию было признано Антантой только в марте 1923 г.

Не удалась попытка мирно разделить Австрийскую Силезию с чехами, вспыхнувшая в январе 1919 г. краткосрочная война между двумя вновь созданными государствами закончилась поражением поляков³³.

Не менее сложно развивался процесс разграничения в бывших прусских землях Германии. Здесь у Варшавы не было возможности проявлять явную инициативу, в отличие от Австро-Венгрии Германия не распалась, ее правительство продолжало контролировать всю территорию страны. Полякам следовало или ждать не скорого решения миротворцев (оно было принято только в июне 1919 г.), или же, широко демонстрируя полное послушание воле союзников, негласно стимулировать на спорных территориях ирредентистское движение. При этом использовались создание здесь подпольных структур Польской военной организации (ПОВ), поставки оружия и засылка инструкторов и сотрудников II отдела Генерального штаба польских Вооруженных сил, специализирующихся на подрывной и диверсионной деятельности. С помощью восстаний, организованных при непосредственном, но неявном участии Варшавы, удалось уже в начале 1919 г. овладеть Познанщиной (Великой Польшей), а в 1921 г. и большей частью промышленного округа в Верхней Силезии³⁴.

Казалось, что безболезненнее всего был прорублен вдоль нижнего течения Вислы Гданьский/Данцигский коридор, обеспечивавший беспрепятственный доступ Польши к морю. Но это была обманчивая иллюзия, порожденная временной слабостью проигравшей войну Германии. Именно проблема Данцига и коридора послужит поводом для нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., открывшего второй акт величайшей трагедии XX в. под названием мировая война. Плебисцит на спорных территориях в Восточной Пруссии в июле 1920 г., несмотря на активность польских спецслужб, завершился проигрышем Польши.

Неизбежность спора о восточных границах Польши. Что касается восточной границы, то если бы Россия после революций 1917 г. не погрузилась в смуту, у Польши не было бы ни малейших шансов на получение территорий к востоку от бывшей границы Царства Польского. Гражданская война в России, казалось, давала Польше уникальный шанс без особого риска решить несколько жизненно важных вопросов. Во-первых, основные политические силы России, вовлеченные в борьбу за овладение Москвой и Петроградом, не имели возможности контролировать развитие ситуации на окраинах бывшей империи Романовых. В условиях вакуума власти национальные окраины превратились в своеобразную «серую зону». Здесь вырвавшиеся наружу социальные и национальные противоречия раскололи местные по-

литические элиты на противоборствующие лагеря. Каждая из них, не будучи в состоянии прочно удерживать власть, искала помощи со стороны внешних сил. Сторонники большевизма ориентировались на Советскую Россию, их противники искали помощи у Антанты, США, Германии, а некоторые и у Польши, сумевшей достаточно быстро добиться относительной внутривнутриполитической стабильности и признания великими державами. Вследствие этого у Польши появлялась реальная возможность активно поучаствовать в создании в Литве, Белоруссии и на Украине дружественных режимов, одновременно с этим обеспечивая себе важнейшее условие стратегической безопасности.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания неизбежности возникновения польско-русского вооруженного конфликта 1919–1920 гг. Накопленный Европой к 1918 г. опыт показывал, что малые государства лишены возможности проведения сколько-нибудь самостоятельной внешней политики и могут обеспечивать свою безопасность лишь с помощью великих держав, расплачиваясь за это частью своего суверенитета. Объявление США и Антантой, что главным принципом переустройства восточной части Центральной Европы и Балкан будет учет этнического состава населения, означало, что Варшава может распространить свой суверенитет на относительно незначительную территорию, не превышающую 150 тыс. км², с населением менее 20 млн человек. Такие территориально-демографические параметры не позволили бы Польше надежно обеспечивать собственную безопасность, имея соседями крупнейшие европейские державы — Россию и Германию³⁵. Поскольку возможность приращения территории Польши за счет Германии была невелика, оставалось только восточное направление. Такому выбору способствовал и отказ руководителей Англии, Франции, Италии и США от решения вопроса о восточной границе Польши в надежде на благоприятный для антибольшевистских сил исход гражданской войны.

В сложившейся ситуации у Варшавы теоретически были два варианта действий. Можно было вместе с западными союзниками ждать победы белых и по мере сил помогать им в их борьбе с большевиками. Но тогда полякам не на что было надеяться, поскольку руководители белого движения в лучшем случае соглашались на вариант решения польского вопроса, предлагавшегося Временным правительством; то есть Польше пришлось бы ограничиться на востоке декабрьской 1919 г. линией Антанты (линия Керзона). Шанс на успех давал другой сценарий: пользуясь благоприятным моментом и не дожидаясь конца русской смуты, самостоятельно решить вопрос о восточной границе, одновременно содействуя созданию к востоку от нее независимых от России буферных литовско-белорусского и украинского государств. И такое решение глава государства и главнокомандующий польской армии Ю. Пилсудский принял уже в конце 1918 г.³⁶, в момент, когда у него еще не было союзников из числа влиятельных украинских, литовских и белорусских политиков.

Несомненно, это был существенный изъян его плана, поскольку занятие восточных земель польской армией могло трактоваться общественным мнением лишь как агрессия, нарушение права проживавших здесь народов на самоопределение. Вот если бы Пилсудский намеревался помочь созданию дружественных Польше национальных государств к востоку от этнически польских земель, то его действия могли трактоваться как агрессивные только сторонниками большевиков и белых.

Но тогда ему не удалось бы обеспечить безопасность Польши так, как ее тогда понимали. В течение всего 1919 г. Пилсудский будет искать союзников на востоке, но достичь успеха он смог лишь на украинском направлении (вряд ли кто-нибудь серьезно воспринимал С. Булак-Балаховича в качестве белорусского лидера). Поэтому для оправдания действий польской армии на востоке чаще всего использовался аргумент о польском характере занимаемых территорий, правда, не столько в этническом, сколько в культурном понимании этого слова.

Дата принятия Пилсудским решения о войне на востоке чрезвычайно важна для понимания развития отношений между новым российским государством и возрожденной Польшей. Хорошо известно, что большевистское руководство с момента прихода к власти сформулировало задачу переноса пролетарской революции в развитие государства Западной Европы, в том числе и на штыках Красной армии. Но одно дело — планы, особенно у людей, впервые вставших к рулю государственного управления, а другое дело — их реализация. Прежде чем начать зарубежный поход, Красной армии нужно было еще победить в гражданской войне. Поэтому и в 1918, и в 1919 г. в центре внимания Кремля были фронты гражданской войны. Поскольку РСФСР до 1920 г. не признавала за окраинными территориями, кроме Польши, права на отделение, ее руководители рассматривали усилия по установлению там советской власти не как зарубежный военный поход, а как элемент гражданской войны. Конечно, в свете лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, пропагандой которого они активно занимались до прихода к власти, это была агрессия. Несомненно, большевики это понимали и, чтобы избежать обвинений в русском империализме, пошли на создание по периметру Великороссии с помощью своих местных единомышленников советских национальных государств — прибалтийских, белорусского, украинского, закавказских, Туркестана³⁷. Поэтому ведение военных действий в этих регионах Кремль объяснял не национальностями, а социальными конфликтами, и даже на словах соглашался на проведение там плебисцитов трудящихся. Что же касается этнографической Польши, то большевики ни в 1918-м, ни в 1919 г. не имели конкретного плана вторжения на ее территорию. Для них в тот момент было важнее установление советских режимов в Прибалтике, особенно в Литве, непосредственно граничившей с Германией, на чей пролетариат они возлагали особые надежды³⁸.

Таким образом, территории, лежащие между РСФСР и Польшей, рассматривались ведущими политиками этих стран как важные направления их политики, как составные части их планов упрочения позиций своих государств, а проживавшие здесь народы трактовались по преимуществу утилитарно, их мнением относительно собственной судьбы ни в Москве, ни в Варшаве не интересовались.

Принятое Пилсудским решение воевать за территории с армиями РСФСР, ЗУНР и УНР предопределило неудачу предпринятой советским руководством в ноябре—декабре 1918 г. попытки установить с Польшей дипломатические отношения. Как уже отмечалось выше, в июне 1918 г. СНК РСФСР под давлением немцев допустил А. Ледницкого к занятию делами польских беженцев, однако отказался признать Регентский совет польским правительством. С окончанием мировой войны советское правительство сочло Брестский мирный договор с Германией ничтожным, полномочия Ледницкого были прекращены, формально это сделал Комитет польских беженцев, контролировавшийся СДКПиЛ.

Узнав о создании в Люблине 7 ноября 1918 г. левого Народного правительства во главе с лидером польских социалистов в Галиции И. Дашиньским, советское правительство посчитало, что в Польше победила социалистическая революция. В связи с этим СНК РСФСР по радио предложил Польше установить дипломатические отношения и принять в качестве его дипломатического представителя известного польского социал-демократа Ю. Мархлевского. Однако советское предложение не было принято. Опубликованный 11 ноября в «Мониторе польском» «временный» отказ был мотивирован необходимостью «защитить польские интересы в России», а также сложившейся международной обстановкой³⁹. Первый мотив звучит довольно странно, поскольку польские интересы в России успешнее всего можно было бы защищать с помощью дипломатической миссии в Москве. 26 ноября Л. Василевский, министр иностранных дел в правительстве Е. Морачевского, в решительной форме потребовал предоставить полную свободу членам миссии А. Ледницкого (хотя они не были арестованы) и снять арест с ее имущества и архива. С этого момента начался регулярный обмен нотами между НКВД РСФСР и польским Министерством иностранных дел. В подготовленной в 1920 г. в ведомстве Наркомата по иностранным делам справке «Основные моменты отношений Советской России к Польше» этот спор о судьбе миссии Ледницкого приводится в качестве первого случая недобрососедского отношения Польши к РСФСР⁴⁰.

Несомненно, причина нежелания Варшавы устанавливать дипломатические отношения с Москвой, выраженного еще до того, как бразды правления страной перешли в руки Пилсудского, крылась в неопределенности международного положения самого польского правительства. Регентский совет и его кабинеты, так же как и Люблинское правительство, Антанта не признавала. Впрочем, не признавала она и советское правительство России, которое к тому времени существовало уже целый год. Признание РСФСР против воли Антанты грозило зачислением польского правительства в число врагов великих держав, а от них зависело и международное признание самой Польши, и предоставление ей необходимых финансовых и материальных средств для ведения войны на востоке⁴¹.

Боевые действия в 1919 г. на Волыни и в Белоруссии. До второй половины февраля 1919 г. на западном театре военных действий — от Эстонии на правом фланге до Белоруссии на левом — было сосредоточено несколько достаточно слабых советских армий. Приказ о занятии территорий до линии Поневеж—Вильно—Лида—Барановичи—Пинск советская Западная армия получила 12 декабря 1918 г. Его выполнение не составило большого труда, поскольку армия просто следовала за эвакуирующимися отсюда немецкими войсками, временно оставленными здесь по решению победителей. 5 января 1919 г. части Западной армии заняли город Вильно, который после его оставления немцами взяли под свой контроль отряды местной польской самообороны. К 15 февраля Западная армия достигла заданного рубежа, и начальник штаба ее реввоенсовета Костяев обратился к Г. В. Чичерину с просьбой, весьма неожиданной с точки зрения тех историков, которые считают, что советская сторона имела конкретный план советизации Польши: «Военная обстановка позволяет дальнейшее продвижение, особенно на Брест-Литовск и Ровно, но политическая обстановка, главным образом со стороны Польши, остается неопределенной, посему благоволите указать, до какой линии или до каких пунктов считаете возможным наше продвижение, не нарушая политических соот-

ношений, а также определить восточные границы Польши, которые для военного командования остаются совершенно неизвестными»⁴².

Таким образом, если Пилсудский определил для себя цели войны на востоке уже в 1918 г., то советское командование до середины февраля 1919 г. никаких директив насчет Польши не выработало и в войска не спустило. Директива Главного командования РККА о создании единого фронта на западном ТВД была издана лишь 12 февраля 1919 г., а его весьма умеренные задачи были определены еще позже, 22 февраля⁴³. Что касается Пилсудского, то он уже 8 февраля при поддержке Франции заключил с немецким командованием в Белоруссии соглашение о беспрепятственном пропуске через занятые немецкими войсками территории польских воинских частей, чтобы они могли войти в боевое соприкосновение с Красной армией. 13 февраля 1919 г. в окрестностях Барановичей произошло столкновение польских и советских войск, и в плен к полякам попали первые 80 красноармейцев. Этот момент можно считать началом необъявленной польско-советской войны, которая продолжалась 20 месяцев и велась главным образом на территориях, которые не были ни польскими, ни русскими.

Ход военных действий ранней осенью и зимой 1919 г. достаточно полно воссоздан усилиями польских и советских историков. Изучением военных и политических аспектов польско-советской войны начали заниматься сразу же после ее окончания и продолжают делать это и поныне. Тем более что в распоряжении исследователей оказывается все больше архивных документов, позволяющих более обстоятельно постигать подлинные, а не пропагандистские мотивы главных действующих лиц этого конфликта, а прошедшие после ее окончания многие десятилетия создают необходимую временную дистанцию для написания подлинно научных, а не научно-публицистических трудов⁴⁴.

В связи с этим есть возможность ограничиться трактовкой отдельных моментов советско-польского конфликта, важных для понимания непростых в будущем отношений Польши с восточными соседями, а также его нестандартного характера с точки зрения «классических» войн XX в.

Несомненно, первым знаковым моментом было занятие польскими войсками Вильно 19 апреля 1919 г. Это был город, на обладание которым претендовали три народа: литовцы, белорусы и поляки. У каждого претендента были свои аргументы, а у Пилсудского еще и личные мотивы — это был его родной город. Силовое решение вопроса о Вильно закрыло для Варшавы путь к взаимодействию с литовской и белорусской политическими элитами, без чего проблематичным становилось создание в будущем союзного Польше литовско-белорусского государства. Более того, оно подтолкнуло Литву к сближению с РСФСР, завершившемуся в июле 1920 г. подписанием Московского договора, признававшего право Литвы на Вильно.

Зато стала вырисовываться перспектива налаживания взаимодействия с С. Петлюрой. Головному атаману, которому приходилось вести борьбу и с УССР, и с Добровольческой армией А. И. Деникина, в отсутствие международного признания УНР как воздух была нужна Польша, главная на тот момент сила в восточной части Центральной Европы. Но в январе 1919 г. произошло объединение УНР и ЗУНР, что автоматически вовлекало УНР в непримиримый конфликт с Польшей. Возможность для сближения появилась во второй половине 1919 г., после того как польская

армия с согласия Верховного совета Антанты оккупировала Восточную Галицию, правда, пока что на 25 лет. Состоявшиеся в августе 1919 г. в Варшаве польско-украинские переговоры завершились устным соглашением, по которому УНР уступала Польше Восточную Галицию и Западную Волинь, то есть те территории, которые согласно плану Пилсудского должны были инкорпорироваться непосредственно в состав Польши. Взамен польская сторона обязалась помочь УНР в борьбе с УССР. Это был второй знаковый момент в развитии польско-советских отношений в 1919 г. На Украине в отличие от Литвы и Белоруссии Пилсудскому удалось обеспечить условия для реализации своего проекта. Правда, сделать это можно было не сразу. Дело в том, что летом 1919 г. Добровольческая армия двинулась в поход на Москву, и Украина оказалась в полосе ее наступления. У Петлюры не было достаточного количества войск для борьбы с Деникиным, а Польша не могла прийти ему на помощь, поскольку это было бы равнозначно ее конфликту с Антантой.

В августе 1919 г. польская армия заняла Минск, вышла на линию Березины. Казалось бы, учитывая договоренности с Петлюрой, Пилсудский овладел всеми территориями на востоке, без которых не считал возможным обеспечить безопасность Польши, то есть успешно реализовал свой восточный проект⁴⁵. Но вопрос о буферной зоне между Польшей и Россией оставался открытым, а это означало, что на самом деле план Пилсудского был выполнен только наполовину.

Именно по этой причине ему не был нужен мир с РСФСР, но вместе с тем не имело смысла двигаться дальше, на Москву, хотя силы у него на тот момент были немалые⁴⁶.

Белая Россия в восточной политике Пилсудского. Не мог Пилсудский заключить мир с РСФСР еще и потому, что западные державы именно летом 1919 г. были полны оптимизма относительно перспектив победы белого движения. Пилсудского же такой исход гражданской войны в России не устраивал, поскольку и А. В. Колчак, и А. И. Деникин в отличие от большевиков ни о каких территориальных приращениях Польши сверх ее этнических границ не хотели слышать. В случае победы белых все достижения Пилсудского, может быть, за исключением Восточной Галиции, пошли бы насмарку. Для выполнения задуманного восточного проекта Пилсудскому нужна была победа красных, а не белых⁴⁷. И это легко объясняется тем, что при всей нелюбви⁴⁸ к большевикам он в Белоруссии и на Украине боролся не с большевизмом, а за стратегические границы Польши, за ее безопасность в будущем⁴⁹.

1919 год был для советской власти самым трудным за все время гражданской войны. Иногда казалось, что ее может спасти только чудо. Поэтому большевики были согласны на любые территориальные уступки за счет нерусских территорий, лишь бы завершить конфликт на западе и высвободить силы для борьбы на Восточном и Южном фронтах. И Пилсудский вошел в их положение. Именно к лету и осени 1919 г. относится третий знаковый момент в развитии отношений Польши и РСФСР в 1919 г.

Следует сказать, что Москва и после начала необъявленной войны в Белоруссии и на Волини не прекращала попыток вступить с Варшавой в политический диалог на предмет прекращения конфликта на весьма выгодных для нее условиях. В марте 1919 г. Москва охотно приняла миссию Венцковского, хотя этот послан-

ник Польши и не имел полномочий на ведение политических переговоров и интересовался исключительно судьбой миссии Ледницкого и польских заложников в России. Летом 1919 г. прошли переговоры делегаций обществ Красного Креста Советской России и Польши, и вновь по гуманитарным, а не политическим вопросам. В начале сентября по приказу Пилсудского армия и действовавшая на Украине и в Белоруссии нелегальная Польская военная организация прекратили активные действия против Красной армии, а Москве дали знать, что готовы возобновить переговоры делегаций обществ Красного Креста. Эти начавшиеся в октябре в условиях абсолютной секретности и продолжавшиеся до декабря 1919 г. переговоры в Микашевичах, на небольшой железнодорожной станции в Полесье, на польской стороне фронта, сопровождались политическим диалогом. Пилсудский не хотел, чтобы о них знали западные союзники и польские политики. Ведь официально польское военное командование демонстрировало готовность поддерживать контакты с Деникиным, в его ставку было направлено несколько польских делегаций. Но от практического сотрудничества с «белой» Россией Пилсудский в 1919 г. воздерживался, поскольку ни Колчак, ни Деникин не соглашались признать Польшу вне ее этнографических границ⁵⁰.

На этот раз переговоры были результативными⁵¹. Пилсудский, поставив ряд жестких условий военного характера, дал слово руководителю советской делегации Ю. Мархлевскому при их соблюдении советской стороной не вести активных наступательных действий на Литовско-Белорусском фронте⁵². Но сделанное через Мархлевского советское предложение начать мирные переговоры польская сторона проигнорировала⁵³.

Военная, дипломатическая и пропагандистская подготовка Польши и советской России к решающему столкновению в 1920 г. Негласное перемирие отвечало интересам обеих сторон. Зима в тот год началась на месяц раньше обычного, и плохо экипированной, испытывающей трудности с продовольствием (1919 год был в Польше неурожайным) польской армии нелегко было бы вести активные боевые действия. Солдаты старших призывных возрастов, участвовавшие в мировой войне, воевали неохотно, поэтому следовало призвать в армию как можно больше молодежи, а на ее обучение требовалось время. Необходимость наращивания численности армии была вызвана тем, что на весну, когда растает снег и высохнут грунтовые дороги, Пилсудский планировал крупное наступление на Украину. Его целью был трансферт Петлюры с помощью польской армии на Украину с тем, чтобы он создал на не отданной Польше территории Правобережья Днепра независимое от России и дружественное Польше украинское государство. Самостоятельно сделать это Петлюра, укрывшийся с частью своей армии на занятой поляками Волыни, в силу малочисленности войск не мог. Лишь после воссоздания УНР и укрепления его позиций на Украине можно было считать завершенным начатое Пилсудским в 1918 г. эпохальное дело обеспечения безопасности Польши от угрозы с востока. Не случайно в Микашевичах он требовал от советского правительства отказа от военных действий против Петлюры.

В конце 1919 г. Советская Россия могла наконец вздохнуть свободнее. Армии Деникина были разбиты, противник очистил Украину, в Киеве в очередной раз была восстановлена советская власть. Реальную угрозу представляли две силы. Во-пер-

вых, остатки Добровольческой армии на юге России. Для ликвидации этого последнего серьезного очага Белого движения в европейской части России нужны были значительные силы⁵⁴.

Во-вторых, группировка польских войск в Белоруссии, в непосредственной близости от РСФСР, в состав которой в то время входили Могилевская и Витебская губернии. В советском руководстве ожидали, что в отсутствие мирного договора с Польшей Пилсудский в любой момент может возобновить наступательные операции⁵⁵, поэтому в 1920 г. сюда, как и на врангелевский фронт, стали перебрасываться высвободившиеся на других фронтах боеспособные части с задачей надежно прикрыть смоленское направление.

Кремль опасался не только новых наступательных действий польской армии, но и их координации с белым движением, тем более что в Польше в середине декабря был сформирован кабинет Л. Скульского, расценивавшийся в Москве как свидетельство ослабления позиций Пилсудского и возрастание опасности поворота Польши к политике «уничтожения большевизма, содействия Деникину»⁵⁶. Нужно было вывести Польшу из игры, но не военными, а мирными средствами. Эта задача была возложена на советскую дипломатию, которая должна была склонить Польшу к миру. Уже к последней декаде декабря 1919 г. в Москве было принято решение обратиться к Варшаве с мирным предложением. Публичный характер обращения должен был способствовать активизации деятельности левых сил в Польше за прекращение войны⁵⁷, а также «затруднить действия сторонников активной политики против нас и соглашения с Деникиным»⁵⁸.

22 декабря по радио была передана соответствующая нота польскому правительству, не содержащая, естественно, конкретных мирных предложений. Так началось советское «мирное наступление» первых месяцев 1920 г. По времени оно совпало с началом пересмотра Антантой прежнего курса в русских делах. Вместо дальнейшей финансовой и материальной поддержки Белого движения великие державы склонялись к идее окружения Советской России своеобразным санитарным кордоном (по терминологии Ж. Клемансо, «колючей проволокой») из сопредельных стран. Эта политика должна была также помешать сближению и взаимодействию РСФСР и Германии, двух изгоев международной политической сцены.

Варшава попала в затруднительное положение, поскольку советская нота содержала мотивированное обвинение польского правительства в нежелании заключать мир⁵⁹. Согласие на переговоры означало бы для Пилсудского конец его восточного проекта. Но на такой шаг он в тот момент еще не был готов, весь предыдущий год был временем триумфа польского оружия на польско-советском фронте. Поэтому было избрана тактика затяжки ответа. А в предварительном ответе польского правительства на ноту Чичерина было сказано, что оно не может дать определенный ответ без консультации с союзниками. Одновременно польское правительство развернуло пропагандистскую кампанию, убеждая общественность и руководителей стран Антанты в том, что советское руководство усиленно готовится к нападению на Польшу и военному походу в Европу, что с ним нельзя заключать договоры, ибо оно их не соблюдает, сговаривается с Германией и т.д. Лейтмотив же был один: Польша без помощи великих держав деньгами, продовольствием и оружием в этом столкновении не устоит⁶⁰.

В Москве скоро поняли, что в условиях относительного затишья на советско-польском фронте как подтвердить, так и опровергнуть утверждения польской пропаганды сложно. Нужна была более конкретная демонстрация советского миролюбия, причем на уровне выше НКВДовского. 27 января Совнарком создал комиссию в составе В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. В. Чичерина для обсуждения обращения к польскому правительству, а также поручил направить текст обращения во ВЦИК⁶¹. На следующий день обращение СНК к правительству и народу Польши с изложением основ своей польской политики было передано в Варшаву. Обращение содержало четыре принципиальных положения: безоговорочное признание независимости и суверенитета Польши; соблюдение нерушимости нынешней линии прохождения фронта в Белоруссии и на Украине; отказ от заключения договоров с Германией и другими странами, прямо или косвенно направленных против Польши; готовность мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений решать все вопросы двусторонних отношений, включая территориальные и экономические⁶². 2 февраля эти предложения СНК были подтверждены ВЦИКом. 19 февраля правительство УССР также выразило желание начать мирные переговоры на основании предложений СНК РСФСР. Несомненно, советская сторона сделала сильный ход, публично отказавшись от территорий, которые считала своими по историческому праву. Но этот шаг ровным счетом ничего не изменил. Пилсудский ждал весеннего тепла, чтобы продолжить реализацию своего восточного проекта. Непосредственная граница с РСФСР и УССР ему была не нужна, поэтому излишними были и переговоры. В связи с этим во взаимоотношениях с Советской Россией следовало по возможности долго сохранять ситуацию неопределенности. Этому помогало и то, что западные союзники никак не могли определиться: мириться Польше или воевать с советскими республиками⁶³.

В феврале — марте 1920 г. в Варшаве шла неспешная разработка ответных пред-варительных мирных предложений. Наконец, 8 марта состоялось закрытое заседание польского кабинета для выработки требований на мирных переговорах с советским правительством. Программа-максимум (допускавшая отказ от нее в ходе переговоров) предполагала восстановление границ 1772 г., программа-минимум имела целью обеспечение Польше так называемой линии безопасности, проходящей между границей 1772 г. и актуальной линией фронта. Планировалось заключение военного союза с Петлюрой и оказание ему помощи в воссоздании УНР к востоку от течения Збруча, Стиря и даже Горыни. Восточную границу своего государства украинцы должны были отвоевать у России самостоятельно⁶⁴. По согласованию с Пилсудским правительство отказывалось от создания союзного с Польшей белорусского государства. Гродненщина и Виленщина безоговорочно передавались Польше, а на территории Минского округа и «других приобретенных территориях, расположенных восточнее его», планировалось сделать белорусам «уступки в области самоуправления и культуры». Фактически речь шла о какой-то форме культурно-административной автономии для земель, расположенных между инкорпорированными в состав Польши белорусско-литовскими землями и Советской Россией⁶⁵. Таким образом, правительство взяло на вооружение восточный проект Пилсудского, модифицированный с учетом невозможности создания союзного с Польшей литовско-белорусского государства.

Только 27 марта, через два месяца после советской инициативы, Польша дала согласие начать мирные переговоры в прифронтовой полосе, в Борисове, без прекращения «враждебных действий» на других участках фронта⁶⁶. Начался вялый диалог о месте и условиях переговоров, так и не закончившийся до начала польского наступления на Украине 25 апреля. Предложения о посредничестве, например, эстонского министра иностранных дел Бирка представителю Польши в Таллине Боуфалу отвергались с порога под тем предлогом, что «Россия на самом деле не хочет мира»⁶⁷. Одновременно с середины апреля польское военное командование приступило к непосредственной подготовке военной операции, в том числе подписав политический договор и военную конвенцию с Петлюрой. Показателем того, сколь огромное значение имело для Первого маршала Польши Пилсудского (именно такое звание было ему присвоено в марте 1920 г.) наступление на Украине, является его решение лично им руководить. До этого главнокомандующий руководил фронтовой операцией по занятию Вильно в апреле 1919 г.

Было бы неверно считать, что советская сторона все эти месяцы передышки не готовилась к эвентуальному возобновлению военных действий на польском фронте⁶⁸. Достигнутые к началу 1920 г. успехи в борьбе с Белым движением позволили существенно укрепить Западный фронт. В апреле его командующим был назначен М.Н. Тухачевский, хорошо зарекомендовавший себя на колчаковском фронте и заслуживший полное политическое доверие⁶⁹. Он решительно взялся за наведение порядка в войсках, пополнил их за счет дезертиров и местного призыва. В целом Западный фронт стал серьезной военной силой, способной вести не только оборонительные, но и наступательные операции.

Что касается группировки советских сил на украинском участке польского фронта (12-я и 14-я армии), то она, как и прежде, уступала по численности и огневой мощи противостоявшим ей трем польским армиям, а также находившимся под польским оперативным командованием украинским дивизиям.

Ход военных действий. 25 апреля началось подготовленное в обстановке полной секретности польское наступление на Украине, развивавшееся столь стремительно, что уже 7 мая передовые польские дозоры группы войск Рыдз-Смиглы на трамвае въехали в Киев, который Красная армия оставила без боя. Однако успех, казавшийся первоначально ошеломительным, на самом деле был половинчатым. Большая часть живой силы противника успела отступить за Днепр и в южном направлении. Подтвердилось сделанное в марте 1920 г. польским посланником в Париже М. Замойским наблюдение относительно изменения взгляда французского правительства на большевистскую систему: она приобретает национальный характер, и теперь польско-советская война ведется не в защиту Европы от большевизма, а за «разрешение чисто польско-большевистских споров»⁷⁰.

Советская сторона с самого начала апрельской кампании на Украине постаралась представить свои действия как защиту национальной русской территории от иноземного нашествия. В принятом 29 апреля обращении ВЦИК и СНК «Ко всем рабочим и крестьянам и честным гражданам России» (уже сам адресат был необычен для советской власти) и в решениях Политбюро ЦК РКП(б) от 4 мая непривычно для большевиков, пусть и не так четко, как в 1941 г., прозвучали патриотические нотки⁷¹. Несомненно, колоссальный резонанс имело широко распропаган-

дированное советскими СМИ по решению Политбюро письмо А. А. Брусилова Н. И. Раттелю от 1 мая 1920 г., в котором он говорил о неотложной необходимости в связи с иностранным нашествием «возбуждения народного патриотизма, без которого крепкой и боеспособной армии не будет»⁷².

Прекрасно проведенная польской армией наступательная операция на Правобережной Украине преследовала не столько военные, сколько политические цели. На Украине польские части, дойдя до Днепра, остановились, в Белоруссии наступление не планировалось, непосредственно советской власти поляки не угрожали, с Врангелем их действия скоординированы не были. Украинская кампания должна была обеспечить Петлюре возможность создать достаточно сильные институты не связанного с Россией украинского государства на оккупированных поляками части Украины. Но для этого ему не хватило популярности, сил и времени. К тому же неожиданно для себя польская армия, несомненно, существенно более сильная, чем в 1919 г., встретила с иным противником, нежели тот, которого она еще недавно так легко била.

В мае польские войска с трудом сдержали натиск советских частей в Белоруссии, в конце мая Красная армия перешла в наступление на Украине, завершившееся прорывом фронта и выходом 1-й конной армии С. М. Буденного в тылы польско-украинских войск. Началось польское отступление на Украине, вскоре превратившееся чуть ли не в паническое бегство. Возникла ситуация, очень напоминавшая апрельско-майское отступление красных войск на Украине: стремительно отступая, польская армия сохраняла живую силу, а тем самым и возможность, переформировавшись и пополнившись, перейти в контрнаступление.

В июле 1920 г. произошел ряд событий, существенно повлиявших на дальнейшее развитие отношений конфликтующих сторон. Поражение польской армии на Украине встревожило польские политические партии и заставило их изменить подход к восточной политике, которая с момента возрождения Польши находилась в исключительном ведении Пилсудского. Пока начальнику государства и главнокомандующему сопутствовал успех, его действия критиковали, слегка поругивали, но не блокировали. Теперь же, в условиях надвигающейся катастрофы польского государства, крупнейшие политические партии ответственность за восточную политику решили взять на себя. С этой целью 1 июля 1920 г. был создан чрезвычайный коллегиальный орган — Совет обороны государства (СОГ). Возглавил его, правда, Пилсудский, но не столько из-за своего авторитета, сколько по формальным критериям.

4 июля советские войска перешли в наступление в Белоруссии, на следующий день фронт неприятеля был прорван, началось его поспешное отступление.

6 июля СОГ телеграммой, а 9 июля премьер польского правительства В. Грабский лично обратились к лидерам Антанты, собравшимся на конференцию в бельгийском Спа, с просьбой посредничать в прекращении военных действий с советскими республиками. В. Грабскому пришлось выслушать много нелицеприятных слов в адрес польской восточной политики, но помощь Польше была обещана⁷³. 11 июля британский министр иностранных дел лорд Дж. Керзон направил СНК РСФСР ноту, содержащую достаточно благоприятные для советской стороны территориальные предложения относительно будущего разграничения. В основу была

положена линия Верховного Совета Антанты, выработанная в декабре 1919 г. Неожиданностью был отказ Польше в праве владения Восточной Галицией, отданной Антантой в декабре 1919 г. под польское управление сроком на 25 лет. Кроме того, Варшаве дали понять, что ни о какой независимой от России Украине не может быть и речи, в числе участников планировавшихся в Лондоне мирных переговоров Украина не упоминалась⁷⁴.

Успех на фронтах и нота Керзона требовали от Кремля ответа на некоторые принципиальные вопросы: до какого рубежа наступать, каков будет статус Польши после разгрома ее армии? Документы свидетельствуют, что по этим и другим вопросам в советском руководстве в начале июля не было согласия. Но различные мнения члены партии могли высказывать свободно только до принятия соответствующего решения одной из высших партийных инстанций. После этого полагалось строго его придерживаться. 17 июля пленум ЦК РКП(б), второй после съезда по значимости партийный ареопаг, в секретных, не подлежавших обнародованию тезисах записал: «Помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их помещиков и капиталистов». Это означало, что победили сторонники линии «советизации» Польши с помощью Красной армии. При этом они пытались сделать вид, что Польша будет полноценным государством, даже в более выгодных границах, нежели те, которые ей пыталась гарантировать Антанта устами Керзона. Пленум также отверг посредничество Лиги Наций и Великобритании, заявил о невозможности заключения перемирия с Врангелем⁷⁵. Тезисы свидетельствовали о решимости советского руководства продолжить боевые действия и на территории этнографической Польши.

23 июля решением Политбюро ЦК РКП(б) был создан Польский временный революционный комитет, тогда же Красная армия вступила на территорию этнической Польши. Казалось бы, финал затянувшегося польско-советского турнира близок и победителем в нем будут советские республики. Летом 1920 г. стороны конфликта поменялись ролями. Если в 1919 г. условия диктовал Пилсудский, то теперь с таких же позиций выступала советская сторона. В конце июля параллельно с непрекращающимися военными действиями возрастает дипломатическая активность конфликтующих сторон, существенно простимулированная нотой Керзона. 23 июля Г. В. Чичерин направил польскому министру иностранных дел Е. Сапеге ноту, извещавшую о поручении главному командованию Красной армии «немедленно начать с польским военным командованием переговоры в целях *заключения перемирия и подготовки мира* (выделено автором. — Г. М.) между обеими сторонами»⁷⁶. В тот же день советское главное командование известило польское главное командование о получении распоряжения вступить с ним в переговоры «*о перемирии и мире* (выделено автором. — Г. М.)»⁷⁷. Отмеченные различия в текстах, как это ни парадоксально, отвечали интересам обеих сторон. Советская сторона, планировавшая вести переговоры о перемирии без остановки военных действий⁷⁸, считала, что это задание должно быть поручено военным, «без видных политиков», а мирные переговоры следует вести другой комиссии в другом месте⁷⁹. Утвержденные 31 июля Политбюро ЦК РКП(б) условия прелиминарного мира больше напоминали ультиматум поверженному противнику⁸⁰, и для их навязывания, конечно же, больше подходили военные.

В парламентских государствах военные не могут вести переговоры о прелиминарном мире, это прерогатива политических инстанций. Поэтому польская сторона получала возможность, не отказываясь от переговоров о перемирии, не давая военным мандата на ведение переговоров о предварительных условиях мира и тем самым затянуть их, получить время на переформирование, пополнение и довооружение армии, а затем попытаться переломить ситуацию на фронте в свою пользу⁸¹. Эту тактику поляки применяли до 17 августа 1920 г.⁸²

Тем временем положение на фронте стало меняться в пользу Польши. В начале августа польско-французское военное командование провело успешный маневр, позволивший польской армии оторваться от преследователя, перегруппировать силы и 12 августа начать длившееся почти две недели Варшавское сражение. Его судьба была практически предрешена 16 августа, когда в соответствии с утвержденным главнокомандующим Ю. Пилсудским планом специально созданная ударная группировка⁸³ прорвалась в тыл наступавших на Варшаву советских армий⁸⁴. Началось отступление сначала Западного, а в сентябре — и Юго-Западного фронта. В октябре фронт вернулся к рубежам, которые противоборствующие армии занимали на 25 апреля 1920 г.

Существенным новым моментом было только то, что теперь у Пилсудского не было свободы рук. Начавшиеся в августе 1920 г. в Минске мирные переговоры не были прерваны, но по обоюдному согласию сторон их перенесли в Ригу. 12 октября военные действия были приостановлены, а спустя шесть дней подписаны перемирие и прелиминарные условия будущего мирного договора.

Рижский мир и его влияние на последующие двусторонние отношения. Советскую мирную делегацию в Риге возглавил лучший переговорщик НКВД А. Иоффе⁸⁵, польскую — вице-министр иностранных дел, член ПСЛ-«Пяст» А. Домбский. Именно этим двум руководителям пришлось решать все главные вопросы, по которым не было согласия в профильных комиссиях. Следует сказать, что обстановка в латвийской столице была иной, нежели та, которая, несомненно, имела бы место в случае, если бы переговоры проходили под диктовку польской или советской стороны. Это была дипломатическая баталия двух равных партнеров. И хотя все время, пока работала конференция, участников переговоров периодически будоражили слухи о скором возобновлении той или иной стороной войны, хотя дважды на советскую территорию из Польши прорывались войска С. Петлюры, Б. Савинкова, Б. Перемыкина, С. Булак-Балаховича, Ю. Тютиника, она неуклонно двигалась к успешному завершению.

Легче всего был достигнут компромисс в территориальном вопросе. Советская сторона без долгих споров согласилась уступить Польше значительные территории в Белоруссии и на Волыни. Это довольно важное обстоятельство, позволяющее думать, что советское предложение о линии границы между Польшей и советскими республиками от 28 января 1920 г. было искренним. Более того, Чичерин даже не исключал возможности того, что поляки потребуют больше, чем им предложила советская делегация⁸⁶. Seriously рассматривался вопрос о территориальной компенсации Польше за отказ от Браславского коридора, отделившего Литву от РСФСР⁸⁷.

Основные трудности возникли по вопросам, касавшимся суммы компенсации Польше за «активное участие земель Польской Республики в хозяйственной жиз-

ни бывшей Российской империи», а также численности передаваемого подвижного состава. Польская делегация настаивала первоначально на 300 млн золотых рублей и 509 паровозах. Несомненно, затягивание переговоров из-за финансовых вопросов сказывалось на решении других проблем мирного договора. Достаточно медленно решался вопрос о репатриации заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов. Соответствующий договор был готов уже в начале января 1920 г. Но его подписание Иоффе связывал с согласием поляков на продление срока предупреждения об отказе от перемирия. На это, по словам главы советской делегации, «поляки вполне резонно заявляют, что согласие их теперь на продление этого срока означает согласие на подписание мирного договора, по существу, в наших редакциях»⁸⁸. Польская же сторона связывала вопрос о продлении срока отказа от перемирия с достижением согласия относительно суммы компенсации и размеров передаваемого советскими республиками Польше подвижного состава. Лишь в феврале 1921 г. стороны сошлись на 30 млн руб. золотом и 300 паровозах (они согласились, что РСФСР и УССР вместо паровозов выплатят Польше 27 млн руб. золотом).

23 февраля 1921 г. Иоффе известил Москву, что в связи с тем, что не осталось «слишком больших разногласий при разрешении основных вопросов о золоте и подвижном составе», они с Домбским согласились на немедленное подписание «договора о репатриации со всеми соответственными протоколами (в том числе и о продлении срока отказа от перемирия) и инструкции пограничной комиссии»⁸⁹. Договор о репатриации был подписан 24 февраля 1921 г., а приступили к его исполнению в марте того же года. Следует ли критиковать участников переговоров, что материальные вопросы они поставили выше гуманитарных? С общечеловеческих позиций — да. Но вряд ли было бы правильным решение начать перемещение сотен тысяч людей в зимнее время. Как показал опыт обмена перечисленными выше категориями людей, ни советская, ни польская сторона не были к нему готовы.

Рижский мирный договор, подписанный 18 марта 1921 г.⁹⁰, поставил жирный крест на восточном проекте Пилсудского. Хотя и была создана достаточная с военной точки зрения «стратегическая область» на востоке, но Польша получила общую границу не с союзными ей Литовско-Белорусской и Украинской республиками, а с БССР, УССР и Литвой, имевшими к ней серьезные территориальные претензии. Таким образом, ее непосредственными соседями до 1939 г. стали Германия и советские республики СССР, считавшие себя обиженной поляками стороной. К тому же в составе Польши оказались миллионы украинцев и белорусов, не желавших подвергаться ни этнической, ни государственной ассимиляции, что существенно ослабляло ее внутреннее единство и сплоченность.

Дальнейшая история подтвердила правоту неблагоприятного для Польши прогноза, сделанного в мае 1919 г. Дж. Смутсом в письме Д. Ллойд-Джорджу: «Я убежден, что, неоправданно увеличивая Польшу, мы не только опровергаем приговор истории, но и допускаем кардинальную ошибку, которая еще отомстит в ходе истории. Новая Польша будет включать миллионы немцев (и русских) и округа с немецким населением (и русским) или же такие, которые долгое время были частью Германии (или России). Можно с большой долей уверенности полагать, что как Германия, так и Россия вновь станут великими державами и что зажатая между ними

новая Польша может процветать только при их доброй воле. Как можно в таких условиях ожидать, что Польша будет чем-то другим, нежели неудачным творением, даже если бы она имела способность к управлению и администрированию, а этой способности, как свидетельствует история, она не имеет. Даже сейчас, во время работы конференции, поляки сопротивляются великим державам, а что будет в будущем, если произойдет раскол держав или если они столкнутся друг с другом? Я убежден, что мы строим замки на песке...»⁹¹.

Судьба советских и польских военнопленных. Польско-советская война, длившаяся в общей сложности 20 месяцев, стала тяжелым испытанием для обеих сторон. В ее ходе задерживалась конверсия экономики, с 1914 г. работавшей главным образом на нужды армии, страдала территория, охваченная боевыми действиями. Особенно значительными разрушения были в областях, оккупированных поляками. По ним война прокатилась как минимум трижды. Но самым болезненным последствием войны была гибель людей. По официальным данным, безвозвратные потери польской армии в 1918–1921 гг. составили более 50 тыс. человек⁹², львиная их доля пришлось на войну с советскими республиками. Одновременно гибло и гражданское население. Число безвозвратных потерь Красной армии точно не установлено из-за отсутствия достоверных источников⁹³.

Война породила еще одну проблему, до настоящего времени не получившую удовлетворительного решения. Речь идет о нелегкой судьбе советских и польских военнопленных. По данным оперативного отдела польского главного командования, всего за время боевых действий в плену у поляков побывало не менее 206 877 военнослужащих Красной армии, около 157 тыс. из них было направлено в стационарные лагеря военнопленных⁹⁴. Разница в цифрах возникла по многим причинам. Так, во время Киевской операции в апреле—мае 1920 г. часть пленных отпустили: местных — по домам, а других — в пропагандистских целях, для доказательства, что поляки пленных не расстреливают⁹⁵. Около 7 тыс. пленных Красной армии удалось отбить в ходе контрнаступления на Украине. Во время успешного наступления в августе—октябре 1920 г. поляки практиковали оставление на поле боя раненых и рядовых красноармейцев⁹⁶. Их дальнейшая судьба неизвестна, кто-то добрался до своих или скончался от ран, но многие погибли от рук местных жителей⁹⁷. Есть немало свидетельств о расстреле сразу же после пленения⁹⁸. Кому-то, уже после включения в оперативные сводки, удалось бежать. Немалую часть захваченных в плен под Варшавой составляли возницы реквизированных для нужд армии лошадей и повозок.

По советским данным, на ноябрь 1922 г., когда кончилась официальная репатриация, на родину вернулось 75 699 красноармейцев и командиров⁹⁹. Судьба остальных более чем 80 тыс. пленных сложилась по-разному. Многие из них умерли от ран, недостаточной медицинской помощи, истощения, холода, эпидемий инфекционных заболеваний и т.д. К сожалению, до сих пор не обнаружены материалы Центрального бюро регистрации пленных польского Министерства военных дел. Поэтому никакие подсчеты количества умерших в плену красноармейцев не могут претендовать на точность. Если исходить из среднестатистической нормы смертности в 7% для пленных, зафиксированной в письме санитарного департамента военного министерства от 18 февраля 1920 г.¹⁰⁰, то умерших было бы около

11 тыс. человек. Однако достоверно известно, что только в лагерях в Стшалково и Тухоле умерло более 11,5 тыс. пленных красноармейцев, следовательно, умерших было существенно больше. Известно, что при эпидемиях смертность возрастала в 4–5 раз, до 30% и более¹⁰¹. В 1919–1921 гг. эпидемий было несколько, по крайней мере три. И каждая длилась 3–4 месяца. Если принять во внимание, что после начала массовой репатриации пленных красноармейцев в марте 1921 г. новых вспышек эпидемий не было, то из предшествующих 25 месяцев пребывания красноармейцев в плену на эпидемии придется не менее 9 месяцев. Путем несложных арифметических подсчетов можно ориентировочно установить, что могло умереть от 25 до 28 тыс. человек, то есть примерно 18% реально оказавшихся в плену красноармейцев¹⁰².

Не менее 30 тыс. военнопленных из Красной армии по разным причинам пошли служить в антисоветские формирования Б. Перемыкина, С. Петлюры, С. Булак-Балаховича, В. Яковлева, А. Сальникова. Некоторые из них осенью 1920 г. при попытке прорваться на советскую территорию погибли, сдались в плен или перебежали на сторону Красной армии, часть из отступивших в Польшу и интернированных вернулась домой после ноябрьской амнистии 1921 г.

Выходцы с территорий, отошедших по Рижскому миру Польше, в основной своей массе в советские республики не возвратились, так же как и около 1 тыс. интернационалистов (венгры, греки, итальянцы, чехи и словаки, румыны, прибалты, финны), освобожденных из лагерей еще в ходе военных действий. Порядка 7 тыс. пленных бежало из лагерей и рабочих дружин. Около 1 тыс. не пожелало возвращаться на родину.

Количество польских военнопленных в советских республиках составляло от 34 тыс. до 42 тыс. человек¹⁰³. Их судьба с момента пленения мало чем отличалась от судьбы пленных красноармейцев. Возможно, несколько лучше было отношение к рядовым в стационарных лагерях. Они рассматривались и советским руководством, и польскими коммунистами, которым была поручена политическая работа в лагерях, как потенциальные борцы за советскую Польшу. Далеко не удовлетворительными были питание, условия содержания, медицинское обслуживание. Всего в 1919–1921 гг. умерло не менее 2 тыс. человек.

На родину из плена в 1921–1922 гг. вернулось около 35 тыс. человек. Около 3 тыс. человек добровольно остались в советских республиках. Судьба примерно 2 тыс. бывших польских военнопленных неизвестна¹⁰⁴.

Следует сказать, что ни советская, ни польская сторона конфликта до сентября 1920 г. не проявила достаточного внимания к судьбе пленных. Ю. Мархлевский еще в июне 1919 г. разговаривал на эту тему с представителями польского правительства. Его собеседники соглашались принять в Польше представителя Российского общества Красного Креста, но поставили условие, что тот будет находиться под строгим надзором, дабы не вел пропаганды¹⁰⁵. Но на осенних переговорах в Микашевичах эта проблема не обсуждалась. Для поляков в 1919 г. она была второстепенной, поскольку в советский плен на тот момент попало не более 1,5 тыс. военнослужащих польской армии против 29 тыс. красноармейцев¹⁰⁶. Поэтому переговоры о военнопленных так и не начались, главной для участников встречи в Микашевичах была судьба заложников, желание скорее получить «наших»¹⁰⁷.

Лишь в сентябре 1920 г., параллельно с переговорами о прекращении войны и заключении прелиминарного мира, в Берлине встретились представители российского (РОКК) и польского (ПОКК) обществ Красного Креста. Было принято решение об организации опеки над пленными. Представителем РОКК в Польше стала известная польская правозащитница С. Семполовская, ПОКК — не менее известная российская правозащитница, жена М. Горького Е. Пешкова. Сторонами конфликта достаточно быстро был решен вопрос об их полномочиях и финансировании деятельности. Именно эти представители подготовили отправку первых эшелонов с пленными на родину в марте 1921 г. В апреле того же года в Варшаву, Москву и Харьков приехали польская и российско-украинская делегации Смешанной комиссии по делам репатриации, созданные в соответствии с договором о репатриации от 24 февраля 1921 г. Они и довели репатриацию до конца. До августа 1921 г., пока трудно решался вопрос о статусе дипломатических представительств, эти делегации выполняли и некоторые функции дипломатических миссий. Лишь в начале августа 1921 г. в Варшаву и Москву прибыли полномочные представители своих правительств — Л. Карахан и Т. Филипович с соответствующим аппаратом сотрудников. С этого момента начался новый, мирный, хотя и очень нелегкий этап в советско-польских отношениях.

¹ О деятельности Ю. Пилсудского в эти и последующие годы см. подробнее: *Матвеев Г.* Юзеф Пилсудский. М., 2008.

² *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 373–374.

³ Об этом со знанием дела писал германский генерал Э. Людендорф. См.: *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. I. С. 7.

⁴ См., напр.: *Яжборовская И. С., Парсаданова В. С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 13–16.

⁵ См., напр.: Российский государственный военный архив. Ф. 476. Оп. 2. Д. 39. Л. 98. А в Бразилии польские эмигранты потребовали от президента и парламента страны немедленно признать это государство. — Там же. Ф. 476. Оп. 1. Д. 39. Л. 44.

⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее: ДМИСПО). М., 1963. Т. I. С. 26.

⁷ *Micewski A. Roman Dmowski.* Warszawa, 1971. S. 234.

⁸ *Lednicki A.* Pamiętnik 1914–1918. Kraków, 1994. S. 80–82.

⁹ ДМИСТО. Т. I. С. 35–36.

¹⁰ Показательно в этом отношении заявление Д. Ллойд Джорджа на заседании имперского кабинета в марте 1917 г.: «Желательно <...> изменение географической карты Европы на основе широкого признания национальных прав; это предупредит волнения в будущем, обеспечит более прочный мир, сделает крепче и солиднее фундамент демократической свободы в Европе» (*Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1936. Т. IV. С. 48).

¹¹ Эта проблема занимала тогда и западных союзников России. Например, британский министр иностранных дел лорд А. Бальфур в беседе с полковником Хаузом 28 апреля 1917 г. выказывал беспокойство относительно внешнеполитической ориентации независимой Польши (*Архив полковника Хауза.* М., 1939. Т. III. С. 35–37).

¹² ДМИСПО. Т. I. С. 34–35.

¹³ Там же. С. 155.

¹⁴ Там же. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 166.

¹⁶ ДМИСПО. Т. I. С. 396.

¹⁷ *Яжборовская И. С., Парсаданова В. С.* Россия и Польша... С. 111. Соответствующий декрет СНК РСФСР был принят 29 августа 1918 г. — ДМИСПО. Т. I. С. 418–419. Важно обратить внимание на то,

что в декрете речь шла об отказе от договоров о разделах Польши, а не Речи Посполитой. Это очень важный нюанс для понимания предшествующей и последующей советской политики в отношении территорий, лежащих между этнической Польшей и Великороссией.

¹⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 122. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 2.

¹⁹ ДМИСПО. Т. I. С. 185–186.

²⁰ Там же. С. 395–396.

²¹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 45.

²² Архив полковника Хауза. М., 1937. Т. II. С. 125.

²³ Там же. С. 227.

²⁴ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1953. Т. I. С. 55, 58–59.

²⁵ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М.; Пг., 1923. С. 189.

²⁶ Архив полковника Хауза. Т. II. С. 316–318.

²⁷ Речи президента Вильсона. Б.м. [1919]. С. 23.

²⁸ Трианонский мирный договор. М., 1925. С. IV–V. Показательно, что первое правительство созданного Центральными державами в русской Польше Польского королевства во главе со Стечковским в своем коммюнике от 13 июня 1918 г. не согласилось с этой позицией Антанты. Это могло означать только одно: у ориентации на немецкие государства нет будущего. — *Szymiczek Fr.* Walka o Śląsk Cieszyński w latach 1914–1920. Katowice, 1938. S. 34–35.

²⁹ Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1965. Т. I.

³⁰ Это обстоятельство было отмечено в обзоре польского стола информационного отдела Наркомата по делам национальностей за период с 19 по 26 декабря 1918 г.: «Острая политическая борьба кипит повсеместно в Польше. На фоне этой борьбы выделяется лишь личность диктатора Польши, Иосифа Пилсудского, против которого, за исключением коммунистических групп, открытых выступлений не заметно. Авторитет и имя Пилсудского слишком популярны и общепризнанны среди польского мешанства, чтобы осмелилась выступить против Пилсудского какая-либо группа, так или иначе опирающаяся на мешанство. Сам же «диктатор» пытается встать вне партийной борьбы, встать во главе всего «народа», довести «народ» без внутренних потрясений до Учредительного собрания». — АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 50.

³¹ Кстати, это прекрасно осознавали американские эксперты, конкретизировавшие в октябре 1918 г. 14 пунктов Вильсона. Они решительно отказывали Польше в праве претендовать на земли с преобладанием литовцев и украинцев, чтобы не нарушить применяемый президентом термин «бесспорно». Во избежание этого следовало до начала демаркации границ провести беспристрастную перепись населения. Были также отмечены противоречия между поляками и белорусами, поляками и украинцами на юго-востоке и в Восточной Галиции, в основе которых лежат отношения между помещиками и крестьянами. В связи с этим высказывалось опасение, что после ухода немецких оккупационных войск здесь может начаться классовая война, которая, «весьма вероятно, выльется также в форму конфликта между народностями». — Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. IV. С. 156–157. Эту опасность понимали не только эксперты, но и главные действующие лица Парижской мирной конференции. Так, на заседании Верховного военного совета Антанты 22 января 1919 г. британский министр иностранных дел А. Бальфур выражал опасение, что «поляки используют паузу между окончанием войны и решениями мирной конференции в интересах своих претензий на округа, лежащие вне русской Польши, в отношении которых во многих случаях они имеют небольшие права... Восточная Галиция, согласно всем сведениям, которые у него есть, не стремится принадлежать Польше». — Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1965. Т. I. S. 41.

³² Полевым штабом РВС РСФСР в апреле 1920 г. была подготовлена историческая справка «ввиду предстоящих мирных переговоров РСФСР с Польшей», в которой были изложены исторические и этнографические аргументы, опровергающие право поляков требовать восстановления границ 1772 г. Сформулированный авторами справки, подписанный начальником и военным комиссаром штаба заключительный вывод звучал более чем категорично: «В общем кратковременная история вхождения территорий в пределах границ 1772 года, резко подчеркнувшая разноплеменность населения, определенно доказывает, что Польша не имеет никаких прав на русские области в пределах границ 1772 г.». — АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 5. Д. 14а. Л. 2.

³³ Пилсудский и его соратники очень тяжело переживали эту единственную в конце 1910-х — начале 1920-х годов неудачу польской армии. После подписания с Германией в январе 1934 г. деклара-

ции о ненападении польскими военными и политиками началась подготовка долгосрочной операции по присоединению к Польше спорной территории. Овладеть ею Польша сумела лишь в период Мюнхенской конференции, в октябре 1938 г., по ядовитому замечанию У.Черчилля, в ранце немецкого солдата. В январе 1945 г. эта территория была возвращена Чехословакии.

³⁴ Следует сказать, что плебисциты, проведенные в южных районах Восточной Пруссии и в Верхней Силезии соответственно в 1920 и 1921 гг., Польша проиграла. В числе причин обычно называют неблагоприятное политическое момента их проведению, допуск к участию уроженцев этих районов, в это время там не проживавших. Но никто не говорит о непатриотическом поведении огромного числа местных поляков, если согласиться с утверждением польских представителей на конференции в Париже, что поляки составляют там большинство населения.

³⁵ Это прекрасно понимали польские военные. Им нужно было посылать своих солдат на смерть, и аргументы об историческом праве Польши на восточные земли или братской помощи местным национальным движениям с сильными антипольскими настроениями вряд ли могли подвигнуть на новые жертвы солдат, многие из которых участвовали в боевых действиях с августа 1914 г. Поэтому им нужно было говорить о жизненной необходимости новой войны для нации и государства.

В мартовском номере журнала «Беллона» за 1919 г. появилась статья участника польского легиона полковника М. Жеготы-Янушайтиса «Стратегические границы Польши на востоке». Взгляды Янушайтиса можно трактовать как позицию той части армии, которая не причисляла себя к адептам Пилсудского. Полковник весьма скептически относился к главнокомандующему, по политическим симпатиям тяготел к национальным демократам. Свое понимание проблемы Янушайтис сформулировал следующим образом: «...отношения на востоке Европы еще долго будут слишком неопределенными и будут мало соответствовать идеалам союза наций. Поэтому Польша, веря в торжество высоких вильсоновских помыслов, должна все же стремиться к установлению таких границ (особенно на востоке), которые бы и в военном отношении гарантировали ей мир и преобладание на случай войны с варварским восточным соседом». Для этого следовало создать «стратегическую оборонную область», в силу природных условий абсолютно или в значительной степени непреодолимую для «оперативных масс». Ее линия должна была бы проходить от Риги на севере, вдоль Березины и Днепра до впадения в него Припяти, далее на юг вдоль рек Случ и Смолч до Каменец-Подольска на Днестре, а затем по довоенной русско-австрийской границе (т.е. в целом соответствовать границе 1921 г.). См.: *Żegota-Januszajtis M. Strategiczne granice Polski na wschodzie // Bellona. R. II. 1919. Z. III (marzec). S. 174–175.*

Маем того же года датируется меморандум генерала Т. Розвадовского, виднейшего военачальника первых двух лет существования независимой Польши, симпатизировавшего Пилсудскому. Как и Янушайтис, генерал был убежден в необходимости проведения восточной границы с учетом главным образом географических и военных потребностей. Из намеченных им трех возможных линий ее прохождения максимальная граница почти соответствовала рубежам Речи Посполитой до 1772 г., минимальная более или менее совпадала с границей, установленной в 1921 г. в Риге. — *Rozwadowski A. General Rozwadowski. Kraków, 1929. S. 68–72.*

³⁶ *Piłsudski J. Rok 1920. S. 203–204.*

³⁷ Сохранилось довольно много свидетельств, что советская дипломатия придавала соблюдению политеса в данном случае огромное значение. Приведем лишь одно из них. 30 ноября 1920 г. Г. В. Чичерин писал в ЦК РКП(б): «Принцип независимости советской Украины сыграл громадную роль в нашей дипломатии и пресек буферизм Пилсудского» — Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 30.

³⁸ Создание Западной дивизии, в которой служило достаточно много выходцев из Польши, было своеобразным задумом на будущее, на тот момент, когда там произойдет революция и возникнет советская Польша. Случай для советизации Польши представился только в июле–августе 1920 г., но тогда решение этой задачи взяла на себя советская Красная армия, а польская Красная армия так и осталась проектом Польревкома. Но уже 29 августа 1920 г. А. Иоффе писал В.И. Ленину: «Возможность советизации Польши теперь, несомненно, откладывается на не вполне определенное, но, во всяком случае, не весьма близкое время». — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 34. Л. 40.

³⁹ ДМИСПО. М., 1964. Т. II. С. 28.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 2. П. 101. Д. 3. Л. 17–19.

⁴¹ Польскому руководству даже пришлось в середине декабря 1918 г. выслать из страны посла признавшей 16 ноября 1918 г. независимость Польши Германии, хотя эта страна после войны восстановила дипломатические отношения со своими вчерашними противниками.

⁴² АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1а. П. 1а. Д. 7. Л. 8.

⁴³ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 361–362.

⁴⁴ Из последних работ российских авторов интерес представляют следующие труды: *Михутин И. В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994; *Полторак С.* Победоносное поражение. Размышления о советско-польской войне 1920 г. в канун ее 75-летия. СПб., 1994; *Исаев А. П.* Уроки советско-польской войны 1920 г. СПб., 1999; *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001; *Яжборовская И. С., Парсаданова В. С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005; *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923 гг.): Геополитический аспект. Омск, 2005.

⁴⁵ В уже упоминавшейся работе «1920 год» Пилсудский напишет, что в 1919 г. он решил задачу, «...как можно дальше от мест, где выклеивалась и ковалась новая жизнь, сделать невозможными любые попытки и поползновения еще раз навязать чуждую жизнь, жизнь, не устроенную нами самими» (*Pilsudski J. Rok 1920. S. 203–204*).

⁴⁶ К осени 1919 г. под ружье было поставлено уже более 500 тыс. человек. И еще столько можно было призвать в армию, если бы Запад предоставил необходимое вооружение, амуницию и продовольствие. Польский премьер И. Падеревский даже сделал такое предложение, но оно не нашло поддержки великих держав, опасавшихся, в частности, что это приведет к превращению гражданской войны в Отечественную. — *Михутин И. В.* Указ. соч. С. 78–80.

⁴⁷ На это, кстати, в декабре 1919 г. обратил внимание Ю. Мархлевский. В докладной записке в ЦК РКП(б) от 24 декабря он писал о Пилсудском как о представителе одного из двух течений в «польской буржуазии», которое не желает вести войну с целью уничтожения советской власти и поддержки контрреволюции, так как ее победа означала бы угрозу самостоятельности Польши. Из опасения воздействия коммунистов на Польшу они желают оградить ее от Советской России «буферами» — Литвой и Белоруссией. Другую группировку составляют те, кто готов сотрудничать с Деникиным. — ДМИСПО. Т. II. С. 449; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 203. Д. 52406. Л. 24.

⁴⁸ Сохранилось множество свидетельств его уничижительных оценок советского военного и политического руководства, на которые обычно ссылаются как на свидетельства чуть ли не зоологического антисоветизма Пилсудского. Но о людях следует судить не по их словам, а по их делам.

⁴⁹ Столь же упорно Пилсудский боролся за стратегические границы своей страны с буржуазными Чехословакией, ЗУНР, Германией и Литвой.

⁵⁰ *Зубачевский В. А.* Указ. соч. С. 70–72.

⁵¹ Все упомянутые выше польско-советские контакты подробно проанализированы И. В. Михутиной в ее уже цитированной монографии.

⁵² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 203. Д. 52406. Л. 14. Следует сказать, что Пилсудский в целом соблюдал до 23 апреля 1920 г. данное слово. За это время польская армия провела всего две наступательные операции локального характера (захват вместе с латышами Динабурга — Даугавпилса и Мозырская операция в белорусском Полесье). Однако боестолкновения местного значения не прекращались, в результате имелись потери убитыми, ранеными и пленными. Соответствующие данные см.: *O niepodległą i granice. T. I. Komunikaty Oddziału III Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego. 1919–1921.* Warszawa; Pułtusk, 1999. По словам А. И. Деникина, соглашение в Микашевичах позволило советскому командованию перебросить на его фронт до 43 тыс. штыков и сабель. См.: *Деникин А. И.* Поход на Москву («Очерки русской смуты»). М., 1989. С. 101.

⁵³ 18 октября 1919 г. Ю. Мархлевский передал в НКВД содержание своего разговора с И. Бёрнером: «Я спросил, почему же если Эстония, Латвия и Литва могут вести переговоры, этого не может сделать Польша? Он заявил, что сейчас Польша не может, но вскоре сможет. Я спросил, мешает ли этому Антанты? Он увертывался, указывал, что положение с Антантой очень сложное, что решаются очень важные вопросы и потому сейчас Польша еще не совсем свободна, но скоро у нее будут «развязаны руки». Я добивался более точного ответа: Силезия ли тут или чехи, но не получил ответа». — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 203. Д. 52406. Л. 9об.

⁵⁴ Характерно, что 19 августа 1920 г., в момент апогея борьбы на Западном фронте, Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение считать врангелевский фронт главным. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 103. Л. 1.

⁵⁵ Например, Л. Троцкий 28 января 1920 г. телеграфировал Г. Зиновьеву, что «все последние данные говорят о близкой возможности наступления поляков по всему фронту». — Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). М., 1994. Ч. I. С. 43.

⁵⁶ ДМИСПО. Т. II. С. 450.

⁵⁷ Этот расчет был верным; после ноты Чичерина ППС заметно настойчивее стала требовать скорейшего завершения войны на востоке. — См. напр.: *O niepodległą i granicę. T. 2. Raporty i komunikaty naczelnych władz wojskowych o sytuacji wewnętrznej Polski. 1919–1920.* Warszawa; Pułtusk, 1999/2000. S. 296, 299, 312–314.

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 10. Л. 33; ДИМ. Т. II. С. 486–487.

⁵⁹ ДМИСПО. Т. II. С. 446.

⁶⁰ См., напр.: ДМИСПО. Т. II. С. 481–486, 488–491. Кстати, стенания Пилсудского американскому посланнику в Варшаве Х. Гибсону по поводу столь ужасного состояния польской армии, что «операции крупного масштаба вызвали бы крах и завоевание страны большевиками», никак не согласуются с его заявлениями своим сторонникам, что он может бить большевиков где хочет и когда захочет.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 52. Л. 128.

⁶² ДМИСПО. Т. II. С. 508–509.

⁶³ Там же. С. 530.

⁶⁴ Интересно, что польский посланник в Лондоне Е. Сапега считал Украиной только правый берег Днепра, все остальное для него было Россией. — Там же. С. 599.

⁶⁵ Там же. С. 569–571.

⁶⁶ Там же. С. 615. Следует напомнить, что в тот же день французским генералом П. Анрисом была закончена разработка планов военной операции польской армии на востоке.

⁶⁷ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 5. Д. 14а. Л. 24.

⁶⁸ М. М. Литвинов объяснял причину содержания Советской Россией большой армии несправедливыми требованиями Польшей границ 1772 г., в пределах которых были и чисто русские области. — ДМИСПО. С. 636.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74. П. 11.

⁷⁰ Там же. С. 603. Об этом же, кстати, говорил и М. М. Литвинов в уже цитировавшемся заявлении американскому корреспонденту от 3 апреля 1920 г. — Там же. С. 636.

⁷¹ Там же. М., 1965. Т. III. С. 24–28; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74. Надо признать, что большевики боялись переборщить с патриотизмом в ущерб классовости, поэтому В. И. Ленин требовал «не пересаливать» в газетных материалах о Польше и польской войне, то есть не впадать в шовинизм, всегда «выделять панов и капиталистов от рабочих и крестьян Польши». — ДМИСПО. Т. III. С. 29.

⁷² Польско-советская война... Ч. I. С. 74–76.

⁷³ ДМИСПО. Т. III. С. 138–142, 144–150.

⁷⁴ Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959. С. 54–55.

⁷⁵ Польско-советская война... Ч. I. С. 142–143.

⁷⁶ ДМИСПО. Т. III. С. 192.

⁷⁷ Там же. С. 193.

⁷⁸ 15 июля 1920 г. член РВС Западного фронта И. Смилга писал Чичерину: «...наши требования должны быть составлены так, чтобы вызвали серьезные возражения со стороны Антанты и заставили ее требовать пересмотра наших условий, что нам только и нужно для дальнейшего продвижения вперед». — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 25. Л. 32.

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 37. Л. 1.

⁸⁰ Польско-советская война... Ч. II. С. 155–160.

⁸¹ Об этом свидетельствует то, что польское правительство на своем секретном заседании 29 июля 1920 г. обсуждало только вопрос перемирия. — Там же. С. 211–213. Поэтому у прибывшей в Барановичи на переговоры польской делегации не оказалось полномочий на переговоры о прелиминарном мире, в связи с чем не были не только начаты переговоры о перемирии, но даже не названы советские условия. — Там же. С. 246, 252–253, 262–263.

⁸² Об этом 14 августа Л. Троцкий писал Чичерину. — РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 38. Л. 18. Это же на конкретных фактах доказывал глава советской делегации на мирных переговорах в Минске К. Данишевский в протесте, поданном полякам 19 августа 1920 г. — РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 38. Л. 58.

⁸³ Это была третья за время войны операция, которой лично командовал Первый маршал Польши.

⁸⁴ Некоторые исследователи считают переломом успешные бои 5-й польской армии 14–15 августа.

⁸⁵ Сохранилась интересная самооценка А. Иоффе. 29 августа 1920 г. он писал Ленину: «В Европе ко мне имеется определенное отношение: с одной стороны, меня считают лучшим российским дипломатом, а с другой стороны, дипломатом мягким и более уступчивым, чем другие, поэтому мое учас-

тие в переговорах непременно... будет воспринято, во-первых, как собственное признание нами затруднительности нашего положения, ибо скажут, что мы двинули самую тяжелую артиллерию... вторых же, понято будет как некоторая перемена курса и переход к более уступчивой линии». — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 25. Л. 40.

⁸⁶ 6 ноября 1920 г. Г. Чичерин писал секретарю ЦК РКП(б) Н. Крестинскому: «Коллегия НКВД находит нежелательным присоединение к территории Белоруссии каких-либо частей Витебской или Могилевской губерний. Мы еще не знаем, через какие перипетии может пройти судьба Белоруссии, и увеличивать заранее ту территорию, которая через эти перипетии будет проходить, было бы крайне неосторожно». — РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 41.

⁸⁷ Польско-советская война... М., 1994. Ч. II. С. 121, 123–124.

⁸⁸ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 25. Л. 121.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 39. Л. 273.

⁹⁰ Г. В. Чичерин просил перенести подписание договора хотя бы на 20 марта, чтобы не поддерживать Польшу накануне плебисцита в Верхней Силезии (19 марта), но А. Иоффе был против, так как Я. Домбский угрожал, что потом в Польше могут победить враги мирного договора. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 23. Л. 18.

⁹¹ Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu... Т. I. S. 185–186.

⁹² Lista strat Wojska Polskiego. Polegli i zmarli w wojnach 1918–1920. Warszawa, 1934.

⁹³ Данные о потерях Красной армии в годы гражданской войны, приведенные в работе «Гриф секретности снят» (М., 1993) с точностью до одного человека, вряд ли можно считать достоверными хотя бы потому, что в Красной армии в эти годы не было надежной системы учета личного состава. Цифра 17 544 убитых и раненых на Западном и Юго-Западном фронтах в 1920 г. (Там же. С. 30) сомнительна, ибо, по польским данным, только в Варшавском сражении погибло около 25 тыс. красноармейцев. — *Sienkiewicz W.* Mały słownik historii Polski. Warszawa, 1991. S. 204.

⁹⁴ *Mamveev G. F.* О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов // Вопросы истории. 2001. № 9; *ego же.* Еще раз о численности красноармейцев в польском плену // Новая и новейшая история. 2006. № 3. Польские исследователи говорят о 110 тыс. красноармейцев, побывавших в польских специализированных заведениях для пленных. См.: *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924. Toruń, 1997. S. 64–65.

⁹⁵ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: Сборник документов и материалов. М., 2005. С. 187, 188.

⁹⁶ См. об этом: *Mamveev G.* Оставлены на поле боя... Как поступала 14-я польская пехотная дивизия с пленными красноармейцами // Родина. 2004. № 7; *Odziemkowski J.* Cysow 1920. Warszawa, 1992. S. 66. Само по себе оставление раненых солдат противника на поле боя без оказания им медицинской помощи было откровенным нарушением соответствующей Женевской конвенции от 6 июня 1906 г., статья 1-я которой гласит: «Больные и раненные воины ... пользуются со стороны военной власти, в руках которой они находятся, покровительством и уходом без различия подданства». — *Lucin F.* Международное право в систематическом изложении. Юрьев, 1917. С. 414.

⁹⁷ *Bellona.* 1920. № 7. S. 484; *Grabiec J.* Jak odzyskaliśmy Wolną Ojczyznę i jak obroniliśmy ją przed wrogiem. Warszawa, 1921. S. 128–129.

⁹⁸ Красноармейцы в польском плену. С. 527–529, 573; Российский государственный военный архив. Ф. 308. Оп. 4. Д. 2. Л. 4, 46; Ф. 3226. Оп. 1. Д. 46. Л. 181, 196; АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1. П. 2. Д. 6. Л. 2, 50; *D'Abernon Vhr.* Osiemnasta decydująca bitwa w dziejach świata pod Warszawą 1920 r. Warszawa, 1932. S. 129; *Handelsman M.* W piątym pułku legionów. Dwa miesiące ofensywy litewsko-białoruskiej. Zamość, 1921. S. 34–35; *Juszkiewicz R.* Działania militarne na Mazowszu północnym i w korytarzu Pomorskim. 1920 rok. Warszawa, 1997. S. 386; *Kawczak S.* Milkące echa. Wspomnienia z wojny 1914–1920. Warszawa, 1991. S. 343; *Kossak T.* Wspomnienia wojenne. Kraków, 1925. S. 70–71; *Pietrzykowski T.* Odwrót... Gaść wspomnień i obrazków wojennych z czasu walk bolszewickich 1920 r. na podstawie pamiętnika adjutanta 67 pp. (9p. Strz. Włp). Poznań, 1926. S. 74; *Świtalski K.* Dziennik 1919–1935. Warszawa: Czytelnik, 1992. S. 55.

⁹⁹ Гриф секретности снят. М., 1993. С. 34.

¹⁰⁰ Красноармейцы в польском плену. С. 164.

¹⁰¹ *Karpus Z.* Op. cit. S. 57.

¹⁰² В сентябре 1921 г. в ноте польскому правительству Чичерин написал о 60 тыс. умерших в плену красноармейцев. Эту цифру можно было бы считать заслуживающей доверия только в том случае, если бы «нормальная» смертность составляла 40%, то есть была на уровне максимального показателя в разгар эпидемии (точно так же следует оценить цифру 22 тыс. умерших в лагере Тухоля, который

начал функционировать только летом 1920 г.). Историю появления в ноте Чичерина названной цифры объясняет письмо российско-украинской делегации Смешанной комиссии по репатриации из Варшавы от 23 сентября 1921 г.: «Действительно, мы не можем указать такой цифры, потому что польское правительство до сих пор не дало списков умерших, к чему его обязывает ст. IX мирного договора. Мы можем судить о смертности только предположительно, исходя из разницы между общим числом красноармейцев, взятых в плен, и числом вернувшихся и подлежащих возвращению». — АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1. П. 2. Д. 6. Л. 1об.

Немаловажное значение имеет и время появления ноты Чичерина. Именно в это время разразился первый после заключения мира польско-советский конфликт, связанный с нежеланием Варшавы выслать из Польши руководителей антисоветских организаций, как того требовал Рижский договор, и задержкой в связи с этим советской стороной первого платежа.

¹⁰³ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг. Документы и материалы. М., 2004. С. 6.

¹⁰⁴ Там же. С. 6–13.

¹⁰⁵ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 203. Д. 52406. Л. 4.

¹⁰⁶ Следует признать, что и сам Ю. Мархлевский не был очень озабочен судьбой пленных. В начале ноября 1919 г. он писал члену коллегии НКВД Л. Карахану: «Поляки нам сделают предложение обменяться военнопленными. Неофициально пока они мне заявили, что желают менять не голова на голову, а гуртом... Мотив их стороны ясен: им не хочется кормить наших, которых у них очень много и которых на работу посылать бояться — “большевистская зараза”. Важно ли нам получить их? Несомненно, что это элемент плохой: красноармейцы, которые умышленно пошли в плен. Боевая стоимость их, значит, невелика. Но я думаю, что многие из них, побывав в плену в тяжелых условиях, стали другими и пригодятся на фронте». АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 101–101об; *Михутина И. В.* Указ. соч. С. 298.

¹⁰⁷ Польско-советская война... Ч. I. С. 32–34.

После изменений, преобразивших Россию в 1917 г., произошел перелом в польско-российских отношениях. Раньше в империи Романовых совершенно не считались с национальными устремлениями поляков. Их выступления под лозунгами национального освобождения, например в ходе революции 1905 г., жестоко подавлялись. Не было и положительной реакции на предложение о польско-российском примирении и совместной борьбе с Германией, с которым выступали после 1905 г. Роман Дмовский и возглавляемый им лагерь национал-демократов (эндексов).

Царское правительство придерживалось антипольской позиции и после начала Первой мировой войны. Хотя Россия вступила в смертельную схватку с Германией, решать польский вопрос ее правительство не собиралось, опасаясь тем самым разрушить целостность империи. 14 августа 1914 г. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич издал манифест, в котором было обещано «устранить границы, разделяющие на части польский народ», и возродить под скипетром российского императора «Польшу, свободную в своей вере, языке и самоуправлении»¹. Сторонники национал-демократов с энтузиазмом встретили это заявление, расценив его как начало сотрудничества, которое предлагал Роман Дмовский. Вскоре оказалось, что издание манифеста было продиктовано тактическими соображениями и политика российских властей на польских землях не претерпела никаких изменений.

Только в августе 1915 г., когда триумфальное наступление германских и австро-венгерских войск вытеснило русскую армию с польских земель, глава Совета министров И. Г. Горемыкин, выступая в Думе, пообещал предоставить полякам автономию. Однако это заявление также было пропагандистским жестом, нацеленным

на то, чтобы отбить у поляков желание сотрудничать с немцами и австрийцами. Россия не предпринимала никаких конкретных мер в польском вопросе до самого конца 1916 г. Из антипольского «летаргического сна» ее вывела германская и австро-венгерская декларация от 5 ноября 1916 г. В декларации было обещано восстановление на землях, захваченных у России, Королевства Польского, которое будет связано с Берлином и Венной. Необходимо было нейтрализовать это обещание и не допустить создания немцами польской армии, с которой в условиях войны пришлось бы считаться, чего боялись не только в Петербурге, но также в Париже и Лондоне. С этой целью царь Николай II в новогоднем приказе по армии одной из главных военных целей признал «восстановление свободной Польши, состоящей из трех частей, которые до сих пор были разделены»².

Заявление Николая II стало первым обещанием изменить российскую политику. На германо-австрийские планы оттеснить Россию на восток она ответила готовностью лишить соперников их польских провинций и расширить собственную сферу влияния на запад. Однако речь шла не о том, чтобы принять во внимание польские национальные устремления, а о том, чтобы расширить империю Романовых. Об этом лучше всего свидетельствует тот факт, что в соглашениях, заключенных с Францией и Англией в начале 1917 г., Россия закрепила за собой исключительное право на определение своей западной границы. Кроме того, вплоть до распада империи ни одно законодательное ограничение в отношении поляков, проживавших на территории России, не было отменено.

Польский вопрос впервые стал серьезно рассматриваться только после свержения царизма. Новые власти приступили к коренной перестройке обветшавшего государства и объявили об отказе от политики угнетения проживавших в нем народов. В отношении поляков новые политические силы даже начали соревноваться друг с другом. Первым выступил Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, заявивший 27 марта 1917 г., что «демократия в России выступает за политическое самоопределение народов и объявляет, что Польша имеет право на полную независимость с государственно-международной точки зрения»³.

Временное правительство в своих обещаниях было сдержаннее. Оно опиралось на более умеренных представителей российского общества и к тому же, будучи официальной властью России, тщательнее взвешивало свои слова и в меньшей степени поддавалось искушению выступать с революционными заявлениями. В манифесте к полякам, принятом 29 марта 1917 г., Временное правительство объявило, что «русский народ, сбросивший ярмо, признает за братским польским народом также право на самоопределение». Правительство обещало, что «поможет создать независимое польское государство, в состав которого входят все территории, где поляки составляют большинство населения, в залог длительного мира в будущей, по-новому организованной Европе». Однако условием выполнения данного обещания было создание «свободного военного союза» Польши и России. Кроме того, уступки полякам со стороны Временного правительства должно было подтвердить российское Учредительное собрание⁴.

Суть этого предложения метко выразил В. Ленин: «Наше правительство издало манифест о независимости Польши и нашпиговало его ничего не значащими фразами. Написали, что Польша должна быть в свободном военном союзе с Россией.

Именно в этих трех словах и заключена правда. Свободный военный союз маленькой Польши с огромной Россией в действительности является полным военным порабощением Польши»⁵. Жаль только, что лидер большевиков не вспомнил об этих своих словах, когда он сам стал во главе государства и предлагал полякам еще более жесткие варианты решения проблемы. Однако относительно позиции Временного правительства Ленин был прав: оно было готово согласиться на возрождение Польши, но только ценой ее полной зависимости от России.

Заявления о независимой Польше заставили западных союзников России активизировать свою деятельность, поскольку они хотели помешать немцам реализовать их план восстановления Польши и использования ее в качестве своего военного потенциала. По соглашению с Петроградом 4 июня 1917 г. французский президент Раймон Пуанкаре издал декрет о создании во Франции Польской армии⁶. Командование армией перешло к сформированному 15 августа 1917 г. Польскому национальному комитету под руководством Р. Дмовского. Лидер национал-демократов по-прежнему выступал за сотрудничество с Россией, но при соблюдении права Польши на независимость.

Революция в России кардинально изменила политику Юзефа Пилсудского, который до этого сотрудничал с Германией и Австро-Венгрией. Сохранение союза с ними потеряло смысл, поскольку новая Россия объявила о праве Польши на независимость, а Антанта в своих обещаниях полякам перещеголяла Берлин и Вену. После того как Съезд польских военнослужащих, который заседал в Петрограде в июне 1917 г., избрал Пилсудского почетным председателем, он хотел прорваться через фронт и принять участие в формировании польских вооруженных сил, которые создавались по соглашению с Временным правительством. Немцы нарушили эти планы, арестовав Пилсудского в июле 1917 г.

Надежды на то, что новую Россию можно будет использовать в качестве основной базы для борьбы за свою независимость, лелеяли представители всех польских политических партий. Энергичнее всех созданием польских корпусов и их политическим представительством занимались национал-демократы. Однако Временное правительство им не доверяло, поскольку оно помнило об их связях со свергнутым режимом и предпочитало сотрудничать с польскими демократами. Их лидер Александр Ледницкий возглавил Ликвидационную комиссию, своего рода Министерство польских дел.

Упования на восстановление Польши с помощью демократической России были похоронены с приходом к власти большевиков. Из всех польских политических объединений они сотрудничали с идейно близкими им леворадикальными партиями — Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польской социалистической партией — Левицей. Большевики решительно высказывались против восстановления суверенного польского государства, усматривая в нем инструмент господства имущих классов. К остальным польским политическим объединениям, в том числе и к левым социалистам, выступавшим за независимость Польши, большевики относились с глубоким недоверием, не говоря уже о правых эндеках, с которыми они боролись с самого начала. В этих условиях на территории России для деятельности, связанной с борьбой за независимость Польши, появлялось все больше преград. Советские власти увеличивали масштаб притеснений, а со

временем и репрессий, основанием для которых было сотрудничество поляков с «контрреволюционерами».

Официальные заявления Советской России резко контрастировали с проводимой ею повседневной политикой, которая была направлена на противодействие стремлениям поляков к независимости и пресечение их деятельности в этом направлении. Уже на следующий день после большевистского переворота, 8 ноября 1917 г., был издан Декрет о мире, в котором провозглашался принцип заключения «немедленного мира без аннексий и контрибуций». «Если какая бы то ни было нация, — говорилось в декрете, — удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, то есть захватом и насилием»⁷.

15 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров провозгласил «Декларацию прав народов России», в которой резко осуждались не только притеснения по национальному принципу, которые имели место при царизме, но также и империалистическая политика Временного правительства. Народам, желавшим остаться в границах России, Декларация гарантировала «равенство и суверенность». За народами, стремившимися к независимости, было признано право на «свободное самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства»⁸.

Таким образом, с первых дней существования Советской России обозначилось существенное расхождение между ее идеологическими и правительственными заявлениями, с одной стороны, и конкретными действиями в связи со стремлением поляков к независимости и их соответствующей деятельностью — с другой. Пока первоочередное значение имели политические заявления, поскольку земли, отошедшие к России в результате разделов Польши, были оккупированы Германией и Австро-Венгрией. Такое положение дел закрепилось в марте 1918 г., когда Советская Россия подписала в Бресте мирный договор, навязанный ей Центральными державами. Бессильные в военном отношении Советы были вынуждены признать германские завоевания на востоке. В связи с этим актом политического диктата 29 августа 1918 г. был издан декрет Совета народных комиссаров об аннулировании договоров о разделах Польши, который подтверждал право Берлина решать судьбы Центральной и Восточной Европы.

Тем самым акции большевиков развязали государствам Антанты руки в деле восстановления независимой Польши. Первым об этом заявил президент США Вудро Вильсон в своей программе мира, изложенной в январе 1918 г. В ней содержалось положение о необходимости возродить независимое польское государство, в котором будет проживать польское население, и предоставить ему выход к морю. Вильсон особо подчеркнул право России занять полагающееся ей место в послевоенном сообществе свободных народов. Хотя Вильсон и не заявил об этом открыто, было ясно, что при создании своего государства поляки должны считаться с российскими национальными интересами.

Еще более решительно повели себя в этом вопросе Франция и Англия. Они поддерживали восстановление независимой Польши, поскольку понимали, что невозможно создать новую Европу, не принимая во внимание стремление лишенных до того времени собственной государственности народов к независимости. Поляки были также желанным союзником в войне против Германии, которую Франция рассматривала как главную опасность. Но, для того чтобы создать серьезную угрозу для Германии и стабилизировать новый международный порядок, еще нужнее была Россия, разумеется, при условии, что в ней установится приемлемый для Запада политический режим. Большевиков в качестве такой власти западные державы не рассматривали, поскольку принципы, которые провозглашало большевистское руководство, означали разрушение существовавшего до тех пор политического, экономического и социального порядка. Державы Антанты не верили в то, что большевики долго удержатся у власти, и ожидали, что в России установится новый режим, с которым они смогут сотрудничать. Ценой такого союза должно было стать уважение Европой российских интересов, в том числе и тогда, когда они сталкивались с польскими устремлениями.

Участие Антанты в решении польского вопроса зависело, таким образом, от исхода разгоравшейся в России гражданской войны. Чем больше шансов на победу было у Советов, тем выше ценились политические акции Польши на Западе. В этом случае Польша была необходима Европе уже не только как союзник в войне против Германии. Она становилась важным элементом «санитарного кордона», которым предполагалось отгородить первое коммунистическое государство от остальной Европы.

Ход событий был весьма благоприятным для Польши. В ноябре 1918 г. вслед за Россией войну проиграли Германия и Австро-Венгрия, и, так же как Россия, обе эти страны были поражены революцией. Австро-Венгрия вообще распалась: она была разорвана на части стремлением к независимости тех народов, которые жили под ее властью. Рухнул европейский порядок, который более ста лет не позволял пересмотреть решения о разделах Польши. Возникла новая геополитическая ситуация, которая давала большой шанс на воссоздание сильного польского государства на обширных территориях. Для того чтобы воспользоваться сложившейся ситуацией, полякам были необходимы дееспособное правительство и сильная армия, способная обеспечить границы нового государства, особенно на тех участках, по которым не удавалось договориться дипломатическим путем.

Поляки справились с этой нелегкой задачей. Огромную роль в ее решении сыграл Юзеф Пилсудский, который 10 ноября 1918 г. вернулся из германской тюрьмы в Варшаву и встал во главе государства в качестве Временного начальника. Благодаря Пилсудскому остро соперничавшие в борьбе за власть политические объединения левых, выступавших за независимость, и правых национал-демократов смогли прийти к компромиссу. Это предотвратило угрозу начала гражданской войны и укрепило позиции Польши на Парижской мирной конференции, которая открылась 18 января 1919 г. Всего за два дня до этого, 16 января, польское правительство возглавил всемирно известный пианист Игнаций Падеревский, который был признанным борцом за независимость и пользовался всеобщим уважением как у себя на родине, так и за рубежом.

Стабилизации ситуации способствовали также организованные Пилсудским выборы в Учредительный сейм 26 января 1919 г. Поляки не прислушались к призыву коммунистов бойкотировать голосование и приняли в них активное участие. Они однозначно высказались за создание собственного государства и его демократическое устройство, а также против коммунистической социальной революции. По итогам голосования ни одно политическое объединение не получило большинства голосов, которое давало бы право на самостоятельное принятие решений в парламенте, но наибольшая поддержка была оказана Национально-демократической партии.

В этой ситуации государством по-прежнему управлял тандем Пилсудский — Падеревский. Текущее управление внутренними делами Начальник государства оставил премьеру, сам же он занялся формированием армии, в которой стал Главнокомандующим. Падеревский, опираясь на поддержку Дмовского, взял на себя ответственность за продвижение решения польского вопроса на Парижской мирной конференции, где в первую очередь необходимо было добиться определения выгодной для Польши границы с Германией. Сам Пилсудский сосредоточился на осуществлении восточной политики. Вначале он не проявлял особенной активности, поскольку ждал прояснения ситуации на западе. Решение вопросов, важных для Польши, зависело от позиции держав-победительниц, поскольку у молодого государства было недостаточно сил для того, чтобы принудить немцев к чему-либо. Хотя Германия и была значительно ослаблена в результате проигранной войны, она по-прежнему была несопоставимо сильнее Польши. «Все то, что Польша получит на западе по вопросу о границе, — заявлял Пилсудский в начале февраля 1919 г., — будет подарком коалиции, поскольку там своими собственными силами мы не можем ничего добиться. Достижениями же на востоке мы будем обязаны исключительно себе, нашим собственным силам»⁹.

До поры до времени Пилсудский внимательно следил за тем, чтобы на востоке также не раздражать Антанту своими маневрами — они могли бы негативно повлиять на дипломатические торги, которые велись в Париже. Эта стратегия действовала вплоть до 28 июня 1919 г., когда в Версале страны Антанты подписали мирный договор с Германией. Хотя в договоре не были отражены все притязания поляков, он определил и зафиксировал западную границу Польской Республики. С этого времени Берлин не мог угрожать Варшаве, не вступая одновременно в конфликт с Антантой.

Кроме дипломатических баталий, которые велись в Париже, внимание Польши до лета 1919 г. занимала начавшаяся 1 ноября 1918 г. война с украинцами за Восточную Галицию. Окончательную победу поляки одержали в июле 1919 г., что также облегчило активизацию восточной политики. Однако и раньше на этом направлении происходило много событий. Западные территории бывшей империи Романовых были оккупированы германскими войсками на основании Брестского мира. В ноябре 1918 г., получив сообщение о военном поражении Германии, немецкие солдаты хотели как можно скорее вернуться на родину. Но Антанта, стремясь не допустить занятия этих территорий Советской Россией, запретила Берлину в продиктованном ему 11 ноября 1918 г. акте о капитуляции эвакуировать так называемый Обер-Ост¹⁰. Полумиллионная армия генерала Макса Хоффмана, занимавшая

позиции протяженностью 1500 км, должна была заблокировать большевистский поход на Европу.

После поражения Германии Советская Россия приступила к энергичным действиям. Уже 13 ноября 1918 г. она аннулировала унизительный Брестский мир. «Через Киев, — говорил 18 ноября 1918 г. Лев Троцкий, — ведет прямая дорога к соединению с австро-венгерской революцией, так же как через Псков и Вильно проходит дорога к соединению с германской революцией. Наступление на всех фронтах!»¹¹.

Это означало войну с Польшей и представляло смертельную угрозу для ее независимости, которую ранее большевики демонстративно поддерживали. Они быстро забыли об обещаниях, коль скоро те противоречили стратегии, предполагавшей, что коммунистическую революцию нельзя ограничивать только Россией. В новой ситуации большевики хотели перенести революцию на территорию, контролируемую Германией и Австрией, и дальше на запад. В этом их убеждали теория всемирного характера революции, берущая свое начало в трудах К. Маркса, а также развитие революционного процесса на континенте.

Вся Европа гудела, словно улей. Наиболее взрывоопасной была ситуация в сломленных поражением Германии и Австро-Венгрии. Казалось, достаточно искры для того, чтобы в этих странах разгорелось пламя коммунистического бунта. Большевики мечтали об оказании поддержки европейской революции, но для этого было необходимо устранить барьер, которым являлась Польша. А эту задачу можно было решить только с помощью войны.

Но и у Ю. Пилсудского был великий план, который он не мог реализовать, не поставив на колени Россию. Пилсудский считал, что существенное истощение России в результате проигранной ею мировой войны, революции и кровавой гражданской войны дает единственный в своем роде шанс лишить ее великодержавного статуса. Пилсудский хотел добиться этого, оказывая поддержку народам, которые, испытав гнет царизма, стремились к независимости. Он проникся этой идеей, еще будучи лидером Польской социалистической партии, но и после разрыва с социалистическим движением эта идея оставалась фундаментом его политических планов. Пилсудский верил, что народы, которые завоюют свою независимость в войне с Россией, станут союзниками Польши, поскольку только таким образом они смогут гарантировать свою безопасность. В составе планируемой им восточноевропейской унии Пилсудский видел в первую очередь польско-литовско-белорусское государство, которое продолжало бы традиции Великого княжества Литовского. Рассчитывал он и на союз с Украиной. В своих самых амбициозных планах польский лидер предполагал возможное распространение унии на территорию от Финляндии через Эстонию и Литву до государств Кавказа. Польше благодаря ее человеческому, экономическому, военному и культурному потенциалу в этом союзе должна была достаться роль гегемона.

Этот замысел обращался к идее Речи Посполитой ягеллонской эпохи¹². Однако он не был ее копией, поскольку принимал во внимание тот факт, что сформировались современные народы и потому звеньями союза должны стать независимые государства. Восточноевропейская уния мыслилась как конфедерация независимых государств, связанных узами союзничества. Польский лидер предусматривал возможность использования и других форм кооперации в зависимости от готовно-

сти партнеров к сотрудничеству. План был разработан на уровне общей идеи, без детальной конкретизации, которую прагматик Пилсудский ставил в зависимость от развития ситуации.

Одно не подлежало обсуждению: восточноевропейская уния должна была затруднить восстановление мощи России, оттеснить ее от Европы и вынудить довольствоваться завоеваниями в Азии. А это означало войну с Россией не на жизнь, а на смерть, независимо от существовавшего в ней политического режима. По мнению Пилсудского, менее опасным противником были большевики, с которыми боролась также и Антанта. В столкновении с «белой» Россией Польша враждебно настроила бы против себя Запад, поскольку он не представлял себе послевоенного порядка в Европе без восстановления мощи необходимого ему российского союзника.

С планом оттеснения России от Европы абсолютно не соглашались соперничавшие с Пилсудским национал-демократы во главе с Р. Дмовским. С начала XX в. главным врагом эндеки считали Германию, и ход Первой мировой войны только утвердил их в этом мнении. Они искали безопасность возрожденной Польши в союзе с Францией, а также с Россией, в которой, как они рассчитывали, будет свергнут большевистский режим. Национал-демократы надеялись, что истощенная революцией и гражданской войной Россия согласится на выгодную для Польши границу. Они хотели присоединить к Польше бывшие Ковенскую, Виленскую, Гродненскую губернии и большую часть Минской, а также Волынь и часть Подолья. Остальные земли прежней Речи Посполитой эндеки готовы были оставить России, совершенно пренебрегая стремлением проживавших на этих территориях народов к независимости.

Диаметрально противоположное отношение к России превращало Ю. Пилсудского и Р. Дмовского в непримиримых оппонентов. На первых порах обе стороны маскировали свои противоречия, поскольку их связывала первоочередная задача — противостояние угрозе со стороны Советов. Благодаря молчаливому согласию Германии, проводившей эвакуацию Обер-Оста, Красная армия получала от германского командования контроль над очередными территориями и систематически продвигалась на запад. Шансов на подписание польско-германского соглашения оставалось все меньше. Эту возможность заблокировало начало восстания в Великопольше¹³ 27 декабря 1918 г. Два дня позже Берлин рекомендовал командованию Обер-Оста прекратить переговоры с поляками. За свободу Познани пришлось заплатить потерей Вильно, который 6 января 1919 г. был занят Красной армией. Не встречая серьезного сопротивления, она продолжала поход на запад.

Только 5 февраля 1919 г. было подписано польско-германское соглашение, согласно которому контроль над территориями, оставляемыми германскими войсками, переходил к полякам. На самом деле уступка должна была стать ловушкой: Берлин хотел таким образом ускорить начало польско-советской войны. Он рассчитывал на то, что Варшава ввяжется в военные действия на востоке, ее помощь Великопольше ослабнет, что облегчит Германии расправу с повстанцами. Берлину не удалось добиться своей цели, но вооруженный конфликт на востоке стал фактом.

Еще до того, как произошло прямое столкновение с противником, польские отряды 9 февраля получили от эвакуировавшихся германских войск контроль над Брестом, Ковелем и частью Волыни. 10 февраля они заняли Кобрин, 13 февраля —

Волковыск, а 19 февраля — Белосток. 14 февраля в районе городка Мосты на реке Неман произошло первое столкновение Войска Польского и частей Красной армии. В тот же день другие польские отряды отбили у советских солдат Березу Картузскую. Таким образом, появился быстро расширяющийся польско-советский фронт.

Однако до настоящей войны было по-прежнему далеко. Столкновения между польскими и советскими воинскими частями походили скорее на стычки, а не на сражения, поскольку для обеих сторон этот конфликт не был самым важным. Поляки гораздо больше сил и внимания уделяли борьбе с украинцами за Восточную Галицию, а также размещению на западной границе вооруженных отрядов, которые могли быть приведены в боевую готовность в случае возникновения угрозы германской агрессии. Советы сосредоточились на борьбе с белыми, в первую очередь с адмиралом А. В. Колчаком, который успешно атаковал их с начала марта 1919 г. В середине апреля войска Колчака, развивая наступление в направлении Самары и Казани, находились уже в 100 км от Волги. С целью предотвратить свое поражение советское командование перебрасывало войска с запада на восток. Это делалось без особого сожаления, поскольку задача соединения с германской революцией перестала быть актуальной, по крайней мере в тот период. Коммунистический бунт в Берлине в начале января 1919 г. был подавлен, и большевикам уже не нужно было спешить на помощь немецким товарищам.

Запал Москвы остудил еще один фактор. Не оправдались ее надежды на то, что Польша будет ослаблена сторонниками коммунизма изнутри. Рабочие, на которых рассчитывали большевики, наоборот, с энтузиазмом поддерживали независимость Польши. Лучшее всего об этом свидетельствовала рекордно высокая явка на январских выборах в Сейм.

Бои стали интенсивнее в апреле 1919 г., когда Ю. Пилсудский решительным маневром занял Вильно. Он не собирался присоединять город к Польше, а рассчитывал сделать его столицей союзного государства поляков, литовцев и белорусов. Однако планы Пилсудского не получили поддержки: местные поляки не хотели объединяться с родиной, а литовцы твердо стояли на позициях собственной независимости и видели в Польше своего главного врага. Впервые так четко проявилось понимание того, что планы перестройки Восточной Европы могут разбиться о равнодушие или даже активное сопротивление народов, которым Пилсудский хотел принести освобождение.

Значительно лучше дела у поляков шли на фронте. Они получали преимущество благодаря укреплению собственных сил и снижающейся активности Красной армии, которая была занята борьбой с войсками Колчака. На этом фронте, ставшем теперь наиболее важным, советские войска в мае 1919 г. перешли в контрнаступление. В июне они выбили белых из Уфы и начали отеснять Колчака на восток. В июле войска Колчака потерпели поражение под Челябинском, где проявился военный талант М. Н. Тухачевского. Колчак был вынужден спасти войска спешным отступлением и проститься с ореолом победителя красных.

Однако разгром Колчака не означал для Советской России решения всех проблем. С мая 1919 г. ее успешно атаковали другие белые генералы. На севере войска генерала Н. И. Юденича подошли к Петрограду. На юге действовал еще более опас-

ный генерал А. И. Деникин, который в июне 1919 г. занял Харьков и Царицын, а в начале июля издал приказ о походе на Москву. В августе отряды Добровольческой армии заняли всю южную и центральную Украину — от Одессы до Киева. Над советской властью нависла смертельная угроза.

В этих условиях Войско Польское успешно продвигалось на восток. 1 июля 1919 г. началось ширококомасштабное наступление, которое должно было вытеснить Красную армию за среднее течение Днепра. Уже через три дня было занято Молодечно, затем польские отряды, преследуя отступающего противника, двинулись на Минск и заняли его 8 августа. Однако на этот раз Пилсудский не спешил с политическими заявлениями, как он это сделал после взятия Вильно. Он ждал окончательного прояснения ситуации, в первую очередь на литовском участке фронта. Между тем литовское правительство в г. Ковно решительно отклоняло все предложения, направленные на восстановление польско-литовско-белорусского государства. Оно добивалось признания собственного суверенитета над довольно обширной территорией, включавшей и те земли, от которых Польша не собиралась отказываться. Сложившееся положение должен был изменить государственный переворот, который планировалось совершить в августе 1919 г. в Ковно силами польских отрядов. Планы переворота были пресечены в самом зародыше, однако они наложили негативный отпечаток на польско-литовские отношения.

В конце августа 1919 г. фронт сместился к известной с наполеоновских времен реке Березине. В польских руках оказалась, в частности, мощная крепость в Бобруйске. На севере противник был оттеснен на линию рек Западная Двина и Дрисса. Большевики потеряли также Полесье и Волынь. В общей сложности в результате летнего наступления поляки заняли свыше 150 тыс. квадратных километров. Они получили контроль над многими важными крепостями, а также над железной дорогой из Ровно, через Сарны, Лунинец и Минск до самого Полоцка, что гарантировало оперативное превосходство над противником.

Неожиданно в конце сентября — начале октября 1919 г. польско-советский фронт стабилизировался, хотя общественное мнение, а также политики и дипломаты ожидали продолжения наступления. Верховное командование объясняло ситуацию необходимостью обучения новобранцев, реорганизации тылов и преодоления трудностей со связью. В этом была немалая доля истины, однако не военные проблемы стали главной причиной прекращения боев. Ю. Пилсудский решил повременить с нанесением более мощного удара, поскольку одновременно с преимуществом, которое он получил над большевиками, успехов добилась и Добровольческая армия, действовавшая на юге России. В середине октября 1919 г. она заняла Орел, откуда до Москвы оставалось не более 300 км. Большевики оказались в очень тяжелом положении. Многое зависело от позиции Польши: если бы она всем своим значительным военным потенциалом поддержала Деникина, Красной армии грозило бы поражение.

Пилсудский прекрасно сознавал, как много зависит от его линии поведения. Он превосходно понимал, что в высшей степени выгодная ситуация, в которой оказался Деникин, создавала наиболее благоприятный для поляков момент, чтобы выторговать себе уступки. Но Пилсудский не питал иллюзий: он твердо знал, что сможет получить от упивающегося своим успехом победителя значительно меньше, чем от

претендента на власть. Польский лидер считал, что если Польша и должна помочь победить Советы, то только в обмен на получение соответствующих дивидендов.

Проблема заключалась в том, что белые не хотели идти ни на какие уступки и стремились ограничить возрождающуюся Польшу с востока границей прежнего Королевства Польского, то есть линией по реке Буг с небольшими отступлениями. На такой позиции стоял и Деникин. Он даже требовал от Пилсудского, чтобы на захваченных поляками территориях за рекой Буг управление осуществлялось от имени России и под ее государственным гербом. Не подлежит сомнению тот факт, что успех Деникина стал бы концом мечтаний о сильной Польше, с которой будут вынуждены считаться в Европе. Она также перестала бы быть желанным союзником Антанты в конфликтах с большевиками и Германией. Более того, Польша стала бы барьером между Германией и союзной Западу Россией, что затруднило бы в будущей войне с Германией осуществление нападения на нее с двух сторон. Для того чтобы не допустить такого развития ситуации, Западу необходимо было добиться заключения польско-российского союза, который превратил бы Варшаву в вассала Москвы.

Опасаясь фатального для Польши развития событий, Пилсудский решил не поддерживать осеннее наступление Деникина. Между тем успех наступления зависел от позиции Польши. К тому моменту в ходе военных действий значительные советские силы, действовавшие в районе Гомель — Мозырь — Коростень, были окружены: с юга отрядами Деникина, а с запада и северо-запада поляками. Если бы Пилсудский направил удар на Мозырь, чего добивался от него Деникин, красные понесли бы тяжелые потери, а стратегическое положение белых значительно улучшилось. В этом случае их левый фланг получал бы поддержку от поляков, избавлявшую их от угрозы советского контрнаступления и позволявшую перебросить значительные силы на фронт, который осуществлял наступление на Москву. А если бы поляки развили удар и стали угрожать Москве с другой стороны, Красная армия, зажата между двух огней, не избежала бы разгрома.

В Москве это прекрасно понимали. В середине 1920 г. К. Радек писал: «Если бы поляки атаковали нас в то время, когда Юденич стоял в 6 верстах от Петрограда, а Деникин под Орлом, если бы в тот момент поляки заняли Смоленск, Полоцк и Витебск и шли на Москву, мы, возможно, были бы побеждены»¹⁴.

Однако Пилсудский не хотел триумфа Деникина. Больше всего его интересам отвечало взаимное уничтожение обеих сторон, противостоявших друг другу в российской гражданской войне. Теперь, когда чаша весов склонялась на сторону белых, Пилсудский был готов негласно облегчить положение красных. Он не исключал даже возможности подписания с ними договора в случае их согласия с его планами перестройки Восточной Европы, в первую очередь с созданием украинского государства. Такое предложение эмиссар Пилсудского озвучил в начале ноября 1919 г. в беседе с посланником В.И. Ленина Ю. Мархлевским, который уже несколько месяцев зондировал возможность завершения польско-советской войны. Ленин считал независимость Украины неосуществимой идеей и в то же время хотел продолжить переговоры о заключении мира. Пилсудского это не интересовало, поскольку он утвердился в убеждении, что только разгромленная в войне Россия может согласиться с его планами на востоке.

В итоге Ю. Пилсудский не помог Деникину нанести смертельный удар по Советской России. Наоборот, его эмиссар, который вел переговоры с Мархлевским, тайно сообщил большевикам, что поляки пока не будут предпринимать никаких наступательных мер. Советское руководство, находившееся в смертельной опасности, приняло решение оголить польский фронт и перебросить более 40 тыс. солдат на борьбу с Деникиным. Благодаря подкреплению, которое получили красные, Добровольческая армия была оттеснена от Москвы и отброшена далеко на юг. 12 декабря 1919 г. она оставила Харьков, 16 декабря — Киев, а к 1 января 1920 г. — весь Донбасс. Теперь уже перед глазами белых стал витать призрак катастрофы, а Советская Россия оказалась на пути к победному завершению гражданской войны.

Пилсудский верно полагал, что Советская Россия, победив внутренних врагов, направит все свои силы против Польши, возвращаясь к своему великому плану экспорта революции на запад. Он не собирался бездействовать, дожидаясь этого момента. Пилсудский знал, что время работает не на него, поскольку господствующая на огромной территории и располагающая гигантскими ресурсами власть Советов сумеет быстрее увеличить свои вооруженные силы. Между тем Польша, совсем недавно восстановившая свою независимость, уже сумела создать мощную военную силу: к концу 1919 г. в ее армии было свыше 600 тыс. солдат, а в ближайшие месяцы Пилсудский планировал еще более увеличить ее численность. 22 декабря 1919 г. Верховное командование направило Министерству военных дел рекомендацию — достигнуть максимальной боеспособности армии к апрелю 1920 г. Главной проблемой была нехватка оружия, но Пилсудский рассчитывал на помощь стран Антанты, в первую очередь Франции. Он надеялся, что после поражения белых Антанта увидит в Польше самый важный бастион, блокирующий коммунистической революции дорогу в Европу.

Активную деятельность развернула польская дипломатия. С 15 по 22 января 1920 г. в Хельсинки проходила конференция, в которой участвовали представители Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. В Варшаве полагали, что конференция положит начало созданию антисоветского союза, которому предстояло стать северным звеном предполагаемой восточноевропейской унии. Соглашение достигнуто не было, а острота польско-литовских разногласий и сдержанность остальных партнеров не способствовали сближению участников хельсинкской встречи. В возможных выгодах их не убедило даже совместное польско-латвийское наступление (не случайно оно было осуществлено в начале января 1920 г.), в результате которого Красная армия была вытеснена из бывшего Инфляндского воеводства Польши. Операция была осуществлена прежде всего силами польской армии, а завоеванные территории были переданы Латвии, но и она отказалась подписать соглашение о военном сотрудничестве с Польшей.

Ю. Пилсудский прилагал усилия для того, чтобы представить войну на востоке как борьбу с большевиками, а не с Россией. Это было чрезвычайно важно, если принимать во внимание позиции Антанты, которая неохотно расставалась с мыслью о возрождении своего российского союзника. В январе 1920 г. Пилсудский начал переговоры с Б. Савинковым, представителем влиятельной до ноября 1917 г. российской партии эсеров. Польский лидер готов был поддержать российских демократов, которые находились как бы между большевиками и белыми, и превра-

тить их в своего стратегического партнера. Но даже эта «третья Россия» выступала против его замыслов создания восточноевропейской унии и тем более предоставления независимости Украине¹⁵.

Приготовления к решающей схватке осложнила советская мирная инициатива. 22 декабря 1919 г. народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин направил польскому правительству ноту с предложением о немедленном начале переговоров. Варшава никак не отреагировала на послание. 28 января 1920 г. Москва выступила с публичным предложением заключить мир, обращенным не только к политическому руководству Польши, но и к ее общественному мнению. Предложение было с интересом встречено как левыми, выступавшими за независимость Польши, так и национал-демократами, которые были противниками военных планов Пилсудского. Это осложнило Пилсудскому подготовку к войне, на что Москва втайне и рассчитывала.

Многое указывает на то, что Ленин и его сторонники были готовы в тот момент урегулировать конфликт с Польшей мирным путем. Они не отказывались от грандиозного плана экспорта коммунистической революции на запад, а лишь откладывали срок его реализации, выжидая более подходящий момент для расправы с западным соседом. Именно этого и боялся Пилсудский. Уступчивость Советской России только убедила его в том, что нельзя попусту растрачивать свое преимущество и упустить единственный шанс на осуществление политической перестройки на востоке континента. С декабря 1919 г., когда Л. Скульский сменил И. Падеревского на посту премьера, Пилсудский получил полный контроль над внешней политикой, благодаря чему он без особых проблем добился принятия решения о прекращении мирных переговоров с советскими властями. Последние также легко отказались от этой идеи. Уже в марте 1920 г. командование Красной армии приняло решение о подготовке широкомасштабного наступления на Польшу, о чем почти сразу узнала польская разведка. Это убедило Пилсудского в необходимости нанесения упреждающего удара по противнику.

На принятие решения о направлении удара повлияли политические соображения. Пилсудскому было известно, что Красная армия планирует широкомасштабное наступление на севере, но сам он решил ударить с юга. Польский лидер хотел выбить части Красной армии из Украины и восстановить Украинскую Народную Республику во главе с атаманом С. Петлюрой. Польско-украинский союз должен был стать осью будущей восточноевропейской унии, борьба за которую таким образом вступила в решающую фазу. Ранее, в 1919 г., Петлюра боролся с поляками, но после того, как Деникин и Красная армия разгромили его отряды, атаман понял, что он как глава независимого украинского государства может найти поддержку только в Польше. Весной 1920 г. вместе с большей частью своих войск Петлюра укрылся на польской стороне фронта, что дополнительно способствовало его уступчивости. 21 апреля 1920 г. было подписано польско-украинское соглашение, в котором Польша признала независимость Украинской Народной Республики и Директорию во главе с Петлюрой в качестве ее законного правительства. Украина согласилась на границу по реке Збруч, оставив за польской стороной всю Восточную Галицию. Соглашение было дополнено секретной военной конвенцией о союзе и совместной борьбе с Советской Россией под верховным командованием Пилсудского.

Уже 25 апреля 1920 г. началось широкомасштабное польско-украинское наступление, которое должно было вернуть Украину Петлюре. Красная армия, понесшая большие потери, была оттеснена за Днепр. Однако она не была разбита. 7 мая отряды 3-й армии генерала Э. Рыдз-Смиглы вошли в Киев, вскоре туда прибыли и союзные украинские власти. В Варшаве возвращавшемуся с фронта Пилсудскому, который в мае 1920 г. стал маршалом, был устроен восторженный прием. Вопреки всеобщему убеждению и пропагандистским акциям Киевская операция не принесла стратегического военного успеха, поскольку польским войскам не удалось существенно снизить боеспособность Красной армии. Не достигли союзники и политической цели, поскольку Петлюра не получил массовой поддержки населения Украины.

Угроза потери Украины облегчила советскому правительству мобилизацию общества на борьбу с Польшей. В Красную армию вступили тысячи бывших царских офицеров. Была ускорена реализация разрабатываемого с марта плана мощного удара по противнику в Белоруссии. Осуществление плана началось 14 мая 1920 г. Войскам под командованием М. Тухачевского, получившего известность благодаря своим успехам в боях с Колчаком, удалось оттеснить поляков на 100–150 км. Однако поляки быстро подтянули резервы, в том числе и с украинского фронта, и после тяжелых сражений в начале июня 1920 г. оттеснили Красную армию на восток, за реки Березину и Ауту. Тем временем новый кризис возник на южном фронте. По широко растянувшимся между Днепром и Южным Бугом польским позициям ударили свежие советские силы, за которыми уже был опыт победных сражений с Деникиным. Словно таран прорвала польскую оборону Конная армия С. Буденного. Поляки с огромным трудом восстановили линию фронта, но Буденный сеял опустошение и ужас в польских тылах. Необходимо было срочно эвакуировать отряды из Киева и отступать дальше на запад, чтобы избежать полной дезорганизации южного театра военных действий.

Тухачевский воспользовался проблемами противника и 4 июля 1920 г. нанес новый сокрушительный удар по польским силам в Белоруссии. В приказе о наступлении не скрывалось, что цель удара — нечто большее, чем просто победа над поляками. Приказ звучал как манифест: «На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад!»¹⁶.

Победа над Войском Польским и установление на берегах Вислы Польской Республики Советов давали шанс на разжигание революции в Германии, где борьба за власть еще окончательно не завершилась. Это в свою очередь вселяло надежду на ликвидацию версальского миропорядка и победу коммунизма во всей Европе. В октябре 1920 г. Ленин так характеризовал эти планы: «Версальский мир превратил Польшу в буферное государство, которое должно отгородить Германию от соприкосновения с советским коммунизмом и которое Антанты считает оружием против большевиков... Осуществляя атаку на Польшу, мы одновременно ведем наступление на Антанту; разбивая польскую армию, мы разбиваем Версальский мир, на котором зиждется вся система нынешних международных отношений»¹⁷. Реализация этих планов означала конец независимости Польши, замену суверенного польского государства советской республикой.

Эта унылая перспектива приближалась вместе с очередными успехами Красной армии, особенно на северном фронте, который в Советской России называли западным. В конце июля 1920 г. польская оборона оказалась в критическом положении: пали Вильно, Гродно, Белосток, где 30 июля был создан Временный революционный комитет Польши. Он должен был управлять установлением в Польше коммунистического режима на основе большевистской модели, осуществлявшейся в России.

Советские и польские коммунисты недооценили решимость всего польского общества, которое готово было полностью посвятить себя защите независимости, оказавшейся под угрозой. Ранее у войны на востоке было много критиков как среди левых сторонников независимости, так и среди правых национал-демократов. Теперь все объединились для защиты суверенной Польши. В армию в массовом порядке вступали рабочие, крестьяне, представители интеллигенции; среди последних было особенно много студентов и учащихся. С 1 июля по 20 августа 1920 г. польская армия увеличилась на 250 тыс. человек.

Затихли громкие споры о том, какой должна быть восточная политика Польши. 24 июля 1920 г. было создано Правительство национальной обороны, в состав которого вошли члены всех политических партий, представленных в Сейме. Во главе правительства встал опытный политик, крестьянин по происхождению, Винценты Витос. Ему помогал вице-премьер Игнаций Дашиньский, социалист, ветеран борьбы за права рабочих.

Материальную помощь Польше оказала Антанта, хотя этому препятствовали акции протеста, в частности, английских и гданьских докеров, которые поддерживали Советскую Россию. Правительства западных стран предприняли также попытку добиться заключения мира между воюющими сторонами. В середине июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Джордж Керзон предложил советскому правительству прекратить военные действия на линии Сувалкский повят — Белостокское воеводство — река Буг, которую Верховный совет Антанты уже 8 декабря 1919 г. признал бесспорной границей польских территорий на востоке. Однако Москва отклонила это предложение, одновременно заявив о желании начать двусторонние переговоры с Варшавой. Но предложенные советской стороной условия были равнозначны капитуляции Польши и потере ею независимости, после чего следовала бы коммунизация страны.

В августе 1920 г. казалось, что Польша близка к поражению. В начале месяца Красная армия перешла реку Буг и заняла Брестскую крепость, откуда Ю. Пилсудский собирался начать контрнаступление для противодействия армии М. Тухачевского, которая быстро продвигалась на запад. Остался только один вариант — отступление за Вислу и организация контрнаступления из района деревни Вепш. Такое решение и принял Пилсудский. Главные удары из Вепша силами пяти дивизий должны были прийтись на неприкрытый левый фланг наступавшего на севере Тухачевского. Риск был огромным, поскольку концентрация дивизий, необходимых для контрудара, ослабила два чрезвычайно важных отрезка фронта — варшавское предместье и его северный фланг, где опасность мощного советского удара была особенно велика. Самые тяжелые бои шли под Радзимином, где сражались сформирован-

ные в последний момент части добровольцев. За отсутствие военной подготовки они расплачивались огромными потерями. И все же противника удалось остановить.

Согласно плану, решающий удар по советским силам нанесла группа из Вепша, которой командовал сам маршал Ю. Пилсудский. Красная армия, которая спешила на запад и уже форсировала Вислу в районе Вроцлавка, потерпела поражение и была вынуждена отступить. Многие советские части были отрезаны от основной массы войск польскими дивизиями, наступавшими из Вепша. Тысячи красных солдат попали в плен, а часть отрядов избежала разгрома только потому, что укрылась на территории Восточной Пруссии.

В конце июля — начале августа 1920 г. наконец удалось разбить армию С. Буденного под Замостьем, Грубешовом и Комаровом. Тухачевский еще раньше требовал от главнокомандующего С. Каменева развернуть Конную армию под Львовом и бросить ее против группы Пилсудского, которая сосредотачивалась на Висле. Наверняка это предопределило бы исход войны: если бы Буденный атаковал польские дивизии, они не смогли бы совершить нападение на войска Тухачевского, находившиеся на севере. Красная армия успела бы форсировать Вислу и, повторяя маневр царского генерал-фельдмаршала И. Паскевича в 1831 г., атаковала с запада плохо защищенную с этой стороны Варшаву. Падение столицы окончательно решило бы исход войны. К счастью для Польши, приказ о направлении войск Буденного в район Люблина был издан слишком поздно. Да и сам Буденный не спешил с его исполнением: он разделял мнение всемогущего члена Реввоенсовета южного фронта Иосифа Сталина, который был уверен в неизбежном поражении поляков как на северном, так и на южном фронте. Сталин хотел использовать Конную армию он для восстановления недавно разгромленной Венгерской Советской Республики. В результате Конная армия с опозданием выдвинулась в район Люблинского воеводства и потерпела там поражение от польских войск, которые уже полностью контролировали ситуацию.

В сентябре 1920 г. Красная армия проиграла другое крупное и еще более кровавое сражение — на реке Неман. По масштабам эта битва превосходила Варшавскую, но победа была уже не такой громкой, поскольку она была одержана в несравнимо менее драматичных обстоятельствах. Началось также польское наступление в Восточной Малопольше, в результате которого советские войска были вытеснены за бывшую австро-российскую границу. В Белоруссии и на Волыни фронт стабилизировался на позиции старых германских окопов 1915–1916 гг. Обе стороны были изнурены и не способны продолжать широкомасштабную войну. Это способствовало принятию решения о мирных переговорах.

Польское правительство было готово приступить к ним уже в начале августа 1920 г., стремясь таким путем спасти страну от угрожавшей ей катастрофы. Советы согласились начать переговоры 17 августа, однако, уверенные в своей победе, они пытались диктовать польской стороне условия, согласно которым Польша фактически лишалась независимости. Советская сторона была вынуждена отказаться от своей первоначальной позиции только под влиянием поражений Красной армии на фронте. В новой ситуации 2 сентября 1920 г. обе делегации приняли решение перенести переговоры из советского Минска в Ригу, столицу нейтральной Латвии.

В Риге переговоры были возобновлены 21 сентября. В первую очередь обсуждались условия заключения перемирия. Польскую делегацию возглавлял один из лидеров Польской крестьянской партии «Пяст»¹⁸, заместитель министра иностранных дел Ян Домбский. В состав делегации входили сторонники как инкорпоративной, так и федеративной концепции¹⁹. Последние не стремились навязывать свою точку зрения, поскольку победа была не настолько масштабной, чтобы по ее итогам можно было реализовать планы создания федерации. С исторической точки зрения победу нельзя было переоценить. Несомненно, она спасла независимость Польши и отвела от Европы угрозу коммунистической революции. Тем не менее, с другой стороны, преимущество, полученное на фронте, не было настолько существенным, чтобы можно было оттеснить Советы далеко на восток и поддержать стремление к независимости народов, проживавших на занятых территориях. Это вынудило Пилсудского, принимавшего во внимание сложившиеся реалии, отказаться от планов создания федерации.

Уже в ходе первого дня переговоров польская сторона признала представителей Советской Украины партнерами по переговорам, что означало отказ от стремления добиться независимости Украинской Народной Республики. Исчезла проблема, по которой у Варшавы и Москвы имелись наиболее серьезные противоречия. В этих условиях сторонам было легче прийти к компромиссу. В. Ленин и другие советские руководители также серьезно думали о необходимости прийти к соглашению с польскими лидерами, верно понимая, что после поражений, которые понесла Красная армия, продолжение войны было бы слишком рискованным. Таким образом, новому главе советской делегации Адольфу Иоффе было рекомендовано не настаивать на выполнении советских требований и прийти к такому варианту разрешения конфликта, который устроил бы обе стороны. 12 октября 1920 г. было подписано соглашение о перемирии, которое вступило в силу в полночь 18 октября.

Переговоры о заключении мирного договора были возобновлены в Риге 17 ноября 1920 г. С самого начала они были осложнены наступлением на Советы, которое осуществили с польской территории украинские отряды С. Петлюры и белорусские отряды генерала С. Булак-Балаховича. Москва усматривала в этом нарушение соглашения о перемирии и не доверяла действительно неискренним заверениям польской стороны в том, что она не поддерживает эту акцию. Напряжение спало, когда Красная армия разбила наступавших, а отряды Петлюры и Булак-Балаховича, пытавшиеся скрыться в Польше, были разоружены и интернированы. Стало ясно, что, соглашаясь на организацию этого инцидента, Пилсудский не думал о возобновлении войны, а лишь попытался с честью расстаться с покинутыми им союзниками.

Стороны продолжали переговоры в ожесточенных дискуссиях по многочисленным спорным вопросам: прохождение границы, которую польская сторона в нескольких местах хотела отодвинуть на восток от линии перемирия; реэвакуация имущества, вывезенного из Польши в Россию; возвращение Польше культурных ценностей, вывезенных русскими начиная с XVIII в.; репатриация военнопленных и гражданского населения, которое переместилось во внутренние районы России вследствие военных событий начиная с 1915 г., когда произошла массовая эвакуа-

ция русского населения. Переговоры затягивались и в начале 1921 г. зашли в тупик, грозивший их срывом.

Кризис, вызванный непримиримыми позициями сторон, был разрешен правительствами обеих стран, которые реально не были заинтересованы в его усугублении. Польше был необходим мир, для того чтобы продемонстрировать внутреннюю стабильность и тем самым укрепить свои позиции на плебисците в Верхней Силезии, который был назначен на 20 марта 1921 г. В еще более трудной ситуации находилась Советская Россия, внутривосточное положение которой было весьма напряженным: в стране происходили волнения, самым серьезным из которых стал бунт ранее верных большевикам моряков в Кронштадте. В этой ситуации обе стороны пересмотрели взаимные требования, сделав их более реалистичными. В результате польско-советский мирный договор был подписан в Риге 18 октября 1921 г.

Восточная граница Польши была проведена по линии: Десна—Докшицы—р. Случ—Корец—Острог—р. Збруч. Эта линия не слишком расходилась с теми предложениями, которые ранее выдвигали национал-демократы, и означала поражение федеративных планов Пилсудского. Дополнением к определению границы стало официальное признание Советской Украины единственным украинским государственным образованием, что означало разрыв договора о союзе с Петлюрой от 21 апреля 1920 г. Одновременно Польша и Советская Россия обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Они также гарантировали взаимное уважение прав в сфере культуры, языка и религии для национальных меньшинств, проживающих по обе стороны границы.

Польше возвращались все военные трофеи, музейные и книжные собрания, библиотеки, архивы и другие культурные ценности, вывезенные с ее территории после 1772 г., то есть со времени первого раздела Речи Посполитой. Она также должна была получить 30 млн руб. золотом в качестве компенсации за вклад поляков в хозяйственную жизнь бывшей Российской империи, плоды которого теперь перешли в собственность большевиков. Еще 29 млн руб. должны были компенсировать Польше стоимость имущества, эвакуированного русскими после начала Первой мировой войны. Были также согласованы принципы обмена военнопленными, репатриации населения и амнистии за политические преступления, совершенные в период до завершения военных действий. После ратификации мирного договора стороны должны были установить дипломатические отношения и заключить торговый договор.

Рижский договор имел огромное значение не только для Польши и Советской России. Он закладывал основы для стабилизации ситуации во всей Восточной Европе, которые не были определены в договорах, подписанных на Парижской мирной конференции и завершивших Первую мировую войну. Однако многое зависело от того, как будут реализованы положения договора. Это верно подчеркнули авторы «Истории польской дипломатии», которые констатировали: «В целом это был довольно обширный и сложный документ, отражающий множество проблем в отношениях Польши с Россией и Советской Украиной, которые еще предстояло разрешить в тех обстоятельствах, которые сложились в ходе развития исторических событий. В договоре содержалось множество обязательств, но он не предус-

матривал применение санкций, поэтому их соблюдение зависело только от доброй воли обеих сторон»²⁰.

Одним из первоочередных был вопрос об обмене военнопленными и репатриации гражданского населения. В срочном порядке была создана соответствующая смешанная комиссия, которая начала свою работу уже в апреле 1921 г. Ее доклады «свидетельствовали об ужасных условиях, в которых люди погибали от истощения и болезней как в польских, так и в советских лагерях»²¹. И Польша, и Советская Россия приложили много усилий для того, чтобы улучшить участь своих соотечественников, находившихся на территории другой стороны. При этом не было недостатка во взаимных обвинениях и конфликтных ситуациях. Однако вплоть до последних дней Второй Польской Республики ни разу не появлялись обвинения в умышленном массовом истреблении военнопленных. Эта проблема была поднята в России, в первую очередь политиками и журналистами, только после 1990 г. Кульминация конфликта пришлось на 1994–1995 гг., когда в России пытались «сгладить эффект» от преданного гласности катынского преступления.

Для того чтобы установить, как в действительности развивались события, польские и российские историки и архивисты провели тщательные исследования на основе архивных документов. В результате были опубликованы сборники документов, всесторонне представляющих судьбу красноармейцев, находившихся в польском плену²², и судьбу польских военнопленных в советском плену²³. «Эти две публикации, — подчеркивают историки З. Карпус, И. Костюшко, В. Резмер и Э. Росовская, — закрывают период исторических споров, источником которых в прошлом было отсутствие доступа к необходимым документам. В обеих книгах опубликованы оригиналы архивных материалов. Благодаря этому работы должны ликвидировать укоренившуюся в общественной жизни отрицательную практику использования трагичных моментов в истории отношений Польши и России в целях проведения политики, не соответствующей интересам польского и российского обществ»²⁴.

Для работы над обеими публикациями историки получили доступ ко всем сохранившимся в Польше документам и приказам, изданным частями и командованием Войска Польского, Верховным командованием, Министерством военных дел, Министерством внутренних дел, Сеймом, Президиумом Совета министров, Министерством иностранных дел, а также к распоряжениям местных администраций, в том числе управлений лагерей военнопленных. Однако эти сборники документов нельзя назвать полными собраниями. Часть сохранившихся документов была утрачена во время Второй мировой войны: некоторые документы Центрального военного архива были сожжены в результате бомбардировок в сентябре 1939 г., другие были вывезены германскими войсками, Красной армией и НКВД, которые пытались использовать информацию, содержащуюся в документах, в своих интересах. В результате многократных перемещений была нарушена структура архивных собраний, что не позволяет точно определить судьбу всех документов. Несомненно, те фрагменты, которые с политической точки зрения были признаны малоценными, попали в Специальный архив. Определенная часть этих документов была возвращена Польше в 1960-х годах, другая часть до сих пор остается в собраниях Российского государственного военного архива (РГВА), некоторые на-

ходятся в белорусских и украинских архивах. Опираясь на доступную польским историкам информацию, невозможно определить, что случилось с документами Центрального бюро регистрации военнопленных и интернированных, которое функционировало в составе Министерства военных дел. Доказательства, содержащиеся в этих документах, могли бы подтвердить данные, собранные другими учреждениями и структурами, занимавшимися делами военнопленных. Но и без этого подтверждения историки располагают сведениями, которые позволяют оперировать реальными цифрами, а не приблизительными оценками.

Согласно данным, содержащимся в этих документах, число военнопленных красноармейцев, содержащихся в польских лагерях к концу 1920 г., то есть на момент прекращения военных действий, составляло от 80 до 85 тыс.

В это число не включаются военнопленные времен Первой мировой войны, которые содержались в германских лагерях. В общей сложности из германского плена в Россию было репатриировано около 2 млн человек, в том числе из лагерей в Шипюрно, Стшалкове и Тухоли, которые перешли под контроль польских властей в декабре 1918 г. Всех содержащихся в лагерях солдат перевезли на восток организованными транспортными эшелонами, которые находились в пути в среднем три дня. Этот эвакуационный путь был закрыт одновременно с появлением польско-большевистского фронта: по времени этот момент совпадает с запретом на пересылку военнопленных через территорию Польши, который державы-победительницы направили Германии, а также с запретом на пересечение русскими границы. Большая часть оставшихся на германской территории военнопленных была репатриирована морским путем.

С возникновением польско-большевистского фронта вновь была поднята проблема военнопленных, однако только в отношении России, поскольку сама проблема военнопленных была не нова. С ноября 1918 г. шли польско-украинские бои, после которых также необходимо было решать такие же вопросы: украинские военнопленные тоже попадали в лагерь. Следовательно, определенные постановления, в том числе о принципах формирования рабочих отрядов из военнопленных, изданные в июле 1919 г., относились прежде всего к украинским военнопленным, а на советских были распространены только весной 1920 г. Так же складывалась ситуация с санитарными предписаниями и продовольственными нормами, изданными в феврале и апреле 1919 г. Если бы эти требования соблюдались, физическое состояние военнопленных наверняка было бы значительно лучше.

Одновременно с активизацией военных действий на польско-большевистском фронте началась организация новых лагерей. Согласно подробным данным 4-го Отдела НКВД и пояснениям, представленным польским Министерством военных дел комиссии Сейма 6 ноября 1919 г.²⁵, в которых определено положение дел на ноябрь 1919 г., в польском плену находилось 7096 красноармейцев, в том числе в Стшалкове — 2784, Пикулицах — 2036, Вадовицах — 1860, в Брест-Литовске — 1002, в Домбе — 1274. Эти цифры принципиально не менялись с конца сентября — тогда военные действия были практически прекращены для того, чтобы дать большевикам возможность нанести решающее поражение белым генералам. Результатом упомянутого заседания Сейма стало создание специальной комиссии из пяти человек, которая, получив сообщения о плохих условиях содержания военноплен-

ных и о распространяющихся в лагерях эпидемиях, должна была составить подробный доклад и предложить пути решения возникших проблем. Этот доклад был рассмотрен на заседании Сейма 5 марта 1920 г. Представив масштабы существующих проблем, документ способствовал проведению общественных гуманитарных мероприятий и привел к повышению эффективности борьбы с эпидемиями.

Количество военнопленных росло по мере того, как разгорались сражения на востоке. Согласно данным военных ведомств и учреждений²⁶, в ходе Киевской наступательной операции были взяты в плен 30 тыс. солдат, из которых 18 тыс. — красноармейцы. Остальные 12 тыс. — украинцы — были отпущены по домам. Из красноармейцев же лишь немногих удалось переправить в лагеря, расположенные в центре Польши. Во время большевистского контрнаступления многие военнопленные были освобождены.

Согласно детальным рапортам отдельных польских армий, в боях под Варшавой в период с 14 августа по 10 сентября 1920 г. в плен были взяты 41 161 солдат²⁷. Подобных точных данных нет для периода с 11 сентября по 18 октября 1920 г. — день, когда были приостановлены военные действия. Имеются только информационные сообщения Генерального штаба Войска Польского, из которых следует, что в плену оказалось еще 40 тыс. советских солдат.

Следовательно, в общей сложности в польском плену оказалось около 110 тыс. красноармейцев: 15–20 тыс. человек попали в плен в период с февраля 1919 г. до июля 1920 г., 50 тыс. — с июля по 10 сентября 1920 г., 40 тыс. — в последующий период, вплоть до подписания перемирия. Часть военнопленных, 20–25 тыс., сразу перешла на польскую сторону и вошла в состав вооруженных формирований, которые создавались С. Булак-Балаховичем, Б. Перемыкиным, А. Сильниковым, В. Яковлевым и армией Украинской Народной Республики.

Следовательно, в конце осени 1920 г. в польском плену оставалось 80–85 тыс. солдат, половина которых содержалась в лагерях для военнопленных, а половина работала на польские государственные учреждения, в том числе военные, и на частных лиц, главным образом в сельском хозяйстве. Их участь была гораздо лучше по сравнению с теми, кто оставался в лагерях: их лучше кормили, они жили в лучших санитарных условиях. Однако в статистических отчетах эти пленные все время значились в лагерных списках. Несмотря на то что позднее новые военнопленные уже не поступали в лагеря, в списках происходили частые изменения — по причине перемещения солдат из рабочих отрядов в лагеря. Согласно данным Министерства военных дел, в конце 1920 — начале 1921 г.²⁸ из общего числа военнопленных — 76 842 тыс. — 42 тыс. работали за пределами лагерей.

Важной проблемой, которая часто поднимается в дискуссиях о судьбе военнопленных, была высокая смертность в лагерях. По мнению польских исследователей, за весь период существования лагерей в них погибли 16–17 тыс. человек. Российские историки называют цифру 18–20 тыс. В ходе изучения документов было доказано, что причиной смертей стали болезни и эпидемии гриппа, тифа, холеры, дизентерии, которые в разрушенной войной стране забирали жизни огромного числа людей не только в лагерях для военнопленных, но и в сражавшихся на фронте войсках, а также среди гражданского населения. Расстрелов же военнопленных в лагерях не было, хотя обе стороны совершали такие преступления в ходе военных действий.

Больше всего солдат — в общей сложности 8 тыс. — умерло в лагере в Стшалкове. В документах канцелярии старосты во Вжесненском повяте сохранились полные статистические данные об умерших, а также свидетельства о смерти. Больше всего военнопленных умерло в ноябре и декабре 1920 г. (1682 и 1558 человек соответственно). Тем не менее распространение эпидемии удалось остановить, о чем свидетельствует статистика последующих месяцев: в январе 1921 г. умерли 793 человека, в феврале — 259, в марте — 114, в мае — 49, в июне — 28, в августе — 6 человек²⁹. На тот же период пришлось учащение смертельных случаев в Тухоли, где в общей сложности умерло около 1800–2000 человек. Точные данные Управления Поморского воеводства, канцелярии старосты в Тухоли и свидетельств о смерти указывают на 1867 человек³⁰. В остальных лагерях умерли 6–8 тыс. человек.

На основании договора о репатриации, подписанного 24 февраля 1921 г., были начаты приготовления к отправке первых эшелонов освобожденных из лагерей военнопленных. Эвакуация началась в середине марта 1921 г. Были созданы смешанные комиссии, которые должны были следить за проведением эвакуации. Советская делегация приехала в Польшу и находилась, в частности, в Стшалкове с 30 апреля по 4 мая. До конца апреля из Польши выехали 21 тыс. пленных красноармейцев, в конце мая — еще 40 984 человека, 23 августа — 18 155 человек. Согласно Собранию постановлений Польши № 247, которое было составлено на основе информации, предоставленной Министерством военных дел, эвакуация была завершена в октябре 1921 г. В общей сложности в Россию было эвакуировано 65 797 военнопленных. Тысяча солдат добровольно осталась в Польше, еще тысяча красноармейцев заявила о желании вернуться в Литву, Германию, Венгрию и Австрию.

Новая проблема возникла после того, как большевики разгромили наступление отрядов, которые ранее перешли на сторону Польши, а после заключения перемирия продолжали военные действия. Они были интернированы в Польше. Окончательно вопрос об их положении был решен 31 августа 1924 г. Из 30 тыс. человек 5 тыс. вернулись в Россию. Остальным разрешили остаться в Польше на постоянное проживание — часть из них была арестована советскими властями в 1945 г. и выслана на восток³¹. Немногие получили в 1924 г. право уехать на постоянное проживание в другие страны.

К проблеме военнопленных относится также судьба поляков, взятых в плен большевиками. Нет однозначных количественных данных, подтверждающих число польских военнопленных. В документах Центрального управления по делам эвакуации указывается цифра 60 тыс. человек. Похожие данные содержатся и в переписке органов коммунистических партий обеих стран³². Согласно информации военных ведомств и учреждений, число польских солдат, взятых в плен большевиками, превышало 44 тыс. человек³³. Их бытовые условия были не менее тяжелыми. В России эпидемии также уносили жизни большого числа военнопленных. Однако точных данных о масштабе эпидемий невозможно установить без доступа к необходимым документам. Согласно оценкам членов польской делегации в составе Смешанной комиссии, которые следили за проведением эвакуации польских солдат из России, в лагерях умерло 35% военнопленных³⁴. Наверняка около 100 человек были расстреляны за попытки совершения побега.

Согласно тем же подсчетам, которые указывают на цифру в 65 797 репатриированных советских военнопленных, в Польшу вернулись 26 440 человек³⁵. В документах НКВД содержится цифра — 35 тыс. репатриированных³⁶. Часть польских военнопленных добровольно осталась в Советской России, но сегодня трудно точно определить их число. С уверенностью можно сказать, что число умерших в лагерях не превышает разницу между числом военнопленных и числом тех, кому удалось вернуться на родину.

¹ Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925 / H. Janowska, T. Jędruszczak (red.). Warszawa, 1981. S. 223–224.

² Ibid. S. 317.

³ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. I / Opr. W. Gostyńska, I. Jaźborowska, P. Olszański, S. Wroński, A. Zatorski. Warszawa, 1962. S. 8.

⁴ Ibid. S. 19.

⁵ *Lenin W. Dzieła wszystkie*. Warszawa, 1987. T. 31. S. 328.

⁶ Польская армия (или Армия Халлера) — польские добровольческие формирования, в которые вошли поляки, находившиеся на службе во французской армии, польские военнопленные из армий Центральных держав, а также польские эмигранты из Франции, США, Канады и Бразилии. С 4 октября 1917 г. главнокомандующим Польской армии стал генерал Юзеф Халлер. — *Прим. пер.*

⁷ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. I. S. 156.

⁸ Ibid. S. 167.

⁹ *Wasilewski L. Józef Piłsudski jakim Go znałem*. Warszawa, 1935. S. 172.

¹⁰ Обер-Ост — сокращение от официального названия «Верховный главнокомандующий всех германских вооруженных сил на востоке». Термин обозначал не только военное командование, но и территорию, которую оно контролировало с 1914 г. После подписания Брестского мира в Обер-Ост входили территории Литвы, Латвии, Эстонии, а также часть Польши и Курляндия. — *Прим. пер.*

¹¹ Цит. по: *Czubiński A. Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918–1921*. Opole, 1993. S. 36.

¹² Ягеллонская идея — исторически сложившаяся польская политическая концепция, согласно которой будущее польского государства — в создании многонационального объединения во главе с Польшей путем добровольного присоединения к ней народов, проживающих на территории от Карпат до Балтики, или заключения с ними уний. Идея появилась во времена правления династии Ягеллонов, начиная с Ягайло, при котором была заключена личная уния Королевства Польского и Великого княжества Литовского. — *Прим. пер.*

¹³ Великопольша — историческая область на западе Польши с центром в г. Познань. — *Прим. пер.*

¹⁴ Цит. по: *Juzwenko A. Polska a «biała» Rosja od listopada 1918 do kwietnia 1920 g.* Wrocław, 1973. S. 222.

¹⁵ *Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920)*. Kraków, 2008. S. 458–501.

¹⁶ *Historia dyplomacji polskiej / P. Łossowski (red.)*. Warszawa, 1995. T. IV. S. 146.

¹⁷ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich / Сост. W. Gostyńska, I. Jaźborowska, A. Leinwand, S. Wroński, A. Zatorski. Warszawa, 1964. T. III. S. 454–455.

¹⁸ ПКП «Пяст» (пол. *PSL «Piast»*) — фракция Польской крестьянской партии, которая стала самостоятельным политическим объединением в 1913 г. после раскола в ПКП. С 1918 г. ее возглавлял Винцент Витас. — *Прим. пер.*

¹⁹ Инкорпоративная и федеративная концепция — польские внешнеполитические концепции, появившиеся в начале XX в., хотя их традиции восходят еще ко временам Первой Речи Посполитой (до ее разделов во второй половине XVIII в.). Согласно инкорпоративной концепции, которую развивал лидер национал-демократов Р. Дмовский, необходимо осуществлять колонизацию населения за линией Керзона и затем включать (инкорпорировать) новые территории в состав Польши. Федеративная концепция разрабатывалась Ю. Пилсудским; ее суть заключалась в стремлении создать федеративное государство из народов Восточной Европы во главе с Польшей. В рамках концепции были разными и взгляды на внешнюю угрозу: Дмовский главным врагом Польши считал Германию, а Пилсудский — Россию. — *Прим. пер.*

- ²⁰ Historia dyplomacji polskiej / P. Łossowski (red.). Warszawa, 1995. T. IV. S. 172.
- ²¹ *Kumaniecki J.* Pokój polsko-radziecki 1921. Geneza, rokowania, traktat, komisje mieszane. Warszawa, 1985. S. 130.
- ²² Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: Сборник документов и материалов. М., 2004.
- ²³ Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919–1922. Materiały archiwalne. Warszawa, 2009.
- ²⁴ *Ibid.* S. 14.
- ²⁵ *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924. Toruń, 1997. S. 52.
- ²⁶ *Ibid.* S. 60.
- ²⁷ *Ibid.* S. 64.
- ²⁸ *Ibid.* S. 116.
- ²⁹ *Ibid.* S. 114.
- ³⁰ *Karpus Z., Rezman W.* Tuchola. Obóz jeńców i internowanych 1914–1923. Toruń, 1997. S. 47 /XLVII/.
- ³¹ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: Сборник документов и материалов. М., 2004. С. 28.
- ³² Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919–1922. Materiały archiwalne. Warszawa, 2009. S. 8.
- ³³ *Ibid.* S. 28.
- ³⁴ *Ibid.* S. 12.
- ³⁵ *Ibid.* S. 9.
- ³⁶ *Ibid.* S. 13.

2

1920–1930-е годы В ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. В. Ревякин (Россия)

В. Матерский (Польша)

Ранней весной 1936 г., в разгар международного кризиса, вызванного вводом германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону и денонсацией гитлеровской Германией Локарнских соглашений, в Москву приехал Ж. Шастене, в прошлом дипломат, а в то время главный редактор газеты «Le Temps», тесно связанной, по общему мнению, с Министерством иностранных дел Франции. В советской столице к гостю отнеслись с подчеркнутым вниманием. 16 марта он был принят для беседы заместителем народного комиссара иностранных дел Н. Н. Крестинским (сам нарком М. М. Литвинов в это время находился на сессии Совета Лиги наций в Лондоне), а 19 марта — председателем Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотовым.

Среди злободневных вопросов международной политики французского журналиста интересовали и перспективы развития советско-польских отношений. Он прямо спросил Крестинского: «Что с советской стороны может быть сделано, чтобы улучшить отношения с Польшей?» При этом, если верить записи этой беседы, сделанной советскими дипломатами, Шастене многозначительно заметил, что «в самой Польше трудности для улучшения советско-польских отношений лежат прежде всего в области сентиментальных и исторических моментов».

Та же мысль, хотя и в измененной редакции, с несколько иначе расставленными акцентами, была выражена Шастене и в беседе с Молотовым. Согласно советским источникам, он заявил следующее: «Я пробыв в Польше четыре дня и пришел к заключению, что в Польше влиятельные лица считают, что у Польши общие интересы с СССР и что разделяют обе стороны только вопросы сентиментального и исторического характера».

Мы не случайно решили привлечь внимание читателя к высказываниям французского экс-дипломата и журналиста. Нам представляется, что Ж. Шастене указал

на одну из «болевых точек» не только советско-польских отношений на коротком, отдельно взятом этапе их развития, но и вообще отношений исторической России и исторической Польши. В данном случае важно не то, сам ли Шастене придумал и сформулировал указанную мысль, или ее кто-то ему подсказал. Важно другое — он попытался довести ее до сведения советских руководителей, по всей видимости, искренне рассчитывая на возможность преодоления негативных тенденций, вполне проявившихся в отношениях между СССР и Польшей в середине 1930-х годов. Если же эта мысль была внушена французскому журналисту кем-то из «влиятельных лиц», с которыми он встречался в Польше до приезда в СССР (на что он сам вроде бы намекал), то тем больше, по нашему мнению, она заслуживает внимания.

Как нам представляется, именно на трудности «сентиментального и исторического» порядка постоянно натывается дискуссия российских и польских историков по спорным проблемам совместной истории обеих стран, активно ведущаяся в последние годы. Чем иначе объяснить то обстоятельство, что историки-специалисты в профессиональном споре строго научной аргументации предпочитают публицистическую хлесткость, в подтверждение своих гипотез выпячивают значенные одних фактов, закрывая глаза на другие, неудобные для них, наконец, не принимают заметных попыток вникнуть в доводы оппонентов, очевидно, заведомо считая их неприемлемыми?

Предоставим польским коллегам возможность, буде на то их воля, подвергнуть критическому анализу выводы и аргументы российских историков. Не подлежит ни малейшему сомнению, что многое из того, что у нас делается в области изучения международных отношений, а также того, как это делается, заслуживает критики. Лишь бы эта критика пошла на пользу! Что же касается нас, то мы не можем пройти мимо некоторых положений отдельных работ польских авторов, опубликованных в совместном российско-польском сборнике статей¹.

В статье С. Грегоровича «Место и роль СССР в политике Польши в 30-е годы» характеризуется на самом деле не столько политика Польши на советском направлении, сколько политика Советского Союза на польском направлении. При этом автор однозначно определяет ее как «антипольскую», что не вполне соответствует известным фактам, даже тем, которые приводятся в статье. Но пусть будет так, тем более что советскую политику действительно есть за что упрекнуть, если не сказать более. Но хотя бы словом автор обмолвился о том, что и сама Польша проводила в отношении СССР далеко не дружественную политику! Это тем более странно, что автор счел возможным в своей статье далеко выйти за выбранные хронологические рамки единственно с целью обосновать «антирусский характер польского патриотизма». Грегорович, конечно, прав в том, что сделка Сталина с Гитлером за счет Польши в перспективе дорого обошлась Советскому Союзу. Но что мешает ему признать, что и «романтические» иллюзии польских государственных деятелей, оцениваемые им весьма снисходительно, тоже чего-то стоили Польше?

Вызывают недоумение и отдельные положения статьи В. Матерского «Польско-советские отношения (1932–1939). Узловые проблемы». Автор сетует на то, что во второй половине 1920-х годов Польша якобы «оказалась на втором плане» советской внешней политики, оставшись позади Германии, Франции и Великобритании. Но ведь, как явствует из статьи, и сама Польша в межвоенный период отдавала

предпочтение отношениям с этими же державами. И на то имелись объективные причины, на которых даже странно было бы специально останавливаться. Если уж речь идет о двусторонних советско-польских отношениях, то, на наш взгляд, достойно сожаления другое — в 1920–1930-е годы СССР и Польша так и не сумели вполне реализовать к обоюдной пользе имеющийся потенциал их отношений (близкое соседство, протяженная общая граница, известное культурное родство и др.). Матерский не находит объяснения тому, что в 1934 г. некоторое потепление в советско-польских отношениях, наметившееся было в связи с подписанием договора 1932 г. о ненападении, сменилось новым похолоданием. Он не усматривает в этом никакой связи с резким поворотом Польши к сближению с гитлеровской Германией, реваншистские и экспансионистские устремления которой не внушали в то время опасений, кажется, только польскому руководству. Парадоксально звучит вывод автора о том, что внешней политике, проводимой Польшей во второй половине 1930-х годов, «при всей ее теоретичности, бумажном характере, на практике альтернативы не было». Эти слова можно понять чуть ли не как оправдание того, к чему в действительности привела такая политика, что реально произошло с Польшей в конце 1930-х годов.

При чтении статьи М. Захариаса «Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году» вообще складывается впечатление, что автор близок к тому, чтобы отказать Советскому Союзу в праве заботиться о собственной безопасности независимо от того, каким бы иллюзиям ни предавались правящие круги в Варшаве относительно планов Гитлера, предполагаемых действий западных союзников Польши и т.д. Вину за внешнеполитические ошибки и просчеты Бека автор прямо и «прежде всего» возлагает на Сталина, ни словом не упоминая ни об ответственности «гарантов» Версальского порядка, «сдававших» Гитлеру одну европейскую страну за другой, ни о роли самого руководителя Третьего рейха. Такой подход к разрешению спорных проблем совместной истории наших стран трудно назвать конструктивным.

Впрочем, трудности «сентиментального и исторического порядка» — это наше общее достояние с поляками. Вряд ли можно утверждать, что это достояние равномерно распределено между нашими народами. Скорее — асимметрично: то, что один народ считает своей доблестью и заслугой, другой часто склонен воспринимать критически. В известной мере это следствие непростой истории сосуществования обоих государств на обширном пространстве Восточной Европы в прошлом. При этом нужно иметь в виду, что за последние два столетия Россия и Советский Союз сыграли в судьбе Польши неизмеримо большую и более трагическую роль, чем наоборот. Но хотя давно прошли те времена, когда Варшава воспринималась Москвой или Санкт-Петербургом как равный по своему потенциалу соперник и партнер, в российских (и советских) столицах всегда очень даже считались с возможностью, что некая «третья сторона» попытается использовать в своих интересах русско-польский «антагонизм». Ни в малейшей степени не отрицая законного права польского народа самому решать, что для него хорошо, а что плохо, мы вынуждены констатировать, что в прошлом (да и не только в прошлом) Польша сама давала поводы для возникновения подобных мнений и настроений.

Исследователи не раз обращали внимание на то, что некоторые устойчивые предубеждения против Польши и поляков, сложившиеся в нашей стране истори-

чески, мешали политическому руководству СССР адекватно оценивать возможности и перспективы работы на польском направлении². В какой мере это отражалось на повседневной деятельности советской дипломатии? Под этим углом зрения нам захотелось перелистать опубликованные еще в СССР сборники документов по истории советско-польских отношений³, обращая особое внимание на детали и подробности, обычно остающиеся как бы «за кадром» фундаментальных исследований. В итоге у нас сложилась работа, жанр которой мы определили бы как «документальный очерк», — она и на самом деле насыщена документальным материалом, который мы старались представить читателю по возможности беспристрастно. Мы также опирались на работы отечественных специалистов в области международных, прежде всего советско-польских, отношений 30-х годов минувшего столетия⁴.

Вполне отдавая себе отчет в том, что использованные нами публикации документов страдают не только неизбежной неполнотой, но и определенной тенденциозностью подачи материала, мы все же попытались на их основе установить особенности восприятия польской внешней политики советскими дипломатами.

Прежде всего хотелось бы отметить, что на восприятие Польши повлияли некоторые устойчивые «фобии» советской дипломатии 1920–1930-х годов, также отразившиеся в указанных документальных публикациях. С самого начала советская дипломатия питала глубокое недоверие к большинству сопредельных — и не только сопредельных — стран. Чтобы понять причины этого явления, нужно вспомнить о постоянной обеспокоенности руководителей страны Советов «капиталистическим окружением» и опасностью «контрреволюционной интервенции». Эта обеспокоенность приобретала порой навязчивые, параноидальные формы. Так случилось, например, во второй половине 1920-х годов, когда произошел разрыв дипломатических отношений с Великобританией, а на Дальнем Востоке, близ границ СССР, вспыхнул вооруженный конфликт.

При этом у нас сложилось впечатление, что Польше советская дипломатия уделяла явно больше внимания, чем многим другим странам Центральной и Восточной Европы. Если, например, с Румынией или странами Малой Антанты у СССР долгое время даже отсутствовали нормальные дипломатические отношения, то Польша постоянно являлась адресатом его дипломатических инициатив. Думается, так было не случайно: по сравнению с другими лимитрофами это государство обладало одним свойством, которому в Советском Союзе придавали особое значение. Речь идет о географическом положении Польши. Дело не только в том, что через нее проходил кратчайший путь как из СССР в Западную Европу, так и обратно. Главное, что именно с Польшей Советский Союз имел на западе самую протяженную границу. И по многим очевидным причинам эта граница вызывала у советских властей повышенное беспокойство. Отсюда, конечно, двойственное отношение к Польше — в зависимости от обстоятельств эта страна могла служить либо плацдармом для нападения на СССР с запада, либо серьезной преградой на пути агрессора. Но в любом случае — первоочередное внимание этой стране было обеспечено.

Наши источники свидетельствуют и о том, что опыт советско-польских отношений к началу 1930-х годов отнюдь не внушал советским дипломатам оптимизма.

Восприятие ими польской внешней политики во многом сформировалось под влиянием войны 1920 г. и польских союзных договоров 1921 г. с Францией и Румынией, в той или иной степени направленных против советского государства. Кроме того, советские дипломаты могли припомнить польским коллегам, что еще в 1922 г. Советская Россия предлагала Польше и ряду других стран заключить соглашение об ограничении вооружений, но получила отказ. А в 1926 г. Польша, получив предложение подписать договор о ненападении, поставила такие условия, которые советская сторона сочла для себя заведомо неприемлемыми. Обнадеживало советских дипломатов немногое, например, что Польша присоединилась к Московскому протоколу 1929 г. о досрочном введении в действие пакта Бриана—Келлога.

При этом мы не заметили, чтобы советским дипломатам была свойственна какая-то особая предвзятость к полякам как народу, к польской культуре, государству и т.д. О чем бы они ни высказывались, в какой бы тональности — позитивной или негативной — это ни делали, они никогда не имели в виду этнические или культурно-исторические черты облика своих польских коллег. Что, в общем-то, и не удивительно. Советские дипломаты были по своим убеждениям и мировоззрению марксистами, коммунистами. С молодых ногтей они привыкли делить людей не по национальному, а по социальному признаку (их склонность к «классовому анализу», между прочим, сильно ощущается в дипломатической переписке). Никакой «солидарной» предвзятости к Польше и полякам у них не могло возникнуть и по другой причине — сами они принадлежали к разным национальностям (чаще всего упоминаемые в очерке советские дипломаты — армянин, болгарин, еврей и украинец).

Мы можем даже утверждать, что советские дипломаты, учитывая определенные психологические комплексы своих польских коллег, проявляли к ним известную чуткость, щадили их самолюбие. Стоило, например, министру иностранных дел Польши Ю. Беку в беседе с советским наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым заявить, что «Польша не является маленьким сезонным государством, каковым его раньше считали», чтобы нарком тотчас же с ним согласился⁵. В. А. Антонов-Овсеенко, полномочный представитель СССР в Польше в начале 1930-х годов, по некоторым данным, разговаривая со своими польскими коллегами, обходился без переводчика. Небезынтересно и то, что руководство НКВД однажды даже упрекало его в преувеличении «серьезности “мирных намерений Польши в отношении нас”»⁶. Какая уж тут предвзятость!

Сменивший Антонова-Овсеенко на посту полпреда Я. Х. Давтян, как мы увидим, весьма критически оценивал политику официальной Варшавы. Но это отнюдь не мешало ему с симпатией и сочувствием присматриваться к жизни польского общества. Давтян был горячим поборником развития культурного обмена с Польшей. В 1935 г. он с удовлетворением писал: «Ни в одной стране не идет столько советских фильмов, как в Польше»⁷. В 1936 г. он сообщал об успехе гастролей группы советских артистов — оперных певиц М. П. Максаковой и В. В. Барсовой, пианиста Г. Р. Гинзбурга, скрипача Д. Ф. Ойстраха. Он отмечал, что обе певицы, выступавшие в Варшавской опере, «были все время окружены исключительно дружественной атмосферой как со стороны дирекции оперы, так и всего состава труппы и оркестра. Последний [оркестр] все время устраивал им овации во время их выс-

туплений. Дирекция оперы приложила все усилия к тому, чтобы дать достойный состав партнеров для наших артисток, выписав артистов даже из-за границы и других городов Польши». В порыве чувств Давтян признавался: «Эта поездка наших артистов сюда дала нам гораздо больше, чем вся моя работа за последний год»⁸. Позже он с сожалением отзывался о «походе» польских властей «против советского культурного влияния, а также и против русского языка», вследствие чего «в советское посольство боятся ходить многие наши друзья из-за всевозможных репрессий и неприятностей... Целый ряд общественных деятелей... избегают контакта с нами»⁹.

Вместе с тем со всей определенностью мы можем утверждать, что у советских дипломатов отношения с польскими официальными лицами складывались трудно. В адрес последних они нередко допускали в своей служебной переписке колкости и едкие замечания. Запись беседы Давтяна с министром иностранных дел Польши Ю. Беком, состоявшейся 24 апреля 1934 г., пестрит выражениями вроде «он начал что-то бормотать», «неизвестно почему стал говорить», «пустился в философствование», говорил «довольно невнятно и расплывчато», «опять что-то пробормотал» и т.п.¹⁰. Член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков возмущался тем, с каким «напором и нахальством» позволял себе разговаривать с ним польский дипломат Ю. Лукасевич¹¹. Впрочем, Стомоняков, как мы увидим, вообще отличался некоторой резкостью в суждениях. Но выдержка порой изменяла даже вежливому и, как мы бы сказали сегодня, «политкорректному» М. М. Литвинову. 10 февраля 1935 г. советский нарком по сути дела выставил Лукасевича из своего кабинета, дав ему понять, что считает «бесполезной дальнейшую дискуссию» с ним. 5 мая 1935 г., когда тот сделал еще одну попытку с ним объясниться, Литвинов записал: «Лукасевич произнес небольшую путаную речь, смысл которой трудно было даже уловить»¹².

Отчасти эти трудности объяснялись тем, что сама польская дипломатия вела себя по отношению к советской стороне далеко не дружественно. Известно, например, что до начала 1930-х годов Советский Союз обозначался в польской дипломатической переписке не иначе как «противник»¹³.

Но, как свидетельствует наша документация, кроме этических недоразумений для взаимной холодности имелись и другие, еще более веские основания. Без преувеличения можно сказать, что отношения между обеими странами лихорадило от всякого рода дипломатических трений и перебранок, поводов для которых всегда хватало с избытком — от пограничных инцидентов¹⁴ до несдержанности и явно недружественных выпадов официозной печати обеих стран, от условий работы дипломатических и консульских учреждений до «враждебной» деятельности в Польше «белогвардейских» организаций¹⁵, а в СССР — Коммунистического Интернационала.

Эта революционная организация, существовавшая под крылом советских властей, заслуживает того, чтобы на ее роли остановиться отдельно. Особенно часто она вызывала нарекания польских властей во второй половине 1930-х годов, после успехов «народных фронтов» в странах Западной Европы и начала гражданской войны в Испании. 26 апреля 1937 г. Я. Х. Давтян докладывал М. М. Литвинову: «Изо дня в день во всех правительственных органах печатаются массивные статьи о наступлении Коминтерна на Польшу, о новых тенденциях в политике Коминтерна в сторону развязывания мировой революции и большевизации Польши и т.д.

...со всякими “цитатами” из постановлений Коминтерна, ВКП(б) и т.д. Конечно, Коминтерн отождествляется с Советским правительством, даже Наркоминделом, и весьма усиленно упоминается имя т. Сталина. Все это в том разрезе, что Советский Союз под прикрытием Коминтерна начал активную подрывную работу в Польше, стремясь к большевизации ее»¹⁶. Сколько бы советские дипломаты ни отрещивались от Коминтерна, утверждая, что советское правительство к нему не имеет никакого отношения, это не помогало. Конечно, они не ставили под сомнение стратегию Коминтерна, но как здравомыслящие люди понимали, каким урон она обернулась для репутации их страны. Комментируя визит министра иностранных дел Франции в Варшаву, временный поверенный в делах СССР в Польше Б.Д. Виноградов в конце 1937 г. отмечал: «в вопросе об отношении к СССР» между указанными странами «обнаружились не столько разногласия, сколько точки соприкосновения, ибо, как выясняется, Франции и Польше угрожает не гитлеровская агрессия, а Коминтерн, то есть СССР»¹⁷.

Самым неблагоприятным образом на характере отношений советских дипломатов с их зарубежными коллегами отразились сталинские репрессии, которые обрушились на Наркомат иностранных дел во второй половине 1930-х годов. Жертвами террора стали многие из упомянутых в настоящей работе лиц, в том числе полпреда В. А. Антонов-Овсеенко и Я. Х. Давтян. Мало того что советские дипломаты постоянно жили в гнетущей атмосфере всеобщей подозрительности и гонений на «врагов народа», воцарившейся в СССР и его заграничных учреждениях. Они оказались еще и под сильнейшим давлением со стороны общественного мнения зарубежных стран, которому также были бессильны противостоять.

28 августа 1936 г. Давтян писал Литвинову: «Польская пресса использовала троцкистско-зиновьевских террористов, чтобы выступить с рядом антисоветских статей. Следует отметить единодушие всей прессы в этом отношении, и правительственной, и оппозиционной... Вчера и сегодня стали уже появляться сообщения о “голодных бунтах”, “восстаниях”, “введении военного положения на Украине и Кавказе” и пр.»¹⁸.

Большого размаха кампания в польской печати, поводом для которой послужили репрессии в СССР, достигла в конце 1937 г. 12 ноября Б. Д. Виноградов сообщал в НКВД: «Поляки воспользовались уходом Давтяна и отъездом других товарищей, чтобы произвести диверсионную вылазку против нашего полпредства в польской и международной печати»¹⁹. Литвинов, обеспокоенный газетной шумихой, 1 декабря 1937 г. просил полпреда во Франции Я. З. Сурица предупредить министра иностранных дел Франции, как раз собиравшегося нанести визит в Варшаву, о том, что «в Польше за последние дни усилилась антисоветская кампания с распространением всяких вздорных слухов об СССР»²⁰. И действительно, как писал Виноградов в НКВД 12 декабря 1937 г., накануне и во время визита французского министра польская «пресса без конца печатала самые фантастические сообщения о внутреннем положении СССР, о расстрелах и т.п. и констатировала как результат уменьшение роли Советского Союза на международной арене». Эти публикации имели настолько большой резонанс, что из французского посольства в Варшаве Виноградову сообщили: «Франция не может по-прежнему быть уверенной в силе и авторитете СССР»²¹.

В такой обстановке сама страна, ее люди в восприятии советских дипломатов все чаще выглядели непривлекательно. Например, празднование дня польской независимости 11 ноября 1937 г. произвело на Виноградова отталкивающее впечатление: «Парад для человека, бывавшего на наших парадах на Красной площади, кажется смешным и жалким. До сих пор в армии лошади преобладают над моторизацией. Армейская техника очень слаба. Авиация вообще показана не была. Вслед за войсками прошли различные организации молодежи с понурыми лицами. Разумеется, раздавались возгласы в честь Рыдза и армии, но все это вяло, без энтузиазма»²².

Все указанные выше обстоятельства, безусловно, влияли на восприятие советскими дипломатами польской политики. Но речь до сих пор у нас все-таки шла о побочных или внешних по отношению к дипломатической работе явлениях и факторах. Ее существа, то есть тех конкретных крупных задач, которые стояли перед советскими дипломатами и которые они пытались решать в отношениях с Польшей в интересующие нас сроки, мы пока не касались. Между тем, как мы полагаем, именно от успехов или неудач в решении этих задач в первую очередь и зависели их суждения и оценки.

В 1931 г., когда Польша выразила желание возобновить переговоры относительно пакта о ненападении, на Кузнецком мосту не сильно удивились. К этому времени интерес к заключению подобных договоров с Советским Союзом проявляли многие государства Европы. Но советских дипломатов не покидало ощущение, что польская сторона продолжает вести какую-то политическую игру. 18 января 1932 г. М. М. Литвинов сообщал советскому полпреду во Франции В.С. Довгалеvскому: «С Польшей остались разногласия лишь по одному пункту: она отвергает предложенную нами статью об обязательстве неучастия в соглашениях, явно враждебных другой стороне и противоречащих пакту. Такое упорное отклонение этого обязательства не свидетельствует о действительном желании Польши установить мирные и дружественные отношения»²³.

На фоне этих разногласий усилилась подозрительность в отношении Польши. 22 апреля 1932 г. Б.С. Стомоняков, комментируя в письме В. А. Антонову-Овсеенко визит маршала Ю. Пилсудского в Японию, писал: «По всей вероятности, он ведет конкретные военные переговоры на случай войны Польши и Румынии с СССР в связи с дальневосточными осложнениями»²⁴. В любом случае член коллегии НКВД, ведавший польским и прибалтийским направлениями работы, советовал полпреду не обольщаться насчет Польши, которая всего лишь «присмирела, насторожилась и выжидает развития событий». Несвойственное ранее Польше «миролюбие» по отношению к СССР Стомоняков объяснял ее текущими затруднениями внутреннего и международного характера. Еще трудно судить, полагал он, в каком «направлении в зависимости от международной ситуации» польское правительство повернет свою политику. Но в данный момент «эта мирная выжидательная позиция Польши не идет вразрез с нашими интересами», и поэтому «при разрешении всех текущих вопросов [следует] идти по возможности навстречу полякам, избегая всяких обострений»²⁵.

Советско-польский договор о ненападении был подписан в Москве 25 июля 1932 г., советская сторона осторожно, но недвусмысленно выразила по этому поводу свое удовлетворение. М. М. Литвинов, рискуя показаться бестактным, восполь-

зовался тем, что корреспондент французской газеты «Le Petit parisien» попросил его прокомментировать подписание подобного же договора с Францией. Нарком иностранных дел посчитал возможным в самом начале своего заявления «упоминуть о другом аналогичном событии большой международной важности» — ратификации советско-польского пакта²⁶. Литвинов сказал, что советско-польский договор «должен быть поворотным пунктом во взаимоотношениях между СССР и Польшей», что «его значение во много раз возрастает с точки зрения сохранения всеобщего мира» и что «надеждам и планам» сторонников антисоветской интервенции, всех тех, кто рассчитывает на вооруженное столкновение между СССР и Польшей, «теперь нанесен большой удар»²⁷.

Обращает внимание, что даже спустя несколько месяцев после подписания советско-польского договора о ненападении уверенности в том, что это событие действительно положило начало переменам в отношениях между двумя странами, руководитель советской дипломатии не выражал. В интервью французской газете он лишь выражал на это надежду (договор «должен быть» и пр.).

Как нам представляется, советские дипломаты поверили в возможность перемен к лучшему в советско-польских отношениях лишь весной 1933 г., после прихода к власти в Германии нацистов. В этом их убеждали разнообразные знаки внимания, которые стали оказывать Советскому Союзу польские официальные лица. Например, в конце марта 1933 г. Ю. Бек сообщил полпреду В. А. Антонову-Овсеенко, что его «обязательно хочет видеть, чтобы поговорить по некоторым конкретным вопросам», маршал Ю. Пилсудский. Встреча Антонова-Овсеенко с Пилсудским состоялась лишь 1 мая 1933 г.²⁸.

Поначалу руководители советской дипломатии с недоверием отнеслись к этим знакам внимания. 4 апреля 1933 г. Стомоняков писал Антонову-Овсеенко: «Торжество Гитлера в Германии и прогрессирующая офензива ревизионистских элементов в Европе продолжают усиливать настроение за сближение с нами в Польше и вызывают со стороны польского правительства стремление преувеличивать перед внешним миром улучшение отношений с СССР». Он выражал беспокойство по поводу «неверных сообщений», появившихся в печати разных стран, «о заключении между Польшей и СССР далеко идущих соглашений и об установлении единого фронта Польши и СССР против Гитлера». Стомоняков был уверен, что подобные слухи исходят «в основе из польских источников», и высказывал предположение, что даже инициатива встречи Пилсудского с Антоновым-Овсеенко «продиктована, очевидно, соображениями того же порядка», то есть желанием продемонстрировать хорошие отношения с СССР. Тем не менее, полагал Стомоняков, в сложившихся условиях «мы не заинтересованы в том, чтобы разоблачать попытки польского правительства преувеличивать перед внешним миром размеры достигнутого соглашения между нашими странами. Это не противоречит нашим интересам и может оказать весьма полезное влияние на политику германского правительства»²⁹.

Сомнения относительно искренности демонстрируемого Польшей желания улучшить отношения с СССР оставались у советских дипломатов и в дальнейшем. Тем не менее анализ расстановки сил в Европе убеждал их в наличии объективных условий для сотрудничества с этой страной. 19 апреля 1933 г. Стомоняков в письме Антонову-Овсеенко утверждал, что «постановка ревизионистских проектов в по-

рядок дня европейской политики» привела к ухудшению международного положения Польши, «увеличив шансы вооруженного столкновения между Польшей и Германией». Отсюда «очевидное стремление Польши если не к улучшению, то по крайней мере к манифестированию улучшения отношений с нами». Стомоняков находил, что «это стремление Польши целиком отвечает также и нашим интересам». Поэтому, заключал он, в руководстве наркомата «решили по всем текущим вопросам наших отношений, где это только допускается нашими интересами, идти на встречу польским предложениям и стремиться не только укрепить наши отношения с Польшей, но также манифестировать перед внешним миром их улучшение»³⁰. Можно сказать, советская дипломатия брала курс на сближение с Польшей.

Однако осуществление этого курса почти сразу же натолкнулось на препятствия. 12 июня 1933 г. Стомоняков отмечал «известное заторможение со стороны польского правительства тенденции к сближению с нами». Это обстоятельство он прямо связывал с наметившейся «перспективой польско-германского сближения», причем, что особенно беспокоило его, за счет интересов соседей Польши на востоке — Литвы и Советского Союза³¹.

О том, что польское правительство было бы готово пойти на уступки гитлеровцам в их притязаниях к другим странам, лишь бы они оставили в покое Польшу, советские дипломаты знали из беседы М. М. Литвинова с польским посланником Ю. Лукасевичем, состоявшейся еще 23 марта 1933 г. Обсуждая с ним положение в Европе в свете прихода к власти в Германии нацистов, нарком «высказал предположение, что Польша, вероятно, не возражает против аншлюса [Австрии], который на время отвлечет мысли Германии от Востока». В ответ он услышал, что «Польша действительно принципиальных возражений не имеет, хотя и сознает, что это значительно укрепит Германию»³².

Возможность польско-германского компромисса на почве взаимных территориальных компенсаций за счет третьих стран тревожила советскую дипломатию. В письме Антонову-Овсеенко от 19 июня 1933 г. Стомоняков допускал такой вариант развития событий: «Оккупация Польшей Литвы... возможна в случае вооруженного конфликта на Дальнем Востоке и последующего на нас нападения со стороны Польши». Член коллегии НКВД отмечал вместе с тем целый ряд «имевших место за последнее время фактов и обстоятельств, подтверждающих решимость Пилсудского, манифестируя вовне улучшение отношений с нами, в то же время не допускать углубления этих отношений и никоим образом не связывать себе рук в отношении нас»³³.

Тем не менее «разрядка напряженности»³⁴, обозначившаяся в советско-польских отношениях весной 1933 г., принесла ощутимые плоды, хотя и не столь весомые, как на то рассчитывала советская сторона.

Еще в феврале 1933 г. СССР внес на рассмотрение Международной конференции по разоружению в Женеве проект декларации об определении нападающей стороны. 9 апреля того же года предложение заключить региональную конвенцию об определении агрессии М. М. Литвинов передал польскому посланнику в Москве Ю. Лукасевичу. Хотя переговоры по этому вопросу завершились сравнительно быстро, советские дипломаты были скорее разочарованы их результатом. Они первоначально предполагали, что конвенцию подпишут наряду с Советским Союзом

государства Восточной Европы, Ближнего Востока и даже Японии³⁵. Однако Польша категорически возражала против того, чтобы в конвенции принимали участие государства, не являющиеся непосредственными соседями СССР.

Поэтому в Лондоне, где по случаю Международной экономической конференции собрались руководители дипломатических ведомств европейских стран, была подписана не одна общая, а две различные конвенции об определении агрессии³⁶. В комментариях Стомонякова к этому событию отчетливо сквозит разочарование. 19 июля 1933 г. он писал Антонову-Овсеенко: Польша на переговорах всячески стремилась «умалить» значение конвенции, «делая ее как бы частным и второстепенным дополнением к пактам о ненападении»; хотела «ослабить значение конвенции как самостоятельного политического акта». Такую позицию польской стороны Стомоняков объяснял «прежде всего упорным нежеланием Польши допустить усиление международного влияния и авторитета СССР». Он усматривал в этом свидетельство «двойственности поведения Польши по отношению к СССР». «Польша, — писал он, — ведет весьма сложную дипломатическую игру, которая учитывает не только возможность дальнейшего улучшения советско-польских отношений, но и возможность ухудшения их». Все это, по словам Стомонякова, «обязывает нас к весьма большой настороженности по отношению к Польше и к серьезному недоверию к польской политике»³⁷.

Как бы то ни было, советские дипломаты могли поздравить себя с тем, что конвенция об определении агрессии при всех ее недочетах была благополучно подписана и вступила в силу. По общему мнению историков, это событие наряду с заключением пакта о ненападении явилось кульминацией «разрядки», высшей точкой в развитии советско-польских отношений, за которой последовал их глубокий спад.

Могли ли договоренности 1932–1933 гг., наоборот, послужить основой для более тесного сотрудничества обоих государств в международных делах? Хоть это и недоказуемо, мы все же рискнем ответить утвердительно. В начале 1930-х годов между Советским Союзом и Польшей еще не было непреодолимых разногласий, касавшихся безопасности того и другого государства. Такие разногласия возникли, но только спустя несколько лет, когда и сами эти государства, особенно Советский Союз, сильно изменились. Но до той поры, как нам представляется, они еще вполне были способны вместе «написать» другую, «альтернативную» историю и своих отношений, и, думается, Европы в целом...

Признаки спада в советско-польских отношениях не остались незамеченными советскими дипломатами. Летом 1933 г. они обратили внимание на слухи, циркулировавшие в столицах Европы, об оживленных контактах между представителями Польши и Германии. 6 июля 1933 г. М. М. Литвинов, находившийся в Париже проездом из Лондона, сообщил в НКВД о своих беседах с Ж. Поль-Бонкуром и Э. Даладьё (соответственно министром иностранных дел и премьер-министром Франции), которые ему «намекали на какие-то польско-германские переговоры». Причем Даладьё высказался «еще определеннее о поощрении Германией польских мечтаний, давая этим понять, что речь идет... об Украине»³⁸.

В НКВД к этим слухам отнеслись более чем серьезно. 19 июля 1933 г. Б. С. Стомоняков, сообщая о них В. А. Антонову-Овсеенко, сопоставил их с «рядом других

фактов из области польско-германских отношений, которые заставляют нас сильно тревожиться». В частности, он отмечал «чрезвычайную сдержанность польской печати по отношению к Германии», а также то обстоятельство, что «германская печать в еще большей мере проявляет сдержанность по отношению к Польше». Поэтому Стомоняков не исключал, что «преисполненные зоологической ненавистью к СССР гитлеровцы... стремятся нащупать возможность соглашения против СССР с Польшей». Весьма вероятным ему представлялось и то, что «Пилсудский и Бек могли пойти на неофициальные переговоры с Германией о таком соглашении», ведь «ниоткуда не следует... что Пилсудский отказался навсегда от своей старой концепции — соглашения с Германией с целью развязать себе руки для осуществления федералистических планов³⁹ за счет СССР»⁴⁰.

На Кузнецком мосту, следовательно, допускали возможность польско-германского соглашения. Поэтому было бы преувеличением сказать, что известие о свидании Гитлера с польским посланником Ю. Липским, которое состоялось 15 ноября 1933 г. в Берлине, стало для НКВД полной неожиданностью. Тем не менее и сама эта встреча, и то, какое значение ей придавали как в Польше, так и в Германии (об этой встрече в печати было опубликовано официальное коммюнике, часто называемое в советских источниках «декларацией»), произвели там скверное впечатление. Неприятно задело советских дипломатов и то, что польская сторона фактически тайком от них подготовила берлинскую встречу и даже после ее завершения не поспешила дать им необходимые разъяснения. 17 ноября 1933 г. поверенный в делах СССР в Польше Б. Г. Подольский встретился с Ю. Бекком на приеме, устроенном супругой министра, но тот в беседе с ним ни словом не обмолвился о польско-германской «декларации» от 15 ноября⁴¹.

Лишь 20 ноября 1933 г. состоялось объяснение между Ю. Бекком и полпредом В. А. Антоновым-Овсеенко. Последний выслушал доводы польского министра, лишь время от времени прерывая его речь замечаниями. Когда Бек порадовался тому, что «в Москве польско-германское соглашение принято спокойно», Антонов-Овсеенко не стал с ним спорить, ограничившись замечанием: «...мы готовы приветствовать все, содействующее умиротворению отношений». Вместе с тем полпред выразил недоумение, «почему данный демарш Польши был окружен такой таинственностью». В Советском Союзе, добавил он, «мы были прямо дезинформированы... мы никогда не поступали таким образом с представителями Польши»⁴².

Чтобы разобраться в характере польско-германского соглашения, Антонов-Овсеенко провел собственное расследование. Он беседовал с Бекком и с рядом осведомленных польских журналистов, которые пытались убедить его в том, что это соглашение не направлено против интересов третьих стран, в том числе Советского Союза. Полпред с недоверием выслушал доводы своих собеседников. Один из них, редактор «Газеты польской» Б. Медзинский, уверял его, что «недавно вновь маршалом [Пилсудским] подтверждена линия на дальнейшее углубление отношений с СССР и что Бек якобы собирается обсудить с ним этот вопрос. 23 ноября 1933 г. Антонов-Овсеенко опять был принят польским министром, но разговор, по словам полпреда, «не оправдал тех ожиданий, которые были во мне вызваны намеками Медзинского». Еще больше озадачил Антонова-Овсеенко публицист И. Матушевский, который обрушился с критикой на политику Советского Союза. Он

заявил полпреду, что его «больше беспокоит наше [Советского Союза. — А. Р.] поведение». При этом он выражал недовольство тем, что послом Германии в СССР был назначен Р. Надольный, якобы поехавший в Москву «восстанавливать Рапалло», то есть сотрудничество СССР и Германии предположительно на антипольской основе⁴³.

В итоге своего расследования Антонов-Овсеенко не пришел к однозначной оценке «декларации» 15 ноября. Вроде бы, отмечал он, «в беседе с Липским Гитлер прошупывал и возможность антисоветского сговора, но не встретил благоприятной почвы». Поэтому, продолжал полпред, «по отношению к нам... данный акт не вносит изменений»⁴⁴. Однако общее впечатление от самой встречи Гитлера с Липским, от того, какой политический резонанс она вызвала, у Антонова-Овсеенко осталось неблагоприятное. Свои доводы он резюмировал так: «За срыв нашего сближения [с Польшей] работают большие силы», и эти силы «работают с крайней энергией»⁴⁵.

Первоначально Антонов-Овсеенко не придавал значения одному эпизоду своей беседы с Беком, состоявшейся 23 ноября. Лишь 1 декабря 1933 г. он сообщил в НКВД о пожелании Бека предпринять некие согласованные с СССР действия в отношении прибалтийских государств с целью, как выразился польский министр, «укрепления этого мягкого пункта» на карте Европы⁴⁶. Но на Кузнецком мосту обратили внимание на пожелание Бека и решили воспользоваться им как пробным камнем отношения Польши к СССР⁴⁷.

14 декабря 1933 г. в беседе с Лукасевичем Литвинов поднял «тему о Прибалтике». Сославшись на то, что Бек в разговоре с Антоновым-Овсеенко «затруднился сделать какое-либо конкретное предложение» по этому вопросу, нарком выступил с инициативой «совместной декларации относительно судьбы Прибалтики», проект которой он тут же вручил польскому посланнику. В документе выражалась решимость СССР и Польши защищать «неприкосновенность и полную экономическую и политическую независимость» прибалтийских стран, а также обязательство «вступить в немедленный контакт и обсудить создавшееся положение» в случае угрозы независимости этим странам⁴⁸.

То, что происходило потом, первоначально напоминало чудесный сон. Казалось, никогда раньше не удавалось договориться с Польшей так легко и быстро, как на этот раз. Уже 19 декабря к Литвинову явился Лукасевич, чтобы передать ответ Бека, который в изложении наркома гласил: «Предложенная мною декларация соответствует его собственным взглядам и... он считает принципиально возможным сделать эту декларацию при подходящем случае». Нарком высказал предложение, что самым подходящим случаем для подписания совместной декларации по Прибалтике был бы приезд Бека в Москву. Литвинов при этом напомнил, что его и Чичерина визиты в Варшаву (соответственно в 1922, а также в 1922 и 1925 г.) остались без ответа. Лукасевич не возражал, заявив, что «не видит никаких затруднений для приезда Бека в Москву»⁴⁹.

22 декабря 1933 г. любезностями обменялись в Варшаве Антонов-Овсеенко и Бек. Полпред заявил, что предложение Литвинова о совместной декларации явилось «выражением особого доверия к консеквентности польской политики в отношении Советского Союза». В ответ министр заверил его, что «не намерен тянуть с выработкой декларации, предложенной Литвиновым»⁵⁰. 29 декабря польская мис-

сия в Москве сообщила, что Бек согласен приехать в СССР и что, по его мнению, совместную декларацию по Прибалтике «удобнее всего будет сделать во время его посещения Москвы»⁵¹.

Вполне удовлетворенный ходом событий, М. М. Литвинов 11 января 1934 г., после очередной встречи с Ю. Лукасевичем, отмечал: «Бек не изменил своего отношения к нашему предложению о декларации... он готов участвовать в ней...»⁵². 13 января 1934 г. он сообщал полпреду в Италии В. П. Потемкину: «С Польшей мы недавно обменивались мнениями о судьбе Прибалтики... Мы констатировали, что оба правительства заинтересованы в сохранении Прибалтикой полной экономической и политической независимости»⁵³.

Не иначе как полной уверенностью руководителей советской дипломатии в благоприятном завершении начатого дела объясняется то, что Сталин, выступая 26 января 1934 г. с отчетным докладом ЦК ВКП(б) XVII съезду партии, дал высокую оценку советско-польским отношениям. В ряду событий международной жизни, имеющих, по выражению докладчика, «бесспорно серьезное значение», был назван «перелом к лучшему в отношениях между СССР и Польшей, между СССР и Францией, который произошел в последнее время». Содержание этого «перелома» Сталин определил следующим образом: «Дело не только в том, что мы подписали пакт о ненападении с этими странами, хотя сам по себе пакт имеет серьезнейшее значение. Дело прежде всего в том, что атмосфера, зараженная взаимным недоверием, начинает рассеиваться». Впрочем, в бочку меда Сталин добавил и ложку дегтя, язвительно заметив: «Это не значит, конечно, что наметившийся процесс сближения можно рассматривать как достаточно прочный, обеспечивающий конечный успех дела. Неожиданности и зигзаги политики, например, в Польше, где антисоветские настроения еще сильны, далеко еще нельзя считать исключенными»⁵⁴.

По иронии судьбы, доклад на партийном съезде был зачитан в то время, когда упомянутая в нем оценка советско-польских отношений фактически уже устарела. Вполне оправдалось лишь замечание о «зигзагах» польской политики.

По-видимому, ни НКВД, ни политическое руководство страны в должной мере не оценили значения новости, которую еще 11 января 1934 г. Литвинову «конфиденциально» сообщил Лукасевич: Польша получила от Германии формальное предложение подписать «пакт о ненападении». Судя по записи беседы, Литвинов довольствовался заверением польского посланника, что переговоры об этом пакте «будут вестись в плоскости польско-германских отношений, не будут касаться разоружения и третьих стран» и что Польша подписанием этого «пакта» всего лишь «стремится привести отношения с Германией в линию отношений последней с другими соседями» (намек на Локарнские соглашения 1925 г., гарантировавшие неприкосновенность границ с Германией ее западных соседей). Литвинов даже попросил Лукасевича передать Беку благодарность за это сообщение, очевидно, расценивая его как знак доверия в отношениях между обеими странами⁵⁵.

26 января 1934 г. в Берлине была подписана польско-германская Декларация о ненападении и взаимопонимании (часто называемая в советских источниках «пактом»), ставшая важной вехой в истории отношений Польши со всеми ее соседями.

Об этом событии польский МИД в тот же день уведомил советского полпреда. Вице-министр иностранных дел Я. Шембек даже зачитал ему предварительный

текст этой декларации, «твердо» при этом заявив, что «за документом нет более ничего, никаких иных соглашений»⁵⁶. Антонов-Овсеенко усомнился в этом и спросил: «А чем же он оплачен?», то есть чем Польша расплатилась с Германией за ее отказ от ревизионистских требований. Шембек, «покраснев», ответил ему: «Ничем»⁵⁷.

Впрочем, претензии Антонова-Овсеенко относились не столько к содержанию польско-германского «пакта», сколько к тому, что он вообще был заключен. 29 января 1934 г. в беседе с Беком он прямо поставил под сомнение уместность, своевременность подписания этого документа: «Всякое усиление Германии вредно для дела мира; данный договор, несомненно, укрепляет режим Гитлера, увеличивает его кредитоспособность за границей» и т.д. К этой мысли он возвращается в беседе еще раз: «Повторяю Беку, что не сомневаюсь, конечно, в том, что за польско-германским договором нет ничего иного, но объективно значение этого акта затрагивает чужие интересы»⁵⁸.

Как мы видим, непосредственная реакция советских дипломатов на сообщения о подготовке и подписании польско-германской декларации 26 января была сравнительно мягкой. Тем более их удивило, что почти сразу же после этого события польская сторона в общении с ними резко сменила тон, впервые за много месяцев демонстрируя свой крутой нрав. В упомянутой выше беседе с полпредом 29 января Ю. Бек подверг критике речь И.В. Сталина на партийном съезде, усмотрев в ней «выражение недоверия в стабильность» [так в источнике. — *А. Р.*] польской политики по отношению к СССР. Мало того, сославшись на некие высказывания премьер-министра Литвы Д. Зауниуса, пытавшегося связать предлагаемую декларацию по Прибалтике с вильнюсским вопросом, он фактически выразил не только сомнение в возможности подписания советско-польской декларации по Прибалтике, но и недоверие главе советской дипломатии: «Г-н Литвинов говорил, что Литва вполне поддерживает нашу инициативу, а теперь Литва вдруг обусловливает эту поддержку возвращением Вильно!»⁵⁹.

Советские дипломаты не сразу догадались, что польская сторона своими действиями сознательно провоцировала дипломатический скандал. Но факты были слишком красноречивы. 1 февраля 1934 г. Литвинов в Москве встретился с польским посланником. Согласно записи беседы, «Лукаевич сразу заговорил в агрессивном тоне о недовольстве, вызванном в Польше заявлением т. Сталина о зигзагах польской политики». Упомянул он и о Зауниусе, злополучное выступление которого якобы было инспирировано советской стороной. Но главное, посланник раскрыл цели, которые ставила перед собой польская дипломатия, затеявая скандал с Советским Союзом. В изложении Литвинова это выглядело так: «Л[укаевич] не уполномочен Беком заявлять мне что-либо по поводу намеченного приезда Бека в Москву, но он, Лукаевич, лично сомневается теперь в возможности этой поездки, которая была задумана в совершенно другой обстановке — обстановке доверия. Высказывая опять-таки свое личное мнение, Л[укаевич] полагает, что декларация о Прибалтике может теперь отпасть...»⁶⁰. После этих заявлений посланника у Литвинова не осталось сомнений в том, что произошло нечто более серьезное, чем простое недоумение. Его вопрос: «Думает ли Лукаевич, что если у нас есть недоверие, как он полагает, то лучшим средством устранения его является отказ Бека от поездки?» — остался без ответа⁶¹.

Материалы, с которыми мы ознакомились, по нашему мнению, с абсолютной ясностью свидетельствуют о том, что советско-польский дипломатический скандал действительно имел место, что он был инспирирован польской стороной и разыгран ею четко, как по нотам. Можно даже сказать — разыгран в соответствии с законами классической драматургии: первый акт (завязка) — беседа Бека с Антоновым-Овсеенко 29 января, второй акт (кульминация) — заявление Лукасевича Литвинову 1 февраля. Третий акт (развязка) этого спектакля был сыгран 3 февраля 1934 г., когда польский посланник вновь предстал перед Литвиновым, на этот раз — с инструкциями от Бека⁶².

По версии Литвинова, эта встреча с посланником началась так: «Читая по записке, Л[укасевич] заявил приблизительно следующее (записано почти текстуально). Бек просил передать, что независимо от сущности вопроса он полагает, что Балтийская декларация оказалась тактически неудавшейся и вызвавшей много осложнений». В обоснование своей позиции по этому вопросу Бек ссылаясь прежде всего на «вредную для польских интересов реперкуссию в Литве», то есть все те же высказывания Зауниуса. Впрочем, в заключение Бек все же выражал готовность приехать в Москву, если советская сторона подтвердит желательность его приезда. Выслушав Лукасевича, Литвинов попытался объяснить ему «абсолютную неубедительность польской аргументации» против декларации о Прибалтике: «Зауниус может говорить сколько ему угодно о Виленщине, как он говорил до сих пор», но «декларация ведь будет сделана только Бекком и мной» [то есть Литвиновым. — *А. Р.*]. Позицию Польши ему было трудно понять еще и потому, что «идея [советско-польского] сотрудничества в Прибалтике была высказана впервые г. Бекком». Литвинов посетовал на то, что «теряется подобный повод действительного укрепления взаимного доверия и создания благоприятной почвы для дальнейшего сотрудничества». Тем не менее, подвел он итог, «мы будем рады принять г. Бека в Москве и независимо от декларации»⁶³.

Первым, кто догадался о том, что советская дипломатия угодила в ловушку, подстроенную для нее польскими коллегами, был В.А. Антонов-Овсеенко. Еще осенью 1933 г., сопоставив ряд событий, он обратил внимание на некий «параллелизм» в действиях польской стороны. Всего лишь за неделю до подписания польско-германской «декларации» 15 ноября 1933 г. Варшавой была организована широко разрекламированная поездка в Москву делегации польских летчиков во главе с полковником Райским. Это событие привлекло внимание дипломатических кругов, сопровождалось газетной шумихой по обе стороны советско-польской границы⁶⁴. А через несколько дней по завершении визита делегации Райского произошел, по выражению Антонова-Овсеенко, «польский маневр в Берлине». «Нет ли здесь розыгрыша?» — вопрошал дипломат⁶⁵. В целом у него сложилось «впечатление шахматного хода маршала [Пилсудского] — демонстрация [то есть отвлекающий маневр. — *А. Р.*] в Москве, чтобы нанести, учтя ее впечатление, удар в Берлине»⁶⁶.

Подобным же образом польские дипломаты «разыграли» своих советских коллег и в конце 1933 — начале 1934 г. Под шумок переговоров по балтийскому вопросу, игравших роль отвлекающего маневра, они подготовили и подписали в Берлине «пакт» 26 января. Понятно, что целью дипломатической игры, в которую польской дипломатии удалось вовлечь Советский Союз, было создание своего рода дымовой

завесы вокруг попыток Польши прийти к соглашению с гитлеровским правительством Германии.

Как нам представляется, уроки этого «розыгрыша» были учтены советской дипломатией, которая в дальнейшем усвоила по отношению к Польше заметно более жесткий тон. Кроме того, вскоре после упомянутого дипломатического скандала В. А. Антонов-Овсеенко был отозван с должности полномочного представителя СССР в Польше. Его место занял Я. Х. Давтян, вручивший свои верительные грамоты президенту Польской Республики 13 апреля 1934 г.

Отказ Польши подписать декларацию о Прибалтике означал для советской дипломатии отнюдь не только удар по самолюбию. Напомним читателю, что эта декларация рассматривалась советской стороной как пробный камень отношения Польши к СССР. Теперь всякие сомнения отпали. Как утверждал Стомоняков в письме Антонову-Овсеенко от 4 февраля 1934 г., «отказ Польши от прибалтийской акции» свидетельствует «о далеко идущем характере польско-германского сближения»⁶⁷.

Отныне советских дипломатов занимал главным образом вопрос о том, какие угрозы вытекают для Советского Союза из курса Польши на сближение с Германией. Увы, прогнозы оказались неутешительными, особенно для безопасности западных границ СССР. Советские дипломаты обратили внимание на отсутствие в польско-германском «пакте» 26 января «обычной клаузулы» об утрате им силы, если одна из сторон нападет на третье государство. «Невозможно представить себе, — писал Стомоняков, — чтобы опущение этой клаузулы не имело специального значения... Отсутствие указанной клаузулы в польско-германском договоре фактически обеспечивает Германии нейтралитет Польши в случае германской агрессии против тех стран, с которыми у Польши нет союзных договоров, специально оговоренных в польско-германском договоре. Это означает, что Польша будет соблюдать нейтралитет не только в случае германского вторжения в Австрию, но также и при германской агрессии против Литвы и вообще на Восток»⁶⁸.

Советская дипломатия воспользовалась визитом Ю. Бека в Москву, состоявшимся 13–15 февраля 1934 г., чтобы не только замять недавний дипломатический скандал, но и по возможности приглушить эффект польско-германского «пакта». Литвинов и Бек вели продолжительные беседы, не избегая острых вопросов. Самым трудным из них был, конечно, вопрос об отношениях обеих стран с Германией. Литвинов не согласился с мыслью Бека о том, что с Германией стало «легче столкнуться» с тех пор, как ею перестали править «пруссаки». Напротив, утверждал он, «пруссский дух... господствует теперь во всей Германии» и находит «наиболее яркое выражение в учениях гитлеровцев». Он призывал своего собеседника судить «о стремлениях гитлеровцев» не по нынешним «политическим речам» Гитлера, обильно приправленным «пацифистской фразеологией», а по их «прежней литературе»⁶⁹.

Впрочем, прямо польско-германский «пакт» Литвинов критиковать не стал. Наоборот, он даже похвально о нем отозвался: «Поскольку польско-германское соглашение способствует мирному урегулированию отношений между двумя странами, мы это соглашение приветствуем». Но как бы в шутку он заметил, что это соглашение вызывает «некоторую ревность» советской стороны, поскольку Польша заключила его с Германией на 10 лет, тогда как договор о ненападении с СССР —

всего лишь на 3 года. Этой шуткой Литвинов совершенно обезоружил Бека, который «явно смутился... и даже заерзал на стуле». Литвинов воспользовался замешательством собеседника и добился от него принципиального согласия на то, чтобы, «не дожидаясь истечения срока советско-польского договора о ненападении, теперь же продлить его на десять лет»⁷⁰.

В результате переговоров удалось снизить напряженность в советско-польских отношениях и даже создать видимость их улучшения. В частности, стороны достигли договоренности о возведении их дипломатических представительств в ранг посольств⁷¹.

Но общее впечатление Литвинова от визита польского министра осталось крайне неблагоприятным: «Налицо, несомненно, серьезный поворот в ориентации политики Польши». Беседы с Бекком убедили наркома в том, что «Польша считает себя на ближайшее время обеспеченной со стороны Германии». Хотя Литвинов и был далек от мысли, что «Польша уже заключила какое-либо секретное соглашение с Германией», но он вполне допускал, что «Польша из разговоров с немцами убедилась в возможности такого соглашения в тот момент, когда Польша этого захочет». В любом случае, считал нарком, «сотрудничество с Польшей в отношении Германии» для Советского Союза в ближайшей перспективе исключено, равно как «отпадает окончательно возможность какой-либо совместной акции в интересах безопасности Балтийских стран». Впрочем, Литвинов предполагал, что у советской дипломатии по-прежнему остается рычаг воздействия на политику соседней страны. «Польша, — рассуждал он, — считает полезным для себя свою новую ориентацию или даже новые планы маскировать поддержанием внешне хороших отношений с нами или даже улучшением их. Эта маскировка полезна и нам, и поэтому следует идти Польше навстречу», чтобы «несколько затруднить польскому правительству переход на враждебные нам рельсы»⁷².

Повод привести в действие этот рычаг представился советской дипломатии спустя самое непродолжительное время. Едва завершился визит Ю. Бека в Москву, как польская сторона попыталась уклониться от выполнения достигнутых тогда договоренностей. 20 февраля 1934 г. в беседе с М. М. Литвиновым польский посланник Ю. Лукасевич «высказал свои личные соображения» о том, что продление советско-польского договора о ненападении должно быть увязано со сроками аналогичных пактов СССР с государствами Прибалтики и даже с заключением такого же пакта с Румынией. В неофициальном порядке Литвинов дал понять Лукасевичу, что не разделяет его мнения по данному вопросу⁷³. Комментируя эту беседу, Литвинов позднее отмечал, что идея продления советско-польского пакта на 10 лет Польше совсем «не улыбалась», но поскольку отклонить советское предложение ей было «неудобно», она и выдвинула ряд «условий» и «требований»⁷⁴.

Лишь 25 марта 1934 г. Ю. Лукасевич ознакомил Б. С. Стомонякова с официальным ответом Польши на советское предложение. Суть заявления польского посланника сводилась к тому, что «продление польско-советского пакта невозможно без одновременной “синхронизации” аналогичных пактов СССР с прибалтийскими государствами. Это требование Лукасевич мотивировал «заинтересованностью Польши» в безопасности этих государств. Стомоняков, охарактеризовав польский ответ как «отклонение» советского предложения, не преминул уколоть

посланника тем, что Польша, подписывая «10-летний пакт с Германией», не проявляла «при этом никакой заботы о прибалтийских государствах». С иронией Стомоняков добавил, что «польское правительство... отклоняет наше предложение... хотя и заявляет, что его отношения с СССР более дружественны, чем отношения с Германией»⁷⁵.

Между тем советская дипломатия не бездействовала. Она сама приготовила Польше сюрприз. 28 марта 1934 г. Стомоняков сообщил Лукасевичу, что еще до приезда Бека в Москву Советский Союз предложил странам Прибалтики продлить на 10 лет заключенные с ними договоры о ненападении и что правительства Эстонии, Латвии и Литвы приняли советское предложение. Это заявление, по свидетельству Стомонякова, произвело на посланника ошеломляющее впечатление: «Л[укасеви]ч был, видимо, застигнут врасплох... слегка побледнел и потом с большой предупредительностью заявил, что он немедленно передаст мое заявление в Варшаву. Затем после небольшой паузы, явно расстроенный и не зная, что сказать, он прибавил с чрезмерной учтивостью, что он сейчас же по приходе в миссию пошлет телеграмму... Потом наступила новая пауза неловкого молчания; Л[укасеви]ч не смотрел на меня, а движение мускулов на его лице выдавало его волнение»⁷⁶.

Литвинов не скрывал удовлетворения. 4 апреля 1934 г. он писал временному поверенному в делах СССР во Франции М. И. Розенбергу: «Польша явно загнана нами в угол». Правда, уточнял он, польская сторона выдвинула новое требование — «аннулирование в той или иной форме ноты Чичерина о Литве от 1926 г.»⁷⁷, но она «быстро убедилась... в невозможности для нас выполнения этого требования». В итоге нарком выражал уверенность, что Польша, «в конце концов, не сможет теперь уйти от продления пакта»⁷⁸.

Прогноз Литвинова вполне оправдался. 5 мая 1934 г. в Москве был подписан протокол о продлении срока действия договора о ненападении между СССР и Польшей. Но это было слабым утешением на фоне общего охлаждения в советско-польских отношениях. Во всяком случае, мы не заметили, чтобы советские дипломаты ликовали по этому поводу.

Правда, несмотря на неудачу двустороннего сближения с Польшей, у них к этому времени возникла надежда наладить сотрудничество с Польшей в формате многосторонних отношений. Еще в октябре 1933 г. Франция, озабоченная агрессивными амбициями гитлеровской Германии, предложила Советскому Союзу заключить договор о взаимной помощи⁷⁹. Это предложение вполне отвечало как интересам безопасности СССР, так и новому направлению его внешней политики. Советский Союз уже давно отказался от огульной критики существующего международного порядка и все активней выступал в его защиту от посягательств со стороны «агрессивных государств». Положительно оценив инициативу Франции, советское правительство со своей стороны высказалось за привлечение к участию в советско-французском договоре стран Восточной Европы. Сторонником регионального пакта стран Восточной Европы оказался и Л. Барту, назначенный в феврале 1934 г. министром иностранных дел Франции. Уже 20 апреля он сообщил советским дипломатам в Париже о готовности приступить к переговорам. Чтобы уточнить позицию польского правительства, 22–24 апреля 1934 г. Барту нанес визит в Варшаву⁸⁰.

Советские дипломаты критически оценивали шансы французского министра на успех в польской столице. 24 апреля Розенберг предупреждал генерального секретаря МИД Франции А. Леже: «Не похоже на то, что Польша намерена изыскивать новые гарантии в отношении опасности агрессии со стороны Германии, каковая ей представляется вообще нереальной на ближайшие годы»⁸¹.

И действительно, из Варшавы Барту вернулся практически ни с чем. Но, к недоумению советских дипломатов, это отнюдь не поколебало доверия их французских коллег к политике Польши. Поэтому стоило только послу Франции в СССР Ш. Альфану в беседе с М. М. Литвиновым 7 мая 1934 г. заикнуться о том, что он не разделяет советского «пессимизма в отношении Польши», как тот с раздражением возразил: «Если говорить о нашем недоверии, то оно ведь основано на фактах. Мы вели с Польшей весьма серьезные разговоры о сотрудничестве, и эти разговоры были прекращены по инициативе поляков. Приняв наше предложение о декларации в пользу независимости Прибалтики, Польша после подписания пакта с Германией от декларации отказалась. Наше предложение о продлении пакта Польшей саботировалось свыше двух месяцев. Я уже не касаюсь слухов и толков о секретных польско-германских соглашениях. Наконец, результаты варшавских бесед Барту скорее подтверждают, чем опровергают эти слухи»⁸².

Спрашивается, на что рассчитывала советская дипломатия, питая столь глубокое недоверие к политике Польши? Судя по нашим источникам, единственно на то, что, как писал Литвинов 27 июня 1934 г., «Франция имеет в своем распоряжении достаточные средства давления на Польшу, чтобы заставить ее примкнуть к пакту»⁸³.

В том, что и переговоры французского посла в Польше Ж. Лароша с Ю. Бекон, состоявшиеся в Варшаве⁸⁴, не изменили позицию польского правительства по проекту Восточного пакта, советские дипломаты усмотрели еще одно косвенное доказательство наличия каких-то тайных договоренностей между Польшей и Германией. 4 июля 1934 г. Альфан сообщил Стомонякову, что польский министр на этих переговорах держался «уклончиво и по существу ничего не сказал». Впрочем, по мнению Альфана, это отнюдь не означало, что «Польша была связана с Германией». Польша, утверждал он, просто «хочет вести независимую от всех других держав политику балансирования, выступая в роли чуть ли не арбитра в важных европейских вопросах». Доводы Альфана не убедили Стомонякова, заметившего в ответ: «Я тоже думал прежде, что Пилсудский ведет политику свободных рук, однако за последние месяцы изменил свое мнение. Мне кажется непонятным, чтобы Пилсудский вел политику, подрывающую и подорвавшую доверие к Польше во всех странах... без того, чтобы Польша имела за это какую-то серьезную компенсацию со стороны Германии»⁸⁵.

В тот же день, 4 июля, Стомоняков писал Давтяну: «Основную роль в провале пакта играет, конечно, Польша, позиция которой, вследствие занимаемого Польшей географического положения, несомненно, является главным препятствием к осуществлению этой акции»⁸⁶.

Все же советская дипломатия была настолько заинтересована в соглашении с Польшей, что Литвинов с воодушевлением отзывался на малейшие признаки пе-

ремены в позиции Варшавы. 27 сентября 1934 г. он сообщал из Женевы о «записке» с перечнем замечаний польской стороны к проекту Восточного пакта, которую Барту получил от Бека. По мнению наркома, читавшего эту записку, замечания излагались в ней в форме «условий» присоединения Польши к пакту. Литвинова обнадеживало то, что польская сторона хотя бы не выдвигала возражений против пакта. Польский министр лично заверил его, что «отнюдь не закрывает двери для дальнейших переговоров». У наркома даже сложилось впечатление, будто Бек учел ранее сделанный ему «намек на возможность освобождения Польши от обязательств в отношении Литвы»⁸⁷. 21 ноября 1934 г. Литвинов, беседуя в Женеве с П. Лавалем, который после трагической гибели Барту занял пост министра иностранных дел Франции, предложил «освободить Польшу» в случае ее участия в Восточном пакте от «оказания помощи» не только Литве, но и Чехословакии⁸⁸.

Между тем советские дипломаты отмечали «значительное ухудшение тона» высказываний польской печати о Советском Союзе. Как полагал Стомоняков (в письме Давтяну от 23 ноября 1934 г.), это не оставляло никакого сомнения «в том, что польское правительство уже не придает такого значения поддержанию иллюзий хороших отношений с СССР, как в прошлом, и даже, может быть, подготавливает польскую общественность к выявлению дальнейшей эволюции польской политики во враждебном СССР направлении»⁸⁹.

Думается, не случайно осенью 1934 г. Польша снова упоминается в советской дипломатической переписке в связи с вопросом о военных угрозах безопасности СССР. В одном случае поводом для этого послужило неофициальное предложение заключить Восточный пакт без участия Франции и Чехословакии, сделанное полпреду в Берлине Я. З. Сурицу главой германской делегации на Женевской конференции по разоружению Р. Надольным⁹⁰. Литвинов сразу усмотрел в этом предложении подвох. 4 ноября 1934 г. он писал Сурицу: «В самом деле, какую гарантию нам дает его предложение против нападения Германии на Прибалтику и на СССР? Помощь Польши. А что, если Германия нападет на нас и на Прибалтику совместно с Польшей? Ведь под подозрением у нас находятся оба государства»⁹¹. В другом случае Стомоняков обратил внимание Давтяна на «сведения о растущей близости между Польшей и Японией, о подготовке [ими] заключения союзного договора или даже о состоявшемся заключении такового»⁹².

Своего рода моментом истины в советско-польских отношениях стала беседа Литвинова с Лукасевичем, состоявшаяся 10 февраля 1935 г.⁹³ Она привела к серьезной размолвке между ними, последствия которой, как нам представляется, ощущались потом еще очень долго. Согласно записи беседы, посол пришел к наркому якобы с невинной целью — пожаловаться на неудовлетворительное состояние отношений между обеими странами. Но от жалоб он быстро перешел к обвинениям в адрес Советского Союза, который, по его словам, якобы «придает большее значение союзу с Францией, чем своим добрососедским отношениям с Польшей», и даже хуже того — приносит их в жертву своим «стремлениям в области большой политики». Как понял Литвинов, посол пытался убедить его в том, что «мы не должны видеть опасности для Польши там, где сама Польша ее не видит», поскольку «она считает себя совершенно безопасной со стороны Германии».

Особенно поразило наркома заявление Лукасевича о том, что, поскольку Советский Союз не имеет «общей границы» с Германией, полякам «приходится поэтому подозревать, что его энергичное стремление к Восточному пакту имеет совершенно иное содержание». Хотя Лукасевич не пояснил, что он имел в виду, но об этом и так можно было догадаться. Литвинов выразил удивление наивностью посла: «Неужели он [Лукасевич. — А. Р.] серьезно думает, что литовская или латвийская армии могут служить барьером против нападения на нас Германии? Неужели он не понимает, что эти армии могут быть опрокинуты в 3 дня даже нынешним рейхсвером... Разве Польша с этим готова мириться?» Вместе с тем нарком еще раз выразил глубокую обеспокоенность советской стороны политикой Польши: «Раз Польша... отклоняет всякие гарантии против такой эвентуальности, то отсюда естественно предположение о наличии какого-то другого соглашения между Германией и Польшей, в котором, может быть, говорится не только о Прибалтике».

В заключение беседы Литвинов четко сформулировал позицию советской дипломатии по вопросу об отношениях с Польшей: «Мерилом этих отношений для данного времени является реакция Польши на предложение о Восточном пакте».

Даже отказ Германии от соблюдения военных статей Версальского договора, к разочарованию советских дипломатов, не вызвал беспокойства польских официальных лиц. 17 марта 1935 г. Давтян был приглашен «на чай» к супруге польского министра иностранных дел. И хотя, как он свидетельствует, «большинство разговоров вертелось вокруг объявления воинской повинности в Германии», сам «Бек отсутствовал во избежание, очевидно, нежелательных расспросов на эту тему». Зато полпреду удалось побеседовать с премьер-министром Польши Л. Козловским. Не без иронии Давтян рассказывает: «На мой прямой вопрос, что же думает Польша об этом, Козловский с обычной своей “солдатской откровенностью” сказал, что он спокоен. “Я имею 30 дивизий, и неплохих дивизий, и я спокоен за Польшу”»⁹⁴.

В апреле 1935 г. Польша отклонила еще один компромиссный вариант проекта Восточного пакта, предложенный ей на этот раз Великобританией⁹⁵. 2 и 16 мая последовало подписание соответственно советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. Вследствие этих событий активный политический диалог между Советским Союзом и Польшей, продолжавшийся в течение нескольких лет, был прерван.

Значило ли это, что советская дипломатия окончательно поставила крест на планах сотрудничества с Польшей по вопросам европейской безопасности или же просто решила выдержать характер?

Москва, как нам представляется, по-прежнему придавала большое значение отношениям с Варшавой. Поэтому так взволновало Давтяна явное расположение, которое впервые после длительного перерыва стали проявлять к нему польские официальные лица. 17 января 1936 г. он телеграммой известил НКВД об импровизированных беседах, состоявшихся у него накануне вечером во время обеда у президента Польской Республики И. Мосьцицкого. Сначала к полпреду подошел Ю. Бек и, «специально» отведя его в сторону, сообщил, что «желает улучшения отношений» с Советским Союзом. При этом министр настойчиво — «весьма подчеркнуто (и повторно)» — пытался убедить Давтяна в том, что «Польша никогда ни в

каких комбинациях против СССР участвовать не будет». У полпреда сложилось впечатление, что Бек «вообще всем своим поведением... хотел подчеркнуть желание Польши улучшить отношения с нами». Затем с Давтяном так «дружественно и долго (отдельно) разговаривал» генерал Рыдз-Смиглы, фактически второе лицо в правящей верхушке Польши, что, по наблюдениям полпреда, это «даже обратило внимание присутствовавших»⁹⁶.

Подобные «светские любезности» произвели тем большее впечатление на полпреда, что не далее как 10 января 1936 г. внешнюю политику Польши публично, с трибуны II сессии ЦИК СССР, подверг резкой критике председатель СНК В.М. Молотов. В частности, он многозначительно сказал, что гитлеровская Германия, вынашивающая захватнические планы в отношении СССР, но для отвода глаз ссылающаяся на отсутствие с ним общей границы, «вошла в особые отношения с Польшей, имеющей достаточно большие границы с Советским Союзом»⁹⁷. В письме Стомонякову от 24 января 1936 г. Давтян с удовлетворением отмечал, что «Бек... вполне сознательно уклонился от полемики... и не реагировал на доклад т. Молотова». Свои впечатления от контактов с польскими официальными лицами он резюмировал так: «Поляки сейчас взяли определенную линию улучшения внешних отношений с нами»⁹⁸.

М. М. Литвинов на сообщение полпреда о беседе с руководителем польской дипломатии откликнулся незамедлительно. 18 января он телеграфировал в НКВД: «Бек явно старается любезничать с нами». Считая, что такое поведение польской стороны не противоречило советским интересам, нарком принял решение: «Можно и нам отвечать тем же»⁹⁹.

Спустя пару месяцев — новая сенсация. 24 марта 1936 г. Литвинов телеграфировал из Лондона (где он участвовал в заседании Совета Лиги наций): «Бек... готов, если мы этого желаем, к дальнейшему обмену мнениями по назревшим вопросам... он готов поговорить и по вопросам по существу и дать соответственные инструкции своему послу в Москве». Хотя Литвинов с «удовлетворением» принял предложение Бека, сомнения в искренности польского министра у него остались. Об этом он прямо и сообщил в телеграмме: «Однако я серьезного значения заявлению Бека не придаю»¹⁰⁰.

Сомнения наркома оказались небеспочвенными. 19 апреля 1936 г. в Москве к нему на прием напросился польский посол Лукасевич. К удивлению Литвинова, посол «пришел лишь побеседовать, без дела». Нарком «напомнил ему о последнем заявлении Бека в Лондоне, когда Бек, говоря о наших отношениях..., сказал, что он готов к обмену мнениями относительно возможности улучшения отношений и поручит с этой целью Лукасевичу обратиться к нему, Литвинову». Но оказалось, что польский посол не получал от Бека на этот счет «никаких инструкций».

Стомоняков, из письма которого к Давтяну мы и узнали подробности этого странного визита, в мелком дипломатическом инциденте усмотрел проявление глубокой закономерности: «Этот факт, разумеется, никого из нас не удивляет. Антисоветский курс польской политики не только не ослабляется, но, пожалуй, даже усиливается за последнее время. Польское правительство все больше и больше открыто перед лицом всего польского общества берет курс против всякого сближения с Советским Союзом»¹⁰¹.

Можно не сомневаться, советские дипломаты принимали в расчет далеко не только происшествия подобного рода. Гораздо больше их тревожили подозрения, превратившиеся к этому времени в твердое убеждение, что Польша либо близка к соглашению, либо уже вступила в сговор с Германией за счет интересов Советского Союза.

Как мы убедились, эта тема давно, по меньшей мере с середины 1933 г., обсуждалась в советских дипломатических кругах. Но в 1936 г. ей стали уделять значительно больше внимания, чем когда-либо раньше. Как отмечалось выше, 10 января 1936 г. на возможность сговора поляков с гитлеровцами впервые публично намекнул Молотов. 4 марта Стомоняков обратил внимание временного поверенного в делах СССР в Польше Б. Г. Подольского ни больше ни меньше как на попытку «сколачивания блока фашистских государств», включая не только Италию, Германию, Японию, но и Польшу¹⁰². 16 марта 1936 г. о польско-германском сговоре почти как о непреложной истине упоминал заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский, беседуя с французским журналистом Ж. Шастене. По вопросу о Польше между ним и Шастене во время беседы обнаружились разногласия, суть которых советский дипломат определил так: «Мы с ним [Шастене. — *А. Р.*] исходим из разных концепций современной польской политики. В то время как он рассматривает Польшу прежде всего как верного союзника Франции, который будет драться за Францию, мне кажется, что Польша тесно связала себя с Германией договоренностью и не выступит против Германии, разве что дело началось бы с нападения Германии на Польшу»¹⁰³.

Все это дает нам основание утверждать, перефразируя Литвинова, что отношение Польши к Германии отныне стало для советской дипломатии главным «мерилом» и советско-польских отношений.

Еще некоторое время советские дипломаты не исключали возможности перемен в польской политике, ослабления польско-германских связей. Ведь было очевидно, что гитлеровская Германия представляла угрозу для безопасности не только Советского Союза, но и Польши. Именно поэтому они тщательно отслеживали любые признаки трений между Польшей и Германией. 28 августа 1936 г. полпред в Германии Я.З. Суриц отмечал неустойчивость базы, на которой «строятся отношения Германии с... ее потенциальным союзником — Польшей» и которую подрывает «некоторое укрепление франко-польских отношений»¹⁰⁴. В сентябре 1936 г. внимание советской дипломатии привлекли известия о том, что Рыдз-Смиглы якобы «письменно» заверил французов «в отсутствии какого бы то ни было соглашения против СССР и Чехословакии между Польшей и Германией»¹⁰⁵.

Разными способами советские дипломаты старались убедить правительство Польши отказаться от ориентации на Германию. 16 марта 1936 г. Н. Н. Крестинский прямо предупреждал его об опрометчивости такой политики. Каковы бы ни были, заявлял он, мотивы той сделки с Германией, на которую пошло польское правительство «с целью откупиться от немецкой агрессии... Польша на этом может сильно прогадать, ибо, если у Германии не будет достаточно сил, чтобы напасть на СССР и Францию, она может начать именно с Польши»¹⁰⁶.

К методу исторических аналогий прибегал Давтян. В беседе с Бекем 2 ноября 1936 г. он ссылаясь на пример Великобритании, «нерешительное поведение кото-

рой перед войной 1914 г. ускорило нападение Германии». Полпред пытался внушить польскому министру мысль о том, что «и сейчас более твердая и определенная политика способствовала бы делу мира», намекая при этом «и на колебания Польши». Поскольку Бек, выслушав его доводы, пустился в «пространные» рассуждения об общих «принципах» внешней политики Польши, полпред зашел с другой стороны: «Когда мы говорим о германской агрессии, мы отнюдь не думаем только об СССР, ибо Германия в первую очередь угрожает другим (я намекнул и на Польшу)». Впрочем, и на этот раз польский министр сделал вид, что не понял намека. Согласно записи беседы, Бек стал убеждать собеседника, что «никогда не считал серьезной возможность германской агрессии против СССР без содействия Польши», которая со своей стороны этого «не допустит, и пр.»¹⁰⁷.

Осенью 1936 г. в отношении советской дипломатии к Польше обозначился еще один важный рубеж: с этого времени никаких признаков того, что советские дипломаты еще питали какие-то надежды на перемену курса польской политики и предпринимали попытки вызвать польских представителей на откровенное обсуждение этого вопроса, мы не обнаруживаем. Зато бросается в глаза, что их суждения о политике Польши становятся день ото дня все жестче и непримиримее. Приведем всего лишь несколько характерных примеров.

18 октября 1936 г. Давтян пишет Крестинскому: «Польша не только не стремится сейчас к улучшению своих отношений с СССР, но, наоборот, усиливает свою дипломатическую акцию против нас, уже почти не считая нужным вуалировать ее»¹⁰⁸. 26 апреля 1937 г. он же, оглядываясь на недавнее прошлое, с горечью констатирует: «Можно без преувеличения сказать, что [за] последний год польская внешняя политика еще больше сомкнулась с линией германской политики и стала более откровенно антисоветской»¹⁰⁹.

19 сентября 1937 г. заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин в беседе с посланником Румынии в СССР Э. Чиунту так характеризует польскую политику: «Вопреки национальным интересам Польши, требующим от нее лояльного сотрудничества с державами, проводящими политику мира, ее нынешнее правительство идет на поводу у Германии, толкающей Польшу на путь опаснейших авантур. Рано или поздно Польше придется расплачиваться за эту политику». В ответ на уточняющий вопрос румынского посланника Потемкин добавляет: по пагубному пути «ведет Польшу ее фашистское правительство, связавшее свою судьбу с Гитлером»¹¹⁰.

12 ноября 1937 г. временный поверенный в делах СССР в Польше Б. Д. Виноградов определяет политику Бека как «германофильскую» и выражает опасение, что «возможная тотализация и без того уже фашистского режима несомненно будет толкать пилсудчиков еще больше, чем раньше, в объятия Гитлера»¹¹¹. Месяц спустя, 12 декабря, он же, характеризуя «общее направление польской внешней политики», подчеркивал «ее прогитлеровский характер в вопросах Лиги наций, системы коллективной безопасности и Малой Антанты»¹¹².

К этому времени у советских дипломатов не осталось сомнений в том, что Польша заодно с Германией стремилась к изменению границ стран Восточной Европы в свою пользу. 26 апреля 1937 г. Давтян так прокомментировал состоявшийся незадолго до того визит Бека в Румынию: «Польша с азартом включилась в общую

германо-итальянскую обработку Румынии, активно исполняя свои обязанности союзника Германии, в надежде на свою долю добычи при перекройке карты Дунайского бассейна, в первую очередь, конечно, Чехословакии»¹¹³.

Советские дипломаты задумывались над тем, к каким последствиям могла привести такая политика Польши. Виноградов, беседуя в декабре 1937 г. с министром иностранных дел Франции И. Дельбосом, находившимся с визитом в Варшаве, предложил ему представить себе те, как он не без сарказма выразился, «интересные комбинации», которые возникнут «в случае вооруженного нападения Германии на Чехословакию». По мнению советского дипломата, даже вступление Франции в войну на стороне Чехословакии вряд ли может побудить Польшу отказаться от «благожелательного для Германии нейтралитета». Но если Советский Союз вступит в войну на стороне Чехословакии и Франции, то «Польша должна будет присоединиться к Германии и выступить против Чехословакии, и против СССР, а стало быть, и против Франции». Таким образом, заключил Виноградов, «уже теперь можно сказать с совершенной определенностью, что Франция, финансируя польские вооружения, поддерживает своего эвентуального противника»¹¹⁴.

Эти суждения и оценки вряд ли предполагают многозначное истолкование. По мнению советских дипломатов, в своих отношениях с Германией (как их ни называй — сближением, «балансированием» и т.д.) Польша зашла слишком далеко. В итоге интересы безопасности СССР пришли в противоречие с политикой, проводимой польским правительством. Подразумевалось, что у Советского Союза не осталось другого выбора, как самостоятельно позаботиться о собственной безопасности, без оглядки на Польшу.

Читатель спросит: было ли адекватным восприятие советскими дипломатами внешней политики Польши, в достаточной ли мере соответствовало оно действительности? Большой и сложный вопрос, ответить на который мы в настоящей работе даже не предполагали — настолько он обширен и трудоемок. В чем-то советская дипломатия, несомненно, была права, например, в том, что амбиции Польши, ее территориальные притязания к соседям могут для всех обернуться большой бедой. В чем-то, напротив, советская дипломатия ошибалась. Скажем, она явно переоценивала степень близости Польши и Германии, подозревая наличие между ними тайного агрессивного союза. Но ведь в своих расчетах, в оценке действительного положения ошибались правительства и других стран. Построенной на песке оказалась политика «умиротворения» Германии, проводимая государствами Запада. Не лучшим образом проявила себя и польская политика «балансирования». Но, повторяем, оценка достоверности восприятия советской дипломатией польской политики не входила в нашу задачу. Мы всего лишь пытались разобраться, какими мотивами руководствовался Советский Союз в отношениях с Польшей. Ведь для истории важно знать не только объективное положение дел, но и субъективное представление о нем лиц, принимающих «судбоносные» решения.

¹ Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001.

² С. З. Случ пишет о «глубоко укоренившейся неприязни Сталина к Польше еще со времени поражения в польско-советской войне 1920 г.» (Случ С. З. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 92). Авторы другого труда утверждают: «В сознание Сталина... было заложено жестко негативное восприятие как итогов

[советско-польской] войны, так и страны противника. Окрашенные личными мотивами мрачные воспоминания наложили свой деструктивный отпечаток на последующее развитие двусторонних отношений» (*Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катинский синдром в советско-польских отношениях. М., 2001. С. 22). Впрочем, какая-то особая антипатия Сталина к Польше не подтверждается другими исследованиями. М. М. Наринский приводит данные, свидетельствующие о том, что именно «Сталин дал категорическое указание начать переговоры с Польшей» о заключении пакта о ненападении, и цитирует высказывание советского вождя, осуждающее «обшемещанское поветрие “антиполонизма”» (Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов.. С. 28–29).

³ Документы внешней политики СССР. М., 1969–1976. Т. 15–20 (Далее: ДВП); Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1967–1969. Т. V–VI (далее: ДМИСПО).

⁴ *Михутина И. В.* Советско-польские отношения 1931–1935 гг. М., 1974; *Слущ С. З.* Германопольский пакт о ненападении 1934 г. — дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе // Ежегодник германской истории. 1983. М., 1984; *его же.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши...; *Яжборовская И. С.* Советская пропаганда 20–30-х гг. Складывание традиций и стереотипов советско-польских отношений и их верификация // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. *Związki kulturalne między Polską a Rosją, XI–XX w.* М., 1998; *Ken O.* Collective security or isolation? Soviet foreign policy and Poland, 1930–1935. St. Petersburg, 1996; *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004; *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Указ. соч.; и др.

⁵ ДВП. Т. 17. С. 132.

⁶ ДМИСПО. Т. VI. С. 65.

⁷ ДВП. Т. 18. С. 137.

⁸ Там же. Т. 19. С. 41–42.

⁹ Там же. С. 240.

¹⁰ Там же. Т. 17. С. 293–295.

¹¹ Там же. Т. 18. С. 619.

¹² Там же. С. 314.

¹³ ДМИСПО. Т. V. С. 105, 106, 110, 129 и др.

¹⁴ 12 октября 1932 г. советский полпред передал в МИД Польши ноту, в которой сообщалось о шести случаях незаконных перелетов советской границы польскими самолетами, имевших место за истекший год (ДВП. Т. 15. С. 567–568).

¹⁵ Разумеется, не забывалось и убийство в Варшаве полпреда П. Л. Войкова в 1927 г., хотя официально инцидент был признан исчерпанным.

¹⁶ ДВП. Т. 20. С. 195.

¹⁷ Там же. С. 649.

¹⁸ Там же. Т. 19. С. 413–414.

¹⁹ Там же. Т. 20. С. 604.

²⁰ Там же. С. 635.

²¹ Там же. С. 647.

²² Там же. С. 605.

²³ Там же. Т. 15. С. 36–37.

²⁴ Там же. С. 274–275.

²⁵ Там же. С. 272–273.

²⁶ Советско-польский договор о ненападении был ратифицирован ЦИК СССР и президентом Польской Республики соответственно 27 ноября и 26 ноября 1932 г.

²⁷ ДВП. Т. 15. С. 644–645.

²⁸ Там же. Т. 16. С. 202.

²⁹ Там же. С. 218–219.

³⁰ Там же. С. 252.

³¹ Там же. С. 842.

³² Там же. С. 183.

³³ Там же. С. 355–356.

³⁴ Это выражение используется в польских дипломатических документах, в том числе в Циркулярном письме МИД Польши дипломатическим миссиям о конвенции об определении агрессии 3 июля 1933 г. (ДМИСПО. Т. VI. С. 61).

2. 1920–1930-е годы в истории советско-польских отношений

³⁵ Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, отметим лишь, что за рубежом советский проект региональной конвенции об определении агрессии воспринимался как попытка СССР создать «какой-то блок восточноевропейских государств, направленный против соглашения западных государств», т.е. против «пакта четырех» (Запись беседы Н. Н. Крестинского с послом Италии в СССР Аттолико 14 августа 1933 г. См.: ДВП. Т. 16. С. 484).

³⁶ 3 июля 1933 г. СССР подписал конвенцию с участием Польши и стран-лимитрофов (Румынии, Турции, Персии, Афганистана, Эстонии и Латвии) и 4 июля 1933 г. — с членами Малой Антанты (Румынией, Чехословакией и Югославией), а также с Турцией. Конвенция 4 июля была открыта для подписания и другими странами. 5 июля 1933 г. СССР подписал отдельную конвенцию об определении агрессии с Литвой.

³⁷ ДМИСПО. Т. VI. С. 60–62.

³⁸ ДВП. Т. 16. С. 416.

³⁹ Еще в пору восстановления польского государства Пилсудский считал, что в его состав помимо собственно польских земель должны войти часть Литвы, Западная Белоруссия и Западная Украина. На остальной территории Белоруссии и Украины, равно как и на других национальных окраинах Российской империи следовало, по его мнению, образовать дружественные Варшаве независимые государства. Литва и Белоруссия должны были возродиться как единое государство по образцу Великого княжества Литовского и вступить в федеративные отношения с Польшей. А с формально независимой Приднепровской Украиной были бы установлены союзные отношения. В результате между Польшей и Россией вновь, как и до 1569 г., не было бы общей границы. См.: *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. М., 2008.

⁴⁰ ДМИСПО. Т. VI. С. 62, 68.

⁴¹ ДВП. Т. 16. С. 660–662.

⁴² Там же. С. 667–668.

⁴³ Там же. С. 670, 672.

⁴⁴ Там же. С. 691, 693.

⁴⁵ Там же. С. 672, 694.

⁴⁶ Там же. С. 698.

⁴⁷ И. В. Михутина отмечает: «Предложением о прибалтийской декларации советская дипломатия, безусловно, хотела проверить, как повлияет стремление правящих кругов Польши к сближению с Германией на их намерения в отношении СССР». См.: *Михутина И. В.* Советско-польские отношения: 1931–1935. М., 1977. С. 142.

⁴⁸ ДВП. Т. 16. С. 746–747.

⁴⁹ Там же. С. 755–756.

⁵⁰ Там же. С. 762.

⁵¹ Там же. С. 770.

⁵² Там же. Т. 17. С. 38.

⁵³ Там же. С. 43.

⁵⁴ Там же. С. 85.

⁵⁵ Там же. С. 40.

⁵⁶ 24 февраля 1934 г. было подписано секретное дополнение к польско-германскому «пакту», касавшееся характера и методов обработки общественного мнения обеих стран в духе резко изменившихся отношений между ними. См.: *Случ С. З.* Германо-польский пакт... С. 99.

⁵⁷ ДМИСПО. Т. VI. С. 156.

⁵⁸ Там же. С. 157.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 158.

⁶¹ Там же. С. 160.

⁶² Эти события О. Н. Кен оценивает как «самый серьезный кризис в советско-польских отношениях в межвоенный период». *Ken O.* Collective security... P. 117.

⁶³ ДМИСПО. Т. VI. С. 161–163.

⁶⁴ Из-за нелетной погоды делегация польских летчиков добралась до Москвы 7 ноября 1933 г. Советские власти организовали ей помпезную встречу — почетный караул, оркестр, флаги. Пока делегация гостила в Москве, ее принимали командующий ВВС РККА Я. И. Алкснис, «всесоюзный старо-

ста» М. И. Калинин, заместитель наркома по военным и морским делам М. Н. Тухачевский и др. 14 ноября польские летчики вернулись в Варшаву (ДМИСПО. Т. VI. С. 102–104).

⁶⁵ ДВП. Т. 16. С. 694.

⁶⁶ Там же. С. 672.

⁶⁷ Там же. Т. 17. С. 107.

⁶⁸ Там же. С. 107–109.

⁶⁹ Там же. С. 132–133.

⁷⁰ Там же. С. 134.

⁷¹ Это соглашение вступило в силу 10 апреля 1934 г.

⁷² ДВП. Т. 17. С. 139.

⁷³ Там же. С. 155.

⁷⁴ Там же. С. 234–235.

⁷⁵ Там же. С. 204–208.

⁷⁶ ДМИСПО. Т. VI. С. 187–188.

⁷⁷ В ноте наркома иностранных дел СССР Г. В. Чичерина 28 сентября 1926 г. исполняющему обязанности министра иностранных дел Литвы М. Сляжевичюсу говорилось: «Союзное правительство заявляет, что фактическое нарушение литовских границ, имевшее место против воли литовского народа, не поколебало его отношения к территориальному суверенитету» Литвы (ДВП. Т. 9. С. 448).

⁷⁸ Там же. Т. 17. С. 235.

⁷⁹ Белоусова З. С. Указ. соч. С. 152 и сл.

⁸⁰ Михутина И. В. Указ. соч. С. 182–183.

⁸¹ ДВП. Т. 17. С. 297.

⁸² Там же. С. 317–318.

⁸³ Там же. С. 412–413.

⁸⁴ 25 июня 1934 г. Лярош представил на рассмотрение польского правительства проект соглашений, предусмотренных Восточным пактом. См.: Михутина И. В. Указ. соч. С. 202.

⁸⁵ ДВП. Т. 17. С. 441–442.

⁸⁶ Там же. С. 443.

⁸⁷ Там же. С. 617–618.

⁸⁸ Там же. С. 683–684.

⁸⁹ Там же. С. 694.

⁹⁰ Белоусова З. С. Указ. соч. С. 191.

⁹¹ ДВП. Т. 17. С. 663.

⁹² Там же. С. 665.

⁹³ Там же. Т. 18. С. 78–82.

⁹⁴ Там же. С. 187.

⁹⁵ Михутина И. В. Указ. соч. С. 255–260.

⁹⁶ ДВП. Т. 19. С. 31.

⁹⁷ Там же. С. 701.

⁹⁸ Там же. С. 39.

⁹⁹ Там же. С. 33.

¹⁰⁰ Там же. С. 185.

¹⁰¹ Там же. С. 235.

¹⁰² Там же. С. 118.

¹⁰³ Там же. С. 149.

¹⁰⁴ Там же. С. 411.

¹⁰⁵ Там же. С. 431.

¹⁰⁶ Там же. С. 149.

¹⁰⁷ Там же. С. 535–536.

¹⁰⁸ Там же. С. 498.

¹⁰⁹ Там же. Т. 20. С. 194.

¹¹⁰ Там же. С. 508.

¹¹¹ Там же. С. 604.

¹¹² Там же. С. 649–650.

¹¹³ Там же. С. 194.

¹¹⁴ Там же. С. 652–653.

После заключения Рижского договора 1921 г. польско-советские отношения концентрировались вокруг реализации его постановлений, в основном экономического и финансового характера, а практически постоянно возникавшие конфликты происходили исключительно из-за неторопливости Москвы. Польская сторона толковала все пункты договора буквально и ставила в зависимость от их реализации все последующие шаги, что было естественно, но двусторонних отношений никак не улучшало. Договор отражал соотношение сил на момент его подписания, которое со временем менялось и менялось не в пользу Польши. Последнюю неудачную попытку заставить Москву выполнять рижские договоренности путем политического давления предпринял во второй половине 1923 г. правоцентристский кабинет премьер-министра Винцена Витоса. И лишь следующий премьер, Владислав Грабский, пришел к выводу, что при столь низком уровне взаимоотношений страдают интересы польской экономики. В 1924 г. он предпринял попытку изменить такое положение вещей, одновременно заморозив требования к СССР по выполнению постановлений Рижского договора. Такая политика в принципе способствовала нормализации взаимоотношений, но их уровень оставался по-прежнему весьма низок. Причиной этого не в последнюю очередь стало предпочтение Советским Союзом германского направления — прежде всего в политике, но также и экономике, что было следствием Рапальского договора.

Проблема всестороннего улучшения польско-советских отношений решалась, если можно так выразиться, своим путем. Во взаимных же политических контактах на высоком уровне превалировала проблема отношения обоих государств к планируемым изменениям в германском вопросе. К этому добавились разработанный западными державами план оздоровления германской экономики (план Дауэса) и предпринятые ими шаги по отмене для Германии статуса побежденного государства. Кампания, развернутая британской дипломатией, привела к созыву конференции в Локарно, а затем и к принятию Веймарской республики в Лигу наций.

Тенденция к изменению статуса Германии вызвала обеспокоенность польских властей. Беспокойство, правда иного рода, испытывал в этой связи и Советский Союз, заинтересованный в продолжении сотрудничества с Германией в рамках Рапалло. В сложившейся ситуации главы министерств иностранных дел Польши и России Александр Скшиньский и Георгий Чичерин даже предприняли попытку прийти к соглашению об общей позиции в связи с новым европейским подходом к германскому вопросу. На встрече в Варшаве в конце сентября 1925 г. Скшиньский и Чичерин обменялись мнениями в преддверии конференции в Локарно, однако не решились принять никаких обязывающих документов и не выработали единой позиции. Обе стороны были заинтересованы в пропагандистском эффекте этой встречи, но друг другу по-прежнему не доверяли.

Именно на этих консультациях советская сторона впервые озвучила предложение заключить пакт о взаимном ненападении. Под знаком разработки этого пакта и развивались двусторонние отношения вплоть до начала 1930-х годов.

Рейнский договор и пакет соглашений, подписанных в Локарно, неминуемо направляли в будущем потенциальную германскую экспансию на Восток. Это был удар и по безопасности II Речи Посполитой, и — в дальнейшей перспективе — угроза для безопасности СССР.

Польша и СССР после Локарно. Суть поражения, понесенного польской дипломатией в Локарно, состояла в ослаблении польско-французского союза, прежде всего в выведении из-под гарантий держав, а следовательно, в постановке в качестве открытой проблемы вопроса о восточных границах Германии.

Рейнский пакт несомненно нарушил и концепцию европейской политики Советского Союза, которая опиралась на Рапалльский договор и предусматривала перманентный конфликт между Германией и Версальской системой. Возникал вопрос, будет ли вообще возможно продолжение советско-германского сотрудничества, столь продвинутого, особенно в военно-технической области.

После Рапалло Германия инвестировала в СССР большие средства. Была создана сеть промышленных предприятий, полигонов, училищ и иных военных организаций в отраслях, которые Берлин не имел права иметь по Версальскому договору. Всем этим занимался так называемый Центр Москва (*Zentrale Moskau*) — подразделение рейхсвера, выполнявшее функции зарубежной секции генерального штаба, иметь который Германии запрещалось. В ведении Центра находились, в частности, авиакомплекс в Липецке, включавший учебный комплекс подготовки летного состава, аэродром, ремонтные мастерские, испытательные стенды, ангары, гаражи и пр.; новейший завод по производству отравляющих боевых газов, построенный фирмой *Stolzenberg*; центр подготовки военных химиков в Саратове, такой же центр подготовки танкистов под Казанью; военный завод «Юнкерс». Москва высоко ценила это сотрудничество, и поэтому ее волновало, будет ли оно продолжено.

Начатые в Локарно советско-германские переговоры как раз и ставили своей целью прояснить, будет ли продолжено взаимодействие двух государств, начатое ранее на антиверсальской основе. В результате в апреле 1926 г. был подписан советско-германский пакт о ненападении и нейтралитете (так называемый Берлинский договор). Из этого соглашения однозначно следовало, что взятый в Рапалло курс не только не изменился, но и укрепился, невзирая на изменения, которые произошли в международной позиции Берлина.

Подписание Берлинского договора стало для Польши серьезным ударом. Рапалльская петля не только не ослабла (что могло произойти после Локарно), но затянулась еще туже. Даже наметившийся успех польских усилий привлечь прибалтийские государства к поддержке концепции так называемого Восточного Локарно лишь в очень малой степени мог повлиять на трудное положение II Речи Посполитой и способствовать укреплению ее безопасности.

Майский переворот 1926 г. и переход всей власти в государстве к Юзефу Пилсудскому если и изменили политику Второй Польской Республики по отношению к восточному соседу, то только к лучшему. Ослабление польско-французского союза после Локарно и явно уменьшавшаяся роль Франции в формировании международных отношений на континенте естественным образом заставляли польское руководство искать альтернативу для обеспечения безопасности страны. Дистанцирование и весьма прохладная реакция Великобритании на предпринятые ранее польской стороной усилия в этом направлении, можно сказать, прямо толкали Польшу на поиски такой альтернативы среди ближайших, представляющих для нее реальную угрозу соседей, чтобы не допустить их сближения на антипольской осно-

ве. Именно из этих соображений складывалось убеждение, что отношения П Речи Посполитой с Германией и Советским Союзом не должны быть хуже, чем отношения этих стран друг с другом. Оставался открытым лишь вопрос, как этого достигнуть, учитывая недоверие на линии Москва — Варшава и неизменную враждебность между Берлином и Варшавой, с июня 1925 г. только возросшую в результате таможенной войны, при одновременном советско-германском сближении.

Поэтому Пилсудский — главный вдохновитель польской внешней политики после 1926 г. — приоритетом польской дипломатии считал необходимость убедить Москву и Берлин в нейтралитете Польши, в том, что она не позволит втянуть себя в какой бы то ни было конфликт, где ей пришлось бы поддерживать одно из этих государств против другого.

Однако предпринятые новым польским правительством, в основном руководителем внешнеполитического ведомства Августом Залеским, инициативы по оживлению диалога были встречены в СССР весьма сдержанно. Возможно, это объяснялось их максимализмом, особенно по вопросу подписания буквально в течение нескольких дней двустороннего пакта о ненападении. Тем не менее переговоры по этому вопросу были возобновлены.

Символическим жестом, свидетельствующим о вступлении отношений двух стран в новую, лучшую фазу, стало согласие на аккредитацию в Москве нового польского посла Станислава Патека, который был лично знаком со многими советскими лидерами еще по политическим процессам в царской России, на которых он выступал в качестве адвоката. Направление в Москву посла, пользовавшегося доверием Пилсудского, расценивалось как хороший шанс на прогресс в переговорах по пакту о ненападении.

Переговоры, которые вел Патека, с самого начала шли через пень колоду и с большими перерывами. Обе стороны подходили к ним сверхосторожно, а тактика всякий раз оказывалась важнее сути дела. С самого начала проблемой стала сама формула соглашения. Польская сторона хотела видеть его многосторонним или превратить в серию соглашений, подписанных СССР с государствами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Нет сомнения, что для Польши было жизненно важным разрядить напряженность в отношениях как с Советским Союзом, так и с Германией. В пакте о ненападении с Москвой Варшава видела существенный фактор укрепления общей безопасности своего государства, подорванной Локарно и германо-советским договором, заключенным в апреле 1926 г. При этом Варшава не доверяла советским властям и считала необходимым подстраховываться, включая любые переговоры с ними в широкий международный контекст. В первую очередь это относилось к соглашению о ненападении, к которому пытались «подключить» прибалтийские республики и Румынию. Однако такой подход не сулил успеха в переговорах.

Все перечисленные трудности усугубило совершенное в июне 1927 г. на вокзале в Варшаве покушение на советского полпреда в Польше Петра Войкова. В этот драматический момент польское правительство приложило максимум усилий, чтобы сгладить конфликт. Высшие польские власти поспешили выразить свои соболезнования; убийца был арестован и осужден в ускоренном порядке. Тем не менее переговоры по пакту о ненападении явно затормозились.

Весьма справедливым представляется суждение, что Польша была крайне заинтересована в ведении переговоров с Советским Союзом о пакте, но гораздо меньше — в его заключении. Варшава хорошо понимала, что ее главный союзник, Франция, весьма серьезно рассматривает возможность уменьшить свою зависимость от Великобритании путем политического сближения с СССР. Подписание польско-советского пакта о ненападении только укрепило бы эту тенденцию, что в польском МИДе рассматривали как не полностью отвечающее национальным интересам страны.

Отношение Польши и СССР к инициативам по коллективной безопасности. После Локарно в международных отношениях все более явственно выступала тенденция к укреплению Лиги наций. Множились инициативы под знаком триады: безопасность — арбитраж — разоружение. Доминировали подготовка к созыву всемирной конференции по разоружению, а также попытки выработать соглашение об исключении войны как способа разрешения международных споров. Советский Союз активно включился в этот диалог. По всей вероятности, это решение стало следствием вывода о невозможности осуществить в данный момент мировую революцию и, следовательно, о необходимости переждать в безопасности, пока не появится новый шанс. Вступив в многосторонний диалог, Москва могла контролировать его ход, вовремя обнаруживая опасные места.

Польша также присоединилась к международному диалогу, хотя маршал Пилсудский весьма скептически относился к многосторонним механизмам, предпочитая укреплять безопасность государства в рамках двусторонних отношений.

Представители обеих стран встретились, в частности, в Комиссии по подготовке всемирной конференции по разоружению. Делегация СССР участвовала в работе этой комиссии начиная с четвертой сессии (ноябрь 1927 г.). Из всех упомянутых факторов с формальной точки зрения самое большое влияние на развитие польско-советских отношений оказал подписанный в августе 1928 г. многосторонний трактат об отказе от войны — так называемый пакт Бриана—Келлога.

Принимая во внимание очень длительный процесс ратификации подписанного в Париже соглашения, советская дипломатия предложила Польше сделать договоренности пакта Бриана—Келлога обязательными для соблюдения с момента его ратификации обоими государствами, не дожидаясь окончания всего многостороннего и сложного процесса. Министр иностранных дел Август Залеский от имени польского руководства немедленно поддержал эту инициативу и декларировал заинтересованность Польши в более раннем региональном введении в жизнь постановлений пакта.

Предложение, внесенное заместителем наркома иностранных дел СССР Максимом Литвиновым, носило открытый характер, и им воспользовался целый ряд государств Центральной и Юго-Восточной Европы и некоторые государства Азии. 9 февраля 1929 г. представители пяти стран — Латвии, Польши, Румынии, СССР и Эстонии подписали в Москве соответствующий протокол, к которому вскоре присоединились Литва, Персия и Турция. Региональное соглашение об отказе от войны как инструмента национальной политики стало фактом, что с точки зрения дипломатии договоров по принципу *pacta sunt servanda*, несомненно, повысило безопасность подписавших его государств. Это стало успехом Советского Союза, ко-

торый сумел противопоставить изоляции, грозившей ему после разрыва в мае 1927 г. советско-британских отношений, реализацию инициативы московского протокола. Но есть все основания говорить и об успехе польской политики по укреплению безопасности в регионе.

Договор о ненападении. Дипломатическая акция, связанная с московским протоколом, и ее успешный итог на некоторое время отодвинули польско-советские переговоры по договору о ненападении. К ним вернулись в мало обязывающих формах только осенью 1930 г. МИД Польской Республики приступил в это время к разработке новой актуализированной версии соглашения, последовательно опираясь на условие параллельного заключения Москвой подобных договоров с прибалтийскими республиками и Румынией.

Проблема советско-польского договора была тогда тесно увязана с французским контекстом — попыткой комплексного улучшения отношений между Москвой и Парижем, вызванной кризисом рапальской политики. В апреле 1931 г. генеральный секретарь французского внешнеполитического ведомства Филипп Бертело представил полпреду СССР в Париже Валериану Довгалеvскому проект принципиального улучшения двусторонних отношений, включавший подписание пакта о ненападении, консульской конвенции, торгового соглашения и ряда других, менее важных документов. Вскоре после этого в неофициальной беседе в Женеве Аристид Бриан сообщил Максиму Литвинову, что французское правительство обуславливает заключение двустороннего пакта о ненападении с Москвой одновременным подписанием подобных соглашений СССР с Польшей и Румынией.

Советско-французские переговоры быстро продвигались вперед, но польское правительство не было информировано об их ходе. Поэтому для него стало полной неожиданностью сообщение о парафировании договора в течение ближайших двух дней, переданное 8 августа из посольства Польши в Париже.

В свою очередь МИД Франции 23 сентября 1931 г. официально уведомил советского полпреда Довгалеvского об *unctim*, ставящем подписание парафированного проекта договора в зависимость от заключения Москвой подобного соглашения с Польшей: «заключению франко-советского пакта должно предшествовать или сопутствовать заключение польско-советского пакта»¹. Таким образом, подтверждалось условие, выдвинутое Брианом в упомянутой беседе с Литвиновым, и указывалось, что это условие не подлежит обсуждению. Французская позиция стала основным импульсом к разблокированию в скором времени польско-советских переговоров и приведению их на этот раз к должному финалу.

Французский подход к советско-польскому пакту о ненападении как к обязательному условию для заключения соглашения между СССР и Францией придал советско-польским переговорам совершенно особый статус. Свидетельством тому стало создание для руководства ими в сентябре 1931 г. специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б). В ее состав от Политбюро вошли Сталин и Молотов, а от Наркомата иностранных дел — Максим Литвинов и его заместитель Борис Стомяков.

14 октября 1931 г. Литвинов вручил посольству Польши в Москве заявление по вопросу возобновления польско-советских переговоров о пакте о ненападении, содержавшее предложение подписать документ в версии, парафированной Фран-

цией и Советским Союзом. Таким образом, польская редакция соглашения от августа 1931 г. полностью игнорировалась.

Для польской дипломатии сутью политических договоренностей с Москвой являлся постулат повышения безопасности всех государств, расположенных вдоль западной границы СССР. Польша последовательно придерживалась этой позиции в течение многих лет, исходя из убеждения, что ее задача — противостоять советским планам дифференциации уровней безопасности стран региона и разжигания по мере возможности конфронтации между ними. На этот раз было решено, не меняя позиции, изменить тактику. Следовало приложить максимум усилий, чтобы Москва согласилась предпринять шаги по созданию системы таких соглашений, в то время как сроки и форма их подписания сочтены были менее важными.

23 ноября 1931 г. в Москве начался официальный раунд переговоров с целью согласования окончательного текста польско-советского пакта о ненападении. С польской стороны в нем участвовал посол Патек, а с советской — Литвинов и Стомоняков. Заключительную фазу переговоров, как и восточную политику Польши в целом, в этот период курировал уже не министр Август Залеский, а специально поставленный маршалом Пилсудским на этот участок заместитель министра Юзеф Бек. При решении поставленной перед ним задачи Бек со всей серьезностью подошел к согласованию с государствами региона позиции по вопросу о возможном заключении договоров о ненападении с Советским Союзом. Эта идея была положительно встречена в Таллине, хотя эстонское правительство оговорило необходимость согласовать свои шаги в данном направлении с Ригой. Правительства Латвии и Финляндии также выразили понимание польской аргументации и дали согласие начать переговоры с СССР.

Что касается установления контактов между Бухарестом и Москвой, то эта проблема решалась не так просто. Оказалось, что целый ряд румынских политиков, особенно бывший министр иностранных дел Николае Титулеску, весьма скептически отнеслись как к предложению польского посредничества по организации румыно-советских переговоров, так и к самой идее таких переговоров. Румыния опасалась ослабления союза с Польшей и одновременно сомневалась в возможности достичь в ходе переговоров с Советами приемлемой для них формулы по вопросу Бессарабии. Благодаря постоянному давлению со стороны Польши и французской поддержке румынские власти в конечном счете согласились выступить с инициативой переговоров. Решено было начать их на нейтральной территории, в столице Латвии, в первые дни января 1932 г.

Проходившие в конце ноября и первой половине декабря 1931 г. польско-советские переговоры показали, что позиции сторон в определении понятий «нейтралитет» и «агрессия» весьма близки. Удалось быстро договориться и о редакции тех статей договора, в которых шла речь о поведении сторон в случае агрессии против одной из них со стороны третьего государства. Гораздо больше сложностей возникло в связи с проблемой неучастия договаривающихся сторон в международных соглашениях, направленных против другой стороны.

Возникла дискуссия по вопросу об арбитраже. Патек подтвердил готовность отказаться от арбитража, если советская сторона примет польскую редакцию ст. 2 договора (поведение одной из сторон в случае конфликта с третьим государ-

ством). Не удалось сблизить позиции по вопросу редакции ст. 3. В ее польской версии декларировалась актуальность обязательств каждой из сторон, проистекающих из существующих договоров, если те не содержат элементов агрессивности; советская версия имела дополнительный пассаж об обязательстве не принимать участие в соглашениях, явно враждебных по отношению к другой стороне.

Удалось согласовать большую часть текста. После оформления достигнутой стадии соглашения особым протоколом, в котором содержался совместный проект с двумя вариантами ст. 3, переговоры были приостановлены до выяснения на более высоком уровне границ возможного компромисса в оставшихся несогласованными формулировках.

За стол переговоров стороны вернулись 13 января 1932 г. Известия о прогрессе на советско-румынских переговорах и подписании советско-финляндского пакта (21 января) повлияли на смягчение польской позиции в вопросе о ст. 3. Патеком согласился добавить в статью спорный пассаж об обязательстве не принимать участия в соглашениях, явно враждебных по отношению к другой стороне. К 23 января удалось согласовать документ целиком. Литвинов не принял предложение Патека пройти стадию парафирования соглашения, требуя сразу его подписать. Поскольку польский посол не имел соответствующих полномочий, решено было остановиться на достигнутом. В итоговом протоколе было отмечено только, что ратификация договора должна состояться в течение месяца со дня его подписания.

Согласованный текст состоял из преамбулы и восьми статей. Приложением к нему должна была стать конвенция о полюбовном разрешении споров, рассматриваемая как интегральная часть документа.

Обе стороны отказывались от войны как способа разрешения конфликтных ситуаций между ними, а также обещали не вступать ни в какие союзы, направленные против другой стороны, и заверяли, что ни в одном подобном соглашении на настоящий момент не участвуют. В случае агрессии против одной из сторон третьего государства другая сторона обязалась не поддерживать агрессора. В случае агрессивных действий одной из сторон против третьего государства другая сторона имела право немедленно денонсировать пакт. Любые спорные вопросы, которые не удалось бы решить на взаимных переговорах, подлежали урегулированию путем согласительной процедуры, предусмотренной особой конвенцией.

В тексте договора не упоминалась Лига наций. Стороны ограничились формулировкой, что принятые ими на себя обязательства «не могут никоим образом ограничивать или менять международного права, а также обязательств, которые на каждую из договаривающихся сторон налагают подписанные [ранее. — В. М.] соглашения»². Исключена была также статья, в которой государства-участники московского протокола приглашались заключить с СССР подобные политические договоренности.

Договор должен был действовать в течение трех лет и автоматически продлеваться каждые последующие два года, если одна из сторон не заявит о своем выходе из соглашения, предупредив об этом за полгода до истечения очередного срока действия.

МИД Польской Республики немедленно информировал о достигнутых договоренностях Париж, а также столицы прибалтийских государств и Бухарест.

Воздерживаясь от немедленного подписания договора, как на этом настаивал Наркоминдел, польская дипломатия, по всей видимости, собиралась использовать этот рычаг для давления на Москву с целью активизации ее переговоров со странами Балтии, а также прежде всего с Румынией. Как сообщал из Парижа польский посол Альфред Хлаповский, «декларация правительства Польши, обуславливающая вступление в действие договора заключением пакта о ненападении между Румынией и Советами, встречена с полным пониманием всей местной общественностью»³.

В скором времени практически все усилия польской дипломатии сосредоточились на советско-румынском договоре, так как 5 февраля 1932 г. был подписан советско-латвийский, а 4 мая — советско-эстонский пакт.

Румыно-советские переговоры начались с огромным опозданием, а вскоре оказались в глубоком кризисе. Несколько раундов, прошедших поочередно в Риге, Женеве, Гааге и Варшаве, ни к чему не привели.

По всей вероятности, уже в мае 1932 г. маршал Пилсудский принял решение подписать пакт с СССР в двухмесячный срок, вне зависимости от развития ситуации на румыно-советских переговорах. В таком же духе оказывал воздействие на польскую сторону и советский нарком Литвинов, убеждая министра Залеского, что подписание польско-советского договора поможет смягчить сопротивление Бухареста.

25 июля 1932 г. в Москве польский посол Станислав Патек и заместитель наркома иностранных дел СССР Николай Крестинский в торжественной обстановке поставили свои подписи под текстом польско-советского договора о ненападении⁴. Наряду с главным документом были подписаны два дополнительных. Первый протокол содержал толкование ст. 7, разъясняющее, что истечение срока действия договора или его досрочное прекращение не может пониматься как ограничение обязательств сторон по Парижскому пакту 1928 г. (пакт Бриана—Келлога). Во втором констатировалось, что стороны обменялись мнениями по представленному Крестинским проекту конвенции о порядке разрешения споров и пришли к выводу, что между ними «не существует» по этому вопросу «принципиальных расхождений». Действительно, в ходе финальной фазы переговоров в ноябре 1932 г. удалось окончательно согласовать полный текст конвенции. Она была подписана в Москве 23 декабря 1932 г. во время торжественного обмена ратификационными документами по пакту о ненападении.

Подписание договора имело для польского государства чрезвычайно важное значение, и даже не столько для двусторонних отношений с Советами, сколько с учетом всего контекста международного положения Второй Польской Республики, особенно принимая во внимание упомянутое ранее убеждение маршала Пилсудского, а вслед за ним и министра Бека, что «гарантированная в Уставе Лиги наций коллективная безопасность является иллюзией, а следовательно, безопасность Польши должна базироваться на двусторонних договорах и союзах»⁵. Пакт с СССР укреплял польскую позицию по отношению к Парижу и Берлину и свидетельствовал об успехе ее политики солидарности с государствами Центральной и Восточной Европы, исключая, пожалуй, Румынию, отношения с которой ослабли. Соглашения, которые Советский Союз заключил с Польшей и государствами Балтии, создавали более прочную основу для безопасности в регионе.

Несомненным достижением польских дипломатов было включение в документ фразы о том, что каждое нарушение польской территории будет считаться «актом насилия». Этот оборот можно было интерпретировать как признание целостности всей польской территории, а значит, и границы с Германией.

Одновременно с подписанием столь значимого политического договора возникла благоприятная ситуация как для экономического, так и для политического сближения Речи Посполитой и СССР с точки зрения наметившейся тенденции первоочередной важности безопасности, базирующейся на региональных соглашениях, и польской политики в отношении Германии.

Для СССР пакт был важен прежде всего как инструмент давления на Германию. Существенным фактором было также снижение политической напряженности на его западных границах, особенно в условиях взрывоопасной ситуации на Дальнем Востоке. После японского вторжения в Маньчжурию и провозглашения в марте 1932 г. государства Маньчжоу-Го в любую минуту мог вспыхнуть военный конфликт между Японией и Китаем.

Между Польшей и Советским Союзом начался продолжавшийся несколько месяцев период сближения, улучшения политических и экономических отношений, а также развития культурных и научных связей. Имел место обмен делегациями, включая целый ряд визитов представителей творческой интеллигенции, в частности архитекторов. Расширилась практика обмена журналами и изданиями в области науки и искусства, информации и образования. На конгрессах в Польше стали появляться ученые из СССР: историки, географы, медики, естествоиспытатели. Начали поговаривать даже об открытии прямого авиасообщения между Варшавой и Москвой. Наметился прогресс, казалось бы, даже в совсем безнадежных вопросах, как, например, устройство в Киеве кладбища польских солдат, погибших в кампании 1920 г.

Эта высокая волна активности в разных сферах взаимоотношений начала быстро спадать после января 1934 г., что лишний раз подтвердило ее полную зависимость от политической конъюнктуры.

Проблемы политики «равноудаленности». В проводимых под патронатом маршала Пилсудского исследовательских работах по повышению уровня безопасности государства, координировать которые должен был созданный в октябре 1936 г. Комитет обороны государства, делался вывод, что война с любым из опасных соседей может грозить Польше не ранее второй половины 30-х годов. С целью снижения такой опасности было признано необходимым по-прежнему опираться на союзы с Францией и Румынией, развивая параллельно дипломатическое наступление с целью убедить Москву и Берлин — на случай какого бы то ни было конфликта с их участием — в своем строгом нейтралитете. Эти принципы со временем вступили в противоречие с инициативой новых региональных систем безопасности в Европе.

В начале 1930-х годов возникла концепция так называемого Пакта четырех. С идеей создания директората четырех держав, как более эффективного, чем Лига наций, института, способного гарантировать мир и безопасность на Европейском континенте, выступил Бенито Муссолини. В марте 1933 г. его замысел приобрел форму конкретного предложения, направленного поначалу в адрес Франции, а за-

тем Великобритании и Германии. Муссолини оперировал убедительной фразеологией в духе пакта Бриана — Келлога. Создавалось впечатление, что итальянская инициатива является продолжением пакта, его буквальным претворением в жизнь через механизм сотрудничества держав при ревизии тех мирных договоров, следствием которых могут стать новые конфликты.

Германия как один из членов будущего директората с огромным энтузиазмом отнеслась к предложению, особенно к заложенной в нем возможности ревизии мирных договоров. С такой региональной системой согласились французское и британское правительства, что привело в скором времени, невзирая на протесты других государств, в частности членов Малой Антанты, к подписанию документа (15 июля 1933 г.). Однако его ратификация так никогда и не состоялась.

Противоречия, возникшие вокруг Пакта четырех, который стал, с одной стороны, угрозой границам Польши, а с другой — возвратом к политике изоляции СССР, способствовали оживлению польско-советского политического взаимодействия. Уже первый обмен мнениями по этому вопросу, состоявшийся в марте 1933 г. между наркомом Литвиновым и послом Польши в Советском Союзе Юлиушем Лукасевичем, продемонстрировал полное совпадение взглядов. Тем не менее польская дипломатия не пошла в этом направлении дальше, ограничившись совместной констатацией угрозы. Такая сдержанность проистекала из базового стратегического принципа польской внешней политики — необходимости придерживаться «равной удаленности» от Берлина и Москвы. Наступил благоприятный момент скорее выдвинуть предложение по улучшению взаимоотношений с Берлином, нежели поддерживать дисбаланс, возникший в результате заключения польско-советского пакта о ненападении. Позиция Гитлера и его правительства была достаточно слабой. Эта слабость усугублялась к тому же выходом Германии из Лиги наций. Поэтому министр Бек полагал, что совместное с СССР выступление против концепции пакта, так понравившегося в Берлине, будет там воспринято как антигерманский демарш.

В отличие от концепции Пакта четырех, критически оцененной как в Москве, так и в Варшаве, другая международная инициатива этого периода — идея Восточного пакта — вызвала в обеих столицах диаметрально противоположную реакцию. Возникла эта инициатива осенью 1933 г. в связи с работой над советско-французским пактом о ненападении как дополняющая его региональная система безопасности, охватывающая в первоначальном варианте Бельгию, Францию, Чехословакию, Польшу, СССР, Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию. Подобная конфигурация означала окончательное прекращение сотрудничества в рамках Рапалло. Однако предложенная система претерпела значительную модификацию, когда в апреле 1934 г. новый министр иностранных дел Франции Луи Барту предложил вариант Восточного пакта, включавший Германию, Чехословакию, Польшу, СССР и балтийские республики, при корреляции этой системы с Францией через франко-советский договор о взаимопомощи.

В вопросе о Восточном пакте Париж вел сложную дипломатическую игру, направленную на достижение как минимум четырех целей: заключения франко-советского пакта о взаимопомощи; приема СССР в Лигу наций; убеждения Варшавы и Праги, что эта региональная система лучше гарантирует их безопасность, нежели союзы с Францией; склонения Германии к участию в этой комбинации, а в перс-

пективе и к возврату ее в Лигу наций⁶. Москва поддержала все эти усилия Франции, считая, что та действительно стремится заключить пакт, а переговорный процесс независимо от осуществимости самого замысла выгоден Советскому Союзу, так как служит предотвращению его изоляции.

Варшава, напротив, отнеслась к идее Восточного пакта крайне отрицательно, считая, что он резко ограничивает роль Польши во французской системе союзов, ослабляя достигнутое с таким трудом снижение напряженности в отношениях с Германией и СССР. Предлагаемый пакт создавал основу для вмешательства во внутренние дела Польши и опасность для ее территориальной целостности. Например, Красная армия или германские части, которые на основании буквы этого договора должны были вмешаться и пройти по польской территории, могли остаться на польской земле уже навсегда. При этом роль Польши с ее амбициями лидера государств Центральной Европы, таким образом, явно маргинализировалась, приравниваясь к роли какой-нибудь Литвы или Эстонии. А в случае нападения Германии вместо прежнего союзника — Франции на помощь мог бы поспешить СССР, что расценивалось в Польше скорее как опасность, нежели как выгода.

Позиция Речи Посполитой была весьма слабой, но полякам и не пришлось ее отстаивать, так как идею Восточного пакта категорически отвергла германская дипломатия. Тем не менее в Москве и Париже, несмотря на отсутствие четких деклараций польского МИДа, господствовало убеждение, что Польша вступила в сговор с Гитлером и две страны действуют сообща с целью похоронить идею Восточного пакта. Это было хорошо видно по публикациям в советской прессе, обвинявшим Варшаву в совместных с Берлином интригах, направленных против мирной стабилизации в Центральной Европе с тем, чтобы ослабить международные позиции СССР и «вытолкнуть» его из европейской политики. Следствием всего этого стал рост политической напряженности в отношениях между Польшей и СССР и решительный отход от позитивной атмосферы нескольких первых месяцев после подписания пакта о ненападении.

Польско-германская декларация. Во время дипломатических баталий вокруг идеи Восточного пакта польско-германские отношения значительно улучшились.

Появившееся в ноябре 1933 г. в средствах массовой информации сообщение о польско-германских политических консультациях вызвало обеспокоенность в Москве. Были предприняты дипломатические шаги, чтобы выяснить польские намерения и получить ответ на вопрос: означают ли переговоры Варшавы с Берлином отход от линии сближения с Москвой? Министр Бек и посол Польши в СССР Юлиуш Лукаевич уверяли, что «переговоры Польши с Германией ни в чем не противоречат политике сближения с Советским Союзом», ибо «в них нет ничего особенного»⁷. Оба дипломата убеждали, что консультации касаются исключительно вопросов соседских взаимоотношений, хотя могли бы привести и к подписанию пакта о ненападении. Советская сторона, по всей видимости, весьма скептически воспринимала эти объяснения, однако официально пригласила министра иностранных дел Речи Посполитой в Москву, чтобы на высоком уровне уточнить всю совокупность проблем.

Тем временем польско-германские переговоры приближались к завершению, в котором польская сторона с учетом доктрины «равноудаленности» была очень заинтересована. Подписание договора о ненападении с Берлином существенным

образом выравнивало для Варшавы ситуацию, когда ее граница с Германией оказалась под угрозой в связи с выходом последней из Лиги наций; одновременно восстанавливалось утерянное равновесие во взаимоотношениях Польши с западным и восточным соседями.

Для Германии соглашение с Польшей имело прежде всего значение прецедента. Оно могло нарушить положение неформальной изоляции, в которой оказалась Германия после демонстративного выхода из Лиги наций и Всемирной конференции по разоружению.

Проект соглашения в форме двусторонней декларации германский посол в Варшаве Ганс Адольф фон Мольтке передал маршалу Пилсудскому 24 ноября 1933 г. Встречный польский проект поступил в германский МИД 9 января 1934 г. Поскольку оба проекта в основном совпадали, уже 26 января 1934 г. польский посол в Берлине Юзеф Липский и министр иностранных дел рейха Константин фон Нейрат подписали двустороннюю декларацию о неприменении силы во взаимоотношениях сроком на десять лет.

Декларация была очевидным проявлением независимой и самостоятельной политики Второй Польской Республики и в то же время имела характер демонстрации против политики протектората держав, вроде Пакта четырех. В ней отразился и скептицизм Пилсудского по отношению к институту Лиги наций и идеям всеобщей или хотя бы региональной безопасности. Характерно, однако, что при обсуждении этого документа на заседании Комиссии по иностранным делам Сената Речи Посполитой министр Бек сделал особый акцент на более широком контексте декларации. Он, в частности, сказал: «Возник новый мирный документ [...], превосходящий по своему значению обычные отношения между соседями, [...] очень существенный элемент обеспечения мира в Европе»⁸.

В узком двустороннем контексте декларация знаменовала начало периода разрядки в отношениях Варшавы и Берлина, впрочем, весьма непродолжительного. Однако в ней не было того, что для западной политики Польши являлось самым главным — признания нерушимости границ. В общем, такой документ был необходим с точки зрения генеральной линии политики безопасности, хотя навязанная Германией форма соглашения — декларация вместо пакта — несомненно, была для Варшавы менее выгодна. В то же время и тень, падавшая на Польшу как государство, нарушившее политику изоляции Гитлера, делалась, таким образом, меньше.

25 января 1934 г. польское посольство в Москве предупредило советские власти, что в ближайшее время ожидается подписание польско-германского соглашения о неприменении силы и что в нем нет «никакого антисоветского содержания или подтекста»⁹. На следующий день вице-министр Ян Шембек передал такую же информацию советскому полпреду в Варшаве Антонову-Овсенко.

Сразу же после подписания польско-германской декларации на первых страницах центральных советских газет появились комментарии на эту тему. В условиях тоталитарной системы их интонация, несомненно, диктовалась соответствующими государственными ведомствами. Подписание декларации комментировалось достаточно сдержанно, что объяснялось предстоящим визитом в Москву министра Бека. Только статья Карла Радека в газете «Правда» осторожно критиковала политику Польши, отмечая, что польско-германская декларация укрепляет позиции

Берлина по отношению к Парижу и международным попыткам ввести лимиты на вооружения. В то же время коминтерновская пресса, формально независимая от советских властей, однозначно оценивала подписанный документ как направленный против СССР и уверяла, что его дополняют тайные протоколы, носящие военный характер.

В этом контексте следует привести весьма проницательную внутреннюю оценку, сделанную Владимиром Антоновым-Овсеевко в письме координатору польского направления в Наркоминделе Борису Стомонякову еще в ноябре 1933 г.: «борьба с немецким ревизионизмом разворачивается в двусторонних переговорах держав с Германией за счет Польши, что заставляет Польшу пытаться первой урегулировать свои отношения с Германией [...]. Изоляция фактически грозит Польше, а не Германии [...]. Сближение с нами, наряду с одновременной ликвидацией “Рапалло”, позволили Польше выйти из изоляции»¹⁰.

Похоже, тогдашнему высшему советскому руководству была свойственна убежденность, что с помощью соглашения с Германией Польша защищает себя от опасных решений, которые могут быть выработаны в Париже или Лондоне. Появившаяся в позднейших оценках и комментариях трактовка этого соглашения как носящего наступательный антисоветский характер объясняется скорее тактическими соображениями. Этой оценки никак не меняет тот факт, что сам Антонов-Овсеевко, как и Стомоняков, придерживались мнения, что у Польши есть два пути: конфронтация с Германией при доброжелательной позиции СССР или конфронтация с СССР при договоренности с Германией и, может быть, с Японией. Рассуждавших таким образом людей польско-германское соглашение действительно могло обеспокоить, но не они определяли стратегические направления политики государства.

Выступая 26 января 1934 г. на XVII съезде ВКП(б), Сталин назвал внешнюю политику Польши непредсказуемой и способной к резким поворотам. Тем не менее он констатировал, что в ней наступил «перелом к лучшему», что является, несомненно, «фактором укрепления дела мира»¹¹. Трудно предполагать, что доклад съезду не учитывал факта подписания польско-германского политического соглашения, о котором в Москве стало известно как минимум днем раньше. Таким образом, оно не рассматривалось как угроза.

Как уже отмечалось, в первых комментариях, появившихся в СССР сразу после публикации декларации, этот документ не подвергался критике напрямую. Самое большее — указывалось на аспекты, вызывавшие сомнения. Среди таковых главными назывались язык декларации, определяемый как неясный, а также сама цель ее подписания. Помещая декларацию в один ряд с документами, которые способны отодвинуть перспективу войны, особенно войны в Восточной Европе, советская пресса одновременно добавляла, что эта потенциальная возможность как раз и размывается уклончивым и туманным языком. Замечалось, что в ней только формально упоминались принципы пакта Бриана—Беллога и ни слова не говорилось о Версальской системе и Лиге наций. Весьма далекой от определенности была сочтена формула, определявшая декларацию как «основу для дальнейших отношений» между Германией и Польшей, справедливо отмечалось, что для «основы» этого решительно мало. Комментатор «Правды», комментируя заявление о готовности сторон к обсуждению касающихся их непосредственно «спорных вопросов»,

задавался вопросом: «Означает ли это, что Польша готова вести переговоры о своих границах?»¹².

На эту же странность обращал внимание и комментатор «Известий», ставивший вопрос: почему заверения о мирном разрешении польско-германских проблем не сопровождаются заявлением о взаимном уважении границ? И тут же добавлял, что если бы даже такая формулировка и содержалась в декларации, то ее следовало бы рассматривать не в контексте стратегических планов Гитлера, которым она явно противоречила, а как тактическую уловку.

В комментариях содержались также намеки на иную интерпретацию польско-германской декларации как документа, не раскрывающего всего содержания достигнутого в Берлине соглашения. Это соглашение, по мнению публицистов, могло дополняться еще и тайными приложениями. «Какие компенсации и за чей счет обещаны были Германии за ее отказ от изменения границ силовым путем?» — спрашивал комментатор «Известий» и добавлял, что этот вопрос «должен заинтересовать многих соседей Польши»¹³. Для Советов, исходя из их собственного опыта заключения договоров в Рапалло и Берлине, казалось очевидным, что соглашения, подобные польско-германской декларации о неприменении силы, должны иметь секретные статьи или секретные дополнительные протоколы.

Следует заметить, что тайных статей в польско-германской декларации доискивались не только в СССР. Польские дипломаты фиксировали подобные подозрения и в других европейских столицах. Крайне резкую форму такого рода обвинения приобрели во французской прессе, которая прямо утверждала, что существует «секретное польско-германское военное соглашение»¹⁴. Особо следует обратить внимание на намеренно распространяемые германской стороной слухи о подобных негласных договоренностях.

В течение нескольких последующих дней в советской прессе начали публиковаться материалы, которые содержали в основном информацию о комментариях в европейских изданиях, утверждавших, что польско-германское соглашение подрывает мир в Европе. В них доказывалось, что декларация направлена против польско-французского союза, дает немцам свободу действий в балтийских республиках, приближает опасность аншлюса Австрии и даже является... шагом в направлении раздела сфер влияния между Польшей и Германией в случае будущей войны.

Как уже сказано выше, сдерживающее влияние на комментарии советской прессы оказывал предстоящий визит в Москву министра иностранных дел Польской Республики Юзефа Бека, запланированный на середину февраля 1934 г. Неосмотрительно было бы накануне этого визита создавать информационные и дипломатические поводы, способные оказать отрицательное влияние на отношение польской стороны к приближающимся переговорам на высоком уровне.

Визит Бека прошел в благоприятной атмосфере. Его очевидным эффектом стало продление на десять лет пакта о ненападении, заключенного в ратифицированной версии на три года, а также взаимное повышение уровня дипломатических представительств в Варшаве и Москве до уровня посольств. Бек вернулся из Москвы очень довольным. Ему казалось, что переговоры содействовали развитию двусторонних отношений, не ущемляя западной политики польского государства.

Однако историки и дипломаты, комментирующие этот визит *ex post*, настроены гораздо более скептически и даже критически.

Министра обвиняют в том, что ради тактического успеха — достижения состояния «равновесия» между СССР и Германией — был упущен стратегический шанс, который якобы давало дальнейшее сближение с Советским Союзом на антигерманской основе. С этим трудно согласиться, даже если буквально трактовать какие бы то ни было советские обязательства по отношению к Польше. А то, что эти обязательства так не трактовали, свидетельствуют неоднократные высказывания польских военных теоретиков (в частности, Тадеуша Михальского, Александра Прагловского, Стефана Ровецкого, Клеменса Рудницкого), полагавших, что самую большую опасность для польского государства представляла именно Красная армия, и под этим углом зрения следовало организовывать вооруженные силы, возводить оборонительные укрепления и совершенствовать военную доктрину.

Как бы то ни было, но, продлевая пакт о ненападении с СССР на следующие десять лет и подписывая сразу по возвращении из Москвы ратификационные документы польско-германской декларации от 26 января 1934 г., Бек с точки зрения договорной дипломатии достиг того, что он вместе с маршалом Пилсудским считал важнейшим для безопасности государства: радикального улучшения отношений с обоими опасными соседями, основанного на принципе «равной удаленности». Польско-советский пакт и польско-германская декларация создавали, таким образом, прочную отправную точку для продолжения политики эффективного противодействия превращению Польши в пешку в игре европейских держав.

В то же время Пилсудский высказывал опасение, что польские политики, успокоенные достигнутыми дипломатическими успехами в двусторонних отношениях с обоими грозными соседями, могут счесть проблему государственной безопасности решенной раз и навсегда. Он настаивал, чтобы как в Министерстве иностранных дел, так и в Военном министерстве и Генеральном штабе Войска Польского к обоим соглашениям относились как к переходному этапу, требующему дальнейшей интенсивной работы по приданию достигнутым результатам реальной прочности.

Кончина маршала Пилсудского. 12 мая 1935 г. умер маршал Юзеф Пилсудский. Эта смерть означала конец прежней, отчасти неформальной системы власти в Польше, включая выработку и реализацию внешней политики Речи Посполитой. Несмотря на прогрессирующую болезнь, Пилсудский до последних дней пытался в оперативном режиме корректировать восточную и западную политику государства. Оставляя неизменными ее стратегические цели, он интенсивно работал над решением текущих тактических задач. Огромный авторитет маршала и сложившийся после майского переворота механизм власти позволяли ему действовать в этой области автономно, в весьма незначительной степени консультируясь с парламентскими комиссиями по внешней политике. Руководитель Министерства иностранных дел Август Залеский в принципе мирился с таким положением вещей, лишь изредка пытаясь формулировать свое особое мнение (например, по вопросу о роли Лиги наций). Его преемник, полковник Юзеф Бек, будучи умным и ловким исполнителем, буквально выполнял каждое поручение или пожелание маршала. Существовала, однако, опасность, что, оставшись один у руля внешней политики стра-

ны, он будет продолжать исповедовать взгляды Пилсудского, не учитывая изменившихся обстоятельств. А обстоятельства эти во второй половине 1935 г. были весьма непростые.

В международных отношениях назревали очень серьезные перемены. Всемирная конференция по разоружению окончилась неудачей. Формально ее заседания были только отложены (*sine die*), но надежд на их возобновление практически не было. Продолжалась война на Дальнем Востоке. Была далека от нормализации ситуация вокруг Эфиопии, грозящая в любой момент превратиться в военный конфликт. По отношению к этим «горячим точкам» механизм Лиги наций оказался удивительно неэффективным, что неприятно поразило многих наблюдателей. На особо чувствительной для Речи Посполитой линии Восток — Запад у обеих ее опасных соседней усугублялся процесс централизации власти в руках лидеров — Сталина и Гитлера. Оба в своей внешней политике руководствовались идеологией, опасной для польского государства. Как Третий рейх, так и Советский Союз усиленно милитаризировались. Таких темпов военного строительства бюджет Второй Польской Республики выдержать не мог, да и демографический потенциал страны был гораздо меньше. Эти факты ставили перед руководством польской дипломатии все более трудные вопросы.

Соглашаясь в принципе с утверждением, что после смерти маршала Пилсудского исчезла определенность в вопросе о персональной ответственности за последующую судьбу государства и что вплоть до самого начала войны продолжался процесс своеобразной борьбы за наследство, трудно в то же время опровергнуть тезис о практически единоличной роли Юзефа Бека в определении польской внешней политики. Кроме Бека в весьма незначительной степени учитывалось, пожалуй, еще мнение генерального инспектора вооруженных сил генерала Эдварда Рыдз-Смиглы, при том что его роль стала заметна только в конце 1930-х годов.

В этом контексте заслуживают внимания слова самого Бека, сказанные, правда, пятью годами позже, но верно отражающие способ его мышления и действия: «Умом я понимал, что принципам установленной маршалом политики можно следовать, только приспособив тактические средства к возможностям обычных людей, дабы не совершить серьезной ошибки, пытаюсь подражать в своих действиях столь великой личности. Такой подход я с самого начала предложил президенту Речи Посполитой и коллегам по кабинету министров. Как со стороны президента Мосьчицкого, так и со стороны премьер-министра Славека я встретил полное понимание»¹⁵.

Согласно неписаному завещанию маршала Пилсудского главной задачей польской внешней политики было обеспечение безопасности страны от угрозы с востока. А тем временем действия польской дипломатии воспринимались в Москве (во всяком случае там создавалось такое впечатление) как агрессивные и враждебные. В Москве в беседах с политиками и дипломатами третьих стран не скрывали своего мнения о Речи Посполитой как о сателлите Третьего рейха, говорили о якобы существующем секретном польско-германском соглашении, направленном на уничтожение Советского Союза, о планах германо-польско-румынского вторжения и т.п. В результате взаимоотношения двух стран оказались на крайне низком уровне, грозящем в перспективе крахом концепции «равной удаленности».

Принципиально усложнился европейский контекст этих взаимоотношений, когда в марте 1936 г. Гитлер в нарушение Локарнских договоренностей решил ввести войска в демилитаризованную Рейнскую зону. Это стало жесточайшим ударом по Версальской системе и грозило ее скорым распадом.

Рейнская проблема позволила преодолеть упомянутый выше застой в польско-советских отношениях, что привело к кратковременному их улучшению. Во время встречи с наркомом Литвиновым на чрезвычайном заседании Совета Лиги наций в Лондоне Юзеф Бек подтвердил высказанное им ранее мнение о необходимости «выравнивания» взаимоотношений.

Похоже, что советские власти только в период рейнского кризиса поняли, что, несмотря на получение постоянного места в Совете Лиги наций и подписание договора о взаимопомощи с Францией, их влияние на европейскую политику оставалось ничтожным. В основополагающих вопросах безопасности, например в германском вопросе, Советы по-прежнему оставались в стороне, что в перспективе грозило обернуться их полной изоляцией. Ставка на Париж оказалась ошибочной, особенно если учитывать медлительность французской политики по отношению к позиции Лондона. В сложившейся ситуации оставался хотя бы шанс дипломатической изоляции Германии в Центральной и Восточной Европе путем заключения регионального пакта о взаимопомощи. Но для этого необходимо было согласие Польши, явно не заинтересованной в охлаждении взаимоотношений с Третьим рейхом. Отсюда и разочарование Советов, и обвинения в адрес поляков в деятельности, направленной на ослабление международных позиций СССР. «В настоящий момент и речи быть не может о каком бы то ни было политическом сотрудничестве с Польшей», — писал в начале мая 1936 г. из Варшавы посол Давтян заместителю наркома Стомонякову, дезавуируя все жесты Бека, направленные на восстановление взаимодействия в этом направлении, как тактические уловки¹⁶.

Это не совсем точно. Бек наверняка был бы не против ограниченного сотрудничества с Советским Союзом, но ровно настолько, насколько оно не нарушало бы достигнутого уровня отношений Второй Польской Республики с Германией. И конечно же, предметом такого сотрудничества не могло стать противодействие изоляции Советского Союза, что было так важно для Москвы. Ведь именно такая изоляция и являлась одним из тайных приоритетов польской восточной политики.

Таким образом, после весьма непродолжительного периода оживления польско-советских отношений на фоне рейнской проблемы в середине 1936 г. они снова оказались на очень низком уровне, а по мнению Москвы — даже заморожены. Принимая 2 июля верительные грамоты от нового посла Речи Посполитой в Москве Вацлава Гжибовского, заместитель наркома иностранных дел СССР Николай Крестинский, в частности, констатировал: «Политические отношения между нами — хуже некуда. Мы работаем над укреплением престижа Лиги наций и над коллективной безопасностью, боремся против любых форм агрессии и любых проявлений фашизма. Мы проводим в настоящее время антинемецкую, антиитальянскую и антияпонскую политику. Польша ведет политику диаметрально противоположную, пытаясь ослабить Лигу наций, противодействуя попыткам создать систему коллективной безопасности, поддерживая Италию и симпатизируя Японии.

Польша находится в орбите немецкой политики»¹⁷. Для такой церемонии это было крайне недипломатическое высказывание.

Гжибовский не стал вступать в полемику. Он ограничился замечанием о возможности разрядить политическую напряженность, способствуя росту взаимного товарооборота. Впрочем, ему трудно было бы возражать, так как советская политика с 1934 г. действительно была направлена против фашизма, а участие Варшавы в «похоронах» Восточного пакта не подлежало сомнению. Вдаваться же в очередной раз в объяснения многократно представленных советской стороне принципов, на которых польские власти основывали безопасность своего государства, и говорить о значении одинаково добрых отношений с Москвой и Берлином особого смысла не имело.

*Прометеизм*¹⁸. В советской прессе усиливались обвинения Речи Посполитой в том, что она не только впряглась в упряжку Берлина, но и ведет, несмотря на попытку скрыть это, явно антисоветскую политику. Основывались эти обвинения на давно известных и в некоторых своих формах совершенно открытых проявлениях акции «Прометей», которую поддерживали польские официальные лица (издания, субсидии, публичные лекции, военная подготовка и пр.). Активно цитировались публично высказываемые польскими журналистами, писателями и политиками взгляды о необходимости сотрудничать с Германией против Советского Союза. Подобные факты обобщались и приписывались властям Речи Посполитой. Советская пресса к злейшим врагам СССР наряду с Польшей причисляла Третий рейх и Японию, якобы плетущих заговоры против Москвы. Все это сводило на нет не только возможность улучшения отношений, но и осуществление обычных экономических, культурных и научных контактов.

Не стоит отрицать тот факт, что концепции прометеизма постоянно присутствовали в польских центрах стратегического планирования: Бельведере¹⁹, Генштабе Войска Польского и Генеральной инспекции вооруженных сил. Маршал Пилсудский и его преемник на посту генерального инспектора маршал Рыдз-Смиглы считали прометеизм удобным орудием, позволявшим эффективнее решать проблемы безопасности на восточных рубежах страны. Есть некоторые основания считать, что осенью 1937 г. разработки операций Генеральной инспекции вооруженных сил в этом направлении резко активизировались, хотя, учитывая их строго секретный характер, о некоторых из них не был информирован даже начальник Генерального штаба Войска Польского.

Польский прометеизм второй половины 1930-х годов не носил наступательного характера. Деятельность в рамках так называемой «прометейской» работы ограничивалась в принципе мероприятиями, обеспечивающими исключительно повышение уровня государственной безопасности. Участник акции «Прометей» Владимир Бончковский упоминает, в частности, что в 1937 г. маршал Рыдз-Смиглы не принял щедрого предложения Японии по организации акции «Прометей» на русском Дальнем Востоке, и объясняет, что целью прометеизма Второй Польской Республики являлось не расширение разведывательной и диверсионной деятельности в России, а исключительно «укрепление подвергающейся опасности независимости»²⁰. Маршал отказался от этого предложения в период исключительно тесного сближения Польши и Японии, когда взаимные представительства были повыше-

ны до уровня посольств, а в Варшаве открыто Японско-польское общество. Ограничились проведением в Варшаве в декабре 1937 г. совместной конференции штабов обоих государств, целью которой стал обмен информацией об СССР и организационной структуре Красной армии.

Кроме общих сведений, мы не располагаем документами, свидетельствующими о том, были ли и, если были, то в какой степени, включены в «прометейскую» работу польские дипломатические представительства на территории СССР. Наверняка такую работу трудно было бы отделить от обычного сбора информации. А поскольку эти представительства подчинялись непосредственно Восточному отделу МИД РП, то министр Бек, как и полагалось по должности, постоянно получал оперативную информацию о ходе «прометейской» работы.

Оценить эффективность акции «Прометей» достаточно трудно, особенно в 30-е годы, когда разгул террора в СССР привел и без того атомизированное и неспособное к какому-либо политическому сопротивлению общество в состояние полной разобщенности. В то же время в международном масштабе Польша как ведущее государство в акции «Прометей» уступила свои позиции прежде всего Японии, а также Италии и Третьему рейху.

Ухудшение ситуации для Варшавы проявилось не только в снижении польской роли в международном «прометейском» движении. Несмотря на обещания, которые делались министру Беку относительно возможного участия Польши в западном пакте, международное положение страны представлялось по-прежнему неопределенным. Отношения с Чехословакией оставались плохими, с Литвой — очень плохими. Снова обострилась проблема вольного города Гданьска. Наступило охлаждение в отношениях с балтийскими республиками, наметились и неблагоприятные тенденции в позиции традиционно дружественной Польше Румынии. Все более иллюзорным казался польско-французский союз. Министр Бек оставался практически один на один в отношениях с обоими грозными соседями, все еще пытаясь сохранять шаткое равновесие. Однако момент, когда Гитлер начнет движение к намеченной цели — завоеванию жизненного пространства для немецкого народа, неуклонно приближался.

Бека часто обвиняют в мегаломании, непонимании, что II Речь Посполитая занимала фактически последнее место в международном концерте, неумении определить приоритеты в тактике, в зависимости от развития международной ситуации и меняющегося в ней места Германии и Советского Союза. Даже если эти упреки справедливы, следует признать, что трудно было бы предложить какую-либо разумную альтернативу проводимой им внешней политике. Это вовсе не означает, что Бек не совершал ошибок. Однако они касались не принципиальных для безопасности государства, а скорее менее важных вопросов тактического характера. В одном не отказывали министру даже его оппоненты — в умении анализировать и прогнозировать развитие политической ситуации вокруг Польши на ближайшие месяцы.

Поляки в Советском Союзе. Считается, что после завершения в 1924 г. предусмотренной Рижским миром массовой репатриации на территории СССР осталось как минимум 1,5 млн поляков — советских граждан²¹. Несомненно, только небольшая их часть не воспользовалась возможностью выехать в Польскую Республику

по идейным соображениям, абсолютное большинство просто не было готово к этому по самым разным причинам. И после 1924 г. советские поляки могли в индивидуальном порядке обращаться с ходатайствами о возвращении на родину «на основании договора о репатриации дипломатическим путем»²². Невзирая на содействие созданной специально для этой цели в середине 20-х годов сети польских консульств, в реальности такие отъезды были единичными случаями, а сама консульская опека над польскими диаспорами в специфических советских условиях практически не действовала.

В апреле 1937 г. Наркомат иностранных дел СССР неожиданно потребовал ликвидировать три из пяти польских консульств на территории Союза. На тот момент польской консульской сетью были охвачены столицы трех советских республик — Минск, Харьков и Тбилиси, а также два центра сосредоточения крупных польских диаспор: Киев и Ленинград. Советские консульства функционировали во Львове и вольном городе Гданьске. Советская сторона, не учитывая колоссальной диспропорции между числом поляков в СССР и русским меньшинством во Второй Польской Республике, пригрозила в случае невыполнения польской стороной этого требования денонсировать консульскую конвенцию от июля 1924 г.

Советская аргументация была двоякого рода. Во-первых, в Москве ссылались на формулировку конвенции, позволявшую Польше иметь всего на одно консульство больше. Во-вторых, прибегали к аргументу по сути вопроса, утверждая, что все действительно чувствующие связь с родиной поляки уже выехали в период массовой репатриации, а оставшиеся сознательно и добровольно не пожелали воспользоваться своим правом.

В августе 1937 г. удалось прийти к весьма мало удовлетворявшему польскую сторону компромиссу. Состоял он в сведении числа ликвидируемых польских консульств до двух, а также в согласии советской стороны, что представительства будут закрыты не «немедленно», а в «разумные сроки»²³. Благодаря этому процесс прекращения деятельности польских консульств в Харькове и Тбилиси растянулся до 1 декабря 1937 г. К этому моменту размеры польской диаспоры на Украине сократились столь радикально, что закрытие консульства в Харькове и в самом деле приобрело смысл.

По достигнутой договоренности основные сотрудники ликвидируемых представительств должны были быть переведены на работу в Москву и Киев. На практике в большинстве случаев это не выполнялось, так как Наркоминдел отказывал им в регистрации.

Кризис вокруг польской консульской сети развивался на фоне общего резкого ухудшения положения поляков — граждан СССР. По всей видимости, уже в конце 1935 — начале 1936 г. в центре были приняты решения об изменении политики по отношению к компактно проживающим полякам, прежде всего в Белорусской и Украинской ССР. С большой долей вероятности следует предположить, что ранее их рассматривали как политические и военные кадры для будущей польской Красной армии. Однако в период коллективизации убедились, что польская диаспора практически не поддается советскому воспитанию, придерживается своей национальной, религиозной и культурной обособленности и воспринимает в штыки «строительство социализма». А значит, вместо кадрового резерва будущей польской

революции Советы получали потенциальную пятую колонну «белопанской буржуазно-помещичьей» Польши.

Для нанесения удара по польской общественности прибегли к провокации, известной как «дело Польской организации войсковой» (ПОВ). В 1933 г. под предлогом противодействия деятельности мифической ПОВ, якобы намеревавшейся оторвать Украину от Советского Союза и сделать ее частью будущей федерации вместе с Речью Посполитой, начались аресты. Арестованы были деятели Коммунистической партии Польши, прибывшие в СССР в рамках акции по индивидуальному обмену политическими заключенными, а также свыше ста польских активистов — граждан Украинской ССР. Уничтожили практически всю польскую интеллигенцию, политиков, деятелей местного самоуправления и образования.

Вскоре после этого по Украине прокатилась первая, а затем и вторая волна массовых репрессий против польского населения. Эти акции Николай Иванов — исследователь этого вопроса — назвал геноцидом. Польские деревни окружались войсками НКВД, а потом специальные тройки в ускоренном порядке выносили приговоры мужчинам, потенциально способным оказать сопротивление. Остальных делили на две категории: одних отправляли на специальную обработку с целью «советизации», других — в ссылку. Расстрелянных и замученных, по всей вероятности, следует считать десятками тысяч, смертность в эшелонах, идущих в Казахстан и Сибирь, составляла от 20 до 25%²⁴.

Подобную, а возможно даже большую трагедию пережили жители Польского национального района им. Феликса Дзержинского — автономной территориальной единицы, существовавшей с марта 1932 г. в Минской области Белорусской ССР. Начатые в 1936 г. массовые репрессии завершила формальная ликвидация района. Свыше 14 тысяч человек были приговорены к смертной казни, остальные депортированы. Таков был итог белорусского прикрытия «операции против польской агентуры»²⁵.

Гибли или попадали в ссылку и поляки из других республик Советского Союза, прежде всего РСФСР — из Петрограда и Москвы. Расправа с польским населением страны стала составной частью так называемого «большого террора», перепахавшего весь Советский Союз. Десятки тысяч людей были убиты, десятки тысяч попали в тюрьмы и лагеря или выслались в регионы с такими климатическими условиями, что их скорая гибель практически была гарантирована²⁶. Всего в 1937–1938 гг. репрессиям подверглись 230 тыс. поляков — граждан СССР.

Информация об этих массовых преступлениях в Польшу почти не поступала. Да и в самом Советском Союзе не многие представляли себе их истинный масштаб, поскольку сама акция, несмотря на весь свой размах, проводилась в обстановке полной секретности. Посол Польши в Москве Вацлав Гжибовский не смог получить никаких данных о репрессиях против советских поляков. В его пространственных докладах с анализом внутренней ситуации в СССР о них даже не упоминается.

Зато отдельные отрывочные сведения о репрессиях против советских поляков польская сторона смогла получить из разведывательных источников. Однако их никак нельзя было проверить по дипломатическим каналам. Ответы на заданные в этой связи вопросы звучали стандартно: «Выселение поляков? Никогда о таком не слышали, и никогда ничего подобного не было. Польский округ как был, так и по-прежнему существует»²⁷.

Уничтожение поляков — граждан СССР в западных регионах Союза оставалось незамеченным в океане массового террора. Тонула в нем не только элита (партийная, административная, дипломатическая и военная), но и масса простых людей из всех слоев советского общества.

Коминтерн и Компартия Польши. Потенциальные возможности антиправительственной деятельности польских коммунистов в полной мере практически не использовались из-за разгоревшейся во второй половине 1920-х годов борьбы внутри самой партии. На это положение дел закрывали глаза как Коминтерн, так и Сталин, который уже давно относился с подозрением к польским коммунистам, видя в них тайных троцкистов. Кратковременная поддержка Компартией Польши (КПП) майского переворота 1926 г. дала толчок усиливавшимся время от времени обвинениям, что партия подвержена влиянию польской разведки и контрразведки, что даже в ее высшее руководство проникли провокаторы. Но только во второй половине 1930-х годов Сталин наконец решает вопрос кардинально, в свойственной ему манере. Предпринятые шаги были тесно связаны с описанной выше акцией по уничтожению польских граждан СССР.

Репрессии против польских коммунистов начались гораздо раньше, нежели последовал массированный удар по этому сообществу. О них можно говорить как минимум с 1931 г., когда был арестован и обвинен Сильвестр Воевудзкий, деятель Независимой крестьянской партии — сателлита КПП. В 1933 г. на волне вышеупомянутой провокации ПОВ в советские тюрьмы угодили выдающиеся деятели польского коммунистического движения: Ежи Чешейко-Сохацкий, Тадеуш Жарский, Витольд Вандурский, Александр Островский и ряд других, которые, получив в Польше большие тюремные сроки, оказались в СССР в результате обмена политическими заключенными. Предъявленные им в Советском Союзе обвинения были типичными: провокаторская работа в КПП, сотрудничество с полицией, шпионаж в пользу Польши, «создание законспирированной агентуры ПОВ и ППС²⁸ в революционных организациях»²⁹. Раздираемое внутренними распрями и запуганное руководство КПП даже не пыталось замолвить слово в защиту выдающихся членов своей партии.

Под давлением Сталина в январе 1936 г. Секретариат Коминтерна обратился к КПП с формальным призывом очистить свои ряды от «провокаторов и классовых врагов», расплотившихся в ней в результате неумелого руководства таких коммунистов, как Мария Кошутская-Костшева, Эдвард Прухняк, Адольф Варский, и др. Результатом этого призыва стала лавина обвинений и доносов, охота на «врагов народа» и скрытых троцкистов и полный развал партии. Все это только подготавливало почву для ее кровавого роспуска.

Удар по руководству польского отделения Коминтерна *en bloc* был нанесен по окончании так называемого дела ПОВ и ликвидации польских национальных районов. В июне 1937 г. в Москву вызвали генерального секретаря КПП Юлиана Ленского-Лешинского и арестовали, как и многих других, находившихся на территории СССР и ранее не подвергавшихся преследованиям польских коммунистов, в частности, сотрудников аппарата Коминтерна, Крестинтерна, Профинтерна и КИМа — молодежной организации при Коминтерне. В январе 1938 г. на страницах

теоретического органа Коминтерна журнала «Коммунистический Интернационал» был напечатан текст «Провокаторы за работой», где КПП описывалась как логово предателей и шпионов, целиком и полностью контролируемое польской политической полицией. Начался длившийся несколько месяцев процесс ликвидации партии и ее сателлитов — Коммунистической партии Западной Белоруссии, Коммунистической партии Западной Украины, Коммунистического союза польской молодежи, польской секции Международной организации помощи революционерам (МОПР). В июле 1938 г. все было кончено.

Уничтожение Сталиным руководства польского коммунистического движения с согласия целиком послушного ему Коминтерна, несмотря на имевшие место поначалу робкие возражения его шефа — Георгия Димитрова, облегчило правительству Второй Польской Республики реализацию целого ряда внутривнутриполитических задач. В отношении между Польшей и ее восточным соседом это внесло дополнительный антагонизм: закрепило в массовом сознании советских людей мрачный образ Польши — страны, где даже коммунисты являются врагами «родины мирового пролетариата».

Возникшая на этом фоне стена недоброжелательности в советско-польских отношениях способствовала сведению их к минимуму. Редкие дипломатические контакты имели место в основном на форумах Лиги наций или в связи с вопросами, внешними для обоих государств, проблемами и конфликтами в центральноевропейском регионе.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XIV. М., 1969. Док. 273. С. 536.

² Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. V. Warszawa, 1966. Dok. 322. S. 594 (art. 4).

³ Nieznane dokumenty archiwalne z historii polsko-radzieckich rokowań o pakt o nieagresji. Oprac. S. Łopatniuk, „Z dziejów stosunków polsko-radzieckich”. T. V. Warszawa, 1969. Dok. 11. S. 188, 189.

⁴ Dziennik Ustaw RP. 24.XII.1932. Nr 115. Poz. 951. S. 2533–2536; Документы внешней политики СССР. Т. XV. М., 1969. Док. 300. С. 436–439.

⁵ *Meyszowicz J.* Czas przeszły dokonany. Wspomnienia ze służby w Ministerstwie Spraw Zagranicznych w latach 1932–1939. Kraków, 1984. S. 116.

⁶ Германия вышла из Лиги наций в октябре 1933 г.

⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. Док. 431. С. 761–763.

⁸ *Beck J.* Przemówienia, deklaracje, wywiady. Warszawa, 1939. S. 98–99.

⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М., 1971. Док. 24. С. 69.

¹⁰ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. VI. Warszawa, 1967. Dok. 75. S. 121, 122.

¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. Док. 28. С. 85.

¹² Правда. 29.01.1934.

¹³ Цит. по: *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań, 1980. S. 118.

¹⁴ *Mazurkiewicz K.* Skazani na wojnę. Warszawa, 1979. S. 227 (wywiad z Léonem Noëlem). Через некоторое время французская пресса напечатала даже фальсифицированный текст этого «секретного соглашения» (см.: *Le Bourbonnais*. 3.III.1935; *La République*. 18.IV.1935; *L'Homme Libre*. 19.IV.1935).

¹⁵ *Beck J.* Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 95.

¹⁶ Dokumenty i materiały... T. VI. Dok. 209. S. 345.

¹⁷ *The Polish White Book. Official Documents Concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations.* L., 1940. S. 195.

¹⁸ «Прометеизм» польская историография называет направление во внешней политике, связанное с Ю. Пилсудским и его соратниками. Название происходит от клуба «Прометей» и одноимен-

ного журнала, созданных при активном участии и финансовой поддержке 2-го отдела польского Генштаба в 1928 г., но идеология и основные направления прометеизма оформились гораздо раньше. — *Прим. пер.*

¹⁹ Бельведер — дворец в стиле классицизма, построенный в Варшаве в 1818–1822 гг. С 1918 года — государственная резиденция. — *Прим. пер.*

²⁰ *Bączkowski W.* Prometeizm na tle epoki // *Niepodległość*. 1984. Т. XVII. S. 50.

²¹ Ср.: *Iwanow M.* Polonia w Związku radzieckim okresu międzywojennego. Kontrowersje wokół liczebności // *Dzieje Najnowsze*. 1987. Nr 4. S. 29–51.

²² *Dokumenty i materiały...T. IV.* Warszawa, 1965. Dok. 218. S. 329.

²³ *Ibid.* T. VI. Dok. 230. S. 374.

²⁴ *Iwanow M.* Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921–1939. Warszawa; Wrocław, 1991. S. 369–372.

²⁵ *Платонаў Р., Сташкевич М.* Дзве аперацыі супраць «ворагаў народа» // *Беларускі гістарычны часопіс*. 1993. № 1. С. 78.

²⁶ Ср.: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. Warszawa, 1998. S. 219–242.

²⁷ *Drymmer W.T.* W służbie Polsce. Warszawa, 1998. S. 128.

²⁸ ППС (*PPS*) — принятая в советской и российской историографии аббревиатура Польской социалистической партии, с которой до 1914 г. был связан Ю. Пилсудский. — *Прим. пер.*

²⁹ U źródeł prowokacji rewiackiej // *Nowy Przegląd*. 1934. Nr 5. S. 28.

3

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. М. Наринский (Россия)

С. Дембский (Польша)

Подавляющее большинство российских и зарубежных исследователей согласны, что основным фактором нарастания предвоенного международно-политического кризиса стала агрессивная политика нацистской Германии и ее союзников. Правители Третьего рейха выдвинули радикальные и далеко идущие планы территориальной экспансии и создания «нового европейского порядка» под эгидой Германии. Советский нарком иностранных дел М. М. Литвинов в ходе беседы с британским лордом — хранителем печати А. Иденом в марте 1935 г. подчеркнул, что у СССР «нет ни малейших сомнений в германской агрессивности. Германская внешняя политика вдохновляется двумя основными идеями — идеей реванша и идеей господства в Европе»¹.

Союзниками (или потенциальными союзниками) Германии выступали фашистская Италия и императорская Япония. Блоку агрессоров противостояли державы — гаранты Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: Англия и Франция. Однако в условиях эскалации агрессии они избрали проведение политики «умиротворения» — политики уступок фашистским агрессорам в стремлении избежать новой большой войны. Особую роль в расстановке сил на международной арене играл Советский Союз, стремившийся отстаивать свои собственные интересы. Выжидательную позицию занимали Соединенные Штаты Америки, склонявшиеся к поддержке англо-французского блока².

Сложившаяся расстановка сил на международной арене обусловила процесс нарастания кризиса Версальско-Вашингтонской системы³.

В этой ситуации советское руководство стремилось предотвратить создание антисоветской коалиции, избежать угрозы большого военного конфликта с участием СССР, добивалось создания выгодной для себя системы коллективной безопасности в Европе, последовательно работало над укреплением внешнеполитических позиций СССР, осуществляя контакты с различными потенциальными парт-

нерами. Москва стремилась обеспечить себе максимальные возможности для внешнеполитического маневра.

Основной целью польской внешней политики являлось укрепление международных позиций страны. Теоретически Варшава оставалась на позициях «равноудаленности» между Берлином и Москвой, однако стремление решить свои собственные проблемы подталкивало Польшу к сближению с Германией. Как отмечают польские авторы, «министр Бек полагал, что, несмотря на сотрудничество с Третьим рейхом, которое, впрочем, осуществлялось в определенных границах, возможно было сохранять надлежащие или даже хорошие отношения с СССР»⁴. В действительности отношения между Советским Союзом и Польшей во второй половине 1930-х годов неуклонно ухудшались. Полпред в Варшаве Я. Давтян писал в Москву в мае 1937 г.: «Подводя вкратце итог нашим отношениям с поляками, приходится отмечать их дальнейшее ухудшение. При полном отсутствии каких-либо положительных фактов мы имеем ряд моментов обратного порядка: исключительно враждебное отношение польской прессы к нам, полный зажим нашего культурного проникновения, ухудшение торговых отношений и т.д.»⁵.

Важной вехой в развитии предвоенного международно-политического кризиса стал аншлюс Австрии, который был осуществлен нацистской Германией 11–12 марта 1938 г. Советское руководство оценило всю важность и опасность этой акции. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов 14 марта направил записку в Политбюро ЦК ВКП(б), в которой отмечал: «Захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»⁶. Аншлюс Австрии означал важный этап крушения Версальского порядка, его слома силовыми методами.

Советская позиция была четко обозначена в интервью Литвинова представителям печати от 17 марта. Оно прозвучало страстным призывом к организации коллективного, с участием СССР, отпора наращиванию агрессии. «Завтра может быть уже поздно, — подчеркнул Литвинов, — но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»⁷. Литвинов предложил срочно организовать обсуждение актуальных европейских проблем всеми заинтересованными государствами. Однако это предложение не встретило отклика. Сам нарком дал глубокую и в чем-то пророческую оценку своего заявления в письме полпреду в Чехословакии С. С. Александровскому: «Моя декларация является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы зайдем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии»⁸.

По мнению руководства Наркомата иностранных дел (НКВД), аншлюс Австрии заметно усилил позиции Германии в Европе и ухудшил положение Чехословакии. М. М. Литвинов отмечал, что он всегда рассматривал австрийский и чехословацкий вопросы как единую проблему — «изнасилование Чехословакии было бы началом аншлюса, точно так же как гитлеризация Австрии предрешила судьбу Чехословакии»⁹. По его мнению, аншлюс Австрии уже обеспечил Гитлеру гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии. К тому же аншлюс Австрии означал укрепление сотрудничества нацистской Германии с фашистской

Италией и ярко продемонстрировал последовательную политику невмешательства Англии и Франции.

События марта 1938 г. выявили линию Польши на использование кризиса Версальской системы в своих собственных интересах. В частности, это касалось конфликта с Литвой из-за Вильно и Виленской области. 17 марта литовскому правительству был вручен польский ультиматум с требованием немедленно установить дипломатические отношения, экономические связи, почтово-телеграфное сообщение между двумя странами, а также отменить статью конституции, указывающую, что столицей Литвы является Вильно. Советское руководство поддержало в этом конфликте Литву. В беседе с польским послом В. Гжибовским 18 марта нарком М. М. Литвинов заявил: «Обращает мое особое внимание то, что Польша добивается своим ультиматумом не только установления дипломатических отношений без всяких оговорок, то есть [полного] отказа Литвы от своей точки зрения относительно Виленщины и по другим спорным вопросам. Такие требования, да еще предъявленные в ультимативной форме, равносильны изнасилованию Литвы, а я уже говорил послу о нашей заинтересованности в сохранении полной независимости за литовским государством»¹⁰.

Руководство Литвы вынуждено было удовлетворить требования Польши, использовавшей в своих интересах наращивание германской экспансии в Европе. Что касается Москвы, то своим демаршем она подчеркнула заинтересованность СССР в положении в Восточной Европе и стремилась не допустить решения проблем этого региона без его участия.

Тем временем международная обстановка становилась все более сложной и напряженной. Осуществив аншлюс Австрии, нацистский рейх приступил к подготовке агрессии против Чехословакии. Орудием Берлина стала действовавшая в стране «судето-немецкая» партия во главе с К. Гейнлейном; немцы составляли около 20% населения страны. Партия Гейнлейна развернула на германские средства кампанию протеста против мнимых притеснений этнических немцев, за автономию, а затем и за полное самоопределение Судетской области. В выступлении перед высшими генералами 28 мая 1938 г. Гитлер говорил, что Чехословакия должна исчезнуть с карты Европы, чтобы «освободить тыл [Германии] для наступления против Запада»¹¹.

Руководители Чехословакии весной и летом 1938 г. были настроены весьма оптимистично. Однако советские дипломаты более пессимистично оценивали ситуацию. Так, в феврале 1938 г. полпред Я. З. Суриц писал Литвинову из Парижа: «Никто даже не сомневается, что Чемберлен “предаст” Чехословакию. Ожидают, что он усилит давление на Чехословакию, чтобы та пошла “по австрийскому пути”»¹².

В то же время советское руководство поддерживало решимость президента и правительства Чехословакии сопротивляться германскому нажиму. Именно в плане заверений о готовности СССР «решительно помочь чехам, если они действительно будут драться за свою независимость», следует оценивать визит в Прагу в конце марта 1938 г. командарма Г. И. Кулика.

В середине мая на границе Германии с ЧСР сложилась тревожная обстановка. 19 мая чехословацкая разведывательная служба получила информацию о концентрации германских войск на границе с Чехословакией. Опасаясь, что во время пред-

стоявших муниципальных выборов немцами может быть спровоцирован инцидент, который мог бы послужить поводом для нападения Германии на Чехословакию, правительство ЧСР провело 20 мая мобилизацию одного призывного возраста. Оно сразу же проинформировало Францию и Англию о концентрации германских войск.

Правда, на этот раз дело до военного конфликта не дошло. Мобилизация в Чехословакии прошла организованно. 21 мая в Судетской области было объявлено военное положение, граница была полностью перекрыта. Британский и французский послы в Берлине предупредили германского министра иностранных дел Риббентропа, что германская акция в отношении Чехословакии будет означать европейскую войну. Гитлер вынужден был временно отступить.

М. М. Литвинов стал инициатором советского дипломатического демарша в связи с возможностью выступления Польши против Чехословакии. В телеграмме временному поверенному в делах СССР во Франции от 5 июня 1938 г. отмечалось: «Польша не скрывает своих намерений использовать возможное наступление Германии на Чехословакию для отторжения в свою пользу части чехословацкой территории. Такое вмешательство Польши будет прямой помощью Германии и совместным с нею наступлением на Чехословакию. Мы хотели бы знать заранее, будет ли Франция в случае нашего решения помешать интервенции Польши считать себя союзницей Польши в смысле франко-польского союзного договора»¹³. Смысл такого запроса, который должен был просочиться в печать, М. М. Литвинов видел в том, «чтобы действительно припугнуть Польшу, заставить Францию определить свое отношение к Польше и действительно оказать некоторую помощь, хотя бы дипломатическую, Чехословакии». Тем самым Советский Союз напоминал о своей собственной позиции.

Через несколько дней министр иностранных дел Франции Ж. Бонне ответил, что Польша заявила Франции о соблюдении нейтралитета. В случае же нападения Польши на Чехословакию франко-польский договор прекратил бы действовать¹⁴. Вместе с тем в ходе обмена мнениями в Париже польская сторона подтвердила, что поляки не пропустят советские войска на помощь Чехословакии и что они будут сбивать советские самолеты при их попытке пролететь над территорией Польши.

В этой сложной международной обстановке Москва делала все, чтобы избежать втягивания в серьезный международный кризис. Полпред в Праге С. С. Александровский писал наркому 15 июня 1938 г.: «Я понимаю, что в наших интересах сделать все возможное для того, чтобы, укрепляя силу сопротивления Чехословакии, одновременно не мешать, а помогать прохождению таких мероприятий, которые имеют хоть какое-нибудь значение для осуществления задачи разрядить атмосферу в Центральной Европе, а то и предотвратить опасность военного столкновения»¹⁵. В телеграмме М. М. Литвинова полпреду СССР в ЧСР 25 июля сообщалось, в частности, для передачи президенту Бенешу: «Наши контакты с Францией и Чехословакией, помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно крупным фактором, разряжающим атмосферу вокруг Чехословакии»¹⁶.

Советская позиция была ясно и четко определена М. М. Литвиновым в письме С.С. Александровскому от 11 августа 1938 г. Нарком проводил мысль, что противодействие ликвидации Версальской системы должно было быть делом западных держав, в первую очередь Англии и Франции. Советский Союз не являлся участником этих договоров, но «мы, все же в силу нашей концепции о борьбе с агрессией, готовы оказать свое содействие, но что сами напрашиваться на это содействие мы не станем, а тем более добиваться его. Я думаю, мы должны из этого исходить и в отношении чехословацкой проблемы». Литвинов подчеркивал заинтересованность СССР в сохранении независимости Чехословакии, в том, чтобы воспрепятствовать продвижению гитлеровской Германии на восток и юго-восток. Но Советский Союз не мог предпринять что-либо существенное без западных держав, «а последние не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собою решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта. Нам не известно, чтобы сама Чехословакия когда-либо указывала своим западным “друзьям” на необходимость привлечения СССР»¹⁷.

Руководители Англии и Франции стремились к поиску компромисса с Гитлером за счет Чехословакии. В англо-французском тандеме ведущую роль все более явно играл Лондон. Советский полпред И. М. Майский в начале августа 1938 г. так оценивал позицию британского министра иностранных дел лорда Галифакса по вопросу о Чехословакии: «ЧС — искусственное государство, которое не в состоянии ни само защищаться, ни получить помощь извне. Англия не останется в стороне от центральноевропейских событий, но Франция должна сильнее нажать на Прагу, требуя от последней решительных уступок Гейнлейну. Надо заставить чехов договориться с немцами»¹⁸. Именно такова была основная цель миссии британского лорда Ренсимена, находившегося в Чехословакии в качестве посредника между судетскими немцами и чехословацким правительством в период с 3 августа по 16 сентября 1938 г.

Германия, используя судетских немцев, усиливала нажим на Чехословакию. В подписанном Гитлером проекте директив на операцию «Грюн» от 18 июня 1938 г. говорилось: «На первом плане моих политических намерений в качестве ближайшей цели стоит решение чешского вопроса по собственной инициативе. Я намерен для осуществления этой цели использовать любой политический повод начиная с 1.10.1938 г. ...Однако я приму окончательное решение начать кампанию против Чехословакии лишь в случае, если буду твердо убежден, как это имело место при занятии демилитаризованной зоны и при вступлении войск в Австрию, что Франция не выступит против нас и это не повлечет за собой вмешательства Англии»¹⁹.

К началу сентября обстановка вокруг Чехословакии еще более осложнилась. Нацистская пропаганда создавала впечатление неизбежности войны в случае отказа выполнить германские требования.

2 сентября французский поверенный в делах в Москве Ж. Пайяр официально поставил перед М. М. Литвиновым вопрос, на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, создававшиеся Польшей и Румынией. Литвинов напомнил, что советская помощь Чехословакии была обусловлена оказанием французской помощи. Нарком добавил, «что при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обяза-

тельства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»²⁰. Для определения конкретных форм помощи Москва считала необходимым созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий.

Германское давление на Прагу нарастало. Гитлер угрожал, шантажировал, провоцировал. Англия и Франция также предпочитали нажим на руководителей Чехословакии, чтобы вынудить их пойти на уступки Гитлеру. Ведущую роль играл британский премьер-министр Н. Чемберлен. 15 сентября в резиденции рейхсканцлера состоялась его беседа с Гитлером один на один. «Чехословакия прекратит свое существование», — прямо заявил нацистский диктатор. 19 сентября руководство Чехословакии получило англо-французское предложение об уступке Германии всех округов Судетской области, в которых немцы составляли больше 50% населения. Предполагалось, что новые границы Чехословакии определит специальная международная комиссия. Чехословакия должна была отказаться от договоров о взаимной помощи с Францией и СССР. При выполнении этих требований Англия и Франция выражали готовность гарантировать новые границы Чехословакии от прямой агрессии²¹.

Президент Э. Бенеш вызвал полпреда СССР и попросил его срочно выяснить позицию советского правительства. Москва на следующий же день дала ясный ответ: СССР готов был согласно договору оказать «немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь». СССР заявил, что готов был оказать помощь Чехословакии и как член Лиги наций на основании статей 16 и 17 ее устава²². Содержание этого ответа было передано советским полпредом президенту Э. Бенешу по телефону 20 сентября.

Руководство Чехословакии вначале отвергло англо-французские предложения. Однако представители двух стран усилили нажим на Прагу. В беседе с Бенешем в ночь на 21 сентября дипломаты Англии и Франции настаивали, что англо-французские предложения являются «единственным средством предотвращения войны и захвата Чехословакии. В случае, если ответ Чехословацкой республики будет отрицательным, она будет нести ответственность за развязывание войны». В этом случае Англия и Франция отказывались выступить в поддержку Чехословакии²³. Полпред в Лондоне И. М. Майский записывал в своем личном дневнике 21 сентября: «Нет предела англо-французской низости! Вчера вечером, получив чешский ответ с предложением решить германо-чешский спор с помощью арбитража, Чемберлен снесся с Даладье и поздно ночью (говорят, в 3 часа ночи) оба премьера направили чехпра [правительству Чехословакии. — М. Н.] ультиматум: **или ЧС принимает «англо-французский план», или Лондон и Париж бросают ЧС на произвол судьбы в случае германского нападения** [выделено нами. — М. Н.]. Французы даже заявили, что в этом случае они не будут считать себя связанными условиями чехо-французского договора... Положение создалось безвыходное, рано утром 21 сентября чехпра, со смертью в сердце, приняло англо-французский ультиматум»²⁴.

22 сентября состоялась новая встреча Чемберлена с Гитлером. Почувствовав себя хозяином положения, Гитлер ужесточил свои требования к Чехословакии. Он потребовал установления новой границы Чехословакии без всякой междуна-

ной комиссии и настаивал на том, чтобы эвакуация передаваемых Германии районов была завершена к 8 часам утра 28 сентября. Запугивая собеседника, рейхсканцлер угрожал, что в случае невыполнения изложенных требований «он будет вынужден искать военного решения вопроса».

24 сентября представителям Чехословакии был передан фактический ультиматум Гитлера, еще более жесточайший требования Германии. Эти требования были отвергнуты Прагой, президент Э. Бенеш объявил о всеобщей мобилизации.

25 сентября в ходе очередных англо-французских переговоров французский премьер Э. Даладье признал, что гитлеровский ультиматум означает «расчленение Чехословакии и германское господство в Европе». Большинство британских министров отказались принять требования Гитлера, французский кабинет отверг их единогласно. Агрессивные действия нацистской Германии поставили Европу на грань войны.

В ходе кризиса СССР последовательно подтверждал свою готовность выполнить обязательства по союзному договору с Чехословакией в случае помощи со стороны Франции или по решению Лиги наций, оказывал Праге политическую и дипломатическую поддержку. Вместе с тем, как отмечают современные российские историки, «есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии, которая капитулировала в условиях диктата»²⁵. Необходимо было учитывать и негативную позицию Польши и Румынии.

Правда, нарком М. М. Литвинов, находившийся в Женеве на сессии ассамблеи Лиги наций, предлагал предпринять более решительный демарш. Он телеграфировал 23 сентября в Москву: «Считая, что европейская война, в которую мы будем вовлечены, не в наших интересах и что необходимо все сделать для ее предотвращения, я ставлю вопрос, не следует ли нам объявить хотя бы частичную мобилизацию и в прессе повести такую кампанию, что заставило бы Гитлера и Бека поверить в возможность большой войны с нашим участием»²⁶. Однако Кремль отверг предложения Литвинова, считая международное положение недостаточно ясным. Москва последовательно выступала за созыв конференции СССР, Франции и Англии по чехословацкому вопросу, за участие Советского Союза в урегулировании международного кризиса.

В ходе чехословацкого кризиса Польша фактически солидаризировалась с гитлеровской Германией. Представляет интерес информация миссии Финляндии в Варшаве об отношениях между Польшей и Чехословакией, направленная в Хельсинки в сентябре 1938 г. Посланник Финляндии сообщал: «Польско-чехословацкие отношения были, по общеизвестным причинам, всегда плохими. В Польше всегда существовало недовольство отношением чехов к польскому меньшинству... Поэтому в Польше были довольны, когда вопрос о чехословацких меньшинствах встал на повестку дня. Здешние газеты высказывали мнения, из которых явствовало, что Польше и Германии предстоит занимать одинаковые интересы. Все прежние польские упреки по адресу Чехословакии были выдвинуты на передний план в еще более резкой форме»²⁷. Польская пресса развернула кампанию за автономию поляков в Тешинской Силезии, а затем и за передачу этой области Польше.

Польские дипломаты заявляли, что все решения относительно положения немцев в Чехословакии должны также относиться и к полякам. В начале 20-х чисел сентября Польша стала сосредотачивать войска на всем протяжении границы с Чехословакией.

В этой ситуации Москва поддержала Чехословакию. 23 сентября заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин передал временному поверенному в делах Польши в СССР жесткое заявление советского правительства в связи с концентрацией польских войск на границе с Чехословакией, в котором оно предупредило Варшаву о намерении немедленно денонсировать договор о ненападении между двумя странами в случае акта агрессии со стороны Польши против Чехословакии²⁸. Французский посол в Москве Кулондр заявил Потемкину, что придает советской политической акции «крупнейшее международное значение. Положительный ее эффект должен коснуться не только Чехословакии, но и Франции»²⁹. Позднее польский министр иностранных дел Ю. Бек отмечал, что в дни кризиса «русские сосредоточили на русско-польской границе несколько армейских корпусов, часть которых разместилась непосредственно у линии границы»³⁰. Поляки готовы были даже к нанесению удара по Красной армии, если бы советские войска выдвинулись на территорию Польши³¹.

Тем не менее Советский Союз оказался оттесненным от урегулирования чехословацкого кризиса. Маневры руководителей западных держав привели к созыву 29 сентября в Мюнхене конференции глав правительств Германии, Италии, Великобритании и Франции. В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. А. Гитлер, Э. Даладье, Б. Муссолини и Н. Чемберлен подписали соглашения, по существу удовлетворявшие все требования нацистского фюрера. В период с 1 по 10 октября Чехословакия должна была передать Германии все районы с преобладанием немецкого населения. Эта территория передавалась Германии со всеми имеющимися на ней сооружениями, включая военные укрепления и промышленные предприятия. Окончательные границы Чехословакии должна была определить международная комиссия. Дополнительное соглашение предусматривало урегулирование вопроса о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, то есть удовлетворение территориальных притязаний Польши и Венгрии³². Тем самым осуществлялось фактическое расчленение Чехословакии, которая потеряла почти треть территории и населения, половину тяжелой промышленности.

Позиция советского правительства в отношении решений, принятых в Мюнхене, нашла отражение в сообщениях ТАСС от 2 и 4 октября 1938 г., в которых заявлялось о полной непричастности СССР к Мюнхенской конференции³³.

Что касается польского руководства, то оно активно участвовало в реализации мер по фактическому расчленению Чехословакии. Уже вечером 30 сентября польское правительство передало Чехословакии ноту, в которой потребовало немедленного отделения от Чехословакии части территории Тешинской и Фриштатской областей и передачу их Польше³⁴. Это было ультимативное требование, которое шло даже дальше договоренностей, достигнутых в Мюнхене. В письме министра иностранных дел Польши Ю. Бека польскому послу в Чехословакии К. Папэ от 30 сентября указывалось, что «срок... ультиматума истекает... 1 октября, в 12 часов дня» и «это требование является безоговорочным»³⁵. Советский полпред в

Чехословакии С. С. Александровский в своей телеграмме охарактеризовал эту польскую акцию как «гитлеровскую провокацию»³⁶. По сообщению посла в Берлине Ю. Липского, Риббентроп изложил следующую позицию германского правительства в связи с польским демаршем: «1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта правительство Германии сохранит по отношению к Польше доброжелательную позицию. 2. В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом он ясно дал понять, что правительство Германии оказало бы помощь»³⁷.

Правительства Англии и Франции, указав через своих дипломатических представителей на «роковые последствия для Польши, которое имело бы ее вооруженное выступление против Чехословакии»³⁸, на практике не предприняли никаких мер по противодействию Польше. Правительство Чехословакии вынуждено было уступить — Тешинская область была передана Польше. Отторжение этой области от ЧСР чрезвычайно затрудняло связи между Чехией и Словакией, ибо именно по этой территории проходила основная железнодорожная магистраль, связывавшая две части страны. Польский историк С. Жерко отмечает: «Польско-немецкое сближение достигло своего апогея во время Судетского кризиса 1938 года. Позиция Польши была Рейху на руку, и неоднократно германская сторона поляков за это благодарила. Польские лидеры были бы безумцами, если бы в эпоху политики умиротворения выступали против немцев, да еще защищая нелюбимую в Польше и недоброжелательно настроенную к ней Чехословакию. Другое дело, однако, активное участие в античехословацкой кампании. Непродуманное предъявление Праге ультиматума с требованием уступить Тешинскую область под угрозой вооруженного нападения было воспринято мировым общественным мнением как копирование Польшей германских методов»³⁹. Характерно, что в сентябре 2009 г. польский президент Лех Качиньский извинился за роль Польши в гитлеровском расчленении Чехословакии, заявив, что «участие Польши в аннексии Чехословакии в 1938 г. было не просто ошибкой, но прежде всего грехом».

Вслед за гитлеровской Германией и Польшей территориальные претензии к Чехословакии предъявило правительство Венгрии. В октябре 1938 г. начались переговоры между Прагой и Будапештом по этому вопросу. Они не привели к соглашению, так как Чехословакия отказалась удовлетворить требования Венгрии. Правительство Венгрии, поддержанное Муссолини, обратилось к Германии, Италии и Польше с просьбой о третьей стороне. Участие Польши было отклонено Берлином, и роль арбитра взяли на себя Германия и Италия. Решением, вынесенным 2 ноября 1938 г. в Вене (так называемый «первый Венский арбитраж»), Венгрии были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением около 1 млн человек⁴⁰. Таким образом, «малые страны» Европы внесли свой вклад в нарушение европейской стабильности.

Каковы же были итоги Мюнхена и его значение?

Польский историк Э. Дурачинский отмечает: «Среди историков доминирует практически единодушное мнение, что мюнхенский договор 29 сентября 1938 г., заключенный Германией, Италией, Францией и Великобританией в ущерб интересам Чехословакии, придал международным отношениям совершенно иное качество. Процесс дестабилизации в Европе, без сомнения, преодолел критическую

отметку... В Мюнхене был нанесен решающий удар по Версальской системе, которая, несмотря на свои недостатки, стабилизировала ситуацию в Европе, а государствам ее центральной части давала чувство безопасности, хоть и не лишенное беспоконья»⁴¹. С этим мнением можно согласиться.

Жертвой мюнхенских соглашений стала Чехословакия. Решения Мюнхена были приняты без Чехословакии и за ее счет. Они означали фактическое расчленение страны и создавали угрозу самому ее существованию. Чехословакия потеряла почти половину своей тяжелой промышленности и важные укрепления на границе.

Проигравшим субъектом международных отношений стал и Советский Союз. Мюнхен стал примером решения важного вопроса Восточной Европы без СССР и в какой-то степени против СССР. Мюнхен усилил недоверие И. Сталина к политике «западных демократий». Складывалась самая неблагоприятная для СССР расстановка сил. Советский Союз оказался перед угрозой международной изоляции. Объективно Мюнхен подталкивал Москву к поискам сближения с Берлином. По информации французского посла в Москве Р. Кулондра, заместитель наркома иностранных дел В. Потемкин сказал ему после Мюнхена: «Мой бедный друг, что же вы наделали? Для нас я не вижу другого выхода, кроме четвертого раздела Польши»⁴².

Бесспорное политическое поражение потерпела Франция. Был нанесен непоправимый ущерб всей системе французских союзов в Восточной Европе. Полпред СССР в Париже Я. З. Суриц сообщал в Москву 12 октября: «О том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей было нанесено страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз»⁴³. Была поставлена под сомнение способность Парижа предоставлять эффективные гарантии. Мюнхен в полной мере выявил следование Франции в фарватере британской политики. Советский полпред в Лондоне И. М. Майский передавал в Москву мнение Д. Ллойд-Джорджа: «Западные “демократии” понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала второстепенной державой»⁴⁴.

Мюнхен стал апогеем англо-французской политики умиротворения, ведущую роль в реализации которой играла Англия. Основным фактором этой политики было стремление избежать новой большой войны, которая считалась бессмысленной, ненужной и опасной. Сторонники политики умиротворения оказались восприимчивы к демагогии Гитлера об «исправлении ошибок Версаля».

В проведении политики умиротворения важную роль играли разногласия в правящих кругах Англии и Франции. Сказывалась и общая нестабильность социально-политической обстановки, особенно во Франции. Лондон и Париж должны были принимать во внимание позицию своих военных руководителей, внушавших, что британские и французские вооруженные силы были не готовы к ведению активных военных действий. Следует также учитывать опасения усиления «коммунизма» в результате потрясений в Европе.

Среди российских историков есть мнение, что Мюнхен стал своеобразной «точкой невозврата», обусловившей дальнейшее движение к началу войны. Так, Е. Н. Кульков и О. А. Ржешевский утверждают: «Фатальным политическим событием, которое в конечном счете привело ко Второй мировой войне, явилась Мюнхенская конференция (29–30 сентября 1938 г.)»⁴⁵. Однако развитие международного кризиса после Мюнхена продемонстрировало наличие различных аль-

тернатив, характеризовалось сложными политическими зигзагами в политике всех основных «игроков». Думается, можно согласиться с тем выводом, который делает российский историк С. З Случ: «Мюнхенский договор не исключал альтернативного развития международных отношений и не был поворотным пунктом на пути к войне; его нельзя объяснить только антисоветизмом руководства западных держав, так как основным мотивом их действий являлось стремление любой ценой избежать войны»⁴⁶.

Мюнхен означал попытку заменить Версальскую систему новым международным порядком, основанным на концепции Пакта четырех. Во всяком случае так воспринимали Мюнхен в Лондоне и Париже. Не случайно Мюнхенские соглашения сопровождалась англо-германской декларацией, подписанной 30 сентября 1938 г. Подчеркнув важность англо-германских отношений для двух стран и для Европы, А. Гитлер и Н. Чемберлен заявили о решимости использовать метод консультаций и «продолжать ... усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе»⁴⁷. По существу, это было соглашение о ненападении и взаимных консультациях. Британские руководители искренне надеялись на новую стабилизацию европейской ситуации.

Сходные надежды питали и французские политики. 6 декабря 1938 г. министры иностранных дел Франции и Германии подписали в Париже франко-германскую декларацию. Она зафиксировала приверженность обоих правительств развитию мирных и добрососедских отношений между двумя странами и отсутствие каких-либо неразрешенных вопросов территориального характера между ними. Оба правительства решили поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло привести к международным осложнениям⁴⁸. Франко-германское соглашение о консультациях воспринималось в Париже как вклад в сохранение мира в Европе. Расчет делался на умиротворение нацистской Германии за счет уступок в Восточной Европе и в колониальной сфере.

Основной просчет инициаторов и сторонников умиротворения состоял в непонимании сущности гитлеровского режима, в недооценке его агрессивности. Для германских руководителей все подписанные ими соглашения являлись лишь тактическим маневром на пути к достижению гегемонии Германии в Европе.

Мюнхен означал безусловный выигрыш Германии. Нацистский рейх заметно укрепил свои геополитические позиции, увеличил военно-промышленный потенциал. Мюнхен стал и личным успехом Гитлера. Фюрер сумел укрепить свое положение внутри страны и на международной арене. Характерную запись сделал в своем дневнике гитлеровский военачальник А. Йодль: «Мюнхенский пакт подписан. Чехословакии как государства больше не существует... Фюрер с его гением и целеустремленностью, которую не поколебала даже опасность возникновения мировой войны, опять одержал победу без применения силы. Остается надеяться, что те, кто не верил в его гений, теперь переубеждены навечно»⁴⁹. Мюнхен поощрял Гитлера к наращиванию германской экспансии в Европе.

Что касается Польши, то она получила приращение территории в виде Тешинской Силезии. На какое-то время реализовалась идея сотрудничества Польши с

Германией и ее союзниками. При этом Варшава заметно ухудшила свои отношения с Лондоном, Парижем и Москвой.

Стремясь восстановить утраченное «равновесие» между Берлином и Москвой, польское руководство проявило инициативу в деле улучшения отношений с СССР. В беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкиным 21 октября 1938 г. посол Польши В. Гжибовский поставил вопрос, не следует ли Польше и Советскому Союзу «подумать о существенном улучшении своих взаимоотношений»⁵⁰. Москва пошла навстречу Варшаве и проявила заинтересованность в том, чтобы закрепить положительный сдвиг в двусторонних отношениях взаимными обязательствами. 4 ноября нарком М.М. Литвинов предложил польской стороне проект совместного коммюнике, в котором подтверждалась приверженность обеих сторон советско-польскому договору о ненападении 1932 г. Проект коммюнике констатировал, «что, будучи заинтересованы в сохранении мира и спокойствия на всем протяжении Востока Европы, оба правительства будут консультировать друг друга в случаях, когда миру и спокойствию будет угрожать какая-либо опасность»⁵¹.

В ходе последующих переговоров польское правительство придало коммюнике довольно общий характер, в частности, исключив из него пункт о взаимных консультациях. М. М. Литвинов 26 ноября 1938 г. отмечал: «Польское правительство выхолостило наш проект, и получился документ довольно бесцветный»⁵². Тем не менее оба правительства подтвердили, что основой их взаимоотношений оставались существующие двусторонние договоры, включая договор о ненападении 1932 г. Было отмечено, что этот договор «имеет достаточно широкую основу, гарантирующую нерушимость мирных отношений между обоими государствами». Оба правительства выразили положительное отношение к расширению взаимной торговли и согласились «в необходимости положительного разрешения ряда текущих вопросов»⁵³. Однако польское Министерство иностранных дел постаралось преуменьшить значение согласованного документа. В сообщении отдела печати польского МИД германским корреспондентам отмечалось, что «опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений. Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне»⁵⁴. Польское руководство выдерживало политическую линию на «равноудаленность» в отношении СССР и Германии с заметным креном в сторону Берлина.

Нацистская Германия после Мюнхена наращивала свое влияние в Восточной и Юго-Восточной Европе. 24 февраля 1939 г. Венгрия присоединилась к антикоминтерновскому пакту, заключенному Германией и Японией в ноябре 1936 г.

Еще 21 октября 1938 г. Гитлер в своей директиве поставил перед вермахтом задачу быть постоянно готовым к решению вопроса об оставшейся части Чехии и к овладению Мемельской областью⁵⁵. Англо-французские гарантии новых послемиюнхенских границ Чехословакии оказались фикцией, с которой фюрер не собирался считаться. В результате германского диктата 15 марта 1939 г. все чешские земли были объявлены «Протекторатом Богемия и Моравия» рейха и оккупированы германскими войсками. Словакия стала «самостоятельным государством», полностью подчиненным Германии. Французский посол в Берлине Р. Кулондр писал в Париж: «Германия еще раз продемонстрировала свое пренебрежение

к любому письменному обязательству, отдав предпочтение методу грубой силы и свершившегося факта»⁵⁶.

При этом Закарпатская Украина была занята Венгрией. Такое развитие событий положило конец рассуждениям и спекуляциям о намерениях Гитлера включить Закарпатскую Украину в состав рейха с тем, чтобы затем осуществлять германскую экспансию в направлении Советской Украины.

Советское правительство протестовало против полной ликвидации независимой Чехословакии. Оно заявило, что «не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». По мнению советского правительства, действия Германии создали и усилили угрозы всеобщему миру, «нарушили политическую устойчивость в Средней Европе и нанесли новый удар чувству безопасности народов»⁵⁷.

Что касается Польши, то она реализовала свое давнее стремление иметь общую границу с Венгрией. Нарком Литвинов в беседе 16 марта с польским послом Гжибовским отметил, «что публичное выступление Бека, а также поведение польской печати заставляют думать, что Польша не только заняла благожелательный нейтралитет в отношении провозглашения независимости Словакии, но даже приветствовала это событие как желательное и приятное Польше»⁵⁸.

Тогда же, в марте, Гитлер решил присоединить к рейху литовский Клайпедский край (Мемельскую область). В крае активизировались нацистские группировки, готовые в любой момент поднять восстание по указке из-за границы. Литовское правительство готово было ценой внутривнутриполитических уступок в Клайпедском крае получить от Германии гарантию неприкосновенности своих границ. 20 марта в Берлине состоялась встреча министра иностранных дел Литвы Ю. Урбшиса с И. Риббентропом. В ходе этой беседы, как отмечал Урбшис, «Германия предъявила Литве ультиматум: или Клайпедский край, или германская армия вступает в Литву»⁵⁹. 21 марта литовское правительство решило уступить силе и согласилось передать Клайпеду Германии. Около полуночи 22 марта в кабинете Риббентропа был подписан «Договор между Литовской Республикой и Германской империей о передаче Клайпедского края».

После Мюнхена руководство нацистского рейха стало оказывать нажим на Румынию и Польшу, добиваясь от них экономических и политических уступок. 17 марта румынский посланник в Лондоне Тиля даже запрашивал британское правительство о его позиции в связи с якобы имевшим место германским ультиматумом Бухаресту в ходе двусторонних экономических переговоров⁶⁰. Правда, через несколько дней румынское руководство опровергло информацию о германском ультиматуме. Румынский король подтвердил, «что ультиматума собственно не было, но что Германия выдвинула совершенно недопустимые требования»⁶¹. Договор о развитии экономических отношений между Германией и Румынией, подписанный в Бухаресте 23 марта 1939 г., фактически поставил румынскую экономику под контроль Германии.

Одновременно Германия усиливала давление на Польшу. Еще в октябре 1938 г. Риббентроп выдвинул предложения «об общем урегулировании спорных проблем,

существующих между Польшей и Германией». Они включали «воссоединение Данцига с рейхом», строительство экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через польское Поморье. Ответной мерой со стороны Германии могла бы стать гарантия польско-германских границ. «В качестве возможной сферы будущего сотрудничества между двумя странами германский министр иностранных дел назвал совместные действия по колониальным вопросам и вопросам эмиграции евреев из Польши, а также общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта»⁶².

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек считал, что можно обойти германские требования затягиванием решения и дипломатическими уловками. Польский историк С. Жерко дает такую оценку позиции Бека: «Трудно привести лучший пример дезориентации, беспечности и переоценки роли собственной страны»⁶³. Всю серьезность сложившейся для Польши ситуации руководители страны смогли оценить в результате бесед Ю. Бека с А. Гитлером и И. Риббентропом 5 и 6 января 1939 г. Гитлер заверял Бека, что «при всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России». Вместе с тем Гитлер подчеркнул необходимость решения вопроса о Данциге и о польском коридоре. Фюрер заявил, что «он думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши. Данциг остается и всегда будет немецким; рано или поздно этот город отойдет к Германии». Что касается польского коридора, то Гитлер признал, что «связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере для Германии необходима связь с Восточной Пруссией...». В обмен на польские уступки Германия могла бы предоставить Польше зафиксированную в договорном порядке гарантию ее границ. Бек принял к сведению «пожелания, высказанные фюрером», но подчеркнул сложность решения поставленных вопросов. Он заверял, что Польша и впредь будет верна политической линии, вытекающей из договора с Германией 1934 г.⁶⁴.

Не менее категоричным был и министр иностранных дел Германии Риббентроп. В беседе с Беком он настаивал на следующих решениях: «Возвращение Данцига Германии с обеспечением всех экономических интересов Польши в этом районе, причем с наибольшей щедростью. Связь Германии с ее провинцией — Восточной Пруссией через экстерриториальную автостраду и железную дорогу. За это в качестве компенсации со стороны Германии — гарантия коридора и всей польской собственности, то есть окончательное и прочное признание взаимных границ». Риббентроп высказал также пожелание, чтобы Польша присоединилась к антикоминтерновскому пакту⁶⁵.

Беседы в Германии стали для Ю. Бека настоящим шоком. Позднее он признавал, что именно тогда впервые задумался о возможности войны с Германией. Для Варшавы настало время трудных решений. 8 января в Королевском замке состоялось совещание польского руководства с участием президента страны и членов правительства. Принятое решение означало отказ удовлетворить германские требования. Оно гласило: «а) Если Германия продолжит оказывать давление в отношении вопросов, представляющих для нее второстепенную важность, таких как Гданьск и автострада, то не будет никаких иллюзий, что эти вопросы служат лишь

предлогом и что мы находимся под угрозой крупного конфликта; б) В связи с этим колеблющаяся позиция Польши неизбежно привела бы ее к неминуемому упадку, а в результате к утрате ею независимости и к принятию на себя роли германского вассала»⁶⁶. Варшава не пошла на уступки Гитлеру.

Тем не менее германское руководство наращивало свой нажим на Польшу. 21 марта И. Риббентроп пригласил польского посла и категорически потребовал удовлетворить требования Берлина относительно Гданьска и экстерриториальной автострады через польский коридор. Слова Риббентропа звучали явной угрозой. Он подчеркивал, что Гитлер не получил от Польши никакого позитивного ответа на свои предложения. Поэтому Риббентроп настаивал на срочном визите Ю. Бека в Берлин для переговоров с Гитлером. Однако позиция польского руководства исключала уступки германскому диктату.

Могла ли Варшава дать другой ответ на требования Берлина? Думается, что нет. Политика уступок Гитлеру означала утрату Польшей самостоятельной роли в Центральной Европе, ее превращение в германского вассала с перспективой утраты страной независимости.

Вместе с тем именно польская решимость отказать удовлетворить требования Гитлера привела к изменению его планов и оказала влияние на весь ход международно-политического кризиса в 1939 г. После Мюнхенского соглашения фюрер все больше склонялся к войне с западными державами, для подготовки к которой требовалось время. При нанесении первого удара на западе Польше отводилась роль послушного сателлита и надежного тыла Германии. Выступая перед руководством вермахта 22 августа 1939 г., Гитлер разъяснял присутствовавшим: «Поначалу я хотел установить приемлемые отношения с Польшей, чтобы повести борьбу против Запада»⁶⁷. Но этот замысел германского руководства реализовать не удалось.

События марта 1939 г. и в первую очередь наращивание германской агрессии привели к началу серьезной перегруппировки сил на международной арене. Выявился провал проводившейся западными державами политики умиротворения. Добиться новой стабильности в Европе путем уступок Германии не удалось. Гитлер нарушил все свои обещания и заключенные соглашения. 17 марта главный дипломатический советник министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт заявил советскому полпреду И. М. Майскому, что «внешняя политика премьера потерпела полный крах», что аннексия Чехословакии нанесла по ней окончательный удар и поэтому «политика умиротворения мертва и возврата к ней не может быть»⁶⁸.

Руководители Англии и Франции пришли к выводу о необходимости создать барьер на пути гитлеровской агрессии, не допустить установления германской гегемонии в Европе. Шагом в этом направлении стало предоставление британских гарантий Польше. 31 марта британский премьер-министр Н. Чемберлен заявил в палате общин, «что в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом»⁶⁹. Аналогичную позицию занимало и французское пра-

вительство. При всей нечеткости формулировок эта декларация означала важный поворот в британской политике, переход к «политике гарантий». При этом правительство Великобритании исходило из своих собственных интересов. При обсуждении вопроса о гарантиях на заседании внешнеполитического комитета правительства Н. Чемберлен отметил: «Генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам»⁷⁰.

В результате визита Ю. Бека в Лондон 4–6 апреля 1939 г. была выражена готовность заключить постоянное двустороннее соглашение, которое гарантировало бы «взаимную помощь в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон»⁷¹.

Нарастивая политико-дипломатическое противодействие дальнейшему усилению Германии, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен 13 апреля огласил декларацию британского правительства о предоставлении гарантий Греции и Румынии. В случае какой-либо акции, которая бы явно угрожала независимости одной из этих двух стран, британское правительство «считало бы себя обязанным немедленно оказать греческому или румынскому правительству ... всю поддержку, которая в его силах»⁷². В тот же день с аналогичной декларацией о гарантиях Греции и Румынии выступило правительство Франции. Кроме того, оно подтвердило свои обязательства по франко-польскому союзу. Франция и Польша дали друг другу «немедленные и непосредственные гарантии против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам»⁷³. Тем самым Лондон и Париж стремились создать политический барьер против дальнейшего усиления Германии, против установления ее гегемонии в Европе. Это не исключало переговоров с Германией и компромиссов по отдельным вопросам.

В период с 23 по 27 марта в Москве находился с визитом министр заморской торговли Великобритании Р. Хадсон. Во время завтрака в английском посольстве Хадсон говорил заместителю наркома иностранных дел В. П. Потемкину, что «вооруженный конфликт между европейскими демократиями и Германией представлялся неизбежным. Общественное мнение Англии вполне убедилось в неотвратимости этого столкновения. Для противодействия агрессорам необходимо сотрудничество Великобритании, Франции и СССР»⁷⁴. Перед Лондоном и Парижем встал вопрос о привлечении Москвы к реализации «политики гарантий».

Принципиальные подходы советского руководства к проблемам международной политики были обрисованы И. Сталиным в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. Сталин заявил: «Новая империалистическая война стала фактом... Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятаются назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой». При этом основной пафос сталинского доклада оказался направленным против политики невмешательства, против политики попустительства агрессии, против попыток стол-

кнуть Германию с Советским Союзом. Кремлевский диктатор серьезно предупредил западных руководителей: «Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом».

И. Сталин сформулировал основные задачи партии в области внешней политики:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»⁷⁵.

Тем самым сталинское руководство выдвигало на первый план борьбу за национально-государственные интересы СССР в своей собственной трактовке. Оно заявило о стремлении проводить осторожную, прагматичную политику, по возможности оставаться вне начавшейся империалистической войны, добиваться максимально выгодных договоренностей с потенциальными партнерами.

Четкое разъяснение советской позиции дал нарком М.М. Литвинов в беседе с британским послом У. Сидсом 1 апреля 1939 г. Говоря о советской реакции на британские инициативы, Сидс спросил: «Значит ли это, что вы впредь не намерены помогать жертве агрессии?» Литвинов ответил, что, «может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»⁷⁶.

Советское руководство проявило большую заинтересованность в том, чтобы не допустить нового Мюнхена, чтобы активно участвовать в обсуждении возможностей отпора агрессии. В связи с нарастанием нажима Германии на Румынию и Польшу Советский Союз 18 марта предложил «немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши и Румынии». На следующий день М. М. Литвинов предложил добавить к возможным участникам конференции Турцию⁷⁷. Советский Союз выражал готовность подписать декларацию Великобритании, СССР, Франции и Польши, предложенную английским правительством. Проект декларации предусматривал обязательство соответствующих правительств «немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» действиям, составляющим угрозу политической независимости любого европейского государства⁷⁸. Правда, Литвинов делал оговорку, что без Польши СССР эту декларацию не подпишет⁷⁹.

Советское руководство явно опасалось возможных польско-германских договоренностей. Очевидно, этими соображениями было обусловлено стремление Москвы к улучшению отношений с Варшавой. Еще 19 февраля 1939 г. было подписано советско-польское торговое соглашение, предусматривавшее рост товарооборота между двумя странами⁸⁰. М. М. Литвинов писал 10 марта: «Новые отношения с Польшей можно выразить следующим образом: они стали менее враждебными, но отнюдь не более дружескими; между тем как польско-германские отношения стали менее дружественными и более враждебными. Бек по-прежнему продолжает лавировать между СССР и Германией, уменьшая несколько свой крен в сторону последней»⁸¹.

В конце марта Кремль дал дополнительные доказательства стремления к советско-польскому сближению. В ходе беседы с заместителем наркома В. П. Потемки-

ным 28 марта польский посол В. Гжибовский обратился с просьбой решить некоторые вопросы двусторонних отношений до его намеченной поездки в Варшаву для консультаций. Посол перечислил важнейшие из упомянутых им вопросов: установление воздушной связи между Москвой и Варшавой, передача польскому правительству некоторых архивных документов, подыскание ксендза для польского костела в Москве, освобождение ряда арестованных польских граждан⁸². Ознакомившись с записью этой беседы, И. Сталин по телефону продиктовал Потемкину положительные (или уклончивые) ответы на вопросы посла⁸³.

Тем не менее Польша отказалась подписать декларацию четырех держав, предложенную Англией. Польское правительство придерживалось твердой позиции: не заключать никаких соглашений ни с Германией против СССР, ни с СССР против Германии. Как сообщал из Лондона полпред И. М. Майский, «поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР»⁸⁴. По сообщению советского полпреда в Париже Я. З. Сурица, Э. Даладьё уже тогда предупреждал, что польская политика в конце концов доведет Польшу до раздела. Отрицательная позиция Польши, нерешительность и колебания Англии и Франции не позволили достичь какого-либо реального результата.

Что касается советского руководства, то оно добивалось обязывающих конкретных соглашений, не соглашаясь помогать Польше без всяких предварительных договоренностей в случае германской агрессии. Нарком М. М. Литвинов стал инициатором публикации в начале апреля заявления ТАСС, в котором опровергалось наличие каких-либо обещаний или обязательств СССР по оказанию помощи Польше⁸⁵. В тот же день Литвинов записал беседу с польским послом В. Гжибовским: «Но ведь когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР, вставил Гжибовский. На это я сказал, что она может обратиться, когда будет уже поздно, и что для нас вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»⁸⁶. В чем-то слова Литвинова оказались пророческими. Еще более откровенно нарком определил советскую позицию в письме полпреду в Германии А. Ф. Мерекалову 4 апреля. Литвинов писал: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»⁸⁷. Идея платы партнеров за советскую помощь стала важной составной частью политической линии Кремля.

Тогда же, в конце марта, советское руководство обозначило некоторые свои геополитические приоритеты. Москва довела до сведения эстонского и латвийского правительств, что ранее заключенные с ними пакты и соглашения имели своей предпосылкой полную независимость и целостность Латвии и Эстонии. В случае попыток с чьей-либо стороны к уничтожению этой самостоятельности и целостности или добровольного отказа от независимости СССР намеревался пересмотреть свое отношение к указанным соглашениям⁸⁸.

Гитлеровская Германия со своей стороны усиливала нажим на Польшу. Как теперь известно, 3 апреля 1939 г. командование германских вооруженных сил приняло решение о подготовке нападения на Польшу (план «Вайс») к 1 сентября того же года. 11 апреля план военной кампании против Польши был утвержден. При этом

в принятом документе отмечалось: «Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в этом случае, то есть ограничить войну боевыми действиями с Польшей»⁸⁹. 28 апреля Гитлер объявил об аннулировании пакта о ненападении с Польшей 1934 г., давая тем самым понять, что Германия не исключает отныне войну против восточного соседа.

М. М. Литвинов был прав, когда утверждал, что создать барьер против агрессии в Европе без Советского Союза было невозможно. В связи с наращиванием германского давления на Польшу и Румынию встал вопрос о привлечении СССР к англо-французской «политике гарантий». В середине апреля 1939 г. Советский Союз получил официальные предложения Англии и Франции о сотрудничестве. Лондон предлагал дать одностороннюю советскую гарантию Польше и Румынии, а возможно, и другим лимитрофным государствам⁹⁰. Париж выступил с инициативой расширения советско-французского пакта о взаимопомощи на случай предоставления одной из сторон помощи Польше или Румынии⁹¹. Вместе с тем Франция готова была поддержать и английское предложение.

Информируя Сталина об этих предложениях, М. М. Литвинов сделал характерную оговорку: «Если мы хотим вообще сотрудничать с Англией и Францией...»⁹². Эта оговорка наркома позволяет предположить наличие разногласий в советском руководстве по этой проблеме. Минимум советских требований Литвинов формулировал следующим образом:

«1. Взаимное обязательство о помощи между Англией, Францией и Советским Союзом в случае агрессии против одного из этих государств в результате помощи, оказываемой этим государством какому-либо европейскому соседу СССР», включая Прибалтику и Финляндию.

2. Англия, Франция и СССР обязуются друг перед другом оказать помощь европейским соседям СССР.

3. Представители трех государств приступают немедленно к обсуждению и установлению размеров и форм помощи.

4. СССР, Англия и Франция обязуются не принимать решений и не заключать соглашений с другими государствами по вопросам, касающимся востока Европы, без общего согласия трех государств. Равным образом они обязуются не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга»⁹³.

17 апреля развернутые и доработанные советские предложения, направленные на то, чтобы объединить английский и французский подходы, были переданы на рассмотрение Лондона и Парижа. Основными пунктами советских предложений стали: заключение Англией, Францией, СССР соглашения о немедленной взаимопомощи, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого участника соглашения; обязательства трех государств оказывать всяческую помощь, включая военную, восточноевропейским соседям СССР от Балтийского до Черного моря в случае агрессии против этих государств; безотлагательная выработка военной конвенции, подписываемой одновременно с политическим соглашением⁹⁴. Тем самым фактически начались трехсторонние англо-франко-советские переговоры.

Советская позиция была направлена на формирование военно-политического союза трех стран с жесткими обязательствами по взаимопомощи и совместными гарантиями европейским соседям СССР. Реализация этой программы делала СССР

равноправным участником решений по вопросам ситуации в Восточной Европе. Советские предложения означали гарантии европейских соседей СССР, но ничего не говорили о западных соседях Германии, кроме Франции.

Расхождения в позициях Англии, Франции и СССР были обусловлены и объективными, и субъективными факторами. Англия и Франция уже проявили свою заинтересованность в недопущении дальнейшего усиления позиций Германии в Восточной и Юго-Восточной Европе, они уже связали себя определенными обязательствами в отношении Польши, Румынии, Греции. М. М. Литвинов подчеркивал: «Советское правительство свободно от всяких обязательств в отношении помощи Польше и Румынии, и ему теперь предлагают принять на себя односторонние обязательства, причем ему разъясняют, что это в его собственных интересах. Советское правительство, конечно, само отлично знает свои собственные интересы, знает также, что оно будет предпринимать и делать в соответствии с этими интересами»⁹⁵. К тому же Польша и Румыния выступали против советских гарантий и воспринимались в Москве как недружественные государства. Тем не менее СССР последовательно поощрял Польшу к сопротивлению германским требованиям. Заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин в ходе беседы с Ю. Бекком 10 мая подчеркнул, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала»⁹⁶. Однако на следующий день посол В. Гжибовский заявил В. М. Молотову, что Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР⁹⁷.

Британское правительство не готово было принять советское предложение о создании широкого военно-политического альянса трех держав, способного «оттолкнуть» многих потенциальных союзников и сплотить членов антикоминтерновского пакта⁹⁸. Таким образом для англо-французской стороны речь шла о затягивании переговоров, что могло, по мнению Лондона и Парижа, «удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение»⁹⁹.

К этому добавлялись глубокая подозрительность и взаимное недоверие между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Москвой — с другой. Традиционную враждебность западных демократий к сталинскому режиму увеличивал эффект «большого террора» и массовых репрессий в СССР. Устойчивое недоверие к политике Англии и Франции, усиленное Мюнхеном, существовало и в Москве. Характерной была реакция на французские предложения советского полпреда в Париже Я.З. Сурица. 11 апреля он писал в Москву, что ведь речь шла по существу о том, чтобы СССР принял на себя тяжелейшие обязательства без всякой взаимности и гарантии. «У меня нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл». Поэтому, по мнению полпреда, надо было дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства без встречных гарантий. Сам Сталин не верил, что западные демократии окажут Советскому Союзу в определенных обстоятельствах военную помощь.

К сожалению, шанс достижения договоренностей на основе советских предложений был упущен руководителями западных держав. Лондон затягивал с ответом, считая, что «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения»¹⁰⁰. Париж 25 апреля внес новые предложения, которые, по оценке М. М. Литвинова,

выглядели «почти издевательски»: «мы получим помощь лишь в том случае, если Англия и Франция по своей инициативе окажутся в конфликте с Германией и они будут получать нашу помощь»¹⁰¹. Несмотря на это, Литвинов делал все возможное, чтобы продолжать переговоры в позитивном духе. Первое предложение Франции он считал «принципиально приемлемым»; во втором предложении находил изменения «положительного характера» — если первоначально говорилось о помощи лишь Польше и Румынии, то в новом предложении речь шла о предупреждении всяких изменений, навязанных силой в Центральной или Восточной Европе¹⁰².

Линия Литвинова на достижение договоренностей с Англией и Францией (конечно, выгодных СССР) вызвала недовольство Сталина и Молотова. 21 апреля 1939 г. в кабинете Сталина в Кремле состоялось совещание, в котором участвовали некоторые члены Политбюро, нарком иностранных дел М. М. Литвинов, его заместитель В. П. Потемкин, а также вызванные из Лондона и Берлина полпреды И. М. Майский и А. Ф. Мерекалов. Обсуждался кардинальный вопрос о дальнейшем внешнеполитическом курсе страны. Политика Литвинова, ориентированная на союз с Англией и Францией, была подвергнута резкой критике. Со стороны главы правительства В. М. Молотова был сделан акцент на необходимость поиска альтернативных решений для укрепления внешнеполитического положения СССР, в том числе и рассмотрения возможностей улучшения отношений с гитлеровской Германией¹⁰³.

По мнению некоторых российских исследователей, именно это совещание предредило отставку М. М. Литвинова с поста наркома иностранных дел. 3 мая И. Сталин направил телеграмму двенадцати ведущим сотрудникам НКВД, в которой сообщил: «Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»¹⁰⁴.

Смещение Литвинова означало отход советского руководства от политики коллективной безопасности, курс на лавирование между противостоявшими группировками на международной арене в стремлении к наиболее выгодным условиям соглашения. Не случайно большинство германских газет расценивало отставку Литвинова «как конец жевневской политики и политики союзов с западными капиталистическими державами, проводившейся якобы прежним наркомом»¹⁰⁵.

Однако руководители Англии и Франции не проявляли понимания всей серьезности международной ситуации и необходимости поиска компромисса с СССР. Их новые предложения в конце апреля — начале мая сводились либо к оказанию Советским Союзом помощи Англии и Франции в связи с выполнением ими своих обязательств, либо к односторонним обязательствам СССР в поддержку этих гарантий¹⁰⁶. Оценка Молотовым англо-французских предложений была резко отрицательной: «Англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь»¹⁰⁷. Эта оценка отражала и позицию И. Сталина, который говорил генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г. Димитрову 7 сентября 1939 г.: «Но англичане и французы хотели нас

иметь в батраках и при том за это ничего не платить!»¹⁰⁸. Таким образом, советская концепция переговоров с Англией и Францией недооценивала наличие общей угрозы и общей заинтересованности в противостоянии потенциальной агрессии. Советский Союз должен был получить безусловные гарантии Лондона и Парижа, да еще и «дополнительную плату» за союз Москвы с ними. Советское руководство настаивало на принципе взаимности в деле взаимопомощи Англии, Франции и СССР и на распространении гарантий этих трех стран на все пограничные с Советским Союзом страны Восточной Европы¹⁰⁹.

Однако нарастание германского давления на Польшу, заключение 22 мая германо-итальянского союза подталкивали участников тройственных переговоров к их активизации. Эксперты Министерства иностранных дел Великобритании пришли к выводу, что англо-франко-советский договор являлся, возможно, «единственным средством предотвращения войны»¹¹⁰. 27 мая представители Великобритании и Франции в Москве вручили В. М. Молотову проект тройственного соглашения о взаимопомощи против агрессии¹¹¹.

Молотов публично признал, что англо-французские предложения означали «шаг вперед», ибо предусматривали «на случай прямого нападения агрессоров принцип взаимопомощи между Англией, Францией и СССР на условиях взаимности»¹¹². Вместе с тем в беседе с представителями Англии и Франции Молотов заявил об отрицательном отношении к предложенному документу, выдвигая различные замечания и оговорки. Основным нерешенным вопросом остался вопрос о гарантиях прибалтийским странам: Финляндии, Эстонии и Латвии. «Во избежание недоразумений считаем нужным предупредить, что вопрос о трех Прибалтийских государствах является тем вопросом, без удовлетворительного решения которого невозможно довести до конца переговоры», — писал Молотов Майскому 10 июня¹¹³.

2 июня В. М. Молотов вручил представителям Англии и Франции советский проект тройственного соглашения. Проект предусматривал «немедленную всестороннюю эффективную помощь» друг другу, если бы одно из договаривающихся государств оказалось втянутым в военные действия с европейской державой либо в результате агрессии со стороны этой державы против любого из трех государств, либо в результате агрессии против Бельгии, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, которые участники соглашения обязались бы защищать. Политическое соглашение должно было вступить в действие одновременно с договоренностями по военным вопросам¹¹⁴.

Политические переговоры трех держав вступили в решающую фазу. Британское правительство не готово было принять советские пожелания. Оно полагало неудобным прямо называть в договоре Латвию, Эстонию и Финляндию. Лондон считал также, что предложение Москвы об одновременном вступлении в силу политического пакта и военного договора могло бы затянуть завершение переговоров. Наконец, британское правительство испытывало сомнения в связи с предложенным Москвой принципом незаключения сепаратного мира¹¹⁵.

Вместе с тем британское и французское правительства для выполнения уже данных ими обязательств по гарантиям были заинтересованы в соглашении с Москвой. 8 июня британское правительство решило направить в Москву заведующего

центральноевропейским департаментом Форин офиса У. Стрэнга для ускорения хода трехсторонних переговоров.

15 июня В. М. Молотову были переданы новые англо-французские формулировки по вопросам трехсторонних переговоров. Предусматривалась немедленная взаимопомощь трех государств в случае агрессии против одного из них, а также немедленная помощь Советского Союза Польше, Румынии, Бельгии, Греции, Турции «в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции»¹¹⁶. Кроме того, в случае необходимости предусматривались немедленные консультации участников соглашения.

Советское руководство проанализировало англо-французские предложения и сочло их неприемлемыми. В. М. Молотов писал 16 июня полпредам И. М. Майскому и Я. З. Сурицу: «Англо-французские предложения, полученные вчера, в основном повторяют их предыдущие предложения. В частности, от нас требуют немедленной помощи известным пяти странам, но отказываются от немедленной помощи трем прибалтийским странам ввиду будто бы их отказа принимать такую помощь. Это означает, что французы и англичане ставят СССР в унижительное неравное положение, с чем мы ни в коем случае не можем мириться»¹¹⁷.

В последующем тройственные переговоры сосредоточились вокруг списка гарантируемых государств, в частности на вопросе о гарантиях прибалтийским соседям СССР. К концу июня представители Англии и Франции согласились, что прибалтийские государства, Польша и Румыния являлись теми соседними европейскими государствами, неприкосновенность которых представляла один из элементов безопасности СССР. Для Франции и Англии такими соседними государствами являлись Бельгия, Голландия и Швейцария, на которые и предлагалось распространить гарантии трех держав. При этом французский посол предложил, чтобы страны, которым предоставлялись гарантии трех держав, были перечислены в отдельном документе, не подлежащем опубликованию¹¹⁸. К англо-французским предложениям был близок и советский проект от 8 июля 1939 г.¹¹⁹. При этом на определенных условиях СССР готов был участвовать в гарантиях Голландии и Швейцарии, с которыми у него не было дипломатических отношений.

Думается, что англо-французские и советские предложения создавали приемлемую основу для заключения тройственного соглашения о взаимопомощи и о гарантиях. 14 июля французский премьер Даладье заявил советскому полпреду: «Надо скорее кончать, тем более, что сейчас никаких серьезных разногласий я не вижу»¹²⁰. Что касается Парижа, то французский посол Наджар писал из Москвы в начале июля: «Главная цель обсуждаемого договора состояла с самого начала в том, чтобы интегрировать СССР в нашу систему и сохранить его на нашей стороне как базу снабжения и возможной помощи Польше и Румынии. Эта цель кажется в настоящий момент достигнутой, если учитывать основные положения договора, по которым мы уже согласны с СССР»¹²¹. Для заключения соглашения не хватало политической воли с обеих сторон. Советское руководство настойчиво добивалось для себя равноправия и некоторых «бонусов» в Восточной Европе. В то же время Кремль относился к этим переговорам весьма серьезно, добиваясь наиболее выгодных условий возможного соглашения. Англия стремилась избегать слишком обязываю-

щих обязательств и сохранить некоторую свободу рук для параллельных контактов с Берлином. Можно согласиться с выводом, который делает С. З. Случ: «Неудача англо-франко-советских переговоров — результат “упущенных возможностей” всех участников»¹²².

В сложившейся ситуации советское руководство избрало линию на затягивание переговоров, используя вопрос о «косвенной агрессии» и о связи политического соглашения с военной конвенцией. Тройственное соглашение должно было предоставить гарантии не только против непосредственного нападения, но и против «косвенной агрессии». Это понятие было раскрыто В. М. Молотовым 9 июля. Советский проект дополнительного письма к тройственному соглашению предлагал: «Выражение “косвенная агрессия” относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета»¹²³. Подобное определение «косвенной агрессии» было максимально широким и фактически предоставляло Советскому Союзу определенную свободу действий в сопредельных странах в кризисных ситуациях. Предложенная советская формулировка была совершенно неприемлемой для английской стороны, готовой пойти из-за нее даже на срыв переговоров¹²⁴. Перед надвигавшейся угрозой прямой гитлеровской агрессии дискуссии о «косвенной агрессии» не свидетельствовали о заинтересованности участников в скорейшем заключении тройственного пакта. В. М. Молотов признавал второстепенный характер расхождений, сохранявшихся по политическим вопросам¹²⁵.

В сложившейся ситуации советское руководство считало целесообразным перейти к рассмотрению конкретных военных проблем. Москва с апреля 1939 г. настаивала на подписании одновременно с политическим соглашением и военной конвенции. Британское и французское руководство в конце июля согласилось направить в Москву миссии для ведения переговоров по военным вопросам¹²⁶. При этом британский министр иностранных дел Галифакс рассчитывал на ответные советские уступки по вопросу об определении «косвенной агрессии»¹²⁷. Как бы то ни было, путь к тройственным военным переговорам в Москве был открыт. Тем не менее в середине июля ситуация на тройственных переговорах заметно осложнилась.

Англо-французское предложение о том, чтобы сначала договориться о политической части договора и только затем перейти к военному соглашению, вызвало резкую критику Молотова. 17 июля он писал советским полпредам в Лондон и Париж: «Только жулики и мошенники, какими и ведут себя все это время господа переговорщики с англо-французской стороны, могут теперь делать вид, прикидываясь, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашения является чем-то новым в переговорах... Видимо, толку из всех этих переговоров не будет и придется их послать к черту. Тогда пусть пеняют на себя»¹²⁸. Советское руководство настойчиво добивалось обязывающего военно-политического соглашения с определенными преимуществами для СССР в Восточной Европе.

К тому же именно в это время усилилось советское недоверие к мотивам и целям британской стороны. В период с 17 по 20 июля в Лондоне состоялись англо-германские экономические переговоры между министром внешней торговли Р. Хадсоном и ответственным чиновником ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии Х. Вольгатом, которые могли иметь неблагоприятные политические последствия для СССР. Кроме того, 22 июля в Токио было подписано англо-японское соглашение, которое улучшало позиции Японии в Китае и облегчало ей ведение войны против СССР¹²⁹. И Англия, и Советский Союз вели своеобразную «двойную игру», осуществляя параллельные контакты с Германией.

В целом понять ход тройственных переговоров невозможно без анализа развития отношений между СССР и Германией. В декабре 1938 г. германская сторона заявила о готовности возобновить торгово-кредитные переговоры с СССР. Эти переговоры начались в январе 1939 г., они проходили трудно и медленно. Складывается впечатление, что советское руководство ожидало какого-то политического шага со стороны Германии, но Берлин его не предпринимал. В марте 1939 г. М. М. Литвинов отмечал: «Германия сама не прочь использовать советский козырь в своей игре с Англией и Францией, но не решается на соответственные политические жесты, которые она хочет заменить, если возможно, экономическим сближением»¹³⁰.

Поворот к советско-германскому сближению наметился в апреле 1939 г. Осторожный обоюдный зондаж возможностей улучшения отношений между Москвой и Берлином был осуществлен в ходе беседы советского полпреда в Берлине А. Ф. Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцзеккером 17 апреля. По советской версии записи беседы, германский дипломат, характеризуя состояние отношений между двумя странами, заявил: «Лучше, чем сейчас, они быть не могут... Вы знаете, у нас есть с Вами противоречия идеологического порядка. Но вместе с тем мы искренно хотим развивать с Вами экономические отношения»¹³¹. По германской версии беседы именно Мерекалов подчеркнул: «С точки зрения России нет причин, могущих помешать нормальным отношениям между нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше»¹³². Этот зондаж вписывался в политику СССР и Германии. Что касается Москвы, то следует напомнить о совещании у Сталина 21 апреля 1939 г., на котором Молотов поставил вопрос о рассмотрении возможностей улучшения отношений с гитлеровской Германией. А в германском руководстве 11 апреля был утвержден план нападения на Польшу (план «Вайс»), включавший задачу ее изоляции. Весьма характерно и замечание советского представителя Г. А. Астахова в его письме В. М. Молотову от 14 июня: «Это, естественно, создало впечатление, что просоветский (условно выражаясь) маневр в германской политике последних двух месяцев задуман несколько глубже, чем могло многим казаться вначале»¹³³. Таким образом, этот «просоветский маневр» начался именно в середине апреля 1939 г.

После отставки М. М. Литвинова в Берлине было решено активизировать зондажи СССР, но в ходе контактов в первой половине мая советская сторона отвечала, что улучшение двусторонних отношений зависит от Германии¹³⁴. Характерным эпизодом стала беседа в Анкаре германского посла фон Папена с советским полпредом А. В. Терентьевым 8 мая. Терентьев сообщил в Москву, что германский

дипломат, «внешне проявляя приторную любезность, особо подчеркнул, что его лично “очень огорчает” отсутствие сердечности во взаимоотношениях СССР и Германии, “тем более, что нет никаких вопросов, которые разделяли бы обе страны и создавали бы между ними противоречия”»¹³⁵. Еще более показательными были указания В. М. Молотова по поводу этой беседы. Молотов телеграфировал Терентьеву: в отношении фон Папена «Вы взяли неправильный тон. Вам надо быть с ним таким же вежливым, как с французом или другим послом, не отворачиваться от него, выслушивать его заявления, если он захочет их сделать»¹³⁶.

Именно Молотов в мае 1939 г. сделал решающий шаг к политическому сближению с Германией. 20 мая в ходе обсуждения советско-германских экономических переговоров он заявил: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. Без такой политической базы, как показал опыт переговоров с Германией, нельзя разрешить экономических вопросов... Экономическим переговорам должно предшествовать создание соответствующей политической базы»¹³⁷. Такой подход оказался совершенно новым для германского руководства. На расспросы посла, в каком направлении могут быть улучшены политические отношения между двумя странами, он услышал в ответ, «что об этом надлежит подумать обоим правительствам»¹³⁸. Советский демарш встретил благоприятный отклик в Берлине. 22 мая Риббентроп в беседе с французским послом Кулондром откровенно говорил, что германо-советское сближение является «неизбежным и необходимым, это соответствует природе вещей и традициям». Тогда же он заявил, что польскому государству «предстоит рано или поздно исчезнуть, разделенному между Германией и Россией»¹³⁹.

Характерно, что 23 мая Гитлер, определяя военно-политические задачи, выделил «проблему Польши». Он заявил: «“Проблему Польши” невозможно отделить от проблемы столкновения с Западом. ...Поэтому польский вопрос обойти невозможно; остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу»¹⁴⁰. Тем не менее контакты между Германией и СССР оставались очень осторожными, основная цель Берлина состояла в том, чтобы удержать Москву от сближения с Англией.

Ответ на демарш Молотова был дан статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцеккером 30 мая. Он обратил внимание советского поверенного в делах Г. А. Астахова на некоторые положительные изменения в отношениях между СССР и Германией. «Эти моменты создают возможность дальнейшей нормализации отношений, и от Советского правительства зависит сделать выбор»¹⁴¹. Тем самым, не отвергая возможность улучшения германо-советских отношений, Берлин не выдвинул никаких конкретных предложений. В процессе улучшения советско-германских отношений наступила пауза, хотя 21 июля экономические переговоры между двумя странами были возобновлены.

В конце июля гитлеровское руководство приступило к завершающей фазе подготовки нападения на Польшу. Варшава не шла на уступки и в случае попыток захвата Данцига Германией готова была воевать даже без союзников¹⁴². В то же время контакты с Лондоном не давали Берлину гарантий неучастия Англии в грядущем конфликте. Весной-летом 1939 г. происходило объективное нарастание противоречий между Германией и Англией, что делало практически невозможным дости-

жение компромисса между руководством двух стран. К тому же тройственные переговоры в Москве вызывали растущее беспокойство в Берлине.

В сложившейся ситуации гитлеровское руководство решило активизировать контакты с Москвой. 24 июля энергичный и обаятельный советник экономического департамента германского МИД К. Ю Шнурре пригласил на беседу советского временного поверенного в делах Г.А. Астахова. По словам Шнурре, благополучное завершение торгово-кредитных переговоров должно было явиться лишь первым этапом улучшения двусторонних отношений. Второй этап мог бы состоять в улучшении отношений по линии прессы, культурных связей и т.п. «После этого можно будет перейти к третьему этапу, поставив вопрос о политическом сближении... Противоречий между СССР и Германией нет», — подчеркнул Шнурре¹⁴³. Он развивал соображения о возможности улучшения советско-германских отношений во время обеда с советскими дипломатами 26 июля в элегантном берлинском ресторане «Эвест». Шнурре поставил вопрос о продлении или освежении советско-германского политического договора¹⁴⁴. В последующие дни к переговорам подключился германский посол в Москве Шуленбург. 3 августа в беседе с Молотовым посол подчеркнул: «Германское правительство уполномочило Шуленбурга заявить, что, по его мнению, между СССР и Германией не имеется политических противоречий»¹⁴⁵.

В ответе Молотова Астахову отмечалась желательность «продолжения обмена мнений об улучшении отношений»; что касается других пунктов, то многое зависело от исхода торгово-кредитных переговоров в Берлине¹⁴⁶. Немцы форсировали переговоры и очень быстро поставили вопрос о фиксации в торговом договоре задачи улучшения политических отношений. По мнению Г. А. Астахова, немцы не прочь были бы «вовлечь нас в разговоры более далеко идущего порядка, произведя обзор всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими. В этой связи фраза об отсутствии противоречий “на всем протяжении от Черного моря до Балтийского” может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами». Далее, остановившись на конкретных вопросах, Астахов подчеркивал: «Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае войны с Польшей». При этом имелось в виду отсутствие англо-франко-советского военно-политического соглашения¹⁴⁷.

Кремль благожелательно воспринял германские авансы. 29 июля В. М. Молотов писал Г. А. Астахову: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения... Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение»¹⁴⁸.

3 августа в советско-германские переговоры вступил И. Риббентроп. Германский министр иностранных дел в разговоре с Астаховым подчеркнул: «Мы считаем, что противоречий между нашими странами нет на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться, если Советское правительство разделяет эти предпосылки, то можно обменяться мнениями более конкретным порядком»¹⁴⁹.

10 августа Г. А. Астахов сообщил в Москву о кардинальном вопросе, поставленном германским руководством: «Со своей стороны германское правительство наиболее интересуется вопросом нашего отношения к польской проблеме. Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет и польские провокации будут продолжаться, то, возможно, начнется война. Германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция Советского правительства»¹⁵⁰.

Таким образом, речь шла не просто об улучшении советско-германских отношений, а о позиции СССР в надвигавшемся вооруженном конфликте, вызванном агрессивными действиями Германии.

Для Кремля настало время принципиальных решений. Приходилось учитывать, что 5 августа британская и французская военные миссии выехали в СССР для ведения трехсторонних переговоров, которые начались в Москве 12 августа.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что именно в эти дни августа в Москве были приняты важные решения. 7 августа нарком обороны К. Е. Ворошилов зафиксировал инструкции, которые были даны ему для переговоров с военными миссиями Англии и Франции. Предположительно инструкции были продиктованы Сталиным. Суть документа сводилась к директивам: «переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал...»¹⁵¹. Учитывая отрицательное отношение Польши и Румынии к пропуску советских войск через их территории, позиция Кремля обрекала тройственные военные переговоры на неудачу.

Французские дипломаты в Москве понимали важность этого вопроса. По прибытии английских и французских военных в Москву глава французской миссии генерал Думенк имел беседу с послом Наджиаром. «Привезли ли вы что-либо конкретное о проходе [советских войск] через Польшу? — сказал он мне. — Имеете ли вы заверения по этому вопросу? И поскольку я заметил, что у нас их нет, то он воскликнул: “Значит, они не читали и не поняли мои телеграммы! Это коренной вопрос дискуссий, и его не обойдешь”»¹⁵².

И действительно, после выяснения вопроса о полномочиях делегаций и после общего обмена мнениями советские представители 14 августа прямо поставили вопрос: «Будут ли пропущены советские войска через территории Польши и Румынии для соприкосновения с противником в случае нападения агрессора на Англию и Францию, на Польшу или Румынию, а также на Турцию?» В ответ на попытки англичан и французов обойти эту проблему К.Е. Ворошилов «в качестве предварительного условия для ведения дальнейших переговоров ставит получение ясного ответа на вопрос о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии»¹⁵³.

После этого жесткого требования советского маршала был устроен перерыв. Выйдя в сад, глава британской делегации адмирал Дракс сказал: «Я считаю, что

наша миссия закончена»¹⁵⁴. Генерал Думенк признавал, что поставленные Ворошиловым вопросы были «совершенно законными»¹⁵⁵.

Французские военные и политические руководители были гораздо больше, чем британцы, заинтересованы в достижении соглашения с Москвой. Они знали об отрицательном отношении Варшавы к праву прохода советских войск через польскую территорию. Но все же Париж предпринял отчаянную попытку спасти трехсторонние переговоры в Москве. 17 августа один из сотрудников Думенка, капитан Бофр, выехал в Варшаву, чтобы попытаться получить согласие польских руководителей на проход советских войск через Польшу в случае необходимости.

Однако польские военные руководители заняли сугубо отрицательную позицию. Главнокомандующий польской армией маршал Рыдз-Смиглы и начальник генерального штаба генерал Стахевич заявили, что ни одно польское правительство не сможет рассматривать «какое-либо предложение, направленное на осуществление оккупации части польской территории русскими войсками, каковы бы ни были последствия этого отказа. Речь шла не столько о материальном вопросе, сколько о священном принципе, вытекавшем из политического завещания маршала Пилсудского: “С немцами мы рискуем потерять нашу свободу, а с русскими мы потеряем нашу душу”»¹⁵⁶. Польские деятели не верили ни в добрую волю советских руководителей, ни в их желание эффективно участвовать в военных действиях против Германии.

Только после объявления 21 августа о предстоявшем визите германского министра И. Риббентропа в Москву новый нажим французского и британского военных атташе вынудил польское руководство дать уклончивый ответ относительно возможности сотрудничества с Советами. 23 августа посол Франции в Польше Л. Ноэль направил в Москву следующую телеграмму: «Уверены, что в случае общих действий против немецкой агрессии сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается (или: возможно). Французский и английский генеральные штабы считают, что существует необходимость немедленно изучить все варианты сотрудничества»¹⁵⁷.

Как отмечал посол Франции в Москве Наджиар, «эта уступка происходит слишком поздно. Кроме того, она недостаточна, поскольку она не позволяет сослаться на решение самого польского правительства»¹⁵⁸. После заключения советско-германского пакта о ненападении тройственные переговоры потеряли всякий смысл, 25 августа они были прерваны.

Позиция польского руководства в августе 1939 г. труднообъяснима. Французский посол в Варшаве Ноэль подчеркивал, «что вопрос об ответственности Польши, над которой нависла большая, чем над кем-либо другим, угроза, причем речь идет о самом ее существовании, будет поставлен самым серьезным образом, если она будет упорствовать в чисто негативной позиции»¹⁵⁹.

Позиция Варшавы летом 1939 г. была связана с целым рядом ошибок и заблуждений. По мнению Ю. Бека, польско-советское сотрудничество могло бы ускорить удар Третьего рейха против Польши. Предположение, что Сталин не сможет договориться с Гитлером, стало главным просчетом польской политики этого периода. Польский историк Захариас отмечает: «Итак, Бек не предусмотрел, что Россия не

даст себя изолировать и что возникнет коалиция, которая не будет той, о которой он думал»¹⁶⁰.

Возвращаясь к решениям, принятым в Москве в первой половине августа 1939 г., следует отметить тот факт, что 11 августа, накануне начала переговоров военных миссий, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин»¹⁶¹.

В условиях взаимной заинтересованности переговоры между Москвой и Берлином развивались весьма энергично. 12 августа Г. А. Астахов сообщал из Берлина: «События развиваются быстро, и сейчас немцам явно не хотелось бы задерживаться на промежуточных стадиях в виде разговоров о прессе, культурном сближении и т. п., а непосредственно приступить к разговорам на темы территориально-политического порядка, чтобы развязать себе руки на случай конфликта с Польшей, назревающего в ускоренном темпе». Уже 13 августа германское руководство дало согласие на ведение переговоров об улучшении отношений между двумя странами в Москве и согласилось направить для этого лицо, близкое к фюреру. В памятной записке, врученной В. М. Молотову Ф. Шуленбургом 15 августа, подчеркивалось: «Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т. п. Помимо того, политическое сотрудничество обеих стран может быть только полезным»¹⁶². В ответ Молотов поставил вопрос о заключении пакта о ненападении и о необходимости предварительно обсудить конкретные вопросы.

В беседе с Ф. Шуленбургом 17 августа Молотов изложил план действий советского руководства по развитию отношений с Германией. Первым шагом должно было стать завершение переговоров о торгово-кредитном соглашении. Вторым шагом могло бы стать «заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики с тем, чтобы последний представлял органическую часть пакта»¹⁶³. Германское правительство со своей стороны настойчиво ставило вопрос об организации визита И. Риббентропа в Москву в ближайшие дни.

19 августа Молотов передал Шуленбургу текст проекта советско-германского пакта о ненападении с оговоркой, что пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола. Германская сторона вновь настаивала на скорейшем визите Риббентропа в Москву, ссылаясь на то, что «в Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей»¹⁶⁴.

Кредитное соглашение между СССР и Германией было подписано в Берлине 19 августа 1939 г. А уже 21 августа А. Гитлер направил письмо И. Сталину. Рейхсканцлер принял советский проект пакта о ненападении. Он предложил в кратчайший

срок согласовать вопросы, связанные с пактом и дополнительным протоколом. Гитлер настойчиво предлагал принять в Москве министра иностранных дел Германии Риббентропа не позднее 23 августа, подчеркнув, что «напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым»¹⁶⁵. Через два часа Молотов передал Шуленбургу ответное письмо Сталина Гитлеру, в котором советский лидер отметил, что согласие германского правительства заключить пакт о ненападении «создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами». Правительство СССР дало согласие на приезд в Москву германского министра иностранных дел Риббентропа 23 августа¹⁶⁶.

По прибытии И. Риббентропа 23 августа в Москву в тот же вечер состоялись его переговоры с И. Сталиным и В. Молотовым. Обсуждался вопрос о разграничении «сфер влияния» двух государств. Немецкое предложение состояло во включении в советскую сферу Финляндии, Эстонии, восточной части Латвии (до реки Двина) и восточной части Польши до рубежа рек Нарев, Висла, Буг, Сан. Сталин потребовал передачи в советскую сферу находящихся западнее намеченной линии латвийских портов Лиепая и Вентспилс. Риббентроп быстро получил на это согласие Гитлера.

В ночь с 23 на 24 августа главы внешнеполитических ведомств двух держав В. М. Молотов и И. Риббентроп подписали договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, а также секретный дополнительный протокол¹⁶⁷.

Советско-германский пакт о ненападении, датированный 23 августа 1939 г., вступал в силу немедленно после его подписания и заключался сроком на десять лет. Обе стороны обещали «воздерживаться от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». В случае, если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая сторона обязалась не поддерживать ни в какой форме эту державу. Характерно, что по настоянию германской стороны была снята оговорка о неприменении этого обязательства в случае, если один из участников договора сам стал бы инициатором военных действий. Гитлера она не устраивала, ибо советско-германский пакт заключался в преддверии агрессии нацистского рейха против Польши.

Неотъемлемой частью договора стал секретный дополнительный протокол о разграничении сфер интересов двух держав. Было зафиксировано, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств», разграничение сфер интересов Германии и СССР пройдет по северной границе Литвы. «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства», разграничение сфер интересов Германии и СССР пройдет по линии рек Нарев, Висла, Писса и Сан. Участники пакта договорились выяснить в процессе дальнейшего политического развития вопрос о том, «является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства». Кроме того, в секретном протоколе подчеркивался интерес СССР к Бессарабии, а германская сторона заявила о полной политической незаинтересованности в этих областях.

Таким образом, по секретному протоколу в сферу интересов Советского Союза включались восточная часть Польши, Финляндия, Эстония, Латвия, Бессарабия (в сентябре 1939 г. к ним прибавилась Литва в обмен на некоторые районы Польши).

Участники переговоров были очень довольны достигнутыми соглашениями. Советско-германский пакт означал соглашение правителей двух тоталитарных государств, направленное на военно-политическое переустройство Европы, на раздел сфер влияния в восточной части континента.

Нацистское руководство договором с Москвой, который оно так спешило подписать, частично решало задачу изоляции Польши в грядущей войне Германии против этого государства. Еще 23 мая 1939 г. Гитлер поставил задачу «при первом же подходящем случае напасть на Польшу. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до военных действий. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции имеет решающее значение»¹⁶⁸. Заключением советско-германского пакта Гитлер добился договора, по которому СССР обязался не оказывать Польше помощь в случае войны и не содействовать Англии и Франции, если западные державы выполнили бы свои обязательства после германского нападения на Польшу. Гитлер не скрывал удовлетворения по поводу соглашения, достигнутого Риббентропом в Москве: ведь договор был заключен именно тогда, когда ему это более всего требовалось, приведя к серьезному улучшению международных позиций Германии. Советско-германское сотрудничество на основе пакта о ненападении было желательным и выгодным для Гитлера. По словам В. М. Молотова, оно «обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке», «Германия получила надежный тыл, что имело большое значение для развития военных событий на Западе»¹⁶⁹.

Что касается значения советско-германского пакта для СССР, то в российской историографии продолжают длиться дискуссии сторонников и противников этой акции.

Мне представляется, что можно говорить о некоторых принципиально неверных установках сталинского руководства в его международной деятельности накануне войны.

Во-первых, это непонимание характера и масштабов угрозы со стороны нацистской Германии, претендовавшей на порабощение Европы и установление мирового господства. Сталин и его окружение недооценивали опасность со стороны нацистской Германии, не усматривали существенной разницы между двумя группировками капиталистических государств. Более того, политика нацистской Германии представлялась им более гибкой и энергичной, чем политика буржуазных демократий. Поэтому гитлеровское руководство на каком-то этапе стало восприниматься как более удобный и надежный партнер на международной арене, а возможности достижения договоренностей с Англией и Францией не были использованы в полной мере. Сталин делал ставку на затяжной конфликт на Западе, который позволит ему играть роль «третьего радующегося». В беседе с Г. Димитровым 7 сентября 1939 г. И. В. Сталин заявил, что война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга», — сказал Сталин¹⁷⁰. События мая — июня 1940 г. показали несостоятельность этих расчетов.

Во-вторых, это геополитическое по своей сути мышление, стремление обеспечить безопасность страны за счет территориальных приобретений и сферы влияния. В действительности же в ситуации острого международного кризиса летом

1939 г. для подлинной безопасности гораздо важнее было объединить всех потенциальных противников блока агрессоров. Для достижения этой цели, очевидно, необходимы были уступки и компромиссы. Но ни советское руководство, ни правящие круги Англии и Франции не проявили к этому последовательного стремления.

Принципиальные просчеты сталинского руководства явились основой курса на советско-германское сближение, выражением которого и стало заключение пакта о ненападении 23 августа 1939 г.

В свете новейших документов несостоятельным оказывается десятилетиями утверждавшийся советской пропагандой и историографией тезис о том, что договор дал Советскому Союзу передышку, позволил оттянуть начало войны. Это утверждение и в наши дни повторяется некоторыми историками. Так, М. Ю. Мягков утверждает, что договор «на какое-то время обеспечивал СССР гарантией от войны с Германией и ее реальными и потенциальными союзниками... С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной международной обстановке»¹⁷¹. Но не существует никаких свидетельств того, что германское руководство планировало войну против СССР осенью 1939 г. Нацистский рейх в тот момент не был готов к такой войне и всячески стремился ее избежать. Вместе с тем хорошо известная история разработки плана «Барбаросса» позволяет уверенно говорить о том, что Гитлер осуществил агрессию против СССР именно тогда, когда он ее подготовил и когда для этого сложились наиболее подходящие с его точки зрения условия. В. И. Дашичев отмечает: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.»¹⁷².

Заключением советско-германского пакта Сталин выиграл не время, а территорию. Он счел соглашение с Гитлером более выгодным и осуществил эту сделку. Польский историк Э. Дурачинский обоснованно утверждает: «От Запада Сталин мог получить много, но от Германии неизмеримо больше. Подписывая договор с Третьим рейхом, он мог рассчитывать на реальные территориальные приобретения у своих западных границ и отведение угрозы перерастания конфликтов и столкновения с Японией в полномасштабную войну»¹⁷³.

Бесспорно, что советско-германский пакт о ненападении был тактическим выигрышем Сталина. СССР вошел в число ведущих держав, делавших мировую политику. Он сумел не допустить нового Мюнхена, добился территориальных приобретений. В результате, как утверждает М. И. Мельтюхов, исходя из тех целей, которые преследовало советское руководство, «это был вовсе не просчет, а желанный для него результат. Поэтому некоторые авторы считают пакт успехом советского руководства, которое смогло достичь своих целей»¹⁷⁴.

Есть основания считать, что если советско-германский пакт и был тактическим успехом Сталина, то весь курс на сотрудничество с Берлином стал его стратегическим просчетом. Он позволил Гитлеру разгромить Польшу и выйти на общую границу с Советским Союзом. В последующем Германия получила возможность нанести поражение Франции, что лишало СССР потенциального союзника в Европе. Такти-

ческий выигрыш Сталина обернулся его стратегическим проигрышем к июню 1941 г. Оценивая курс И. В. Сталина на сотрудничество с нацистской Германией, известный российский историк академик А. О. Чубарьян пишет: «Как показали дальнейшие события, тактические успехи обернулись стратегическими просчетами»¹⁷⁵.

Несостоятельными оказываются и утверждения, что в августе 1939 г. Сталин избежал войны на два фронта: против Германии и против Японии. Реальной угрозы со стороны нацистского рейха для СССР в тот момент просто не существовало. Что касается конфликта с Японией летом 1939 г. у реки Халхин-Гол, то 20 августа советские и монгольские войска перешли в решающее наступление, 23 августа они окружили 6-ю японскую армию, а 28 августа завершили ее разгром. Фактически этим вооруженный конфликт был уже завершен успешно для СССР.

Советская историография утверждала, что заключением советско-германского пакта Сталин избежал внешнеполитической изоляции СССР. Но о какой угрозе изоляции можно говорить в отношении периода, когда советское руководство вело переговоры с Англией и Францией, с одной стороны, и с Германией — с другой? На деле внешнеполитическое положение СССР летом 1939 г. было весьма благоприятным, и сталинское руководство имело широкое поле для маневра.

Наконец, нельзя не отметить, что подписанный В. М. Молотовым и И. Риббентропом секретный протокол противоречил нормам морали и международного права. Два государства не только разделили не принадлежавшие им территории на сферы влияния, но и поставили под вопрос само существование независимой Польши, признанного члена международного сообщества. Бесспорно, что при этом нарушался ряд советско-польских соглашений, в частности, Рижский мирный договор 1921 г., двусторонний договор 1932 г. о ненападении, протокол 1934 г. Делалась циничная ставка на силу при пренебрежении интересами малых государств.

Поэтому в декабре 1989 г. Съезд народных депутатов СССР констатировал, что предпринятые в советско-германских секретных протоколах 1939–1941 гг. «разграничения “сфер интересов“ СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Съезд осудил факт подписания секретного дополнительного протокола. Он признал «секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»¹⁷⁶.

Как уже было отмечено, советско-германский пакт о ненападении был выгоден Гитлеру. Однако, по нашему мнению, нет никаких оснований считать, что пакт стал решающим шагом к развязыванию Второй мировой войны. Хорошо известно, что принципиальное решение осуществить нападение на Польшу не позднее 1 сентября гитлеровское руководство приняло еще в апреле 1939 г., то есть до начала серьезных контактов с СССР. В секретной директиве Гитлера утверждалось: «Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как это означало бы уничтожение ее большевизмом»¹⁷⁷.

Последние дни августа 1939 г. были наполнены лихорадочными дипломатическими маневрами. При этом британское руководство стремилось политико-дипломатическим нажимом заставить Гитлера отказаться от начала войны, вернуть его за стол переговоров¹⁷⁸. В эту политическую линию вписывалось и заключение 25 августа соглашения о взаимопомощи между Англией и Польшей¹⁷⁹. Однако Англии

удалось лишь отсрочить гитлеровское нападение на Польшу до 1 сентября. Что касается германских усилий, то они были последовательно направлены на то, чтобы нейтрализовать Англию на случай германо-польской войны. Тем не менее добиться этого Гитлеру не удалось.

1 сентября нацистская Германия напала на Польшу. 3 сентября Великобритания и Франция, выполняя обязательства перед Польшей, объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война.

Бесспорно, что основным поджигателем войны стала гитлеровская Германия и ее союзники. Именно Гитлер сделал ставку на территориальную экспансию и агрессию, на установление германского господства в Европе, а затем и преобладание в мире.

Западные державы, и в первую очередь Англия, проводили порочную политику умиротворения агрессора, рассчитывая установить новый международный порядок с участием гитлеровской Германии. На деле эта политика поощряла агрессоров и позволила им без сопротивления Запада осуществить слом Версальской системы.

Советское руководство стремилось предотвратить новый Мюнхен, не допустить масштабного соглашения Англии и Франции с Германией без участия СССР. Недоценка угрозы со стороны гитлеровской Германии, неготовность к разумным компромиссам обусловили неудачу тройственных англо-франко-советских переговоров весной-летом 1939 г.

В сложной международной ситуации сталинское руководство предпочло заключить в августе 1939 г. договор о ненападении с гитлеровской Германией и пойти на раздел с Берлином «сфер интересов» в Восточной Европе. По моему мнению, договор о ненападении и секретный дополнительный протокол стали тактическим успехом Сталина, но его стратегическим просчетом. Договор был выгоден Гитлеру и позволил ему развязать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях.

Предвоенный международно-политический кризис дал яркие примеры недалекости и политических просчетов, следования устаревшим догмам и нежелания осознать принципиально новые явления в международной обстановке.

¹ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). Т. XVIII. М., 1973. Док. № 146. С. 235.

² См.: Мельтохов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 89–93.

³ См.: Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений, 1918–1939 гг. М., 2006; Наумов А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007.

⁴ The History of Polish Diplomacy X–XX c. Warsaw, 2005. P. 499.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 81. Л. 134.

⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Л. 118–119.

⁷ ДВП. Т. XXI. М., 1977. Док. № 82. С. 129.

⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 4–5.

¹⁰ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 87. С. 132.

¹¹ Цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы. М., 2005. Т. 1. С. 383.

¹² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 159. Л. 62.

- ¹³ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 216, С. 309–310.
- ¹⁴ Там же. Док. № 232, С. 333.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 168. Л. 77.
- ¹⁶ Цит. по: *Дульян А.* Мюнхенская конференция 1938 года, 70 лет спустя // *Международная жизнь.* 2008. № 8–9. С. 20.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 24.
- ¹⁸ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1943. М., 2006. С. 239.
- ¹⁹ *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 411.
- ²⁰ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 324. С. 470.
- ²¹ См.: Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. Док. № 138. С. 228–230.
- ²² ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 356, С. 500.
- ²³ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. Док. № 154, С. 246.
- ²⁴ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1943. С. 275.
- ²⁵ *Кульков Е. Н., Ржевский О. А.* Истоки нового мирового конфликта // *Мировые войны XX века.* Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. Гл. 1. С. 42–43.
- ²⁶ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 369. С. 520.
- ²⁷ «Завтра может быть уже поздно...». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 474.
- ²⁸ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 366. С. 516.
- ²⁹ Там же. Док. № 371. С. 522.
- ³⁰ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы (далее: Год кризиса). Т. 1. Док. № 102, С. 173.
- ³¹ *Христофоров В. С.* Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // *Новая и новейшая история.* 2009. № 1. С. 45.
- ³² Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939. Док. № 216. С. 329–331.
- ³³ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 405. С. 559. Д. № 407. С. 560–561.
- ³⁴ Год кризиса. Т. 1. М., 1990. Док. № 6. С. 32–34.
- ³⁵ Там же. Док. № 5. С. 31–32.
- ³⁶ Там же. Док. № 7. С. 35.
- ³⁷ Там же. Док. № 10. С. 38–39.
- ³⁸ Там же. С. 37.
- ³⁹ *Politika.* 24.01.2009.
- ⁴⁰ См.: Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 389 (прим.).
- ⁴¹ *Дурачински Э.* Внешняя политика Польши (1939–1941): Условия, возможности, цели и результаты // *Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР.* М., 2006. С. 157.
- ⁴² *Read A., Fisher D.* The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact. 1939–1941. L., 1988. P. 31.
- ⁴³ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 417. С. 576.
- ⁴⁴ Там же. Док. № 403. С. 557.
- ⁴⁵ *Кульков Е. Н., Ржевский О. А.* Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁶ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 173.
- ⁴⁷ Год кризиса. Т. 1. Док. № 2. С. 29.
- ⁴⁸ Там же. Док. № 75. С. 136–137.
- ⁴⁹ *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 459.
- ⁵⁰ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 432. С. 598–600.
- ⁵¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 38, 48.
- ⁵² ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 466. С. 648–649.
- ⁵³ Там же. Док. № 468. С. 650–651.
- ⁵⁴ Год кризиса. Т. 1. Док. № 64. С. 118–119.

- ⁵⁵ Там же. Док. № 37. С. 77–78.
- ⁵⁶ Там же. Док. № 189. С. 283.
- ⁵⁷ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 151. С. 202–204.
- ⁵⁸ Год кризиса. Т. 1. Док. № 188. С. 280.
- ⁵⁹ *Урбишс Ю.* Литва в годы суровых испытаний, 1939–1940. Вильнюс, 1989. С. 14.
- ⁶⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. Док. № 147. С. 198.
- ⁶¹ Год кризиса. Т. 1. Док. № 209. С. 308.
- ⁶² Там же. Док. № 43. С. 85.
- ⁶³ Politika. 24.01.2009.
- ⁶⁴ Год кризиса. Т. 1. Док. № 102. С. 168–174.
- ⁶⁵ Там же. Док. № 103. С. 175–176.
- ⁶⁶ The History of Polish Diplomacy X–XX c. Warsaw, 2005. P. 511.
- ⁶⁷ Цит. по: *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 186.
- ⁶⁸ Год кризиса. Т. 1. Примечания. С. 386.
- ⁶⁹ Там же. Док. № 245. С. 350–351.
- ⁷⁰ Там же. Примечания. С. 390.
- ⁷¹ Там же. Док. № 254. С. 361.
- ⁷² Там же. Док. № 266. С. 378.
- ⁷³ Там же. Док. № 267. С. 379.
- ⁷⁴ Там же. Док. № 230. С. 335.
- ⁷⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. 1939. С. 12–15.
- ⁷⁶ Год кризиса. Т. 1. Док. № 248. С. 355.
- ⁷⁷ Там же. Док. № 198, 200. С. 294, 295.
- ⁷⁸ Там же. Док. № 210, 215. С. 310, 314.
- ⁷⁹ Там же. Док. № 215. С. 314.
- ⁸⁰ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. Док. № 11. С. 34–38.
- ⁸¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 129. С. 174.
- ⁸² Там же. Док. № 183. С. 233–235.
- ⁸³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Л. 19.
- ⁸⁴ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 187. С. 239.
- ⁸⁵ См.: Известия. 4.04.1939.
- ⁸⁶ Год кризиса. Т. 1. Док. № 251. С. 359.
- ⁸⁷ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 199. С. 252–253.
- ⁸⁸ Там же. Док. № 180. С. 231.
- ⁸⁹ Год кризиса. Т. 1. Док. № 265. С. 375–378.
- ⁹⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 221. С. 273–274.
- ⁹¹ Год кризиса. Т. 1. Док. № 269. С. 380–381.
- ⁹² ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 224. С. 278.
- ⁹³ Там же. С. 277–278.
- ⁹⁴ Там же. Док. № 229. С. 283–284.
- ⁹⁵ Там же. Док. № 223. С. 276–277.
- ⁹⁶ Год кризиса. Т. 1. Док. № 332. С. 444.
- ⁹⁷ ДВП СССР. Том XXII. Кн. 1. Док. № 298. С. 356–357.
- ⁹⁸ См.: *Коробочкин М. Л.* Документы кабинета министров Великобритании об англо-франко-советских переговорах 1939 г. // Предвоенный кризис 1939 года в документах. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1992. С. 77–78.
- ⁹⁹ *Мельтохов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941. М., 2000. С. 76.
- ¹⁰⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн.2. Примечания. С. 544.
- ¹⁰¹ Там же. Кн. 1. Док. № 259. С. 315.
- ¹⁰² Там же. Док. № 229, 259. С. 283, 315.

- ¹⁰³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 236.
- ¹⁰⁴ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 269. С. 327.
- ¹⁰⁵ Там же. Кн. 2. Док. № 905. С. 472.
- ¹⁰⁶ Год кризиса. Т. 1. Док. № 305, 327. С. 413–414, 438–439.
- ¹⁰⁷ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 284. С. 342.
- ¹⁰⁸ *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 182.
- ¹⁰⁹ Год кризиса. Т. 1. Док. № 343. С. 459.
- ¹¹⁰ Там же. Т. 2. Примечания. С. 396.
- ¹¹¹ Там же. Т. 1. Док. № 380. С. 380–381.
- ¹¹² Там же. Док. № 386. С. 527.
- ¹¹³ Там же. Т. 2. Док. № 396. С. 17.
- ¹¹⁴ Там же. Док. № 387. С. 5–6.
- ¹¹⁵ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1943. С. 409.
- ¹¹⁶ Год кризиса. Т. 2. Док. № 407. С. 33–34.
- ¹¹⁷ Там же. Док. № 408. С. 34–35.
- ¹¹⁸ Там же. Примечания. С. 398–399.
- ¹¹⁹ Там же. Док. № 465. С. 88–92.
- ¹²⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 426. С. 543.
- ¹²¹ Год кризиса. Т. 2. Док. № 462. С. 85.
- ¹²² СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 173.
- ¹²³ Год кризиса. Т. 2. Док. № 467. С. 90.
- ¹²⁴ *Панкратова М.* Англо-франко-советские переговоры 1939 года // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 33–34.
- ¹²⁵ Год кризиса. Т. 2. Док. № 496. С. 123.
- ¹²⁶ Там же. Док. № 506. С. 141.
- ¹²⁷ ДВП СССР. Т. XXI. Кн. 1. Док. № 436. С. 567.
- ¹²⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939. М., 1981. Т. 2. Док. № 82. С. 139–140.
- ¹²⁹ См.: *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1991. С. 211–212.
- ¹³⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 129. С. 174.
- ¹³¹ Там же. Док. № 236. С. 292–293.
- ¹³² СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вып. 1. Вильнюс, 1989. Док. № 1. С. 11.
- ¹³³ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 370. С. 464–465.
- ¹³⁴ *Мельтохов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 66.
- ¹³⁵ Архив Президента Российской Федерации (далее: АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 1.
- ¹³⁶ Там же. Л. 3.
- ¹³⁷ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 326. С. 386–387.
- ¹³⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 8.
- ¹³⁹ *Белоусова З. С.* Предвоенный кризис 1939 года в освещении французских дипломатических документов // Предвоенный кризис 1939 года в документах. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1992. С. 11.
- ¹⁴⁰ Год кризиса. Т. 1. Док. № 371. С. 493–495.
- ¹⁴¹ Там же. Док. № 384. С. 518–522.
- ¹⁴² Там же. Т. 2. Док. № 488. С. 112–113.
- ¹⁴³ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 434. С. 554–556.
- ¹⁴⁴ Год кризиса. Т. 2. Док. № 503. С. 136–138.
- ¹⁴⁵ Там же. Док. № 525. С. 160.
- ¹⁴⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 68.
- ¹⁴⁷ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 455. С. 585–586.

- ¹⁴⁸ Год кризиса. Т. 2. Док. № 511. С. 145.
- ¹⁴⁹ Там же. Док. № 523. С. 157–158.
- ¹⁵⁰ Там же. Док. № 538. С. 182–183.
- ¹⁵¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 453. С. 584.
- ¹⁵² Service historique de l'armée de terre (Paris). 7 N 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 57.
- ¹⁵³ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 506. С. 665.
- ¹⁵⁴ Service historique de l'armée de terre (Paris). 7 N 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 76.
- ¹⁵⁵ Ibid.
- ¹⁵⁶ Ibid. P. 100–101.
- ¹⁵⁷ Год кризиса. Т. 2. Док. № 597. С. 316.
- ¹⁵⁸ Там же. Док. № 599. С. 317.
- ¹⁵⁹ Там же. Док. № 600. С. 318.
- ¹⁶⁰ *Захаряк М.* Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. ст. М., 2001. С. 230.
- ¹⁶¹ 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 485.
- ¹⁶² ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. Приложение. С. 581–582.
- ¹⁶³ Там же. Кн. 1. Док. № 470. С. 609–612.
- ¹⁶⁴ Там же. Док. № 474. С. 615–619.
- ¹⁶⁵ Год кризиса. Т. 2. Док. № 582. С. 302.
- ¹⁶⁶ Там же. Док. № 583. С. 303.
- ¹⁶⁷ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 484, 485. С. 630–632.
- ¹⁶⁸ Цит. по: *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 180.
- ¹⁶⁹ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. Док. № 498. С. 45.
- ¹⁷⁰ *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 181–182.
- ¹⁷¹ *Мягков М. Ю.* От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 58.
- ¹⁷² *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 13.
- ¹⁷³ *Дурачински Э.* Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 160.
- ¹⁷⁴ *Мельтохов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 81.
- ¹⁷⁵ *Чубарьян А. О.* Советская внешняя политика (1 сентября — конец октября 1939 года) // Война и политика. М., 1999. С. 19.
- ¹⁷⁶ 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 497.
- ¹⁷⁷ Год кризиса. Т. 1. Док. № 265. С. 376.
- ¹⁷⁸ Подробнее см.: Там же. Т. 2. Примечания. С. 406–407.
- ¹⁷⁹ Там же. Док. № 606. С. 323–326.

Через семьдесят лет после начала Второй мировой войны очень трудно дать новый, оригинальный ответ на вопрос: как могло случиться, что через 20 лет после окончания одной кровавой бойни, какой была Первая мировая война, в Европе разразилась новая, еще более тотальная, кровавая и ужасающая, еще более всеобщая война? В отличие от трудов, рассматривающих причины начала Первой мировой войны и появившихся особенно в межвоенный период, вопрос *Kriegsschuldfrage*, то есть ответственности за развязывание Второй мировой войны, не вызывает принципиальных разногласий. За возникновение войны и придание

ей варварского характера, нарушающего все нормы морали и права, ответственность несет прежде всего Германия — государство и народ. Без констатации того, что ко Второй мировой войне привела агрессивная политика канцлера Германии Адольфа Гитлера, поддерживаемая всеми массами немецкого народа, нам не удастся понять сути Второй мировой войны. Мы не сможем объяснить, почему 1 сентября 1939 г. в 4.45 утра германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по польскому складу боеприпасов на Вестерплатте в вольном городе Гданьске, подав тем самым сигнал к началу германского нападения на Польшу. Не сможем ответить на вопрос, почему двумя днями позже Великобритания и Франция объявили Германии войну, а 17 сентября нападение на Польшу совершил Советский Союз. Абстрагируясь от стремления Гитлера сломать сложившийся после 1919 г. порядок в Европе и создать на его руинах «тысячелетний Рейх», мы не поймем всей цепи событий, которые произошли позже — сражений на суше, на море и в воздухе, создания концентрационных лагерей, гетто, холокоста, истребления цыган и славян, массового уничтожения гражданского населения, ковровых бомбежек, атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Не поймем насилия и разбоя, примеров мужества и героизма, предательства и коллаборационизма — всего того, что составляет всемирную историю в период между 1 сентября 1939 г. и 2 сентября 1945 г., когда в 9.25 утра на борту другого — на этот раз американского — линкора «Миссури» японская делегация подписала акт о капитуляции, положивший конец боевым действиям Второй мировой войны.

Польша и Версальская система. С началом Второй мировой войны окончательно завершился 20-летний период существования Версальской системы, созданной державами-победительницами после Первой мировой войны. Польша и Россия занимали в этой системе прямо противоположные места. Возрожденная Польша стала ее неотъемлемой составной частью и одним из главных бенефициантов. Александр Скшиньский, один из самых выдающихся польских министров иностранных дел межвоенного периода, писал, что из Версаля Польша вышла как «интегральная составная часть новой политической системы, которая, по мысли ее творцов, должна обозначить для будущей германской экспансии определенные границы, за которые та не должна выходить». В другом своем высказывании Скшиньский подчеркивал, что «Версальский договор — это существование Польши». Он повторял, что «в руках Польши находится ключ к европейской безопасности — любая комбинация, которая попыталась бы его игнорировать, заранее обречена на полную неудачу»¹. Однако отношение Польши к государствам — основателям версальского миропорядка все время было двойственным. Возрожденное польское государство возникло в ноябре 1918 г. в результате совместных усилий, предпринимавшихся в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Риме сторонниками национально-консервативного лагеря, и самостоятельного взятия власти на польских землях представителями левого национально-освободительного движения. Пафос действия, традиция самостоятельной борьбы за собственное государство налагали свой отпечаток на образ внешнеполитического мышления поляков. В сферу государственных интересов Польши входило сотрудничество с Парижем и Лондоном в деле стабилизации новой системы международного устройства. Этому служили военные союзы с Францией и Румынией, заключенные в 1921 г., стремле-

ние к взаимодействию с Великобританией, поддержка в первом послевоенном десятилетии таких институтов Версальской системы, как Лига наций. Предполагалось, что в сферу жизненных интересов Франции, базирующихся на концептуализации опыта поражения 1870 г., Франции, являвшейся главным архитектором Версальской системы, будет входить защита этой системы. Французский военный потенциал, ставивший ее на первое место среди европейских держав, должен был служить гарантией мира в Европе. Другими словами, в начале 20-х годов польско-французский союз естественным образом вытекал из общности стратегических интересов обоих государств, которая, однако, начала подвергаться эрозии после заключения в 1925 г. Локарнского договора. Этот договор укреплял безопасность стран, расположенных на Рейне, и одновременно превращал Европу в регион с относительно низким уровнем безопасности. Такое различие вбило клин в польско-французский союз и в стратегическое содружество двух государств².

Едва ли не на следующий день после подписания Версальского договора появилось мнение, что в будущем неизбежно потребуются его модернизация. Я употребляю термин «модернизация», а не «реформирование», так как считаю, что он лучше передает устремления сторонников изменений. Не надо забывать, что они стремились обеспечить Европе мир. В сражениях на фронтах Первой мировой войны участвовали 60 млн европейцев, 7 млн погибли, 27 млн стали инвалидами или были тяжело ранены, 4 млн женщин потеряли своих мужей, а 8 млн детей — отцов. Франция заплатила за победу 1,3 млн погибших, то есть одной восьмой частью всего мужского населения, 4,3 млн были ранены, причем здоровью 1,1 млн был нанесен непоправимый ущерб. Французское государство должно было взять на себя заботу о 600 тыс. вдов и 750 тыс. сирот. Первая мировая война принесла Франции демографическую катастрофу, имевшую огромные стратегические последствия в вековом соперничестве с многонаселенной Германией, всегда имевшей к тому же более высокий прирост населения³. Поэтому нет ничего удивительного в том, что французским и британским политикам было трудно даже представить себе, что какой-нибудь европейский политик, находясь в здравом рассудке, может вообразить, будто во имя реализации неких политических целей можно оправдать новую войну в Европе. Поэтому они хотели мирным и эволюционным путем привести Версальскую систему в соответствие с новыми условиями, вытекающими из успехов в деле перевода Германии в главное русло европейской политики. Они считали, что суверенитет крупного, современного, высокоразвитого европейского государства, каким была Германия, не может вечно ограничиваться без ущерба для безопасности континента. Систему следовало модернизировать таким образом, чтобы Германия нашла в ней соответствующее место, а германский ревизионизм утратил свою основную мотивацию⁴.

По известным причинам Польша сдержанно относилась к идее модернизации Версальской системы и поиска в ней места для усиления Германии. Варшава подозревала — по большей части справедливо, — что за этим могут скрываться замыслы, направленные если не на изменение очертаний польских границ, то на попытки подойти к проблеме безопасности в Центральной Европе с точки зрения ее инструментализации. Такой подход имел место на конференции в Локарно. Такие акценты все время появлялись в беседах, часто очень откровенных,

польских дипломатов с их коллегами, представляющими западные державы. Например, в декабре 1935 г. заместитель начальника отдела Лиги наций в Форин-офис Ральф С. Стевенсон заявил в Женеве сотрудникам польского МИДа Владиславу Кульскому и Яну Вшеляку, что «в отношении Германии надо выбрать один из двух путей: либо купить мир, либо вести войну. Англия до последней возможности будет стараться идти первым путем... В Европе вопрос об Австрии разрешится если не ее присоединением, то подчинением Третьему рейху. Это, однако, не остановит экспансию, которая может развиваться в направлении Чехословакии, а также, может быть, и Польши. Англия, — утверждал Стевенсон, — может вмешаться лишь для защиты *status quo* на западе Европы, но никакая Палата общин не даст согласия на вмешательство для защиты существующего положения дел в Центральной и Восточной Европе, например, для защиты коридора (то есть Гданьского Поморья. — С. Д.)»⁵.

Способ, каким Польша появилась на карте Европы после 1918 г., в значительной степени наложил отпечаток на подход польской политической элиты к проблемам безопасности государства и к его внешней политике. Всегда, и в первом, и во втором межвоенном десятилетии, она делала упор на самостоятельность внешней политики. Критерием участия в разного рода европейских политических проектах для нее всегда было потенциальное влияние этих проектов на *status quo* между Польшей и Германией. Этот критерий всегда определял границы польского сотрудничества с западными державами. Этому часто не понимали в Париже и Лондоне. В феврале 1933 г. советник посольства в Париже Анатолий Мюльштейн писал министру иностранных дел Юзефу Беку: «Нормальный французский склад ума не в состоянии понять... чтобы Польша публично утверждала свою, отличную от французской точку зрения. Обычный француз считает нормальным, что в некоторых вопросах Франция и Польша солидарны. Обратная позиция для него непонятна, и он считает ее в известной степени “предательством”»⁶.

Подход Польши к версальскому мироустройству и ее отношения с западными державами легче понять, если сопоставить их с политикой Чехословакии. Оба государства возникли после Первой мировой войны и стали существенными элементами сформированного по ее итогам миропорядка. Однако Чехословакия обязана западным державам неизмеримо больше, чем Польша. Ведь Париж и Лондон имели значительно больший голос в процессе формирования границ Чехословакии. Иногда их претенциозно считали даже отцами-основателями этого государства, хотя пафос самостоятельной борьбы за свою государственность имел место и в Чехословакии. В основном он был связан с боевым путем чехословацких легионов в России, сражениями с войсками «Красной Венгрии» Белы Куна или, наконец, с отторжением от Польши Тешинской Силезии в январе 1919 г. Однако его воздействие на внешнюю политику Чехословакии было несравнимо более слабым. Как следствие, в межвоенный период Чехословакия проводила в отношении западных держав более безоговорочную политику, чем Польша. Она более тесно сотрудничала с Парижем и Лондоном. Чехословацких политиков больше, чем польских, любили и осыпали комплиментами в европейских политических салонах. Такой контраст еще сильнее проявился после переворота в Польше в мае 1926 г., дополнительно усилившего различия в общественном устройстве. Чехословацкие политики, особен-

но министр иностранных дел Эдуард Бенеш, в разговорах с западными политиками и дипломатами всякий раз старались нарочито противопоставить свою скоординированную позицию «авантюристской» политике, проводимой Польшей⁷. Однако польский историк недавно обратил внимание на то, что «Эдуард Бенеш, пользующийся — в отличие от Юзефа Бека — несомненной популярностью и признанием в глазах западноевропейского общественного мнения, не был в состоянии использовать эти достоинства для получения каких-либо выгод при принятии судьбоносных решений на Мюнхенской конференции осенью 1938 г.»⁸.

Лучшей иллюстрацией различия в подходах Польши и Чехословакии к западным державам и их планам реформировать Версальскую систему было отношение этих двух государств к так называемому Пакту четырех, заключенному Великобританией, Францией, Германией и Италией 15 июля 1933 г. по инициативе Бенито Муссолини. Пакт предусматривал сотрудничество его участников во всех «политических и неполитических» вопросах, в том числе и в деле пересмотра договоров. В одном из первых вариантов пакта, предложенном Италией, говорилось даже о возможности ликвидации польского коридора и непосредственного соединения Восточной Пруссии с Германией. Правда, из-за протеста Парижа и Лондона этот вариант пакта был модифицирован, но тем не менее французские политики и дипломаты не скрывали, что это не означало отказа от данной идеи и от пересмотра договоров путем соглашения, выработанного директорией европейских государств.

Чехословакия, а вместе с ней образующие Малую Антанту Румыния и Югославия выступили против идеи Пакта четырех. Прага, однако, очень старалась, показывая свое неудовольствие, не подвергнуть себя риску испортить отношения с Парижем и Лондоном. Малая Антанта критиковала идею директории, но в конечном счете удовлетворилась французскими заверениями о доброй воле и интерпретационной декларацией. Польша, напротив, поставила свои отношения с Францией на лезвие ножа. Когда 6 апреля 1933 г. французский премьер-министр Эдуард Даладье заявил, что «никакой договор не вечен», министр Бек в разговоре с французским послом в Варшаве Жюлем Ларошем отреагировал очень остро: «Если какое-либо государство, одно или вместе с другими, захочет покуситься на один квадратный метр нашей территории, то заговорят пушки. Об этом знают в Берлине, и это принято там к сведению. Боюсь, что об этом не знают достаточно хорошо в Лондоне и Риме, и даже в Париже...»⁹. Польша не изменила своего отношения к Пакту четырех, несмотря на заверения со стороны Франции и Великобритании в том, что его положения будут интерпретироваться таким образом, чтобы учитывались интересы третьих государств. Министр Бек публично заявил, что польское правительство не будет сотрудничать с четырьмя державами как международным субъектом и не будет подчиняться их решениям, а в случае, если пакт переродится в неформальный орган, управляющий деятельностью Лиги наций, пригрозил выходом Польши из этой организации¹⁰.

Польша стала искать пути выхода из ловушки, в которую ее толкала политика Парижа и Лондона, политика, направленная на модернизацию Версальской системы в духе «нового Версаля» с участием Германии. И пока сохранялась напряженность в польско-германских отношениях, возможный успех такого предприятия мог привести к попытке удовлетворить германские притязания за счет западных границ Польши и включения Вольного города Гданьска в состав Германии. И хотя

Пакт четырех не вступил в силу из-за позиции Адольфа Гитлера, который потерял к нему всякий интерес, для Польши он стал импульсом к сближению с Германией, что привело к подписанию 26 января 1934 г. Декларации о неприменении силы, которая должна была действовать 10 лет.

Хотя с падением Версальской системы перестали существовать и Чехословакия, и Польша, тем не менее нельзя не заметить, что Варшава оставалась субъектом этой системы до ее последних дней, что в начальной фазе войны ставило польские власти в значительно лучшую ситуацию, чем та, в которой оказались власти Чехословакии в 1938 г. Следует также признать, что к успехам этой политики надо отнести и тот факт, что германская агрессия против Польши 1 сентября 1939 г. не была началом локального, короткого конфликта, но переросла во всеобщую войну, в которой Польша участвовала, являясь союзником Великобритании и Франции — держав, которые уже победили Германию в Первой мировой войне. Польша эту войну проиграла, ибо ей не удалось по ее окончании вновь обрести независимость. Однако это было не результатом ошибочных решений польского руководства в первой фазе конфликта, а скорее следствием того, что, в конце концов, в лагере победителей оказался Советский Союз — держава, которая в сентябре 1939 г. вместе с Третьим рейхом вновь навязала миру парадигму сфер влияния и привела к ликвидации польского государства.

Логика польско-германского сближения в 1934 г. основывалась на протесте против предлагаемого западными державами способа улучшения Версальской системы. И хотя мотивы обоих участников Декларации от 26 января были разными, их объединяла тактическая необходимость. Гитлер был ревизионистом, стремившимся уничтожить Версальскую систему, а не улучшать ее совместными усилиями, даже и ограниченными до усилий «директории держав». Польша же категорически противилась всем замыслам модернизировать Версаль за ее счет. Благодаря Декларации от 26 января 1934 г. Польша на несколько лет отодвинула от себя угрозу превращения в платежное средство, за которое западные державы могли бы купить у Гитлера мир. Германия в свою очередь избегала изоляции после выхода из Лиги наций.

Гитлер, в отличие от своих предшественников на посту канцлера, сначала не намеревался в обязательном порядке «прикончить» Польшу, что само собой вело к тому, что в Варшаве его считали политиком умеренным и разумным. Вначале фюрер отводил Польше роль «сторожевого поста» (*Vorposten*), «бастиона цивилизации на востоке», прикрывающего Германию, с одной стороны, от большевизма, а с другой — от потенциальных попыток Франции оказать давление на Рейх. В дальнейшей перспективе Гитлер рассчитывал крепче привязать Варшаву и подчинить ее германским целям на международной арене. Он готовился прежде всего к конфронтации с Францией и поэтому в первую очередь стремился лишить ее потенциальных союзников (французы многое делали, чтобы ему в этом помочь). Лишь после победы на западе Европы Гитлер намеревался двинуться на Россию. И в этом деле он не исключал возможности взаимодействия с Варшавой. Таким образом, «роль Польши в перспективных планах Гитлера на востоке зависела от того, как будут развиваться отношения Германии с западными державами»¹¹.

Польско-германское сближение совпало по времени с эрозией германо-советского взаимодействия, начало которому было положено Рапальским договором 1922 г. и подтверждено Берлинским договором 1926 г. Сотрудничество двух соседей, враждебно настроенных к возрожденной Польше, с самого начала представляло угрозу для ее существования, по крайней мере, такую же угрозу, как и возможные реформы версальского мироустройства за счет Польши. Маршал Сейма Казимеж Свигальский, один из ближайших соратников Юзефа Пилсудского, записал слова маршала, сказанные 7 марта 1934 г. на совещании узкого круга наиболее доверенных сотрудников: «В своей истории времен Екатерины и Фридриха Прусского Польша на своей собственной шкуре испытала, что произойдет, когда два могущественных соседа договорятся между собой. Тогда Польша была разорвана в клочья. Такая опасность для Польши существует всегда. После мировой войны она уменьшилась, потому что Германия была разбита Антантой, а Россию побил Командант [Пилсудский]. И эти государства были ослаблены. Но они заключили между собой Рапальский договор, который, правда, не был направлен исключительно против Польши, а против всего мира, но был опасен для Польши»¹².

Поэтому нет ничего удивительного в том, что с момента появления первых трещин в германо-советском сотрудничестве Польша пыталась извлечь для себя пользу из новой ситуации. Через два месяца после майского государственного переворота 1926 г. по инициативе маршала Польши Юзефа Пилсудского состоялась его беседа с советским полпредом в Варшаве Петром Лазаревичем Войковым. Целью Пилсудского было заверить советского дипломата в том, что изменения общественного устройства в Польше никоим образом не представляют угрозу Советскому Союзу. Пилсудский говорил Войкову: «Я сейчас стараюсь всеми средствами, которые имею в своем распоряжении, дать понять и известить всех, что мой приход к власти при помощи армии не означает войну. Мне понятно беспокойство, которое охватило не только вас, но и других. Что касается вас, — говорил маршал, — скажу совершенно открыто: зачем мне война с вами? Я уже воевал с вами и из этой войны вышел покрытый славой. Думаю, что я оказался в этой войне победителем. Зачем мне теперь искать реванша? Мне не надо искать реванша. Это вам, может быть, следует искать реванша... Заявляю, — продолжал Пилсудский, — что я не хочу никакой войны и не буду ее хотеть». Войков возразил Пилсудскому и заверил, что Советский Союз также не будет искать никакого реванша. Через минуту собеседники перешли к теме договора, в котором обе стороны обязались бы отказаться от взаимного нападения¹³.

В 1919–1939 гг. перед лицом ревизионистской политики двух мощных соседей Польша стремилась сохранить равновесие (хотя по поводу термина «политика равновесия», который действительно использовался в дипломатической практике, спорят до сегодняшнего дня)¹⁴. 4 апреля 1939 г., разъясняя фундаментальные принципы польской внешней политики премьер-министру Великобритании Чемберлену и министру иностранных дел лорду Галифаксу, министр Бек отметил: «Что касается Польши, то две истины, обусловленные ее географическим положением, имеют принципиальное значение. А именно: чтобы польская политика не опиралась ни на Германию, ни на Россию. Если бы Польша ставила свою политику в

зависимость от одной из этих держав, то она перестала бы быть фактором мира и стала бы фактором, могущим спровоцировать конфликт... Этот принцип имеет для нас жизненно важное значение»¹⁵.

Действительно, уже в 1919 г. Юзеф Пилсудский, автор основных принципов внешней политики возрожденной Польши, говорил: «Если бы мы были вынуждены соединиться либо с Германией, либо с большевиками, то это означало бы, что наше дело не доведено до конца. Цивилизаторская миссия Польши осталась бы невыполненной»¹⁶. Польская политика — «не опираться ни на Германию, ни на Россию», политика, стремящаяся сохранить самостоятельный характер, требует, требовала подстраховки в виде участия в укреплении Версальской системы, то есть упрочения связей с западными державами. Это имело важное значение, особенно в контексте германо-советского сотрудничества, в которое всегда вплетался элемент враждебности к факту существования польского государства.

В ситуации, когда в Европе доминировали тенденции к модернизации Версальской системы путем формирования нового состава держав — основателей европейского устройства, договор о ненападении с Советским Союзом 1932 г. и декларация с Германией 1934 г. были в польской внешней политике договорным проявлением стремления сохранить политическую самостоятельность. Удержание этого курса достигалось, с одной стороны, путем последовательного отказа от поступающих из Берлина намеков на необходимость установить польско-германское взаимодействие на российском направлении, с другой — путем выражения готовности выступить в защиту Версальской системы в случае появления радикальных изменений в политике западных держав в отношении Германии и их отхода от политики умиротворения Гитлера.

Наиболее ярким проявлением такой политики была позиция Польши в вопросе о ремилитаризации Рейнской области. Получив известие о вступлении германских войск в Рейнскую область 7 марта 1936 г., Бек после консультаций с президентом Мосьчицким, премьером и начальником Генерального штаба заявил французскому послу в Варшаве Ноэлю, что если Париж решится отреагировать, то Польша будет выполнять союзнические обязательства, вытекающие из договора 1921 г.¹⁷. Но Франция осталась безучастной к германской акции. Такую позицию историки вот уже на протяжении десятков лет считают кардинальной ошибкой, полагая, что ее последствия привели затем к аншлюсу Австрии, конференции в Мюнхене и, наконец, к началу Второй мировой войны.

Таким образом, несмотря на сближение с Германией после 1934 г., польское руководство последовательно считало, что если бы в Европе дело дошло до вооруженной конфронтации между Германией и западными державами, защищающими Версальскую систему, то Польша должна была встать на сторону западных держав. В марте 1937 г. Юзеф Бек в беседе с Уинстоном Черчиллем, ярким противником политики умиротворения, дал понять, что если дело дойдет до войны, вызванной «нарушением порядка в Европе со стороны Германии, то Польша встанет на сторону Великобритании»¹⁸. В свою очередь еще в 1934 г. Бек предостерегал французского посла в Варшаве, что «лучше выяснить отношения сейчас, чем через два или три года консолидации гитлеровского режима». Но ни в Париже, ни в Лондоне на это не было ни желания, ни сил.

Советская Россия и версальский порядок. Отношение Советской России к версальскому мироустройству вытекало из ее периферийного положения¹⁹. Можно даже сказать, что в межвоенный период большевистская Россия была внесистемным элементом. Большевистская революция отодвинула Россию на задворки европейской политики, хотя, без сомнения, на Версальской конференции ей полагалось место среди держав-победительниц. Однако во всей России не было никого, кто мог бы ее там представлять. Император Николай был зверски убит вместе со всей семьей, «Верховный правитель Государства Российского» адмирал Александр Колчак не контролировал европейскую часть России и поэтому не мог принимать решения о ее западных границах. А авантюристская интервенция Антанты исключила участие в конференции большевиков. Впрочем, последние разговаривали с представителями «буржуазного» мира только тогда, когда у них не было иного выхода или когда возникала угроза их власти. Да и какой был смысл вести какие-либо переговоры, если, по предсказаниям Маркса и Ленина, капиталистический мир со дня на день должен пасть под ударами пролетарской революции?

Потеря империи — вот цена, которую заплатили большевики за взятие власти в России. Но с этим они никогда не смирились. 7 ноября 1937 г. на ужине у Климента Ворошилова Сталин поделился со своими сотрапезниками следующим соображением: «Русские цари наделали много зла. Они грабили и угнетали народ. В интересах помещиков вели войны и захватывали территории. Но они сделали одно хорошее дело — создали огромное государство — вплоть до Камчатки. Мы унаследовали это государство. И только мы, большевики, объединили и укрепили его не в интересах помещиков и капиталистов, но с пользой для трудящихся, всех народов, образующих это государство»²⁰. В этих словах, однако, мы находим только один источник советского ревизионизма. Мечта завладеть всем миром тем же способом, каким это удалось сделать в России, составляла второй источник внешней политики большевиков. В ней соединялись русская традиция и большевистское новаторство — мечта превратить Россию в новый центр мира. Такая мысль никогда бы и в голову не пришла русским царям, даже самым решительным в деле преобразования России — Петру I, Александру I, Александру II и ни одному из более ранних российских реформаторов.

Отсюда и двойственный характер советской внешней политики, проводимой как Наркоминделом, так и Коминтерном²¹. Ревизионистская Советская Россия поддерживала такие же ревизионистские планы других «обиженных» в 1919 г.: Германии (в 1919–1932 гг.) и Венгрии, искавшей возможность вернуть себе Семиградье (в 1939–1940 гг.)²². В июле 1940 г. в разговоре с Стэффордом Криппсом, новым британским послом в Москве, Сталин заявил: «Мы хотим изменить старое равновесие сил в Европе, которое действовало против СССР»²³. Целью Сталина была ликвидация версальского мироустройства, а затем противодействие тенденциям, направленным на его воссоздание.

Оба ревизионизма — германский и советский — естественным образом тяготели друг к другу, следствием чего стала «линия Рапалло» в политике обоих государств. Локарнский договор изменил ситуацию. Германия стала полноправным участником Версальской системы, а Советский Союз продолжал оставаться на ее периферии. Правда, оба государства все еще стремились улучшить свое положение, но после

1925 г. Берлин получил возможность делать это в рамках Версальской системы. Поэтому обоим государствам стало труднее согласовывать способ совместных действий. В Берлине к «линии Рапалло» с самого начала относились как к элементу давления на западные державы, но после Локарно политический союз с Москвой утратил рациональный характер²⁴. На рубеже 1920–1930-х годов международная конъюнктура не давала Советам оснований надеяться, что Версальская система может рухнуть в результате нового глобального вооруженного конфликта в Европе. Поэтому Москве не оставалось ничего иного, как пытаться изменить существующее устройство в Европе дипломатическими методами. Этому служила политика коллективной безопасности.

В приходе к власти в Германии нацизма, чему в значительной степени способствовала Москва, предписывая германским коммунистам бороться не с нацистами, а с социал-демократами, Сталин видел симптом кризиса капиталистического мира²⁵. «Победу фашизма, — говорил Сталин 26 января 1934 г. с трибуны XVII съезда ВКП(б), — следует рассматривать также как проявление слабости буржуазии, как проявление того, что буржуазия не в состоянии осуществлять власть при помощи старых методов парламентаризма и буржуазной демократии, ...как проявление того, что она уже не в состоянии найти выход из нынешней ситуации на почве мирной внешней политики, в результате чего она вынуждена прибегать к политике войны...»²⁶. Фашизм был для Сталина лучше капитализма, а Гитлер лучше какого-нибудь демократического политика прежде всего потому, что он высказывался за способ изменения положения Германии в Европе, радикально противоположный тому, которого придерживался, например, Густав Штресеман. Опасность того, что Гитлер будет стремиться расширить жизненное пространство для германского народа в направлении на восток, представлялась Сталину очень далекой и маловероятной перспективой. Целью фюрера, как считали в Москве, была не реформа, а уничтожение Версальского договора. Тем самым вновь начало вырисовываться совпадение интересов Берлина и Москвы.

В 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна генеральный секретарь Исполкома этой организации Г. Димитров открыто заявил: «Наша борьба с варварским фашизмом не означает, что мы стали сторонниками лицемерной и подкупной буржуазной демократии. Да, мы не демократы! ...Целью нашей борьбы с фашизмом не является установление буржуазной демократии, но завоевание советской власти»²⁷.

Поэтому Сталин прямо давал понять, что если бы Гитлеру для реализации его планов ликвидации Версальской системы понадобилась какая-либо поддержка со стороны Советского Союза, то он не видел бы преград для заключения соответствующего соглашения: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восхищаться фашистским режимом в Германии. Но здесь речь идет не о фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить самые хорошие отношения с этой страной. Речь не идет также о, якобы, изменении нашего отношения к Версальскому договору. Не мы, которые испытали позор Брестского мира, будем петь хвалебный гимн Версальскому договору»²⁸.

После 1933 г. Советский Союз параллельно с официальной антифашистской риторикой и политикой коллективной безопасности неустанно предпринимал попытки восстановить германо-советское сотрудничество «в духе Рапалло». Такое

предложение делал, в частности, Давид Канделаки, глава советской делегации на советско-германских переговорах по торговле, проходивших в Берлине в 1935–1936 гг., о чем Германия практически немедленно проинформировала Польшу. Но Гитлер не был заинтересован в советских предложениях²⁹. Тем не менее советская дипломатия все время питала надежду, что конъюнктура в отношении германо-советского взаимодействия изменится и приведет к ликвидации польского государства. 4 апреля 1938 г. заместитель Литвинова Владимир Потемкин писал советскому полпреду в Париже Якову Сурицу: «Германия толкает Польшу на конфликт с СССР. Гитлер уверен, что наши войска одержат над Польшей победу. Когда мы займем некоторые части Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически реализуя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и потерю национальной независимости»³⁰. Потемкин был советским дипломатом, особенно сильно приверженным идее раздела Польши. В ноябре 1938 г. в беседе с французским послом в Москве Робером Кулондром он предсказал «четвертый раздел» Польши³¹. Анализируя советскую политику того периода, французский посол пришел к выводу, что если в Кремле будет избран какой-нибудь новый курс во внешней политике, то он, можно сказать с полной уверенностью, будет направлен против интересов Польши³².

Мюнхенский договор, или «мир на наши времена». Во второй половине 1930-х годов народы Западной Европы не допускали мысли, что выдвигаемые Германией требования пересмотра Версальской системы могут привести к европейской войне, да к тому же в защиту «этих удаленных стран», о которых Европа так мало знала. Политика умиротворения Германии была политически правильной и лежала в русле заботы о безопасности Европы. Лорд Галифакс, находясь в Германии в ноябре 1937 г., предлагал Гитлеру вернуться к концепции «исправления ошибок Версальского договора» путем заключения соглашения между четырьмя державами — Германией, Великобританией, Францией и Италией. Глава британской дипломатии имел в виду прежде всего изменения, касающиеся Австрии и Чехословакии. Он выразил также готовность в рамках «общего урегулирования» начать переговоры с Германией о новом разделе колоний. Гитлер в соответствии с основными направлениями своей политики не был заинтересован в многостороннем решении вопросов; свои планы, касающиеся Австрии и Чехословакии, он намеревался реализовать без принятия на себя каких-либо обязательств в отношении западных держав.

Как Польша, так и Советский Союз были в стороне от поисков общего урегулирования между Берлином, Парижем, Лондоном и Римом. Но причины этого были разные. Нормализация польско-германских отношений после 1934 г. способствовала тому, что к Польше перестали относиться как к разменной монете западных держав в торге с Германией о новом порядке в Европе. Ее стали воспринимать как страну, тяготеющую к Берлину.

В свою очередь Советскому Союзу, несмотря на старания Литвинова (заключение союза с Францией и вступление в Лигу наций), не удалось получить статус полноправной державы. Проводимая Францией и Великобританией политика удовлетворения растущих запросов Германии путем заключения многосторонних соглашений не предусматривала участия в ней СССР. Здесь правила логика Версальской системы, сформированной без участия России. Парижская конферен-

ция 1919 г. породила уверенность в том, что изменение Версальской системы, проводимое великими державами — конструкторами версальского мироустройства, соответствует нормам международного права³³. Правда, такое мироустройство неоднократно подвергалось модификации (Локарно, планы Дауэса и Юнга, Пакт четырех), но всегда одним и тем же способом. Логика Версаля существенно ограничивала пространство для маневра советской дипломатии. Ее не могла преодолеть продвигаемая Литвиновым политика коллективной безопасности³⁴, впрочем, представлявшая собой лишь суррогат политики, отвечающей главным образом устремлениям большевиков.

Конференция в Мюнхене была последней удачной попыткой модифицировать Версальскую систему. Франция и Великобритания хотели видеть в ней способ окончательно исправить недостатки Версальского договора и удовлетворить требования германского ревизионизма. Они намеревались заменить версальское устройство новым, справедливым и окончательным мюнхенским порядком. Именно поэтому Невилл Чемберлен гордился тем, что из Мюнхена он привез «мир на наши времена». Корректировка германо-чехословацкой границы казалась британским и французским политикам малой, абсолютно легитимной ценой за мир в Европе.

Логика Версальской системы содержала элемент, угрожавший жизненным польским интересам. Поэтому Варшава старалась держать дистанцию по отношению к проводимой западными державами политике уступок Германии. Одновременно она не хотела обременять свои отношения с ними, особенно в контексте проводимой Парижем и Лондоном политики уступок германским требованиям³⁵. Это стимулировало стремление Польши получить статус европейской державы³⁶, которое переключалось с поиском путей к независимой и самостоятельной внешней политике³⁷.

Именно по этой причине Варшава не выступила в защиту Чехословакии, хотя последняя являлась важным элементом Версальской системы, в прочности которой Польша была заинтересована. Протест против германской акции в отношении южного соседа мог бы привести к включению «комплекса польских вопросов» в дискуссию по поводу «генерального решения»³⁸. Польша могла бы оказаться на одной скамье с Чехословакией, и к ней тоже могли бы отнестись как к противнику мира в Европе.

С точки зрения Варшавы Мюнхенская конференция означала поражение многолетней политики, преследующей цель не допустить, «чтобы споры между великими державами (Францией, Англией, Германией и Россией) проходили за счет государств, не имеющих империалистических интересов», и противодействующей инструментальному отношению держав к меньшим европейским государствам. Конечно, могло быть еще хуже. Например, если бы голос в чехословацком вопросе получил Советский Союз, или если бы Гитлер отступил под влиянием какой-нибудь франко-англо-советской акции, или если бы политика западных держав — пусть даже на минуту — попала в зависимость от позиции Москвы.

В Варшаве считали, что ситуация, в которой оказалась Чехословакия, была результатом ее слишком тесных отношений с Советами³⁹. Ведь Гитлер не скрывал своего враждебного отношения к большевикам. Он последовательно противодействовал устремлениям СССР получить статус равноправного европейского государства.

Не случайно во время мюнхенского кризиса Риббентроп пытался выведать у польского посла в Берлине Юзефа Липского возможность присоединения Польши к антикоминтерновскому пакту⁴⁰. Польша оставила эти попытки без внимания. Но созданную по этому поводу в 1935 г. франко-чехословацко-советскую комбинацию польская дипломатия считала негативно влияющей на положение южного соседа. В соответствии с ней Советы обязались прийти на помощь Чехословакии, если раньше ей такую помощь окажет Франция. В Варшаве не верили ни в добрые советские намерения, ни в реальные возможности Советов выполнить это обязательство⁴¹. Зато концепция прохождения Красной армии, спешащей на помощь Чехословакии, через территорию западных соседей СССР везде вызывала беспокойство. Когда в сентябре 1938 г. латвийское правительство раздумывало, какую позицию занять в случае возникновения вооруженного конфликта в Европе и развязывания советской интервенции, министр обороны генерал Янис Балёдис категорически возражал даже против рассмотрения вопроса о перемещении советских войск через латвийскую территорию. Он считал, что Латвия «уже никогда не смогла бы избавиться от этих войск»⁴².

В мае 1938 г. польский посол в Москве Вацлав Гжибовский следующим образом сформулировал намерения Советского Союза: «Суть позиции СССР по вопросу Чехословакии изложена в известной декларации Литвинова от 17 марта с.г.»⁴³. Но «в позиции Советов, кроме моральной поддержки, невозможно разглядеть желания занять активную самостоятельную позицию по чехословацкому вопросу. Эта позиция заранее была обусловлена отношением Франции и Англии к вопросам Центральной Европы... Позиция Советов в чехословацком вопросе аналогична позиции по вопросу Испании. Кроме общих заверений [в] союзнической солидарности и мнимого желания сотрудничать в мирном урегулировании чехословацкого вопроса, в своих истинных устремлениях Советы последовательно стремятся обострить ситуацию в Центральной Европе в расчете на возможный вооруженный конфликт, в отношении которого Советы могли бы занять пока выжидательную позицию»⁴⁴. Столь трезвую оценку советской внешней политики посол Гжибовский дал за год до начала германо-советских переговоров, которые привели к заключению пакта Риббентропа–Молотова. По всем приведенным выше причинам Польша во время мюнхенского кризиса решительно и активно противодействовала любым инициативам, которые могли бы допустить в этот процесс Советский Союз⁴⁵.

Но противодействие замкнутой концепции формирования европейского устроения четырьмя державами и стремление сохранить обособленную позицию в отношении Мюнхенской конференции привели польскую дипломатию в ловушку. Вскоре после объявления о созыве в Мюнхене конференции четырех держав польские власти приняли решение провести самостоятельную акцию. Около полуночи 30 сентября 1938 г. посол Польши в Праге Казимеж Папэ вручил чехословацкому правительству ультиматум с требованием уступить Польше Заользе⁴⁶. В специальной инструкции польскому послу по поводу ультиматума Юзеф Бек изложил свои мотивы намеченной акции: «В моем понимании нынешний польско-чехословацкий спор имеет два основных аспекта, когда речь идет о позиции нашего государства: 1) Первый, безотлагательный — это вернуть себе земли, на которые мы имеем законное право⁴⁷. 2) Второй — это позиция Речи Посполитой в отношении к

новой Европе и к способу управления ею. В столь серьезный момент я считаю, что лишь смелое решение может определить принципиальное лицо нашего государства»⁴⁸. Самостоятельная польская акция должна была выражать протест против возрождающейся в Мюнхене и особенно опасной для Польши идеи директории европейских государств. Однако, как правильно заметили польские историки, «эта диверсия против духа Мюнхена» была Гитлеру только на руку: «Неприятие Польшей продвигаемого западными политиками принципа решения центрально-европейских споров исключительно мюнхенской директорией позволило канцлеру окончательно отказаться от связывающей германскую свободу движений необходимости согласовывать требования Рейха с Лондоном и Парижем»⁴⁹.

В тот же день, когда Праге был вручен польский ультиматум, Бек совершил еще одну ошибку. В беседе с германским послом в Варшаве Гансом-Адольфом фон Мольтке он, выражая благодарность за лояльную в отношении Польши позицию Германии во время судетского кризиса, спросил, займет ли Германия доброжелательную в отношении Польши позицию, если дело дойдет до польско-чехословацкого конфликта. Бек спросил также, может ли Польша рассчитывать на такую же доброжелательность Германии в случае вмешательства со стороны СССР, хотя ни Бек, ни Мольтке в такую возможность не верили⁵⁰. На следующий день Риббентроп сообщил Липскому, что в первом случае позиция Германии будет доброжелательной, а во втором случае «она пойдет в отношении Польши значительно дальше, чем доброжелательная позиция»⁵¹.

Исследования, проведенные польскими историками, выявили различия между ответом Риббентропа на второй вопрос, который Липский немедленно передал в Варшаву, и действительными намерениями Германии. Записи Риббентропа позволяют сделать вывод, что на самом деле он считал, что если бы дело действительно дошло до советского вмешательства, то для Германии сложилась бы совершенно «новая ситуация». Поэтому вполне вероятно, что поддержка Польши Германией не имела бы «безусловного характера, а была бы наверняка обусловлена выполнением Варшавой дополнительных условий»⁵².

Эти два вопроса Бека о германской позиции в отношении двух маловероятных сценариев развития событий, поставленные в непринужденной обстановке, следует признать серьезной ошибкой, вызвавшей диссонанс с проводимой им политикой. Целью этой политики было сохранение собственной самостоятельной и независимой позиции в условиях быстро обостряющейся международной обстановки. А 30 сентября 1938 г. Бек поставил себя по отношению к Третьему рейху в положение просителя. Берлин же поспешил воспользоваться случаем. Риббентроп дал Беку положительный ответ, который ему ничего не стоил, но благодаря этому создал себе хорошую позицию для переговоров с поляками в будущем. И хотя можно понять мотивы польского протеста против директории держав, а также признать тот факт, что во время мюнхенского кризиса не было такого европейского политика, который не совершил бы ошибки, не исключив из процесса Гитлера, но тем не менее политику Польши в сентябре 1938 г. следует признать ошибочной. С точки зрения формирования собственной, отдельной позиции она, вопреки ожиданиям польского руководства, не принесла никакого усиления. В результате Польша оказалась в изоляции, которая усугубила ее положение. Уже через три недели Польша

сама стала объектом давления со стороны Германии. Была ли в то время возможность достижения самостоятельной позиции? Даже если допустить положительный ответ на этот вопрос, то со всей уверенностью можно утверждать, что добиться этого было чрезвычайно трудно. Польша балансировала между Берлином, стремившимся к гегемонии в Центральной Европе, и Лондоном и Парижем, не способными противостоять Гитлеру и выискивавшими в регионе средства платежа, за которые можно было бы выменять «мир на наши времена». Польской дипломатии не удалось найти истинного равновесия.

Ну а что же Бек и его сотрудники — они так же оценивали положение Польши? Все еще трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. В начале ноября 1938 г. на совещании руководящего состава министерства Бек оценивал ситуацию Польши как чрезвычайно благоприятную⁵³. В это время он уже знал результаты беседы посла Липского с Риббентропом, состоявшейся 24 октября, в ходе которой германский министр иностранных дел представил польской стороне предложение «глобального урегулирования» польско-германских отношений с далеко идущими требованиями. Бек все еще заблуждался, полагая, что предложения Риббентропа были его собственной инициативой, но ведь риск, что именно Польша станет очередной целью Гитлера, был велик. Однако, с другой стороны, сразу же после Мюнхенской конференции польская дипломатия предприняла инициативу в отношении Советского Союза, которая должна была дать отчетливый политический сигнал о возможности развития взаимодействия двух государств, «исключенных» из мюнхенского процесса⁵⁴. Поэтому Варшава, по всей видимости, осознала, что позиция Польши не так уж и хороша, чтобы не нуждаться в поддержке... хотя бы со стороны СССР.

В ситуации, в которой Польша и Советский Союз оказались после Мюнхенской конференции, существовало некоторое, правда, ограниченное и вызванное разными причинами сходство. Конференция стала явным поражением и политики Советского Союза. Усилия, предпринимавшиеся Литвиновым и направленные на обеспечение СССР статуса равноправной европейской державы, оказались абсолютно безуспешными. Лондон и Париж продолжали относиться к Советской России как к *enfant terrible* Европы. В Лондоне у власти находились практически те же силы, которые одиннадцать лет тому назад порвали с ней дипломатические отношения⁵⁵. Достижения «эпохи Литвинова»: поддержка французской концепции «восточного Локарно», вступление в Лигу наций, заключение союзов с Францией и Чехословакией, — которые, как предполагалось, должны были обеспечить СССР роль одной из держав, определяющих судьбы Центральной Европы, в сентябре 1938 г. оказались полной иллюзией.

Симптоматично, как протекала беседа советского полпреда в Лондоне Ивана Майского с британским премьером Дэвидом Ллойд Джорджем сразу по окончании Мюнхенской конференции. Британский политик, сделав комплимент по поводу позиции, которую в период кризиса занял Советский Союз, заметил: «Лига наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях начинается эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака». В Англии правили силы, которые прежде всего боялись коммунизма, а Чемберлен наконец исполнил свою мечту о Пакте четырех⁵⁶. Иными словами, все то, на что

была направлена советская политика, осуществлявшаяся Литвиновым, не подавало признаков жизни. В то же самое время угрозы, которым она должна была противодействовать, набирали силу.

Если же добавить к этому точку зрения, высказанную примерно в это же время французским послом в Москве Робером Колондром, мы получим полную картину катастрофы советской внешней политики. В ходе последней перед окончанием своей миссии в Москве беседы с Литвиновым Колондр отметил, что на протяжении 1936—1938 гг. не удалось достичь улучшения франко-советских отношений⁵⁷. Французский дипломат спросил Литвинова, как тот прогнозирует дальнейшее развитие ситуации. Нарком иностранных дел ответил, что Мюнхенская конференция — это катастрофа для всего мира (то есть не только для Советского Союза). Существуют две возможности: «либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера, и последний получит господство над всей Европой, над колониями, и на некоторое время успокоится, чтобы переварить проглоченное, либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком. В первом случае в Европе останутся только три великих державы — Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное»⁵⁸.

Отсутствие Франции в литвиновском перечне великих держав следует приписать не столько дальновидности советского наркома, сколько той недоброжелательности, которой он щедро одаривал французского посла. Тем не менее не подлежит сомнению, что осенью 1938 г. жажда Москвы взять реванш у западных держав была чрезвычайно сильна. Не исключено, что именно в таком настроении находился Сталин, выступая 1 октября 1938 г. на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. В этом выступлении Сталин заявил, что большевики никогда не были пацифистами, вздыхающими о мире и «хватаящимися за оружие только тогда, когда на них нападут». Напротив, объяснял он, не исключено, что «большевики нападут сами, если это будет война справедливая, если ситуация будет благоприятная, если условия будут способствовать... [большевики], в общем, не противники наступления, не противники войны как таковой... То, что мы сейчас кричим о мире, — это лишь вуаль, вуаль! Все государства маскируются: с волками жить — по волчьей вить»⁵⁹. Чтобы ситуация начала способствовать такому сценарию Сталина, Гитлер должен был нарушить Мюнхенское соглашение.

Советский Союз не намеревался выступать в защиту Чехословакии. Самостоятельно он не мог этого сделать ни при каких обстоятельствах, а подход Лондона и Парижа исключал совместные действия. В октябре 1938 г. Литвинов писал полпреду в Париже Якову Сурицу, что Франция и Англия обратятся к Советскому Союзу «только в том случае, если не вытанцуются соглашение с Берлином и тот предъявит требования, даже и для них неприемлемые»⁶⁰. Уже тогда Сталин думал, как заинтересовать Гитлера сотрудничеством с СССР. 17 октября в Кремле обсуждалась возможность разрыва советско-французского договора о взаимной помощи. В конце концов, Литвинову удалось отговорить Сталина от этого шага. Вся Европа восприняла бы это не иначе как восторг недоверия западным державам. Ясно, что Совет-

ский Союз уже не намеревался участвовать в каких-либо акциях, направленных на сдерживание германской экспансии⁶¹.

После Мюнхена Сталин должен был отдавать себе отчет, что его стремление получить для Советского Союза равноправный статус с другими европейскими державами может быть реализовано лишь при условии, что Гитлер будет продолжать свою прежнюю политику. Если бы Мюнхенское соглашение смогло удовлетворить экспансивные устремления Гитлера, Сталину не оставалось бы ничего иного, как постараться улучшить собственное положение методами, за которые много лет выступал Литвинов, то есть путем восстановления сотрудничества с Лондоном и Парижем. После Мюнхена Сталин в стремлении уничтожить Версальскую систему должен был выступить на стороне Гитлера. Литвинов тогда, наверное, и не подозревал, что в этой ситуации и его личная судьба зависела от перспектив мюнхенского курса.

Вся конструкция мюнхенской системы зиждилась на очень слабом фундаменте. Ее прочность зависела исключительно от воли Гитлера и соблюдения им своих обязательств. Уже через несколько недель после конференции в Мюнхене из Берлина начали поступать сигналы, что с этим могут быть проблемы. Великобритания и Франция превратились в заложников действий канцлера Германии, а Гитлер считал Мюнхенское соглашение своим поражением. Целью Гитлера была локальная молниеносная война с Чехословакией, а он тем временем, вопреки своей воле, был втянут в дипломатическую конференцию. Правда, в результате он без единого выстрела и с согласия западных держав изменил германо-чехословацкую границу и поставил в зависимость от Германии небольшое урезанное государство со столицей в Праге, но цену, которую ему пришлось заплатить, он считал слишком высокой и не соответствовавшей его замыслам. Гитлер был вынужден признать за Лондоном и Парижем право на соучастие в делах Центральной Европы, что связывало ему руки. Правда, польский ультиматум по вопросу о Тешинской области позволил существенно ослабить эти путы, но тем не менее Гитлер всегда считал Мюнхен своей самой большой ошибкой. Он упрекал себя в том, что не захотел, а может, не смог перейти от пропаганды и дипломатии к военным действиям⁶². Помня этот горький для себя урок, он впоследствии был очень осторожен, стремясь не повторить ошибки. В дальнейшем Гитлер иногда переносил срок нападения, но никогда не менял решения о самом нападении. Летом 1939 г. Гитлер вызовет в Берлин своих послов из Варшавы и Лондона и уже не позволит им вернуться в свои посольства. И все это — как он объяснял высшему командному составу германских вооруженных сил 22 августа 1939 г. — с целью не допустить, чтобы в последний момент какая-нибудь «свинья» выступила с предложением компромисса и попыталась вновь его обмануть. Намек на Чемберлена и Мюнхен был очевиден⁶³.

Надежды западных держав, связанные с созданием мюнхенской системы, основывались на уверенности в нерушимости политических норм и одного из основных положений международного права *pacta sunt servanda*. Считалось, что война не в интересах Германии, переживающей период расцвета. Вспомним, что 30-е годы XX в. были временем ренессанса немецкой культуры. В 1929 г. Томас Манн получил Нобелевскую премию в области литературы. Мир узнавал Германию через великолепные произведения Эрнста Толлера и Бертольта Брехта. В историю вошли

незабываемые актрисы Элизабет Бергнер и Марлен Дитрих. Расцвет переживала немецкая музыка (оперы Рихарда Штрауса, его знаменитая «Саломея» на либретто Оскара Уайльда, мюзиклы проживавшего в США Курта Вейля, например, «Трехгрошовая опера» на либретто Бертольта Брехта), живопись (нельзя не вспомнить Макса Бекмана) и архитектура (мир восхищался стилем «*Bauhaus*»)⁶⁴. Популизмом Гитлера и нацистской идеологией мир мало интересовался. Из нескольких тысяч статей, опубликованных в британской прессе в 1930-е годы и рассказывавших о Германии, лишь 25(!) были посвящены феномену нацистской идеологии⁶⁵. Экстравагантных и харизматических ораторов, охотно подхватывавших популистские тезисы, в Европе в то время было много (Муссолини, Черчилль). Антисемитизм, который в 1930-е годы приобрел в Германии экстремальную форму, был в межвоенной Европе интегральным, полностью легитимным элементом политических дискуссий.

Гитлер считался политиком нового типа. Он не признавал традиционные правила политического этикета и отвергал «мещанскую мораль». Он утверждал, что договорные обязательства не должны ограничивать современного политика, и потому не имел ни малейшего намерения выполнять Мюнхенское соглашение.

Готовясь к решающему столкновению с Францией, Гитлер должен был определиться в отношениях с Польшей. 24 октября 1938 г. министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине Юзефом Липским представил германские условия «общего» урегулирования германопольских отношений. Риббентроп потребовал включения Гданьска в состав Рейха, признания за Германией права на экстерриториальную автостраду через «польский коридор» и присоединения Польши к антикоминтерновскому пакту, который должен был быть дополнен оговоркой о консультациях. Тем самым Польша была обязана согласовывать свою внешнюю политику с Германией⁶⁶.

У Риббентропа были причины выдвинуть претензии к Польше именно в этот момент. Он хотел использовать изоляцию Польши и выставить ей счет за поддержку, оказанную в вопросе аннексии Заользя. Во-вторых, рассчитанный на четыре года план вооружения Германии уже начал приносить результаты, а после его выполнения к 1940 г. Гитлер собирался начать войну с Францией — гарантом Версальской системы. Но на горизонте германской экономики появилась перспектива кризиса. Выходом из ситуации был перевод экономики на военные рельсы. Для этого Гитлеру и нужна была война. Сначала он не планировал, что это будет война с Польшей.

Готовясь к конфронтации с Францией, Германии необходимо было разбить формальный франко-польский союз, а также создать полностью зависимую от Германии и контролируемую «буферную» зону, отделявшую ее от Советского Союза. Поэтому основными требованиями Гитлера к Польше были не территориальные вопросы. Ключевое значение имели политические условия. Речь шла о подчинении Польши целям германской внешней политики, символическим проявлением которого должно было стать присоединение Польши к антикоминтерновскому пакту. Другими словами, Варшава должна была отказаться от фундаментального принципа своей внешней политики после 1919 г. — не вступать в союз с одним из своих великих соседей, направленный против другого соседа. «Для Гитлера...

польский отказ означал срыв планов экспансии на восток, против Советского Союза и создавал риск войны на два фронта в случае вооруженного конфликта на западе. При этом ничто не говорит о том, что в планы германского диктатора входило начать войну уже в 1939 г.»⁶⁷.

5 и 6 января 1939 г. Юзеф Бек провел в Берхтесгадене и Мюнхене переговоры с Гитлером и Риббентропом. Во время этих встреч германские политики, не прибегая пока еще к угрозам, повторили свои предыдущие требования. Кроме того, Гитлер заявил, что Рейх заинтересован в существовании сильной и «национальной» Польши, независимо от того, какой строй будет господствовать в России, а сильная польская армия уменьшает нагрузку на военный бюджет Германии. «Если у министра Бека еще оставались иллюзии относительно того, что ввиду возможного отказа Польши Германия не будет настаивать на своих октябрьских требованиях и что поставленные тогда условия были лишь собственной инициативой самого Риббентропа, то теперь его вывели из этого заблуждения. Польско-германские отношения быстро ухудшались, Берлин постепенно увеличивал давление на Варшаву; тем не менее как германские, так и польские дипломаты держали этот факт в тайне. Гитлер еще рассчитывал, постепенно увеличивая нажим на Польшу, наконец принудить ее к покорности»⁶⁸. А с точки зрения Варшавы преждевременное разглашение информации о германских требованиях в условиях проводимой Лондоном и Парижем политики «умиротворения» Гитлера никаким образом не могло положительно повлиять на положение Польши. Кроме того, польские политики льстили себя надеждой, что германское предложение «общего урегулирования» было лишь широко очерченной исходной позицией для переговоров, и поэтому думали, что компромисс возможен, хотя и все менее вероятен⁶⁹.

В Москве же тем временем беспокоились, не будет ли улучшение советско-польских отношений использовано Польшей после Мюнхена в качестве разменной монеты в переговорах с Германией. «Потемкин... выразил опасение, что наша совместная декларация [от 26 ноября 1938 г.] может оказаться всего лишь маневром и предметом торга. Я категорически заявил, что если не считать независимость нашей политики аксиомой, то действительно очень трудно понять нашу политику. Тогда Потемкин выразился яснее, что Польша, имея на выбор гитлеризм и большевизм, скорее выберет гитлеризм. Я ему сказал, что такой альтернативы нет и что мы считаем одинаково нежелательной как большевизацию Германии, так и гитлеризацию России», — писал в Варшаву посол Гжибовский после беседы с заместителем наркома иностранных дел 7 января 1939 г.⁷⁰.

Тот факт, что в конце февраля 1939 г. в Москве продолжали разрабатывать планы боевых действий на случай совместной германо-польской военной акции против Советского Союза⁷¹, может свидетельствовать о том, что там не отдавали себе отчет в быстро ухудшающемся состоянии германо-польских отношений.

После Мюнхена из советской риторики исчезли лозунги, призывающие к созданию антифашистского фронта. Тем самым Советы старались показать, что теперь им доступны все варианты. В беседе с французским поверенным в делах в Москве Жаном Пайяром, состоявшейся в конце января 1939 г., заместитель Литвинова Владимир Потемкин, правда, заявил, что франко-советский договор о взаимной помощи «сохраняет в наших глазах свою силу». Но на вопрос французского

дипломата, не могут ли начинающиеся вскоре германо-советские переговоры о торговом соглашении перейти от экономических вопросов к политическим, он ответил, что, хотя это и не кажется ему столь вероятным, «мы никогда не отказывались от возможности нормализовать наши отношения с любым государством»⁷². Несколько днями позже Литвинов в беседе с новым французским послом Полем-Эмилем Наджиаром был так же загадочен: «Мы готовы и впредь к действительному сотрудничеству, если оно угодно другим, но мы можем обходиться и без него и поэтому гнаться за ним не будем»⁷³.

Занятие вермахтом Праги 15 марта 1939 г., являвшееся нарушением Мюнхенского соглашения, стало поворотным пунктом в европейской политике. Гитлер не собирался далее согласовывать свои действия в Восточной Европе с западными державами, хотя германские дипломаты были уверены, что и на этот раз он мог бы получить согласие западных держав на изменение восточных границ Рейха. В феврале 1939 г. Эрнст фон Вайцеккер, государственный секретарь Министерства иностранных дел, отметил в своем дневнике, что присоединение к Рейху Гданьска, Клайпеды и получение сухопутного сообщения с Восточной Пруссией было бы «самым популярным в нашей стране и самым понятным для заграницы очередным актом германской внешней политики». Польшу, которая находилась в изоляции и не могла рассчитывать на чью-либо помощь, Германия могла бы легко «сократить» всего лишь до размеров «буфера», отделяющего Рейх от России⁷⁴. Аннексию Гданьска и даже ликвидацию «польского коридора» Гитлер мог осуществить в рамках мюнхенской системы. Но чтобы подчинить Польшу своим целям в Европе, лишить ее суверенитета, разрушить польско-французский союз и ликвидировать Версальскую систему — ради всего этого, учитывая позицию польского руководства, которое отвергло его требования, он был вынужден нарушить Мюнхенское соглашение.

Ликвидация остатков Чехословакии преследовала цель окружить Польшу и оказать решающее давление на польское руководство. Наверняка Гитлер еще не имел в виду войну с Польшей⁷⁵. Если бы было иначе, то занятие Праги следовало бы считать крупнейшей ошибкой, которую он совершил за свою политическую карьеру. Ликвидация Чехословакии должна была привести к изменению политики западных держав. Этот шаг позволил Польше выйти из политической и военной изоляции. Локализовать конфликт с Польшей стало труднее, если вообще возможно. Владислав Кульский, в прошлом высокопоставленный дипломат, начальник юридического управления польского МИДа, писал в своих воспоминаниях: «...если бы Гитлер в марте 1939 г. вместо занятия Праги и чисто национальных чешских и словацких земель потребовал от Польши согласия на включение в Рейх Гданьска и Поморья, то он, конечно, мог бы смело атаковать Польшу, не опасаясь ввязаться в войну с Англией и Францией, общественное мнение которых считало бы виной за эту локальную войну только сопротивление Польши»⁷⁶.

В ответ на нарушение Гитлером Мюнхенского соглашения Великобритания совершила беспрецедентный в истории поворот в своей внешней политике. Она решила политически вмешаться в защиту *status quo* в Восточной Европе. Однако этот поворот не был подготовлен ни концептуально, ни с точки зрения дипломатической методологии. В результате в действиях британской дипломатии в марте 1939 г. царил хаос.

20 марта лорд Галифакс выступил с предложением о совместной декларации Великобритании, Франции, Советского Союза, Польши (позже к ней должна была присоединиться Румыния), которая предусматривала бы немедленный созыв конференции четырех по вопросу совместных действий в случае угрозы агрессии какому-либо европейскому государству со стороны Рейха. Эта инициатива, хоть и неподготовленная, сигнализировала о коренном изменении британской внешней политики. Но шансы на успех у этого проекта были нулевые. Ни Польша, ни Румыния, находясь под давлением Гитлера, не могли рисковать и участвовать в каком-либо даже символическом мероприятии без видов на реальную подстраховку со стороны западных держав⁷⁷. Польша действительно была заинтересована в британской поддержке, которая дополняла бы ее союз с Францией. Но она с самого начала стремилась придать поддержке форму двустороннюю, а не многостороннюю. Многосторонний формат в Варшаве считали непрактичным и не приносящим Польше облегчения от германских требований. Формат, ограниченный лишь Польшей, Великобританией и Францией, явно заблокировал бы Советский Союз. Что касается Франции, то, по мнению польских дипломатов, «союз 1921 г. создает такую ситуацию, когда новый договор предлагаемой длительности не представляется в данный момент нужным, так как Франция, ввиду существующего между нами правового состояния, *de facto* входит в эту комбинацию, а приглашение ее сейчас в новый консультационный договор подчеркивало бы то обстоятельство, что СССР из него исключен, чего мы хотели бы избежать»⁷⁸.

В свою очередь вариант с участием Советского Союза в Варшаве считали рискованным и потенциально увеличивающим угрозу германской агрессии. Министр Бек следующим образом объяснял это обстоятельство британским дипломатам: «...неприятность, существующая ныне между Берлином и Москвой, носит такой характер, что включение Советов в договор может внезапно и чрезвычайно быстро привести к общему конфликту... Сотрудничество с Советами может вызвать резкое решение Германии»⁷⁹.

В Париже польские опасения вызвали беспокойство. Французы до такой степени находились под впечатлением поворота в британской политике, что любой ценой хотели укрепить англичан в этом решении. Обязательства, вытекавшие из польско-французского союза, создавали ситуацию, при которой в Париже считали, что отношение Варшавы к британскому предложению не имеет ключевого значения. Приоритетом Парижа было налаживание сотрудничества с Советским Союзом. Это облегчило бы французам выполнение союзнических обязательств в отношении Польши и помогло бы развить зачатки британского участия в делах Центральной Европы. Поэтому премьер Эдуард Даладьё был готов заключить франко-англо-советское соглашение, не оглядываясь на Польшу⁸⁰.

Но Советский Союз уже тянул время. Советские дипломаты решительно опровергали слухи, что в случае германской агрессии против Польши СССР автоматически придет ей на помощь⁸¹. Они давали понять, что Москва не собирается никому навязывать свою помощь и очень хорошо чувствует себя в положении «ничем не связанного» «внимательного наблюдателя»⁸².

Британские гарантии Польше и Румынии явным образом ограждали СССР от опасности гитлеровской агрессии. Косвенно Сталин получил даже значительно

более надежный страховой полис, нежели Польша. Было очевидно, что Гитлер не имел никакой реальной возможности напасть на СССР, не покорив перед этим Польшу, связанную союзом с Францией и поддерживаемую Великобританией. А это означало, как тогда могло казаться, что военная кампания продлится по крайней мере несколько лет. Такая ситуация только усиливала роль Москвы и ее позиции в торге. Москва повышала цену⁸³. 4 апреля Литвинов писал советскому полпреду в Берлине Алексею Мерекалову: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят. Мы относимся поэтому совершенно спокойно к шуму, поднятому вокруг так называемого изменения английской политики»⁸⁴.

Поэтому, принимая во внимание как стратегические цели британской политики, так и тактическую необходимость сохранить поле для маневра в отношениях с Москвой, трудно не поддаться впечатлению, что предоставление Чемберленом гарантий Польше и Румынии было шагом преждевременным и ошибочным. Лондон даром отдал Сталину козыри, которые позволили ему определять судьбу Европы. Таковы были результаты хаотичных поисков какого-нибудь спасательного круга для тонущей империи.

Начали сбываться предсказания Литвинова, сделанные в октябре 1938 г. Великобритания и Франция в поисках новых возможностей обуздать Гитлера обратились за помощью к СССР. Однако у Сталина не было интереса спасти остатки версальского устройства и привилегированных позиций, которые занимали в нем Лондон и Париж. 10 марта в докладе на XVIII съезде партии Сталин обвинил Великобританию и Францию в том, что, отвергая принципы коллективной безопасности, они проводят гибельную политику поощрения агрессии. Целью Лондона и Парижа, по мнению Сталина, было поссорить Германию и Советский Союз и спровоцировать конфликт между ними. Советский руководитель отметил, что для такого конфликта нет никаких существенных причин, что можно было принять за сигнал о готовности начать переговоры с Гитлером⁸⁵. Сигнал, который Сталин хотел послать еще в середине октября 1938 г. в ответ на Мюнхенскую конференцию, когда он намеревался отказаться от союза с Францией, был наконец подан: Советский Союз «не будет таскать из огня каштаны» в интересах демократических держав, а сотрудничество с Третьим рейхом вполне возможно⁸⁶.

15 апреля Литвинов предложил Сталину воспользоваться благоприятной для Советского Союза обстановкой: «если мы хотим вообще сотрудничать» с Лондоном и Парижем. По его мнению, Советский Союз должен выступить с предложением заключить договор о взаимной помощи между тремя державами — Великобританией, Францией и Советским Союзом. Участники договора обязались бы также «оказать помощь европейским соседям СССР» и «не принимать решений и не заключать соглашений с другими государствами по вопросам, касающимся востока Европы, без общего согласия трех государств». Равным образом они обязывались бы не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга⁸⁷. Другими словами, Литвинов предлагал использовать крушение мюнхенской системы для достижения давних целей и получения Советским Союзом статуса равноправной европейской державы. Выражением нового статуса должно было стать создание директории СССР, Великобритания и Франция — своего рода «Соглашения трех»,

которое и должно было бы определять судьбы Восточной Европы. Это была цена, которую Литвинов предлагал назвать западным державам в обмен за сотрудничество в сдерживании Гитлера.

Однако у Сталина и Молотова имелись возражения. Молотов требовал, чтобы соглашение и трехсторонние гарантии охватывали также Турцию⁸⁸. Сталин же настаивал на том, чтобы Великобритания уточнила формулировку гарантий Польше и Румынии таким образом, чтобы было ясно, что они не касаются ситуации, в которой агрессором оказался бы Советский Союз. «Формально получается, — писал Литвинов Сурицу, — как будто Англия окажет помощь и против нас. Хотя мы, конечно, нападать на Польшу не собираемся, но считали бы существование такого обязательства Англии несовместимым с теми отношениями, которые мы желаем теперь установить с Англией»⁸⁹. На самом деле требование Сталина означало возможность пересмотра *status quo* советско-польской границы. В условиях, когда по Европе ходили сплетни, слухи и спекуляции на тему о возможности нового раздела Польши, этот постулат должен был стать для дипломатов западных держав предупредительным сигналом, который подрывал доверие к Сталину как к их потенциальному союзнику против Гитлера. Следует помнить, что европейские дипломаты к тому времени уже накопили богатый опыт в области дипломатической методологии наращивания территориальных претензий и были чрезвычайно чутки ко всем фальшивым нотам, которые могли предвещать новые проблемы подобного рода. Из самого факта выдвижения подобного требования можно сделать вывод, что еще в апреле Сталин начал искать возможности пересмотра границы с Польшей и не хотел, чтобы уже на начальном этапе переговоров с западными державами возникли какие-либо политико-правовые конструкции, которые связывали бы ему руки в этом вопросе.

В это же время к торгам за восточноевропейского союзника присоединились дипломаты Третьего рейха. 17 апреля Мерекалов, впервые с момента вручения верительных грамот, которое состоялось 5 июня 1938 г., нанес визит Эрнсту фон Вайцеккеру. Госсекретарь германского МИДа, оправдываясь за невыполнение советских заказов чехословацкими предприятиями «Шкода», предположил, что в то время как германские экономические круги будут стремиться выполнить обязательства «Шкоды», военные, по всей видимости, будут этому противиться, задавая вопрос: «Можно ли давать СССР зенитные орудия, если советское правительство ведет переговоры об участии в возможном пакте против Германии». Затем Вайцеккер заявил: «Вы знаете, у нас есть с Вами противоречия идеологического порядка. Но вместе с тем мы искренне хотим развивать с Вами экономические отношения»⁹⁰. Намек на возможность попытки выяснить позиции обеих сторон был очень прозрачен.

Во второй половине апреля 1939 г. у Сталина имелись две возможности: он мог либо приступить к сотрудничеству с западными державами с целью сохранения *status quo* в Восточной Европе, либо начать проявлять расположение к Гитлеру, который стремился этот *status quo* разрушить. В Москву для консультаций были вызваны советские полпреды в Париже, Лондоне и Берлине. Перед отъездом из Парижа Яков Суриц встретился в своей резиденции с представителями французских левых кругов. После официальной части он провел долгую секретную беседу с Франсуа де Тессаном и Лиоте, депутатом Национального собрания Франции, «левыми ради-

кал-социалистами <...> кандидатами на руководящие посты в Министерстве иностранных дел на случай... реставрации Народного фронта»⁹¹. В ходе этой встречи советский дипломат осветил позицию Москвы по главным международным проблемам. Он отметил, что проводимые британо-советские консультации по поводу пакта о взаимной помощи не имеют для Советского Союза приоритетного значения⁹², поскольку такого рода пакт не послужит обеспечению советских интересов. По мнению Сурица, Сталин не верил, что государства «капиталистической демократии» способны пересмотреть свою политику «откупаться» от Гитлера, они будут ее продолжать, стремясь направить «германский “динамизм”» на восток. Суриц сказал, что советский руководитель с особым недоверием относится к «мюнхенцам» — Чемберлену, а также паре Бонне — Даладье, которых он считает сторонниками идеи «натравливания друг на друга СССР и Германии». Суриц объяснял, что Советский Союз опасается присоединиться к предлагаемому западными державами антигерманскому блоку, так как это может означать, «что именно Красная армия должна будет принять на себя всю тяжесть главного удара германских вооруженных сил, так как СССР граничит с теми странами, которые могут быть объектом германской агрессии». Советский дипломат сказал далее, что в Москве считают маловероятным, чтобы Германия ударила по Советскому Союзу, и «поэтому помощь СССР в Европе считается “односторонней” и не имеющей эквивалента с другой стороны». Тем более что, по мнению советской стороны, «Франция будет отсиживаться за линией Мажино, высовываясь время от времени, и то очень осторожно... Англия же может ограничиться защитой Голландии и, возможно, Бельгии и борьбой в воздухе». Суриц сказал также своим собеседникам, что Советский Союз может рассмотреть и другую возможность. Во время последней встречи Меркалова с Риббентропом полпред в Берлине получил далеко идущие заверения германского министра иностранных дел в том, что Германия считает действующим советско-германский договор о дружбе и нейтралитете⁹³ и готова подтвердить эту свою точку зрения любым формальным способом, даже в виде личного заявления рейхсфюрера. Риббентроп выразил надежду, что и СССР считает этот договор действующим и воздержится от подписания каких-либо обязательств, которые формально или фактически аннулировали бы его значение. В историографии неизвестна ни одна беседа Риббентропа с Меркаловым, содержание которой хотя бы отдаленно напоминало версию Сурица. Остальная же часть выводов Сурица находит подтверждение в других источниках⁹⁴. Литвинов действительно сомневался в готовности и решимости западных держав противостоять Гитлеру⁹⁵, а в Москве в это время действительно сравнивались два предложения — западных держав и Третьего рейха и анализировались потенциальные выгоды обоих. Суриц действительно должен был ехать в Москву на консультации.

21 апреля состоялось заседание Политбюро, в котором участвовали И. Сталин, В. Молотов, А. Микоян, Л. Каганович, К. Ворошилов, а также руководители Наркомата иностранных дел: М. Литвинов и его заместитель В. Потемкин. Были приглашены также И. Майский, А. Меркалов и Крапивенцев, советник советского представительства в Париже. Суриц в конечном счете в Москву не поехал. Возможно, это было связано с желанием избежать сенсации, вызванной одновремен-

ным отсутствием руководителей советских загранучреждений в Лондоне, Париже и Берлине.

Заседание продолжалось с 13.15 до 16.50 и, по-видимому, на нем произошел резкий обмен мнениями о международной обстановке и внешней политике СССР. В ходе заседания Мерекалов, оценивая политику Гитлера и его цели на международной арене, якобы высказал точку зрения, что фюрер попытается совершить агрессию против Советского Союза через 2–3 года и поэтому следует отказаться от германских «авансов»⁹⁶. Литвинов высказался за создание тройственного союза Москвы, Парижа и Лондона. При этом он был против участия в предлагаемой системе гарантий Турции. В свою очередь именно за такое решение высказывался Молотов, который, по всей видимости, был также сторонником отказа от предложения западных держав в пользу сотрудничества с Гитлером⁹⁷.

Результаты этого заседания имели, по-видимому, решающее значение для выбора направлений советской внешней политики летом 1939 г. Литвинов вновь появился в кабинете Сталина лишь 3 мая, то есть в тот день, когда «ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома иностранных дел»⁹⁸. Место наркома иностранных дел занял Молотов. В тот же день в специальной телеграмме, разосланной советским послам в важнейших столицах, Сталин разъяснял, что причиной отставки Литвинова стал «серьезный конфликт» между ним и Молотовым, возникший в связи с нелояльностью Литвинова в отношении Совета народных комиссаров⁹⁹. Вскоре судьбу Литвинова разделил Мерекалов, который после заседания 21 апреля выехал в Берлин, откуда 5 мая был вновь вызван в Москву и в столицу Рейха уже не вернулся. Советские интересы в Берлине в последние месяцы мира представлял советник-посланник Георгий Астахов, которого французский историк Сабина Дюллен считала человеком НКВД¹⁰⁰. Таким образом, Сталин убрал из Наркомата иностранных дел главных противников сближения с Германией.

Когда Гитлер узнал о британских гарантиях Польше, его охватило бешенство: по словам Канариса, он грозил «приготовить им [то есть англичанам] дьявольский напиток»¹⁰¹. В своей речи в Вильгельмсхафене 1 апреля 1939 г. фюрер подверг Лондон нападкам за его политику «окружения» Германии при помощи «сателлитов». Он предостерегал от «таскания каштанов из огня для великих держав», замечая, что при этом можно обжечь себе пальцы. Фюрер насмеялся над попытками Англии пойти на соглашение с «большевистской Россией Сталина»¹⁰². В речи Гитлера в Вильгельмсхафене можно усмотреть связь с докладом Сталина 10 марта. Вскоре после этого фюрер приказал германским штабам начать подготовку к войне с Польшей¹⁰³.

В Берлине быстро поняли, что ключевым моментом в отношении новой ситуации на континенте может оказаться позиция Советского Союза. После предоставления гарантий Польше и попыток Лондона и Парижа включить в антигерманскую коалицию СССР¹⁰⁴ перед германской дипломатией встала новая проблема. Возникла необходимость выбить из рук Великобритании и Франции «российскую шпагу». Проблема состояла в том, что Гитлер отвергал даже мысль о сближении с Советами. Чтобы склонить канцлера к этой идее, по всей видимости, пришлось прибегнуть к обману. Германские дипломаты — с ведома Риббентропа — начали манипулировать

записями переговоров с советскими дипломатами¹⁰⁵, вкладывая свои идеи в уста своих собеседников. До Гитлера доходили известия, что в сближении заинтересован Сталин, а между тем советская сторона была проинформирована о готовности Третьего рейха возобновить политическое сотрудничество с СССР¹⁰⁶.

Кампания, направленная на нейтрализацию возможного идеологического сопротивления нацистского руководства по вопросу о сотрудничестве с большевиками, была проведена германским МИДом с широким размахом¹⁰⁷. В начале мая 1939 г. в его политическом департаменте появился аналитический доклад о советской политике в первые месяцы 1939 г. под названием «Новая ориентация России». По мнению авторов доклада, начало британо-советских переговоров свидетельствовало, что в случае вооруженного конфликта в Европе «внутриполитические и мировоззренческие различия не должны быть преградой для [создания. — С. Д.] союза даже тогда, когда идеологическая противоположность настолько глубока, как между ультракапиталистической английской монархией частного свободного рынка и радикально антикапиталистическим, атеистическим, коммунистическим большевизмом». В докладе отмечалось, что принятие такого принципа создаст для Третьего рейха значительно более выгодную ситуацию, чем для «западных демократий». Идеологические различия между Россией и Национал-социалистической рабочей партией Германии были значительно меньше, чем различия, разделяющие «государство авангарда пролетариата» и «капиталистическую английскую монархию». В последние годы, отмечалось в докладе, причина разногласий между Германией и Россией лежала исключительно в идеологической плоскости. Но в настоящий момент в связи с новым подходом советской стороны к проблеме «идеологических преград» они уже не будут создавать проблем. Тем более что присоединившись к предлагаемому Лондоном антигерманскому блоку, Москва лишь усилит своих соседей — Польшу, Румынию и Британскую империю (Индия). Если дело дойдет до войны, то участие в ней Советского Союза «вместе с Германией против Польши было бы значительно менее рискованным и могло бы [помочь] вернуть старые белорусские и украинские земли, утраченные в пользу Польши»¹⁰⁸.

В мае 1939 г. МИД Германии точно predeterminedил цену, которую придется заплатить Третьему рейху за сотрудничество со Сталиным в ликвидации остатков версальского мироустройства. Такие же аргументы использовал, наверное, и Риббентроп, убеждая Гитлера выступить с германским предложением на объявленных в Кремле торгах. Следы этой аргументации мы можем проследить также в позиции Риббентропа, переданной Молотову 14 августа 1939 г. Она содержала предложение заключить германо-советское соглашение, predeterminedяющее судьбу мира в Европе¹⁰⁹. Итак, это был ключевой момент заключительной фазы советско-германских переговоров, которая завершилась заключением пакта Риббентропа—Молотова 23 августа 1939 г.

Гитлер рвался к локальной войне с Польшей, а Сталин мог ему помочь эту войну локализовать, отвергнув сотрудничество с западными державами. В свою очередь Парижу и Лондону Сталин был нужен, чтобы попытаться сдержать Гитлера дипломатическими средствами и политическим давлением, а в конечном счете чтобы быть в состоянии оказать Польше эффективную военную помощь. Сталин

же стремился использовать европейский кризис для изменения *status quo* в Восточной Европе и подчинения себе западных соседей. В середине апреля Литвинов, докладывая Сталину свои предложения по Тройственному союзу, распространял действие договора на всех «европейских соседей СССР». Тем временем гарантии западных держав получили только Польша и Румыния, два центральноевропейских государства, наиболее подверженные риску германской агрессии.

Любой, кто хоть немного разбирался в европейской политике, понимал, что риск германского нападения на балтийские страны или Финляндию без предварительного завоевания Польши был практически нулевым. Еще менее вероятной была возможность такого рода агрессии против СССР. Летом 1939 г. в ходе англо-франко-советских переговоров о союзе против Третьего рейха Советский Союз прежде всего потребовал, чтобы помощь жертве агрессии могла быть оказана без ее согласия и даже «навязана» ей. После этого дипломатическим кругам в Европе стало ясно, что Советский Союз стремится не спасти мир, а определить свою сферу влияния в Восточной Европе. Контраст с условиями развивавшегося с апреля 1939 г. англо-франко-польского сотрудничества был резким. Ведь Лондон и Париж согласились с тем, что гарантии будут реализованы тогда, когда сама Польша посчитает, что ее интересы нарушены¹¹⁰. На таких же условиях в апреле 1939 г. Польша предложила свою помощь Литве¹¹¹.

Во второй половине июня состоялась примечательная беседа лорда Галифакса с Иваном Майским. Глава британской дипломатии старался объяснить советскому полпреду, что Лондон не может согласиться на включение в сферу трехсторонних гарантий Эстонии, Латвии и Литвы, потому что эти государства просто не желают их иметь, а до сих пор в истории не было прецедента предоставления гарантий тому, кто их решительно не принимает. Майский возразил и с удивительной для дипломатических стандартов откровенностью изложил советские намерения: «Что же касается... Вашего тезиса об отсутствии соответствующего прецедента... во-первых, никто никому не запрещает создавать новые прецеденты. Во-вторых... вспомните доктрину Монро. Если США в 1823 г. могли односторонним актом (не справляясь о чувствах южноамериканских республик) заявить, что всякую попытку держав “Священного Союза”, распространить “свою систему” на Южную Америку, они будут рассматривать как угрозу своей безопасности и благополучию... то почему три великие державы Европы в 1939 г. не могут сделать чего-либо подобного в отношении трех балтийских государств? <...>

— Так вы хотите, чтобы мы положили начало доктрине Монро для Европы, — [спросил Галифакс]?

— Не для Европы, — [ответил Майский], — а хотя бы только для Прибалтики»¹¹².

Майский был очень доволен собой. Для Галифакса советские требования стали шоком. В Европе, построенной на фундаменте представлений В. Вильсона, отрицающих, хотя и непоследовательно, «старую дипломатию» абсолютных властителей, и уже развивающей идею создания Европейского Союза (Бриан), тезис об определении сфер влияния — как и сто лет назад — без согласия заинтересованных государств, вне демократического контроля со стороны парламентов, несмотря ни на что, звучал как анахронизм. Особенно для ушей демократического политика. К сожалению, наступали времена варваров — Гитлера и Сталина.

Советские требования, по сути, ставили Лондон и Париж перед выбором: либо отдать Восточную Европу Гитлеру, который еще со времен Мюнхена последовательно добивался от западных держав развязать ему руки в Восточной Европе, либо отдать прибалтийские государства, а в будущем, наверняка, также и другие страны этого региона на откуп Сталину. Когда через несколько дней после беседы Галифакса и Майского Советский Союз потребовал признать *casus foederis* будущего союза также ситуацию так называемой косвенной агрессии, переговоры окончательно зашли в тупик. Все соседи СССР восприняли это как знак, говорящий о нарастании советского ревизионизма¹¹³. Действительно, возможность получить гарантии от большевистской России вызвала тревогу у всех ее западных соседей. Двадцать лет вся Европа относилась к Советам с опасением и недоверием и не считала их надежным партнером. Почему же теперь, в условиях общеевропейского кризиса доверия, западные соседи СССР должны были доверить свою безопасность ревизионистской державе?

Начало англо-франко-советских переговоров по военным вопросам при отсутствии политического соглашения в этой ситуации было с обеих сторон лишь имитацией деятельности. Уже в июле германские дипломаты были уверены, что если до конца месяца западные державы не добьются соглашения с Москвой по прибалтийским государствам, то Третий рейх и СССР быстро совершат раздел Восточной Европы¹¹⁴.

Сталин не был заинтересован в спасении мира в Европе. Выгоду ему могло принести лишь свержение версальского порядка. На его развалинах он мог построить собственную империю и обеспечить сферу влияния. Пока Гитлер не нарушил Мюнхенский договор, он мог еще рассчитывать на изменение восточных границ Рейха, не прибегая к войне. Сталин же такой возможностью не обладал. Он мог расширить сферу своего влияния только в случае германской агрессии против Польши и возникновения войны в Европе. 7 сентября советский руководитель открыто изложил свои мотивы: «Мы ничего не имеем против, чтобы они [Третий рейх, Польша и западные державы. — С.Д.] хорошенько подрались и ослабили друг друга. Было бы неплохо, если бы руками Германии были подорваны позиции самых богатых капиталистических государств (особенно Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону на другую, чтобы они лучше подрались». Он заявил также, что Советский Союз будет сотрудничать с Германией с целью ликвидации польского государства. «Уничтожение этого государства означало бы, что одним буржуазным, фашистским государством меньше! Что плохого, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и новое население»¹¹⁵.

Единственное, чего Сталин мог потенциально опасаться, — так это решения «польского кризиса» путем какого-нибудь «нового Мюнхена». И опять без участия СССР. Поэтому с апреля 1939 г. целью советских действий было блокирование возможности такого сценария. Основным в этой тактике было, с одной стороны, утверждение Гитлера в уверенности, что вооруженная конфронтация с Польшей не приведет к конфликту интересов с Советским Союзом. С другой стороны, этой же цели служила имитация Москвой заинтересованности в создании совместно

с Францией, Великобританией, Польшей и другими центральноевропейскими государствами своего рода оппозиции германским планам в Центральной Европе.

Учитывая развитие политической ситуации в Европе летом 1939 г., сдержать рвущегося к войне с Польшей Гитлера можно было только путем реального англо-франко-советского сотрудничества, основанного на однозначных гарантиях уважения Советским Союзом суверенитета и территориальной целостности всех его соседей. Но Сталин был в этом никак не заинтересован. Заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с Третьим рейхом явилось венцом советских усилий по ликвидации преград, которые могли бы помешать Гитлеру вторгнуться в Польшу. Хотя шансы на создание антигерманского союза западных держав и СССР были невелики, тем не менее в Берлине опасались, что если, несмотря ни на что, такой союз возникнет, то он может нарушить все планы Гитлера. Чтобы исключить такую опасность, германские дипломаты из чисто тактических соображений вышли с предложением возобновить германо-советское сотрудничество на основе общих интересов, связанных с ликвидацией польского государства.

22 августа Гитлер, разъясняя мотивы, которыми он руководствовался при заключении соглашения со Сталиным, заявил: «Тем самым я выбил оружие из рук правительств [Англии и Франции]. Польша попала в ситуацию, которая нам необходима для достижения военного успеха»¹¹⁶. Если бы Москва отклонила его предложение, Гитлеру пришлось бы пойти на попятную, созвав в Мюнхене съезд НСДАП «под лозунгом мира». Для Сталина же пакт Риббентропа—Молотова имел фундаментальное значение. Он толкал Гитлера к войне с Польшей и укреплял международные позиции Советского Союза, который, заключая этот договор, заявлял о своих претензиях на полноправный европейский статус. Вероятная польско-германская война, особенно в условиях пассивности со стороны Франции и Англии, исключала влияние этих государств на непосредственных соседей Советского Союза. «Буферная зона» теряла своих покровителей, что предоставляло Советам шансы вернуть Россию в ее предреволюционные границы. Однако ответственность за развязывание войны в 1939 г. ни в коем случае нельзя делить поровну между участниками пакта Риббентроп—Молотов. Гитлер хотел этой войны и стремился к ней. Сталин не намеревался спасти мир в Европе. Здесь есть определенная разница. Польша не могла уступить требованиям Гитлера, а западные державы — спасти европейский мир. Было уже слишком поздно.

Значение договора от 23 августа 1939 г. для обоих его участников постепенно росло по мере изменения международной обстановки. Заключение англо-польского союза 25 августа 1939 г., начало германской агрессии против Польши, а затем объявление войны Третьему рейху западными державами — все это склоняло Гитлера к тому, чтобы более практично, чем он ранее намеревался, воспользоваться договором со Сталиным. Не только в тактико-пропагандистских, но и в чисто военных целях. Но Германия не была уверена, останется ли в силе соглашение о разделе сфер влияния между Третьим рейхом и СССР в условиях новой военно-политической ситуации в Европе. Об этом свидетельствуют предпринятые Риббентропом попытки оказать разного рода давление на Кремль, чтобы заставить его вступить в войну против Польши¹¹⁷. Но Сталин был осторожен. Решение о том, что Красная армия в удобный момент совершит агрессию против Польши и займет согласован-

ную с Германией часть ее территории, было принято в Москве, по всей видимости, 6 сентября. Но ожидание благоприятного момента для вступления в войну против Польши продолжалось еще несколько дней. Ключевое значение в этом вопросе имела не столько сила польского сопротивления германским войскам, сколько отсутствие активности французских и британских войск на Западном фронте. По всей видимости, Сталин опасался, что слишком раннее вступление в Польшу может осложнить его отношения с Францией и Великобританией. Речь шла даже не столько о хорошем политическом обосновании, которое могло быть одобрено французскими и британскими политиками, сколько о возможной реакции общественного мнения этих стран. Чтобы не ограничивать себе пространство для маневра в будущем, Советский Союз, несмотря ни на что, старался избегать создания таких ситуаций, которые позволили бы политическим наблюдателям назвать его агрессором и поставить в один ряд с Третьим рейхом. Проводникам такой тактической политики следует отдать должное — они реализовали ее очень эффективно.

Решение Высшего союзнического совета о неказании Францией и Великобританией помощи Польше, принятое на секретном совещании в Аббевилле 12 сентября 1939 г., окончательно развеяло последние опасения Советов. 11 сентября вечером Гитлер узнал наконец, что Красная армия войдет в Польшу. 17 сентября 1939 г. Советский Союз совершил агрессию против Польши и тем самым вступил во Вторую мировую войну. В связи с этим следует помнить, что первый парад победы, в котором участвовала Красная армия, состоялся 22 сентября 1939 г. в Бресте на Буге, а принимали его комбриг Семен Кривошеин и генерал Ганс Гудериан.

Хотя польская дипломатия информировала союзников о возникновении состояния войны между Польшей и СССР, советское вторжение в Польшу не было воспринято мировой общественностью как начало очередной войны. Неясность в отношении действительной природы германо-советского сотрудничества предписывала дипломатам западных держав проявлять большую осторожность в формулировании позиции в дальнейшем развитии отношений с Советским Союзом. В результате оба союзника Польши избрали тактику, сводившуюся к тому, чтобы «не толкать русских в плохую сторону», то есть в направлении Берлина. Расчеты Сталина в значительной мере строились на предвидении именно такого решения. Ситуация, которая стала его следствием, позволяла Советам маневрировать между сторонами, участвующими в боевых действиях, в соответствии с образом мышления, который Сталин продемонстрировал руководству Коминтерна 7 сентября.

Проведение Советским Союзом «параллельной военной акции» в Польше — так 27 сентября Вайцзеккер определил советскую агрессию в беседе с итальянским послом — окончательно положило конец сражению на Висле. Это помогло Германии завершить военные действия на востоке и отдалило от нее угрозу ведения войны на два фронта¹¹⁸.

Если с сентября 1939 г. в течение полугода на западе Европы мы имели дело со «странной войной», когда военные действия происходили главным образом на море, то на востоке континента действовал «странный союз». Советы, хотя и в ограниченных масштабах, оказывали ведущей войну Германии военную помощь, сначала облегчая наведение германской авиации на польские города, а затем предоставляя базы германским подводным лодкам. Но более важную роль играла экономиче-

ская помощь, благодаря которой Гитлер смог быстро подготовиться к войне на западе. Начиная с 17 сентября 1939 г. по меньшей мере в течение года СССР поощрял действия Гитлера, направленные на ослабление позиций западных держав, и пользовался результатами его политики. Сталин, однако, отвергал возможность такого укрепления советско-германских отношений, которое ставило бы его в положение невоюющего союзника Германии. Когда 28 сентября 1939 г. Риббентроп вновь прибыл в Москву для подписания договора о дружбе и границе и сделал Сталину завуалированное предложение о заключении формального союза, что было его собственной инициативой, советский руководитель ловко вывернулся. Он сказал, что такое решение возможно в будущем, если у Германии возникнут проблемы. Он заверил германского политика, что в подобной ситуации Советский Союз придет Третьему рейху на помощь. Намерением советского руководителя было подпитывать идущую войну и избегать любых ситуаций, которые могли бы втянуть в эту войну его самого. В беседах с Риббентропом Сталин маневрировал, склонял Рейх к началу наступления на западе, обещал Германии далеко идущую помощь, если ее можно будет скрыть от мировой общественности. Но демонстративная поддержка планов Гитлера уже не отвечала его интересам. В период со второй половины сентября 1939 г. до августа 1940 г. Советский Союз пользовался счетом, который он выставил Гитлеру за помощь в расправе над Польшей и в нейтрализации западных держав. После раздела Польши за германо-советское соглашение пришлось заплатить Эстонии, Латвии и Литве, затем пришла очередь Финляндии и, наконец, Румынии. Первая фаза Второй мировой войны характеризовалась германо-советским взаимодействием. «Странный союз» начал рушиться после падения Франции. А германская агрессия против Советского Союза 22 июня 1941 г. привела к великому «перевороту союзов». Началась новая фаза Второй мировой войны.

¹ *Wandycz P.* Aleksander Skrzyński, Minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2006. S. 47–48, 141. В свою очередь Август Залевский, преемник Скшиньского, утверждал: «Польше не за что вести войны» (*Zalewski A.* Przemowy i deklaracje. Warszawa, 1929. T. 1. S. 6, 16).

² *Wandycz P.* The Twilight of French Eastern Alliances 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988.

³ *McDonough F.* The Origins of the First and Second World Wars. New York, 1997. P. 43; *Martin B. F.* France in 1938. Baton Rouge, 2005. P. 17.

⁴ *Record J.* The Specter of Munich. Reconsidering the Lessons of Appeasing Hitler. Washington D.C., 2006.

⁵ Цит. по: *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań, 1965. S. 211.

⁶ Такое наблюдение было сделано на фоне отрицательного отношения Польши к проекту Пакта четырех. См. письмо советника А. Мюльштейна министру Беку по поводу польско-французских разногласий, возникших на фоне вопросов разоружения. Париж, 25 февраля 1933 г. // *Diariusz I teki Jana Szembeka* (далее: DTJS). Londyn, 1964. T. 1. опс. Tadeusz Komarnicki. Dok. 5. S. 7.

⁷ *Wandycz P.* The Twilight of French Eastern Alliances...

⁸ *Kornat M.* Polityka równowagi. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków, 2007. S. 478.

⁹ *Laroche'a J.* Polska lat 1926–1935. Warszawa, 1966. S. 123.

¹⁰ Заявление министра Бека от 8 июня 1933 г. // DTJS. T. 1. S. 23.

¹¹ *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938, Poznań, 1965. S. 111.

¹² *Świtalski K.* Dariusz 1919–1935 / Oprac. A. Garlicki, R. Świktek. Warszawa, 1992. S. 658.

¹³ Беседа Пилсудского с Войковым, 12 июля 1926 г. Отчет Войкова об этой беседе был обнаружен в российских архивах лишь в 2004 г. *Wandycz P., Borzęcki J.* Rozmowy Piłsudskiego z Wojkowem. Fragmenty Raportów // *Zeszyty Historyczne*. Z. 149/2004. S. 15, 17–18.

¹⁴ *Żerko S.* Polska polityka zagraniczna w styczniu — sierpniu 1939 r. // *Polski Przegląd Dyplomatyczny*. T. V. 2005. N 5/27. S. 22. Przyypis 5. С. Жерко полемизирует с М. Корнатом, считающим обоснованным понятие «политика равновесия». См.: *Kornat S.* Polityka równowagi 1934—1939. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków, 2007.

¹⁵ Запись беседы между министром иностранных дел Польши и премьер-министром и министром иностранных дел Великобритании, 4 апреля 1939 г. // PDD, 1939. Styczeń — sierpień / S. Żerko (red.). Warszawa, 2005. Dok. 173. S. 280. Подобная формулировка была использована Бекем в отдельной беседе с Галифаксом 4 апреля: «Две вещи невозможны с точки зрения Польши, а именно зависимость ее политики либо от Берлина, либо от Москвы» (Ibid. Dok. 171, 267).

¹⁶ *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. Warszawa, 1937. T. 5. S. 111.

¹⁷ Notatka z 7 marca 1936 г. // DTJS. T. II. S. 110. См. также источники, приложенные к записям от 7 марта (S. 402). Впервые об этом вопросе вспоминал в своем дневнике тогдашний французский посол в Варшаве Л. Ноэль (*Noël L.* L'Aggression allemande contre la Pologne. Une ambassade a Versovie. Paris, 1946. P. 125).

¹⁸ *Beck J.* Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 120; *Gawroński J.* Moja misja w Wiedniu. Warszawa, 1965. S. 391—392. Подобные намерения были высказаны также два месяца спустя во время пребывания Бека в Лондоне на торжествах, посвященных коронации Георга VI. Бек беседовал об этом с Н. Чемберленом, в то время министром финансов Великобритании. См.: *Nurek M.* Polska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1932—1938. Warszawa, 1983. S. 71—72. См. также: *Zacharias M.* Geneza układu o wzajemnej pomocy między Polską a Wielką Brytanią / Błażeński Z. (red.) // *Władze RP na obczyźnie podczas II wojny światowej*. Londyn, 1984. S. 84—92.

¹⁹ Анджей Новак, выдающийся знаток польско-российских отношений в первые годы существования возрожденной Польши, считает, что более точным определением системы международных отношений в период между двумя мировыми войнами было бы «версальско-рижская система». Германия выступала против этой системы в Западной Европе, а большевики — в восточной части континента. *Nowak A.* Stosunki polsko-rosyjskie i polsko-sowieckie (1919—1921) a ład wersalski // *Od Wersalu do Poczdamu. Sytuacja międzynarodowa Europy Środkowo-Wschodniej 1918—1945* / Red. A. Koryn. Warszawa, 1996. S. 30—42.

²⁰ *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 128.

²¹ Классические подходы см.: *Ulam A.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917—1973. N.Y.; Washington, 1974; *Jacobson J.* When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley; N.Y.; L., 1994; *Heller M., Niekricz A.* Utopia u władzy. Historia Związku Sowieckiego. Wrocław, 1989. T. 2. S. 33; *Librach J.* The Rise of the Soviet Empire: A Study of Soviet Foreign Policy. N.Y., 1964; *Bregman A.* Najlepszy sojusznik Hitlera. Studium współpracy sowiecko-niemieckiej 1939—1941. Londyn, 1987; *Tarulis A.* Soviet Policy Toward the Baltic States 1918—1940. Oxford, 1963. См. также: *Furet F.* Przeszłość pewnego złudzenia, Esej o idei komunistycznej w XX w. Warszawa, 1996. Особенно S. 393 и след.; *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. Main, 1987.

²² *Kennan G. F.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1965. См. также: *Raack R. C.* Polska i Europa w planach Stalina. Warszawa, 1997. S. 19 и след.

²³ Запись беседы Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с Криппсом, 1 июля 1940 // Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 240. С. 395.

²⁴ *Rautenberg H.-W.* Zusammenbruch und Neubeginn deutscher Ostpolitik nach dem Ersten Weltkrieg // *Förster Jürgen u. a.* Deutschland und das bolschewistische Russland von Brest-Litowsk bis 1941. Berlin, 1991. S. 9 и след.

²⁵ См.: *Niclauss K.* Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung. Eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935. Bonn 1966. Об отношении Коминтерна к NSDAP и роли коммунистов в победе Гитлера см.: *Weingartner T.* Stalin and der Aufstieg Hitlers. Berlin, 1970.

²⁶ *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVII съезде партии о деятельности ЦК ВКП(б) // *Stalin J. W.* Dzieła. Warszawa, 1951. T. XVIII. S. 299.

²⁷ Проект итогового раздела «За власть Советов» резолюции VII конгресса Коминтерна по докладу Г. Димитрова. М., 21.7.1935 // Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. Док. 216. С. 882, 881.

²⁸ *Stalin J. W.* Dzieła. Warszawa, 1951. T. XVIII. S. 307.

²⁹ Об этом вопросе в числе других писали А. Некрич (*Niekricz A. M.* Partners, Predators, German-Soviet Relations 1922—1941. P. 91—98), Л. Безыменский (*Bezymiensky L.* Geheimmission in Stalins Auftrag,

David Kandelaki und die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der dreißiger Jahre // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Juli 1992/ 40/ Heft 3/ S. 340–342. О других предложениях советской стороны, свидетельствующих о ее готовности отказаться от сотрудничества с Рейхом в «духе Рапалло», также писал А. М. Некрич (Op. cit. P. 63–101. См. также: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941.* Warszawa, 2007. S. 70. Przypis 24.

³⁰ *Dullin S. Des hommets d'influences. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939.* Paris, 2001. P. 296.

³¹ *Coulondre R. De Stalin á Hitler.* Paris, 1950. S. 165.

³² Подробнее см.: *Kornat M. Polska 1939 r. wobec Paktu Ribbentrop-Mołotow.* Warszawa, 2002. S. 247.

³³ Чехословацкие политики в годы Второй мировой войны приложили много сил, чтобы склонить западные державы признать Мюнхенский договор противоречащим международному праву, но все же им удалось добиться лишь половинчатого успеха.

³⁴ Историки, находящиеся под впечатлением этой политики, даже приходили к выводу, что она имела для Москвы фундаментальное значение: *Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for the Collective Security.* London, 1978. См. также: *Hochman J. The Soviet Union and the Failure of the Collective Security 1934–1938.* Ithaca, 1984.

³⁵ Станислав Жерко считает, что по этой причине можно говорить о попытках проведения «политики равновесия», но не между Россией и Германией, а между Германией и западными державами (*Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939.* Poznań, 1998. S. 462).

³⁶ Этот феномен подробно анализирует М. Корнат (*Kornat M. «Polska jest mocarstwem» — czyli z dziejów polskiej kultury politycznej // Kornat M. Polityka równowagi... S. 60–126.*

³⁷ В инструкции послу в Лондоне от 29 сентября 1938 г. министр Бек указывал: «Прошу постараться без промедлений провести с видными политиками в Англии беседы, в ходе которых подчеркнуть, что польскому правительству непонятна явно недоброжелательная позиция английского правительства в отношении нас в начале чешского кризиса... Мы располагаем серьезными данными, чтобы считать, что мы постоянно имеем дело с желанием исключить нас из переговоров на тему Центральной Европы, которая нас непосредственно касается. Такого рода отношение затрудняет нам проведение политики равновесия, которая ранее всегда пользовалась признанием Англии» (Шифротелефограмма министра иностранных дел послу в Лондоне: инструкции к беседам по вопросу Чехословакии // PDD. 1938. Dok. 337. S. 618).

³⁸ 30 сентября 1938 г. в разговоре со своими ближайшими сотрудниками министр Бек следующим образом прокомментировал конференцию в Мюнхене: на конференции «директорией великих государств предпринята попытка навязать другим государствам кабальные решения (на что Польша согласиться не может, ибо тогда она превратится в политический объект, которым другие будут дирижировать по своему усмотрению)» (DTJS. T. IV. S. 283–284).

³⁹ Шифротелефограмма посла в Париже министру иностранных дел с предложением созвать конференцию по вопросу Чехословакии, 28 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 321. S. 604. В инструкции послам от 29 сентября 1938 г. министр Бек писал: «В разговорах прошу указывать на интригу Праги и некоторых ее покровителей, направленную на то, чтобы исключить нас из дискуссии по Центральной Европе. В соответствии с нашими принципами мы не одобряем решений, принятых без нашего участия, а свои интересы мы будем обеспечивать собственными средствами» (Циркуляр министра иностранных дел по поводу бесед о позиции Чехословакии в отношении польских требований. 29 сентября 1938 г. // PDD 1938. Dok. 338/ S. 619).

⁴⁰ Доклад посла в Берлине на тему переговоров о Чехословакии // PDD. 1938. Dok. 320. S. 602.

⁴¹ 25 сентября министр Бек информировал посла в Берлине: «...Советы предприняли ряд демонстраций на нашей границе, которые, если рассматривать их с военной точки зрения, не имеют большого значения и которые мы оставили без внимания, а в случае необходимости ответим более энергично» (Шифротелефограмма министра иностранных дел послу в Берлине: инструкции на беседы в МИД Германии. 25 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 293. S. 571).

⁴² Отчет посла в Риге о беседе с латвийским министром обороны, 28 февраля 1939 // PDD. 1939. Styczeń — sierpień. Dok. 61. S. 120. См.: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą.* S. 242–243.

⁴³ В ней говорилось, что советское правительство «готово принять активное участие во всех мероприятиях, направленных на оказание коллективного отпора агрессору, даже если это могло бы привести к ухудшению его отношений с агрессором» (Интервью Народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителям прессы // ДВП. Т. XXI. Док. 82. С. 128).

⁴⁴ Рапорт посла в Москве о позиции Советского Союза в отношении Чехословакии, 25 мая 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 122. S. 286.

⁴⁵ «Правительство РП констатирует, что своей позицией оно парализовало возможность вмешательства Советов в чешский вопрос в более широких масштабах... Польша считает недопустимым, чтобы Советский Союз вмешивался в европейские дела» (Инструкция министра иностранных дел послу в Берлине к беседе с канцлером Гитлером: позиция Польши по вопросу Чехословакии. 19 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 239. S. 510.

⁴⁶ См.: Ультимативная нота, врученная послом в Праге министру иностранных дел Чехословакии, 30 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 353. S. 640–642.

⁴⁷ В 1938 г. в вопросе границ Чехословакии западные державы под давлением Гитлера окончательно решили признать приоритет этнических критериев перед историческими, что немедленно открывало проблему равного отношения ко всем соседям Чехословакии. В 1919–1920 гг. западные державы признали аннексию Тешинской Силезии Чехословакией и тем самым поддержали выдвигаемые Прагой аргументы об исторической принадлежности этих земель короне Св. Вацлава. См.: *Kamicki M. K. Konflikt polsko-czeski 1918–1921. Warszawa, 2004.*

⁴⁸ Инструкция министра иностранных дел послу в Праге по вопросу ультимативной ноты. 30 сентября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 352. S. 638–639.

⁴⁹ *Żerko S. Stosunki polsko niemieckie... S. 96.* См. также: *Stanistawska S. Polska a Monachium. Warszawa. 1967. S. 263.*

⁵⁰ ADAP. D. V. Dok. 54.

⁵¹ Шифротелефонограмма посла в Берлине о беседе с министром иностранных дел Германии, 1 октября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 361. S. 649.

⁵² *Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. S. 476; Żerko S. Stosunki polsko niemieckie... S. 97–98.*

⁵³ Записи Яна Шембека от 4 ноября 1938 г. на совещании у министра Бека // DTJS. T. IV. S. 339–343.

⁵⁴ Отчет посла в Москве о беседе с Народным комиссаром иностранных дел СССР, 26 октября 1938 г. // PDD. 1938. Dok. 401. S. 731–733; Запись этой беседы советской стороной // ДВП. Т. XXI. Док. 434. С. 601–602. В результате 26 ноября 1938 г. было согласовано совместное коммюнике. Более подробно см.: *Materski W. Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa, 2005. S. 511 и след.*

⁵⁵ На эту тему см.: *Dębski S. Zerwanie przez Wielką Brytanię stosunków dyplomatycznych ze Związkiem Sowieckim w 1927 r. Studium przypadku // Modernizacja, Centrum, Peryferie, Księga jubileuszowa z okazji 70. rocznicy urodzin Prof. Ryszarda Stemplowskiego / W. Borodziej, S. Dębski (red.). Warszawa, 2009. S. 73–100.*

⁵⁶ Телеграмма Полномочного представителя СССР в Великобритании И. И. Майского Народному комиссару иностранных дел, 2 октября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. 403. С. 557.

⁵⁷ Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР Колондром, 16 октября 1938 г. // Там же. Док. 423. С. 589.

⁵⁸ Там же. С. 590.

⁵⁹ И. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)». Стенограмма выступления на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда // Исторический архив. 1994. № 5. С. 13; *Невежин В.* «Если завтра в поход». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М., 2007. С. 111.

⁶⁰ Письмо Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу, 19 октября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. 428. С. 594.

⁶¹ *Dullin S. Des homes d'influence. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939. Paris, 2001. P. 303;* Письмо Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу, 4 ноября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. Док. 446. С. 619.

⁶² *Żerko S. Niemiecka polityka zagraniczna 1933–1939. Poznań, 2005. S. 297.*

⁶³ *Halder F. Dziennik wojenny. T. I. Zapis z 22 sierpnia 1939 r. S. 52.*

⁶⁴ *Ramsden J. Don't Mention the War. The British and the Germans since 1890. London, 2007. P. 153–159.*

⁶⁵ *Ibid.* P. 159.

⁶⁶ После этой беседы были составлены две записки: в стандартном секретном отчете Липского вопрос германских требований не упоминался (*Notatka ambasadora w Berlinie: rozmowa z ministrem spraw zagranicznych o sytuacji w Europie // PDD. 1938. Dok. 399. S. 725–729.*) Информация по этому вопросу содержалась в другой «неофициальной» записке посла, предназначенной лично министру Беку (*Notatka z rozmowy ambasadora w Berlinie z ministrem spraw zagranicznych Niemiec — nieoficjalne, uzupełniające sprawozdanie // PDD. 1938. Dok. 400. S. 729–730.*)

⁶⁷ *Zerko S. Stosunki polsko-niemieckie. S. 246–247.*

⁶⁸ *Ibid. S. 183.* Во время визита в Париж в декабре Риббентроп в беседах с министром Бонне вообще не касался этого вопроса (ADAP. Serie D. Bd. 4. Dok. 370, 372). 13 января государственный секретарь Министерства иностранных дел Вайцзеккер в беседе со шведским послом А.Г. Рихертом заявил: «...не существует никакой новой ориентации поляков, и это даже не принимается во внимание, потому что Польша очень заинтересована в нашей дружбе» (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes [далее: PAAA]. Büro des Staatssekretärs. Polen. Bd. 1. Sygn. 29683. K. 34524; *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. S. 75*

⁶⁹ По поводу Гданьска Польша соглашалась на устранение Лиги наций из Вольного города и готова была вести переговоры с Берлином в рамках двустороннего соглашения о будущем статусе этого города и по вопросу об «экстерриториальной автострате». Польша была открыта для диалога с Гитлером, о чем свидетельствуют далеко идущие предложения министра Бека от 25 марта 1939 г. См.: *Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memoires of Józef Lipski... / W. Jędrzejewicz (ed.). Dok. 139. S. 504–507.* См. также: *Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 116–118* (первоначально издано на французском языке: *Dernier rapport. Politique Polonaise 1926–1939. Neuchâtel, 1951*; имеется также англоязычное издание: *Final raport. N.Y., 1957*).

⁷⁰ *Grzybowski do Pana Ministra Spraw Zagranicznych, 7.1.1939 // PDD. 1939. Styczeń — sierpień. Dok. 4. S. 13.*

⁷¹ *Барышников В. Н. Эволюция отношений СССР с Финляндией в предвоенный период // Зимняя война. 1939–1940. М., 1999. Кн. 1. С. 87.*

⁷² Запись беседы заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром, 27 января 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 56. С. 79–80.

⁷³ Письмо Народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова полпреду СССР в Париже Я. Сурицу, 10 февраля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 82. С. 119.

⁷⁴ *Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950 / L. E. Hill (Hrsg.). Frankfurt a. M.; Berlin; Wien, 1974. S. 150, 146.*

⁷⁵ *Zerko S. Stosunki polsko-niemieckie. S. 274–275.* Еще в начале мая германский посол в Бухаресте в беседе с литовским дипломатом Тураускасом заявил, что Гитлер не хотел провоцировать войну с Польшей, так как фюрер именно так, а не иначе предъявил германские требования в отношении Польши, не желая военной конфронтации, и что в этом отношении он не мог сильно ошибаться, обладая неплохим чувством политической реальности (Рачиньский [Бухарест] Министру иностранных дел, 17 мая 1939 г. Секретно // AAN. MSZ. Rumunia. Sygn. 6368).

⁷⁶ *Kulski W. Pamiętnik byłego dyplomaty // Zeszyty Historyczne. 1977. № 42. S. 156.* Занятие Гитлером Праги и Клайпеды (Мемель) он считает шагом, увеличивающим давление на Польшу: *Sowa A.L. U progu wojny. Kraków, 1997. S. 243–244.* См. также: *Weinberg G. Munich after 50 Years. P. 174–175.*

⁷⁷ *Dullin S. Des homes d'influeces. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939. Paris, 2001. P. 304.*

⁷⁸ Письмо начальника западного управления послу в Лондоне об отношении Польши к британским предложениям, 23 марта 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń — sierpień. Dok. 126. S. 197.

⁷⁹ Письмо директора кабинета министра иностранных дел послу в Лондоне о британских предложениях, 23 марта 1939 г. // PDD 1939. Styczeń — sierpień. Dok. 127. S. 199.

⁸⁰ Суриц — Наркоминдел, 22 марта 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 165. С. 218.

⁸¹ Сообщение ТАСС от 22 марта 1939 г. // Год кризиса. Т. 1. С. 314; Записка Литвинова Сталину, 3 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 194. С. 246.

⁸² *Dullin S. Des homes d'influeces. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939. Paris, 2001. P. 305–306.*

⁸³ Так оценивает британские гарантии Польше А. Улам: *Ulam A. Expansion and Coexistence. N.Y., 1975. S. 267.* См. также: *Murray W. The Change in the European Balance of Power 1938–1939: The Path to Ruin. Princeton, 1984. P. 290.*

⁸⁴ Литвинов — Меркалову, 4 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 199. С. 252–253.

⁸⁵ *Stalin J.W. Referat sprawozdawczy na XVIII zjeździe Partii o działalności KC WKP(b). Warszawa, 1950. S. 16–22.*

⁸⁶ У германского посла сначала были проблемы с правильным прочтением слов Сталина: «Позиция советского правительства по этому вопросу была принципиально уточнена Сталиным только на XVIII съезде Коммунистической партии: Советский Союз окажет поддержку любому государству, подвергшемуся нападению агрессора. В чем будет состоять эта поддержка, Сталин не сказал, а в дру-

гом месте своей речи указал на то, что будет избегать осложнений с другими странами» (Schulenburg do AA, 13.3.1939 // PAAA, Pol. Abt. V. Polen, Politischen Beziehungen zwischen Polen und Rußland. Bd. I. Sygn. R 104130. K. 338480—338481). Более подробный отчет о речи Сталина см.: Schulenburg do AA, 13.3.1939 // ADAP. D. Bd. VI. Dok. 1. S. 1—3. Подробнее см.: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwa*. S. 79; *Beloff M. The Foreign Policy of Soviet Russia, 1929—41*. L.; N.Y.; Toronto, 1955 (1949). Vol. II. 1936—1941. P. 224—228; *Tucker R. C. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928—1941*. N.Y., 1991. См. также: *Watt D. C. The Initiation of the Negotiations Leading to the Nazi-Soviet Pact. A Historical Problem // Essays in Honor of E. H. Carr*. L., 1974. P. 152—168.

⁸⁷ Записка Литвинова Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, 15 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 224. С. 228.

⁸⁸ *Dullin S. Des homes d'influeces. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930—1939*. Paris, 2001. P. 310.

⁸⁹ Литвинов — Сурицу, 17 апреля 1939 г. // ДВП. Т. 22. Кн. 1. Док. 230. С. 284—285. См. также: Предложения, врученные Литвиновым послу Великобритании. 17 апреля 1939 г. // ДВП. Т. 22. Кн. 1. Док. 229. С. 283—284.

⁹⁰ Запись беседы Мерекалова с фон Вайцеккером, 17.04.1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 236. С. 291—292. Ср. ADAP. Bd. VI. Dok. 217. О различиях в записях этой беседы, сделанных двумя дипломатами, а также об их последствиях для историографии я подробно писал в своей монографии (см.: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwa*. S. 84—85).

⁹¹ Записка о высказываниях посла СССР в Париже, 20 апреля 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń — sierpień. Dok. 218. S. 361—365.

⁹² Это подтверждают и иные источники. 4 апреля Литвинов писал Мерекалову: «Мы прекрасно знаем, что без нас нельзя остановить и задержать германскую агрессию в Европе, и чем позже [западные державы] к нам обратятся за помощью, тем дороже нам заплатят. Поэтому мы так спокойно относимся к шуму, который поднялся вокруг так называемого изменения английской политики» (DWP. Т. XXII. 1939. Док. 199. S. 252).

⁹³ По всей видимости, имелся в виду Берлинский договор от 24 апреля 1926 г.

⁹⁴ Записка без подписи о высказываниях посла СССР в Париже, 20 апреля 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń — sierpień. Dok. 218. S. 361—365. Этот документ первым опубликовал М. Корнат (*Kornat M. Polska w 1939 g... Aneksy*. Dok. 7. S. 549). Критику этого источника см.: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwa*. S. 83.

⁹⁵ Литвинов — Майскому, 19 марта 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 155. С. 206—207.

⁹⁶ См.: *Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1933 г.* // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 13—14

⁹⁷ *Dullin S. Des homes d'influeces. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930—1939*. Paris, 2001. P. 310—312.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1009. С. 18; Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5—6. С. 35—36.

⁹⁹ ДВП. Т. XXII. 1939. Кн. 1. Док. 269.

¹⁰⁰ *Dullin S. Des homes d'influeces...* Paris, 2001. P. 313.

¹⁰¹ См.: *Gisevius H. B. Bis zum bitteren Ende*. Hamburg, 1947. Bd. 2. S. 107.

¹⁰² *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932—1945*. München, 1963. Bd. II. S. 1119 et al.

¹⁰³ *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie*. S. 292—293.

¹⁰⁴ О ходе переговоров весной и летом 1939 г. между Парижем, Лондоном и Москвой по вопросу создания антигерманского блока см.: *Ulam A. Expansion and Coexistence...*

¹⁰⁵ *Dębski S. Między Berlinem a Moskwa...* S. 85.

¹⁰⁶ *Ibid.*; *Roberts G. The Soviet Decision for a Pact with Nazi Germany // Soviet Studies*. Vol. 44. No 1. P. 59.

¹⁰⁷ Большую роль в этих мероприятиях сыграл посол Третьего рейха в Москве фон Шуленбург. По этой теме см.: *Фляйшхауэр*. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. М., 1990.

¹⁰⁸ «Если уж дело идет к войне, войне за внешнеполитические интересы, вне всяких идеологических вопросов, почему это должна быть именно война за Польшу против Германии, бесприбыльная война, требующая огромных усилий, в то время как, наоборот, война Германии против Польши была бы значительно менее рискованная и могла бы вернуть утраченные в пользу Польши старые белорус-

3. Происхождение Второй мировой войны

ские и украинские земли». Документ появился между 4 и 10 мая 1939 г. Месяц спустя, 27 июня 1939 г., он с незначительными изменениями и под другим названием — «Проблема русской политики» — был разослан к сведению во все министерства Рейха при посредничестве связанного с абвером аналитического бюро в Гамбурге (Aufklärungs—Ausschluss—Hamburg—Bremen); см.: *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Aneks. Dok. 1. S. 677; Dok 2. S. 678–679.*

¹⁰⁹ Риббентроп — Шуленбургу, 14 августа 1939 г. // ADAP. Bd. VII. Dok. 56. S. 51.

¹¹⁰ Запись беседы министра иностранных дел с премьером и министром иностранных дел Великобритании, 5 апреля 1939 г. // PDD. Styczeń — sierpień. Dok. 180. S. 293–294.

¹¹¹ Отчет посла в Ковно о беседе с министром иностранных дел Литвы, 18 апреля 1939 г. // Ibid. Dok. 204. S. 342–343.

¹¹² Дневник Майского. 24 июня 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Док. 388. С. 497. Использование Майским в своем дневнике термина «Прибалтика» свидетельствовало о сущности советских намерений.

¹¹³ В начале июля 1939 г. латвийский высокопоставленный дипломат следующим образом оценивал ход московских переговоров: «...советская тактика представляет собой явно сознательное выискивание трудностей [это, по его мнению, касается и вопроса гарантий балтийским государствам. — С. Д.], и поэтому следует прийти к заключению, что Советы не видят пользы от заключения какого-либо пакта с Западом и хотели бы сохранить для себя свободу действий» (Запись беседы первого секретаря посольства в Риге с начальником балтийского управления латвийского МИД, 1 июля 1939 г. // PDD. 1939. Styczeń — sierpień. Dok. 375. S. 653).

¹¹⁴ *Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. S. 91.*

¹¹⁵ *Думитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 181–182.*

¹¹⁶ *Halder F. Dziennik wojenny. T. I. Zapis z 22 sierpnia 1939 r. S. 52.*

¹¹⁷ Они описаны подробно в моей монографии (*Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. S. 109–110*).

¹¹⁸ Ibid. S. 146.

4

ПОЛЬША МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ. 1939–1941

Н. С. Лебедева (Россия)

А. Гловацкий (Польша)

Начальный период Второй мировой войны, сложный и драматический, в советской историографии был на задворках научных исследований. Отечественные историки и публицисты вплоть до середины 80-х годов в основном повторяли тезисы пресловутой официозной справки «Фальсификаторы истории». В них не только полностью оправдывались советско-германские договоры 1939 г., отрицалось существование секретных протоколов к ним, но и превозносились предвоенная политика СССР, направленная-де на защиту мира и безопасности страны Советов. Главными же поджигателями войны наряду с Германией назывались Англия, Франция и США¹. Утверждалось, что к 17 сентября 1939 г. Польша как государство перестала существовать, а действия Красной армии на ее территории именовались освободительным походом в Западную Белоруссию и Западную Украину. О сотрудничестве СССР с Германией в период с осени 1939 до июня 1941 г. просто «забыли», как и о четвертом разделе Польши, советизации, депортациях, массовых репрессиях на присоединенных в сентябре 1939 г. территориях.

Определенные изменения в отечественной историографии произошли после XX съезда КПСС, но событий 1939–1941 гг. они почти не затронули. В брежневский же период запрещалась любая критика внешней политики советского государства. В многотомных исторических исследованиях утверждалось, что «Вторая мировая война, порожденная взаимной борьбой капиталистических держав, началась как империалистическая с обеих сторон — и со стороны Германии, и со стороны Англии, Франции»².

Существенные изменения произошли лишь в конце 1980 — начале 1990-х годов. В это время история внешней политики СССР 1939–1941 гг. оказалась в центре внимания и историков, и широкой общественности³. Отмена цензуры, открытие после распада СССР доступа ко многим ранее наглухо закрытым архивам и фондам позволили интенсифицировать научные исследования по данной проблематике. Были выявлены и опубликованы десятки тысяч документов, отражающих

деятельность Сталина, Молотова, Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД, НКГБ и других ведомств в 1939–1941 гг. В вышедшем в свет в двух книгах XXII тома «Документы внешней политики. 1939 год» опубликованы не только советско-германские договоры и секретные протоколы к ним, но и многие материалы, касающиеся их подготовки, других аспектов советско-германских отношений, советизации присоединенных к СССР территорий и др. Том XXIII «Документов...» в двух книгах (2-я — в двух частях) включил документы за 1940 — первую половину 1941 г., причем советско-германские отношения в них занимают видное место. В 1992 г. началась подготовка российскими и польскими исследователями и архивистами четырехтомного издания катынских документов. Вышли в свет и российско-польские тома материалов о польском подполье в СССР в 1939–1941 гг., о депортациях в 1940 г.⁴

Во многих работах, изданных в 1990-е годы, говорилось о четвертом разделе Польши, о судьбе польских военнопленных, массовых репрессиях. И все же процесс признания исторических реалий в СССР и постсоветской России шел с большими затруднениями⁵. Да и сегодня консенсуса в отношении «польской» политики Сталина, как и во многих других вопросах, в российском обществе нет. Достаточно широко бытует мнение, что в августе 1939 г. руководство Советского Союза, не веря, что творцы политики умиротворения — Великобритания и Франция — предпримут решительные шаги для сдерживания нацизма, пошло на заключение договора о ненападении с Германией, выиграв тем самым время для подготовки к войне с ней. Многие в нашей стране согласились бы и с утверждением английского историка Алана Буллока, что раздел Польши позволил русским получить обратно прежние российские территории, аннексированные поляками в 1920 г.⁶

11 апреля 1939 г. Гитлер подписал директиву («план Вайс») о готовности, начиная с 1 сентября, к захвату Польши. 23 мая фюрер заявил на совещании с высшими военными чинами: «Вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает и остается решение: при первом же подходящем случае напасть на Польшу. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до военных действий. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции имеет решающее значение». Выступая 22 августа 1939 г. перед верхушкой командования вермахта, Гитлер четко определил цель — уничтожение Польши. «Речь идет не о достижении определенного рубежа или новой границы, а об уничтожении врага», — подчеркнул он⁷.

У Сталина же были свои далеко идущие планы — собирание потерянных в ходе революции и гражданской войны территорий бывшей Российской империи и взаимное ослабление западных демократий и держав «оси» в результате войны между ними.

Действия гитлеровской Германии и сталинского СССР, заключивших 23 августа 1939 г. договор о ненападении с секретным дополнительным протоколом к нему, были направлены на ликвидацию государственного суверенитета и территориальной целостности четырех стран и, как таковые, грубо нарушали общепринятые нормы международного права.

Именно на конец августа и сентябрь приходится пик тесных отношений между Москвой и Берлином. Готовность к уступкам Кремлю со стороны гитлеровского руководства в это время была наибольшей. Однако по мере решения стоявших пе-

ред рейхом задач происходило и изменение роли, которая отводилась им Советскому Союзу. Заинтересованность его руководства в Советском Союзе с октября 1939 г. становится все меньше, в то время как значение Германии во внешней политике СССР вплоть до осени 1940 г. возрастало.

В соответствии с пожеланиями Берлина 30 августа 1939 г. в советской печати было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось о недостоверности сведений, распространяемых некоторыми западными газетами, будто бы после заключения советско-германского пакта о ненападении от советской западной границы была отведена группировка Красной армии в 200–300 тыс. человек. Напротив, отмечалось в заявлении, советское командование решило усилить состав гарнизонов на западных границах. Тем самым фактически оказывалась помощь вермахту, поскольку Польша не могла сосредоточить все свои силы на западном направлении, осуществлялся нажим на Англию и Францию в направлении изоляции Варшавы, обеспечивалась возможность начать открыто сосредотачивать крупные силы Красной армии на границе с Польшей.

Председатель Совета народных комиссаров (СНК) Вячеслав Молотов 31 августа в своей речи на четвертой внеочередной сессии Верховного совета СССР в связи с ратификацией советско-германского пакта указал, что СССР и Германия «перестали быть врагами», а договор о ненападении между ними «является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы». На следующий день Адольф Гитлер заявил в рейхстаге, что он «может присоединиться к каждому слову, прозвучавшему в речи русского народного комиссара иностранных дел Молотова». Иоахим Риббентроп в свою очередь просил передать советской стороне, что он горячо приветствует сказанное наркомом и очень доволен предельной ясностью его речи⁸.

Намереваясь возложить ответственность за войну на Польшу, Гитлер санкционировал проведение нападения на радиостанцию в немецком городе Глейвице переодетыми в польскую форму эсэсовцами. Вечером 31 августа, застрелив несколько привезенных с собой заключенных, также одетых в польские мундиры, провокаторы передали в эфир выступление на польском языке, в котором говорилось, что пришло время войны против Германии. Тем самым был создан предлог для агрессии против Польши, которая будто бы напала на Германию.

Около 5 часов утра 1 сентября 1939 г. самолеты люфтваффе нанесли удары с воздуха по польским аэродромам, начав массированные военные действия против Речи Посполитой. Полагая, что Великобритания и Франция, предоставившие гарантии независимости Польше, не начнут активные военные действия, германское командование оставило на западе лишь слабый заслон, направив против Польши основные силы — почти 2 млн солдат, что составляло две трети германских сил. Вермахт отличали современный уровень связи, высокое техническое оснащение и моторизация, что в сравнении с польской армией с ее конной тягой увеличивало темпы продвижения в 4–5 раз и облегчало маневры. На Польшу с севера и юга навстречу друг другу наступали пять немецких армий, обладавших подавляющим превосходством сил, особенно в танках и авиации. Основное наступление осуществляла 10-я армия, перед которой была поставлена задача быстро овладеть районом средней Вислы и захватить Варшаву. Действия главной группировки «Юг» с севера прикрывала 8-я армия, наступавшая через Лодзь на Варшаву. В зада-

чу польских войск, растянувшихся более чем на 1500-километровом фронте и насчитывавших до 900 тыс. человек, входило оказание упорного сопротивления противнику, недопущение разгрома до начала действий союзных государств на Западе. Однако для польской стороны события первой недели войны развивались крайне неблагоприятно. Армии и оперативные группы почти везде оставили основную линию обороны, отступая по всему фронту. И все же агрессору не удалось запретить или уничтожить польские силы в большой излучине Вислы, как он планировал.

3 сентября Англия и Франция объявили войну агрессору. В войну вступили и английские доминионы: Канада, Южно-Африканский Союз, Австралия, Новая Зеландия, а также все английские и французские колонии, включая Индию. Однако Англия и Франция не оказали Польше никакой реальной помощи, хотя первое время имели большой перевес в силах на Западном фронте. Французское командование ограничилось тем, что в первые дни сентября провело несколько локальных атак, после чего отвело свои войска на прежние позиции. 12 сентября в городе Аббевиль состоялось заседание Верховного совета союзнических держав, на котором было констатировано, что на данном этапе действий военная помощь Польше не последует.

Фашистская Италия заняла позицию «невоюющего союзника»; Япония заявила, что не будет вмешиваться в войну в Европе; США сообщили о своем нейтралитете. СССР на этой стадии войны уклонился от четкого определения своей позиции.

Тем не менее уже 1 сентября началось военно-политическое сотрудничество СССР с Третьим рейхом. В этот день с согласия главы советского правительства Вячеслава Молотова советская радиостанция в Минске использовалась в качестве радиомаяка для ориентации немецких самолетов, выполнявших боевые действия над территорией Польши. Германия получила согласие Москвы на использование Мурманского порта в качестве перевалочного пункта для немецких товаров и стоянки грузовых и пассажирских судов. Позднее рейху была предоставлена ремонтная база для его подводных лодок и вспомогательных крейсеров⁹. Все эти действия свидетельствовали о серьезных нарушениях СССР нейтралитета в пользу Германии уже в первые дни Второй мировой войны.

3 сентября новый полпред СССР в Берлине Александр Шкварцев, вручая верительную грамоту Гитлеру, произнес речь, составленную в Москве и утвержденную Молотовым. В ней указывалось: «...Народы Советского Союза с глубоким удовлетворением встретили улучшение отношений между Советским Союзом и Германией... Советско-германский договор о ненападении кладет прочную основу для дружественного и плодотворного сотрудничества двух великих европейских государств в экономической и политической областях, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и, отвечая интересам всех народов, служит делу всеобщего мира». Фюрер в ответ заявил, что немецкий народ счастлив, что заключен советско-германский договор о ненападении¹⁰. Он заверил полпреда, что в результате войны будет разгромлена Польша и ликвидировано положение, существовавшее с 1920 г. по Версальскому договору.

4 сентября германский посол в Москве Фридрих Шуленбург передал Молотову основное содержание телеграммы Риббентропа, в которой указывалось, что разгром польской армии займет несколько недель; в результате будут оккупированы области, входящие в сферу германских интересов. Рейхсминистр предлагал выяс-

нить, «не считает ли Советский Союз желательным, чтобы русские вооруженные силы выступили в соответствующий момент против польских вооруженных сил в районе сферы русских интересов и со своей стороны оккупировали эту территорию». Это «освободит нас от необходимости уничтожать остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы», что было бы не только облегчением для немецкой стороны, но «также соответствовало бы духу московских соглашений и советским интересам», — писал Риббентроп¹¹. Намереваясь втянуть СССР в военные операции против Польши, гитлеровское руководство рассчитывало сделать его соучастником нового раздела этой страны и тем самым свести на нет отношения Москвы с Англией и Францией. Видный российский историк Александр Чубарьян отмечает, что «в Берлине, несомненно, отдавали себе отчет о том резонансе, который вызовет в мире фактически новый раздел Польши»¹². Понимая это, советское руководство предпочло оттянуть время введения советских войск в Польшу, пока не станет очевидным ее скорое поражение.

4 сентября Молотов вручил Шуленбургу ответ: «Мы согласны, что в подходящий момент обязательно придется нам начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не назрел». 5 сентября, камуфлируя истинные намерения советского руководства, Молотов сказал польскому послу Вацлаву Гжибовскому: «В войне уже участвуют Германия, Польша, Англия и Франция, а Советский Союз не хочет быть втянутым в эту войну на той или другой стороне»¹³.

Тем не менее советское руководство предпринимало военные, экономические и идеологические меры по подготовке к вступлению частей Красной армии в Польшу с первых дней войны. 1 сентября 1939 г. Верховный совет СССР принял закон о всеобщей воинской повинности; тогда же Политбюро ЦК ВКП(б) решило увеличить количество стрелковых дивизий в РККА с 51 до 173¹⁴. 3 сентября этот же орган продлил на месяц службу в армии для красноармейцев и сержантов, подлежащих демобилизации (всего 310 632 человека), а также предписал поднять на учебные сборы приписной состав Ленинградского, Калининского, Белорусского и Украинского военных округов, частей воздушного наблюдения, связи, транспорта, привести в готовность пункты противовоздушной обороны и т.д.¹⁵. 6 сентября в семи военных округах нарком обороны приказал провести большие учебные сборы, что означало скрытую военную мобилизацию.

8 сентября было утверждено совместное постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о существенном сокращении с 10 по 20 сентября гражданских грузовиков и пассажирских составов, дабы высвободить железную дорогу для военных целей. 10 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) поручило Экономическому совету обеспечить бесперебойное снабжение армии и флота продовольствием, вещевым и другим довольствием, а Комитету обороны — вооружением, техникой, боеприпасами и транспортом. Оба этих органа были расширены путем включения в них самых влиятельных в стране лиц. Их обязали заседать ежедневно¹⁶.

Высшая партийная инстанция приняла и другие меры, связанные с подготовкой так называемого «освободительного похода в Западную Белоруссию и Западную Украину», то есть на те территории, которые в Польше назывались Восточными Кресами. Наркоматам внутренних и иностранных дел было предложено срочно систематизировать сведения о Польше и представить свои записки секретарю

ЦК ВКП(б) Андрею Жданову. В справке, направленной наркомом внутренних дел СССР Лаврентием Берией, характеризовались государственное устройство Речи Посполитой, ее национальный состав, экономика, вооруженные силы, транспорт. Указывалось, что во главе Польши стоит президент, наделенный властью в таких размерах, которые «далеко выходят за пределы функций и прав президента любого буржуазно-демократического государства». Подчеркивалось, что «польская конституция ничего не обещает ни в области социального обеспечения, ни в области охраны труда, она не гарантирует никаких свобод, не запрещает эксплуатации малолетних, не предусматривает никаких обязательств в охране материнства и младенчества». Констатировалось, что население страны составляло 34,5 млн человек, национальные меньшинства, по данным ведомства Берии, составляли 40% (7 млн украинцев, 2 млн белорусов, 3 млн евреев, 1 млн немцев, 100 тыс. литовцев и т.д.). Указывалось, что в Станиславовском, Тарнопольском, Новогрудском, Брестском и Волынском воеводствах поляки составляли менее 25% населения, во Львовском и Виленском — до 50%, в Белостокском — свыше 50%. Тем самым обосновывалась правомерность «возвращения» этих земель в состав советской Украины и советской Белоруссии. Приводились сведения обо всех родах вооруженных сил Польши, о ее оборонительных сооружениях¹⁷.

В документе, составленном Восточноевропейским отделом НКВД, указывалось, что Польша образовалась после Первой мировой войны из частей Австро-Венгрии, Германии, России; при поддержке Антанты она захватила Западную Украину и Западную Белоруссию. «Государственный строй Польши — республика фашистского типа», — утверждалось в справке¹⁸.

Справки о Западной Украине и Западной Белоруссии, о политике польского правительства было поручено подготовить и Исполкому Коммунистического Интернационала (ИККИ). В первые дни войны руководство Коминтерна не усматривало ничего плохого в многочисленных заявлениях компартий в защиту Польши, в осуждении германской агрессии, в призывах сражаться против нацизма и фашизма¹⁹. Однако 7 сентября генеральный секретарь ИККИ Георгий Димитров был вызван к Сталину. «Вождь» разъяснил ему: «Война идет между двумя группами капиталистических стран, ...за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга». Охарактеризовав Польшу как фашистское государство, которое угнетает украинцев, белорусов и др., он пояснил, что уничтожение этого государства означало бы распространение социалистической системы на новые территории и население²⁰. 8 сентября компартиям была направлена директива, в которой подчеркивалось, что начавшаяся война — империалистическая, несправедливая, в ней одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств. «Войну не могут поддерживать ни в одной стране, ни рабочий класс, ни тем более компартии... Война ведется между двух групп капиталистических стран за мировое господство. Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергнувшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности». Несколько дней спустя секретариат ИККИ принял постановление, запрещавшее коммунистам и сочувствовавшим им вступать в легионы, которые начали создаваться в ряде стран для участия в войне против фашистской Германии на стороне Польши²¹.

Советская пресса перепечатывала сводки Верховного командования вермахта (ОКВ) о военных действиях в Польше, приводила подробные изложения речи Гитлера и другие материалы антипольской нацистской пропаганды.

Одновременно с политической подготовкой к вторжению в восточные районы Польши интенсифицировались и военные приготовления. 7 сентября Сталин принял в Кремле военачальников, которым вскоре предстояло играть ключевую роль в «польской» операции. 7–16 сентября были отданы приказы о призыве в армию резервистов пяти военных округов, передислокации многих соединений в направлении западной границы, формировании новых дивизий и корпусов. В составе Киевского особого военного округа (КОВО) и Белорусского особого военного округа (БОВО) создавались мощные группировки войск, переименованные затем в армии. Дополнительно был поднят на учебные сборы приписной состав кораблей Балтийского, Черного, Северного и Дальневосточного флотов (11 915 человек)²². Предпринимались и меры по расширению разведывательной работы, в том числе на флоте.

9 сентября в связи с поступившей из рейха не подтвержденной позднее информацией о занятии германскими войсками Варшавы Молотов направил поздравления и приветствия германскому правительству и передал Шуленбургу, что «советские военные действия начнутся в ближайшие несколько дней». Именно в этот день нарком обороны Климент Ворошилов и начальник Генштаба РККА Борис Шапошников подписали директивы № 16633 Военному совету БОВО и № 16634 Военному совету КОВО о переходе войсками Белорусского и Украинского фронтов в ночь с 12 на 13 сентября 1939 г. советско-польской границы с задачей разгромить польские войска. В них определялись задачи на ближайшие два дня для каждой из армейских групп этих особых округов, на базе которых 11 сентября были сформированы и развернуты Белорусский и Украинский фронты²³. 10 сентября Молотов сообщил Шуленбургу, что уже мобилизованы 3 млн человек²⁴.

8 сентября Берия подписал распоряжения о создании в КОВО и БОВО 9 оперативных групп по 50–70 чекистов в каждой, придававшихся армейским группам. При этом нарком внутренних дел Украинской ССР Иван Серов должен был держать связь с Никитой Хрущевым и командующим войсками КОВО (затем Украинского фронта) Семеном Тимошенко, нарком внутренних дел Белорусской ССР Лаврентий Цанава — с Пантелеймоном Пономаренко и командующим войсками БОВО Михаилом Ковалевым. В распоряжение каждой оперативной группы чекистов выделялось по 300 бойцов. Для проведения всех необходимых мероприятий на Украину направлялся первый заместитель Берии начальник Главного управления госбезопасности Всеволод Меркулов, в Белоруссию — начальник Особого отдела НКВД СССР Виктор Бочков²⁵. Продвигаясь вместе с армейскими группами, они должны были создавать в каждом населенном пункте органы власти (временные управления) и отделы НКВД, обеспечивать там порядок, пресекать «подрывную работу». Оперативные группы должны были арестовывать «наиболее реакционных» представителей администрации, руководителей политических партий, белоэмигрантских организаций, агентуры жандармерии, полиции и «двуйки» (2-го контрразведывательного управления польского Генштаба); занять тюрьмы, обеспечив строгий режим содержания заключенных. У населения планировалось изъять не только оружие и взрывчатку, но и радиоприемники.

Сообщения о том, что Варшава все еще держится, привели к отсрочке перехода частями Красной армии советско-польской границы. 10 сентября Молотов сказал Шуленбургу, что правительство СССР намеревается заявить, что в результате наступления германских войск Польша перестала существовать²⁶ и поэтому Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. «Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором», — заметил нарком²⁷.

Успех германского наступления побудил Молотова сообщить 14 сентября Шуленбургу, что «Красная армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного срока. Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защита русских “меньшинств”), было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши — Варшава»²⁸. На следующий день Риббентроп ответил, что падение Варшавы — вопрос нескольких дней. В то же время он отверг советский тезис о необходимости защиты украинского и белорусского народов от Германии и направил в Москву проект двустороннего коммюнике, в котором указывалось: «Ввиду очевидного раскола среди национальностей, проживающих на территории бывшего польского государства, Правительство Рейха и Правительство СССР считают необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей задачей восстановить мир и порядок в их естественных сферах влияния и достичь этого нового порядка созданием естественных границ и жизнеспособных экономических организаций»²⁹. Этот текст как бы ставил знак равенства между действиями Германии и СССР и, как таковой, был неприемлем для Москвы. Молотов сказал Шуленбургу, что советская сторона вообще сомневается в необходимости коммюнике. Наилучшим же объяснением своих действий она считала аргументы о прекращении существования польского государства и необходимости защитить украинских и белорусских братьев. Понимая озабоченность Берлина, Молотов согласился отказаться от аргумента о защите от германской угрозы. Обсуждение текста коммюнике продолжилось и после перехода советскими войсками границы с Польшей.

Концентрация соединений РККА у советско-польской границы вызвала озабоченность в мире. 11 сентября посол Франции в Москве Ж. Пайяр пытался выяснить у заместителя наркома иностранных дел Владимира Потемкина, что означает производимая в СССР «частичная мобилизация». О том, что французское правительство считает возможным оккупацию части Польши Советским Союзом, сообщил 14 сентября Яков Суриц. В этом случае «гарантия, данная Польше, будет, естественно, и против СССР», — уточнял он. Особое возмущение у мировой и, в частности у французской, общественности вызвала опубликованная 14 сентября в «Правде» статья «О внутренних причинах военного поражения Польши»³⁰.

14 сентября Сталин принял решение о нападении на Польшу 17 сентября. В этот же день Ворошилов и Шапошников направили директивы Белорусскому и Украинскому фронтам начать наступление советских войск в 5.00 17 сентября³¹. На Белорусском фронте (командующий — командарм II ранга Ковалев) должны были

действовать четыре армейские (Полоцкая, Минская, Дзержинская, Бобруйская) и одна конно-механизированная группы. Боевой приказ № 01 Белорусского фронта был отдан в ночь на 15 сентября. В нем определялась «ближайшая задача фронта — уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее Литовской границы и линии Гродно — Кобрин»³² (выделено мной. — Н. Л.). Этих целей мыслилось достичь путем нанесения польской армии сильного удара центром фронта в общем направлении на Гродно — Волковыск. Планировалось полностью отрезать «виленский коридор» от центральных районов Польши. Конкретные оперативные задания получила и каждая из армейских групп БОВО: Полоцкая к исходу 18 сентября должна была овладеть районом Свенцяны — Михалишки и далее двигаться на Вильно; Минская — прорвав фронт, к этому же сроку выйти в район Ошмяны — Ивье, оказав затем частью ее соединений помощь Полоцкой группе в овладении Вильно, а остальными силами наступать на Гродно; Дзержинская — продолжать сосредоточение на границе; конно-механизированная группа «обязывалась мощным ударом по войскам противника разгромить их, наступая в направлении на Новогрудок, Волковыск, и к исходу 18 сентября выйти на р. Молчадь, ...в дальнейшем двигаться на Барановичи, нанести удар на Волковыск»³³. Бобруйской группе к исходу 17 сентября следовало выйти на подступы к Барановичам. 23-й стрелковый корпус и Днепровская флотилия обеспечивали стык с Украинским фронтом и в течение двух дней должны были овладеть Лунином³⁴.

В составе Украинского фронта, которым командовал Тимошенко, действовали три армейские группы. Правое крыло фронта составляла Шепетовская (Северная) группа (командующий — комдив Иван Советников). Она была развернута на фронте в 250 км и должна была к исходу 17 сентября занять Ровно, Дубно, 18 сентября — район Луцка и затем наступать на Владимир-Волынский³⁵. Именно эта армия впоследствии взяла в плен наибольшее количество польских военнослужащих — 190,5 тыс. человек. В центре Украинского фронта на участке около 90 км разместились Волочискская (впоследствии Восточная) группа (командующий — комкор Филипп Голиков). Ей следовало нанести 17 сентября мощный удар по польским войскам в районе Тарнополя, на следующий день выйти в район Буска, Перемышлян, Бобрки с дальнейшей задачей овладеть Львовом. Перед Каменец-Подольской (Южной) группой (командующий — командарм II ранга Иван Тюленев), развернутой в радиусе около 70 км в направлении на Станиславов и Дрогобыч, ставилась цель: разгромить противостоявшие ей части противника и к исходу 17 сентября выйти на р. Стрыпа, 18 сентября овладеть районом Галича, Станиславова и далее наступать на Стрый и Дрогобыч, отрезая противнику пути отступления в Румынию и Венгрию³⁶.

Итак, документы свидетельствуют о том, что был разработан детальный план военной кампании и отданы конкретные приказы о ведении наступательных боевых действий против соседнего суверенного государства. Перед войсками стояла задача не освобождения и защиты украинского и белорусского населения, для чего было достаточно просто оттеснить из этих районов польские части в Румынию и Венгрию, а сокрушительного и полного разгрома польской армии, в которой сталинское руководство на протяжении многих лет видело потенциального противника.

К 16 сентября германские войска оккупировали почти половину территории Польши. Все еще оборонялись Варшава и Модлин, продолжались битва на р. Бзуре

и оборона морского побережья. Шли упорные бои на Люблянщине, защищался Львов. Предпринимались меры для упрочения так называемого румынского передового укрепления. В рядах Войска Польского в это время находились около 600 тыс. военнослужащих, из них 250 тыс. продолжали сражаться с немцами.

17 сентября в 2 часа ночи Сталин принял Шуленбурга и сообщил, что Красная армия перейдет в 6 утра границу с Польшей на всей ее протяженности. Он прочитал ему текст ноты советского правительства Польше и с готовностью внес в него коррективы с учетом пожеланий посла. В окончательном варианте в ноте указывалось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР»³⁷. Во избежание инцидентов Сталин просил срочно позаботиться, чтобы немецкие самолеты не летали восточнее линии Белосток—Брест—Литовск—Львов, поскольку советские самолеты начнут с этого дня бомбардировать район восточнее Львова³⁸.

В 3 часа ночи 17 сентября заместитель наркома иностранных дел Владимир Потемкин попытался вручить текст ноты поднятому с постели польскому послу Гжибовскому. Как докладывал Сталину Потемкин, после прочтения ноты «посол, от волнения с трудом выговаривавший слова, заявил мне, что не может принять вручаемую ему ноту... Он отвергает оценку, даваемую нотой военному и политическому положению Польши. Посол считает, что польско-германская война только начинается и что нельзя говорить о распаде польского государства. Основные силы польской армии целы и готовятся к решительному отпору германским армиям. При этих условиях переход Красной Армией границы является ничем не вызванным нападением на республику... Если он произойдет, это будет означать четвертый раздел Польши». Задержав посла под предлогом, что ему надо связаться с Молотовым, Потемкин направил сотрудника своего секретариата с советской нотой в польское посольство³⁹.

Гжибовский был прав — текст советской ноты не соответствовал реальному положению дел. Капитуляция Варшавы была подписана лишь 28 сентября, группировка «Полесье» держалась до 5 октября. Польский президент, правительство и главное командование находились в это время в стране и даже пытались осуществить перегруппировку войск. Как следует из обзора, составленного начальником штаба КОВО Николаем Ватутиным, на восточный берег Вислы и Сана отводились польские армии, которые действовали на западе; в район Брест-Литовска — те части, что были на северо-востоке с задачей обеспечить связь с Румынией; перед армией генерала Тадеуша Кутшебы, находившейся в окружении, ставилась задача прорваться на юго-восток. Для того чтобы обезопасить армию от возможного окружения, командованию 9-го корпуса поручалось создать заградительную линию Пинск — Брест-Литовск. Одновременно в Ровно, Ковель, Луцк и Дубно были посланы высшие армейские чины с заданием сформировать новые части. «Но пере-

ход войсками Украинского фронта границы сорвал эти намерения», — констатировал Ватутин⁴⁰.

Введя на рассвете 17 сентября без объявления войны части Красной армии на территорию Польши, санкционируя боевые действия против ее армии, сталинское руководство тем самым нарушило: договор о мире с этой страной, подписанный 18 марта 1921 г. в Риге; протокол от 9 февраля 1929 г. о досрочном введении в силу пакта Бриана — Келлога, запрещающего использование войны как инструмента национальной политики; конвенцию об определении агрессии 1933 г.; договор о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г. и протокол, продлевавший действие этого договора до 1945 г.; совместное коммюнике, опубликованное польским и советским правительствами в Москве 26 ноября 1938 г., в котором вновь подтверждалось, что основой мирных отношений между двумя странами является договор о ненападении 1932 г. Отсутствие формального объявления войны как со стороны СССР, так и со стороны Польши не изменило факта, что вторжение крупными силами Красной армии на территорию суверенного государства означало состояние войны между этими странами.

17 сентября представителям 24 государств были вручены ноты, в которых указывалось, что в отношении с ними СССР будет проводить политику нейтралитета. В этот же день Молотов обратился по радио «к гражданам и гражданкам Советского Союза». Повторив вновь тезис о «несостоятельности» польского государства, он добавил и новые аргументы: местопребывание польского правительства неизвестно, прежние договоры утратили силу, а по сему СССР решил подать «руку помощи своим братьям» — украинцам и белорусам, живущим на польских территориях. Свою специфику имела пропаганда в РККА. В ней делался акцент на «революционной, наступательной войне», цель которой — избавление от капиталистического гнета братских народов — украинцев и белорусов, которые длительное время находились «в ярме польских панов»⁴¹.

С первых дней в операции Красной армии были задействованы 28 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад и 7 артиллерийских полков. В общей сложности в них насчитывалось более 466 тыс. человек, около 4 тыс. танков, свыше 5,5 тыс. орудий и 2 тыс. самолетов⁴². Эти соединения по своей мощи превосходили все Войско Польское. Непосредственно же на границе войскам Украинского фронта могли противостоять лишь польские части Корпуса охраны пограничья (КОП). Довольно хорошо укрепленным рубежом был район Сарны, защищаемый сводным отрядом в 10 тыс. человек. В Ровно находились на переформировании остатки 7-й, 8-й и 11-й польских дивизий. Местом сбора небоеспособных частей и создания на их базе новых соединений служили Ковель и Дубно. В районе Тарнополья концентрировалось 6 пехотных дивизий, потерявших в боях с вермахтом значительную часть своего состава. Львов защищала от наступавших германских частей группа генерала В. Лянгнера в 15 тыс. штыков и сабель. Всего же в восточных воеводствах к 15 сентября находилось около 340 тыс. польских солдат и офицеров, 540 орудий, более 70 танков⁴³.

Вторжение советских войск на территорию Польши вызвало шок на Западе. Советский Союз обвиняли в интервенции, агрессии, связывая его акцию с сущностью советского режима, с имперскими амбициями. Глава французского прави-

тельства Эдуард Даладь вызвал к себе советского полпреда Якова Сурица и заявил ему, что в «поразивших всех» действиях СССР он усматривает кричащее противоречие с «ранее объявленным нейтралитетом». По его выражению, «для французского правительства решающим являлся вопрос: имеет ли оно перед собой единый германо-советский фронт, общую акцию или нет?»⁴⁴. После опубликования советско-германского коммюнике последние сомнения рассеялись. Однако правящие круги Англии и Франции не распространили данные Польше гарантии на нарушение ее целостности со стороны СССР и отвергли все попытки побудить их к разрыву отношений с Москвой, дабы не «бросить СССР в объятия Германии». При этом Париж и Лондон приводили в качестве аргумента довод, что границей, установленной союзниками, всегда являлась «линия Керзона», рубежи же, определенные Рижским договором, только много лет спустя были зарегистрированы конференцией посланцев и то лишь под «ответственностью сигнаторов»⁴⁵.

Для правительства и верховного военного командования Польши вступление на ее территорию Красной армии явилось полной неожиданностью. Полагая, что советские войска вводятся для того, чтобы не позволить вермахту оккупировать значительную часть их страны, и исходя из того, что борьба на два фронта невозможна, польское руководство решило сражаться только против гитлеровцев. Армия, как правило, выполняла приказ своего главнокомандующего Эдварда Рызд-Смиглы, предписывавший с Советами боевых действий не вести, за исключением случаев их попыток разоружения польских частей. Соединения, к расположению которых подошли советские части, должны были вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию⁴⁶.

Польский посол в Париже Юлиуш Лукаевич прозондировал намерение польского правительства объявить «состояние войны» с СССР. Однако ему было сказано, что «это поставило бы в исключительно трудное положение Париж и Лондон, которые хотят избежать осложнений и не смогут последовать за польским правительством»⁴⁷.

17 сентября, выступая по радио, Молотов подчеркнул, что польское государство обанкротилось и фактически перестало существовать. На следующий день было подписано советско-германское коммюнике, составленное Сталиным, в котором прямо говорилось об общей задаче СССР и Германии в войне против Польши. Указывалось, что она «состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»⁴⁸. Фактически же Польша устранялась как независимое государство.

Как свидетельствовал военный атташе Германии в Москве Э. Кёстринг, реальным и протекавшим безукоризненно на всех уровнях было и военное сотрудничество между СССР и Германией⁴⁹, в первую очередь во время боевых действий советских и германских частей в Польше с 17 сентября по 6 октября 1939 г.

В 5 часов утра 17 сентября войска Белорусского фронта перешли границу и стали почти беспрепятственно продвигаться на запад на 50–70 км в день. При этом Полоцкая группа, разгромив отряды КОП, к вечеру следующего дня заняла Свеняны и вышла в район Постава. Минская группа овладела к 15.00 Молодечно, к исходу следующего дня — укрепленным районом по линии Ошмяны — Курмеля-

ны — Гольяны⁵⁰. Дзержинская КМГ взяла без боя Барановичский укрепрайон, заняла Новогрудок, к вечеру следующего дня вышла на железнодорожную линию Вильно — Барановичи. Бобруйская группа 17 сентября в 17.00 достигла Барановичей, на следующий день вышла в район юго-западнее города Слоним⁵¹. В ночь с 17 на 18 сентября войска Белорусского фронта начали Виленскую операцию. Охватив Вильно с севера частями Полоцкой и с юга Минской группы, 18 сентября в 11.30 танковые части ворвались в город. В плен было взято 10 тыс. польских военнослужащих. К утру 19 сентября войска фронта вышли на линию литовской границы Вильно—Лида—Волковыск—Ружаны—Ивацевичи. После этого командование приостановило движение двух правофланговых армейских групп, приказав выставить стрелковые заставы на литовской и латвийской границах. С вечера 19 сентября части Белорусского фронта приступили к установлению связи с германскими войсками на линии Сопоткин—Белосток и овладению Кобрином. 22 сентября в ходе массированных атак они сломали упорное сопротивление защитников Гродно, отбивших несколько танковых атак, ведших ружейно-пулеметный огонь с чердаков домов, бросавших бутылки с зажигательной смесью в танки⁵². 21—22 сентября советские войска вошли в соприкосновение с германской армией, и части вермахта начали отход на запад, а РККА, держа дистанцию в 25 км, стала выдвигаться на демаркационную линию. К 30 сентября войска Белорусского фронта полностью выполнили поставленную перед ними задачу⁵³.

Армейские группы Украинского фронта также перешли границу в 5.00 17 сентября и, не встречая серьезного сопротивления, стали быстро продвигаться вперед. Наиболее широким — в 230 км — фронтом наступала Шепетовская (Северная) группа. К исходу дня она форсировала р. Горынь и 18 сентября заняла Ровно⁵⁴. Восточная армейская группа (ВАГ) в 5.00 форсировала р. Збруч и перешла «в решительное наступление по всему фронту». 18 сентября был занят Золочев. Южная группа (будущая 12-я армия), форсировав р. Збруч и р. Серет, к концу дня овладела г. Чортковом, вышла на р. Стрыпа. Левый фланг группы продвинулся до р. Днестр⁵⁵. 19 сентября советские части вошли в Сокаль, Броды, Бобрку, Рогатин, Долину, вышли на окраины Львова. Командующий фронтом направил Сталину, Молотову, Ворошилову, Шапошникову боевое донесение: «В 24.00 19 сентября 36-я танковая бригада заняла Владимир-Волинский. Взято в плен 6 тыс. пленных и много трофеев». Согласно сводке Генштаба РККА, с 17 по 21 сентября в плен было взято 120 тыс. человек⁵⁶.

Через два часа после перехода Красной армией польской границы германские войска получили приказ «остановиться на линии Сколе—Львов—Владимир-Волинский—Белосток». А уже на следующий день командование Украинского фронта передало штабам всех трех армейских групп: «1. Главное командование германских войск приказало своим войскам в случае приближения советских самолетов показывать следующие знаки: а) выкладывать белые полотнища, по возможности в виде свастики; б) пускать зеленые и красные ракеты попеременно. 2. К исходу дня 17.9.39 германские войска занимали следующую линию: а) 18-й корпус правым флангом юго-восточнее г. Самбор, большими частями на запад от Львова. Львов окружен войсками; б) 17-й корпус правым флангом восточнее Яворова, левый фланг — Вишинька; в) 20-й корпус по дороге Томашов — Любичев — Рава-Русская, часть в

Комарно; г) 7-й корпус — Янов; д) 4-й корпус — Гельчев (30 км юго-восточнее Люблина); е) 19-й корпус — Словатище (40 км южнее Брест-Литовска), большими частями в самом Бресте; 21-й корпус — Заблудов, Белосток. 3. При сближении советских войск с германскими германское командование просит наши части не наступать ночью во избежание всевозможных случайностей. 4. Главное командование германских войск выпустило воззвание, в котором говорится (суть воззвания, не дословно): “Армия Советского Союза перешла западную границу. Скоро нужно ожидать встречи частей обеих стран на остановившейся линии. При встрече частей обеих сторон от каждого батальона германских войск выделяется один офицер и объявляет — германская армия приветствует армию Советского Союза. Как офицеры, так и солдаты германской армии желают быть в хороших отношениях с вами. От Красной армии также ожидают в дальнейшем таких же отношений...”. Начальник штаба КОВО комдив Ватутин»⁵⁷.

Следует заметить, что в Москве были встревожены сведениями, полученными из Берлина. Там начальник оперативного штаба вермахта генерал Варлимонт показал советскому военному атташе карту, на которой будущая граница проходила вдоль Вислы через Варшаву, но далее отличалась от договоренностей секретного протокола и оставляла Львов на германской стороне. Молотов заявил решительный протест Шуленбургу. По поручению Сталина он еще раз обратился к германскому послу с предложением провести в Москве переговоры о судьбе польского государства и об окончательной демаркации советско-германской границы по линии Писса—Нарев—Висла—Сан. Через несколько часов Молотов уточнил, что и он, и Сталин не могут согласиться с демаркационной линией, проходящей по городам Перемышль—Турка—Изотк—Пасс—Ужокский перевал. Молотов заявил Шуленбургу, что советское правительство настаивает на линии по верховьям р. Сан, поскольку это — украинская территория, но оно «готово уступить Сувалки и окрестности железной дороги, но не Августов». В результате германское руководство согласилось с требованиями Москвы⁵⁸.

20 сентября была установлена демаркационная линия по рекам Писса, Нарев, Висла, железной дороге вдоль р. Сан, а на следующий день подписан протокол, зафиксировавший порядок и временные параметры отхода германских войск на запад до установленной линии: отход должен был завершиться к 4 октября⁵⁹.

К этому времени части РККА занимали рубеж Ковель—Владимир-Волынский—Сокаль—предместья Львова. Характерно, что германским войскам, в течение десяти дней окружавшим Львов, не удалось заставить город капитулировать даже под угрозой его разрушения артиллерией и бомбежками с воздуха. В боях за Львов в ряде случаев германские и советские части обстреливали друг друга. Ситуацию пытался «разрулить» германский военный атташе Э. Кёстринг, который в 00.30 20 сентября сообщил советскому командованию по телефону: «1. Восточнее Львова советские танки столкнулись с немецкими войсками. Есть жертвы. Идет спор о том, кто должен занять Львов. Наши войска не могут отходить, пока не уничтожены польские войска. 2. Германское командование просит: а) Принять меры к урегулированию этого вопроса путем посылки туда делегата; б) Иметь на танках какие-то отличительные знаки; в) С осторожностью подходить к демаркационной линии». Через час Кёстринг от имени германского командования просил отменить

наступление советских танковых войск на город; в 11.20 — предложил взять Львов совместным штурмом частей вермахта и РККА, а затем передать его советской стороне⁶⁰.

Однако Москва настаивала на своем и в соответствии с достигнутым соглашением германские части начали отходить на запад. Их место занимала Восточная армейская группа, получившая приказ овладеть Львовом к исходу 19 сентября. В районе м. Красное наступавшие части встретились с сильным сопротивлением со стороны польских войск генерала Вильгельма Орлик-Рюкемана. В результате к вечеру советские соединения смогли выйти лишь к окраинам Львова, но не овладеть им. На помощь гарнизону Львова прорывалась группировка генерала Казимежа Соснковского; из города на помощь ей была направлена часть сил. Однако подход к Львову крупной группировки советских войск лишил оборонявшихся последней надежды. К тому же 20 сентября стало известно, что германские войска разбили дивизии Соснковского. Отходившие польские части в районе Лашки Муроване наткнулись на красноармейские соединения. Последние завершили начатое немцами дело, взяв в плен большое количество польских военнослужащих. Сам генерал Соснковский с частью войск ушел в Венгрию. 21 сентября по войскам Восточной армейской группы был отдан приказ: «Противник удерживает последний опорный пункт на своей территории — г. Львов. Обороной города руководит фашистская организация. Принцип обороны — круговой, с уличными баррикадами и частично минированными проездами... Восточная группа войск в 9.00 22.09.39 атакует противника с задачей сломить его сопротивление, принудить сложить оружие и сдать-ся»⁶¹. Ставилась задача не только занять город, но и отрезать пути отступления полякам на запад. Однако приказ выполнять не пришлось. Тимошенко и Хрущев сообщили Сталину, Молотову, Ворошилову и Шапошникову: «В результате новых боев в городе в 8.40 22 сентября начальник гарнизона Львова генерал Лянгнер явился лично на командный пункт командующего Восточной группой т. Голикова и сдал нам город Львов. ...В городе Львове нет воды и хлеба. Принял меры к полному удовлетворению населения питанием»⁶².

В соответствии с условиями сдачи города польскому гарнизону была гарантирована возможность уйти в Румынию или Венгрию. Однако обещания не были выполнены. Большинство офицеров — свыше 2 тыс. человек — вскоре оказались в лагере для военнопленных в Старобельске и в апреле — мае 1940 г. вместе с другими его обитателями были расстреляны по решению Политбюро от 5 марта 1940 г.

Решительно пресекался переход поляками границы и в других операциях. 19 сентября Тимошенко приказал командующему погранвойсками КОВО комдиву Василию Осокину: «Немедленно закрыть госграницу на указанном участке [по р. Збруч и к западу. — *Н. Л.*] Не допустить ни в коем случае ухода польских солдат и офицеров из Польши в Румынию»⁶³. Ворошилов потребовал от командования КОВО разъяснений, почему не прикрыт участок границы близ г. Коломыя (Кутно), через который польские части переходят в Румынию. Заместитель наркома обороны Григорий Кулик в докладе Сталину, Молотову и Ворошилову также рекомендовал срочно направить в район действия Южной группы дополнительную сильную оперативную группу НКВД. Он полагал, что действия «разрозненных банд» в районе румынской и венгерской границ могут перерасти в партизанские действия,

если не очистить эти территории. Беспокоила Кулика и проблема создания администрации в занятых областях. «В связи с быстрыми темпами нашего продвижения местность оказалась неосвоенной, польская армия, бросив оружие, распозлзлась по селам», — сообщал замнаркома⁶⁴.

Ввиду сближения немецких и советских войск потребовалась большая координация действий вермахта и РККА. В этих целях в Москве 20–21 сентября прошли переговоры, в которых с советской стороны приняли участие К. Ворошилов и Б. Шапошников, с германской — военный атташе Э. Кёстринг, его заместитель Х. Кребс и военно-воздушный атташе Г. Ашенбреннер. В итоге переговоров вермахт взял на себя обязательство воспрепятствовать «возможным провокациям и акциям саботажа со стороны польских банд и тому подобных» в передаваемых Красной армии городах и деревнях; командование же Красной армии обязывалось в случае необходимости выделять «силы для уничтожения частей польских войск или банд на направлении отвода германских войск в оккупируемую ими зону»⁶⁵.

20 сентября нарком обороны Ворошилов приказал командующим Северной, Восточной и Южной армейскими группами остановиться на зафиксированной к 20.00 этого дня линии с тем, чтобы начать движение вперед вновь с утра 23 сентября⁶⁶. 22 сентября комбриг Александр Василевский лично передал по прямому проводу, а Ватутин принял следующую директиву наркома обороны: «Первое. Части германской армии по договоренности с нами, начиная с 22 сентября, отводятся на разграничительную линию между германскими войсками и Красной армией, а именно западный берег реки Писса до ее устья, западный берег реки Нарев до ее устья, западный берег реки Буг до ее устья, западный берег реки Висла до устья реки Сан, западный берег реки Сан до ее истоков...

Второе. Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т.п. германское командование принимает необходимые меры в городах и местечках, которые переходят к частям Красной армии, к их сохранности и обращает особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные оборонительные и хозяйственные сооружения... были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной армии.

Третье. Приказываю войскам Белорусского и Киевского Особых военных округов с рассветом 23 сентября начать движение к указанной разграничительной линии, руководствуясь следующим: а) движение войск организовать с таким расчетом, чтобы имела дистанция между передовыми частями колонн Красной армии и хвостом колонн германских частей в среднем до 25 км с тем, чтобы выйти к вечеру 29 сентября на восточный берег реки Писса и к вечеру 1 октября — на восточный берег реки Нарев... б) для разрешения вопросов, могущих возникнуть при совершении передвижения войск и при передаче германскими частями и приеме частями Красной армии районов, пунктов, городов и т. п., выделить на каждой основной магистрали движения наших войск специальных делегатов в составе представителя штаба дивизии или политотдела, дивизии или танковой бригады, которым связаться с делегатами отводимых германских частей и выяснять и регулировать все возникающие вопросы. Этим делегатов персонально назначить Военным советом армии, проинструктировать и фамилии их сообщить Военному совету округа и мне.

Четвертое. *При обращении германских представителей к командованию Красной армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, командование Красной армии, начальники колонн, в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на их пути движения...»⁶⁷ [выделено мною. — Н. Л.].*

Таким образом, приказ наркома предусматривал не только координацию действий армий двух государств, но и оказание частями РККА боевого содействия вермахту в его борьбе с польскими вооруженными силами.

Выполнению приказа уделялось большое внимание, тем не менее отдельных инцидентов избежать не удалось. 20 сентября восточнее Львова германская артиллерия подбила несколько двигавшихся в колонне советских танков. 23 сентября части 10-й танковой дивизии генерала Шаала по ошибке вели бои с советской кавалерийской частью. С другой стороны, советские войска обстреляли немецких солдат при их отходе от Львова, в связи с чем германское командование предъявило свои претензии. Шапошников потребовал от командующих БОВО и КОВО уточнить, доведена ли директива Ворошилова до войск. На место происшествия выехали Кёстринг и Ватутин⁶⁸. 24 сентября германский военный атташе сообщил в отдел внешних сношений Наркомата обороны: «Командир 28-го стрелкового корпуса генерал Бейер встретился лично с комкором Ивановым [комендантом Львова. — Н. Л.] от стрелкового корпуса частей Красной армии, находящихся подо Львовом. Теснейшая связь между обоими командующими, так же, как между командирами частей, которые сговорились во всех подробностях в товарищеском духе, восстановлена»⁶⁹. Аналогичное донесение направил и Ватутин.

После взбучки от Наркомата командование ВАГ проявляло еще большую заботу о боевом взаимодействии с вермахтом. Начальник штаба Савинов и военком Детухин сообщили Ватутину, что их представители Шипов и Демьянов ночью согласовали с германским командованием рубежи движения и для предотвращения новых инцидентов оставили у них офицера связи. «Немцы предлагают войти с ними в связь по радио, для чего прислали позывные и волны. Вообще их поведение вежливо-назойливое», — писали начштаба и военком ВАГ⁷⁰. Но «вежливо-назойливое поведение» германского командования не препятствовало ему обманывать своего новоиспеченного союзника. Из Стрыя они вывезли все, что могли, даже мебель. Надеясь отправить из Дрогобыча в Германию как можно больше нефти, задерживали передачу этого района РККА. Командующий Южной группой вынужден был направить протест против нарушения плана отвода войск. Указывалось, что 24 сентября по графику германская сторона должна оставить Дрогобыч, Борислав и Самбор. Считаясь с просьбой германского командования, Тюленев согласился отодвинуть передачу г. Самбора с 24 на 25 сентября, но настаивал на немедленном отводе частей вермахта из Дрогобыча.

Правда, требовательный тон был скорее исключением, нежели правилом. Преваляло подобострастное отношение к немцам, все желания которых удовлетворялись, и притом немедленно. Отклонив претензии Риббентропа на нефтеносный район Дрогобыча, Сталин в то же время обязался поставлять Германии по 300 тыс. т нефти ежегодно. Примечательны и такие факты: нарком обороны при-

казал военным советам Северной, Восточной и Южной групп, вступающим на Вольшь и в Галицию, проявлять максимально доброжелательное отношение к колонистам немецкого происхождения. Запрещалось проводить у них реквизиции, фураж и продовольствие следовало закупать только за наличные деньги по ценам местного рынка⁷¹. По отношению к украинским, белорусским, еврейским и тем более польским служителям культа и промышленникам такой предупредительности конечно же не проявлялось. Большинство из них вскоре оказались в тюрьмах или лагерях.

Однако заботой о колонистах, служителях культа, концессионерах дело не ограничивалось. 23 сентября во Львов прибыла делегация из четырех германских офицеров, сообщивших, что западнее г. Грубешова собираются крупные силы поляков (до трех пехотных, четырех кавалерийских дивизий, а также артиллерия). Было сказано, что германское командование собирается нанести удар во фланг танками в северном направлении по грубешовской группировке. «Одновременно предлагают, — указывал комдив Иванов в донесении командующему КОВО, — чтобы мы участвовали в совместном уничтожении данной группировки. Штаб немецких войск находится в Грудек-Ягельонский, куда просим выслать нашу делегацию». На документе Тимошенко написал: «Подобное для разговоров в большом штабе, но не для меня»⁷². Видимо, в «большом штабе» идея германского командования о совместной операции нашла благожелательный отклик. Во всяком случае, 8-й стрелковый корпус был направлен в район Грубешова, где вступил в бой с польскими частями. Утром 24 сентября командарм ВАГ отдал командирам 2-го конного корпуса, 10-й танковой бригады и 99-го стрелкового корпуса следующий приказ: «По данным немецкого командования, в районе Замостье, Томашов, Грубешов группируются крупные силы поляков. По данным Генштаба, 23.9 в районе Томашов поляки нанесли контрудар против немецких частей. 8-й с.к. Северной группы 23.9 к исходу дня между Грубешов и Сокаль вошел в соприкосновение с неустановленными силами противника. Приказываю: 1. 2 к.к. с 24-й т.б. к 16.00 24.9 занять район Туринка, Добросин, Жулкев, имея передовые отряды ст. Липник, Магерув, Вишинька, Велька. Вести разведку в направлениях на Кристинополь, Белз, Угнув. При обнаружении значительных сил противника перед фронтом 8 с.к. атаковать и пленить их. Не допускать также попыток противника прорваться из указанного района на Львов, Каменка»⁷³. Оперативная сводка за 24 сентября также отмечала, что 2-й конный корпус с 24-й бригадой после суточного отдыха был выдвинут в район Туринки, Добросина, Жулкева для оказания помощи 8-му стрелковому корпусу Северной группы, который в тот же день форсировал р. Буг и захватил Грубешов⁷⁴.

Учитывая относительно широкое признание «линии Керзона» международной общественностью как оправданной границы между Польшей и Россией, а также будучи заинтересованным в присоединении к СССР всех трех стран Балтии, Сталин 25 сентября в беседе с Шуленбургом выразил готовность передать Германии Люблинское и часть Варшавского воеводства в обмен на Литву. Об этом же он говорил с Риббентропом, прибывшим в Москву 27 сентября⁷⁵.

В подписанном 28 сентября в Москве Риббентропом и Молотовым Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией устанавливалась окончательная граница обоюдных государственных интересов на территории «бывшего польского

государства», а государственное переустройство, осуществлявшееся к западу от установленной линии Германией и к востоку — Советским Союзом, рассматривалось «как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами». К договору прилагалось несколько секретных протоколов, которые предусматривали взаимный обмен населением на территориях, отошедших к Германии и к СССР, и гарантировали, что «обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны»⁷⁶.

В совместном публичном советско-германском заявлении правительства двух стран объявляли, что, урегулировав «вопросы, возникшие в результате распада Польского государства», они тем самым «создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе». Декларировалось намерение добиваться окончания войны, в случае же безуспешности их усилий ответственность за ее продолжение возлагалась на Англию и Францию. При таком варианте развития событий стороны грозились «консультироваться друг с другом о необходимых мерах»⁷⁷. Молотов, выступая 31 октября на пятой сессии Верховного совета СССР, заявил, что понятие «агрессор» неприменимо к Германии, добавил: «Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за “демократию”». Вслед за этим Сталин указал в интервью газете «Правда», что «не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну»⁷⁸.

И все же отказ от присоединения к СССР областей центральной Польши был с облегчением воспринят на Западе. Там, по выражению посла Франции в Москве П. Наджиара, отдали должное «мудрости советского правительства, сумевшего найти неуязвимое разрешение вопроса о Западной Украине и Западной Белоруссии и воздержавшегося от присоединения территорий, заселенных преимущественно поляками»⁷⁹. Политические деятели Великобритании, включая Уинстона Черчилля, не раз заверяли советского полпреда Ивана Майского, что между Великобританией и СССР нет никаких существенных вопросов, касающихся польского конфликта. Министр иностранных дел Галифакс, выступая 26 октября в Палате лордов, указал, что, по мнению британского правительства, Советский Союз, занимая в сентябре 1939 г. значительные территории, продвинулся в принципе до той линии, которая в свое время была рекомендована лордом Керзоном⁸⁰.

Несмотря на то что Сталин еще 25 сентября предложил Германии забрать себе Люблинское воеводство и правобережную часть Варшавского, части РККА продолжали продвижение в эти воеводства. Причем командование приказало не допускать отхода польских частей на север; в случае, если линия Любартов — Люблин не занята германскими войсками, ликвидировать находящиеся здесь соединения польской армии и «к исходу 29 сентября подвижными частями овладеть районами Любартов, Люблин»⁸¹. Однако 2 октября наступила очередь РККА отводить свои части на новую линию государственной границы. При этом в директиве Ворошилова советским войскам, отводимым на новую государственную границу СССР и Германии, среди прочего предписывалось: «Принять необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям германской армии, к их сохранности и обратить особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные, оборони-

тельные и хозяйственные сооружения... как в них, так и по дороге к ним, были сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей германской армии»⁸².

Как известно, при встречах германской и советской армий в ряде городов проводились совместные военные парады, которые в Гродно вместе с германским генералом принимал комкор В. Чуйков, в Бресте — Х. Гудериан и комбриг С. Кривошеин. Проводился парад и в Пинске.

В целом же за 12 дней боевых действий на территории Польши Красная армия продвинулась на 250–350 км на запад, заняла территорию общей площадью 190 тыс. км² (50,4% территории Польши) с населением около 13 млн человек.

Во время польской кампании погибли с польской стороны 3500 военных и гражданских лиц, около 20 тыс. были ранены или пропали без вести. Советская сторона официально объявила о 737 убитых и 1862 раненых, однако, по некоторым данным, эти цифры занижены⁸³.

Итак, хотя СССР не объявлял войны Польше, он ее вел в тесном взаимодействии с Германией. При этом нападение и военные действия были тщательно спланированы, подготовлены и осуществлены с использованием большого количества войск и боевой техники. Огромная военная мощь РККА обрушилась на почти безоружных людей, на части, потрепанные в боях с немцами и к тому же по приказу своего главнокомандующего не оказывавшие сопротивления. Сталин, отвечая на поздравления Гитлера и Риббентропа со своим 60-летием, в декабре 1939 г. писал им в открытом письме: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»⁸⁴. Германия отныне граничила с «дружественным государством» и могла не опасаться войны на два фронта, о чем говорил «фюрер», выступая перед верхушкой вермахта 23 ноября 1939 г.

В боях с вермахтом польская армия потеряла 66,3 тыс. человек убитыми, 133,7 тыс. ранеными. Около 420 тыс. военнослужащих попали в плен. Декретами Гитлера от 8–12 октября 1939 г. Польское государство объявлялось ликвидированным; Познанское, Поморское, Силезское, Лодзинское, часть Келецкого и Варшавского воеводств, в которых проживало около 9,5 млн человек, были объявлены немецкими землями и присоединены к Германии. На оставшейся территории Польши создавалось генерал-губернаторство польских областей, которое через год стало именоваться генерал-губернаторством Германской империи. Основой политики гитлеровцев стало планомерное и беспощадное уничтожение польской государственности, геноцид польского и еврейского народов. 6 млн человеческих жизней — такова была цена гитлеровского «нового порядка в этой стране. Генерал-губернатор оккупированной польской территории Ганс Франк писал в своем дневнике: «Я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными территориями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область как территорию войны и как трофейную страну. Я должен был сделать из этой экономической, социальной, культурной и политической структуры груды развалин». 3 октября 1939 г. он указывал, что «Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами Великой Германской мировой империи».

В приговоре Нюрнбергского Международного военного трибунала на основе предъявленных доказательств констатировалось, что «в основе этой оккупацион-

ной политики было полное уничтожение Польши как национального целого и беспощадная эксплуатация ее человеческих и экономических ресурсов в интересах германских военных усилий. Всякая оппозиция подавлялась с крайней жестокостью. Был установлен режим террора, поддерживавшийся полицейскими судами, которые предписывали проводить такие мероприятия, как публичные расстрелы групп, состоявших от 20 до 200 поляков, и широко распространенные расстрелы заложников. Система концентрационных лагерей была введена в генерал-губернаторстве учреждением и созданием получивших печальную известность лагерей Трешлинка и Майданек».

Еще 6 февраля 1940 г. Франк своим циничным замечанием корреспонденту одной газеты по поводу вывешенного фон Нейратом плаката о казни чешских студентов дал представление о масштабах, в которых осуществлялся этот террор: «Если бы я хотел вывешивать плакаты по поводу расстрела каждых семи поляков, то не хватило бы лесов в Польше для того, чтобы производить бумагу для этих плакатов». 25 января 1940 г. Франк заявил о своем намерении вывезти в Германию один миллион рабочих, причем к августу 1942 г. туда уже были отправлены 800 тыс. человек. Из 3 млн проживавших в стране евреев к январю 1944 г. остались всего лишь 100 тыс. человек⁸⁵.

1 октября 1939 г. по завершении «освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию» Политбюро ЦК ВКП(б) приняло развернутое постановление о советизации захваченных территорий⁸⁶. В нем предусматривалось созвать 26 октября Украинское народное собрание во Львове из выборных по областям Западной Украины и Белорусское народное собрание в Белостоке — из выборных по областям Западной Белоруссии. Эти «народные собрания» должны были утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам, решить вопрос о характере власти — советской или буржуазной, проблему вхождения в состав СССР, принять постановление о национализации банков и крупной промышленности. Право выдвигать кандидатов в «народные собрания» закреплялось за крестьянскими комитетам, временными управлениями городов, собраниями рабочих по предприятиям и рабочей гвардией. Затем на окружных совещаниях «доверенные лица» должны были договариваться об общей кандидатуре по округу. Таким образом, «выбирать» предстояло одно лицо из одного кандидата, как это повсеместно делалось на выборах в СССР. Избирательную кампанию следовало проводить под лозунгами установления советской власти на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вхождения их в Украинскую и Белорусскую ССР, одобрения конфискации помещичьих земель, требования национализации банков и крупной промышленности. По повестке дня должны были приниматься «Декларации», текст которых готовили ЦК КП(б) Украины и ЦК КП(б) Белоруссии.

Политбюро ЦК ВКП(б) предписывало приступить к созданию на этих территориях коммунистических организаций, для чего наряду с приемом в партию «передовых рабочих, оказавших помощь Красной армии», из армии были демобилизованы и направлены в распоряжение украинской парторганизации 1000, белорусской парторганизации — 800 коммунистов. На работу в западные области были мобилизованы 2000 украинских и 1500 белорусских коммунистов. До проведения выборов в этих областях должны были действовать временные управления из че-

тырех человек — по два от армейских органов и по одному — от НКВД и временно-го управления областного города. Временные областные управления назначали комиссаров во все банки, а во Львов и Белосток командировались также уполномоченные Госбанка СССР. Все счета практически замораживались. Иностранные консульства в западных областях Украины и Белоруссии ликвидировались. В дальнейшем в течение всего октября Политбюро приняло несколько решений по организации выборов и другим вопросам, затронутым в этом постановлении. Оно выработало систему мер, которая в дальнейшем осуществлялась в период присоединения к СССР прибалтийских республик, Северной Буковины и Бессарабии. В результате реализации этой программы началось массированное внедрение социалистической системы, ликвидация свободного рынка, осуществлялась кардинальная перестройка всей политической, административной, экономической и общественной жизни и территориально-политическая интеграция.

Главными методами господства на этих территориях стали террор и массовые депортации. Еще до окончания военных действий, 28 сентября, начальник Политического управления РККА Лев Мехлис обратился к Сталину и Ворошилову с предложением предоставить право военным советам Белорусского и Украинского фронтов утверждать приговоры трибуналов к высшей мере наказания по делам о контрреволюционных преступлениях гражданских лиц и военнослужащих бывшей Польской армии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. В записке о порядке утверждения приговоров, адресованной Жданову, Мехлис уточнял: «Дел собралось много и надо бы скорее решать вопрос»⁸⁷. 3 октября Политбюро приняло соответствующее решение. Кроме военных трибуналов приговоры к расстрелу выносила и Военная коллегия Верховного суда. Они рассматривались Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждались высшей партийной инстанцией. Еще до окончания военных действий были вынесены смертные приговоры нескольким десяткам военнослужащим, что, естественно, грубо нарушало международное право⁸⁸.

4 октября Политбюро ЦК ВКП(б) назначило уполномоченных ЦК КП(б) Украины и ЦК КП(б) Белоруссии по партийной работе в воеводствах Западной Украины и Западной Белоруссии, которые вскоре стали первыми секретарями соответствующих обкомов партии и отвечали за всю обстановку и советизацию подконтрольных им территорий. 7 октября Политбюро утвердило постановление ЦК ВЛКСМ «О создании комсомольских организаций в Западной Украине и Западной Белоруссии», 11 октября решило направить в этот регион группу работников ВЦСПС для создания там профсоюзных организаций и их руководящих органов. Таким образом, уже в первые две недели на присоединенной территории были созданы партийные, комсомольские и профсоюзные органы, с помощью которых не только устанавливалась советская власть, но и закладывались основы для создания системы тоталитарного контроля в целом⁸⁹.

В конце октября 1939 г. были проведены выборы, созданы Народные собрания в Белостоке и Львове, которые провозгласили советскую власть и обратились в Верховный совет СССР с просьбой о приеме в состав Советского Союза. 1–2 ноября пятая сессия Верховного совета СССР «воссоединила» Западную Украину и Западную Белоруссию с Украинской и Белорусской ССР. После «добровольного» вхождения Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР Политбюро

ЦК ВКП(б) в течение полугода приняло несколько десятков решений, касавшихся унификации этой территории в административном, экономическом, финансовом, социальном и идеологическом отношении со всем Советским Союзом, ее хозяйственного освоения, искоренения там малейшего сопротивления.

29 ноября 1939 г. Политбюро одобрило Указ Президиума Верховного совета СССР «О приобретении гражданства СССР жителями западных областей Украинской и Белорусской ССР»; 30 декабря — постановление Совнаркома СССР о паспортизации; 11 апреля 1940 г. — о регистрации актов гражданского состояния⁹⁰.

Одним из важных направлений унификации стало введение в западных областях УССР и БССР единого с СССР административного деления и создания там партийных и советских органов. 4 декабря Политбюро утвердило предложения ЦК КП(б) Белоруссии и ЦК КП(б) Украины об образовании областей, составе обкомов партии и облисполкомов⁹¹. При этом начальники областных управлений НКВД (УНКВД) входили и в состав обкомов и облисполкомов, но фактически подчинялись только Лаврентию Берии. 5 января Политбюро назначило на 24 марта 1940 г. выборы в Верховные советы Украинской и Белорусской ССР.

Политбюро приняло энергичные меры для национализации не только крупной и средней промышленности и предприятий торговли, но и мелких предприятий. В первую очередь было решено национализировать нефтяную промышленность (10 ноября), затем угольную (1 декабря) и, наконец, всю остальную (3 декабря). 8 декабря было принято решение о прекращении хождения злотого, причем гражданам и предприятиям меняли лишь 300 злотых на 300 рублей, что составляло месячную зарплату машинистки в наркомате. 20 января 1940 г. принято постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о народнохозяйственных планах по западным областям БССР и УССР⁹².

Специальными решениями определялись принципы торговли, вводились государственные цены, устанавливалась единая система оплаты труда, социального страхования, причем страховые взносы, накопленные гражданами Польши, также конфисковались; вводились налоги, принятые в СССР⁹³.

Были приняты и специальные постановления о создании колхозов и совхозов. В значительной мере с ними связано и решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1939 г. о проведении массовой депортации в Сибирь и на Крайний Север 21 тыс. семей осадников⁹⁴ в районы Крайнего Севера. Выселение предписывалось осуществить в начале февраля, что позволяло до начала посевной создать на их землях, с их движимым и недвижимым имуществом колхозы и совхозы. 21 декабря Политбюро дополнительно включило в число депортируемых лесников, то есть сторожевую охрану леса, а также утвердило предложения ЦК КП(б) Украины об использовании имущества осадников; 29 декабря — разработанную НКВД инструкцию о порядке переселения осадников и беженцев, а также «Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР»⁹⁵. 14 января количество выселяемых было увеличено еще на 5 тыс. семей. В соответствии с этими решениями Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР 10 февраля 1940 г. провели первую массовую депортацию поляков — осадников и лесников и членов их семей — всего 139 590 человек, из них мужчин старше 18 лет 33 665 человек, остальные женщины и дети⁹⁶. Их разместили в 115 поселках в 21 области и крае.

Условия жизни и работы в них мало чем отличались от гулаговских. Помимо экономических причин депортация была призвана удалить из вновь присоединенных областей наиболее состоятельных людей («кулаков»), к тому же бывших солдат, прекрасно владевших оружием, осуществить деполонизацию этих территорий и тем самым предотвратить возможность сопротивления советизации.

2 марта 1940 г. Политбюро приняло решение «Об охране границы в западных областях УССР и БССР», в том числе о проведении к 15 апреля выселения в северные районы Казахской ССР сроком на 10 лет семей офицеров, полицейских и узников тюрем, которых спустя три дня было решено расстрелять — всего 25 тыс. семей. Их выселение (около 60 тыс. человек) было осуществлено 13 апреля. В конце июня было проведено принудительное выселение беженцев из центральных польских воеводств⁹⁷. В конце мая 1941 г., незадолго до начала войны, органы НКВД провели еще одну массовую депортацию населения из присоединенных в сентябре 1939 г. территорий, в том числе около 40 тыс. поляков⁹⁸. По данным Андрея Вышинского, всего из западных областей УССР и БССР в 1939–1941 гг. были выселены 388 тыс. поляков⁹⁹.

12 декабря 1940 г. Берия в докладной записке Сталину и Молотову подвел итог работы «по очищению от антисоветского и враждебного элемента», проделанной органами НКВД с сентября 1939 по 1 декабря 1940 г. За этот период «было арестовано до 407 000 человек (в том числе перебежчиков 39 411 человек) и выселено в Казахстан и северные области СССР — 275 784 человек, в том числе осадников — 134 463, членов семей репрессированных — 59 787 и беженцев, желавших выехать на территорию Германии, но не принятых германским правительством, — 80 397 человек»¹⁰⁰. Нарком также сообщал о ликвидации в западных областях Украины 159 польских и украинских «националистических к.-р. [контрреволюционных. — *Н.Л.*] организаций с общим количеством участников — 6750 человек» и 128 «бандитских групп численностью 876 человек»; в Западной Белоруссии — 162 к.-р. организации (1068 человек) и 26 бандгрупп (410 человек). Семьи репрессированных — это родные 21 857 польских офицеров, полицейских, узников тюрем присоединенных в сентябре 1939 г. к СССР территорий, которые были расстреляны по решению Политбюро от 5 марта 1940 г. в апреле — мае 1940 г.

Как свидетельствуют документы, преступления советских властей против польских военнопленных и мирных граждан не были отдельными эксцессами или случайными эпизодами, но являлись неотъемлемой частью советизации и деполонизации присоединенных осенью 1939 г. к СССР территорий, средством закрепления результатов агрессии и предотвращения освободительного движения в этих регионах.

После окончания сентябрьской кампании Германия и СССР продолжили свое сотрудничество. Каждая из них готовилась при этом к осуществлению своих очередных задач: Германия — к кампании на Западе, СССР — к присоединению стран Балтии и к войне с Финляндией, не пожелавшей пойти на заключение пакта о «взаимопомощи» с Москвой. В этот период Кремль фактически поддерживал борьбу Третьего рейха против западных держав, прежде всего Великобритании. По просьбе командования ВМФ Германии советские танкеры и грузовые суда доставляли в море немецким крейсерам и подводным лодкам топливо и провиант, что позволяло им

дольше находиться в зоне боевых действий. Антибританское взаимодействие проявилось и в предоставлении в середине октября Германии на Кольском полуострове «базы Норд», которая действовала вплоть до августа 1940 г. 9 апреля 1940 г. Молотов заявил Шуленбургу, что ему понятны действия германского правительства в Норвегии и Дании, поскольку, по его мнению, Англия слишком далеко зашла в нарушении их нейтралитета и, видимо, намеревалась занять побережье этих стран. 17 июня 1940 г. он поздравил германского посла с победами вермахта во Франции.

В соответствии с заключенными с Берлином соглашениями СССР стал одним из важнейших поставщиков стратегически важных видов сырья и продовольствия для гитлеровской Германии, подрывая тем самым экономическую блокаду рейха его противниками. Так, в 1940 г. в эту страну были направлены 52% совокупного советского экспорта. СССР поставлял Германии зерно, масло, нефть, хромовую и марганцевую руду, фосфаты, лес. Последний состав с закупленными Третьим рейхом товарами пересек границу в ночь на 22 июня 1941 г.

Официальный Берлин вплоть до второй половины 1940 г. занимал позицию дружественного нейтралитета по отношению к СССР. Так, во время советско-финского конфликта он стремился не раздражать Кремль и возлагал ответственность за начавшуюся «зимнюю войну» на деструктивное влияние Лондона на Хельсинки. Не вызвало противодействия Берлина и насильственное присоединение к СССР стран Балтии, осуществленное в ходе многоходовой комбинации в октябре 1939 — августе 1940 г.

Советско-германские интенсивные контакты осуществлялись, в частности, во время работы Центральной смешанной пограничной комиссии двух стран. При этом атмосфера, в которой проходили переговоры в Варшаве, отражала «дух сотрудничества на благо немецкой и советской наций». Это было констатировано сторонами 27 октября 1939 г. во время приема, устроенного в честь советской делегации генерал-губернатором Гансом Франком. Франк заявил ее председателю А. М. Александрову: «Мы с Вами курим польские папиросы как символ того, что мы пустили Польшу по ветру»¹⁰¹.

Тем не менее обе стороны весьма настороженно относились друг к другу. Уже 9 октября 1939 г. Гитлер в записке, адресованной командующим видами вооруженных сил и начальнику штаба ОКВ, указал, что никаким договором нельзя с уверенностью обеспечить нейтралитет Советской России. Гарантией этому может служить лишь демонстрация германского превосходства и силы. На совещании 30 октября в ОКВ подчеркивалось, что «ориентация на русскую поддержку не должна означать, что все опасения следовало бы отбросить»¹⁰². Затягивавшееся же бездействие вермахта на Западе серьезно беспокоило сталинское руководство, которое через своего посла в Берлине неоднократно пыталось выяснить, когда немцы собираются наступать. Однако расчеты Сталина на затяжную войну на Западе не оправдались. После капитуляции Франции в советско-германских отношениях стали нарастать напряжение, усиливаться противоречия. В Москве понимали, что, развязав руки на Западе, подчинив себе почти весь военно-промышленный комплекс Европы, Третий рейх может направить свои агрессивные устремления на Восток. Тем не менее ориентация сталинского руководства на продолжение сотрудничества с нацистским рейхом оставалась в силе.

В конце июня 1940 г. Германия воспротивилась присоединению к СССР Буковины, о которой не говорилось в секретном протоколе к договору о ненападении, согласившись на аннексию лишь ее северной части. 31 июля Гитлер сообщил своим военачальникам о решении начать весной 1941 г. войну с СССР. 30 августа 1940 г. Германия и Италия выступили в роли арбитра в споре между Румынией и Венгрией, вызвав обвинения Москвы в нарушении пункта 3 советско-германского договора от 23 августа 1939 г. 27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали Тройственный пакт, создав тем самым военный союз. В ноябре 1940 г. Венгрия, Румыния и Словакия присоединились к Тройственному пакту. Все эти действия не могли не усиливать беспокойство в Кремле.

Стремясь прощупать возможность новых соглашений с германским руководством относительно дальнейшего разграничения сфер влияния, Сталин согласился на предложение Гитлера направить в Берлин Молотова, визит которого проходил 12–14 ноября. Советское руководство проявило готовность к присоединению к Тройственному пакту и дальнейшему сотрудничеству с рейхом при условии решения вопроса о Финляндии (в том числе немедленный вывод германских войск из этой страны), включения в сферу интересов СССР Болгарии и зоны Проливов. Однако эти предложения не встретили поддержки в Берлине, который уже не был заинтересован в сотрудничестве со страной Советов.

18 декабря фюрер утвердил секретную директиву о нападении на СССР — план «Барбаросса», в соответствии с которой СССР предполагалось разгромить в ходе блицкрига. Сталинское руководство же не осознавало реальные масштабы стремительно надвигающейся нацистской угрозы и продолжало отправлять в рейх нефть, продовольствие, стратегическое сырье и др.

Несмотря на разгром польской армии и оккупацию территории страны, польское государство не перестало существовать. 30 сентября 1939 г. в Париже начали работу президент Владислав Рачкевич и правительство во главе с Владиславом Сикорским. Их поддерживали и признавали Франция, Великобритания, США и многие другие страны.

Раздел Речи Посполитой в результате совместных агрессивных действий Германии и СССР предопределил на будущие времена большие сложности в отношениях между Россией и Польшей. Отныне ничто не отделяло страну Советов от значительно окрепшего фашистского рейха, отношения же с Англией, Францией и США ухудшились. Был упущен шанс создать антигитлеровскую коалицию с участием СССР еще осенью 1939 г., после нападения Германии на Польшу.

¹ Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1948.

² История Второй мировой войны. 1939–1945: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. XI.

³ См.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С.З. Случ. М., 2007.

⁴ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Варшава; М., 2001. Т. 1–2. (Polskie Podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Bialorusi w latach 1939–1941); Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. Варшава; М., 2003. (Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Bialorusi w 1940 roku).

⁵ См. подробнее: Россия. XX век. Советская историография. М.: РГГУ. 1996; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941 гг. М., 1992.

⁶ Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives.

⁷ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: В 8 т. М., 1988. Т. 2. С. 227; *Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942.* Bd. 1. Stuttgart, 1962. S. 25.

⁸ Документы внешней политики. 1939 (далее: ДВП). Т. XXII. Кн. 2. Сентябрь—декабрь. М., 1992. С. 6–7. Примечательно, что вопрос о ратификации советско-германского договора обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) дважды — 24 и 25 августа, в то время как подписание пакта Риббентропа—Молотова вообще не рассматривалось этим органом.

⁹ *Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1941. Baden-Baden, 1950–1970* (далее: ADAP). Bd. 8. Baden-Baden, 1961. S. 34–35.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 68. Л. 3, 5; Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1989. Док. 628.

¹¹ ADAP. D. Bd. VII. Dok. 567. S. 450–451; Bd. VIII. Dok. 70. S. 54.

¹² *Чубарьян А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 45.

¹³ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 25–26, 28.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 162; Оп. 166. Д. 613. Л. 98.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 162, 167; Оп. 166. Л. 134–137.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 1014. Л. 8, 13; Оп. 166. Л. 19.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 15. Л. 1–16.

¹⁸ Там же. Л. 20–31.

¹⁹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. До 22 июня 1941 г. / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н. С. Лебедева и М. М. Наринский. М., 1994. С. 99–107.

²⁰ Там же. С. 10–11.

²¹ Там же. С. 88–89, 96–98.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 614. Л. 52.

²³ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 69. Л. 1–6; Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. М., 1997. С. 59–61.

²⁴ СССР—Германия. 1939–1941. Н.-И., 1989. С. 81.

²⁵ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1. М., 1995. С. 70–73.

²⁶ Примечательно, что впервые этот термин был использован японским послом в Берлине Осимой в разговоре с Шкварцевым еще 8 сентября. Осима считал, что война в Польше закончится на ближайшей неделе, а «Польша, как государство прекратит свое существование». (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 68). Запись беседы была сообщена в Москву, и с тех пор данное выражение использовалось неоднократно, включая ноту СССР Польше от 17 сентября.

²⁷ ADAP. Bd. 8. S. 34–35.

²⁸ СССР и Германия. 1939–1941. Т. 1. С. 92.

²⁹ ADAP. Bd. VIII. Dok. 70. S. 54.

³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 209. Л. 48–49; П. 20. Д. 224. Л. 23; Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 68. Л. 43–44; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 72, 74, 78. Я. 3. Текст статьи был подготовлен А. А. Ждановым и отредактирован лично Сталиным. Главной причиной поражения Польши в ней называлось угнетение украинских и белорусских национальных меньшинств.

³¹ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 59–63.

³² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

³³ Там же. Л. 1–4.

³⁴ Там же. Д. 555. Л. 1–4.

³⁵ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1 с. Д. 2. Л. 1–2.

³⁶ РГВА. Ф. 35086. Оп. 1 с. Д. 556. Л. 20.

³⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 178.

³⁸ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 12.

³⁹ Там же. С. 65–67.

⁴⁰ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 19. Л. 87–90; Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 131–134.

⁴¹ См. подробнее: *Невезжин В. А.* Польша в советской пропаганде 1939–1941 // Россия и внешний мир. Диалог культур. М., 1997. С. 73–86.

- ⁴² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 86.
- ⁴³ РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 556. Л. 16–19.
- ⁴⁴ ДВП. Т. XXП. Кн. 2. С. 98, 103.
- ⁴⁵ Там же. С. 104, 119.
- ⁴⁶ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 65.
- ⁴⁷ ДВП. Т. XXП. Кн. 2. С. 108–109.
- ⁴⁸ Там же. С. 98; Внешняя политика СССР (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Т. 4. С. 446–447, 449.
- ⁴⁹ Семиряга М. И. 17 сентября 1939 года // Славяноведение. 1990. № 5. С. 13.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1е. Д.2. Л. 6–9.
- ⁵¹ Там же. Л. 9–11.
- ⁵² Там же. Л. 12–13; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 555. Л. 78.
- ⁵³ Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–16.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 35086. Оп. 1е. Д. 556. Л. 20–23.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 35086. Оп. 1е. Д. 556. Л. 20.
- ⁵⁶ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 12; Правда. 1939. 23 сент.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 24–25.
- ⁵⁸ АДАР. Bd. 8. S. 85, 88; Чубарьян А. О. Указ соч. С. 58–59.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–41.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 60, 63; Мельтохов М. И. Указ соч. С. 327.
- ⁶¹ Там же. Д. 4. Л. 4–6.
- ⁶² Там же. Д. 7. Л. 17–18.
- ⁶³ Катынь. Документы. С. 77.
- ⁶⁴ Там же. С. 83–85.
- ⁶⁵ Köstring E. Der militarische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941. Frankfurt a.M., 1965. S. 177; Случ С. З. Советско-германские отношения в сентябре—декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5. С. 46–58.
- ⁶⁶ РГВА. Ф. 35084. Оп.1. Д. 8. Л. 41.
- ⁶⁷ Там же. Д. 7. Л. 24–30.
- ⁶⁸ Там же. Д. 13. Л. 39; Д. 11. Л. 11, 130.
- ⁶⁹ Там же. Д. 14. Л. 130–131.
- ⁷⁰ Там же. Д. 17. Л. 69.
- ⁷¹ Там же. Д. 10. Л. 120.
- ⁷² Там же. Д. 12. Л. 34.
- ⁷³ Там же. Д. 4. Л. 10.
- ⁷⁴ Там же. Д. 2. Л. 35.
- ⁷⁵ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская республика (март 1939 — август 1940 г.) / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. С. Лебедева. Вильнюс, 2006. С. 197–210.
- ⁷⁶ Там же. С. 134–137.
- ⁷⁷ Там же. С. 137.
- ⁷⁸ Правда. 30.11.1939.
- ⁷⁹ Там же. С. 360. После вступления Красной армии на территорию Польши советские дипломаты в Лондоне и Париже намекали политикам аккредитованных стран, что цель советского похода — создать барьер против Германии.
- ⁸⁰ Дурачинский Э. Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: Факты, гипотезы, вопросы // Война и политика 1939–1941 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999. С. 51.
- ⁸¹ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Д.8. Л. 175.
- ⁸² Там же. Д. 7. Л. 35.
- ⁸³ Szubanski R. Siedemnasty wrzesnia 1939. Warszawa, 1990. S. 125. По данным белорусского историка М. П. Костюка, до конца сентября 1939 г. потери только Белорусского фронта составили около тысячи убитыми и более 2 тыс. ранеными (Костюк М. П. Беларусь в международно-политическом кризисе 1939–1941 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 300).
- ⁸⁴ Правда. 25.12.1939.
- ⁸⁵ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. / Отв. ред. Н. С. Лебедева. М., 1999. Т. 8. С. 617–623, 677–679.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 57–62.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 614. Л. 235–237; Д. 638. Л. 2–51; Д. 655. Л. 2–39; Д. 658. Л. 80–120. 1 октября 1939 г. Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам утвердила приговоры Трибунала 11-й армии Белорусского фронта от 27 сентября о расстреле В. И. Шнель, 437-го трибунала Украинского фронта от 26 сентября о высшей мере наказания в отношении С. Г. Будзинского и от 28 сентября в отношении И. М. Изидорчик и М. Н. Михальчишина; военного трибунала 3-го кавалерийского корпуса от 27 сентября о применении расстрела к Л. К. Станкевичу, П. П. Мицкевичу, В. Э. Квек, Л. М. Романовскому, О. К. Шеленговскому, Т. И. Войташек, В. М. Перковичу и целый ряд приговоров других военных трибуналов (Там же. Д. 615. Л. 1–3). С октября 1939 г. выносились и расстрельные приговоры польским евреям, бежавшим в СССР от преследований германских властей и нелегально переходившим границу (Там же. Л. 64, 92).

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 614. Л. 146–166 об.

⁸⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1015. Л. 1, 3, 10.

⁹⁰ Там же. Д. 1016. Л. 41; Д. 1019. Л. 12; Д. 1021. Л. 253–255.

⁹¹ Там же. Д. 1016. Л. 57–59.

⁹² Там же. Д. 1016. Л. 2–3, 46, 51, 64, 99–100; Д. 1019. Л. 44–59, 97–99.

⁹³ Там же. Д. 1019. Л. 104; Д. 1020. Л. 7–8, 108–112, 155–156; Д. 1021. Л. 139, 218; Д. 1024. Л. 194.

⁹⁴ Осадники — это бывшие военнослужащие польской армии, получившие после демобилизации земельные наделы в воеводствах, присоединенных к Польше в 1921 г. по Рижскому договору. Они занимались сельским хозяйством. Периодически они должны были являться на военные сборы и имели специальную форму (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 120, 152–154).

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 155–157.

⁹⁶ Там же. Л. 159, 185–190; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 163–165, 175; Д. 78. Л. 12; Ф. Р-9479с. Оп. 1. Д. 61. Л. 34–36.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–4; Д. 61. Л. 47; Д. 62. Л. 67; РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 70. Л. 14, 28–29.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 76. Л. 64.

⁹⁹ Там же. Л. 120.

¹⁰⁰ Там же. Д. 637. Л. 94–95.

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 27. Д. 66. Л. 22.

¹⁰² См. подробнее: Слuch С. З. Указ. соч.

На рассвете 1 сентября 1939 г. Германия — без формального объявления войны — осуществила вооруженное нападение на Польшу. На четырех оперативных направлениях были задействованы 1,8 млн солдат, почти 2800 танков, более 2 тыс. самолетов и свыше 10 тыс. орудий и гаубиц. Несмотря на героизм, проявленный польскими защитниками, гитлеровские армии, располагавшие сокрушительным количественным и техническим превосходством, подавили главные очаги сопротивления и молниеносно продвигались в глубь территории Польши. Поляки надеялись на то, что есть возможность изменить ход событий и сделать его более благоприятным для Польши: они рассчитывали на помощь со стороны своих западных союзников — Великобритании и Франции и на войну с Германией на два фронта. Однако после десяти дней боев польские вооруженные силы были вынуждены отступить по всей линии фронта, а концепция сохранения второй линии сопротивления потерпела крах, что предвещало окончательную катастрофу. Правда, 9–18 сентября в рамках наступательной операции польских войск над рекой Бзура произошла крупнейшая битва с Германией, однако и она закончилась поражением польских войск. В целом за две недели боев действующая польская армия лишилась половины своего личного состава.

Тем временем 12 сентября моторизованные германские силы находились уже подо Львовом. Вскоре под контролем войск агрессора оказалась большая часть западных и центральных территорий Польши. Это убедило Верховное командова-

ние Войска Польского издать приказ о дальнейшем отступлении и отходе к так называемому Румынскому предместью¹. Там, используя в качестве естественных преград реки Днестр и Стрый, планировалось организовать длительную оборону до тех пор, пока не начнется наступление союзников на западном фронте. Однако, несмотря на то что 3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии, эти страны не собирались выполнять свои союзнические обязательства. На совещании в городе Аббевиль (Франция) Высший военный совет союзников, которому было известно содержание секретного протокола к пакту Молотова—Риббентропа, констатировал, что Польша уже проиграла войну с Германией. В связи с этим 12 сентября Совет принял решение о том, что в 1939 г. на западном фронте не будут проводиться наступательные операции против Третьего рейха с целью отвлечь часть германских сил из Польши.

Зато по мощь Германии пришла Красная армия. Показательно, что после нападения Третьего рейха на Польшу никакой дипломатической реакции со стороны советской власти не последовало. Вместе с тем были приняты решения военного характера, которые означали подготовку к реализации антипольских договоренностей, содержащихся в секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. Так, 1 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об увеличении численности Красной армии почти на 80% (до 173 дивизий), а 3 сентября — о продлении на месяц срока демобилизации рядовых и командиров, служба которых подходила к концу. Одновременно Верховный совет СССР принял 1 сентября закон о всеобщей воинской повинности. На следующий день Президиум Верховного совета СССР издал указ о всеобщей мобилизации. 3 сентября германский посол в Москве Фридрих фон Шуленбург в беседе с главой правительства и народным комиссаром иностранных дел СССР Вячеславом Молотовым стал торопить своего союзника с вторжением в Польшу и занятием той территории, которая, согласно договоренностям, относилась к советской сфере влияния. Однако Советский Союз не спешил: сначала он хотел узнать, какова будет реакция западных союзников Польши. Кроме того, нужно было время для завершения мобилизации и перегруппировки сил, а также для подготовки пропагандистского обоснования советского нападения.

6 сентября 1939 г. — под предлогом проведения маневров — была проведена скрытая мобилизация резервистов в семи военных округах в европейской части СССР. Эти мероприятия, как и формирование и переброска подразделений к районам сосредоточения вдоль границы с Польшей, проходили в атмосфере хаоса: явка резервистов не была стопроцентной, медленно продвигалась мобилизация коней и автотранспорта. Все это привело к тому, что к моменту нападения на Польшу не все подразделения и тактические соединения были приведены в полную боевую готовность, не все успели добраться до назначенных районов сосредоточения и развертывания. При этом ощущалась также нехватка вооружения, снаряжения, топлива, запчастей и продовольствия.

8 сентября Народный комиссариат внутренних дел СССР начал создание оперативных групп, которые должны были действовать на территории Польши, занятой советскими войсками. В их задачи входило: создание временных органов управления и органов НКВД, обеспечение порядка, подавление «контрреволюции», получение контроля над коммуникациями, банками, типографиями, тюрьмами и т.д.

Следует напомнить, что 7 сентября в беседе с Георгием Димитровым, генеральным секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала, Иосиф Сталин, говоря о войне, заявил: уничтожение Польши «означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше!» — и задал циничный вопрос: «Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?»².

Это «указание» дало Секретариату Коминтерна основание включить в текст директивы, разосланной коммунистическим партиям 8–9 сентября 1939 г., фразу о том, что «международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергнувшую помощь Советского Союза и угнетающую другие национальности» (!)³.

После того как в Москву поступила ложная информация о занятии немцами Варшавы, Молотов 8 сентября заверил посла Третьего рейха в том, что СССР начнет военные действия в течение ближайших нескольких дней. Молниеносное наступление гитлеровских войск позволяло сделать вывод о том, что Германия уже достигла своих военных целей в Польше. В связи с этим в Кремле опасались, что на польско-германском фронте может быть достигнуто соглашение о перемирии. Это побудило партийное руководство СССР назначить дату вторжения Красной армии на ночь с 12 на 13 сентября 1939 г. Однако трудности с развертыванием и концентрацией советских войск привели к тому, что решение было изменено и нападение было отсрочено.

С целью обосновать агрессию с политической и пропагандистской точек зрения советское руководство, в частности, опубликовало 14 сентября в «Правде», главной газете страны, статью под названием «О внутренних причинах военного поражения Польши». Затем этот текст был также размещен в местных и военно-полевых газетах, а также на листовках. В статье Польшу изображали как страну социальной несправедливости, угнетения народов, классовых и национальных конфликтов. Политический смысл статьи сводился к утверждению, что только интервенция Красной армии может спасти «братьев украинцев и белорусов», страдающих под властью «панской Польши».

Заверения Германии в том, что она будет соблюдать договоренности о разграничении сфер влияния, а также ее совет Советскому Союзу начать военные действия как можно скорее и назначить точную дату вторжения подействовали на советское руководство. 16 сентября Молотов сообщил Шуленбургу, что вооруженная интервенция может начаться со дня на день, а ее обоснованием станет «защита братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Одновременно в частях Красной армии, сосредоточенных на польской границе, зачитали приказы о начале наступления с указанием даты: 17 сентября (воскресенье), 5.00 утра по московскому времени. Перед воинскими частями была поставлена задача разгромить молниеносным ударом польские войска и выйти на указанные рубежи: граница Польши с Латвией, Литвой, Восточной Пруссией; линия рек Писса, Нарев, Висла, Сан; граница с Венгрией и Румынией. То есть необходимо было занять территорию, которая отходила к СССР по договору с Германией от 23 августа 1939 г. В боевых приказах содержалась ложная информация о том, что красноармейцы якобы шли на помощь рабочим и крестьянам «Белоруссии, Украины и Польши», восставшим против помещиков и капиталистов, шли с целью не

допустить занятия Западной Белоруссии и Западной Украины Германией (!). Красная армия должна была идти не как захватчик, а как «освободитель братьев белорусов, украинцев и рабочего народа Польши».

В то же самое время польские солдаты героически сражались с германскими войсками на линии: Августов, Хайнувка, Брест, Ленчна, Билгорай, Замость, Томашов Любельский, Львов, Дрогобыч и до границы с Венгрией.

17 сентября в два часа утра в Кремле Сталин сообщил Шуленбургу, что нападение на Польшу начнется через четыре часа. В три часа утра польский посол Вацлав Гжибовский был вызван в Народный комиссариат иностранных дел СССР, где заместитель Молотова, Владимир Потемкин, зачитал ему текст ноты. Из документа следовало, что Польша вследствие войны с Германией якобы потеряла «все свои промышленные районы и культурные центры», что Варшава как столица страны «не существует больше» и что польское правительство «распалось и не проявляет признаков жизни». Из этого был сделан вывод о том, что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать». Утверждение противоречило действительному положению вещей (народ сражался, а президент, правительство и Верховный главнокомандующий Войска Польского находились в Восточной Малопольше⁴), однако оно было сделано для того, чтобы была возможность заявить: все польско-советские договоры утратили свою силу. В такой ситуации правительство СССР не хотело оставаться равнодушным к судьбе «беззащитного», «брошенного на произвол судьбы» родственного народа и приказало Красной армии взять «под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»⁵.

Посол Гжибовский решительно отказался принять эту ноту: он возражал против ее формы и содержания и привел логичные доводы для опровержения содержащейся в ней «аргументации». Узнав об этом, польское правительство еще в тот же день выразило протест против одностороннего разрыва Кремлем пакта о ненападении и против агрессии в отношении Польши. Но нападение уже стало свершившимся фактом. Польское дипломатическое представительство в Москве было вынуждено завершить свою миссию.

17 сентября правительство СССР, нарушив ряд двусторонних (в частности, Рижский мирный договор 1921 г., договор о ненападении 1932 г.) и многосторонних договоров и конвенций, направил Красную армию против сражавшейся с гитлеровскими войсками Польши. Тем самым СССР вступил во Вторую мировую войну на стороне Германии. Первыми были атакованы заставы Корпуса охраны пограничья (КПО). Главные силы противника начали военные действия на всем протяжении польско-советской границы в 5.00 часов утра. В момент нападения на Польшу ударные войска двух фронтов — Белорусского (командующий командарм 2-го ранга Михаил Ковалев) и Украинского (командующий командарм 1-го ранга Семен Тимошенко) — насчитывали почти 470 тыс. солдат, около 4850 танков, 5,5 тыс. боевых бронированных машин, более 2 тыс. самолетов. Их поддерживали пограничные войска НКВД и диверсионные группы. В последующие дни силы, задействованные в операции, увеличивались, поскольку с востока прибывали новые подразделения.

Тем временем на восточных территориях Польши⁶ находилось 350–450 тыс. польских солдат из разных формирований (в том числе из запасных и учебных центров), причем большинство из них были безоружны. Количество орудий и танков было также сравнительно невелико.

Для польских властей и для международного общественного мнения нападение СССР стало большой неожиданностью. Оно означало радикальное изменение военной ситуации в Польше и потерю поляками возможности продолжать сопротивление. Однако, несмотря на это, борьба с германскими интервентами не прекращалась. Варшава и крепость Модлин капитулировали только 28 сентября, Хель — 2 октября, только 6 октября под Коцком прекратила сопротивление Отдельная оперативная группа «Полесье» генерала Франтишека Клееберга.

По очевидным причинам в северо-восточных польских воеводствах не было крупных военных формирований. Еще раньше они были направлены на западный фронт для борьбы с Германией и в Восточную Малопольшу, где планировалось организовать длительную оборону. Следовательно, сопротивление Советам должны были оказывать разрозненные и слабовооруженные резервные формирования. Спасаясь от Красной армии, в спешке эвакуировались отделения Государственной полиции и администрации. В столкновении с СССР у Польши не было больших шансов на победу, поэтому агрессор продвигался вперед, не встречая организованного сопротивления. Дорогу советским войскам прокладывали оперативные группы НКВД, которые занимали важные коммуникационные узлы, административные центры, мосты и пути сообщения.

Белорусский фронт получил приказ занять северо-восточные земли Польши — от границы с Латвией и Литвой до рек Припять и Пина на юге. Отдельные армии и группы войск должны были вести наступление в направлениях: на Вильнюс; Гродно и Остроленку; Новоградок, Волковыск, Белосток и Варшаву; Лунинец, Кобрын и Брест. Перед Белорусским фронтом стояло облегченное задание, поскольку в районе его боевых действий не было крупных польских вооруженных формирований.

Отдельные армии Украинского фронта должны были наступать в направлениях: на Ровно, Луцк, Замосте, Люблин, Пулавы; Тарнополь и Львов; Коломью, Станиславов, Стрый, Самбор и Перемышль. В районе их действий было сосредоточено около 350 тыс. польских солдат (в основном из запасных районов, половина была безоружна, было много раненых).

Днем 17 сентября Верховный главнокомандующий Войска Польского маршал Эдвард Рыдз-Смиглы издал директиву, в которой содержался приказ польским войскам кратчайшими путями перебраться в Венгрию и Румынию. Также рекомендовалось «с большевиками в бой не вступать», кроме тех случаев, когда те попытаются напасть на польские части или разоружить их. Поскольку неожиданное советское нападение прервало организацию планировавшейся обороны на Румынском предместье, дезорганизовало фронт борьбы с Германией и ограничило шансы польских вооруженных сил на эвакуацию в нейтральные государства, польские власти стремились спасти как можно больше своих солдат, которые позднее должны были стать основой польских вооруженных сил, формировавшихся на западе. Поэтому Войско Польское переходило границу с Латвией, Литвой, Венгрией и Румынией, избегая тем самым советского плена.

Стоит заметить, что вторжение Красной армии негативно повлияло на боевой дух солдат Войска Польского: нападение показало им бессмысленность продолжения борьбы. Особенно это касалось белорусов, украинцев и евреев, проживавших в Польше и мобилизованных в сентябре 1939 г., поскольку новая ситуация стала главной причиной их дезертирства, в основном из тех резервных подразделений,

которые были сформированы на восточных территориях Польши. Иногда командование само освобождало солдат от службы и отправляло домой. Однако случалось и так, что дезертиры переходили на сторону врага, разоружали польских офицеров, нападали на местных жителей, осадников и полицейских. Тем не менее остальные сохранили верность присяге, не сложили оружие и разделили драматичную судьбу солдат-поляков.

Это не означает, что вообще не доходило до столкновений. Геройски сражались подразделения Корпуса охраны пограничья; хоть и недолго, но оборонялись Вильно и Пинск. 20–21 сентября давало героический отпор советским войскам Гродно, жителей которого за это преступно покарала победители. Среди других мест значительных столкновений регулярных польских сил с частями Красной армии следует упомянуть, в частности, Кодзёвце, Сопоткине, Шацк, Вытычно, Пуховую Гору, Яблонь, Пинск, Крукинице. 22 сентября советским войскам сдался гарнизон Львова. В нарушении акта о капитуляции его защитники-офицеры были заключены в Старобельском лагере, а значительное число полицейских расстреляны.

Политическое руководство Польши покинуло территорию страны за несколько часов до полуночи 17 сентября и находилось в союзной Румынии; благодаря этому оно не попало в советский плен. Однако Румыния, придерживавшаяся нейтралитета в войне, опасалась реакции Третьего рейха и интернировала поляков. В этой ситуации уход Игнация Мосьцицкого с поста президента Польши и назначение им в качестве преемника Владислава Рачкевича позволили сохранить непрерывность польской государственности. Одновременно политики, находившиеся в оппозиции правительству Польши, смогли сформировать во Франции новое легитимное правительство в эмиграции. 30 сентября 1939 г. кабинет возглавил генерал Владислав Сикорский. Началась борьба за восстановление независимой Польши. Этой цели должны были служить воссоздание польских вооруженных сил в эмиграции и организация в оккупированной стране тайной гражданской администрации и вооруженного подполья. Большая часть международного сообщества признала новые польские органы власти, которые сохранили статус союзника Франции и Великобритании. Ни Германия, ни СССР не признавали их существования.

Информация о поражениях Войска Польского в борьбе с германской агрессией, особенно о вторжении Красной армии, ободрила коммунистов и нарушителей законов, часть белорусского и украинского крестьянства, а также бедные слои еврейского населения. Начались выступления против польской администрации и представителей более зажиточных слоев.

Одновременно активизировались группы белорусских, украинских и еврейских коммунистов-диверсантов («партизан»). Они занимались антипольской диверсионной деятельностью, затрудняли движение поездов, нападали на польских солдат из разбитых подразделений, разоружали и убивали полицейских, местных жителей, беженцев среди гражданского населения, а также различными способами помогали частям Красной армии. Самым громким выступлением диверсантов стал мятеж 18 сентября в городке Скидель (Гродненский повят), закончившийся занятием города белорусскими и еврейскими коммунистами (тогда подобные события происходили в других городах и гминах). Только карательная экспедиция армии и полиции из Гродно смогла подавить Скидельский мятеж и 19 сентября вытеснить диверсантов из города.

Если для этого имелись соответствующие возможности, армия, полиция и гражданская охрана проводили суровые карательные операции в ответ на открытые выступления жителей восточных территорий Польши с оружием в руках, в ответ на их измену, а также открытое неповиновение польскому государству, его структурам и силам, ответственным за наведение порядка.

Самозванные революционные комитеты, создаваемые вооруженными диверсантами, захватывали власть и ликвидировали остатки структур польской администрации, занимали военные объекты и здания органов власти, разоружали полицейских и местных жителей, готовились к вступлению Красной армии. Представители еврейских гмин встречали красноармейцев хлебом с солью. Белорусы и украинцы также не оставались в стороне: они рассчитывали на то, что их жизнь изменится к лучшему. В толпе встречавших Красную армию были, однако, и те, кто оказался там из страха или интереса. Часто строили специальные «триумфальные ворота», устанавливали приветственные транспаранты (со словами благодарности в адрес «освободителей»), украшали окна и балконы красными флагами, забрасывали танки цветами. Активнее всего в приветственных мероприятиях проявляли себя местные коммунисты и сочувствующие им: бедные слои населения восточных территорий, безработные, малоимущие крестьяне, а также члены коммунистических диверсионных групп, которые помогали Красной армии с оружием в руках. Для советских солдат, осуществлявших нападение на Польшу, все это было достаточным свидетельством того, что их действия поддерживаются населением. Польское руководство, а также местные и военные органы власти рассматривали такое поведение как измену. Противоположную же реакцию на вступление Красной армии — сопротивление (в основном со стороны поляков и представителей Организации украинских националистов) нападению с Востока — советская пропаганда того времени приписывала «классовым врагам» и «бандам».

В более крупных населенных пунктах политработники Красной армии организовывали митинги местной общественности, на которых говорили о положительных переменах, которые якобы принесла Красная армия в рамках своей «освободительной миссии». Жителей уверяли: красноармейцы прибыли для того, чтобы освободить их от буржуев и угнетателей, облегчить их страдания, спасти от невежества и голода. Говорилось, что больше не будет капиталистов и помещиков, что теперь все будет принадлежать крестьянам и рабочим. Политика «панской Польши» подвергалась сокрушительной критике.

Усугублявшийся распад существовавших ранее структур власти и сил, ответственных за соблюдение порядка, эвакуация вооруженных сил, полиции и органов самоуправления, а также временное отсутствие местных органов новой власти (а иногда и их попустительство) привели к расшатыванию системы власти и возникновению анархии. На несколько дней воцарилась атмосфера произвола и беззакония. В течение этого времени взбунтовавшаяся толпа (в основном преступные элементы, коммунисты, бывшие заключенные, уголовники, сельская беднота и «диверсионные банды» из малых городов) по политико-идеологическим, классовым и национальным причинам, для совершения мести или грабежей нападала в разных районах на польские дворы, фольварки, дворцы, приходы, гминные управы и посты государственной полиции. Обычно не оставляли в стороне также хозяйства

зажиточных крестьян и местных жителей, дома лесников и даже школы. Вооруженные банды избивали своих беззащитных жертв, подвергали их изощренным пыткам, осуществляли самосуд, выгоняли из домов и грабили их имущество (в частности, зерно, коней, скот, инвентарь), поджигали постройки, арестовывали и расстреливали (иногда убивали жестокими и унижительными способами). К такой деятельности побуждали, в частности, сбрасываемые с воздуха советские листовки. Они призывали расправиться с эксплуататорами и работниками польского государственного аппарата.

Анализ тех событий (и память о диверсионной деятельности советских служб на восточных территориях Польши в межвоенное время) позволяет сделать вывод, что они не были исключительно спонтанными. Наверняка все эти акции были заранее спланированы (по наущению и с помощью восточного соседа). Расчет делался на то, что в результате будут уничтожены все политические противники. Масштаб этих акций в отдельных повятах и воеводствах был разным. Там, где ранее в местном обществе не существовало антагонизмов и сформировались добрососедские отношения, призывы к карательным действиям не находили отклика.

Иногда вооруженные группы украинцев, белорусов, евреев и полешуков (православных крестьян, проживавших в Полесье) нападали на дорогах и грабили обозы, случалось, что они мучили и расстреливали солдат отступавших польских формирований и полицейских, забирали их оружие, форму и обувь. Банды нападали также на польских беженцев с запада (жен полицейских с детьми, учителей, чиновников), мучили их, забирали обувь, пожитки, а иногда телеги, коней и велосипеды.

Конец этим акциям по сведению личных счетов положила организация временных органов власти, которые не позволяли местным жителям продолжать убивать польское население.

Следует также отметить, что советские войска неоднократно защищали беженцев и польских солдат от таких действий. Иногда защиту, укрытие и другую помощь предоставляли им дружелюбно настроенные украинские и белорусские крестьяне.

В источниках данного периода сохранилось довольно много описаний тех событий или хотя бы упоминаний о преступлениях, совершенных в отношении поляков. Это позволяет оценить число жертв (часто безымянных) в тысячи человек. Однако из-за нехватки детальной информации об этих происшествиях в настоящее время трудно составить точный список как всех жертв, так и виновников убийств и преступлений.

Преступления — хотя и не в таких масштабах — совершали и красноармейцы: они расстреливали без суда и следствия польских военнопленных, представителей государственной власти, органов самоуправления и правосудия. Кроме того, Красная армия занималась грабежами и реквизициями.

Трагические события того времени глубоко укоренились в сознании обеих сторон конфликта и привели к огромному росту взаимной ненависти.

Несмотря на поражение Войска Польского в сентябре 1939 г., вооруженная борьба с Красной армией и оккупационной администрацией продолжалась еще несколько недель. Ее вели разрозненные подразделения и группы, скрывшиеся в лесах. В их обнаружении и уничтожении также участвовало местное население (белорусы, украинцы и евреи).

Военные потери Красной армии в Польше оцениваются в 2–2,5 тыс. убитых и 8–10 тыс. раненых. Польские потери значительно больше, поскольку туда включаются не только павшие на поле боя, но и жертвы убийств, совершенных Красной армией, НКВД, террористическими, диверсионными и националистическими вооруженными группами. Согласно польским оценкам, потери Польши составляют 6–7 тыс. убитых и около 10 тыс. раненых.

Договор о дружбе и границе между СССР и Германией 28 сентября 1939 г. Ранним утром 21 сентября 1939 г. народный комиссар обороны СССР маршал Климент Ворошилов и военный атташе Третьего рейха генерал Эрнст Аугуст Кёстринг вместе с тремя другими переговорщиками подписали в Москве секретное соглашение о демаркационной линии. Красная армия обязалась остановиться на позициях, на которых она находилась вечером 20 сентября 1939 г., и возобновить продвижение на запад 23 сентября 1939 г. на рассвете. В свою очередь германские войска должны были с 22 сентября отступать в установленном режиме с тем, чтобы к вечеру 4 октября 1939 г. выйти на линию по западному берегу рек Писса—Нарев—Висла—Сан. Это означало, что они вернутся на рубеж, согласованный в протоколе к советско-германскому пакту о ненападении. Также было установлено, что по требованию германской стороны Красная армия окажет ей помощь в уничтожении польских войск и «банд», находящихся на пути небольших германских формирований. В Бресте, который переходил под контроль Красной армии, прошел совместный парад подразделений обеих армий, символизировавший их военный союз против Польши.

Тем временем 25 сентября 1939 г. в ходе беседы Сталина и Молотова с Шуленбургом возник вопрос о дальнейшей судьбе Польши, то есть об окончательном разделе захваченных территорий. Сталин считал, что следует «избежать всего, что впоследствии могло бы вызвать трения в отношениях между Германией и СССР». Поэтому он посчитал «ошибочным» «сохранение независимости фрагментированной Польши» и предложил передать Германии Люблинское и часть Варшавского воеводства в обмен на отказ Рейха от Литвы⁷. Эти предложения рассматривались на переговорах с Риббентропом в ходе его очередного визита в Москву (27–29 сентября). Хотя обсуждение проходило в дружественной атмосфере, обе стороны тем не менее добивались утверждения наиболее выгодного для себя варианта раздела польских территорий. Результатом этих переговоров было подписание Договора о дружбе и границе между СССР и Германией (28 сентября). Правительства обеих стран констатировали, что «после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям». Был согласован окончательный вариант границы «обоюдных государственных интересов на территории бывшего Польского государства». В тексте содержалось также предупреждение о том, что стороны «устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение». Урегулирование границы было признано «надежным фундаментом для дальнейшего развития дружественных отношений между обоими народами»⁸.

Договор подлежал ратификации — но он вступил в силу с момента его подписания Молотовым и Риббентропом.

В опубликованном в прессе заявлении советского и германского правительств говорилось, что договор окончательно урегулировал вопросы, вытекающие из «распада Польского государства», и тем самым якобы создал прочную основу для длительного мира в Восточной Европе. По их мнению, Польша была окончательно стерта с политической карты Европы. Договаривающиеся стороны обещали предпринять усилия для скорейшего завершения войны, то есть убедить Францию и Великобританию отказаться от борьбы против Германии.

Хотя текст договора был сразу же опубликован вместе с соответствующей картой, он не содержал прилагавшихся к нему трех протоколов с разной степенью секретности содержащейся в них информации⁹. Первый из них касался частичного изменения линии разграничения сфер влияния, согласованной 23 августа 1939 г.: территория Литвы была признана сферой интересов СССР, а Люблинское и часть Варшавского воеводства — Германии. После занятия Литвы Советским Союзом ее юго-западная часть («для естественного и простого прохождения» границы) должна была быть передана Третьему рейху.

Второй секретный протокол содержал заверения в том, что стороны не потерпят «на своих территориях никакой польской агитации», которая могла бы оказать влияние на территории другой стороны (угроза будет ликвидироваться в зародыше, стороны будут информировать друг друга о принимаемых в данной области мерах). Это означало бескомпромиссную борьбу с польским подпольем, стремившимся к восстановлению независимости страны.

Третий протокол гарантировал возможность добровольного переселения граждан Рейха и лиц немецкого происхождения из сферы интересов СССР в Германию либо на территории, входящие в сферу ее влияния. В свою очередь лица украинского и белорусского происхождения могли переселиться из германской зоны оккупации в советскую.

30 сентября 1939 г. польская дипломатия официально выразила протест против советско-германского договора, нарушения прав польского государства и польского народа и против распоряжения территориями Польской Республики. Также было заявлено о том, что Польша никогда не признает этот акт насилия и не прекратит борьбу за полное освобождение страны от захватчиков.

4 октября 1939 г. в Москве был подписан дополнительный протокол о границе, который детально определил линию ее прохождения. Делимитация советско-германской границы на местах была осуществлена совместными группами специалистов.

Еще до формального включения восточных земель Польши в состав СССР Советский Союз «подарил» небольшую часть польской территории Литве. Это произошло на основании заключенного 10 октября 1939 г. Договора о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой. Исторический момент перехода к Литве около 6,9 тыс. км² оккупированных Красной армией польских территорий, где проживало более 500 тыс. человек (в основном поляки), произошел 28 октября 1939 г. Уход Советов сопровождался арестами и грабежами имущества. Однако в середине июня 1940 г. Советы вернулись туда, установили на территории всей Литвы советскую власть, а 3 августа 1940 г. включили Литовскую ССР в состав СССР.

Процедура аннексии восточных территорий Второй Речи Посполитой. Действия агрессоров в сентябре 1939 г. преследовали следующую цель: быстро демонтировать структуры польского государства («панско-буржуазной власти») и создать на оккупированной территории организационные звенья новой власти. Этот процесс начался еще до появления подразделений Красной армии в данном регионе. После сообщения о том, что красноармейцы перешли границу с Польшей, по инициативе коммунистов и их сторонников стали создаваться самозванные органы советской власти («революционные комитеты», «сельские комитеты»). Они организовывались там, где польские вооруженные силы и полиция были немногочисленны. Именно эти комитеты — с помощью вооруженных групп с повязками «милиции» и «рабочей гвардии» на рукаве — начали энергично «следить за порядком» и охранять объекты общественного пользования.

Однако принципиальную роль в создании и укреплении структур новой гражданской власти сыграли политические органы Красной армии, кадровый состав которых был расширен за счет делегированных в армию политических деятелей и сотрудников аппарата НКВД. На основании приказа Л. Берии от 8 сентября были образованы девять оперативных чекистских групп, которые, следуя за передовыми частями Красной армии, должны были «осваивать» занимаемые территории (занять стратегические объекты: пункты связи, радиостанции, банки, налоговые инспекции, архивы, издательства, тюрьмы; арестовать помещиков, капиталистов, представителей правительственной администрации и силовых ведомств, лидеров партий и общественных организаций).

Вопреки советскому утверждению, что в 1939 г. рабочие массы на восточных территориях Польши якобы сами совершили общественно-политическую революцию, сегодня известно, что это произошло по подготовленному в Москве плану, который был реализован силовыми ведомствами. В директиве НКВД СССР от 15 сентября и в директивах Военных советов Красной армии от 16 сентября 1939 г.¹⁰ содержался перечень задач, которые необходимо было выполнить на занятых территориях. После вступления в любой город следовало создать в нем («от имени армии» как «единственной власти») не революционный комитет, а временное управление, в состав которого должны были войти: политработник Красной армии (как председатель), представитель оперативной группы НКВД, а также по одному «представителю» от местных рабочих и интеллигенции, придерживавшейся левых политических взглядов. В гминах и деревнях в свою очередь следовало создать сельские комитеты из представителей бедного крестьянства и середняков. Предписывалось также оказать помощь в организации Рабочей гвардии и позаботиться о том, чтобы в новые органы власти не проник «контрреволюционный и провокаторский элемент с враждебными намерениями».

Перед крестьянскими комитетами ставилась задача занять земли помещиков, костелов, монастырей и высокопоставленных чиновников и впоследствии разделить ее между бедными и средними крестьянами. При этом создавать колхозы «пока» запрещалось.

Кроме того, подразделения Красной армии должны были организовать издание газет на белорусском, украинском и польском языках, обеспечить снабжение

городов продовольствием и создать Рабочую гвардию для «установления революционного порядка».

В директивах была также определена процедура «узаконивания» аннексии оккупированной территории. Для «решения» вопроса о характере новой власти и способе формирования органов управления было приказано создать («после основательной подготовки») по итогам всеобщих выборов три народных собрания: украинское («в воеводствах Западной Украины»), белорусское («в воеводствах Западной Белоруссии») и польское («в воеводствах, где преобладает польское население»). Они должны были заняться решением следующих проблем: утверждение перехода помещичьих земель к крестьянским комитетам; решение вопроса о характере новой власти (советская или иная?); решение вопроса о вхождении в состав СССР (украинских воеводств — в состав Украинской ССР, белорусских — в состав Белорусской ССР, а польских — в СССР в качестве Польской ССР).

Согласно принятым ранее решениям созданием временных органов власти и сельских комитетов, выполнявших сходные функции, занимались опытные и проинструктированные соответствующим образом политические работники Красной армии и НКВД. Именно они формировали структуры советской власти на оккупированной территории, подбирали надежных людей на местах (в дополнение к группам из лиц, уже назначенных республиканскими партийными властями в Минске или Киеве), они определяли и контролировали выполнение первоочередных задач в сфере социально-экономического развития. Население призывали сложить оружие, вернуться к работе и возобновить деятельность предприятий, создать народную милицию и Рабочую гвардию — с целью охраны различных объектов, соблюдения «нового порядка» и борьбы с «бандитами», «контрреволюционерами» и польскими вооруженными силами. На собраниях-митингах местного населения *политруки* Красной армии, создавая видимость сохранения демократии, участвовали в определении состава новых временных органов власти. По политическим и идеологическим соображениям они заботились о том, чтобы «избирались» люди «правильного» социального происхождения (из бедных слоев населения), которые не были связаны с прежней польской администрацией и были прежде всего лояльны по отношению к советской власти. Предпочтение отдавалось украинцам, белорусам и евреям. Гражданские администрации в таком составе просуществовали до конца военной оккупации.

В ноябре 1939 г. были созданы структуры НКВД, а также местной и железнодорожной милиции, а в период с декабря 1939 г. до февраля 1940 г. благодаря направленным из СССР кадрам были сформированы также судебный аппарат и прокуратура.

Доступные в настоящее время документальные источники подтверждают, что новую действительность на восточных территориях Второй Польской Республики создавали по плану Кремля. Его суть сводилась к аннексии и быстрой унификации системы управления на оккупированных территориях — приведению ее в соответствие с системой, сложившейся в СССР. Намеченные Москвой меры реализовывались военными и делегированными для этой цели из СССР представителями коммунистической партии и сотрудниками НКВД. Радикальные социальные,

экономические и политические преобразования, проводимые под их контролем, советские власти пытались представить как якобы соответствующие «воле народа», который проживает на оккупированной территории, и им санкционированные. Тем временем 1 октября 1939 г. план преобразований был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б): это был подробный перечень задач, которые следовало выполнить в ближайшее время на оккупированной территории. В частности, в связи с изменением советско-германской границы сфер влияния было решено созвать только два Народных собрания — украинское во Львове и белорусское в Белостоке. Решением «сверху» было определено, что собрания займутся рассмотрением вопросов, указанных в уже упоминавшейся директиве Красной армии, а также «примут решение» о национализации банков и крупной промышленности. Также были определены основные принципы проведения выборов. Для создания видимости того, что инициатива созыва Народных собраний исходит снизу, решение об их созыве и о создании комитетов по вопросам организации выборов должны были принять временные администрации Львова и Белостока. Им также облегчили процедуру отбора членов организационных комитетов, определив, какие социальные группы и в каком соотношении должны быть в них «представлены». Были определены лозунги, под которыми следовало проводить избирательную кампанию. Они ясно указывали на то, каким будет характер «решений», принимаемых новыми органами власти. Дата выборов была назначена на 22 октября, а торжественное открытие Народных собраний — на 26 октября 1939 г.

В связи с вышеизложенным уже 2 октября была издана директива Главного политического управления Красной армии, в которой содержалась характерная рекомендация: «не дожидаясь специальных директив со стороны политических органов, мы уже сейчас должны начать подготовку к тому, чтобы членами Народных собраний стали надежные люди»¹¹.

В соответствии с рекомендациями, полученными из Москвы, а также Киева и Минска, Временные администрации в городах Львов (4 октября) и Белосток (5 октября) выступили с обращением к временным администрациям всех остальных городов в своих воеводствах. В обращениях содержался призыв созвать на основе демократических выборов украинское (белорусское) Национальное (Народное) собрание, а до этого назначить представителей в комитеты, занимающиеся организацией выборов. Был «предложен» (хотя фактически навязан) круг проблем, которыми должны были заниматься собрания: «решение» вопроса о характере новой власти, вхождении территорий в состав СССР и об их объединении с Советской Украиной (Белоруссией); утверждение передачи помещичьих земель крестьянам, а также решение вопроса о национализации банков и крупной промышленности. Таким образом, содержанием избирательных программ кандидатов по сути являлось перечисление указанных выше задач и проблем. Стоит отметить выраженную в обращениях администраций уверенность в том, что советская власть «будет установлена на их земле».

Что касается вопроса о государственном устройстве и принадлежности оккупированных Красной армией территорий, его упоминание в избирательной кампании и заявление о том, что он будет «решен» Народными собраниями, были всего лишь пропагандистским приемом, который наверняка должен был стать на вы-

борах дополнительным стимулом для избирателей. Поскольку «постоянная государственная граница» между СССР и Третьим рейхом была уже установлена в договоре от 28 сентября 1939 г., трудно поверить в то, что по «воле народа», проживавшего на оккупированной территории, можно было исправить эту границу или провозгласить установление другого общественного устройства (не советского).

6 октября были оглашены «Постановления» военных оккупационных властей — Военных советов Украинского и Белорусского фронтов — об утверждении состава комитетов по вопросам организации выборов в Национальные (Народные) собрания Западной Украины и Западной Белоруссии. В комитеты вошли политические деятели, прибывшие с востока — из Украины и Белоруссии. Для лиц польской национальности в них места не нашлось. Так как члены комитетов назначались коммунистической партией, они не отражали интересы населения, проживавшего на оккупированной территории, которое практически никак не влияло на их деятельность.

7 октября Военные советы (!) Украинского и Белорусского фронтов «приняли» «Законы» (!) о выборах в Народные собрания («Порядок организации выборов»), а также «определили» дату голосования — 22 октября. Предоставление столь короткого срока для проведения избирательной кампании стало неожиданностью, поскольку советские законы о выборах того времени предусматривали проведение трехмесячной политико-пропагандистской кампании, которая заканчивалась за день до выборов. Избирательная кампания проводилась на территориях, где польские органы власти были ликвидированы, а политические партии и все общественные организации распущены. Новые органы власти только формировались и действовали на совершенно незнакомой для них территории. Определение состава окружных и районных избирательных комиссий, как и отбор так называемых доверенных лиц, проходили под полным контролем оккупационных властей. В районных избирательных комиссиях подавляющее большинство составляли белорусы (68,2%) и украинцы (81,3%). Поляков было соответственно 16 и 8,4%. Кандидатов в члены собраний могли выдвигать сельские комитеты, временные администрации, собрания Рабочей гвардии и собрания интеллигенции. Власти позаботились о том, чтобы кандидаты были надежными и послушными людьми, придерживались «соответствующих» идей и имели «правильное» социальное происхождение. Попытки выдвинуть независимых кандидатов встречали решительное сопротивление со стороны организаторов выборов. При этом из 1495 «кандидатов» в Народное собрание Западной Украины украинцев было 92,4%, а поляков едва ли 1,8%. Значительно больше поляков баллотировалось на выборах в Народное собрание Западной Белоруссии (их было 11,5%, а белорусов 72,3%).

Политический актив, делегированный с востока, военные, а также местные «надежные» коммунисты проводили пропагандистско-агитационные мероприятия с большим размахом: они действовали в городах и деревнях, на предприятиях и по месту жительства; они выступали с речами, а также использовали прессу, плакаты, листовки, фильмы, радио и музыку. Мнимые благодеяния советского режима прославлялись, а довоенная Польша всячески очернялась.

Среди жителей оккупированных территорий были те, кто поддерживал новую власть и добровольно участвовал в голосовании; были и недружелюбно настроен-

ные жители, которые пришли на выборы из страха; были также противники советской власти — они не пошли на избирательные участки. В ходе предвыборной кампании враждебное отношение к оккупантам демонстрировалось в разных формах — от морального пассивного сопротивления до борьбы с оружием в руках.

Официальные результаты «выборов» вызывают подозрения в том, что они были сфальсифицированы. Удивляют слишком высокая явка избирателей (96,7% на выборах в Народное собрание Западной Белоруссии и 92,8% — в Народное собрание Западной Украины) и количество голосов, отданных за «кандидатов» (90,7 и 90,9% соответственно).

«Выборы» прошли в условиях военного положения, по инициативе и под контролем оккупационной и военных администраций; на выборах не было представителей международной общественности; не было возможности выдвинуть независимого кандидата, провести настоящую избирательную кампанию; наблюдатели не участвовали в подсчете голосов.

Польское правительство в эмиграции выразило протест против этого избирательного фарса, противоречившего международному праву, и не признало законными «решения» собраний. Однако власти СССР завершили процедуру аннексии. Заседания Народного собрания Западной Украины во Львове (26–28 октября) и Народного собрания Западной Белоруссии в Белостоке (28–30 октября) проходили по сценарию Москвы. «Депутаты» подвергли сокрушительной критике времена «панской Польши» и подобострастно говорили о прекрасном будущем при советской власти. Были единогласно приняты подготовленные ранее партийными властями Украины и Белоруссии документы: декларация о провозглашении советской власти и просьба принять Западную Украину (Западную Белоруссию) в состав СССР (и соответствующей советской республики); декларация о конфискации (без выкупа) земель помещиков, монастырей и высокопоставленных чиновников, их национализации и об утверждении раздела этих земель сельскими комитетами; декларация о национализации банков и крупной промышленности. В заключение были сформированы Уполномоченные комиссии, которые должны были изложить в Москве и Киеве (Минске) содержание вышеупомянутых постановлений и просьбу о принятии Западной Украины (Западной Белоруссии) в состав СССР и соответствующей советской республики.

На Внеочередной 5-й сессии Верховного совета СССР (31 октября — 2 ноября 1939 г.), на которой присутствовали также члены Уполномоченных комиссий, Молотов выступил с докладом о внешней политике правительства СССР. В докладе он оскорбил Польшу и ее граждан, заявив, в частности: «Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»¹². Он предупредил, что о восстановлении «старой Польши» не может быть и речи. После «обсуждения» было решено удовлетворить «просьбы» Народных собраний и принять в состав СССР Западную Украину (1 ноября) и Западную Белоруссию (2 ноября). В состав же соответствующих советских республик аннексированные территории были формально включены на сессиях Верховных советов Украинской ССР (13–14 ноября) и

Белорусской ССР (12–14 ноября). Тем самым был завершен процесс инкорпорации оккупированных восточных территорий Польши в состав СССР.

4 декабря 1939 г. было введено новое административное деление — вместо польских воеводств появились новые области: пять в составе Белорусской ССР и шесть в составе Украинской ССР. В январе 1940 г. были ликвидированы повяты и гмины, а вместо них созданы районы и сельские советы. Одновременно были учреждены временные исполнительные комитеты на уровне области, города, района и села.

Еще до формального присоединения оккупированных Красной армией территорий центральные политические и административные инстанции СССР приняли решение о создании на них структур коммунистической партии, молодежной организации и профсоюзов — политических опор советской власти. Все политические партии, существовавшие во Второй Польской Республике, и общественные организации (также и национальных меньшинств) были ликвидированы в первый день оккупации этих территорий. 4 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) назначило уполномоченных по вопросам организационно-партийной работы в каждое воеводство. Вскоре из СССР туда были делегированы 2 тыс. коммунистов и комсомольцев, затем тысячи военных были демобилизованы из армии и направлены на восточные территории Польши. Из местных жителей в большевистскую партию принимали только «передовых» рабочих, крестьян и представителей интеллигенции — тех, кто помогал Красной армии в ее борьбе с «враждебными элементами» и проявил себя в ходе установления «революционного порядка». Сначала партийные ячейки удалось создать только на крупных предприятиях и на железных дорогах, в деревнях же процесс шел довольно медленно. Только 21 марта 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о порядке индивидуального перехода в ВКП(б) бывших членов КПП, КПЗУ, КПЗБ¹³ — при котором партийный стаж в этих партиях шел в зачет стажа в ВКП(б). Заявления о вступлении в партию должны были сначала рассматриваться специальными комиссиями в Киеве и Минске, а соответствующее решение принимали Политбюро в Украине и Белоруссии.

5 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление ЦК Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (комсомола) о создании комсомольских организаций на оккупированных территориях Польши. Было предписано принимать в комсомол (в индивидуальном порядке и после тщательной проверки) передовую молодежь из рабочих, крестьян и интеллигенции, которая помогала Красной армии и продолжала активно участвовать в работе временных органов власти и Рабочей гвардии. Республиканские комсомольские организации в Киеве и Минске получили распоряжение назначить своих уполномоченных представителей в каждое оккупированное воеводство.

Существовавшие в Польше профсоюзы (которые создавались по отраслевому, религиозному или национальному принципу), по мнению советских властей, носили «реакционный, буржуазный характер» и потому были распущены. Их членам следовало заново регистрироваться и вступать в новые профсоюзы, которые должны были превратиться в «школу коммунизма», «занятия» в которой вела большевистская партия. 8 октября 1939 г. на оккупированные территории из Москвы были

делегированы две группы специалистов для оказания помощи в организации профсоюзов. Личный состав и структуру организаций профсоюзного движения утверждали партийные власти Украины и Белоруссии. Следует отметить, что не допускалось принятие в профсоюзы элементов «классово враждебных»: бывших владельцев фабрик, коммерсантов, «членов фашистских и профашистских партий». Выгоды и преимущества, которые давала принадлежность к профсоюзному движению, обусловили его массовость — к нему присоединилось более 80 рабочих.

Паспортизация. 29 ноября 1939 г. Президиум Верховного совета СССР принял декрет «О получении гражданства СССР жителями западных областей Украинской и Белорусской ССР» (он не был предназначен для публикации в правительственных документах). На его основании советское гражданство было навязано «сверху» следующим категориям лиц:

а) «бывшим польским гражданам», проживавшим в западных областях Украины и Белоруссии в момент формального включения этих территорий в состав СССР (1 и 2 ноября 1939 г. соответственно);

б) лицам (т.е. польским гражданам), которые прибыли в советскую зону оккупации из германской (на основании соглашения о переселении, заключенного СССР и Третьим рейхом 16 ноября 1939 г., согласно которому разрешалось добровольное переселение лиц немецкой национальности, оказавшихся в советской зоне оккупации, а также украинцев, русинов, русских и белорусов — из германской зоны оккупации);

в) лицам (т.е. польским гражданам), которые переселились в зону советской оккупации в связи с передачей правительством СССР Виленского края Литве.

30 декабря 1939 г. правительство СССР ввело паспортную систему на оккупированных территориях. Она распространялась на население областных и районных центров, рабочих поселений и совхозов, на работников железнодорожного транспорта, а также на территорию новых строительных объектов и приграничную зону шириной 7,5 км. Одновременно была введена обязательная регистрация всех лиц, достигших 16-летнего возраста. Паспортизация была проведена весной 1940 г. Те, кому по разным причинам отказали в выдаче документа, удостоверяющего личность, а также те, у кого в паспорте стояла соответствующая пометка (о «неблагонадежности» владельца паспорта), были вынуждены переселиться в отдаленные районы. Обычно это означало потерю работы и жилья. Лица, отказывавшиеся получить новый паспорт, в основном арестовывались и депортировались. Мероприятия, проведенные в рамках паспортизации, должны были «очистить» территорию от враждебных советской системе лиц.

Национализация имущества. Присвоение советским государством той части экономического потенциала Польши, которая оказалась в зоне его оккупации, в действительности началось еще до принятия соответствующих «решений» Народными собраниями. Процесс проходил поэтапно до весны 1940 г. Вскоре после занятия восточных территорий Польши политическим органам и командованию Красной армии было приказано принять немедленные меры по организации «нормальной экономической жизни». Зброшенные предприятия и учреждения следовало передать в распоряжение временных органов управления на местах с рекомендацией возобновить их работу, что фактически и происходило с конца сентября 1939 г.

На действующих предприятиях был установлен «рабочий контроль» за их деятельностью. Постепенно рабочие «учились управлять производством без капиталистов», отстраняли последних от управления и подготавливали условия для формальной национализации предприятий.

Политбюро ЦК ВКП(б) уже 1 октября 1939 г. постановило, что предприятия, владельцы которых сбежали или «саботируют» их работу, следует национализировать. Одновременно Политбюро обязало республиканские партийные инстанции Украины и Белоруссии представить в Москву предложения о порядке осуществления национализации крупных предприятий, а также списки других производств, которые подлежали переходу в государственную собственность.

Формально решение о путях и методах организации экономической жизни на оккупированных территориях «приняли» Народные собрания: 28 октября во Львове и 30 октября в Белостоке были провозглашены декларации о национализации банков и крупной промышленности. Это было сделано с целью «ликвидации эксплуатации человека человеком» и уничтожения власти «паразитов». С этого момента все банки и их золотовалютные резервы, крупные (без уточнения этого понятия) фабрики и предприятия, все шахты и железные дороги были провозглашены «все-народным достоянием», то есть государственной собственностью. Это общее постановление стало впоследствии основой для частных решений партийных и правительственных властей, а также органов законодательной власти. Например, 11 ноября 1939 г. руководство белорусских коммунистов постановило национализировать текстильную и лесную промышленность Западной Белоруссии. Соответствующие решения по этому вопросу должны были принять правительство Белоруссии и временные областные органы власти. 20 ноября 1939 г. в собственность государства перешли также западнобелорусские предприятия полиграфии, металлообрабатывающей и химической промышленности, в первые дни декабря 1939 г. — кино и предприятия легкой промышленности (в частности, кожевенные, стекольные и валяльно-войлочные).

Формальным окончанием процесса принятия решений об огосударствлении промышленности были указы Президиума Верховного совета СССР от 4 декабря 1939 г. о национализации промышленных предприятий и учреждений на территории Западной Украины и Западной Белоруссии (затем соответствующие «решения» приняли власти союзных республик). В качестве «обоснования» указывалось, что контроль над предприятиями переходит к государству вследствие «включения восточных территорий Польши в состав СССР 1–2 ноября 1939 г.». Национализации подлежали предприятия и учреждения, указанные в списках, которые представили правительства Украины и Белоруссии (ни в каких документах они опубликованы не были), а также все принадлежащие им строения, строительные объекты, оборудование, склады, транспортные средства, оборотный капитал и остальное имущество. Кроме того, были национализированы железнодорожный транспорт, связь, полиграфия; электростанции, гостиницы, бассейны, бани и другие предприятия коммунальной сферы; рыбные хозяйства; все школы и высшие учебные заведения; больницы, аптеки, санатории, дома для престарелых; дома, принадлежавшие богатым акционерам и тем, кто оставил свое имущество и бежал от большевиков; театры, кино, музеи, стадионы, зоопарки, картинные галереи, публичные библиотеки;

крупные торговые предприятия (магазины, рестораны, столовые, оптовые склады и т.д.). Национализированные предприятия переходили под контроль союзных или республиканских экономических ведомств.

В указе Президиума Верховного совета Белорусской ССР о национализации от 22 декабря 1939 г. заявлялось, что «мастерские, не использующие наемную рабочую силу, будут выкуплены Советом народных комиссаров Белорусской ССР в установленный срок». Произошло ли это на самом деле — неизвестно.

Только 3 февраля 1940 г. партийное руководство Белоруссии приняло решение национализировать в западных областях республики все предприятия коммунальной сферы (электростанции, гостиницы, бани, бассейны, городские водопроводные и канализационные сети, механические прачечные), а также предприятия городского хозяйства (цветочные оранжереи). Национализации также подлежали здания, находившиеся в собственности польских ведомственных предприятий, общественных организаций и помещиков. Была также провозглашена муниципализация заброшенных (?) городских домов, покинутых прежними жителями. Было решено обратиться в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой разрешить в западных областях Белоруссии муниципализацию жилых помещений, полезная площадь которых составляла более 100 м². Под контроль органов власти в деревнях предлагалось передать те строения, которые не представляли особой важности для сельского хозяйства и всей республики в целом (?!). К таким объектам относились государственные и общественные здания, а также дома, принадлежавшие высокопоставленным чиновникам и помещикам.

Национализация недвижимости в городах ударила не только по крупным домовладельцам, но и по массе незажиточных людей, которые на свои сбережения покупали старые каменные дома и имели с этого небольшой доход. Проведение национализации сопровождалось грабежами и различными формами превышения служебных полномочий (уничтожение оборудования, технической и бухгалтерской документации, изъятие личного имущества).

В целом в западных областях Украины временными органами власти и исполнительными комитетами были национализированы более 2200 крупных и средних промышленных предприятий, а в западных областях Белоруссии — около 1700. Такие высокие темпы проведения акции были возможны благодаря подбору «благонажных руководящих кадров».

Радикальные изменения произошли также в системе здравоохранения: она была национализирована, а медицинская помощь теперь предоставлялась бесплатно. Частную медицинскую практику отменили. Была расширена сеть лечебных учреждений не только в городах, но и в деревнях. Увеличилось число коек в больницах, было открыто много новых поликлиник (в том числе на предприятиях), лабораторий, аптек, увеличилась численность медицинского персонала.

Безусловно, с этой точки зрения положение рабочих и сельских жителей, для которых во времена Второй Польской Республики медицинская помощь была в основном недоступной, то есть платной, а больницы располагались в крупных городах, изменилось в лучшую сторону.

Партийные решения, которые инициировали национализацию и определяли ее масштабы, были гораздо радикальнее постановлений Народных собраний, а их реа-

лизация означала, что к государству переходил контроль над всей промышленностью, которая теперь подчинялась планово-распределительной системе управления.

Для бывших владельцев национализированных предприятий, в основном поляков и евреев, приход новой власти означал внезапную потерю материальных средств к существованию, конфискацию имущества и потерю влияния. Все это привело к радикальному усилению антисоветских настроений. Однако в то же время произошли существенные изменения в структуре хозяйства и собственности, которые стали началом модернизации и укрепления потенциала промышленности: она получила доступ к обширному рынку СССР. Однако преобразования также обусловили бездумную растрату ресурсов, снижение уровня производства и трудовой дисциплины.

Первым экономическим решением, которое касалось оккупированной Красной армией территории, следует считать выравнивание курса польского злогого по отношению к рублю. Поскольку в то время цены на многие товары в СССР были намного выше, чем в Польше, это привело к тому, что за несколько недель магазинные прилавки опустели. Военные и гражданские служащие, прибывшие на оккупированные территории из СССР, скупали все, что считалось в их стране дефицитным товаром. Это быстро привело к повышению цен.

Что касается банковского сектора, то советские власти приступили к его национализации гораздо быстрее, чем к национализации промышленного сектора. Уже 25 сентября 1939 г. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. Пономаренко сообщил Сталину о том, что во все банки, располагавшиеся на занятых Красной армией территориях Западной Белоруссии, назначены комиссары, а денежные вклады населения находятся в полной сохранности.

Формальное решение по этому вопросу было принято ЦК ВКП(б) 1 октября. Постановление предписывало назначить от имени временных областных органов власти комиссаров во все банки на занятых территориях Польши. Заместитель председателя Совнаркома СССР Николай Булганин должен был назначить комиссарами специалистов в данной области, а также представить руководству партии кандидатов на должности временных уполномоченных представителей Государственного банка СССР во Львове и Белостоке. Оттуда они должны были контролировать деятельность национализированных банков. С того момента ни одна финансовая операция не могла быть произведена без согласия комиссара. Были временно приостановлены сделки с иностранными банками. Частные лица могли забирать свои вклады, однако сумма не могла превышать 300 руб. в месяц. Такие же ограничения были установлены в сберегательных кассах. В процессе принятия этих постановлений центральное политическое руководство пришло к выводу, что на аннексированной территории необходимо осуществить переход на советскую валюту.

В свете всего вышеупомянутого принятие Народным собранием Западной Белоруссии декларации о национализации банков было обыкновенной формальностью. Стоит напомнить, что в ходе «обсуждения» этого вопроса в Белостоке присутствующим давали ложные обещания, что на банковских вкладах рабочих национализация «никоим образом» не отразится.

Решение о введении советской валюты на аннексированной территории было принято 8 декабря 1939 г. закрытым постановлением Политбюро ЦК ВКП(б)

и СНК СССР. Согласно постановлению, с 11 декабря заработная плата должна была выдаваться исключительно в рублях, а с 21 декабря только рублями можно было расплачиваться за товары и услуги. С этого дня банки и сберегательные кассы не имели права принимать польские злотые — таким образом, польская валюта окончательно перестала быть платежным средством. С того же дня сумма выплат в рублях по текущим золотым и сберегательным счетам частных предприятий и физических лиц составляла максимум 300 злотых. Также с 21 декабря денежные средства государственных и кооперативных предприятий и учреждений, которые хранились (в злотых) в банках и сберегательных кассах, могли выдаваться только в рублях. Был установлен курс 1 злотый = 1 рубль, что в условиях значительно меньшей покупательной способности советской валюты (по довоенному курсу 1 злотый = 3,30 рубля) означало конфискацию денег граждан, предприятий и учреждений. Это решение ударило не только по состоятельным людям, но и весьма заметно по массе простых граждан, которые на протяжении многих лет откладывали часть своей заработной платы в сбережения. Огромные финансовые потери понесли также общественные, опекунские, культурные и научные учреждения. На практике это означало, что их нормальная деятельность была парализована. Много потеряли и те, кто в связи с началом войны забрал свои денежные вклады из банков и хранил их дома. Отмена злотого означала финансовую катастрофу и для подпольных организаций, боровшихся за независимость Польши. Информацию об этих изменениях (экспроприации денежных средств) было разрешено опубликовать только 20 декабря 1939 г. Возмущенных этими мероприятиями рабочих успокаивали на собраниях агитаторы.

19 февраля 1940 г. национализированные банки были формально ликвидированы Государственным банком СССР, который ранее создал на их основе свои региональные отделения. В тот же день было принято решение об отмене принудительных взысканий с предприятий в отношении этих банков, если соответствующие требования о взыскании были предъявлены до 1 октября 1939 г. Задолженность же частных лиц теперь подлежала взысканию в рублевом эквиваленте. Одновременно было принято решение не выплачивать остальную часть вкладов и сальдо текущих счетов бывшим собственникам национализированных предприятий. Драгоценности, принадлежавшие частным лицам и находившиеся в сейфах и хранилищах, пожертвования польского общества в Фонд национальной обороны¹⁴, книги учета депозитных операций, так же как и акции, облигации и другие ценные бумаги независимо от их стоимости, перешли к Наркомату финансов СССР. Официальные власти не сделали никаких заявлений по вопросу о возмещении ущерба. Индивидуальные попытки вернуть драгоценности через суды оказались безрезультатными.

Следует также упомянуть, что решением Совнаркома СССР от 2 апреля 1940 г. был определен порядок выдачи драгоценностей, заложенных в ломбардах в западных областях. Прежние владельцы могли получить их при условии, что их стоимость не должна превышать 300 руб. Все остальное переходило в собственность Наркомата финансов СССР, то есть фактически отбиралось властями. Конфискации подлежали также драгоценные металлы в слитках, ломе и монетах. Стоит отметить немолчаливость, с которой новые власти взыскивали долги с коммунальных касс, Кас-

сы Стефчика¹⁵ и других кредитных учреждений, а также платежи по векселям с коммерсантов. До сих пор невозможно определить общую стоимость имущества, которое оккупанты отобрали у польских граждан.

Что касается сберегательных касс, то соответствующие учреждения, существовавшие во Второй Польской Республике, были заменены на советские государственные трудовые сберегательные кассы и государственный кредит.

19 марта 1940 г. были формально ликвидированы частные страховые компании: в этой сфере также была введена государственная монополия.

В конце февраля 1940 г. были отклонены претензии иностранных граждан, фирм и компаний, предъявленные властям СССР в связи с национализацией их имущества. Было принято соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б), согласно которому решения по вопросам конфискации помещичьих земель, национализации банков и крупной промышленности Западной Украины и Западной Белоруссии были приняты не центральными или региональными органами власти СССР, а органами, «созданными суверенными народами Западной Украины и Западной Белоруссии» еще до принятия этих территорий в состав СССР (!).

Сельское хозяйство на восточных территориях Польши было преобладающим сектором экономики. Советские власти наметили план его перестройки в несколько этапов с учетом политических последствий каждого из этапов. На первом этапе была национализирована и затем поделена крупная помещичья собственность. Важно заметить, что уже в приказах Красной армии содержались указания на то, что в 1939 г. не следует говорить о создании колхозов и совхозов. Однако одновременно предпринимались попытки склонить местных жителей к «революции снизу»: захвату и разделу помещичьих земель, что наверняка делало новую власть привлекательной в глазах сельского населения, особенно среди самых бедных крестьян.

Первоначально конфискация земель помещиков, монастырей и высокопоставленных чиновников, а нередко также зажиточных крестьян и осадников происходила стихийно, в атмосфере анархии, а позже — и на основании постановлений временных органов власти. Часто это сопровождалось разграблением, разорением, присвоением скота и инвентаря «эксплуататоров», которые в основном распределялись между наиболее бедными крестьянами. Таким образом, бывших владельцев лишали всего, что они нажили своим трудом, и чаще всего единственной возможности зарабатывать себе на жизнь. Часть конфискованных земель сельские комитеты отдавали в пользование батракам, безземельным и малоземельным крестьянам — в основном украинцам и белорусам (эти наделы, однако, были не так уж велики). Комитеты также позаботились о выделении (оставлении) земель для будущих совхозов и машинно-тракторных станций.

Утверждение этого беззакония, то есть нового порядка, сложившегося на селе, произошло на основании соответствующих деклараций Народных собраний Западной Украины и Белоруссии. В них была провозглашена конфискация (без выкупа) земель, принадлежавших помещикам, монастырям и высокопоставленным чиновникам, вместе со скотом, инвентарем и всеми постройками. Одновременно все земли, леса и реки были провозглашены государственной собственностью. Был также утвержден порядок передачи конфискованной земли в пользование трудящимся крестьянам, которую осуществили сельские комитеты.

Была создана система государственных закупок сельскохозяйственной продукции. Продажа земли была запрещена. Были уничтожены существовавшие в Польше механизмы кооперации крестьян. Все земледельческие объединения и молочные фермы были преобразованы в советские кооперативы.

Весной 1941 г. для отдельных областей были установлены максимальные размеры крестьянских хозяйств (7–15 гектаров). Образовавшиеся при этом излишки передавались колхозам, а при их отсутствии землю делили между самыми бедными крестьянами.

Следующий этап социально-экономических преобразований в деревне заключался в объединении индивидуальных крестьянских хозяйств в коллективные. Для того чтобы «поощрить» (а фактически принудить) создание колхозов, были установлены разные (для индивидуальных и коллективных хозяйств) нормы заготовок, обязательных поставок продукции и размеры налогов. Самыми высокими налогами облагались зажиточные крестьяне — кулаки.

Первые коллективные хозяйства появились уже в январе 1940 г. Затем, несмотря на недовольство и сопротивление крестьян, создание колхозов продолжилось в атмосфере навязчивой пропагандистско-агитационной кампании, а также с использованием административного, экономического и политического давления. Применялись и меры поощрения со стороны государства. Однако процесс коллективизации, который должен был обеспечить государству полный контроль над производством и распределением сельскохозяйственной продукцией, проходил довольно медленно. В первое время инициативные колхозные группы создавались (с помощью партийных работников) бедными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. На момент вторжения германских войск в СССР в колхозы вступили всего 13% индивидуальных хозяйств в западных областях Украины и только 6,7% в западных областях Белоруссии.

Одновременно в январе 1940 г. началась организация государственных сельскохозяйственных предприятий (совхозов) на землях, принадлежавших помещикам, и на базе хозяйств осадников и германских колонистов. Этот процесс был узаконен постановлением партийных властей и Совнаркома СССР от 19 февраля 1940 г. о создании 31 совхоза в западных областях Украинской ССР (позднее было создано еще 7 совхозов), а также постановлением от 2 апреля 1940 г. об организации 24 совхозов в западных областях Белорусской ССР. Эти хозяйства должны были стать образцовыми. Однако часть совхозов была организована на небольших участках земли, разбросанных по наделам нескольких крестьян и расположенных иногда в нескольких административных районах. Поскольку такими чересполосными хозяйствами было трудно управлять, весной 1941 г. 9 украинских совхозов были ликвидированы. Принадлежащая им земля была передана соседним колхозам, крестьянским хозяйствам и местным хозяйственным организациям, а трактора и машины — другим совхозам.

Уничтожая крупную земельную собственность, власти подготавливали почву для изменения общественно-политического устройства. Эти мероприятия привели к возникновению не только социального, но и межнационального конфликта, поскольку были ущемлены интересы собственников-поляков. Наибольшие выгоды от изменений получили в основном белорусы и украинцы. Аграрные отноше-

ния подверглись радикальной перестройке. Как следствие, из деревень на бывших восточных территориях Польши исчезли помещики, управляющие имениями, военные и часть осадников¹⁶.

Формы, масштабы и последствия репрессий в отношении польских граждан.

Аресты. Сотрудники репрессивного аппарата (оперативно-чекистские группы НКВД) вступали на территорию Польши, имея хорошее представление о зоне своей оперативной деятельности, то есть о тех общественных группах, которые предполагалось нейтрализовать и обезвредить с тем, чтобы исключить возможность организации движения сопротивления. В их распоряжении были подробные списки нескольких тысяч «наиболее активных врагов советской власти», куда включались также представители украинской, белорусской и «белой» эмиграции. В эти списки вносилась необходимая дополнительная информация о разыскиваемых лицах, а затем копии систематически распространялись при помощи местного населения (в том числе коммунистов). На основе этих списков и документов польских государственных органов власти (в частности, спецслужб), которые оказались в распоряжении оперативных чекистских групп, производились аресты польских граждан. Самыми опасными для новой власти считались: работники государственного аппарата (в том числе представители судебных властей) и органов местного самоуправления; сотрудники силовых ведомств (армии, полиции, пограничной охраны, тюремной охраны), разведки и контрразведки; помещики, владельцы фабрик, коммерсанты; учителя, лидеры политических партий и общественных организаций, в основном польских, но также и «националистических» украинских (особенно ОУН, УНДО¹⁷), белорусских и еврейских (например, «Бунд»). За «преступления», якобы совершенные против... советской власти в период их профессиональной и общественной деятельности в независимой Польше, они понесли наказание на основании... советского уголовного кодекса. Из анализа доступных архивных материалов следует, что на решение об аресте лица в первую очередь влияли именно его политическая деятельность и социальное положение («враждебные классы», «социально опасный элемент»), а не национальность. Кроме того, большой процент задержанных составили те, кто нелегально пересекали новую западную границу СССР. Арестованных размещали в переполненных тюрьмах и камерах предварительного заключения, где они страдали от нечеловеческих бытовых условий, плохого питания, отсутствия медицинского обслуживания, унижительных и жестоких допросов, а также от психологического террора. Им предъявлялись обвинения в совершении самых тяжких преступлений: «контрреволюционной деятельности», «шпионаже», «саботаже», «терроризме» и т.д. После окончания следствия арестованные представляли перед областными судами либо военными трибуналами, но в подавляющем большинстве случаев приговор выносило заочно Особое совещание при НКВД СССР. Наказание (обычно сроком на 5 лет, но также на 3 и 8 лет) осужденные отбывали в трудовых лагерях, располагавшихся в отдаленных районах. Там в тяжелых климатических и примитивных социально-бытовых условиях их рабочую силу безжалостно эксплуатировали в основном на строительстве промышленных объектов и коммуникаций, в добыче полезных ископаемых, в лесной, химической, валяльно-войлочной промышленности, жилищном строительстве и сельском хозяйстве.

Следственная и оперативная деятельность НКВД должна была помочь в раскрытии «контрреволюционных организаций» на оккупированной территории, которые устраивали акции саботажа, террора, проводили диверсии и координировали повстанческую деятельность. С первых дней оккупации началось создание широкой сети агентов и информаторов, поскольку уже с конца сентября 1939 г. стали появляться первые, в основном локальные, подпольные организации польского движения сопротивления (в частности, Секретная военная организация, Польская организация борьбы за свободу, Польская военная организация, Союз польских организаций), а вскоре и подпольные политические и административные структуры. Тайный общепольский Союз вооруженной борьбы, созданный польским правительством в эмиграции в ноябре 1939 г., а вместе с ним и Общественно-политический комитет, объединявший представителей партий, которые входили в состав кабинета генерала Сикорского, вскоре распространили свою деятельность и на зону советской оккупации.

Советские спецслужбы смогли относительно быстро выйти на польские подпольные организации и внедриться в их структуры. В результате были арестованы многие участники подполья (почти 9,9 тыс. человек к концу 1940 г.), а польское движение сопротивления было в значительной степени парализовано.

Активизировалось также украинское подполье. Следует напомнить, что оно проводило вооруженные акции и против польского населения. В рамках запланированных широкомасштабных акций оперативно-чекистских групп НКВД (декабрь 1939 г.; март, сентябрь и декабрь 1940 г.; апрель 1941 г.) была сделана попытка уничтожить подпольную организацию ОУН и расстроить ее планы по организации вооруженного восстания: к маю 1941 г. среди руководства и членов этой фракции подполья было арестовано около 9,2 тыс. человек. Одновременно группы НКВД захватывали склады с оружием и боеприпасами, а также подпольные издательства.

В целом, согласно имеющимся неполным данным, к маю 1941 г. сотрудники НКВД арестовали на оккупированных восточных территориях Польши (вместе с Виленским краем) по меньшей мере 110 тыс. человек¹⁸, среди которых 40% составляли поляки, 22,5% — украинцы, 22% — евреи, 7,5% — белорусы. Более 1,1 тыс. человек были приговорены к смерти. Кроме того, на основании преступного постановления Политбюро ЦК ВПК(б) от 5 марта 1940 г., весной этого года были убиты (по-прежнему неизвестно, при каких обстоятельствах и где) 7305 заключенных (известно только 3435 фамилий жертв из так называемого украинского списка). После вторжения германских войск в СССР сотрудники НКВД и НКГБ расстреляли в конце июня 1941 г. более 11 тыс. заключенных (их список также до сих пор не составлен). На территории тюрем и в их окрестностях, а позднее и в ходе эвакуации заключенных были зверски убиты те, кого обвинили или уже осудили за «контрреволюционную деятельность», «экономический саботаж», «диверсию», «антисоветскую деятельность». К общему числу убитых заключенных следует прибавить еще (приблизительно, поскольку списков опять-таки нет) несколько тысяч польских граждан, которые умерли в тюрьмах и трудовых лагерях. Таким образом, советские власти «очистили» оккупированную территорию от людей, которых они посчитали опасными для сталинской системы, а остальных граждан терроризировали и запугивали, что облегчило реализацию планов по советизации.

Военнопленные. Отсутствие — с точки зрения международного права — окончания войны между СССР и Польшей, а также захват в плен Красной армией польских солдат, полицейских, тюремных охранников и других защитников страны на территории Польши обусловили тот факт, что в этом случае трудно говорить о военнопленных в полном смысле этого слова. Тем не менее в литературе по этому вопросу такое определение существует, поэтому оно будет использоваться и в данной статье.

Из архивных материалов следует, что в сентябре 1939 г. Красная армия взяла в плен несколько сотен тысяч (450 тыс.?) польских военнослужащих. Однако представляется, что такие большие цифры появились по причине повторного подсчета одних и тех же военнопленных (на разных уровнях и в разных подразделениях), поскольку случалось так, что после разоружения и предварительного допроса рядовых солдат (в основном украинских и белорусских крестьян) освобождали, а затем их могли повторно задержать и посчитать уже в составе других формирований. Военные историки склоняются к мнению, что в действительности в плен были взяты 232–255 тыс. польских военнослужащих.

Следует отметить, что уже в то время были случаи совершения убийств из мести, а также преступного расстрела военнопленных (около 500 человек?).

С 20 сентября передовые части Красной армии передавали военнопленных представителям НКВД СССР на предназначенных для этой цели временных приемных пунктах недалеко от польско-советской границы. Оттуда в переполненных товарных вагонах их транспортировали под конвоем в глубь СССР. Вопреки нормам международного права, согласно которым военнопленные «переходили на попечение неприятельской державы» и командования ее армии, а совершение «актов мести» запрещалось, польские военнопленные перешли в ведение политической полиции — НКВД СССР. 19 сентября 1939 г. в структуре этого ведомства было создано Главное управление НКВД по делам военнопленных и интернированных во главе с Петром Супруненко. Главной задачей управления было создание и управление восемью лагерями для военнопленных — Осташковским (Калининская, ныне Тверская обл.), Юхновским (Смоленская обл.), Козельским (Смоленская обл.), Путивльским (Сумская обл.), Козельщанским (Полтавская обл.), Старобельским (Ворошиловоградская обл.), Южским (Ивановская обл.) и Оранским (Горьковская, ныне Нижегородская обл.). Они были предусмотрены для содержания в них в общей сложности 68 тыс. польских военнопленных. Поскольку военнопленных оказалось гораздо больше, 23 сентября было принято решение о создании еще двух лагерей в Вологодской области: Грязовецкого и Заоникиевского. Всего Красная армия передала в ведение НКВД СССР около 125 тыс. польских военнопленных.

Вскоре оказалось, что власти были не в состоянии обеспечить военнопленным в созданных лагерях ни соответствующих условий проживания и санитарии, ни соответствующего питания, ни надлежащей медицинской помощи. Их размещали в основном в разрушенных зданиях бывших монастырей и оздоровительных санаториев. Для проживания были также отведены хозяйственные помещения (конюшни, коровники, овины и др.), подвалы, примитивные землянки, навесы и бараки. Везде было тесно, холодно, душно, грязно и сыро. Возникли большие проблемы с регулярным обеспечением военнопленных горячим питанием, а также водой для

питья и умывания. В распоряжении лагерного руководства имелся «оперативно-чекистский персонал», а также агенты среди военнопленных для определения политических настроений военнопленных и выявления среди них членов «контрреволюционных групп», сотрудников силовых ведомств, органов правосудия, разведчиков, политических деятелей, а также членов «националистических» группировок.

Поскольку службы оказались не готовы к приему такого большого количества военнопленных, 3 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) (а затем СНК СССР) приняло постановление об освобождении рядовых солдат из Западной Украины и Западной Белоруссии (в целом на основании постановления были освобождены 42,4 тыс. человек). В отношении лиц, которые проживали на оккупированных Третьим рейхом территориях, был отдан приказ задержать их в лагерях до того времени, пока не будет разрешен вопрос (на переговорах с Германией) об их возвращении на родину. Офицеров, агентов разведки, контрразведки, полицейских и тюремных охранников следовало сгруппировать в специальных лагерях. Согласно постановлению, 25 тыс. военнопленных — рядовых и унтер-офицеров — следовало задержать до конца декабря 1939 г. в качестве дорожных рабочих.

После утверждения вышеперечисленных постановлений правительственных и партийных властей произошли серьезные изменения в системе размещения польских военнопленных: часть лагерей была ликвидирована, вместо них появилось несколько новых. После того как было определено звание каждого военнопленного, НКВД отправил офицеров сухопутных и морских сил в Козельский и Старобельский лагеря. В Осташковском разместили полицейских, жандармов, агентов разведки, тюремных охранников, осадников и тех, кто был связан с органами правосудия и прокуратурой. Более 15 тыс. рядовых солдат и унтер-офицеров из числа военнопленных были направлены в качестве рабочих на строительство трассы стратегического назначения Новоград-Волынский — Ровно — Дубно — Львов (затем она была продолжена до Перемышля). Там появился Ровненский трудовой лагерь. По окончании строительства дороги в конце 1940 — начале 1941 г. часть военнопленных перебросили на строительство дороги Плоскиров — Тарнополь — Львов — Яворов до границы с Третьим рейхом (там был создан Львовский лагерь). Остальные 10 тыс. человек были вынуждены осенью 1939 г. начать работать в шахтах, на литейных заводах и каменоломнях на юго-востоке Украины (созданы Криворожский, Запорожский и Елено-Каракубский трудовые лагеря для военнопленных).

В октябре—ноябре 1939 г. германским властям в Бресте и Ягодине были переданы 42,5 тыс. человек (позднее еще 600 человек), а те в свою очередь передали СССР почти 13,7 тыс. военнопленных с территорий, оккупированных Третьим рейхом (так же как и военнопленных, освобожденных из лагерей НКВД, их отправили по месту жительства, где ими занимались местные органы безопасности). В конце декабря 1939 г. литовские власти передали советской стороне более 1,7 тыс. интернированных польских военнослужащих, которые решили вернуться на родину, на оккупированные СССР территории. Они также должны были пройти «фильтрацию» НКВД, в ходе которой его сотрудники выявляли (и задерживали) офицеров, полицейских, жандармов, тюремных охранников и государственных служащих.

В общей сложности по состоянию на конец 1939 г. в лагерях НКВД для военнопленных находилось почти 39 тыс. польских граждан, из которых более 15 тыс.

(39%) содержались в специальных и около 24 тыс. — в трудовых лагерях для военнопленных. Что касается национального состава, в трех специальных лагерях поляков было более 98%, а в трудовых лагерях — 71,4 % (белорусов — 21,1%, украинцев — 3,8%, евреев — 2,8%).

На основании преступного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. в апреле—мае 1940 г. в Катынском лесу и подвалах тюрем НКВД в Харькове и Калининне было расстреляно более 14,5 тыс. невинных польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей. Казни избежали лишь 395 человек: их ненадолго перевезли в Юхновский, а оттуда в Грязовецкий лагерь, где они находились до момента освобождения на основании «амнистии» летом 1941 г.

К этому времени НКВД удалось склонить группу офицеров из числа отобранных военнопленных к сотрудничеству в создании польской воинской части в составе Красной армии. В конце октября — начале ноября 1940 г. наиболее «надежные» из них (вместе с дипломированным подполковником Зигмунтом Берлингом) были перевезены в поселок Малаховка под Москвой, где они занимались секретной штабной работой и вели политические переговоры. Их результатом стало постановление ЦК ВКП(б) от 4 июня 1941 г. о создании в Центральной Азии в рамках Красной армии одной пехотной дивизии из поляков и лиц, владеющих польским языком.

Одновременно после занятия Красной армией в июне 1941 г. территории Литвы и Латвии сотрудникам НКВД СССР сразу же передали контроль над организованными там в 1939 г. лагерями интернированных польских военных. В июле—сентябре 1940 г. их перевезли в Козельский (офицеров, полицейских, сотрудников органов правосудия) и Юхновский (рядовых, унтер-офицеров, подхорунжих) лагеря. Общее число этих военнопленных составило 5,2 тыс. человек, из них поляков — 98,2%. После проведения тщательного допроса новой группы в конце марта 1941 г. начальник Управления по делам военнопленных и интернированных П. Супруненко обратился к Берии с просьбой передать дела более 1,5 тыс. «активных и непримиримых врагов советской власти» на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР (повторение катынского преступления?). В этот раз на такую меру наказания советские власти не решились. В мае—июне 1941 г. более 3,9 тыс. человек из Юхновского и Козельского лагерей были перевезены в Понойский лагерь в Мурманской области, где планировалось построить военный аэродром. Начало войны с Германией нарушило эти планы. Тех, кого не успели вывезти на север, эвакуировали в Грязовецкий лагерь (более 1,2 тыс. человек), а военнопленных из Понойского лагеря — в Южский и Суздальский (оба в Ивановской области).

Решительные требования военнопленных отпустить их домой и отказ продолжать работу привели к тому, что в мае 1940 г. трудовые лагеря, расположенные в юго-восточной части Украины, были закрыты. Часть содержащихся в них военнопленных (2 тыс. человек) была направлена на строительство дороги к Львовскому лагерю, остальных же (8 тыс. человек) вывезли в лагерь в Архангельской области и Коми АССР. Там их передали под управление Северного железнодорожного исправительно-трудового лагеря НКВД и заставили работать на строительстве Северопечорской железной дороги Котлас — Воркута. Тяжелый физический труд, нехватка продовольствия, суровые климатические и плохие санитарные условия

стали причиной большой смертности среди военнопленных. Их спасла «амнистия», объявленная после подписания соглашения Сикорского — Майского¹⁹, поскольку благодаря ей их перевезли в Южский лагерь (Ивановская обл.), а оттуда мобилизовали в Армию генерала Владислава Андерса²⁰.

В июне — июле 1941 г. военнопленные Львовского лагеря, занимавшиеся строительством дороги, были срочно эвакуированы в Старобельский лагерь. Всего было вывезено более 12,3 тыс. человек, то есть потери среди военнопленных за время нахождения в лагерях составили почти 1,8 тыс. человек. Эту группу уцелевших поляков впоследствии также мобилизовали в Армию Андерса.

В общей сложности в Грязовецком, Южском, Старобельском и Суздальском лагерях летом 1941 г. находилось почти 25,2 тыс. пленных и интернированных поляков.

Потери среди военнопленных, учитывая убитых в апреле — мае 1940 г. и во время эвакуации Львовского лагеря летом 1941 г., а также умерших в лагерях, составили около 17 тыс. человек; они составляли цвет польского общества.

Переселения и депортации. Военные действия, а затем репрессивная политика, проводимая оккупантами, привели к перемещению большого числа польских граждан. На аннексированных СССР территориях этот процесс продолжался с осени 1939 г. до лета 1941 г.

16 ноября 1939 г. в Москве было подписано советско-германское соглашение о добровольной эвакуации германского населения (польских граждан) из зоны советской оккупации и об эвакуации белорусов, русских и русинов из зоны германской оккупации. Планировалось, что процесс переселения начнется сразу же после подписания соглашения и закончится к 1 марта 1940 г. За этот период на запад были переселены 128 тыс. человек. Прибывших из германской зоны оккупации (более 13 тыс. человек) расселяли в домах, оставленных германскими колонистами и депортированными осадниками.

Серьезной социально-политической проблемой для временных органов советской власти оказался вопрос о беженцах: как командование Красной армии, так и ведомство внутренних дел СССР считали, что беженцы должны покинуть приграничную зону. Материально-бытовое положение этой группы населения, равно как и ее психологическое состояние, были крайне неудовлетворительными. Существовали огромные проблемы с предоставлением всем беженцам легальной работы, места жительства, а также с обеспечением их продовольствием и медицинской помощью. Беженцев обвиняли в контрабанде, спекуляциях, контрреволюционной деятельности и организации нелегального пересечения границы с Германией. Власти (НКВД) считали их «носителями антисоветских и националистических настроений», которые открыто выражали свое недовольство ситуацией, сложившейся в СССР; считалось, что беженцы — потенциальная база для вербовки агентов германской разведкой, что среди них уже есть такие агенты. По этой причине советские органы безопасности также пытались вербовать агентов среди беженцев и всеми способами расширять агентурную сеть.

Для рассмотрения проблемы беженцев, находившихся в германской зоне оккупации, Совнарком СССР создал 10 ноября 1939 г. комиссию, которая должна была установить число беженцев и предложить способ использования их в качестве рабочей силы (допускалась также возможность возвращения части беженцев

на места постоянного жительства). В декабре 1939 г. между СССР и Германией была достигнута договоренность по вопросу об обмене беженцами. Она предусматривала возврат польских граждан украинской и белорусской национальности на восток, а беженцев из германской зоны оккупации — на запад.

31 декабря 1939 г. Совнарком постановил принять из германской зоны оккупации до 14 тыс. беженцев и обеспечить им трудоустройство. Предположительно, предоставленной возможностью тогда воспользовались немногие (около 2 тыс. человек?).

Согласно данным НКВД, на Западной Украине найти убежище пытались почти 150 тыс. беженцев (в основном евреи), из них к январю 1940 г. в зону германской оккупации вернулись более 44 тыс. человек.

В связи с тяжелым материально-бытовым положением беженцев республиканские власти Украинской ССР в декабре 1939 г. решили принять меры по улучшению ситуации. Отдельные ведомства были обязаны: в срочном порядке (в течение 10 дней!) обеспечить их трудоустройство в соответствии со специальностью, решить проблему перенаселенности жилых помещений, предоставить беженцам место жительства и топливо на зиму, право на питание в столовых, возможность повышения квалификации и получения систематической медицинской помощи. Дети беженцев имели право на получение образования, было также приказано ликвидировать неграмотность среди взрослого населения. В области, где проживали беженцы, было приказано увеличить поставки обуви, теплой одежды и белья. Учитывая реалии того времени, трудно предположить, что постановление было выполнено полностью.

В период с 18 апреля по 4 июня 1940 г. в зону германской оккупации вернулись еще почти 52 тыс. беженцев, среди которых $\frac{2}{3}$ были поляками, а $\frac{1}{4}$ — украинцами. Еще 40 тыс. человек получили работу, однако преимущественно в восточных областях Украины (в частности, в Винницкой, Житомирской, Черниговской, Полтавской и Кировоградской). Предложенные им там условия жизни и труда не соответствовали ожиданиям беженцев и компрометировали советскую власть, что привело к их массовому бегству из этих районов. 25 тыс. человек вернулись обратно в западные области, часть беженцев стала жить на вокзалах, а некоторые даже требовали разрешить им выезд в германскую зону оккупации. Оперативные группы НКВД переселили беженцев с вокзалов в свободные помещения и близлежащие деревни, а некоторых арестовали.

К концу 1939 г. на новых территориях Белорусской ССР (в западных областях) оказалось свыше 120 тыс. беженцев (более 90% из них составляли евреи). По просьбе республиканских властей Совнарком СССР решением от 16 октября 1939 г. разрешил трудоустроить 20 тыс. человек (в действительности было отправлено 24 тыс. человек) на предприятиях в восточных областях Белоруссии (добыча торфа, строительство, вырубка лесов). 21 октября было решено выделить 3 млн руб., в частности, на выплату единовременных пособий всем беженцам. По состоянию на 1 ноября в городах Западной Белоруссии было зарегистрировано почти 45 тыс. беженцев, а в феврале 1940 г. во всей республике — почти 73 тыс., причем $\frac{2}{3}$ из них были безработными. 13 ноября 1939 г. партийные власти Белоруссии обратились в Москву с просьбой переселить из западных областей 50 тыс. человек.

Поскольку меры по решению проблемы беженцев не принесли ожидаемого эффекта (местные власти не были готовы к обеспечению всем необходимым такого количества нуждающихся), 2 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о переселении в отдаленные районы СССР тех, кто отказался принять гражданство СССР (антисоветские настроения рассматривались как признак нелояльности к новой власти) и внес себя в списки желающих выехать в германскую зону оккупации. Одиноким беженцев арестовывали. Это означало несостоятельность политики властей и их неспособность решить основные проблемы: трудоустройство всех в соответствии со специальностью, размещение и обеспечение предметами первой необходимости.

Самой массовой формой репрессий в отношении польских граждан были депортации в отдаленные районы СССР. По принципу коллективной ответственности в 1940–1941 гг. депортировались представители разных социальных групп и профессий, которых оккупационные власти признавали наиболее опасными для нового «порядка». Первыми по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 декабря 1939 г. и на основании постановления Совета народных комиссаров СССР от 5 декабря были депортированы осадники. Руководство НКВД считало их «военно-политическими агентами польского правительства» и «базой для контрреволюционной деятельности». По данной причине именно осадники первыми подверглись арестам и обыскам, их первых начали ставить на учет, они стали объектом особенного внимания со стороны служб безопасности.

22 декабря 1939 г. Совнарком СССР утвердил предложение украинских властей о способе использования имущества депортированных осадников. Одновременно было принято решение о включении в эту категорию также переселенных лиц, занимавшихся охраной лесных хозяйств (лесничих, инспекторов, смотрителей). Землю, принадлежавшую поселенцам (кроме той, которая уже была поделена между крестьянами), следовало передать совхозам и колхозам. Было приказано провести опись лошадей, продуктивного скота и сельскохозяйственного инвентаря, взять это имущество под охрану, а затем направить в организованные совхозы (а оттуда частично в колхозы, по мере их создания). Дома поселенцев передавались на нужды школ, больниц, медицинских пунктов, яслей. Их оставляли также для размещения в них в будущем сельских советов, кооперативов, управлений колхозов и совхозов, учителей и врачей. Инвентарь и мебель надлежало распределить между детскими домами, яслями, школами и больницами. Таким образом, депортированные лица безвозвратно теряли все свое имущество. Все, что они нажили своим трудом, переходило в собственность государства, хотя на практике имущество было частично разворовано, обменено или испорчено.

Проведение мероприятий по выселению началось на рассвете 10 февраля 1940 г., в крайне тяжелых условиях зимнего времени. О масштабах этой акции говорит то, что в ней одновременно участвовали почти 52 тыс. человек (сотрудники НКВД, милиции, военные, партийный и молодежный актив, представители администрации). В вагонах для перевозки скота и в нечеловеческих условиях было вывезено более 140 тыс. ни в чем не повинных людей. Их разместили (в качестве спецпереселенцев) в специальных отдаленных поселениях НКВД, располагавшихся в 17 областях, краях и республиках РСФСР, а также в 5 областях Казахской ССР. Там, в

крайне тяжелых климатических и бытовых условиях, им приходилось заниматься изнурительным трудом в шахтах, на предприятиях лесной промышленности и строительстве. Подавляющее большинство депортированных лиц составляли поляки (81,7%). Значительно меньше было украинцев (8,8%) и белорусов (8,1%). Таким образом, власти подорвали социальную основу национального сопротивления и частично избавились от «враждебного элемента». Те, кто остались, чувствовали неуверенность, страх и находились в постоянном напряжении, поскольку появилась информация о том, что готовятся новые акции по переселению.

Время показало, что эти опасения не были безосновательны, поскольку уже 2 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР определили новые категории лиц, подлежащих депортации: все родственники репрессированных (их следовало вывезти до 15 апреля 1940 г. в Казахскую ССР на 10 лет), а также беглые военнослужащие. Новая акция по переселению проводилась в два этапа. Сначала, 13 апреля 1940 г. на рассвете, начался вывоз семей репрессированных и находившихся в тюрьмах и лагерях для военнопленных. В эту группу входили семьи: офицеров и унтер-офицеров, агентов разведки, полицейских, государственных служащих, зажиточных крестьян, украинских, белорусских и еврейских «националистов» и членов «контрреволюционных повстанческих организаций». Наиболее опасные члены семей подвергались арестам, их дела передавались на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. Было депортировано более 61 тыс. человек. Они имели статус «административно высланных», что формально давало им больше «прав» по сравнению со «спецпереселенцами» февраля 1940 г., которые находились под постоянным надзором НКВД. Недвижимое имущество выселяемых лиц и принадлежавшие им промышленные и торговые предприятия конфисковывались. Ссылных разместили в шести областях на севере Казахской ССР в примитивных бытовых условиях. Чтобы выжить, им приходилось заниматься тяжелым физическим трудом в колхозах и совхозах. В указанные районы были переселены главным образом члены семей представителей интеллигенции: дети, женщины и старики. Данные НКВД о ссылных из западных областей Украинской ССР позволяют установить, что среди депортированных большинство составляли поляки (74,9%), украинцев было 19,5%, евреев — 4,1%, русских — 0,9%.

Ранее, 9 апреля, в Каракалпакскую АССР и Хорезмскую область Узбекской ССР были выселены 750 проституток и их дети (всего 23 человека).

Беженцы были депортированы только после того, как закончился обмен ими с Германией. Те, кого не приняла германская сторона и кто отказался от советских паспортов, были выселены 29 июня 1940 г. Тогда тем же способом, которым осуществлялись более ранние депортации, было вывезено около 79 тыс. человек. В основном это были жители городов. В данной группе большинство составляли евреи (84,1%), поляков было 11,3%, украинцев — 2,3%, белорусов — 0,2%. В ходе депортации у беженцев конфисковали валюту, часы, сервизы и другие предметы обихода. Ранее, 25 июня, были арестованы почти 17 тыс. «подозрительных» одиноких беженцев, а их дела передали на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

Депортированных беженцев (они получили статус спецпереселенцев) разместили на территории 14 областей, краев и автономных республик РСФСР. Там они были размещены в бараках, землянках и других примитивных жилищах, в крайне

тяжелых климатических и бытовых условиях. Им приходилось работать в лесной и добывающей промышленности, на предприятиях цветной металлургии и строительстве.

Следующая акция по депортации была проведена после почти годового перерыва. 14 мая 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление по вопросу об «очищении» от «антисоветского, криминального и социально опасного элемента» территорий, аннексированных Советским Союзом в 1939—1940 гг. Высылке сроком на 20 лет вместе с семьями подлежали: бывшие помещики, владельцы фабрик и доходных домов, крупные коммерсанты, высокопоставленные чиновники, офицеры, полицейские, жандармы, тюремные охранники; члены семей тех участников «контрреволюционных организаций», которые ушли в подполье, скрываясь от властей, либо были приговорены к смерти; «криминальные элементы»; беженцы с польских территорий в германской зоне оккупации, которые не приняли советское гражданство. Все имущество указанных лиц подлежало конфискации.

Данная акция проводилась в три этапа. 22 мая эшелоны с 11 тыс. ссыльных отправились из Западной Украины. 14 июня волна арестов и выселений прокатилась по Литве (среди более 17 тыс. репрессированных было несколько тысяч польских граждан). 20 июня свыше 22 тыс. человек были депортированы из Западной Белоруссии. Начало германско-советской войны помешало завершению акции по выселению, поэтому трудно определить точное число действительно депортированных людей. Их поселили в отдаленных районах РСФСР и в Казахстане. Таким образом, в общей сложности с аннексированных восточных территорий Польши в отдаленные районы СССР в 1940—1941 гг. было депортировано около 320 тыс. человек, 60% из которых составляли поляки.

1 февраля 1940 г., по решению Совнаркома СССР, для усиления контроля над государственной границей, которую нарушали, в частности, беженцы, на ее новых отрезках в западных областях Белоруссии и Украины были созданы три пограничные зоны шириной 7,5 км, 500 м и 4 м. Въезд и проживание в этой зоне были разрешены только местному населению или тем, у кого имелся пропуск, выданный милицией. Люди, постоянно проживавшие на этой территории, были обязаны всегда иметь при себе паспорт.

2 марта 1940 г. СНК СССР принял решение выселить всех жителей из 800-метровой приграничной зоны и разрушить все постройки на этой территории (исключением стали города Залещики, Пшемысль, Леско, Ухнов, Сокаль, Усцилуг, Друя, Друскенники и Новоград). Выселенцы подлежали размещению во внутренних районах областей в домах, освобожденных польскими осадниками и германскими колонистами. Им отводился земельный участок того же размера, что и оставленный в приграничной зоне. Тех, кто не был занят в сельском хозяйстве, рекомендовалось разместить в крупных и малых городах тыловых районов. В общей сложности в апреле 1940 г. в рамках акции были выселены около 130 тыс. человек. Несмотря на предоставление выселяемым безвозмездной помощи со стороны государства, эти мероприятия привели к огромным материальным, социальным и культурным потерям. Кроме того, были снесены тысячи жилых домов, хозяйственных построек и общественных зданий (в том числе имеющих архитектурно-историческое зна-

чение), нарушились традиционные тесные связи в деревне, а полоса ранее возделываемых земель вдоль линии новой западной границы СССР была заброшена.

Здесь следует также упомянуть и о других акциях по переселению. Например, в связи с созданием артиллерийского полигона в Львовской области из этого региона весной 1940 г. было выселено более 14 тыс. человек. Их разместили в той же области в домах, принадлежавших ранее польским осадникам и германским колонистам. После эвакуации немецкого населения из аннексированной Советским Союзом Бессарабии в январе 1941 г. 3700 крестьянских хозяйств (около 16 тыс. человек) из Львовской и Волынской областей были переведены в Измаильскую область. Эта акция была проведена в рамках переселения сельских жителей.

Призыв в Красную армию. Согласно постановлениям, регулирующим вопросы гражданства, жители оккупированных территорий были обязаны нести военную службу в Красной армии. 11 января 1940 г. Совнарком СССР рекомендовал Наркомату обороны провести в феврале 1940 г. в западных областях Украины и Белоруссии (позднее также в аннексированной Литве) регистрацию военнообязанных мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, а также женщин — медицинских и ветеринарных работников и прошедших подготовку на курсах санитарок и медсестер. Во Львове регистрация была проведена в период с 7 декабря 1939 г. по 7 января 1940 г. В ходе регистрации были установлены численность военнообязанного населения, его возрастной состав, уровень военной подготовки (например, установлено, служил ли регистрируемый в Войске Польском или других вооруженных формированиях), социальное происхождение и национальность. В связи с проводившейся в СССР регистрацией военнообязанных польское правительство в эмиграции направило ноту протеста правительствам союзных и нейтральных государств.

Первый призыв в армию был проведен только осенью 1940 г. Он распространялся на мужчин 1919, 1918 и 1917 гг. рождения, которые к тому времени еще не прошли службу в Войске Польском. Их отправляли в Красную армию после проведения политического отбора. Призывников из «эксплуататорских классов» направляли в рабочие батальоны. Следующий призыв был проведен весной 1941 г. С началом 22 июня 1941 г. советско-германской войны поляков с оккупированных восточных территорий (*западников*) признали ненадежным элементом и отстранили от действительной военной службы. Некоторых из них арестовали, а остальных включили в состав многонациональных, так называемых *строительных батальонов (стройбатов)*. В крайне тяжелых бытовых условиях они занимались в основном возведением оборонительных сооружений и укреплений, строительством и восстановлением путей сообщения, а также работали в оборонной промышленности.

Согласно польским оценкам, в общей сложности с аннексированных территорий Второй Польской Республики в Красную армию призвали 100–230 тыс. человек. Вступление в ряды армии оккупанта, военная присяга на верность иностранному государству, нахождение в многонациональной массе солдат при незнании русского языка (польских солдат старались поодиночке «разбрасывать» по разным частям и подразделениям), служба в крайне тяжелых климатических и бытовых условиях, назойливое «политическое воспитание» — все это поляки рассматривали как еще одну форму репрессий.

Перестройка духовной сферы — индоктринация «новых граждан» СССР. Образовательные, научные и культурные учреждения, а также радио и пресса играли существенную роль в процессе формирования сознания граждан, проживавших на оккупированных территориях, в духе коммунистической идеологии и выработки у них новой системы ценностей. В связи с этим учреждения подверглись коренной структурной, программной и кадровой реорганизации.

Образовательные учреждения возобновили свою работу в конце сентября — начале октября 1939 г. Обучение велось на основе переходных планов — с использованием польских программ и учебников. Из планов были сразу же исключены такие предметы, как религия, история и география Польши, греческий и латинский языки. Убрали символы «буржуазно-помещичьей» Польши — портреты государственных руководителей, польские лозунги, карты. Их заменили портретами В. Ленина, И. Сталина, цитатами из «классиков марксизма-ленинизма», Конституции СССР и документов ВКП(б). Частные и монастырские школы были закрыты. Ксендзам и монахиням закрыли доступ в школы, которые теперь имели светский характер — таким образом, была уничтожена их связь с костелами и католической церковью в целом. Были введены совместное обучение и примитивная коммунистическая пропаганда безбожия (так называемое атеистическое воспитание). Вместо упраздненных харцерских организаций²¹ — Польской молодежи и других — появились пионерская и комсомольская организации, которые занимались пропагандой коммунизма среди учащихся. На первый план были выдвинуты принципы коллективизма. Дидактическо-воспитательный процесс находился под тщательным политическим контролем. Верующие люди отнеслись к таким изменениям с неодобрением, и это усиливало негативное отношение населения к новой системе образования. В свою очередь тот факт, что образовательные учреждения повсеместно перешли на содержание за счет государственного бюджета, вызвал одобрение в обществе, особенно среди людей с небольшим достатком. Образование становилось более доступным для деревенских детей и детей рабочих.

После того как было установлено точное число школ, учителей и детей школьного возраста, появилась возможность определить реальные образовательные потребности (число учреждений) и выполнить обязанность государства по предоставлению доступа к образованию. Общеобразовательные школы того времени были организованы по советской системе: появились начальные (1–4-е классы), неполные средние (1–7-е классы) и средние (1–10-е классы) школы. Изменения затронули и систему профессионального образования. Формально переход к обучению на основе советских образовательных планов и программ произошел 15 января 1940 г. С этого времени школа для польских детей превратилась в советскую школу для национального меньшинства с коммунистическим уклоном; она отличалась от остальных лишь тем, что в ней преподавали польский язык и польскую литературу.

Число педагогов значительно уменьшилось вследствие военных событий и отстранения от работы (и репрессий) лиц, которые недоброжелательно или враждебно относились к новой власти. Пробелы восполнили в основном благодаря многотысячному «набору» учителей из СССР. Но кадров все равно не хватало. Поэтому привлекали студентов последнего года обучения из педагогических школ и университетов, а также людей со средним образованием, которые закончили специ-

альные подготовительные курсы. Низкий уровень профессиональной квалификации и отсутствие педагогического опыта таких преподавателей, вероятно, сказывались и на качестве их работы. На руководящие должности в сфере образования были назначены в основном идеологически благонадежные лица из восточных областей Украины и Белоруссии, а также из РСФСР. Как правило, они не знали языка, на котором говорило население аннексированных территорий.

Преподавание должно было осуществляться на родном для детей языке (решение по данному вопросу принимали местные власти, которые должны были принять во внимание мнение учеников и их родителей). Однако так происходило не всегда. Существенно возросло число образовательных учреждений, где преподавали на украинском и белорусском языках. По причине нехватки помещений и финансовых средств их классы занимали помещения в школах, где обучение велось на польском языке. Одновременно начался ремонт старых и строительство новых школ, что вызывало всеобщее одобрение. Однако низкие темпы этих работ (вследствие нехватки материалов и недостаточного финансирования) не поспевали за ростом образовательных потребностей населения.

Со временем можно было заметить, что на решение о выборе школы большое влияние оказывала политика государства, которое гарантировало социальные привилегии (соответствующее трудоустройство) лицам, знающим русский, украинский или белорусский язык, а польский и иврит в этом отношении явно дискриминировались. Более того, нехватка учителей со знанием определенного языка приводила к тому, что школы для национальных меньшинств зачастую являлись такими только на бумаге.

В Западной Белоруссии к началу октября 1939 г. было 6199 школ, среди которых, к сожалению, не было ни одной школы для белорусских детей, в то время как школы для польских детей составляли 95,7% общего числа. После реорганизации (и трех депортаций) в октябре 1940 г. на этой территории действовали 5463 школы. Из них на белорусском языке обучение велось в 4278 (75,8%), на польском — в 932 (16,5%), на русском — в 173 (3,1%), на иврите — в 150 (2,6%), на литовском — в 61 (1,1%), на украинском — в 49 (0,9%). Оказалось, что русскоязычные школы появились даже там, где русских учеников было мало или не было вовсе.

В то же время (сентябрь 1940 г.) в западных областях Украинской ССР общеобразовательные школы, где обучение велось на украинском языке, составляли 84,5% общего числа, в 12% преподавали на польском языке, в 2% — на иврите. Следует добавить, что на Волыни до войны в 95,4% школ преподавание велось на польском языке.

В Белостокской области (где более 60% местных жителей были поляками) местные органы власти, занимавшиеся вопросами образования, попросту игнорировали национальный состав учащихся. Это привело к вмешательству белорусских партийных властей в решение данного вопроса: в октябре 1940 г. они обратили внимание на нарушение принципов «ленинско-сталинской национальной политики» в форме принудительного преобразования школ для польских детей в русско- и белорусскоязычные школы. Стоит отметить, что именно руководство белостокского управления по делам образования предложило в 1941 г. партийным властям республики преобразовать школы с преподаванием на польском, иврите и литовском

языках в... русскоязычные школы. Необходимость принятия такого решения обосновывалась отсутствием перспектив получения высшего образования у выпускников школ для национальных меньшинств, поскольку в вузах преподавание велось на русском языке.

Во всех образовательных учреждениях для национальных меньшинств в соответствующей республике было введено обязательное преподавание украинского, белорусского или литовского языка, а преподавание во всех школах велось на русском языке.

Образовательный процесс в значительной степени затрудняла нехватка учебников, учебных пособий и письменных принадлежностей. В то время как школы с преподаванием на украинском, белорусском или русском языке могли рассчитывать на поддержку со стороны СССР, ученикам польскоязычных школ приходилось ждать, пока для них будут изданы переведенные советские учебники и программы и разработаны абсолютно новые буквари, учебники по грамматике, хрестоматии польской литературы. На практике это означало, что в первом учебном году дети занимались без официальных учебников на родном языке, что наверняка сказывалось как на качестве образования, так и на его результатах.

Для неграмотных и полуграмотных была организована специальная сеть школ, классов и курсов.

Изменения в системе образования осуществлялись под сильным идеологическим давлением, без учета национальных традиций, моральных принципов, а зачастую также интересов и устремлений местного населения. Власти стремились за короткий срок привить людям на аннексированных территориях то, что в СССР укоренялось на протяжении двадцати лет.

Потребность в обучении и воспитании молодой интеллигенции из числа рабочих и крестьянской молодежи в духе марксизма-ленинизма вынуждала советские власти провести быструю реорганизацию системы высшего образования на оккупированных территориях. По этой причине во Львов, где находились Университет им. Яна Казимира, Львовская политехника, Академия внешней торговли и Академия ветеринарной медицины, срочно направили комиссаров и уполномоченных, которые стали руководить высшими учебными заведениями.

План их реорганизации появился в Киеве уже в конце сентября 1939 г. Однако вскоре Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР представил свою концепцию решения данного вопроса и добился ее утверждения. Это означало, что инициатива Киева по проведению быстрой украинизации львовских высших учебных заведений была снята с рассмотрения. Комиссия Всесоюзного комитета посетила львовские высшие школы, назначила заведующих кафедрами, разработала переходные учебные планы, обсудила с профессурой проект советского устава высших учебных заведений, трудоустроила украинских профессоров и преподавателей. Она также предложила не формировать в университете отдельные академические группы из польских студентов, за исключением филологического факультета, где необходимо было сохранить кафедру польского языка и литературы. Решение мотивировалось тем, что все студенты-поляки во Львове хорошо понимали украинский язык. Если бы комиссия разрешила формировать польские группы, то, учитывая национальный состав студентов, профессуры и преподавателей,

университет фактически остался бы польским, за исключением небольшого украинского отделения. Было заявлено, что кафедра польского языка на филологическом факультете полностью удовлетворит потребности польскоязычных школ.

Согласно данным комиссии, прибывшей из Москвы, до вторжения в Польшу в высших учебных заведениях Львова было 9976 студентов, из них 77,9% поляков, 12,9% — украинцев, 6,7% — евреев и 2,5% — студентов других национальностей. С точки зрения социального происхождения студенты из семей рабочих составляли тогда лишь 7,7%, из крестьянских семей — 13,6%, из семей государственных служащих — 37,7%, из семей местной буржуазии — 23,7%, из семей коммерсантов — 8,3%, из семей помещиков — 3,1%, из семей полицейских и офицеров — 3%, из семей священников — 2,9%. Было заявлено, что 41% студентов принадлежал к классу эксплуататоров. Профессорско-преподавательский состав был полностью польским, а обучение велось на польском языке. Ежегодная плата за обучение составляла 200–300 злотых.

Комиссия предложила зачислить на первый курс во все высшие учебные заведения Львова 2588 человек. Таким образом, число студентов увеличилось до 12 564 человек. Зачисление проводилось на основе политико-идеологических и национальных критериев, предпочтение отдавалось украинцам и евреям.

Несмотря на появление в то время идеи о сохранении польского характера университета и требование создать отдельный украинский университет, в конечном счете было принято решение реорганизовать университет и передать его в ведение Наркомата образования Украинской ССР. Он стал называться Львовским государственным университетом, а с 8 января 1940 г. — якобы по требованию сотрудников — Университетом имени украинского поэта Ивана Франко.

Все львовские высшие учебные заведения были формально национализированы на основании указа Президиума Верховного совета Украинской ССР от 4 декабря 1939 г. Обучение в них стало бесплатным, а расходы на преподавание покрывались средствами из государственного бюджета. Студенческие организации, появившиеся в период существования Второй Польской Республики, были распущены. Их место занял Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (Комсомол).

Следует подчеркнуть, что советские высшие учебные заведения действовали на основе совершенно иных принципов, нежели польские, следовательно, их реорганизация означала прежде всего радикальные изменения в учебных программах, системе управления университетом и контроля над наукой, обучением и методами воспитания. Были распущены сенаты и советы факультетов, а вместо них созданы научные советы. Одновременно были учреждены партийная, молодежная и профсоюзная организации. Польской профессуре было трудно смириться с этим.

29 октября 1939 г. был закрыт теологический факультет университета как «рассадник мракобесия и реакции». В новых структурах появились новые отделения и кафедры. Вместе с тем многие существовавшие до того кафедры были закрыты или объединены в более крупные (например, три существовавшие до войны кафедры были объединены в одну — кафедру польской литературы). Перестала существовать кафедра истории Польши. Начало нового этапа политического воспитания связывалось с появлением кафедр марксизма-ленинизма, диалектического и исто-

рического материализма, истории СССР, истории Украины, русского языка и литературы. На юридическом факультете с этого момента преподавалось только советское право. Организационные преобразования привели к тому, что в 1940/41 академическом году в университете было уже не пять, а семь факультетов.

Львовская политехника была переименована в Львовский политехнический институт и передана под управление Комитета по делам высшей школы. Из нее выделили факультет лесного и сельского хозяйства, на базе которого был открыт Институт сельского хозяйства. На базе медицинского факультета и факультета фармацевтики, выделенных из университета 1 декабря 1939 г., открылся Львовский медицинский институт. Большинство существовавших до этого времени лабораторий переименованы в кафедры; была создана новая кафедра — марксизма-ленинизма, в задачи которой входило проведение индоктринации всех сотрудников и студентов. Со временем к институту присоединили также несколько отделений Государственной больницы.

Академию внешней торговли, состоящую из одного факультета, преобразовали в Львовский институт внешней торговли с тремя факультетами при Наркомате внешней торговли Украинской ССР. После реорганизации Академии ветеринарной медицины появился Львовский ветеринарный институт при Наркомате земледелия УССР. Львовский педагогический институт был преобразован в Львовский государственный педагогический институт, при котором был открыт Учительский институт. Учительские институты были открыты также в Дрогобыче, Кременце, Луцке, Ровно и Станиславе (новое название Станиславова). Изменения произошли и во Львовской консерватории, которую преобразовали в Государственную Украинскую консерваторию (в ней было создано польское отделение). По решению Совнаркома СССР в 1939/40 учебном году стипендии получали 50% львовских студентов.

Без учета возможностей студентов и преподавательских кадров было принято решение о преподавании в институтах на украинском языке. Однако пришлось смириться с тем, что в переходный период наряду с украинским языком по-прежнему в силу необходимости использовали польский.

В процессе советизации студентов украинский язык должен был стать носителем «социалистических идей» и марксистско-ленинской идеологии. Стоит также отметить, что Москва все же принимала меры для того, чтобы чрезмерно не проявлялся «украинский национализм». Принятие такого курса означало вытеснение польского языка, поскольку новые преподаватели вели занятия на украинском или русском языке, к тому же принуждали и польских преподавателей. Везде, где польские преподавательские кадры численно преобладали и где было трудно быстро заменить их преподавателями из СССР, занятия проводились на польском языке. В начале сентября 1940 г. 44,9% научно-педагогических кадров составляли поляки.

В условиях новых общественно-политических реалий произошли радикальные изменения в составе руководства институтов, их научных и административных сотрудников. 16 октября 1939 г. новым ректором Львовского государственного университета стал 37-летний доцент Михаил Марченко (историк из Киева), который приехал во Львов в качестве *политрука* Красной армии. Со временем стало ясно, что кадровое решение партийных властей Украины было неудачным, поскольку

Марченко оказался «активным украинским националистом» и серьезно «искажал» «национальную политику партии», за что он и был арестован в июне 1941 г.

Из восточнуукраинских и российских вузов во Львов направили большую группу преподавателей. Одновременно проявилась тенденция быстрого и явно показного повышения в должности украинских научных сотрудников.

В начале 1940/41 учебного года во всех высших учебных заведениях Львова училось 8895 студентов. О серьезных изменениях в их национальном составе в советское время говорит тот факт, что больше всего среди студентов было евреев (43,8%), украинцы составляли 27,6%, поляки — 24,3%.

2 января 1940 г. Совнарком Украинской ССР поручил Президиуму Академии наук Украинской ССР открыть во Львове филиалы институтов литературы, языкознания, фольклора, истории Украины, а также археологии и экономики. Кроме того, в городе было решено открыть филиал библиотеки Академии наук (туда вошли собрания библиотеки Научного товарищества им. Т. Шевченко, библиотеки «Ос-солинеум»²² и Народного дома).

В западных областях Белорусской ССР, где раньше вообще не было высших учебных заведений, советские власти открыли один Педагогический институт в Белостоке, в 1941/42 учебном году планировалось открыть еще пять таких институтов, а также Сельскохозяйственный, Медицинский и Инженерный. Преподавание велось на польском языке, хотя с осени 1940 г. формально единственным языком, на котором следовало проводить занятия, был русский.

15 декабря 1939 г. литовские власти закрыли Университет Стефана Батория в Вильнюсе. На его базе был создан Литовский вуз, ставший частью Университета Витовта Великого в Каунасе. Летом 1940 г., вскоре после аннексии Литвы Советским Союзом, институт был реорганизован по образцу советских высших учебных заведений и подвергнут советизации. Преподавание велось на литовском языке, однако допускались также польский и русский языки. Большинство студентов было литовцами (51,1%) и евреями (29,9%); поляки составляли менее 15%.

Введение новыми властями бесплатного образования, государственных стипендий, создание отделений заочного обучения — все это давало рабочей и крестьянской молодежи широкие возможности для получения среднего и высшего образования — теперь оно стало доступнее. Однако везде господствовала атмосфера безбожия, велась пропаганда марксизма-ленинизма, утверждались материалистические объяснения природных явлений, происходило навязывание советского патриотизма и интернационализма.

Такая же идеологическая атмосфера господствовала в средствах массовой информации и культуре. С приходом новых властей были закрыты «враждебные», «националистические» газеты, журналы и официальные издательства. Однако поскольку существовала необходимость информировать население на оккупированных территориях о происходящих событиях, газеты для местных жителей стал выпускать политический аппарат Красной армии. Кроме того, повсеместно распространялись центральные всесоюзные и республиканские газеты. Вскоре вместо закрытых печатных изданий появились новые газеты, которые издавались при областных или районных партийных и административных органах власти, а также при комсомольских организациях на украинском, белорусском, литовском

(с 1940 г.), польском языках и на иврите. Часть из них периодически издавалась на двух языках (польском и русском, белорусском и русском, украинском и русском). Разумеется, преобладали издания на украинском, белорусском и русском языках. В общей сложности в 1939–1941 гг. на всех аннексированных СССР территориях Польши на польском языке легально издавались 23 газеты и журнала, из них 8 через некоторое время были закрыты или изменили свое название, а другие просуществовали совсем недолго (в 1941 г. выходило 6 газет). Для сравнения отметим, что в конце апреля 1940 г. партийные власти Украины разрешили издание в западных областях (на бывших территориях Польши) 49 новых районных и городских газет на украинском языке — и ни одной на польском.

Пресса, находившаяся под бдительным контролем цензуры, являлась в основном инструментом пропагандистско-агитационной деятельности, направленной на воспитание населения в духе коммунизма, мобилизацию сил для повышения производительности труда и уровня дисциплины, на изучение революционного прошлого народа, истории партии, а также современных социально-экономических «достижений» советской власти. Шаблонные, откровенно лживые тексты (в основном сообщения информационных агентств, а также перепечатки статей из центральных и региональных газет) не вызывали одобрения читателей, которые напрасно надеялись получить достоверную информацию и вразумительный комментарий к происходящим событиям. Следует также отметить, что местные газеты, например белорусскоязычные, были непопулярны в Полесье по причине незнания жителями этого района белорусского языка.

Вследствие широкого территориального охвата важным элементом идеологического фронта была государственная монополия на радиовещание. Занятые польские радиостанции вскоре начали вещание на украинском, русском, белорусском и литовском языках. Первоначально список их собственных программ был довольно скромным, поэтому слушателям предлагались ретранслируемые социально-политические, литературные, музыкальные радиопередачи и театральные радиопостановки московских, киевских и минских станций. Информационные службы предлагали оптимистичные новости об очередных производственных успехах, социалистическом строительстве, «о передовом опыте» советских людей, «миролюбивой» внешней политике СССР и т.д. Подготовленные по такому формату специальные радиопередачи на польском языке (и иврите) занимали мало эфирного времени, однако на второй год оккупации оно было увеличено. Такие радиопередачи были особенно важны во время различных предвыборных кампаний. Кроме того, в прямом эфире выходили радиопередачи о «наследии» прогрессивной польской культуры, литературные программы с участием польских актеров и писателей и детские радиопередачи.

Что касается «инженеров душ» — писателей, поэтов и литературоведов, на аннексированных восточных территориях Польши находилось немало представителей польской, украинской, белорусской, еврейской и литовской творческой интеллигенции как из числа местных жителей, так и беженцев. Новая власть детально изучила их биографии, проверила их политические взгляды, оценила идейно-художественный вклад, а также выявила «темные пятна» или «несоответствующее» социальное происхождение. Если, по оценке «рецензентов» из Союза советских

писателей, литератор заслуживал политического доверия, он получал возможность публиковаться, пользовался материальной поддержкой советской власти. От таких писателей ждали произведений об истории большевистской партии и теории марксизма-ленинизма, произведений политической направленности, которые прославляли бы советскую действительность и мобилизовали людей на «новые победы». К «первой годовщине освобождения» советская власть заказала писателям коллективную поэму (польско-украинско-еврейскую) под названием «Счастливый год». Были опубликованы только отдельные ее фрагменты.

«Творческий простор» был ограничен — можно было писать только на определенные темы и в «соответствующем» духе; остальное было запрещено. Партия обвиняла писателей в том, что они слишком мало занимались проблематикой изменения окружающей действительности. Советская власть призывала создавать произведения, более приближенные к повседневности, исследовать и описывать жизнь рабочих. Одновременно был дан ясный сигнал несогласным: в конце января 1940 г. во Львове была арестована группа литераторов (в том числе «поэт революционного пролетариата» Владислав Броневский), которых обвинили в национализме. Согласившиеся сотрудничать с режимом и участвовать в политико-пропагандистской работе в качестве награды осенью 1940 г. были приняты в Союз советских писателей.

Из обращения были изъяты «буржуазно-националистические» публикации, вместо них появились брошюры и книги, главным образом о марксизме-ленинизме, а также произведения политической и антирелигиозной тематики, предназначенные для широкого круга читателей. Появились новые книжные издательства — филиалы государственных республиканских издательств, планы выпуска печатной продукции которых составлялись партийными органами. Книги на языках национальных меньшинств составляли ничтожный процент общего количества печатной продукции.

Следует отметить, что часть библиотечных собраний на восточных территориях Польши пострадала в результате вторжения Красной армии: ее части квартировали в усадьбах, помещичьих имениях, постройках на территории монастырей, школах. Тогда в ходе реквизиций, проведенных в частных домах, церковных приходах и духовных семинариях, красноармейцы и сотрудники НКВД варварски уничтожили, сожгли или расхитили много ценных рукописей, старопечатных изданий, картографических собраний, книг и других памятников национальной письменности. Подобная участь постигла также книги в клубных и школьных библиотеках. Однако книжные собрания находились не только в библиотеках и отделах абонемента, но и на оптовых складах, в книжных и антикварных магазинах. Поэтому вскоре ими официально занялись представители новой власти: магазины и склады были закрыты, началось цензурирование книг и комплектация собраний советскими книжными изданиями. Для этого власти создали специальную комиссию. Была запрещена «националистическая», «религиозная», «антисоветская» литература, а также публикации «врагов народа», при этом цензоры не обращали внимания на само содержание книг. Поскольку изданий, подлежащих «проверке», было довольно много, к оценке их «идеологической вредности» необходимо было привлечь огромное число специалистов со знанием иностранных языков и истории литературы. Оккупанты были не готовы к проведению на должном уровне такой

широкомасштабной операции; поэтому проверка собраний книг оказалась необыкновенно трудоемким процессом: цензурирование проводилось медленно и небрежно. Случалось так, что под запрет попадали произведения польских классиков и переводы западноевропейской и русской литературы на польский язык. Одновременно очень актуальной стала проблема завершения акции по «проверке» книг, поскольку библиотеки и книжные магазины должны были как можно скорее начать нормальную работу. Правительству пришлось принять решение об окончании цензурирования собраний книг к 1 июня 1941 г.

Параллельно была развернута деятельность по приведению сети, структуры и деятельности библиотек на восточных территориях Польши в соответствие с советской системой. Фактически речь шла о расширении этой сети, поскольку в СССР к категории публичных относились сельские, колхозные, совхозные, районные, городские и областные библиотеки. Кроме того, библиотечные отделы создавались при кооперативах и машинно-тракторных станциях, на предприятиях, в профсоюзных клубах, районных домах культуры. Отдельную категорию составляли детские, школьные и научные библиотеки. Отличительной чертой было существование единого книжного каталога, а также то, что библиотеки были бесплатными. Теперь они должны были не только выдавать книги, но и проводить массовую работу с читателями, организовывать дискуссии о произведениях художественной литературы, встречи с писателями, лекции, консультации, выставки и конференции, приуроченные к важным годовщинам и государственным праздникам СССР.

Поскольку из библиотек на восточных территориях Польши изъяли «неблагонадежные» произведения, важную роль в комплектации их книжных собраний сыграли книги и журналы, переданные «братскими библиотеками» из СССР. Оттуда были присланы тысячи сборников статей и публикаций на разнообразные темы, особенно много работ «классиков марксизма-ленинизма», педагогическая литература, произведения русской, украинской, белорусской классической и современной литературы. В основном книги были изданы на русском, украинском или белорусском языке, хотя были и книги на польском языке и иврите.

Проблемой библиотек в школах для польских детей была нехватка литературы на родном языке.

Сотрудники библиотеки «Оссолинеум» — гордости Львова — боролись за сохранение ее польской специфики, однако весной 1940 г. началась украинизация «Оссолинеума». Сотрудникам удалось сберечь от уничтожения около полумиллиона книг, в том числе многие бесценные памятники польской культуры, полученные в дар из частных коллекций, помещичьих, церковных и других библиотек.

В результате реорганизации книжного дела и библиотек польская культура понесла безвозвратные материальные и моральные потери. Была полностью уничтожена сеть библиотек с книгами исключительно на польском языке. Польский читатель был лишен доступа к большей части довоенного собрания книг, особенно сильно ощущалась нехватка литературы на родном языке. Многие памятники национальной письменности были спасены от варварства исключительно благодаря предприимчивости и предусмотрительности самих поляков. В новой ситуации в выигрыше оказались украинцы, белорусы и литовцы.

Кроме библиотек в перестройке общественного сознания и массовой политико-просветительской и культурно-воспитательной работе целенаправленно участвовали дома «социалистической культуры», а также районные и сельские клубы.

Очень важным элементом идеологического фронта признавались и другие институты культуры, в том числе театр. Театры, образованные в период Второй Польской Республики, были национализированы, а на их базе создавались новые. В каждом областном центре появились театр и филармония. Так как были открыты украинские, русские, белорусские и литовские театры, количество польских театров сократилось; они существовали только во Львове, Белостоке, Гродно и Вильнюсе.

В репертуаре советских театров были пьесы, провозглашающие «передовые идеи», представляющие новые ценности и моральные нормы. Театральные постановки были посвящены прежде всего классовой борьбе, революции, социалистическому строительству, в также обличению мещанства. В условиях новой действительности театр стал более доступным для зрителя. Благодаря театральным гастролям жители провинции смогли увидеть, что называется, вживе выступления известных деятелей культуры — актеров, режиссеров, музыкантов и певцов.

Самым массовым и популярным развлечением, «мощным средством воспитания» в духе коммунистической идеологии стало кино. Было принято постановление, согласно которому в каждом районном центре и в крупных деревнях должны были открыться кинотеатры. Для выполнения поставленной задачи на территории Западной Украины и Западной Белоруссии уже 5 октября 1939 г. Комитет по делам кинематографии СССР обязал выделить 85 кинопроекторных установок и 50 узкоплёночных проекторов для так называемого передвижного кино. Благодаря этому изображение и звук художественных и документальных фильмов доходили даже до самых отдаленных деревень и городков, где кино было невиданным до того времени новшеством и куда оно приносило цивилизационный прогресс. Низкие цены на билеты, большое число сеансов, интерес к неизвестному до того времени советскому кино — все это приводило к тому, что кинотеатры стали очень популярны и собирали много зрителей. Обычно им показывали версии фильмов на русском и украинском языках, хотя на видеопленках были титры и на польском. В репертуаре преобладала проблематика, которую использовали для идеологической обработки населения. На экраны попала классика революционного кино, исторические фильмы, мультфильмы для детей, а также фильмы, пропагандирующие социалистические элементы повседневной жизни и нравственности. Идеологический посыл фильмов был прост и понятен. Зритель узнавал о прекрасной социалистической отчизне и ее мудрых руководителях; наблюдал за жизнью счастливых людей; учился бескорыстия рабочего человека, его энтузиазму и самоотверженности; в нем пробуждалось чувство патриотизма и гордости за достижения СССР. Когда кино заканчивалось, зритель возвращался к мрачной действительности...

В арсенале средств борьбы за контроль над общественным сознанием оказались также музеи. Довоенные польские музейные учреждения после ревизии экспонатов были закрыты, национализированы, а затем реорганизованы. Собрания музеев подвергли политическому цензурированию (поскольку некоторые экспонаты прославляли «панскую Польшу»), затем они были развезены в разные места,

частично уничтожены или разграблены. С того времени они служили «народным массам». В новых музейных экспозициях уже не было экспонатов, связанных с историей и военной славой Польской Республики, не было польского оружия и художественных произведений польских мастеров. Музеи должны были показать, в частности, «подлинную историю» развития рабочего класса и борьбу советской власти за освобождение мира от капиталистического гнета, представить этапы строительства социалистического общества и достижения западных областей СССР при советской власти. Одновременно музеи должны были пропагандировать марксистско-ленинский атеизм и вульгаризированный дарвинизм.

Кроме музея А. Мицкевича в Новогрудке не был сохранен ни один музей, посвященный польской проблематике. Только в период определенного смягчения репрессивного курса в отношении поляков был открыт Музей Юлиуша Словацкого в Кременьце и Литературный музей им. Е. Ожешковой в Гродно. Новшеством для местных жителей на аннексированной территории стали антирелигиозные музеи.

Лакомым куском для новой власти стали польские архивы и хранилища документов. По этой причине оперативные группы НКВД — в соответствии с директивами из Москвы — сразу же установили контроль над ними (еще до формальной аннексии территории). В их руках оказались все архивные учреждения на восточных территориях Польши, а также документы из архивов и учреждений, эвакуированных с территорий, занятых германскими войсками (например, документы некоторых банков, Министерства юстиции, МИДа, почты в г. Быдгощ, государственных учреждений в Силезии). Для изучения архивов Министерства иностранных дел Польши 5 ноября 1939 г. на основании постановления Совнаркома СССР была создана специальная комиссия. В свою очередь Совнарком Белорусской ССР в конце декабря 1939 г. запретил уничтожение и кражу документов. Одновременно было рекомендовано определить местонахождение архивных учреждений, собрать хранящиеся в них документы в безопасных местах и обеспечить их охрану.

Во время первой оккупации Вильнюса в октябре 1939 г. оттуда на восток вывезли — в качестве военных трофеев — документы из бывших губернских архивов Вильнюса, Смоленска, Витебска, а также собрания Института исследований Восточной Европы и многие другие культурные ценности.

Архивные собрания Тарнополя, Станиславова и Сокаля вывезли в Государственный архив во Львове, который переименовали в Центральный архив древних актов. Там же был создан Львовский областной исторический архив, который занимался, в частности, сбором документов ликвидированных польских учреждений, институтов, предприятий и организаций в регионе своей деятельности.

Особый интерес у советских властей вызывали документы польских органов государственной власти и местного самоуправления, в частности, архивы полицейских учреждений, жандармерии, филиалов Отдела II Главного штаба Войска Польского. Для их изучения была создана специальная оперативная группа НКВД СССР, которая в ходе работы прибегала к помощи польских коммунистов-переводчиков. Деятельность этой группы помогла арестовать более 2,1 тыс. человек и ликвидировать несколько сотен польских подпольных организаций и групп.

В период подготовки первой операции по депортации населения новые власти также заняли архивы, где хранились документы лесничеств²³ и Союза военных осадников.

Поскольку систему архивов, так же как принципы и формы ее организации необходимо было привести в соответствие с советскими требованиями, началось перемещение собраний документов, в результате чего появились архивные учреждения нового типа. Под их контроль перешли среди прочего родовые архивы из частных собраний. Метрические книги были изъяты из приходов и в апреле 1940 г. переданы в Отделы записи актов гражданского состояния (ЗАГС), находившиеся в подчинении НКВД. Из восточных областей на аннексированные территории перравили опытных историков-архивистов, которые должны были организовать новую систему архивов и заменить польских руководителей архивных учреждений.

Вероятно, самая серьезная идеологическая конфронтация развивалась по линии коммунистическая партия — костелы. Огромная общественная роль главных конфессий (римско-католической, православной, греко-католической церковью и иудаизма) и организаций религиозного характера, их влияние на массы заставляли советские власти, у которых уже был опыт насильственного искоренения веры в СССР, проявлять большую осторожность. Показательно, что силам безопасности, участвовавшим во вторжении в Польшу, было запрещено — «пока» — арестовывать священников, особенно католических. Однако были случаи, когда красноармейцы разоряли, разграбляли и оскверняли святые места и убивали священников.

Власти организовывали различные кампании против конфессий с целью лишить их средств к существованию, возможности готовить новых священников и оказывать влияние на образование; подорвать авторитет и позиции духовенства в обществе, а также распространить безбожие. Прежде всего из образовательных планов школ на занятых территориях было исключено изучение религий. Были закрыты высшие духовные учебные заведения, монастыри, мужские и женские монашеские ордена, религиозные школы и детские приюты. В университетах были ликвидированы факультеты теологии. Священнослужителям запретили отправлять требы в больницах и тюрьмах. Собственность церковью, монастырей и религиозных объединений была национализирована. Их земли были переданы совхозам, колхозам, безземельным и малоземельным крестьянам, а в принадлежавших им строениях разместились больницы, клубы, приюты для беженцев, в них поселили приехавших из СССР сотрудников различных ведомств. С этого времени единственным для католической церкви средством к существованию стали пожертвования верующих, однако и этот источник дохода ограничивался: государство обложило приходы и ксендзов непомерно высокими налогами на доходы и «за службы». Обычно с уплатой налогов священникам помогали общины верующих.

Православные епархии в западных областях Украины и Белоруссии перешли в подчинение Священному Синоду Русской православной церкви в Москве, во главе которого находился лояльный по отношению к советским властям митрополит. В 1940 г. советское государство (в лице НКВД) взяло на себя функцию регистрации актов гражданского состояния и забрало под свой контроль все соответствующие документы. Службы безопасности вели активную деятельность среди священников и пытались завербовать агентов из числа духовных лиц, приближенных к иерархам, для того чтобы ограничивать влияние этой социальной группы.

На аннексированные территории было завезено большое количество антирелигиозной литературы. В школах, домах культуры, клубах и кружках проводилась пропаганда атеизма, для этого также использовали средства массовой информа-

ции, в том числе радиовещание. На страницах газет публиковали статьи, в которых подвергалась осмеянию вера в Бога, ставилось под сомнение его существование, очернялись личности папы Римского и католических иерархов, высмеивались католические праздники и обряды.

Арестовывали в основном тех священников, которые не соглашались подчиниться режиму и открыто демонстрировали свой протест против него; были связаны с движением украинских националистов или ранее «выслуживались перед панской Польшей» (униаты).

Благодаря тому что в костелах по-прежнему проводились богослужения, продолжалось чтение проповедей и катехизаций и население массово участвовало во всех церковных мероприятиях, люди оказались невосприимчивы к пропаганде атеизма. Властям не удалось уничтожить старые обычаи и традиции католической церкви, изменить менталитет и моральные принципы мирян, привить им материалистическое мировоззрение.

Церковные и государственные праздники, существовавшие во времена Второй Польской Республики, были отменены, вместо них были навязаны новые светские, например, в честь Красной армии, Женского дня, 1 Мая, большевистской революции 1917 г., Деда Мороза. Вместе с новой властью пришел также повсеместный официальный культ Сталина. Кроме того, повсюду были устранены названия улиц в честь личностей и событий, связанных с героической историей польского государства и народа, а также с его традициями. На их место пришли революционные названия, связанные с марксистской идеологией.

Польское правительство в эмиграции получало информацию о различных действиях оккупантов и драматичном положении польских граждан в зоне советской оккупации через польские подпольные организации. Поскольку СССР и Германия не признавали эмигрантское правительство, оно не могло ничего противопоставить их действиям на аннексированной территории Польши. С другой стороны, его деликатно сдерживало британское правительство; более того, оно пыталось склонить польский кабинет к проведению такой политики, которая согласовывалась с целями союзников. Фактически польское правительство склоняли к признанию линии разграничения сфер влияния между Третьим рейхом и СССР. На это польский кабинет не мог согласиться.

В новой ситуации, которая возникла после нападения Германии в мае 1940 г. на страны Бенилюкса и Францию, премьер польского правительства генерал Сикорский осознал необходимость более реалистичного подхода к советско-польским отношениям, несмотря на то что Польша де-факто находилась в состоянии войны с СССР. Первоочередной задачей польского правительства, выполнение которой из-за поражения Франции было сорвано, являлось воссоздание польских вооруженных сил. В июне 1940 г. Сикорский заявил британскому правительству, что больше не будет препятствовать обмену мнениями между Великобританией и СССР. Одновременно он предложил использовать польских рекрутов с восточных территорий Польши для создания 300-тысячной польской армии в СССР, которая могла быть задействована в боях с Германией. В то же время генерал сделал оговорку: Польша не откажется от прав, которые она имела до вторжения Красной армии 17 сентября 1939 г. на ее территорию. Тем не менее Сикорский быстро забрал назад

переданный британской стороне меморандум, в котором содержались вышеупомянутые предложения. Наверняка суть документа не передали советской стороне, однако уже в следующем году эти вопросы опять встали на повестке дня.

Процесс унификации и советизации аннексированных восточных территорий Польши был прерван внезапным нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г. Хотя эти территории находились под советской оккупацией меньше двух лет, оказалось, что, несмотря на сопротивление большей части общества, Советскому Союзу удалось насильно установить там структуры чужой системы, главными опорами которой были монополия коммунистической партии, всеобъемлющая идеология и мощный репрессивный аппарат.

Своей политикой в отношении Польши и населения на ее восточных территориях в 1939–1941 гг. советские власти совершили преступления против мира, человечности и военные преступления. Руководство СССР считало поляков, особенно представителей власти и социально-политических элит, «реакционной» стихией и дестабилизирующим элементом, а потому относилось к ним враждебно и с недоверием. Более того, оно пыталось изолировать и уничтожить наиболее ценные и патристические группы общества, наиболее активных представителей народов, проживавших на восточных территориях Польши. Советские власти преступно убивали польских военнопленных и заключенных. В рамках «очистки» территории они лишили свободы более 110 тыс. человек и депортировали в отдаленные районы около 320 тыс. человек. Эти репрессивные действия привели к рассредоточению и частичному уничтожению наиболее опасных для новой власти лиц — активных, образованных и влиятельных людей, граждан Польши. Одновременно советское руководство терроризировало всю остальную часть общества и тем самым облегчило себе задачу установления контроля над ним.

Изменение государственной принадлежности восточных территорий Польши привело к радикальным преобразованиям в сфере государственного и экономического устройства по принципам административно-планового социализма. Изменение отношений собственности означало отчуждение всего имущества у основной массы населения и подчинение экономики всеобъемлющему контролю со стороны государства. Вследствие этого понизился уровень жизни населения, появились проблемы с продовольственным снабжением, поскольку для властей важнее было развитие тяжелой промышленности, а не производство товаров широкого потребления. С другой стороны, успехом стала ликвидация безработицы, а также предоставление повсеместной бесплатной медицинской помощи.

В политической сфере были грубо нарушены принципы многопартийности и свободного обмена мнениями. Был установлен полный контроль государства над всеми сферами жизни общества. Органы государственной власти, профсоюзы и молодежная организация действовали не в интересах всего населения, а наоборот, укрепляли тоталитарную систему и выполняли решения партийных инстанций. Были уничтожены традиционные политические структуры общества (политические партии, общественные и культурные организации).

Произошла деполонизация образования, в школах было введено бесплатное обучение на родном языке. Образовательные программы, учебники и сам процесс воспитания были идеологизированы. Обучение, культура и искусство — «нацио-

нальное по форме и социалистическое по содержанию» — стали доступны для широких масс населения, особенно для сельского, которое до того времени существенно отставало по уровню своего развития от городского. Однако интернационалистические элементы культуры ставились фактически выше национальных и региональных. Пресса и радио превратились в рупор новых властей. Они популяризировали идеологию марксизма-ленинизма. Кроме того, советскую власть поддерживала масса партийных лекторов и преподавателей. Обществу глубоко верующих людей попытались навязать примитивный атеизм. Нарушались нормы христианской морали. Распространилось доносительство и недоверие, происходило обособление членов общества друг от друга. Практика повседневной жизни не соответствовала провозглашаемым лозунгам коммунистической нравственности. Мощная идеологизация и атеизация духовной жизни не отвечали потребностям большинства населения.

Национальная политика, проводимая советской властью на начальном этапе (национальное объединение белорусов и украинцев, придание их языкам статуса официальных, развитие белорусского и украинского образования и культуры, социальные и экономические реформы в сельском хозяйстве, образовании, культуре, здравоохранении, национализация промышленности), могла помочь (и помогла) ей добиться расположения упомянутых национальных групп, особенно рабочих и крестьян. Однако позднее их настроения постепенно изменялись по мере того, как коммунисты показывали свое истинное лицо.

Большие трудности с продовольственным снабжением, растрачивание ресурсов и энергии общества, политика репрессий, тяжесть налогового бремени, обязательные государственные поставки, коллективизация сельского хозяйства — все это привело к разочарованию значительной части общества в советской власти, что выразилось в ностальгии местного населения по идее возрождения Польши или создания независимой Украины.

Политика украинизации и белорусизации (а в Виленском крае литвизации) вскоре приобрела черты русификации.

С верхушки социальной иерархии в своей стране поляки вдруг оказались сброшенными в самый низ иерархии в СССР. На оккупированных территориях было ликвидировано их экономическое, политическое, социальное и культурное преобладание. Яркие проявления антипольского курса местных органов советской власти в западных областях Украинской и Белорусской ССР (запрет на использование польского языка, сложности с трудоустройством поляков, затруднение процесса открытия школ с преподаванием на польском языке) встречали осуждение даже со стороны республиканских властей.

Взаимные польско-белорусские, польско-украинские или польско-еврейские предубеждения, которые особенно проявились в первые два года после установления советской власти на аннексированных восточных территориях Польши, крайне негативно повлияли на дальнейшее развитие отношений между этими народами.

¹ Румынское предместье — территория на юго-востоке Польши в 1918–1939 гг.; в настоящее время входит в состав Украины. Согласно польским военным концепциям, уступая превосходящим силам германской армии в случае нападения Третьего рейха на Польшу, польские войска должны были отступить в данный район и организовать там эффективную оборону. — *Прим. пер.*

² Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1. С. 11.

³ Там же. С. 89.

⁴ Восточная Малопольша — в межвоенное время регион Восточной Галиции на юго-востоке Польши. В настоящее время эта территория поделена между Подкарпатским воеводством Польши и Украиной. — *Прим. пер.*

⁵ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. VII: Styczeń 1939 — grudzień 1943. Warszawa, 1973. S. 197.

⁶ Под восточными территориями Польши здесь и далее по тексту подразумеваются так называемые Восточные Кресы (польское название) — территории к востоку от линии Керзона, отошедшие к Польше в результате советско-польской войны 1919–1921 гг. После Второй мировой войны Восточные Кресы были включены в состав Украины, Белоруссии и Литвы. — *Прим. пер.*

⁷ Agresja sowiecka na Polskę w świetle dokumentów 17 września 1939. [Т.] 1, Geneza i skutki agresji. Warszawa, 1994. S. 220–221.

⁸ Правда. 1939. № 270. С. 1.

⁹ Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 91–93.

¹⁰ Gnatowski M. Zgromadzenie Ludowe Zachodniej Białorusi. Fakty, oceny, dokumenty. Białystok, 2001. S. 199–201.

¹¹ Agresja sowiecka na Polskę w świetle dokumentów... [Т.] 1. S. 264.

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 3. Л. 199. К. 7.

¹³ КПП — Коммунистическая партия Польши; КПЗУ — Коммунистическая партия Западной Украины; КПЗБ — Коммунистическая партия Западной Белоруссии. — *Прим. пер.*

¹⁴ Фонд национальной обороны — фонд, созданный в 1936 г. на основании декрета президента Польши для сбора дополнительных денежных средств на довооружение армии и реализацию военной инвестиционной программы. — *Прим. пер.*

¹⁵ Касса Стефчика — название сельских ссудно-сберегательных кооперативов, которые объединяли мелких земледельцев. Задача кооперативов состояла в хранении сбережений его членов и выдаче им кредитов. Первый кооператив создал Франчишек Стефчик в 1890 г., после его смерти в 1924 г. кассы стали называть его именем. — *Прим. пер.*

¹⁶ Осадники — лица, поселившиеся на восточных территориях Польши, занятых в ходе советско-польской войны, на основании закона от 17 декабря 1920 г. о предоставлении земли особо отличившимся солдатам Войска Польского и добровольцам, которые уже прошли службу в армии. — *Прим. пер.*

¹⁷ ОУН — Организация украинских националистов — украинская националистическая военно-политическая организация; была создана в 1929 г. и выступала за создание независимого украинского государства на территориях, входящих в состав Второй Польской Республики и СССР; УНДО — Украинское национально-демократическое объединение — украинская политическая партия, существовавшая в Польше в 1925–1939 гг. — *Прим. пер.*

¹⁸ Согласно сообщению, переданному Л. Берией 12 декабря 1940 г. И. Сталину и В. Молотову (и недавно опубликованному Натальей Лебедевой), с сентября 1939 г. до 1 декабря 1940 г. было арестовано 407 тыс. человек.

¹⁹ Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики в эмиграции, подписанное 30 июля 1941 г. премьер-министром польского правительства в эмиграции генералом Владиславом Сикорским и послом СССР в Великобритании Иваном Майским. — *Прим. пер.*

²⁰ Польские вооруженные силы в СССР (или Армия Андерса) — части Войска Польского, сформированные в августе — сентябре 1941 г. в районе г. Бузулук и находившиеся в подчинении польского правительства в эмиграции. — *Прим. пер.*

²¹ Харцерские организации — польский аналог бойскаутских организаций; первые организации появились еще в 1910–1911 гг. Главные принципы харцерского движения: служба в отрядах, самосовершенствование (работа над собой) и воспитание духа братства и единства. — *Прим. пер.*

²² Оссолинеум — Институт польской культуры и науки, открытый Юзефом Максимилианом Оссолинским во Львове в 1827 г. (до 1939 г. при нем функционировали также библиотека и издательство). Институт стал одним из важнейших центров польской культуры.

²³ Лесничество — польская хозяйственно-административная единица в лесных районах. — *Прим. пер.*

5

КАТЫНСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Н. С. Лебедева (Россия)

А. Пшевозьник (Польша)

Данная проблема анализируется в десятках монографий и сборников документов. Ей посвящены сотни статей, тысячи заметок и информации. И все же до настоящего времени остается не до конца проясненным процесс принятия катынского решения и его реализации. Кто был его инициатором — Берия или Сталин? Чем они руководствовались при принятии рокового решения? Когда оно созрело? Как готовилась и проводилась операция по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем? Прояснить и уточнить эти вопросы, показать, как советское руководство в течение полувека пыталось отрицать свою ответственность за катынский расстрел и возлагало ее на нацистскую Германию, — задача данного эссе.

7 сентября 1939 г. Сталин в беседе с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Георгием Димитровым охарактеризовал Польшу как фашистское государство, которое угнетает украинцев, белорусов, и подчеркнул: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население!»¹. Именно в этом рассуждении кроются глубинные причины будущего катынского решения. Страстно желая и добиваясь ликвидации Польши как независимого государства, Сталин стремился заблаговременно расправиться с теми, кто мог воспротивиться достижению этой цели, начать борьбу за возрождение своей страны.

Лидеры СССР с беспокойством следили за усилиями гитлеровцев склонить Варшаву к совместному походу против страны Советов. Когда же Польша связала себя тесными узами с Лондоном и Парижем, враждебность Сталина к ней лишь усилилась. В польском государстве увидели активного участника западной коалиции. Последняя же воспринималась Кремлем как сила, пытавшаяся воспрепятствовать разделу сфер влияния между СССР и Германией.

17 сентября, в день вторжения Красной армии на территорию Польши, председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов в выступ-

лении по радио подчеркнул, что польское государство обанкротилось и перестало существовать. На следующий день было подписано советско-германское коммюнике, в котором прямо говорилось об общей задаче СССР и Германии в войне против Польши. Она состояла «в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»².

В подписанном 28 сентября в Москве Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией государственное переустройство занятых областей, осуществлявшееся Германией и СССР, рассматривалось «как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами». В секретном протоколе была зафиксирована договоренность о содействии друг другу в борьбе против польской агитации, то есть в попытках поляков оказать сопротивление захватчикам и восстановить независимость своей страны³.

С первых дней «необъявленной войны» сталинское руководство вплотную занялось проблемой польских военнопленных. Вопреки нормам международного права их передали из-под опеки армии в ведение органов внутренних дел. 18 сентября по решению Политбюро ЦК ВКП(б) конвойные войска НКВД СССР были переведены на «положение военного времени»; 19 сентября приказом Берии было создано Управление по делам военнопленных. Его начальником стал майор Петр Сопруненко, комиссаром — Семен Нехорошев⁴.

С 17 сентября по 1 октября 1939 г. Красная армия захватила в плен почти четверть миллиона бойцов и командиров Войска Польского. 126 тыс. человек были отправлены в 8 стационарных лагерей для военнопленных, остальные находились на приемных пунктах или на пути к ним. Но будучи не в состоянии обеспечить такое количество людей продовольствием, жильем, даже питьевой водой, сталинское руководство 3 октября решило распустить по домам рядовых и унтер-офицеров — жителей присоединенных к СССР земель. В середине октября Политбюро санкционировало обмен с Германией тех же категорий военнослужащих — уроженцев центральной Польши на выходцев из восточных воеводств⁵. Однако около 25 тыс. солдат и подофицеров были задержаны в Ровенском лагере и лагерях Наркомата черной металлургии для строительства шоссе стратегического назначения и работы на шахтах Кривого Рога и Донбасса. Около 15 тыс. офицеров, полицейских, тюремных работников, служащих Корпуса охраны пограничья (КОП), осадников были размещены в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях.

3 октября Политбюро предоставило право Военным советам Украинского и Белорусского фронтов «утверждать приговоры трибуналов к высшей мере наказания по контрреволюционным преступлениям гражданских лиц Западной Украины и Западной Белоруссии и военнослужащих бывш. Польской армии»⁶.

Массовые аресты польских граждан проводили и 9 оперативно-чекистских групп, созданных по приказу Берии от 8 сентября в Киевском и Белорусском особых военных округах. Только одна из них уже к 28 сентября арестовала 1923 человека⁷. Активно помогали им и созданные советскими властями отряды рабочей гвардии. Они вылавливали скрывавшихся в лесах офицеров, крупных землевладельцев и чиновников. «Значительную часть... рабочегвардейцы убивали на месте... Таких убийств заклятых врагов народа, совершенных в гневе народном в первые дни

прихода Красной армии, было немало. Мы оправдываем их, мы на стороне тех, кто, выйдя из неволи, расправился со своим врагом», — указывал секретарь Брестского обкома КП(б) Белоруссии Н. В. Киселев⁸.

8 октября Берия направил особым отделением лагерей для военнопленных директиву, в которой определялись их задачи по созданию агентурно-осведомительной сети, выявлению среди военнопленных «контрреволюционных формирований» и тех, кто служил в разведывательных и карательных органах, в полиции, тюрьмах, батальонах КОП, являлся членами военизированных организаций, политических партий и т.д.

В Старобельск, Козельск и Осташков вскоре были направлены работники из центрального аппарата НКВД СССР. В Козельск 31 октября выехал один из ответственных сотрудников 5-го (разведывательного) отдела Главного управления госбезопасности (ГУГБ) Василий Зарубин, в Старобельск — капитаны госбезопасности Борис Трофимов и сменивший его М. Ефимов, в Осташков — капитан госбезопасности Антонов. Они отправляли в Москву, на Лубянку и в Бутырки, военнопленных, зачастую даже без согласования с УПВ. Агентура, завербованная ими, сообщала о жизни лагеря, о тех, кто проявлял активность в религиозной и духовной жизни, вел просветительскую работу, поддерживал патриотические настроения своих товарищей. Все это фиксировалось в следственных делах, которые заводились особыми отделениями лагерей, наряду с учетными делами, оформлявшимися учетно-регистрационными отделениями. Об уроженцах восточных воеводств собирали сведения и органы НКВД по месту их жительства. Практически каждого офицера и полицейского допрашивали, чаще всего ночью, проявляя заведомую осведомленность о его биографии и связях. В Козельском лагере оперативники установили, что военнопленные выпускали нелегальные газеты «Меркурий» и «Монитор», устраивали ежедневные выпуски «устной газеты». В Старобельском лагере была «вскрыта» «антисоветская организация», использовавшая в своей якобы «контрреволюционной деятельности» создаваемые среди военнопленных культурно-просветительские кружки, кассы взаимопомощи, чтение лекций, в том числе таких, как «экономика пчеловодства», «психология плена» и т.д. «Контрреволюционную организацию» поспешили раскрыть и в Осташкове. Особисты и работники политотделений сообщали в Москву о росте антисоветских настроений среди пленных, о намерениях некоторых из них бежать из плена. В целом материалы об агентурно-оперативной разработке офицеров и полицейских показали, что они не смирились с разделом Польши и были готовы бороться за восстановление независимости своей страны⁹.

3 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило предложения Лаврентия Берии об аресте всех взятых на учет кадровых офицеров бывшей польской армии. Операция была проведена 10 декабря, причем лишь за этот день были арестованы 570 офицеров. 487 офицеров были захвачены оперативниками несколько ранее как «члены контрреволюционных формирований»¹⁰.

4 декабря в Осташковский лагерь из Москвы была направлена новая следственная бригада во главе со старшим следователем следственной части ГУГБ НКВД СССР Степаном Белопипецким. Ей было поручено оформить к концу января след-

ственные дела и обвинительные заключения на весь осташковский контингент для представления их на Особое совещание (ОСО) НКВД СССР¹¹.

ОСО являлось органом с правом заочного (без участия подсудимого) рассмотрения дел. Оно могло приговаривать к заключению в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) на срок до 8 лет, а по ряду статей — до 10 лет. Правом приговора к высшей мере наказания — расстрелу до ноября 1941 г. ОСО не обладало.

31 декабря 1939 г. Берия издал директивы по передаче до конца января 1940 г. дел на весь контингент Осташковского лагеря Особому совещанию и проведению следствия по делам офицеров из Старобельского и Козельского лагерей. В Осташков должен был выехать сам Сопруненко с большой группой работников центрального аппарата НКВД СССР, в Козельск — заместитель начальника УПВ Иосиф Полухин, в Старобельск — комиссар УПВ Нехорошев. В Козельском и Старобельском лагерях следовало завершить следствие к концу января, уделив особое внимание настроениям военнопленных, выявив членов политических партий, работников Генштаба и т.д. Примечательно, что об Особом совещании речь шла только в приказе по Осташковскому лагерю¹².

К концу января значительная часть из оформленных в Осташковском лагере свыше 6 тыс. следственных дел была передана ОСО. 1 февраля 1940 г. Сопруненко и Белолипецкий сообщили по ВЧ Берии: «Следствие [по] бывшим польским полицейским, содержащимся [в] Осташковском лагере, закончено, оформлено 6 тысяч 50 дел. Приступил [к] отправке дел [на] Особое совещание. Отправку закончим восьмого февраля. Необходимые для следствия мероприятия закончены»¹³.

К концу февраля 1940 г. Особое совещание уже рассмотрело 600 дел полицейских и вынесло им приговоры — от 3 до 8 лет пребывания в ИТЛ на Камчатке. В Москве было проведено совещание, на котором обсуждался вопрос о порядке отправки военнопленных из Осташковского лагеря в Северный дальневосточный лагерь. Один из участников совещания, начальник особого отделения Осташковского лагеря Григорий Корытов, докладывал о нем шефу Особого отдела Управления НКВД (УНКВД) по Калининской области Василию Павлову: «Из представленных нами 6005 дел пока рассмотрены 600, сроки 3–5–8 лет (Камчатка), дальнейшее рассмотрение наркомом пока приостановлено. Но разговоры таковы, что в марте мы должны основательно разгрузиться и подготовиться к приемке финнов. Есть распоряжение наркома о заключении нескольких категорий военнопленных в местные тюрьмы. На этот счет у начальника Управления по К.О. [т.е. УНКВД по Калининской области — *Н. Л.*] есть директива от 29.П.40 за № 25/1869, с которой прошу ознакомиться»¹⁴.

Упомянутая Корытовым директива — это распоряжение УПВ от 23 февраля относительно порядка выполнения приказа по НКВД СССР от 22 февраля о переводе в тюрьмы содержащихся в лагерях для военнопленных «тюремщиков, разведчиков, провокаторов, осадников, судебных работников, помещиков, торговцев и крупных собственников»¹⁵.

Инициатором «разгрузки» Старобельского и Козельского лагерей выступил Петр Сопруненко. 20 февраля он обратился к Берии с предложением распустить по домам около 300 человек инвалидов, тяжело больных, отставников старше 60 лет и

400–500 офицеров запаса, жителей присоединенных к СССР территорий (агрономов, учителей, инженеров, врачей), на которых не было компрометирующих материалов. В то же время начальник УПВ испрашивал у наркома разрешение оформить дела для рассмотрения на Особом совещании «на офицеров КОПа (Корпус охраны пограничной), судейско-прокурорских работников, помещиков, актив партии “ПОВ” и “Стрелец”, офицеров 2-го отдела бывшего польглавштаба, офицеров информации (около 400 человек)». На записке Сопруненко резолюция Берии: «Тов. Меркулов. Пер[еговори]те со мной. Л. Б[ерия]. 20. II.»¹⁶.

После разговора Берии со своим первым заместителем и начальником ГУГБ Всеволодом Меркуловым 22 февраля последний подписал директиву, в которой говорилось: «По распоряжению народного комиссара внутренних дел тов. Берии предлагаю всех содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях НКВД бывших тюремщиков, разведчиков, провокаторов, осадников, судебных работников, помещиков, торговцев и крупных собственников перевести в тюрьмы, перечислив их за органами НКВД. Все имеющиеся на них материалы передать в следственные части УНКВД для ведения следствия. О порядке дальнейшего направления этих дел указания будут даны дополнительно. О количестве переданных арестованных донесите»¹⁷.

Что примечательно в этом документе? Он касался лишь относительно небольшой части военнопленных Старобельского и Козельского лагерей. Основную массу польских офицеров, во всяком случае до 22 февраля, руководство НКВД не намеревалось репрессировать. В директиве от 22 февраля не фигурировало Особое совещание, которому Сопруненко предлагал передать на рассмотрение дела части польских офицеров в своем письме Берии от 20 февраля. Это свидетельствует о том, что нарком еще не пришел к окончательному решению, какой орган будет рассматривать дела переводимых в тюрьмы поляков. Видимо, получив предложения Сопруненко и издав директиву от 22 февраля, Берия решил испросить указаний у Сталина, какие меры следовало принять в отношении переводимых в тюрьмы военнопленных. От этого зависел и выбор органа, который должен был рассматривать дела арестованных.

Из письма Корытова к Павлову, написанному не ранее 29 февраля, явствует, что Берия приостановил рассмотрение дел осташковских военнопленных Особым совещанием, хотя оно уже вынесло 600 приговоров. Эта приостановка могла произойти лишь после 20 февраля.

Н. С. ЛЕБЕДЕВА

В письме Корытова чрезвычайно важна и ссылка на то, что «окончательная разгрузка» Осташковского лагеря была связана напрямую с необходимостью принять военнопленных финнов. Еще 1 декабря 1939 г., на следующий день после нападения СССР на Финляндию, Берия приказал начальникам резервных лагерей — Грязовецкого, Юхновского, Южского, Путивльского, Козельщанского — подготовиться к поступлению большого количества финских военнопленных. В январе от руководства этих лагерей потребовали сведения о наличии жилых помещений, о максимальном количестве людей, которые они могут разместить. Были приняты энергичные меры и для создания дополнительных лагерей для военнопленных (Темниковский, Тайшетский и др.)¹⁸.

21 февраля Сопруненко подписал справку для руководства НКВД о готовности лагерей к приему около 25 тыс. военнопленных финнов. Письмо Кобытова подтвердило, что, отдавая 31 декабря приказ о срочном оформлении дел на весь осташковский контингент для рассмотрения их на ОСО, Берия намеревался освободить для финнов самый большой и хорошо обустроенный лагерь для военнопленных¹⁹.

Но дело было конечно же не только и даже не столько в «разгрузке» от поляков одного — трех лагерей. Исключение 14 декабря 1939 г. по настоянию Англии и Франции при активном участии правительства Владислава Сикорского Советского Союза из Лиги наций в огромной мере усилило антизападные и антипольские чувства Сталина. После принятия Верховным союзным советом решения направить в Финляндию экспедиционный корпус польское правительство стало добиваться включения в него своего воинского соединения. 24 января 1940 г. Сикорский заявил на заседании Совета министров, что посылка корпуса в Финляндию вовлечет Францию и Великобританию в «фактическую войну с Россией, что для нас весьма желательно». О необходимости ориентироваться на разгром России в момент, когда союзники объявят ей войну, говорил и министр иностранных дел Польши Аугуст Залеский. О том, что в английском правительстве серьезно усилились тенденции к вмешательству в советско-финляндский конфликт, что оно готово действовать, «не останавливаясь перед риском разрыва отношений и даже вооруженного конфликта», сообщал в Москву полпред Иван Майский²⁰.

Французско-британская концепция вооруженного выступления против СССР в период советско-финской войны была тесно связана с идеей нанести удар Советскому Союзу по его залежам нефти в районе Каспийского моря. Эти планы разрабатывались в первые месяцы 1940 г. 19 января Франция представила на заседании Верховного совета союзнических держав в Париже конкретный проект нападения на СССР в районе Кавказа и Каспийского моря. Верховный совет обсуждал его еще в феврале, а также в последний раз 22 марта 1940 г. План предусматривал интенсивные бомбардировки нефтяных месторождений на Каспийском море. Вплоть до мая политическое и военное руководство в Париже и Лондоне рассматривало проект нападения на СССР с юга в разных вариантах. Окончательно этот план оставили лишь в мае 1940 г., после начала германского наступления на Францию. При этом известно, что Сталин знал о готовившихся планах²¹.

Даже после того, как был заключен мирный договор с Финляндией, война с западными державами все еще не исключалась сталинским руководством, намеревавшимся вскоре осуществить присоединение к СССР Латвии, Литвы и Эстонии.

Соответствующая информация, поступающая в Кремль как по дипломатическим, так и по разведывательным каналам, лишь укрепляла ненависть Сталина к польским офицерам. В случае возможной войны западных стран против СССР они, по его мнению, могли стать пятой колонной. Сталин никогда не забывал о роли восставших военнопленных чехов в гражданской войне в Советской России в 1918—1920 гг.

«Зимняя война» отразилась и на взаимоотношениях Германии и СССР. Гитлеровское руководство поняло, что боеспособность Красной армии весьма низка, следовательно, можно начать подготовку к нападению на СССР. Первая переброс-

ка германских войск к западным границам СССР была зафиксирована советскими разведывательными службами в середине февраля 1940 г.²². Слабость Красной армии способствовала и некоторому оживлению польского подполья, получавшего инструкции от правительства Сикорского²³.

Все эти обстоятельства побудили сталинское руководство принять меры по усилению безопасности приграничных районов — западных областей Украинской и Белорусской ССР. Очистить эти территории от «неблагонадежных элементов» было важно и в связи с предстоявшими в конце марта 1940 г. выборами в Верховный совет СССР. Таким образом, и обстановка на международной арене, и внутренняя ситуация в Западной Украине и Западной Белоруссии вновь привлекли в конце февраля — начале марта внимание Кремля к проблеме польских военнопленных (офицеров и полицейских) и узников тюрем.

Совершенно очевидно, что в двадцатых числах февраля у Берии, по-видимому, созрела какая-то идея, касающаяся участи всего контингента трех спецлагерей для военнопленных, которая требовала обсуждения со Сталиным. Но встретившись со Сталиным 29 февраля, Берия вряд ли осмелился бы прямо предложить «хозяину» расстрелять всех польских офицеров, полицейских и узников тюрем. Не исключено, что он подвел его к этому варианту, но сформулировал решение скорее всего сам Сталин.

26 февраля Сопруненко по распоряжению наркома внутренних дел предписывает начальникам Козельского и Старобельского лагерей в срочном порядке сообщить сведения о контингенте военнопленных. Одновременно предлагалось прислать в УПВ дополнения к опросным листам, позволявшие лучше представить служебное положение офицеров, знание ими иностранных языков, пребывание их за границей и наличие у них родственников в СССР. Для выполнения этой работы следовало «мобилизовать всех годных работников лагеря»²⁴.

27–28 февраля в УПВ поступают подробные сведения о военнопленных Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей. В Козельск вновь прибыл Василий Зарубин. 27 февраля УПВ приказывает ему и начальнику лагеря Василию Королеву срочно выслать нарочным в Москву по 4–5 заполненных учетных и следственных дел²⁵. Сопруненко и Берия были прекрасно знакомы с такого рода материалами. Для них они не представляли интереса. Скорее всего их намеревались показать Сталину.

Судьба польских военнопленных — офицеров и полицейских — решается параллельно с определением участи узников тюрем западных областей УССР и БССР и семей всех репрессированных — как военнопленных, так и заключенных тюрем. 2 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает предложение Лаврентия Берии и Никиты Хрущева «Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР». Наряду с отселением жителей из 800-метровой пограничной полосы было решено депортировать в Казахстан на 10 лет все семьи репрессированных и находившихся в лагерях для военнопленных польских офицеров, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников (всего 22–25 тыс. семей). «Наиболее злостных» лиц из числа выселяемых предписывалось арестовывать и передавать их дела Особому совещанию. Дома и квартиры депортируемых должны были использоваться для расселения в них военнослужащих РККА,

партийно-советских работников, командированных в западные области УССР и БССР людей. Беженцы, как правило, еврейской национальности, которые заявляли о своем желании вернуться в центральную Польшу, но не были приняты германской стороной, подлежали выселению в северные районы СССР для использования на лесоразработках и других работах. Идентичное решение принял в этот день и Совет народных комиссаров СССР²⁶.

Нетрудно представить себе реакцию нескольких тысяч офицеров и полицейских, если бы им стало известно об участи их семей, сосланных в безводные степи Казахстана. С другой стороны, если бы родные узнали о расправе с мужьями, сыновьями и братьями, они стали бы активными участниками подпольной борьбы со сталинским режимом в западных областях УССР и БССР. Поэтому синхронная расправа с военнопленными (офицерами и полицейскими), заключенными тюрем и их семьями абсолютно логична для менталитета и методов борьбы сталинского руководства. Расстреливая советских людей — видных партийных и комсомольских деятелей, военачальников, ответственных хозяйственников и чиновников, оно всегда отправляло в лагерь ГУЛАГа или в ссылку и членов их семей.

2–3 марта по требованию Берии составляются сводные данные о наличии в лагерях УПВ польских офицеров, полицейских, священников, тюремных работников, пограничников, разведчиков. Данные, фигурирующие в справках от 3 марта, ложатся в основу приводимых Берией сведений в его записке Сталину.

Отбор категорий офицеров и других военнопленных в справках от 2 и 3 марта и в записке Берии Сталину почти полностью совпадает. В них, в частности, не фигурируют подхорунжие, юнаки, беженцы и другие лица, которых Берия не предлагал расстреливать. Практически совпадает в справках и записке наркома и группировка категорий военнопленных.

Таким образом, нет сомнений, что справки готовились для Берии в связи с его запиской Сталину, что именно данные от 3 марта легли в основу записки наркома, адресованной «ЦК ВКПБ — товарищу Сталину» и напечатанной на бланке НКВД СССР. Примечательно, что записка Берии была зарегистрирована под номером 794/Б, номера же 793/б и 795/б датированы 29 февраля²⁷. Очевидно, что данный номер был присвоен первому варианту записки Берии. Ее текст был, видимо, впоследствии переработан с учетом замечаний Сталина. Окончательный же вариант, имеющий тот же номер, но датированный мартом (число проставлено не было), был положен в основу решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта. Таким образом, записку Берии следует датировать не ранее 3 — не позднее 5 марта 1940 г. Сам же процесс непосредственной выработки решения о расстреле следует ограничить периодом 20 февраля — 5 марта.

По всей видимости, он мог быть связан и с поступлением из Киева в конце февраля предложений Хрущева об укреплении охраны границы, предусматривавших депортацию семей репрессированных — заключенных тюрем и военнопленных офицеров и полицейских. Будучи причастным к событиям, связанным с расстрелом польских офицеров и узников тюрем, бывший первый секретарь ЦК КП(б) Украины в 1959 г. санкционировал уничтожение не только учетных и следственных дел офицеров и полицейских, но и протоколов заседаний «тройки», принимавшей решения о расстреле военнопленных и узников тюрем²⁸.

Возможно, Сталин, получив предложение Хрущева, дал поручение Берии оформить как проект решения об охране границы (в окончательном варианте он представлен за двумя подписями), так и записку о расстреле польских военнопленных (офицеров и полицейских) и заключенных тюрем. Одно остается несомненным — тесная связь решений от 2 марта «Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР» и от 5 марта «Вопрос НКВД СССР», принятых по записке Берии. Впервые и в том, и в другом присутствует связка — польские военнопленные (офицеры и полицейские) и узники тюрем, которой ранее никогда не было.

Берия в своей записке обосновывал необходимость расстрела военнопленных (офицеров, полицейских, сотрудников разведывательных органов) и заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии тем, что «все они являются закл[я]тыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю». Нарком утверждал: «Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к[онтр]-р[еволюционную] работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти. Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы». Указав, что в лагерях для военнопленных содержится 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков, 97% которых составляют поляки, что в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии находятся 10 685 арестованных поляков, он вновь подчеркнул, что все эти лица «являются закоренелыми неисправимыми врагами советской власти». Берия предлагал рассмотреть их дела «в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела».

Рассмотрение дел предлагалось провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения. Судьбу лиц, содержащихся в лагерях военнопленных, следовало решать по справкам, составленным УПВ, арестованных — по справкам на основе дел, представленных НКВД УССР и НКВД БССР. Рассмотрение дел и вынесение решения возлагалось на «тройку» в составе Берии, Меркулова и начальника Первого спецотдела НКВД СССР Леонида Баштакова. В конце документа стоит подпись Берии. Первым на этой бумаге расписался Сталин, предварительно написав: «За» и внеся в нее последние коррективы — вычеркнув из состава тройки фамилию Берии и вписав в нее фамилию начальника Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД СССР Богдана Кобулова. Затем свои подписи поставили Климент Ворошилов, Вячеслав Молотов и Анастас Микоян. На полях секретарь указал: «Калинин — за, Каганович — за»²⁹. Таким образом, катынское решение было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), а не путем опроса, как это широко практиковалось в работе этого органа (например, решение от 2 марта об усилении охраны госграницы). Оформление решения Политбюро по тексту инициативного документа — практика, широко принятая в то время. На записке наркома в правом верхнем углу был проставлен штамп: «Протокол № пункт № ». От руки вписано «13» (номер протокола), «144 О.П.» (пункт протокола, О.П. — особая папка). Под-

писи Берии, Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна Военная прокуратура, получив в 1990–1991 гг. однозначные заключения от нескольких независимых специалистов, признала подлинными³⁰.

Записка Берии более полувека хранилась в опечатанном пакете вместе с выпиской из протокола решения Политбюро от 5 марта 1940 г., которая также была оформлена по всем канонам того времени³¹. Последняя напечатана на специальном типографском бланке для выписок из протоколов высшей партийной инстанции.

Пресловутый Юрий Мухин, никогда не видевший фототипического изображения записки Берии, писал, что он напечатан не на бланке, не имеет номера и даты, следовательно, это фальшивка³². Его последователи Сергей Стрыгин и Владислав Швед, хорошо знакомые с запиской, прибегли к более изощренной аргументации. Не имея возможности опровергнуть подлинность подписей членов Политбюро ЦК ВКП(б), одобдивших предложение о расстреле, на первой странице записки и подпись Берии на последнем листе, они пытаются уверить читателей, что вторая и третья страницы, где сформулировано само решение о расстреле, подделаны то ли в хрущевское, то ли в ельцинское время³³. Однако на третьем листе есть надпись: «ОП. Вопрос НКВД», сделанная рукой Александра Поскребышева, заведующего Особым сектором ЦК ВКП(б). Аналогичные его надписи встречаются на многих инициативных документах к особым папкам Политбюро. Следовательно, и та страница, на которой сформулировано утверждаемое решение Политбюро (пункт 144 протокола 13) от 5 марта, — подлинная. Не вызывают сомнения и имевшиеся в закрытом пакете № 1 выписки из протокола решения Политбюро от 5 марта 1940 г. (п. 13/144), которые на оборотной стороне заверены подписью секретаря Хряпкиной, виза которой стоит на многих сотнях выписок из решений высшей партийной инстанции³⁴.

Невозможность подделки протокола решения от 5 марта подтверждают и подшивки подлинных протоколов Политбюро ЦК ВКП(б). Они были трех видов — несекретные, секретные и совершенно секретные. Каждый протокол ПБ, как правило, включал решения за период от двух недель до одного месяца. Нумерация пунктов повестки дня в несекретных протоколах была сплошная, без каких-либо изъятий. Если какое-либо решение было секретным, около этого пункта сохранялись его номер и название, хотя сам текст решения отсутствовал. В несекретном протоколе № 13 пункт 144 был записан так: «144. Вопрос НКВД СССР. О.П.». В особых папках в протоколе № 13 значится: «144. Вопрос НКВД. Сов. секретная О.П.». В папке инициативных документов к несекретным протоколам Политбюро (Ф. 17, оп. 163) также имеется лист с п. 144 протокола № 13 и в отчеркнутом правом углу указано: «зап[иска] т. Берии». Это означало, что инициативным документом, по которому было принято решение (п. 144) от 5 марта, была записка Берии.

Опечатанный конверт с запиской Берии Сталину, двумя экземплярами выписки из протокола Политбюро от 5 марта, листами с текстом решений от 5 марта, изъятими из протокола № 13, с запиской председателя КГБ при Совмине СССР А.Н. Шелепина от 3 марта 1959 г. хранился в личном сейфе заведующего общим отделом ЦК КПСС, затем в запломбированном помещении 6-го сектора общего отдела ЦК. На нем было указание: «Справок не давать, без разрешения заведующе-

го общим отделом ЦК пакет не вскрывать». Его выдавали лишь первым лицам партии — Юрию Андропову, Константину Черненко, а также руководителю аппарата Михаила Горбачева Валерию Болдину (в 1987 и 1989 гг.), после чего конверт вновь запечатывался³⁵.

Подготовка операции по «разгрузке» Козельского, Старобельского, Осташковского лагерей для военнопленных и тюрем западных областей Украины и Белоруссии началась сразу после рокового решения Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле 14,5 тыс. офицеров и полицейских и 11 тыс. узников тюрем. С 7 по 15 марта были проведены совещания с работниками центрального аппарата НКВД СССР, с начальниками УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей, их заместителями и комендантами внутренних тюрем, с начальниками и комиссарами трех спецлагерей³⁶.

7 марта Берия приказал наркомам внутренних дел УССР и БССР Ивану Серову и Лаврентию Цанаве подготовиться к депортации 25 тыс. семей тех, кого вскоре намеревались расстрелять. Ее планировали осуществить в середине апреля, в один и тот же день, списки же ссылаемых надлежало составить к 30 марта. Адреса членов семей узнавали у самих офицеров и полицейских, для чего в Козельск, Старобельск и Осташков выехали специальные бригады из УПВ. Составлялись списки тех, кто проживал не только на территории, присоединенной к СССР в сентябре 1939 г., но и в центральной Польше, оккупированной вермахтом³⁷. Германская сторона в свою очередь в первой половине марта передала НКВД СССР список офицеров, находившихся в офлаге IV-а, семьи которых проживали на территории, отошедшей к СССР. Характерно, что в апреле — мае гитлеровцы проводили свою печально известную «Акцию АБ» — уничтожение польской интеллектуальной и государственной элиты. Списки с указанием места жительства семей офицеров можно было использовать при ее проведении. Германский же список, посланный 21 марта 1940 г. в УПВ, в апреле был направлен «для соответствующего использования» начальнику 3-го отдела (контрразведка) ГУГБ.

16 марта началось составление справок на военнопленных трех лагерей и заключенных тюрем, на основании которых «тройка» в составе Меркулова, Кобулова и Баштакова должна была принимать решение о расстреле. Справки на офицеров и полицейских готовило Управление по делам о военнопленных, на заключенных тюрем — НКВД УССР и НКВД БССР. Форма справки поступила к Сопруненко от Кобулова. Наряду с тремя графами, в которых фиксировались: 1) фамилия, имя, отчество; 2) год и место рождения, семейное и общественное положение, где содержится, когда взят в плен; 3) последняя должность и чин в польской армии или в полицейских, разведывательных и карательных органах, имелась четвертая графа — заключение³⁸. В нее вписывалась краткая формула обвинения и статья УК РСФСР (для заключенных тюрем — УК УССР и УК БССР). Первые три графы заполнялись в лагерях, последняя — в УПВ. В единственном сохранившемся учетном деле полицейского Стефана Олейника имеется и заполненная в Осташковском лагере справка кобуловской формы. В ней указывалось: «1. Олейник Стефан Стефанович. 2. 1911 г.р., с. Тарновка. Уезд Дубно, Волинского воеводства, отец — содержатель ресторана, поляк, партийность не установлена, женат, детей нет, содержится в Осташковском лагере. В плен взят 25 сентября в гор. Боршев. 3. В полиции с 1936 г.

рядовой полицейский». В деле Олейника сохранилась и выписка из списка, составившегося на военнопленных, с указанием членов их семей с адресами³⁹.

Осташковскому лагерю было предложено готовить справки-заключения только на тех, на кого не были оформлены дела для ОСО, в Козельском и Старобельском же лагерях — на весь контингент. Они готовились в обстановке строжайшей секретности. Заказывать форму для справок в типографии было категорически запрещено. По мере готовности дела со справками направлялись в Москву. Так, к 23 марта туда из Старобельска были уже отосланы материалы на 760 человек. 30 марта Сопруненко потребовал высылать справки в первую очередь на высший, затем старший и средний офицерский состав, в последнюю очередь — на врачей, учителей, агрономов, гражданских лиц, на которых не имелся компрометирующий материал⁴⁰. Если в делах, присланных в УПВ, отсутствовали какие-либо данные, в частности, адреса родных, имелись разночтения в написании фамилии или других данных, их направляли на уточнение в лагерь. В ином случае в справке в УПВ заполнялась последняя графа — заключение. После этого дело отсылалось в Первый спецотдел НКВД СССР, где над ним работали под руководством заметителя начальника этого отдела, капитана госбезопасности Аркадия Герцовского. Часть дел ставилась на контроль; решение по ним принимал лично Меркулов. Остальные фамилии включались в списки подлежащих расстрелу, которые затем передавались на утверждение «Комиссии», то есть «тройки» в составе Меркулова, Кобулова и Баштакова. После визирования ими списка фигурировавшие в нем военнопленные или заключенные считались осужденными к высшей мере наказания — расстрелу. Решения Комиссии оформлялись специальными протоколами. После этого списки-предписания на отправку из лагеря в распоряжение УНКВД, подписанные начальником УПВ или после отъезда Сопруненко из Москвы его заместителем Иваном Хохловым, направлялись в Козельский, Старобельский и Осташковский лагеря; предписания о расстреле, подписанные Меркуловым, — начальникам УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей⁴¹.

Тщательно готовился и расстрел узников тюрем западных областей УССР и БССР. Чтобы централизовать расстрел поляков — заключенных тюрем, свести к минимуму число лиц, задействованных в операции и таким образом исключить утечку информации, было решено сосредоточить их в четырех тюрьмах, предварительно отправив из них заключенных в лагерь ГУЛАГа. В соответствии с приказом Берии от 22 марта поляков из Львовской, Ровенской, Волынской, Тернопольской, Дрогобычской, Станиславской, Пинской, Брест-Литовской, Вилейской и Барановичской тюрем следовало в 10-дневный срок перевезти в Киев, Минск, Харьков и Херсон⁴².

Как и в лагерях военнопленных, в украинских и белорусских республиканских органах НКВД усиленно занимались подготовкой следственных дел и справок кобуловской формы на заключенных. Справки составляли начальники тюремных отделов, вносили в них уточнения и исправления, затем передавали Первым спецотделам республиканских НКВД. Там заполнялась последняя графа справки — заключение, после чего их направляли Герцовскому, где и готовились списки-предписания на расстрел, которые штамповались Комиссией, то есть тройкой Меркулова, Кобулова и Баштакова.

Наряду с оформлением материалов на контингент трех спецлагерей и узников тюрем принимались и другие меры по подготовке расстрельной операции. С 16 марта была запрещена переписка всех военнопленных. Начальство ужесточило пропускной режим, усилило охрану лагерей, сократило часть технических сотрудников. Главное транспортное управление НКВД СССР разработало подробнейший план доставки военнопленных к местам казни. На протяжении полутора месяцев его начальник Соломон Мильштейн ежедневно, а иной раз и два раза в день, направлял Берии и Меркулову сводки, фиксируя малейшие отклонения от плана перевозок, о количестве отправляемого порожняка, загружавшихся и разгружавшихся вагонов и т.д.⁴³.

Незадолго до начала операции в Старобельск прибыли капитан госбезопасности Ефимов и работник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР В. Миронов, отвечавший за агентуру. В Козельск вновь выехал Зарубин, в Осташков — Дмитрий Холичев. В лагерях в течение всей операции находились и представители Главного управления конвойных войск (Иван Степанов в Козельске, Алексей Рыбаков в Старобельске и Михаил Кривенко в Осташкове).

В ходе операции в Ровенском и Наркомчерметовских лагерях выявляли офицеров, полицейских, жандармов, направляя их сразу же в Козельск, Старобельск и Осташков. Туда же свозили и находившихся в больницах тяжелобольных польских офицеров и полицейских. Пополнялся и контингент тюрем. 4 апреля Берия приказал наркомам внутренних дел УССР и БССР Серову и Цанаве арестовать на территории бывших польских воеводств всех проводящих «контрреволюционную работу» унтер-офицеров польской армии, остальных же взять на оперативный учет, обеспечив агентурным наблюдением. В Киев и Минск свозились и заключенные, в недавнем прошлом граждане Польши, находившиеся в тюрьмах других регионов страны⁴⁴.

Первые списки на отправку военнопленных на расстрел начали поступать в лагеря 3–5 апреля, в тюрьмы — 20–23 апреля. 9 апреля были подписаны 13 списков на 1297 военнопленных. Мог ли орган внесудебной расправы рассмотреть за один день по существу почти 1300 дел? Ответ очевиден — это физически невозможно. Да это и не требовалось: в задачу «тройки» входило лишь утвердить списки, составленные в Первом спецотделе под контролем Меркулова. Список, как правило, содержал около 100 фамилий и предписывал начальнику лагеря немедленно направить указанных в нем лиц в Смоленск (Харьков, Калинин) в распоряжение соответствующего УНКВД⁴⁵. В них были включены 97% всех офицеров и полицейских, содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях. Среди отправляемых на расстрел были кадровые военные, резервисты и престарелые отставники; члены политических партий и абсолютно аполитичные люди; поляки и евреи, белорусы и украинцы. Врачей, исполнявших в армии свой гуманитарный долг, обрекали на смерть наравне с жандармами, контрразведчиками, тюремными работниками. Практически речь шла не о том, кого расстрелять, а кому следует сохранить жизнь, включив в список на отправку в Юхновский лагерь.

Долгие годы оставались неясными мотивы, по которым трем процентам была сохранена жизнь. В ходе подготовки к печати катынских документов нами был найден документ, раскрывающий причины, по которым пощадили 395 человек. По хо-

датайству 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД были оставлены в живых 47 человек, столько же — по просьбе германского посольства, 19 — по запросу литовской миссии, немцев по национальности — 24 человека, 91 военнопленный был направлен в Юхнов по личному указанию Меркулова. Среди последних были как те, кто представлял интерес в качестве источника информации, так и пленные, заявлявшие о своих коммунистических убеждениях, оказывавшие различные услуги администрации лагерей. 167 человек попали в разряд «прочие» — рядовые, юнаки, унтер-офицеры, подхорунжие, беженцы, а также несколько десятков осведомителей⁴⁶.

Три первых списка-предписания на отправку из Осташковского лагеря на 343 человека были подписаны Сопруненко 1 апреля. 3 апреля они поступили в лагерь и, согласно путевой ведомости, 5 апреля в 9 час. 30 мин. те же 343 «лишенных свободы» в пяти вагонах прибыли в Осташков. Столько же человек были приняты помощником начальника УНКВД по Калининской области Т. Качиным. В тот же день начальник УНКВД направил Меркулову шифротелеграмму «Первому наряду исполнен № 343. Токарев». Эти документы хранятся в разных фондах и разных архивах, в том числе в Центральном архиве ФСБ. Сохранились аналогичные документы почти за каждый день операции. Все цифры в них совпадают⁴⁷. Последние военнопленные были вывезены из лагерей к концу мая.

Как проходили расстрелы, подробно рассказал на допросах в военной прокуратуре Дмитрий Токарев. Руководил расстрелом присланный из Москвы начальник комендантского отдела НКВД СССР майор госбезопасности В. Блохин. Именно он вместе с комендантом Калининского отдела НКВД СССР разработал технологию расстрела. Одну из камер обшили кошмой, чтобы не были слышны выстрелы. Тюрьму временно освободили от других заключенных. «Из камер поляков поодиночке вели в красный уголок, то есть в ленинскую комнату, там сверяли данные — фамилия, имя, отчество, дату рождения... Надевали наручники, вели в приготовленную камеру и били из пистолета в затылок», — сообщил Токарев. Только в Калининском расстрелах участвовали 30 человек, по трем лагерям — 53. Расстреливали из немецких «вальтеров». «Через вторую заднюю дверь трупы выносили из камеры и бросали в крытые грузовики. Затем 5–6 машин увозили тела к месту захоронения в окрестностях села Медное. Это рядом с дачами УНКВД, с одной из моих двух дач. Место выбирал Блохин. Он же привез из Москвы двух экскаваторщиков», — давал показания все тот же Токарев⁴⁸. Следует иметь в виду, что территория с местами захоронения осташковских узников никогда германскими войсками не занималась.

В Харькове, по свидетельству начальника охраны УНКВД Митрофана Сыромятникова, расстреливали, как и в Калининском, во внутренней тюрьме НКВД на ул. Дзержинского, куда военнопленных доставляли «воронками» с вокзала. Затем тела на грузовиках везли в 6-й район лесопарковой зоны, в 1,5 км от села Пятихатки, и закапывали вблизи дач УНКВД. Руководили расстрелом специально присланные работники комендантского отдела НКВД СССР при активном участии коменданта внутренней тюрьмы Тимофея Куприя, начальника харьковского УНКВД майора госбезопасности П. Сафонова и его заместителя П. Тихонова⁴⁹. Они же, видимо, руководили и расстрелом заключенных тюрем, доставленных в Харьков.

Офицеров из Козельского лагеря расстреливали как непосредственно в Катынском лесу, так и, скорее всего, в Смоленской тюрьме. Об этом свидетельствуют свод-

ки Мильштейна о движении тюремных вагонов, в которых неоднократно указывалось, что вагоны прибывали на *станцию* Смоленск. В них, в частности, сообщалось: «6 апреля с/г. на ст. Смоленск в 12 час. 15 мин. поездом № 87 прибыли 2 вагона за № 602 и 673... *Находятся под разгрузкой* на ст. Смоленск 4 вагона за № 670, 351, 602 и 673». В сводке за 7 апреля вновь отмечалось: «На ст. Смоленск *находятся под разгрузкой* 4 вагона за №№ 670, 351, 602 и 673»⁵⁰ [выделено мной. — *Н. Л.*]. Таким образом, вагоны стояли на станции под разгрузкой два дня. Видимо, офицеров доставляли из вагонов в Смоленскую тюрьму по мере освобождения места в ней после расстрела очередной партии поляков. С. Свяневич, доставленный в Смоленскую тюрьму, обнаружил, что она полностью освобождена от других заключенных. В одной из 8 могил польских офицеров в Катыни тела лежали ровными рядами, лицом к земле, в отличие от других ям смерти, где расстрелянные находились в разных положениях.

В Катынском лесу расстреливали группами над глубокими могилами, в мундирах, орденах, стреляли в затылок с близкого расстояния. При расстрелах использовались немецкие пули калибра 7,65 мм. В 20% случаев руки у военнопленных были связаны проволокой или плетеным шнуром. В одной из могил находились тела, на головах которых были шинели, обмотанные на уровне шеи шнуром, который соединялся петлей со связанными руками⁵¹.

В соответствии с составленной по итогам операции справкой Управления по делам о военнопленных в УНКВД трех областей было отправлено 14 587 человек. В справках же, подготовленных для Сталина руководством НКВД в 1941–1943 гг., фигурирует цифра 15 131 человек. В записке Александра Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 г. указывается, что всего были расстреляны 21 857 человек, включая 8348 офицеров Войска Польского, 6311 полицейских и 7305 узников тюрем⁵². Расхождения в справке УПВ конца мая 1940 г. с данными НКВД 1941–1943 гг. скорее всего связаны с теми военнопленными офицерами и полицейскими, которые по директиве Меркулова от 22 февраля 1940 г. были переведены в распоряжение УНКВД трех областей, то есть в тюрьмы. Они уже не учитывались в справке УПВ, тем не менее их также расстреляли как военнопленных офицеров и полицейских.

Среди отправленных на расстрел были 11 генералов, контр-адмирал, 77 полковников, 197 подполковников, 541 майор, 1441 капитан, 6061 поручик, подпоручик, ротмистр и хорунжий, 18 капелланов и других представителей духовенства.

Те, кого отправляли на расстрел, даже не подозревали, что их ждет, о чем свидетельствуют политдонесения комиссара УПВ Нехорошева. Родные и близкие, а также дети военнопленных из трех спецлагерей обращались к Сталину, в УПВ, другие инстанции, умоляя отпустить мужей и отцов из плена⁵³. До конца своей жизни многие из них не могли смириться с утратой, вопреки всему надеясь на возвращение тех, кто сгинул в Советском Союзе.

Сразу после завершения расправы с польскими офицерами и полицейскими были приняты карательные меры и против других польских военнопленных. В конце мая 8 тыс. рядовых и унтер-офицеров бывшей польской армии из лагерей военнопленных, работавших на предприятиях Наркомата черной металлургии, были отправлены в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГа на строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали⁵⁴.

13 апреля была проведена и депортация семей приговоренных к расстрелу польских офицеров, полицейских и заключенных тюрем. В Северный Казахстан были выселены около 70 тыс. женщин, детей, стариков. Там им не были предоставлены ни жилье, ни работа, ни средства к существованию⁵⁵.

Следует также подчеркнуть, что, расстреляв польских офицеров и полицейских, сталинское руководство тем самым ликвидировало опытные кадры, которые могли бы внести весомый вклад в борьбу с гитлеризмом, усилить боеспособность и созданных в 1941–1942 гг. Армии Андерса и соединений под командованием З. Берлинга. Известно, в частности, что многие ранее интернированные в Литве и Латвии и переведенные в июле — августе 1940 г. в Козельский лагерь офицеры сразу после нападения гитлеровской Германии на СССР выразили желание служить в Красной армии.

Из них отобрали 44 человека, направили на двухнедельные разведывательные курсы в Сходне и забросили в Польшу. Но закрепиться там смогла лишь группа «Михал». Ее командиром был капитан Миколай Арцишевский. Перед войной он изучал право в Познанском университете, занимался журналистикой в Гдыне. В августе 1939 г. как офицера запаса его призвали в польскую армию и назначили командиром роты. Арцишевский участвовал в защите Варшавы, получил звание капитана. После капитуляции вместе с другими офицерами он добрался на надувной лодке до Вильно, где был интернирован. 17 августа 1941 г. его группу в составе пяти человек десантировали над территорией Польши в 150 км от намеченной цели. Но они все же смогли добраться до своего района и с 20 сентября поддерживали регулярную радиосвязь с Москвой. Более того, по мере расширения своей деятельности группа вышла за рамки первоначальных заданий, а раскинутая ею сеть охватила почти всю страну. Арцишевский передавал сведения о дислокации германской авиации и сил ПВО в районе Гданьска, об усилении железнодорожных перевозок в Восточной Пруссии, о ситуации в прибалтийских портах и т.д. Но главное, что сделали члены группы «Михал», — это организация разведки на крупнейших железнодорожных узлах страны, через которые проходило до 65% перевозок для Восточного фронта. Много лет спустя Генеральный штаб Советской армии отмечал, что данные «Михала» брались за основу при определении количества войск противника, перевезенных по территории так называемого Генерал-губернаторства. Арцишевский был арестован гестапо 25 июля 1942 г. вместе с другими членами группы и рацией в Юзефове под Варшавой. На допросах никого не выдал. Был расстрелян 11 мая 1943 г. в руинах Варшавского гетто⁵⁶.

Более полувека первые лица советского государства и КПСС с особой тщательностью скрывали правду о катынском злодеянии, тем самым разделив в определенной мере ответственность за него. На все попытки польского правительства выяснить участь своих офицеров советская сторона в 1941–1942 гг. заявляла, что все они освобождены и самостоятельно рассеялись, неизвестно куда.

В 1942 г. работавшие в немецких железнодорожных бригадах поляки узнали от местных жителей о захоронениях своих соотечественников в Катынском лесу. На месте одной из могил они установили деревянный крест. В феврале 1943 г. об этом стало известно германскому руководству. Оно поспешило использовать результаты эксгумации для внесения разлада в антигитлеровскую коалицию и пере-

ключения внимания с преступлений нацизма на акции Советов. 13 апреля Берлинское радио информировало мир о захоронении в Катынском лесу 12 тыс. польских офицеров, расстрелянных НКВД весной 1940 г. (в действительности там покоились тела около 4,5 тыс. польских военнопленных).

В ответ 15 апреля Совинформбюро обвинило во всем гитлеровцев, объявив, что поляки работали под Смоленском, где и попали в германский плен.

Правда была нежелательна не только сталинскому руководству, но и демократическим союзникам СССР по антигитлеровской коалиции. Уинстон Черчилль написал своему министру иностранных дел Антони Идену, что «не следует патологически кружить над могилами трехлетней давности»⁵⁷. Попытки посланника Великобритании при польском правительстве Оуэна О'Маллея доказать причастность НКВД к расстрелу польских офицеров вызвала лишь раздражение в английском кабинете. Франклин Рузвельт занял аналогичную позицию: единство коалиции являлось непременным условием разгрома стран оси; все остальное должно было отступить на задний план.

В то же время германское сообщение вызвало буквально шок у поляков. 18 апреля генерал Владислав Андерс приказал отслужить мессы по душам военнопленных, узников тюрем, депортированных, погибших на территории СССР, и тех, кто сложил головы в боях с вермахтом. Польское правительство обратилось в Международный комитет Красного Креста с просьбой расследовать гибель офицеров в Катыни и даже рассматривало возможность отзыва своего посла из Москвы. Однако сталинское руководство, воспользовавшись этим обращением в МККК, обвинило лондонских поляков в содействии Гитлеру и 25 апреля 1943 г. приостановило с ними дипломатические отношения⁵⁸.

В преддверии освобождения Смоленска от оккупантов начальник отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Георгий Александров предложил создать специальную комиссию для «расследования» катынского дела⁵⁹.

Идея пришлась по душе сталинскому руководству. Однако в нее была внесена существенная корректива. Было решено на первых порах не допускать в нее никого из Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний (ЧГК). В то же время несколько ее членов и судебно-медицинских экспертов в конце сентября 1943 г. были направлены в Смоленскую область, но лишь для того, чтобы проводить расследование преступлений гитлеровцев против советских граждан. Среди них был и Николай Бурденко — главный хирург Красной армии, один из основоположников нейрохирургии в СССР, член ЧГК. 27 сентября Бурденко обратился к Молотову с письмом, в котором говорилось: «Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович! Вчера от проф. Трайнина я получил Ваше указание об обследовании Смоленской области и, в частности — Катынской трагедии. В отношении последнего дела я прошу Вашего разрешения, ввиду необходимости произвести выемку трупов польских офицеров и точного обследования способа расстрела и характера ран — пригласить от Вашего имени начальника Главного военно-санитарного управления Красной армии генерал-лейтенанта Ефима Ивановича Смирнова и подчиненных ему компетентных лиц... Надеюсь всю организацию провести к 29-му сентября. Искренне преданный Вам Н. Бурденко»⁶⁰.

Прочитав записку, Молотов наложил резолюцию, адресованную его заместителю Андрею Вышинскому: «Я о Катыни ничего не говорил т. Трайнину. Нужно обдумать, когда и как браться за это дело. Тов. Трайнин поторопился с дачей поручения т. Бурденко. В.М. 27.IX.». В результате главный хирург Красной армии и другие сотрудники ЧГК выехали в Смоленск, но к катынскому делу до второй декады января 1944 г. их не допускали. Сталинское руководство предпочло провести основательную подготовку, перед тем как допустить до него представителей ЧГК. Возглавил «предварительное расследование» нарком госбезопасности Меркулов, который, как показано выше, в апреле — июне 1940 г., будучи первым заместителем наркома внутренних дел, руководил операцией по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем. Главной задачей при этом стало уничтожение доказательств вины НКВД и фабрикация фальсифицированных «документов» об ответственности гитлеровцев за катынское преступление. Команда Меркулова подготовила многочисленных лжесвидетелей, изготовила и подложила в могилы нужные им «документы». К 10 января была составлена обширная справка, подписанная Меркуловым и первым заместителем наркома внутренних дел Сергеем Кругловым⁶¹.

Лишь после того, как дело было подготовлено работниками НКГБ и НКВД, 13 января 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О создании специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров». Председателем комиссии был назначен Бурденко, в ее состав вошли писатель Алексей Толстой, митрополит Коломенский и Галицкий Николай, председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант инженерных войск Александр Гундоров, председатель Исполкома Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца С. Колесников, нарком просвещения РСФСР академик Владимир Потемкин, начальник Главного военно-санитарного РККА Ефим Смирнов, председатель Смоленского облисполкома Р. Мельников. Таким образом, в комиссию не были включены ни представители союзных с СССР стран, ни находящиеся в СССР поляки из Союза польских патриотов (СПП). Примечательно, что в проекте решения Политбюро о создании Специальной комиссии, согласованном Молотовым с Берией и направленном Сталину, среди ее членов значились также председатель Правления СПП Ванда Василевская и член Правления Болеслав Дробнер. Однако Сталин лично вычеркнул из проекта их кандидатуры⁶².

Авторитет членов Специальной комиссии должен был послужить прикрытием фальсификации, которую сфабриковали работники НКВД во главе с Меркуловым. Любое сомнение, выраженное кем-либо из членов ЧГК, встречало со стороны наркома госбезопасности столь резкий отпор, что Бурденко и другие члены комиссии сочли за благо подписать текст, подготовленный в НКВД и НКГБ. В официальном сообщении «Специальной комиссии», опубликованном в январе 1944 г., утверждалось, что массовое уничтожение польских военнопленных в Катыни — дело рук немецко-фашистских захватчиков.

Попытка добиться подкрепления этого вывода авторитетом Международного военного трибунала в Нюрнберге провалилась. В его приговоре катынский расстрел не фигурировал⁶³.

В разгар холодной войны, в 1951 г. была создана специальная комиссия Палаты представителей Конгресса США по катынскому вопросу. Заслушав многочисленных свидетелей, исследовав документы, включая отчеты об эксгумации, найденные в могилах дневниковые и другие записи, ее члены пришли к однозначному выводу, что органы НКВД совершили массовые убийства польских офицеров и полицейских с целью устранения всех тех, кто мог помешать «полной коммунизации Польши». В Москве пристально следили за работой этой комиссии, учредив в МИДе свою комиссию по катынскому вопросу, в которую вошел и представитель МГБ СССР Д. Гребельский⁶⁴.

В СССР о расстреле в Катыни поспешили забыть, всякое упоминание о нем изымалось из исторических трудов и энциклопедий. Зато из нескольких тысяч действительно уничтоженных фашистами белорусских деревень для постройки мемориала выбрали селение с близким названием — Хатынь, словно желая сбить людей с толку, накрепко связать в их сознании катынское преступление с германскими захватчиками.

В просоветской Польше само слово «Катынь» трактовалось как антигосударственное. За свечку, поставленную под крестом с такой надписью, грозили репрессии. Семьи мучеников вынуждены были прятать реликвии, оставшиеся от погибших. Но полувековая память об убитых, несмотря на ссылки, тюрьмы, лагеря, преследования, жила и кровоточила, разъединяя польский и российский народы. Лишь правда могла помочь преодолеть возникшую между ними пропасть.

Поляки же, оказавшиеся в эмиграции, по крупицам собирали сведения о катынском преступлении. Адам Мошинский проделал титаническую работу по составлению списка расстрелянных польских офицеров и полицейских. В 1948 г. в Лондоне под редакцией генерала Андерса был издан сборник «Катынское преступление в свете документов», выдержавший 13 изданий. В 1951 г. там же вышла в свет книга Юзефа Мацкевича «Убийцы из Катынского леса». Огромный вклад в научное освоение темы внес профессор Пенсильванского университета (США) Януш Заводный. Его труд «Смерть в лесу», переведенный на многие языки, возродил интерес мировой общественности к катынской проблеме и дал мощный импульс новым исследованиям. Наиболее известными из них стали четыре книги английского историка Луиса Фитц-Гиббона, опубликованные в 1970–1979 гг., которые всколыхнули общественность западных стран⁶⁵. В Англии была развернута кампания по сбору средств на строительство в Лондоне обелиска в память о погибших. Би-би-си подготовило обширную программу, посвященную катынской трагедии. В Палате общин британского парламента выступил бывший обвинитель на Нюрнбергском процессе Анри Нив, потребовавший возобновить расследование по этому делу. 17 июля 1970 г. Палата лордов провела специальное заседание по катынскому злодеянию. В этом же месяце американский конгрессмен Р. Пучинский призвал правительство США поднять вопрос на Генеральной Ассамблее ООН; в августе с аналогичным предложением выступил депутат австралийского парламента Кейн.

Все увеличивавшийся интерес общественности Запада к катынской теме побудил советское руководство проявлять большую активность в этом вопросе. Советский министр иностранных дел Андрей Громыко обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с предложением поручить советскому послу в Лондоне сделать в связи

с этим представлением МИДу Великобритании. 15 апреля 1971 г. соответствующее постановление было принято высшей партийной инстанцией. Аналогичные демарши предпринимались по решению Политбюро и в последующие годы⁶⁶.

Но и в Советском Союзе имелись люди, которые не желали мириться с правительственной ложью о судьбе польских офицеров. Украинский поэт и публицист А. Караванский, проведший 20 лет в советских тюрьмах, в 1969 г. обратился в ЦК КПСС и прокуратуру с требованием провести новое расследование по катынскому делу. В 1970 г. Караванский был приговорен к дополнительному десятилетнему сроку заключения и вышел на свободу лишь в 1989 г. О катынском преступлении писал в третьем томе «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Солженицын.

В апреле 1980 г., в 40-летие катынского расстрела, группа советских правозащитников — Л. Алексеева, А. Амальрик, В. Буковский, Б. Вайль, Т. Венцлов, А. Гинзбург, Н. Горбаневская, З. и П. Григоренко, Б. Ефимов, П. Литвинов, К. Любарский, В. Максимов, В. Некрасов и др. — опубликовали пророческое заявление. В нем они выражали уверенность, что недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам; одним — в меру их злодеяний, другим — в меру их мученичества. Подписавшиеся под документом заверили польский народ, что никто из них не забывал и не забудет о той ответственности, которую несет наша страна за преступление, совершенное ее официальными представителями, в Катыни⁶⁷.

В начале 1980-х годов катынская тема все настойчивее поднималась диссидентами и сторонниками «Солидарности» в Польше. В мае 1981 г. был создан комитет по сбору средств на памятник жертвам катынского расстрела, который в июле был воздвигнут на военном кладбище в Варшаве. Однако органы госбезопасности социалистической Польши снесли его ночью того же дня. Объявленное в декабре 1981 г. военное положение приостановило на время открытое выражение скорби по польским гражданам, погибшим от рук сталинских палачей; однако со второй половины 1980-х годов катынская тема вновь прорывается на страницы печати, экраны телевидения, кино с невиданной силой. Официальная Варшава решает, что больше невозможно противиться этому и целесообразнее выступить в качестве сторонников поиска правды. Перед созданной в 1987 г. двусторонней Комиссией историков СССР и Польши по белым пятнам в качестве одной из важнейших задач был поставлен поиск правды по катынскому делу.

Однако за два года своей работы члены комиссии не приблизились к выработке единой точки зрения по данному вопросу. В мае 1988 г. польские историки представили аргументированную экспертизу выводов комиссии Н. Бурденко, доказав их несостоятельность. Советские же исследователи во главе с директором Института марксизма-ленинизма Георгием Смирновым не получили от ЦК КПСС полномочий ставить под сомнение версию об ответственности гитлеровцев за катынский расстрел. Найти же сколько-нибудь убедительные документы, подкреплявшие ее обоснованность, они были не в состоянии, поскольку таковых не имелось.

Курировавший работу комиссии член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев писал: «Началась длительная поисковая “волынка”. Польская часть объединенной комиссии нажимала на Г. Смирнова, он в свою очередь звонил мне и просил помочь в поиске документов. Каждый раз я обращался к Михаилу Сергеевичу,

который отвечал на мои неоднократные просьбы одним словом: “Ищите!”. Неоднократно спрашивал у заведующего общим отделом ЦК Валерия Болдина, хранителя архивов, где же могут быть хоть какие-то документы по Катыни. Он уверял, что таковых у него нет, но говорил это с легкой усмешкой... Так продолжалось достаточно долго. Но однажды вся эта невнятица была взорвана. Ко мне пришел Сергей Станкевич и сказал, что историк Н. С. Лебедева, работая с документами конвойных войск, неожиданно обнаружила сведения о Катыни»⁶⁸.

Однако в дело вмешался ЦК КПСС. Заведующий Международным отделом ЦК Валентин Фалин 22 февраля 1990 г. обратился к Михаилу Горбачеву со следующим письмом: «Рядом советских историков (Ю. Н. Зоря, В. С. Парсаданова, Н. С. Лебедева)... выявлены ранее неизвестные материалы Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных и Управления конвойных войск НКВД за 1939–1940 годы, имеющие отношения к так называемому катынскому делу... На базе новых документальных фактов советскими историками подготовлены материалы для публикации... Появление таких публикаций создавало бы в известном смысле новую ситуацию. Наш аргумент — в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих истинную подоплеку катынской трагедии, стал бы недостоверным. Выявленные учеными материалы, а ими, несомненно, вскрыта лишь часть тайников, в сочетании с данными, на которые опирается в своих оценках польская сторона, вряд ли позволит нам дальше придерживаться прежних версий и уклоняться от подведения черты...»⁶⁹.

Ситуация рассматривалась на заседании Политбюро, которое запретило публикацию статей историков. Несмотря на это, через Сергея Станкевича я передала рукопись своей статьи главному редактору «Московских новостей» Егору Яковлеву. Публикация в газете материала 25 марта 1990 г. произвела эффект разорвавшейся бомбы. Три с лишним недели потребовалось высшим инстанциям СССР для того, чтобы решиться на заявление ТАСС с признанием ответственности НКВД за расстрел польских офицеров и полицейских. Войцеху Ярузельскому были вручены ксерокопии нескольких дел со списками-предписаниями на отправку этапов из Козельского и Осташковского лагерей в распоряжение УНКВД по Смоленской и Калининской областям, то есть на расстрел, а также список учетных дел убывших военнопленных Старобельского лагеря. В 1994 г. заместитель начальника Службы безопасности Украины генерал А. Хомич передал заместителю Генерального прокурора Польши С. Снежко поименный список 3435 заключенных тюрем западных областей УССР с указанием номеров предписаний, означавших отправку на расстрел (он стал именоваться «украинский список»). Белорусский список, который должен включать фамилии 3870 человек, до сих пор не найден.

По предложению Михаила Горбачева Военная прокуратура СССР в сентябре 1990 г. возбудила уголовное дело по факту массового расстрела в Катыни, Харькове и Калининне. Руководителем следственной группы по данному делу был назначен полковник юстиции Александр Третьцкий. 19 августа 1991 г. начальник Управления КГБ по Тверской области Лаконцев потребовал от него и его сотрудников прекратить работы по частичной эксгумации тел польских военнопленных из Осташковского лагеря, прибегнув к угрозам относительно личной безопасности их и польских экспертов⁷⁰. Провал августовского путча позволил завершить работы в

Медном. Однако и в Москве активность Третьцкого не всем пришлась по душе, и вскоре он был откомандирован на Дальний Восток.

Высшее руководство КПСС продолжало скрывать наиболее важные материалы — совершенно секретные особые папки Политбюро ЦК ВКП(б). По свидетельству Александра Яковлева, во время передачи Михаилом Горбачевым дел Борису Ельцину в декабре 1991 г. ему был вручен и конверт с катынскими документами с предупреждением о необходимости особо осторожного к ним отношения. Российский президент прочел содержимое и согласился с тем, что здесь есть над чем подумать. Лишь в октябре 1992 г. решение Политбюро от 5 марта 1940 г., записки Берии Сталину от марта 1940 г. и Шелепина от 3 марта 1959 г. Хрущеву и др. были предъявлены на процессе по делу КПСС, и тогда же их заверенные копии были вручены польскому президенту Леху Валенсе.

В 1990–1991 гг. польской Военной комиссии была предоставлена возможность откопировать огромное количество материалов (более 1 млн страниц), относящихся к судьбе польских военнопленных в СССР. В 1992 г. между архивными службами двух стран было подписано соглашение о подготовке четырехтомного издания документов по катынскому преступлению сталинского режима. Мне выпала честь стать ответственным составителем и членом главной редакционной коллегии этого труда, два тома которого вышли в свет на русском языке, четыре — на польском и однотомник — на английском.

13 июля 1994 г. руководитель следственной группы ГВП Яблоков, сменивший Третьцкого, вынес постановление о прекращении уголовного дела за смертью виновных. В нем констатировалось, что Сталин, Микоян, Калинин, Каганович, Берия, другие руководители и сотрудники НКВД, исполнители расстрела виновны в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «а», «б», «с» статьи 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге, то есть в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Однако ГВП и Генеральная прокуратура через три дня отменили постановление Яблокова, а дальнейшее расследование поручили другому прокурору. В 2005 г. дело было окончательно закрыто, решение по нему засекречено, как и большая часть из 182 дел. В то же время следует отметить, что ни разу следователи Военной прокуратуры не поставили под сомнение факт расстрела польских офицеров, полицейских и узников тюрем органами НКВД.

Российские СМИ неоднократно информировали сограждан о катынском расстреле. Возведены и открыты мемориальные комплексы в Катыни, Харькове, Медном. В ряде школьных учебников фигурирует среди преступлений, совершенных сталинским режимом, и катынский расстрел. Правда о Катынской трагедии жизненно важна не только для родных и близких погибших, но и для народов Польши и России. Почувствовать боль других как свою собственную, преисполниться решимости не допустить повторения подобных трагедий в будущем — единственный способ построить мост через катынский водораздел. И очень важно не допустить, чтобы этот мост был разрушен с той или другой стороны.

¹ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 182.

² Правда. 19.09.1939.

³ Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 134–136.

⁴ Катынь. Пленники необъявленной войны / Под ред. Р. Г. Пихои, А. Гейштора; Сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н. С. Лебедева и В. Матерский. М., 1997. С. 68–73.

⁵ Там же. С. 118–119, 148.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Том 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 96–97.

⁸ *Филитов С. Г.* Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 48–49.

⁹ См. подробнее: *Лебедева Н. С.* Катынь: Преступление против человечества. М., 1994. С. 42–134.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 616. Л. 114–117; Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 237–238.

¹¹ Там же. С. 250. В материалах УПВ сохранилось одно из обвинительных заключений, оформленных бригадой Белозипецкого. В нем указывалось: «Обвинительное заключение по следственному делу № 649 по обвинению Олейника Степана Степановича по ст. 58 п. 13 УК РСФСР. 1939 г. декабря 29-го дня, я, начальник отделения особого отдела НКВД 7-й армии — мл. лейтенант госбезопасности Миловидов, рассмотрев следственное дело № 649 по обвинению военнопленного быв. Польского государства Олейника Степана Степановича, 1911 г. рождения, уроженца с. Тарнувка, Вольнской губ., по национальности поляк, в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 13 УК РСФСР, и найдя, что Олейник, будучи в быв. Польском государстве, с 1936 г. по 1939 г. служил в качестве полицейского в г. Боршеве, где проводил активную борьбу против революционного движения, постановил: следственное дело № 649 по обвинению в/п Олейника С.С. направить на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР». Начальник отделения особого отдела ГУГБ НКВД 7-й армии мл. лейтенант Миловидов. Согласен: ст. следователь следчасти ГУГБ НКВД СССР, лейтенант госбезопасности Белозипецкий. Справка: Обвиняемый Олейник содержится в Осташковском лагере НКВД Калининской области. Утвердил это обвинительное заключение начальник Особого отделения Осташковского лагеря лейтенант г/б Корытов. (РГВА. Ф.1/п. Оп. 4е. Д. 1. Л. 163.)

¹² Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 275–278.

¹³ Там же. С. 316–318.

¹⁴ Там же. С. 382–384.

¹⁵ Там же. С. 358–359.

¹⁶ Там же. С. 343.

¹⁷ Там же. С. 350.

¹⁸ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф.1/п. Оп. 4в. Д. 9. Л. 240–252, 255; Оп. 2а. Д. 1. Л.437.

¹⁹ См. подробнее: *Лебедева Н. С.* Указ соч. С. 152–154.

²⁰ *Дурачинский Э.* Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: Факты. Гипотезы, вопросы // Война и политика 1939–1941 / Отв. ред. А. О. Ржешевский. М., 1999. С. 50–64; *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 185. В редакционной статье журнала «Международная жизнь», посвященной 50-летию советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., указывалось: «Советско-финская война едва не сделала реальностью то, что до этого было в принципе немислимым: военные действия против СССР со стороны Англии, Франции и даже Швеции». (Международная жизнь. 1989. № 9. С. 74). См. также: *Корнат Ф.* Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза с 1940 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 399–410.

²¹ *Корнат М.* Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза в 1940 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. С. 399–410.

²² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 151.

²³ См.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Варшава; М., 2001. Т. 1–2. (Polskie Podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Bialorusi w latach 1939–1941. Warszawa; М., 2001).

- ²⁴ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 361.
- ²⁵ Там же. С. 363–371.
- ²⁶ Там же. С. 375–378.
- ²⁷ В РГАСПИ хранится письмо Берии под номером 793/б от 29 февраля (Ф.17. Оп. 166. Д. 621. Л. 86–90). Последующие два письма — № 795/б и 796/б — по сообщению начальника Управления регистрации и архивных фондов В. С. Христофорова также датированы 29 февраля. Характерно, что сохранение регистрационного номера в более позднем, переработанном проекте применялось в делопроизводстве НКВД тех лет. Так, в книге Н. Петрова и М. Янсена «Сталинский питомец — Николай Ежов» (М., 2008. С. 361–363) приводится сопроводительное письмо Л. П. Берии, А. А. Андреева и Г. М. Маленкова к акту приема-сдачи дел в НКВД СССР на имя Сталина. При этом указывается, что письмо с внесенными в него изменениями, перепечатанное набело и подписанное Берией, Андреевым и Маленковым, было послано Сталину 1 февраля 1939 г. за тем же регистрационным номером — № 447/Б.
- ²⁸ Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Отв. сост. Н. С. Лебедева (далее: Катынь. 1940–2000. Документы). М., 2001. С. 582.
- ²⁹ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 384–390.
- ³⁰ *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских отношениях. М., 2001. С. 392.
- ³¹ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 390–392, 432.
- ³² *Мухин Ю.* Катынский детектив. М., 1995. С. 148–157.
- ³³ *Швед В.* Тайна Катыни. М., 2007. С. 148–196.
- ³⁴ Подпись Хряпкиной см., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1284 Л. 113; Д. 1285. Л. 193; Д. 1286. Л. 186. Подвергая сомнению подлинность выписок из протокола решений Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., В. Швед и С. Стрыгин указывают, что они напечатаны на бланках 1930-х годов с красным и черным шрифтом, который-де с марта 1940 г. не применялся. Однако они вводят читателя в заблуждение. Практика печатания выписок Политбюро на бланках 1930-х годов и с черно-красным шрифтом широко использовалась в делопроизводстве ЦК ВКП(б) не только в марте—декабре 1940 г., но даже в 1941 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 638. Л. 133, 135; Д. 649. Л. 81; Д. 656. Л. 63; Д. 658. Л. 73; Д. 662. Л. 57, 68, 86 и др.
- ³⁵ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 431–432.
- ³⁶ См. показания П. К. Сопруненко и начальника УНКВД по Калининской области Д. С. Токарева в статье: *Елин Л.* 53 палача и два свидетеля // Новое время. 1991. № 2. С. 32–34; *Katyn. Dokumenty zbrodny. T. 2. Zaglada marzec-czerwiec 1940.* Warszawa, 1998. S. 432–470.
- ³⁷ Катынь. 1940–2000. Документы. С. 44–53.
- ³⁸ Там же. С. 56.
- ³⁹ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 1. Л. 159–170.
- ⁴⁰ Катынь. 1940–2000. Документы. С. 65, 71.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 3. Л. 345, 347.
- ⁴² Катынь. 1940–2000. Документы. С. 62–64.
- ⁴³ Там же. С. 83; РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 49, 54, 55, 63, 65, 75, 76, 83, 87, 93, 95, 99, 106, 115–117, 126–128, 131. 132, 135, 136, 140.
- ⁴⁴ Катынь. 1940–2000. Документы. С. 79–80, 90, 105–107, 159–160.
- ⁴⁵ Там же. С. 72–78; *Tucholski J.* Mord w Katyniu. Kozielski, Ostashkow, Starobilsk. Lista ofiar. Warszawa, 1990.
- ⁴⁶ Катынь. 1940–2000. Документы. С. 172–173.
- ⁴⁷ Там же. С. 81–82, 107, 112–113, 123–127, 132, 133, 142–146.
- ⁴⁸ *Елин Н.* 53 палача и два свидетеля // Новое время. 1991. № 42. С. 32–35.
- ⁴⁹ *Katyn...* T. 2. S. 472–500.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 55, 63.
- ⁵¹ Катынь. 1940–2000. Документы. С. 38.
- ⁵² Там же. С. 167–168, 384–385, 563–564.
- ⁵³ Там же. С. 103–104, 115–121, 162, 173–174, 183, 235–237.
- ⁵⁴ Там же. С. 138–141.
- ⁵⁵ Там же. С. 96–99, 162, 173–174. См. также: Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.). Алматы, 2000. С. 97–116.

⁵⁶ Лурье В., Кочик В. Я. ГРУ: Дела и люди. СПб., 2003. С. 88–89.

⁵⁷ Отдел рукописей библиотеки Бирмингемского университета. Фонд лорда Эйвона (А. Идена). AP 20/10/ 519; Катынь. 1940–2000. Документы. С. 463–464.

⁵⁸ Там же. С. 449–452, 458–460.

⁵⁹ Там же. С. 492.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 512. Л. 10.

⁶¹ См. подробнее: Лебедева Н. С. Комиссия Бурденко // Российско-польский исторический альманах. Вып. II. Ставрополь; Волгоград, 2007. С. 114–150; *Lebiedewa N. Komisja specjalna i jej przewodniczaczy Burdenko // Zbrodnia katynska miedzy prawda i kłamstwem. Zeszyty katynskie. Nr 23. S. 56–101.*

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1389. Л. 58.

⁶³ *Katyn. A Crime Without Punishment / Ed. by A. Cieniala, N. Lebedeva, W. Materski. New-Haven; L., 2007. P. 229–235, 326–330.*

⁶⁴ Яжборовская И., Яблоков А. Катынское преступление: Барометр состояния права в человеческом измерении // Между прошлым и будущим. М., 1999.

⁶⁵ *Moszynski A. Lista katynska. Jency obozow Kozielsk — Ostaszkw — Starobielsk zaginieni w Rosji sowieckiej. Londyn, 1949; Zbrodnia Katynska w swietle dokumentow. Londyn, 1948; Mackiewicz J. The Katyn wood murders. L., 1951; Zawodny J. K. Death in the Forest. The Story of the Katyn Forest Massacre. Notre Dame — Indiana, 1962; Fitz-Gibbon L. Katyn: A Crime without Parallel. L., 1971; *Idem. The Katyn Cover-Up. L., 1972; Idem. Katyn — A Triumph Evil. L., 1975; Idem. Unpitied and Unknown. Katyn — Bologoye — Dergachi. L., 1975.**

⁶⁶ Катынь. 1940–2000. Документы. С. 565–572.

⁶⁷ Континент. 1980. № 24.

⁶⁸ Яковлев А. Н. К читателю // Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 5–6.

⁶⁹ Катынь. 1940–2000. Документы. С. 579–580.

⁷⁰ Известия. 29.09.1991.

Катынь — название этого небольшого местечка под Смоленском с момента его появления в общественном лексиконе в апреле 1943 г. стало символом одного из наиболее отвратительных и жестоких преступлений, совершенных советским режимом против — как мы сейчас знаем — без малого 22 тыс. граждан Польши. Конечно, это лишь одно из многих мест, связанных с преступлениями НКВД, совершенными по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. Открытие советских архивов и изыскания российских, польских и украинских исследователей добавили сюда: Медное, Харьков, Херсон, Киев, Быковню, Минск¹.

Принимая 5 марта 1940 г. решение об уничтожении 25 700 польских граждан, высшие органы партийной и государственной власти Советского Союза нанесли жестокий удар по элите польского народа и по руководящим кадрам молодого польского государства, с таким трудом возрожденного после 123 лет кабальной зависимости. Подавляющее большинство польских офицеров, уничтоженных НКВД в Катыни и других местах казней, не были профессиональными военными. В обычной жизни это были учителя, врачи, инженеры, юристы, предприниматели, помещики, представители творческих профессий, государственные служащие и т.д., люди известные и уважаемые зачастую не только в той местности, где они работали, но и во всей Польше и за границей. Значительную часть младших офицеров составляли молодые люди, только-только вступившие во взрослую жизнь. Они были первым поколением поляков, воспитанных в независимой Польше. Другие офицеры — это участники борьбы за независимость Польши, а впоследствии защитники границ возрожденного государства, строящего новую жизнь. Воспитатели того самого нового поколения в независимой Польше. В сентябре 1939 г. все они встали на защи-

ту страны от агрессии нацистской Германии, мобилизованные как граждане Польши или вступившие в армию в качестве добровольцев. Они стали защитниками своей страны со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Защищаясь с запада от значительно более сильного врага, польское государство получило 17 сентября 1939 г. удар «ножом в спину» — с востока. Красная армия, вооруженные силы Советского Союза, с которым у Польши был договор о ненападении, подписанный в 1932 г. и действовавший до конца 1945 г., вторглись на ее территорию. Дезориентированные польские части (главнокомандующий маршал Эдвард Рыдз-Смиглы издал вечером 17 сентября директиву о том, чтобы с Советами не воевать) в большинстве своем были коварным образом разоружены и взяты в плен на территории собственного государства. И хотя формально война объявлена не была, они фактически были военнопленными (так их трактовали и советские документы), статус которых определяли положения Женевской конвенции. Все они были убиты по приказу советских властей, потому что, как писал Л. Берия в «обосновании» преступного предложения, были «закоренелыми и непримиримыми врагами советской власти»².

Найденный в советских архивах документ о ликвидации тысяч польских граждан — соотечественников, военнопленных, ближайших родственников — является и, наверное, навсегда останется для поляков однозначным и не вызывающим сомнений свидетельством, обвиняющим коммунистическую систему, которая, по прав международное право, без колебаний совершила тягчайшее преступление. Это убийство, совершенное исключительно по политическим мотивам, как одно из немногочисленных массовых преступлений периода Второй мировой войны, до сих пор не получило осуждения ни со стороны России, ни со стороны международных трибуналов.

Жертвы катынского преступления были убиты выстрелами в затылок; точно так же пытались убить и память о них. Примечательно, что в Польской Народной Республике нельзя было не только воздавать им почести, но даже публично о них говорить, хотя — как утверждали власти — они были убиты немцами. Но все задействованные методы предать их забвению оказались неэффективными, а предпринятые попытки стереть и уничтожить память о катынском злодеянии парадоксальным образом способствовали ее культивированию среди поляков с еще большей решительностью и настойчивостью.

Катынское преступление с самого начала сопровождалось ложью. Инициаторы этого злодеяния пытались скрыть правду от мира. Во время военных действий и позже, в течение десятилетий существования коммунистической системы в этой части Европы, советские спецслужбы — во взаимодействии со службами других европейских государств, находившихся в орбите советского влияния, — настойчиво и последовательно боролись и даже уничтожали свидетелей этого преступления и людей, говоривших правду о его действительных обстоятельствах. Предпринималось все, чтобы навсегда стереть Катынь из исторической памяти поляков, из общественного лексикона, из сознания народов свободного мира. Так, в утвержденном на заседании Политбюро ЦК КПСС 2 марта 1973 г. проекте второго представления, который советский посол должен был вручить министру иностранных дел Великобритании в качестве протеста против возведения в Лондоне памятника

жертвам Катыни (был окончательно открыт 18 сентября 1976 г., но в менее представительном месте, чем планировалось, на кладбище *Gunnersbury*) говорится, в частности, о надписях, которые «грубым образом искажают исторические факты о действительных виновниках катынской трагедии и по существу поддерживают ложные сведения, пущенные в оборот нацистами еще во время Второй мировой войны с целью сокрытия известных всему миру кровавых преступлений гестаповских палачей»³.

В Польше, управляемой коммунистами, о катынском преступлении нельзя было ни публично высказываться, ни писать иначе, чем предписывала официальная пропаганда и цензура. В соответствии с указаниями органов цензуры если и появлялись тексты или упоминания о судьбе польских офицеров, расстрелянных в Катыни, то только в контексте немецкой ответственности за это убийство⁴.

Инструкция № 6/52 польского Министерства общественной безопасности от 12 марта 1952 г. гласила: «Лица, в отношении которых доказано провокационное распространение клеветы, распространение гитлеровских брошюр и сфабрикованных оккупационными немецкими властями “катынских” документов, лица, в отношении которых доказано нанесение анонимных надписей и лозунгов в общественных местах, издание и распространение листовок, а также организаторы коллективного прослушивания катынских передач “Голоса Америки” и т.п., подлежат аресту и привлечению к судебной ответственности»⁵.

Указания Главного управления по контролю за прессой, публикациями и зрелищными мероприятиями, изданные в 1975 г., предписывали:

«При оценке материалов на тему гибели польских офицеров в Катыни руководствоваться следующими критериями:

1. Не допускать каких-либо попыток возложить на Советский Союз ответственность за гибель польских офицеров в катынских лесах.

2. В научных исследованиях допустимы формулировки типа: “расстрелян гитлеровцами в Катыни”, “умер в Катыни”, “погиб в Катыни”. Если при формулировках типа “погиб в Катыни” приводится дата смерти, то допускается ее указание исключительно после июля 1941 г.

3. Следует избегать определения “военнопленные” в отношении польских солдат и офицеров, интернированных Красной армией в сентябре 1939 г. Правильным является термин “интернированные”. Допускаются названия лагерей: Козельск, Старобельск, Осташков, в которых были интернированы польские офицеры, впоследствии расстрелянные гитлеровцами в катынских лесах.

4. Некрологи, объявления о смерти, объявления о богослужениях по жертвам Катыни, а также информации об иных формах почитания их памяти допускаются исключительно с согласия руководства ГУКППиЗ»⁶.

Создание профсоюза «Солидарность» и относительная свобода общественной дискуссии в 1980-е годы позволили в разной форме (поминальные мессы по убиенным, листовки, публикации) напомнить большей части польского общества об этих событиях времен войны. Военное положение, введенное 13 декабря 1981 г. и приведшее к ликвидации легальных структур независимого профсоюза «Солидарность», вызвало резкое и доселе невиданное по своим масштабам развитие издательской деятельности и публицистики, неподвластной контролю со стороны аппарата ком-

мунистической власти. Катынское дело, как одно из важнейших событий недавнего прошлого поляков, заняло одно из центральных мест на страницах независимых издательств.

Кроме переиздания вышедшей в Лондоне в 1948 г. книги «Катынское преступление в свете документов» с предисловием генерала Владислава Андерса, книг Юзефа Чапского, Станислава Сваневича и Юзефа Мацкевича⁷ появлялись многочисленные листовки, брошюры, марки, плакаты и т.п., посвященные катынской проблематике. Нарастающее сопротивление органам власти позволило также проводить встречи, дискуссии, устанавливать контакты между людьми, которые потеряли своих близких в результате преступного решения советских властей от 5 марта 1940 г., а также между независимыми историками. В 1978 г. в Кракове образовалась группа лиц, которая в апреле 1979 г. создала общественный Катынский институт (полное его название — Институт документации катынского преступления). Основная цель, которую преследовал этот институт, была борьба против катынской лжи. В том же году Институт начал нелегально издавать «Катынский бюллетень». Мессы, проводившиеся по всей Польше в годовщины этого злодеяния, положили начало невиданному ранее (и что самое важное — абсолютно вне контроля со стороны официальных государственных учреждений) движению «катынских семей». Потребность высказать десятилетиями сдерживаемую боль от утраты своих близких и — прежде всего — желание выяснить обстоятельства их смерти и должным образом увековечить память жертв преступления НКВД уже в 1988 г. привели к созданию, в частности, в Конине, Варшаве и Кракове организации под названием «Катынские семьи». Эта организация объединила родственников офицеров Войска Польского и полицейских, уничтоженных в Катыни и других, в то время еще неизвестных местах на территории Советского Союза. Вскоре в результате действий по вскрытию правды о катынском злодеянии по всей стране стали создаваться организации подобного характера. 17 сентября 1989 г. в костеле св. Карла Боромея на Повонзках, при котором уже тогда находилась рака с останками погибших и убитых на Востоке, состоялась первая встреча катынских семей со всей Польши, которая положила начало зарегистрированной тремя годами позже Федерации катынских семей (ФКС). Кроме объединения семей жертв катынского преступления Федерация стала фактором оказания давления на государственную власть того времени в вопросах, чрезвычайно важных для этих людей. Это инициированное снизу, независимое от коммунистических властей движение за выяснение правды о судьбе близких заставило власти проявить активность в катынском вопросе. Открытое и публичное требование правды не оставляло властям поля для маневра⁸.

Перелом через 50 лет. Весенние месяцы 1990 г. принесли наконец долгожданный перелом в деле о катынском преступлении. 13 апреля 1990 г., через 50 лет после истребления НКВД в Катынском лесу, Харькове и Калининском лесу польских офицеров и полицейских, содержавшихся в лагерях в Козельске, Старобельске и Осташкове, и через 47 лет после сообщения германского радио об обнаружении в Катынском лесу массовых захоронений жертв преступления, советское агентство ТАСС передало по Московскому радио и телевидению заявление. В нем, в частности, отмечалось, что «совокупность рассекреченных архивных материалов позволяет сделать вывод о непосредственной ответственности Берии, Меркулова и их помощников

за преступления в Катынском лесу. Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявляет, что она представляла собой одно из самых тяжелых преступлений сталинизма»⁹.

Однако это не было признанием до конца, что за смерть польских офицеров и полицейских несут ответственность высшие государственные и партийные власти Советского Союза. А ведь катынское преступление было совершено по решению Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению народного комиссара внутренних дел СССР и кандидата в члены Политбюро Л. Берии. Его записка была утверждена и одобрена подписями представителей не только высших партийных, но и высших государственных органов Советского Союза: председателя Совета народных комиссаров (главы правительства), народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, заместителя председателя Совнаркома, народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова, заместителя председателя Совнаркома, народного комиссара транспорта Л. М. Кагановича, заместителя председателя Совнаркома А. И. Микояна и председателя Президиума Верховного Совета (парламента) М. И. Калинина.

Катынское злодеяние ограничивали истреблением польских пленных лишь в Катынском лесу, не указывая при этом места сокрытия останков узников лагерей в Старобельске и Осташкове, а также скрывая факт распространения решения от 5 марта 1940 г. также и на польских граждан, содержащихся в тюрьмах НКВД в западных областях Украинской и Белорусской ССР (восточные территории Речи Посполитой). Но главное — на это не решился президент СССР Михаил Горбачев — не были заклеены позором виновники преступления. Однако заявление советского информационного агентства не было беспрецедентным событием. Ведь через 50 лет после совершения преступления и после многолетнего культивирования лжи, которая должна была скрыть ответственность СССР за это убийство, власти Советского Союза официально подтвердили то, о чем все заинтересованные в этом деле люди знали уже несколько десятков лет. Впервые восторжествовала «общественная память», сохранившая страшную правду о судьбе тысяч граждан Польши. Катынское преступление отныне перестало быть запретной темой.

Всего несколькими часами раньше находившийся в Москве с официальным визитом президент Польши генерал Войцех Ярузельский после двухчасовой беседы с глазу на глаз получил от М. Горбачева две папки катынских документов. Это были несколько сот листов ксерокопий дел, касающихся лагерей НКВД в Козельске, Старобельске и Осташкове. Главным образом это были составленные в апреле — мае 1940 г. поименные списки пленных из лагерей в Козельске и Осташкове, партиями направлявшихся в распоряжение областных управлений НКВД в Смоленске и Калинин (ныне Тверь), а также поименный перечень учетных карточек узников, «убывших» из лагеря НКВД в Старобельске¹⁰.

На следующий день, 14 апреля 1990 г., генерал В. Ярузельский вместе со всей государственной делегацией почтил память польских офицеров, расстрелянных сотрудниками НКВД в Катыни. Впервые на могилах жертв катынского злодеяния в присутствии польской и советской рот почетного караула была проведена перекличка павших и прозвучали залпы торжественного салюта. Вполне естественным жестом, который наверняка был бы весьма положительно воспринят польской и мировой общественностью, было бы присутствие в очищенной от лжи Катыни

Михаила Горбачева. Но на это не решился ни он, ни кто-либо другой из руководителей Советского Союза и Российской Федерации. Не нашлось слов, таких важных и таких ожидаемых поляками.

Тем не менее эти события ознаменовали перелом в истории катынского дела: они открыли его новую страницу. Они дали «зеленый свет» деятельности, направленной на полное выяснение всех обстоятельств этого преступления, и прежде всего — началу следствия по катынскому делу и поиску могил узников лагерей НКВД в Старобельске и Осташкове, а вслед за этим — началу необычайно трудного процесса увековечения памяти жертв катынской трагедии. Теперь союзниками поляков были и русские, и украинцы, в значительной степени сами пострадавшие от преступных действий сталинской системы.

В этом контексте иное измерение приобрел поиск мест захоронения останков узников двух других специальных лагерей НКВД — офицеров Войска Польского в Старобельске и полицейских в Осташкове. Поляки искали их долго, исследуя документы, рассказы уцелевших и все возможные следы. Была собрана и проанализирована также и информация, достоверность которой установить не удалось, например, о том, что останки офицеров, убитых в Катынском лесу, были якобы куда-то вывезены или уничтожены. Особенно много версий было по поводу истребления узников из Осташкова. Ходили слухи о затоплении барж с пленными в Белом море, в Северном Ледовитом океане, в озере Селигер. Упомянулся также район Бологое как единственный реальный след, известный по рассказам одного из уцелевших узников Осташкова. Вагон с уцелевшими узниками Осташкова, следовавший в Юхновский лагерь, был отцеплен от основного состава именно на станции Бологое.

В свою очередь харьковский «след» появился в рассказах пленных, направленных из Старобельска в Юхновский лагерь, а с середины 1980-х годов стали упоминаться — сначала на Западе — населенные пункты Безлюдовка и Дергачи в окрестностях Харькова. Обнаружению мест сокрытия останков способствовала ситуация конца 1980-х годов как в Польше, так и в Советском Союзе. Теперь могилы искали не только поляки, но и русские.

Могилы в Харькове и Медном были обнаружены почти одновременно. Первую важную информацию о захоронениях офицеров из Старобельского лагеря поместила на своих страницах харьковская молодежная газета «Новая смена», опубликовав 3 марта 1990 г. письмо бывшего шофера штаба Харьковского военного округа, который узнал от одного из шоферов НКВД о том, что перед германо-советской войной 1941 г. в лес в Пятихатках были вывезены останки людей, расстрелянных в здании НКВД в Харькове (об этом он рассказал в 1989 г.). Эту информацию журналисту «Газеты Выборчей» Леону Буйко передал редактор «Московских новостей» Г. Н. Жаворонков. У него хранилось также письмо жителя Ленинграда, который в начале 1950-х годов маленьким мальчиком находил с друзьями в лесу вдоль так называемой «черной дороги» пуговицы, кокарды с изображением орла и военные знаки отличия с польских мундиров.

Тем временем, после распространения Федерацией катынских семей соответствующей анкеты и сбора мнений по поводу формы увековечения жертв преступления пока в единственном известном месте — Катыни, 24 марта 1990 г. состоялась первая встреча представителей ФКС и правительственной организации — Совета

по охране памяти борьбы и мученичества (СОПБиМ), на которой обсуждался этот вопрос. Катынские семьи считали, что на месте захоронения должно находиться экстерриториальное польское военное кладбище с фамилиями всех жертв, на котором необходимо провести торжественное погребение убиенных с воинскими почестями и отслужить заупокойную мессу в духе экуменизма. ФКС решила, что после обнаружения мест сокрытия останков узников Старобельска и Осташкова такие кладбища должны быть созданы во всех трех местах.

В мае 1990 г. два журналиста — Л. Бойко из Варшавы и Г. Н. Жаворонков из Москвы — направились в VI квадрат лесопарка в Харькове, включающий окрестности Пятихаток. Они добрались до указанной им лесничим «черной дороги», частично заросшей и уходящей в глубь леса почти сразу за центром КГБ. В лесу были видны следы провалившихся ям.

13–14 июня 1990 г. польская пресса сообщила, что заместитель начальника управления КГБ по Харькову полковник Александр Нессен направил в «Московские новости» телефонограмму, в которой говорилось, что в VI квадрате лесопарка захоронены более 1760 советских граждан и бесправно казненные в 1940 г. польские военные, число которых устанавливается. 15 июня 1990 г. начальник управления КГБ по Харькову генерал Н.Г. Гибадулов сообщил: существует 99% уверенности, что в VI квадрате лесопарка захоронены офицеры Войска Польского. Он также передал полякам копии некоторых документов.

23 июня 1990 г. начальник КГБ Украинской ССР генерал В. Галушко и его заместитель генерал Г. Ковтун передали польским властям список из 4031 фамилии офицеров Войска Польского, содержавшихся в лагере в Старобельске. На могилы польских офицеров были впервые возложены венки и зажжены поминальные лампы.

В середине мая 1990 г. калининское отделение общества «Мемориал» — «Тверской Мемориал» опубликовал в газете «Калининская правда» статью под названием «Где останки жертв репрессий», в ответ на которую было получено большое количество писем. В одном из них приводилась беседа с уже умершим к тому времени сотрудником НКВД полковником Андреем П. Леоновым. Он рассказывал, что зимой 1940 г. поляков привозили из Осташкова в Калинин, где их содержали в подвале и на чердаке здания бывшего НКВД на ул. Советской, откуда небольшими группами ночью вывозили под Калинин в район дач НКВД в окрестностях сел Ямок и Медное и там расстреливали (или расстреливали их в здании НКВД). На могилах потом построили деревянную дачу.

6 июня 1990 г. по публикациям в «Калининской правде» Калининская областная прокуратура возбудила дело с целью окончательного установления места, где покоятся польские офицеры [!] из Осташкова. В начале июля 1990 г. начальник калининского управления КГБ подтвердил известие о том, что в деревне Медное обнаружены могилы польских офицеров из Осташкова.

В середине июля 1990 г. представитель МИДа СССР Геннадий Герасимов также официально заявил, что в районе Харькова и Твери находятся массовые захоронения польских офицеров и полицейских из лагерей в Старобельске и Осташкове.

В июле 1990 г. для ведения планового следствия по делу о катынском преступлении был направлен Стефан Снежко, заместитель генерального прокурора

Польши. Уже в июле 1990 г. он направил два ходатайства о допуске польской стороны к намеченной советской прокуратурой эксгумации в Харькове.

Вопросы следствия, эксгумации и создания польских военных кладбищ затрагивал и министр иностранных дел ПНР Кшиштоф Скубишевский во время своих переговоров в Москве в октябре 1990 г. 11 октября присутствовавший на этих переговорах полковник Иван Абрамов из Генеральной прокуратуры СССР получил указание в срок до 15 ноября 1990 г. начать расследование этого дела. Окончательно уголовное дело № 159 в отношении виновных в катынском преступлении приняла к исполнению Главная военная прокуратура СССР.

Эксгумации в Харькове и Медном советские власти назначили на период с 25 июля по 30 августа 1991 г., и продлить этот период не удалось. В них должны были участвовать представители польской Генеральной прокуратуры и польские эксперты; их главной целью было получение доказательств для советского следствия по катынскому преступлению. Прежде всего необходимо было установить, что в этих местах погребены действительно польские узники специальных лагерей НКВД в Старобельске и Осташкове, определить точные места, где были захоронены останки, их количество и размеры массовых захоронений.

Одновременно с подготовкой к эксгумации 22–27 июля 1991 г. польская делегация, в состав которой входили представители МИДа, Министерства национальной обороны (МНО) и Совета по охране памяти борьбы и мученичества, вела переговоры в Москве, Киеве и Харькове по вопросу о создании кладбищ. Еще во время продолжавшихся в Харькове работ, 30 июля 1991 г., Федерация катынских семей вручила председателю СОПБиМ Станиславу Броневскому послание, содержащее позицию этой организации по вопросу кладбищ и увековечения жертв катынского злодеяния: в Катыни, Медном и Харькове должны быть созданы польские военные кладбища; погребение должно быть проведено в соответствии с Женевской конвенцией. ФКС требовала от польского правительства и действовавшего от его имени СОПБиМ объявить конкурс на оформление трех мемориальных кладбищ, которые должны быть созданы и организованы в духе Женевской конвенции. Семьям жертв преступления должно быть обеспечено участие в творческом обсуждении и в выборе проекта кладбищ.

Польскими группами, участвовавшими в эксгумациях в Харькове и Медном, руководил прокурор С. Снежко. В состав групп входили прокуроры из Министерства юстиции и военной прокуратуры, а также эксперты: врачи — судебно-медицинские эксперты, антропологи, археологи, представители Главного управления Польского Красного Креста (ПКК), историки, эксперты в области военных знаков отличия, мундиров и огнестрельного оружия, а также документалисты. Общее руководство всеми работами осуществлял российский полковник юстиции Александр Третьцкий.

Эксгумация в Харькове проводилась с 15 июля по 7 августа 1991 г. Были извлечены останки 167 поляков и 20 советских граждан. В трех случаях были, без сомнения, вскрыты массовые захоронения офицеров Войска Польского, в одном — находки, непосредственно с ними связанные. В двух случаях были обнаружены массовые захоронения советских граждан. Исследования подтвердили, что в харьковском лесу покоятся останки офицеров из Старобельска. Был установлен

также ряд фактов, касающихся, в частности, способов убийства и обстоятельств преступления. Получены вещественные доказательства.

Следует добавить, что вскоре после начала эксгумации в Медном в связи с попыткой государственного переворота в СССР (так называемый путч Янаева) начальник Тверского областного управления КГБ потребовал прекратить работы и покинуть территорию, где находятся могилы. Но ни сотрудники Главной военной прокуратуры СССР, ни польская группа давлению не поддались и продолжали работы¹¹.

По завершении работ по эксгумации в Харькове останки офицеров Войска Польского были сложены в 9 гробов с крестами на крышках; их опустили в одну из вскрытых могил. Рядом в выкопанной могиле похоронили останки советских граждан. Десятый гроб с останками одного офицера был подготовлен к торжественному захоронению. Оно состоялось 10 августа 1991 г. с участием официальной польской делегации и членов семей жертв трагедии (среди них присутствовал сын одного из офицеров, идентифицированного по прочитанным во время эксгумации фамилиям — подпоручика запаса Станислава Плевы). Гроб, покрытый бело-красным знаменем и лентой Креста военного ордена *Virtuti Militari*, был торжественно опущен в могилу. Над ней установлен 7-метровый дубовый крест, рядом помещена табличка с надписью: «Памяти 3921 генерала и офицера Войска Польского, узников Старобельска, убитых НКВД весной 1940 года и здесь похороненных. Харьков 10.08.1991. Соотечественники». Была проведена поминальная служба с участием священников различных вероисповеданий. На могиле советских жертв НКВД был поставлен православный крест. В траурных мероприятиях участвовали представители центральных и областных властей Украинской ССР.

Работы по эксгумации в Медном велись 15–30 августа 1991 г. За действиями польской группы наблюдали представители Главной военной прокуратуры СССР и Генерального штаба Советской армии. Общее руководство всеми работами и здесь осуществлял полковник А. Третецкий. Массовые захоронения находились между деревнями Медное и Ямок на огороженной территории базы отдыха размерами около 700 x 400 м, принадлежавшей ранее НКВД, а затем (еще в 1991 г.) — калининскому КГБ. Она располагалась по склону и на краю возвышенности над заливной долиной реки Тверца, поросшей сосновым лесом и застроенной дачными домиками. Незадолго перед приездом польской группы здесь была огорожена площадка размером 120 x 80 м для проведения работ по эксгумации. Как оказалось позже, все польские могилы находились внутри этой площадки. Во время пребывания здесь очередной польской группы в 1994 г. были обнаружены следы более раннего ограждения территории могил колючей проволокой. Оно охватывало территорию, несколько более узкую, чем была определена для работ в 1991 г.

Польская группа локализовала три общие могилы, затем еще одну, был вскрыт фрагмент и еще одной могилы. Из-за очень короткого времени, отведенного на эксгумацию, полностью была исследована только одна могила. В ней находились останки не менее 243 мужчин, сильно прижатые друг к другу, соединенные жировоском и насыщенные водой. Лишь в верхних слоях — находившихся в большом беспорядке — были обнаружены фрагменты скелетов. Кое-где удалось обнаружить целые останки. Очень часто головы были обернуты полицейскими шинелями, что

подтверждает показания начальника калининского НКВД Токарева. Тела сбрасывали в могилы хаотично, ямы потом не проверялись.

Во время работ в Медном в августе 1991 г. было подтверждено нахождение там массовых захоронений польских полицейских из лагеря в Осташкове, получена информация о способах их умерщвления и погребения¹².

Торжественное захоронение останков состоялось 31 августа 1991 г. с участием делегации катынских семей и общества «Полицейская семья 1939», парламентариев, представителей польского правительства. Присутствовала и делегация российских властей. В могилу был опущен последний гроб, покрытый бело-красным флагом с лентой Креста ордена *Virtuti Militari*. После святой мессы молебны отслужили священники других вероисповеданий. Под установленным на могиле крестом была вмурована гранитная табличка с гербом Польши и надписью: «Памяти 6295 полицейских, воинов КОГ и других формирований ВП, сотрудников пограничной охраны, работников государственной администрации и правосудия Республики Польша — узников Осташкова, убитых НКВД весной 1940 года и здесь похороненных. Медное — Август 1991. Соотечественники».

В это же время, 24 августа 1991 г., провозгласила независимость Украина. 25 декабря 1991 г. перестал существовать Советский Союз. После его распада появилась независимая Российская Федерация. Сложная политическая обстановка, с одной стороны, облегчала и ускоряла, с другой же — тормозила катынское дело. Чтобы создать польские военные кладбища в местах упокоения польских офицеров и полицейских, необходима была правовая основа для такой деятельности в новых условиях.

В марте 1992 г. при Министерстве иностранных дел Польши была создана Катынская чрезвычайная коллегия, в состав которой вошли представители: Министерства внутренних дел, Министерства национальной обороны, Генерального штаба Войска Польского, Генеральной прокуратуры, Главного правления Польского Красного Креста, Совета ОПБиМ, польского епископата, ФКС, общества «Полицейская семья 1939», Независимого исторического комитета по исследованию катынского преступления (НИКИКП), созданного в 1990 г., Польского катынского фонда и Союза архитекторов Польши. Главной целью коллегии на этом этапе была подготовка соглашений с Россией и Украиной об охране могил и памятных мест. Проекты соглашений, разработанные МИДом во взаимодействии с коллегией, а также ноты, содержавшие просьбу дать согласие на немедленное возобновление работ по эксгумации, 13 июня 1992 г. были переданы властям Российской Федерации, а затем и Украины¹³.

В результате усилий польской стороны в апреле и июне 1992 г. с властями Смоленской и Тверской областей РФ, а в середине июля — с властями Харьковской области Украины были подписаны декларации о намерениях по совместным действиям, направленным на создание польских мемориальных кладбищ в Катыни, Медном и Харькове.

18 мая 1992 г. в Варшаве был подписан Договор между Республикой Польша и Украиной о добрососедстве, дружественных отношениях и сотрудничестве.

В первые дни июля 1992 г., выполняя указы катынских семей, Совет ОПБиМ принял на себя координацию всей деятельности по определению мест будущих

польских военных кладбищ и по их созданию. 16 июля 1992 г. Катынская чрезвычайная коллегия была преобразована в Катынскую группу при Совете ОПБиМ (в прежнем составе). С этого момента вся деятельность по катынскому вопросу была сосредоточена именно в этом органе.

На заседаниях Катынской группы обсуждались вопросы, связанные с эксгумациями и конкурсом на оформление будущих мемориальных кладбищ. Был разработан документ под названием «Организация работ по эксгумации и созданию кладбищ Катынь—Медное—Харьков», утвержденный Группой 27 июля 1992 г.

22 сентября 1992 г. власти Украины дали согласие на продолжение работ по эксгумации в VI квартале лесопарка в Харькове. Следует отметить, что украинская сторона на всех переговорах (июль 1991 г., август 1992 г.) поднимала вопрос о создании общего мемориального кладбища жертв тоталитаризма, но польская сторона подчеркивала необходимость сохранить своеобразие обоих кладбищ.

19–25 сентября 1992 г. в Москве по приглашению Сергея Станкевича, тогдашнего политического советника президента Российской Федерации Бориса Ельцина, находилась делегация Федерации катынских семей в составе 8 человек. Поляки провели несколько встреч (в частности, в Главной военной прокуратуре), а 23 сентября их принял вице-президент РФ Александр Руцкой, которому была вручена «Петиция польских делегаций Катынских семей». А. Руцкой заявил, что ему доложили о трудностях в катынском деле, поэтому по согласованию с Президентом РФ Б. Ельциным он берет это дело под свой личный контроль. Вскоре он создал рабочую группу по катынскому вопросу во главе с генералом Л. М. Зайко. Ее секретарем был назначен Петр Романов. Группа должна была обеспечить скорейшее окончание следствия, оказать помощь в вопросе эксгумации, а также к 1994 г. [!] завершить оборудование кладбищ. Были согласованы вопросы, связанные с выездом в Катынь и Медное польских топографов.

Осенью 1992 г. Совет ОПБиМ по согласованию с начальником топографического управления Войска Польского и военным центром геодезии и картографии организовал выезды военных геодезистов в Катынь (12–16 ноября 1992 г.) и Медное (19–21 ноября 1992 г.). Они должны были произвести замеры территорий будущих мемориальных кладбищ для изготовления основной карты (1:500), рельефной карты (1:1000) и рельефного стола-планшета (1:250). К концу января 1993 г. карты были изготовлены¹⁴.

Архивный поиск. Расследование механизмов преступления, столь важное для выяснения судеб тысяч польских граждан, и прежде всего для поиска мест, связанных с преступлением, и мест, где НКВД спрятал останки жертв, стало возможным благодаря открытию советских архивов. Почти вся последующая деятельность государственных учреждений, и прежде всего большое количество публикаций и исследований, раскрывающих до сей поры неизвестные аспекты катынского дела, — это в значительной мере результат работы польских и российских архивистов.

Переговоры представителей Главной дирекции государственных архивов, касающиеся рассекречивания документов о катынском преступлении, велись еще в 1990 г., но лишь спустя год архивные службы Польши и России договорились, что архивисты и историки обоих государств подготовят к изданию основанную на первоисточниках публикацию о судьбе польских узников в советском плену после

17 сентября 1939 г. Соглашение о сотрудничестве архивов было подписано в Варшаве 27 апреля 1992 г. Тогда было принято решение, зафиксированное в дополнительном протоколе, издать сборник первоисточников о судьбе и гибели польских пленнх из спецлагерей НКВД в Козельске, Осташкове и Старобельске. Внимание историков и архивистов должно было быть сосредоточено на том, чтобы проследить судьбу пленнх, показать массовое убийство элитной группы польских граждан, совершенное весной 1940 г., а также отголоски катынского дела во время войны, в послевоенный период, вплоть до настоящего времени¹⁵.

29 апреля 1992 г. министр национальной обороны Польши Ю. Онышкевич создал Военно-архивную комиссию с целью снять копии с недоступных для польских историков архивных документов, находящихся в российских архивах и касающихся судьбы польских военнослужащих, которые после 17 сентября 1939 г. оказались на территории Советского Союза. Комиссия, состоящая из ученых Центрального военного архива и Военно-исторического института, в середине сентября 1992 г. начала работу с первоисточниками в московских архивах. В первую очередь копии снимались с документов, связанных с катынской трагедией, с личных дел узников, польских офицеров и рядовых, захваченных в плен в сентябре и октябре 1939 г., а также с документации спецлагерей и с дел по репатриации¹⁶.

14 октября 1992 г. специальный посланник президента России Бориса Ельцина, председатель Комитета по делам государственных архивов при Совете министров РФ проф. Рудольф Пихоя передал в Бельведере президенту Польши Леху Валенсе копии документов, содержащихся в Папке № 1. Эта папка относилась к наиболее охраняемым в Советском Союзе подборкам архивных документов, доступ к которой имели лишь генеральные секретари ЦК КПСС. Передача этих документов явилась беспрецедентным событием. В руках поляков оказались документы, имеющие исключительное значение для Польши и поляков, но прежде всего для семей жертв катынской трагедии. Вручая документы, Р. Пихоя, в частности, сказал: «Передавая материалы польскому народу и мировой общественности, правительство России и президент Борис Ельцин стремятся исключить ложь из отношений между Россией и Польшей. Честные отношения между нашими народами должны строиться на честной основе»¹⁷.

Двумя днями позже, 16 октября 1992 г., оценивая вес и значение жеста президента РФ Б. Ельцина, польский Сейм единодушно принял заявление, в котором выразил уверенность, что оба государства, строя новое будущее, справятся — на основе права и правды — с грузом прошлого¹⁸.

В привезенной Р. Пихоей Папке № 1 оказались копии основного для выяснения обстоятельств катынского преступления документа — записки Л. Берии от 5 марта 1940 г. с подписями И. Сталина, К. Ворошилова, В. Молотова и А. Микояна (с припиской М. Калинина и Л. Кагановича: «за») об уничтожении 25 700 польских офицеров и полицейских, находившихся в трех специальных лагерях НКВД в Козельске, Осташкове и Старобельске, а также поляков, содержащихся в тюрьмах НКВД так называемых Западной Украины и Западной Белоруссии.

Этому делу были посвящены и другие документы¹⁹. Интересной частью переданного собрания были документы, связанные с «официальной линией» властей

Советского Союза по катынскому делу, то есть с попыткой замести следы с помощью лжи и мошенничества, а также с деятельностью, направленной на отвлечение внимания общественного мнения в Польше и других странах от катынского дела. Эти документы приоткрывали завесу над действиями советских властей вплоть до последнего момента существования советской империи. Так, еще в 1990 г., когда М. Горбачев передал генералу Ярузельскому документы по Катыни, Политбюро ЦК КПСС попыталось «уравновесить» советское преступление против поляков указанием на то, что и поляки тоже совершали массовые преступления против советских пленных. В многочисленных высказываниях, а позже и в публикациях историков НКВД польских военнопленных сравнивалось со смертью от болезней советских солдат, которые попали в польский плен во время победоносной войны с большевиками в 1920 г. Придуманная в руководимом В. Фалиным Международном отделе ЦК КПСС идея «антикатыни» стала жить своей жизнью и до сегодняшнего дня периодически поднимается российскими политиками и публицистами²⁰.

Польша, однако, не получила протоколы заседаний центральной «тройки», назначенной для «рассмотрения дел и принятия решения» по вопросу польских пленных и узников (В. Н. Меркулов, Б. З. Кобулов, Л. Ф. Баштаков), а также для подтверждения исполнения ее «приговоров». Мы также не знаем, была ли действительно уничтожена документация по Катыни (учетные списки и другие материалы), как это предлагал сделать глава КГБ СССР А. Шелепин в записке от 9 марта 1959 г. на имя председателя Совета министров СССР Никиты Хрущева, который, однако, распорядился сохранить протоколы заседаний «тройки» и донесения об исполнении решений²¹.

В переданных материалах не было также списка пленных, вывезенных из Старобельска, хотя они наверняка хранились вместе с такими же списками пленных из Козельска и Осташкова, полученными В. Ярузельским в апреле 1990 г. Для катынских семей чрезвычайно важными являются также личные дела узников.

Совместная деятельность польских и российских архивистов принесла результаты. Были созданы редакционные коллегии: польская под руководством проф. А. Гейштора и российская — под руководством проф. Р. Пихои. В ноябре 1995 г. они представили общественности первый том польского издания «Katyń. Dokumenty zbrodni»²², начав тем самым публикацию первоисточников по катынскому делу, доступ к которым был открыт российскими архивами. В последующие годы благодаря поддержке многих учреждений, в частности Совета ОПБиМ, вышли в свет очередные тома этого издания (всего 4), представляющие собой фундаментальный свод сведений о катынском преступлении и одновременно пример плодотворного по своей сути сотрудничества архивистов и историков Польши и России.

Архивная служба России (Росархив) также опубликовала часть катынских документов в оригинальной версии. Первоначальный замысел параллельного издания польского и российского томов был реализован, но при этом на русском языке были изданы только два тома. В декабре 1997 г. в Москве прошла презентация книги «Катынь. Документы. Пленники необъявленной войны», изданной в серии «Россия. XX век». В 2001 г. вышел в свет новый сборник документов из российских архивов под названием «Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Документы». Говоря о российских публикациях, посвященных Катыни, следует отметить выход в свет в

Москве книги известной исследовательницы катынской проблемы и польско-советских отношений времен Второй мировой войны проф. Наталии Лебедевой «Катынь: преступление против человечества» (1994)²³ и работы выдающихся знатоков катынской проблематики И. Яжборовской, А. Яблокова и В. Парсадановой «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях» (2001).

Рассекреченные архивные материалы в значительной степени расширили область знаний о катынском преступлении. Работы, основанные на этих материалах, позволили восстановить многие до сих пор неизвестные моменты катынской трагедии, а также приступить к поискам и другим мест, связанных с трагической судьбой польских граждан на территории Советского Союза. Благодаря этим публикациям катынское дело приобрело особое звучание в общественном сознании поляков.

Путь к катынским кладбищам. Тем временем на протяжении всего 1993 г. велись трудные польско-российские переговоры о соглашении, которое открыло бы путь к реализации важнейшего желания семей жертв катынского преступления, то есть созданию польских военных кладбищ в местах упокоения польских офицеров и полицейских в Катыни, Медном и Харькове.

22 февраля 1994 г. министры иностранных дел РП и РФ А. Олеховский и А. Козырев подписали в Кракове «Соглашение между правительством Республики Польша и правительством Российской Федерации о могилах и местах памяти жертв войн и репрессий». Его составной частью является «Совместное заявление министров иностранных дел Республики Польша и Российской Федерации». В нем, в частности, говорится: «Руководствуясь доброй волей и гуманитарными ценностями, российская Сторона намеревается начать в мае 1994 года в Катыни и Медном эксгумацию останков жертв тоталитаризма, в том числе польских офицеров, а также участвовать в их захоронении, достойном их памяти. Российская Сторона заявляет, что готова понести связанные с этим расходы, а также оказать помощь в создании мемориальных кладбищ в Катыни и Медном». В заявлении впервые говорилось о создании кладбищ в местах упокоения жертв катынского преступления. Согласно ст. 11 Соглашения, каждая из Сторон должна была определить компетентный орган, ответственный за координацию действий, связанных с реализацией данного соглашения²⁴.

21 марта 1994 г. в Варшаве было также подписано польско-украинское соглашение «Об охране мест памяти и упокоения жертв войны и политических репрессий». Два этих соглашения создали формально-правовые основы для проведения эксгумаций и создания кладбищ.

Подготовкой к эксгумациям по поручению правительства РП руководил Совет ОПБиМ при поддержке Главного правления Польского Красного Креста, Генерального штаба Войска Польского, Министерства национальной обороны и Министерства внутренних дел.

Была проведена в Старобельске эксгумация под Харьковом. Перед отправкой на казнь в лагере умерли примерно 30 офицеров (точное количество неизвестно из-за пропусков и неточностей в полученных Польшей документах НКВД). Место их захоронения на предназначенном для ликвидации городском кладбище было

указано Совету ОПБиМ управлением КГБ и жителями Старобельска. После многих согласований 2 февраля 1994 г. генеральный секретарь Совета ОПБиМ А. Пшевозьник подписал с городскими и районными властями Старобельска соглашение об эксгумации и выделении полякам места на новом коммунальном кладбище Чимеровка. 15–21 апреля 1994 г. по поручению Совета ОПБиМ эксгумацию провела группа специалистов из Польши под руководством археолога доктора Марианна Глоска в присутствии прокурора из Министерства юстиции РП и представителя Главного правления Польского Красного Креста. Среди поднятых останков 48 человек идентифицированы как поляки, предположительно умершие в лагерях Старобельск I и Старобельск II (еще один лагерь НКВД, основанный в августе 1940 г.; в нем содержались беглецы, задержанные при попытке перейти советско-германскую границу). Установить их личности было невозможно из-за отсутствия каких-либо личных документов. 21 апреля 1994 г. останки были похоронены в гробах в отдельных могилах на новом участке кладбища. Торжественное освящение участка состоялось 22 сентября 1995 г.²⁵

Летом 1994 г. А. Пшевозьник подписал с властями Харькова соглашение о начале 1 сентября 1994 г. исследовательских работ и эксгумации в VI квартале лесопарка Харькова. Основные исследования велись там три сезона, в 1994–1996 гг. Первый сезон продолжался всего 16 дней, со 2 по 27 сентября 1994 г., второй — с 3 июня по 22 сентября 1995 г. и третий — с 27 мая по 14 сентября 1996 г. под постоянным руководством археолога проф. Анджея Коли.

Тем временем в сентябре 1994 г. по поручению Совета ОПБиМ группа польских военных геодезистов провела в VI квартале лесопарка Харькова полевые геодезические работы для создания основной карты местности будущего кладбища (масштаб 1:500). На основе этих работ были разработаны высотные и рельефные карты, а затем и рельефный стол-планшет местности будущего кладбища. Рельефные столы-планшеты, а позже и многочисленные предметы, найденные при убитых офицерах и полицейских, были переданы в музей Катыни в Варшаве. Созданный в 1992 г. по решению министра национальной обороны как один из разделов музея Войска Польского в Варшаве музей Катыни стал местом хранения реликвий, связанных с жертвами трагедии, а также материалов и документов по катынскому делу²⁶.

14 июля 1994 г. в Москву прибыла польская правительственная делегация во главе с министром, статс-секретарем канцелярии президента ПР Анджеем Закшевским. Делегацию принял вице-премьер РФ Юрий Яров. Это был критический период в истории катынского дела. Российская сторона вопреки двустороннему соглашению придерживалась той точки зрения, что эксгумации ничего не дадут, так как останки перемешаны и к тому же в этих местах лежат не только поляки; что российская общественность может выразить недовольство эксгумацией только поляков. В такой ситуации российская сторона предложила создать общий Мемориал всех погибших. В результате сложных переговоров было решено, что обе стороны в течение 10 дней назначат уполномоченных, которые в ходе двусторонних контактов обсудят этот вопрос. Российская сторона обязалась сообщить дату начала эксгумации еще в 1994 г.

Это обязательство было выполнено. В ноте от 25 июля 1994 г. МИД РФ сообщил об издании российским правительством 23 июля специального распоряже-

ния, которым утверждался состав Координационного комитета по делам увековечения жертв тоталитарных репрессий в Катыни и Медном. Одновременно российское правительство возложило на упомянутый комитет функции уполномоченного органа, ответственного за координацию действий по реализации соглашения от 22 февраля 1994 г. Ему было предписано создать оперативную группу в составе представителей Смоленской и Тверской областей, российского МИДа, МВД, Министерств обороны, финансов и культуры, Федеральной службы безопасности, Русской православной церкви и Российского Красного Креста. Эта группа должна была заняться всеми вопросами, связанными с созданием мемориальных объектов в Катыни и Медном. Уполномоченным от российской стороны и председателем созданного комитета был назначен заместитель министра культуры РФ Вячеслав Брагин (с 21 февраля 1998 г. — заместитель министра Наталья Дементьева, а затем — министр культуры Михаил Швыдкой).

19 августа 1994 г. премьер Польши Вальдемар Павляк подписал распоряжение № 23 о создании Комиссии по делам увековечения жертв катынского преступления при председателе Совета министров для координации всей деятельности в этой области. В состав комиссии вошли: прокурор С. Снежко — председатель комиссии, генеральный секретарь Совета ОПБиМ А. Пшевозьник — заместитель председателя и секретарь комиссии, а также члены: по одному от Главной комиссии изучения преступлений против польского народа — Института национальной памяти, Генерального штаба Войска Польского, Министерства иностранных дел, Управления делами Совета министров, Министерства культуры и искусства. В работе комиссии должны были также принимать участие председатель правления Федерации катынских семей и представитель канцелярии президента РП. Организационно-техническое обеспечение работы комиссии осуществлял Совет ОПБиМ²⁷.

23 августа 1994 г. в Москве состоялись переговоры представителей польской комиссии и российского комитета с участием вице-преьера В. Ярова и министра иностранных дел РФ А. Козырева. Были согласованы сроки начала исследовательских и топографических работ (на эксгумацию российская сторона согласия не дала) по обнаружению и точной локализации польских останков. Работы должны были начаться 5 сентября 1994 г. Российская сторона обязалась оказать польским специалистам всемерную помощь (размещение, рабочая сила, тяжелая техника). Она предложила создать общее кладбище по результатам единого польско-российского конкурса.

Работы польских специалистов в Катыни и Медном продолжались в течение двух летних сезонов, в 1994–1995 гг.: в Катыни — 5–25 сентября 1994 г. и 6 июня — 8 сентября 1995 г., Медном — 6–22 сентября 1994 г. и 7 июня — 31 августа 1995 г. Работами руководили: в Катыни — проф. д-р Мариан Глосек, археолог, в Медном — проф. д-р Бронислав Млодзёвский, антрополог. В 1994 г. работы носили исследовательско-топографический, в 1995-м — исследовательско-эксгумационный характер.

Работы в Катыни могли бы увенчаться успехом, если бы не организованный протест группы женщин из детского санатория, размещенного на берегу Днепра. Их ввели в заблуждение информацией, что санаторий будет ликвидирован, так как работы польских специалистов займут территорию 95 га (на самом деле речь шла о территории около 2 га на значительном расстоянии от санатория). Другие трудно-

сти — отсутствие связи с посольством Польши в Москве, непредоставление российской стороной транспортных средств, рабочих и тяжелой техники — все это в значительной степени повлияло на сокращение времени исследований. Не помог и приезд в Катынь главы правительства Российской Федерации В. Черномырдина. Подобная обстановка сохранялась и в 1995 г.

В 1994 г. главной целью работ польских специалистов было получение ответа на вопрос: находятся ли в Катыни останки польских офицеров, а если да, то где? В 1995 г. речь шла о полной и точной локализации как рвов смерти, так и коллективных могил, а также определение места будущего кладбища. На оба вопроса ответ был получен, хотя программа исследований была выполнена не полностью из-за вышеупомянутых трудностей.

В границах так называемого Мемориала были локализованы — посредством шурфов и выемок — все коллективные могилы: шесть общих и две отдельные могилы генералов, устроенные Технической комиссией Польского Красного Креста в 1943 г. Были обнаружены и вскрыты все рвы смерти. Через одну из могил проходило ограждение советского Мемориала; отмечено, что останки в некоторых местах или в верхних слоях могил (кроме, может быть, одной) были нарушены после эксгумации в 1943 г.

Работы, проведенные в 1994–1995 гг., доказали, что в Катынском лесу в границах так называемого Мемориала и непосредственно вокруг него покоятся останки офицеров Войска Польского из Козельска, уничтоженных весной 1940 г. Польские специалисты локализовали также 42 меньшие могилы советских граждан.

В Медном в ходе работ в течение двух сезонов локализовано 23 рва смерти. Все они находились в границах участка, определенного КГБ для изучения в 1991 г. За ограждением могил не обнаружено. В районе исследования не обнаружено могил советских граждан.

Кроме работ по локализации и точному обозначению коллективных могил проводились и другие действия, направленные на подготовку к устройству будущих мемориальных кладбищ.

16 и 17 февраля 1995 г. в Варшаве прошло совещание представителей обеих сторон — польской Комиссии и российского комитета. Российская сторона приняла польское предложение о проведении первых мероприятий по устройству объектов увековечения памяти и определению границ будущих кладбищ, а также по закладке весной 1995 г. краеугольных камней на их территориях. Была также достигнута договоренность об устройстве в Катыни и Медном польских военных кладбищ в рамках общего комплекса объектов по увековечению жертв тоталитарной системы. Был согласован также календарь действий.

Основные документы об устройстве польских военных кладбищ в Катыни и Медном были подписаны 25 марта 1995 г. в Смоленске. Основой для определения границ кладбищ послужили разработанные польскими геодезистами карты с обозначенными размерами могил. Границы кладбищ должны были быть уточнены после получения результатов начатых в 1994 г. работ по изучению местности.

Были также уточнены сроки закладки на будущих кладбищах краеугольных камней, освященных Папой Римским Иоанном Павлом II и подготовленных в рамках Года Катыни и 55-й годовщины катынского преступления. Для Катыни это было

4 июня 1995 г. (акт о торжественной закладке подписал президент Лех Валенса, присутствовавший на церемонии)); для Медного — 11 июня 1995 г. На торжественные мероприятия прибыли многочисленные гости из Польши, прежде всего катынские семьи, а также правительственные делегации Польши и РФ и представители духовенства различных вероисповеданий.

В Харькове поиск могил осуществлялся методом бурения археологических шурфов на территории в 1,3 га, отведенной в парке санатория службы безопасности Украины. В сезоны 1995–1996 гг. уже велись археологические работы по эксгумации. Всего на участке 50 x 100 м локализовано 75 коллективных могил по обе стороны «черной дороги». Крупные могилы на ее изгибе — это (за исключением одной) исключительно могилы польских офицеров.

Всего в 1991 и в 1994–1996 гг. обнаружено и исследовано 15 массовых польских захоронений. В них покоилось 4302 человека, в том числе 1 женщина. Таким образом, количество найденных останков оказалось больше, чем число узников, вывезенных из лагеря в Старобельске в распоряжение управления НКВД в Харькове. По всей видимости, в харьковских могилах отчасти похоронены люди, фамилии которых фигурируют в так называемом «украинском» катынском списке (см. далее).

Были обнаружены также следы механического вмешательства в могильные ямы до самого их дна, совершенного на рубеже 1970–1980-х годов бурами диаметром 60 и 80 см. После попыток замести следы территория могил была вновь обнесена забором и в этом квадрате устроены дом отдыха и дача КГБ. В 1996 г. польские специалисты исследовали и вскрыли 60 могил советских граждан, в которых находились останки 2098 человек.

На основании найденных во время эксгумации в 1991 г. предметов и документов удалось установить фамилии 79 узников Старобельска. Во время археологических работ в Харькове в 1995–1996 гг., а также при консервации найденных предметов установлены фамилии еще 347 польских офицеров. По окончании работ в 1996 г. на каждой польской могиле был поставлен деревянный католический крест, а на каждой русской — крест православный.

Первоначально место захоронения занимало территорию 1,3 га. Оно имело форму прямоугольника размерами 50 × 100 м. Могилы размещались вдоль ограждения по внутренней и внешней стороне «черной дороги»²⁸.

Обширная документация специализированного характера, собранная в ходе работ, представляла собой материал, необходимый для закладки будущего кладбища. Еще во время проведения работ состоялось несколько встреч представителей Совета ОПБиМ с украинскими властями по вопросам, связанным с работой польских специалистов и созданием кладбища. Украинская сторона настаивала на оборудовании общего некрополя жертв тоталитаризма, мотивируя это, в частности, близким взаиморасположением и перемешиванием могил. Украинские власти не согласились на перенос останков из могил советских граждан, расположенных среди польских могил, чтобы создать исключительно польскую часть кладбища. Вопрос был решен в ходе визита на Украину, в том числе и в Харьков, польской правительственной делегации. Тогда было принято решение о создании общего кладбища жертв тоталитаризма.

Катынские кладбища. После трудоемкой и кропотливой подготовки Совет ОПБиМ объявил 17 июля 1995 г. открытый конкурс на концепцию пространственного оформления будущих польских военных кладбищ в Катыни, Медном и Харькове. К участию в конкурсе приглашались польские творческие коллективы как в стране, так и за границей. Кладбища должны были носить экуменический характер, содержать национальные государственные и религиозные символы. Особое внимание обращалось на наличие Креста Сентябрьской кампании и Креста *Virtuti Militari*.

На конкурс поступило 32 работы, в том числе из Франции, Германии и Норвегии. Было образовано жюри, в состав которого вошли 22 человека: выдающиеся деятели культуры — архитекторы, скульпторы и графики, представители Министерства культуры и Министерства национальной обороны, примаса Польши, Федерации катынских семей, Общества «Полицейская семья 1939», Польской федерации женщин и других организаций. Председателем жюри стал д-р Мачей Гинтовт, профессор факультета архитектуры Варшавского политехнического института.

Победу в конкурсе одержал проект коллектива авторов: скульптор Здислав Пидек из Государственной высшей школы графических искусств в Гданьске, скульптор Анджей Солыга из Академии художественных искусств в Варшаве, а также архитекторы Веслав и Яцек Сынакевичи. По мнению жюри, коллектив проявил огромное уважение к братским могилам и рвам смерти, нашел достойный способ увековечения памяти, умело вписав в проект растущие в тех местах деревья. Особенно ценной признана идея подземного колокола. Центральное место каждого кладбища должна образовывать вертикальная стена памяти с фамилиями всех похороненных здесь жертв, подземный колокол и жертвенный стол — алтарь, а также видимый снизу крест; как своего рода открытая часовня для молитв и траурных мероприятий. Из-за невозможности устройства индивидуальных могил (идентификация останков оказалась невозможной) должны были быть устроены коллективные могилы с крестами²⁹. Особенности трудности доставило проектирование общего кладбища в Харькове.

Чрезвычайно важным было подписанное премьером России Виктором Черномырдиным постановление правительства Российской Федерации № 1247 от 19 октября 1996 г. «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан — жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медное (Тверская область)». Комплексы получили статус государственных учреждений. На их территории должны были быть созданы польские военные кладбища в границах, установленных российско-польским протоколом от 25 марта 1995 г. Документ определял также задачи соответствующих российских учреждений и служб³⁰. Проект российского мемориального комплекса должен был быть отобран по итогам конкурса, организованного Министерством культуры РФ. Российская сторона обещала к концу сентября 1997 г. предоставить Польше всю официальную документацию, касающуюся выделения местности под кладбища и их окончательных границ.

На заседании российского комитета 23 января 1998 г. в Москве, в котором участвовали уже назначенные российской стороной директора мемориальных комплексов в Катыни и Медном, представители вице-преьера РФ Олега Сысуева, рос-

сийского МИДа, МВД и Минфина, а также областных администраций Твери и Смоленска, А. Пшевозник и авторы проекта представили основную проектную концепцию польских кладбищ. Совет ОПБиМ передал российской стороне проектную документацию и высказал просьбу как можно быстрее ее согласовать и утвердить в соответствующих органах власти и областных службах, а также дать формальное согласие на создание кладбищ.

На заседании областной рабочей комиссии по вопросам реализации мероприятий, связанных с увековечением жертв тоталитарных репрессий в Медном, состоявшемся 5 февраля 1998 г. в Твери, был полностью утвержден архитектурный и концептуальный проект польского военного кладбища в Медном. Условием его реализации была увязка с проектом всего мемориального комплекса.

Решение о выделении земельного участка под строительство в Медном было принято лишь 1 июня 1999 г., а формальное разрешение на строительство было дано 2 июля 1999 г. Все вместе требовало множества усилий, переговоров, вмешательств и согласований.

23 апреля 1999 г. Совет ОПБиМ получил решение российских властей о выделении земельного участка под строительство польского военного кладбища в Катыни, а 22 июня — формальное разрешение на строительство.

7–9 декабря 1998 г. генеральный секретарь Совета ОПБиМ А. Пшевозник согласовал с властями Харьковской области окончательные размеры кладбища и получил список фамилий 2746 жертв, которые должны быть высечены на украинской стене.

27 июня 1998 г. в присутствии президентов Польши и Украины была произведена торжественная закладка краеугольного камня кладбища в Харькове.

В 1994 г. было подписано соглашение по поводу надписи на именных табличках для офицеров Войска Польского и полицейских, похороненных на трех «катынских кладбищах», а также погребальной книги для Катыни, а затем и для Харькова и Медного. В 2000 г. была опубликована первая из погребальных книг — для Катыни, затем, в 2003 г., — погребальная книга для Харькова, в 2006 г. — для Медного.

Решением № 271 от 24 марта 1999 г. исполком Харьковского городского совета выделил Совету ОПБиМ 4248 м² земли в VI квадрате лесопарка и разрешил спроектировать и построить кладбище жертв тоталитаризма.

31 марта 1999 г. в Харькове начались строительные работы. Работы по созданию польского военного кладбища в Катыни, начавшиеся 18 марта 1999 г., завершились 17 июля 2000 г. Работы в Медном начались 2 июля 1999 г. Их формальное принятие прошло 9 августа 2000 г.

От Совета ОПБиМ всем комплексом работ по созданию катынских кладбищ руководил генеральный секретарь Совета Анджей Пшевозник. При принятии всех важнейших решений и во время посещения стройплощадок присутствовали председатели правления Федерации катынских семей и правления Общества «Полицейская семья 1939».

Все кладбища создавались на средства Польского государства, то есть из бюджета Совета, а также за счет средств, собранных Федерацией катынских семей и Польским фондом охраны памяти борьбы и мученичества в Катыни.

Кладбище в Катыни занимает площадь 13,9 тыс. м², то есть около 1,4 га. Оно имеет металлическую ограду длиной 470 м. На вертикальной стене, окаймляющей

могилы (с расположенными на них монументальными крестами), помещены индивидуальные таблички с эпитафиями. Алтарный комплекс представляет собой стену с фамилиями расстрелянных в Катыни, алтарь, примерно 9-метровый центральный крест и подземный колокол. Напротив находятся обелиски с государственным гербом и крестами *Virtuti Militari* Сентябрьской кампании, а также вертикально поставленные плиты со знаками четырех конфессий, приверженцами которых были убитые.

Семь рвов смерти были обложены плитами. Рядом с алтарем расположены две индивидуальные могилы генералов Богатеревича и Сморовиньского, а также табличка с надписью: «В память о более 4400 офицерах Войска Польского, почивающих в Катынском лесу — военнопленных из лагеря в Козельске, расстрелянных НКВД весной 1940 г. Польский Народ».

До сих пор не удалось увековечить память жертв лишь Козельского лагеря — умерших в лагере и похороненных на местном кладбище офицеров Войска Польского. Не помогли и усилия посольства РП в Москве, предпринимавшиеся еще в начале 1990-х годов, несмотря на письменное согласие, данное в 1992 г. Патриархом Московским и всея Руси Алексием разместить в этом месте памятную табличку. Этому воспротивились монахи монастыря в Козельске, который в 1987 г. был возвращен Русской православной церкви.

Кладбище в Харькове имеет форму неправильного четырехугольника общей площадью 2,31 га с размерами: 143 м (южная сторона) × 134 м (западная сторона) × 97 м (северная сторона) × 64 м (восточная сторона). Главные его элементы — 75 коллективных могил (15 польских и 60 граждан советской Украины) с чугунными крестами — католическими и православными; «черная дорога» (могилы и дорога выложены базальтовой брусчаткой); польская алтарная стена — как в Катыни; «украинская» алтарная стена (вертикальная чугунная плита с фамилиями 2746 расстрелянных советских граждан разных национальностей — украинцев, русских, поляков, белорусов, немцев, литовцев и др.); православный крест; главная аллея, соединяющая оба алтаря и выложенная по обеим сторонам табличками с эпитафиями и вмурованными в цокольной части крестом *Virtuti Militari* и крестом Сентябрьской кампании. У входа — обелиски с государственными гербами Польши и Украины, далее слева — знаки четырех конфессий, которые исповедовали убитые.

В 2005 г. в Старобельске недалеко от монастыря стараниями генерального консульства РП в Харькове была открыта мемориальная доска в память о содержавшихся там польских офицерах.

Польское военное кладбище в Медном занимает участок площадью около 17 тыс. м². Вдоль ограды длиной 524 м проходит аллея с бетонным покрытием, могилы окаймляют таблички с эпитафиями. Коллективные могилы (25) с высокими 8-метровыми крестами располагаются за алтарным комплексом. Напротив главного входа установлены два обелиска с государственным гербом Республики Польша. На кладбище на цоколях размещены кресты *Virtuti Militari* и кресты Сентябрьской кампании. Кроме мемориальной таблички, установленной 30 августа 1991 г., была вмурована и вторая с надписью: «В память о более 6300 почивающих в Медном сотрудниках государственной полиции и полиции Силезского воеводства, пограничной охраны и тюремной охраны, солдатах и офицерах военной жандармерии, корпуса защиты

границ и других военных формирований, сотрудников государственной администрации и юстиции II Речи Посполитой, военнопленных лагеря в Осташкове, расстрелянных НКВД весной 1940 г. в Калинин (Твери). Польшский Народ».

Кладбища в Катыни и Медном были переданы дирекциям российских государственных мемориальных комплексов, которые о них заботятся.

Две мемориальные доски были помещены также на здании бывшего Калининского управления НКВД, в подвалах которого убивали польских полицейских (здесь сейчас располагается медицинский институт): российская доска в память о жертвах, замученных в управлении НКВД-МГБ в 1930—1950-х годах, и польская доска с надписью: «В память об узниках лагеря в Осташкове, убитых НКВД в Калинин. Миру в назидание. Катынская Семья».

В августе 1994 г. на здании монастыря в Осташкове были открыты гранитные мемориальные доски с высеченными на них крестами *Virtuti Militari* и надписью на польском и русском языках: «В этом монастыре в период IX 1939 — V 1940 держались в заключении сотрудники государственной полиции и полиции Силезского воеводства, пограничной охраны и тюремной охраны, а также жандармерии, корпуса защиты границ и других формирований Войска Польского. 6311 из них были приговорены к смерти. Местом убийства был Калинин (Тверь). Затем летом 1940 г. в Осташков привезли воинов Войска Польского из Литвы и Латвии, а в 1944—1945 годах — воинов Армии Крайовой. Вечная память всем убитым и замученным здесь полякам. Соотечественники».

До того, как пленные были вывезены из Осташковского лагеря, в нем умерли 45 человек. Их похоронили на кладбище в районе деревни Светлица. На Троеручицком кладбище сохранилась одна из могил поляков, на которой пенсионер Б. Ф. Карпов в начале 1990-х годов поставил небольшой крест с металлической табличкой, содержащей 41 фамилию умерших поляков. После осмотра могилы специалистами Совета ОПБиМ был разработан проект увековечения могилы с фамилиями всех узников, умерших перед отправкой из лагеря в Осташкове³¹.

Польские военные кладбища были торжественно открыты и освящены в 2000 г., в 60-ю годовщину Катыни, поочередно: в Харькове — 17 июня, в Катыни — 28 июля, в Медном — 2 сентября. В этих мероприятиях принимали участие прежде всего катынские семьи. Память убитых почтили польские парламентарии и правительственные делегации Польши, России и Украины. Польские делегации во всех трех местах возглавлял председатель Совета министров Ежи Бузек. В Харькове на церемонии присутствовал премьер-министр Украины Виктор Ющенко, в Катыни — вице-премьер РФ Виктор Христенко, а в Медном — министр внутренних дел РФ Владимир Рушайло.

Благодаря стараниям Совета ОПБиМ катынские некрополи получили статус кладбищ государственного значения, содержащихся центральными властями государств, на территории которых они находятся — Российской Федерации и Украины. Следует добавить, что 16 апреля 2005 г. президент Польши по представлению Совета ОПБиМ и посольства Польши в Москве удостоил высоких правительственных наград 31 россиянина и украинца за заслуги в деле увековечения и подтверждения документами правды о катынском преступлении, а также за помощь в создании катынских кладбищ³².

Создание, а затем торжественное открытие и освящение в 2000 г. польских военных кладбищ в местах, где покоятся останки польских офицеров и полицейских из трех специальных лагерей НКВД — в Козельске, Осташкове и Старобельске, — расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., завершает наиболее важный раздел катынского дела. И хотя это было для поляков долгожданным и в принципе беспрецедентным событием, оно не закрывает катынское дело.

Убийства на Украине и в Белоруссии. До момента создания польских военных кладбищ, на которых упокоились останки польских офицеров из спецлагерей НКВД в Козельске и Старобельске, а также полицейских из лагеря НКВД в Осташкове, не удалось выяснить судьбу поляков, содержавшихся в тюрьмах НКВД на территориях, оккупированных Советским Союзом (в западных областях Украины и Белоруссии), и приговоренных к смерти тем же решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

В настоящее время мы имеем в распоряжении лишь так называемый «украинский список», содержащий 3435 фамилий жертв катынского злодеяния, убитых на территории Украинской ССР. Нам до сих пор не известны фамилии, фигурирующие в «белорусском списке», то есть фамилии польских граждан, содержавшихся в тюрьмах НКВД в западных областях Белорусской ССР и также уничтоженных по решению от 5 марта 1940 г. Попытки получить какие-либо документы этого рода до настоящего времени не дали положительных результатов, несмотря на активные поиски в архивах.

Мы не знаем также, где находятся могилы поляков, уничтоженных на Украине и в Белоруссии. В документах, найденных в российских, белорусских и украинских архивах, мелькают названия мест и местечек, ставших последним пристанищем на их мученическом пути. Это Куропаты под Минском в Белоруссии, Быковня под Киевом, Херсон и, по-видимому, Харьков на Украине. Наши знания (кроме Быковни), собственно говоря, ограничиваются названиями этих населенных пунктов, в районе которых следует начинать поиски. Но отсутствует и более точная локализация самих могил. Работы по поиску и эксгумации, например, в Куропатах могли бы дать ответ на остающиеся открытыми вопросы.

Символической могилой — местом памяти жертв, уничтоженных на Украине, стала «украинская стена» в открытой 15 сентября 2002 г. Катынской часовне и освященной 28 октября 2005 г. в Полевом кафедральном соборе Войска Польского в Варшаве. На стенах часовни высечены фамилии лиц, фигурирующих в так называемом «украинском» катынском списке, фамилии замученных узников Козельска, Осташкова и Старобельска, а в алтаре находится Остробрамская икона Божией Матери (12 x 8 см), выполненная в Козельске поручиком Генриком Гожеховским (позднее убитым в Катыни) ко дню рождения сына (также содержавшегося в лагере) на оторванной от лагерных нар сосновой доске. На иконе надпись: «Козельск 28.02.1940 год». Часовня была построена по инициативе Полевого епископа Войска Польского генерала Славоя Лешка Глудзя при поддержке Полевого епископата Войска Польского, Совета ОПБиМ и Министерства национальной обороны.

С момента рассекречивания ключевого для катынского дела документа от 5 марта 1940 г. выяснение судьбы граждан РП, содержавшихся в тюрьмах НКВД на занятых после 17 сентября 1939 г. восточных территориях Польши, было связано с боль-

шими трудностями. По рассекреченным советским документам можно было воспроизвести механизм уничтожения этой группы польских граждан, но место сокрытия останков жертв до сегодняшнего дня остается невыясненным.

22 марта 1940 г. Л. Берия распорядился передать 3 тыс. поляков, содержащихся в тюрьмах в западных областях Украинской ССР, в распоряжение областных управлений НКВД в Киеве, Харькове и Херсоне, а 3 тыс. содержащихся в тюрьмах в западных районах Белорусской ССР — в Минск. К операции по истреблению узников приступили, когда ликвидация пленных из трех спецлагерей НКВД в Козельске, Осташкове и Старобельске вступила в завершающую фазу. Поляки, арестованные на Украине, уничтожались согласно 33 спискам. Первые три были составлены в период с 20 по 22 апреля 1940 г., остальные — после 19 мая 1940 г.

5 апреля 1994 г. заместитель начальника службы безопасности Украины генерал Андрей Хомич передал польским прокурорам копии так называемого «украинского» катынского списка — основного в то время документа, подтверждавшего истребление 3435 человек на территории советской Украины. По сути это был перечень тюремных личных дел 3435 арестованных польских граждан, который 25 ноября 1940 г. начальник 1-го специального отдела НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности Цветухин направил начальнику специального отдела НКВД СССР майору госбезопасности Л. Баштакову. К перечню прилагались 5 мешков с личными делами. Этот документ, а также сведения, опубликованные в украинской и российской прессе, указывали в качестве места захоронения останков части жертв из «украинского» катынского списка (направленных в распоряжение областного НКВД в Киеве) территорию селения Быковня под Киевом, входящую в состав Дарницкого лесопарка (ныне в границах столицы Украины).

Уже в марте 1937 г. эта территория была выделена для «специальных нужд» НКВД и использовалась для складирования (сокрытия) останков людей, расстрелянных в застенках киевского НКВД — в Лукьяновской тюрьме и во внутренней тюрьме НКВД. Кладбище в Быковне возникло во второй фазе так называемой «польской операции», проведенной в 1937–1938 гг. в отношении поляков, проживавших на территории Советского Союза. Оперативный приказ наркома внутренних дел СССР Николая Ежова № 00485 от 11 августа 1937 г. предписывал расстрелять «первую категорию» арестованных поляков, то есть «шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки». В результате этой преступной акции, официально завершённой в ноябре 1938 г., по ложным обвинениям в совершении государственных преступлений было арестовано и расстреляно более 111 тыс. поляков. Часть из них покоится на кладбище в Быковне.

В 1941 г., когда германские войска заняли Киев, окрестные жители стали говорить о тайне кладбища в Быковне, и некоторые могилы были раскопаны. После освобождения города советскими войсками в 1943 г. эта территория уже не использовалась НКВД для сокрытия останков жертв преступлений. Она была засажена лесом. Однако это не уберегло кладбище от осквернения и раскапывания коллективных могил в целях грабежа. В результате многочисленных обращений жителей Киева в 1971, 1987 и 1989 гг. создавались правительственные комиссии по поводу «массовых захоронений в 19 и 20 кварталах Днепропетровского лесничества вблизи деревни Быковня». Комиссия, созданная в 1971 г., вскрыла коллективные моги-

лы и «исследовала» человеческие останки на территории всего кладбища; было выявлено 207 рвов с останками жертв НКВД. Однако утверждалось, что это останки военнопленных и гражданских лиц — «жертв фашизма», расстрелянных во время германской оккупации Киева в 1941–1943 гг. Останки в деревянных контейнерах были сложены в большой братской могиле неподалеку от места их обнаружения.

Уже тогда при поднятых останках был найден ряд предметов, указывавших на то, что среди жертв НКВД была большая группа поляков и польских граждан. Это подтвердили и советские правительственные комиссии, работавшие в Быковне в 1987 и 1989 гг. Собранные в 1990-е годы материалы, результаты работы украинских прокуроров, а также сведения, полученные от семей жертв катынского преступления, фамилии которых фигурируют в «украинском» катынском списке, позволили обратиться к украинским властям с просьбой разрешить поисковые работы и эксгумацию в районе Быковни. Эти работы польские специалисты провели в 2001 и 2006–2007 гг. в соответствии с соглашением, подписанным в 2001 г. между Советом ОПБиМ и Межправительственной комиссией по вопросам увековечения жертв войны и политических репрессий при правительстве Украины.

В течение нескольких месяцев работы обнаружено 54 польские могилы, в которых найдено около 4 тыс. предметов польского происхождения, оставшихся после разграбления могил в 1970-е и 1980-е годы. Среди них были предметы, на которых были выгравированы фамилии, фигурирующие в «украинском катынском списке». Было установлено также много важных подробностей, проливших свет на тайну этого страшного места. Поисковые работы в Быковне ждут своего продолжения. Решения украинских властей, принятые в последнее время, дают надежду на возможность их окончания в 2010 г. Быковня — это уже четвертое кладбище, где покоятся жертвы катынского преступления³³. Катынские семьи живут надеждой, что и здесь будет создано «катынское кладбище», на котором с почестями будут захоронены жертвы злодеяния.

Сравнительно мало нам известно о судьбе 3870 польских граждан, направленных в марте 1940 г. в распоряжение областного НКВД в Минске. Несмотря на предпринимаемые в последние годы попытки найти списки лиц, убитых на территории советской Белоруссии, часто называемые «белорусским катынским списком», он до сих пор остается неизвестным. Многие указывает на восточные окраины Минска — Куропаты, как на место захоронения жертв катынского преступления. Эта местность покрыта лесом и остается местом отдыха жителей Минска, несмотря на имеющиеся сведения, что здесь захоронены десятки тысяч жертв преступлений НКВД.

Усилия польских властей получить документы, касающиеся поляков, уничтоженных в 1940 г. в тюрьмах НКВД на территории советской Белоруссии, и прежде всего так называемого «белорусского катынского списка», до сих пор не увенчались успехом. В 2002 г. польский Институт национальной памяти направил органам юстиции Республики Беларусь запрос об оказании юридической помощи и передаче копий документов. Запрос остался без ответа. Безрезультатными были также переговоры, проведенные Советом ОПБиМ по вопросу эксгумации в Куропатах и увековечения жертв злодеяния.

Следствие по катынскому делу. Ответ на многие вопросы и не выясненные до сих пор обстоятельства должно было дать следствие по катынскому делу. В октябре

1989 г. под давлением общественности генеральный прокурор РП Юзеф Жито направил генеральному прокурору СССР А. Сухареву предложение возбудить следствие по катынскому делу. В обоснование своего предложения он ссылаясь на Конвенцию о предотвращении геноцида и наказании за него, принятую ООН 9 декабря 1948 г., а также на Конвенцию об отсутствии срока давности за военные преступления и преступления против человечности, принятую 26 ноября 1968 г., которые были ратифицированы Польшей и Советским Союзом. В то время советская прокуратура посчитала нецелесообразным «решать неясные вопросы в области польско-советских отношений путем возбуждения уголовных дел»³⁴.

Явно негативная позиция советской прокуратуры (январь 1990 г.) изменилась после очередного предложения прокуратуры РП и вмешательства дипломатов в июле 1990 г. В декабре того же года Главная военная прокуратура СССР проинформировала Генеральную прокуратуру РП о согласии на юридическую помощь польских прокуроров в проводимом ею следствии. В группу российских прокуроров, в то время активно участвовавших в следствии, в частности, входили: полковник Стефан Родзевич, полковник Александр Третьцкий и Анатолий Яблоков. Именно их заслугой является то, что деятельность по выяснению обстоятельств катынского преступления, несмотря на все трудности, принесла столь ощутимые результаты в виде накопленной информации, возможности проведения в 1991 г. эксгумации и, наконец, нескольких десятков томов дела, собранных в ходе следствия. От Генеральной прокуратуры РП в следствии участвовал прокурор Стефан Снежко.

Целью следствия было всестороннее исследование обстоятельств катынского преступления, установление фамилий всех польских граждан — жертв злодеяния, неизвестных ранее мест их казни и захоронения, установление лиц, участвовавших как в принятии решения от 5 марта 1940 г., так и в его исполнении, и определение сферы их ответственности, а также, если это будет возможно, привлечение к ответственности еще живущих виновников преступления.

В августе 1993 г. министр юстиции и генеральный прокурор РП Ян Пионтковский под давлением критики действий польской прокуратуры дал указание варшавскому воеводскому прокурору создать прокурорскую группу для возбуждения и ведения самостоятельного следствия по катынскому преступлению под особым надзором генерального прокурора РП. Хотя начавшееся «польское следствие» ничего не меняло в сотрудничестве прокурорских органов Польши и России, само это решение вызвало в Польше сильный протест, причем не только со стороны катынских семей, и привело к отставке Пионтковского и аннулированию принятого им решения³⁵.

Российское следствие, успешно проводимое во взаимодействии с военной прокуратурой Украины и Белоруссии, во второй половине 1990-х годов существенно замедлилось. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие интереса российской прокуратуры к участию в эксгумации в Катыни и Медном. Одной из причин такого положения вещей было, конечно, изменение политической атмосферы не только в самой России, но и в Белоруссии. В отношениях с Белоруссией наблюдалось абсолютное прекращение контактов и отсутствие каких-либо результатов в деятельности прокуроров. Между тем сотрудничество с военными прокурорами

Украины позволило собрать обширный документальный материал о массовых захоронениях в Быковне, а также о других вероятных местах казней. Контакты между российскими и польскими прокурорами ослабли. Уход прокуроров А. Третьякова и А. Яблокова, внесших большой вклад в выяснение обстоятельств катынского преступления, не мог не повлиять на дальнейший ход следствия по катынскому делу, которому был присвоен номер 159. Передача катынского следствия прокурору М. Анисимову, пользующемуся поддержкой прокурора С. Шаламаева, не принесла каких-либо результатов в деятельности Главной военной прокуратуры РФ, а явный застой в польско-российских контактах вызвал в Польше волну критики в адрес польских прокуроров, ответственных за состояние следственных действий по катынскому делу. Критические голоса раздавались не только со стороны катынских семей, но и из различных политических кругов; под вопрос ставилась эффективность действий прокуратуры, которые к тому времени не привели к завершению длящегося уже много лет следствия по делу, являющемуся объектом чрезвычайной заинтересованности поляков как в своей стране, так и во всем мире.

В январе 2001 г. министр юстиции — генеральный прокурор РП Ганна Сухоцка передала все документы и материалы по катынскому делу из Прокуратуры РП прокурорам Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа с задачей составить полный отчет о состоянии следствия и представить предложения по дальнейшим действиям. С этого момента следствие по катынскому делу перешло в ведение вновь созданного учреждения — Института национальной памяти, составной частью которого стала Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа³⁶.

В ноябре 2001 г. в ответе на направленную ранее просьбу польской прокуратуры прояснить позицию по вопросам, вытекающим из расследования катынского дела, Генеральная прокуратура РФ сообщила, что польским властям была передана «копия уголовного дела со всеми протоколами следственных действий и иными документами, содержащими информацию об участниках данной акции»; при этом отмечалось, что на территории России «...были проведены все возможные следственные действия, необходимые для принятия окончательного решения, которое, однако, не может быть принято в связи с отсутствием материалов предварительного следствия из Генеральной прокуратуры Украины». Российская прокуратура, как следовало из присланного ответа, не намеревалась передавать в распоряжение польских прокуроров иные документы, касающиеся этого преступления³⁷.

Отсутствие в течение нескольких лет рабочих контактов между представителями польской и российской прокуратур и, главным образом, отсутствие ясной перспективы завершения следствия, многие годы проводимого российской прокуратурой, вызвало давление катынской общественности на польские власти и пробудило всенародную дискуссию по проблемам, которые до сей поры были предметом рассмотрения лишь в узком кругу специалистов и знатоков правовой проблематики. Среди вопросов этой оживленной дискуссии, поводом для которой в значительной мере послужило раздражение по причине затягивающегося следствия и отсутствия четких решений, были такие, как правовая квалификация катынского убийства, моральная оценка преступления, возмещение ущерба, понесенного в результате репрессий и смерти тысяч польских граждан, семьи

которых десятки лет ждали выяснения их судьбы, а также достойное увековечение памяти всех жертв.

21 сентября 2004 г. Главная военная прокуратура Российской Федерации вынесла постановление о прекращении следствия по делу № 159. Часть материалов, собранных в ходе следствия, а также само постановление о прекращении следствия были засекречены. На все попытки Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа — ИНП получить доступ к этим документам, ознакомиться с ними и снять с них копии, необходимые для проводимого в Польше следствия, российская прокуратура отвечала отказом.

30 ноября 2004 г. Варшавская окружная комиссия по расследованию преступлений против польского народа возбудила следствие S 38/04/Zk «по делу, составляющему военное преступление и преступление против человечности, об убийстве не менее чем 21 768 польских граждан в период с 5 марта до более точно не определенного дня 1940 года на территории Союза Советских Социалистических Республик должностными лицами этого государства, действовавшими во исполнение принятого в Москве 5 марта 1940 года постановления Политбюро Всесоюзной Коммунистической партии большевиков»³⁸.

Целью начатого Институтом национальной памяти самостоятельного «польского следствия» по катынскому делу является всестороннее исследование всех его обстоятельств. Предпринятые прокурорами действия сосредоточены главным образом на допросе свидетелей, большинство из которых являются членами семей жертв катынского преступления, проживающими в Польше и за ее границами. К настоящему моменту допрошено 2522 свидетеля. Приоритетным направлением действий является также поиск архивных материалов, связанных с катынским преступлением, которые могут составить доказательную базу и иметь важное значение для следствия. Прокуроры провели розыск в архивах, в том числе в германских и американских, а также в архивах польской эмиграции в Лондоне³⁹.

В сентябре 2009 г. Варшавская окружная комиссия по расследованию преступлений против польского народа обратилась к российской прокуратуре с очередной просьбой оказать правовую помощь в ведущемся следствии. Польские прокуроры просили предоставить им доступ ко всем документам по следствию Главной военной прокуратуры РФ № 159 и сделать с них заверенные копии, а также предоставить доступ к постановлению от 21 сентября 2004 г. о прекращении следствия по делу № 159 о катынском преступлении и сделать с него заверенные копии. Российская прокуратура, однако, своей позиции не изменила.

Несмотря на действия по многим направлениям, предпринятые польскими прокурорами в рамках следствия под номером S 38/04/Zk, не подлежит сомнению, что без доступа к материалам, собранным российской военной прокуратурой, а также без полного доступа к российским архивам всестороннее выяснение обстоятельств катынского преступления будет невозможным. Своеобразному состоянию «холодной войны» по этому вопросу, с которым мы имеем дело уже несколько лет, нужно положить конец. Только сотрудничество обеих прокуратур может — несмотря на различия во взглядах и в правовой оценке катынского преступления — способствовать выяснению всех его обстоятельств и составлению точных списков жертв и виновных, а также мест сокрытия останков.

Прекращение более 10 лет назад сотрудничества между Польшей и Россией в деле выяснения обстоятельств и осуждения катынского преступления приобрело новое звучание после публичного выступления Александра Савенкова, в то время Главного военного прокурора РФ, который 11 марта 2005 г. официально объявил о прекращении следствия по катынскому делу и засекречивании большинства документов, включая само постановление о прекращении следствия. Выступление Савенкова и комментарии, которыми он поделился с общественностью, касавшиеся прежде всего правовой оценки этого злодеяния, вызвали огромный резонанс и волну возмущения как в Польше, так и в России. Одновременно они побудили к активным действиям российское общество «Мемориал» которое еще раньше оказало полякам большую помощь в раскрытии правды о катынском преступлении. Руководимая Александром Гурьяновым польская секция «Мемориала» поставила перед российской военной прокуратурой ряд вопросов, касающихся правовой квалификации этого преступления. 4 апреля того же года «Мемориал» выступил с заявлением «О следствии по “катынскому преступлению” в России»⁴⁰, в котором выразил уверенность в недопустимости прекращения следствия без процессуального определения, чем являлось уничтожение без судебного приговора тысяч польских военнопленных. «Мемориал» добивался также реабилитации всех жертв катынского преступления в соответствии с действующим в России законом «О реабилитации жертв политических репрессий», а также предоставления общественности доступа ко всем материалам следствия по катынскому делу⁴¹. В 2006 г., в период с 25 мая по 2 октября, «Мемориал» направил Главному военному прокурору РФ представления о реабилитации 11 жертв катынского преступления на основании писем, полученных им от семей жертв. В настоящее время члены российского общества «Мемориал», используя все доступные в России юридические средства, ходатайствуют в российских судах о реабилитации этой небольшой группы жертв катынского преступления.

В последние месяцы 2009 г. Главная военная прокуратура РФ в очередной раз отвергла просьбы семей катынских жертв рассекретить материалы следствия и по-смертно реабилитировать расстрелянных НКВД польских офицеров и полицейских. Военная коллегия Верховного суда РФ отклонила все жалобы российских юристов, аргументируя это тем, что нет оснований ни признать офицеров жертвами преступления, так как по Уголовному кодексу 1926 г. катынское злодеяние является обычным преступлением и на него распространяется срок давности, ни ознакомить граждан иностранного государства с засекреченным постановлением прокуратуры. Решение Военной коллегии Верховного суда РФ юристы катынских семей опротестовали в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. В Европейский суд поступили также жалобы еще от 13 лиц, являющихся родственниками жертв злодеяния. Их количество, без сомнения, будет возрастать по мере получения членами семей жертв преступления писем из российской прокуратуры об отказе в их просьбах.

События последних лет поставили на повестку дня несколько существенных проблем, решение которых может способствовать закрытию в польско-российских отношениях катынского дела. Они касаются прежде всего продолжения следствия и правовой квалификации преступления, реабилитации жертв, доступа к ар-

живам и рассекречивания до сих пор неизвестных документов, а также дальнейших поисков мест сокрытия останков жертв преступления и достойного увековечения их памяти.

Некоторые из этих проблем вызывают в обеих странах острую дискуссию, которая часто ведет к обострению двусторонних отношений. Среди многих тысяч членов семей, объединенных в Федерации катынских семей и обществе «Полицейская семья 1939», такая позиция российских властей вызывает удивление и раздражение. Катынские семьи неоднократно доказывали взвешенность своих действий и одновременно открытость и понимание того факта, что жертвами сталинских репрессий были также и русские, и представители других народов Советского Союза. Но российская прокуратура подвергла огромному испытанию терпение людей, которые 70 лет назад потеряли своих близких в результате жестокого убийства. Наблюдая за усилиями семей жертв преступления добиться правды о судьбах своих близких, можно сказать, что и из этого испытания они выйдут с честью.

То, как сильные эмоции сопутствуют напряженным польско-российским отношениям, показывает дискуссия вокруг правовой квалификации преступления. Четкий взгляд на этот вопрос продемонстрировал ИНП в обосновании решения о начале расследования S 38/04/Zk⁴².

Проведя широкий анализ фактов, а также действующих положений польского и международного права, юристы ИНП пришли к выводу, что катынское преступление является военным преступлением и преступлением против человечности и, как таковое, не имеет срока давности. По оценке прокуроров ИНП, «справедливо утверждение, что убийства польских военнопленных и польского гражданского населения, совершенные сотрудниками НКВД, были мотивированы намерением уничтожить часть польской национальной группы. По этим же причинам данные действия соответствуют составу преступления геноцида, определенному в ст. 2 Конвенции о предотвращении геноцида и наказании за это преступление».

Чрезвычайно интересна точка зрения по этому вопросу, представленная координатором польской секции российского «Мемориала» Александром Гурьяновым на страницах журнала «Nowa Europa Wschodnia»⁴³. Высказываясь по поводу принятой российской Главной военной прокуратурой правовой квалификации катынского злодеяния как обычного преступления — злоупотребления властью группой высокопоставленных руководителей НКВД, А. Гурьянов задается вопросом: «Было ли это геноцидом?» и отвечает: «Есть признаки состава преступления, но не бесспорные ... Признание катынского злодеяния военным преступлением и преступлением против человечности более устойчиво к попыткам оспорить это утверждение. Прокуратура не могла бы подвести это дело к сроку давности и оспорить такую квалификацию, как она это делает в случае оценки Катыни как геноцида».

Суть спора заключается в том, как с юридической точки зрения российская прокуратура столь категорично и однозначно квалифицировала катынское преступление. Это означает, что при квалификации его как «злоупотребления властью» к нему применим срок давности, что впоследствии позволяет российской военной прокуратуре и судам отвечать отказом на иски катынских семей о возобновлении прекращенного следствия и реабилитации жертв преступления, что и имеет место уже в течение длительного времени.

Трудно не согласиться с А. Гурьяновым в том, что «катынское дело — это прежде всего наша [России. — А. П.] проблема, и лишь затем — вопрос российско-польских отношений. Нам надо ответить за катынское преступление не для улучшения отношений с Польшей, но прежде всего для нас самих. Конечно, это облегчило бы отношения с Польшей, но катынское дело — это одно из сталинских преступлений, и нам надо ответить за весь период коммунизма».

В атмосфере необычайно эмоциональной дискуссии, вызванной визитом в Польшу 1 сентября 2009 г. председателя Правительства РФ В. Путина и публикацией Службой внешней разведки РФ книги «Секреты польской политики. Сборник документов 1935–1945» под редакцией Л. Ф. Соцкова, Сейм РП 23 сентября 2009 г. принял постановление «По поводу годовщины агрессии Советского Союза против Польши 17 сентября 1939 г.», в котором выразил свое отношение к этой проблеме⁴⁴.

Поиск путей выхода из сложившейся ситуации, а также создания платформы для открытого, содержательного диалога, который смог бы приблизить нас к правде о катынском преступлении и позволил бы освободить нынешние двусторонние отношения от эмоций, вызванных все еще не решенными проблемами прошлого, — все это уже длительное время занимает умы людей, занимающихся восточной проблематикой и желающих установить нормальные отношения между обоими народами и государствами, основанные на исторической правде и взаимном уважении.

Поляки полностью осознают, что народы Советского Союза, миллионы простых граждан — русских, украинцев, белорусов и десятков других национальностей, оказавшихся под гнетом сталинского режима, — стали жертвами многих преступлений, подобных катынскому. Говоря словами одного из польских писателей — узника ГУЛАГа — на «нечеловеческой земле»⁴⁵ были десятки и сотни мест казней как в Катynи, Харькове, Быковне... Наши народы объединяют общие трагедии миллионов семей, которые живут с чувством боли и утраты. Ничто и никогда не сможет это восполнить. Уже хотя бы поэтому катынское преступление должно быть раз и навсегда осуждено политически и морально, в соответствии с правом и чувством элементарной справедливости.

Поляки все еще живут с чувством боли от утраты своих близких. Но позиция властей новой России для многих из них непонятна, она лишь усиливает эту боль. Впечатлительные сердца поляков, не только пораженных «катынским синдромом», продолжает ранить нежелание правительства РФ признать, что катынское преступление явилось следствием решений высших органов государственной власти Советского Союза, и произнести в адрес польского народа слово «простите» за преступление и за 60 лет лжи, культивировавшейся и распространявшейся советскими властями. Не менее болезненным является сохранение грифа секретности на ключевых для дела и для семей жертв преступления документах (или подтверждение их уничтожения); речь идет о протоколах заседаний «тройки», подтверждениях исполнения ее решений (не только в отношении пленных, но и заключенных), учетных делах пленных (особенно личных делах), «белорусском» списке, поименных списках лиц, вывезенных из Старобельска, которые должны были храниться вместе с такими же списками пленных, вывезенных из лагерей в Козельске и Осташкове. До сих пор неизвестны места захоронения останков поляков, фигурирующих в так называемых «украинском» и «белорусском» катынских списках. Вызывает не-

доумение прекращение российской военной прокуратурой следствия и засекречивание как решения об этом, так и значительной части документации. И конечно, самую большую боль причиняет полякам столь категоричная правовая квалификация этого преступления российской военной прокуратурой, не имеющая ничего общего с моралью и справедливостью. Это решение вписывается и в предпринимаемые после 1990 г. историками и публицистами, связанными с правительственными кругами Польской Республики, действия, направленные на сокрытие и фальсификацию правды о катынском убийстве, что является предметом досады и раздражения поляков.

Надежды на выход из тупика в польско-российском диалоге на тему Катыни пробудило возобновление работы так называемой Группы по сложным вопросам. Следовательно, диалог между Польшей и Россией, хоть и трудный, возможен. Он способствует поиску путей выхода из трудных ситуаций, возникших на основе исторического опыта взаимоотношений и лежащих грузом на сегодняшних польско-российских отношениях. Огромным достижением было бы полное выяснение всех обстоятельств катынского преступления, предоставление доступа к до сих пор засекреченным документам и закрытие дел, явившихся следствием этого преступления. Ибо оно тенью лежит на взаимоотношениях Польши и России. Уважение к жертвам этого ужасного злодеяния и к их семьям требует его срочного и окончательного решения.

¹ Катынское преступление было предметом сотен исследований в Польше, России и во многих других странах. Библиография работ по катынскому делу за 1943–2007 гг. см.: *Harz M.* Bibliografia Zbrodni Katyńskiej. Materiały z lat 1943–1993. Wyd. Wojskowy Instytut Historyczny i Centralna Biblioteka Wojskowa. Warszawa, 1993; *Olech U., Pawińska E.* Bibliografia Zbrodni Katyńskiej. Materiały z lat 1993–1999. Wyd. Centralna Biblioteka Wojskowa. Warszawa, 2000; *Kowalska I., Olech U., Pawicka E.* Bibliografia Zbrodni Katyńskiej. Materiały z lat 1999–2004 // *Zeszyty Katyńskie*. Nr 19. Warszawa, 2004; *Kowalska I., Pawińska E.* Bibliografia Zbrodni Katyńskiej. Materiały z lat 2004–2005 // *Zeszyty Katyńskie*. Nr 21. Warszawa, 2006; *Kowalska I., Pawińska E.* Bibliografia Zbrodni Katyńskiej. Materiały z lat 2005–2006 // *Zeszyty Katyńskie*. Nr 22. Warszawa, 2007; *Kowalska I., Pawińska E.* Bibliografia Zbrodni Katyńskiej. Materiały z lat 2006–2007 // *Zeszyty Katyńskie*. Nr 23. Warszawa, 2009.

² Записка от 5 марта 1940 г. Л. П. Берии на имя И. В. Сталина с предложением расстрелять всех польских военнопленных. См.: *Katyń. Dokumenty zbrodni*. Т. 1. *Jeńcy nie wypowiedzianej wojny sierpień 1939 — marzec 1940*. Warszawa, 1995. S. 469–475; см. также: *Dokumenty Katynia. Decyzja*. Wyd. Interpress, Warszawa, 1992. S. 21–27.

³ *Katyń. Dokumenty zbrodni*. Т. 4. *Echa Katynia kwiecień 1943 — marzec 2005*. Warszawa, 2006. S. 454–455.

⁴ Так, например, в 1952 г. в Варшаве вышла книга партийного публициста Болеслава Вуйчицкого «Правда о Катыни». В 1953 г. она издана в расширенном варианте.

⁵ Цит. по: *Gazeta Polska*. 2000. Nr 14.

⁶ Книга записок и указаний Главного управления по контролю за прессой, публикациями и зрелищными мероприятиями, январь 1975. Цит. по: *Kłamstwo Katyńskie. Katalog wystawy 8 kwietnia — 15 maja 2000*. Kraków, 2001.

⁷ См. ссылку 2.

⁸ История и деятельность движения, созданного семьями жертв катынского преступления, широко представлена в альбоме «*Rodziny Katyńskie*», изданном в 2001 г. в Гдыне правлением Федерации катынских семей.

⁹ *Katyń. Dokumenty zbrodni*. Т. 4. S. 504–505.

¹⁰ Эти списки опубликовал Енджей Тухольски в книге: *Mord w Katyniu. Kozielsk — Ostaszków — Starobielsk. Lista ofiar*. Warszawa, 1991.

¹¹ Katyń. Dokumenty zbrodni. T. 4. S. 518, 520; *Pamiętnych A.* Sprawa katyńska w Związku Radzieckim i w Federacji Rosyjskiej // *Zeszyty Katyńskie*. Nr 22. S. 64.

¹² Более подробно о работах по эксгумации, проведенных в Харькове и Медном, см.: *Tucholski J.* Diariusz ekshumacji w Charkowie i Miednoje // *Zbrodnia Katyńska. Droga do prawdy*. Warszawa, 1992. S. 177–247; *Nadolski A., Głosek M.* Archeologiczne aspekty akcji badawczej w Charkowie i w Miednoje 25.VII — 30.VIII.1991 r. // *Tamże*. S. 248–263; *Baran E., Mądro R., Młodziejowski B.* Badania sądowo-lekarskie przeprowadzone w ramach ekshumacji w Charkowie i Miednoje // *Tamże*. S. 264–276.

¹³ Архив Совета ОПБиМ. Протоколы заседаний Катынской чрезвычайной коллегии и Катынской группы при Совете ОПБиМ.

¹⁴ Архив Совета ОПБиМ. Документация работ военных геодезистов в Катыни и Медном, проведенных по поручению Совета ОПБиМ в 1992 г., содержащая отчеты, фотографии и карты мест будущих мемориальных кладбищ.

¹⁵ *Materski W., Woszczyński B.* Edycja źródeł: Katyń. Dokumenty zbrodni // *Archeion*. T. 102. R. 2000. S. 10; см. также: *Woszczyński B.* Współpraca archiwalna z Rosją i Białorusią // *Archeion*. T. 91. R. 1993. S. 255–260; *Woszczyński B.* Wydawnictwa źródeł katyńskich // *Zbrodnia Katyńska. Problem przebaczenia*. Warszawa, 2003. S. 90.

¹⁶ О деятельности Военно-архивной комиссии, в частности, см.: *Bartnik A.* Źródła dotyczące Polaków w byłym ZSRR pozyskane z archiwów rosyjskich. Geneza kolekcji akt przekazanych przez Wojskową Komisję Archiwalną // *Archeion*. T. 102. R. 2000. S. 24–35.

¹⁷ Dokumenty Katynia. Decyzja... S. 8.

¹⁸ *Tamże*. S. 9–10.

¹⁹ Содержимое Папки № 1 опубликовали еще в 1992 г. Яцек Снопкевич и Анджей Закшевский в книге «*Dokumenty Katynia. Decyzja*», wydanej nakładem PAI i Wydawnictwa Interpress, а также Институт политических исследований Польской академии наук под названием: Katyń: dokumenty ludobójstwa: dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r.

²⁰ *Materski W.* Katyń... nasz ból powszedni. Warszawa, 2008. S. 134–137; *Komorowski K., Rawski W.* Anty-Katyń. Jeńcy sowieccy w niewoli polskiej. Fakty i mity. Warszawa, 2006.

²¹ Katyń. Dokumenty zbrodni. T. 4. S. 445–446.

²² Katyń. Dokumenty zbrodni. T. 1. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny sierpień 1939 — marzec 1940. Warszawa, 1995.

²³ Книга Н. Лебедевой вышла также в Польше в 1997 г. в издании Совета ОПБиМ и издательства «Bellona» под названием «Katyń — zbrodnia przeciwko ludzkości».

²⁴ См.: *Dziennik Ustaw*. Nr 112. Poz. 543.

²⁵ Архив Совета ОПБиМ; см. также: *Mądro R., Głosek M., Herzog A., Przewoźnik A.* Przebieg i wyniki ekshumacji przeprowadzonej w obrębie tak zwanej kwatery polskiej na Starym Cmentarzu Miejskim w Starobielsku // *Archiwum Medycyny Sądowej i Kryminologii* R. 1994. T. 44. Nr 3. S. 293 304.

²⁶ *Łojek B., Mikke S., Sawicki Z., Trznadel J.* Muzeum Katyńskie w Warszawie. Warszawa, 2000.

²⁷ Архив Совета ОПБиМ. Копия распоряжения № 23 председателя Совета министров о создании Комиссии по делам увековечения жертв катынского преступления.

²⁸ Архив Совета ОПБиМ. Отчет о работах, проведенных специалистами Совета ОПБиМ в Катыни, Медном и Харькове; документация поисковых работ и работ по эксгумации, проведенных в 1994–1996 гг.

²⁹ Документация и обзор работ, выдвинутых на конкурс на проект катынских кладбищ, были опубликованы в специальном номере журнала «*Arche. Kultura. Twórczość. Krytyka*» (Warszawa, 1997).

³⁰ Архив Совета ОПБиМ. Копия постановления правительства РФ № 1247.

³¹ Процесс увековечения жертв катынского преступления, особенно усилия Совета ОПБиМ и властей РП, связанные с созданием польских военных кладбищ, нашли отражение в многочисленных публикациях. См.: *Adamska J.* Charków 1940–2000 // *Przeszłość i Pamięć*. 2000 / Nr 2 (15). S. 4–24; *Idem.* Katyń — Miednoje 1940–2000 // *Tamże*. 2000. Nr 3(16). S. 4–40; *Przewoźnik A.* Cmentarze w Katyniu, Miednoje i Charkowie — stan, zaawansowanie prac, perspektywy // *Zbrodnia Katyńska*. Nr 6. Warszawa 1995; *Idem.* Polskie cmentarze wojenne w Katyniu, Miednoje i w Charkowie. Zamierzenia, projekty, perspektywy realizacyjne // *Zbrodnia Katyńska*. Ku cmentarzom polskim w Katyniu, Miednoje, Charkowie. Warszawa, 1997. Nr 8; *Idem.* Zaawansowanie prac nad upamiętnieniem ofiar Zbrodni Katyńskiej // *Ziemia Oskarża*. Z prac badawczych i ekshumacyjnych prowadzonych w 1994 roku na cmentarzach oficerów polskich zamordowanych na wschodzie. Warszawa, 1996. S. 7–11, A. Przewoźnik, wstęp do ksiąg cmentarnych Katyń, Charków i Miednoje.

³² Указ президента РП от 3 апреля 2003 г. о награждении орденами опубликован в «*Польском Муниторе*» от 25 августа 2003 г. За выдающиеся заслуги в раскрытии и документальном подтверждении правды о катынском преступлении были, в частности, награждены Александр Яковлев, Рудольф Пихоя, Наталия Лебедева, Валентина Парасаданова, Наталья Дементьева, Олег Закиров, Стефан Родзевич, Анатолий Яблоков, Александр Гурьянов.

³³ *Przewoźnik A.* Katyń w Bykowni. Wciąż nie znamy miejsca pochówku prawie 4 tysięcy ofiar Zbrodni Katyńskiej // *Wprost*. Nr 28; 27 VIII 2006; *Amons A., Klucz do prawdy leży w Moskwie* // *Gazeta Wyborcza*. Nr 188 (5195). 12–13.VIII 2006.

³⁴ *Śnieżko S.* Zabiegi o wszczęcie śledztwa w sprawie kатыńskiej oraz prac ekshumacyjnych w Charkowie i Miednoje // *Zbrodnia kатыńska. Droga do prawdy*. Warszawa, 1992. S. 164.

³⁵ *Piątkowski J.* Dotyk Zbrodni. Katyń. Warszawa, 2001.

³⁶ Позиция председателя ИМП по катынскому делу (от 6 апреля 2001 г.). См.: *Zbrodnia Katyńska. Pytania pozostałe bez odpowiedzi* // *Zeszyty Katyńskie*. Nr 15. Warszawa, 2002. S. 41–45.

³⁷ *Kulesza W.* Informacja o czynnościach podjętych w ostatnim czasie w sprawie zbrodni kатыńskiej // *Tamże*. S. 49–50.

³⁸ Postanowienie o wszczęciu śledztwa kатыńskiego w Polsce. *Zbrodnia Katyńska. Polskie śledztwo* // *Zeszyty Katyńskie*. Nr 20. Warszawa, 2005. S. 9–47; *Kuźniar-Plota M.* Informacja o stanie śledztwa w sprawie zbrodni kатыńskiej // *Tamże*. S. 48–57.

³⁹ Informacja o przeprowadzonych w toku śledztwa S 38/04/Zk czynnościach śledczych przekazana przy piśmie Zastępcy Prokuratora Generalnego — Dyrektora Głównej Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu Dariusza Gabrela do Sekretarza Rady OPWiM A. Przewoźnika w dniu 13 listopada 2009 г. // *Archiwum Rady OPWiM*.

⁴⁰ *Gurianow A.* Działania Stowarzyszenia «Memoriał» w związku ze sprawą kатыńską // *Zbrodnia Katyńska. W oczach współczesnych Rosjan*. Warszawa, 2007. S. 23.

⁴¹ Полный текст заявления «Мемориала» и переписка с Главной военной прокуратурой размещены на интернет-странице Общества «Мемориал».

⁴² *Zbrodnia Katyńska — stanowisko IPN-GKŚZpNP w ramach prowadzonego śledztwa o sygnaturze S 38/04/Zk*.

⁴³ *Katyń, wewnętrzny problem Rosji. С Александром Гурьяновым, деятелем Общества «Мемориал», беседует Томаш Кулаковски* // *Nowa Europa Wschodnia*. 2010. Nr 1 (IX). S. 79–83.

⁴⁴ В принятом Сеймом РП постановлении «По поводу годовщины агрессии Советского Союза против Польши 17 сентября 1939 г.» говорится: «17 сентября 1939 г. войска СССР без объявления войны совершили агрессию против территории Республики Польша, поправ ее суверенитет и нарушив принципы международного права. Основания для вторжения Красной армии дал пакт Риббентропа—Молотова, заключенный 23 августа 1939 г. между СССР и гитлеровской Германией. Таким образом, был произведен IV раздел Польши. Польша пала жертвой двух тоталитарных режимов: нацизма и коммунизма. Вторжение Красной армии открыло очередную трагическую страницу в истории Польши и всей Центрально-Восточной Европы. Длинный список преступлений и несчастий, которые обрушились на восточные территории II Речи Посполитой и на польских граждан, которые там оказались. В этом списке и военное преступление — расстрел органами НКВД более 20 тысяч безоружных пленных, польских офицеров, выселение сотен тысяч граждан Республики Польша, их помещение в нечеловеческие условия лагерей и тюрем, принуждение к рабскому труду. Эти советские преступления положили начало целому ряду актов насилия, составляющих трагедию Голгофы Востока. Судьбу Польши разделили многие другие народы Центрально-Восточной Европы. Утратили свой суверенитет Литва, Латвия и Эстония, угроза нависла над территориальной целостностью и суверенитетом Финляндии и Румынии. Архипелаг Гулаг поглотил жизни миллионов людей всех народов этого региона, в том числе и граждан СССР. Организация системы, ее долговременный характер и масштабы придали этим преступлениям, в том числе и катынскому, признаки геноцида. Сейм Республики Польша занимает позицию, что польско-российское примирение требует уважения исторической правды. Ее нельзя замалчивать и ею манипулировать. Сейм Республики Польша осуждает все попытки фальсификации истории и призывает всех людей доброй воли в Российской Федерации к общим солидарным действиям во имя раскрытия и осуждения преступлений сталинского периода. Маршал Сейма /-/ Бронислав Коморовски».

⁴⁵ *Czapski J.* *Na nieludzkiej ziemi*. Paris, 1949.

6

ВОЕННОЕ ВРЕМЯ. 1941–1945

В. С. Парсаданова (Россия)

В. Матерский (Польша)

Нападение Германии на СССР в корне изменило расстановку сил на международной арене. 22 июня 1941 г. Великобритания и США публично поддержали СССР в его борьбе против Германии. Это оказало влияние на позицию премьер-министра польского правительства В. Сикорского, который 23 июня последовал их примеру, сделав заявление о возможности возобновления отношений с СССР. Он обусловил это признанием польско-советской границы по состоянию на 1 сентября 1939 г.

Советская сторона в лице посла в Лондоне И. М. Майского изъявляла готовность восстановить отношения между двумя странами, подписать соглашение о взаимодействии в борьбе с Германией, но оперировала тезисом о консолидации всего польского народа в «границах национальной Польши» или определении межгосударственного разграничения по этническому принципу. В ходе двусторонних переговоров при участии А. Идена выяснилось, что стороны готовы согласовать позиции по текущим вопросам, касающимся практической организации военного сотрудничества в войне против Германии, но при этом подтвердилась неготовность решить вопрос о послевоенной советско-польской границе. Поэтому подписанное 30 июля Соглашение о восстановлении отношений и взаимодействии в войне носило компромиссный характер.

Суть достигнутого компромисса состояла в том, что решение вопроса о границе откладывалось до «лучших времен». Об этом свидетельствовала статья 1 Соглашения, где речь шла о признании правительством СССР утратившими силу советско-германские договоры 1939 г. в части, касающейся «территориальных перемен в Польше». Как показало будущее, стороны толковали этот текст каждая по-своему и в своих интересах. Сталин не усматривал в нем признания Советским Союзом границы, существовавшей на 1 сентября 1939 г. Такого признания статья действительно не содержала. Сикорский, вполне логично «прочитывал» формулировку «договоры ... утратили силу» как отказ Москвы от территориальных приобретений осенью 1939 г., хотя вербальных «защепок» для такого толкования в статье не было. Тем не менее зафиксированная в Соглашении формула на тот период, несомнен-

но, устраивала обе стороны. Москва, понимая зависимость довоенной советско-польской границы от исхода войны, уходила от заблаговременного ее признания, ничем не рискуя. Напротив, она «облегчала» свои отношения с великими державами, прямыми союзниками Польши. Кроме того, при желании партнеров статья 1 не могла служить препятствием для организации двустороннего сотрудничества, что было особенно важно для польского правительства, представители которого получали доступ на советскую территорию и возможности контакта с соотечественниками на этой территории, организации им помощи. В соответствии с советскими данными численность бывших польских граждан, находившихся в глубоком советском тылу, составляла около 400 тыс. человек¹.

Важнейшим положением Соглашения от 30 июля 1941 г., развитым и закрепленным совместными документами — военной конвенцией от 16 августа 1941 г. и Декларацией от 4 декабря 1941 г., было обязательство сторон создать на территории СССР Польскую армию. В ее существовании были заинтересованы как советское, так и польское правительство, хотя причины заинтересованности заметно отличались.

В. Сикорский рассматривал создание большой Польской армии в СССР как обретение правительством реальной военно-политической силы, которая придаст Польше вес на международной арене и значимость в его отношениях с союзниками по формирующейся антигитлеровской коалиции. Несомненно, принималось во внимание и то, что на заключительном этапе войны присутствие этой армии в стране станет гарантией возвращения правительства из Лондона в Польшу.

Советская сторона на начальном этапе позитивных изменений в отношениях с западным соседом подходила к вопросу создания армии как к выполнению своих обязательств перед новым союзником. Это был политический аспект проблемы. Была и потребность, особенно острая в 1941 — начале 1942 г., в получении дополнительных воинских частей, участвующих в боях на советско-германском фронте. В Соглашении специально оговаривалось: «Польские армейские части будут двинуты на фронт по достижении полной боевой готовности. Они будут выступать, как правило, соединениями не менее дивизии и будут использованы в соответствии с оперативными планами Верховного командования СССР». Были достигнуты договоренности о численности (30 тыс. чел.) и национальном характере армии, об обеспечении ее вооружением советской и английской сторонами и боевой готовности к 1 октября 1941 г., а также по ряду других вопросов.

Следует подчеркнуть, что сразу же возникли разногласия в интерпретации сторонами своих обязательств, которые не соотносились как по объективным возможностям, так и по намерениям сторон. Возникли трудности с офицерским корпусом и вооружением Польской армии. Недостаток по офицерскому штатному расписанию заполнялся офицерами, прибывшими из Англии, и подготовкой собственных кадров. С вооружением дело обстояло сложнее. На 25 октября 1941 г. в армии числилось 41,5 тыс. военнослужащих.

Сталин удовлетворил просьбу генерала В. Андерса о создании новых дивизий сверх предусмотренных Соглашением, сделав оговорку, что единственным препятствием может стать нехватка вооружения в самой Красной армии. Это было правдой. За труднейшие месяцы войны, с июня по декабрь 1941 г., Красная армия потеряла более 3 млн бойцов, 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ,

10 тыс. самолетов². Эвакуированные на восток предприятия еще не вступили в строй. Вооружения остро не хватало для воюющих частей, и Сталин 8 сентября 1941 г. уведомил польского посла, что в силу этого нет возможности полностью выполнить обязательства по Соглашению: СССР может оснастить только одну польскую дивизию. (Вскоре изыскали возможность вооружить и вторую.) Добавим, что западные союзники, согласившись вооружать поляков, тем не менее в течение года не направили ни одного транспорта с вооружением для Польской армии в СССР. Так, вопрос о вооружении из организационной проблемы все больше превращался в политические разногласия и был использован польской стороной для обоснования ее решения о выводе армии из СССР.

Трудности с вооружением Польской армии не были единственной причиной осложнений во взаимодействии сторон. Наиболее остро стоял вопрос о том, кого считать польским гражданином, обязанным вступить в Польскую армию и призываться через смешанные советско-польские пункты призыва или через советские военкоматы. Польское правительство считало указ Президиума Верховного совета СССР 1939 г. о наделении советским гражданством всех жителей Западной Украины и Западной Белоруссии неправовым актом, который ограничивал возможную численность призывного контингента.

Остроту проблемы сняло сделанное в декабре 1941 г. советским правительством изъятие из указа о гражданстве, что позволило беспрепятственно зачислять в Польскую армию всех поляков по национальности, проживавших некогда в Западной Украине и Западной Белоруссии. В армию вступили люди разных политических ориентаций: освобожденные из советских лагерей и ссылок организаторы и участники подпольного Союза вооруженной борьбы, представители довоенных правых и левых политических партий. Под польскими знаменами собирались противники и сторонники Сикорского, народные учителя, людовцы, социалисты, коммунисты. Это формировало непростой внутренний климат в войсках, но ее солдат спланивал патриотизм, стремление к борьбе за освобождение и восстановление польской государственности.

Расширение возможностей призыва поляков в Польскую армию, которое последовало в декабре 1941 г., можно считать уступкой советской стороны, сделанной под давлением ряда обстоятельств. Возможно, сыграло свою роль полученное в конце октября 1941 г. из Лондона известие от Сикорского о намерении вывести формирующуюся Польскую армию в Иран, а не на советско-германский фронт. Такое развитие ситуации в момент, когда советское командование считало каждого солдата на фронте, вряд ли совпадало с расчетами Сталина, и он, по-видимому, хотел если не исключить, то отложить вывод армии Андерса, заинтересовав Польшу расширением призыва в Польскую армию. Как показали переговоры с В. Сикорским, состоявшиеся в Москве в начале декабря 1941 г., Сталину это временно удалось³.

Премьер-министр Польши был принят Сталиным 3 декабря. Беседа, временами острая по форме, сконцентрировалась по инициативе польской стороны на обсуждении положения поляков в СССР и вопроса о Польской армии. Несмотря на тяжелейшую экономическую ситуацию в стране, Сталин согласился улучшить положение польского гражданского населения и предоставить Польшу на эти цели

заем в 100 млн руб., но остро отреагировал на заявление Сикорского о его намерении вывести армию в Иран: «Обойдемся без вас. Можем всех отдать, сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим». Одновременно он сделал важные замечания: после войны Польша получит границы по Одру, а Польская армия завоеует право первой войти в освобожденную Варшаву; ему, Сталину, безразлично, каким будет внутреннее устройство Польши, лишь бы было дружественное СССР правительство. (Эту линию советский лидер «тянул» вплоть до создания ПКНО.) Совместное участие советских и польских войск в борьбе против гитлеровцев на советско-германском фронте, по его мнению, важно не столько с военной, сколько с политической точки зрения, как фактор улучшения отношений двух стран⁴.

Сикорский, вопреки обещанию, данному им премьер-министру Великобритании У. Черчиллю, согласился оставить армию в СССР, получил на ее дальнейшее развитие заем в 300 млн руб. и снял с обсуждения вопрос о границе и союзе, хотя обещал к ним вернуться. Сталин затронул территориальные проблемы и, в частности, говорил о возможной принадлежности Львова Польше⁵.

Вариант некоторых территориальных предложений Польше рассматривался тогда советским руководством. Это подтверждается документом, который был вручен министру иностранных дел Великобритании А. Идену во время его визита тогда же, в декабре 1941 г., в Москву. Заинтересованное в совместных военных действиях польских и советских дивизий на Восточном фронте, советское руководство, по словам В. М. Молотова, видело возможность «полюбовного и на основе взаимности решения» вопроса о советско-польской границе при одновременном расширении территории Польши за счет Германии⁶.

Но вернемся к переговорам Сикорского в Москве. Он покидал советскую столицу убежденным, что «с СССР надо заключить длительный союз на антигерманской основе и навсегда покончить с довоенной санационной политикой лавирования между двумя врагами и авантюрами в отношении СССР типа похода 1920 г. на Киев, ...прокладывая дорогу в будущее, сглаживая отношения между нами». Это, полагал генерал, нейтрализует расчеты польских коммунистов, ожидающих освобождения с Востока. Тем не менее Сикорский считал, что не следует пускать СССР в Европу: «Польско-российская граница должна остаться тем, чем она была на протяжении веков, а именно границей западно-христианской цивилизации». Польский премьер сделал оказавшийся поспешным вывод о том, что «слабенькая группка Ванды Василевской» не имеет поддержки польской эмиграции в СССР, коммунистический строй «совершенно не устраивает поляков».

Оценивая сегодня факт вывода Польской армии из СССР, следует, пожалуй, признать его самой крупной ошибкой польского правительства в годы войны, ошибкой, которая была вскоре осознана. В конце февраля 1943 г., сразу после Сталинградской битвы, польский посол в Москве Т. Ромер на встрече со Сталиным предложил вернуть армию в СССР, но это не было принято советской стороной⁷.

Тогда же СССР восстановил прежнее положение с гражданством (правда, при формировании в 1943 г. польских частей под патронатом Союза польских патриотов метаморфоза с гражданством произошла в четвертый, на сей раз в последний раз), была ликвидирована система представительств польского посольства. Вскоре, в апреле 1943 г., последовал перерыв Москвой отношений с польским прави-

тельством. Повод и история разрыва подробно исследованы в польской и российской науке. Нацисты попытались использовать нарастающее напряжение в отношениях советского и польского правительств для взрыва антигитлеровской коалиции изнутри. 13 апреля 1943 г. они опубликовали информацию об обнаружении под Смоленском трупов расстрелянных польских офицеров и указали дату и исполнителей этого преступления — 1940 г., НКВД СССР. Москва оказалась в уязвимом положении. Она нашла выход в объявлении виновниками трагедии гитлеровцев и предложила польской стороне сделать соответствующее заявление. Пропагандистские кампании в печати: мощная обвинительная антисоветская — в польских газетах в Лондоне и острая, направленная против действий польского правительства на советском направлении — в Москве, создавали ситуацию крайнего напряжения в отношениях двух стран. Никакие усилия главной польской союзницы — Англии — «утихомирить» поляков и тем самым предотвратить резкие действия СССР, не допустив осложнений в отношениях лидеров коалиции, не возымели успеха. Обращение польской стороны 17 апреля в Международный комитет Красного Креста с просьбой направить под Смоленск специальную комиссию для расследования обернулось «ловушкой», так как оно состоялось одновременно с подобным обращением Германии. Ситуация выглядела как польско-германское взаимодействие с антисоветскими целями, поскольку обращение поляков к Москве с требованием «предоставить подробные и точные данные о судьбе военнопленных и гражданских лиц» состоялось только 20 апреля. Это трехдневное «молчание» правительства Сикорского было представлено советским руководством как достаточное основание для принятия решения о «перерыве отношений с этим правительством»⁸.

Сегодня в науке не имеется расхождений в оценках комплекса сюжетов, связанных с разрывом советско-польских отношений, прежде всего проблемы катынского преступления. Однако можно констатировать, что доведение ситуации сторонами до разрыва отношений повлекло за собой последствия, негативные для правительства Польши.

4 мая 1943 г. Сталин жестко заявил Черчиллю, что нынешнее польское правительство не имеет шансов «вернуться в Польшу и стать у власти», и приблизительно тогда же принял решение предоставить возможность формировать польские воинские части другим политическим силам на территории СССР. Сикорский, опытный генерал, дальновидный, умный и прагматичный политик, понимая разрушительные последствия разрыва отношений, полагал, что Польша неминуемо войдет в сферу операций советских войск, и выражал надежду, что разрыв отношений будет временным явлением. Некоторые действия и заявления премьера можно расценивать как сигналы к восстановлению взаимодействия уже в 1943 г. Так, он дал согласие на переговоры своих представителей в Польше и командования Армии Крайовой с деятелями Польской рабочей партии (ППР). Коммунисты со своей стороны намеревались предоставить Сикорскому пост премьер-министра в правительстве Польши, освобожденной Красной армией. Находясь с инспекционной поездкой в польских войсках в Северной Африке, он, возможно, реагируя на слова Сталина, сказанные в мае 1943 г., о желании строить отношения с Польшей на добрососедской основе и взаимном уважении, считал, что отношение СССР к Польше не изменилось, и публично заявил, что следующим будет его визит в Москву. По

словам польского журналиста К. Прушинского, Сикорский в Каире 2 июля признавал необходимость смириться с изменением восточных границ Польши и совершить конструктивный поворот в двусторонних отношениях⁹.

Оставляя «за скобками» причины гибели генерала 4 июля 1943 г. (их выяснение до сих пор продолжается), следует признать, что в польском правительстве не было столь же авторитетного и вдумчивого политика, который умел смягчить нагроможденные противоречия в отношениях с Советским Союзом. После гибели Сикорского противоречия переросли в острые и открытые конфликты с СССР в эпоху, когда решались судьбы страны. Правительство в эмиграции и подчиненное ему подполье все более переходили под контроль правых, консервативных и явно антисоветских сил. Это происходило тогда, когда Красная армия приближалась и в январе 1944 г. перешла советско-польскую границу 1921 г., когда вставал вопрос, какая польская гражданская администрация станет ее партнером в период прохождения воинских частей через Польшу.

Западные союзники неудачно пытались принудить С. Миколайчика, нового премьер-министра Польши, уступив СССР, восстановить отношения и стать его партнером. «Пустоту» в отношениях двух стран должен был кто-то заполнить. Этим «кто-то» для советского руководства могли стать и стали коммунисты.

В Польше таковым партнером была Польская рабочая партия (ППР). В новых военных и политических условиях она создавалась организационно-политическими усилиями и по мандату руководства Исполкома Коминтерна (ИККИ) и в январе 1942 г. заявила о своем существовании¹⁰. Основой ее являлись действовавшие в подполье разрозненные левые и коммунистические группы. ППР формально не была членом Коминтерна: его решение о роспуске компартии Польши (1938 г.) еще не было отменено. Партия заявила себя как самостоятельная национальная рабочая партия и часть мирового коммунистического движения. В соответствии с этим она провозглашала, что «полное национальное освобождение» возможно только тогда, когда оно идет вместе с социальным освобождением. Борьба за новую Польшу должна проходить поэтапно. Сначала надо «повести за собой трудящиеся массы на нынешнем этапе исторической национально-освободительной борьбы», затем развернуть борьбу за собственно новую Польшу. При этом ППР приняла изменение тактики Коминтерна после нападения Германии на СССР, состоявшее в отказе от ориентации компартий на классовое противостояние как принципа их внутренней политики в борьбе за власть и консолидации усилий каждого народа в противостоянии фашизму и организации сопротивления оккупантам. Она показала себя, особенно после прихода к руководству партией В. Гомулки (ноябрь 1943 г.), организацией, имеющей собственное политическое лицо, собственные инициативы, точно реагирующей на изменения обстановки в стране и расстановку политических сил. ППР являлась наглядным примером того, что компартии стали самостоятельными, что руководство ими в усложнившихся условиях мировой войны из одного центра было невозможно и политически нецелесообразно.

В мае 1943 г. ИККИ принял постановление о роспуске Коммунистического Интернационала. Все компартии одобрили это решение. Организационная форма Коминтерна себя изжила, стала помехой для развития национальных партий и учета ими национальных особенностей. Нельзя было допустить, чтобы пресловутая «рука

Москвы» мешала зарождению внутренних и международных связей, в том числе межсоюзнических отношений в антигитлеровской коалиции. Риторика Коминтерна и его курс на мировую революцию не соответствовали новому миру, выраставшему из войны. У автора нет документальных подтверждений, но из многочисленных записей бесед Сталина следует, что глава советских коммунистов доказывал зарубежным собеседникам, что СССР не имеет намерений устраивать революции в сопредельных странах. На этом пути виделась возможность вывести компартии Восточной Европы с периферии общественно-политической жизни и превратить их в участников процесса оформления послевоенного внутреннего устройства в интересах «широких масс трудящихся». Возможно, имелось в виду, распустив Коминтерн, освободиться от закрепившегося в общественном сознании европейцев одиозного образа организации, угрожавшей разрушить демократические общественные устои.

Польская рабочая партия вела курс на объединение всех антифашистских сил в национальном фронте, пытаясь создавать его как «снизу», так и «сверху». С огорками по вопросу советско-польской границы ППР заявила о поддержке правительства Сикорского и о желании достичь соглашения с подчиненным ему подпольем. Но это направление оказалось безрезультатным в силу разных причин: большинство поляков поддерживало курс правительства, в том числе и в противостоянии СССР по вопросу о границе. Вместо объединения произошло резкое политическое размежевание, вплоть до вооруженных столкновений между леворадикальными силами, группировавшимися вокруг ППР, с одной стороны, и правительственным подпольем — с другой. Кроме того, облик и цели ППР по-прежнему идентифицировались с Коминтерном времен тактики мировой революции, массовых репрессий, коллективизации в СССР. В итоге партия изменила политический курс, призвав демократические силы к объединению в национально-демократическом фронте, создала на рубеже 1943–1944 гг. свой подпольный «парламент» — Крайову Раду Народову и органы местной власти, развернула партизанскую войну. К моменту вступления Красной армии в Польшу ППР и КРН имели немалые вооруженные силы — Армию Людову.

Правительственное подполье было подготовлено к взятию власти в стране. Оно располагало организованной вертикалью политической и государственной администрации — «подпольным государством» и военными структурами, прежде всего массовой общенациональной Армией Крайовой. В ее составе действовали партизанские отряды, ориентированные командованием по-разному: в октябре 1943 г. рекомендовали «уклоняться от конфликтов с советскими войсками, ...налаживать сотрудничество... в случае возобновления польско-советских отношений»; в январе 1944 г указывали, что «советские войска на территории Польши должны считаться вражескими»¹¹. Разрыв отношений СССР с польским правительством предельно ограничил его возможности поддерживать «подпольное государство» дипломатическими инструментами, отстаивая свою интерпретацию национально-государственных интересов Польши.

Столкновение этих двух претендентов на власть, неравноценных по влиянию в обществе и расхордившихся в понимании интересов Польши — вместе с Советским Союзом (ППР) или вопреки ему (правительство и «подпольное государство»), становилось неизбежным.

Успехи советских войск меняли международную военно-политическую и стратегическую расстановку сил в Европе в пользу СССР, обозначая перспективу освобождения страны советскими войсками. Это активизировало польскую, в первую очередь коммунистическую, эмиграцию в Советском Союзе, которая в 1943 г. начала деятельность с создания патриотической общественной организации — Союза польских патриотов (СПП). Благодаря поддержке советского руководства СПП превратился в массовую организацию, влиятельную среди польского населения в СССР, и получил широкие возможности для развертывания военной деятельности.

В соответствии с постановлением ГКО № 3294 от 6 мая 1943 г. формирование польской первой стрелковой дивизии имени Тадеуша Костюшко происходило с 15 мая по 5 июня 1943 г. в Селецких лагерях на р. Оке под Рязанью. Дивизии были приданы дополнительные средства усиления — истребительный противотанковый дивизион 45-мм пушек, танковый полк, дивизион 120-мм минометов и рота противотанковых ружей.

В середине августа 1943 г. председатель СПП в СССР В. Василевская и командир дивизии З. Берлинг обратились к Сталину с просьбой отправить дивизию на фронт 1 сентября, в годовщину нападения гитлеровской Германии на Польшу. В связи с этим была проведена проверка боеготовности дивизии. В акте о результатах проверки указывалось, что численность дивизии соответствует штату, но значительен недобор командных кадров: 892 офицера вместо 1093 человек и 2082 унтер-офицера вместо 3258, как полагалось по штату. Материальная часть и обеспечение транспортом были признаны соответствующими норме. Правда, отмечалось, что программа боевой подготовки «усвоена посредственно». Общий вывод проверяющих был таков: дивизия «для выполнения боевых задач готова»¹². В ночь с 31 августа на 1 сентября 1943 г. дивизия погрузилась в железнодорожные эшелоны и отбыла в резерв Западного фронта. Она вошла в состав 33-й армии и была расквартирована в районе Красное, западнее Смоленска, где продолжала боевую подготовку. К 9 октября по приказу командующего 33-й армией генерал-лейтенанта В. Н. Гордова дивизия была передислоцирована в район восточнее местечка Ленино Могилевской области (Белоруссия). Туда же последовал и 1-й танковый полк.

33-я армия входила в состав ударной группировки (10-я гвардейская, 21-я и 33-я армии) Западного фронта, которая с рубежа Ляды—Ленино—Дрибен имела задачей наступать направлением на Горки и разгромить немецко-фашистские войска в районе Орши. Армия находилась на самом прямом, самом коротком и самом трудном минско-варшавско-берлинском направлении. Этими боями должно было начаться освобождение Белоруссии.

Соединениям 33-й армии предстояло действовать на местности, трудной для наступления, особенно для танков. Серьезным препятствием была река Мерея, хотя и неширокая, но с илистым дном и заболоченной поймой. Левый ее берег был значительно выше правого, что облегчало противнику наблюдение и установление системы огня против наступающих частей РККА.

Свой первый бой солдаты и офицеры дивизии имени Т. Костюшко дали 12–13 октября 1943 г. Перед дивизией была поставлена задача, форсировав р. Мерею, прорвать оборону противника на участке дивизии. Польские саперы при поддержке советских артиллеристов и саперов соседних частей Красной армии в течение ночи

с 11 на 12 октября навели мосты для переправы пехоты, танков и артиллерии. На рассвете 12 октября при густом тумане была проведена разведка боем обороны противника. В 10.30 соединения 33-й армии, следуя за огненным валом артиллерии, перешли в наступление. Части 1-й польской дивизии, форсировав Мерею, ворвались в траншеи противника. В течение двух дней продолжались упорные кровопролитные бои. Бойцы дивизии во взаимодействии с советскими воинами прорвали оборону гитлеровцев на значительную глубину западнее Ленино и, неся большие потери, смогли удержать захваченные рубежи.

14 октября дивизия была выведена с передовой в тыл армии и расквартирована в районе Николенок, в 15 км восточнее Ленино. Генерал Берлинг посчитал, что «польские части хорошо восприняли опыт боевых действий Красной армии и в первых же сражениях с немецкими захватчиками показали высокую выучку»¹³. Впоследствии дивизия действовала в составе 1-го Белорусского фронта под командованием К. К. Рокоссовского.

Отмечая героизм польских солдат в бою под Ленино, приходится констатировать высокие людские потери дивизии. Сказались «необстрелянность» и отсутствие боевого опыта у личного состава дивизии, суровый характер боев на советско-германском фронте, ожесточенность сопротивления вермахта, стремившегося после сокрушительных поражений под Сталинградом и на Курской дуге перехватить инициативу у Красной армии. Несомненно, было и то обстоятельство, что появление польской дивизии в составе советских армий должно было получить большой международный политический резонанс, в том числе в оккупированной Польше и в самой Германии.

Гитлеровское командование осознавало значимость прорыва на Оршу и факта участия в боевых действиях поляков, шедших освобождать Польшу по самому короткому и самому трудному пути. Из Берлина последовал приказ любой ценой сорвать наступление. Были подтянуты подкрепления, пехота, танки, артиллерия. Прилагались особые усилия, чтобы сломить волю и желание польских солдат сражаться на Восточном фронте вместе с красноармейцами. В самой Польше была организована пропагандистская кампания по фальсификации событий под Ленино и дискредитации советских соединений и конкретно бойцов под командованием генерала Берлинга, подхваченная польской реакцией. К сожалению, отголоски этой кампании не утихают до сего дня. Солдатам, с боями донесшим польские знамена до Варшавы и Берлина, противопоставляют захват монастыря в далекой от Польши Италии — почти единственную боевую заслугу частей под командованием генерала Андерса, дошедших только до Болоньи.

Дивизия имени Т. Костюшко вскоре выросла в Польский корпус. К Западному Бугу летом 1944 г. подходила уже 1-я Польская армия, усиленная советскими офицерами и подготовленными в советских училищах польскими командирами. Вскоре в нее влились партизанские отряды созданной польскими коммунистами Армии Людовой, Так возникло Войско Польское — вооруженная сила Народной Польши. В конце 1944 г. оно насчитывало 285 тыс. солдат и офицеров; из них 182 тыс. сражались на фронте¹⁴. На содержание польских воинских подразделений с начала их формирования и до 1 января 1945 г. Советский Союз потратил 723,3 млн руб. из бюджета страны¹⁵.

Но попытки руководства СПП создать в Москве политическое представительство, альтернативное правительству в Лондоне, Сталин не поддерживал в отличие от учреждения коммунистами-эмигрантами Центрального бюро польских коммунистов¹⁶. Исследователи расходятся в ответах на вопрос, какую конкретно роль отводил Сталин этим структурам, и нередко склоняются к объяснению его действий созданием некоего запасного политического «аэродрома» из-за недоверия к ППР и ее руководству. Возможно, недоверие существовало, но со времени прибытия делегации КРН в Москву, ее переговоров со Сталиным в мае — июне 1944 г. можно уверенно считать, что ставка была сделана в первую очередь на внутренние коммунистические силы, хотя и «разбавленные» московскими эмигрантами. Известный историком политический донос Б. Берута, председателя КРН, содержащий «компромат» на В. Гомулку, в Москве не сыграл в 1944 г. той роли, на которую рассчитывал его автор, и получил резолюцию «в архив». Сталин не допустил кланового столкновения в польской коммунистической среде.

Важнейшей причиной «осторожной» тактики Сталина в отношении намерений польских коммунистов были серьезные разногласия с союзниками по польскому вопросу, с решением которого Москва связывала обеспечение своих национально-государственных интересов. Для советского лидера, думается, главным тогда было предупреждать возникновение возможных острых «углов» в отношениях с союзниками и придерживаться в странах своей будущей сферы влияния компромиссных политических образований по типу самой антигитлеровской коалиции. Применительно к Польше, без сомнения, учитывался авторитет польского правительства среди населения Польши (отсюда встреча с О. Ланге 17 мая 1944 г. и неоднократные согласия Сталина на переговоры с Миколайчиком в мае—июне и октября 1944 г.).

По сути дела, советская позиция в главном (интересы собственной безопасности после войны) оставалась неизменной в течение всей войны. Ее точно определил А. Иден, вспоминая переговоры в Москве в конце 1941 г.: «Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимально границы будущей безопасности России»¹⁷. Решением этой задачи руководствовался Сталин на всех своих встречах с главами великих держав.

Цель западных союзников, не сумевших предотвратить разрыв советско-польских отношений, состояла в том, чтобы, идя навстречу требованиям Сталина в ущерб позиции своей верной союзницы — Польши, добиться от Сталина согласия на восстановление отношений с польским правительством в Лондоне. Это отчетливо проявилось на встрече министров иностранных дел осенью 1943 г. в Москве и на конференции глав великих держав в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г.

Между этими событиями А. Иден рекомендовал английскому кабинету ради восстановления отношений СССР и Польши признать межгосударственную границу 1941 г., компенсировать Польше ее территориальные потери границей на Одере, удовлетворить требования Сталина и ограничить поставки оружия «польскому подпольному сопротивлению», так как, по словам Молотова, «в ненадежных руках оно едва ли принесет пользу». На встрече в Тегеране Черчилль продемонстрировал эту позицию с помощью известных «трех спичек». Сталин, соглашаясь, подчеркивал, что «украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белорус-

сии». В ходе переговоров была принята формулировка Черчилля, что «очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией р. Одер». Не вызывал разногласий и вопрос о переселении немцев с передаваемых Польше территорий в пределы послевоенной Германии. Реагируя на проблему отношений с польским правительством, Сталин занял осторожную и одновременно твердую позицию. Он заявил, что готов начать переговоры о восстановлении отношений, но только в случае изменения состава кабинета и получения гарантий «в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься устройством каких-либо махинаций»¹⁸.

Сталин имел в виду приказ командования АК об уничтожении «бандитских отрядов», под которыми понимались партизанские отряды ППР. Документ имелся в распоряжении Москвы и был предъявлен союзникам.

Таким образом, союзники Польши шли навстречу требованиям Сталина. Строго говоря, они и не пытались твердо отстаивать польские интересы, так как уже видели в Красной армии ту силу, которая способна самостоятельно разгромить Германию на континенте. Союзники, прежде всего Черчилль, стремились «работать» не в ущерб, а в пользу в первую очередь своим собственным интересам. После 1 сентября 1939 г. польская союзница была вторично предана Великобританией. Те меморандумы, заявления, письма, которые получал от лидеров союзников Сталин, после пересечения советскими войсками границы 1921 г. были во многом уже не чем иным, как обозначением деятельности при понимании невозможности изменить ситуацию в пользу польского правительства. Понимал это и С. Миколайчик. 17 марта 1944 г. он информировал свое представительство в «подпольном государстве» следующим образом: «Во всей польско-советской полемике последних недель правительству нужно было так политически разыграть спор, чтобы ответственность за невозможность его разрешить и даже за его обострение легла не на Польшу, а на Советы... Стояли и стоим на том, чтобы по вопросу восточной границы ничего плохого не предопределять [nieprzesądzenia niczego ujemnego w sprawie...]. Наша тактическая цель — избежать изоляции Польши, обнажить злую волю Советов, их полную ответственность за конфликт и их далеко идущие планы, несомненно, достигнута, если иметь в виду преобладающую часть англосаксонского общественного мнения. ...Должен вас ясно предупредить, что наши союзники не имеют намерения входить в вооруженную коллизию с Советами, а наоборот, решительно за сотрудничество с ними после войны и учет их потребностей»¹⁹. Яснее не скажешь.

Позиция Сталина весной 1944 г. была более гибкой. На неоднократных встречах с делегацией КРН, которая прибыла в Москву, чтобы «установить отношения с союзными правительствами», обсуждались вопросы международного признания КРН и будущей исполнительной власти, условия вступления советских войск на польскую территорию, их отношения с польской администрацией, подчинения СПП и 1-й Польской армии КРН. Советская сторона, заявляя о готовности признать КРН, поскольку польское правительство «в его теперешнем составе никогда не будет признано Советским правительством», одновременно учитывала, что «могут возникнуть большие трудности со стороны союзников», что придется договариваться с Миколайчиком и всеми людовцами²⁰.

Иными словами, Сталин предусматривал разные варианты решения вопроса о власти в Польше. Демонстрация Сталиным в беседе с О. Ланге готовности к контактам с польским правительством и просьба к собеседнику встретиться с Миколайчиком, чтобы передать предложение Москвы обсудить с поляками некие варианты создания правительства или комитета «в районе Польши», а также одновременно последовавшие указания послу В. З. Лебедеву провести переговоры в Лондоне с главой эмигрантского «парламента» С. Грабским и затем с самим Миколайчиком — все это, возможно, было тактическими предложениями. Но польская сторона эту тактику к своей выгоде не использовала. Миколайчик не принимал основного требования Москвы — о границе по линии Керзона. В результате Сталин пришел к выводу, что пришло время воспользоваться «внутренними» польскими силами и создать правительственный орган, которому можно передать власть в Польше и который послужит субъектом в ходе дальнейших переговоров с союзниками и Миколайчиком.

В один и тот же день 23 июня 1944 г. произошли три события. Первое: Лебедев прекратил переговоры с Миколайчиком. Поводом стало выдвигание заведомо неприемлемого для польской стороны условия — признания советской версии катынского преступления и того, что польское правительство «неверно» себя повело. Подобных требований больше никогда никому не предъявлялось.

Второе: началось наступление трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов — операция «Багратион». Вскоре наступление развернулось на всем протяжении советско-германского фронта. Целью операции было полное изгнание противника с территории Советского Союза, восстановление государственных границ СССР и начало освобождения соседних стран от фашизма. Задачей 1-го Белорусского фронта было освобождение Белоруссии, форсирование реки Западный Буг, выход к Висле, создание плацдармов на ее левом берегу севернее и южнее Варшавы и овладение ее правобережным пригородом — Прагой.

Третье: 23-го же июня в Кремль были приглашены посетившие армию генерала З. Берлинга делегация КРН и руководство Союза польских патриотов. Обсуждался вопрос создания будущего Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и его программа.

24 июня 1944 г. Сталин направил Рузвельту послание, в котором указывал, что не видно, чтобы Миколайчик изменился и сделал «шаг вперед» в деле налаживания советско-польских отношений и «реорганизации эмигрантского правительства». Это, по мнению Сталина, «обеспечило бы участие в нем [то есть в реорганизованном правительстве. — В. П.] как польских деятелей в Англии, так и польских деятелей в США и СССР»; и далее Сталин добавил новый акцент(!): «и особенно польских демократических деятелей, находящихся в самой Польше», а также состоялось бы признание линии Керзона в качестве границы между СССР и Польшей²¹. Таким образом, Сталин недвусмысленно определял КРН как претендента на власть в Польше.

Российским историкам, которые не располагают достаточными материалами о переговорах Сталина с делегацией КРН и СПП (похоже, записей не велось) и материалами из архива польского правительства, трудно сделать однозначный вывод. Вместе с тем нас заставляют задуматься многозначительные слова Черчилля, ска-

занные Сталину на переговорах в Москве 16 октября 1944 г.: «Миколайчик знает, что он не получит Львова и что ему не уйти от линии Керзона, но он заявляет, что если он не будет иметь возможности сказать польскому народу о праве Польши защищать свое дело на мирной конференции, то польский народ может не признать его, Миколайчика»²². В связи с этим становится предсказуемой и объяснимой безрезультатность московских переговоров осенью 1944 г.

Пребывание делегации КРН в Москве, переговоры со Сталиным и представителями СПП завершились созданием ПКНО. Его состав и текст Манифеста к польскому народу были определены при участии советского лидера в ночь с 21 на 22 июля 1944 г. Обозначение этого нового института как «законного, но временного органа исполнительной власти» вполне соответствовало позиции Сталина. Он все еще не решался поставить точку по вопросу власти в Польше и излишне обострять отношения с руководителями великих держав, войска которых уже воевали в Европе. Предваряя негативную реакцию союзников на появление ПКНО, Сталин в письме Рузвельту объяснил, что создается не правительство, а комитет, который, возможно, станет ядром будущей демократической власти. Тем самым Москва, давая понять, что признания ПКНО не требуется, предваряла возможное возникновение серьезных трений с союзниками, чего и не произошло. Следующий шаг в процессе оформления альтернативной власти был сделан 31 декабря 1944 г. преобразованием ПКНО во Временное правительство. Его легитимность была признана разными государствами и разными политиками — Советским Союзом Сталина, Чехословакией Бенеша и Францией де Голля, что было свидетельством начавшегося процесса международного признания этой новой власти.

«Ответом» польского правительства в эмиграции на появление нового польского политического «субъекта» и неуступчивость Сталина в отношении границы стало восстание в Варшаве 1 августа 1944 г. с целью опередить Красную армию в освобождении столицы, а польских коммунистов — в провозглашении власти в освобожденной Варшаве. Расчет правительства и командования АК сводился к использованию, как им казалось, выгодной ситуации на фронте: советские войска стремительно приближались к Висле. Ставка советского Верховного Главнокомандования приказала командованию 1-го Белорусского фронта не позднее 5—8 августа овладеть конечным рубежом наступления — Прагой²³.

Десятки лет идут дискуссии, почему это не произошло в августе 1944 г. Многие исследователи и публицисты обвиняют советского лидера, который-де преднамеренно остановил наступление на Варшаву, и поэтому советские войска не штурмовали город. Моральная ответственность за это, а значит, и за гибель людей прямо возлагается на советское Верховное Главнокомандование и персонально на Сталина. Не трудно искать виновников на «стороне», тем более что «сосед» — личность неоднозначная, даже одиозная. Но разве Сталин замышлял и готовил это восстание? Историки спорят, мог ли Сталин по военно-оперативным обстоятельствам оказать решающую помощь повстанцам? Документы свидетельствуют, что положение армии под Варшавой в августе — сентябре 1944 г. было тяжелейшим. Танковый авангард фронта был разбит, произошло отступление советских войск, они понесли большие потери в людях (почти половина личного состава) и технике. Тылы на 600-километровом боевом пути отстали, снабжение фронта де-

стабилизировалось. Наступление смогли продолжить только в сентябре, когда в середине месяца была взята Прага. Попытка форсирования Вислы в черте города окончилась неудачей.

Польские политики не принимали в расчет жизни советских солдат, да и своих тоже. Сталин, располагая абсолютной властью, мог отдать любой приказ, действуя по принципу «цель оправдывает средства». Но в 1944–1945 гг. определяющими для советского руководства были геополитические соображения. Помощь восстанию, направленному против этих соображений, не соответствовала государственно-политическим интересам Москвы.

При научном подходе к проблеме ответственности политиков за принимаемые решения мы должны констатировать, что ответственность за гибель 200 тыс. варшавян несут в первую очередь те польские политики, которые задумали и призвали поляков к восстанию, не согласовав своего решения с советским командованием.

Шум, поднятый летом 1944 г. западными союзниками вокруг помощи восставшим (сбросы оружия, боеприпасов и продовольствия), объяснялся просто. Рузвельту нужны были голоса миллионов поляков — граждан США на предстоявших президентских выборах, и американская авиация совершила один, во многом символический, пролет над Варшавой. Великобритания была против восстания, но, когда оно началось, решила заполучить дополнительный политический капитал в лагере эмигрантского правительства. Однако послать военную помощь отказалась, ссылаясь на наличие своих собственных стратегических задач. Потеряв самолеты на полетах к Варшаве, Великобритания переложила задачу помощи повстанцам на советскую сторону. Сталин, менявший свое отношение к сбросам, считал, что лучшей и действенной помощью полякам-антинацистам будет разгром советскими войсками немцев под Варшавой и освобождение города. Опубликованные совместно российскими и польскими архивистами и учеными документальные материалы спецслужб о Варшавском восстании подтверждают эти выводы²⁴.

Характеризуя политическую линию на советском направлении С. Миколайчика и других членов его кабинета, прибывших на переговоры в Москву в октябре 1944 г., Черчилль в письме королю Георгу VI 16 октября определил их как людей «приличных, но немощных глупцов». Объективности ради отметим, что Б. Берута и представителей ПКНО он назвал «холопами, которых еще свет не видел»²⁵. Попытка польских политиков ценой жизни людей навязать Сталину свои условия «игры», сделав из Польши преграду на пути осуществления планов Кремля, была в тех условиях обречена. Сталин, решая задачи обеспечения безопасности советского государства от возможной, как тогда считали союзники, новой германской агрессии, и превращения СССР в мировую державу, как его глава, вряд ли мог допустить, чтобы к власти в Польше пришли антисоветские силы, готовые на сопротивление и войну с СССР.

20 марта 1945 г. командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г. К. Жуков докладывал Сталину, что войска, «освободив Варшаву обходным маневром и глубоким охватом с севера и юга общевойсковыми дивизиями, вышли на Одер»²⁶. Красная армия завершила выполнение освободительной миссии в отношении польского народа.

На фоне начавшегося 12 января 1945 г. наступления советских войск на берлинском направлении главы великих держав встретились в Крыму (4–11 февраля 1945 г.). Нередко в наши дни высказывается мнение, что Сталин в Ялте навязал свои условия послевоенного передела Европы и в том числе решение польского вопроса. Это представляется односторонним толкованием событий. Как и на все предыдущие встречи, в Ялту не были приглашены представители тех стран — участников антигитлеровской коалиции, судьбу которых решали «великие мира сего», и нет документальных свидетельств того, что это делалось по инициативе или под давлением Москвы. Рузвельт, например, считал, что только «великие державы будут решать, что получит Польша, и он не намерен ехать на мирную конференцию, чтобы торговаться с Польшей и другими малыми странами»²⁷. Кроме того, лидеры действовали в соответствии с общепринятым определением политики как искусства возможного.

Польский вопрос занимал одно из центральных мест в работе конференции и обсуждался в двух аспектах — границы и правительство. Если проблема границ была согласована союзниками почти без разногласий, то сюжет о правительстве дебатировался долго и упорно. Существование двух польских правительств — в Варшаве и Лондоне — создавало для США и Великобритании серьезное препятствие на пути сотрудничества с СССР, в чем они были еще заинтересованы.

Советская сторона считала, что «главное сейчас состоит [в том], чтобы не мешать полякам, поскольку Польша уже освобождена». Это можно дешифровать так: вопрос о правительстве решен на территории страны. Рузвельт полагал, что главным сейчас «является вопрос о создании *постоянного* (выделено мною. — В. П.) правительства в Польше». И Рузвельт, и Черчилль стремились помочь правительству в Лондоне «сохранить лицо» и восстановить утраченные позиции. Тактика западных союзников явно изменилась: вместо принуждения СССР к восстановлению отношений с реконструированным правительством в эмиграции они настаивали на немедленном создании на конференции вместо двух существовавших одного нового кабинета с преобладающими позициями группы деятелей во главе с Миколойчиком. Как считал Черчилль, тем самым будут восстановлены свобода, суверенитет и независимость Польши. Советская сторона, ссылаясь на мнение Б. Берута (формально беспартийного), Э. Осубки-Моравского (социалиста, главы Временного правительства) и М. Роля-Жимерского (члена ППР, главнокомандующего Войска Польского, формально также беспартийного, как того требовали политический этикет и Конституция), допускала лишь вариант включения в варшавское правительство некоторых деятелей из эмиграции и из страны. Было жестко указано на интересы безопасности СССР.

В результате двусторонних уступок союзники приняли компромиссное решение о трансформации варшавского правительства и перенесении решения вопроса о характере власти на территорию Польши. При этом западные союзники рассчитывали на вытеснение коммунистов с их определяющих позиций во власти. Сталин предполагал расширить социальную базу власти и тем стабилизировать политическую ситуацию в стране, находившейся в сфере советских интересов.

Важнейшим успехом Сталина было фактическое признание Рузвельтом и Черчиллем соответствия действий НКВД по обеспечению безопасности, спокойствия

и порядка в тылах Красной армии на территории Польши законам ведения сухопутной войны²⁸. Это означало, что союзники выдали карт-бланш силовому подавлению вооруженного подполья (прежде всего имелись в виду отряды АК и НСЗ). Главным обоснованием советской позиции служили множественные нападения вооруженных групп на советские военные посты и структуры, обслуживавшие действующую армию, которые сопровождались зверскими убийствами советских солдат и офицеров. Следует обратить внимание на то, что эта сторона истории нахождения Красной армии на польской земле остается, строго говоря, за пределами научного изучения.

Смена политического курса США после смерти в апреле 1945 г. Ф. Д. Рузвельта, который видел возможность и желательность продолжения сотрудничества с СССР после войны, появление на посту президента Г. Трумэна и завершение боевых действий в Европе повлекли за собой активизацию антисоветских тенденций в политике западных партнеров Сталина. Прозвучал ряд неблагоприятных для СССР «сигналов» из Лондона, который намеревался восстановить свои утраченные позиции на континенте посредством укрепления прозападных политических сил в сфере советских интересов. Ему активно «подыгрывало» польское правительство в Лондоне, остававшееся субъектом международного сообщества. Кроме того, готовился план войны с СССР уже летом 1945 г. с использованием промышленного и людского потенциала Германии и Польской армии под командованием В. Андерса. Принимался во внимание и факт существования в Польше военно-политического подполья. План «Немыслимое» благоразумно отвергло британское и американское военное руководство. Фельдмаршал Б. Монтгомери и генерал Д. Эйзенхауэр считали, что, если Красная армия предпримет наступление, западные союзники будут не в силах ее остановить.

В Москве стали известны эти намерения. Они расценивались как подготовка к пересмотру намеченного в Тегеране и Ялте разграничения сфер интересов в Европе. Были предприняты соответствующие меры по военной линии. Из Ставки поступил приказ Главноначальствующему Красной армии в Германии маршалу Г. К. Жукову перегруппировать войска, укрепить оборону, детально изучать дислокацию воинских частей западных союзников. Москва усилила обеспечение Войска Польского (315 тыс. солдат и офицеров), предоставив Варшаве долгосрочный кредит (с 1 июня 1945 г. по 1 января 1947 г.) на поставки вооружения и снаряжения. С правительства Польши снималась тяжесть немедленного вложения больших средств в оборону страны. 21 апреля 1945 г. СССР и Польша подписали Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, что вызвало острый протест союзников. Согласно статье 4 этого договора стороны фактически заключили военный союз, который гарантировал Польше немедленную помощь СССР в случае возобновления агрессивной политики Германии или объединенного с ней другого государства. Последнее, несомненно, было адресовано союзникам по разгрому Германии.

19–21 июня 1945 г. состоялись заседания Военной коллегии Верховного суда СССР, которая приговорила к различным срокам наказания «за антисоветскую и антикоммунистическую деятельность» и неподчинение декретам ПКНО бывшего командующего АК (приказ о роспуске АК был им подписан 19 января 1945 г.) Л. Оку-

лицкого, а также членов партийно-политического руководства «лондонского» подполья²⁹. Их аресты органами НКВД происходили в Варшаве и недалеко от Варшавы в марте 1945 г. Лидеры подполья были немедленно вывезены в Москву. Этой акцией советская сторона отсекала все возможности обсуждения вопроса об участии руководителей этого подполья в составе будущего коалиционного правительства, которое создавалось по решению Крымской конференции. Ради такой политической цели Москва пошла на нарушение советско-польских договоренностей об ограничении сферы распространения юрисдикции советского командующего лишь на 60 км от линии фронта.

Советский Союз использовал все политико-дипломатические возможности сохранения под своим контролем того, по меньшей мере, что уже контролировал в восточноевропейском регионе. Польши это касалось в первую очередь.

Негативные тенденции во внешней политике Великобритании и США, с одной стороны, и СССР — с другой, несогласие Миколайчика на признание Ялтинских решений, с третьей стороны, крайне затрудняли работу созданной в Ялте специальной смешанной комиссии по определению состава польского Временного правительства национального единства. Тем не менее компромиссное решение было найдено по причине заинтересованности в нем всех партнеров. США и Великобритания уступали Москве, чтобы получить участие Красной армии в войне с Японией. Советский Союз получал признание границы 1941 г. всеми будущими участниками этого правительства, что позволяло «закрыть» советско-польский территориальный спор и разрядить политическую обстановку в Польше. Власти в Варшаве были остро заинтересованы в отказе западных союзников от признания польского правительства в эмиграции и его военно-политических структур на польской территории, чего и добились. 28 июня 1945 г. состав коалиционного правительства был оглашен в Варшаве. Это открывало возможность полного международно-правового признания нового государства и его равноправного присутствия в международном сообществе. Польское правительство в эмиграции и его концепции обеспечения национальной независимости Польши, ее места в Европе в противостоянии СССР ушли в историю. Польша осталась в сфере контроля СССР, польские коммунисты сохранили свое решающее участие в системе власти.

«Знаменательными чертами возрожденной Польши» называл тогда В. Гомулка строительство мононационального государства и закрепление его новых западных границ³⁰, «линия» которых в Ялте не была конкретно определена. Решение было отложено до следующей встречи глав великих держав в Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 г.). К этому времени мнение западных союзников по вопросу, сколь жестко наказать Германию, передавая часть ее территории Польше, отчасти изменилось. Они считали необходимым «сдвинуть» польско-германскую границу (река Западная Ныса) на восток (река Восточная Ныса) так, чтобы урановые (Кузнецкие) рудники остались в пределах послевоенной Германии, судьба которой пока была неясной.

Позиция Сталина, настойчивость польской делегации во главе с Берутом обеспечили закрепление границы Польши по Западной Нысе. В решении конференции говорилось, что бывшие восточные германские территории, «включая территорию бывшего свободного города Данцига, должны находиться под управлением

Польского государства, и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации Германии», но окончательное определение этой границы Польши откладывалось до мирного урегулирования³¹.

Принятая в Потсдаме формулировка по границе не давала оснований считать решение союзников окончательным, хотя одновременно другим постановлением глав великих держав о принудительном перемещении всего гражданского немецкого населения в пределы послевоенной Германии открывалась возможность практического установления этой границы. Принималось во внимание и то обстоятельство, что еще до постановлений в Потсдаме сотни тысяч тех, кто считал себя немцами по национальности, бежали или были эвакуированы вместе с отступавшими частями вермахта. (Согласно переписи 1946 г. на новых польских территориях находились 2 млн 288 тыс. немцев.)

Установление германо-польской границы без трехсторонних гарантий союзников было выгодно советской стороне. Она, а не Польша, была в состоянии защитить эту границу как границу своей и польской безопасности. Для Польши, находившейся в сфере влияния СССР, это означало фактор пролонгированной зависимости от Москвы. По словам польского историка В. Бородзея, СССР становился «единственным реальным гарантом немецко-польской границы по Одре—Нысе»³².

По желанию английской стороны в решения по польскому вопросу было внесено предписание Варшаве: возможно скорее провести «свободные, ничем не воспрепятствованные выборы», предусмотрев право участия всех партий и свободной «игры» политических сил. Предписывалось также «предоставить представителям союзной печати возможность пользоваться полной свободой сообщать миру о ходе событий в Польше до и во время выборов»³³.

Формулировки обязательств Варшавы были весьма «эластичны» и при отсутствии оговоренных инструментов международного контроля над выборами могли быть «обойдены» организаторами выборов, что, как известно, и произошло в январе 1947 г.

Вслед за встречами в Потсдаме СССР и Польша подписали в Москве Договор о советско-польской границе и Соглашение о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией. Изменение состава правительства Польши, его международное признание вызвали необходимость закрепить Соглашение от 27 июля 1944 г. о восточной границе Польши новым договором с СССР. В соответствии с решением Потсдамской конференции в нем подтверждалось прохождение границы по линии Керзона, то есть Польше возвращались Белосток и воеводство. Не удалась попытка польской делегации договориться о возвращении Львова, что заметно изменило бы позицию многих поляков по отношению к власти. Довод Сталина был прежним: Польше — Вроцлав, Украине — Львов, линия Керзона принята в качестве границы, но можно сделать некоторые локальные отступления в пользу Польши. Они и были сделаны в пределах 17–30 км.

Важно отметить другое решение, связанное с западной границей Польши, которая была фактически закрыта еще 10 июня 1945 г., хотя определена лишь в Потсдаме. Но вопрос о собственности, находившейся на территории между рекой Одра и «старой» польско-германской границей 1939 г., был сложным. Фактическая передача командованием Красной армии германских территорий в ведение польской

администрации еще до установления западной границы повлекла за собой появление «трофейной проблемы» в отношениях двух стран.

По соглашению от 26 марта 1945 г. все германские предприятия на землях, переходящих Польше, считались военными трофеями. Собственностью Польского государства являлись только те из них, которые официально передавались польской стороне. Причем раздел германской собственности на этих территориях был произведен так, что Советскому Союзу приходилось 6% всего имущества и 25% промышленного оборудования.

Права на трофейное имущество регулировались сначала приказом Ставки Верховного Главнокомандования от 9 августа 1944 г., согласно которому на «старых» польских землях трофеями считались сугубо военные материалы, принадлежавшие вермахту. Лица, избалованные в самоуправстве и самовольном изъятии имущества у населения, независимо от звания и должности, подлежали наказанию вплоть до приговоров военными трибуналами к высшей мере наказания. На практике наказания следовали как за вагоны вывезенного имущества, так и за украденную курицу.

Польское правительство и поддерживавшее его общественное мнение подходило к проблеме иначе: все, что расположено на «новых» землях, принадлежит Польше. Поэтому демонтаж и вывоз в СССР машин и станков германских предприятий воспринимались Варшавой крайне остро. На этой почве росли претензии населения к власти, хотя на бытовом уровне процветало «шабровничество» поляков — «экспедиции» за брошенным немецким имуществом, грабеж собственности у немецкого населения и прочие безобразия³⁴.

Констатация в решениях Потсдамской конференции того факта, что передаваемые Польше земли не являются частью советской зоны оккупации Германии, предполагала устранение разногласий и порой острых споров по вопросу о принадлежности расположенного здесь трофейного имущества. Делегация СССР в Потсдаме заявила об отказе «в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также на акции германских промышленных и транспортных предприятий на территории Польши», включая ее «новые» земли. Во время конференции командующий Северной группой советских войск получил указание Государственного комитета обороны СССР передать польским властям до 15 августа 1945 г. все предприятия. Исключение составляли 102 объекта, предусмотренные к демонтажу до 7 августа 1945 г. Договором от 16 августа 1945 г. СССР подтвердил свой отказ от претензий на германское имущество в Польше³⁵.

В ту пору демонтаж, особенно германских заводов, и вывоз их в СССР вызывал недовольство польской власти и протест поляков-репатриантов, которые заселяли «новые» земли. Они считали действия советской стороны незаконными. И в наши дни этот резонанс прошлого не всегда предстает только как научная проблема. Он присутствует в польском общественном мнении, негативно влияя на отношение к сегодняшней России. Тогда, в 1945 г., обе страны, тотально разрушенные войной, остро нуждались в промышленном оборудовании, сырье, продовольствии и имели право на трофейные вливания. И тогда, и теперь, по прошествии десятилетий, при отсутствии достоверных данных крайне сложно установить, кто в той военной круговерти и своего рода демографическом хаосе что брал и кто на что имел больше

прав. Вряд ли кто-то будет отрицать, что СССР имел на трофеи не меньше прав, чем Польша³⁶.

Президент КРН Б. Берут, ссылаясь на расчеты советских экспертов, говорил, что Польша получила на западных землях имущество стоимостью 9 млрд долл. (в довоенных ценах и без учета военных потерь), в том числе машин и оборудования на 1,75 млрд долл. Москва сообщила польской стороне, что СССР демонтировал на бывших германских землях оборудования на 0,5 млрд долл. Польский историк Х. Ендрушак утверждала, что в 1937 г. стоимость продукции, производившейся на будущих Западных землях, составляла 2/3 того, что производила вся довоенная Польша. Она оценивала национальное богатство «новых» польских земель на 1945 г. (с учетом военных разрушений) в 37,4 млрд довоенных злотых³⁷.

Весьма сложной была проблема репараций вообще и для Польши в частности: жизнь опережала решения глав великих держав. Еще на конференции в Ялте союзники договорились о взимании репараций в трех формах: в течение двух лет единовременное изъятие национального богатства Германии с целью уничтожения ее военного потенциала; использование германских трудовых ресурсов³⁸; ежегодные товарные поставки из текущей продукции (длительность в то время не оговаривалась). В итоге споров в Потсдаме СССР получил право на репарации из советской зоны оккупации Германии и на 25% пригодного к использованию промышленного оборудования из западных зон, из них 10% без возмещения.

По Соглашению от 16 августа 1945 г. СССР обязался передавать Польше 15% репараций из советской зоны и 30% оборудования, получаемого из западных зон. Причем из этих 30% половину Польша получала без оплаты и возмещения, а половину в обмен на другие товары из Польши. Польше передавалось также 15% судов. Западные державы вскоре начали саботировать поставки Советскому Союзу из своих зон, и в мае 1946 г. США вообще их прекратили. В итоге СССР на январь 1947 г. из западных зон получил репараций на сумму 5 млн долл. безвозмездно и 7,5 млн долл. с компенсацией³⁹. Стоимость репараций исчислялась по довоенным германским ценам.

Неудача постигла Польшу в ее попытках разыскать и возратить домой вывезенное гитлеровцами польское имущество. По данным правительства, в западных зонах находилось польское промышленное оборудование на сумму около 2 млрд долл. На 9 апреля 1949 г., когда США прекратили реституции, стоимость возвращенного имущества составляла менее 8 млн долл.⁴⁰.

В связи с передачей Польше германских активов, находившихся на ее территории, возникла проблема поставок «репарационного» угля на условиях, которые закрепились в общественном сознании исключительно как свидетельство эксплуатации и неравноправия Польши в отношениях с СССР. Сегодня историю с углем знает каждый поляк. Повторимся и мы. В 1945 г. Польша по национально-политическим мотивам категорически отвергла (изъявляя даже готовность отказаться от репараций из советской зоны) предложение Москвы о создании совместных советско-польских акционерных обществ по эксплуатации нижнесилезских угольных шахт, в частности в районе Валбжиха. Было принято согласованное решение о том, что Польша будет продавать Советскому Союзу уголь по специальной цене 1,22 долл.

за тонну, по словам Берута, «по себестоимости, без прибыли, но и без потерь». В августе 1945 г. первый вице-премьер и глава ППР В. Гомулка, оценивая Соглашение от 16 августа 1945 г., считал, что «делегация, находившаяся в Москве, выполнила надлежащим образом и с пользой для государства свои обязанности»⁴¹.

СССР, учитывая, что заселение поляками новых территорий только начиналось, взял на себя обязательство обеспечить Польшу дополнительной рабочей силой. На этом основании и по просьбе Гомулки СССР предоставил летом 1945 г. для работы на шахтах Силезии 50 тыс. военнопленных немцев⁴². СССР обязался также поставлять на шахты крепежный лес. Для обеспечения нормальной работы шахт архиважным было обязательство СССР организовать вывоз угля собственным транспортом, ибо польский железнодорожный транспорт и полотно были в значительной мере разрушены и дезорганизованы в итоге хозяйничанья гитлеровских оккупантов, бомбардировок союзниками военных объектов Германии и прямых боевых действий 1944–1945 гг. Цену этих советских обязательств в денежном выражении никто никогда не считал.

По свидетельству министра промышленности Г. Минца, распределение добытого угля было следующим. Из добываемых 106 тыс. т в день 15 тыс. т вывозилось советской колеей, 40 тыс. т — европейской, 20 тыс. т потреблялось на собственные нужды, 31 тыс. т добываемого угля оставалось лежать в отвалах. Реальных покупателей польского угля, кроме СССР и Швеции, тогда не было. Посол Италии в Варшаве Е. Реале в отчете от 17 декабря 1945 г. передавал содержание беседы с Миколайчиком, который объяснял послу, почему многие города Польши осенью — зимой 1945 г. не отапливались. Миколайчик сообщил, что, выступая на одном из воеводских съездов ПСЛ, он напоминал членам партии, что «поляки платят русским углем за бензин, шерсть и хлопок, ...что русские вывозят уголь собственными транспортными средствами, а отсутствие угля в польских городах вызвано трудностями доставки и не является результатом его недостаточной добычи»⁴³.

Тем не менее фактом остается то, что Москва покупала уголь не по текущим мировым ценам. Это превратило уголь из экономической проблемы в острую национально-политическую проблему долгосрочного действия. Казалось бы, в 1956 г. ее уладили Н. С. Хрущев и В. Гомулка, но выходит, что уладили не до конца.

В таких условиях могут быть два варианта разрешения сложных проблем в истории наших отношений. Проблема может быть «закрыта» еще раз так, как это было сделано осенью 1956 г. Тогда, учитывая тяжелейшее экономическое положение Польши («не поможете, будет банкротство», — сказал Охаб), советская делегация предложила политическим решением сторон снять «угольный вопрос». Все финансовые расчеты были приведены к нулевой отметке.

Возможен и иной вариант: изучение всех прямых и косвенных условий, обязательств и обстоятельств, сопровождавших поставки польского угля в СССР, на основании широкого круга советских и польских документов российскими и польскими историками и экономистами, что позволит сделать окончательные выводы, если на это есть в наших странах общественный запрос.

Приведем имеющиеся в нашем распоряжении факты и цифры тех расчетов, которые оглашались на советско-польских переговорах в ноябре 1956 г.⁴⁴. Напомним, что по Соглашению от 16 августа 1945 г. Польша взяла обязательство ежегод-

но, начиная с 1946 г. и в течение всего периода оккупации Германии союзниками, поставлять СССР уголь по договорной цене: в первый год 8 млн т, в следующие четыре года по 13 млн и в последующие годы по 12 млн т. В Протоколе к Соглашению специально оговаривалось, что поставки угля производятся «в компенсацию за уступленные правительством Советского Союза по Соглашению 16 августа 1945 г. германские активы на территории Польши». Условия Соглашения почти немедленно начали сторонами меняться. Сначала отсрочили начало поставок. В 1947 г. договорились об уменьшении их наполовину. В связи с этим Польша отказалась от получения половины доли репарационных поставок из Германии, снизив их до 7,5% вместо 15% (Протокол от 5 марта 1947 г.). После образования Германской Демократической Республики репарации с нее СССР по согласованию с Польшей уменьшил наполовину, а с 1 января 1954 г. их взимание было вообще прекращено. В связи с этим актом Польша отказалась от получения с 1 января 1954 г. от Советского Союза своей доли репарационных поставок. СССР отказывался от покупок польского угля по льготной цене. Польша обязалась не уменьшать поставки, но осуществлять их уже по мировым ценам. 25 ноября 1955 г. был подписан протокол о прекращении действия Соглашения от 16 августа 1945 г.

Негативное отношение поляков к этому «угольному соглашению», особенно в первые годы, усиливалось и тем, что оно воспринималось как восстановление Советским Союзом традиционного обеспечения территории Германии углем из Силезии.

К экономическим переговорам в Москве в ноябре 1956 г. польское правительство подготовило и передало советской стороне пять документов: о Соглашении от 16 августа 1945 г.; о количестве угля, поставленного в 1946–1953 гг.; о правовой оценке советско-польского Соглашения и о возмещении ущерба, нанесенного оккупацией; справку о репарациях в 1946–1953 гг. и, наконец, о демонтаже оборудования и изъятиях активов из Западных земель. Отрицая применимость понятия «трофеи» к бывшим германским землям, польская сторона полагала, что в результате демонтажа оборудования германских предприятий Польше был нанесен значительный ущерб.

Советская сторона представила свои расчеты и фактические данные, свидетельствующие, по ее мнению, о неточности ряда польских выкладок. В Москве считали, что Польша в период действия Соглашения 1945 г. поставила 49,5 млн т угля стоимостью 56,2 млн долл. По ценам соответствующих лет это составило бы 577,3 млн долл., а не 691,6 млн долл., как в польских расчетах⁴⁵. Кроме того, Польша завысила на 5 млн т фактический объем поставок угля в Советский Союз и считала единую цену в 1,12 долл. за тонну, в то время как она колебалась от 1,12 до 1,17 долл в зависимости от сорта угля и года поставки.

Кроме того, как считала советская сторона, Соглашение об угле нельзя рассматривать изолированно. СССР оказывал тогда Польше безвозмездную помощь (250 млн руб.), оплачивал затраты (211 млн руб.) на рабочую силу при восстановлении коммуникаций, железных дорог и связи, разминировании морского побережья и портов. Москва отказалась от возмещения советских расходов на Польскую армию, включая обязательства правительства В. Сикорского. Эти расходы превысили к началу 1945 г. миллиард руб.⁴⁶. Польше были предоставлены льготные кре-

диты на 5,2 млрд руб., из них на 1 июля 1956 г. было использовано 3,7 млрд переводных рублей⁴⁷.

Обратимся теперь к разногласиям по вопросу репараций. По решению Потсдамской конференции СССР удовлетворял претензии Польши из своей доли репараций с Германии. С 1945 г. по 31 декабря 1953 г. стоимость этой доли составила 3081,9 млн долл. в ценах 1938 г. Из них Польше было передано 257,8 млн долл., или 8,4% вместо 7,5% по протоколу 1947 г. В ценах соответствующих лет, по индексам ООН, это составило 595 млн долл. Поставки из текущего производства в 1946—1950 гг. оценивались в 205 млн, а не в 130 млн долл., как указывалось в польских расчетах⁴⁸.

В ходе обсуждения всех проблем в подкомиссиях и делегациях согласовать цифры советских и польских экспертов не удавалось. Министр внешней торговли СССР И.Г. Кабанов, эксперт и автор советских подготовительных материалов, в сердцах пришел к такому выводу: у польского правительства нет ни юридических, ни моральных оснований требовать от нас возмещения полной стоимости угля, поставленного Польшей в СССР по Соглашению от 16 августа 1945 г.

Мнение первого заместителя председателя Совета министров СССР А. И. Микояна на этот счет приводилось выше.

Тем не менее было решено прекратить дискуссию и, сопоставив все польские претензии (2,1 млрд руб.) и использованные Польшей советские кредиты (2,146 млрд руб.), принять политическое решение по «угольному вопросу». Микоян огласил советский вердикт: в данных условиях, учитывая экономические трудности Польши, мы согласны пойти польской стороне навстречу, предлагаем считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 декабря 1956 г. по использованным суммам кредитов, предоставленных Советским Союзом Польше в оплату полной стоимости угля, поставленного из Польши в СССР в период 1946—1953 гг. Он сделал вывод: так мы исчерпали бы этот затянувшийся вопрос.

В. Гомулка принял такой вариант решения проблемы. Он признал, что предложения советской стороны в своей основе отвечают интересам польской стороны и польская делегация принимает их с большим удовлетворением, что главным политическим вопросом являлся уголь, и с этой точки зрения предложение советской делегации весьма и весьма выгодно. Н. С. Хрущев в связи с этим заявил, что СССР вообще может отказаться от поставок польского угля, чтобы Польша могла больше вывозить на Запад и получать валюту. Для преодоления кризиса в польской горной промышленности он предложил ряд конкретных мер международной помощи союзными странами. Москва предоставила Польше кредит и увеличила поставки хлеба.

К работе приступили эксперты. Был согласован ряд пунктов. Однако до подписания заключительного протокола дело не доходило. В мае—июне 1957 г. состоялся новый раунд переговоров на правительственном уровне. Министерство внешней торговли СССР подготовило проект заключительного протокола и вручило его польской делегации. Польская сторона не подписала документ и не представила свой проект, но выдвинула ряд старых и новых претензий. Главные разногласия касались определения точной суммы репарационных поставок Советскому Союзу, из которой определялась доля Польши.

В мае 1957 г. председатель правительства ПНР Ю. Циранкевич представил советской стороне записку, в которой оспаривались советские расчеты исчисления

суммы репараций с ГДР. Авторы записки, приведя все перерасчеты репараций Советскому Союзу за 1950–1954 гг., пришли к выводу, что репарации составили 4292 млн, а не 3081,9 млн долл., как заявляла советская сторона. Получалась разница в 1210 млн долл. Советские представители объясняли, что из суммы 4292,2 млн долл. следует вычесть 746,4 млн долл., «составляющих стоимость предприятий советских акционерных обществ в Германии (включая стоимость патентов), возвращенных ГДР в 1952–1953 гг.». Вычиталась и стоимость (463,9 млн долл.) заграничных немецких активов, принятых в счет репараций в третьих странах — Австрии, Финляндии, Румынии, Болгарии, также возвращенных этим странам. В результате получалась именно сумма 3081,9 млн долл. в ценах 1938 г., с которой должна исчисляться доля Польши. Она составила в 1948–1953 гг. уже указанную сумму 257,8 млн долл.

Польская сторона выразила недовольство тем, что советское правительство никогда не ставило перед польским правительством вопрос о дополнительном уменьшении репараций с Германии на сумму в 746,4 млн долл. Кроме того, экспертам не удалось выяснить, каким образом Министерство внешней торговли СССР определяет в 746 млн долл. первоначальную стоимость основных фондов 99 промышленных предприятий, переданных в 1946 г. в собственность советских акционерных обществ в Германии.

При анализе советско-германских приемо-сдаточных документов «возникает... несоответствие между данными, содержащимися в Протоколе от 22.VIII 1953 г., из которых следует, что конечная стоимость (предприятий. — *В. П.*) составила примерно 746 млн \$, и заявлением о том, что первоначальная стоимость их также равнялась 746 млн \$». Между тем были произведены восстановление, реконструкция, сделаны крупные капиталовложения и т.д. Кроме того, ставился вопрос, как стоимость патентов и технической документации может быть учтена для уменьшения общей стоимости изъятых репараций. Польская сторона оспаривала сумму в 746 млн долл. и в том отношении, что был избран неправильный курс пересчета марок в доллары, что СССР не имел международных договоренностей на учет стоимости патентов. Поэтому, как констатируется в документе, «...польская сторона не получила возможностей ознакомиться с официальными документами или приемо-сдаточными актами, которые могли бы устранить возникшие в ходе работы экспертов неясности».

Были выдвинуты претензии и по оценке стоимости подвижного железнодорожного состава (1987 паровозов), зачисленных в счет репараций. В итоге в польском документе делался вывод: «Польская сторона не может подписать окончательного протокола, не имея согласованной суммы стоимости репарационных поставок из Германии, а также без согласования стоимости репарационных поставок для Польши, основанной на одинаковых для обеих сторон принципах определения стоимости этих поставок»⁴⁹.

31 мая 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление о подготовке предложений об устранении взаимных претензий. Для разрешения всех проблем в Варшаву был направлен А.И. Микоян. Отчитываясь 15 июня 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС об итогах поездки, он сообщил, что польская сторона приняла советские предложения о ликвидации взаимных претензий по репарациям с Гер-

мании. Тем самым вопрос был закрыт⁵⁰. Документа, раскрывающего подробности соглашения ни в Архиве Президента РФ, ни в Российском архиве новейшей истории составители издания «Президиум ЦК КПСС...» не выявили.

Первые послевоенные годы были для польской власти временем проведения выселений из Польши сотен тысяч представителей крупных непольских этнических групп. Так претворялась в жизнь идея, которую тогда поддерживали все политические силы страны. Общенациональным стремлением было возрождение Польского государства как мононационального и исключение тем самым возвращения к острым межнациональным противоречиям, которыми было пронизано польское общество между двумя мировыми войнами. В годы Второй мировой войны они обернулись многочисленными жертвами со всех сторон. Методы решения этой проблемы, предложенные главами великих держав и принятые к исполнению польской и советской властями, были во многом продиктованы тем силовым синдромом, который сложился и действовал в военные и первые послевоенные годы как в массовом повседневном сознании, так и в представлениях политиков.

Речь идет о принудительных депортациях из Польши, в основном в 1945–1946 гг., коренного немецкого населения в послевоенную Германию (около 3 млн человек). Значительными были тогда и репатриации поляков в Польшу (до 1,5 млн человек). Всего с Востока и Запада в 1945–1949 гг. возвратилось около 3 млн поляков. Не всегда только добровольно выезжали украинцы в УССР (480 тыс. человек), белорусы в БССР (36 тыс. человек), а также небольшие этнические группы чехов, литовцев, латышей на этнические территории. Заметным явлением стал выезд в Палестину из Польши и из СССР через Польшу польских и советских евреев, переживших оккупацию и войну (140 тыс. человек)⁵¹.

Такие решения были мотивированы негативными последствиями мирного урегулирования по итогам Первой мировой войны. Существование достаточно крупных национальных меньшинств и их, как правило, неравноправное положение в этнически сложной среде породили острые межнациональные противоречия в большинстве стран межвоенной Европы. Эти противоречия были признаны одним из важных факторов, разрушивших Версальский мир и приведших в 1939 г. к новой войне. Такие возможные последствия теперь намеревались предотвратить.

Реализация национальными правительствами запланированного «переселения народов» происходила в соответствии с постановлениями Потсдамской конференции и регулировалась межгосударственными соглашениями, которые предусматривали конкретные условия перемещения людей. В тех случаях, когда национальная неприязнь достигала уровня ненависти, как, например, в отношении поляков к немцам или во взаимоотношениях поляков и украинцев, практика нередко расходилась с правовыми нормами и предписаниями и характеризовалась отсутствием милосердия и гуманности. Это оставило недобрую память в сознании соседних народов.

Тем не менее создание этнически единого государства, сопровождавшееся освоением поляками новых государственных территорий, следует признать положительным фактом в польской истории XX в.⁵² Историки, как правило, не пользуются сослагательным наклонением, но трагический пример многонациональной Югославии в наше время невольно рождает вопрос: уцелела бы многонациональ-

ная Польша в старых или новых границах, не возникла бы ситуация, подобная югославской?

Вспомним акцию «Висла». Таким образом, Польша выходила из войны изменившейся в территориальном, национальном, социальном, демографическом, политическом и экономическом отношении. Уменьшилась ее территория, сократилась численность населения. Но страна обрела дополнительный промышленный потенциал и сырьевые ресурсы. Ее границы «передвинули» на запад в глубь Европы, она получила широкий выход на Балтику — 500 км вместо узкого довоенного коридора. Все вместе взятое изменяло географическое положение государства, превращало Польшу в значимый геополитический фактор на Европейском континенте и объясняло ту ожесточенную внешнеполитическую и внутривластную борьбу за нее, которая развернулась в первые послевоенные годы.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 178. Л. 33а.

² Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 147, 351–359.

³ Наиболее важной документальной публикацией по истории этой армии в СССР является: Русский архив. 14. 3(1). Великая Отечественная. СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. См.: Глава 1. Нереализованные возможности военного союза. С. 12–105.

⁴ Цит. по: *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 62–63; *Kot. S. Listy z Rosji do gen. W. Sikorskiego.* Londyn, 1955. S. 200–201.

⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. VII. 1939–1943. М., 1973. С. 256–264, 266–269; Сталин—Сикорский—Андерс (из внешнеполитических документов 1941 г.) // *Международная жизнь.* 1990. № 12. С. 124–140 / Публ. Н. С. Лебедевой; ДВП СССР. Т. XXIV. М., 2000.

⁶ *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 50. Следует обратить внимание на то, что ряд современных польских историков уважился за неоднократно опубликованную в России записку И. М. Майского (январь 1944 г.), в то время чиновника НКВД, хотя и весьма высокого ранга. Майский, высказывая свое мнение о послевоенном урегулировании, применительно к Польше написал, что она должна возродиться в национальных рамках как «не очень большая и не очень сильная». Последовали утверждения, что СССР, оказывается, намеревался создать Варшавское княжество или герцогство и т.п. Напомним, что все политические вопросы в СССР решал только Сталин. В годы войны он постоянно говорил о послевоенной Польше в новых границах, от р. Буг до р. Одер, о сильной стране, способной «закрыть» коридор, по которому на восток дважды в XX в. прокатывались германские армии. Известно, что советский лидер сделал в этом отношении все возможное.

⁷ Сталин и Польша. 1943–1944 гг. Из рассекреченных документов российских архивов / Предисл. и коммент. А. Ф. Носковой // *Новая и новейшая история.* 2008. № 3. С. 10–137.

⁸ См. подробнее: *Язборовская И., Яблоков А., Парсаданова В.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. 1-е изд. М., 2001 С. 151–172.

⁹ Там же. С. 173–174.

¹⁰ На основании российских документов не представляется возможным подтвердить мнение польского историка Гонтарчика о том, что ППР создавалась НКВД СССР (*Gontarczyk P.* Polska Partia Robotnicza. Droga do władzy. 1941–1949. W., 2003. S. 150). Если доставка инициативных групп польских коммунистов на оккупированную территорию осуществлялась, в том числе и по каналам НКВД, это еще не означает, что НКВД создавал ППР.

¹¹ Archiwum Akt Nowych. PKWN. Prezydium. Teczka XVI/13. K. 19 (15.01.1944).

¹² Центральный Архив Министерства обороны РФ (далее: ЦАМО). Ф. 135. Оп. 55696. Д. 13. Л. 507.

¹³ ДМИСПО. Т. VII. М., 1973. С. 431–432. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М., 1961. Т. 3. С. 371–378.

¹⁴ Этапами боевого пути дивизии были форсирование Западного Буга и Вислы, участие в освобождении Варшавы и штурме Берлина. На поверженном германском Рейхстаге был водружен нацио-

нальный флаг Польши. Солдаты и офицеры дивизии в составе сводного полка Войска Польского прошли 24 июня 1945 г. на Параде Победы по Красной площади в Москве.

На март 1944 г. в Польском корпусе было 40 тыс. штыков. По национальности среди солдат и офицеров поляков, родившихся в Польше, было 82,5%, поляков, родившихся в СССР, — 6,8%, украинцев и белорусов — 4,3%. По социальному составу: рабочих было 6%, крестьян — 40%, служащих — 13,19%, прочих — 0,1%. Имеются несколько иные данные: 84,2% поляков, 3,75% украинцев, 2,72% белорусов, 2,24% русских, 4,15% иных национальностей (см.: *Парсаданова В. С.* Указ. соч. С. 143, 177).

¹⁵ ДМИСПО. Т. VIII. М., 1974. С. 343.

¹⁶ См. подробнее: *Яжборовская И. С.* «Согласовать со Сталиным». Советско-польские отношения и проблема внутреннего устройства Польши в конце 1943 — начале 1945 г. // У истоков «социалистического содружества». М., 1995. С. 48 и след.

¹⁷ Цит. по: *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 54.

¹⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сб. док. М., 1984. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных государств: СССР, США и Великобритании 28 ноября — 1 декабря 1943 г. С. 147, 148, 150 (далее дается лишь название тома).

¹⁹ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. VIII. W., 1974. S. 55—57; ДМИСПО. Т. VIII. С. 59—60.

²⁰ ДМИСПО... Т. VIII. С. 169. Ср. также: *Носкова А.* Сталин, польские коммунисты и создание ПКНО (По новым документам архивов России) // Славяноведение. 2008. № 3. С. 19.

²¹ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1957. Т. 2. С. 147.

²² *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. С. 469.

²³ Русский архив... С. 201.

²⁴ См.: Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб. Варшава; М., 2007, а также: Русский архив... С. 190—315. Варшава была освобождена солдатами Красной армии и Войска Польского 17 января 1945 г. в результате глубокого обходного маневра. Первыми в город вошли части Войска Польского. Варшава была пуста и разрушена гитлеровцами, которые в октябре 1944 г. изгнали ее жителей.

²⁵ Цит. по: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. С. 487.

²⁶ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 449. Л. 16.

²⁷ Цит. по: *Tebinka J.* Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939—1945. W. 1998. S. 241.

²⁸ Крымская конференция руководителей трех держав — СССР, США, Великобритании. 4—11 февраля 1945 г.: Сб. док. М., 1984. С. 91—95, 260—261.

²⁹ На основе статьи 7 Соглашения от 26.VII.1944 г. польские граждане подлежали юрисдикции Польши и осуждение их в СССР являлось незаконным. В 1990 г. Верховный суд СССР отменил решение по «делу» Л. Окулицкого и др. и прекратил уголовное дело.

³⁰ Sprawozdanie stenograficzne z posiedzeń KRN. Sesja VIII. Warszawa, 1945. Karta 21—22.

³¹ Мирная конференция после Второй мировой войны так и не состоялась, но 6 июля 1950 г. ПНР и ГДР подписали Договор о демаркации установленной в Потсдаме и существовавшей границы по Одре и Западной Нысе. 9 июля 1951 г. последовали Заявления правительств Англии и Франции, 19 октября 1951 г. — США и 25 января 1955 г. — СССР о прекращении состояния войны с Германией. В 1970 г. СССР и ПНР заключили соответствующие договоры с ФРГ.

³² *Borodziej W. W.* Od Poczdamu do Szklarskiej Poręby. Polska w stosunkach międzynarodowych. 1945—1947. Londyn, 1990; см. также его статью в настоящем издании.

³³ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г.: Сб. док. М., 1984. С. 459.

³⁴ Грабежи и насилия на этих землях, творившиеся поляками, вызывали озабоченность Польской католической церкви. Так, катовицкий епископ С. Адамский, обращаясь 27 июля 1945 г. к министру людову В. Кернику, поддержал полное выселение немцев, но осуждал «способы выселений, которые во многих случаях... страшные и компрометируют Польшу и польские власти перед границей» (цит. по: *Wysiedlenia Niemców i osadnictwo polskiej ludności na obszarze Krzyżowa-Świdnica w l. 1945—1948.* Wg., 1997).

³⁵ ДМИСПО. Т. VIII. С. 543–544. В польской Записке от 25 мая 1957 г. по вопросу подписания окончательного протокола о получении Польшей репарационных поставок утверждалось, что после подписания Соглашения от 16 августа 1945 г. «был приостановлен демонтаж, а предприятия, ранее зачисленные в качестве трофеев, были переданы безвозмездно» (Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Постановления 1954–1958 гг. М., 2006. С. 670–671).

³⁶ В ноябре 1956 г. в ходе советско-польских переговоров, когда делегация Польши выдвигала все новые претензии, А. И. Микоян назвал сумму издержек СССР за время освобождения польских земель — 34 млрд руб., не считая цены более полумиллиона солдатских жизней. Он с горечью добавил: «...но нам даже в голову не приходило, чтобы обращаться с претензиями о возвращении издержек» (цит. по: *Орехов А. М.* Советский Союз и Польша в годы оттепели: Из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 226).

³⁷ Известия. 1945. 30 авг.; Rzeczpospolita 27.08.1945; *Jędruszczak H.* Zatrudnienie a przemiany spoieczne w Polsce. 1944–1960. Warszawa, 1972. С. 18–19.

³⁸ На этом основании в Донбасс были отправлены 15 тыс. силезских шахтеров. По советским данным на 1949 г., около 6,5 тыс. человек возвратились в Польшу, остальные считали себя немцами и ехать в Польшу отказывались (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 31. П. 232. Д. 6. Л. 116–117).

³⁹ *Молотов В. М.* Вопросы внешней политики. М., 1948. С. 385, 540; ДМИСПО. Т. VIII. С. 543, 550–555.

⁴⁰ Sprawozdanie w przedmiocie strat i szkód wojennych Polski. 1939–1945. Warszawa, 1947; *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990. С. 75.

⁴¹ ДМИСПО. Т. VIII. С. 554, 555, 549.

⁴² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. М., 1999. Т. 1. С. 225.

⁴³ *Reale E.* Raporty. Polska. 1945–1946. Warszawa, 1991. S. 104. *Парсаданова В. С.* Указ. соч. С. 103.

⁴⁴ Документы этих переговоров опубликованы в 2006. г. в издании: Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2. Постановления. М., 2006. С. 359–362, 423–433, 993–995; ДМИСПО. Т. VIII, С. 543–544.

⁴⁵ В записях обсуждения расчетов есть разночтения в десятых долях. Например: 8,9 млрд или 9 млрд долл.

⁴⁶ Советский Союз — Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. М., 1974. С. 24, 146.

⁴⁷ Президиум ЦК КПСС... С. 425; ДМИСПО Т. VIII. С. 343, Т. VII. С. 279–281.

⁴⁸ В литературе имеются иные данные: Советским Союзом были получены репарации на сумму 4 292 млн долл.; доля Польши составила 645 млн долл. См.: История дипломатии. М., 1974. Т. 5. Кн. 1. С. 404.

⁴⁹ Президиум ЦК КПСС... С. 656, 667–672.

⁵⁰ Там же. С. 993.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 28. П. 84. Д. 18а.

⁵² В современной этнологии существует и другое мнение: население мононациональных образований нередко склонно преувеличивать роль внешнего фактора среди причин своих внутренних трудностей.

В 2009 г. население Польши составляло 38,2 млн человек, больше, чем до Второй мировой войны.

Советско-германское сотрудничество, осуществлявшееся в соответствии с договорами от августа и сентября 1939 г., не сулило Польше шансов на обретение независимости, даже несмотря на то что со временем становилось заметно все большее охлаждение этого сотрудничества. По-другому и быть не могло в условиях, когда страну совместными усилиями раздирали на части оккупационные режимы. И лишь конфликт между ними мог дать шанс на решение польского вопроса.

Обстановка изменилась коренным образом в июне 1941 г., когда Германия напала на СССР. Был положен конец союзу, приведшему к упадку Речи Посполитой. С подписанием 30 июля 1941 г. соглашения о нормализации отношений (так на-

зываемого соглашения Сикорского—Майского) были возобновлены дипломатические отношения между Польшей и Советским Союзом. Появился шанс спасти сотни тысяч депортированных поляков, томившихся в ужасных условиях, шанс возродить Войско польское. Но с точки зрения политической перспективы власти Речи Посполитой не сумели воспользоваться появившимися возможностями, так как упомянутый договор не содержал формулировки *status quo ante bellum*, то есть признания недействительными территориальных изменений, произведенных после 1 сентября 1939 г. — аннексии восточных земель Речи Посполитой, иначе говоря, более половины ее территории.

Следующие почти два года прошли под знаком меньших или больших конфликтных ситуаций и взаимного непонимания на фоне выполнения июльского договора, прежде всего декрета об амнистии и соглашения о создании на территории СССР польской армии. Позиция польской стороны в этой конфронтации, носившей главным образом дипломатический характер, становилась со временем все более слабой. Перелом в войне, окончательный перехват Красной армией инициативы на фронтах — все это вызвало огромный рост престижа Москвы и увеличение веса ее голоса в антифашистской коалиции. Для США и Великобритании СССР стал союзником номер один не только на европейских фронтах, но и в предстоящей финальной фазе столкновения с Японией. Польша же в этот решающий период войны, а также в игре за формирование будущего мироустройства становилась все более обременительным балластом. Такое изменение соотношения сил польские власти в эмиграции начали осознавать уже на рубеже 1942 и 1943 гг.

Разрыв Советским Союзом отношений с польским эмигрантским правительством без сомнения не только явился серьезным ударом по восточной политике премьера Владислава Сикорского, но и существенно ослабил международные позиции польского государства. Он радикально ограничил и без того небольшие возможности правительства Речи Посполитой оказывать влияние на договоренности между союзниками о дальнейшем ходе войны и формировании послевоенного устройства Центрально-Восточной Европы.

Сикорский, конечно, отдавал себе отчет в том, что отсутствие дипломатических отношений с Советским Союзом грозит окончательным превращением так называемого польского вопроса в предмет торга, использованием его тремя державами в качестве разменной монеты. Поэтому ему необходимо было срочно найти способ повлиять на советские власти, чтобы они отказались от своего решения разорвать дипломатические отношения с Польшей.

Внешне Сталин допускал возможность восстановления польско-советских дипломатических отношений. Он даже декларировал необходимость «сильной и независимой Польши», взаимоотношения с которой должны складываться «на основе добрососедских отношений и взаимного уважения»¹. Но он имел в виду Польшу, обустроенную его «собственными поляками» — из Союза польских патриотов — и поляками, назначенными Центральным бюро коммунистов Польши. Именно они должны были претворить в жизнь так называемую левую альтернативу решения польского вопроса, то есть посадить на польских землях, с которых Красная армия изгонит немцев, послушную Москве администрацию, блокирующую любую возможность возвращения в страну польского правительства в эмиграции. Отсюда и

враждебное отношение к Варшавскому восстанию, представлявшему опасность для его концепции послевоенной Польши, основанной на «левой альтернативе», то есть покорной Москве.

К сценарию именно такой Польши Сталин постепенно приучил своих англосакских партнеров — от его общих установок в Тегеране к почти однозначной ялтинской «Декларации об освобожденной Европе» и до по преимуществу технических и организационных решений в Потсдаме.

Проблема границ и гражданства после соглашения от 30 июля 1941 г. Во время переговоров, предшествовавших подписанию соглашения 30 июля 1941 г., учитывая принципиальное согласие советских властей на формулу, по которой пакт Риббентропа—Молотова и советско-германский Договор о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. признавались недействительными, премьер польского правительства посчитал не столь важной дискуссию о принципах определения границ. Он согласился перенести ее на послевоенный период, удовлетворившись заверениями, что «советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше «были признаны утратившими силу». Без сомнения, это было большой дипломатической ошибкой, свидетельствующей о некомпетентности Сикорского в проведении подобного рода переговоров. Даже если он и посчитал, что защитить польскую позицию в вопросе границ невозможно, то хотя бы из тактических соображений он должен был поднять вопрос о возврате к довоенному положению, а впоследствии настойчиво добиваться возможных уступок и согласия на другие польские требования.

Первые недоразумения в вопросе границ и гражданства стали проявляться в ходе выполнения декрета об амнистии. Они были связаны с интерпретацией понятия «польские граждане». С конца октября — начала ноября 1941 г. местные органы власти Казахской ССР, а вскоре и других советских республик перестали давать согласие на признание польскими гражданами белорусов, украинцев и евреев, проживавших ранее на аннексированных Советским Союзом восточных территориях Польши (в так называемой Западной Белоруссии и Западной Украине). Это было вызвано тем, что земли восточной Польши, лежащие за линией 28 сентября 1939 г., стали считаться советской территорией, что неоднократно опротестовывалось посольством РП. Формальный протест посольства РП по этому вопросу был направлен в Наркоминдел СССР 10 ноября 1941 г.

Ответ на него предвещал долговременный и серьезный конфликт, так как момент для этого ответа был выбран отнюдь не случайно — 1 декабря, накануне визита в Москву премьера Речи Посполитой. Он как бы давал понять, что уступок в этом вопросе не будет. Наркоминдел информировал, что «все граждане западных областей Украинской и Белорусской ССР, находившиеся до 2 ноября 1939 года на территории указанных областей, получили гражданство СССР в соответствии с советским законом о гражданстве Союза Советских Социалистических Республик от 19 августа 1938 г. ... готовность Советского Правительства признать польскими гражданами лиц польской национальности, проживавших до 1–2 ноября 1939 г. на вышеуказанной территории, свидетельствует о доброй воле и уступчивости Советского Правительства, но ни в коей мере не может служить основанием для аналогичного признания польскими гражданами лиц и иных национальностей, особен-

но украинской, белорусской и еврейской, так как вопрос границы между СССР и Польшей не был решен ранее и будет рассмотрен в будущем»².

В ходе московских переговоров в декабре 1941 г. Сталин пытался поднять вопрос границ. Основу его решения, по мнению Сталина, должно было составлять присоединение к послевоенной Польше территории Восточной Пруссии и установление ее границы с Германией по Одру. Подтекст был ясен: подобная щедрость должна была сломить упорство польского премьера в вопросе нерушимости границ по Рижскому договору. Сикорский, больной и утомленный визитом, не стал вдаваться в дискуссию по вопросу границ. Он удовольствовался общим тезисом о том, что польская восточная граница по состоянию на 1939 г. не может быть оспорена, и оставил за собой право вернуться к этому вопросу в будущем.

По возвращении из СССР Сикорский объяснял свое бездействие тем, что момент для обсуждения столь важного вопроса был неподходящим. Он утверждал: такой момент наступит весной 1942 г., когда начнется наступление немцев. Возможно, подвергавшийся резкой критике за восточную политику кабинета премьер не хотел накапливать «отрицательный багаж» во внутривнутриполитической игре — отсюда такое бездействие. То, что Сикорский уклонился тогда от дискуссии по вопросу определения границ, следует признать одной из его величайших ошибок как премьера. Такого благоприятного момента, как в прифронтовой Москве, больше уже не представится никогда.

Перенесение обсуждения вопроса границ на более поздний срок было чревато огромными проблемами, ставило под вопрос его рассмотрение в будущем в соответствии с польскими государственными интересами. Кроме того, это отрицательно сказалось на положении польских граждан в СССР. В известной степени продолжал действовать советский аргумент о принудительном получении гражданства жителями польских земель, присоединенных к СССР. А это тысячи человеческих трагедий.

Конфликты, вызванные тем, что советские власти трактовали граждан Речи Посполитой непольской национальности как граждан СССР, приобрели особенно острый характер среди еврейского населения. Чуть ли не символичным стало для этих людей дело активистов Бунда — Хенрика Эрлиха и Виктора Альтера, арестованных во время визита премьера Сикорского в СССР. Несмотря на протесты, они не были освобождены, а вскоре НКВД информировал посольство РП, что польские паспорта обоих бундовцев аннулированы, поскольку они являются гражданами СССР.

Польские паспорта, выданные посольством РП после подписания июльского договора, начали отбирать лишь на основании звучания имени или фамилии. Посольство РП поставили в известность, что все евреи, как с присоединенных территорий, так и из центральной и западной Польши, которые оказались на территории СССР, автоматически стали советскими гражданами. Посольству РП не удалось также вывезти из СССР бывших депутатов Сейма от Украинского национально-демократического объединения.

С середины 1942 г. стали множиться случаи обвинения сотрудников представительств посольства РП по делам репатриации в российских городах в шпионаже и антисоветской пропаганде, что не позволило согласовать интерпретацию термина «польские граждане». Польскому послу Станиславу Коту не удалось установить

сколь-нибудь приемлемого *modus vivendi* с советским наркомом иностранных дел Вячеславом Молотовым по конфликтной проблеме «личных документов польских граждан, не затрагивая вопроса границ и гражданства». Одной из причин стало то, что набирал обороты процесс преследования людей, у которых истек срок временных свидетельств о гражданстве; что касается лиц из приграничных воеводств, то такие свидетельства просто аннулировались.

В конце 1942 г. разразился серьезный конфликт по вопросу, на который польская сторона обращала внимание после возобновления дипломатических отношений, а именно о причислении к советской территории ряда городов и населенных пунктов II Речи Посполитой — Львова, Белостока, Ломжи и др., причем это делали не только органы советской пропаганды, но и, как выяснилось позднее, также и центральные органы власти. Тогда, в августе 1941 г., Наркоминдел пытался продемонстрировать компромиссную позицию, утверждая, что это связано с тем, «чтобы воспрепятствовать признанию этих городов немецкими». Теперь же от этой тактики «смягчения» проблемы Советы отказались. Правительству РП даже стали возвращать без ответа дипломатические ноты, в тексте которых упоминались как польские населенные пункты, аннексированные Советским Союзом.

16 января 1943 г. в накаленной постоянными недоразумениями атмосфере Наркоминдел направил посольству РП ноту, в которой говорилось, что все лица, проживавшие до 1 ноября 1939 г. на территориях, включенных в состав Советского Союза, независимо от их происхождения, отныне будут рассматриваться как граждане СССР. На этот момент, по данным НКВД, на советской территории находилось более 215 тыс. бывших граждан II Речи Посполитой, в том числе более 92 тыс. поляков, более 102 тыс. евреев, более 14 тыс. украинцев и 6,5 тыс. белорусов. Над этой огромной массой польских граждан нависла угроза принудительной «паспортизации», безвозвратной потери формальной связи с родиной, а тем самым и права вернуться на нее в будущем.

До января 1943 г. посольство РП неоднократно возвращалось к вопросу о том, что советские власти должны отказаться от очень неблагоприятной для польской стороны трактовки статуса аннексированных территорий II Речи Посполитой и проживающего там населения, установленной нотой от 1 декабря 1941 г. А тем временем дело приобретало противоположный оборот. Не могло быть и речи о принятии советской ноты от 16 января как платформы взаимоотношений. В этом случае в жертву были бы принесены поляки восточных земель Речи Посполитой, с этого момента считавшиеся советскими гражданами.

Обнаrodование такой трактовки и последовавшие вслед за этим действия трудно рассматривать иначе как стремление спровоцировать польскую сторону разорвать все контакты. Ряд конкретных персональных дел, которые получили одобрение советских властей и находились на разных стадиях рассмотрения, после 16 января вдруг застопорились. Вся восточная политика премьера Сикорского рухнула.

26 января польский МИД вручил послу СССР при правительствах союзнических государств Александру Богомолу ноту, категорически отвергающую новый подход советского руководства к вопросу гражданства населения восточных польских земель. По этому вопросу премьер Сикорский обратился с личным письмом к Сталину. Но это не помогло. Окончилась неудачей и попытка склонить к

вмешательству англосаксов. Президент Рузвельт с жестокой откровенностью прямо заявил, что советские успехи на фронте не создают благоприятного фона, чтобы поднимать вопрос о гражданстве и послевоенной польско-советской границе.

Неоднократно пытался поднять этот вопрос в примирительном тоне новый посол РП в Москве Тадеуш Ромер. Настроенный максимально миролюбиво, он призывал вновь начать строить «основы дружбы и добрососедства»³. Народный комиссар иностранных дел Молотов неизменно отвечал, что по вопросам, которые советские власти считают своим внутренним делом, не может быть и речи о каких-либо переговорах с иностранцами. Выступая в советской прессе, заместитель наркома иностранных дел СССР А. Корнейчук обвинил польское правительство в империалистических и аннексионистских устремлениях, направленных против украинского народа и нацеленных на то, чтобы провести восточную границу послевоенной Польши по... Днепру и Черному морю.

Возможности какого-либо обмена мнениями были исчерпаны.

Разногласия по поводу Польской армии. Нарращивание численности национальных вооруженных сил являлось для премьера правительства РП в эмиграции генерала Владислава Сикорского приоритетной задачей. Армия, которую удалось восстановить в 1939–1940 гг. во Франции, представляла собой значительную силу, насчитывавшую 80 тыс. человек, но после поражения Франции на Британские острова удалось эвакуировать лишь третью ее часть. Договор с Советским Союзом от 30 июля 1941 г., содержащий в ст. 4 согласованное намерение сформировать на территории СССР Войско польское, предоставил возможность не только воссоздать армию, но и в несколько раз увеличить ее численность. Впрочем, Советы и сами признали, что продолжают удерживать в плену около 200 тыс. польских солдат и офицеров. К этому следует добавить сотни тысяч польских граждан призывного возраста, депортированных в глубь территории СССР, находившихся в так называемых стройбатах или в местах принудительного труда, направленных служить в Красную армию и, наконец, лиц, находившихся вне поля зрения органов принуждения.

Людские резервы потенциальных призывников были, таким образом, огромны. Оставались вопросы технического, организационного и финансового характера. Политической воли советского руководства поначалу хватало, так как Красная армия отступала поразительно быстро и любая помощь была ей очень нужна.

14 августа в соответствии со ст. 4 договора Сикорского—Майского было подписано двустороннее «Военное соглашение», конкретизировавшее вопрос создания в СССР польской армии. Когда премьер Сикорский ознакомился с его текстом, ему не понравились два момента: пункт, по которому Главнокомандующий польскими вооруженными силами был обязан согласовывать свои кадровые и организационные решения с Главным советским командованием, а также пункт, который можно было интерпретировать как согласие направлять на фронт польские дивизии по мере их формирования — иными словами, на их оперативное применение вне контроля со стороны польского командования и без гарантии того, что польская армия, сформированная в СССР, будет использоваться в боевых действиях как единое целое. Генерал Зигмунт Шышко-Богуш выяснил эти вопросы, но не стал настаивать на составлении интерпретационного протокола, удовлетворившись устным заявлением от 11 сентября 1941 г.: «Правительство Союза Советских Соци-

алистических Республик официально уведомляет его [генерала Шышко-Богуша] через заместителя начальника Генерального штаба генерала Панфилова, что оно интерпретирует статью 7-ю Военного соглашения в соответствии с пожеланием Польского правительства и полностью признает необходимость применения польских войск на фронте как единого целого»⁴.

Совместная военная комиссия оптимистично определила, что отмотилизованные, боевая учеба и подготовка к выдвигению на фронт первого эшелона Польской армии должны занять шесть недель и завершиться к 1 октября 1941 г.

Формирование началось 22 августа 1941 г. по приказу номер 1 командующего Польской армией в СССР генерала Владислава Андерса. И сразу же возникли сложности. Среди желающих вступить в армию поляков катастрофически не хватало офицеров. Спустя примерно две недели командование польской армии было проинформировано, что, учитывая обстановку на фронте, советские власти могут поставить вооружение только для одной польской дивизии. Быстрая отправка армии на фронт стала практически невозможной.

Премьер Сикорский очень серьезно относился к возможности применения Польской армии в обороне кавказских нефтяных месторождений, в направлении которых развевалось наступление вермахта. В личном письме генералу Андерсу от 4 сентября он писал, что по достижении боеготовности Войско польское должно быть «использовано на таком направлении, где оно сможет выполнять самостоятельные и важные с точки зрения общего хода войны задачи ... наиболее целесообразным направлением применения наших войск считаю направление Кавказа и Ирана»⁵. С инициативой по этому вопросу 13 октября 1941 г. к СССР обратился министр иностранных дел Великобритании Антони Иден. В зависимости от этого он ставил британскую помощь в оснащении поляков вооружением.

За направление поляков на южное направление выступил также премьер Уинстон Черчилль.

Но вопрос имел более глубокий подтекст. На переговорах в Лондоне и Москве в октябре 1941 г. советская сторона настаивала на непосредственном применении вооруженных сил Великобритании на Восточном фронте. Озадаченные британцы попытались перевести дискуссию в иную плоскость. 24 октября Черчилль предложил Сикорскому, чтобы Польская армия сменила в Иране шесть советских оккупационных дивизий, которые вследствие этого смогли бы усилить фронт борьбы с Германией. По мнению британского премьера, с подобным предложением к Сталину должен был обратиться Сикорский во время запланированного визита в Москву. Премьер РП согласился на это.

Во время переговоров в Москве, обсуждая чрезвычайно трудные условия, в которых формировалась Польская армия, премьер предложил «вывести всю армию и весь человеческий материал, например, в Персию, где климат и гарантированная американско-британская помощь позволили бы людям быстро прийти к себе и сформировать сильную армию, которая вернулась бы на фронт». Создавалось впечатление, что для Сталина это было полной неожиданностью. Он отреагировал очень остро, иронично, называя все это предложение интригой британцев.

Самым серьезным аргументом премьера Сикорского были постоянные проволочки с экипировкой и вооружением формируемых дивизий. И прежде всего — это

отсутствие в СССР возможности дальнейшего развития Польской армии до необходимых размеров, что гарантировали англосаксы на Ближнем Востоке. Но у премьера оставался еще существенный политический аргумент — совместное участие в боевых действиях на Восточном фронте. Он окончательно перевесил чашу весов.

Было решено, что советские власти все же найдут средства для содержания польской армии на уровне 96 тыс. человек, а районы ее сосредоточения укажет польская сторона. Излишки призывников должны были быть направлены в Иран, как и около 2 тыс. моряков и летчиков, непригодных к службе в сухопутных войсках.

Для премьера Сикорского такие решения были почти оптимальными. Продолжение ничем не ограниченного призыва означало новые возможности по спасению польского гражданского населения, разбросанного по стране. Что же касается размеров уступок с советской стороны, то сохранение намерения полностью вывести польские войска в Иран грозило заблокировать или, по крайней мере, ограничить дальнейшее проведение призыва, а также возможности посольства РП по осуществлению этой спасательной акции. Именно так в своем письме Черчиллю премьер аргументировал свой отказ вывести войска в Иран, как бы оправдываясь перед англичанином за доставленное ему разочарование.

В ходе переговоров в Кремле был определен потолок формируемой в СССР Польской армии на уровне восьми дивизий — примерно 150 тыс. человек под ружьем. Не удалось до конца согласовать способ боевого применения этих войск, польская сторона поставила вопрос однозначно — армия должна быть использована как единое целое, ибо только так можно будет оказать необходимое психологическое воздействие на польский народ.

Премьер вновь попытался поднять вопрос нехватки тысяч польских офицеров, но лишь получил ответ, что, наверное, эти офицеры... удрали в Маньчжурию.

В начале декабря 1941 г. вопрос оставления на территории СССР Польской армии имел для Сталина чрезвычайно важное значение. Огромными усилиями, ценой неисчислимых человеческих жизней удалось задержать наступление вермахта на подступах к Москве — как раз во время переговоров Сикорского со Сталиным. Как известно, положение на фронте вскоре изменилось, создав для советской стороны новый, прежде всего политико-идеологический контекст оставления на своей территории многочисленной и организационно сплоченной армии капиталистического государства. Но 3 декабря преобладали чрезвычайные обстоятельства, и Сталин ценой дорогостоящего обещания экипировать без малого 100 тыс. польских солдат добился решения этого вопроса, как он того хотел.

После визита премьера Сикорского сначала наметился явный прогресс в военных делах. 25 декабря 1941 г. Государственный комитет обороны СССР принял решение о развертывании Польской армии в СССР до 6 дивизий, в котором были определены новые этапы ее формирования и принципы оснащения. Было подписано соглашение о займе в 300 млн рублей, предназначенном на развитие армии. Тем самым появились финансовые возможности проводить призыв по всей территории Советского Союза.

Ряды Польской армии стали быстро расти. В конце января — начале февраля численность мобилизованных превысила 70 тыс. человек. Но обещанное оснащение и экипировка не поступали. Власти СССР потребовали ввести в бой на Вос-

точном фронте наиболее оснащенное и подготовленное соединение — 5-ю пехотную дивизию, которая на самом деле была лучшей из формируемых польских соединений. Тем не менее и она не была полностью вооружена и соответствующим образом подготовлена. По состоянию на начало февраля она никак не соответствовала требованиям ст. 7 «Военного соглашения», в которой говорилось, что «польские части будут направлены на фронт лишь после достижения полной боевой готовности». Возмущенный этим требованием генерал Андерс сразу же ответил отказом. Он заявил, что, учитывая задержки с оснащением не по вине польской стороны, до 1 июня 1942 г. вообще не может быть речи о готовности Польской армии к участию в боях на Восточном фронте в полном составе, а только так ее дивизии могут вступить в бой.

Судя по дальнейшему развитию событий, в двусторонних польско-советских отношениях или в переговорах с англосаксами советской дипломатии нужен был аргумент в виде фактов уклонения Польской армии от участия в боевых действиях плечом к плечу с Красной армией. Действительно, ввод в бой польских частей создавал бы Сталину большие проблемы, он мог бы раскрыть действительную ситуацию на фронте и в ближайшем тылу, величину потерь, уровень управления войсками и боевой подготовки солдат, но главное — был чреват контактами советских граждан с людьми, очень критически оценивающими внутреннюю обстановку в СССР. Имея очень подробные агентурные данные о настроениях в рядах Войска польского, советское руководство не могло допустить такой идеологической конфронтации.

Польские военные и не скрывали своего отношения к советской действительности. Без стеснения они обсуждали такие вопросы, как шансы СССР на отражение немецкого наступления, отношение властей к нерусским народностям, повсеместное искажение правды о мире, называли СССР страной коллапса цивилизации. Такие разговоры велись не только в своем кругу, но и среди местного населения, зачастую в форме нотаций, тоном культурного превосходства. Высказывались неосторожные, эмоциональные суждения о мучениях в лагерях, депортациях, тюрьмах и концлагерях. Раскрытие таких настроений вездесущими «оперативниками» НКВД было одним из главных аргументов за то, чтобы избавиться от Польской армии.

Несогласие направить на фронт отдельно взятую дивизию явилось так необходимым поводом к конфликту. Без него трудно было бы остановить процесс разрастания Войска польского, прекратить отток дармовой рабочей силы из трудовых лагерей, мест принудительного поселения, трудовых батальонов или из лишившихся мужчин совхозов.

Разногласия по поводу ввода в бой 5-й пехотной дивизии приняли более спокойную форму после неожиданного разговора Сталина с генералом Андерсом, состоявшегося 18 марта 1942 г. Было решено увеличить продовольственный паек до уровня 44 тыс. Сталин согласился на эвакуацию в Персию еще 40 тыс. польских солдат. Особенно важным был отказ советской стороны от требования направлять польские дивизии на фронт по мере их формирования. По этому вопросу Сталин высказался однозначно: «Мы не торопим поляков идти на фронт. Поляки могут выступить тогда, когда Красная армия дойдет до польских границ»⁶.

С точки зрения общепринятых дипломатических процедур сам факт такой встречи был событием. Беседа командующего польскими войсками с главой — пусть неформальным — советского государства в отсутствие посла заставляла задуматься. Сталин явно играл на углубление раскола среди поляков.

Так называемая первая эвакуация Польской армии на Ближний Восток прошла в конце марта — начале апреля 1942 г. В результате территорию СССР покинули более 30 тыс. солдат и около 12 тыс. вспомогательного гражданского персонала.

Следует признать, что для польской стороны — как для премьера Сикорского, так и для генерала Андерса — самым важным было вывести из СССР как можно больше поляков, военных и гражданских. Оставление же в СССР Польской армии силой до корпуса, как планировал премьер в конце апреля 1942 г., позволяло сохранять призывные пункты, продолжать призыв и непрерывно направлять излишки солдат на Ближний Восток. Таким образом, выполнялось обещание оставить в СССР польские войска и обязательства перед англичанами, а главным образом продолжалась спасательная акция.

Тем временем атмосфера польско-советских отношений начала быстро портиться. С советской стороны множились обвинения посольства РП и его сети представительств по делам репатриации в разведывательной деятельности и антисоветской пропаганде. Местные органы власти стали отбирать у поляков выданные им ранее справки об их польском гражданстве, принуждая многих из них вступать в стройбатальоны⁷ или в Красную армию. В конце апреля 1942 г. был заблокирован призыв в Польскую армию. В административном порядке были закрыты пункты учета польских военнослужащих, а также пункты снабжения на так называемых железнодорожных узлах.

Стремление вновь получить право на проведение призыва, без сомнения, самый важный пункт во всей политике премьера Сикорского в отношении СССР, определяло взаимоотношения между двумя государствами в последующие месяцы 1942 г.

2 июля Наркоминдел проинформировал британского посла в Москве Арчибалда Кларк-Керра о согласии советского руководства на перемещение трех дивизий Польской армии в Персию. В свою очередь британское правительство заявило премьеру Сикорскому, что в случае согласия правительства РП на вывод войск Великобритании немедленно поспешит на помощь с целью их довооружения и экипировки.

Полный вывод войск с территории СССР грозил серьезным ослаблением международных позиций правительства РП в эмиграции. В деле их укрепления Польская армия в СССР, несмотря ни на что, — сила достаточно независимая, была главным козырем. В памятной записке, направленной 4 июля в Форин офис, согласие польских властей на вывод армии увязывалось с выполнением советской стороной ряда условий, в частности, формальным согласием на продолжение призыва в армию — вплоть до исчерпания людских резервов. Конечно, адресатом этих условий был не Форин офис, а советское правительство. А то, что условия были поставлены именно таким способом, свидетельствовало о примирении польской дипломатии с практикой реализации контактов между Москвой и Лондоном через правительство РП.

Советское правительство почти никак не отреагировало на польские условия, переданные ему англичанами. Оно ограничилось фразой, что, «учитывая ситуацию,

сложившуюся на Ближнем Востоке, Советское правительство не против использования там 3 польских дивизий, находящихся в СССР». Иными словами, оно представило все дело так, будто это польская сторона была просителем.

31 июля в Ташкенте был подписан протокол об эвакуации Польской армии и членов семей польских военнослужащих в Персию. Покинуть территорию СССР должны были все части без исключения. Советская сторона отказалась сохранить в СССР призывные пункты, о чем до последнего момента ходатайствовало правительство РП в эмиграции.

Проведенная в два этапа⁸ полная эвакуация Польской армии из СССР явилась дипломатическим поражением правительства РП. Мало того, что столь проблемная для Советов армия покидала их территорию, но к тому же покидала ее в атмосфере обвинений в стремлении уклониться от боя, в нарушении договора от 30 июля 1941 г., в обмане союзника.

Отказались эвакуироваться начальник эвакуационной базы в Красноводске подполковник Зигмунт Берлинг и два его офицера. В будущем Берлингу предстояло сыграть ключевую роль в создании новой, «истинно» польской армии.

Вывод армии из Советского Союза существенно ослабил позиции Польши в антифашистской коалиции. Много факторов повлияло на такое решение, в первую очередь — активность английской дипломатии и советские идеологические мотивы; с другой стороны — взаимное непонимание между премьером Сикорским и генералом Андерсом, а также дипломатические ошибки посольства РП. Факт, что важнейшие для будущего Польши события разворачивались на Востоке, и основу добрых взаимоотношений следовало заложить путем военного сотрудничества. Но для этого нужна была взаимная воля двух сторон. Поляки были по этому вопросу разобщены, Сталин же с весны 1942 г. явно избегал такого сотрудничества.

Зарождение так называемой левой альтернативы в решении польского вопроса. Предложение Сталина о так называемой левой альтернативе в решении польского вопроса связано с Союзом польских патриотов. Официально датой его создания считается июнь 1943 г. Но это был лишь венец процесса, инициированного советскими властями значительно раньше, в 1942 г., когда стала зарождаться уверенность, что на заключительном этапе победоносной войны Красная армия имеет все шансы первой войти в Центральную Европу и продиктовать условия ее будущего облика.

При помощи Коминтерна, а после его роспуска (июнь 1943 г.) — усилиями Отдела международной информации ЦК ВКП(б) был развернут широкий круг мероприятий, направленных на обеспечение коммунистам Польши, Чехословакии и Югославии благоприятных условий для прихода после войны к власти. Целью этого было создание вдоль западных границ (северо-западных, юго-западных) зоны или полосы государств, находящихся под строгим контролем Москвы. Такая политика была нацелена на защиту территориальных завоеваний, укрепление достигнутых в конце войны позиций на мировой арене, сохранение статуса «политической державы».

Своего рода побудительным мотивом к созданию положительного имиджа «истинных» поляков явилась программа из семи пунктов, переданная Сталину в конце сентября — начале октября подполковником Зигмунтом Берлингом от имени сплотившейся вокруг него группы офицеров, которые отказались покинуть СССР

во время второго этапа эвакуации. В программе говорилось о необходимости построения «парламентской республики, свободной и суверенной», полностью независимой от лондонского правительства, которое «перестало представлять интересы польского народа». В такой республике, которая будет находиться в «прочном, неразрывном союзе и дружбе с СССР», власть будет принадлежать «трудящемуся народу». Эта новая, демократическая Польша не будет «предъявлять притязаний на земли, населенные в большинстве украинцами, белорусами и литовцами»⁹.

Разработка этой программы сопровождалась значительным ростом активности польских коммунистов. Они объединились вокруг редакции журнала «Нове Виднокренги» («Новые горизонты». — *Прим. пер.*), которая должна была явиться противовесом посольству РП. Грубые атаки на правительство Сикорского на страницах этого журнала сопровождались целенаправленными публицистическими статьями, призывавшими отказаться от довоенных границ на востоке ради «перемещения» Польши на запад. К концу 1942 г. советская пропаганда почти открыто начала превращать польских коммунистов в политическую альтернативу правительству РП в Лондоне. В беседах с польскими коммунистами Сталин откровенно говорил, что он намерен «пойти на всё в польском вопросе»¹⁰.

В этом «пойти на всё» отношения с правительством в эмиграции были помехой. Советское руководство лишь ожидало удобного случая и повода, чтобы их разорвать. Польская сторона отдавала себе отчет в истинных намерениях Сталина. «Создавалось впечатление, — вспоминает министр иностранных дел РП Эдвард Рачинский, — что приближается момент, когда Сталин разорвет отношения с легальным польским правительством. Он, видимо, лишь ждал удобного момента»¹¹.

После января 1943 г. массированная антипольская кампания в советской прессе и на радио приобрела такие размеры, что — по мнению посторонних наблюдателей — можно было со всей уверенностью сделать вывод: отношение СССР к польскому правительству приобрело характер «открытой враждебности»¹², что Кремль однозначно взял курс на то, чтобы спровоцировать правительство РП. В это время покровительство так называемой «польской левице» (польским левым силам. — *Прим. пер.*) и дискредитация правительства РП в эмиграции стали ежедневной темой в советской прессе.

Как известно, таким предлогом к разрыву дипломатических отношений стала реакция правительства РП на информацию Радио Берлина об обнаружении массовых захоронений пленных в Катынском лесу.

Разрыв советскими властями отношений с правительством РП в эмиграции самым драматичным образом повлиял на его дипломатические возможности. Тем более что в середине мая был распущен Коминтерн, с 1919 г. являвшийся центром международного коммунистического движения, своего рода штабом конфронтации с демократическими государствами. Это сообщение вызвало на Западе энтузиазм, уверенность в том, что Советский Союз действительно сошел с пути идеологической конфронтации и в будущем на него можно положиться как на союзника. Это ставило правительство РП в очень неблагоприятное положение, сводило к минимуму его шансы победить так называемую левую альтернативу решения польского вопроса. И от того, куда польский вопрос зашел весной 1943 г., уже не было пути назад.

Вместе с тем в столь драматичный момент, каким явилось раскрытие катынского преступления и разрыв отношений, советские власти неизменно уверяли союзников, что они ни в коей мере «не думают о создании в Москве польского коммунистического правительства»¹³. Это создавало видимость, что возобновление отношений с правительством РП возможно, и именно в этом направлении начала действовать англосаксонская дипломатия, принявшая эту игру за чистую монету.

Упомянутый выше Союз польских патриотов в первом, неформальном периоде своей деятельности, то есть до I съезда в июне 1943 г., оперировал широкой политической формулой, рассчитанной на то, чтобы привлечь не только коммунистов, но и так называемых людей левых убеждений (левоцентристов). Его политическая программа сводилась к нескольким привлекательным лозунгам типа: борьба с немецкими оккупантами в союзе с Красной армией, возрождение польского государства в справедливых границах, опираясь на силы, оппозиционные правительству РП, в форме парламентской демократии при реализации прогрессивной программы социальных и экономических реформ.

При значительной помощи советских властей весной 1943 г. СПП начал подготовку к формированию своих структур. Имея в своем распоряжении средства не только на пропагандистскую, но и на социальную акцию (финансирование опекунских домов, сиротских приютов, школ, принятых от посольства РП), он постепенно начал сглаживать естественное отчуждение, даже враждебность со стороны польских ссыльных. Со временем он снискал среди поляков на местах сравнительно сильную поддержку, облегчившую переход к следующему этапу разыгрывания «левой альтернативы» — повторному созданию Польской армии в СССР, но уже в ином идеологическом облике.

Решение о возобновлении формирования на территории СССР польских вооруженных сил было принято в мае 1943 г. А формирование Первого корпуса польских вооруженных сил в СССР сначала силой до дивизии (1-я пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко) началось в августе 1943 г. Его командиром стал уже в звании генерала Зигмунт Берлинг, но линейный командный состав был представлен почти полностью делегированными советскими офицерами. В свою очередь так называемое политико-воспитательное звено составляли главным образом коммунисты, члены бывшей Коммунистической партии Польши и Коммунистического союза молодежи Польши. Во всех отношениях — политическом, организационном и оперативном — эти войска подчинялись советскому командованию. На начальном этапе формирования и боевой подготовки, в октябре 1943 г., дивизия им. Костюшко была направлена на фронт и получила боевое крещение под населенным пунктом Ленино на Смоленщине. Она была задействована в операции прорыва сильной, глубокоэшелонированной немецкой обороны.

Операция, в которой участвовали костюшковцы, играла важную тактическую роль — имитировала наступательные действия, связавшие немецкие силы на правом фланге Западного фронта, чтобы они не могли быть переброшены на направление главного удара Красной армии — в его центр. Об этой роли 1-й дивизии вообще не было информировано ее командование, которое добросовестно и послушно стремилось пробить брешь в обороне противника, что вовсе и не планировалось на более высоких уровнях управления. В результате поляки, практически лишен-

ные поддержки соседей, на плохо разведанной местности понесли огромные потери: более 3 тыс. солдат, то есть 25% боевого состава. Дивизия потеряла способность к наступательным действиям и была выведена в резерв фронта.

Обескровить дивизию им. Костюшко — такую цель, по-видимому, преследовала эта акция под Ленино, которая носит все признаки преднамеренного мероприятия. Ибо даже независимо от того, что командование дивизии не было информировано об истинном, тактическом характере поставленной ей задачи, трудно предположить, чтобы такое сосредоточение поразительных, просто преступных ошибок в управлении войсками на уровне высшего объединения могло быть случайностью. Огромные потери, которые понесла 1-я пехотная дивизия, стали в руках Сталина в Тегеране веским аргументом в подтверждение тезиса о значительной роли Союза патриотов Польши и ее вооруженных сил, которые — в отличие от выведенной из СССР армии Андерса — не щадят крови ради общей победы Объединенных Наций.

В марте 1944 г. Первый корпус был преобразован в Польскую армию в СССР, подчиненную в оперативном отношении командованию 1-го Белорусского фронта. Она оказалась во втором эшелоне фронта на Волыни и, не получив задач на наступление, посвятила последующие месяцы усиленной подготовке, главным образом идеологической. На основе этой армии и действовавшей в Польше Армии Людовой в июле 1944 г. было создано единое «народное» Войско Польское.

По планам Кремля, Польша должна была возродиться как государство-сателлит СССР и — как выразился заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Иван Майский — «не слишком сильное и не слишком большое»¹⁴. Первые наброски программных основ так понимаемого польского государства содержались в проекте декларации, подготовленной Союзом польских патриотов в декабре 1943 г. и выдвигавшей в качестве «первостепенного вопроса польской политики ... дружбу ... с Советским Союзом и Чехословакией»¹⁵.

А для того чтобы обеспечить видимость достоверности, подготовку к созданию в Москве «польского правительства» начали не советские власти, а послушные им поляки. В конце 1943 г. начала свою деятельность «Организационная комиссия Польского национального комитета» в составе: Ванда Василевская, Анджей Витос и Яков Берман. Об интенсивности работы этой комиссии говорит тот факт, что с 25 декабря по 3 января 1944 г. она провела шесть заседаний. Но ее деятельность была приостановлена, так как в Москве стало известно о создании в Польше какой-то не очень известной структуры, претендующей на то, чтобы представлять левую просоветскую ориентацию.

Действительно, в ночь с 31 декабря 1943 г. на 1 января 1944 г. по инициативе коммунистов была создана Крайова Рада Народова — подпольный квазипарламент тех политических сил, которые были готовы реализовать концепцию решения польского вопроса, проталкиваемую Советским Союзом. В своей программной декларации КРН отказала правительству РП в эмиграции в праве выступать от имени польского народа и призвала польское общество высказаться за политику, в которой будущее государства будет основано на союзе с СССР.

Отсутствие налаженной связи, недостаточно хорошее знание людей, входящих в КРН, явилось причиной того, что сначала советские власти отнеслись к ней с

большим недоверием. Тем более что КРН родилась в особый момент, непосредственно перед вступлением на польскую землю Красной армии.

Для того чтобы сориентироваться в обстановке и сделать ставку на нужных людей, Центральный Комитет ВКП(б) создал 1 февраля 1944 г. Центральное бюро коммунистов Польши (ЦБКП). Его возглавил в качестве председателя Александр Завадский, а в состав его вошли, в частности, Яков Берман, Станислав Радкевич и Ванда Василевская. Это была засекреченная структура, о существовании которой не было известно ни польским коммунистам в СССР, ни Центральному комитету Польской рабочей партии (ППР) в Польше. В задачу Бюро входил подбор и рекомендация советским властям надежных людей на руководящие должности высшего и среднего звена управления в создаваемых и планируемых к созданию учреждениях «новой», просоветской Польши, своеобразное подтверждение их морально-нравственных качеств. Бюро даже предприняло попытку, наверняка не без подсказки со стороны советских властей, создать на оккупированной Германией территории Польский партизанский штаб, стремясь подчинить своему влиянию ППР и получить контроль над Армией Людовой. Действуя в составе Польской армии в СССР, штаб готовил и перебрасывал на занятую немцами территорию разведывательно-диверсионные группы. Вплоть до своего роспуска в январе 1945 г. этот штаб не признавал верховенства над ним командования Армии Людовой.

Ранее, в конце мая 1944 г., такую «легализацию» со стороны ЦБКП, а тем самым и со стороны советских властей, получила Крайова Рада Народова — в форме заверения, что они признают ее будущий исполнительный орган и установят с ним формальные отношения. Но это не положило конец взаимному непониманию между ЦБКП и КРН, недоверию к людям ППР.

Новая аннексия восточных земель II Речи Посполитой. В ночь с 3 на 4 января 1944 г. наступающие части Красной армии вступили на восточные земли II Речи Посполитой, перейдя на вольнском участке (Рокитна) границу, согласованную по Рижскому мирному договору. Предвидя скорое вступление советских войск на эту территорию, премьер Станислав Миколайчик в конце 1943 — в первые дни 1944 г. при посредничестве британских дипломатов неоднократно предлагал скоординировать действия наступающей Красной армии и действия Армии Крайовой (АК). Но безрезультатно.

Получив сообщение о том, что советские части уже находятся на восточных землях Речи Посполитой, правительство РП в эмиграции сделало заявление, в котором выразило сожаление, что до этого момента не были возобновлены взаимные отношения, прерванные в апреле 1943 г., что позволило бы наладить военное взаимодействие. Оно выразило также надежду, что советские власти «будут уважать права и интересы Речи Посполитой и ее граждан»¹⁶.

Это заявление вызвало резкую реакцию советской стороны. В опубликованном 11 января ответном заявлении она однозначно отвергла возможность какой-либо дискуссии в плоскости Рижского договора, определив его как «захват» и указав одновременно на возможность расширения польских границ на западе за счет Германии («земель, ранее захваченных Германией»). Этот документ, опубликованный в прессе, не был адресован властям РП; в тексте однозначно назывался Союз

польских патриотов как возможный партнер в установлении «сильной и независимой Польши»¹⁷.

15 и 16 января правительство РП в эмиграции обратилось к правительствам Англии и США с нотами протеста против действий Советов, призывая Лондон и Вашингтон незамедлительно выступить в роли посредников в организации непосредственных польско-советских переговоров. К этому обязывала инструкция правительства РП от октября 1943 г., предусматривающая заявление дипломатического протеста в случае перехода Красной армией довоенной границы — при условии, что ранее не будут установлены дипломатические отношения. Но заявление ТАСС от 17 января однозначно указывало на то, что Москва не намерена вступать в какие-либо переговоры с правительством Станислава Миколайчика. Положение кабинета стало просто драматичным в связи с позицией британских властей, которые стремились склонить премьера к тому, чтобы он принял советские требования в качестве платформы возможных переговоров, и особенно к тому, чтобы он согласился принять линию Керзона за исходный пункт при определении границ.

В занятых 12 января Сарнах — первом крупном польском городе при помощи НКВД был организован «спонтанный митинг населения», на котором был принят приветственный адрес Сталина. В нем выражалась великая радость от того, что жители города вновь стали «свободными гражданами великого Советского Союза» и что их ожидает «счастливая, советская жизнь под солнцем конституции Сталина»¹⁸. Такие же митинги проводились и в других населенных пунктах, на которых так же ловко принимались такие же резолюции.

Для защиты населения от мести отступающих немцев, от нападений украинских националистов и от угрозы со стороны Красной армии комендант Волынского округа Армии Крайовой полковник Казимеж Бомбиньски распорядился в начале января провести мобилизацию в формируемую 27-ю Волынскую пехотную дивизию АК. Дивизия почти сразу же вступила в бой с немецкими частями, и в огне этих боев за неполные три месяца личный состав дивизии увеличился до более чем 7 тыс. человек. И это вполне понятно, если принять во внимание настроения местного населения, которое — как признавало даже Центральное бюро коммунистов Польши — «в подавляющем большинстве связывает свою судьбу с возрождением независимой Польши». Такие же настроения царили и среди сотрудничающих с Красной армией «рабочих и крестьянских элементов»¹⁹.

20 марта в штаб 27-й пехотной дивизии прибыл советский офицер, уполномоченный вести переговоры о взаимодействии между дивизией и советскими частями. Уже в результате предварительного обмена мнениями было организовано боевое взаимодействие 27-й дивизии с 54-м и 56-м гвардейскими кавалерийскими полками Красной армии на участке фронта под Ковелем. Неожиданно часть раздробленной в ходе боев с немцами дивизии была разоружена и интернирована советскими войсками. Оставшаяся часть по приказу командующего АК генерала Тадеуша Бур-Коморовского отошла в район Люблина, освободив по пути Любартов и Коцк. После того как командование дивизии отвергло предложение подчиниться Польскому комитету национального освобождения (ПКНО), в июле 1944 г. она была там также разоружена.

На последовательно занимаемых Красной армией бывших восточных землях II Речи Посполитой началось воспроизведение советских структур власти — начиная с областей и районов и до каждой отдельной деревни. На этих территориях польское население — после первой советской оккупации, затем немецкой оккупации, после целого ряда депортаций и выселений — было уже не столь многочисленным и значительно хуже организованным, чем в центральных областях Польши. Особенно отчетливо это было видно в юго-восточных районах II Речи Посполитой, где к потерям в результате обеих оккупаций добавился еще один фактор — массовые преступления против поляков, совершенные украинскими националистами. Несмотря на это, на землях, присоединенных в 1939 г. к Советскому Союзу (так называемые Западная Белоруссия и Западная Украина), легализовались уездные представительства правительства РП. Но они были не в состоянии начать работу. Вскоре они были разгромлены, а их деятели арестованы или вновь ушли в подполье, на этот раз антисоветское.

Воссоздавая местные органы гражданской администрации, Советы были вынуждены набирать со стороны необходимый доверенный актив, особенно лиц, которые сотрудничали с ними на восточных окраинах Польши в период первой оккупации в 1939–1941 гг. Это было логично, но не сулило административного успеха, потому что этих людей даже в партийной среде называли не иначе как «гниль и подхалимы»²⁰. Их направление на бывшие территории Речи Посполитой рассматривалось в центре как своеобразная ссылка. По имеющимся оценкам, после окончания боевых действий (включения в административную систему Белорусской и Украинской ССР) административные кадры местного происхождения составляли на этих западных окраинах Советского Союза не более 10%.

Быстрее продвигалось создание сети советской гражданской администрации на уровне областей и районов, проводившееся под непосредственным прикрытием НКВД и армии. Значительно медленнее шло дело в сельских районах, особенно в южной части страны (Волынь, Восточная Галиция), где активно действовало подполье — в основном украинское, но также и польское. На некоторых территориях советская власть ограничивалась лишь гарнизонными городками. Единственным эффективным способом решения этой проблемы считались массовые репрессии против населения.

Как следует из информации заместителя народного комиссара внутренних дел СССР Василия Чернышова, решение о нормализации в этой области в сталинском стиле, то есть путем депортации населения, было принято на рубеже марта—апреля 1944 г. Вскоре с территории так называемой Западной Украины отправились первые эшелоны, увозившие в глубь СССР более 23 тыс. из того небольшого количества поляков, которые там еще оставались²¹. По всем окраинным областям начались массовые превентивные аресты.

Столь сложная обстановка на местах, на вновь занятых восточных землях II Речи Посполитой не оказала влияния на реализацию сталинского плана решения так называемого польского вопроса в соответствии со сценарием «левой альтернативы». Выполнение этого плана было ускорено в связи с важной инициативой правительства РП в эмиграции.

26 апреля 1944 г. президент РП Владислав Рачкевич огласил декрет о создании временной администрации на оккупированной территории, на основании которого специальным уполномоченным правительства (в ранге заместителя министра) 4 мая был создан так называемый Национальный совет министров РП. Его главной задачей была подготовка условий для всеобщего вооруженного восстания и захвата власти на территориях, с которых уходили оккупационные немецкие войска. Это нарушало планы Кремля в отношении польских земель, которые оказались западнее линии разграничения, зафиксированной в секретном протоколе к советско-германскому Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Учитывая сложившуюся обстановку, Сталин вернулся к концепции Польского национального комитета, от которой отказались после получения Москвой информации о создании Крайовой Рады Народовой. Разработку этой концепции он поручил (примерно 22 июня) Центральному бюро коммунистов Польши, в состав которого без ведома секретаря ЦК ППР и соорганизатора КРН Владислава Гомулки был кооптирован находящийся в Москве член делегации КРН Мариан Спыхальский. В течение месяца работа была закончена, а ее результатом — после соответствующей правки Сталиным — стал Польский комитет национального освобождения (ПКНО).

Сталин и Варшавское восстание. В конце июля войска 1-го Белорусского фронта вышли на восточные окраины Варшавы. Их появление там, а также полная уверенность жителей, что немцы уйдут из этого региона, побудили главного коменданта Армии Крайовой отдать приказ о начале в столице вооруженного восстания. Оно должно было стать еще одним прикрытием операции «Буря» — удара в тыл отходящим немецким войскам, занятия основных населенных пунктов, создания в них органов администрации уполномоченными представителями власти Польского государства и встречи наступающих частей Красной армии в роли хозяина. Предыдущие попытки осуществить эту операцию — в частности, силами вышеупомянутой 27-й пехотной дивизии на Волыни или частей АК на Виленщине (Новоградский и Вильнюсский округа), несмотря на установление боевого взаимодействия с Красной армией — окончились драматически. Но реальной альтернативы плану «Буря» не было.

В восстании в Варшаве участвовали все действовавшие в городе подпольные организации, включая отряды Армии Людовой. Таким образом, оно приобрело форму общенационального выступления.

Решение о начале восстания в Варшаве было принято внезапно, оно опиралось на не до конца проверенные сведения. Восстание началось без согласования с Красной армией. Не советовались и с западными союзниками.

Уже в первые часы контекст начатой борьбы оказался совсем иным, нежели доносила разведка, данные которой оказали решающее влияние на принятие решения о начале восстания. Немецкие силы в городе не только не уменьшились, но были значительно увеличены. В пригородах Варшавы в районе Радзымин-Воломин немецкие дивизии разбили 2-ю Гвардейскую танковую армию, что вынудило войска 1-го Белорусского фронта приостановить наступление. Ситуация повстанцев стала драматической.

Восстание в Варшаве нарушило последовательное выполнение Сталиным его концепции решения польского вопроса путем так называемой «левой альтернати-

вы». Тем более что оно приобрело настолько всеобщий, чрезвычайно политический характер, что сообщения о нем распространились по всему миру. Успех восстания и появление в восставшей Варшаве власти в виде так называемого Национального совета министров РП могли существенно осложнить легализацию только что созданного Польского комитета национального освобождения.

При этом характерно, что за два дня до часа «W» (час начала восстания) по Московскому радио был зачитан призыв СПП к населению Варшавы начать борьбу против немцев. Радиостанция им. Тадеуша Костюшко в многократно повторяемой передаче 30 июля призывала: «Население Варшавы! К оружию! ... Ударьте по немцам. Помогите Красной армии»²².

Остается невыясненным вопрос, когда Сталин принял решение не брать Варшаву. Советская военная разведка, конечно, быстро получила сведения о начале восстания. Тем не менее 3 августа во время первой беседы с находившимся с визитом в Москве премьером правительства РП Станиславом Миколайчиком Сталин сделал вид, что ничего о нем не знал. Наверняка он старался выиграть время, необходимое для выработки позиции по этому новому, важному контексту продолжающегося наступления. Двумя днями позже, отвечая на письмо премьера Черчилля по этому вопросу, он, в частности, отмечал: «Думаю, что сообщенная Вами информация поляков [о начале восстания в Варшаве. — *В. М.*] сильно преувеличена и не внушает доверия»²³.

По первоначальному плану наступления Варшава должна была быть занята Красной армией до 6 августа 1944 г. В новой обстановке, после проигранного танкового сражения, 8 августа командующий фронтом маршал Константин Рокоссовский представил на утверждение скорректированный план взятия города. Он предусматривал начать в середине третьей декады августа крупную операцию по захвату Варшавы «всеми силами фронта»²⁴. Сталин, однако, этот план не утвердил и приказал остановить наступление на подступах к столице Польши. Не желая вызвать упреки в том, что он пассивно наблюдает за уничтожением города, он распорядился продолжать ограниченные наступательные действия на другом направлении, севернее города, а в случае их успешного проведения приступить к операции по ликвидации предместных укреплений противника, то есть к так называемой Пражской операции. Одновременно продолжались активные оборонительные действия на Магнушевском плацдарме южнее Варшавы. Все это действительно создавало впечатление продолжения наступления, но не облегчало положения борющихся повстанцев. К категории мнимых действий следует отнести также начатую 13 сентября, то есть уже в заключительной фазе восстания, советскую акцию по сбросу с воздуха помощи восставшей Варшаве.

В переписке с премьером Черчиллем и президентом Рузвельтом в середине августа Сталин называл начавшееся в Варшаве восстание «безрассудной ужасной авантюрой»²⁵, а руководство восстания считал «кучкой преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру»²⁶.

Советская сторона никак не отреагировала на предпринятую в первые дни восстания попытку Главного командования АК установить связь со штабом 1-го Белорусского фронта. Переданное Сталину через Миколайчика и через Британскую военную миссию в СССР донесение по этому вопросу (Константина Калугина)

осталось без ответа. Не последовало реакции и на телеграмму с просьбой согласовать совместные действия, отправленную маршалу Рокоссовскому 11 сентября командующим восстанием генералом Тадеушем Коморовским «Бором». Терпели неудачу также и неоднократные попытки в период 12–15 сентября установить контакт при помощи переправляемых на правый берег Вислы связников. Лишь несколькими из них удалось связаться со штабом фронта и командующим 1-й армии Войска Польского, но реального взаимодействия из этих контактов не получилось.

И переброска в Варшаву 20 сентября опытного офицера разведки капитана Ивана Колоса с радисткой не была попыткой установить связь, а лишь стремлением получить из первых рук информацию о положении в городе. То же можно сказать и о переброске в город 24 сентября капитана Чеслава Пеняка, поддерживавшего связь со штабом 1-й армии Войска Польского.

Сталин не ответил на просьбу англичан от 5 августа оказать повстанцам срочную помощь в виде сброса с воздуха оружия и боеприпасов²⁷. Более того, он не дал согласия на приземление за линией фронта самолетов союзников, которые могли бы оказать восстанию такую помощь. Несмотря на это, уже в конце первой декады августа английские самолеты совершили полеты с помощью для борющейся Варшавы. Но невозможность приземления на правом берегу Вислы существенно ограничивала масштабы союзнической помощи повстанцам и приводила к большим потерям. Не представляется возможным, чтобы, отказывая в приземлении самолетов союзников за линией фронта, Сталин руководствовался какими-то иными мотивами, кроме желания воспрепятствовать эффективной поддержке восстания и уменьшить его шансы на успех.

Кроме того, чтобы ускорить момент подавления восстания, Сталин приказал командующим фронтами, действующими на польской территории, вылавливать и разоружать местные отряды АК, спешащие на помощь сражающейся Варшаве.

14 сентября войска 1-го Белорусского фронта заняли правобережную Варшаву. Продолжать игнорировать борющийся город стало нецелесообразно с пропагандистской точки зрения, особенно учитывая солидарность с повстанцами воинов 1-й армии ВП. Отсюда и согласие Сталина на десантную операцию силами Войска Польского.

План, наспех разработанный генералом Берлингом, предусматривал десантирование в три эшелона основных сил 1-й армии. В первом эшелоне на левый берег Вислы — в район Гурного Чернякава, моста Понятовского и Маримонта (Кемпы Потоцкой) — удалось переправить немногим более четырехсот солдат. Продолжение операции оказалось невозможным из-за отсутствия десантных средств, а также элементарной поддержки со стороны командования фронта. А тем временем в его распоряжении все время были две советские армии (47-я и 70-я), а также резервы фронта.

Бои за варшавские плацдармы, которые с 17 по 23 сентября велись силами, абсолютно не пропорциональными этой задаче, оказались очень кровопролитными и малоэффективными. А эффекта ожидать и не приходилось, так как речь шла лишь о демонстрации помощи восставшей Варшаве, а не об оперативном успехе, чреватом политическими осложнениями.

Потери оставшихся без поддержки поляков достигли 5 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести. По приказу маршала Рокоссовского 23 сентября десантная операция была прекращена и войска 1-го Белорусского фронта перешли к обороне вдоль правого берега Вислы. Им предстояло оставаться здесь до января будущего года.

Задержав у ворот Варшавы наступление 1-го Белорусского фронта, Сталин, без сомнения, руководствовался политическими соображениями, ставя их выше военных, оперативных, а также моральных. Он позволил немцам подавить восстание, что предотвратило создание на освобожденных польских землях конкурентного по отношению к Люблину (ПКНО) центра польской административной власти. Чужими руками он избавил себя от очень серьезной проблемы.

Это было и остается очевидным также для неисториков, хотя бы для Владимира Высоцкого, который в своем прекрасном стихотворении «Дорожный дневник» писал:

В моем мозгу, который вдруг сдавило
Как обручем, — но так его, дави! —
Варшавское восстание кровило,
Захлебываясь в собственной крови...

Дрались — худо, бедно ли,
А наши корпуса —
В пригороде медлили
Целых два часа.
В марш-бросок, в атаку ли —
Рвались, как один, —
И танкисты плакали
На броню машин...

Военный эпизод — давно преданье,
В историю ушел, порос быльем, —
Но не забыто это опозданье,
Коль скоро мы заспорили о нем.

Почему же медлили
Наши корпуса?
Почему обедали
Эти два часа?
Потому что, танками,
Мокрыми от слез,
Англичанам с янками
Мы утерли нос!²⁸

Легализация «люблинской» Польши — Польский комитет национального освобождения. Случай к формальному началу процесса создания правящего органа «левой альтернативы» представился 15 июля 1944 г., когда Крайова Рада Народова в лице Эдварда Осубки-Моравского и Союз патриотов Польши в лице Ванды Василевской официально обратились к Сталину по поводу «необходимости создания временного польского правительства»²⁹. Этой мыслью двумя месяцами раньше Ста-

лин поделился с Оскаром Ланге, отметив, что в польском вопросе, осложняющем отношения между союзниками, «самым лучшим было бы создать в районе Польши какое-нибудь временное правительство в виде Национального комитета, который заставил бы Англию и Америку признать его»³⁰.

После беседы Сталина с представителями КРН и СПП 19 июля было принято решение о создании представительства Крайовой Рады Народовой на освобожденных территориях, которое должно было организовать гражданскую администрацию за так называемой линией Керзона по мере продвижения Красной армии в западном направлении. Но через два дня, 21 июля 1944 г., по указанию Сталина было «решено» создать не представительство, а квазиправительство — уже упоминавшийся Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Его «Манифест» от 22 июля был до мельчайших подробностей согласован со Сталиным.

В ноте советскому Народному комиссариату иностранных дел ПКНО определил себя как «временный исполнительный орган Крайовой Рады Народовой», созданный в «исторический момент» для «руководства освободительной войной народа, завоевания независимости и восстановления польской государственности»³¹. Так как КРН претендовала на роль подпольного парламента, что официально было подтверждено в ее постановлении от 15 августа 1944 г., это было все равно что назвать его правительством *de facto*, временным — одновременно дезавуирующим компетенции кабинета РП в эмиграции премьера Станислава Миколайчика. Среди основных задач ПКНО, в частности, указывалось «завоевание независимости и восстановление польской государственности»³².

Зато советский патрон, учреждая ПКНО на польских окраинах и действуя под его прикрытием, мог избежать неприятной ситуации, которая возникла бы в случае насаждения прямого советского оккупационного правления. Соответствующим соглашением, парафированным также 20 июля, на ПКНО («представительство КРН») была, в частности, возложена обязанность изыскивать для Красной армии и войск НКВД «средства, материалы и услуги»³³.

Сначала, конечно же по тактическим соображениям, Москва представляла западным союзникам роль ПКНО значительно уже — как временного (чрезвычайного) органа, который, может быть, в будущем станет основой, на которой объединятся польские группировки «действительно демократического характера»³⁴. Это в то же время означало, что не может быть и речи ни о восстановлении отношений с правительством РП в эмиграции, ни о его реконструкции, а если говорить о компромиссе, то он может заключаться исключительно в признании ПКНО как основы будущего польского кабинета. Такой был контекст неудачного визита Станислава Миколайчика в Москву 29 июля 1944 г., охарактеризованный премьером правительства РП как последняя, драматичная попытка воспрепятствовать процессу превращения послевоенной Польши в вассала Советского Союза.

Перед отъездом из Москвы делегация КРН, действовавшая уже от имени Комитета, после коротких переговоров подписала два важных документа: 26 июля — уже упоминавшееся парафированное 20 июля соглашение об отношениях между «Советским Главнокомандованием и Польской Администрацией» после вступления советских войск на территорию, определенную обеими сторонами как польская; 27 июля — двустороннее соглашение о совместной границе. Советская сторона четко

обусловила решение вопроса установления администрации ПКНО на территориях, занятых Красной армией, согласием Комитета (в форме секретного документа) на предложенную линию послевоенной границы между обоими государствами.

Соглашение о границе было сомнительным с точки зрения международного права. Оно было заключено до 1 августа, когда ПКНО был официально признан советскими властями, если выражением этого признания можно считать слова «советское правительство приветствует создание ПКНО» и намерение обменяться «дипломатическими представителями»³⁵.

Объем компетенций ПКНО, способы его действий и принципы сотрудничества с советской стороной наверняка обсуждались со Сталиным во время визита в Москву 4–7 августа Болеслава Берута и сопровождавших его лиц. Официальной целью пребывания делегации КРН в Москве — на фоне продолжавшегося в Варшаве восстания — были переговоры с также находившимися там представителями правительства РП в эмиграции на предмет возможного политического соглашения, формирования совместного правительства и решения вопроса о границах.

Делегацию КРН известили о решении аккредитовать при ПКНО в качестве советского представителя члена Центрального Комитета ВКП(б) Николая Булганина. В документах ПКНО и в издаваемой Комитетом прессе — несмотря на всю убогость этого представительства (*de facto*) — его называли послом. На самом же деле советское представительство получило статус посольства лишь 5 января 1945 г.

Квазидипломатический представитель СССР, действующий генерал, прибыл в Люблин 4 августа в сопровождении профессионального дипломата Владимира Яковлева. О действительной роли, которую Булганин играл в Люблине, говорят его участие в заседаниях ПКНО, постоянные контакты с премьером и руководством Польской рабочей партии. Без его согласия не принимались решения ни по одному важному вопросу. Булганин исполнял свою роль советника, а одновременно и надзирателя за «люблинскими» властями до 20 ноября 1944 г., когда был назначен членом Государственного комитета обороны и заместителем Народного комиссара обороны СССР. Формально его сменил бывший посол при правительствах государств-союзников в Лондоне профессор Виктор Лебедев. На самом же деле функции представителя СССР при ПКНО (позже Временном правительстве РП) исполнял глава советской военной миссии при ПКНО генерал Сергей Шатилов, а Лебедев продолжал исполнять свои обязанности в Лондоне. Так продолжалось до конца января 1945 г.

Следует согласиться с мнением, что Булганин как член Военного совета 1-го Белорусского фронта был хорошо осведомлен не только в военных делах, но и во всем комплексе советской политики по так называемому польскому вопросу. Он был направлен в Люблин в качестве надсмотрщика за процессом формирования навязанной Москвой власти и координации действий в этой области соответствующих советских спецслужб. Конечно, в поле его зрения находился и вопрос соперничества, а вернее — конфликта между Центральным бюро коммунистов Польши и Крайовой Радой Народовой.

Сначала верх брало Бюро, пользовавшееся большим доверием, а точнее — меньшим недоверием Сталина. Именно ЦБКП участвовало в составлении Манифеста ПКНО, в определении его персонального состава, стремилось взять власть над ПРП,

резко критикуя ее программу, а также ограничить роль КРН. Часть членов ЦБКП после вступления Красной армии на польскую землю вошла в состав руководящих органов ПРП, составляя в них наиболее просоветски настроенную группу, стремящуюся максимально сократить переходный период и приступить к полной советизации страны. Учитывая известное недоверие Сталина к польским коммунистам, состояние напряженности между двумя их группами без сомнения поддерживалось сознательно, что облегчало контроль и умелое управление процессом легализации так называемой левой альтернативы.

Создание ПКНО представляло собой лишь начальную фазу реализации этого процесса, хотя и принесло некоторые успехи на международной арене. Главным образом это отношения *de facto* с некоторыми государствами из Объединенных Наций, прежде всего с Францией. Комитет, без сомнения, выполнил свою задачу, которая состояла в том, чтобы приучить международную общественность, и особенно англосакские государства, к сценарию, по которому СССР разыграл так называемый польский вопрос. Кое-какие протесты носили чисто формальный характер, так как фактический раздел сфер влияния уже был произведен раньше, во время встречи глав правительств трех держав в Тегеране. Одновременно ПКНО играл важную роль по управлению польскими землями после вступления на них Красной армии, самим своим присутствием облегчал процесс вытеснения органов местной администрации, созданных польским эмиграционным правительством.

Тем не менее существование Комитета осложняло переговоры с союзниками по поводу послевоенного устройства и не продвигало вперед вопрос международного признания «новой» Польши. Мысли о необходимости отказаться от прежнего вида администрации «левой альтернативы» и придать ей облик не столь временной структуры появились уже в ноябре 1944 г. Было принято решение перейти к более продвинутой форме управления освобождаемой Польшей — создать на ее территории по образцу Франции и Югославии Временное правительство.

Отвечая на протесты англосаксов трактовать ПКНО как польское правительство, Сталин дал ясно понять, что он будет считаться с ними лишь до момента, когда ПКНО преобразуется в «польское временное правительство». Если такой факт будет иметь место, то не будет правовых основ откладывать вопрос его признания. Вскоре после этого, 31 декабря 1944 г., КРН вместо ПКНО создала Временное правительство РП во главе с премьером Осубка-Моравским. Такое решение — в свете приближающейся встречи глав правительств «Большой тройки» в Ялте — должно было легализовать частичное вступление СССР в сферу влияния, согласованную в Тегеране. По замыслу Сталина, новое положение дел должно было также облегчить Рузвельту и Черчиллю принятие решения об отказе от признания правительства РП в эмиграции.

Легализация «люблинской» Польши — Временное правительство РП. 4 января 1945 г. Советский Союз первым получил нотификацию о создании Временного правительства РП. На следующий день Президиум Верховного Совета СССР принял решение о признании его *de jure*; Совет народных комиссаров СССР направил Временному правительству РП акт формального признания и вскоре назначил своим дипломатическим представителем при нем бывшего советника при ПКНО Виктора Лебедева, который занимал эту должность с ноября 1944 г. Прежнее советское пред-

ставительство при ПКНО было преобразовано в советскую Военную миссию в Польше.

В связи с учреждением Временного правительства РП прежний представитель ПКНО в Москве был отозван. Новым официальным дипломатическим представителем в ранге посла был назначен Зигмунт Модзелевский — давний деятель польского и французского коммунистического движения, активист Союза польских партий, член Центрального Комитета ПРП.

Изменения, проведенные в администрации «люблинской» Польши, мало что дали в плане практики осуществления власти. Она продолжала функционировать в рамках полномочий, согласованных с Москвой, а все текущие дела согласовывала с советским представителем в Люблине, а затем — после переноса 1 февраля 1945 г. административного центра — в Варшаве.

Более важным был международный аспект. Проведенный маневр должен был создать впечатление, что люблинская администрация крепнет, выходит из неопределенного состояния «комитета». Это была игра, направленная на изменение негативного отношения стран Объединенных Наций, особенно великих держав, к посаженной в Польше Советским Союзом правящей группировке, на дальнейшую дискриминацию международных позиций эмигрантского правительства РП. Достижение хоть какого-нибудь прогресса в этом вопросе было бы очень важно, учитывая приближающуюся очередную встречу руководителей так называемой «Большой тройки» в Ялте, на которой предполагалось решить проблему послевоенного устройства Европы. Конференция эта проходила с 4 по 11 февраля 1945 г. в условиях, когда Красной армии оставалось до Берлина около 60 км.

Политический торг в Ялте относительно государств Центральной и Восточной Европы проходил без какого-либо участия как эмигрантского правительства РП, так и Временного правительства РП. В результате этого торга по польскому вопросу была принята так называемая ялтинская формула, в соответствии с которой действующее на польской земле Временное правительство РП может рассчитывать на признание великими державами лишь в случае его реконструкции «на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы»³⁶. Процесс такой реконструкции должна была координировать так называемая Комиссия добрых услуг (Трех), в состав которой вошли глава советского ведомства иностранных дел Вячеслав Молотов и аккредитованные в Москве послы англосаксонских государств — Уильям Гарриман и Арчибальд Керр.

Согласованная в Крыму позиция великих держав по польскому вопросу была с удовлетворением принята Временным правительством РП, но не была широко использована в пропагандистских целях. И это неудивительно, так как успех «люблинского» центра в спорном вопросе о правительстве трудно было себе представить без упоминания новых восточных границ государства.

С 14 по 20 февраля 1945 г. в Москве находилась делегация КРН и Временного правительства РП, которая вела трудные переговоры по вопросу нормализации отношений с советской военной администрацией на польских землях, занятых Красной армией, а также по решению текущих хозяйственных проблем. Переговоры касались также многих, часто драматичных вопросов действий НКВД и Крас-

ной армии на занятых Советами польских территориях. Появилась надежда на прекращение широкомасштабного разграбления и разорения промышленных объектов и инфраструктуры (коммуникации, транспорт, линии электропередач, мельницы и т.п.), а также издевательств над гражданским населением — грабежей, избиений, неоправданных арестов и насилия, чинимых советскими комендатурами.

Независимо от результатов, достигнутых в Москве польской парламентско-правительственной делегацией, наблюдатели сходились во мнении, что СССР решительно настроен считать так называемую левую альтернативу в решении польского вопроса основным принципом своей политики, а не каким-то временным тактическим ходом. Это сулило большие проблемы в реализации согласованной в Ялте процедуры формирования Правительства национального единства.

Уже первые заседания Комиссии добрых услуг, которая должна была претворить в жизнь так называемую ялтинскую формулу в вопросе польского Правительства национального единства, показали, что нет никаких шансов на быстрое окончание ее миссии. Советский Союз не намеревался отказываться от полученного на тегеранской встрече в верхах согласия Тройки на широкую сферу его влияния в Центрально-Восточной Европе и допустить создание в Польше кабинета, не полностью ему подконтрольного. Руководитель Комиссии Молотов отверг концепцию создания совершенно нового польского кабинета, он настаивал на трактовке Временного правительства РП не как одной из групп, на базе которых будет сформирован кабинет единства, а как его основы, которую следует лишь дополнить несколькими «лондонскими» и отечественными политиками, так называемыми независимыми. Молотов прежде всего добивался того, чтобы создание польского правительства единства происходило путем непосредственных переговоров между самими поляками, за которыми Комиссия добрых услуг осуществляла бы лишь общий надзор. На такую трактовку условий, поставленных в Ялте, то есть на ограниченную реконструкцию кабинета Осубка-Моравского, не соглашались англосаксонские члены Комиссии, считая позицию Молотова умышленным бойкотом компромисса, достигнутого в Ялте. В конце февраля — начале марта кризис по этим вопросам достиг своей кульминации, работа Комиссии была парализована.

Вскоре кризис углубился еще больше после вероломного ареста сотрудниками НКВД и переправки в Москву шестнадцати подпольных руководителей польского государства. В июне против них был устроен показательный процесс по обвинению в якобы организации диверсий в тылах Красной армии.

Масштабы участия НКВД в терроре против польского населения, преступления, которые совершали эти органы на польской земле, — это особенно трагическая страница наших взаимоотношений в 1944–1945 гг. Власть «люблинской» Польши, не располагавшая соответствующим аппаратом принуждения, была как бы обречена на то, чтобы ходатайствовать об оставлении этих органов на польской земле как можно дольше — несмотря на отсутствие возможности как-то повлиять на их действия, несмотря на их абсолютное самоуправство и безнаказанность, на то, что они совсем не считались с польской администрацией³⁷. Как известно, по личной просьбе Болеслава Берута 64-я Отдельная дивизия внутренних войск НКВД оставалась в Польше вплоть до марта 1947 г. и внесла решающий вклад в укрепление позиций Временного правительства РП, а затем Временного правительства национального единства.

В апреле 1945 г. неожиданно для западных союзников — и несмотря на то что ялтинская формула в вопросе реорганизации польского правительства так и не была реализована — советские власти решились на важный для «люблинского» правительства жест. Таким жестом явилось заключение официального международного соглашения — польско-советского *Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве*. Этот договор, а также способ его подписания должны были наглядно показать англосаксам, что СССР считает безальтернативной свою позицию в вопросе признания Временного правительства РП как базы и основы реализации ялтинской формулы. Они должны были также укрепить авторитет «люблинских» властей, который приобретался с большим трудом и без особых успехов.

В документе уточнялись взаимные обязательства, вытекающие из условий продолжающейся войны, а также намечались перспективы двусторонних отношений после войны, подчиняя их принципу тесного сотрудничества в реализации общей концепции безопасности. Договор носил характер важного регулятора, существенного не только для взаимных отношений, контуры которых он определил на много лет вперед. Тот факт, что Советский Союз подписал такой договор с Временным правительством РП, был, без всякого сомнения, демонстративным жестом по отношению к союзникам. Он подрывал сам смысл ялтинской формулы, по которой Польша могла стать стороной подобного договора лишь после преодоления дуализма власти, после проведения ее «реорганизации». А это произошло значительно позже, в конце июня 1945 г. Поэтому неудивительно, что после объявления о предстоящем подписании польско-советского договора обе англосаксонские державы поспешили предпринять дипломатические шаги, указывая, что предпринятые Москвой действия могут осложнить формирование в Польше кабинета народного согласия, что они нарушают принцип согласованной политики держав в этом регионе.

Сохраняющийся кризис в работе Комиссии добрых услуг вынудил американцев, стремившихся к соглашению с Советами, расширить границы компромисса. Новый президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн, заменивший внезапно скончавшегося Рузвельта, был, как и его предшественник, жизненно заинтересован во вступлении Красной армии в войну с Японией. По оценкам американских военных экспертов, война на Дальнем Востоке могла еще тянуться несколько месяцев и даже лет. Только вступление в нее Красной армии давало шанс на ее быстрое окончание, а тем самым и на сокращение американских потерь. Именно поэтому после окончания боевых действий в Европе Трумэн решил отойти от англичан и пойти на далеко идущий компромисс с Советским Союзом. 19 мая он обратился к Сталину с предложением принять в Кремле его личного посланника Гарри Гопкинса, который был уполномочен обсудить *en bloc* все важнейшие спорные вопросы, в том числе и застывший в мертвой точке вопрос Польского правительства национального единства. Сталин сразу же согласился.

26 мая Гопкинс начал неформальные переговоры в Москве. Они касались путей выхода из тупика во взаимных отношениях, в том числе выработки компромисса по наиболее спорному вопросу — созданию в Польше Правительства национального единства. Гопкинс сразу же признал ведущую роль СССР в деле формирования Польского кабинета национального единства, отмечая, что представители

Люблина должны составлять в нем большинство. При таком состоянии дел на очередной встрече без особых проблем удалось достичь принципиального соглашения и согласовать список лиц — представителей Временного правительства РП, демократических деятелей из Польши и демократических деятелей из-за границы, — с которыми в июне в Москве должна была встретиться Комиссия добрых услуг для уточнения состава и процедуры формирования польского Правительства национального единства.

С 17 по 21 июня в столице СССР проходили заключительные переговоры по вопросу реализации ялтинской формулы о Польском правительстве национального единства. Комиссия добрых услуг пригласила на тур польско-польских консультаций следующих лиц: от КРН и Временного правительства РП — Болеслава Берута, Эдварда Осубка-Моравского, Владислава Ковальского и Владислава Гомулку; от польских демократических деятелей — Винценты Витоса, Зигмунта Жулавского, Станислава Кутшебу, Адама Кшижановского и Генрика Колодзейского; от демократических деятелей из-за границы — Станислава Миколайчика, Яна Станьчика и Юлиана Жаковского.

Результаты встречи, проходившей под сильным давлением держав, сводились к формальному приданию «демократического вида» процессу фактической передачи Польши под советское господство. И это при том, что «заседания проходили в очень бурной обстановке»³⁸. В новом кабинете из двадцати одного портфеля «нелюблинские» политики получили только шесть.

28 июня 1945 г., через неделю после достижения под давлением Москвы соглашения в польско-польских переговорах, Крайова Рада Народова распустила Временное правительство РП. Вместо него было сформировано Временное правительство национального единства.

¹ Правда. 1943. 6 мая.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 122. Оп. 25г. П. 308. Д. 1. Л. 85; Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich (далее: DIM). Т. VII. Warszawa, 1973. Dok. 167. S. 286–287.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 312. Л. 15–17.

⁴ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 25. П. 227. Д. 1. Л. 18.

⁵ Цит. по: *Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej*. Т. II: Kampania na obczyźnie. Cz. 2. Londyn, 1975. S. 231.

⁶ *Z archiwów sowieckich*. Т. II: Armia Polska w ZSSR 194–1942 / Oprac. W. Materski. Warszawa, 1992. Dok. 7. S. 78–79.

⁷ На призванных в стройбатальоны не распространялась амнистия.

⁸ В конце марта — начале апреля 1942 г. был проведен первый этап эвакуации, в результате которого территорию СССР покинуло более 42 тыс. человек, в том числе 12 тыс. гражданских лиц. Второй этап прошел в августе того же года, он охватил около 70 тыс. человек, в том числе более 41 тыс. военных.

⁹ *Berling Z. Z łagrow do Andersa. Wspomnienia*. Warszawa, 1990. S. 306–307.

¹⁰ Воспоминания Ванды Василевской (1939–1944) // *Archiwum Ruchu Robotniczego*. Т. VII. Warszawa, 1982. S. 383.

¹¹ *Raczyński E., Żenczykowski T. Od Genewy do Jaity. Rozmowy radiowe*. Londyn, 1988. S. 69.

¹² *Stosunki polsko-radzieckie w 1943 r. w świetle francuskich dokumentów dyplomatycznych / oprac. Z. Zaks // Dzieje Najnowsze*. 1987. Nr 2. Dok. 3. S. 128.

¹³ *Stosunki polsko-radzieckie w 1943 r. w świetle francuskich dokumentów dyplomatycznych*. Dok. 10. S. 133 (из высказываний посла СССР при союзнических правительствах в эмиграции в Лондоне Александра Богомолова).

- ¹⁴ Внутренняя записка от 10 января 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. 1. 1944–1948 / Ред. Т. Волокитина и др. М., 1999. С. 29.
- ¹⁵ Archiwum Akt Nowych (далее: AAN). KC PPR, 250/1–12. К. 36; Sprawa powołania Polskiego Komitetu Narodowego w Moskwie (grudzień 1943 — styczeń 1944) / Oprac. E. Syzdek // Archiwum Ruchu Robotniczego. T. IX. Warszawa, 1984. Dok. 1. S. 43.
- ¹⁶ DIM. T. VIII. Warszawa, 1974. Dok. 2. S. 6–7.
- ¹⁷ Ibid. Dok. 4. S. 14–15.
- ¹⁸ Archiwum Studium Polski Podziemnej. 3.19.2 [za:] T. Żencykowski, *Polska lubelska 1944*, Paryż, 1987. S. 10.
- ¹⁹ DIM. T. VIII. Dok. 18. S. 43.
- ²⁰ Цит. по: *Jasiewicz K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939–1941 (Białostoczczyzna, Nowogródzczyzna, Polesie, Wileńszczyzna)*. Warszawa, 2001. S. 142.
- ²¹ *Буцай Н. Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. Док. 10. С. 215.
- ²² *Bartoszewski W.* 1859 dni Warszawy. Kraków, 1974. S. 571.
- ²³ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. М., 1976. Док. 313. С. 296.
- ²⁴ Z archiwów sowieckich. T IV: Stalin a Powstanie Warszawskie. Dok. / Oprac. T. Strzembosz. Warszawa, 1994. S. 7.
- ²⁵ Переписка председателя Совета Министров СССР... Док. 321. С. 302.
- ²⁶ Там же. Док. 323. С. 303.
- ²⁷ Переброска по воздуху советской помощи восстанию в ограниченных масштабах имела место лишь в его заключительной фазе, после 13 сентября.
- ²⁸ Фрагмент в переводе Михала Б. Ягелло см.: *Więź*. 1988. № 5. (В русском оригинале этот фрагмент см. в сборнике стихов В. С. Высоцкого «Дорожный дневник». Ч. VI. Дороги... дороги... — *Прим. пер.*)
- ²⁹ DIM. T. VIII. Warszawa, 1974. Dok. 62. S. 131–133.
- ³⁰ Запись беседы Сталина с Ланге 17.5.1944 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 57.
- ³¹ Нота Осубки-Моравского от 25.VII.1944 // DIM. T. VIII. Dok. 71. С. 150.
- ³² „Dziennik Ustaw RP”. 15.VIII.1944. Zał. 1; DIM. Dok. 69. S. 144–145.
- ³³ Соглашение об отношениях между советским Верховным командованием и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши // AAN. ZPP. 216/20. К. 1–2 (проект), 5–7 (окончательный текст). См. также: Заявление Народного комиссариата иностранных дел об отношении СССР к Польше в связи с переходом польско-советской границы // AAN. PKWN. 233/2. К. 3.
- ³⁴ Сталин — Черчиллю 23.VII.1944 // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945. М., 1983. Док. 105. С. 132–133.
- ³⁵ Молотов — Осубка-Моравскому 1.VIII.1944 // DIM. T. VIII. Dok. 84. S. 179.
- ³⁶ Тегеран—Ялта—Потсдам. Документы конференции глав правительств трех великих держав, перевод с русского. Варшава 1970. С. 207.
- ³⁷ По этому вопросу подробнее см.: НКВД и польское подполье 1944–1945. (По «особым папкам» И. В. Сталина) / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 1994.
- ³⁸ Из выступления Бермана на заседании Совета министров 23.VI.1945 // AAN. Rząd Tymczasowy RP. Protokoły Posiedzeń. 1945. T. I. Prot. 2. K. 517.

7

ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. 1945–1955

А. Ф. Носкова (Россия)

В. Бородзей (Польша)

Режим народной демократии для переходного общества. В современной науке продолжают дискуссии по важнейшим вопросам послевоенной истории Польши. Принесла ли Красная армия освобождение или советскую оккупацию? Выиграла или проиграла войну Польша? Являлся ли утверждавшийся режим результатом насилия и коварства Сталина, а польские коммунисты только его марионетками, или же власть, установленная в 1944 г. и трансформированная в 1945 г., была единственно возможной?

Ответ на вопрос — освобождение или новая оккупация, победа или проигрыш, очевиден: освобождение страны солдатами Красной армии и Войска Польского от нацизма — победа, ибо произошло спасение нации от уничтожения. Подтверждения тому — в ныне подзабытых общественным мнением проектах «германского освоения жизненного пространства», в «Генеральном плане Ост». Напомнил о них кардинал С. Вышинский, беседуя 11 января 1960 г. с В. Гомулкой: «Немцы во время войны думали так: войну мы выиграем, остальное сделают крематории, ведь нам не нужны поляки, нужна только их земля... они бы это сделали, если бы мы проиграли войну...»¹. Победить можно было лишь вместе с СССР и ценой миллионов солдатских жизней.

Оккупационный опыт поляков, испытавших кошмар нацизма, определял в 1944–1945 гг. их отношение к Красной армии. Ее ждали, встречали солдат как освободителей, а не как новых оккупантов. Подобное восприятие прихода советских войск было весьма распространенным. Но были и другие настроения. Офицеры советской разведки называли их антисоветизмом и враждебностью.

Признавая факт освобождения Польши Красной армией, исследователи констатируют, что оно сопровождалось нарушением, в том числе силой, права поляков на выбор, независимый от СССР. Действительно, многие тогда ощущали вместе с освобождением угрозу национальной свободе, горечь поражения правительства в эмиграции, которому доверяли и с которым связывали надежды на

возрождение Польши. Формировались опасения последствий советского присутствия. В памяти поляков осталось 17 сентября 1939 г. В Польше знали о Катыни. Была боль поражения Варшавского восстания, вину за которое многие в Польше возлагали лишь на Сталина. Накапливалось возмущение действиями войск НКВД, подавлявших вооруженное подполье, пытавшееся оказать сопротивление СССР и установлению власти коммунистов. Все это воздействовало на атмосферу в стране, формировало климат тревоги, препятствовало контактам Временного правительства со значительной частью населения. Но, как полагает известная польская исследовательница К. Керстен, недоверие и предубеждение к ППР не переросло тогда в массовое восприятие новой власти как инационального режима², что важно.

Следует учитывать глубину потрясений поляков в годы войны, но возникает вопрос: почему в Польше происходило то, что происходило?

Представляется, действия Сталина, и не только его, объяснялись в значительной степени геополитическими соображениями, связанными с обеспечением послевоенной безопасности в Европе. Советский лидер, как и его партнеры по антигитлеровской коалиции, был убежден в быстром возрождении Германии, о чем он говорил неоднократно, притом сокращая сроки, отпущенные историей на подготовку нового *Drang nach Osten*. Отсюда логика — Европе и стране, осилившей нацизм, нужна геополитически сильная и дружественная Польша; мы это обеспечим, и если в Польше кто-то не хочет с нами взаимодействовать на предлагаемых условиях, то его ждет поражение (правительство в эмиграции) или подавление тех, кто попытается мешать (подполье).

Правомерен другой вопрос. Существовала ли в ту пору реальная возможность распорядиться своей судьбой для страны, освобожденной армией государства с иными идеологическими императивами и общественным строем, при несовпадении представлений советской и польской элит о национально-государственных интересах двух государств? Ответ на этот вопрос весной 1945 г. дал венгерский писатель и современник событий Ш. Марай: «Великий народ ценою неслыханных жертв повернул у Сталинграда оглобли истории... для всех, кого преследовал фашизм, этот молодой солдат принес своего рода освобождение, спасение от нацистского террора. Но свободу он принести не мог, ибо не имел ее сам»³.

Соглашаясь, следует признать: судьба Польши зависела не столько от поляков, сколько от лидеров антигитлеровской коалиции, которые монополизировали право определять будущее «малых» стран. Союзники Польши руководствовались своими интересами. Оставив Красную армию, по словам Д. Эйзенхауэра, «один на один против всей мощи германской нации»⁴, они вряд ли думали о свободе для Польши в той же мере, в какой думали о ней поляки.

СССР решал проблемы своей безопасности посредством расширения собственной территории, или создания «пояса безопасности» из дружественных стран, расположенных вдоль границ, или того и другого, вместе взятого. Сталин в соответствии с духом времени имел геополитические претензии на Восточную Европу и до поры до времени был понимаем партнерами по «большой тройке», которые ради разгрома Германии были готовы на многое. Вспомним встречи в Москве и Тегеране в 1943 г. и тот «грязный» документ, с которым У. Черчилль ознакомил И. Сталина в Москве в октябре 1944 г. Обсуждение «польского вопроса» давало Сталину ос-

нования считать, что Запад принимает его условия урегулирования советско-польских отношений не потому, как признавал тот же Черчилль, что Россия сильна, а потому, что она права⁵, и другое поведение западных союзников было бы возможно лишь при масштабном участии англо-американских войск в сухопутной войне на континенте раньше лета 1944 г.

Но такой вариант противоречил курсу союзников на преимущественное использование политических и экономических инструментов разгрома Германии в Европе. Отсюда — помощь Москве по ленд-лизу (как писал Рузвельт Черчиллю в октябре 1942 г., «давать, давать и давать», чтобы «прочно держать Россию в состоянии войны с Гитлером», ибо «сегодня русский фронт является нашей самой большой опорой»). Отсюда — нарушения сроков открытия второго фронта в 1942, 1943 и 1944 гг. Отсюда — слабая поддержка ими польского правительства в его противостоянии СССР и вопрос, была ли в такой ситуации конструктивной бескомпромиссная в отношении СССР позиция этого правительства? Не сыграл ли на руку Москве отказ С. Микойлайчика осенью 1944 г. от советских условий? Посол США в Москве А. Гарриман считал, что «непримиримый, густо замешанный на русофобии антисоветизм» поляков делал для Сталина невозможным «вести дела с лондонским правительством»⁶. Отсюда — «Ялта». В Ялте союзники уже не могли не уступить часть Европы. Еще летом 1944 г. они приняли фактическую передачу власти в Польше коммунистам в лице ПКНО, вопреки мнению правительства и большинства народа, и разоружение силой партизан АК и НСЗ. Весной 1945 г. союзники фактически согласились, по меньшей мере до выборов, с преобладанием ППР во власти.

Возможностей принуждения СССР к изменению политики у партнеров Москвы не было, хотя намерения такие, как свидетельствуют документы, были. Существовал план «Немыслимое» — развертывание 1 июля 1945 г. военных действий на территории в том числе Польши, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи»⁷. Информация об этом, полученная в Москве, не могла не насторожить советское руководство.

Не последовало ответа союзников и на действия «Смерша» НКВД и НКО СССР, направленные на пресечение попыток подполья нарушить безопасность тыла Красной армии. Ф. Д. Рузвельт признавал правоту и решимость советского лидера: «...ваш тыл должен быть обеспечен по мере продвижения вашей армии на Берлин»⁸, а по сути дела, силой решить вопрос о власти в Польше и подавить боевые действия отрядов ОУН-УПА.

На конференции в Ялте союзники не определили механизмы взаимоконтроля в «своих» зонах, поэтому договоренности осуществлялись по усмотрению сторон. Это подтверждается, в частности, рабочей записью В. М. Молотова, сделанной в первые дни 1945 г. в связи с советским признанием Временного правительства Польши: «Польша — большое дело! Но как организ[ывали] пр[авительст]ва в Бельгии, Франции, Греции и т.д., мы не знаем. Нас не спрашивали, хотя мы не говорим, что нам нравится то или другое из этих правительств. Мы не вмешивались, так как это зона действий англо-ам[ериканских] войск»⁹. Москва решала главную задачу — удержать Польшу в советской зоне и тем самым не допустить возрождения враждебной Польши, продемонстрировать способность обеспечить предельную глубину послевоенной обороны рубежей зоны.

Итак, было бы упрощением возлагать исключительно на Сталина ответственность за несвободу в Польше. Сработали правила игры «большой политики». Отсюда сознательно «упущенные» возможности западных держав¹⁰. В результате Польша, ожидавшая освобождения с Запада, получила его с Востока. Польское правительство потерпело поражение на магистральных направлениях своей политики: национальном (независимость от СССР) и геополитическом (барьер против большевизма).

Возникает вопрос: почему Сталин лишь в Польше реализовал вариант прямой передачи решающих позиций во власти коммунистам (Югославия и Албания — другой случай)? Почему здесь имела место такая глубина советского присутствия? Ответ заключен в том, что ни правительство в эмиграции (по характеристике Дж. Кеннана, — «обреченные представители обреченного режима»¹¹), ни одна из влиятельных политических сил, ориентированных на возврат к скорректированным довоенным порядкам и сохранение спорной восточной границы — этого, как считалось в Польше, символа независимости, не сделала вывода об изменении геополитической конфигурации на континенте, роли СССР и положения самой страны. Из двух врагов, на чем с довоенных времен покоились польские концепции безопасности, остался один. Он становился победителем в войне и предлагал договариваться. Альтернатив было две. Компромисс ценой территориальных и политических уступок, что, как считали в правительстве, означало предательство интересов Польши, возможную потерю контакта с обществом, или отказ от компромисса и подготовка народа к сопротивлению «оккупантам». Выбрали второе. Но в условиях, когда Польша не могла, а ее западные союзники не торопились отстаивать суверенитет этой страны, возникал и становился перспективным третий вариант — утрата политической власти польского правительства.

Принять компромисс исходя из новой ситуации и интересов страны сочли необходимым польские коммунисты. Руководствуясь программой создания Народной Польши в новых границах и посредством преобразований в интересах большей части населения, они организовали коалицию с левыми социалистами и левыми, учредили центр власти — Крайову Раду Народову (КРН). Это была левая альтернатива правительству в эмиграции и «подпольному государству», весьма скромная по влиянию в обществе. Коммунисты претендовали на долю власти, осознавая, что их шансы росли по мере того, как падали шансы законного правительства на возвращение в Польшу. Они были готовы стать властью и стали ею при благоприятном стечении обстоятельств (внешнем, т.е. советском, факторе).

Готовность коммунистов принять власть объяснялась как идеологической «единородностью» с советским режимом, так и собственным пониманием интересов страны, в том числе политических и территориальных. В ППР адекватно определяли то второстепенное место, которое правительство Польши занимало в политике западных держав. Демонстрация этим правительством бескомпромиссности оборачивалась падением его престижа, превращением страны из субъекта в объект политики глав коалиции, будущими территориальными утратами и, уверена, без больших приращений. Как считали польские левые, избежать такого развития польского сценария можно было, действуя вместе с СССР, готовым компенсировать потери на востоке приращениями на западе с широким выходом к Балтике (!)

и гарантиями новых границ. Принятие условий компромисса означало переход в зону интересов СССР и согласие на ограничение национального суверенитета, который, как известно, величина вовсе не абсолютная как на Востоке, так и на Западе.

Поэтому утверждение состава ПКНО в кабинете Сталина, все еще не исключавшего контакты и с правительством Польши, отражало совмещение представлений польских левых, готовых разделить груз ответственности за успешный выход страны из войны, и советских намерений избежать варианта установления военной администрации на освобождаемых землях, допустив к власти надежных геополитических и идеологических партнеров.

Но передать и получить власть — мало. Надо было ее сохранить. Этого требовала в первую очередь советская стратегическая цель — удержание Польши в орбите влияния и под контролем. Понятно, что решения требовал и вопрос об облике власти. Достижение этой цели было невозможно без решения в краткосрочной перспективе, по меньшей мере, двух внутренних задач. Во-первых, требовалось хотя бы нейтрализовать те силы, которые не мирились с реальностью и пытались противостоять переходу Польши под советский контроль. Эту задачу ППР могла решить вместе и с помощью СССР. Во-вторых, ПКНО было необходимо получить доверие тех, кто способен прийти к взаимодействию во имя общенациональных задач. Вот здесь ПКНО (точнее — ППР) имел некоторый шанс.

В результате политики гитлеровцев изменилась социальная структура общества. Увеличились люмпенизация и левые настроения рабочих. Крестьянство, представителями которого были людовцы, находившиеся в разных политических лагерях, социально пострадало меньше, но ограбление деревни гитлеровцами привело к разорению и обострению требований перераспределения земли. Были истреблены, лишены профессиональной занятости и статуса многие представители интеллигенции, тяготевшие к различным политическим силам.

Изменилось положение городских собственников и землевладельцев, лишенных оккупантами власти и во многом — собственности. После войны не был восстановлен социальный статус тех, кому удалось выжить. Правые группировки (эндеция, санация) — выразители не только, но прежде всего их интересов, оказались вне политической системы.

В итоге из войны выходило общество с возросшей долей малоимущих и неимущих во всех социальных группах. Этим слоям, вовсе не стремившимся ни к возврату во II Республику (антагонизмы капитализма отступили на второй план, но память о них сохранялась), ни тем более к советскому социализму, предлагалась перспектива. Их запросам соответствовали, были «ко времени и месту» те социально-экономические преобразования, за которые ратовали до войны социалисты и людовцы и которые теперь реализовывала власть во главе с коммунистами. В связи с репатриацией поляков на Родину, возвращением угнанных в Германию и освоением переданных Польше восточных и северных немецких территорий адресность реформ заметно расширилась. Полностью или частично они отвечали интересам значительной части населения.

Следует отметить, что реформы не сопровождались существенной социально-политической конфликтностью. Национализация банков соответствовала обще-европейской тенденции. Немецкая и конфискованная гитлеровцами польская, ев-

рейская и иностранная собственность в основном поступала под контроль и в собственность государства. Аграрная реформа с гарантией ППР деревне не повторять советский опыт предусматривала компенсацию за изымаемую землю. Возрождавшиеся светское образование, здравоохранение, структуры власти и госаппарата открывали возможность работы служащим и интеллигенции.

Среди значительной части населения над национальными потерями, над трагедиями людей и представлениями о будущей Польше преобладало понимание ценности физического спасения. В условиях общественных и территориальных перемен, добровольных и принудительных миграций, изменения национального состава и численности граждан формировалась особая психология людей, готовых воспользоваться переменами в собственной жизни и для этого взаимодействовать с властью. В такой среде рождались разные, в том числе радикальные настроения и социальное нетерпение, по-революционному звучали лозунги справедливости и свободы, при этом отличалась особой остротой реакция на несправедливость и несвободу. Здесь находили свою социальную базу различные политические партии, а коммунисты, левые социалисты и людовцы получали свою «нишу». Новая власть открывала возможность безземельному крестьянину приобрести надел, его сыну — учиться и остаться в городе, рабочему — получить квалификацию, заработок и более высокую должность, представителю интеллигенции — восстановить профессиональную занятость; она содействовала римско-католической церкви в восстановлении храмов и религиозной жизни, в том числе на новых землях.

Представители социальных слоев, никогда не управлявших страной, заполняли штат госаппарата и местного самоуправления, получали должности в армии, милиции, в промышленности, в школах и больницах, заселяли и осваивали новые территории. Руководствуясь элементарной потребностью наладить повседневную жизнь, использовать шанс повышения социального статуса, поляки вступали во взаимодействие с властью. И власть со своей стороны «зацепилась» за эту часть общества. В 1945–1946 гг. коалицию, затем избирательный блок во главе с ППР поддерживало 25% населения¹². Это, на наш взгляд, много, если иметь в виду, что цифры отражают заявленные политические позиции на фоне бытовавших суждений о ППР как партии несамостоятельной, исполнявшей волю Москвы, а о стране — как зависимой от СССР. Допустимо предположить, что латентная поддержка в конкретных обстоятельствах могла быть больше. Представляется, что исторически некорректны утверждения тех, кто настаивает на тезисе, что все общество противостояло власти. Настроения были сложнее и не столь устойчивы в непримиримости к власти и СССР. Права была К. Керстен, когда писала: «Позиция общества в значительной степени определяла меру влияния внешнего фактора, систему действий власти, формировала эту власть и, наконец, воздействовала на реализацию основных задач, которые стояли перед государством»¹³.

Добавим, настроения располагались в пределах от разного по степени сопротивления и неприятия (в 1947 г. В. Гомулка относил к «врагам народа» и «реакции» около 20% населения¹⁴), настороженности и безразличия до сознательного политического выбора в пользу власти. Рабочие партии пополняли и те, кто рассматривал реформы как создание справедливого строя, и те, кто руководствовался карьеристскими побуждениями. Трудно сказать, каких было больше, но, судя по стре-

нительному росту ППР, ППС и СЛ, предложенный социальный аванс осваивался рабочим классом, крестьянством, левой интеллигенцией и особенно молодежью. С этим, видимо, связано появление понятия «этап народной демократии».

Поддержка реализуемых социально-экономических преобразований не означала обретения властью массового доверия. В основе позиций многих поляков лежали как стремление к мирной жизни, так и естественный протест против нарушений их права на выбор внутренних порядков, понимаемый и как возвращение в страну законного правительства, и как непереносимое восстановление восточной границы 1921 г.

Эта альтернатива коммунистам у власти в Польше под советским контролем не имела реальной перспективы. В конкретных условиях середины 1940-х годов возможен был вариант левой или левоцентристской модели коалиционной власти по межпартийным соглашениям с перспективой обретения компартией решающих позиций. Такая политическая организация получила название режима народной демократии.

По представлениям коммунистов, политсистему народной демократии могли создать рабочие партии, партии, по словам В. Гомулки, «либерально-народные», то есть крестьянские, и «либерально-буржуазные», в том числе находившиеся в легальной оппозиции, за исключением правых группировок бывших политических элит. Вместе эта система выражала разные социально-политические интересы большинства общества. Ее первоочередная цель: с помощью СССР и во избежание гражданской войны, заплатив высочайшую цену — ограничение независимости, используя силу, в том числе советскую, сохранить польское государство таким, каким оно геополитически и территориально формировалось по итогам войны, и решить послевоенные общенациональные задачи.

Но к середине 1945 г. реальная модель власти существенно отличалась от заявленного Гомулкой народно-демократического «идеала». За многопартийностью в виде ППР, ППС и СЛ стояли межпартийные договоренности, зачастую достигнутые под давлением более сильного союзника. Они нарушались гегемонией, порой диктатом ППР, которая удерживала всю политическую конструкцию, монополю обладая силовыми рычагами исполнительной власти. В середине 1945 г., когда было создано Временное правительство национального единства, коалиция расширилась. Посты в КРН, правительстве и местных органах власти заняли представители СЛ-РОХ. ППС пополнилась социалистами, выходившими из подполья. Репрезентативность политической системы возросла, но ее представительность определялась сохраняемыми возможностями ППР.

Польские коммунисты, «старые» коминтерновцы, деятели периода эмиграции и оккупации и радикально настроенная молодежь, хлынувшая в партию после освобождения¹⁵, контролировали деятельность государственных институтов и направление политического процесса в стране. Их идейные представления (нетерпимость к «чужим»; исповедование принципа «цель оправдывает средства») отражались в законах об органах власти и госаппарата, в декретах о защите государства, в жесточайших мерах наказания за неповиновение.

Насилие считается одной из имманентных черт авторитаризма. Элементы такого способа управления обществом были и в Польше. Силовые структуры — армия,

милиция, внутренние войска, органы госбезопасности — занимали особое место в системе формирующейся власти. Они превращались в партийно-политические ведомства, создавались по советским лекалам. Командные кадры первого «призыва» готовились в СССР и состояли из членов бывшей КПП. Им были идейно и политически близки советники и инструкторы НКВД-НКГБ СССР, которые с февраля 1945 г. участвовали в формировании служебной вертикали и организации деятельности МОБ¹⁶. Совместно вносились идеологические императивы в работу госбезопасности в интересах одной политической силы. Численность этих структур непрерывно росла. Кроме того, ППР использовала по своему усмотрению такие необходимые для сохранения своей власти институты, как рабочая милиция, суд, цензура, органы пропаганды и система распространения информации. Их функции были гипертрофированы и подчинены задаче недопущения к власти тех, кто был или считался заведомо враждебным левым силам и СССР.

В действие приводилась модель власти, которая, располагая поддержкой лишь части общества, базировалась на гегемонии ППР, взаимодействии рабочих партий, их преобладании в высших эшелонах власти. Власть применяла репрессии в качестве средства давления на население. Насилие становилось одним из инструментов разрушения распадавшегося «подпольного государства» и устрашения колеблющихся. Тем самым ППР подводила некую внутреннюю «подушку безопасности» под новую государственность, обеспечивала невозможность возврата к довоенному порядку и к иной внешнеполитической ориентации. Проявления авторитарных приемов в осуществлении власти немалая часть населения считала диктатурой ППР и перенесением советского опыта в Польшу¹⁷.

Последняя война закрепила синдром насилия в сознании не только поляков. Она породила убеждение, что сила допустима и оправданна и в мирное время. В этом русле находились представления и коммунистов, и их противников об использовании силы в политической борьбе. Реальностью была Польша в новых границах и с властью, возглавляемой коммунистами и охраняемой СССР.

Деятельность военных комендатур на освобожденной польской территории в городах и населенных пунктах в полосе действующих армий, согласно приказу К. К. Рокоссовского от 28 июля 1944 г., определялась рядом задач. Комендатуры были обязаны обеспечивать дисциплину в воинских частях, пресекать противоправные действия военнослужащих, устанавливать связь с местными органами власти, а также изымать оружие у населения, проводить восстановительные работы, учитывать бесхозное имущество, охранять порядок и подавлять мелкие вооруженные группы¹⁸.

Хотя шла демобилизация советских солдат и офицеров (с 11 млн до 3–5 млн человек), в Польше и за Одером стояла Красная армия. Ее присутствием в регионе обеспечивались претензии СССР на сферу его интересов, баланс сил и безопасности в Европе от, как тогда считали, германской угрозы. Польша, расположенная в тылу советских войск в восточной зоне оккупации Германии, была важнейшим звеном этого баланса, и задача Москвы состояла в обеспечении стабильности своих геополитических интересов и нового геополитического и территориального положения Польши. Ее военно-политическую надежность Москва страховала как своим военным присутствием, так и экономической помощью¹⁹, а также поддержкой позиций ППР, прежде всего в госбезопасности и армии.

Отсюда та охранная роль, которую играл Советский Союз, создавая условия существования нового государства, организации просоветской власти и основ ее легитимности. Отсюда тот вклад в подавление вооруженного подполья в тылах регулярной многомиллионной армии, который внесли в 1944–1945 гг. Сводная 64-я дивизия внутренних войск НКВД, оперативные группы Смерша, проводя в ряде воеводств Польши массовое разоружение и интернирование в СССР участников подполья, решая тем самым одновременно военно-оперативные и геополитические задачи²⁰.

Подполье было обескровлено, но в национальной памяти поляков сохранялся и сохраняется его собирательный образ национальной силы в лице бойцов Армии Крайовой, противостоявшей СССР. Подавление АК стало той ценой, которую заплатили Москва и польские коммунисты за ограниченный суверенитет и за Польшу в новых границах, за общественные преобразования и защиту границ, за советское присутствие.

В западных и северо-западных районах Польши была дислоцирована Северная группа советских войск (СГВ), насчитывавшая в 1945 г. 300 тыс. человек. Помимо основной задачи обеспечения коммуникационной связи территории СССР с войсками в Германии, она гарантировала исполняемость антигерманского советско-польского Договора, заключенного в Москве в апреле 1945 г., стабильность и безопасность границы и переданных Польше лишь в управление германских земель.

Иной формой советского присутствия была служба тысяч советских офицеров в штате Войска Польского. Они подчинялись польскому командованию, занимали командные должности и выполняли задачу создать боеспособную и политически надежную армию на границах советской сферы влияния. Хотя к 1948 г. офицерский состав изменился в пользу довоенного польского офицерства, тем не менее, в государственной структуре, призванной прежде всего оборонять внешние рубежи страны, еще служили лица другого гражданства, не приносившие польской воинской присяги. Так, контролируемая армия не могла быть использована против СССР. Был заблокирован и вариант превращения ее в разрушительный внутривнутриполитический фактор.

Национальная власть делилась суверенным правом распоряжаться главным инструментом отражения внешней опасности во имя гарантии государственности в новых, де-юре не признанных международным сообществом западных границах, которые страна сама защитить не могла. Возникал один из долговременных «узлов» зависимости Варшавы от Москвы. Но, думается, тогда было надежнее для Новой Польши и для СССР, чтобы зависимыми являлись польские коммунисты, а не политическая сила, ориентированная на западные державы, не раз предававшие своих польских союзников.

Советское военное присутствие поддерживало в польском обществе устойчивое раздражение. Протест и возмущение вызывали случаи мародерства и насилия со стороны советских солдат. Сопутствующая любой войне дегуманизация армии, тем более той армии, которая провела четыре года в окопах и боях, за спиной которой оставались разоренная страна и сотни тысяч погибших семей, стирала в сознании солдат грани дозволенного. При соприкосновении с мирной жизнью и рождались столь преступные деяния. Советское руководство стремилось их пресекать.

Приказ Ставки Верховного главнокомандующего от 19 января 1945 г. предписывал военным трибуналам применение высшей меры наказания. Этот приказ не оставался на бумаге, и не одна тысяча военнослужащих была за это расстреляна. Особенно жестоко наказывал подчиненных К. К. Рокоссовский. Известно, что Сталин, ссылаясь на присущий людям инстинкт неподсудности победителя, дважды публично просил простить советскую армию²¹.

Тем не менее факты недостойного поведения из истории не выкинешь, но кощунственно лишь к ним сводить пребывание советских солдат за рубежами своей страны, принижать тем самым человеческое измерение войны, в том числе отдаленные жизни красноармейцев во имя освобождения своего и других народов от нацизма.

Постепенно усилиями В. Гомулки масштаб советского военного присутствия в Польше сужался. По его договоренности со Сталиным абсолютное большинство советских офицеров (17 тыс. человек) в 1945–1947 гг. возвратилось в Союз. Осенью 1946 г. были выведены войска МВД по охране тыла СГВ, дивизия НКВД по просьбе Б. Берута оставалась лишь до 1 марта 1947 г. Советники (инструкторы) МГБ СССР, которые работали в структурах польской госбезопасности, отзывались из низовых отделов, но сохранились в воеводствах (до 1950 г.) и центральном аппарате МОБ. Основную нагрузку борьбы с польским подпольем и ОУН-УПА брали на себя польская госбезопасность и армия. Численность СГВ постепенно сокращалась (в 1946 г. — 100 тыс., в 1956 г. — 64 тыс. человек), систематически уменьшались используемые ею земли, к 1949 г. польской стороне было передано около 70% занимаемых ею объектов недвижимости²².

Советское военное присутствие и сложности в советско-польских отношениях (деятельность трофейных команд в 1944–1945 гг., факты несогласованного с поляками демонтажа оборудования немецких заводов, угольная проблема) были для ППР тем препятствием, которое лимитировало контакт с населением. Последствия понимали в Москве. Учитывая, помимо международных обязательств, и эти соображения, Сталин, будучи уверенным, что оттеснения коммунистов от власти он не допустит, в Ялте дал согласие на расширение коалиции и на возвращение С. Миколайчика в страну на пост заместителя главы Временного правительства национального единства (июнь 1945 г.). Выполнив условие о публичном признании польских реальностей, включая границу по линии Керзона, выходявшие из подполья демократические партии ППС-ВРН и СЛ-РОХ обеспечили признание Новой Польши всеми великими державами, ликвидацию международно-правовой субъектности правительства в эмиграции и превращение нелегальной и латентной оппозиции левым силам в оппозицию открытую. Но появление легальной политической оппозиции существенно не меняло ситуации рабочих партий и характер политического режима²³.

Сталин полагал, что в Польше «без оппозиции не обойтись... если бы не было Миколайчика, его надо было бы выдумать»²⁴, и допускал его и его соратников к власти в качестве политического магнита, который вкупе с объявленной правительством амнистией выведет людей из подполья, после чего масштаб и возможности оппозиции четко определятся. Это и произошло. Уже в начале 1946 г. партия Миколайчика — ПСЛ стала не столько лидером крестьянского движения, сколько

выразителем антисоветских и антикоммунистических настроений разных групп населения. Прямо или косвенно ПСЛ поддерживала тогда еще значительное по численности, но разрозненное вооруженное подполье. Постоянное отмежевание от него руководства ПСЛ не убеждало ни население, ни власть, ни СССР. Это ставило партию под удар госбезопасности. Но поддержка в обществе давала ПСЛ надежду, выиграв выборы в Сейм, устранить ППР от власти.

ПСЛ предлагала альтернативный «народной демократии» вариант политической системы, в которой принципы западной демократии корректировались политической претензией ПСЛ «быть первой среди равных» и определять развитие страны соответственно доктрине аграризма. Польше предлагался «третий путь» развития: «ни капитализма, ни большевизма», крестьянин — лидер нации. Но политическая суть программы ПСЛ заключалась не столько в модели внутреннего развития, сколько в ее внешнеполитических разделах.

Их общая тональность — достойное место Польши в системе западноевропейских союзов, необходимый баланс западной и восточной ориентации в политике и нормальные отношения с восточным соседом — соответствовала завету патриарха людовского движения В. Витоса (с Советами надо дружить, целоваться не обязательно) и была в русле политики взаимодействия великих держав. Но такая двойственность обозначения внешних интересов Польши в 1945–1946 гг. была непонятна тем, кто поддержал ПСЛ, как противника коммунистов и СССР, требовал независимости от СССР и устранения ППР от власти. Такие настроения позиционировали ПСЛ как антисоветскую силу, дезавуировали постоянно звучавшие заверения ее руководства в лояльности, разрыве с подпольем, осуждении антисоветизма. Польские коммунисты, как и Москва, видели в этих заверениях лишь тактическое прикрытие. Не принимались они на веру и сторонниками ПСЛ, ожидавшими конкретных действий.

Понятно, что лидеры ПСЛ не могли открыто требовать переориентации страны на Запад. Велись осторожные разговоры об опыте либеральной финской элиты (Ю. Паасикиви). Эта элита, опасаясь вступления советских войск, уступая Москве, сохранила власть, обменяв внешнеполитический дрейф в сторону СССР на внутривнутриполитическую свободу, приглушив антисоветские настроения в народе. Видимо, Москвой были признаны достаточными для своей безопасности некоторые территориальные приобретения, незамерзающий порт Петсамо/Печенга, присутствие советских войск на финляндской границе, советская военно-морская база Порккала-Удд и внешнеполитический нейтралитет не граничившей с Германией Финляндии, расположенной на периферии Европейского континента. Кроме того, Москва сохраняла скорее страховочное (контроль над МВД), нежели решающее участие финских коммунистов во власти до 1947 г.

В Польше финляндизация шансов не имела. Ее географическое положение — прежде — «коридора вторжения», а теперь пути в Германию — было для Москвы геополитически архиважным. Ориентация поляков правительством в эмиграции во главе с Миколайчиком на антисоветское сопротивление после войны, существование антикоммунистического подполья не оставляли для ПСЛ перспективы повторить финский вариант и оборачивались советским контролем путем прямого военного присутствия в стране.

С точки зрения общественных настроений предвыборные позиции ПСЛ, несмотря на административные меры власти, массовые аресты активистов партии, позволяли рассчитывать скорее всего на первое место в парламенте²⁵. Но убежденность в успехе и бескомпромиссность требований Миколайчика (75%, затем 40% мандатов) обусловили контрмеры коммунистов. Политическим давлением и поддержкой Москвы они предотвратили превращение социалистов в «третью силу». Тактика избирательного блока позволила организовать политическую сцену в канун выборов, и никакие итоги голосования в январе 1947 г. не могли ее принципиально изменить: репрессивный и административный нажим власти, «неудача» на выборах²⁶ и начало распада ПСЛ. Западные союзники в ответ на фальсификацию итогов выборов ограничились протестами. Это был апогей их «польской» политики после 12 сентября 1939 г.²⁷

Проявившаяся в 1945–1946 гг. значительная поддержка ПСЛ населением активизировала в рабочих партиях обсуждение перспектив дискредитируемой репрессиями и зависимостью от СССР народной демократии как альтернативы польскому прошлому, включая аграризм, и советскому настоящему. Был сделан акцент на определение народной демократии как переходной ступени к социализму, что было созвучно идеям социализма в разных его интерпретациях, популярным в послевоенной Европе.

На встречах в Кремле с лидерами ППР и ППС в 1945–1946 гг. Сталин говорил о народной демократии как особом, эволюционном «национальном пути» к социализму «без установления диктатуры пролетариата, ...путем использования таких учреждений буржуазного демократического строя, как парламент и другие институты»²⁸.

Нередко исследователи относят эти и подобные им характеристики к политической мимикрии лидера, упорно следующего за идеологической доктриной. Они неправоммерно отказывают Сталину в качестве, которое современники называли прагматизмом политики опасного партнера, обладавшего «бездной расчетливости», «дьявольским искусством тактика» (Дж. Кеннан). Вовсе не отрицая его отложенные до «лучших времен» идеологические ориентиры, следует признать, что тактика межпартийных блоков во всей советской зоне соответствовала военным и, как рассчитывал Сталин, послевоенным условиям взаимодействия великих держав. Слова Сталина о несветском пути к социализму адресовались не только собеседникам из Восточной Европы и коммунистам Запада. Возможно, отвечая на речь Черчилля в Фултоне, он подавал сигнал своим партнерам по коалиции: ваш человек Миколайчик остается вице-премьером, но оторвать Польшу от СССР и изменить ее западную границу не получится. Эти «выходы» на международные сюжеты во время обсуждения, казалось бы, внутренних проблем свидетельствовали, что идея национального пути к социализму соотносилась с заинтересованностью и расчетами СССР на сотрудничество с Западом. Пока сотрудничество сохранялось, страны советской зоны влияния могли существовать в рамках модели народной демократии, а сторонники советской модели, коих было немало и в руководстве ППР, взять верх не могли, о чем и говорил Сталин.

«Подсказки» делались в виде совместных размышлений и воспринимались в ППР и ППС как возможность самостоятельного выбора внутренних решений.

В. Гомулка, как и другие лидеры стран советской зоны контроля, отстаивал концепцию национального, «польского пути к социализму» и был убежден в его возможности. 1947 год показал, что в его позиции соединялись представления об исторической миссии коммунистов, сталинские новации и собственное понимание движения к социализму через народно-демократический строй. Социалисты (Ю. Хохфельд, О. Ланге и др.) выступали за польский путь, который «снижал для польского народа цену революции», выдвигали на передний план проблему демократии, опасались отказа ППР от народно-демократической модели, ссылаясь на диктат ППР, присутствие в ее руководстве сторонников копирования советского «опыта»²⁹.

Итак, обе партии видели в польском пути к социализму шанс для самостоятельной политики при продолжительном движении к «несоветскому социализму» и тем самым ослабления зависимости от СССР. Но реалистичней была концепция ППР, если ее соотносить с международной конъюнктурой 1947 г., с тем фактом истории, что западные союзники и СССР продвигались от сотрудничества к тому состоянию отношений, которое вскоре назовут холодной войной.

Историки довольно единодушно признают, что переход совершался обеими сторонами параллельным курсом по мере исчезновения «площадок» взаимного интереса. Каждая из сторон интенсивно искала способ обеспечить собственную безопасность и фигуру на роль внешней угрозы. Для Москвы такой фигурой становились США, которые увеличивали свои военно-экономическую мощь и глобальное присутствие в мире. Для США врагом номер один мог быть только СССР. Советская система персонифицировалась в личности Сталина. Сталин, победивший Германию и поучаствовавший в войне против Японии, имевший «на ходу» военное производство, природные и людские ресурсы и показавший силу, чтобы удержать Восточную Европу, был теперь опасен. Западом принималось во внимание и немалое в ту пору общественное влияние международного коммунистического движения.

Намерения Сталина сохранить свое положение «центра силы» военного времени, укрепившись в Западной и Южной Европе, в Иране и Турции, его заявления о неизбежности конфликта интересов и войны в капиталистическом мире (февраль 1946 г.) англо-американские политики квалифицировали как советский вызов, неумное стремление к безграничному захвату, как потенциальную угрозу расползания советского влияния. В итоге СССР был признан той единственной державой, с которой США могут войти в конфликт, неразрешимый в рамках диалога. Появилась «длинная телеграмма» Дж. Кеннана (февраль 1946 г.), прозвучали речь У. Черчилля в Фултоне (март 1946 г.), выступление госсекретаря США Дж. Бирнса (сентябрь 1946 г.).

Российский американист В.О. Печатнов убежден, что советская политика, нацеленная на создание защитного пояса просоветских государств вдоль западных границ СССР, «к весне 1946 г. изменилась гораздо меньше, чем политика западных союзников». Документы, добытые советской разведкой, уточняют этот вывод. В английских правящих кругах считали Советский Союз слишком ослабленным, чтобы он мог решиться «пойти на новую войну в Европе», и еще в конце 1948 г. констатировали: «Нет признаков, что Советский Союз и его сателлиты готовятся к агрессивной войне»³⁰.

Заинтересованность Москвы в сотрудничестве с США диктовалась потребностями восстановления европейской части страны, преодоления засухи 1946–1947 гг. (тогда в России от голода умер 1 млн человек). В таких условиях Сталин вряд ли хотел конфликта с Западом. Другой вопрос, мог ли он его обойти, имея сильные компартии во Франции и Италии, отстаивая права на Восточную Европу и курс на единство Германии без понимания союзников — тогда, когда Победа была уже позади? Беседы Сталина с разными политиками в 1946 г. показывают: он демонстрировал надежду, что западные державы не пойдут на разрыв отношений с СССР («Они пугают и будут пугать, но если не дать себя запугать, пошумят, пошумят и успокоятся»³¹). Слова, сказанные в ходе обсуждения тактики в отношении ПСЛ, отражали внешнеполитическую заданность многопартийной модели власти, и не только в Польше, и учет международной ситуации, когда ни одна из политических сил в регионе не могла монополизировать власть.

Изменения принес 1947 г.: доктрина Трумэна в марте — июне, вытеснение коммунистов из правительств Франции и Италии весной, план Маршалла — летом. В сентябре было создано Коминформбюро. Доктрина Трумэна, как считается, не вызвала большой тревоги в Москве в отличие от плана Маршалла. По словам американского дипломата Б. Баруха, этот план имел целью сделать США «жандармом Европы» для спасения «западной цивилизации» и, главное, «наших денег»³².

Известно, что Запад, приглашая СССР к участию в плане Маршалла, рассчитывал на отказ, что и произошло. В Москве план был расшифрован как приглашение поучаствовать в замысле США экономическими средствами совершить геополитическую реконструкцию континента в ущерб интересам СССР и не мог быть принят. Советское руководство, поступившись экономическими соблазнами, исключило свое участие, затем приложило усилия, чтобы не допустить присоединения к плану «своих» стран.

На союзников по формирующемуся «соцлагерю» было оказано давление. Что могла обещать Москва? В первую очередь кредиты. Польша вскоре получила 450 млн, затем 100 млн долл. на индустриализацию³³. Чем могла аргументировать политически? Ответ остается не до конца подкрепленным советскими документами. Тем не менее позицию Москвы во многом объясняют заложенное в плане вмешательство во внутренние экономические и (в качестве производного) политические дела участниц плана, а также ставка США на Германию как стержень организации и подъема Европы. Включение стран советской зоны в эту организацию (что имел в виду автор плана) грозило устранением компартий от власти и изменением конфигурации геополитических рубежей СССР³⁴.

Германский фактор, еще недавно объединявший усилия всех партнеров по антигитлеровской коалиции, утрачивал свое связующее назначение и постепенно превращался в главную проблему холодной войны. Перспектива создания западного блока и сепаратного западногерманского государства не соотносилась с замыслом Сталина на превращение единой и нейтральной Германии в буфер между западными державами и Советским Союзом с его восточноевропейской зоной влияния. В случае успеха проекта США этот замысел рушился, немцы из недавнего общего врага превращались в союзника главного кредитора. СССР и его сфера вли-

яния оказывались перед новой внешней угрозой с запада. Для Польши и Чехословакии это был работающий аргумент.

В массовом сознании славянских народов образ Германии ассоциировался с гитлеризмом. Он жил в памяти поляков и сохранял свое злое, реваншистское звучание, воспринимался как имманентная угроза³⁵. Ненависть к немцам была устойчивой. В полной мере она проявилась во время выселения немцев, сопровождавшегося мародерством, грабежами, насилием и убийствами, подтверждавшими, что в массовом сознании объективная реальность способна «выключить» человеческие проявления, в частности такие, как гуманное правило «лежащего не бьют».

Антигермански настроенная Польша могла сыграть роль нужного Москве «переднего рубежа» между Востоком и Западом. Польское правительство такая роль устраивала: германский фактор консолидировал общество и прибавлял внутренней стабильности. В случае же присоединения к плану Маршалла мог встать вопрос о статусе западной границы, становились внеправовыми и подлежали пересмотру выселения немцев и освоение новых территорий. Любые покушения на западную границу были чреваты массовым исходом поляков с новых земель и национально-политическим коллапсом.

Документы показывают, что воздействие на Польшу оказывали и США: по информации посла в Москве М. Нашковского, американский посол в Варшаве «выторговал участие Польши», обещая «пересмотреть позицию Америки по вопросу о западной границе». Американское «обезболивание» было сделано в «нужное» место. Здесь совпадали национально-государственные интересы СССР и Польши, и здесь же был завязан самый прочный «узел» зависимости Польши от СССР. Польское правительство не решилось обменять советские гарантии на заманчивое обещание. Оказались напрасными расчеты западных дипломатов на протесты оппозиции и «даже возрождение подполья в связи с позицией Польского правительства на Парижской конференции»³⁶.

Отказ от участия в плане Маршалла и создание Коминформа означали жесткую внешнеполитическую и идеологическую привязку стран региона к СССР. Они дали старт смене стратегии Кремля. В Восточной Европе (как и в Западной) наступало время устранения вариативности политического развития. Исчезали надежды руководства компартий на особый путь к социализму, который не стал бы советским. К концу 1947 г. обозначились к этому не только внешние, но и внутренние предпосылки.

«Поражение» ПСЛ на выборах в Сейм отразило укрепление позиций ППР: чтобы подправить итоги голосования и разрушить изнутри массовую ПСЛ, нужно было иметь немалое влияние на всех уровнях власти и госаппарата. Советское присутствие, несомненно, этому способствовало. Социалистов не отпустили в свободное политическое «плавание». Спецслужбы и армия подавляли польское подполье. Задача создания мононационального государства (выселения немцев и украинцев, репатриации поляков) решалась при одобрении общества. Набирал ход процесс восстановления экономики. В ППР шли дискуссии о наступлении на экономические позиции капитализма и расширении контроля государства народной демократии, активизировались сторонники «социализма по Сталину». Приближалось вре-

мя поражения тех коммунистов и социалистов, кто видел как общность, так и различия интересов Польши и СССР.

Тем не менее в политически структурированном обществе в первые послевоенные годы шел политический процесс. Оно было полифоническим в мировоззренческих ориентациях. Облик ему придавали многосекторная экономика, разные формы собственности и определяемый ими состав населения. Все происходившее в стране получало оценки в многочисленных изданиях, связанных с традиционными польскими движениями и партиями. Не было монополии на истину не только марксизма-ленинизма, но и социал-демократической интерпретации социализма. Политической цензурой допускалась публичная критика действий власти, но подавлялись призывы к ее свержению и разрыву с СССР. Прочными были позиции института, представлявшего несомненную угрозу режиму — католического костела. Влияние массовой католической печати и католических организаций было почти беспрепятственным. Иными словами, в обществе существовал различный идейно-политический потенциал и оппозиционные силы, как терпимые властью (легальные), так и нетерпимые властью и к власти (нелегальные). Оставались многопартийными политическая система и государственное управление, парламент и местное самоуправление. Реальность организованной и неорганизованной оппозиции, с которой рабочие партии были вынуждены и взаимодействовать, и бороться, подтверждала отсутствие монополии одной партии. Гегемония коммунистов соотносилась с признанием необходимости взаимодействия с социалистами и людовцами в правительстве, тактики единого фронта с ними в избирательном блоке.

Итак, общественная модель Польши оставалась переходной и существенно отличавшейся от советской модели, хотя властные возможности и советская охранная роль могли обеспечить стремительный по историческим меркам переход к другому качеству развития. Советизация страны, если под этим термином понимать утверждение иного общественного строя, пришлась на следующий этап.

Проявления элементов авторитаризма в «пакете» методов, используемых коммунистами, были связаны с утверждением геополитически обусловленной польской государственности, становлением Польши в новых границах, гарантированных советским присутствием. Участие СССР в подавлении сопротивления в Польше напрямую не сопрягалось с введением советских порядков. Задач, вытекавших из генеральной геополитической цели СССР (безопасность), было несколько: обеспечить спокойный тыл действующей в 1944–1945 гг. армии (историк, претендующий на объективность, не может уйти от признания этого факта), удержать Польшу в сфере интересов СССР, иметь надежного дружественного соседа и единомышленников в Варшаве. Они были решены.

1948 год открыл период консолидации Западной Европы против «коммунистического Востока», создания Западного союза, шагов к объединению западных зон Германии. Близился ее раскол и появление ФРГ. Впереди было создание НАТО. Попытки Москвы противостоять выталкиванию СССР за «железный занавес» и ограничению советского влияния Восточной Европой, которые сочетались с советским желанием спрятаться за этим «занавесом» от соблазнов западного мира, закончились безрезультатно в отличие от усилий связать страны региона замкну-

той на Кремль сетью двусторонних военно-политических договоров и торговых соглашений. Оформлялся биполярный мир, завершалась целая эпоха и вместе с ней особый переходный период в Европе. На востоке континента на первый план была выдвинута идеологическая доктрина ВКП(б).

Вместо необходимой модернизации во взаимодействии с Западом страны региона переходили к общественной трансформации на основе экстенсивной форсированной индустриализации советского типа. Были ли они, включая СССР, готовы воспринять и, главное, реализовать возможности иной модернизации, как это произошло в ФРГ, — вопрос другой. Эта проблема сегодня может выглядеть дискуссионной³⁷. Но на рубеже 1940–1950-х годов коммунисты знали лишь советский путь обеспечения принудительного роста экономики за счет отраслей тяжелой промышленности и военного потенциала при всеобъемлющей государственной собственности. Вместо запуска рыночных механизмов, чего советское руководство не умело и идеологически не допускало, становилось неизбежным директивное управление из единого центра. Поэтому в странах региона были поставлены вопросы о перспективе частной собственности, абсолютизации монополярной власти, унификации политики и идеологического состояния компартий. Любые дискуссии о путях развития и, тем более, несогласованные с Москвой действия расценивались как вредное проявление самостоятельности. Зависимость от СССР принимала всеобъемлющий характер. Благоприятным фоном для новой стратегии стал советско-югославский конфликт, геополитический по происхождению, но превращенный Москвой в борьбу с идеологическим отступничеством Белграда.

В историографии проблема восприятия сталинской модели социализма нередко трактуется единственно как насилие со стороны Москвы и компартий. Но только ли о насилии можно вести речь? Выдвинутая Коминформбюро задача превращения гегемонии компартий в монополярную власть оказалась достаточно быстро реализуемой при нарастающей некой предрасположенности к ускоренной индустриализации и усилению роли государства, что имело место во всей Европе, во имя экономического «рывка» и обещанного удовлетворения главного общественного требования — улучшения качества жизни людей. В этих условиях дефицит доверия к компартии как политическому институту оказывался отчасти замещаемым доверием к государству, управление которым контролировали коммунисты.

С превращением компартий в массовые усиливалось леворадикальное нетерпение «новобранцев» из послевоенного пополнения, распространялись поддерживаемые коммунистами иллюзии быстрого достижения успеха при условии следования за страной, выдержавшей военные испытания. Значительный леворадикальный потенциал «низов» питал партийный актив, который формировался коммунистами, прошедшими школу Коминтерна в Москве. Многие идентифицировали новый строй со сталинским вариантом, с ним связывали реализацию идеи справедливого общества, в которую искренне верили. Поэтому расчеты Москвы на успех проекта были не беспочвенны, как и понимание того, что в партиях и обществе стран региона сохраняется немало тех, кто его не приемлет. Поэтому разоблачая позицию компартии Югославии, Москва использовала для смены курса клановую борьбу в руководстве компартий. Теперь апологеты советского пути получили шанс осилить сторонников национальных путей, тех, кто в новых усло-

виях не выглядел надежным партнером Кремля, принудить социалистов к самоликвидации и создать единственный политический штаб.

Польша не выбивалась из общего ряда стран, переходивших к сталинизму. В 1948 г. коммунисты (В. Гомулка и др.) при поддержке Москвы оказали беспрецедентное давление на социалистов³⁸. Ряд их руководителей, отказавшись от идейно-политической и организационной самобытности партии, в установках которой первостепенное место занимали апологетика национальной независимости и демократический социализм, принял участие в объединительном процессе с компартией. Они провели масштабную чистку партийных рядов, результаты которой равнялись разгрому ППС. Черту, за которой остался национальный путь к социализму и настало время реализации польского варианта сталинизма, провел объединительный съезд ППР и ППС в декабре 1948 г. Новую объединенную партию (ПОРП) возглавил один из бывших аппаратчиков Коминтерна Болеслав Берут. Определяющие позиции заняли «твердые», то есть ортодоксальные коммунисты-большевики, а также те члены ППС во главе с Ю. Циранкевичем, которые приняли к исполнению идею сталинизации Польши³⁹.

Вместе с объединением нарастало прямое копирование внутривнутрипартийной жизни, идеологии и политики ВКП(б). Съезды ПОРП после 1948 г. не созывались 5 лет, вместо четырех ежегодных пленумов ЦК четыре пленума были собраны за период 1951–1953 гг. Непосредственное участие членов партии в ее деятельности и сопричастность к ее политике ныне трансформировались в согласие на исполнение директив инстанций. Идеологией социализма стала доктрина в интерпретации Сталина, догма, приспособленная к выполнению роли партии как политического гипнотизера, так и «кнута» для подавления инакомыслия. Все это были признаки большевизации ПОРП. Такая партия была для Москвы удобным младшим партнером, постоянное политическое руководство и контакты с которым осуществлялись по многим каналам⁴⁰.

С образованием единой партии исчезли альтернативы в польском рабочем движении и социал-демократизм как идейное течение в польском марксизме. В 1949 г. последовала унификация массового в Польше крестьянского движения, где с 1920-х годов имелись сторонники коммунистов. За право существования Объединенная крестьянская партия заплатила отказом от доктрины аграризма, принятием сталинского социализма, включая коллективизацию деревни. На периферии политической системы разместилось и СД, не менее традиционное, но весьма малочисленное представительство демократической интеллигенции, мелких городских слоев. «Самораспустилось» Стронництво Праци. Процесс принудительной ликвидации партий и движений, альтернативных советскому социализму, завершился. Но в партийной системе сохранялись в виде обрамления некоммунистические партии, которым отводились места в Сейме, в структурах исполнительной власти и местного управления как выразителям социальных интересов сторонников коммунистов. Насколько результативно и бесконфликтно они это делали, как был налажен механизм контактов с правящей партией — это проблема, на мой взгляд, требующая предметного раскрытия.

Возникает вопрос: зачем сохранялась многопартийность в Польше? Почему Москва допускала эту специфику? Возможно, это были «следы» концепции

польского пути к социализму, идеи национального фронта вместо классовой формулы «блок коммунистов и беспартийных», как в СССР. Вероятно, учитывался ментальный фактор, традиционная политизация польского общества. Возможно, это была неопасная имитация заблокированного реального в прошлом политического процесса, что признается важнейшим признаком тоталитаризма, в частности левого толка.

Функциональность многопартийности при социализме определялась не набором партий, а полнотой тех полномочий, которые определила себе компартия. Власть коммунистов, понимаемая как право распоряжаться развитием страны, управлять государством и национальным достоянием, была теперь монополевой. Если же под монополией понимать абсолютную власть, что, как следует из рассуждений американского историка Я.Т. Гросса, означает «лишение доступа к ней других сил, ...ликвидацию свободы действий... существующих или потенциальных центров коллективной жизни (или власти), организаций, независимых от разрешенных государством...»⁴¹, то власть ПОРП не была абсолютной. Она ограничивалась существованием сильного противника — католической церкви, института не только вероисповедного, но и политического. Таким образом, специфика власти ПОРП по сравнению с советской моделью состояла не только в том, что политика партии согласовывалась с Москвой, реализовывалась напрямую и через многопартийность, но и в том, что постоянным было присутствие в обществе претендента на выражение интересов нации, оттесненного на государственную периферию, но остающегося влиятельным.

Особенностью политического режима в Польше было отсутствие свойственной классическому тоталитаризму харизматической личности на вершине партийной власти. Б. Берут не располагал качествами «вождя». Доверие к нему партийцев формировалось пропагандой и агитацией⁴². Мешала фигура предшественника — В. Гомулки, устранение которого добавило к его авторитету в партии общественный ореол борца за право быть независимым от Москвы. Хранящиеся в российских архивах многочисленные обращения Берута к Сталину, Молотову, регулярные просьбы о встречах демонстрируют не только уважение, но и понимание личной и государственной зависимости, стремление все до мелочей согласовать, получить «совет» и одобрение. Эти материалы дают основания для вывода: линия поведения Берута была осознанно несамостоятельной, а форма обращений — порой сервильной.

Вершина власти в Польше была представлена узкой группой (триумвиратом, по определению А. Вербляна⁴³) выходцев из КПП — Б. Берут, Я. Берман, Г. Минц. Истоки этой специфики лежали в традициях сначала КПП, затем ППР и ППС. Группировки на разных партийных уровнях сохранялись и в ПОРП. Москву устраивало такое личностное «размывание» власти. Предпочтительнее было иметь в Варшаве группу правителей. Вместе они создавали удобный образ коллективного партийного руководства. В Москве Берута выделяли, понимали, что соседство Бермана и Минца для поляка Берута неопасно.

Над польским руководством возвышалась еще одна «вершина», выше которой быть не полагалось. Прямой выход на Сталина имело лишь первое лицо в партии. Встречи узкого руководства с советским лидером со временем становились все более редкими. Регулярное взаимодействие руководства партий обеспечивали аппа-

раты ЦК ВКП(б) и ЦК ПОРП. Проблема отношений советского аппарата с соответствующим национальным аппаратом и определение меры самостоятельности последнего, меры взаимозависимости сторон трудна для научного осмысления из-за обилия и одновременно недостатка конкретных материалов. Ее изучение требует профессиональных междисциплинарных приемов и пока ограничено в отечественной историографии общей констатацией зависимости от московского центра, что, несомненно, имело место. Казалось бы, не могло быть равноправия аппаратных партнеров. Вместе с тем документы позволяют считать, что не только московский центр, как принято писать, диктовал своим партнерам, но и они воздействовали на него. Каждый исходил из своих интересов, имел свой властный «вес», вел свои игры. Вместе, нередко прибегая к помощи друг друга, они играли далеко не всегда лишь исполнительные роли. Случай с репрессированием Гомулки, о чем пойдет речь ниже, показывает немалые возможности польской партийной аристократии тогда, когда они не противоречили интересам Москвы⁴⁴.

Новый курс предполагал смену правящих элит и осуществлялся под прямым влиянием советской стороны. К управлению страной, как и в СССР, приходили те, кто ранее занимал социальный «низ», а теперь придавал легитимность власти ПОРП. Этот характерный признак режима советского типа был в полной мере присущ польскому сталинизму. На рубеж 1940–1950-х годов пришелся «пик» кадровой расстановки, не случайно совпадавший с ростом поддержки ПОРП в обществе. Источником новых управленцев была партия, структурированная по жесткой вертикали. В начале 1950-х годов в ее рядах было почти 1,2 млн человек (рабочих — 44,5%, крестьян — 13,4%, работников умственного труда и госслужащих — более 36%). Действовали более 3 тыс. парткомов, партактив насчитывал около 200 тыс. человек⁴⁵.

«Качество» кадров определялось несоответствием образовательно-культурного уровня их социальному статусу и общественному запросу. Основу партийцев составляли малоквалифицированные рабочие, бывшие безработные, бесперспективная в деревне крестьянская беднота. Это были люди зачастую молодые и малообразованные (в 1945 г. были сняты ограничения на образование для рабочих и особенно крестьян) и профессионально неподготовленные, но по классовым соображениям предпочтительные. К выполнению «исторической миссии» их готовили в партийных школах, вечерних университетах, на многочисленных курсах, учили в Москве, где заимствовали опыт ВКП(б) постоянные делегации ПОРП. Не менее регулярным было посещение Польши советскими представителями, в том числе служителями идеологического «фронта».

Классовый подход к выдвижению руководящих кадров (70–80% рекрутировались из рабочих) порождал и закреплял как единственно возможный авторитарно-тоталитарный тип партийно-государственного управленца — транслятора и исполнителя решений партии. В первой половине 1950-х годов стало заметным вытеснение рабочих из парткомов всех уровней представителями умственного труда, что свидетельствовало об укоренении здесь в основном «новой» интеллигенции. Из таких кадров выстраивалась властно-исполнительная структура и формировался польский корпус носителей иерархической власти в центре и на местах, возникал особый клан людей — партийно-государственная номенклатура (бюрократия), социально-политическое явление, рожденное сталинизмом.

Необходимо отметить, что уже с 1990-х годов заметно возрос интерес как российских, так и польских историков к феномену номенклатуры при социализме. Причины его появления, предназначение и механизм функционирования исследуются на конкретно- и сравнительно-историческом национальном материале. В Польше проблема партийной бюрократии выступает как заметное направление научного поиска, ибо она дает ответ на вопрос, кто и как правил страной.

Специфика впервые реализованного в СССР всеобъемлющего принципа расстановки кадров состояла в том, что назначение на ключевые должности осуществлялось по политической надежности, равнозначной партийной принадлежности. Особенностью такого властвования было возникновение «партийного государства» с характерным для него сращиванием и дублированием постов, должностей и функций. Эффект переплетения партийной и государственной власти сочетался с несомненным превосходством властных полномочий партии. В парткомах — от ЦК до районных комитетов — имелись отраслевые отделы, управлявшие учреждениями, предприятиями, административными органами, деятельность которых опекали «свои» парткомы. Круг замыкался, возникала монополюсно контролируемая партией структура, которая обеспечивала функциональность системы при отсечении общенационального кадрового потенциала. Она лишала беспартийных членов общества возможности применить их профессиональные знания, деловые качества и гражданские права.

В Польше такой номенклатурный круг внедрялся постепенно (командные кадры силовых ведомств находились в ведении ЦК партии с 1944 г.). На этапе сталинизма любое назначение с обязательной санкции партийных властей стало принципом. В 1949 г. из Москвы были доставлены списки должностей, для персонального утверждения на которых требовалось решение ЦК ПОРП. В 1950 г. было документально оформлено распространение этого принципа на уровне воеводских и уездных комитетов, затем возможность принимать кадровые решения своего уровня получили горкомы и райкомы.

Фактический приоритет партийного над государственным партнером по власти позволял профессиональной партийной бюрократии присваивать важнейшие функции государственной администрации, подгонять закон под системную целесообразность. Это, безусловно, отразили административная реформа 1950 г. и Конституция 1952 г. Исполнительные и местные органы власти оказывались лишь формально, на бумаге, отделенными от партии. Ее директивами регулировалась деятельность судопроизводства, что в полной мере проявлялось в ходе политических репрессий и судебных процессов. Таким образом, посредством номенклатурной расстановки кадров, централизованной системы принятия решений, директивных методов и бюрократических приемов их исполнения, повторяя опыт СССР, реализовывался механизм все возрастающей роли партии в государстве. Польский историк А. Дудек прав в том, что внедрение номенклатурного принципа кадровой политики было сущностным проявлением стабилизации политического режима⁴⁶. Добавим: смысл существования номенклатуры и процесс рождения ее клановых интересов были связаны с советским по типу переводом страны в индустриально-аграрное состояние.

Польша имела к тому объективные предпосылки: немалые территория и природные запасы, протяженность морского побережья, «старые» и «новые» промыш-

ленные центры, земли для освоения, рабочие руки. Но были факторы, затруднявшие экономический рывок: отставание на этапе капитализма, военные разрушения, в том числе социальной психологии, людские потери, особенно интеллигенции, массовые демографические потоки, перенаселение отсталой, в основном малоземельной деревни, низкий образовательный уровень главного источника трудовых рук — крестьянства, отсутствие финансового капитала. Это подталкивало власть к экстенсивному пути форсированной модернизации через бюрократическое распоряжение ограниченными ресурсами из политического центра, что само по себе задавало внутренние пределы роста экономики.

Такой путь обуславливался и тем, что научно-технические достижения, американские кредиты стали недоступными. Главным торговым партнером становился СССР, отстававший с освоением новых технологий. Он не располагал излишками финансов, знал экстенсивные методы модернизации, поглощавшие дешевый ручной труд, не требовавший мощных и сбалансированных капиталовложений и нововведений. Со времен гражданской войны советская модель экономики действовала как мобилизационная. Индустриализация показала ее кратковременную успешность, но в ущерб постоянному техническому прогрессу и за счет искусственного занижения повседневного потребительского спроса. Холодная война, атомное соревнование, военный конфликт в Корее способствовали закреплению этих тенденций и перенесению их в страны региона, в том числе в Польшу.

Партийно-политическая и государственная зависимость Польши от Москвы пополнилась зависимостью польской экономики от советских кредитов, сырья (в 1950 г. 100% марганца, 80% хлопка, 70% жиров, 65% железной руды ввозилось из СССР), энергии, поставок промышленного оборудования и документации на реконструкцию 200 и строительство 30 новых заводов. Техническое и технологическое содействие дополнялось подготовкой кадров в советских учебных заведениях. Не всегда были передовыми технологии, внедрявшиеся советскими советниками, их опыт и квалификация. Это проявилось, в частности, при составлении и реализации хозяйственного плана на 1950–1955 гг. Тем не менее уже в 1949 г. 54% выпускавшейся продукции приходилось на группу А⁴⁷.

Решающий пересмотр плана последовал за совещанием в Москве 9–11 января 1951 г. с участием руководства СССР и первых лиц союзных стран. От Польши участвовали Э. Охаб и К.К. Рокоссовский. Материалы совещания пока недоступны, но из воспоминаний некоторых его участников известно, что Сталин сформулировал цель: мобилизовав все ресурсы, за 2–3 года развернуть скоординированное военное производство, перевооружить армии, многократно увеличить их численность, подготовить территории в военно-оперативном отношении и тем самым повысить обороноспособность блока. Как утверждал Г. К. Жуков в ноябре 1956 г., было решено, чтобы каждая страна сама определила возможности и размеры оборонной промышленности. На Польшу пришлась немалая доля выполнения этой задачи, так как территория страны считалась «коридором отражения» агрессии с запада. Но капитальные вложения в военную промышленность, которой Польша ранее не имела (1951 г. — 3,7%, 1952 г. — 7,4, 1953 г. — 7,2, 1954 г. — 3,9, 1955 г. — 3,2% общих капитальных вложений), принципиально не отличались от уровня вложений других стран блока. Численность армии в 1954 г. приблизилась к военному времени, составив 331 тыс. че-

ловек⁴⁸. Это отражало стремление власти политическими решениями ускорить модернизацию хозяйства, форсировав промышленное развитие путем его милитаризации, ценой отставания производства продукции мирного назначения и снижения благосостояния населения. Последствия такого курса были неоднозначными.

Индустриализация во многом меняла облик польской экономики. Объем валовой промышленной продукции в конце 1953 г. превысил соответствующий показатель 1939 г. в 3,6 раза. Высокие темпы роста сопровождались ускоренной урбанизацией, превращали в городских жителей «лишнее» население деревни, осовременивали социальную и профессиональную структуру занятых, требуя всеобщей грамотности, массового общего и профессионального образования «новых» рабочих и крестьян (в 1939 г. неграмотность по стране составляла 8,2%, в деревне — значительно выше), увеличения доли научной и технической интеллигенции⁴⁹.

Экспоненциальный рост получился. Это позволяло сокращать по ряду параметров отставание от развитых стран Европы. За короткий срок Польша превратилась в индустриально-аграрное государство, формировались производственные комплексы, закладывались новые отрасли промышленности, строились новые города, создавались миллионы рабочих мест, действовала неведомая «слабым» социальным слоям система социальной защиты и гарантий. В результате таких важных изменений складывались, как и в СССР, объективные условия для избирательной поддержки партии и той модели социализма, которую она внедряла, рабочими, особенно послевоенного пополнения, служащими, рабочей и крестьянской молодежью, «новой» интеллигенцией, созданной усилиями власти. Они получали то, что раньше было недоступно, — аванс в трудовой жизни.

Вместе с тем в эти же годы проявлялись слабые стороны функционирования централизованной обобщественной экономики. Реализуя советскую модель, лишившись западных технологий и капиталовложений, терпя поражение в коллективизации деревни, за счет которой в СССР финансировалась индустриализация, руководство ПОРП могло иметь необходимые капиталы, изымая их из сферы в том числе широкого потребления (рост недовольства, снижение трудового энтузиазма, производительности труда) и пользуясь советскими кредитами (рост зависимости). Ресурсы Москвы, естественно, были не безграничными, но нужных союзников кредитовали. В качестве примера можно привести беседу партийно-правительственной делегации Польши в Москве 16 января 1948 г., когда были удовлетворены почти все просьбы польской стороны (построить металлургический завод, поставить хлопок и хлеб, предоставить кредиты). «Вас интересуют, — говорил тогда Сталин, — наши образцы вооружения. От вас скрывать не станем. Вам нужна реактивная авиация — дадим... вашей промышленности поможем как можем». В августе 1949 г. был дан положительный ответ на просьбы Ю. Циранкевича об экспертизе состояния и реконструкции угольной промышленности, продлении кредита 1947 г. на вооружение, о займе в золоте и кредите на закупку товаров. К середине 1950-х годов объем советских, весьма выгодных кредитов Польше (от 0 до 2–3% годовых) на оплату поставок оборудования, включая оборудование военного назначения, продовольствия, товаров широкого спроса, сырья составил 5,2 млрд руб. Причем кредитов на промышленное развитие всем странам народной демократии, вместе взятым, было тогда выдано 6,9 млрд руб. На советские

кредиты и с помощью СССР было построено и строилось 69 предприятий, в том числе 6 горнорудных, 3 угольных предприятия, 8 металлургических и 17 машиностроительных заводов, 12 электростанций⁵⁰.

Ставка на директивно-распределительные способы централизованного управления, ресурс которых при ограниченных капиталовложениях, как казалось, превосходил возможности роста при свободном рынке, давала сбой в главном. Экономика, основанная на принудительном управлении и политическом распределении капиталовложений в пользу производства средств производства и оборонной промышленности, подавляла потребление, рождая внутренние пределы собственного существования. Она оставалась, по словам американского специалиста по истории экономики П. Грегори, в замороженном состоянии. Не создавая условий роста потребления и заинтересованности в повышении производительности труда, которая была в 2,5 раза ниже, чем даже в СССР, продублированные в Польше советские затратные механизмы блокировали перспективу поступательного экономического развития⁵¹.

В стране нарастали негативные процессы. Планы по производству потребительских товаров не выполнялись, в отличие от продукции военного назначения. Росли цены. Обещанного повышения благосостояния масс не происходило. Ситуация определялась отраслевыми диспропорциями вложений и недостаточным выходом валового продукта, что к середине 1950-х годов стало одной из причин кризиса власти ПОРП. Слова партии расходились с ее делами, требования «низов» — с возможностями и представлениями «верхов». Возникло «равенство в бедности» (С. Миколайчик), параллельно появилась многоуровневая система социальных привилегий для избранных, нарушался принцип равного доступа к социальным гарантиям. На фоне этатизации массового сознания, веры в возможности государства мифологизированный образ социализма как справедливого строя еще сохранял некоторую привлекательность, но социалистическое неравенство все острее воспринималось в городе, где нарастали протестные выступления, в основном экономического характера. Результаты политики ПОРП стал отвергать рабочий класс.

Как показывают документальные источники, в Москве и в руководстве ПОРП не питали иллюзий, оценивая ситуацию. Было известно, что значительная часть общества недовольна нарастающей зависимостью от СССР, нарушением гражданских свобод и неравным распределением лимитированных благ. Однако существовало убеждение, что протест разрешим, как и в СССР, с помощью репрессий. Именно репрессии, важнейшая причина и цель которых на этапе монополярной власти партии состояла в подавлении недовольства и поиске виноватых, выступали неотъемлемой чертой левототалитарных режимов. Поэтому массовые репрессии отличались разнонаправленностью, множественностью «вражеских объектов», что с трудом поддается систематизации. Недаром историки, и не только российские, предпочитают описательные методы исследования проблемы.

В Польше репрессии, как правило, видятся исследователями единым процессом — с 1944 по 1956 г. На мой взгляд, их историю можно, хотя и условно, разделить на два этапа: в 1948–1949 гг. наступил второй этап. К настоящему времени ученые во многом восстановили их событийный ряд. Идет осмысление этого трагического явления, углубляются научные подходы к материалу. Нет разногласий в понима-

нии, что имплантация системы террора обеспечивала внедрение «удобных» механизмов управления несвободным обществом, принуждение его раньше или позже принять идеологию коммунистической элиты. При всех различиях в адресности репрессии были нацелены на сохранение режима, на создание в стране необходимой и привычной для коммунистов системы готовности откликаться на сигналы, идущие «сверху», атмосферы мобилизованности, жертвенности и страха, так созвучной климату холодной войны.

Особое место в политике ПОРП занимали внутривнутрипартийные репрессии. Они были элементом широкомасштабной акции ВКП(б) в регионе, подготовка к которой началась весной 1948 г. Из компартий предполагалось удалить тех, кто якобы занимает антипартийную и антисоветскую позицию, недооценивает историческую роль СССР, заражен троцкизмом, национализмом, является агентом Тито. На самом деле речь шла о ликвидации сохранявшегося многообразия в понимании социализма, как в «верхах», так и «низах», о превращении компартий в монолитное основание власти, принимавшей курс на идеологическую унификацию и идентификацию национально-государственных интересов каждой страны с интересами блока во главе с СССР⁵².

В 1948 г. власть в Польше монополизировала партия, где организационно объединялись коммунисты и социалисты разных поколений, стажа в движении, по-разному оценивавшие политику руководства. Такая партия не подходила на роль исполнителя решений, принятых в рамках блока. Как показывают материалы советского посольства, Москва располагала информацией о наличии в ПОРП, включая ее высший «эшелон», тех, кто не отказался от национальных путей, и готовилась к большевизации ПОРП. Использовались компрометирующие материалы, поступающие из Варшавы от «верных людей» через советские дипломатические и иные службы. На их основе и с ведома СССР проводились чистки рядов и устранение признанных политически ненадежными. Получили поддержку Москвы активизировавшиеся и преобладавшие сторонники превращения партии в аналог ВКП(б), где инакомыслие наказывалось репрессиями.

В канун создания ПОРП был отстранен от власти В. Гомулка, человек коммунистической идеи, автор и убежденный сторонник «польского пути к социализму», политик, способный на самостоятельные поступки. Он понимал причины, обусловленность и неизбежность ограничений суверенитета Польши, тяготился зависимостью от Москвы, стремился ее уменьшить, но признавал всю национально-государственную значимость для Польши союза с СССР.

Среди исследователей преобладает мнение, что Гомулка вступил в острый конфликт со Сталиным и его отставка — дело «рук» Москвы, а в Варшаве лишь исполнили указания. Документы российских архивов позволяют несколько откорректировать такие суждения. Уход Гомулки находился в русле задуманной Москвой «перетряски» элиты в компартиях. Берут не решился бы на акцию, если бы Москва не пошла навстречу промосковской группировке в ППР. Вот с ней у Гомулки был старый личный и политический конфликт по вопросу: «польский путь к социализму» — это стратегия или только тактика? Скрываемая от Сталина борьба Берута за высшую власть в польском руководстве шла со времен войны. Исследователям известен его донос на Гомулку, поступивший в ОМИ ЦК ВКП(б) Г. Димитрову летом

1944 г. Тогда документу не дали ход, как и доносу В. Ковальского в 1945 г. на имя В. М. Молотова. Из Варшавы напрямую или через посольство (это не суть важно) поступал тот компромат, который лег в основу записки аппарата ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1948 г. Противники Гомулки воспользовались, а может быть, приготовили эту записку. На ней базировались решения пленума ЦК ППР, лишившего Гомулку высшей власти в партии⁵³.

Возникает вопрос, была ли у Сталина, занятого югославскими делами, потребность в отстранении Гомулки? Прямых документов для ответа на этот вопрос нет, но предположения возможны. Отметим хронологический параллелизм событий. С одной стороны, создание разоблачительных документов в Москве и вслед немедленная критика Гомулки группировкой Берута в Варшаве. С другой стороны, в 1948 г. продолжалась переписка Гомулки со Сталиным. Последний поддерживал его предложения по принципиальным вопросам: «ускорить подготовку почвы для органического единства...» на платформе коммунистов; сохранить в силе антигерманскую направленность советско-польского договора 1945 г. Может быть, весной-летом 1948 г. судьба Гомулки вовсе не была решена, как и тогда же раскритикованного М. Ракоши в Венгрии? Многое зависело от случайностей.

Позиция Гомулки по югославскому вопросу раздражала Москву⁵⁴, но отметим спокойную, как бы сдерживающую линию Сталина. Она существенно отличалась от действий в других подобных случаях. Например, в «делах» Т. Костова в Болгарии или Л. Райка в Венгрии. Замена лидера ППР осуществлялась по удивительно мягкому для тех времен варианту. По «делу» Гомулки Берут постоянно связывался со Сталиным, специально ездил в Москву сразу после казни Л. Райка в Венгрии. Руководящая «рука» при переходе власти к Беруту, несомненно, была⁵⁵, но словно кто-то (не Берут же) раскрыл над «т. Веславом» спасительный «зонтик». Отставного главу ППР, обвиненного в правом уклоне, национализме, принял Сталин в декабре 1948 г., выслушал, ответил на письмо, сохранил тогда в ЦК ПОРП, а после ареста не допустил его гибели. Заметим, между отставкой в 1948 г. и арестом Гомулки в 1951 г. прошли не дни и месяцы, а годы, из его близких соратников никто не погиб. Российские документы подкрепляют эти предположения. В октябре 1956 г. Н. С. Хрущев настаивал, что «вопрос» решался в Варшаве, что инициатива ареста Гомулки «исходила от Варшавы, а не от Сталина»: «Мы делали все, чтобы вас сохранить». Гомулка не опроверг этих слов⁵⁶.

Сюжет требует дальнейших документальных обоснований, но, представляется, вовсе не случайно в Польше после соответствующей подготовки в 1949–1953 гг. были проведены аресты ближайших соратников В. Гомулки, (М. Спыхальский, З. Клишко, Г. Корчинский, В. Комар, М. Роля-Жимерский и др.), однако крупного процесса по партийному «делу», как в других странах, так и не произошло. Не состоялся и процесс откровенно антисемитской направленности, хотя польский «импульс» к тому имел место на пленуме ЦК ПОРП в мае 1950 г. Допустимо предположить, что Москва, осведомленная о настроениях в польской партии и стране, сдерживала те «начинания» Варшавы, которые могли угрожать с трудом и кровью достигнутому «умиротворению».

Тем не менее устранение от высшей власти В. Гомулки, оформленное как борьба с «правонационалистическим уклоном», за большевизацию ПОРП, соответство-

вало настроениям в Москве, оправдывая чистки и репрессии до и после съезда 1948 г., являясь уроком тем, кто оставался в партии.

С установлением монополии на власть в условиях раскола мира мотивация репрессий в Польше заметно расширилась. Презумпция виновности закладывалась в репрессивную политику изначально, поскольку для разрушения множественности идейных представлений, ориентаций на западную демократию руководство ПОРП не имело убедительных ценностных аргументов. Принудительная активизация населения (агитация и пропаганда светлого будущего) была громкой, но малополезной. С немалым успехом ей противостояли западные «голоса», заблокировать которые было технически невозможно.

На рубеже 1949–1950 гг. ориентация на СССР и интернациональные интересы становилась абсолютной, одновременно нарастали непосредственные ограничения суверенитета Польши. Такой курс был чужд многим полякам, тем, кто недавно составлял широкий электорат ПСЛ, членам партий — союзниц ПОРП, молодежи, а также гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Вопрос зависимости Польши от СССР был труден для понимания рабочими, многими членами ПОРП. В «низах» аппарата зарождалось недовольство, в том числе скудным доступом к материальным благам. Объекты репрессий могли быть и находились среди представителей всех социальных слоев, тех, кто был способен сопротивляться, и тех, кто, как считалось, мешал или мог мешать трансформации общества.

Руководство ПОРП на партийном (плenums ЦК ПОРП 1949 г. «о кадрах» и «о бдительности») и государственном (законы об антигосударственной деятельности) уровнях готовилось к организации террора в обществе, копируя советский механизм подавления. Росли численность и активность стержневой охранной структуры власти — МОБ и его ответвлений. В 1953 г. они насчитывали более 300 тыс., из них 125 тыс. человек — Добровольная рабочая милиция⁵⁷. Без спецслужб не обходится ни одна власть, но при сталинском типе их деятельность извращалась преобладанием политического сыска. Работой госбезопасности руководила узкая комиссия Политбюро ЦК ПОРП во главе с Берутом. Ему фактически подчинялось ведомство, в центральном аппарате которого работали советники МВД-МГБ СССР. Перед ним (и Москвой) отчитывались советские офицеры, командовавшие военной контрразведкой и армейской юстицией, хотя формально они подчинялись министру обороны Польши. Это было одной из причин напряженных отношений К.К. Рокоссовского и Берута⁵⁸.

От лица партии инициировались внутри- и внепартийные репрессии, давались инструкции и поручения. К 1954 г. в картотеке госбезопасности значились 6 млн подозреваемых лиц. По данным польских историков, в 1951 г. в местах заключения пребывало 110 тыс. человек, из них 14 тыс. — за антигосударственную деятельность, в 1953 г. — соответственно 162 тыс. и 9 тыс. человек. Для разработки населения развевалась агентурно-информационная сеть, находившаяся в движении и насчитывавшая свыше 70 тыс. человек⁵⁹. Ее плотность позволяла спецслужбам проникать в общество, а власти — получать специфическую дополнительную, социально разнообразную опору из зависимых людей.

Массовый характер репрессиям этапа сталинизма придавали нейтрализация протестов рабочих в городе и подавление силой острого сопротивления крестьян-

ства коллективизации (например, Грифицкие события осенью 1951 г.). Административные и уголовные наказания применялись к десяткам тысяч, как правило, политически не активных людей, но эти репрессии имели особый смысл. Своим размахом они, как некогда раскулачивание крестьян в СССР, создавали атмосферу напряжения, необходимую при номенклатурном управлении страной.

Замысел очищения общества требовал уничтожения реального или выдуманного инакомыслия, что осуществлялось по ряду направлений. Одно из них — превентивное подавление тех, кого считали «пятой колонной». В Польше уже не было организованного военно-политического подполья, возникали и оперативно подавлялись мелкие, в основном молодежные группы, не представлявшие опасности для власти. Но факт их существования давал нужный повод для показательных репрессий, объектами которых были деятели партий «подпольного государства»: ППС-ВРН (например, арест и суд над К. Пужаком и др.), СН (процесс А. Добошиньского и др.), распущенного в 1950 г., СП («дело» Ю. Квасиборского и др.), ПСЛ (процесс М. Гулевич, В. Брыи и др.). Вновь арестовывались ранее амнистированные или отошедшие от подпольной деятельности офицеры АК (например, К. Плюта-Чаховский, Я. Мазуркевич, Я. Гораздовский, Э. Фильдорф). При вынесении приговоров суды демонстрировали жестокость. Смертные приговоры приводились в исполнение (Э. Фильдорф). Таким путем ПОРП рассчитывала подавить способность к общественному самовыражению тех, кто был так или иначе связан с прежним строем, изолировать «старую» элиту вне зависимости от отношения ее конкретных представителей к новой власти. Следует отметить прямые параллели с ситуацией в СССР. На основании директивы МГБ и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г. проводились повторные аресты отбывших наказание эсеров, меньшевиков, троцкистов, правых оппозиционеров.

Несомненно, через посольство, советских офицеров в Войске Польском и советников госбезопасности в Москву поступала информация о ходе спецмероприятий, но пока мы не имеем достаточных документов, чтобы раскрыть конкретную роль последних в работе МОБ Польши⁶⁰. Можно говорить о прямой причастности советской стороны к политическим репрессиям в Войске Польском, важнейшем объекте контроля Москвы. Кадровая и контрразведывательная работа, военное судопроизводство осуществлялись здесь советскими офицерами, находившимися в штате Польской армии и на учете в ПОРП.

Наступило время блокового противостояния, развертывания НАТО и американских военных баз в мире, войны в Корее. В Москве состоялось упоминавшееся совещание на высоком уровне, где речь шла о переоснащении армий блока и подготовке территорий всех стран к отражению внешней агрессии. Это ставило вопрос о военно-политической надежности союзных армий, но в первую очередь — выдвинутого на первую линию обороны Войска Польского, где к середине 1948 г. большинство составляли офицеры довоенного времени (в штабах — более 50%). Москва и руководство ПОРП были этим крайне обеспокоены. На рубеже 1948–1949 гг. польское военное ведомство предоставило Москве свой анализ ситуации в армии, затем советское посольство направило В. М. Молотову план «перестройки польской армии». Он, несомненно, был создан совместно с Варшавой. Имелось в виду вместе с «польскими друзьями» реорганизовать политически «абсолютно не-

надежный» командный состав Войска Польского и обсудить с участием Берута первоочередные мероприятия: очистить Генштаб и управления Министерства обороны от «врагов в офицерских мундирах», ограничить полномочия министра М. Роля-Жимерского, поставить верных людей на командные должности. Тогда в тылу советских войск в Германии «будет стоять союзник, который в решающую минуту не подведет». Рекомендовалось создать в Политбюро ЦК ПОРП Сектор национальной обороны во главе с Берутом и ввести в его состав Г. Минца, А. Завадского, Ф. Юзвяка, С. Матушевского. Сопоставление этих предложений с тем, как стали развиваться события, дает основания полагать, что они были положительно восприняты в Москве. По указанию советника МГБ СССР Давыдова польская госбезопасность установила систематическую слежку за Роля-Жимерским⁶¹.

В 1949–1950 гг. проводились превентивные чистки генералов и офицеров довоенного времени, офицеров АК и БХ, служивших в Войске Польском. Репрессировались кадровые офицеры Генштаба, командования округов и родов войск, академии Генштаба, известные генералы и офицеры «старой» армии, которые, руководствуясь интересами государства, пришли на службу в Войско Польское. Часть их занимала ответственные должности. По обвинению в шпионаже, связи с эмигрантскими кругами, создании подпольных организаций в армии, подготовке государственного переворота были арестованы С. Татар, Ф. Герман, М. Утник, С. Новицкий, Е. Кирхмайер, Ю. Куропеска, С. Моссор, организован «процесс генералов». Суд готовился почти три года — сначала госбезопасностью, затем военной контрразведкой⁶². По «делу» проходило 93 человека, было вынесено 37 и исполнено 20 смертных приговоров. Обществу демонстрировался «заговор в армии», чем обоживались увольнения довоенного офицерства⁶³.

«Процесс генералов» согласовывался с Москвой. В конце октября 1949 г. Сталин получил сведения о подготовке арестов и, вероятно, дал «добро», так как уже в начале ноября были арестованы основные фигуранты по «делу». В Москву поступала информация о ходе допросов, был доставлен и проект обвинительного заключения⁶⁴. Как реагировал Сталин на эти конкретные документы, участвовали ли в допросах советские офицеры, неизвестно. Инструкцией МГБ СССР их участие не допускалось. По опыту других стран мы знаем, что мнение Сталина в таких случаях запрашивалось, а советники, случалось, присутствовали на допросах. Информация Я. Бермана о том, что они якобы настаивали на 4–5 смертных приговорах для главных осужденных, но Берут сохранил им жизнь, документального подтверждения не имеет⁶⁵.

Если аресты довоенного офицерства мотивировались недоверием и логикой «бей чужих, чтобы свои боялись», то аресты членов ПОРП среди немногочисленного польского генералитета объясняются другими соображениями. Мишенью были главным образом те, кто приходил к власти вместе с В. Гомулкой, был или считался его сторонником, хотя обвиняли их в сотрудничестве с разведкой прежнего времени, о чем писал в Москву посол В. З. Лебедев. Под пристальным вниманием польской госбезопасности, советников МГБ и советских офицеров в армейской контрразведке находились министр обороны М. Роля-Жимерский, вице-министры М. Спыхальский (в 1945–1947 гг. проводил замену советских офицеров национальными кадрами) и Г. Корчиньский, начальник II отдела Генштаба В. Ко-

мар и др. В течение 1949 г. при непосредственном участии советника С.П. Давыдова и советского посла В. З. Лебедева подбиралась замена Роля-Жимерскому, но, как утверждал посол, среди польских «наших генералов» (С. Поплавский, А. Завадский, В. Корчиц) «непрерывно наблюдаются нездоровые взаимоотношения». Возможно, тогда и возникла фигура К. К. Рокоссовского.

Репрессирование генералов-коммунистов было продолжением клановой борьбы в партии. Как рассчитывали в ее руководстве, арестованные могли дать материал для процесса по «делу» Гомулки, что показывало членам партии, что с его эпохой покончено. Карьерный шанс получали заполнявшие офицерский «вакуум» молодые кадры рабоче-крестьянского происхождения, готовые к беспрекословному исполнению распоряжений партии. ПОРП избавлялась от любых неожиданностей в важнейшей силовой структуре.

В этом направлении действовала и Москва. Причиной нового «призыва» советских офицеров в Войско Польское было усиление блокового противостояния. Среди должностных обязанностей советских офицеров, работавших в армиях союзных стран, согласно инструкции, принятой Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1949 г., основной называлась помощь национальному командованию в военных вопросах, которая должна оказываться, не подменяя его, но значились и политические задачи. Предписывалось повседневно вникать в состояние армии и настроения ее командного состава и воздействовать на расстановку кадров из лиц, преданных своему правительству и верных СССР. Главный военный советник был обязан регулярно информировать министра обороны страны пребывания о боеготовности армии, ее морально-политическом состоянии и дисциплине, о настроениях в командном корпусе. Число советских людей, направленных в штат Польской армии с весны 1949 по 1952 г. составило около 160 человек и по сравнению с 1948 г. (1652 человек, в том числе 21 генерал) было невелико (в армиях Китая и Северной Кореи находилась не одна тысяча советских военнослужащих), но они заняли в основном командные должности. В середине 1949 г. из 192 таких должностей 84 занимали советские офицеры в Генштабе, родах войск, округах, академиях, авиационных дивизиях. По состоянию на лето 1953 г. в штате было 37 генералов и 630 офицеров, не присягнувших на верность Польше. Как члены ВКП(б), они вставали на учет в ПОРП⁶⁶. Это был скорректированный принцип партучета времен Коминтерна.

Хронологически «призыв» пришелся во многом на время службы К. К. Рокоссовского министром обороны Польши. Командование принял Маршал Советского Союза, один из выдающихся советских военачальников, освобождавший Польшу от гитлеровцев, поляк по происхождению. Сейм Польши утвердил иностранного гражданина на ключевом посту в государстве, что нарушало польские законы, было откровенным попранием сторонами суверенитета Польши. Назначение мотивировалось обеспечением безопасности СССР и Польши, блока в целом. С этой целью шло развертывание работ стратегического назначения на польской территории. Усилиями Рокоссовского был открыт ряд высших военно-технических учебных заведений, каких Польша ранее не имела.

Отношения Рокоссовского с верхушкой ПОРП складывались порой конфликтно⁶⁷. Министр тяготился должностью, осознавал сложности своей работы, наста-

ивал на увеличении оплаты труда польских офицеров, добивался изменения штатной службы советских офицеров на общепринятый в мировой практике статус советников. Такой вариант прорабатывался в Москве, но лишь после смерти Сталина Президиум ЦК КПСС 14 августа 1953 г. принял решение отозвать в 1953–1955 гг. всех генералов и офицеров по мере замены их польскими офицерами и советскими советниками. По запросу Берута и Рокоссовского в Москве решили направить в польскую армию в 1953–1955 гг. 269 советников на должности главного (при министре) и старших советников, советников в Генштаб, центральные управления МНО, округа, военные соединения и части ВВС, ВМФ, ПВО, вузы и военные школы. По линии МВД СССР направлялись 44 офицера (в контрразведку — 16, в округа — 8, во внутренние войска — 5 и в погранохрану — 15 человек)⁶⁸. Продлевалась служба 156 офицерам и генералам. Это, как и в госбезопасности, означало сокращение, но не ликвидацию советского присутствия в Войске Польском. К середине 1950-х годов отзыв советских военнослужащих ускорился. Так, в 1956 г. в Польской армии штатно служили 28 советских генералов и 52 старших офицера, на 1 ноября 1956 г. — 32 генерала и 39 офицеров. Намечалось отозвать в 1956 г. соответственно 17 и 21, в 1957 г. — 9 и 8 человек⁶⁹.

Предложение Э. Охаба, сделанное А. И. Микояну 11 сентября 1956 г. об отзыве советников госбезопасности, совпадало с общим курсом Москвы на ликвидацию этого института в союзных странах. В Москве постепенно приходили к выводу, что советское военное присутствие скорее вредно, чем необходимо. Осенью 1954 г. вопрос рассматривался в ЦК КПСС. По линии госбезопасности и МВД планировалось отозвать из Польши 21 из 89 человек, в 1956 г. сократить 21 из 41 должности военных советников. Решающий шаг был сделан в октябре 1956 г. Все советники МГБ и подавляющая часть армейских офицеров возвратились в СССР вместе с К. К. Рокоссовским⁷⁰. Войско Польское — символ, признак и гарант государственного суверенитета, переходило под контроль правительства Польши, что соответствовало основному закону страны.

Конституция, принятая Сеймом в 1952 г., придала партийному проекту строительства социализма в Польше силу закона и зафиксировала перенесение советских порядков на польскую почву. Основные нормы демократического общежития (равенство граждан, их прав и свобод) были заявлены, но сосуществовали в документе с классовыми акцентами: республика трудящихся, народное государство, народная власть, руководящая роль революционного рабочего класса, союз рабочего класса и трудового крестьянства, право на труд, свободный от эксплуатации.

Как и Конституция СССР, польский Закон не устанавливал гарантий разделения функций органов власти и реализации многих гражданских прав. Так, выборное начало представительной власти (Сейм, рады народов) на практике было партийным распределением мест, а правотворчество подменялось декретами и указами, по которым жила страна. Действовало сталинское определение правительства не как исполнительного органа Сейма, а как «высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти», что прямо нарушало принцип разделения властей, сводило на нет права Сейма. Конституционно закрепленное равное право на труд, всеобщее образование и охрану здоровья на практике дезавуировались классовой и номенклатурной системами привилегий, а независимость

судов искажалась приоритетностью их репрессивно-карательных функций. Конституция не только закрепляла существовавшее положение дел, но и определяла курс на «осуществление социалистического строя», ликвидацию эксплуататорских классов. При остром противостоянии деревни кооперированию симптоматично выглядела статья об оказании особой поддержки этому реформированию. Таким образом, основному закону страны предписывалось, как и в СССР, стать инструментом строительства социализма советского образца.

Некоторые национальные отступления (довоенная символика, армейские звания и форма; существование некоммунистических партий и организаций, не угрожавших власти) были призваны подчеркнуть непрерывность польской государственности, придавали национальный декор главному документу и новым правилам жизни, ретушировали их советские лекала. Отклонениями от «образца» отдавалась дань тем ценностным ориентациям общества на национальные традиции, которые не были опасны. Специфику польского варианта сталинизма принимала во внимание и советская сторона. В Москве поддерживали сохранение в облике этого государства национальной атрибутики времен борьбы за независимость и Второй Республики. И, думается, нет ничего удивительного в том, что Сталин (когда-то нарком по делам национальностей), редактируя проект, акцентировал национальные черты и обозначения суверенности в польской Конституции, отчасти смягчал ее классовое звучание, что сути дела не меняло⁷¹.

Для католической Польши знаком утверждения советской модели государственно-церковных отношений в ту пору была статья Конституции, закреплявшая отделение церкви от государства при свободе отправления религиозных обрядов. Стратегия коммунистов состояла в превращении Римско-католической церкви, главного вероисповедного института страны, в независимый от Ватикана, но зависимый от власти фактор национальной жизни⁷². Поставленные задачи решались поэтапно.

В 1944–1948 гг. власть содействовала духовенству в выполнении вероисповедных функций (восстановление разрушенных и строительство новых храмов, финансирование епископата, сохранение за церковью земельной собственности), но репрессировала тех служителей культа, кто включался в борьбу с ней. Появление отдельных атрибутов светскости (приоритет актов гражданского состояния, факультативное преподавание религии в школе) происходило по инициативе деятелей антиклерикальных социалистического и людовского движений. Они же были авторами разрыва Конкордата с Ватиканом осенью 1945 г., что позволяло правительству принимать решения без согласования со Святым Престолом. Этот шаг соотносился с позицией ППР и, вероятно, Москвы, но ее инициатива или участие в подготовке расторжения Конкордата пока не имеет документальных подтверждений.

В 1949 г. власть взяла курс на принуждение костела к признанию строя и лидерства ПОРП. Советский интерес к церковной политике ПОРП заметно повысился. Разворачивавшееся противостояние двух сил тщательно отслеживалось, влияние Москвы в конфессиональной политике возрастало. В ряде случаев Сталин в переписке и на встречах с Берутом давал советы⁷³. Начался этап преимущественно жестких действий ПОРП по вытеснению костела из сферы политики, подавлению его оппозиционности, установлению контроля над кадровой политикой епископата,

ограничению исполнения запросов верующих территорией костела. Для спецслужб духовенство стало коллективным фигурантом, происходили депортации, аресты и осуждения иерархов, попытки раскола рядового духовенства, его изоляции от епископов.

Епископат искал пути выживания костела как института. Во имя этого он шел на компромиссы, уступал в политических требованиях, надеясь снизить потери от репрессий, поступался беспрепятственным общением с Ватиканом ради свободного общения с верующими. Весной 1950 г., пытаясь остановить репрессии, он подписал выгодное правительству соглашение, летом 1951 г. — политическое Стокгольмское воззвание, чтобы избежать расхождений с антивоенными настроениями поляков. Кардинал С. Вышиньский в обход Ватикана, руководствуясь интересами государства (западная граница) и единства духовенства, признал решение правительства о выборах церковной администрации на Западных землях, согласился с принесением новыми викариями светской по форме и политической по сути присяги на «верность Польской Республике и ее народно-демократической власти» (1951 г.).

Изменение прав костела в Конституции 1952 г., узурпация властью кадровых компетенций Ватикана и епископата, введение обязательной для духовенства присяги на верность государству (Декрет Госсовета «О назначении священнослужителей на церковные должности» 9 февраля 1953 г.⁷⁴), с одной стороны, и ответ епископата правительству «*Non possumus*» («Не можем») 8 мая 1953 г. — с другой, означали предельное напряжение в отношениях костела с властью. Епископат, будучи убежденным, что ей отпущен исторически краткий срок, твердо дал понять, что время, когда он пытался во имя интересов церкви и верующих выжидать, лавировать, уступать и не доводить дело до конфликта с правительством, истекает. Коммунисты ответили: отступления в политике не будет. Последовали арест примаса С. Вышиньского, избрание по согласованию с властью главой костела епископа М. Клепача (почему тот принял пост — вопрос другой), принесение епископами 17 декабря 1953 г. присяги на верность ПНР.

Таким образом, постепенно, разными методами ПОРП реализовала задачи, поставленные в 1948 г. Костел признал партийно-политический режим, отступал в противостоянии власти, которая, навязав свое право определять кадровую политику и нарушив экономическую самостоятельность костела, установила над ним контроль. К середине 1950-х годов произошло заметное сужение присутствия церкви в государственных и общественных структурах. Ее деятельность концентрировалась главным образом в храмах, существенно было ограничено преподавание религии в школе. Польский епископат во имя сохранения церковного института и обязанностей перед верующими был вынужден, как и православная церковь в СССР и других странах региона, принимать навязанную ему модель отношений с государством.

Но потеснив костел на политическом, социально-экономическом и государственном уровнях, партии удалось ликвидировать лишь внешние признаки его реального мировоззренческого и нравственного влияния на нацию. Хотя отмечалось некоторое снижение религиозности населения, костел сохранил за собой сферу национально-духовного общения с верующими, где был сильнее классовой влас-

ти, зависимой от Москвы. Он воздействовал на патриотическое сознание поляков, оберегал глубинные, вековые основы веры абсолютного большинства поляков, их привязанность к католическим ценностям, доверие духовенству.

Итак, можно констатировать, что к середине 1950-х годов в Польше при содействии и руководстве СССР были созданы «несущие» элементы советской модели общества. Сложился феномен монополии ПОРП на власть, сформировался корпус партийно-государственной номенклатуры. Была выстроена подобная советской система управления, основанная на принципе исполнения директив сверху, что обеспечивало политический диктат партийного клана во главе с узким руководством. Этому соответствовал приказной механизм управления мобилизационной экономикой.

Курс на ускоренную индустриализацию экстенсивного типа в канун научно-технической революции открыл (прогресс) и одновременно блокировал (регресс) перспективу модернизации. Росли диспропорции и зависимость страны. Ставка на «рывок» усиливала групповые интересы партийной бюрократии. Быстро обнажились противоречия с большинством общества. Не происходило повышения его благосостояния, иссякал мобилизационный, в том числе искусственно созданный трудовой энтузиазм. Предложенный ПОРП в качестве общенациональной идеи образ строя социальной справедливости девальвировался реальностью.

Устойчивость всей «конструкции» обеспечивал характерный для сталинской модели инструмент воздействия на общество — массовые политические репрессии. Через подсистему страха создавалась атмосфера относительного и кратковременного гражданского согласия на классовой основе. Советская роль в репрессиях рубежа 1940–1950-х годов сводилась во многом к общему и конкретному идейно-политическому подталкиванию национальных кадров. Служба советников МГБ и советских офицеров контрразведки и юстиции вряд ли ограничивалась их профессиональными рекомендациями и политическим влиянием, но проблема в целом требует дальнейшей совместной разработки.

Переход от авторитарных тенденций к тоталитаризму «по Сталину» в конце 1940-х годов был геополитически обусловленным. Вместе с тем тип власти и управления в Польше имел особые, связанные с историей страны «родовые» черты, что не позволяет считать его аналогом сталинского режима в СССР. На этапе народной демократии в острой борьбе проявились партийная структурированность политической сферы, множественность идей и концепций, что свойственно формирующемуся гражданскому обществу времени индустриального перехода. Поэтому будущее показало, что внедрение сталинской модели не привело к превращению ПОРП в идеологический монолит, подобный ВКП(б), не удалось выковать и образ вождя. Агитация и пропаганда не замещали многообразия идейной и национальной убежденности общества.

Совпадение геополитических интересов СССР и Польши после войны вытекало из потребности обеспечить внешнеполитическую безопасность двух стран. Но для Польши как более слабого государства в этом союзе это совпадение трансформировалось в долгосрочную внешнеполитическую и нарастающую внутривнутриполитическую, идеологическую и экономическую зависимость от «старшего» партнера. Такая данность осознавалась и остро воспринималась поляками, что ограничивало

возможности тотального проникновения ППР-ППС, затем ПОРП в «толщу» народа, превращения его в управляемую, соответствующую советской модели социальную общность. Как фактор долгосрочного действия в обществе присутствовало находившиеся в открытом или скрытом состоянии стремление к независимости от СССР и доверие принципам западной демократии. Сохранились и общественные силы, способные осмыслить разрушительный потенциал советской модели. После смерти Сталина краткосрочный польский режим сталинского типа постепенно модифицировался в польский авторитаризм и продержался более 30 лет, устраивая, видимо, одну часть поляков и временно смягчая десталинизацией, но, не устраняя недовольство другой их части, что показали 1956 г. и выборы в Сейм в 1957 г.

¹ Rozmowa I sekretarza KC PZPR Władysława Gomułki z prymasem Polski ks. kard. Stefanem Wyszyńskim w dniu 11 stycznia 1960 roku // Wiadysław Gomułka i jego epoka. Warszawa, 2005. S. 284.

² Kersten K. Społeczeństwo polskie i władza ludowa w 1944–1948 // Dzieje Najnowsze. 1982. No 1–4. S. 83.

³ Цит. по: Аристов В. Русский мир Будапешта и Венгрии (Очерки и статьи по истории и современности). Будапешт, 2003. С. 146.

⁴ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 40-х годах XX в. М., 2006. С. 61.

⁵ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 446.

⁶ Печатнов В. О. Указ. соч. С. 143, 145; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с нем. М., 1995. С. 187, 218, 222, 297 и др.

⁷ Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003. Т. 5. С. 20.

⁸ Архив внешней политики МИД РФ (далее: АВП). Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 587. Л. 2.

⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 117–118.

¹⁰ Уместно привести мнение английского историка Н. Дэвиса. Он полагает, что в 1942–1943 гг. союзники признавали право Сталина иметь сферу влияния «на восточном фронте» войны, тогда как сфера их влияния распространялась на освобожденную Западную Европу, и с опаской подходили к перспективе «вмешательства» в вопросы Восточной Европы, не делали даже попыток диалога о сферах влияния, уходили от возможных противоречий со Сталиным и за это заплатили — «их молчание посеяло в заключительной фазе войны зерно холодной войны» (Devies N. Europa walczy. 1939–1945. Nie takie proste zwycięstwo. Kraków, 2008. S. 86–87).

¹¹ Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Д. Кеннана. М., 2002. С. 134.

¹² Friszke A. Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 114, 162.

¹³ Kersten K. Narodziny systemu władzy. 1943–1948. Warszawa, 1985. S. 119.

¹⁴ АВП МИД РФ. Ф. 077. Оп. 29. П. 132. Д. 8. Л. 60.

¹⁵ Особая роль молодежи в утверждении авторитарных, тоталитарных, диктаторских режимов в условиях, когда мировая, локальная или гражданская война «выбивает» средние поколения с устойчивыми социально-политическими представлениями, требует специального внимания и научных исследований.

¹⁶ НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По «Особым папкам» И. В. Сталина). М., 1994. С. 98–99.

¹⁷ Система охраны политического режима присуща всем типам власти, в том числе авторитарной власти меньшинства, которая, по мнению политологов, нередко может располагаться как между тоталитаризмом и подлинной демократией, так и между одним тоталитаризмом и другим тоталитаризмом. Как правило, она свойственна переходному обществу.

¹⁸ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001. С. 337–338.

¹⁹ Безвозмездную помощь Польше в 1944–1945 гг. Москва оценивала в 250 млн руб. (продовольствие, восстановление Варшавской электростанции, железных дорог, станций, мостов, линий связи, затраты на рабочую силу). См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Постановления 1954–1958. М., 2006. Т. 2. С. 432.

²⁰ По данным на середину 1945 г., в ходе «чекистско-войсковых операций» по очищению тыла было вывезено в места заключения в СССР 27 010 поляков, включая партизан АК. Из них на 23 ноября возвращено в Польшу 5108 человек. На 1 июля 1950 г. в советских лагерях содержалось 463 военнопленных и интернированных в 1944–1945 гг. граждан Польши (см.: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 274–275, 366).

²¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 120–121; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 192.

²² В ходе переговоров в ноябре 1956 г. В. Гомулка просил «по политическим соображениям» сократить «до известной степени» численность СГВ. Оглашенная цифра личного состава двух танковых и двух авиационных дивизий вызвала его удивление: так мало. Н.С. Хрущев, назвав эту цифру символической, предложил заменить советские войска в Германии польскими, поскольку границу с ГДР имеет Польша, а не СССР. Гомулка обещал подумать (*Орехов А. М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: Из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 225–228; Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 538–539; *Krogulski M. L.* Okupacja w imieniu sojuszu. Armia Radziecka w Polsce. 1944–1956. Warszawa, 2000. S. 35).

²³ Наличие оппозиции, нетерпимой к правящему режиму, имеющему ограниченную социальную поддержку, современные исследователи считают одной из характерных черт его авторитарности.

²⁴ Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 458, 461.

²⁵ Косвенным подтверждением могут служить реальные итоги референдума 30 июня 1946 г., которые Сталин получил уже 2 июля от советского посла В.З. Лебедева: положительные ответы на 1-й вопрос — 35–40%, на 2-й — 55–60%, на третий — 75–80%, с одновременным уведомлением, что ППР и ППС договорились эти цифры откорректировать в сторону увеличения (см.: Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 327).

²⁶ Нарушение процедуры выборов квалифицируется в современной политологии как один из признаков авторитарности режима. Можно ли идентифицировать «польский случай» с советизацией только потому, что выборы фальсифицировали коммунисты и социалисты? Авторитарный режим еще не значит режим советский. Фальсификация выборов в Польше обуславливалась геополитическими интересами и тогда не была продиктована сменой общественного строя, то есть советизацией.

²⁷ Прав А. Верблян: Запад оказывал оппозиции поддержку «скорее иллюзорную» в отличие от советской «реальной и материальной» помощи левым силам (*Werblan A.* Stalinizm w Polsce. Warszawa, 2009. S. 70).

²⁸ Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 457–458.

²⁹ Подробнее см.: *Волокитина Т. В.* «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948. М., 1998. Разд. II. Гл. I.

³⁰ Цит. по: *Печатнов В. О.* Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике. Т. 4. № 2. С. 14; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М., 2003. С. 25.

³¹ Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 461.

³² АВП МИД РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Л. 137.

³³ *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения 1945–1949. М., 1990. С. 98; *Skrzypek A.* Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957. Pułtusk, 2002. S. 198.

³⁴ АП РФ. Коллекция документов.

³⁵ Именно так расценивалась ситуация польским правительством (З. Модзелевский: «...план Маршалла нацелен на возобновление германской агрессии»; Я. Станьчик: «Война — это ликвидация нашей независимости, а, может быть, и физического существования. Ведь к танцу будет приглашена Германия» (АВП МИД РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 45–46; Оп. 27. П. 195. Д. 7. Л. 44; Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф.17. Оп. 128. Д. 768. Л. 136).

³⁶ АВП МИД РФ. Ф. 0122. Оп. 29. П. 208. Д. 7. Л. 161–162.

³⁷ На наш взгляд, опыт современного Китая может показать, каков будет конечный результат усилий компартии модернизировать страну, перевести ее в индустриальное и постиндустриальное состояние.

³⁸ АВП МИД РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 5. Д. 214. Записи бесед советника посольства СССР В. Г. Яковлева с Ю. Циранкевичем (8.03.1948 г.), Б. Дробнером (9.03.1948 г.), О. Ланге (26.05.1948 г.), С. Матушевским (8.06.1948 г.), Я. Берманом (12.03 и 5.06.1948 г.).

³⁹ По мнению польских историков Э. и Б. Сыздек, Ю. Циранкевич «в 1949 г. перешел на сталинский путь, ни в малейшей степени... не сохраняя даже намека на преданность социал-демократическим ценностям и идеалам» (*Syzdek E., Syzdek B. Józef Cyrankiewicz. Zanim zostanie zapomniany. Warszawa, 1996. S. 164.*)

⁴⁰ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. М., 2002. Т. 2. С. 859, 869. Подробнее см.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. Разд. 1.

⁴¹ *Gross J. T. Geneza społeczna demokracji ludowych. O konsekwencjach II wojny światowej w Europie Środkowej // Komunizm. Ideologia. System. Ludzie. Warszawa, 2001. S. 55.*

⁴² В связи со смертью Берута британская газета «Манчестер гардиан» писала 14 марта 1956 г.: «Всеми известными коммунистической пропаганде методами он был превращен в “народного вождя”, но никогда народом не был признан таковым. Смерть Берута наступила в момент, когда все, что он представлял в польской политике — безмолвное послушание советским приказам, отождествление ведущих национальных личностей со Сталиным и его культом, а также следование Польши по примеру Советского Союза, — кажется, проходит».

⁴³ *Werblan A. Stalinizm w Polsce. S. 62.*

⁴⁴ Подробнее см.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Указ. соч. Гл. IV.

⁴⁵ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. С. 819, 868; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 102. Л. 147; АВП МИД РФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 275. Д. 89. Л. 24; Оп. 35. П. 283. Д. 20. Л. 102.

⁴⁶ *Dudek A. Funkcjonowanie systemu nomenklatury kadr PZPR na szczeblu wojewódzkim (1948-1980). Przykład Krakowa // Komunizm. Ideologia. System. Ludzie. Warszawa, 2001. S. 100.*

⁴⁷ См.: *Парсаданова В. С.* Указ. соч. С. 97–101; Советское славяноведение. 1985. № 1.

⁴⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 47. Л. 52–53.

⁴⁹ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. С. 854; АВП МИД РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 283. Д. 21. Л. 83.

⁵⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 425, 431; Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. С. 308–311, 854.

⁵¹ *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 342.

⁵² См.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Указ. соч. Гл. VI.

⁵³ Восточная Европа в документах... Т. 1. Док. № 272, 291, 301, 307; Советский фактор в Восточной Европе... Док. 210, 222.

⁵⁴ Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 142. Л. 18. См. подробнее: *Яжборовская И.* 1948 год. Москва. Варшава. Югославский вопрос. М., 1998.

⁵⁵ *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Указ. соч. С. 510–511.

⁵⁶ Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов политбюро ЦК ПОРП в Варшаве, состоявшихся 19 октября 1956 г. // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 500–501.

⁵⁷ *Aparat bezpieczeństwa w Polsce. Kadra kierownicza. T. 1. 1944–1956. Warszawa, 2005. S. 20.*

⁵⁸ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. С. 835–838.

⁵⁹ *Frizke A. Polska. Losy Państwa i Narodu... S. 203–204; Aparat bezpieczeństwa... T. 1. S. 25; Paczkowski A. Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski. Kraków, 1999. S. 47–65.*

⁶⁰ По состоянию на сегодняшний день ученые располагают крайне скудными сведениями о числе советников МГБ и их реальной деятельности. Известны лишь отдельные имена и численность с тенденцией сокращения от нескольких сотен в 40-е годы до десятков в 1953–1955 гг. (*Носкова А. Ф., Мурашко Г. П.* Институт советских советников в Восточной Европе в 40–50-е годы XX века // Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 110–141; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Указ. соч. Гл. VII; *Aparat bezpieczeństwa... T. 1. S. 54–59; Aparat bezpieczeństwa w Polsce w l. 1950–1952. Taktyka. Strategia. Metody. Warszawa, 2000. S. 17.*)

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1300. Л. 18, 26.

⁶² Факт «передачи» арестованных офицеров из органов госбезопасности, где якобы не смогли получить признательных показаний, в контрразведку Министерства обороны требует объяснения, основанного на документальных материалах, которыми автор не располагает.

⁶³ *Poksiński J.* Spisek w wojsku. Victus Honos. Warszawa, 1994. S. 5; *Poksiński J.* “TUN”. Tatar — Utnik — Nowicki. Warszawa, 1992. S. 149.

⁶⁴ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 42; Ф. 3. Оп. 66. Д. 138. Л. 71–72.

⁶⁵ *Torańska T.* Oni. Warszawa, 1989. S. 151.

⁶⁶ См.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Указ. соч. Гл. VII. Офицерский корпус Войска Польского: 1948 г. — около 19 тыс. человек; 1951 г. — 30 тыс.; 1952 г. — 41 тыс.; 1953 г. — 43,5 тыс.; 1955 г. — 45,2 тыс. человек (см.: *Palski Z.* Agentura informacji wojskowej w l. 1945–1956. Warszawa, 1992. Приложение).

⁶⁷ *Носкова А. Ф.* К. К. Рокоссовский в Польше. 1944–1956: Неизвестные страницы биографии // *Studia Polonica.* М., 2002. С. 79–94.

⁶⁸ *Nalepa E.* Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943–1968. Warszawa, 1995. S. 128, 131, 133, 280.

⁶⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 143. Л. 43.

⁷⁰ По просьбе польской стороны Москва дала согласие продлить службу в Польской армии на 1 год 12 советским генералам и офицерам, 11 советникам и 2 представителям ПВО и разведки Советской армии (АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 124. Л. 65–66).

⁷¹ Подробнее см.: *Персак К.* Роль Иосифа Сталина в подготовке Конституции Польской Народной Республики. 1952г. // Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005.

⁷² См. подробно: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. Разд. III.

⁷³ После смерти Сталина бывало, что советские рекомендации Варшаве игнорировались. Например, Москва была против организации судебного процесса по «делу» епископа Ч. Качмарека, но он состоялся в сентябре 1953 г. (см.: Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. С. 767–768, 819–820).

⁷⁴ Вероятно, декрет был исполнением рекомендаций Сталина об ужесточении церковной политики, данных Беруту осенью 1952 г.

О степени изученности проблемы. «Влияние Советского Союза во всех сферах культурной жизни Польши и Чехословакии усиливается с каждым днем по мере утверждения в этих странах новой народно-демократической системы и закрепления руководящей роли коммунистических партий в управлении государством»¹. С этого мнения, автором которого является чиновник средней руки в МИДе СССР в 1949 г., начинается введение к важнейшему из переведенных на польский язык сборников избранных источников по рассматриваемой в данной статье теме. Сборник был издан приблизительно в середине первого послевоенного десятилетия и верно отражает основную тенденцию того периода: растущее доминирование Москвы над сателлитами, все большую готовность последних перенести в свои государства модель, сформированную сталинским режимом в Советском Союзе. Первые признаки изменения направления развития появились только в 1955 г., следовательно, исследование послевоенного десятилетия почти полностью посвящено периоду роста влияния Москвы.

Благодаря относительной (временной) открытости российских архивов и открытому доступу к польским архивам за последние 20 лет удалось добиться огромного прогресса в исследованиях. В основном благодаря польским историкам уже достаточно много известно о механизмах управления и контроля над польской периферией со стороны московского центра. Существенную поддержку польским исследователям оказали и российские коллеги — без них не появились бы первые сборники документов, без которых трудно представить, в каком состоянии находилось бы сегодня изучение данной проблемы². Были также использованы резуль-

таты исследований, в которых польские проблемы не являлись центральным вопросом, а рассматривались как фрагмент истории сталинизма и холодной войны. Роль историков из других стран была меньше. Важнейший международный проект по исследованию холодной войны, который финансировался американской стороной — «International Cold War History Project», направлен на изучение войн и кризисов, поэтому период роста влияния Москвы в Польше не оказался в проблемном поле этого исследования³. В некоторых случаях изучением различных аспектов данной темы занимаются историки менталитета, пропаганды или науки⁴. Тем не менее степень изученности проблемы во многом показывает уровень развитости историографии в Польше и России, а точнее — в Варшаве и Москве.

Утверждение о существовании очевидного и качественного прогресса не противоречит мнению, согласно которому «обширное исследовательское поле [по-прежнему] ждет заинтересованных (и смелых) историков». Это замечание сформулировал несколько лет назад Анджей Пачковский, отмечая многочисленные проблемы в исследованиях как переходного периода 1945–1947 гг., так и эпохи сталинизма. Его «минорное настроение» в основном касалось изучения экономической истории⁵, где прогресса не наблюдается до сих пор. Зато появились две монографии, которые существенно расширяют представление о первых послевоенных годах⁶, а также упорядочивают достижения польских и российских историков в изучении всего послевоенного десятилетия⁷. Подобным стремлением характеризуется и очерк, представленный ниже: в нем будут подведены итоги исследований на интересующую нас тему. При этом не предлагаются принципиально новые интерпретации, зато содержится побуждение к размышлению над имеющимися данными и способами их истолкования.

Замечания общего характера. В послевоенное десятилетие зависимость от СССР была главной и постоянной характеристикой польской государственности, которая оформилась в 1944 г., а в 1952 г. получила название Польской Народной Республики. В период между завершением Потсдамской конференции и подписанием Варшавского договора, который и рассматривается в данной статье, наряду с некоторыми формами зависимости изменялись и важнейшие мотивы, связывавшие власти Москвы и Варшавы. 1945–1947 гг. можно охарактеризовать как переходный период, в ходе которого Польская рабочая партия (ПРП), благодаря разнообразной помощи московского центра добилась уничтожения оппозиции и установления за двойным фасадом — элементов парламентарной демократии, постепенно переходящих в «народную демократию», — диктатуры одной партии и гегемонии марксизма-ленинизма-сталинизма. В сфере внешней политики отказ от участия в плане Маршалла символизировал отделение Польши от Запада, которое выходило далеко за пределы сферы экономики. 1948 г. стал пиком развития этих процессов и одновременно рубежом в истории строительства государства сталинского типа: если в предыдущий период был создан — по природе своей менее заметный — фундамент новой конструкции, то после 1948 г. появляются стены партера, которые видны с довольно большого расстояния. Семилетие, которое началось в конце 1940-х годов и приблизительно совпадало со временем действия установок шестилетнего плана, стало — без учета 10 месяцев существования Польского комитета Национального освобождения (ПКНО) и Временного прави-

тельства — периодом наиболее сильной зависимости, а также — чего не было в 1944–1945 гг. — периодом наибольшего сходства внутреннего устройства Польши с советской моделью. Главной задачей польских властей в то время была ликвидация последних учреждений, социальных групп и социальных явлений, которые были несовместимы со сталинской моделью. Прежде всего речь идет о Римско-католической церкви и крестьянстве; не меньшим преследованиям подвергались любые «пережитки» (нежелаемое наследие прошлого), к которым относились, в частности, «мещанство», региональные традиции, остатки рыночных отношений, образ мыслей, не соответствующий принятой тогда версии марксизма, автономия общественных организаций, историческая память, связи с заграницей и т.д. Это был также период наибольшего размаха повсеместного террора, который сильнее всего отразился на повседневной жизни.

В сфере экономики в начале 1950-х годов доминировали два направления: осуществление приготовлений к войне и тесная связь польской промышленности с советской. Знамена национального своеобразия были низведены до уровня декораций для единой дороги, ведущей к социализму. Последний год рассматриваемого периода характеризуется постепенным разложением польского сталинизма. Он начинается среди прочего с борьбы фракций в руководстве ПОРП (Польская объединенная рабочая партия), которая в свою очередь представляется производной от фрагментации, возникшей в руководстве в Москве в рамках борьбы за власть после Сталина.

Зависимость Польши в 1945–1955 гг. распространялась также на сферы идеологии (в том числе на модель государства и его отношения с гражданами), законодательства (в том числе на конституцию), внутренней и внешней политики, обороны и безопасности, экономики и — с конца переходного периода — культуры. Можно представить известные на сегодняшний день элементы этой конструкции в хронологическо-событийном порядке. Исходным пунктом являются решения, принятые великими державами на Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.).

Переходный период, 1945–1947/48 гг.: зависимость от СССР как основа новой государственности. Потсдам — внешняя политика и экономические отношения. После того как ПКНО отказался от восточных польских земель, после Ялты и создания Временного правительства национального единства открытым оставался вопрос о западной границе Польши. Джордж Ф. Кеннан уже в декабре 1944 г. предупреждал, что «чем дальше в глубь Германии будет передвинута западная граница Польши, тем большей будет экономическая и военная зависимость Польши от Советского Союза... определение линии по р. Одер в качестве восточной границы Германии должно углубить эту зависимость до такой степени, что ни одно польское правительство, действующее к востоку от этой линии, не будет, по сути, не чем иным, кроме как локальной властью, а территория Польши будет по неизменной логике событий экономически, политически и с военной точки зрения подчинена Советскому Союзу»⁸. За полгода до окончания войны Кеннан не мог знать, что в Потсдаме эту зависимость усилят Великобритания и США, соглашаясь на «наиболее западный» вариант границы и одновременно отказываясь окончательно признать ее. Преднамеренно многозначные формулировки пункта VIII b заключительного коммюнике (по сравнению с заявлением США и Великобритании о поддержке окон-

чательного присоединения северной части Восточной Пруссии к СССР) оставляли вопрос о польско-германской границе в определенной степени в подвешенном состоянии. Уже в 1946 г. на фоне первых противоречий вокруг характера решений Потсдамской конференции Москва однозначно высказалась за их незыблемость, став — по меньшей мере до 1970 г. — единственным гарантом западной границы Польши⁹.

Такое положение вещей имело принципиальное значение, поскольку в Потсдаме новому польскому государству передали германские восточные провинции. В целом с географической точки зрения Польша была передвинута на запад на 200—300 км. При этом она впервые в своей истории сохранила благодаря политическим договоренностям в Ялте и Потсдаме, политическое единство своих восточных и западных территорий. Значение территориальной компенсации было настолько большим, что оборона границы на Одере и Нейсе стала в последующие десятилетия одним из немногих политических факторов, которые объединяли польскую политическую эмиграцию и правительство в Варшаве.

По-другому значение новой границы представляла себе Москва. Как известно, так называемые Возвращенные земли¹⁰ она оценила в сумму (9,6 млрд долл.), которая практически в три раза превышала стоимость присоединенных ею бывших польских восточных воеводств (3—3,5 млрд долл.). Кроме того, СССР включил «в счет» также потерю репараций с той части территории Германии, которая отошла к Польше: ущерб был оценен в условную, так же как и вышеприведенные цифры, квоту в 500 млн долл. В качестве компенсации за подсчитанные таким образом потери Москва предложила Варшаве создать смешанные польско-советские угольные компании. Хотя в то время еще мало было известно о таком типе предприятий (которые на территории от будущей ФРГ и Восточной Австрии до Румынии и Венгрии вскоре стали символом эксплуатации местной экономики), польская сторона отклонила это предложение, согласившись, однако, через две недели после Потсдамской конференции на подписание соглашения о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией. В соглашении Советский Союз отказался «от любых претензий на бывшее германское имущество... которое находится на всей территории Польши, включая ту территорию Германии, которая переходит к Польше». Как известно, это положение осталось во многом на бумаге, равно как и решение, содержащееся во второй статье соглашения, согласно которому доля Польши в германских репарациях в пользу СССР составляет 15% предназначенных для Советского Союза поставок и услуг. Одновременно Польша обязалась ежегодно поставлять в СССР от 8 до 13 млн т угля по цене на 10% ниже рыночной, что было определено в секретном протоколе. Учитывая, что уголь был основной статьей польского экспорта (через несколько лет, в 1949 г., общий объем добычи составил 74 млн т, из которого на экспорт шло 29 млн т¹¹), потери Польши, связанные с экспортом угля по «специальной договорной цене» (которые позднее, в зависимости от метода подсчета, оценивали в 500—800 млн долл.), были огромными. Однако эта цифра была меньше той, которая была определена по условиям соглашения о возмещении ущерба от 16 августа 1945 г., поскольку в ходе последующих переговоров Польше удалось снизить норму поставок сначала до 50% (1947 г.), а затем до 25% (1950 г.) первоначально определенных объемов. Окончательно вопрос о репа-

рациях был закрыт после того, как СССР, а затем и ПНР отказались от взимания репараций с ГДР (22 и 23 августа 1953 г.)¹². Попытки определить, были ли выполнены обязательства по соглашению от 16 августа 1945 г., закончились неудачей в 1957 г.¹³.

Таким образом, Потсдамские договоренности о западной границе Польши оказали влияние на весь период (по меньшей мере до 1970–1975 гг.) существования ПНР. Передача Польше бывших германских провинций как бы воссоздавала Версальский порядок, заложив структурное польско-германское (с 1949 г. польско-западногерманское) противостояние. Тем самым Польша, которая стала значительно слабее, чем в 1920-е годы, была вынуждена постоянно добиваться поддержки со стороны единственной из держав, которая поддерживала и добилась принятия новой западной границы своего вассала. Кроме того, в отличие от межвоенного периода новая граница Польши связывала ее с другой проблемой, которая вскоре должна была стать самой серьезной в европейской политике, — с германским вопросом. ПНР как бенефициар Потсдама стала частью этой проблемы и оставалась ею до конца своего существования. Сложившаяся в рассматриваемый период ситуация была также деформирована сталинизмом, который опирался, если рассматривать отношения с границей, на принцип безграничного недоверия и безусловно-го подчинения. Следствием такого положения вещей стало исчезновение после 1947 г.¹⁴ самостоятельной польской внешней политики: это направление перестанет существовать до 1955 г. и не будет далее рассматриваться в данной статье.

Подобным образом складывалась ситуация и с положением польской экономики в послевоенное десятилетие. Демонстративное лишение Польши возможности участвовать в плане Маршалла привело к многоплановым последствиям, прежде всего политическим, но также и долгосрочным экономическим. Прекратилось оказание экономической поддержки в рамках программы *UNRRA* (Администрации ООН по оказанию помощи и реабилитации). Кроме того, внешняя торговля в послевоенные годы однозначно указывала на тенденцию восстановления связей с Западом: в 1945 г. на СССР приходилось 90% всего внешнеторгового оборота, в 1946 г. эта доля упала до 58%, а в год объявления плана Маршалла — до 27%. Вопреки распространенному мнению и в дальнейшем никаких изменений не произошло; наоборот, в последующие два года польский внешнеторговый оборот с капиталистическими странами по-прежнему существенно превышал показатель торговли с социалистическими странами, обратная тенденция появилась только в 1950 г.¹⁵.

Следует добавить, что для второй половины 1940-х годов никто не может хотя бы приблизительно определить действительный баланс потерь и выгод для обеих сторон. Однозначно можно оценить только демонтаж и реквизицию на бывших германских территориях, которые проводились Красной армией и другими советскими органами весной и летом 1945 г. (в меньшей степени и в последующие месяцы) и против которых выступали, в частности, Гомулка и Берут. Однозначно обстояла и ситуация с бывшими германскими портами на побережье Балтийского моря: СССР передавал их польской стороне с ярко выраженным нежеланием и большим опозданием; последний порт в Щецине перешел под контроль Польши в сентябре 1947 г., при этом определенная часть порта была передана в аренду вооруженным силам СССР¹⁶. В дополнение к этому Красная армия использовала промышленные

объекты и сельскохозяйственные угодья на бывших германских территориях, речные суда и суда дальнего плавания и т.д.¹⁷. Известно, кто получал выгоды во всех этих случаях и кто нес потери. Тем не менее и в данном случае не очень понятно, как оценить потери, понесенные вследствие грабежей, задержания и использования имущества, которые все же являются существенным элементом упоминавшегося баланса выгод и потерь. Мариуш Леслав Крогульский, который детально занимался изучением последствий пребывания Красной армии на территории Польши в 1945–1955 гг., представил большой объем данных, начиная от демонтажа крупных объектов, неоплаченных счетов за электричество, использования судов и железнодорожного транспорта и заканчивая нелегальным вывозом различных товаров, браконьерством и организованной преступностью. Тем не менее и Крогульский не решился определить общий объем потерь¹⁸. С уверенностью можно сказать, что особенно ощутимым оказалось пребывание Советской армии в Померании, главным образом в ее западной части¹⁹.

Внутренняя политика; элементы роли СССР в процессе захвата власти ПРП. В литературе на данную тему внимание обращается прежде всего на классические политические элементы: механизм возникновения Временного правительства национального единства, польско-советский договор от 21 апреля 1945 г. о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве и процесс «шестнадцати». Однако важно помнить и о фоне, на котором происходили данные политические события, хотя о нем вспоминают гораздо реже, а зачастую его вообще забывают. И так, в ходе масштабной «операции по очищению тыла действующих фронтов от враждебного элемента» НКВД арестовал и депортировал до конца марта 1945 г. свыше 170 тыс. человек, в том числе почти 35 тыс. поляков. Через две недели эта цифра увеличилась до 210 тыс. человек, а доля поляков в числе репрессированных заметно снизилась, поскольку она выросла «всего» на 3% (до 8 тыс. человек)²⁰. После волны террора, прокатившейся по Люблинской Польше²¹, в первом квартале победного 1945 г. была проведена «операция по чистке». Она отчетливо показывала: нет никакой надежды на то, что Польша будет рассматриваться в качестве суверенного союзника, а меры, применяемые к ее гражданам, оказавшимся по тем или иным причинам под подозрением, будут отличаться от методов, которые применялись в отношении граждан СССР. Разными были масштаб осуществляемых мер и позиции, на которых находились исполнитель и жертвы: число репрессированных советских граждан исчислялось семизначными цифрами, осуществлял репрессии аппарат принуждения их собственного государства. В Польше даже репрессии относительно меньшего масштаба превращали этот аппарат не в освободителя, а в оккупанта.

Самым известным элементом этой политики были аресты и процесс «шестнадцати»²². Тем не менее дело руководителей Польского государства в подполье²³ имело прежде всего символическое значение как с точки зрения функций, которые выполняли арестованные, так и с точки зрения небольшого числа подсудимых. Речь шла о публичном и показательном наказании группы польских руководителей, то есть представителей бывших элит. В тени процесса «шестнадцати» скрывался более широкомасштабный террор (в численном выражении), жертвы которого невозможно подсчитать вследствие проведения репрессий по случаю, а не на плановой основе. Этот террор не регулировался никакими правовыми предписаниями

(десятки тысяч репрессированных, депортированных и арестованных не имели какого-либо права на защиту). Трудно оценить психосоциальные последствия. Литературный образ всемогущего катка, который катится по Польше, уничтожая все, что еще выступало из земли, перепаханной за шесть лет оккупации, запечатлел Чеслав Милош в уже забытом романе «Захват власти»²⁴. В историографии двойственность событий весны 1945 г. для поляков, которая воплощалась в одновременности освобождения и нового закабаления, представляется иначе. Первой эту двойственность в виде победы и поражения отобразила Кристина Керстен²⁵ ее примеру последовали и авторы более поздних работ по истории Польши, ставших академическими учебниками²⁶. Эта двойственность является — и наверняка еще долгое время будет — главным пунктом споров польских историков в годы празднования круглых дат о месте 1945 г. в истории государства и общества²⁷. Вне зависимости от публицистических дискуссий проводимые сегодня исследования о степени потерянности и дезориентации польского общества в момент окончания войны подтверждают, что население очень тяжело справлялось с новой ситуацией²⁸; впрочем, это не вызывает большого удивления.

Следующим этапом и сферой установления коммунистической власти стало участие СССР в уничтожении вооруженной оппозиции.

В довольно обширной литературе на данную тему²⁹ нет точных (а скорее обобщенных) данных, касающихся участия Красной армии и советских милицейских сил в приходе ПРП к власти. Трудно представить себе этот процесс весной и летом 1945 г. (равно как и осенью 1944 г.) без участия советской стороны: ни Войско Польское (официальное название вооруженных сил Польши. — *Прим. пер.*), ни Корпус внутренней безопасности или Гражданская милиция не выказывали особой способности (а также наверняка и желания) проводить эффективные операции против партизанских сил. Есть много данных, свидетельствующих об их уклонении от борьбы, дезертирстве и пассивном поведении при угрозе разоружения³⁰. Следует напомнить, что еще в конце лета, через несколько месяцев после окончания войны, польское подполье было в состоянии захватить тюрьмы в г. Кельце (4/5 августа) и крупном городе Радом (9 августа).

К сожалению, никто даже приблизительно не подсчитал количество дней, на протяжении которых советские солдаты и милицейские силы участвовали в операциях против партизан — так, как это сделал, например, Норман Дэвис в отношении фронтов и кампаний Второй мировой войны. Данные в силу обстоятельств не могут быть точными, однако в случае с Дэвисом, они дали однозначное представление о масштабах усилий отдельных государств и о значении фронтов или кампаний для исхода войны в целом³¹. В случае с НКВД и иными милицейскими формированиями определенное представление дает сравнение с другими странами, занятыми Красной армией. Из данных следует, что из 35 полков НКВД, направленных в июне 1945 г. в советские сферы оккупации в Австрии и Германии, а также в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию и Болгарию, целых 15 полков (то есть более 40%) находились на территории между Бугом и Одером³².

Во многих докладах и сообщениях встречаются упоминания или даже подробная информация об участии советских частей в физическом уничтожении антикоммунистического подполья. Однако следует остановиться на мнении, что это

участие играло ключевую роль, по меньшей мере на протяжении года после провозглашения манифеста ПКНО (еще в июле следующего года, в ходе так называемой августовской облавы, части МОБ и НВП³³ играли ярко выраженную вспомогательную роль), позднее же степень участия советских сил постепенно снижалась. В июле 1945 г. к польской пограничной охране перешел контроль над границей с Чехословакией³⁴, а к обученным НКГБ сотрудникам МОБ — охрана правительства и других высокопоставленных лиц в новой системе³⁵. В мае 1946 г. в качестве главной советской силы в Польше осталась 64-я дивизия Министерства внутренних дел (около 4200 человек), а также четыре другие части (в целом более 9 тыс. сотрудников). Москва отдавала себе отчет в том, что любое — а тем более вооруженное — участие советской милиции в проводимых операциях обходится дорого, поскольку оно подрывает пропагандистский тезис о национальных источниках «народной демократии». Поэтому весной 1946 г. советское МВД выдвинуло предложение о том, что «войска МВД, дислоцированные на территории Польши, должны носить обмундирование пехотных частей Красной Армии»³⁶. В течение нескольких месяцев часть милицейских сил была выведена с территории Польши. План вывода 64-й дивизии встретил сопротивление Берута, который посчитал, что «... войска МВД в высшей степени необходимы», и просил продлить их пребывание на территории Польши до 1 марта 1947 г.³⁷ — это означало бы, что пресловутые части продолжали бы играть ключевую роль в аппарате принуждения. То, что Москва не была уверена в дееспособности польских властей (в том числе и органов безопасности), наглядно характеризует следующий факт: в 1946 г. главной задачей войск НКВД стала охрана проходящей через Польшу системы связи Кремля с военной администрацией в советской зоне оккупации Германии и с Северной группой войск³⁸.

Несомненно, насилие сыграло ключевую роль в установлении власти ПРП. Однако существовал и другой, не репрессивный инструмент осуществления «косвенной власти» СССР над западным соседом. Этим инструментом можно считать обмен населением, которое проживало вдоль новой восточной границы, то есть соблюдение так называемых эвакуационных соглашений, подписанных в сентябре 1944 г., и польско-советского соглашения от 6 июля 1945 г. «о праве на изменение гражданства...». Эти вопросы были хорошо изучены прежде всего историками из Вроцлава³⁹, поэтому стоит ограничиться перечислением основных данных: около 1,5 млн человек из числа поляков и евреев были «репатрированы» на территорию Польши, несколько тысяч (до миллиона) человек остались на территории СССР, не менее полумиллиона польских граждан (более 90% из них — украинцы) были переселены в СССР. Однако нельзя сказать, что причина таких перемещений была во всех случаях одинаковой: массовая трансграничная миграция поляков, украинцев, евреев, белорусов, чехов и литовцев соединяла в себе элементы прямого принуждения и добровольности. Наряду с этим зачастую роль играло «ситуативное принуждение» — люди предпочитали отказаться от малой родины, чем жить при новом государственном устройстве. Наконец, в некоторых регионах (например, в Литовской и Белорусской ССР) сотни тысяч людей хотели выехать, но власти удержали их на прежнем месте. Данный процесс стал следствием попадания Польши в зависимость от СССР, одновременно он занимает определенное место и в двусторонних отношениях поляков с соседями. Миграции стали примером бесцеремон-

ного отношения тоталитаризма к соблюдению прав человека, а также следствием драматичных событий периода войны и оккупации, когда преследования и готовность применить насилие для разрешения старых этнических конфликтов достигли невиданных до того времени размеров. Вместе с тем вряд ли можно говорить о том, что с точки зрения польско-российских отношений переселения являются в настоящее время одним из «сложных вопросов»: грубое и внезапное разделение населения по этническому критерию было воспринято потомками как исторический факт, а двусторонних (международных) обязательств или финансовых претензий в связи с этим не существовало с самого начала⁴⁰.

Советский инструмент нерепрессивного воздействия был присущ внутренней политике Польши на протяжении всего переходного периода. Сталин мог осенью 1945 г. и весной следующего года советовать польским коммунистам соблюдать умеренность в борьбе с легальной оппозицией. Тем не менее именно присланная из Москвы миссия полковника Арона Палкина ответственна — как представляется — за фальсификацию результатов референдума⁴¹. Последующие решения об оказании экономической помощи (в частности, кредиты в 1945, 1946 и 1947 гг., поставки зерна и списание долгов военного времени весной 1946 г.⁴²) стабилизировали положение политического руководства во главе с Гомулкой и Берутом. С другой стороны, решение о начале коллективизации должно было привести к прямо противоположным последствиям: оно не было связано ни с обострением международной напряженности (что обосновывало гигантоманию большей части положений шестилетнего плана), ни с другими обстоятельствами того времени. Остается идеология, то есть незыблемые догмы марксизма-ленинизма-сталинизма, и ее следует также принять во внимание как инструмент «косвенной власти». В то же время действующий канон изменялся, и быстрое приспособление собственных взглядов к новым установкам являлось одним из главных вызовов, которые сталинизм ставил перед своими политически активными подданными.

Таким образом, невозможно рассмотрение польских проблем 1945–1947/48 гг. без учета — в целом решающего и прямого — влияния СССР. Трудно представить себе серьезного историка, который решит причислить данный факт к «сложным», то есть спорным вопросам. Общей задачей историков остается получение доступа к закрытым московским архивам, без ознакомления с которыми представление практически о каждом из рассмотренных выше вопросов остается неполным.

Сталинизм на периферии. 1949–1955 гг.: советское устройство как модель власти и образец для преобразований. Каналы и формы контактов; многосторонние социалистические организации и экономические связи. После завершения периода строительства основ сталинизма в двусторонних отношениях доминировал так называемый партийный канал, то есть прямые ежедневные телефонные разговоры руководителей ПРП/ПОРП и ВКП(б)/КПСС. Эти контакты по-прежнему характеризовались относительно небольшим влиянием стоявших за руководителями бюрократов — именно так, по мнению автора данной статьи, следует объяснить тот факт, что ведущие польские политики согласовывали многие вопросы непосредственно со Сталиным. Таким образом, в ходе переговоров решались вопросы, которые наверняка невозможно было бы уладить на более низких уровнях власти. В предшествующий период некоторые вопросы были ключевыми: известно лич-

ное участие «отца народов» в таких серьезных конфликтах, как отношения ПРП — ПСП (Польской социалистической партии) в 1946 г. или националистический уклон Гомулки (1948 г.). В период классического сталинизма советский лидер занимался, как известно, внесением редакционной правки в проект конституции (1951 г.) или изменял согласованный национальными банками обеих стран курс обмена рубля на злотый (1951 г.). Как следует из исследований Кшиштофа Персака, в начале 1950-х годов в отношениях на высшем уровне доминировало решение экономических вопросов: Берут многократно просил Сталина оказать помощь в развитии военной и угольной промышленности, прислать советских специалистов, инженеров и — в последнем письме, датированном 2 марта 1953 г., экспертов по сельскому хозяйству. Берут обращался к советскому лидеру и за помощью в реализации важнейших строительных проектов: Дворца культуры и науки и Варшавского метро. Также польский лидер пытался решить вопрос о небольших изменениях польско-советской границы (включая районы переправы через Буг) или получить помощь в связи с засухой и перебоями в снабжении продовольствием⁴³.

Вместе с тем для этого периода (до 1953 г. включительно) отсутствует информация о визитах советского политического руководства (не говоря о Сталине) в Варшаву. Исключением является визит Вячеслава Молотова и маршала Георгия Жукова по случаю семилетия манифеста ПКНО в июле 1951 г. Подчиненное положение Польши находило «протокольное» выражение в частоте визитов. Наверняка не случайно, что эта ситуация изменилась в период борьбы за власть после смерти Сталина, в 1954 г. (присутствие Никиты Хрущева на II Съезде ПОРП, а также визит — формально только вице-премьера, фактически члена «коллективного руководства» — Николая Булганина).

Нетипичную роль сыграли классические в середине XX в. инструменты поддержания двусторонних отношений, то есть посольства. Представительство ПР (Польской Республики)/ПНР в Москве в 1945 г. играло важную роль, в частности потому, что оно являлось наиболее практичным каналом для получения информации о намерениях Кремля, его «мнении» по тому или иному поводу и т.д.⁴⁴. С другой стороны, со временем представительства становились все менее привлекательными для дипломатов: среди послов ПР/ПНР после ухода Зигмунта Модзелевского в августе 1945 г. только Мариан Нашковский (1947—1950) сделал карьеру по возвращении в Варшаву. Имена трех других послов (Хенрик Раабе, 1945—1947; Казимеж Ясиньский, 1950—1952; Вацлав Левиковский, 1952—1957) известны исключительно специалистам; ни они, ни их подчиненные не играли в рассматриваемой системе значительной роли⁴⁵.

Посольство СССР в Варшаве в то же время представляло собой довольно странное учреждение. Из того, что известно, — Виктор Лебедев был важной, хотя и не «всемогущей фигурой»⁴⁶, однако затем он был вынужден уйти, поскольку слишком бесцеремонно вмешивался во внутренние дела руководства ПОРП. В настоящее время трудно определить, что повлияло на возникновение после ухода Лебедева чехарды с назначениями в последующие годы: после Аркадия Соболева (1951—1953) пришел Георгий Попов, который находился в должности еще меньше (1953—1954), после него был назначен Николай Михайлов, который находился в Варшаве едва ли 13 месяцев, а его заменил Пантелеймон Пономаренко (немногим больше двух

лет, 1955–1957)⁴⁷. В целом в течение короткого, 6–7-летнего, периода классического сталинизма Москва «использовала» в столице западного вассала пять представителей. Почему?

Вероятно, на соответствующий действительному положению вещей ответ указывает Инструкция для советников МГБ СССР в органах государственной безопасности стран народной демократии, принятая Политическим бюро ВКП(б) в октябре 1951 г. и известная автору данной статьи только по вторичным источникам. Скорее всего речь шла о пресечении перехода на проконсульские позиции советников СССР в Польше. В частности, речь могла идти об уменьшении числа конфликтов с местными властями путем проявления уважения к их интересам в конкретных, то есть частных, вопросах⁴⁸. Трудно представить, что наместнические рефлексы были чужды дипломатическому корпусу, особенно послам (снятие с должности Лебедева служит здесь хорошим примером). Другой причиной наверняка была борьба за сохранение поста после смерти Сталина и получение дальнейших назначений. В любом случае чехарда с кандидатами на должность посла СССР в Варшаве не свидетельствует о продуманной и дальновидной политике империи.

К подобным выводам можно прийти, рассматривая институциональные предпосылки зависимости. СССР не ощущал необходимости обеспечивать своим гарнизонам в Польше нормативно-правовые основания для пребывания в стране. Только в постсталинскую фазу Советский Союз инициировал подписание Варшавского договора. В случае с Польшей последний был спустя полтора года дополнен соглашением о правовом статусе советских войск, временно располагавшихся в Польше. Разумеется, можно рассматривать ситуацию в начале 1950-х годов как подтверждение очевидного — СССР на территории зависимого государства мог разместить все, что хотел. Однако вновь трудно говорить о рациональности такой стратегии, поскольку соответствующие правовые основания можно было легко принять — тогда при существовавшем раскладе сил ПНР не смогла бы использовать их в конфликтных ситуациях. Подобная ситуация складывалась и в отношении Совета экономической взаимопомощи. Он был создан в 1949 г. в качестве противовеса атлантическим организациям, которые возникли вокруг и на основе плана Маршалла. В начале нового десятилетия Совет практически не занимался никакой деятельностью. Реактивация весной 1954 г. наверняка стала реакцией на осознание политическим руководством в Москве того факта, что действовавшие до тех пор двусторонние механизмы управления недостаточны при достигнутом в последние годы относительно высоком уровне взаимозависимости⁴⁹. В случае с Польшей доля внешней торговли с СССР выросла вдвое в период между годом создания СЭВ и моментом его активизации: она варьировалась между $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{5}$ всего внешнеторгового оборота.

В результате наиболее важным представляется факт, который редко осознается: до настоящего времени неизвестно, сколько стоили и какие выгоды приносили обеим сторонам наиболее амбициозные проекты — лицензия на производство личного автомобиля «Победа» (в Польше позднее известный как «Варшава») или танка Т-34⁵⁰, строительство Дворца культуры и науки в Варшаве или Новой Хуты (один из крупнейших в Польше металлургических комбинатов. — *Прим. пер.*). Также не-

известно, насколько дешевле по сравнению с ценами на свободном рынке были советская нефть, хлопок или польские продукты переработки? Как подсчитать действительные затраты на транзит из СССР в советскую зону оккупации ГДР через Польшу, как переводить трансфертные рубли в твердую валюту или как сравнивать ценность (или скорее рациональность коэффициента) девизного злого и злого, находящегося в обращении?⁵¹ Известно только, что Сталин в 1951 г. лично распорядился снизить курс нового злого по отношению к рублю на $\frac{2}{3}$ ⁵², что, без сомнения, значительно повлияло на осуществление взаимных расчетов. Однако также неизвестно, преобладали ли в подобных действиях экономические мотивы или соображения престижа (первоначально злотый должен был быть равен рублю). Можно понять руководителей ПОРП, которые добивались установления паритета польской и советской валюты в 1:1. Экономические последствия такого курса, очевидно, были бы выгодными для Польши, соображениями престижа здесь также не следует пренебрегать, да и оба национальных банка признали такой курс справедливым — несмотря на мнения экономистов, которые с самого начала считали его не соответствующим состоянию экономических отношений⁵³. Москва, не принимая все это во внимание, установила произвольный курс расчетов, что в нормальной экономике должно было привести к катастрофическим последствиям. По-прежнему нет ответа на вопрос: почему этого не произошло в случае с торговлей между ПНР и СССР?

Имитация и зависимость — национальное своеобразие. Трудно даже перечислить все сферы, формы и проявления зависимости, которая неоднократно сводилась к более или менее механическому копированию сталинских образцов. Начиная со времени работы государственных учреждений в Варшаве, которое определялось привычками «отца народов», повторялось почти все: главные постулаты идеологии и формы ее пропаганды, так называемый (позднее) культ личности, эстетика (в том числе вездесущий красный цвет) и философия (а скорее ее отсутствие); нормы и практики, формирующие жизнь от детского сада до университета и работы на производстве, шпиономания и вытекающий из нее фетишизм секретности; в армии: доктрина, вооружение, организация; везде: образ врага и «лагеря социалистических государств» как оплота мира и безопасности. Уже в 1945/46 учебном году русский язык стал обязательным предметом во всех учебных заведениях⁵⁴. Скопированы были даже советское стремление к фактической автаркии, принципы плановой экономики, номенклатура и — в определенной степени — «перманентная чистка» как ключевой элемент дисциплинирования ее представителей. Все это — можно еще долго продолжать перечисление — имело свои оттенки и акценты, оставались возможными определенные отступления от нормы: варшавская МДМ была похожа на восточноберлинскую *Stalinallee*, но не была идентичной — ни ей, ни восточному примеру для подражания. Подобным образом обстояла ситуация и с общественной сферой — памятниками, названиями улиц и т.д., хотя оставалась возможность для сохранения параллельных названий на местах⁵⁵. Лозунг «социалистическое по содержанию, национальное по форме»⁵⁶ объясняет часть существовавших различий. Некоторые символы национальной традиции признавались возможными для использования, особенно если их можно было довольно легко объяснить как символ прогресса, а лучше — родоначальником идеи «Народ-

ной Польши». По такому принципу формировался исключительно позитивный образ Тадеуша Костюшко или Адама Мицкевича. Исходя из подобных соображений было решено реконструировать здание Сейма на улице Вейской, а парламент, заседавший в этом здании и лишенный какого-либо значения, сменил свое название на Народное собрание. Были также сохранены довоенный гимн, национальные цвета и — лишенный короны — символ государственности, но на праздники 11 ноября или 3 мая это решение уже не распространялось (11 мая — День независимости Польши, 3 мая — День Конституции 1791 г. — *Прим. пер.*).

Одновременно в переходный период ПРП пыталась использовать как можно больше образов и форм довоенной государственности, если только это не вступало в противоречие с новой идеологией, — в сталинский период партия уже не ощущала такой необходимости. Известно описание церемонии присяги формально беспартийного президента Болеслава Берута 5 февраля 1947 г. Описание Стефана Корбоньского заканчивается, как известно, метким замечанием: «Пускай же единственным внешним различием будет то, что вместо Мосьцицкого в черном “кадиллаке” приезжает Берут»⁵⁷. Вскоре часть московских контролеров в Польше признала этот «фасад» ненужным и — что хуже всего — выражением аутентичного, традиционно-национализма польских товарищей. В 1947/48 г. произошел известный поворот в риторике ПРП: в результате национальные формы были признаны опасным элементом, который трудно контролировать и который потенциально может оказаться вредным⁵⁸.

В ноябре 1949 г. вместе с назначением Константина Рокоссовского главнокомандующим Войска Польского и маршалом Польши зависимость — в противоположность довоенному принципу суверенности — получила символ, который двумя годами ранее трудно было представить. Можно, следовательно, предполагать, что уже осенью 1949 г. зависимость от Москвы не старались особенно маскировать — даже в наиболее чувствительной сфере национального достоинства (подчеркивание якобы польского происхождения нового маршала). Тем самым зависимость стала определенно открытой, и такое положение вещей в несколько видоизмененном варианте сохранялось в течение последующих шести лет.

Для руководителей ПРП это означало, что со вторым или третьим человеком в государстве — Яковом Берманом — в дальнейшем встречались советник или вообще первый секретарь⁵⁹ посольства, что в истории международных отношений можно назвать прецедентом. Это также означало, что даже самые абсурдные обвинения в отношении руководства ПОРП попадали — вместо архивов или мусорной корзины — на стол высшего руководства в Москве⁶⁰. Редакторы одного из важнейших сборников документов подчеркивают в этом контексте «ощущение превосходства, которое было у советских авторов этих докладов и донесений». Редакторы также обоснованно добавляют: «Однако важнейшей чертой таких документов, появившихся в рамках советского государственного аппарата, является присущее им всем недоверие по отношению к польским товарищам»⁶¹. Следует добавить, что это недоверие было взаимным и во всех своих проявлениях противоречило официальному образу соседства, которое на протяжении десятилетий — если не до конца существования ПНР — оставалось неписанным принципом двусторонних отношений⁶². Для тех же польских граждан, которые не были посвящены в эту «тайну»,

открытость зависимости от Москвы была предметом насмешек и анекдотов, а также вызывала ощущение унижения, несправедливости и ненависти⁶³.

Часть власти находилась — хотя это было менее заметно — в руках советских специалистов. Они занимались многими вопросами. Ощутимее всего их присутствие было в армии, также они наверняка играли большую роль в реализации крупных проектов шестилетнего плана. Кроме того, они выступали советниками поляков по вопросам создания помех для западных польскоязычных радиопередач (используя для этой цели собственные «технические средства»)⁶⁴. Специалисты работали практически во всех ключевых сферах промышленности, а также в сельском хозяйстве и на железных дорогах⁶⁵. Если в разбухавшей из года в год гражданской (экономической) администрации их было не так много, то в уже упоминавшейся армии советские граждане — советники, командующие, а также высшее и верховное руководство МНО (Министерство национальной обороны) — в 1949 г. составляли уже довольно заметную группу из более чем 700 человек⁶⁶. Следует добавить, что их доля (в процентном соотношении) в офицерском корпусе, который разрастался так же быстро, как и бюрократия (с 19 тыс. в 1950 г. до 47 тыс. четыре года спустя⁶⁷), падала, что не меняло их значения: на протяжении всего рассматриваемого в статье периода советские представители занимали большую часть важных должностей. В то же время число довоенных офицеров сократилось до символических 240 человек (в 1956 г.). На растущие вооруженные силы ПНР и военную промышленность — бенефициаров холодной войны и советской стратегии на подступах к Европе — приходился в то время немалый процент бюджета, наверняка приближенный к довоенному уровню (то есть 30–50%). Однако и в этой сфере не было проведено исследований, которые достоверно соотносили бы разнообразные затраты на милитаризацию с общей суммой расходов государства⁶⁸.

Значительно менее заметным было присутствие советских граждан в Министерстве общественной безопасности — представляется, что их было около 50 человек⁶⁹. Однако само министерство было копией советского образца: огромное учреждение, чью деятельность не ограничивал закон, господствовало неформально в области правосудия и формально контролировало тюремное ведомство. МОБ вмешивалось во все сферы человеческой жизни и порождало страх в каждом — в том числе и в членах руководства ПОРП. Анджей Пачковский применительно к послевоенному десятилетию использовал меткое различие: приблизительно до 1948 г. террор был массовым; его задачей была не столько борьба со слабыми и постепенно ослабевающими тайными организациями, сколько устрашение общества. Позднее, хотя террор и применялся для достижения первоначальных целей, он одновременно стал (строго в соответствии с примером 1930-х годов) повсеместным: «(...) никакая, даже самая высокая должность, никакие, даже самые большие заслуги, никакие, даже самые льстивые слова не могли защитить от него»⁷⁰. Стоит прибавить к этому замечание Павла Махцевича о разрастании системы осведомителей до небывалых в истории ПНР размеров или мнение Дариуша Столи о существовавшей максимально возможной непроницаемости границ⁷¹. Из всего этого создается приблизительное представление о роли так называемых органов безопасности в польской версии сталинизма. Эта тема наверняка и в будущем будет увлекать ис-

ториков⁷², однако нельзя назвать ее «сложным вопросом» — для этого необходимы два признака, которые в данном случае не наблюдаются.

Начало кризиса сталинизма в Польше как реакция на кризис власти в СССР. Начало десталинизации в центре и механизм ее переноса на польскую периферию в 1953–1955 гг. не представляют особенного интереса для ответа на главный вопрос, рассматриваемый в данной статье. Какую роль играли отдельные фракции в Варшаве и Москве, когда и как они были между собой связаны, кто, с кем и за что соперничал и когда получал преимущество — трудно признать эти проблемы «сложными вопросами» в польско-советских отношениях. Впрочем, представляется, что без доступа к московским архивам нельзя сделать какие-либо новые выводы по данному вопросу. Известно, что проиграли прежде всего органы безопасности, а в определенной степени также и армия — хотя необязательно военно-промышленный комплекс. Что касается последнего, то трудно сказать, являлся ли ВПК в польских условиях ярко выраженным лобби, осознающим свои цели.

С точки зрения рассматриваемой в статье темы наиболее важными представляются события 10–14 мая 1955 г., когда для подписания Варшавского договора в столицу Польши наряду с Хрущевым приехал Молотов, который по-прежнему исполнял обязанности министра иностранных дел СССР. Одним из главных достижений в его карьере оставался подписанный им лично и названный по фамилии его и Иоахима фон Риббентропа договор с приложением секретного протокола от 23 августа 1939 г. 16 лет спустя это был один из многих исторических фактов, которые были основополагающими для всего блока и одновременно усердно отрицались. В мае 1955 г. СССР консолидировал и приводил в порядок свою «внешнюю империю» в Европе, состоявшую из территорий, частично занятых в 1939–1940 гг. на основании договоров 1939 г. и частично захваченных в 1944–1945 гг. Стабилизация и создание правовых рамок, снижение напряженности (в то время СССР выступил с предложением о проведении «Конференции по вопросам обеспечения мира и безопасности в Европе»), то есть *sui generis* разрядка на Старом Свете — все это подтверждал своим присутствием Молотов. Трудно найти пример большей иронии — и одновременно лучшее доказательство того, что десталинизация вместе с неизбежными последствиями в сфере отношений московского центра с европейской периферией оставалась, по меньшей мере до XX съезда КПСС, процессом неопределенным, неясным и многозначным.

Выводы. 1. После 1989 г. не была развита дискуссия — довольно бурная в западной, особенно американской, историографии в прошлые два десятилетия — о механизме (например, реактивном) или неизбежности сталинизации советских подступов к Европе⁷³. В этой ситуации сформулированная 25 лет назад интерпретация переходного периода сохраняет свои познавательные преимущества:

«С точки зрения Москвы, — писал в то время Дитрих Гейер, — методы осуществления косвенной власти были единственной политической альтернативой аннексии и советизации, единственной, какую смогли изобрести в коммунистической среде межвоенного периода. Этим методы развивали элементы прежней практики Народного фронта. Они были достаточно гибкими и эластичными для того, чтобы учитывать национальное и региональное своеобразие стран Восточной Европы... Не многое указывает на то, что для обеспечения господства и лояльности за

границами советского государства Москва использовала другие методы и инструменты, чем те, которые применялись при установлении сталинской системы в самом СССР. Что касается практики осуществления власти, сталинизм... в Восточной Европе не мог быть иным, нежели на своей родине»⁷⁴.

2. Что касается практики осуществления власти в сформировавшейся сталинской системе, то есть в период после 1948 г., эту интерпретацию следовало бы дополнить двумя в равной степени классическими элементами. Уже цитировавшийся выше Кеннан еще в ходе войны предвидел, что проблема отношений между центром и периферией станет одним из важнейших вызовов для Москвы как квазиправительства «внешней империи», которое сталкивалось с амбициями и интересами местных элит⁷⁵. 25 лет спустя Джон Галтунг утверждал, что квинтэссенцией клиентальных межгосударственных отношений является общность интересов у элит/властей периферии и элит/властей центра. В специфическом случае СССР и стран-сателлитов Галтунг обращал внимание на высокий уровень принуждения, относительно ограниченные выгоды элит/властей в периферийном государстве и всеобъемлющий контроль центра в его первой, сталинской версии⁷⁶. Историк добавлял, что клиентальные отношения «центр—периферия» характеризуются постоянным конфликтом между «периферией периферии» (то есть обществом в периферийной стране) и «элитой периферии» (то есть тамошней властью). Это замечание, как и прогноз Кеннана, ведет нас в направлении исследований 1956 г., которые будут рассмотрены в следующем разделе.

¹ Письмо начальника Четвертого Европейского отдела МИД СССР от 21 марта 1949 г. // Aleksander Kochański A. i in. (red.), *Polska w dokumentach z archiwów rosyjskich 1949–1953. Dokumenty do dziejów PRL. zeszyt 12. Instytut Studiów Politycznych PAN. Warszawa, 2000. Dok. 1. S. 31.*

² См. важнейшие польские сборники документов периода с 1944 г., которые появились благодаря сотрудничеству с российскими историками: *Polska — ZSRR. Struktury podległości. Dokumenty WKP(B) 1944–1949 / Bordiugow G.A. i in. (oprac.). Instytut Studiów Politycznych PAN. Warszawa, 1995; Teczka specjalna J. W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946 / Cariewskaja T. i in. (red.). Instytut Studiów Politycznych PAN. Warszawa, 1998; а также: *Polska w dokumentach... Warszawa, 2000.**

³ Впрочем, нетрудно найти опубликованные в рамках проекта статьи, касающиеся рассматриваемой проблемы, например: *Persak K. Stalin As Editor: The Soviet Dictator's Secret Changes in the Polish Constitution of 1952 // Cold War International History Project Bulletin. 1998 (11), S. 149–154.*

⁴ Часто в форме сравнительного анализа. В качестве примера см.: *Behrends J.C. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Böhlau Verla. Köln; Weimar; Wien, 2006; Connolly J. Captive University. The Sovietization of East German, Czech and Polish Higher Education. 1945–1956. The University of North Carolina Press. Chapel Hill; L, 2000.*

⁵ *Paczkowski A. Wstęp // Polska w dokumentach... S. 7.*

⁶ *Materski W. Dyplomacja Polski „lubelskiej”. Lipiec 1944 — marzec 1947, Warszawa, 2007.*

⁷ *Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieyszтора. Pułtusk, 2002.*

⁸ *Kenan K.F. Memoirs. 1925–1950. Boston, 1967. S. 211.*

⁹ Свое позитивное отношение к данной части Потсдамских соглашений Франция отчетливо выражала, пожалуй, лишь в 1945–1947 гг. и — что показательно — в лице Шарля де Голля как президента V Республики (1959–1967 гг.).

¹⁰ Возвращенные земли (пол. *Ziemie Odzyskane*) — термин, используемый в отношении западных и северных территорий современной Польши, которые отошли к ней в 1938 г. (после раздела Чехословакии) и по решениям конференций в Ялте и Потсдаме. — *Прим. пер.*

¹¹ Данные ежегодных статистических отчетов см.: *Rocznik Statystyczny. 1955 г. S. 170; Rocznik Statystyczny. 1957 г. S. 62, 246.*

¹² См.: *Dojka J., Kulesa L., Tarnogórski R.* Wykonanie przez ZSRR postanowień reparacyjnych umowy poczdamskiej wobec Polski // Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko-niemieckich / W. M. Góralski (red.). T. I. Studia. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 2004. S. 157–162.

¹³ Ibid. S. 162; Подробнее см. соответствующие документы в кн.: *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne. 1957* / K. Ruchniewicz, T. Szumowski (red.). Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 2006.

¹⁴ О переходном периоде см., в частности: *Borodziej W.* Od Poczdamu do Szklarskiej Poręby. Polska w stosunkach międzynarodowych 1945–1947. Londyn, 1990; *Materski W.* Op. cit.

¹⁵ См.: *Jeziński A., Leszczyńska C.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1999. S. 439. В 1947 г. внешнеторговый оборот более чем в два раза превышал показатель 1946 г. Это означает, что объем торговли с СССР остался примерно на том же уровне, развивались же отношения с другими, прежде всего западноевропейскими странами.

¹⁶ См. в частности: *Materski W.* Op. cit. S. 128; о разнообразных локальных проблемах, связанных с данным вопросом, см.: *Baziur G.* Armia Czerwona na Pomorzu Gdańskim 1945–1947. Warszawa, 2003. S. 210–234; *Skrzypek A.* Op. cit. S. 182.

¹⁷ Ср. в частности: *Skrzypek A.* Op. Cit. S. 102–105, 163.

¹⁸ *Krogulski M. L.* Okupacja w imię sojuszu. Armia Radziecka w Polsce. 1944–1956. Warszawa, 2000; Idem. (сост.). Armia radziecka w Polsce. 1944–1956. Dokumenty i materiały. Warszawa, 2003.

¹⁹ Ср.: *Techman R.* Armia radziecka w gospodarce morskiej Pomorza Zachodniego w latach 1945–1956. Poznań, 2003.

²⁰ *Teczka specjalna...* Dok. 54; *Skrzypek A.* Op. cit. S. 72. Далее, на с. 170 приводятся неоднозначные данные о смертности (до конца 1940-х годов в Польшу не вернулось около 3 тыс. человек, около 2 тыс. из них можно считать умершими; из ок. 63 тыс. военнопленных умерло свыше 3 тыс. польских солдат).

²¹ Люблинская Польша — термин, используемый для определения периода второй половины 1944 — первой половины 1945 г., когда на польских территориях, освобождаемых Красной армией, устанавливалась власть промосковского Польского комитета национального освобождения с резиденцией в г. Люблине. — *Прим. пер.*

²² *Proces szesnastu.* Warszawa, 1995; *Jerzy Kochanowski.* Proces szesnastu // W. Strzałkowski, A. Chmielarz, A. K. Kunert (red.). Warszawa, 1993; *Proces moskiewski przywódców Polskiego Państwa Podziemnego.* The Moscow Trial of the Leaders of the Polish Underground State // Ed. by A. Chmielarz, A. K. Kunert, E. Piontek. Warszawa, 2000.

²³ Польское государство в подполье — в годы Второй мировой войны подпольные структуры польского государства на оккупированной территории, подчинявшиеся польскому правительству в эмиграции, которое до оккупации Франции находилось в Париже, а затем в Лондоне. — *Прим. пер.*

²⁴ *Mitosz C.* Zdobycie wladzy. Paryż, 1955. Милош поместил эту сюжетную линию (в частности, сцену банкета) в описание лета 1944 г.

²⁵ *Kersten K.* Narodziny systemu wladzy. Warszawa, 1985; Idem. Jałta w polskiej perspektywie. Londyn; Warszawa, 1989.

²⁶ *Paczkowski A.* Pół wieku dziejów Polski 1939–1989. Wydawnictwo Naukowe PWN. Warszawa, 1995; *Friszke A.* Polska. Losy państwa i narodu 1939–1989. Warszawa, 2003.

²⁷ Особенно отчетливо это проявилось в годы празднования круглых дат после 1989 г. (1995 и 2005 гг.).

²⁸ *Zaremba M.* Mit mordy rytualnego w powojennej Polsce. Archeologia i hipotezy // *Kultura i Społeczeństwo* 2007 (LI). Z. 2. S. 91–135; *Idem.* Trauma Wielkiej Wojny. Psychospołeczne konsekwencje Drugiej Wojny Światowej // *Kultura i Społeczeństwo* 2008 (LII). Z. 2. S. 3–41.

²⁹ Большая часть публикаций Института национальной памяти касается деятельности антикоммунистического подполья и борьбы с ним. О современном состоянии исследований на данную тему см.: *The Atlas of the Independence Underground in Poland 1944–1956.* Warszawa, 2007.

³⁰ См., напр.: *Teczka specjalna...* Dok. 56, 70, 84, 97, 115, 123.

³¹ *Davies N.* Europa walczy 1939–1945. Nie takie proste zwycięstwo. Przekład E. Tabakowska. Wydawnictwo Znak. Kraków, 2008 (см. на с. 40 таблицу «Расположение действующих вооруженных сил в Европе»), подсчет в «человекомесяцах».

³² *Teczka specjalna...* Dok. 88.

³³ Министерство общественной безопасности и Народного Войска Польского.

³⁴ Свыше 10 тыс. сотрудников НКВД осуществляли надзор за границей с апреля 1945 г. См.: *Teczka specjalna...* Dok. 55, 91.

³⁵ Teczka specjalna... Dok. 101. Cp.: *Skrzypek A.* Op. cit. S. 91.

³⁶ Ibid. Dok. 140.

³⁷ Ibid. Dok. 154.

³⁸ Система высокочастотной связи была построена НКВД весной 1945 г. на территории Польши (Ibid. Dok. 59).

³⁹ Wsiedlenia, wypędzenia i ucieczki 1939–1959. Atlas ziem Polski. Polacy Żydzi Niemcy Ukraińcy. Demart; Warszawa, 2008.

⁴⁰ Благодаря признанию принципа, согласно которому компенсацию материальных потерь, связанных с переселением, осуществляет государство, в котором окончательно поселяется человек.

⁴¹ *Paczkowski A.* Referendum z 30 czerwca 1946. Próba wstępnego bilansu // *Paczkowski A.* Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski. Szkice do portretu PRL. Kraków, 1999. S. 11–32.

⁴² *Skrzypek A.* Op. cit. S. 97, 146–149, 162, 206.

⁴³ *Persak K.* Lengyel források Sztálin lengyelországi politikájáról [Polish Sources on Stalin's Foreign Policy] // *Évkönyv. Az 1956-os Magyar Forradalom Történetének Dokumentációs és Kutatóintézete-Közalapítvány [Yearbook, The Institute for the History of the 1956 Hungarian Revolution. Budapest].* Vol. VI. 1998. P. 21–36. Выражаем благодарность автору за предоставление англоязычной версии доклада, представленного на конференции в Будапеште в 1997 г.

⁴⁴ В первые месяцы (неизвестно, как долго) дипломатия ПНР, организационная структура которой только формировалась, пользовалась техническими средствами связи НКВД для установления контактов по линии Варшава — дипломатические представительства. См.: *Materski W.* Op. cit. S. 113.

⁴⁵ См. замечания: *Skrzypek A.* Op. cit. S. 255.

⁴⁶ Cp.: *Paczkowski A.* Wstęp // *Polska w dokumentach.* S. 13.

⁴⁷ Данные, как и информация о визитах, см.: *Stosunki dyplomatyczne Polski 1944–1977 r.: informator.* T. 1. Europa — państwa socjalistyczne // *S. Czerpak, J. Patryas* (сост.). Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Archiwum/ Warszawa, 1979. S. 238–242.

⁴⁸ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 289; *Jeziński A., Leszczyńska C.* Op. cit. S. 525.

⁴⁹ Неизвестно, следует ли здесь употреблять понятие «интеграция», которое в настоящее время используется прежде всего в атлантическом и западноевропейском контексте, сложившемся в результате действия других механизмов и в опоре на иные ценности.

⁵⁰ После 1956 г. поляки многократно предъявляли претензии, что СССР продавал и продает лицензии исключительно на вооружение предыдущего поколения (что в отношениях «центр—периферия» является скорее нормой, чем исключением). Впрочем, быстро устаревающее вооружение являлось одной из важнейших статей польского экспорта на рынки стран третьего мира.

⁵¹ Пример того, как мало дает знакомство с текстом документа, если нет представления о специфике социалистического бухгалтерского учета, является цикл публикаций Александра Коханьского и Анджея Купиха документов об экономическом сотрудничестве Польши (ПНР) с СССР и другими странами «народной демократии» в рассматриваемый в данной статье период. См.: *Sprawy Międzynarodowe.* 1997. 2 (XLVI). S. 133–151; 1993. 3 (XLVI). S. 127–144; 1994. 3 (XLVII). S. 127–141; 1997. 2 (L). S. 97–129. Содержательные и наверняка важные в свое время секретные документы не позволяют читателю сделать какие-либо выводы о действительных двусторонних потерях и выгодах.

⁵² *Polska w dokumentach...* Dok. 20, 21.

⁵³ За это замечание, как и за указание на роль «особых курсов», которые использовались только в расчетах с СССР, автор выражает благодарность Янушу Калиньскому.

⁵⁴ *Materski W.* Op. cit. S. 72.

⁵⁵ Cp. i in. *Zbudować Warszawę piękną ... O nowy krajobraz stolicy (1944–1956).* Warszawa, 2003; *Kochanowski J.* (ред.). *W poiowie drogi. Warszawa między Paryżem a Kijowem.* Warszawa, 2006.

⁵⁶ Cp., в частности: *Włodarczyk W.* Socrealizm. Sztuka polska 1950–1954. Warszawa. 1991.

⁵⁷ *Korboński S.* W imieniu Kremla. Paryż, 1956. S. 257.

⁵⁸ Cp., в частности: *Zaremba M.* Komunizm, legitymizacja, nacjonalizm. Nacjonalistyczna legitymizacja władzy komunistycznej w Polsce. Warszawa, 2001. S. 180–184; автор однако, утверждает, что «национальные черты остались важной частью идеологии. О повороте в риторике см. также: *Werblan A.* Ostatni spór Gomułki ze Stalinem. Nieznana korespondencja z 1948 r. // *Dziś.* 1993. Nr 5; обширные фрагменты многократно цитировавшейся в статье книги А. Скржипека «Mechanizmy...».

⁵⁹ Polska w dokumentach... Dok. 6, 36, 40, 43 (встречи советника и секретаря посольства с другими руководителями ПОРП). Ср. там же приложение, которое иллюстрирует тот факт, что протокольное неравенство стало нормой еще в предшествующий период.

⁶⁰ Большая часть, если не большинство докладов, опубликованных в издании «Polska w dokumentach», носит именно такой характер. Особенно курьезным издатели обоснованно считают документ № 34 (ср. вступительное слово. S. 13).

⁶¹ Polska — ZSRR. Struktury podległości. S. 10.

⁶² Ср.: *Borodziej W.* Polskie peryferie polityki zagranicznej Związku Radzieckiego — lata siedemdziesiąte // *Modernizacja — Centrum — Peryferia. Księga jubileuszowa z okazji 70. rocznicy urodzin Ryszarda Stempłowskiego / W. Borodziej, S. Dębski (red.).* Warszawa, 2009. S. 51–72.

⁶³ Обширный материал для осознания этой проблемы дают дневники Марии Домбровской, Леопольда Тырманда или репортажи «из страны», которые публиковались в парижском журнале «Культура». О прямой реакции общества на такое положение вещей см., в частности: *Polska w dokumentach... Dok. 11* (этот документ свидетельствует о том, что представителям Москвы были известны эти настроения).

⁶⁴ Polska w dokumentach... Dok. 30, 31.

⁶⁵ Ibid. Dok. 42.

⁶⁶ По подсчетам Эдварда Налепы (*Nalepa E. J.* Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968. Warszawa, 1995), к концу войны в Войске Польском было около 18 тыс. советских офицеров.

⁶⁷ Эти и последующие данные см.: *Kierownictwo PPR i PZPR wobec wojska 1944–1956.* Warszawa, 2003. S. 30, 33, 217.

⁶⁸ Много частных данных см.: *Jezierski A., Leszczyńska C.* Op. cit. S. 401.

⁶⁹ Данные Пачковского; цит. по: *Skrzypek A.* Op. cit. S. 253.

⁷⁰ *Paczkowski A.* Terror i kontrola: funkcje aparatu bezpieczeństwa w systemie komunistycznym. Polska 1944–1956 // *Idem.* Od sfalszowanego zwycistwa (jak przy. 36). S. 55 (цитата см: S. 56).

⁷¹ *Machciewicz P.* Zmiana czy kontynuacja? Polska przed i po październiku '56 // PRL. Trwanie i zmiana / D. Stola, M. Zaremba (red.). Warszawa, 2003. S. 119–158; *Stola D.* Zamknięcie Polski. Zniesienie swobody wyjazdu i uszczelnienie granic Polski w latach 40 i 50 // Ibid. S. 159–186.

⁷² См.: *Paczkowski A.* Trzy twarze Józefa Świątły. Warszawa, 2009.

⁷³ Эта дискуссия возобновилась с новой силой после введения в научный оборот источников из российских архивов. Ср.: Coeuré S. / Dullin S. (sous la direction de). *Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin.* La Découverte; Paris, 2007.

⁷⁴ Цит. по: *Borodziej W.* Od Poczdamu. S. 128.

⁷⁵ Ссылку на эту интерпретацию см.: *Borodziej W.* Od Poczdamu... S. 134.

⁷⁶ Ср.: *Borodziej W.* Polskie peryferie... S. 56.

8

ОТТЕПЕЛЬ

Н. И. Бухарин (Россия)

А. Пачковский (Польша)

14–25 февраля 1956 г. в Москве работал исторический XX съезд КПСС. В последний день на закрытом заседании первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев выступил с секретным докладом «О культе личности и его последствиях», который был посвящен осуждению культа личности И. В. Сталина¹. В этом докладе была высказана принципиально новая точка зрения на недавнее прошлое страны, раскрывающая суть «культа личности» и различные формы сталинских репрессий. Она отвергала сталинскую теорию усиления классовой борьбы по мере строительства социализма. Был поставлен вопрос о реабилитации партийных, государственных и военных деятелей, репрессированных при Сталине.

XX съезд КПСС стал исключительной важности событием в истории СССР, разделив советскую эпоху пополам. В стране начался процесс десталинизации, получивший название «оттепели». Хрущевская десталинизация, с различными колебаниями и половинчатым характером, была ее первым этапом (следующий этап пришелся на вторую половину 1980-х годов).

XX съезд и реформы Хрущева изменили жизнь общества в корне. Наступила некоторая либерализация советского режима. Перемены охватили тогда все сферы жизни: партию и государство, экономику и социальные отношения, науку и культуру. Прежде всего были ликвидированы наиболее мрачные стороны тоталитарно-репрессивной системы. Были сделаны решающие шаги по устранению тяжелых последствий репрессивного произвола сталинского режима, по восстановлению законности и правопорядка, конституционных прав граждан. Из тюрем и лагерей вышли на свободу сотни тысяч безвинно пострадавших людей. Восстанавливались уставные нормы партийной жизни и коллективность руководства. Упорядочивалась деятельность государственного аппарата. Расширились права союзных республик. Произошел переход от жестокого тоталитаризма к более мягкому авторитаризму, поскольку Хрущев и его окружение думали не о последовательной демократизации, а о сохранении основ прежней системы².

Однако процесс ее десакрализации начался. Были вскрыты чудовищные факты государственного террора в отношении собственных граждан. Во времена

«большого террора» — 1937–1938 гг. — были осуждены 1,34 млн человек, 682,7 тыс. из которых были расстреляны³. По данным МВД СССР, на 1 апреля 1954 г. в ГУЛАГе находились 1 млн 360 тыс. заключенных. Из них за «контрреволюционные преступления» отбывали наказание 448 тыс. человек⁴. Признания Хрущева, ледящие кровь подробности расправ, убийств, пренебрежения моралью и любимыми человеческими нормами — все это ударило по самым глубинным основам сознания советского общества. Это была величайшая национальная трагедия.

Составной частью процесса десталинизации стала реабилитация граждан, репрессированных при Сталине. За период 1956–1961 гг. было реабилитировано почти 700 тыс. человек. Репрессированным было возвращено честное имя. Живые вернулись из лагерей. После XX съезда КПСС были возвращены на родину чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, курды, корейцы, буряты и другие народы, незаконно подвергнутые депортации в годы Великой Отечественной войны.

Именно с февраля 1956 г. в Советском Союзе началась «оттепель» в духовной жизни. Исчез страх. Советские граждане вздохнули свободнее, у них возникла вера в то, что все бесчеловечное, что было при Сталине, уже не вернется никогда. Был резко снижен порог цензуры. Возродилось общественное мнение, хотя оно практически не учитывалось властями.

Идеи свободы получили распространение среди части студенчества, творческой и научной интеллигенции. Творческая жизнь становилась богатой и насыщенной. Властителями дум молодежи и интеллигенции становились «дети XX съезда» — поэты и писатели Е. Евтушенко, А. Вознесенский, В. Аксенов, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, В. Войнович, А. Солженицын, театральные режиссеры Г. Товстоногов, А. Эфрос, Ю. Любимов, О. Ефремов, кинорежиссеры Г. Чухрай, А. Тарковский. Органами писателей-демократов становятся «Новый мир» А. Твардовского и «Юность» В. Катаева и Б. Полевого. Вместе с тем партийное «руководство» литературой и искусством осталось. Уже в 1957 г. демократические настроения стали пресекаться партийным аппаратом и органами КГБ.

Смерть И. Сталина и XX съезд КПСС, события в Польше и Венгрии привели к пересмотру советской политики в отношении социалистических стран. В результате со второй половины 1950-х годов наступила новая фаза в политических и экономических отношениях между СССР и европейскими социалистическими странами. На развитие этих отношений существенный отпечаток накладывала личность Хрущева со всеми ее плюсами и минусами. Именно под его влиянием в 1956–1957 гг. произошел важный поворот в отношениях между Советским Союзом и странами социалистического лагеря, давший им возможность освободиться от оков сталинизма и приступить к обновлению своей политики. На XX съезде КПСС в отчетном докладе Хрущев заявил, что «развитие стран социализма характеризуется их полной самостоятельностью и независимостью как в политике, так и в экономике»⁵. Считается, что в самих странах этот тезис был воспринят как свидетельство отхода от сталинского курса.

События 1956 г. в Польше и Венгрии заставили советское руководство срочно провести ревизию политики СССР в отношении стран социализма, прежде всего ее методов. В начале 20-х чисел октября 1956 г. Президиум ЦК КПСС четыре дня подряд обсуждал положение в европейских социалистических странах, прежде всего

в двух вышеназванных. Советские руководители пришли к выводу о необходимости установления равноправных отношений, о недопустимости вмешательства в их внутренние дела. О результатах заседаний Президиума, об оценке ситуации в Польше и Венгрии были проинформированы приглашенные на 24 октября в Москву лидеры других европейских социалистических стран (В. Ульбрихт, О. Гротеволь и В. Штоф, Т. Живков, А. Югов и Э. Стайков, А. Новотный, В. Широкий и А. Запотоцкий).

Уже после заседаний Президиума ЦК КПСС был подготовлен и утвержден документ о новых принципах отношений с социалистическими странами — Декларация правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. В ней признавалось, что в предыдущий период «было немало трудностей, нерешенных задач и прямых ошибок, в том числе во взаимоотношениях между социалистическими странами, нарушений и ошибок, которые умаляли принцип равноправия в отношениях между социалистическими странами»⁶. В документе подчеркивалась важность норм и принципов общедемократического характера — полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга во взаимоотношениях между социалистическими странами.

Эта декларация стала основой для двусторонних переговоров между партийно-правительственными делегациями СССР и европейских социалистических стран, которые состоялись в конце 1956 — первой половине 1957 г. В их ходе Хрущевым «были освещены многие вопросы, касающиеся понимания суверенитета стран народной демократии, существа равноправия, о Варшавском договоре и др.»⁷. Итогом переговоров было списание Советским Союзом долгов социалистических стран на несколько миллиардов рублей и предоставление новых кредитов также на несколько миллиардов рублей. Это была плата за «грехи» сталинского периода и за укрепление пошатнувшегося единства стран социалистического лагеря.

В ходе советско-польских переговоров в ноябре 1958 г. Хрущев следующим образом охарактеризовал советскую политику в отношении европейских социалистических стран: «По внутренним вопросам мы никому ничего не навязываем, а если что-то советуем, то прямо. Обо всем Вы решаете сами. По международным вопросам мы высказываем свое мнение, и здесь мы советуемся. Это — никакое ни руководство или командование, это — учет политики»⁸. Хрущев декларировал конец сталинской политики диктата, прямого управления социалистическими странами из Москвы⁹.

Секретный доклад Хрущева как для руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран Европы, так и для самих партий был полной неожиданностью. Главам делегаций, которые присутствовали на съезде, раздали несколько переработанный текст. В Польше и Югославии доклад был немедленно опубликован, при этом в Польше, в отличие от остальных социалистических стран, он был напечатан большим тиражом и распространялся широко. Зато партийное руководство Чехословакии, ГДР, Румынии, Болгарии, Албании и Венгрии пыталось утаить его содержание. Китайские власти опровергали его существование. Однако развенчание культа личности И. Сталина остановить было невозможно.

Оно подтолкнуло в социалистических странах Европы, в первую очередь в Польше и Венгрии, процессы либерализации, породило надежды на демократическое обновление социализма, на освобождение от чрезмерного диктата Москвы.

События в Польше, прежде всего «польский Октябрь» 1956 г., соединили массовое движение «низов» с острым кризисом в «верхах». Однако эти события отнюдь не были антисоциалистическим движением. Их участники ставили своей целью возвращение к демократическому пути к социализму, создание польской модели этого строя. Польский историк А. Фришке считает, что события 1956 г. были «первой большой попыткой обретения свободы и суверенитета»¹⁰. В свою очередь советская «оттепель» не опиралась на массовое движение. Она была инициирована сверху, будучи следствием объективного процесса десталинизации, границы которой определялись властями. Поэтому советская «оттепель» была менее глубоким процессом, чем «польский Октябрь».

Информация о докладе Н. Хрущева совпала с сообщением о смерти 12 марта 1956 г. в Москве Б. Берута. 20 марта собрался пленум ЦК ПОРП, чтобы избрать нового первого секретаря ЦК ПОРП. Советская партийно-государственная делегация находилась в Варшаве с 15 по 21 марта. Хрущев принимал участие в работе пленума. В своем импровизированном выступлении он не стал высказываться по поводу избрания нового лидера и ограничился замечаниями о персональном составе секретариата ЦК и функциях этого партийного органа¹¹. Присутствие Хрущева на пленуме вызвало недовольство ряда членов ЦК, расценивших его как вмешательство в дела ПОРП.

Пленум единогласно избрал новым руководителем партии Э. Охаба. В своих воспоминаниях Хрущев отметил, что «в кандидатуре Охаба нас ничего не беспокоило, он был нашим другом и правильно понимал смысл этой дружбы»¹². Во время пребывания в Польше советский лидер поднял вопрос о Гомулке, о его возвращении в руководство партии и государства. Польские руководители возражали¹³.

Польский историк и публицист В. Владыка пишет: «Знакомство с секретным докладом Хрущева было одним из важнейших факторов и причин большой “моральной революции” в Польше весной 1956 г.»¹⁴. В марте—апреле на тысячах партийных собраний, собраний творческой интеллигенции и трудовых коллективов, в СМИ развернулась широкая дискуссия, сопровождавшаяся очищающей критикой. Изменился общественный климат в стране. Власти вынуждены были развернуть самокритику, пойти на уступки, на отход от сталинских методов осуществления власти. Руководство партии раскололось на две части — сторонников сохранения административно-командных методов управления (натолинцев) и сторонников умеренной демократизации партии и общества, независимой от Москвы политики (пулявян). Все это резко подняло политическую температуру в стране. В центре общественной дискуссии оказалась и возможность возвращения к власти В. Гомулки, которого в 1948 г. отстранили от руководства партии, а в 1951 г. арестовали. После освобождения в 1954 г. он в политической жизни не участвовал.

На дальнейшее углубление политического кризиса повлияли массовые волнения в Познани в июне 1956 г. В их основе лежало недовольство рабочих самого крупного в городе предприятия, завода Цегельского, несправедливой системой оплаты труда, тяжелыми бытовыми условиями жизни и пренебрежительным отно-

шением администрации к требованиям рабочих и младшего инженерно-технического персонала. Хотя партийные и государственные власти знали о настроениях коллектива, сколько-нибудь удовлетворительных мер по смягчению ситуации они не предприняли. Терпение рабочих было полностью исчерпано.

28 июня в 6 часов утра несколько тысяч человек собрались на митинг. Они вышли за пределы заводской территории и с пением патриотических и религиозных песен двинулись к центру города. На ряде других предприятий с прекращением работы сформировались большие группы, преимущественно из рабочих, которые направились к зданиям партийных и государственных властей города. Манифестация носила мирный характер. Основным ее лозунгом был лозунг «свободы и хлеба». Спецслужбы зафиксировали также много лозунгов антисоветского содержания¹⁵. На площади перед Замком, где размещались воеводский комитет ПОРП и городской народный совет, скопилось около 100 тыс. человек. Среди них оказались люди, настроенные антиправительственно, а также криминальные элементы. Несколько сотен радикальных, анархистствующих молодых людей совершили нападение на городскую тюрьму, освободили заключенных и овладели огнестрельным оружием и боеприпасами. Затем вооруженная молодежь вместе с освобожденными криминальными элементами предприняла попытку овладеть зданием воеводского управления общественной безопасности. Военнослужащие управления, вопреки полученному приказу не применять оружия, открыли огонь. В город были введены регулярные войска, которые подавили огневые точки нападавших. В ходе столкновений были убиты 74 человека, в том числе 66 гражданских лиц, 3 работника управления безопасности, 1 милиционер, 4 солдата Войска Польского. Ранения различной степени тяжести получили 575 человек. Вечером 30 июня 1956 г. войска были выведены из города¹⁶.

События в Познани были оценены польскими властями по горячим следам как «провокация агентов империализма и реакционного подполья, враждебной агентуры». Такой же точки зрения придерживалось и советское руководство. Впоследствии в ПОРП от этой оценки отказались, считая, что в основе беспорядков лежали экономические причины, что события развивались спонтанно и что тезис о провоцировании волнений извне не соответствует действительности. По мнению российского историка А. М. Орехова, волнения в Познани были стихийным и беспощадным бунтом отчаявшихся, разгневанных людей¹⁷.

Познанские события способствовали дальнейшему разворачиванию политического кризиса в партии и стране. Состоявшийся 18–28 июля VII пленум ЦК ПОРП усугубил политическую поляризацию в ЦК, размежевание внутри партийного руководства. Новый первый секретарь ЦК ПОРП Охав рассматривался как временный, переходный лидер партии. В ситуации ее раскола на две фракции он занял центристские позиции, стремясь преодолеть раскол. Вначале он сопротивлялся приходу к власти Гомулки и его сторонников, но затем сдался и сыграл большую роль в передаче ему властных полномочий. Часть руководства партии считала, что именно Гомулка является тем единственным политиком, который сможет взять ситуацию в стране под контроль. Начались переговоры об условиях возвращения Гомулки в партийное руководство. Он соглашался лишь при условии, что станет первым секретарем.

1 августа 1956 г. В. Гомулка был восстановлен в ПОРП, а с 12 октября стал участвовать в работе Политбюро. В глазах населения он символизировал стремление поляков к десталинизации и большей автономии в отношениях с СССР. Сторонники Гомулки, поддержка населением которых непрерывно росла, готовили VIII пленум ЦК ПОРП для оформления своего лидерства в партии и подчеркнуто, в нарушение устоявшегося со сталинско-коминтерновских времен порядка, не стали согласовывать с советским руководством состав обновляемых руководящих органов партии. Особенно вызывающим для Кремля показался predetermined вывод из состава Политбюро ЦК ПОРП маршала К. Рокоссовского. Советское посольство информировало Москву, что на квартире у Гомулки, на улице Саска Кемпа, регулярно собирались некоторые руководящие деятели ПОРП и других партий. Шла закулисная подготовка к VIII пленуму, распределялись посты в партии и государстве. Советско-польский межпартийный конфликт шел по нарастающей. Вмешательство советского руководства в события становилось все более неизбежным.

Советские структуры особенно беспокоили усилившиеся в Польше — и в партии, и среди населения — антисоветские настроения, для которых были основания. Как существенное ограничение суверенитета страны в польском обществе воспринималось советское присутствие в ряде важных областей жизни Польши, прежде всего явное и систематическое вмешательство в кадровые вопросы (при определении состав Политбюро, секретариата ЦК ПОРП, правительства). Отсутствовала правовая база пребывания в стране советских войск — двух танковых и двух авиационных дивизий. Польское руководство даже не было проинформировано об их численности.

Раздражение поляков вызывало назначение в 1949 г. на пост министра национальной обороны ПНР советского маршала К. Рокоссовского, который, получив польское гражданство, сохранил советское, а также занял многих руководящих постов в Войске Польском советскими офицерами польского происхождения (в 1956 г. офицеров — граждан СССР было 49 человека), наличие советских советников в армии (в 1954 г. — около 150 человек, в 1956 г. — 26 человек) и органах безопасности (в 1954 г. — 89 человек). Кроме того, 700 советских офицеров-поляков приняли гражданство Польши¹⁸. В органах госбезопасности де-факто существовало двойное подчинение. Контроль над военной разведкой ПНР находился в руках офицеров особого отдела НКВД.

На собраниях партийных организаций, на молодежных митингах, в СМИ, вузах, на предприятиях и в учреждениях, в семейном кругу говорилось о таких горьких для каждого поляка фактах новейшей истории, как пакт Молотова—Риббентропа, вступление Красной армии в восточные воеводства Польши 17 сентября 1939 г., депортация поляков в северные районы РСФСР и Казахстан, катынское преступление, поражение Варшавского восстания, трагедия Армии Крайовой и др. Поляки требовали вернуть Польше Львов и Вильно. Это был единственный момент в истории ПНР, когда громко и массово требовали возвращения земель, утраченных в ходе Второй мировой войны.

Как вытекает из воспоминаний Хрущева и его сына Сергея, а также первого советника советского посольства в Варшаве Ю. Бернова, в октябре 1956 г. телеграммы в Москву советского посла в Варшаве П. Пономаренко носили все более

алармистский характер. Вначале он пугал Москву усилением антисоветских и ревизионистских настроений в польском руководстве и партии в целом, затем угрозой контрреволюционного государственного переворота, который готовили, по мнению посольства, антисоветские и антисоциалистические силы, поставившие своей целью отстранение руководства, которое было избрано после смерти Берута, и возвращение к власти Гомулки.

Сам Гомулка характеризовался как правый ревизионист, националист и антисоветчик. Посольство считало, что Гомулка «был серьезно обижен на СССР за то, что по указанию Сталина его сняли со всех постов и подвергли аресту по обвинению в правонационалистическом уклоне»¹⁹. Известно было также, что он был не согласен с позицией Сталина в отношении Югославии. Из всего этого следовал вывод, что Гомулка и его сторонники, используя югославский опыт, начнут проводить самостоятельный, независимый курс как во внутренней, так и во внешней политике. Посольством делались также прогнозы, что «Польша может выйти из Варшавского договора и пойти на утрату социалистических завоеваний»²⁰.

15 октября в Варшаве состоялось заседание Политбюро ЦК ПОРП, посвященное созыву VIII пленума ЦК. В Москве целую бурю вызвала следующая, необычная для официальных сообщений приписка: «В заседании Политбюро принял участие Владислав Гомулка». Она могла означать только одно — власть переходит в другие руки. То, что на сей раз кадровый вопрос не согласовывался с Москвой, крайне взволновало Хрущева. Это явно нарушало принятую сталинско-коминтерновскую практику согласования кандидатур. Масла в огонь добавила присланная посольством информация о публикации в еженедельнике «Новая культура» статьи, в которой высказывалось сомнение, не устарел ли в новых условиях лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Хрущева эта статья привела в ярость²¹.

Он пришел к выводу, что ситуация в Польше очень серьезная и необходимо незамедлительно действовать. Вечером 17 октября 1956 г. Хрущев позвонил Охабу и заявил, что он хочет приехать в Варшаву для переговоров, так как Польша имеет для Советского Союза стратегическое значение²². Дело в том, что пребывание в ПНР Северной группы советских войск, которые находились там на основании Потсдамских соглашений 1945 г., гарантировало функционирование коммуникаций, проходивших через польскую территорию и обеспечивавших связь с советскими войсками в Германии. Охаб ответил, что ему необходимо посоветоваться. Вскоре он перезвонил и сказал: «Мы бы просили вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание Центрального Комитета»²³. «Мы этим были оскорблены, — вспоминал Хрущев. — Оскорблены тем, что поносится Советский Союз, и тем, что поляки не принимали потерь, которые понес наш народ в борьбе за освобождение Польши. Складывалось впечатление, что по печати и высказываниям на митингах Польша рвет с нами»²⁴.

Утром 18 октября на заседании Президиума ЦК КПСС произошел обмен мнениями и была сформирована делегация для переговоров с польским руководством. В ее состав вошли Н. С. Хрущев, А. И. Микоян, В. М. Молотов и Л. М. Каганович. Не позднее 18 октября в соответствии с приказом министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова Северная группа войск в Польше, Балтийский флот и части При-

балтийского военного округа были приведены в повышенную степень боевой готовности.

Утром 19 октября 1956 г. делегация Президиума ЦК КПСС, несмотря на возражение польской стороны, прибыла в Варшаву. Сойдя с трапа, наэлектризованный сообщениями советского посольства Хрущев сразу же стал грозить кулаком в сторону польских руководителей. Тем самым советский лидер пытался продемонстрировать, что он намерен действовать жестко и решительно. Хрущев сначала поздоровался с К. Рокоссовским и генералитетом. От И. Конева, главнокомандующего Объединенными вооруженными силами Варшавского договора, он получил подтверждение, что советские войска движутся в направлении Варшавы. Затем, обращаясь к польским руководителям, которые приехали встречать советскую делегацию, он сказал: «Предательская деятельность тов. Охаба обнаружилась, этот номер Вам не пройдет». В ответ Гомулка предложил поехать в резиденцию председателя Государственного совета ПНР Бельведер и спокойно поговорить. Советские руководители потребовали отложить пленум ЦК ПОРП, польские отказались²⁵.

Советская делегация перед началом переговоров провела совещание с К. Рокоссовским и И. Коневым. Рокоссовский подтвердил, что в Польше нарастают антисоциалистические и антисоветские силы. Чтобы воспрепятствовать их действиям, нужно опереться на вооруженные силы. Рокоссовский передавал себя в распоряжение советского руководства. По свидетельству Сергея Хрущева, он, отвечая на вопрос, как поведут себя польские войска, честно констатировал: «Польские войска сейчас не все послушают моего приказа, но... есть части, которые выполняют мой приказ. Я — гражданин Советского Союза и считаю, что надо принять меры против тех антисоветских сил, которые пробиваются к руководству. Жизненно важно сохранить коммуникации с Германией через Польшу»²⁶. Когда же он стал докладывать, какие конкретно части будут выполнять его приказы, а какие — нет, Хрущев убедился, что «ситуация оказалась не совсем хорошая»²⁷.

На состоявшемся в объявленные сроки VIII (19–21 октября 1956 г.) пленуме ЦК ПОРП В. Гомулка и его сторонники были кооптированы в состав ЦК. Пленум и переговоры шли в условиях драматической ситуации в партии и обществе. Советские войска уже были на марше. Часть членов ЦК, боясь арестов, не ночевала дома.

Опубликованная А. Ореховым запись бесед руководителей КПСС и ПОРП (не стенографическая) свидетельствует, что переговоры были очень напряженными. Первый секретарь ЦК КПСС сохранял агрессивный тон. Он впоследствии вспоминал: «Разговор был грубый, без дипломатии»²⁸. В ответ на заверения Гомулки, что польское руководство не хочет разрывать дружбу с Советским Союзом, Хрущев заявил: «Этот номер вам не пройдет, мы готовы на активное вмешательство»²⁹.

В результате переговоры превратились в острую полемику, во взаимные претензии советских и польских руководителей. Члены советской делегации требовали объяснений действиям, которые, как они считали, были направлены против Советского Союза. Они настаивали на том, чтобы Рокоссовский, который для Москвы был гарантом контроля за Польской армией, был оставлен на постах министра национальной обороны и члена Политбюро ЦК ПОРП, чтобы в состав

Политбюро были избраны просоветские политики. Польские руководители пытались объяснить советским лидерам всю сложность и неординарность политической и экономической ситуации в Польше, неравноправность советско-польских отношений. Они отстаивали свое право на независимое от Москвы проведение внутренней политики.

Уже вечером 18 октября по приказу министра обороны СССР Г. К. Жукова из мест постоянной дислокации Северной группы советских войск к Варшаве начала свое движение танковая дивизия. Почти одновременно в том же направлении по приказу К. Рокоссовского и с согласия Охаба двинулись расположенные на территории Варшавского военного округа подразделения Войска Польского. В соответствии с указанием Генерального штаба они должны были обеспечить усиленную охрану стратегических объектов столицы, заблокировать городские магистрали в случае непредвиденных массовых шествий³⁰. В воды Гданьского морского залива вошли советские военные корабли во главе с крейсером «Жданов». По Польше ходили слухи о сосредоточении советских воинских подразделений на границе ГДР с Польшей и на советско-польской границе.

Части Северной группы советских войск вышли из своих баз в Поморье и Силезии не позднее 18 октября и достигли рубежа Влоцлавек—Ленчица—Ласк, при этом на своем пути обходили крупные населенные пункты. 19 октября в районе Ленчицы танки остановились в ожидании дальнейших приказов, затем продолжили свое движение и в районах Ленчица — Лович и Влоцлавек — Гостынин закончили свой марш в направлении Варшавы³¹. От польской столицы их отделяло расстояние 50–80 км (танки простояли здесь до 24 октября).

Где-то около 14 часов член Политбюро ЦК ПОРП Р. Замбровский зачитал только что полученное сообщение о том, что советские и польские войска приближаются к Варшаве, и рабочие автозавода в районе Жерань решили выйти на улицу, чтобы задержать войска. Около 16 часов уже сам Гомулка заявил, что получено новое сообщение о продвижении советских и польских танковых частей. «Мы просим советских товарищей дать указание т. Коневу приостановить продвижение войск», — взволнованно сказал он³². Как пишет в своих воспоминаниях Хрущев, Гомулка говорил горячо и произнес слова, которые подкупили советского лидера: «Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я как поляк и коммунист клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство? Все будет у нас в порядке, и вы не допустите, чтобы советские войска вошли в Варшаву, потому что тогда будет сверхтрудно контролировать события»³³. Хрущев и другие члены Президиума ЦК КПСС начали разъяснять, что речь идет об обычных осенних учениях, и согласились дать соответствующие указания Коневу.

После 16.30 советская делегация ушла в посольство СССР на совещание, на которое был приглашен и Рокоссовский. Поразмыслив, Хрущев предложил своим коллегам поддержать Гомулку. Советский лидер сказал: «Товарищи, я Гомулке верю, верю как коммунисту. Ему трудно. Сразу он этого не сделает. Но постепенно, если мы выразим ему свое доверие, отведем войска, дадим время, то Гомулка сможет справиться с теми силами, которые сейчас стоят на неправильных позициях...

Я считаю, что надо поддержать Гомулку»³⁴. Никаких возражений со стороны членов делегации не последовало.

Хрущев предложил остановить движение советских танковых войск, но не возвращать их в казармы. Они должны были расположиться на тех рубежах, на которых находились во время марша, не в растянутом виде, а группами. Конева сразу же отдал приказ войскам прекратить движение к Варшаве. Ввод советских войск в польскую столицу мог бы привести к непоправимым последствиям. Как вспоминает Хрущев, «Рокоссовский через Конева получил от нас тоже указание. Я пользуюсь этим словом “указание”, потому что в то время Рокоссовский нас больше слушался, чем свое правительство. Правительство находилось в переходном состоянии и не являлось для него авторитетом»³⁵. В таком положении войска находились до 24 октября, когда в 10 часов утра о приказе, предусматривавшем их возвращение на базу постоянной дислокации, Хрущев проинформировал по телефону Гомулку, а тот в свою очередь сообщил об этом польскому населению на многотысячном митинге в Варшаве³⁶.

В тот же знаменательный день, 19 октября, на возобновившихся после 19 часов советско-польских переговоров острые споры продолжались. Взаимное доверие по-прежнему отсутствовало. По всей вероятности, польские власти перегруппировку советских войск перед остановкой их движения приняли за продолжение марша на Варшаву, почему Гомулка и заявил, что движение советских и польских танков продолжается. Он обратился к Хрущеву: «Я спрашиваю — что означают слова, сказанные утром: ”мы готовы на решительное вмешательство“?»³⁷. Хрущев продолжал обвинять польских руководителей в отходе от политики дружбы с СССР. Рокоссовский обратился к Политбюро ЦК ПОРП и Президиуму ЦК КПСС с просьбой обсудить вопрос о его отставке.

Обстановку разрядил Гомулка, который предложил подчеркнуть в совместном коммюнике о встрече, что «фундаментом дружбы Польши и Советского Союза является общая цель — социализм, которому служат обе партии», а во второй части коммюнике указать, что «обе партии подтверждают, что каждая из них должна решать самостоятельно вопросы, касающиеся ее страны, при учете общих интересов социализма»³⁸. Хрущев, обращаясь к нему, примирительно сказал: «Тов. Гомулка, мы считаем вас крупным деятелем. Я со многими из присутствующих здесь говорил это еще до вашего выдвижения»³⁹.

Советско-польский конфликт был разрешен путем пересмотра советской политики в отношении Польши. В ходе переговоров руководители ПОРП добились своего. Удалось соединить верность союзу с СССР с правом на проведение самостоятельной внутренней политики. Москва уступила. Она отказалась от прямого руководства Польшей через свое посольство, советских советников и агентов влияния. На VIII пленуме ЦК ПОРП Гомулка заявил, что отношения между партиями и государствами социалистического лагеря «должны основываться на взаимном доверии и равноправии, на оказании взаимной помощи, на взаимной дружеской критике... В рамках таких отношений каждая страна должна пользоваться полной независимостью и самостоятельностью, а право каждого народа на суверенное управление в независимой стране должно соблюдаться полностью и взаимно»⁴⁰.

Беседы советских и польских руководителей завершились в 1 час ночи 20 октября, в 6.45 делегация Президиума ЦК КПСС вылетела в Москву. По воспомина-

ниям сына А. Микояна Серго, Хрущев и Микоян летели в одном самолете и обсуждали, как успешно разрешился конфликт. Однако сразу же после прилета в Москву Хрущев передумал, скорее всего, по подсказке Молотова и Кагановича. Когда Микоян пришел к Хрущеву, ему сообщили о решении большинства членов Президиума: ввести советские войска в Варшаву и передать власть послушным членам ЦК ПОРП (правда, Хрущев так и не вспомнил ни одного достаточно послушного)⁴¹. В черновых протокольных записях заседания Президиума ЦК КПСС 20 октября было записано: «Выход один — покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда по времени потерпеть»⁴². Однако 21 октября на очередном заседании Президиума Хрущев, исходя из развития ситуации в Польше и Венгрии, опять поменял свою точку зрения: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость». С таким подходом согласились все члены Президиума ЦК⁴³. 21 октября Гомулка был избран первым секретарем ЦК ПОРП. Вечером того же дня Хрущев позвонил Гомулке и поздравил его с избранием.

Ситуация оставалась сложной. 23 октября группа поляков ворвалась в советское консульство в Щецине и подожгла его. 24 октября в Варшаве состоялся 400-тысячный митинг, на котором выступил В. Гомулка. Участники митинга продемонстрировали свою поддержку новому руководству ПОРП. После окончания митинга толпа в несколько десятков тысяч человек с бело-красными флагами, выкрикивая антисоветские лозунги, двинулась к советскому посольству и вскоре окружила здание. Варшавские власти отреагировали быстро. Посольство было окружено бронетранспортерами и мотоциклистами. Толпа, пытавшаяся ворваться в здание, была рассеяна⁴⁴.

Спустя два дня после пленума Хрущев в телефонном разговоре с Гомулкой подтвердил, что он «не видит никаких препятствий к тому, чтобы партийные и государственные взаимоотношения между СССР и Польшей основывались на принципах, изложенных VIII пленумом ЦК ПОРП»⁴⁵.

Во время переговоров партийно-правительственных делегаций СССР и ПНР в Москве 15–18 ноября 1956 г. была принята Совместная декларация по вопросу советско-польских отношений. В ней говорилось, что межгосударственные отношения СССР и ПНР будут строиться на принципах полного равноправия, неизменности территориальных границ, независимости и суверенности субъектов договора, невмешательства в дела друг друга⁴⁶. Гомулка назвал Декларацию «выражением коренного перелома в практике отношений между Польшей и Советским Союзом», а также между ПОРП и КПСС⁴⁷. «Мы сняли все, — вспоминал Хрущев, — что могло вызвать мысль о неравноправных отношениях, что давало хоть малейший повод думать, что мы относимся к Польше как к зависимому государству, пользуемся своей силой и навязываем свои условия»⁴⁸.

Руководство КПСС смирилось с тем, что Гомулка стал первым секретарем ЦК ПОРП вопреки воле Москвы. Тем самым Кремль вынужден был примириться и с «польским путем к социализму», который предполагал отказ от масштабной коллективизации, сохранение мелкой частной собственности в городе, своеобразную многопартийную систему во главе с ПОРП, большую свободу культурного и научного творчества, большую открытость миру. Компромисс советского руковод-

ства с реформаторским крылом ПОРП позволил сохранить мир и стабильность в этой стране.

Такое разрешение кризиса воспринималось в других странах социалистического лагеря как победа поляков, а мягкость Хрущева, не использовавшего вооруженные силы, впоследствии ставилась ему в упрек консервативной частью Президиума ЦК КПСС.

События, развернувшиеся с 23 октября в Венгрии, отодвинули польский вопрос на второй план. В отличие от Польши ситуация в Венгрии вышла из-под контроля и требовала особого внимания со стороны советского руководства. Кремль понимал, что спасти социализм путем вооруженного вмешательства одновременно в двух странах — неподъемная задача. Возможно, в те дни именно венгерские события спасли «польский Октябрь» от силового подавления⁴⁹.

Польша освободилась от одиозных признаков зависимости от Москвы. 20 октября, когда на VIII пленуме состоялись выборы Политбюро ЦК ПОРП, Рокоссовский в его состав избран не был. Из 75 членов ЦК за него проголосовали только 23 человека⁵⁰. Польская сторона потребовала удаления из Войска Польского и органов госбезопасности советских советников. В письме от 22 октября 1956 г., направленном в ЦК ПОРП и подписанном Хрущевым, советская сторона выразила согласие на упразднение института советских советников при Комитете общественной безопасности ПНР и отзыв из Войска Польского советских офицеров и генералов⁵¹.

13 ноября 1956 г. Рокоссовский попросил польское правительство освободить его от всех занимаемых должностей. Его просьба была удовлетворена. В. Гомулка долго уговаривал маршала не уезжать из Польши, предлагал большую пенсию и правительственный особняк. На это К. Рокоссовский ответил: «На работу в Польшу по просьбе польского правительства меня направлял ЦК КПСС, и я возвращаюсь в его распоряжение»⁵². Незадолго до отъезда ему была вручена правительственная грамота, в которой польские власти поблагодарили его за вклад в укрепление польской армии. Рокоссовский и советские военные советники покинули Польшу, а Хрущев должен был признать, что хотя Рокоссовский — «поляк по рождению, но он не польский поляк, а поляк советский»⁵³.

17 декабря 1956 г. в Варшаве состоялось подписание «Договора между Правительством СССР и Правительством ПНР о правовом статусе советских войск, временно находящихся в Польше»⁵⁴. В договоре были четко зафиксированы два важных положения: нахождение советских войск является временным; оно ни в чем не может затрагивать суверенитет Польши и не может вести к вмешательству во внутренние дела страны. Речь шла о контингенте войск в западной и северо-западной частях ПНР, а также о подразделениях, осуществлявших связь Москвы с группировкой советских войск в Германии. Договор определял общую численность советских войск в Польше (62–66 тыс. солдат и 39 мест их расквартирования). Передвижения советских войск по польской территории вне мест их дислокации требовали каждый раз согласия со стороны правительства ПНР, так же как учения и маневры. Советские войска, пребывавшие на польской территории, лица, входившие в состав военных подразделений, а также члены семей советских военнослужащих были обязаны уважать и выполнять все предписания польского права.

Советские войска пользовались теми же привилегиями и льготами, что и Войско Польское.

В 1957 г. Хрущев предложил вывести советские войска из Польши. Он рассуждал так: «Зачем нам давать повод колотить глаза, что мы держим Советскую армию на территории Польши и тем самым якобы вынуждаем польский народ идти в фарватере советской политики?»⁵⁵ Однако против этого стал резко возражать Гомулка. Оказалось, что ПНР было экономически выгодно получать от СССР валюту за их пребывание. Несмотря на эти возражения, находившийся на территории Польши советский контингент в конце 1950-х годов был сокращен наполовину.

5 марта 1957 г. в Москве был подписан Договор о демаркации существующей советско-польской государственной границы на участке, прилегающем к Балтийскому морю. Этот участок был детально обозначен в договоре. Тем самым все вопросы, связанные с послевоенным урегулированием границы между СССР и ПНР, были окончательно решены.

После войны, в 1945–1947 гг., не все находившиеся на территории Советского Союза поляки смогли вернуться на родину. Поэтому уже в 1955 г. польские власти поставили вопрос о необходимости организации новой волны репатриации. В мае 1955 г. МИД СССР переслал помощнику Хрущева В. Лебедеву памятную записку МИДа Польши, в которой говорилось, что «в связи с военными и послевоенными условиями значительное число лиц, отвечающих критериям Договора 1945 года, не смогли использовать возможностей, предоставляемых Договором, по причинам, от них не зависящим. Это привело к возникновению проблемы разделенных семей»⁵⁶. Польской стороной особенно настойчиво поднимался вопрос о детях, отделенных от родителей, находившихся в Польше.

Вначале постановлениями Президиума Верховного совета СССР от 13 июля 1955 г. и от 14 января 1956 г. на лиц польской и еврейской национальностей, выразивших желание эвакуироваться из СССР в Польшу, а также на советских граждан польской и еврейской национальностей, не воспользовавшихся правом на эвакуацию в Польшу по советско-польскому соглашению от 6 июля 1945 г., был распространен Указ Президиума Верховного совета СССР от 10 ноября 1945 г. «О выходе из советского гражданства лиц польской и еврейской национальностей, бывших польских граждан, и членов их семей, переселяющихся из СССР в Польшу, и о приобретении советского гражданства лицами русской, украинской, белорусской, русинской и литовской национальностей и членами их семей, переселяющимися из Польши в СССР».

Затем 25 марта 1957 г. между правительством СССР и правительством ПНР было подписано Соглашение о сроках и порядке дальнейшей репатриации из СССР лиц польской национальности⁵⁷. Право на репатриацию предоставлялось: а) лицам польской национальности, состоявшим в польском гражданстве к 17 сентября 1939 г.; б) детям лиц польской национальности, состоявшим к 17 сентября 1939 г. в польском гражданстве, которые родились после 17 сентября 1939 г. и не имевшим близких родственников в Советском Союзе, но которые имели родственников в Польской Республике или о репатриации которых ходатайствуют польские власти.

В соглашении устанавливалось, что лица, имеющие право на репатриацию и желающие ею воспользоваться, но проходившие службу в Советской армии, будут

демобилизированы и репатриированы, а лица, имеющие право на репатриацию, находившиеся в местах заключения, будут досрочно освобождены и репатриированы или переданы польским властям.

При этом лица польской национальности, репатриировавшиеся на основании этого соглашения, признавались с момента их выезда из СССР вышедшими из советского гражданства и приобретали польское гражданство по прибытии в ПНР, а члены семей репатриантов, не являвшиеся лицами польской национальности и имевшие гражданство СССР, сохраняли советское гражданство или выходили из гражданства СССР в соответствии с желанием, выраженным ими при оформлении выездных документов. Все положения соглашения, касавшиеся лиц польской национальности, распространялись также на лиц еврейской национальности, состоявших к 17 сентября 1939 г. в польском гражданстве.

В результате в 1956 г. из СССР выехали 40 тыс. человек, в 1957 г. — 94 тыс. человек. К началу 1958 г. в СССР оставались еще около 300 тыс. имевших право на выезд. Однако поток переселенцев по просьбе польской стороны был уменьшен до 8 тыс. чел. в месяц. Польские власти заявили советским властям, что принимать репатриантов в городах нет возможности ввиду отсутствия в них работы и нормальных жилищных условий.

Единственное, что волновало Москву, — использование Польши как транзитного пункта для отъезда в Израиль, в особенности антисоветски настроенных элементов. И стороны быстро договорились таких бывших польских граждан не запрашивать и не отпускать. Несмотря на предпринятые меры, по меньшей мере 14 тыс. евреев, репатриировавшихся из СССР в Польшу в 1957–1959 гг., эмигрировали в Израиль — уже из ПНР.

Количество заявлений на выезд в Польшу стало уменьшаться. К 1 мая 1958 г. в МВД СССР находилось на рассмотрении всего 22 тыс. заявлений. Однако в 1958 г. все же выехали 86 тыс. чел., а в 1959 г. — 32 тыс. чел. Вторая волна репатриации завершилась в 1959 г. Всего в 1955–1959 гг. в ПНР вернулись 245,5 тыс. человек. По вине польской стороны часть поляков осталась в СССР, прежде всего в Казахстане.

В сфере советско-польских экономических отношений были решены все сложные проблемы, возникшие в предыдущий период. В своих воспоминаниях Хрущев писал: «Мы с польскими товарищами все скрупулезно пересмотрели, и где только нашли несправедливости, их выправили. Мировые цены были для нас индикатором, лакмусовой бумажкой. По этой лакмусовой бумажке мы проверяли наши экономические отношения, выправляли. Если что-либо мы должны были доплатить, мы соглашались и доплачивали»⁵⁸.

В первую очередь это касалось поставок польского угля. По советским данным, в 1946–1953 гг. Польша поставила Советскому Союзу 49,5 млн т угля по специальным ценам на общую сумму 56,2 млн долл., то есть по цене 1,14 долл за 1 т. Стоимость этого угля по мировым ценам составляла бы 577,2 млн долл. Советская сторона мотивировала поставки угля по специальным ценам необходимостью компенсации за уступленные СССР германские активы на территории Польши в соответствии с советско-польским соглашением от 16 августа 1945 г. и протоколами к этому соглашению от 25 ноября 1953 г.⁵⁹. Разобравшись в проблеме угля, Хрущев пришел к следующему объяснению ее возникновения: «Поляки получили бла-

годаря нам от Германии Силезию, богатую углем. Сталин считал, что уголь оттуда — в какой-то степени плата за кровь, которая было пролита при освобождении Польши». Вместе с тем советский руководитель вынужден был признать, что такие обоснования носили эмоциональный характер и юридической силы не имели⁶⁰. В ситуации, когда угольная промышленность Донбасса еще не была восстановлена, польский коксующийся и энергетический уголь играл важную роль в обеспечении функционирования советской экономики в европейской части СССР.

Возникли проблемы расчетов и по советским транзитным коммерческим перевозкам из Германии и обратно за период с 1 января 1946 г. по 1 июля 1954 г., по польской оборонной промышленности (главным образом по военным поставкам из СССР), по строительству стратегических объектов на польской территории (военных аэродромов, железнодорожных линий и др.).

Требовали окончательного урегулирования также вопросы польских репараций и взаиморасчетов сторон в связи с этим. Во время советско-польских переговоров в Москве в ноябре 1956 г. премьер-министр ПНР Ю. Циранкевич заявил, что сразу же после войны с западных земель Польши было вывезено больше материальных ценностей, чем из советской оккупационной зоны в Германии. Член ЦК ПОРП Е. Шир утверждал, что Польша получила репараций значительно меньше, чем составили потери из-за искусственно заниженных цен угля. Советские руководители оспаривали претензии польской стороны⁶¹.

По советским расчетам, германские активы, уступленные Советским Союзом Польше, оценивались приблизительно в 8,9 млрд долл. в довоенных ценах. Что касается репарационных поставок, которые Польша получила из доли СССР, они были произведены полностью в соответствии с советскими обязательствами и составили 257,9 млн долл. в ценах 1938 г. Это при перерасчете по индексам цен, публикуемым ООН, соответствовало 595,4 млн долл. в мировых ценах соответствующих лет⁶².

Претензии, связанные со специальной ценой на уголь, были сняты, так как советская сторона аннулировала образовавшуюся задолженность Польши по советским кредитам (гражданских кредитов было списано на 261,2 млн долл., военных — на 276,8 млн, всего — 538 млн долл.⁶³). 20 ноября 1956 г., выступая в Сейме с отчетом о польско-советских переговорах, состоявшихся 15–18 ноября 1956 г. в Москве, премьер-министр ПНР Ю. Циранкевич подчеркнул: советская сторона аннулировала долги Польши по кредитам по состоянию на 1 ноября 1956 г., и это «составляет полное закрытие затрат в связи с поставками угля» по заниженным ценам⁶⁴.

Однако окончательное урегулирование польских экономических претензий произошло лишь в середине 1957 г. 31 мая 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС обсуждался вопрос о результатах состоявшихся в Москве 24–25 мая советско-польских переговоров по вопросам взаимных экономических отношений. В принятом постановлении было рекомендовано: «подготовить предложения о взаимной ликвидации претензий между СССР и Польшей», а также направить Микояна в Варшаву «для информирования ЦК ПОРП о принятых в ЦК КПСС решениях в связи с переговорами»⁶⁵.

Неофициальный визит первого заместителя председателя Совета министров СССР в Варшаву в июне 1957 г. подвел черту под дискуссией, которую советские и

польские высшие руководители вели по поводу сложностей в советско-польских экономических отношениях, возникших в предыдущий период. Претензии были окончательно урегулированы. Отчитываясь 15 июня 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС об итогах поездки, Микоян сообщил, что польская сторона приняла советские предложения о ликвидации взаимных претензий по репарациям с Германии⁶⁶. 4 июля 1957 г. в Варшаве был подписан Окончательный протокол о поставках, касающихся репараций с Германии в пользу СССР и Польши, а также ряд других государственных документов, регламентирующих экономические взаимоотношения двух стран⁶⁷.

«Польский Октябрь» 1956 г. оказал существенное влияние на демократически настроенную советскую интеллигенцию, вызвал повышенный интерес к более открытым польским СМИ, в которых можно было познакомиться с западной общественной мыслью, к польской культуре и науке. Во второй половине 1950-х годов повторилась история XVII в., когда культурно-политическое западное влияние проникало в Россию через Польшу. В Советском Союзе возникло целое поколение шестидесятников, которое в значительной степени стало полонофильским⁶⁸.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что польский кризис, в отличие от венгерского, был, к счастью, разрешен политическими методами самими поляками, без военного вмешательства СССР, ценой пересмотра советской политики в отношении Польши. Разрешение сложной ситуации 1956 г. в стране собственными силами польского руководства имело огромное значение и повлияло на политику Кремля в отношении последующих политических конфликтов в Польше, особенно во время событий 1980–1981 гг. Польское руководство в результате Октября 1956 г. и изменений в советско-польских отношениях завоевало право на проведение самостоятельной внутренней политики. Суверенитет Польши укрепился.

¹ Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

² См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти 1945–1991. М., 2002; Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В. Постсталинское общество: Проблема лидерства и трансформации власти. М., 1999; Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель» 1953–1964. М., 2002; Noskova A. XX Zjazd KPZR i tajny referat Nikity Siergiewicz Chruszczowa. Próba rozliczeniz ze stalinizmem czy taktyczna manipulacja? // Rok 1956 w Polsce i jego rezonans w Europie / Pod red. O. Szymoniczek i E.C. Króla. Warszawa, 2009. S. 118 и др.

³ Справки спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК — ОГПУ — НКВД СССР в 1921–1953 гг. 11.12.1953 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.alexanderyakovlev.org.

⁴ Наумов В. П. К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 154.

⁵ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. М., 1957. Т. 1. С. 12.

⁶ Правда. 31.10.1956.

⁷ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 230. Л. 170.

⁸ Tajne dokumenty Biura Politycznego. PRL—ZSRR. 1956–1970. L., 1998. S. 21.

⁹ Подробнее см.: Бухарин Н. И. Отношения Советского Союза с социалистическими странами Европы в 1950-х — первой половине 1960-х годов // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии: Сб. статей. М., 2008.

¹⁰ Friszke A. Polski Październik 1956 roku z perspektywy pięćdziesięciolecia // Polski Październik 1956 w polityce światowej / Pod red. naukową Jana Rowińskiego. Warszawa, 2006. S. 305.

- ¹¹ Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: Из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 78.
- ¹² Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). М., 1999. Т. 3. С. 232.
- ¹³ Там же. С. 517.
- ¹⁴ Władyka W. Kwasy i zasady w KC PZPR w 1956 roku // Rok 1956 w Polsce i jego rezonans w Europie. S. 26.
- ¹⁵ Подробнее см.: Махцевич П. СССР и польско-советские отношения в сознании поляков в 1956 г. // Польша — СССР. 1945—1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 241—242.
- ¹⁶ Подробнее см.: Орехов А. М. Указ. соч. С. 119—129.
- ¹⁷ Там же. С. 137.
- ¹⁸ Носкова А. Ф., Мурашко Г. П. Институт советских советников в Восточной Европе в 40—50-е годы XX века // Польша — СССР. 1945—1989. С. 125; Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов политбюро ЦК ПОРП в Варшаве, состоявшихся 19 октября 1956 года // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 495.
- ¹⁹ Бернов Ю. В. Записки дипломата. М., 1995. С. 44.
- ²⁰ Там же. С. 45.
- ²¹ Хрущев С. Н. Рождение сверхдержавы. Книга об отце. М., 2003. С. 161.
- ²² Зенькович Н. Тайны ушедшего века. Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат. М., 2004. С. 394.
- ²³ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть... С. 517.
- ²⁴ Там же. С. 579.
- ²⁵ Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949—1970 // Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 13 / Oprac. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 216.
- ²⁶ Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 164.
- ²⁷ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть... С. 581.
- ²⁸ Там же. С. 518.
- ²⁹ Centrum władzy... S. 216.
- ³⁰ Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС... С. 505.
- ³¹ Орехов А. М. Указ. соч. С. 193.
- ³² Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС... // Славянский альманах 2007. М., 2008. С. 475, 482.
- ³³ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть... С. 239.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 582.
- ³⁶ Werblan A. Październik 1956 roku — legendy i rzeczywistość // Polski Październik 1956 w polityce światowej. S. 29.
- ³⁷ Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС... С. 490.
- ³⁸ Там же. С. 499.
- ³⁹ Там же. С. 501.
- ⁴⁰ Гомулка В. Речь на VIII Пленуме ЦК ПОРП 20 октября. Варшава, 1956. С. 37—38.
- ⁴¹ Микоян Анастас Иванович // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.biograph-soldat.ru.
- ⁴² Президиум ЦК КПСС 1954—1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 173.
- ⁴³ Там же. С. 175.
- ⁴⁴ Бернов Ю. В. Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁵ Цит. по: Орехов А. М. Указ. соч. С. 199.
- ⁴⁶ Правда. 19.11.1956.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть... С. 523.
- ⁴⁹ См.: Лурье Л., Малярова И. 1956 год. Середина века. М., 2007. С. 338.
- ⁵⁰ Рубцов Ю. В. «Советский Багратион». Маршал К. К. Рокоссовский (1896—1968) // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 170.
- ⁵¹ СССР и Польша: Октябрь 1956-го. Постановления и записи заседаний Президиума ЦК КПСС / Публикацию подготовили Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda; Пред. А. М. Орехова // Исторический архив. 1996. № 5—6. С. 185—186.

⁵² Бернов Ю. В. Указ. соч. С. 54–55.

⁵³ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть... С. 524.

⁵⁴ Договор между правительством СССР и правительством ПНР о правовом статусе советских войск, временно находящихся в Польше // Советский Союз — Народная Польша 1944–1974. Документы и материалы. М., 1974. С. 206–212.

⁵⁵ Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 524.

⁵⁶ Цит по: Журнов Е. «Поляки убили старика и сожгли все село» // Коммерсант-Власть. 2004.

⁵⁷ Соглашение между правительством СССР и правительством ПНР о сроках и порядке дальнейшей репатриации из СССР лиц польской национальности // Советский Союз — Народная Польша 1944–1974. С. 214–219.

⁵⁸ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть... С. 584–585.

⁵⁹ Журнов Е. Непосильная помощь // Коммерсант-Власть. 22.01.2007.

⁶⁰ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть... С. 244.

⁶¹ Szyr E. Bez serwilizmu. Nieznana notatka z rozmów delegacji polskiej z kierownictwem ZSSR w listopadzie 1956 r. // Dziś. 1993. No 7. S. 78–80.

⁶² Ibid.

⁶³ Skrzypek A. Mechanizmy autonomii. Stosunki polsko-radzieckie 1956–1965. Puitusk; Warszawa, 2005. S. 107, 108.

⁶⁴ Орехов А. М. Из истории экономических отношений СССР и ПНР («угольная проблема»). 1946–1957 гг. // Россия. Польша. Германия: История и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009. С. 344.

⁶⁵ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958. М., 2006. С. 655.

⁶⁶ Там же. С. 993.

⁶⁷ Орехов А. М. Из истории экономических отношений СССР и ПНР... С. 345–346.

⁶⁸ «Нашим иллюзиям пришел конец» — Польский октябрь 1956 года // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.polit.ru (31.10.2006).

Принято считать, что 1956 год был одним из важнейших во второй половине XX в., что связано с произошедшими в то время изменениями как в лагере коммунистических государств, так и в отношениях между Востоком и Западом (которые мы не будем здесь затрагивать). Эта констатация является безусловно обоснованной, хотя следует обратить внимание, что два ключевых, по нашему мнению, события — доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», озвученный в феврале 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС, а также подавление Советской армией национальной революции в Венгрии в ноябре — носили разные и даже противоположные послылы. Первое из них могло свидетельствовать об «открытии» коммунизма, о содержащемся в нем потенциале самокритики и о происходящих изменениях государственного строя и в любом случае подтверждало отход от практики репрессий. Второе же доказывало, что Советский Союз способен применять хитрость и силу, если только его руководители признают, что под угрозой находятся государственные интересы и подрываются идеологические устои, на которые часто ссылались. Одновременно оно указывало на тот факт, что, несмотря на десталинизацию, Советский Союз не перестал проводить империалистическую и агрессивную политику. «Венгерский урок» (а спустя 12 лет и «чехословацкий урок») был хорошо усвоен и стал важным фактором своеобразной легитимации — а в общем-то и стабилизации — коммунизма во всей Центрально-Восточной Европе на много лет вперед. А именно вплоть до 1989 г.

Двойственный образ Советского Союза: с одной стороны, явная и определенная предрасположенность к переменам, а с другой — суровость, проявленная в ис-

полнении приказов свыше, проявлялся также в отношениях с Польшей. В отношениях Москвы с Варшавой с 1956 г. обнаружилось, насколько сильна была инерция советской системы, насколько сильным у советских руководителей был навык управления государствами-сателлитами и насколько глубоко они были зависимы от идейного императива дисциплины и внутреннего единства, настоящих устоев их власти как в самом Советском Союзе, так и во всем социалистическом лагере. Весной и летом 1956 г. процессы десталинизации подверглись в Польше значительному ускорению, на что повлияло несколько факторов, в том числе — нарастающее социальное недовольство, апогей которого выпал на конец июня, когда имевшая экономические подоплеку забастовка на нескольких фабриках в Познани перешла в уличные манифестации, а затем в беспорядки (в том числе нападения на публичные учреждения, включая штаб-квартиру Управления безопасности), кроваво подавленные с использованием войск. Выходя из ворот фабрик, рабочие еще пели «Интернационал», но когда в центре города собрались десятки тысяч человек, они пели уже национальный гимн и религиозно-патриотические песни. Возможно, до бунта дело бы и не дошло — или он не приобрел бы таких драматических масштабов, — если бы не разногласия в правящей элите и прежде всего если бы не предпринимаемые ею действия, явившиеся продолжением процесса десталинизации, несмело начавшегося в 1954 г. Разногласия эти существовали уже в течение определенного времени, но неожиданным импульсом для их углубления и частичного проявления стала смерть «польского Сталина» — Болеслава Берута, который умер в ночь с 12 на 13 марта в Москве, куда он прибыл, чтобы принять участие в XX съезде КПСС.

Естественно, возникла проблема преемственности, которую нужно было как можно скорее решить, в чем было заинтересовано также и советское руководство. На заседании Президиума ЦК КПСС 14 марта не только было решено, что на похороны в Варшаву отправится лично Хрущев, но обсуждались также возможные кандидатуры на наследство Берута — Эдвард Охав и Александр Завадский¹. Хрущев в своих воспоминаниях указывал, что поводом к поездке послужило беспокойство из-за бродивших по Польше слухов, что Берут был убит в Москве², но с уверенностью можно сказать, что персональные решения были для него важнее, чем слухи, даже если они носили антисоветский характер. Так или иначе, Хрущев не только появился на похоронах, но и остался в столице Польши, чтобы принять участие в заседании ЦК ПОРП, на котором должны были выбрать нового первого секретаря ЦК. Его участие в заседании, которое состоялось 20 марта, приняло неожиданный оборот, возможно, не соответствовавший замыслу самого Хрущева, так как он не ограничился простым присутствием на заседании, но взял слово и принял участие в дебатах на тему включения в состав Секретариата ЦК кандидатуры Романа Замбровского, члена Политбюро и одного из ближайших соратников Берута. Хрущев сделал это после того, как один из выступавших спросил, как этот выбор «примет народ»³, что большинство присутствовавших в зале признало антисемитским высказыванием, поскольку Замбровский был евреем. Атмосфера дискуссии резко накалилась. В своей речи Хрущев действительно дважды зарекался: «я не имею ни малейшего намерения вмешиваться в ваши персональные дела»⁴ и произнес длинный пассаж о техническом разделении компетенций в высших партийно-государственных инстанциях Советского Союза, приводя его в качестве

примера. Но уже сам факт, что он принял деятельное участие в заседании, вызвал неодобрительную реакцию части собравшихся. Вероятно, меньшее значение имел тот факт, что, в конце концов, было принято предложение Политбюро, которое предусматривало, что Замбровский войдет в Секретариат, чем то, что советский вождь все-таки вмешался во внутренний конфликт в ПОРП. В сообщении для прессы с заседания ЦК не упоминалось о присутствии Хрущева, но слух, что он там был и высказывался против кандидатуры Замбровского, быстро распространился среди населения, усиливая убеждение, впрочем справедливое, что Москва диктует все важнейшие решения. Ведь никто не верил, что Хрушев остался в Варшаве, чтобы восхититься недавно сданным Дворцом культуры и науки или гулять по Лазенкам⁵.

Возможно, с согласия Хрущева руководство ПОРП приняло поразительное решение: перевести, размножить и передать партийным организациям текст его «секретного доклада». В результате всеобщего интереса собрания, на которых читался весь доклад или его фрагменты, «имели характер поистине массовый, собирали по всей стране тысячи людей, не только членов партии», брошюры же «передавались из рук в руки», их читали на встречах с соседями или в клубах⁶, эмоционально комментировали и даже (скорее всего так и было) продавали на рынках. В этих дискуссиях одной из наиболее популярных проблем была зависимость от Советского Союза: эксплуатация польской экономики, присутствие советских офицеров в Польской армии, катынское преступление, репатриация поляков. Павел Махцевич полагает, что «отличительной чертой всех этих событий было то, что преобладали негативные оценки, сводящиеся скорее к несогласию с существующей реальностью, чем к выдвиганию альтернативных политических концепций»⁷. Охват вопросов, затронутых на этих дебатах, и накал страстей вынудили Охаба к прекращению дискуссий, но было уже слишком поздно. Тем более что последующие решения властей поддерживали напряжение и, более того, побуждали к обсуждению ситуации, в которой оказалась Польша. В апреле была объявлена амнистия, благодаря которой из тюрем вышли более тысячи человек, а отстранение от должностей генерального прокурора, главного военного прокурора и министра юстиции наряду с одновременным арестом нескольких сотрудников аппарата службы безопасности (в том числе бывшего вице-министра) были расценены значительной частью населения не только как косвенное признание властью своей вины, но и как знак если не слабости системы, то уж точно слабости правящей верхушки. Появились статьи с требованием реабилитации Армии Крайовой, на съезде экономистов была подввергнута резкой критике система управления экономикой, звучала критика в творческих союзах и академических сообществах.

Однако, как может показаться, все это не вызывало особого беспокойства в Кремле и на Старой площади; в любом случае из проводившихся в то время исследований и известных документов не следует, что польские дела были предметом особой заботы советского руководства, хотя в Москву поступало достаточно информации, прежде всего по дипломатической и консульской «линии»⁸. Почти все, в том числе и развернутая записка сотрудника ЦК Яна Феликсовича Дзержинского, который находился в Польше более двух недель в конце апреля — начале мая, представляли ситуацию в Польше в черных красках. Подтверждал это и посол ПНР в Москве Вацлав Левиковский, надежный для советского руководства человек, который в течение не-

скольких лет был вице-министром общественной безопасности и принадлежал к консервативному крылу ПОРП. Тем не менее Хрушев не предпринимал никаких действий: до сих пор не найдено следов, чтобы он сам или кто-то из высшего руководства КПСС обращал внимание польских товарищей на их неправильное поведение. Более серьезное беспокойство вызвал только познанский бунт: Президиум ЦК КПСС принял решение опубликовать в газете «Известия» краткое сообщение (под заголовком «Вражеская провокация империалистической агентуры в Познани»), но более важной была публикация 2 июля постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». В постановлении нашло отражение видоизмененное звучание XX съезда, обращалось внимание в том числе на биполярную расстановку сил в мире; и снова познанские беспорядки определялись как результат воздействия империалистических сил.

Как замечает Анджей Скушпек, советское руководство отдавало себе отчет в польских экономических и социальных проблемах, оно приняло решение «оказать всестороннюю экономическую помощь как поставками товаров, так и предоставлением ссуды в ценных металлах»⁹. После серии переговоров 18 сентября было подписано соглашение о кредите в золоте (которое Польша должна была продать на Западе) и поставках товаров. Предусматривалось также, что в октябре в Москву прибудет премьер Польши Юзеф Циранкевич. Но даже в экономических вопросах не все обстояло гладко. На образ Польши в странах коммунистического лагеря влиял также конфликт с руководителями Чехословакии и ГДР по вопросу невыполнения Польшей соглашений по поставкам угля, который произошел еще в июне на заседании СЭВ. Советы выражали недовольство, поскольку вновь всплыло дело о продаже Советскому Союзу в течение многих лет (1945–1953 гг.) угля по сильно заниженным ценам по сравнению с мировыми. Поляки потребовали также обязательно урегулировать платежи за советский транзит в ГДР, который достиг значительных размеров, поскольку на западе от Одера размещалось более полумиллиона советских солдат.

До визита Циранкевича в итоге дело не дошло; точнее, премьер ПНР поехал в Москву, но это была уже поездка второстепенной персоны в совершенно изменившихся обстоятельствах. Зато в Польшу приехал глава советского правительства Николай Булганин, которого сопровождал министр обороны маршал Георгий Жуков. Целью визита было участие в торжествах 22 июля¹⁰, что, возможно, было только предлогом, поскольку никогда прежде по такому случаю делегация столь высокого уровня в Варшаву не приезжала. Вероятно, речь шла о конфиденциальной встрече или о подаче сигнала, что Польша является важным звеном в «социалистическом содружестве». Либо и то и другое, вместе взятое. Булганин провел официальные переговоры с Циранкевичем, Жуков вместе с маршалом Рокоссовским принимали морской парад, гости совершили поездку по Польше — посетили Силезию, Лодзь и Новую Гуту (весь визит длился целых восемь дней). А во время официального торжественного заседания Булганин произнес речь, содержащую много критических высказываний по поводу ситуации в Польше, и прежде всего в отношении прессы, часть которой, как он утверждал, занимала недружественную позицию по отношению к Советскому Союзу. Кроме того, он говорил об «отравленном семени», посеянном врагами в некоторых изданиях. Речь Булганина была

опубликована как в польской «Трибуне Люду», так и в советской «Правде». Булганин также провел переговоры с Охабом, а может быть, даже со всем составом Политбюро, но, в отличие от мартовского визита Хрущева, он не появился на проводимом как раз в это время пленуме ЦК ПОРП (VII Пленум), который длился рекордно долго — с 18 по 28 июля (с двухдневным перерывом на вышеупомянутые торжества). Нам не удалось установить, планировал ли Булганин посещение пленума, но отказался от него, или — что более правдоподобно — его участие, даже пассивное, не было предусмотрено. В любом случае благодаря этому он избежал выслушивания дебатов, которые временами напоминали авантюру, что, возможно, удивило бы его, поскольку скорее всего он не привык к подобному ходу партийных собраний в широком составе. Он был бы свидетелем фронтального столкновения «либералов» («пулавян», или, как их еще называли, «евреев») с «твердолобыми» («натолинцами», или «хамами»), осью которого были обвинения последних в антисемитизме. Одним из объектов спора был Владислав Гомулка, с которым руководство ПОРП уже несколько месяцев вело тайные переговоры, но их единственным результатом стала частичная политическая реабилитация и возвращение Гомулке партийного билета, хотя «твердолобые» требовали немедленно вернуть бывшему узнику Берута место в ЦК. О накале дискуссии во время этого пленума может свидетельствовать факт, что в ней выступили 95 ораторов и было внесено несколько десятков заявлений.

Все это не коснулось Булганина, но и он лично, находясь в Польше, и непосредственно Москва безусловно имели полную информацию о ходе и предмете спора и поэтому хорошо ориентировались в конфликте, который подтачивал польский политический истеблишмент. Впрочем, в его масштабах ориентировалось большинство поляков, так как, несмотря на лаконичность сообщений и глубокую тайну, которой было покрыто заседание, большое количество информации — и еще больше слухов — передавалось «сарафанным радио», а также поступало через радио «Свободная Европа», которое использовало материалы, подготовленные западными журналистами, аккредитованными в Варшаве. Это было чрезвычайно существенным, поскольку с момента трансляции сенсационного сообщения Юзефа Святло (т.е. с осени 1954 г.) «Свободная Европа» имела широкую аудиторию в стране. В Польше было неспокойно, хотя речь шла не о значении эмоций и драматичности ситуации «черного четверга» в Познани. Сообщение о возвращении партбилета Гомулке усилило слухи и даже спекуляции о его возвращении к власти, что постепенно становилось требованием, появлявшимся в различных кругах. Усилились опасения внутреннего недовольства в некоторых организациях, которые представляли собой «передающие механизмы» ПОРП, таких как Союз польской молодежи или профсоюзы. На различных партийных собраниях множились ожесточенные споры об антисемитизме, о «молодом» Марксе и освободительных аспектах марксизма, но чаще всего говорили об ответственности за «ошибки и перегибы» сталинского периода и необходимости «вернуться к ленинским нормам», которые должны были стать панацеей от всех болезней, так же как и средством возвращения нормальных отношений с КПСС. «Твердолобые» атаковали — подобно Булганину — прессу, перекладывая на нее ответственность за существующие волнения, тогда как «либералы» прессу защищали. Действительно, в

некоторых газетах (прежде всего в еженедельных) появлялись резко критические и не особо благонадежные статьи, которые, к примеру, восхваляли югославскую модель рабочего самоуправления, а цензура, лишенная всяких сигналов из ЦК, допускала больше послаблений, чем когда бы то ни было, начиная с 1947 г. Часть воинов Армии Крайовой, выпущенных из тюрем, думала о том, чтобы начать какую-то деятельность, что беспокоило аппарат безопасности, который, по сути, находился на грани распада. Неожиданно оживились элементы «партийного плюрализма», а именно Объединенная крестьянская партия и социал-демократы (особенно первые), а также некоторые деятели ПОРП, в первую очередь входившие до 1948 г. в Польскую социалистическую партию (ППС) и отправленные Берутом на обочину (такие как Эдвард Осубка-Моравский, премьер в 1944–1947 гг.). В сентябре массовый характер приобрело выступление крестьян против колхозов («продуктовых кооперативов»). В ежегодном паломничестве на Ясную Гору приняло участие не менее полумиллиона верующих, а стоящее на возвышении пустое кресло напоминало собравшимся толпам, что примас Польши все еще находится в заключении.

Руководство ПОРП, что называется, на ощупь искало способы уменьшить недовольство. Тюрьмы передали из ведения МВД в ведение Министерства юстиции, разрешили направляемые за границу письма опускать в обычные почтовые ящики, а не сдавать их в определенные почтовые отделения, а в Сейме шли споры о роли... Сейма, что было очень вовремя: в ноябре должны были состояться очередные выборы. Выдвигались также инициативы, которые в то время засекречивались. Например, Политбюро постановило обратиться в Кремль с просьбой отозвать советских советников, работавших в аппарате безопасности, а также передать в полную юрисдикцию Польши порт Свиноустье, который полностью находился в ведении советского Балтийского флота. На повестке дня стояла также проблема советских офицеров, которые продолжали занимать почти все ключевые посты в Войске Польском. Эти вопросы передал в Москве непосредственно Охав, который задержался там ненадолго по дороге в Пекин (11 сентября) и на обратном пути (18 сентября).

Охав вспоминал, что во время его пребывания в Китае «ни на минуту не отпустил нас советский посол... и где только можно проталкивался» к нему, что затрудняло даже разговоры с хозяевами¹¹. Было ясно, что Советы не доверяли польской правящей верхушке не только, как нам кажется, по идеологическим причинам, но и потому, что считали, что она не владеет ситуацией. Спустя год Хрущев напрямую заявил Гомулке: «...как пришел Охав, так все испортил»¹². Тогдашний советник советского посольства в Варшаве Ю.В. Бернов вспоминал, что Охав должен был в Москве говорить о Гомулке, которому он собирался предложить членство в ЦК и должность вице-премьера¹³. В любом случае после того как Гомулке был вручен партбилет, его достаточно часто посещали не только члены партийного истеблишмента разного ранга (в том числе члены Политбюро) и давние товарищи (такие как Гжегож Корчинский, один из немногих, кто и в тюрьме не отрекся от «Веслава»), но также и представители советского посольства, хотя среди них не было посла Пантелеймона Пономаренко.

Безусловно, это было беспокойное время для кремлевской элиты, так как не только в ней самой шли — более или менее завуалированные — споры и внутренняя борьба, но и на местах возникали социальные и этнические беспорядки, по-

скольку среди молодой интеллигенции стало давать знать о себе будущее поколение «шестидесятников», которое в действительности никогда прямо не угрожало власти, но создавало условия, затрудняющие ей (власти) жизнь. Не было покоя и за рубежом. Когда поддерживаемый Москвой президент Египта Насер инициировал Суэцкий кризис, быстро стало нарастать напряжение на Ближнем Востоке. С конца июля вырисовывалась угроза дестабилизации в Венгрии, где неожиданно ушел с поста партийного лидера Матиас Ракоши, который до тех пор был деятелем номер один. Подобно тому как это было в Польше, интеллектуальные сообщества в Венгрии усиливали натиск на партию, добиваясь либерализации; в дискуссиях появлялось имя Имре Надя, бывшего премьера, недавно исключенного из партии. На состоявшиеся 6 октября похороны Ласло Райка, расстрелянного в 1949 г. и ставшего одной из первых коммунистических жертв центральной европейской «большой чистки», пришло несколько сот тысяч человек, и мероприятие превратилось по сути в антиправительственную демонстрацию.

Политический кризис в Польше явно нарастал, но в течение определенного времени без внешних последствий, хотя очевидно, что заинтересованность ситуацией становилась, в том числе и на Западе, все более интенсивной. Советские дипломаты в Польше продолжали посылать критические записки, но, как утверждает Анджей Скшипек, сам посол «советовал руководству КПСС предоставить делам развиваться самостоятельно и временно воздержаться от предоставления рекомендаций»¹⁴. Естественно, в публикациях того времени и в известных документах недостает упоминаний о какой-либо повышенной заинтересованности в ходе событий на Висле со стороны советских лидеров и чиновников из ЦК, не говоря уже о намерениях предпринять в связи с этими событиями какие бы то ни было действия. Хотя мы не можем сказать, ограничивало ли посольство сбор информации, передавало ли польским переговорщикам сигналы, тем не менее представляется вероятным, что (подобно аппарату ЦК и советскому руководству) посольство содействовало скорее «хамам», которые считались определенно просоветскими, в отличие от «евреев», «либерализм» которых не мог нравиться в Москве. В начале октября еще ничто не указывало на то, что Кремль особо обеспокоен польскими делами, хотя в течение сентября Хрущеву поступили как минимум два доклада о «нездоровых» тенденциях в Польше и усиливающейся «клеветнической антисоветской кампании»¹⁵. Однако на заседании Президиума ЦК КПСС, которое состоялось 4 октября, обсуждались только польские претензии в отношении угля, заявление об отзыве советников КГБ, которое было одобрено¹⁶; также было признано, что не следует публично делать выводы из депеш, которые прислал советник посольства П. П. Турпитко и в которых в очередной раз остро критиковалась польская пресса (особенно еженедельник «По prostu»), а также делегация советских журналистов, позитивно отзывавшихся о польских коллегах¹⁷. Очевидно, заседание проходило без особых эмоций, хотя все эти вопросы должны были рассердить Советы. Вероятно, предполагалось, что выдвижение польских претензий следовало из тактики группы Охаба, которая стремилась к тому, чтобы успокоить антисоветские настроения. Можно предположить, что не вызвала особо живого интереса и информация о заседаниях польского Политбюро 8–10 октября. На этих заседаниях было решено (в том числе ввиду «недостаточного единства в Политбюро» и, принимая во вни-

мание «усиление антисоветских настроений», а также все еще нерешенные проблемы угля и присутствия советских офицеров)¹⁸ созвать заседание ЦК. Возможно, Москва еще не замечала, что кризис в Польше вступает в финальную фазу. Нам ничего не известно о реакции Хрущева и его коллег на такой важный факт, как появление на очередном заседании Политбюро (12 октября) Гомулки. Еще недавно бывший заключенный выступил на нем с относительно развернутым докладом, входя уже в роль первого секретаря. На этом заседании было решено ввести в ЦК Гомулку и двух его близких соратников — Зенона Клишко и генерала Мариана Спыхальского, который за полгода до этого был освобожден из тюрьмы. На очередном заседании (15 октября, снова с участием Гомулки) был *de facto* отклонен подготовленный Охабом доклад на пленуме ЦК, что сопровождалось острой дискуссией. Переломным моментом стало заседание 17 октября. На нем было решено, что все Политбюро подаст в отставку, пленум ЦК изберет новый состав Политбюро из 9 человек, а Гомулка станет первым секретарем ЦК. В перерыве между заседаниями комиссия из четырех человек (Циранкевич, Охаб, Гомулка, Завадский) подготовила проект состава Политбюро и Секретариата ЦК. Среди кандидатур недовоставало нескольких наиболее видных «твердолобов», поддерживаемых Москвой, — Франчишка Мазура, Франчишка Новака, Владислава Двораковского и Зенона Новака. Однако больше всего задело Хрущева и его коллег и вызвало их тревогу отсутствие в списке маршала Рокоссовского. Более того, в тот же самый вечер предлагаемый состав обеих высших инстанций был разослан всем членам ЦК, а это означало, что его довели до всеобщего сведения, поскольку ни один здравомыслящий не сомневался, что тотчас же произойдет «утечка».

Рокоссовский лично «пожаловался» Москве и сделал это, вероятно, в паникерском и даже истерическом тоне. Находясь рядом с Хрущевым, он должен был внушать ему, что «пулавяне» привлекли Гомулку, хотят взять власть в свои руки и что это грозит выходом Польши из Варшавского договора. Хрущев тотчас позвонил Охабу и предложил, чтобы заседание ЦК было отложено до приезда в Варшаву специальной делегации ЦК КПСС. Охаб ответил, что делегация, разумеется, может приехать, но... после заседания. Хрущев позже признался, что у него сдали нервы. Возможно, поэтому он посоветовал маршалу Жукову привести в состояние готовности советские части, расположенные в Польше, а также Балтийский флот¹⁹. На следующий день на неформальном совещании нескольких членов Президиума ЦК КПСС было решено, что делегация, причем на высшем уровне — Хрущев, Молотов, Каганович и Микоян, — несмотря ни на что, немедленно отправится в Варшаву. Сам первый секретарь ЦК сначала прибыл в Брест, где провел совещание с командующими трех граничащих с Польшей военных округов (Прибалтийского, Белорусского и Прикарпатского), тогда как маршал И. С. Конев, главнокомандующий войсками стран — участниц Варшавского договора, издал приказ о выходе из казарм и начале движения в направлении Варшавы обеим расквартированным в Польше дивизиям сухопутных войск (из Западного Поморья и из Нижней Силезии). Более того, в направлении Гданьской бухты выдвинулось несколько кораблей Балтийского флота. В тот же день по приказу начальника Генерального штаба Войска Польского, советского генерала Ежи Бордзиловского небольшие польские части прибыли в Варшаву, а также расположились в ее окрестностях²⁰. Все указы-

вает на то, что передвижения советских войск не означали начала интервенции, а должны были прежде всего быть средством оказания давления на польское руководство, хотя факт, что они добрались до центра Польши (достигнув окрестностей Влоцлавка и Лодзи), значительно улучшил их оперативное расположение на случай начала действий. До сих пор неизвестно, имел ли советский штаб на тот момент готовый план вооруженного вмешательства, но это представляется маловероятным.

Утром 19 октября, за несколько часов до планируемого начала заседания ЦК, в варшавском аэропорту приземлился сначала самолет из Москвы с частью делегации, а сразу же за ним — самолет из Бреста, на котором прилетел Хрущев. Начался день, который создал легенду о «польском Октябре» и надолго сделал из Гомулки национального героя масштаба Пилсудского, поскольку восклицание Хрущева в адрес Охаба: «Этот номер вам не пройдет!»²¹, стало часто используемым символом отношения Большого брата к привислинскому вассалу. Ход польско-советских переговоров, вокруг которых циркулировало много слухов и мифов, стал известен недавно благодаря публикации развернутых записей, которые делал уже известный нам Ян Дзержинский²². Это были одни из самых странных переговоров между польскими и советскими коммунистами начиная с 1944 г., когда первые выступали уже в роли «государственных деятелей». Хрущев сразу изложил советскую позицию относительно планируемых изменений в составе польского руководства: «Мы не можем этого допустить, и, если вы поставите нас перед свершившимися фактами, мы будем вынуждены вмешаться»²³. Можно сказать — не вникая в подробности, которые, впрочем, весьма захватывающи, — что таким был обычный тон переговоров с советской стороны, дополняемый, кроме всего, обвинениями относительно антисоветских выступлений в Польше и в самой ПОРП (а также в партийной прессе) и подчеркиванием роли Советского Союза в обеспечении «независимости и нерушимости границ» Польши, тогда как «реваншисты Западной Германии становятся все более дерзкими». Ход переговоров, возможно, неплохо проиллюстрирует следующий диалог:

Гомулка: «... если договоримся...»

Хрущев: «А если не договоримся?»

Гомулка: «Вы допускаете такую возможность?»

Хрущев: «Да, допускаю, если вы будете вести дела так, как до сих пор. Вопрос очень важный. Вы должны сделать выводы».

Гомулка: «Вы тоже должны сделать выводы и не вмешиваться в наши дела».

Хотя выступали почти все²⁴ и во многих выступлениях хватало острых формулировок, это было по сути столкновение Гомулки и Хрущева — двух политиков, обладавших сильными личностными качествами, авторитарными чертами, импульсивных и уверенных в своей правоте. Невозможно, конечно, определить, насколько их личные качества повлияли на результат переговоров 19 октября и насколько они влияли на дальнейший ход событий в польско-советских отношениях. Впрочем, это тема для отдельного изучения. Так или иначе, столкновение завершилось успехом Гомулки: Хрущев отдал распоряжение о приостановке движения войск (правда, только приостановке, а не о возвращении в казармы), было утверждено совместное, ничего не говорящее заявление («заседание проходило в атмосфере

партийной и дружеской откровенности»); ничего не добившись в вопросе, для решения которого советская делегация прибыла в Варшаву, она в ночь с 19 на 20 октября улетела в Москву.

Однако на этом польско-советская «холодная война» — так, наверное, можно назвать состояние взаимоотношений Польши и Советского Союза в то время — не закончилась, и поэтому преувеличенным кажется вывод Скшипка, который пишет, что «в ночь с 19 на 20 октября Хрущев и Гомулка создали в истории коммунистической системы факт, имевший необратимые последствия, аналогичный тому, который в истории императора с Папой Римским создало примирение Григория VII с Генрихом IV в Каноссе»²⁵. Проба сил продолжалась еще несколько дней. Вскоре после возвращения делегации в Москву состоялось заседание Президиума ЦК КПСС (при участии главы КГБ Ивана Серова), во время которого было признано, что ключом к дальнейшим действиям будет судьба Рокоссовского: «если Рокоссовский останется [членом Политбюро и министром], нужно будет в течение какого-то времени выждать»²⁶. Одновременно было решено пригласить в Москву руководителей Чехословакии, Венгрии, Румынии, ГДР и Болгарии, а в Пекин отправить представителя ЦК для передачи информации китайским руководителям. Это означало консультирование союзников перед принятием некоего важного решения или даже принятие во внимание возможности их участия в его реализации. Стоит обратить внимание на тот факт, что на этом же заседании возникла проблема Венгрии, куда было решено направить Микояна, хотя новости из Будапешта еще не вызывали тревоги. Вероятно, советское руководство все еще сомневалось, как адекватно ответить на ситуацию в Польше. Президиум предложил два варианта: «влиять и присматриваться к событиям [в Польше]» либо «пойти путем вмешательства». Был немного изменен состав приглашаемых «братских партий» — место Румынии занял Китай. Но уже в этот день, вероятно, на второй, вечерней сессии заседания тон обсуждения изменился. Секретарь, ведущий протокол, зафиксировал: Хрущев заявил, что, «принимая во внимание обстоятельства, следует отказаться от вооруженного вмешательства [и] проявить терпение», тогда как Молотов отметил, что «в [политике] ПОРП произошли изменения»²⁷. По правде говоря, эти высказывания, на первый взгляд, не соответствуют тому, что 21 октября после обеда произошло в Варшаве в конце заседания ЦК: во время выборов Политбюро из зала была выдвинута кандидатура Рокоссовского, который при тайном голосовании получил 23 голоса из 75 и с треском провалился²⁸, что было оскорблением не только для него, но и для Кремля. На наш взгляд, этот результат указывал на то, что большинство членов ЦК либо было способно пойти на риск конфронтации с Москвой, либо просто продемонстрировало лояльность по отношению к Гомулке.

В результате Хрущев позвонил, чтобы поздравить нового первого секретаря, и нет свидетельств, что во время этого разговора он перешагнул нормы дипломатического протокола, а члены Президиума даже согласились вернуться в Варшаву, чтобы польская сторона предложила решение проблемы офицеров: «мы согласны даже [их] отозвать», — записано в протоколе. Сдержанность не покидала Советы, что выражалось, например, в решении не публиковать речь Гомулки и подготовить письмо в партийные организации КПСС, разъясняющее ситуацию в Польше. Не отказались также от встречи с «братскими руководителями», но китайцев пригла-

сили отдельно. Европейские гости, естественно, не были довольны тем, что произошло в Варшаве, но они не выражали протеста против решения Москвы. Подобным образом повел себя Лю Шаоци, причем Пекин уже ранее через советского посла информировал Хрущева, что он против вмешательства в дела Польши. Сигналы от Мао Цзэдуна определенно поступали в Кремль, но на основании исследований того времени невозможно по существу проверить тезис, что Китай «спас Польшу»²⁹, поскольку мы не знаем, насколько Советы считались с Пекином. Возможно, такое же важное влияние имела нарастающая дестабилизация в Венгрии, а с 23 октября, когда в Будапеште дошло до применения оружия против демонстрантов, венгерский вопрос стал доминировать и в течение нескольких дней полностью вытеснил с повестки дня Президиума ЦК КПСС польские события. В свете развития ситуации на Дунае неудивительно, что уже практически без возражений был проглочен отзыв 24 октября Рокоссовского с поста министра («в связи с утратой авторитета»). В тот же день Гомулка добился большого триумфа на митинге населения Варшавы, который собрал несколько сот тысяч человек, певших новому руководителю традиционную торжественную песню «Сто лет!»³⁰. Можно было надеяться, что Польша находится на пути к стабилизации.

В тот момент кризис в сущности уже закончился, подтверждением чего был тот факт, что 1 ноября Хрущев на тайной встрече в Бресте предупредил польского лидера о плане интервенции в Венгрию. Хотя в Польше еще в течение определенного времени продолжались волнения, имевшие, по крайней мере частично, антисоветскую основу (например, инциденты в Щецине), взаимные контакты продвигались достаточно быстро в экономической области и по вопросам, которые могли дать повод к каким-то конфликтам. В середине ноября по итогам официального визита польского руководства (во главе с Гомулкой) был урегулирован или согласован порядок переговоров по большинству экономических вопросов (железнодорожные, финансовые расчеты, проблемы угля, репараций, военная продукция и стратегические инвестиции на территории Польши, репатриация польских граждан и др.). 17 декабря было подписано соглашение о статусе советских войск, расположенных в Польше (в том числе о платежах, невмешательстве во внутренние дела и созыве постоянной смешанной комиссии). Позже было подписано репатриационное соглашение, по которому в Польшу приехало около 225 тыс. человек. В конце концов, Советы, не переставая жаловаться, приняли «польскую специфику», прежде всего индивидуальное сельское хозяйство и полную автономию католической церкви.

Невозможно даже перечислить последовавшие далее инициативы, соглашения и визиты (в том числе на высшем уровне). Однако следует отметить, что взаимное недоверие так никогда и не было преодолено, а Хрущев привык импульсивно, иногда не выбирая выражений, критиковать польских коммунистических политиков, а также достаточно непосредственно — и даже грубо — выражал свое мнение по более общим проблемам. Во время уже упоминавшегося визита Гомулки на Черноморское побережье в конце лета 1957 г. Хрущев, например, не побоялся заявить, что «со всеми странами у нас хорошие отношения, только с Польшей отношения складываются все хуже», или: «вы плюете на нас и одновременно требуете от нас помощи», или: «всех сторонников Советского Союза вы разогнали, а на их место

выдвигаете врагов, разных евреев и прочих»³¹. Автор не знаком с записями или протоколами встреч Хрущева с другими коммунистическими руководителями и не может оценить, всегда ли одинаково он вел себя и любил всех «облаять» или придерживался такой позиции только в отношениях с поляками. Однако следует отметить, что при этом он был абсолютно искренен, и, может быть, это было доказательством определенного доверия: говорить такие вещи и таким образом — и притом без всякого намерения разорвать отношения. Можно себе представить, что взрывной Гомулка с трудом переносил тирады Хрущева, но у него не было другого выхода, поскольку он почти все время просил у него помощи в экономических вопросах. Однако мы ничего не можем сказать о том, что Хрущев плел какие бы то ни было интриги против Гомулки и пытался «выбить его из седла». Вероятно, ему чужды были эти мысли, тем более что польский руководитель был в действительности прагматиком, однако потихоньку «закручивал гайки» и постепенно исключал из руководства ПОРП «евреев и прочих».

Но когда Польша оказалась действительно в трудной ситуации, советские лидеры — правда, уже другие, из команды Брежнева, преемника Хрущева, — направили Гомулке *coupe de grace*: вечером 18 декабря 1970 г. советский посол в Варшаве вручил в польском Белом доме письмо Президиума ЦК КПСС, в котором выражалось пожелание, чтобы кризис был урегулирован политическими средствами. Это означало вотум недоверия в отношении первого секретаря, который несколькими днями ранее отдал распоряжение о применении силы, и в лучшем случае отсутствие заинтересованности в том, что кто-то может сменить Гомулку на этом посту. В определенном смысле история завершила круг: как интронизация, так и снятие Гомулки были осуществлены при участии Москвы.

Насколько мы можем судить, вопросы польско-советских отношений и события в Польше в 1956 г. не вызывают большого интереса у российских историков. Правда, например, Р. Г. Пихоя в своей работе по истории послевоенного Советского Союза посвящает им несколько страниц³², но систематически занимается ими только уже цитировавшийся Александр Орехов. Как нам представляется, в принципе эпизод 1956 г. не рассматривается как предмет спора между польскими и российскими историками и ни в одном из этих государств не выносятся на публичные форумы. Советское руководство использовало давление на польских товарищей и даже «демонстрацию силы» (18–19 октября); в свою очередь в Польше антисоветские настроения были очень сильны, но в конечном счете компромисс был достигнут и напряжение мирно сведено на нет. В итоге не появился предмет спора и не была однозначно указана сторона, ответственная за действия, повлекшие насилие и разрушение, поскольку таковых в действительности не было. Так это выглядит в историографии, в реальной же истории осенью 1956 г. имел место, возможно, самый острый польско-советский конфликт за все послевоенное время.

¹ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 114.

² Хрущев Н. С. Время, люди, власть. М., 1999. Т. 3. С. 574. Естественно, подобные слухи были в Польше очень распространены (см.: Machciewicz P. Polski rok 1956. Warszawa, 1993. S. 42–50), но представляется, что спустя неполных два дня после события они не могли еще достичь Москвы.

³ Protokoly z VI i VII Plenum KC PZPR z 1956 r. / Red. W. Władyka, W. Janowski. Warszawa, 2007. S. 33.

⁴ Ibid. S. 39, 41 (в этой публикации все выступление Хрущева приводится на русском языке).

⁵ Лазенки — дворцово-парковый ансамбль XVIII в. в Варшаве. — *Прим. пер.*

⁶ О реакции населения см.: *Machciewicz P.* Op. cit. S.18–36.

⁷ Ibid. S. 37.

⁸ Подробно об этом пишет в нескольких статьях Александр Орехов; см., в частности: *Oriechow A.* Polska w 1956 r. widziana z Kremla i Placu Starego // *Polski Październik 1956 w polityce światowej* / Red. J. Rowiński. Warszawa, 2006. S. 43–47, 52–55.

⁹ *Skrzypek A.* Mechanizmy autonomii. Stosunki polsko-radzieckie 1956–1965. Pułtusk; Warszawa, 2005. S. 60.

¹⁰ Национальный праздник возрождения Польши — самый важный праздник в ПНР; отмечался в честь подписания Манифеста Польского комитета национального освобождения (ПКНО) в 1944 г. и возрождения Польши после Второй мировой войны. — *Прим. пер.*

¹¹ *Torańska T.* Oni. Warszawa, 2004. S. 87. (Вскоре эти переговоры должны были принести плоды.)

¹² *Nieznana rozmowa Władysława Gomułki z Nikitą S.Chruszczowem* / Opr. A. Werblan // *Dziś*. 1993. Nr 5. S. 83.

¹³ *Бернов Ю. В.* Записки дипломата. В стране белого орла. М., 1995. С. 45.

¹⁴ *Skrzypek A.* Op.cit. S. 71. Позже посла критиковали за неправильную оценку ситуации.

¹⁵ *Oriechow A.* Op. cit. S. 60–61.

¹⁶ Материалы по этим вопросам представлены на заседании; см.: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 423–453.

¹⁷ Там же см. очень краткие протоколы этого заседания (Т. 1. С. 168–170), текст депеш Турпитко (Т. 2. С. 449–453), полемику руководства делегации в связи с депешами (Т. 2. С. 453–455).

¹⁸ *Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970* / opr. A. Dudek, A. Kochański, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 189.

¹⁹ *Oriechow A.* Op. cit. S. 75.

²⁰ Подробнее см.: *Persak K.* Kryzys stosunków polsko-radzieckich w 1956 r. // *Polska 1944/45–1989. Studia i materiały*. Т. 3. Warszawa, 1997. S. 28–29; *Łoś R.* Polska — ZSRR. 1956. 1999. S. 64–65. Как было подсчитано позже, ущерб, причиненный советскими танковыми и моторизованными колоннами, составил ок. 52 млн злотых (см.: *Persak K.* Op. cit. S. 28).

²¹ *Centrum władzy...* S. 216 (эти слова привел Гомулка на заседании Политбюро).

²² Оригинал опубликован А. М. Ореховым (см.: *Славянский альманах*. 2007. М., 2008. С. 460–509), польский перевод — А. Вербляном (см.: *Werblan A.* Sprzeciw Gomułki wobec dyktatu Kremla. Rozmowy w Belwederze w październiku “56” // *Dziś*. Nr 9. 2008. S. 162–189; Nr 10. S. 5–25). До этого ход переговоров был известен только по немногим сообщениям, а также по кратким записям Гомулки и Завадского.

²³ Все цитаты предоставлены в соответствии с польским изданием записей Дзержинского.

²⁴ Можно добавить, что польская делегация была разделена и разные мнения (хотя не по всем вопросам) выражали Рокоссовский и Завадский. После одного из выступлений последнего Хрущев закричал: «Мы слышим голос большевика!»

²⁵ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 90. Достаточно убедительным доказательством преувеличения этого утверждения служит тот факт, что в 1968 г. в отношении к Дубчеку преемник Хрущева повел себя иначе.

²⁶ Президиум ЦК... Т. 1. С. 173.

²⁷ Там же. С. 175.

²⁸ Вдобавок резко критикуемый Советами и ненавидимый «натолинцами» Ежи Моравский получил 56 голосов, в то время как другой неприятный для Москвы кандидат Станислав Мальвин был избран в состав Секретариата ЦК 68 голосами.

²⁹ Этот тезис выдвигал в том числе А. Верблан (см.: *Werblan A.* Czy Chińczycy uratowali Polskę? // *Polityka*. 26.X.1991). Тем не менее Политбюро ПОРП еще в октябре благодарило Пекин за слова поддержки.

³⁰ Однако следует отметить, что, несмотря на призывы Гомулки к спокойствию («возвращаемся к труду»), после митинга многотысячные группы пытались пробиться к советскому посольству с откровенно враждебными криками (если не намерениями).

³¹ «*Nieznana rozmowa...*». S. 82.

³² *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 155–158.

9

ДОРОГА К СВОБОДЕ

А. В. Воробьев, А. В. Шубин (Россия)

Е. Помяновский (Польша)

Всякие рассуждения об интеллектуальном влиянии Польши и поляков на Россию и русских (как, впрочем, и наоборот, ибо речь может идти только о взаимности влияний друг на друга двух блестящих культур и великих народов) имеют смысл, как нам кажется, на более широком, нежели только послевоенный, историческом фоне. В последние годы об этой исторической близости и о русско-польском взаимовлиянии упоминается редко, по крайней мере в публичной информационной сфере. Конечно, цивилизационные различия между нами были всегда не только существенны, но разнонаправлены. Тем не менее именно на пограничье различных этносов нередко возникали и возникают особо уникальные культурные явления и процессы. И русско-польская история хранит тому десятки и сотни подтверждений: фамилий, событий, артефактов. С сожалением следовало бы признать, что мы знаем и помним об этом сегодня хуже, нежели в течение двух, условно говоря, социалистических поколений, и гораздо хуже, нежели в межвоенное двадцатилетие, не говоря уже о временах совсем почти былинных.

Почему? Это другой вопрос. Но не из этого ли взаимного незнания и непонимания рождается низкое качество и поверхностный характер политической публицистики, занимающейся проблемами двусторонних отношений? «Старая гвардия» даже во взаимных претензиях с литературной и философской точек зрения звучала и выразительнее, и основательнее. Чеслав Милош, никаких политических сентиментов не испытывавший по отношению к России, оставил сочные воспоминания о России. Русский язык, пишет Милош в «Rodzinnej Europie», «притягивал поляков и высвобождал в них славянскую половину души. В языке было все, чему вообще стоило у России учиться. А вместе с языком учились и самоиронии»¹. Сегодня этого, увы, нет. Иногда создается впечатление, что те, кто претерпел в исторических катаклизмах XX в., прошел через ГУЛАГ, лучше относится к России и понимает ее, чем некоторые польские воспитанники недавнего комсомола или выпускники престижных европейских университетов. В. Ярузельский однажды в начале 1980-х годов, возвращаясь с офицерского кладбища в Повонзках, где только

что похоронили одного из его близких соратников-костюшковцев, обронил фразу: «Вот, сегодня мы попросились с Вацеком, а я вспоминаю, как в 1942 г. в Сибири завернул своего отца, как собаку, в газету “Правда”»². Но ненавистником России генерал никогда не был.

Россия всегда притягивала поляков, как притягивала к себе Европу, относившуюся к нам с двойственными чувствами. В этом смысле она была, есть и останется, по меткому выражению одного современного философа, «подсознанием Запада». Но и русское отношение к Европе, частью которой Польша всегда оставалась, даже если входила в состав Российской империи, сформулировано давно и при этом далеко не западниками: «Знаете ли, господа, как дорога нам... Европа...? Европа — это страшная и святая вещь» — признание принадлежит Ф. М. Достоевскому, одному из «столпов» славянофильского течения отечественной мысли³.

В России многие прошли увлечение Польшей. Для кого-то она была первым шагом на пути к европейским идеям и образцам, для кого-то, наоборот, началом к более глубокому осознанию самоценности России. Один из авторов этих строк еще в двадцатилетнем возрасте, научившись читать по-польски, даже в польских переводах Б. Окуджавы услышал параллельные смыслы и задумался. Между известными авторскими строчками: «...а все-таки жаль, иногда над победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед» и их польским прочтением — «высятся пьедесталы, на которых уж нет никого» (*góroją cokoty, na których nie stoi już nikt*) — звучала очевидная разница.

Думается, что именно эта разница во многом обуславливала наш вечный и глубоко взаимный интерес друг к другу, частью которого были и взаимовлечение, и взаимовлияние интеллектуального диссидентства в обеих странах.

Само собой на ум приходит и то обстоятельство, что понятие «диссидент», «диссидентское движение» пришло в русский мир из Польши. Под влиянием современных СМИ, утопая в информационных потоках, первоначальный смысл этого понятия нами давно утерян, тем не менее о том, что так в Польше называли всех православных, несогласных с интенсивными попытками сделать из них католиков, русская память не забывает. Вполне вероятно, что «отягощенные» таким историческим образом диссидентства, в России даже к самому термину, вновь введенному в употребление в 1960-е годы для обозначения представителей интеллектуальных течений, оппозиционных официальной социалистической доктрине, относились с предубеждением. Большинство жителей СССР информацией о деятельности диссидентов совершенно не интересовалось, несмотря на все усилия радио «Свобода» и множества диссидентских изданий — незаметных в миллионных тиражах официальной литературы.

Для понимания проблемы необходимо ясно себе представлять, что диссидентство в СССР (в отличие от польского) изначально зародилось и развивалось как органическая часть советского социализма. Иначе и не могло быть после победоносной войны — Великой и Отечественной. До сих пор российское современное общество и современные российские политические элиты во многом формируются под влиянием трагедии 1941 г. и победного мая 1945-го. Что же говорить о советском военном поколении, поколении послевоенном и их потомках... В первое послевоенное десятилетие в стране господствовали такие настроения, что всякого, ста-

вившего под сомнение официальную идеологию, могли совершенно искренне считать предателем. Поэтому диссидентство в СССР как явление своим появлением обязано Н. С. Хрущеву, своим «секретным» докладом на XX съезде КПСС нанесяшим первый серьезный удар по почти монолитному идейному единству советского общества. Отныне можно было критиковать социализм — тот старый, сталинский, дохрущевский. Критиковать, конечно, с целью совершенствования системы и укрепления ее позиций в глобальном соревновании. Начало, однако, было положено. К тому же потрясение от XX съезда КПСС у многих советских граждан серьезно усилилось впечатлениями от событий того же года в Польше и Венгрии.

На редкость иллюстративными представляются в этой связи воспоминания большой группы советских диссидентов и политзаключенных, записанные Т. Косиновой в 1992–1994 гг. в рамках совместной программы НИЦ «Мемориал» и Восточного архива в Варшаве под названием «Диалог. Польско-советские диссидентские и культурные связи и взаимовлияния 1950–1980-х гг.».

«Все, что происходило тогда в Польше, — отмечает, в частности, Б. Пустынцев, — было невероятно интересно. Это казалось началом трансформации большевистского режима... Польша всегда была оплотом оппозиции русскому режиму — и до большевизма, и после. А после 1956 г. Польша воспринималась как островок если не свободы, то полусвободы. Не политической — политические различия между нашим режимом и польским были незначительны, по сути это было одно и то же. Но атмосфера в обществе, этот вольный дух, присущий Польше, заражали и притягивали»⁴. Впрочем, Б. Пустынцев сам признает себя «белой вороной» среди своих коллег, ориентированных, по его словам, «на прогрессивную модель социализма». М. Чешков, бывший в середине 1950-х годов аспирантом экономического факультета МГУ, замечал, что «в отличие от нашей любви к марксистской теории, умения разбираться в основных догмах поляки старались отстраняться от этого, как бы не принимали такого теоретизирования всерьез»⁵. Это — косвенное свидетельство того, что социалистические идеи весьма крепко сидели в основной массе инакомыслящих российских умов, более того — даже в 1960-е годы среди советских ревизионистов сохранялось святое убеждение в том, что они владеют марксистской теорией и методологией гораздо искуснее восточноевропейских коллег. Но преимущество поляков было в другом: ни в 1956-м, ни позднее они никогда открыто не оспаривали марксистских канонов, а как бы отодвигали их на второй план — «не столь уж это важно» — и нередко излагали другие трактовки и идеи — конечно, западные. Надо признать, что после 1956 г. развитие общественных наук в Польше происходило быстрыми темпами, становясь для многих обществоведов в СССР не моделью, конечно, но важным источником работы.

Восстание в Будапеште своими катастрофичностью и размахом в какой-то мере заслоняло польские события. Польша тем не менее оставалась нам ближе и, думается, остается ближе, ибо у нас есть общее прошлое, общий исторический опыт. Но тут и возникает проблема: многие и сегодня оценивают состояние российско-польских отношений через призму этого исторического опыта. Хорошо, что сегодня исследователи в России могут при желании учитывать большее разнообразие исторических позиций и оценок. Но в 1956 г. в жизнь входило поколение, которое прекрасно знало об отношении к полякам Герцена и Чернышевского, социал-де-

мократов и даже меньшевиков, но могло ничего не ведать об оценках Достоевского или Каткова. Для таких, как Л. Краснопевцев и Н. Обушенков (арестованных в 1957 г. по делу «участников антисоветской группы из числа преподавателей и студентов МГУ, связанных с польскими реакционерами»), естественным со школьной скамьи была эмоциональная поддержка польского освободительного движения, союзнические отношения с польской оппозицией, благодарная память о том, что поляки вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с царизмом. Это все — в традиции русской интеллигенции демократической ориентации, последователями которой считали себя многие советские диссиденты. Вопиющее противоречие между демократическими убеждениями и государственными интересами не раз уже в русской истории приводило Россию к катастрофам, мелким и крупным. На этом противоречии зиждется странное, на первый взгляд, противопоставление «демократического» Ленина «тоталитарному» Сталину (в 2009 г., как и в 1956-м, как ни парадоксально), странное, ибо масштабное уничтожение населения России в ходе революции и гражданской войны, по крайней мере, не меньше числа жертв репрессий 1930-х годов. На этом же противоречии основано и сопоставление Ленина с герценовской традицией (слава богу, только в диссидентских дискуссиях 1950-х и 1960-х годов). Пересаженное на советскую почву, это противоречие привело к тому, что с советским «социализмом» зачастую боролись совершенно советские люди (как еще в 1987 г. говаривал М. Горбачев: «мы все — советские люди»). И «социализм» в СССР разрушался под лозунгом: «Больше социализма!» Сегодня, даже если подобные нюансы и всплывают в памяти, то никого это не удивляет. А жаль, потому что за пределами научного интереса остаются не только технологии социальной перестройки 1980-х годов, но и такие проблемы, как переформатирование партийно-политических элит, их встраивание в новые общественно-политические и финансово-экономические структуры, и не только в СССР, но и в большинстве стран советского блока.

Совершенно очевидно между тем, что демонтаж коммунизма и созданной на этой идеологической основе системной советской государственности вовсе не является заслугой советского диссидентства. Во всяком случае, не более чем заслугой декабристов является ликвидация монархии Романовых в 1917 г. Но подобно тому, как «декабристы разбудили Герцена», диссиденты сыграли огромную роль в изменении вектора политического мышления советских элит и — отчасти — советского общества. В немалой степени, кстати, благодаря «самиздату» и эмигрантской литературе («тамиздату»), способствовавших даже формированию иного языка! Лауреат многих литературных премий, эмигрировавший в свое время в Румынию, В. Ерну в своей книге «Рожденный в СССР» тонко подметил, что советский диссидент был «продуктом коллаборационизма между советскостью и антисоветскостью», а диссидентство — это «творчество, своего рода общий язык, поддерживаемый **обеими сторонами**»⁶. Многие архивные дела по инакомыслящим в России по-прежнему крайне труднодоступны (только в силу того, что многие из диссидентов или, во всяком случае их родственники, еще живы). Со временем ситуация изменится и, быть может, криптозадачи той, **другой**, стороны в российской истории XX в., станут более очевидными.

В Польше, надо признать, иной политический язык и, следовательно, альтернативное политическое мышление не приходилось создавать. Эта альтернатива

существовала всегда — в польской эмиграции в Европе. Единственной проблемой было донести ее до поляков на берегах Вислы. Эта задача была решена практически сразу по окончании Второй мировой войны, когда в 1946 г. появился журнал «Культура», по словам Н. Горбаневской — «лучший в мире эмигрантский журнал». Вокруг этого издания собрались виднейшие представители польской интеллектуальной элиты, и понятно, почему в самой Польше парижская «Культура» считалась важнейшим изданием польской мысли второй половины XX в. Здесь печатались такие выдающиеся деятели польской культуры, как Ч. Милош и В. Гомбрович, Е. Стемпковский и М. Хласко, А. Бобковский и К. Еленьский. И нельзя не отметить, что связи журнала с Россией, с русскими литераторами — и самиздатовскими, и с эмиграцией — поддерживались создателями издания с самого начала. Но, конечно, душой и разумом издания более полувека оставался основатель «Культуры», замечательный польский интеллектуал Е. Гедройц, уроженец (а *propos*) Минска и ученик (а *propos*) одной из московских гимназий. Нет в этой жизни ничего случайного: взаимоотношения с соседями на Востоке, их прошлое и будущее всегда были в центре внимания «Культуры», и именно Е. Гедройц, по-видимому, был первым поляком, призвавшим своих соотечественников забыть обиды 1939 г. ...

Парижской «Культурой» вскормлены, по крайней мере, два поколения польских интеллектуалов, но само ее существование было своеобразной школой и для альтернативной мысли в России. Не случайно, вспоминает Н. Горбаневская, когда В. Максимов пришел за советом к А. Солженицыну, заявив, что намеревается делать журнал, но не очередной для русской эмиграции (таковых в Европе было и есть предостаточно), а некое издание, которое смогло бы объединить всю эмиграцию, то Солженицын ему прямо ответил: «Идите в “Культуру”, — они вас научат»⁷. Так начинался крупнейший журнал русской эмиграции 1970-х годов «Континент». Название, кстати, предложил сам А. Солженицын, не исключено, считает Т. Максимова, как Континент противостояния коммунистическому Архипелагу. Ведь вокруг него должны были собраться авторы со всей Восточной Европы. Но первыми и тут были поляки, ибо В. Максимов, следуя совету Солженицына, обратился с просьбой о содействии в организации нового издания к Е. Гедройцу, Ю. Чапскому и Г. Херлинг-Грудзинскому. Все трое, не раздумывая, стали членами редколлегии «Континента» и оставались там до самого конца, хотя, поговаривают, завидовали финансовой мощи «Континента», пользовавшегося поддержкой шпрингеровского издательского концерна.

Идейное влияние «Культуры» на максимовский «Континент» очевидно, хотя и не так заметно — по сравнению, например, с той ролью, которую этот журнал сыграл в формировании польской внешнеполитической идеологии после 1989 г. Мифология так называемых «кресов», определявшая не только стратегические концепции восточной политики лондонского правительства в изгнании, но и внешнеполитические взгляды влиятельных польских интеллектуалов, на сегодняшний день трансформировалась в сентиментальные воспоминания. Независимость Украины, Белоруссии и Литвы не ставится под сомнение польским политическим истеблишментом, даже крайне правым, ибо не противоречит польским государственным интересам: новая геополитическая ситуация в Восточной Европе после 1991 г. дает

нашим польским соседям возможности реализовывать в регионе другие концептуальные проекты, памятные с 1920-х годов...

Идеологию независимости Украины, как и других советских республик, максимовский «Континент» принял и даже пытался пропагандировать. Это, однако, никак не повлияло на взгляды политических элит внутри СССР на проблему. Причины этого в 1970-е годы очевидны. Что же касается 1980-х, то решение о «цивилизованном разводе» было принято политическими элитами России, Белоруссии и Украины отнюдь не из соображений, формулировавшихся эмигрантскими журналами. Показательно, что никакого влияния на реализацию принятых элитами решений не смог оказать даже А. Солженицын, противостоявший «разводу» с собственными концепциями «обустройства России».

Значение эмигрантских и диссидентских изданий, остававшихся в значительной степени элитарными, в 1980-е годы окончательно сошло на нет в результате появления «Солидарности», бросившей вызов не только властям в странах социалистического блока, но и всей старой оппозиции.

Л. Алексеева вспоминает, что в конце 1970-х годов «ядро московских правозащитников составляли зачинатели этого движения, рассматривавшие его как чисто нравственное противостояние, не имеющее каких-либо политических целей, в том числе целей вербовки сторонников. Они не ставили перед собой и цели расширения движения, распространения его на другие социальные слои, как это имело место в Польше, а когда это произошло само собой, без их усилий, не оценили этого и отшатнулись от чужаков». В этом — ключевое различие диссидентов и следующего поколения оппозиции — политических неформалов 1980-х годов.

Именно под влиянием «Солидарности» в СССР появляются молодежные группы инакомыслящих, которые начинают искать возможности использования польского опыта 1980—1981 гг. В отличие от классических правозащитников они были откровенно идеологически окрашенными и напоминали подпольщиков второй половины 1950-х годов, ориентировавшихся на польский и венгерский опыт 1956 г. Одна из групп начала 1980-х имела характерное название «Марксистская общественная группа 68—80».

В декабре 1980 г. редакторы самиздатовских журналов объявили о создании «Свободного культурного профсоюза», и хотя опыт не удался, это был важный симптом: движение стремилось выйти на новые слои населения.

Справедливости ради нужно отметить, что попытки создания независимых профсоюзов предпринимались в СССР и до «Солидарности». В январе 1978 г. В. Клебанов, уже «отсидевший» в психбольнице за попытку создать группу по контролю за условиями труда, вновь попытался зарегистрировать легальную и лояльную властям Ассоциацию свободного профсоюза защиты рабочих. Клебанов был арестован, а профсоюз, куда записалось около 200 относительно лояльных граждан, тут же распался. Затем 28 декабря 1978 г. Л. Агаповой, Л. Волохонским, В. Новодворской, В. Сквирским и др. было провозглашено Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ).

СМОТ, ставший первым диссидентским «хождением в народ», не преуспел в своей деятельности, но был симптоматичен для властей — инакомыслие не желало

оставаться в узкой нише, отведенной для него системой. «Целью СМОТа было оказание правовой, моральной и материальной помощи своим членам. Для этого внутри СМОТа намеревались создать “кооперативные” объединения — кассы взаимопомощи, объединения для покупки или аренды домов в загородной местности для совместного пользования, для создания детских садов, где их нет или не хватает, и даже для товарообмена (скажем, посылать из Москвы в другие города чай и сгущенное молоко, имеющееся в Москве, в обмен на свиную тушенку, которая есть в некоторых районах Восточной Сибири, но отсутствует в Москве)», — писала Л. Алексеева.

Однако опыт «Солидарности» заметно радикализовал часть лидеров СМОТа, что предопределило неудачу умеренной части программы. Один из издателей Информбюллетеня СМОТ — единственного реализованного проекта организации, В. Сендеров, объявил себя членом Народно-трудового союза. Крайне радикальные позиции занимала и В. Новодворская. Для таких лидеров «профсоюз» был лишь инструментом для перехода к более активным действиям. Сама В. Новодворская так вспоминает о логике радикальной части основателей «профсоюза»: «Костюшко и Домбровский разбудили КОС-КОР, а КОС-КОР разбудил “Солидарность”. У нас же XX съезд разбудил Булата Окуджаву и Юрия Любимова, они разбудили диссидентов, а диссиденты уже никого не могли растолкать: все спали мертвым сном. Подъем не состоялся. Поэтому вдохновляющая “Деда” [В. Сквирского] идея рабочих профсоюзов, независимых от ВЦСПС, была чисто платонической. Наш СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — был отчаянной попыткой несчастной интеллигенции в порядке стахановской инициативы поднатужиться и произвести из себя еще и рабочее движение»⁸.

Польский опыт оказал воздействие и на «молодых социалистов». В конце 1970-х годов в самиздате появились журналы «нового левого» направления — «Левый поворот» («Социализм и будущее»), который издавал Б. Кагарлицкий, и «Варианты», издание которого было организовано кружком знакомых, сложившимся еще в университетские годы. В него входили А. Фадин, П. Кудюкин, М. Ривкин, В. Чернецкий, Ю. Хавкин, И. Кондрашев. Идеологический спектр изданий был относительно широк — от правой социал-демократии до еврокоммунизма, хотя левосоциалистическая тенденция была доминирующей. П. Кудюкин определяет свои взгляды того времени так: «левая социал-демократия с элементами революционной социал-демократии. Для нас с Фадиным западное общество не воспринималось как что-то изолированное, оно было тесно связано с Третьим миром. В этом отношении наша революционность была направлена как против СССР, так и против Запада, который имеет свои тупики, эволюционным путем не разрешимые. Хотя революция не связывалась для нас с насилием. Здесь была несомненная параллель с западными “новыми левыми”. Мы признавали, что в СССР кризис может привести к разрушительному, насильственному взрыву. Мы стремились к тому, чтобы советская империя заменилась неким содружеством, чтобы возникла многосекторная экономика с государственным, самоуправленческим и частным секторами, переход к гибким формам воздействия на экономику — индикативному планированию, экономическая демократия, свободные профсоюзы, политическая демократия в западном смысле и развитие прямой демократии на низовом уровне,

возможность простым людям как можно больше участвовать в решении общественных дел». Взгляды Б. Кагарлицкого были несколько левее. «Молодые социалисты», как позднее стали называть издателей этих журналов, сходились на том, что необходимы реформы сверху под давлением снизу, придание социалистической модели большей эффективности и демократизма.

Эти идеи соответствовали официальной линии перестроечного руководства в 1985–1989 гг. Но в 1982 г. тактические планы «молодых социалистов» вызвали опасения руководства КГБ. Они резко критиковали существующий строй, высказывая сомнения в его социалистическом характере, с надеждой следили за событиями в Польше 1980–1981 гг., обсуждая возможности повторения подобного в СССР. В качестве организационного ядра будущей революции они намеревались создать Федерацию демократических сил социалистической ориентации (несколько ранее Революционный коммунистический союз также планировал проведение конференции левых групп). Традиционные диссиденты уже давно не предпринимали попыток создания всесоюзных политических организаций. Не удивительно, что КГБ пошло на разгром «левых». Федерация социалистических общественных клубов будет создана только в 1987 г.

В апреле 1982 г. «молодые социалисты» были арестованы. В донесении В. Федорчука Ю. Андропову (формально уже не руководившему КГБ) говорилось, что арестованные «предпринимали меры к созданию в стране организованного антисоветского подполья в виде так называемой “Федерации демократических сил социалистической ориентации” для активной борьбы с Советской властью, утверждая при этом в одном из “теоретических” документов, что “...коммунизм советского образца — преступление против человека и человечества, а СССР — нравственный застенек миллионов”... Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданнику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой, Скороходову различную антисоветскую литературу для ознакомления»⁹.

Связь «молодых социалистов» с научной интеллигенцией, которая в свою очередь имела «выходы» на придворных «либералов», могла расцениваться КГБ как поощрение последними создания «подрывной» организации по образцу польского КОС-КОРа.

В обстановке «нормализации» 1982–1984 гг. мысль польских и советских оппозиционеров развивалась сходными маршрутами, о чем вспоминает Г. Павловский, один из издателей самиздатского журнала «Поиски»: «Мы с Гефтером и Игруновым искали возможность открыть более широкую реальность. И в это же время польские и чешские диссиденты, Гавел и Михник, развернули дискуссию о компромиссе, позволяющем выйти за пределы изолированной среды. Советский Союз для меня был продуктом компромисса реальной политики и социального идеализма, которым я никак не хотел пожертвовать. Для меня советское общество — это было общество равных. В этом был некий смысл всей остальной политики. Иначе зачем мы этим занимаемся, если исчезает социальное равенство и империя знания, образованности? Ведь источником русского марксизма является, в том числе, и русская классическая литература с ее идеалом справедливости. Это наша идентичность».

Однако новые радикальные группы интерпретировали польский опыт как доказательство возможности массовой революции, которая опрокинет коммунистический режим. В отличие от групп 1950–1970-х годов радикалы середины 1980-х годов сумели дожить до частичного воплощения своих планов в жизнь. Так, будущие создатели известного в перестроечное время клуба «Община», находясь еще в подполье, планировали создать структуру, напоминающую связку КОС-КОР — «Солидарность». Планировалось создать «лекционное общество» (ЛО), через которое агитаторы группы могли бы вести работу с рабочими и служащими. По мере успеха этой работы предполагалось создать Трудовые общественные союзы (ТОСы) и развернуть с их помощью оппозиционную работу по образцу польской «Солидарности» — с демонстрациями, забастовками и т.д. Вся система некоторое время именовалась «Лотос». «Лотосы» должны были создаваться и в других городах страны, в результате чего должна была возникнуть всесоюзная организация. Основываясь на опыте революций в России, Никарагуа и Польше, молодые левые считали, что в ходе первого «натиска» удастся создать систему связей между различными гражданскими движениями и добиться большего уровня свободы, чем до революции. Это позволит затем перегруппироваться в полуподпольных условиях и нанести режиму окончательный удар где-то на грани веков.

Самое удивительное, что тактическая схема 1986 г. была частично осуществлена. Во второй половине 1986 г. был создан дискуссионный клуб и началась агитация. Участники группы работали в официальном обществе «Знание», под прикрытием которого в 1986–1989 гг. провели несколько сот лекций оппозиционного содержания. Союз оппозиционных социалистических политклубов был создан в 1988 г. В 1987 г. началась пропаганда на предприятиях. В 1989 г. установились устойчивые связи с рабочим движением. В 1988–1989 гг. оппозиционное движение, в котором «общинные социалисты» играли одну из ключевых ролей, стало массовым.

С началом горбачевской «перестройки» оппозиционные активисты, ориентировавшиеся на «польский сценарий», целенаправленно искали и быстро нашли друг друга. Первой площадкой, на которой состоялись их первые контакты, стал возникший в 1986 г. «Клуб социальных инициатив», созданный Г. Пельманом и сумевший привлечь к работе Б. Кагарлицкого. Кагарлицкий так вспоминал о сотрудничестве с Пельманом: «В это время мы не осознавали, насколько по-разному смотрим на проблему. Оба хотели, чтобы была какая-то точка общения, которая способна приманивать людей определенного типа и создать более широкую общественную среду, открытую на границе легальности и нелегальности. Это позволило бы затягивать и “статусную интеллигенцию” типа академика Заславской, и “люмпен интеллигенцию”, вытесненную из официальной системы, вроде меня. В итоге я хотел создать что-то вроде польского КОС-КОРа, чтобы выйти на широкие массы — уже не чисто интеллигентские. Статусная интеллигенция может собрать людей легально, а мы — взять на себя организационную работу. Параллельно велась работа такого же плана клубом друзей журнала “Эко”, где инициатива исходила как раз от “статусных”. Из этого в 1987 г. выросла “Перестройка”. Я хотел, чтобы это была сеть клубов социальных инициатив, которые не имели бы явной идеологической окраски. Люди должны были перезнакомиться на этом открытом месте. Что и произошло».

В 1987 г. КСИ привлек к своей работе организаторов «Общины», о которых речь шла выше. Участник переговоров между КСИ и «Общиной» А. Исаев вспоминает: «Там мы снова начали излагать свой комсомольский проект [программу оппозиционной агитации под “крышей” дискуссии в ВЛКСМ. — *Авторы*] и были встречены с очень глубоким вниманием. Причем по некоторым репликам было ясно, что присутствующие были настроены очень радикально антикоммунистически. Когда мы упомянули о методах запрета дискуссии, мы услышали: “Ну, понятно, обычное торжество “социалистической демократии”. Меньше всего можно было предположить, что М. Малютин, например, член КПСС. А после некоторых комментариев Б. Кагарлицкого мы решили — это матерое гнездо, организация типа польского КОС-КОР. Мы его быстро нащупали».

КОС-КОР для России стал своего рода лозунгом неформальной самоорганизации и ее перспектив. Но оппозиционные структуры формировались в условиях острой конкуренции, отягощенной прежними расколами, произошедшими еще в доперестроечное время и разведившими оппозиционеров в разные стороны. В результате КОС-КОРы выходили на поверхность общественной жизни один за другим. 21 мая через КСИ «Община» установила контакт с прибалтийским Клубом социально-активных людей (КСАЛ), Заочным социально-политическим клубом и московским клубом «Перестройка». Все они стремились наладить связи с рабочими и имели в своем составе по несколько активистов с предприятий.

Однако развитие событий в 1988 г. показало, что демократическое движение в СССР стало развиваться не по польскому сценарию. Попытки создавать альтернативные профсоюзы предпринимались, но без особого успеха. Более перспективной оказалась организация массовых манифестаций. Тем не менее левая часть неформалов не забывала о важности рабочего движения. Так, в «Независимом вестнике» — первом оппозиционном издании, которое вышло многотысячным тиражом 5 декабря 1988 г., анархо-синдикалистами была помещена статья «Польское дело» о летних стачках 1980 г. в Польше. 18 декабря 1988 г. «общинники» распространили листовку «За нашу и вашу свободу!», посвященную годовщине подавления «Солидарности» в 1981 г.

С началом массовых рабочих выступлений в СССР летом 1989 г. участники «КОС-КОРов» 1987 г. быстро установили связь с лидерами массового рабочего движения. «Общинники», в тот период создавшие Конфедерацию анархо-синдикалистов (КАС), организовали информационный центр рабочего движения, который демонстративно назвали КАС-КОР (по аналогии с КОС-КОР). Несмотря на эпатажный имидж анархизма, рабочие лидеры приняли информационную поддержку левых. Представитель КАС вошел в Совет представителей Конфедерации труда, созданной шахтерами и другими отраслевыми движениями.

Это был венец «польской модели» в советской оппозиции. В дальнейшем маршруты сторонников модели КОС-КОР и рабочего движения стали расходиться. Шахтерские лидеры переориентировались на популистское демократическое движение во главе с Ельциным, которое резко критиковали молодые левяки. КАС-КОР стал сотрудничать не только с новыми профсоюзами, но и с теми профсоюзами системы ВЦСПС, которые начали реформировать свою структуру и освобождаться от

опеки КПСС. В дальнейшем издатели КАС-КОР вошли в редакцию газеты Московской федерации профсоюзов «Солидарность» (в 1990-е годы — орган Федерации независимых профсоюзов России).

Одновременно с реализацией «польской модели» не ослабевало внимание и к положению в Восточной Европе, от которого во многом зависел успех общей борьбы против коммунистического режима. Оппозиционеры в СССР и странах Восточной Европы исходили из тесной взаимосвязи событий по разные стороны границы СССР и по мере сил помогали друг другу. Возможности «народной дипломатии» использовала и дипломатия официальная.

Г. Павловский вспоминает: «Создатель КОС-КОРа Адам Михник приезжал сюда, через Гефтера встретился с Черняевым и высказал предложения по компромиссу. Они были приняты здесь в ЦК, и линия эта осуществлялась, пока после выборов не выяснилось, что за коммунистами в Польше вообще никого нет». Если бы советское руководство осознало, что положение в Восточной Европе является критическим и в любом случае придется уходить оттуда, можно было бы использовать канал «народной дипломатии» для продвижения встречных предложений по компромиссу, которые можно было закрепить в международных соглашениях до неизбежного краха Варшавского блока. Но осознания такой перспективы у Горбачева и тем более его консервативных коллег не было. Так что «народной дипломатией» воспользовалась прежде всего оппозиция в СССР»¹⁰.

Революции 1989 г. воспринимались советской оппозицией с большой симпатией, проводились митинги солидарности с чехословацкими студентами (впрочем — и китайскими студентами тоже). Была взята на вооружение идея «круглого стола», выдвинутая для СССР представителем КАС на гигантском митинге оппозиции в Лужниках в мае 1989 г.

Размах событий в СССР догнал и перегнал масштабы оппозиционного движения в Восточной Европе. Борьба «за нашу и вашу свободу» была выиграна в том понимании, которое вкладывали в этот лозунг борцы с коммунистическим режимом. За социальные права и свободы в эпоху глобализации нашим народам предстояло бороться порознь.

¹ Милош Ч. Россия (глава из книги «Rodzinna Europa») // Старое литературное обозрение. 2001. № 1(277).

² Беседы с Анджеем Залуцким, польским послом в России в 1996–2002 гг. // Из личного архива автора.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1972–1990. Т. 25. С. 197–198

⁴ Косинова Т. События 1956 г. в Польше глазами советских диссидентов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.memo.ru/library/books/KORNI/CHAPTER17.HTM>.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Наринская А. Рай типа сортир // Власть. 2001. № 49(753).

⁷ Горбаневская Н. Кто с кем дружит // Новая Польша. 2006. № 5.

⁸ Новодворская В. И. По ту сторону отчаяния. М., 1993. С. 81.

⁹ Урушадзе Г. Выбранные места из переписки с врагами. Семь дней за кулисами власти. СПб., 1995. С. 239–240.

¹⁰ Подробнее см.: Шубин А. В. Преданная демократия. Перестройка и неформалы. 1986–1989. М., 2005.

Все, что претерпел за послевоенные полвека культурный аспект польско-русских и польско-российских отношений, имеет определенные особенности, которых не найдешь в областях, казалось бы, более важных и сильнее влияющих на повседневную жизнь двух наших обществ — таких как экономика, управление, законодательство или госбезопасность.

Значение культуры повсеместно возросло, ибо в XX в. произошло многократное увеличение информационных ресурсов, потенциально доступных каждому. Благодаря лавинообразному развитию средств обмена информацией — радио, телевидения, Интернета — новости, новостные комментарии и связанные с ними художественные произведения становятся достоянием всего общества. Торможение этого процесса властями (оккупационными и авторитарными) в конечном итоге, несмотря на многочисленные усилия, затраты и репрессии, оказалось безрезультатным.

В Польше у этого процесса была своя специфическая традиция. Двухвековой период разделов лишил поляков влияния на правовые, административные и, как следствие, материальные условия их существования. Тем большее значение приобрела деятельность в области культуры. Отсюда — авторитет и влияние ее представителей, единственный в своем роде культ национальных поэтов, борьба за национальную тематику в официальном просвещении, неутомимость в организации частного и тайного образования, опыт издания и распространения нелегальной печати. Поражение нескольких восстаний лишь повысило значение культуры, которая стала ареной эффективной борьбы за сохранение национального самосознания и, что не менее важно, за общественное развитие, следовавшее вектору западной цивилизации. Шестилетний период немецкой оккупации убедительно подтвердил значение этой традиции. Польская сеть тайных учебных заведений, в том числе высших, огромное количество подпольной периодики, лекций, «домашних» театров и книг, изобилие молодых талантов, которые при этом обнаружили, — все это не имело аналогов в терроризированной Европе.

Спасение и освобождение. Не позволил забыть об этой традиции и постялтинский период. Автор этих строк отнюдь не сторонник достаточно распространенной в Польше формулы: «Конец войны стал для нас заменой одной оккупации на другую». Смеею предположить, что и нам, и российским гражданам более справедливым покажется утверждение: «Поляки были спасены, но не освобождены».

ПНР была государством, зависимым от имперского центра, т.е. от руководства КПСС и ее исполнительных органов — в политическом, юридическом, военном и экономическом отношении. Однако при этом не следует упускать из виду значительной неоднородности этой зависимости в разные периоды и в разных сферах польской жизни. Например, бремя нашей зависимости от российского стратегического сырья неизменно было крайне тяжким и по-прежнему остается проблемой номер один для экономики современной Польши, которая в других областях уже давно обрела суверенитет. В свою очередь сфера культуры даже в прежние времена была, в отличие от вышеупомянутых областей, более открытой, а следовательно, и более знакомой общественному мнению, в том числе иностранному. Она не подвергалась (по крайней мере, в Польше) такому жесткому контролю, а в случае нарушения запретов — таким суровым репрессиям, как другие области. Кроме того,

некоторая свобода в вопросах культуры и искусства должна была служить в ПНР главным доказательством автономии страны.

Итак, невозможно признать историю ПНР «черной дырой» в истории польского государства. Ликвидация неграмотности — далеко не единственная застарелая проблема довоенной Польши, была окончательно решена при социализме; а совместную работу польских ученых с советскими ядерщиками в Дубне никак нельзя назвать обособленным примером плодотворного культурного сотрудничества в первое послевоенное десятилетие, когда репрессии постоянно нарастали.

Парадоксы индоктринации. Между тем именно в области культуры и образования коммунистические власти решили провести операцию, которая была для них важнее, чем система репрессий. Речь идет об индоктринации.

Когда-то она должна была убеждать в необходимости добровольного и совместного построения мира без эксплуатации, насилия, расовых предубеждений, классовых привилегий и, прежде всего, — без страха перед властью. Когда эта операция началась в Польше, все возможности ее проведения мирными средствами были уже исчерпаны. Советская практика успешно скомпрометировала идеи создателей теории коммунизма, и все без исключения попытки его насаждения вели к подобным последствиям. Самым наглядным из них оказалась необходимость применять принуждение и насилие во всех сферах жизни — начиная с экономики и кончая наукой и искусством.

Следует признать, что в ПНР насилие в этих областях применялось лишь эпизодически, а вот принуждение использовалось очень широко. Его орудиями были цензура и требование применять в научной и художественной сфере рекомендуемые властями методы, стили и доктрины. Те, кто не придерживался методов Трофима Лысенко в биологии или социалистического реализма в искусстве, отстранялись от публичной деятельности или были вынуждены участвовать в ней под бременем лжи и страха. В СССР этот принцип последовательно применялся на протяжении длительного времени. В Польше результаты операции были половинчатыми, неустойчивыми, а порой даже парадоксальными.

■ Провозглашенный в 1949 г. принцип социалистического реализма в литературе, музыке и изобразительном искусстве не выдержал оттепели 1956 г. (и был назван «поэтизацией натянутой статистики»).

■ Дорогостоящие фестивали и выступления прекрасно вышколенных (и, как правило, «обмундированных») хоровых и балетных ансамблей из Советского Союза воспринимались как демонстрация силы. Полные залы на них обеспечивались благодаря школам и местным воинским частям.

■ В репертуарах польских театров в обязательном порядке должна была находиться определенная, спущенная сверху доля советских и русских пьес. Благодаря изобретательности режиссеров в Польше получили гораздо большее распространение, чем в СССР, пьесы не Софронова, а, например, Сухово-Кобылина.

■ Принудительное изучение русского языка и литературы в школе (повсеместно расценивавшееся как проявление русификации) привело к тому, что богатейшие культурные традиции православия и русской философии остались в Польше практически неизвестными.

■ Цензура трудилась, не покладая рук, но ее назойливые действия со временем привели к широкому расцвету в ПНР самиздата. Не менее важным было и наличие в Польше легальных, труднодоступных для цензуры анклавов свободы мысли и слова. Эти процессы, о которых еще пойдет речь, были возможны благодаря существованию в Польше двух феноменов — католической Церкви и прослойки, именуемой интеллигенцией.

Церковь как прибежище еретиков режима. Мощь и влияние Церкви, а также ее естественные связи с Западом в единственной стране соцлагеря, где латинскую веру исповедовало большинство жителей, осознавали и в Варшаве, и в Москве. Через крупнейшую страну соцлагеря проходили пути к Эльбе, где двадцать с лишним тяжелооруженных дивизий стояли на границе советской сферы влияния.

Общественное спокойствие в Польше было необходимо Кремлю, вследствие чего предпринимались попытки разделить Церковь (группа «Пакс», движение «священников-патриотов»). Однако, с другой стороны, выдающиеся иерархи — такие как кардинал Сапега или примас Вышинский — лучше, чем их политические противники, использовали перемены в текущей истории для значительного расширения не только влияния Церкви, но и границ, очерченных режимом для польской культуры. «Оттепель» (после XX съезда КПСС) принесла свободу интернированному примасу Вышинскому и позволила вновь вернуть к жизни «Тыгодник повседневный» — газету высокого класса, в которой несколько позже, когда цензура закрыла «слишком либеральные» журналы, могли печататься выдающиеся (и вполне светские) интеллектуалы. Католические издательства — «Знак», доминиканское «В дрозде» — выпускали (даже во времена военного положения) книги писателей, которых запрещалось печатать и цитировать, а также произведения литераторов и философов так называемой Второй России: эмигрантов или приговоренных в СССР к забвению — Розанова, Бердяева, Философова. Под эгидой Церкви были созданы Клубы католической интеллигенции (ККИ) — центры важных художественных мероприятий и научных конференций. Следовательно, в эти переломные десятилетия, еще до избрания кардинала Кароля Войтылы папой, польская Церковь сделала ставку на культурную элиту страны, на связь с интеллигенцией.

Роль интеллигенции. Как в Польше, так и в России эта прослойка играет особую, более важную, чем где бы то ни было, роль. Двухвековая иностранная оккупация в Польше и почти извечная невозможность влияния подданных на решения самодержавной власти в России привели к тому, что даже если отдельные классы, сословия, цехи, религиозные общины и получали возможность высказаться, то только в защиту своих, частных интересов и требований. Состояние государства и перспективы общества зависли от деспотической власти, у которой, однако, не было монополии на верность решений, что становилось все более очевидным благодаря просвещению и развитию средств массовой информации.

В этих условиях в обоих наших обществах рано или поздно должны были появиться люди, не имеющие, а значит, и не защищающие своих частных интересов и привилегий, а с другой стороны, люди сознательные и желающие заботиться о нуждах всего общества. Некоторые называют эту черту заботой о национальных интересах. Однако по сути дела речь идет о вмешательстве в дела, закрепленные за

властью. Именно это обстоятельство, а не действительные или мнимые грехи этой прослойки стало первопричиной многочисленных кампаний, направленных против нее. Кампании эти, как правило, свидетельствуют о росте авторитарных тенденций во властных кругах.

В источниках и печати демократического Запада термин «интеллигенция» обычно употребляется в кавычках, как иностранное понятие — и не без оснований. Граждане западных стран, разумеется, заботятся о своих личных и групповых правах и интересах, но при этом знают, что эти права гарантированы институциональными принципами (Великой хартией вольностей в Великобритании или конституцией США), возникшими в прошлом, чтобы защитить их от самоуправства власти. Ради защиты государства граждане часто бывают способны отказаться от своих индивидуальных или групповых требований — и в результате не испытывают необходимости в отдельной группе мыслящих граждан, заботящихся о судьбах пресловутого общества в целом.

Общества Польши и России долго не имели права вмешиваться в государственные дела и вершить судьбы своих стран. Возможно, именно поэтому групповые, партийные или корпоративные требования чаще всего оказывались у нас важнее интересов общества. «Солидарность» была счастливым исключением из этого пагубного правила и в то же время беспрецедентным явлением в истории наших славных поражений, ибо речь шла не просто о поддержке материальных требований. Своеобразным переломом стал компромисс за «круглым столом», совершившийся благодаря необычайному феномену, которого ждали многие поколения утопистов: рабочий авангард вступил в союз с элитой польской интеллигенции.

Это произошло после полувека поражений и разочарований, в стране, контролируемой чужими войсками и своими правителями, среди отчаянной нищеты, при всеобщем чувстве изоляции. Но, несмотря на все это, именно польский камень обрушил лавину, которая смела и Стену, и решетки.

Участие деятелей культуры и мобилизация критических умов предрешили успех дела в не меньшей мере, чем благоприятное стечение обстоятельств. Советское партийное руководство сдержанно подходило к возможности интервенции в стране восстаний, которую генерал Лебедь назвал «кошмаром России в XIX веке». В свою очередь ПОРП переоценила свои возможности сохранения статус-кво. Однако для того, чтобы оснастить забастовочный пакет рабочих профсоюзных требований политической боеголовкой, необходимо было участие дальнозорких стратегов.

4 июня 1989 г. состоялись парламентские выборы, и падение режима стало свершившимся фактом.

Сопrotивление деятелей культуры. Путь к этому полуфиналу был вовсе не таким прямым, как это могло бы показаться. Он был отмечен множеством серьезных событий военного характера, таких как продолжавшаяся вплоть до 1950-х годов вооруженная борьба крупных партизанских соединений (Варшица, Лупашко, Шарого) с войсками Корпуса внутренней безопасности, кроваво подавленные рабочие восстания в Познани (1956 г.), на Балтийском побережье (1970 г.) и в Радоме (1976 г.), массовые забастовки, среди которых следует выделить события в Лодзи и на Балтийском побережье в 1980 г., которые переросли в почти всеобщую забастовку. Однако сейчас нас интересуют другие акты сопротивления режиму, предприни-

мавшиеся невооруженными авторами, издателями, изготовителями и распространителями нелегальных брошюр, газет и журналов, преподавателями летучих университетов, актерами, читавшими и певшими в церквях и на частных квартирах. Особое место среди них занимают организаторы, писатели, публицисты, дикторы и технические сотрудники редакций и радиостанций, вешавших из-за границы, которые, несмотря на постоянную работу глушилок, затаив дыхание, слушала вся Польша. Важнейшей из них была польская служба радио «Свободная Европа» — особенно в период, когда ею руководил Ян Новак (Здислав Езеранский). Ее слушатели были настоящей армией тихого сопротивления.

Польское интеллигентское сопротивление отличалось, во-первых, невероятным количеством печатных изданий с довольно крупными тиражами, во-вторых, стихийным участием в нем самых выдающихся деятелей культуры и искусства и, в-третьих — эффективностью, т.е. значительным влиянием на общественное мнение. Горстка «очкариков», которая всем этим занималась, как правило, считает 1970—1980-е годы самым интенсивным периодом своей жизни.

Эта группа издавала свыше 2700 наименований информационных и политических газет и журналов, распространявшихся тайно — особенно после введения военного положения. Во Вроцлаве еженедельный бюллетень «Изо дня в день» («Z dnia na dzien») в течение 10 лет вышел 524 раза. Бюллетень «Металлург» («Hutnik») издавался под Краковом 8 лет, вплоть до 1980 г. Белостокская «Солидарность» вышла в 1980—1990 гг. 180 раз, а Гданьская — 229. Общественно-литературный журнал «Критика» («Krytyka») издавался 13 лет подряд, начиная с 1977 г. «Великопольский наблюдатель» («Obserwator wielkopolski») выходил с 1980 до 1990 г. Серьезный журнал книжного формата «Хартия» («Karta»), собиравший и публиковавший ключевые документы как власти, так и подполья, существует по сей день. Важнейшее из всех этих изданий, орган мазовецкой (варшавской) «Солидарности» (*Mazowsze*), начиная с февраля 1982 г. выпустил в течение 8 лет 290 номеров. Его редколлегию возглавляла Хелена Лучиво, а публиковался в нем, в частности, Адам Михник — между двумя отсидками.

Каталог Национальной библиотеки содержит 5500 наименований книг, нелегально изданных в Польше в 1976—1990 гг.

Не бездействовала и новая эмиграция. Солидные позиции занял «Анекс» («Приложение»), основанный Александром Смоляром, а в дальнейшем издававшийся его братом Эугениушем Смоляром и Ниной Смоляр. В Париже Барбара Торунчик издала первые номера популярных и сейчас «Зешитов литератцких» («Литературных тетрадей»). В Лондоне, а затем в Париже выходил католический журнал «Спотканя» («Встречи»).

В Париже вышло 20 номеров ежемесячного журнала «Контакт», которые различными хитроумными способами провозились в Польшу. Его издатель Мирослав Хоецкий основал также студию документальных фильмов, которая сняла, в частности, уникальный фильм о Юзефе Чапском и, что особенно важно, о Ежи Гедройце и его «Культуре».

Роль парижской «Культуры». Весь этот богатый урожай издательских и концептуальных начинаний вырос благодаря духу и мысли Ежи Гедройца, а также основанной им после войны парижской «Культуре». Пример Гедройца и его хладнок-

ровные доводы показали польским интеллигентам силу меткого слова и аргумента — пусть даже одинокого, но уверенного в своей правоте. Убедительным доказательством этого стали упорно предпринимавшиеся в 637 номерах журнала и увенчавшиеся успехом попытки убедить думающих поляков, что Вильнюс и Львов, жемчужины польской культуры, должны принадлежать литовцам и украинцам, чтобы те вернули себе свои древние столицы, а поляки, наконец, обрели в их лице не угнетенные и враждебные меньшинства, а союзников.

Тираж «Культуры» не превышал 7 тыс. экземпляров, но журнал имел неизмеримо большее влияние, ибо был адресован интеллигенции — прослойке, которая, несмотря на все нападки и искушения, пользовалась неподдельным авторитетом в стране. На страницах журнала публиковались произведения самых выдающихся писателей — не только эмигрантских, но и живших в Польше, что устраняло навязанную литературе неизбежность выбора между молчанием и лицемерием. В «Культуре» печатал свои дневники Витольд Гомбрович, затем Густав Герлинг-Грудзинский, в ней увидели свет эссе Ежи Стемповского, в ней же выводили из захолустья польскую публицистику Константы Еленский, Стефан Абнер, Антоний Поспешальский, Леопольд Унгер.

На страницах «Культуры» возник проект демократического будущего Польши, основанный не на грезах, а на расчете — точном, хотя и рискованном, ибо он предлагал свести на нет давление обеих челюстей геополитических тисков, которое не позволяло стране обрести устойчивую независимость. Ежи Гедройц дождался осуществления этого проекта. Выводы из него заранее сделал Юлиуш Меровский, выразитель мыслей Гедройца. Его список принципов польской восточной политики может и должен быть стержнем польской стратегической доктрины, если мы признаем приоритет внешней политики над внутренними дрязгами.

Первый тезис этой концепции сводился к тому, что взаимоотношения с Россией должны быть как можно более дружескими и добрососедскими, но ни в коем случае за счет независимости и жизненных интересов Украины, Литвы и Белоруссии. Ведь причиной многовековых кровавых конфликтов между Россией и Речью Посполитой было обоюдное стремление к господству над этими странами.

Вторым, не менее важным фактором была уверенность, что изменить Россию, ее политику и отношения с соседями могут только сами ее граждане. Никакое вмешательство и давление, никакие поучения здесь недопустимы — разумеется, при условии взаимности, что исключает разглагольствования о гегемонии и сферах влияния.

Оба эти предварительные требования по-прежнему актуальны. Их выполнение зависит не от договоров и деклараций, а от укрепления взаимоуважения в польско-российских отношениях. В свою очередь, взаимоуважение может возникнуть только в результате изменения содержания и формы в области культуры, информации и образования. Здесь мы приближаемся к сути наших размышлений. И прежде всего мы должны констатировать, что положение дел не было и не должно быть безнадежным, если видеть в России не только *pays legal*.

Литература и отношения между обществами. Если официальные взаимоотношения между Россией и Польшей бывали напряженными и все где по-прежнему остаются прохладными, то контакты поляков с русскими подчинялись совсем другим, порой парадоксальным законам — особенно если речь идет об отношениях

интеллигенции двух стран. Не будем вдаваться в исторические экскурсы — вот несколько конкретных фактов из уже рассматривавшихся выше областей.

Когда ПНР была еще уродливым подростком, а цензура — ее усердной компаньонкой, хорошие писатели, не имея возможности издавать собственные книги без мучительного лицемерия, зарабатывали на жизнь переводами. Русская литература оказалась фавориткой не только послушных государственных издательств — ее заново открыли и требовательные читатели. Отчасти это случилось потому, что в предыдущем, XIX столетии патриотам считалось неприличным знать язык захватчика. В результате Достоевского в Польше переводили с... французских переводов. В 1920-е годы переводили прежде всего современных писателей, да и то довольно поверхностно. И вот в 1950-е годы, после появления новых, хороших переводов, люди начали говорить и мечтать о Грушеньке и князе Мышкине (хотя последний, как и сам Федор Михайлович, не выносил поляков). Даже представители консервативной литературы самозабвенно переводили ранее малоизвестные или плохо переведенные на польский язык шедевры русской литературы. Павел Герц прекрасно перевел Муратова, Мария Домбровская взялась за Чехова. В то время как советские советники тайной полиции, некто Вознесенский и Скульбашевский, заправляли варшавской госбезопасностью, русские классики спасали поляков от русофобии.

Когда после смерти Сталина пришла «оттепель», величайшим открытием для читателей и издательств стали не Джойс или Франсуаза Саган, а реабилитированные советские писатели. Ахматовой восхищались не только влюбленные, великодушная Эва Демарчик срывала овации в краковском «Погребке под Баранами» и в парижской «Олимпии», исполняя по-польски песню на стихи Осипа Мандельштама о цыганке, язык варшавской улицы заполнился выражениями из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля. В Польше прошла премьера «Дракона» Евгения Шварца, в то время как в СССР он еще не скоро увидел огни сцены. Похожая ситуация была с романом Ильи Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца», который в конце 1950-х бил в Польше рекорды популярности, а в России оставался неизвестным вплоть до распада СССР.

Тому, чтобы показать полякам «другую Россию», больше всего способствовал Гедройц и его «Институт литераций» («Литературный институт»). Михаил Геллер вел в его журнале постоянную рубрику «Русские заметки». Помимо «Культуры» и «Зешитов литераций» Гедройц издал 541 книгу произведений, недоступных в ПНР по цензурным соображениям. Переводы из русской литературы занимали среди них видное место. Именно в Мезон-Лаффите вышли на польском языке «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом» и «Раковый корпус» Александра Солженицына, публицистика Андрея Сахарова и исторические книги Михаила Геллера. Русские авторы, такие как Андрей Синявский и Юрий Даниэль, посылали свои рукописи на перевод Гедройцу еще до того, как передавали их русским эмигрантским издательствам.

Вдохновением для польской подпольной печати, несомненно, был русский самиздат. Во время военного положения нелегальные публикации приобрели весьма внушительные масштабы. Одно только издательство «НОВА» выпустило и нелегально распространило более 500 произведений русских авторов в польском пере-

воде. Это были книги Ахматовой, Бродского, Бунина, Пильняка, Замятина, Мандельштама, Шаламова, Войновича, Венедикта Ерофеева, Солженицына.

Те, кто повсюду выискивает польскую русофобию, вероятно, скажут: «Да ведь это все пища для элиты» — для той самой узкой прослойки интеллигенции, которую даже демократические ученые, такие как Халасинский, называли «инородным телом, незаконнорожденным потомством шляхты».

В таком случае напомним, что сегодня абсолютное большинство этой интеллигентской польской элиты составляют выходцы из деревни, маленьких городков и рабочих предместий. По крайней мере, эта заслуга — выдвижение интеллигенции из народа — принадлежит эпохе ПНР. Что касается отношения среднестатистических поляков к русским, то с тех пор как русские начали приезжать в Польшу не в мундирах, а в штатском, никто не слышал их жалоб на ксенофобию местного населения.

Взаимное влияние польских и российских деятелей культуры. Описанием российского отклика на польские культурные начинания и препятствий, которые можно преодолеть только совместными силами, займется, вероятно, кто-нибудь из российских исследователей. Однако в этой связи невозможно не коснуться нескольких знаменательных и необычных явлений.

Советские официальные культурные мероприятия были неэффективными в своей пропагандистско-идеологической сфере. Решающую роль здесь сыграл контраст между содержанием пропаганды и фактами, известными полякам по личному опыту. Основной и очевидной функцией фильмов, спектаклей, концертов и большинства современных книг была пропаганда советского строя и его атрибутов, полностью расхопившаяся с польской способностью узнавать (особенно после немецкой оккупации) зловещие признаки нарастающего насилия. Даже люди, уверенные, что большевистская беспощадность является единственным действенным средством против рецидивов фашистской заразы, быстро убедились в том, что лекарство — не лучше болезни. Об этом свидетельствует судьба Тадеуша Боровского, узника Аушвица, одного из величайших талантов послевоенной польской литературы, который покончил жизнь самоубийством после нескольких лет, посвященных защите режима ПНР.

Путь для творческого обмена открыла лишь «оттепель», но настоящие перемены начались благодаря проникновению в СССР тех польских изданий западных книг, музыкальных произведений и сведений о фильмах и спектаклях, которые уже можно было распространять в Польше, в то время как в СССР их русские переводы (и даже упоминание о них) по-прежнему находились под запретом.

Ценным источником информации оказался ежемесячный журнал «Польша». Он подвергался цензуре, но редактировался умно и содержал много интересных материалов — включая обзоры иностранных новинок. Временами его тираж достигал умопомрачительной цифры 350 тыс. экземпляров. Массовый спрос на него кончился после коллапса советского режима: российские окна и уши широко открылись для вестей с Запада, и польская форточка была уже не нужна. Однако у поляков по-прежнему есть причины делиться с русскими своим опытом, мыслями и культурой. Именно поэтому Ежи Гедройц склонил автора этих строк к созданию и редактированию «Новой Польши». Журналу уже 10 лет, и у нас есть два повода

для радости: во-первых, мы зависим только от одной инстанции — читателя, и, во-вторых, пока что «Новая Польша» остается единственным форумом диалога польской и российской интеллигенции. Третью наших авторов — россияне. Очень хотелось бы, чтобы в Польше появился такой же издаваемый по-польски журнал, добросовестно информирующий нашу интеллигенцию о проблемах новой России.

Возвращаясь к временам «оттепели» и деятельности славной когорты шестидесятников, мы будем вынуждены констатировать, что тогда в СССР произошел настоящий взрыв своего рода полнотомии. Иосиф Бродский утверждал: «Нам требовалось окно в Европу, и польский язык такое окно открыл». Этот замечательный поэт прочитал по-польски джойсовского «Улисса» (в переводе Мацея Сломчинского), Фолкнера и даже Пруста. Благодаря знанию польского (который он выучил самостоятельно) Бродский еще в Советском Союзе перевел стихи Вата, Херберта, Кубяка, Стаффа, Харасимовича, Рымкевича, Галчинского и даже Норвида. Уже в США он начал переводить Чеслава Милоша, признал его гениальным поэтом, познакомился с ним лично и, несомненно, содействовал присуждению нашему поэту Нобелевской премии.

Подобных явлений было немало, но произведения «на польскую тему», написанные в застойном СССР, в основном кажутся малозначительными.

Лишь события 1980–1981 гг., а затем военное положение и, наконец, переломные 1989–1991 гг. породили связанные с Польшей русские произведения, написанные без тени принуждения. По вполне понятным причинам все началось с информации и публицистики. Больше всего плодов принесла кампания парижской еженедельной газеты «Русская мысль», редактировавшейся великодушной и бескомпромиссной Ириной Иловайской-Альберти. Наталья Горбаневская описала там всю необыкновенную историю подпольной «Солидарности» — ее статьи, вышедшие впоследствии отдельной книгой, носили характер не столько хроники, сколько идейной декларации. Велики и заслуги московского журнала «Иностранная литература», а в нем — таких знатоков польской культуры как Ксения Старосельская, Андрей Ермонский, Асар Эппель.

Еще до этого Александр Галич написал свою «Балладу о вечном огне», а уже в свободной России были опубликованы полные польских мотивов стихи Бориса Слуцкого, Иосифа Бродского, Владимира Британишского. Впервые российские писатели смогли затронуть тему Катюши или секретных протоколов к пакту Риббентропа—Молотова. В свою очередь публикации выдающихся польских репортеров, таких как Рышард Капустинский, Мариуш Вильк, Войцех Ягельский, Кристина Курчаб-Редлих, Вацлав Радзивиневич или Мартин Войцеховский, свидетельствуют о том, что интерес поляков к современной России растет независимо от изменений политического климата.

Время прошедшее — время будущее. Разговор об этих немногих, но важных вопросах еще не закончен. Его мешают вести традиции коммунистической пропаганды и навыки мышления, укорененные в периоде 40-летнего советского господства на всей территории соцлагеря. Да, из-за этого господства у поляков выросло желание отгородиться от России и ее влияния, избрать путь антагонизма, который всегда может возобладать в настроениях покоренной страны. Но это не единственная польская традиция: в 1830 г. польские повстанцы начертали на своих знаменах сло-

ва: «За нашу и вашу свободу», беспрецедентные в истории борьбы покоренных народов с завоевателями. Их потомки в постантинской Польше (отметим это без всякой гордыни) тоже обращали свою неприязнь, разочарование, враждебность не против русских, но, как правило, против навязанного им строя и большевистских порядков. Следует подчеркнуть *sine ira et studio*, что даже в многочисленных органах подпольной печати, упомянутых в этой статье, а также в польской литературе трудно найти рассуждения враждебные или, тем более, оскорбительные для русских как народа — словом, исполненные русофобии.

К сожалению, использование этого слова стало опознавательным знаком ксенофобских и шовинистических тенденций, которые ширятся среди крепнущих российских экстремистов как правого, так и левого толка и потому стали проблемой для правительства Российской Федерации (см. отчет Левада-Центра, опубликованный в октябре 2008 г. и прокомментированный в журнале «Новое время» от 16 марта 2009 г.). Представителей этих тенденций легко узнать по их отношению к предмету наших размышлений. До недавнего времени каждый период экономических и политических расхождений между Россией и ЕС или НАТО сопровождался их нападениями на Польшу, которую они избрали дежурным врагом России.

Даже установленные факты (такие как записка Берии и резолюция Сталина от 5 марта 1940 г. по катынскому делу или осуждение 16 руководителей Польского подпольного государства за измену... СССР) подвергали сомнению представители черной или красной сотни. Примером может послужить то, что написал Станислав Куняев в своем сочинении «Шляхта и мы» — карикатуре на историю российско-польских отношений. Готов биться об заклад, что в польской печати или прозе не найдется ни одной фразы о России, написанной в подобном тоне. Не помогла и аргументированная полемика, которую пытались вести на страницах «Новой Польши» независимые специалисты. Упомянем в этой связи напечатанную в «Новой Польше» статью профессора Анджея Новака «Десять вопросов [к российским историкам]» о судьбах красноармейцев, попавших в польский плен в 1920 г., которая до сих пор остается без ответа.

Замалчивание подобных проблем долгое время делало невозможным искренний разговор между россиянами и поляками. Между тем разговор этот необходим и может вестись без затруднений, принимая во внимание, что исторические камни преткновения по сути дела устранены, а влиятельная интеллектуальная элита двух наших стран была и остается заповедником взаимной симпатии и общих традиций. В эту элиту входят испытанные кадры — специалисты и таланты, способные плодотворно сотрудничать в области культуры. Область эта даже в периоды политической напряженности не была невозделанной целиной. То, что в ней происходит, достойно постоянной и мощной политической поддержки с обеих сторон. Именно это мы и пытались доказать.

Заключительные замечания. Вышеописанные случаи, политические обстоятельства и их последствия позволяют сделать выводы, которые мы сведем к нескольким простым констатациям:

■ Прилагавшиеся в период существования соцлагеря официальные усилия по использованию территории, ресурсов и кадров культуры для укрепления политической дисциплины и пропаганды «единственно верных идей», как прави-

ло, приводили к результатам, обратным ожидаемым. Причиной этого была не врожденная русофобия поляков и не тоска по довоенным порядкам, но очевидное расхождение между провозглашавшимися тезисами и действительностью. Фальшь особенно бросалась в глаза, когда в СМИ и в школах описывалась история недавней войны и польского движения сопротивления. В России эта ситуация до сих пор не изменилась.

■ Однако интерес к российской культуре и ее богатству не ослаб — во многом благодаря интенсивному и все более углублявшемуся развитию неформальных связей с деятелями независимой культуры, которых в СССР едва терпели. Пастернак, Окуджава, Высоцкий, Галич, Максимов, Сахаров, Солженицын не позволили гражданам ПНР пренебрегать Россией.

■ Особую роль сыграли влиятельные польские эмигрантские СМИ. Гедройцевская «Культура» и радио «Свободная Европа» никогда не опускались до выпадов против русских, подчеркивая разницу между советскими порядками, государственным насилием и русским народом, его мыслящей элитой. Произведения русских писателей и историков, публиковавшиеся парижским «Институтом либерацким», напоминали полякам о существовании иной России, вызывавшей не страх, а уважение.

■ Позиция польской Церкви — особенно во времена понтификата Иоанна Павла II и благодаря его знаменательным словам о «двух легких» христианства — способствовала важному перелому в исследованиях и публикациях, посвященных духовной жизни России и той части ее традиции, которую заглушала советская пропаганда.

■ Оплотом и основой стихийного культурного обмена была интеллигенция обеих стран. Доказательством может послужить популярность в СССР польского языка, журнала «Польша» и польских деятелей культуры — Брыльской, Демарчик, Ольбрыхского, Вайды, Занусси. Подобные явления были характерны и для Польши. После перелома и распада соцлагеря не уменьшились тиражи книг Ерофеева, Пелевина, Акунина, Довлатова, Бабея, Цветаевой, Солженицына или классиков XIX в. Польские театры отнюдь не избегают российской драматургии. «Новая Польша» и ее сайт стали полем свободного польско-российского диалога.

■ Все перечисленные обстоятельства ясно указывают направление действий. Не рассчитывая на массовый отклик и немедленные результаты, нужно укреплять и углублять связи польской и российской интеллигенции как прослойки, влияющей на общественное мнение, и поддерживать традиционный в России интерес к обмену мыслями и опытом с западным соседом.

■ В международной политической жизни столкновение интересов и конфликты неизбежны. Тщетны надежды на то, что польско-российские отношения будут от них свободны. Задача политиков — не загонять противоречия под ковер, но искать цивилизованные каналы и пути их взаимоприемлемого решения. Роль культуры и науки приобретает здесь особое значение. Это не только сфера художественных экспериментов и исследований, но и поле столкновения политических идей и концепций, часто противоположных по своей природе. Противоречия эти касаются не только теоретических вопросов, но и текущих экономических интересов и политических планов. Для того, чтобы избежать столкновения этих против-

речий, необходимо просто сделать их предметом дискуссии экспертов, до того как ими займется исполнительная власть, т.е. политики. Пока этот принцип применяют только страны Евросоюза (именно для воплощения в жизнь подобных принципов ЕС и возник). Нынешний момент требует подобного институционального решения и в российско-польских отношениях, чтобы очистить поле этих отношений от окаменелостей и не допустить, чтобы оно заросло сорняками.

■ Среди этих сорняков следует выделить явления совершенно необъяснимые — например, хранение в России сокровищ польской культуры, вывезенных в конце войны, таких как Библиотека Залуских, отцов польского Просвещения XVIII в. Доступ к ней польских исследователей затруднен, хотя книжный фонд библиотеки находится в Санкт-Петербурге, столице российского Просвещения.

■ Не менее важно всеми возможными способами сохранять и расширять связи с теми кругами российского общества, которые могут быть заинтересованы в обмене не только экспонатами и товарами, но и возникшими в Польше идеями. Сотрудничество неправительственных организаций, творческих объединений, вузов, институтов и научных обществ уже не подлежит официальному контролю и не должно носить официального характера. Этот беспрецедентный шанс надо немедленно использовать. Именно таким образом можно прокладывать путь к пониманию российскими массами польских аргументов и устремлений — независимо от флуктуаций межгосударственных отношений.

10

СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО И ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ в 1981 г.

И. С. Яжборовская (Россия)

А. Пачковский (Польша)

События 1980–1981 гг. были проявлением очередного социально-экономического и политического конфликта в истории ПНР, в том числе следствием неудачной попытки руководства ПОРП во главе с первым секретарем ЦК Э. Гереком модернизировать экономику страны при помощи крупных западных займов и покупки новых технологий. Этот конфликт вылился в кризис «реального социализма»¹. Так называемая понижательная волна «длинных волн» кондратьевских циклов мировой конъюнктуры 70-х годов, когда мировая экономика оказалась на спаде, в Польше способствовала углублению кризиса, который разрушал изнутри систему стимулов экономического роста и препятствовал научно-техническому прогрессу, усиливал неспособность административно-командной экономики справляться с вызовами времени и обрекал ее на упадок². Кризис сковывал политическое развитие и ослаблял связи власти с обществом, что порождало все более острые противоречия и конфликты, сопровождавшиеся массовыми выступлениями трудящихся. В начале 1980-х годов выражением очередного социально-политического конфликта стало многомиллионное протестное движение «Солидарность», самоидентифицировавшееся как «независимый профсоюз».

В июле 1980 г. несколько краткосрочных забастовок в Люблине в связи с повышением цен на мясо и мясные продукты оставались вне поля зрения советского руководства, которое еще не воспринимало их как симптом разгоравшегося масштабного протестного движения трудящихся³. Тревожным сигналом для него стал неожиданный отъезд 15 августа 1980 г. отдыхавшего в Крыму Герека в Варшаву: накануне на гданьской судовой верфи вспыхнула забастовка 16-тысячного коллектива. С расширением массовых забастовок на Балтийском побережье и созданием очагов самоорганизации трудящихся — ячеек «независимых профсоюзов» — быстро разгорался политический конфликт. Получаемая в Москве информация свидетельствовала о распространении «антисоциалистических» настроений: поисках основной причины кризисных явлений, роста экономических трудностей и снижения жизненного уровня населения в характере функционирования власти — в отчуж-

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

дении партийного руководства и всей партии от народа, в бюрократизации и обогащении ее актива, в отказе от демократизации внутрипартийной жизни и проведения рыночных реформ.

В начале 20-х чисел августа генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев направил Э. Гереку письмо об озабоченности советского руководства по поводу разворачивавшихся в Польше событий. Согласно сформулированной Брежневым в ноябре 1968 г. на V съезде ПОРП и основанной на опыте чехословацкой «пражской весны» концепции, которая получила с подачи западных политиков название «доктрины Брежнева», или «доктрины ограниченного суверенитета», Кремль руководствовался следующей установкой: «Когда враждебные социализму внешние и внутренние силы пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом, это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран»⁴. Принятие этой доктрины было важным фактором поддержания единства социалистического содружества, расширения роли СССР вплоть до права осуществлять вмешательство, в том числе военное, во внутренние дела своих союзников по Варшавскому договору (ОВД), не допуская их выхода из него. Советская внешнеполитическая доктрина основывалась на положении, что акции разной степени интенсивности «на основе пролетарского интернационализма», в том числе подавление «антисоциалистических» и «антисоветских» выступлений при использовании военного механизма стран ОВД, являются долгом Советского Союза. Вместе с тем эта доктрина включала и следование принципу мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела других стран, мирного урегулирования международных споров. В результате возникало несоответствие этих принципов — «укоренялось как бы противоречие между классовым и государственным подходом»⁵.

События в Польше были восприняты советским руководством как угроза существованию социализма, «социалистического содружества», прочности ОВД и стабильности в Европе. Эта самая крупная страна Центрально-Восточной Европы с самой большой после советской армией ОВД занимала в «социалистическом содружестве» ключевое геополитическое положение, имела особое политическое и военно-стратегическое значение. Через нее проходили жизненно важные коммуникации, связывавшие Москву с Группой советских войск в Германии, — она была мостом, соединявшим Советский Союз с ГДР. В Польше находилось советское ядерное оружие. Она обеспечивала контроль над Чехословакией и Венгрией. Балтийское побережье являлось связующим звеном в действиях союзных флотов СССР, ГДР и Польши.

Когда встал вопрос о выработке советской линии в отношении польской ситуации, в основу была положена «доктрина Брежнева» в преломлении к этим событиям. Брежнев в телефонном разговоре, предполагая традиционный силовой вариант, предупредил Герека: «У тебя контра, надо взять за морду, мы поможем»⁶. Уже 25 августа 1980 г., заслушав информацию Брежнева о складывавшейся в Польше обстановке, Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «К вопросу о положении в Польской Народной Республике»⁷. Согласно советской геополитической

доктрине господствовала установка «нам нельзя терять Польшу». Была образована специальная строго секретная комиссия ЦК КПСС по Польше во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК М. А. Сусловым — так называемая «комиссия Суслова» (после его смерти в 1982 г. ее возглавил М. С. Горбачев). В состав комиссии вошли крупнейшие партийно-государственные деятели: А. А. Громыко, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, М. В. Зимянин, И. В. Архипов, Л. М. Замятин и О. Б. Рахманин. В задачи комиссии входило отслеживание ситуации и выработка предложений о необходимых мерах со стороны СССР как гаранта нерушимости социалистического лагеря, с особой ответственностью за сохранение Польши в ОВД. Комиссия работала в постоянном режиме. Практическую работу в ней вел в качестве секретаря первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран Рахманин. Рекомендации комиссии были основанием для принятия решений руководства КПСС⁸. Отныне ситуация в Польше сначала ежемесячно, а затем и чаще (в январе 1981 г. — уже четыре раза, а в апреле того же года — даже пять раз) занимала существенное место в повестке дня заседаний Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Теперь Брежнев нередко начинал день с вопроса: «Как там дела в Польше?» По мере нарастания напряженности Андропов все чаще (на основании опыта подавления событий в Венгрии в 1956 г.) требовал докладов по ВЧ от представителя КГБ в Польше генерала В. Павлова, который звонил ему по несколько раз в день.

Массированное введение с территории СССР в Польшу советских войск для подавления «контрреволюции» не исключалось. Уже 28 августа председатель и члены комиссии Суслов, Громыко, Андропов, Устинов и Черненко в записке на имя Брежнева просили на следующий день привести в полную боевую готовность три танковые и одну мотострелковую дивизию «на случай оказания военной помощи ПНР», призвать из запаса 100 тыс. военнообязанных и мобилизовать из народного хозяйства 15 тыс. машин. При дальнейшем обострении обстановки предполагалось доукомплектовать до состояния военного времени дивизии нескольких округов, а при выступлении на стороне «контрреволюционных сил» «основных сил Войска Польского» увеличить группировку еще на 5–7 дивизий. Брежнев, который во время событий 1968 г. в Чехословакии не торопился с подписанием аналогичного распоряжения о введении войск, и на этот раз сказал «повременим». Против еще одной обременяющей экономику военной операции, помимо афганской, был и начальник Генерального штаба Советской армии маршал Н. В. Огарков⁹.

31 августа 1980 г. в органе ЦК КПСС «Правде» была опубликована установочная статья «Происки врагов социалистической Польши» за подписью «А. Петров» (так подписывались статьи, одобренные Политбюро). В ней возникновение «Солидарности» объявлялось делом рук «подрывных сил» в лице Комитета защиты рабочих и спецслужб Запада¹⁰. Любой компромисс с подобными силами, по мнению советского руководства, заведомо был исключен.

Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 3 сентября и прилагаемые к нему тезисы для беседы с представителями польского руководства отразили резко негативную реакцию советского партийно-государственного руководства на развитие событий «антисоциалистической направленности» в Польше — на возникновение и действия «Солидарности», а также на динамику ситуации в ПОРП. Вначале

польскому руководству было предложено, чтобы члены партии начали работу внутри «Солидарности», полагая, что эту фазу конфликта таким образом можно будет свести на нет. Однако он только обострялся. Чтобы содействовать его ослаблению, к границам были стянуты советские войска.

В поведении Герека просматривались растерянность, стремление выждать. Советское руководство сделало ставку на нового первого секретаря — С. Каню, который в 1970-е годы как секретарь ЦК курировал МВД, спецслужбы и армию. На пленуме ЦК ПОРП 5 сентября он заменил Герека. Приглашенным в Москву членам руководства ПОРП М. Ягельскому (10 сентября) и А. Вербляну (17 сентября) во время инструктивных бесед Брежнева и Сулова по поводу средств и методов преодоления кризиса рекомендовалось готовить контрнаступление, «при необходимости использовать взвешенные административные средства», осуществлять «по государственной линии необходимые меры по укреплению социалистического правопорядка, а также энергично воздействовать на настроения населения при помощи идеологических методов, дабы не позволить скомпрометировать “реальный социализм”, стимулировать брожение в других странах “содружества” и подорвать его политическую систему»¹¹. Политика ПОРП оценивалась как уступки контрреволюции. Особенное беспокойство в Москве вызывали подписанные в Гданьске, Щецине и Ястшембе-Здруй соглашения представителей партийного руководства с «Солидарностью», которые оценивались как легализация «антисоциалистической оппозиции», а затем оформление 17 сентября 1980 г. «Солидарности» как общепольской структуры, что ставило под удар «ведущую роль партии в обществе и руководящую в государстве» (именно так звучало польское идеологическое клише). В дальнейшем еще большее раздражение вызывали политические требования установления самоуправляющейся Речи Посполитой, привлечения к ответственности партийных и государственных руководителей, виновных в трудной экономической ситуации в стране, установления демократических прав и свобод и т.д.

Советское руководство неоднократно обсуждало вариант прямого использования военно-политической мощи Советского Союза. Оставшийся на польской территории после окончания Второй мировой войны контингент в 1970-е годы был по просьбе Герека увеличен. Но и вес аргументов против задействования дополнительных советских войск для изменения ситуации в Польше также возрастал. Сложная экономическая ситуация в самом СССР, большие затраты на войну в Афганистане, угроза кровопролития в Польше и введения Западом экономических санкций, усиление брожения в международном коммунистическом движении — все это были весьма серьезные возражения против советского военного вмешательства. В Москве стали формироваться настроения в пользу снятия конфликта и восстановления «ведущей и руководящей роли» партии-государства в Польше польскими же руками — при помощи дискредитации лидеров оппозиции, внедрения в независимые профсоюзы своих людей, одновременно используя как присутствие советских войск на польской территории, так и их концентрацию на советско-польской границе, а также слухи об их введении в ПНР для давления на польское руководство, на «Солидарность», на все польское общество. Тогда же и возникла идея введения военного положения в стране для разгрома «Солидарности». Свою

задачу Кремль видел в том, чтобы убедить руководителей ПНР как можно быстрее задействовать силовые структуры «для наведения порядка в стране».

Руководство ПОРП делало упор на сугубо политические методы разрешения кризиса, надеясь снизить накал ситуации в стране за счет обращения к советскому руководству с просьбой об оказании экономической помощи. Она была предоставлена Польше СССР совместно с другими странами социалистического содружества. Но этим Кania и ограничился, что возмущало Брежнева. Москва выжидала, пока ситуация созреет для силового решения и вынудит польское руководство встать на этот путь.

Начался двусторонний поиск конституционных оснований для такого разрешения конфликта в Польше. По поручению «комиссии Суслова» в Конституции ПНР Отделом ЦК была найдена статья об «угрозе безопасности Польши», которая могла бы стать правовой основой введения военного положения. С этого момента курс Кремля на силовое решение политического конфликта польскими руками становился определяющим¹². На заседании Политбюро ЦК КПСС 29 октября 1980 г., накануне визита в Москву С. Кани и председателя Совета Министров ПНР Ю. Пиньковского, Л. И. Брежнев сформулировал оценку противостояния и рекомендации очень жестко: «В Польше действительно сейчас идет разгул контрреволюции, а в выступлениях польской печати и польских товарищей ничего не говорится об этом, не говорится о врагах народа... Как же это так?» Ссылаясь на опыт Югославии, где против бастующих рабочих применялись репрессивные меры вплоть до тюремного заключения, советские руководители считали необходимым стимулировать применение аналогичных мер в Польше. Генсек сформулировал коренной вопрос: «Может, действительно надо будет ввести военное положение?» Громыко подхватил его мысль, предлагая использовать эту «меру для спасения революционных завоеваний», для чего «направлять на это» и «подкрепить» польское руководство. Маршал Устинов, мысля, как пристало военному, конкретнее и решительнее, обосновал желательную советскую позицию более традиционно: «Если мы не введем военное положение», ситуация станет очень трудной, тем более что в польской армии имеют место колебания. Советская Северная группа войск (СГВ) «у нас подготовлена и находится в полной боевой готовности». Проявляя осторожность, Громыко предлагал вводить военное положение «не сразу» и тем более «не сразу после возвращения Кани и Пиньковского из Москвы, какое-то время подождать...»¹³.

На заседаниях Политбюро появлялись разные тактические варианты решения: польскими силами как предпочтительный и «вооруженной интервенцией отдельно Советского Союза или со странами Варшавского договора в случае крайней необходимости». Прямое советское военное вмешательство в события в Польше все более рассматривалось как потенциальный, нежелательный и вынужденный вариант — если для изменения ситуации в стране не будет другого выхода, как только задействование советских войск¹⁴. Уместно привести и важное свидетельство председателя работавшей в 1990–1992 гг. комиссии Верховного Совета Российской Федерации по передаче архивов КГБ и КПСС для научного и общественного пользования генерала Д. А. Волкогонова, который утверждал, что, согласно этим документам, советское руководство продолжало подготовку введения войск в Польшу¹⁵.

Весь ход заседания Политбюро 29 октября свидетельствовал о том, что курс польского руководства на то, чтобы договориться с умеренной частью «Солидарности», советских руководителей не устраивал. Их раздражала сдержанность польских лидеров, которую секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков характеризовал следующим образом: Кania вообще не приемлет «интернациональной помощи», а «излишне пассивный» министр обороны Ярузельский утверждает, что польские воинские формирования не пойдут против польских рабочих. «Польские товарищи говорят, — констатировал Русаков, — что у них не такое положение, какое было в Венгрии и Чехословакии»¹⁶. То есть в Польше, по их мнению, не настолько обострилась ситуация, чтобы она диктовала необходимость введения военного положения и применения силовых методов — как самими поляками, так и извне. Было решено поставить перед «польскими друзьями» вопрос о «всесторонней помощи» в целях «нормализации» ситуации как гарантии присутствия ПНР в ОВД¹⁷.

Прибывшие на следующий день в Москву Кania и Пиньковский почти неделю приглашались на беседы к Брежневу. Он нацеливал их следующим образом: пока время не упущено, надо немедленно «отбросить контрреволюцию», задействовав государственный аппарат, армию, милицию, органы безопасности, опираться на «здоровые силы в партии и народе», использовать как мирные, так и немирные средства борьбы; советская сторона окажет необходимую поддержку¹⁸. Встречи в Москве и выезды представителей Политбюро и Секретариата ЦК КПСС в Варшаву с последующим проведением ситуационного анализа и оценки позиции польского руководства сопровождались недоуменным рефреном со стороны советского генсека: «...польские товарищи не могут понять той простой истины, что они имеют дело с распоясавшейся контрреволюцией»¹⁹. Андропова особенно возмущало то, что польские руководители вместо строгих военных, административных и судебных мер суют «так называемое “политическое урегулирование”». 31 октября Брежнев демонстрировал разносторонний подход: рекомендовал и «побудить к более решительным действиям», и «приободрить, укрепить их уверенность в своих силах и возможностях», оказать посильную экономическую помощь, «которая позволила бы полякам продержаться в это трудное время»²⁰. Для смягчения кризиса польское руководство продолжало просить экономической помощи. Такую помощь во время встречи с польскими руководителями Брежнев обещал. И согласно постановлению ЦК «Об оказании экономической и финансовой помощи Польше в 1981 г.» от 11 ноября 1980 г. она в первом квартале 1981 г. была выделена.

Приобретая в условиях холодной войны опыт (в том числе силовой) разрешения кризисных ситуаций в Польше и Венгрии в 1956 г., Пражской весны 1968 г., СССР и другие страны социалистического содружества пытались применить его и для разлуливания польской ситуации. Формировался единый подход стран ОВД к польскому кризису. В ноябре 1980 г. в ЦК КПСС обсуждался вариант привлечения по чехословацкому образцу «здоровых сил» в ПОРП и польском народе к самым решительным, неполитическим методам преодоления социально-политического конфликта. Периодически в Москву приглашались на беседы лидеры социалистических стран, особую обеспокоенность которых вызывало возможное выпадение Польши из существующей системы безопасности социалистических стран, они

подключались к давлению на польское руководство. 5 декабря на встрече в Москве они откликнулись на призыв советского руководства быть верными взаимным союзническим обязательствам и не бросать Польшу «на произвол судьбы»²¹. Это позволяло трактовать позицию ОВД двояко — и как заявку на выработку военно-политической организацией социалистических стран плана военной операции по введению войск в Польшу (как эту позицию оценило руководство США на совещании в Белом доме 7 декабря), и как маневр по запугиванию Кани и его окружения участием стран ОВД в интервенции, чтобы вынудить польских руководителей самих пойти на «чрезвычайные меры». Г. Гусак, основываясь на опыте 1968 г., а Я. Кадар — на опыте 1956 г., советовали предпринять энергичные действия. Э. Хонеккер рекомендовал сменить польское руководство и ввести войска²². Брежнев подчеркивал, что в таком «прочтении» намерений вреда не будет. В беседах с польскими руководителями советские руководители сознательно не исключали возможность советского вооруженного вмешательства, чтобы подтолкнуть их к активным действиям. Так, в тот же день, 5 декабря, в личной беседе с Каней Брежнев не исключал советского вооруженного вмешательства: «Если мы увидим, что вас опрокидывают, то мы войдем». Другими словами, если «здоровые силы» будут терпеть поражение, советские войска будут задействованы — как вынужденный вариант. Кани предостерегал, что вооруженная интервенция вызовет резкую реакцию польского общества, вплоть до национального восстания. В воспоминаниях он передал слова Брежнева так: «Хорошо, не войдем. А как будет осложняться, войдем, войдем. Но без тебя не войдем»²³. Польские руководители стремились заверить своих коллег по социалистическому содружеству, что они сами справятся с ситуацией в стране, что необходимости в военном вмешательстве нет. В тот же день на встрече партийных и государственных деятелей стран содружества Ярузельский выступил с заявлением о планируемой ликвидации кризиса в Польше собственными силами по мере снижения напряженности в стране.

Советские руководители все глубже осознавали, что в Польше ситуация была значительно более сложной и противоречивой: с одной стороны, протестное движение трудящихся стало небывало массовым, отсутствовала уверенность «в необходимой лояльности» других польских сил и возможности избежать негативных международных последствий такого шага. В то же время польские руководители заверяли советских: «Польша была, есть и будет социалистическим государством, прочным звеном общей семьи стран социализма»²⁴. Это воспринималось советским руководством скорее как недопонимание серьезности ситуации, но оно должно было принимать заверения руководства ПНР, что то справится само, без внешней силовой поддержки. Подводя итоги встречи 5 декабря, Политбюро ЦК КПСС 12 декабря склонилось к тому, чтобы принять курс на разрешение кризиса польскими силами²⁵. Это был важнейший момент в развитии советской политики в отношении событий в Польше. Советское руководство утвердилось в мысли, что руководство ПОРП должно само справиться с ситуацией в стране. Перед Кремлем вставала задача вынудить польское руководство как можно быстрее ввести в Польше военное положение, воздействуя на развитие внутривнутриполитической ситуации. Поэтому было принято решение самым активным образом влиять на внутреннюю расстановку сил, поддерживая «здоровые силы» в партии.

Польское руководство в начале 1981 г. по-прежнему продолжало курс на диалог с «Солидарностью», стараясь решать конфликт политическими средствами — через компромисс с верхушкой «Солидарности». Это вызывало обеспокоенность и раздражение советского руководства. Когда 22 января 1981 г. состоялось заседание Политбюро по итогам визита в Польшу советской делегации во главе с завотделом ЦК КПСС Л. М. Замятиным (13–20 января), в стенограмме была зафиксирована констатация Громыко: «Польские друзья, несмотря на наши рекомендации, не хотят применять чрезвычайные меры, эта мысль по существу у них совсем отсутствует»²⁶. Брежнев, неустанно отслеживая развитие ситуации в Польше, практически каждые две недели напоминал телефонными звонками Кане о решительных действиях в отношении «контрреволюции». 30 января он по телефону настаивал на этом ввиду «смертельной опасности», нависшей над социализмом в Польше. Нашупать прочную опору для эффективных действий «здоровых сил» оказывалось весьма сложно. Польские военные со второй декады ноября вели подготовку к введению в стране военного положения. Прежде всего был скомпонован пакет документов относительно юридической стороны этого вопроса. Как свидетельствует весьма компетентный сотрудник МИДа СССР и аппарата ЦК КПСС В. Л. Мусатов, в конце года польскими военными и работниками спецслужб с участием советских специалистов из Министерства обороны и КГБ адаптированный к ситуации в Польше вариант с введением чрезвычайного положения был отработан²⁷.

Для усиления влияния на ситуацию в Польше, а также в рамках подготовки к возможному задействованию в этих целях советских войск и войск ряда стран ОВД использовался метод проведения совместных военных учений. Советское руководство передало польскому командованию 1 декабря план введения в Польшу 15 советских, одной восточногерманской и двух чехословацких дивизий в рамках командно-штабных учений союзных армий и флотов «Союз-80». В ходе этих учений перед ними ставилась задача быть готовыми 8 декабря к переходу польской границы и окружению крупных городов и промышленных центров. Тем временем начало учений неоднократно поляками откладывалось, затем, затягиваясь, они продолжались два с половиной месяца, потом постепенно начали сворачиваться штабы. Флаги стран Варшавского договора были сняты с флашток в Легнице в мае.

В Вашингтоне, по воспоминаниям министра обороны США Р. Гейтса, тогда высокопоставленного сотрудника ЦРУ, а затем его директора, до конца 1980 г. существовало мнение, что польские власти сами справятся с ситуацией в стране. В конце января, систематически получая информацию от агента ЦРУ в польском военном руководстве полковника Р. Куклинского и констатируя новый существенный рост напряженности, ЦРУ прогнозировало усиление советского давления в сторону активизации самих польских властей. К началу февраля 1981 г. сложилось иное представление — в случае продолжения внутренней конфронтации обнаружится тенденция к советскому вторжению²⁸. Когда 10 февраля на посту премьер-министра Пиньковского сменил Ярузельский, директор ЦРУ Кейси докладывал президенту Р. Рейгану о крайнем обострении ситуации и о приближении силового решения конфликта путем вторжения воинских контингентов ОВД. По всей вероятности, не только руководство США, но и польское руководство не сориентировались в тактике Кремля. Ярузельский в феврале 1981 г. также говорил М. Раков-

скому: «Наша историческая миссия состоит в том, чтобы не допустить советской интервенции»²⁹.

В руководящих советских органах шла подготовка мер по введению военного положения в Польше и «нормализации ситуации». В советских структурах прорабатывались меры, направленные на ослабление, а затем разгром «контрреволюции» в Польше, обсуждалась модель социализма, которая должна была быть утверждена в Польше. С этой целью была создана рабочая группа из представителей аппарата ЦК КПСС, КГБ, Генштаба и МИДа на уровне заместителей руководителей этих ведомств. В начале февраля были представлены ее рекомендации относительно разгрома «Солидарности», усиления контроля и воздействия в сфере экономики, неуклонной работы «со здоровыми силами» в ПОРП в направлении введения военного положения и установления соответствующего режима. В связи с обострением ситуации в стране в феврале польские силовые структуры провели «штабные игры» ввиду необходимости подготовиться накануне возможной всеобщей стачки к объявлению военного положения на всей территории страны.

В середине февраля комиссией Политбюро ЦК КПСС по польскому вопросу были одобрены «Программа упрочения социализма в Польше» и соответствующие политические шаги, включающие в том числе ликвидацию «пережитков капитализма», коллективизацию деревни, утверждение планового хозяйства и переориентацию внешнеэкономических связей на СССР, а также ограничение деятельности католической церкви, разгром политической оппозиции и формирование «социалистической интеллигенции». В качестве первоочередных задач выдвигались очищение партии от ревизионистов и оппортунистов, от сторонников компромисса с «Солидарностью» и «глубокая реформа» ПОРП³⁰.

23 февраля на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев заявил: «...социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим!»³¹ 4 марта во время встречи высшего советского и польского руководства беседа приняла еще более жесткий характер с обвинениями со стороны руководства КПСС в проведении «гнилой» политики компромиссов с «классовым врагом», в попустительстве вмешательству Запада во внутренние дела. Польской делегации было предъявлено требование в течение двух недель «навести в Польше порядок»: «Наше терпение на исходе! Нам есть на кого положиться в Польше!» — переходил на крик Устинов³². В опубликованном в «Правде» официальном заявлении по итогам встречи крепились идеологические устои: «Социалистическое содружество — неразрывно, его защита является делом не только каждого государства, но и всей социалистической коалиции»³³.

Подводя 12 марта 1981 г. итоги встреч с лидерами стран социалистического содружества во время съезда, члены Политбюро были вынуждены признать, что те все более опасаются резонанса польских событий и повторения у себя подобного с нежелательными широкомасштабными последствиями.

Политбюро ЦК КПСС продолжало максимально использовать фактор возможного ввода войск для сдерживания развития ситуации в Польше. Устинов как министр обороны предлагал подкрепить опасения польской стороны демонстрацией советской военной мощи — маневры в Польше «несколько приподнять, то есть, иначе говоря, дать понять, что у нас силы наготове»³⁴. Одновременно с командно-штабными учениями союзных армий и флотов были организованы утечки инфор-

мации в СМИ о подготовке к вводу войск стран ОВД в Польшу с подчеркиванием того, что эта страна находится в сфере влияния СССР³⁵.

«Быдгощские события» 17–24 марта (при захвате помещения местных органов власти трое рабочих из «Солидарности» были избиты) стали поводом для подготовки ко всеобщей забастовке 31 марта, а для советского руководства — стимулом для нового массивного давления с требованием незамедлительно применить силовые методы. Встал вопрос о немедленном введении военного положения. Распространялись слухи о готовности ряда советских дивизий к вступлению в Польшу.

27 марта в Варшаву прибыл главнокомандующий вооруженными силами ОВД маршал В. Г. Куликов. Польское руководство, исходя из опыта разрешения в странах региона кризисов 1953, 1956, 1968, 1970 и 1976 гг., с тревогой ждало развития событий. Однако инцидент удалось разрешить мирно. Но отмена всеобщей забастовки в результате договоренности между правительственной комиссией во главе с М. Раковским и Всепольской согласительной комиссией «Солидарности» была воспринята в Москве резко негативно. В последние дни марта в связи с намеченной на 31 марта всеобщей забастовкой Брежнев несколько раз требовал под предлогом ее незаконности начинать прямую конфронтацию, не опасаясь кровопролития. Однако «Солидарность» забастовку отменила. Военное положение введено не было. Советские старания создать во время маневров дополнительную фоновую поддержку для военного положения оказались напрасными. Но первая подготовка к его введению была проведена.

Ситуация в Войске Польском была неоднозначной. Получила хождение информация о возможном вооруженном сопротивлении в случае вхождения союзнических армий. В этой связи советского военного атташе полковника Ю. С. Рытова отозвали из Варшавы, но он настаивал на своей оценке ситуации: «Польша — не Чехословакия, и здесь дело может дойти до большой крови»³⁶. В аппарате ЦК КПСС также не прекращался анализ развития кризисной ситуации в Польше. Шел поиск выхода из нее, проигрывались варианты. Об одном из таких совещаний рассказывает работавший тогда в Польше советский ученый и публицист Р. Борецкий: «После того, как согласились, что обстановка в Польше все напряженнее... я отважился в такой среде, где уже проскакивали искры агрессивности, сказать примерно следующее: дескать, уже есть опыт 1968-го, Чехословакии. Он, этот опыт, может казаться удачным — “вот ввели войска и умиротворили”. Но для Польши это не годится. И слишком далеко зашло там — слишком велик размах и популярность “Солидарности”. И поляки — не чехи.

Заметил: публика как-то притихла. Вопросов больше не было»³⁷.

Лидеров коммунистических партий социалистического содружества продолжали постоянно информировать о положении в Польше. Подробный анализ ситуации шесть раз рассылался в январе — июле Э. Хонеккеру, Г. Гусаку, Я. Кадару, Т. Живкову и Ф. Кастро. Они также использовались для давления на польское руководство.

Напряженность между тем нарастала. Становилось все более очевидно, что наступил момент, когда цена подавления уже не отдельных, локальных выступлений низов, а массового социального движения — тем более не в малой стране, как раньше, — становится слишком высокой, а результаты вмешательства извне — более

чем проблематичными. Экстремальный вариант грозил обострением международного положения вплоть до серьезных экономических санкций и даже развязывания вооруженного столкновения двух блоков. США получили информацию об откомандировании в Польшу трех оперативных групп советского Генштаба и о расширении сети управления вводом войск. 28 марта в Варшаву прибыла группа высоких представителей КГБ, Министерства обороны СССР и Госплана для консультирования по вопросам введения военного положения. Раскритиковав польские планы, они потребовали передачи полноты власти в руки военных, с назначением на все уровни этих структур советских военных советников. Польское руководство это требование не приняло, ограничившись рядом уступок и настаивая на своей ответственности за ситуацию.

Как вспоминал Р. Гейтс, Вашингтон ждал введения в Польше военного положения — возможно, с вводом советских войск. Как писала в своих мемуарах М. Тэтчер, западные союзники на прямое вмешательство СССР готовы были ответить. В НАТО обсуждались возможные жесткие санкции.

Несмотря на то что для введения военного положения не удалось использовать инцидент в Быдгощи, советское руководство продолжало прежнюю линию. 2 апреля 1981 г. Политбюро ЦК КПСС вновь обратилось к рассмотрению положения в Польше. Брежнев открыл рассмотрение «польского вопроса» словами: «У всех у нас большая тревога за дальнейший ход событий в Польше. Хуже всего то, что друзья слушают, соглашаются с нашими рекомендациями, но практически ничего не делают. А контрреволюция наступает по всему фронту». Советское руководство опасалось, что момент для введения военного положения может быть упущен и «Солидарность» перехватит власть в стране. Оно искало новые аргументы, чтобы убедить польское руководство ввести военное положение. Линия польского руководства на политическое решение конфликта с «Солидарностью» была подвергнута критике. Генсек предложил запланировать еще одну встречу семерки стран—членов ОВД по «польскому вопросу» на высшем уровне. Была также запланирована встреча Устинова и Андропова с Каней и Ярузельским в Бресте, во время которой предполагалось рассмотрение экономических проблем в увязке с вопросом о введении военного положения.

Генсек информировал, что 30 марта он в телефонном разговоре рекомендовал Кане «принимать решительные меры» — на пленуме ПОРП «не просто... критиковать, а брать в руки дубинку»: «вы же все твердите о мирном пути, не понимая или не желая понять, что такой “мирный путь”, какого вы придерживаетесь, может стоить вам крови». Осуждая «капитуляцию перед оппозицией», он все же принял предложенный польским руководством план проведения взаимосогласованных мер через Сейм, хотя и выразил сомнение в том, «будут ли приняты эти меры в полном объеме» и «хватит ли решимости и сил осуществить эти меры на практике».

Устинов со своей стороны предлагал «принять все необходимые меры к тому, чтобы польские друзья действовали самостоятельно», но оказать экономическое давление на парализованную забастовками Польшу, зависящую от советских поставок продовольствия (согласия Советского Союза на вступление в МВФ эта страна не получила). Устинов рассматривал введение военного положения в контексте

положения в польской армии, указав на ухудшение ее боеготовности в связи с призывом сочувствующего «Солидарности» молодого контингента. Он сомневался и в том, что Кая и Ярузельский «пойдут на конфронтацию», полагая, что в условиях высокой мобилизационной готовности «Солидарности» «кровапролития не избежать, оно будет».

Министр иностранных дел Громько был несколько сдержан, так как его беспокоило ухудшение отношений с Западом, возможные санкции. Он напоминал о настойчивых предостережениях Запада о том, что Советский Союз не должен вмешиваться своими Вооруженными силами в дела Польши. Вместе с тем Громько считал необходимым, чтобы «при любом положении» внушать «польским товарищам» «необходимость принятия более жестких... чрезвычайных мер для наведения порядка», поскольку дальнейшее отступление «совершенно неприемлемо». Одновременно он осмотрительно предлагал выяснить, какова реальная ситуация в Польше, «как обстоит дело в вооруженных силах», «является ли армия основной силой, можно ли опираться на нее»; что произойдет, если польские руководители пойдут хотя бы на частичное введение чрезвычайных мер, — «будут ли они уверены в том, что армия, МВД и органы госбезопасности будут на их стороне».

Андропов, опасаясь мирного захвата власти «Солидарностью» во время планируемого проведения в июне ее чрезвычайного съезда, был готов на личной встрече с польским руководством рекомендовать принятие «строгих мер», «не бояться того, что это вызовет, может быть, и кровапролитие». «Они ведь, — говорил он, — вместо строгих мер суют нам так называемое “политическое урегулирование”. Мы говорим им о принятии военных мер, административных, судебных, но они постоянно ограничиваются политическими мерами».

Брежнев продолжил эту мысль, считая, что польские руководители по-видимому не понимают, что такое военное положение: «Надо будет им сказать, что значит введение военного положения, разъяснить им все толком». Андропов ее развил: «Правильно, надо именно рассказать, что введение военного положения — это означает установление комендантского часа, ограниченное движение по улицам городов, усиление охраны государственных, партийных учреждений, предприятий и т.д.»³⁸. Эта рекомендация и была заложена в разработанный проект документа о введении военного положения, предназначенный в помощь польским руководителям.

Встреча с польским руководством состоялась 3 апреля в Бресте между 21.00 и 3 часами утра, в железнодорожном вагоне на путях в районе границы, чтобы доставленные на советском ТУ-134 «польские товарищи, — как пояснил Андропов, — не обнаружили себя, что они куда-то выезжали». 9 апреля Андропов и Устинов представили отчет о ней на заседании Политбюро ЦК КПСС. Польские руководители «были в очень напряженном состоянии, нервничали...». Кая признал, что контрреволюция становится сильнее, антисоциалистические силы насаждают: влияние «Солидарности» еще не падает. Наоборот, ее позиции укрепляются. Поэтому «что касается ввода войск, то они прямо сказали, что это совершенно невозможно, точно так же нельзя вводить военное положение»: «их не поймут, и они будут бессильны что-либо сделать»³⁹.

Кстати, оценки специалистов показали, что на тот момент численность сил вторжения в случае отказа Варшавы от сотрудничества, организованного сопротивления со стороны польской армии или населения была явно недостаточна. В первом случае необходимо было иметь в распоряжении не менее чем 30 дивизий, во втором — по меньшей мере 45 дивизий. Такого их количества не было. Ситуация в Польше была далека от снижения накала, необходимого для более-менее спокойного введения военного положения. Кризис становился хроническим⁴⁰.

Каня и Ярузельский в очередной раз заверили, что наведут порядок своими силами. Андропов и Устинов, согласно их докладу о ходе встречи, критиковали польских руководителей за нерешительность, объясняли им, что силовые действия — это весьма распространенная политическая практика, в том числе в социалистических странах. Они привели в качестве примера Югославию, да и другие страны, где «чуть только вспыхнет восстание или начнется какая-то неразбериха, вводится чрезвычайное или военное положение». Они настаивали на том, что польское руководство упускает время, поскольку военное положение можно было ввести еще в сентябре 1980 г., и что неверно противопоставлять мерам военно-административного характера политические меры — «надо все сочетать разумно». Польским представителям было предложено подписать проект документа о введении военного положения. Они отказались сделать это без решения Сейма. В этой ситуации Андропов пошел на то, чтобы трактовать документ лишь как инструкцию на случай применения такой меры с ориентировочным сроком 11 апреля, но настаивал на ее подписании — «с тем, чтобы мы знали, что вы с этим документом согласны и будете знать, что надо делать во время военного положения». Поляки документ взяли, не читая, но не стали его подписывать (несколько позже выяснилось, что они отнюдь не собирались использовать обострение ситуации для немедленного силового решения). Они сформулировали новые предложения по политическому урегулированию конфликта в стране. При обсуждении политических вопросов упор был сделан на укрепление позиций партии и государства. Намерение создать Фронт национального спасения для поиска адекватных политических решений было советскими представителями одобрено с оговоркой, что «этот фронт не должен подменять партию и правительство». Они подсказывали возможность использования для давления на настроения общества аргумента опасности возвращения Силезии и Гданьска ФРГ (что можно «как следует обыграть» для сплочения народа), подчеркивали значение советской экономической помощи, которую можно потерять.

На Политбюро по итогам встречи особо обсуждались борьба с «Солидарностью» на арене Сейма и раскол в руководстве партии. Кремль весьма беспокоили настроения в ПОРП: представители партийного «бетона» предложили организовать подпольное Политбюро (как выяснилось, по рекомендации Т. Живкова). Идея вызвала отторжение, как влекущая за собой сдачу позиций и проигрыш. Сулов предложил пресечь подобные инициативы, подготовив информацию для братских партий⁴¹. В середине апреля Политбюро ЦК КПСС обсуждало не только ближайшие шаги, без «нагнетания нервозности», но и необходимость поручить «комиссии Сулова» подготовку и «более широкого, так сказать стратегического анализа, который позволил бы оторваться от текущих событий и оценить более отдаленную перспективу развития обстановки в Польше и вокруг нее»⁴².

Важнейшим событием в жизни ПОРП и страны советское руководство считало IX съезд партии, намеченный на июнь 1981 г. Поэтому подготовка и проведение его находились в центре внимания Кремля. Своей целью советское руководство ставило задачу укрепления при выборах в партийные органы позиций партийных консерваторов («здоровых сил») и ослабления партийных реформаторов, которых называло «ревизионистами». Поэтому на заседании Политбюро ЦК КПСС 23 апреля рассматривалась не только общая ситуация в Польше, но и прежде всего положение в ПОРП. В прилагаемой записке говорилось, что внутривнутриполитический кризис «принял затяжной хронический характер». И если «Солидарность» пока не идет на взятие власти, «то прежде всего из опасения ввода советских войск и надежд добиться своих целей без кровопролития, путем ползучей контрреволюции» — захвата власти «на законной основе».

Анализ расстановки сил внутри ПОРП носил взвешенный, объективный характер. Подчеркивалось, что наиболее близкие к советским позициям ортодоксальные силы («бетон») настроены на решительные, «лобовые» действия. Они, с одной стороны, не считаются со сложившимся в стране соотношением сил, а с другой — «не видят возможности оздоровления обстановки без ввода советских войск. Такая позиция объективно ведет ко все большей их изоляции в партии и стране». Из этого следовал вывод, что на них трудно опереться, поскольку понадобятся немалые усилия для их избрания на съезд и в состав руководящих органов (если это вообще окажется возможным). Реформаторский фланг в ПОРП определялся как идеологически чуждый, близкий к лидерам «Солидарности», к концепции перестройки социально-экономической сферы «примерно в югославском духе», а политической — в духе еврокоммунизма и социал-демократического плюрализма, партнерства различных политических сил⁴³.

В период подготовки к съезду последовательно реализовался намеченный Политбюро ЦК КПСС план мероприятий по оказанию помощи руководству ПОРП в организационном и идеологическом укреплении партии — командировок и консультаций ведущих советских деятелей — Суслова, Громыко и Гришина, партийных делегаций различных уровней, журналистов партийных изданий, работников профсоюзов и т.д., призванных разъяснить «основные закономерности марксизма-ленинизма».

Перед съездом ЦК КПСС 5 июня напрямую обратился к членам ПОРП. В этом обращении говорилось, что советские товарищи в высшей степени озабочены тем, что над революционными завоеваниями польского народа «нависла серьезнейшая опасность», «угроза и самому существованию независимого Польского государства». «И кто бы мог тогда гарантировать независимость, суверенитет, границы Польши как государства? Никто». Эта констатация сопровождалась традиционным идеологическим посылом: наступление антисоциалистических сил в ПНР «угрожает интересам всего нашего содружества, его сплоченности, целостности, безопасности границ»⁴⁴.

В этот период антагонизация общества была на пределе. По результатам опросов, в июне ПОРП поддерживали 6%, правительство — 24%, «Солидарность» — 62% населения⁴⁵. На проведенном по просьбе Старой площади 9–10 июня XI пленуме ЦК ПОРП при выяснении расстановки сил в ЦК, а по существу в партии,

«бетон» получил менее четверти голосов. В этой ситуации в Кремле было признано целесообразным продолжать поддерживать С. Каню и В. Ярузельского. Постановление пленума ориентировало как на «совпадение взглядов в оценке нынешней ситуации в Польше» с КПСС, так и на продолжение процесса социалистического обновления путем объединения всех сил Фронта единства народа «на реализацию политики общественного примирения и реформ»⁴⁶. В то же время вопрос о подавлении «мятежа» в Польше силовыми методами и в последующем не сходил с повестки дня в ходе многочисленных интенсивных контактов с польским руководством. В Варшаву прибыл командующий войсками ОВД маршал В. Г. Куликов; до середины июня он, постоянно настаивая на решительных действиях, вел переговоры с Каней, Ярузельским и начальником Генштаба Войска Польского генералом Ф. Сивицким.

В записке «комиссии Сулова» по польскому вопросу рекомендовалось в максимальной степени использовать в качестве фактора сдерживания контрреволюции опасения «внутренней реакции» и «международного империализма» по поводу того, что Советский Союз может ввести в Польшу свои войска⁴⁷. Через два дня после телефонного разговора 16 июня с Каней, на которого такая перспектива подействовала устрашающе, Брежнев на заседании Политбюро выразил надежду: «Может быть, они в конце концов задумаются и начнут действовать энергично»⁴⁸. Весьма активно действовало командование Советской армии, которое в июле без согласования с польской стороной перебросило в Польшу дополнительно 600 танков, утроив их парк.

Впрочем, IX съезд ПОРП особых перемен не принес, в том числе и в расстановке сил внутри руководящих органов партии. Зато к августу усилилось, хотя потом на время и затормозилось, сближение между руководством партии, «Солидарности» и католической церкви.

Маршал Куликов в августе потребовал согласия командования Войска Польского на введение в его состав советских военных советников, начиная от уровня Генерального штаба до командования дивизиями. Однако получил отказ. В ожидании приближения силовой конфронтации в Москве по согласованию между КГБ и польским МВД было тайно распечатано заявление Государственного совета о введении военного положения (без даты и указания фамилии его председателя), которое было переправлено в Польшу. В сентябре — начале октября вблизи польских границ на территории Белорусского и Балтийского военных округов и в акватории Балтийского моря были проведены приуроченные к первому съезду «Солидарности» учения советских войск «Запад-81».

Представителями двух генштабов продолжали разрабатываться планы на случай чрезвычайной ситуации. По информации американского агента полковника Р. Куклинского, генерал Ф. Сивицкий делился со своим окружением сведениями о «приближении институционализации военного положения» и о вероятной помощи со стороны Советов, если собственная операция не удастся. В СМИ в очередной раз была запущена информация о возможном оказании «интернациональной помощи». Однако в середине сентября от предложенного польскими военными плана введения военного положения политическое руководство Польши отказалось.

Новый виток энергичного давления на польское руководство советской стороны, стимулировавшей введение военного положения, был связан с решениями, принятыми первым съездом «Солидарности». Анализ его идейно-политических установок, который провела «комиссия Суслова» в связи с подготовкой доклада ее руководителя на пленуме ЦК КПСС, подводил к однозначным выводам: съезд принял программу прихода к власти и изменения общественного строя, ликвидации существующей формы собственности, централизованного планового управления и партийной номенклатуры, а также установления рабочего самоуправления. Установка на свободные выборы в парламент и местные органы власти, беспрепятственный доступ всех политических и общественных сил к СМИ, ликвидация политической цензуры трактовались как отстранение ПОРП от власти и перерождение страны в буржуазную парламентскую республику с многопартийной системой. Принятие съездом «Обращения к народам Восточной Европы» об обмене опытом борьбы за свободные профсоюзы было оценено как покушение на принципы «социалистического содружества» и ОВД. Это могло стать основанием для немедленного введения военного положения. 17 сентября посол СССР в Варшаве Б. И. Аристов передал Кани и Ярузельскому заявление советского руководства с протестом против «провокационной деятельности антисоциалистических сил» как наносящей ущерб советско-польским отношениям и противоречащей союзническим обязательствам Польши. Резкие протесты Москвы вызвало восстановление празднования даты возрождения независимого Польского государства 11 ноября и открытие на варшавском официальном кладбище Повонзки символического памятника «Жертвам Катыни» с датой «1940».

Каких-либо решительных шагов со стороны Кани не последовало. Советское руководство посчитало, что он психологически и политически деморализован, не в состоянии справиться с задачей введения военного положения в стране. На IV пленуме ЦК ПОРП 18 октября 1981 г. новым первым секретарем ЦК был избран премьер-министр, министр обороны, председатель Совета обороны страны генерал В. Ярузельский. Это был самый авторитетный в партии и имеющий вес в армии деятель. 19 октября, поздравляя его по телефону с избранием, Брежнев настойчиво напоминал о необходимости немедленных действий в опоре на «здоровые силы» против «контрреволюции». Подготовка к введению военного положения, казалось, вступала в решающую стадию, подогреваемая все более жестким давлением на польские власти и общество. В Польше на Жаганьском полигоне были проведены тактические учения советских и польских войск, сопровождавшиеся демонстрацией новых видов советского оружия, с приглашением военного руководства Польши, ГДР и Чехословакии. Вопрос о вводе союзных войск не рассматривался⁴⁹. На совещании основного руководящего состава Министерства обороны СССР 21 октября в ходе обсуждения обстановки в Польше докладчик, начальник Генштаба маршал Н. Огарков также его напрямую не поднимал, сосредоточив внимание на защите и обеспечении интересов СГВ, безопасности маршрутов продвижения ее частей и материальных запасов при выдвигении стратегических резервов в условиях военного времени. Маршал В. Куликов как главнокомандующий вооруженными силами ОВД был озабочен сохранением Польши в качестве союзника и подготовкой ввода в эту страну размещенных по периметру границ войск ОВД (кроме

немецких, против чего Ярузельский категорически возражал). Начальник штаба войск ОВД генерал А. И. Грибков, наоборот, предостерегал от непредвиденных последствий такой акции⁵⁰, в чем его поддержали маршал С. Л. Соколов и генерал армии А. А. Епишев⁵¹. Осенью 1981 г. оперативный план все более жестко предполагал ограничиться задействованием польских вооруженных сил, а участие частей других стран ОВД предусматривалось в контексте опасности обострения ситуации во всем «социалистическом содружестве» в качестве резерва. Более того, они находились в состоянии боевой готовности на границах Польши до апреля 1982 г.

Наличие других силовых вариантов на случай неудачи акции введения военного положения польскими силами подтвердил ряд советских военачальников. Один из них, генерал В. П. Дубынин, разработчик и исполнитель соответствующих действий, в начале 1990-х годов в интервью Борецкому сообщил, в частности, следующее: «В 1981 году планировалось, если со стороны польского руководства не будет решительных ходов по поддержанию стабильности строя, порядка в стране, применить и военные меры. Я не хочу здесь утверждать, что речь шла об обязательных военных действиях. Скорее о том, чтобы своим присутствием стабилизировать обстановку в стране». Командовавший дислоцированной под Минском танковой дивизией, он участвовал в подготовке ввода танков в район южнее Варшавы: «Я знал задачи, знал, куда должен был войти, знал все населенные пункты, которые намечалось занять...»⁵² В 1992 г. он утверждал в печати, что завершаемое приготовлениями в конце ноября 1981 г. вторжение было запланировано на 14 декабря, если планы введения военного положения не «сработают»⁵³. О том же свидетельствует в своей книге «Я расскажу вам правду» заместитель министра обороны СССР генерал В. А. Ачалов, в то время молодой командующий воздушно-десантными войсками, отработавший в ходе оперативно-стратегических учений «Запад-81», в частности, массовый десант в тылу условного противника в случае ввода войск на территорию Польши. В его задачу входили взятие Варшавы и Лодзи, в том числе основных стратегических пунктов (ЦК ПОРП, Сейм, Госцентробанк, министерства внутренних дел и обороны и др.), а также интернирование генерала Ярузельского и других руководителей страны и армии. Для подготовки этой операции он, переодетый, в составе группы соотечественников в августе 1981 г. осмотрел эти объекты⁵⁴. Есть аналогичные свидетельства о готовности к вводу войск, в том числе на ноябрь — декабрь 1981 г., и из других округов — генералов В. Дудника и Д. Сухорукова, полковников В. Алксниса, И. Качугурного, В. Коновалова и др.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 21 октября при обсуждении «польского пункта повестки дня» после визита К. Русакова в Варшаву была сформулирована следующая позиция: на все зондажи поляков отвечать, что СССР вводить войска в Польшу не будет. Приехавший с военного совещания Д. Устинов обосновывал это тем, что «наши войска нельзя вводить в Польшу. Поляки не готовы, чтобы принять наши войска».

М. Сулов настаивал на том, что никакие войска нельзя вводить ни при каких условиях, «даже в том случае, когда осуществить этот шаг попросит польское руководство», а с возможным новым руководством, даже социал-демократическим, «пытаться... сотрудничать»⁵⁵. Он сообщил польскому руководству, что советские войска будут гарантировать безопасность Польши в случае возникновения угрозы извне, но

ни при каких обстоятельствах не будут использованы для внутривнутриполитических целей. Такие действия, сделал вывод Брежнев, не дают ясного представления о том, что будет с Польшей дальше⁵⁶. Для советского руководства возникала качественно новая, проблемная ситуация, выводящая развитие событий из-под контроля.

Не прекращая давления на Ярузельского, Брежнев обратился к нему через посла с «призывом» учесть, что дело уже не в том, будет конфронтация или нет, а в том, кто ее начнет и какими средствами она будет осуществляться, кто сохранит инициативу⁵⁷. 29 октября при рассмотрении Политбюро ЦК КПСС в контексте положения в Польше вопроса «Об итогах поездки т. Русакова в ГДР, ЧССР, ВНР, НРБ» Ю. Андропов настойчиво повторял, что если польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран, то нужно твердо придерживаться своей линии — войска в Польшу не вводить.

Продолжая выяснять динамику настроений и намерений советского руководства, генерал Ярузельский по-прежнему не спешил с введением военного положения, продолжая зондаж и поиски путей политического соглашения с «Солидарностью», переговоры с которой позволили бы погасить конфликт. Последней, неудачной попыткой договориться с оппозицией стала встреча 4 ноября в Варшаве генерала В. Ярузельского, кардинала Ю. Глемпа, преемника кардинала С. Вышиньского на посту примаса польской католической церкви, и руководителя «Солидарности» Л. Валенсы, рассмотревших концепцию создания Фронта национального согласия. Однако становившаяся все более напряженной ситуация подталкивала к конфронтации. На расширенном заседании президиума Всепольской комиссии «Солидарности» эта идея была отвергнута.

Особую обеспокоенность советского руководства вызвало продиктованное резким ухудшением экономического положения решение Польши вступить в Международный валютный фонд, завершившееся, хоть и не сразу, получением экономической помощи.

Затягивание Ярузельским введения военного положения вызывало у советского руководства растущее недоверие. 11 ноября М. Сулов выступил на пленуме ЦК КПСС с закрытым докладом о положении в Польше, готовя советский партийный актив к приближавшимся решающим действиям. Кроме варианта «А» (введение военного положения) в силовых структурах и аппарате ЦК КПСС был подготовлен и вариант «Б», согласно которому в случае нарастания анархии в стране власть должны были взять, опираясь на советские войска в Польше, «здоровые силы» в ПОРП⁵⁸. Имелась информация и о готовности группы силовиков во главе в генералом М. Мочаром обеспечить отставку Ярузельского и замену его более решительным сторонником подавления оппозиции. 19 ноября прошла общепольская конференция так называемых форумов «здоровых сил» в армии и органах безопасности, продемонстрировавшая готовность решительного наступления на «контрреволюцию». В практически расколовшейся ПОРП обсуждались вопросы не только чистки и обновления, но и создания новой партии. На 15 декабря планировалось проведение ее учредительного съезда. Пополнившаяся новыми боевыми контингентами Северная группа войск была призвана обеспечивать при подавлении «Солидарности» тылы, если бы эскалация конфликта продиктовала такой ход развития событий.

Запутанность, неопределенность ситуации и перспектив ее развития вызывала трудности с достаточно четким определением и уточнением вариантов советской позиции. Варианты протокола заседания Политбюро ЦК КПСС с датой «21 ноября» существенно различаются. Опубликованный вариант явно отредактирован. В архивной «рабочей записи» нет ключевой, пятой страницы [в хранящейся в Президентском архиве подборке протоколов Политбюро ЦК КПСС эта страница действительно отсутствует. — *И. Я.*]. В одном варианте текста речь идет об обсуждении с Ярузельским вопроса о военной помощи, в другом он настаивает на том, что Польша справится с ситуацией собственными силами.

Нельзя не обратить внимания на то, что Суслов констатирует: «Ярузельский хитрит с нами»⁵⁹. А сам генерал, давая интервью Борецкому, комментирует это наблюдение так: «Было... Приходилось вести своеобразную двойную игру — трудную, если угодно, не без хитрости. Между прочим, игра была двусторонней. Нас прощупывали насчет введения военного положения. Мы в свою очередь старались узнать, насколько угрожает нам “братская помощь”. Особенно трудно было с Суловым, который проигрывал различные варианты: “А если вы начнете, а потом мы войдем?” “Сами справимся”, — отвечаю. “А если ситуация осложнится?” Я хорошо помнил, что сказал Брежнев моему предшественнику, первому секретарю ЦК ПОРП С. Кане: “Если ситуация будет осложняться, то мы войдем”. Было это еще в 1980-м. Но вряд ли что-то изменилось год спустя. Потому настаивал: справимся сами»⁶⁰.

На упомянутом выше заседании 21 ноября Политбюро постановило организовать прием в СССР партийно-государственной делегации ПНР во главе с В. Ярузельским. А уже 22 ноября в устном послании Брежнева ему рекомендовалось немедленно начинать силовую конфронтацию с «Солидарностью».

2–4 декабря в Москве состоялось заседание Комитета министров обороны Варшавского договора. Центральным вопросом был польский, 3 декабря В. Куликов, который «был убежден — войска все равно вводить придется» и «не скрывал своей позиции» (если содружество во главе с СССР уже не имело сил «любим, в том числе и жестким способом поддерживать порядок на своей периферии, ...развал становится неизбежным»⁶¹), говорил с Ярузельским по поводу ввода в Польшу войск союзников в 00 часов 8 декабря⁶². В силу сложности ситуации польский представитель Сивицкий поднимал проблему морально-политической поддержки в виде заявления с осуждением действий контрреволюции в Польше и вмешательства во внутренние дела страны со стороны НАТО. Когда это предложение ввиду «отсутствия полномочий» у министров обороны Венгрии и Румынии принято не было, Ярузельский высказал большое недоумение по поводу того, что союзники «не хотят взять на себя хоть какую-то часть ответственности, даже тогда, когда они постоянно утверждают, что польская проблема — это проблема всего Варшавского договора, а не только Польши»; «союзники загоняют нас в безвыходное положение», «оставляют нас одних». В этой связи возник вопрос о возможной военной помощи со стороны СССР, если военное положение начнет «пробуксовывать» и ситуация «станет критической»⁶³.

7 декабря в Польшу по поручению Брежнева в очередной раз прилетел маршал В. Куликов вместе с председателем Госплана СССР Н. Байбаковым. Последнему

было поручено обещать Польше экономическую помощь в случае введения военного положения. Куликов, убежденный в необходимости использования любых средств для сохранения ОВД, в тот момент исходил из «определенной по этому вопросу общеполитической линии ЦК КПСС» и старался вынудить генерала Ярузельского немедленно ввести военное положение своими силами. Торопя Ярузельского с введением военного положения, Брежнев предупреждал: если необходимые меры не последуют немедленно, будет поздно — это уже будет, как передает содержание брежневского заявления Воронков, «вопрос всех нас»⁶⁴. Таким образом, вновь был озвучен вариант ввода в Польшу частей ОВД. Беседы в Варшаве не приводили к какому-либо конкретному решению⁶⁵. Даже зондирование относительно сроков введения военного положения по-прежнему не давало результатов. Польское руководство продолжало поднимать вопрос об оказании ему политической поддержки. 9 декабря генерал Сивицкий от имени Ярузельского обратился к Москве с настоятельной просьбой сделать официальное заявление правительства или хотя бы ТАСС о ситуации в Польше. Такого заявления не последовало.

10 декабря на последнем перед введением военного положения неплановом заседании Политбюро ЦК КПСС, согласно «рабочей записи» протокола, предстояло срочно определяться с вопросом о вводе в Польшу дислоцированных на границе дополнительных соединений, помимо укрепляемой, по свидетельству Д. Устинова, на ее территории СГВ.

В. Мусатов обращает внимание на многофакторность, нелинейность, сложность ситуации и дальнейшую проработку советских вариантов выхода из нее: у военных были наметки, как защищать ведущие в ГДР коммуникации, противодействовать активным действиям НАТО. Резидент КГБ в Польше В. Павлов пишет о планах «прокладывания канала» для поддержания сообщения советских вооруженных сил с Западной Польшей и Германией⁶⁶.

Оказывается весьма запутанным как вопрос о намерениях и готовности польского руководства ввести военное положение, так и о позиции находившегося в те дни в Варшаве с миссией стимулировать этот процесс маршала Куликова. В рабочей группе «польской комиссии» обсуждался вариант (имелась соответствующая разработка) введения руками поляков «военно-политической диктатуры с генералом или без него, так сказать, коллективной хунты»; были назначены и непосредственно ответственные за интернирование генерала Ярузельского и других польских лидеров лица из числа советских военнослужащих⁶⁷.

Информация по этим вопросам в двух вариантах «рабочей записи» (изначально кратком архивном, а также расширенном, более объемном и перенумерованном, подготовленном для публикации и передачи Б. Н. Ельциным в августе 1993 г. Л. Валенсе) весьма различается, являясь как бы правдоподобной, но весьма противоречивой⁶⁸. С одной стороны, везде присутствует акцент на то, что наведение порядка в Польше — дело ПОРП, ее ЦК и Политбюро, с другой — в переданном польской стороне варианте усилено звучание якобы имевших место просьб поляков о вводе советских войск, по-видимому, на случай оправдания реализации такого варианта.

Ярузельский говорит о зондированиях ситуации и отвергает существование таких обращений. Русаков же утверждает, что, по его информации, генерал надеялся

на помощь других стран, вплоть до введения войск союзников, опираясь на заверения Куликова. По поводу зондирования генералом относительно того, как поведут себя носители «интернациональной помощи», если польскими силами свой план реализовать не удастся, констатирует: «Он, похоже... водит нас за нос...» В интервью Борецкому Ярузельский обращает внимание на то, что лишь в одной, «недоверенной» «рабочей записи», в которой «действительно что-то не в порядке», содержится утверждение, будто он выражал намерение в случае необходимости просить «братской помощи» — «связаться с союзниками» на предмет введения их войск на территорию Польши и ожидал, что такая помощь «будет оказана и со стороны СССР» — со ссылкой на обещания Куликова⁶⁹.

На заседании Политбюро 10 декабря Русаков поспешил уточнить, что Куликов просто повторил слова Брежнева о том, что мы «Польшу в беде не оставим». Андропов же, связывавшийся с министром М. Милевским, констатировал иное: «они пока не имеют твердого решения о введении военного положения», не установлена и вероятная дата. Более того, на операцию «Х» они пойдут тогда, когда ее «навяжет “Солидарность”». Андропов подчеркивает, что упомянутое заявление Куликова «было бы неправильным» — проведение операции «целиком и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем». Смысл советской позиции он объясняет так: «Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Это правильная позиция, и нам нужно ее соблюдать до конца. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью “Солидарности”, то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность, с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия»⁷⁰. В другом варианте это высказывание записано так: «Ярузельский опять поднимает вопрос о нашем военном вмешательстве. Мы уже говорили ему, что мы не можем вмешиваться в польские дела, мы не будем этого делать, но он, видимо, не очень надеется на свою армию. И поэтому в качестве гарантийной меры хотел бы иметь нашу гарантию о нашем вмешательстве. ...Он должен рассчитывать только на свои силы. Одно дело, если в Польше победит “Солидарность”, и совсем другое, если мы туда вторгнемся и на нас обрушится весь западный мир с санкциями и т.д.»⁷¹.

Советские руководители приняли решение сообщить Ярузельскому, что он может рассчитывать только на свои силы. Министр обороны Устинов при этом подтвердил, что генерал именно на них и рассчитывает, а Куликов «прекрасно знает, что поляки сами просили не вводить войска»⁷².

Позднее предпринимались неубедительные попытки приписать Ярузельскому просьбы о вооруженной форме помощи со ссылками на не имеющие характера официальных, с непрономерованными страницами, ничем не оправданными лакунами и эмоциональными вставками записи в «рабочих тетрадях» «из собственного архива» адъютанта Куликова генерала В. Аношкина⁷³. Свидетельство Д. Устинова на заседании Политбюро ЦК КПСС 10 декабря о последовательной позиции Ярузельского в отношении отказа от «интернациональной помощи» их однознач-

но опровергает. Генерал четко охарактеризовал свою позицию относительно задействования Вооруженных сил ОВД в ответе Борецкому на вопрос: «Можете ли Вы кратко — да или нет — сказать, просили ли вы о прямой "братской помощи". И вообще, есть ли на этот вопрос однозначный ответ?» «Есть однозначный ответ: нет. Мне уже много раз приходилось об этом и говорить, и писать. Фундаментальный смысл всегда сводился к утверждению, что дела польские должны быть разрешены нашими собственными усилиями. ...Армия пользовалась небывалой массовой поддержкой: по данным опроса общественного мнения, 93 процента поляков доверяли ей!.. Так что, спрашивается, зачем же нам было звать "большого брата" на помощь?!.. Не был я и самоубийцей. Так как позвать к нам чужую армию означало бы не военное положение, но национальное восстание, фактически состояние войны. А такая война могла бы вовлечь не только гражданских лиц, но и повлечь раскол армии. И первым получил бы пулю я»⁷⁴.

В пересказанной на заседании информации из Варшавы откомандированных туда Куликова и Байбакова, посла Аристова, польских силовиков высокого ранга имеют место явные нестыковки: решение о введении военного положения то ли было, то ли не было принято на заседании Политбюро ЦК ПОРП 5 декабря; его или планируется ввести в ночь на 13 декабря, или это не связывается с какой-либо датой, или его принятие вообще проблематично; его предварит объявление по радио и телевидению «около 20» председателем Государственного совета Г. Яблонским; генерал В. Ярузельский видит его условием принятия соответствующего закона только после того, как он будет обсужден в Сейме, заседание которого состоится 15 декабря (но такого вопроса в его повестке дня нет).

Еще недавно, по свидетельству заместителя руководителя Отдела ЦК по сотрудничеству с коммунистическими и рабочими партиями соцстран Г. Х. Шахназарова, Суслов подчеркивал необходимость держать поляков и весь мир в убеждении, что введение советскими войсками военного положения «не исключено», и для этого всячески демонстрировать угрозу силой («верил в это Ярузельский или нет, — подчеркивал он, — не имело особого значения», «как руководитель страны, он обязан был не исключать такой возможности»)⁷⁵. Но на заседании Политбюро 10 декабря Суслов определился жестко: «Если войска будут введены, то это будет означать катастрофу. Я думаю, что у нас у всех здесь единодушное мнение, что ни о каком вводе войск речи быть не может». Другие члены его комиссии — Громыко, Гришин, Устинов — высказались столь же однозначно, в духе декларации «невмешательства»⁷⁶. Соответствующее решение и было принято, стимулируя принятие долгожданного силового разрешения «польского вопроса» польскими же силами.

Ситуацию проясняет официальное письмо М. С. Горбачева от 31 августа 1995 г. в комиссию конституционной ответственности Сейма, разбиравшую вопрос о введении военного положения. В нем, в частности, есть такой фрагмент: «Советское руководство металось в поисках выхода между двумя, одинаково неприемлемыми для него решениями: согласиться с хаосом, охватившим Польшу и влекущим за собой распад всего социалистического лагеря, или отреагировать на события в Польше вооруженной силой... Тем не менее наши войска, танковые колонны вдоль границы с Польшей, а также достаточно сильная Северная Группа Войск внутри Польши — все это при определенных экстремальных условиях могло быть приве-

дено в действие»⁷⁷. Что касается роли Ярузельского в процессе демократизации, то, по мнению Горбачева, он отнюдь не был склонен к массивному подавлению обретшего небывалый накал и динамику общественного движения «Солидарность», порожденного сочетанием различных факторов назревавших системных преобразований. Именно генералу Ярузельскому Польша обязана отказом от намерений использовать войска ОВД для силового разрешения конфликта⁷⁸. Нельзя не учитывать и того, что при передислокации польских частей их концентрация исключала локализацию на польской территории союзнических частей, готовых нести «братскую помощь»⁷⁹. При этом Ярузельскому удалось оставить общественное развитие в рамках дискурса на тот период неизбежного, мирного, оптимального сохранения «социалистического содружества».

В тот же день, 10 декабря, Ярузельский обратился к советскому руководству с просьбой направить в Варшаву одного из членов Политбюро ЦК КПСС. В воспоминаниях генерала А. Грибкова в этой связи говорится о телефонном разговоре К. Русакова с послом Б. Аристовым с поручением проинформировать польскую сторону: в ближайшее время никто из руководства КПСС в Польшу не придет; что касается заявления правительства, то «меры будут приняты»; войска в Польшу вводиться не будут, полякам надо решать проблемы своими силами; о дополнительной экономической помощи председатель Госплана «готовит ответ». Ярузельский увидел в этом определенное дистанцирование от польских проблем. Сивицкий в сердцах заявил: «Если не будет оказана вся необходимая помощь, Польша для Варшавского Договора будет потеряна»⁸⁰. Вместе с тем предназначенные для введения на польскую территорию советские части находились в боеготовности вплоть до весны — лета 1982 г.⁸¹.

12 декабря в Москве обсуждалось направление в Варшаву делегации во главе с Суловым. В назначенный день Устинов позвонил находившемуся в Польше Куликову: вопрос о вылете Сулова, Русакова и Черненко рассматривается. Визит не состоялся. Советское руководство «не желало раскрывать карты» в этот напряженный момент, стремясь сохранить за собой полную свободу действий.

13 декабря 1981 г. в 00 часов в Польше началось введение военного положения. Объявление об этом было сделано в 6.00.

В тот же день Политбюро ЦК ПОРП, информируя в соответствии с регламентом руководство стран ОВД о введении в Польше военного положения, подчеркнуло, что накануне этого мероприятия в ответ на сообщение В. Ярузельского о своих намерениях «ему передали, что советское руководство относится к такому решению польских товарищей с пониманием», одобряет обращение генерала Ярузельского к народу. Приветствовалось подтверждение руководящей роли ПОРП, верность ПНР союзническим обязательствам по Варшавскому договору⁸².

Тем временем «доктрина Брежнева» уже теряла силу. Становились очевидными следующие аспекты проведенной операции: введение военного положения политическим решением генерала Ярузельского и его команды спасло страну от прихода к власти «здоровых сил» и неизбежного кровопролития, от гибели сотен, а может быть, и тысяч людей. Необходимый для обеспечения дальнейшего развития грамотный учет внешнеполитической обстановки сочетался с принятием таких политических планов и действий, которые, подморозив варианты весьма противоре-

чивого, чреватого вооруженными столкновениями и гражданской войной взрыва, позволили вначале снять чрезмерный накал противостояния, а затем в перспективе перевести его в русло мирного переговорного процесса. Узел противоречий был разрушен с применением насилия, но мирное введение военного положения устроило и СССР, и США. Правда, советское руководство посчитало возникший политический режим недостаточно жестким и во время визита польской делегации в Москву 1 марта 1982 г. старалось переориентировать польские власти на восстановление партийно-политических структур из «здоровых сил». Ярузельский не принял этот чреватый новой конфронтацией курс. Относительно спокойный, «подмороженный» режим военного положения позволил избежать регрессивного развития в экономике и подготовить выход на путь преодоления кризиса, проведения демократических преобразований в сфере политики и развития рыночной экономики. Это постепенно привело к снижению социальной напряженности; в результате в 1989 г. был достигнут политический компромисс между властью и умеренной частью оппозиции и начат мирный переход к системной трансформации.

¹ См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3 т. Т. 2. От стабилизации к кризису. 1966–1989. М., 2002. С. 446–450.

² Некипелов А. Д. Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996. С. 73–74.

³ Воронков В. И. События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 95.

⁴ V съезд Польской Объединенной рабочей партии. 11–16 ноября 1968 г. Основные материалы и документы. М., 1969. С. 207.

⁵ Стенограмма расширенных заседаний Комитета Государственной думы по вопросам геополитики. 1996–1999 годы. 19 декабря 1996 г.; Громько А. А. Геополитическая доктрина Брежнева и внешняя политика СССР в 70–80-е годы (К 90-летию со дня рождения Л. И. Брежнева) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gromyko.ru/Russian/DA/an2.htm>.

⁶ Gierek E. Przerwana dekada. Warszawa, 1990. S. 211.

⁷ Документы «Комиссии Сулова»: События в Польше // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 84.

⁸ Воронков В. И. Указ. соч. С. 96.

⁹ Млечин Л. Андропов. М., 2008. С. 247.

¹⁰ Правда. 1980. 31 авг.

¹¹ См.: Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 87, 88.

¹² Воронков В. И. Указ. соч. С. 98.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 89. Оп. 42. Д. 37. Л. 1–5. Д. 34. Л. 3.

¹⁴ Воронков В. И. Указ. соч. С. 98, 99.

¹⁵ См.: Известия. 19.06.1994.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 34. Л. 5.

¹⁷ Там же. Д. 37. Л. 1–5; Воронков В. И. Указ. соч. С. 99.

¹⁸ Воронков В. И. Указ. соч. С. 100.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 35. Л. 4 и др.

²⁰ General Pawlow: byłem rezydentem KGB w Polsce. Warszawa, 1994. S. 276, 277.

²¹ Воронков В. И. Указ. соч. С. 103.

²² Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти (1945–1991). М., 1998. С. 400, 408.

²³ Kania S. Zatrzymać konfrontację. Warszawa, 1992. S. 91.

²⁴ Правда. 27.12.1980; Советский Союз и Народная Польша. 1974–1987. Документы и материалы. М., 1989. С. 170.

²⁵ Воронков В. И. Указ. соч. С. 104.

²⁶ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 36. Л. 4, 5.

²⁷ Мусатов В. Л. Россия и Восточная Европа: Связь времен. М., 2008. С. 195.

- ²⁸ См.: *Gates R. M. Gates, From the Shadows. The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How they Won the Cold War.* N.Y., 1996. P. 232–236.
- ²⁹ *Rakowski M. F. Jak to się stało.* Warszawa, 1991. S. 25.
- ³⁰ *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 106.
- ³¹ XXVI съезд КПСС. 23 февраля — 3 марта 1981 г. М., 1981; Советский Союз и Народная Польша. 1974–1987. Документы и материалы. М., 1989. С. 178.
- ³² *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 109, 110.
- ³³ Правда. 5.03.1981; Советский Союз и Народная Польша. С. 173.
- ³⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 66. Д. 36. Л. 4, 5.
- ³⁵ *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 107–108.
- ³⁶ *Млечин Л.* Там же. С. 247.
- ³⁷ *Борецкий Р.* Мой генерал. Что он спасал: Режим или страну? М., 2008. С. 99.
- ³⁸ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 39. Л. 3–8.
- ³⁹ Там же. Л. 3.
- ⁴⁰ *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2005. С. 397.
- ⁴¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 40. Л. 2–6; Д. 46, Л. 3.
- ⁴² General Pawlow: bylem rezydentem KGB w Polsce. S. 329–330.
- ⁴³ См.: Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 90, 91.
- ⁴⁴ Правда. 12.06.1981; Советский Союз и Народная Польша. 1974–1987. С. 175, 178.
- ⁴⁵ См.: *Raczkowski A. Pół wieku dziejów Polski.* Warszawa, 2005.
- ⁴⁶ Советский Союз и Народная Польша. 1974–1987. С. 179–180, 182.
- ⁴⁷ См.: Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 92.
- ⁴⁸ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 41. Д. 44. Л. 5.
- ⁴⁹ См.: *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 399.
- ⁵⁰ *Грибков А. И.* Судьбы Варшавского Договора. М., 1998. С. 133.
- ⁵¹ *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 400.
- ⁵² *Борецкий Р.* Указ. соч. С. 103–104.
- ⁵³ Новое время. 1992. № 27. С. 26–27; *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 400.
- ⁵⁴ См.: *Ачалов В.* Я расскажу вам правду. М., 2006, а также: Сегодня. 1995. 7 февр.
- ⁵⁵ *Грибков А. И.* Указ. соч. С. 147–149; *Его же.* «Доктрина Брежнева» и польский кризис начала 80-х гг. // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 46–47.
- ⁵⁶ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 41. Д. 48. Л. 4–6.
- ⁵⁷ См.: Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 98.
- ⁵⁸ *Мусатов В. Л.* Указ. соч. С. 198.
- ⁵⁹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 41. Д. 48. Л. 4–6; Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 98.
- ⁶⁰ *Борецкий Р.* Указ. соч. С. 94–95.
- ⁶¹ *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 401.
- ⁶² Там же. С. 402; *Jaruzelski W. Mein Leben für Polen. Erinnerungen.* München, 1993. S. 234–235.
- ⁶³ Цит. по: *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Указ. соч. С. 401.
- ⁶⁴ *Воронков В. И.* Указ. соч. С. 120.
- ⁶⁵ См.: Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 103.
- ⁶⁶ См.: Генерал Павлов: Я был резидентом КГБ в Польше. М., 1994.
- ⁶⁷ *Мусатов В. Л.* Указ. соч. С. 198.
- ⁶⁸ См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 66. Д. 6; Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 97–103; Советский архив. Собран В. Буковским // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psi.ece.jhu.edu>.
- ⁶⁹ *Борецкий Р.* Указ. соч. С. 96.
- ⁷⁰ См.: Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 100.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. С. 102.
- ⁷³ Przed i po 13 grudnia. Państwa bloku wschodniego wobec kryzysu w PRL 1980–1982. Т. II. Warszawa, 2007. S. 398. См. также: Время новостей. 2008. 12 дек.
- ⁷⁴ *Борецкий Р.* Указ. соч. С. 96–97.
- ⁷⁵ *Шахназаров Г. Х.* Встречи с лидерами социалистических стран // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 161.

⁷⁶ См.: Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 97–99, 101, 102.

⁷⁷ Ярузельский В. Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 году? // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 115–116.

⁷⁸ Вести.Ru. 12.IX.2008; Przegląd. 23.11.2008; и др.

⁷⁹ Górnicki W. Teraz już można: Ze wspomnień kulawego szeryfu. Wrocław, 1994. S. 23.

⁸⁰ Грибков А. И. Судьбы Варшавского Договора. С. 140–141.

⁸¹ Jaruzelski W. Stan wojenny. Dlaczego... Warszawa, 1992. S. 349, 350, 396–398; *Idem*. Pod prąd. Refleksje rocznicowe. Warszawa, 2005. S. 141–147, 157–167; *Idem*. Być może to ostatnie słowo. Warszawa, 2008. S. 224, 225, 305–311.

⁸² См.: Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 104.

Советско-польские отношения в течение полутора лет, которые минули с начала волны забастовок в Польше в июле 1980 г. до введения военного положения в декабре 1981 г., были во многом необычными. Поскольку никогда, может быть, за исключением 1944–1946 гг., когда Сталин прямо диктовал польским коммунистам основные ключевые решения, а многие другие принимались после «консультаций» с Хозяином, непосредственные контакты между руководителями обоих государств и партий не были такими частыми. Также вероятно, самая высшая инстанция СССР — то есть Политбюро ЦК КПСС — никогда не занималась настолько интенсивно и систематично Польшей, которая являлась особой темой для дискуссий и информации, по меньшей мере на 20–25 заседаниях, а следовательно, в среднем один раз в три недели. Конечно, это не являлось следствием каприза Леонида Брежнева, а было вызвано тем фактом, что экономический кризис в Польше, продолжавшийся с 1976 г., повлек за собой общественный кризис, который вылился в забастовки сразу же после сентября 1980 г.

Одновременно с созданием «Солидарности» как независимого от власти, многомиллионного общественного движения появились симптомы кризиса, непосредственно связанного с системой. Вместе с недовольством уровнем жизни и безнаказанностью властей причиной его возникновения стали длившаяся несколько лет активность демократической оппозиции (не без оснований считавшейся «антисоветской»), а также влияние католической церкви, которая в 1978 г. получила огромную поддержку в лице Иоанна Павла II. Визит Папы в Польшу в июне 1979 г., названный «паломничеством в Отчизну», показал, кому принадлежат сердца поляков.

Забастовки, которые прошли в первой половине июля, в том числе продолжавшаяся несколько дней забастовка на железнодорожном узле в Люблине, через который проходила значительная часть эшелонов, предназначенных для Советской армии в ГДР, вызвали беспокойство как в Варшаве, так и в Москве. Эдвард Герек, находившийся в отпуске в Крыму, встретился там с Брежневым, который критически высказывался о польском руководителе и его окружении, обвиняя их, в частности, в чрезмерных долгах перед Западом, а также отказе от активной борьбы с политическими противниками, в том, что Герек «бросал тень на классовый смысл социалистического патриотизма лозунгами типа “все поляки — братья”»¹. Однако вплоть до середины августа не было повода для того, чтобы бить в набат и осуществлять чрезвычайные действия. Ситуация изменилась, когда 14 августа в первый раз не спонтанно, а по инициативе оппозиционных групп началась забастовка с захватом Гданьской верфи им. Ленина. С этого момента Политбюро ЦК ПОРП

собиралось каждый день, была создана команда для отслеживания ситуации и подготовки проектов действий (так называемая комиссия Кани), в Министерстве внутренних дел был создан кризисный штаб («Лето-1980»), а в Генеральном штабе Войска Польского были организованы специальные дежурства офицеров. Москва отреагировала 21 августа личным письмом Брежнева Гереку, спустя четыре дня была создана Комиссия по Польше, руководителем которой был назначен Михаил Сулов. В ее состав, в частности, входили министр иностранных дел Андрей Громыко, руководитель КГБ Юрий Андропов и министр обороны СССР Дмитрий Устинов. Это указывало как на значение комиссии, так и на то, что во внимание принималась возможность «силового решения». Спустя два дня Брежнев направил Гереку очередное письмо, которое зачитал адресату посол Борис Аристов. Советский генсек добивался решительных действий со стороны польских властей. «Комиссия Сулова», по всей вероятности, получила из Польши настолько тревожную информацию, что 28 сентября подготовила проект постановления, предполагающий мобилизацию трех танковых и одной моторизованной дивизий, которые должны были быть приведены в боевую готовность уже к вечеру следующего дня. Более того, в случае «перехода Войска Польского на сторону контрреволюционных сил» предусматривалась мобилизация 5–7 следующих дивизий². Хотя в свете дальнейших событий эти предложения могут показаться заблуждением, тем не менее они определенно выдают настрой и опасения советского руководства. Однако к тому моменту забастовки распространились уже почти по всей стране (участвовало в них около 750 тыс. человек), и 29 сентября польское руководство приняло окончательное решение о прекращении попыток силой разогнать забастовки, а также о заключении соглашения с самыми главными забастовочными комитетами.

В истории коммунистической Польши начался новый этап, который на самом деле закончился лишь в 1989 г., а если принимать во внимание размеры и положение Польши, все происходившее в ней имело важное значение для существования советского блока в Центрально-Восточной Европе и, следовательно — для безопасности Советского Союза. Хотя СССР обладал огромным военным потенциалом и весомыми экономическими инструментами, это не означало, что его руководители пожелают и смогут воспользоваться своей силой. Не вдаваясь в подробности, касающиеся сложных отношений с Западом (главным образом с США), которые в определенной степени ограничивали свободу маневра Кремля, следует вспомнить, что Советская армия ввязалась в становившуюся с каждым днем во все более затратной и проблематичной в плане победы войну в Афганистане, и поэтому открытие «второго фронта» в виде вмешательства во внутренние дела Польши было бы для СССР слишком рискованным делом. Вскоре польские коммунистические лидеры решились на шаг, который Герек назвал «меньшим злом», то есть на постепенное возвращение контроля над обществом и эволюционную рестабиллизацию ситуации, Москва не могла их ни однозначно дезавуировать, ни тем более придумать им замену. Поэтому не оставалось ничего иного, нежели помочь польским коммунистам в деятельности, направленной на возвращение status quo ante. Первым их шагом была замена на посту первого секретаря ЦК Герека, пополнившего список «козлов отпущения» среди деятелей высшего уровня, названных в первый раз уже 24 августа, Станиславом Каней, который до того момента был ответствен-

ным за аппарат безопасности³. Замена, вероятно, состоялась с тайного и неформального согласия Москвы, но подтверждения тому в известных источниках нет.

Хотя стратегическая предпосылка — ликвидация либо полное подчинение «Солидарности» — была неизменной, в советской политике в отношении «польского кризиса» можно обозначить две принципиальные фазы, которым предшествовал вступительный период, когда еще не было ясно, какого размаха достигнет независимый профсоюз, и можно было рассчитывать на то, что удастся его подчинить прежде того момента, когда он наберет силу. Одно оставалось неизменным: Кремль считал, что действия должны быть решительными и предприниматься так быстро, как только можно. Тем не менее первые рекомендации польским товарищам, подготовленные «комиссией Сулова» уже 3 августа, были не только достаточно общими, но также не отличались решительностью, так, например, рекомендовалось «проявить гибкость», а «взвешенные административные средства» использовать только «в случае необходимости»⁴. Главным образом в них говорилось о пропагандистской деятельности или таких загадочных инициативах, как «укрепление боевого духа партийных организаций», «организационное усиление комитетов ПОРП на уровне гмин» или «разоблачение политического образа и замыслов руководителей оппозиции». Вероятно, единственной новаторской задумкой было «привлечение командных кадров (армии) к партийно-хозяйственной работе». Однако предусматривалось, что новая (а вернее, обновленная) команда, в которой вместе с Каней главную роль играли Стефан Ольшовский, генерал Войцех Ярузельский, Казимеж Барчиковский, министр внутренних дел Мирослав Милевский, а также несколько «твердолобых» (таких как Станислав Котёлек, Анджей Жабиньский или Тадеуш Грабский), приступит к действительно решительным действиям. Первоочередной задачей новых руководителей было воспрепятствовать укреплению «Солидарности». Несмотря на то что во время визита Кани в Москву (30 октября) ему было дано прямое указание поторопиться, польское руководство не могло решиться на радикальные шаги. На самом деле были такие, кто убеждал в том, что следует немедленно вступить в конфронтацию, но они находились в меньшинстве. В любом случае Каня, которого поддерживал в том числе Ярузельский, не принимал соответствующих решений. В результате 10 ноября Верховный суд, конечно, с согласия Политбюро ЦК ПОРП, зарегистрировал независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность», который становился в полной мере официальной организацией. На тот момент он уже насчитывал около 7 млн членов, «старые» же профсоюзы находились в полном упадке.

Возможно, Москва также еще не приняла решения относительно дальнейших шагов. В тот же день, когда зарегистрировали «Солидарность», было принято решение о предоставлении Польше экономической помощи, в том числе наличного кредита в 150 млн долл., долларовых и рублевых кредитов на закупку зерна, продовольствия и сырья, кроме того, была отсрочена уплата польских долгов. В Москве понимали, что улучшение снабжения может быть важной составляющей, которая повлияет на общественный настрой в Польше. Также были предприняты определенные действия, целью которых было ограничение воздействия ситуации в Польше на советских граждан: серьезно уменьшили распространение польской прессы на территории Советского Союза, значительно сократили туристический обмен.

Подобные действия также предприняла Чехословакия, а ГДР приостановила действие договора о приграничных контактах, которые в течение многих лет осуществлялись без виз и паспортов. Из-за отсутствия доступа к документам Вооруженных сил СССР и КГБ трудно очертить период, когда начала выкристаллизовываться политическая линия, которая означала вход в уже упоминавшуюся «первую фазу». Может быть, толчком была регистрация «Солидарности», негативно воспринятая не только в Москве, но и прежде всего в Восточном Берлине и Праге, где чувствовали опасность распространения «польской заразы». Уже в октябре было отмечено влияние польского примера на настроения общественности в самом Советском Союзе⁵. Очень важным поводом для нарастающего беспокойства ситуацией в Польше было появление в ПОРП реформаторского течения, которое на самом деле не имело поддержки на самых высоких уровнях власти (как это было в Чехословакии в 1968 г.), но принимало форму движения снизу, что могло быть особенно опасно в случае чрезвычайного съезда ПОРП, вероятность созыва которого возрастала с каждым днем. Появилось подозрение, что это движение, называемое «горизонтальными структурами», получит влияние на территории Польши, и это определит состав делегатов съезда. Это же в свою очередь в ситуации, когда партийная дисциплина была серьезно ослаблена, а авторитет руководства, тесно связанного между собой, оспаривался, могло стать решающим фактором в выборе центральных органов и толкнуть ПОРП как целостную организацию в сторону «социал-демократии».

Принятая в ноябре линия Москвы основывалась на установке, что на территории Польши состоятся учения войск Варшавского договора (СССР, Чехословакии, ГДР и Польши). Они должны были стать «прикрытием» для операции подавления «Солидарности», которая представлялась как арест от нескольких сотен до нескольких тысяч активистов профсоюза и деятелей оппозиции. Это «прикрытие» должно было служить средством устрашения общества, придать смелости окружению Кани и оказать помощь в усмирении возможных протестов. В пользу такого решения высказывался в письме Брежневу, переданном две недели спустя после легализации «Солидарности», глава ГДР Эрих Хонеккер. В конце ноября напряжение в Польше чрезмерно возросло в связи с инцидентом, вследствие которого были арестованы два работника варшавского отделения (регион Мазовше) «Солидарности». Хоть инцидент удалось замять, атмосфера оставалась накаленной, возможно, это и было целью ареста. В любом случае 1 декабря в Москву прибыли вызванные в срочном порядке представители Генштабов Польши, ЧССР и ГДР, которых принял начальник Генерального штаба Советской армии маршал Николай Огарков. Им вручили карты с планируемым ходом учений «Союз-80» и оповестили, что они начнутся 8 декабря; в них будут задействованы 18 дивизий, в том числе 11 советских, две чехословацкие, одна дивизия ГДР и четыре польские. Войска должны были быть размещены вблизи крупных городов и промышленных агломераций. Этот план не определял, должны ли войска прибыть в полном составе, но надо полагать, что они должны были выступить без проведения дополнительных мобилизаций, на которые, безусловно, не хватало времени.

Однако одновременно польское руководство, как и главы всех государств Варшавского договора, получило приглашение в Москву на совещание по вопросу о

ситуации в Польше, которое было назначено на 5 декабря. Все это напоминало события 1968 г., когда также созывались «совещания», а одновременно с этим на территории Чехословакии проходили учения союзнических войск. После обстоятельного доклада Кани поочередно высказались все первые секретари, которые одновременно признали, что ситуация в Польше опасная (утверждалось, что фактически уже имеет место опасность контрреволюции) и необходимо предпринять энергичные действия для ее подавления. Однако не оговаривались вопросы военных учений, а Брежнев в итоге признал, что их следует отложить, чтобы дать руководству ПОРП время справиться с ситуацией. На основе известных документов не ясно, был ли представленный 1 декабря план учений только блефом, который должен был вынудить поляков предпринять энергичные действия, или рассматривался Брежневым всерьез. По мнению некоторых американских историков, решающее значение в том, что от них отказались, сыграли обращения президента США Картера, в том числе письмо Брежневу от 3 декабря, в котором он предупреждал, что «внешняя военная интервенция в Польше окажет крайне негативное влияние на отношения Восток—Запад»⁶. Вероятно, это письмо не осталось без внимания, однако скорее всего оно не сыграло решающей роли.

Тем не менее Кремль не отказался от своего плана, также в Москве не перестали беспокоиться отсутствием решительности у Кани и слишком малой силой убеждения «твердолобых». Ситуация в Польше оставалась в крайней степени беспокойной, а решимость Москвы дополнительно усиливалась убеждением, что в Польше распространяется волна антисоветизма, которую власти не в состоянии остановить. На самом деле антисоветские настроения были сильными и часто проявлялись публично, что вообще-то имело место в Польше всегда, когда политическая ситуация подвергалась дестабилизации (например, в 1956 г.). Однако эти настроения не были следствием конкретной ситуации и проявлялись только в то время, когда возникала возможность их выражения. Таким образом, можно сделать вывод, что антисоветизм, который был в конечном счете в полном смысле преемником давней антирусскости, сильно укоренился в польском обществе. Был это, конечно же, вербальный антисоветизм, за ним не было ни одного акта агрессии. Многие указывают на то, что по крайней мере некоторые из появившихся надписей на памятниках, связанных с советской традицией (главным образом касающихся периода Второй мировой войны, а также на памятниках Дзержинскому, который к тому же был поляком), могли быть просто провокациями, организованными службой безопасности, чтобы дать аргументы противникам «Солидарности». Умеренные лидеры «Солидарности» во главе с ее лидером Лехом Валенсой чаще всего критически относились к таким проявлениям антисоветизма⁷, но их возможности повлиять в данной сфере скорее были ограниченными. Ведь трудно было приказать уволить с работы редактора местной профсоюзной газеты, который размещал в своей газете карикатуру на Брежнева (в виде грозного медведя), или препятствовать публикации статей о пакте Риббентропа—Молотова или о об убийствах в Катыни. Трудно сказать, действительно ли советские руководители думали о тех эксцессах так же серьезно, как писала советская пресса, но постоянно напоминали о них Кане. Надо полагать, что информация о таких событиях прежде всего была предназначена для советских граждан, которых старались — в целом с успехом, как это делалось в случае

с большинством немцев, чехов, даже венгров — настроить недоброжелательно к «Солидарности», а в результате против поляков в целом.

На самом деле приготовления к введению военного положения в Генеральном штабе и Министерстве внутренних дел проходили довольно быстро (в том числе был составлен список лиц, подлежащих интернированию, — приблизительно 5 тыс. человек), но план по-прежнему дополнялся и крайний срок его готовности не был определен. Импульс снова последовал со стороны Москвы. 22 января 1981 г. на заседании Политбюро ЦК член «комиссии Суслова» Леонид Замятин сделал доклад о своей поездке в Польшу. Его оценка была относительно спокойной; так, например, он говорил, что «имеет место частичная активизация партийных организаций», внушал, что «следует оказывать упорное давление на (польскую) партию», в которой он не заметил явного разделения⁸.

Однако вместе с тем Замятин признал, что «Солидарность» «на данный момент — по сути политическая партия, наиболее враждебно настроенная по отношению к ПОРП и государству». В заключительной части заседания маршал Устинов, ссылаясь на мнение маршала Куликова, который также перед этим был в Польше и подтвердил, что «в Польше нет решительного перелома», объявил, что в марте будут проведены маневры войск Варшавского договора. При этом он признал, что «следует поднять статус этих учений, что означает, говоря иными словами, дать (полякам) понять, что наши силы находятся в состоянии готовности»⁹. Таким образом, была «возобновлена» декабрьская инициатива. На этот раз под кодовым названием «Союз-81».

Очевидно, одним из элементов подготовки польского руководства к возможности под прикрытием данных учений введения военного положения — и вместе с тем реализации одной из сентябрьских директив Москвы — было назначение 11 февраля на должность премьера генерала Ярузельского. Никогда до этого ни в одном коммунистическом государстве профессиональный военный не становился у руля государственного аппарата. Чаще именно гражданские получали самые высокие должности в армии. Спустя несколько дней при участии нескольких десятков людей из Министерства национальной обороны, Министерства внутренних дел и ЦК была проведена «штабная игра», касающаяся введения военного положения. Насколько известно, в ней не принимали участия советские представители. Назначение министра национальной обороны на должность главы правительства было принято в Москве с удовлетворением, но сомнения и опасения не исчезли. 4 марта во время официальных польско-советских переговоров маршал Устинов, как сообщает свидетель данного события, потерял самообладание и в определенный момент крикнул полякам: «У вас две недели на наведение в Польше порядка»¹⁰. В течение двух недель, а точнее, 17 марта должны были начаться маневры. И начались, а два дня спустя дело дошло до так называемых Быдгошевских событий, где несколько деятелей «Солидарности», участвовавших в заседании местного национального совета, были жестоко избиты милицией и попали в больницы. Произошло это в момент, когда их силой выгоняли из зала заседаний. Инцидент этот был признан атакой на профсоюз. Общенациональное руководство «Солидарности» требовало наказания виновных, а по отношению к позиции властей, которые оправдывали действия милиции, профсоюз объявил предупредительную и обещал

начать всеобщую забастовку. Впрочем, не известны документы — ни польские, ни советские, — на основе которых можно было бы утверждать с полной уверенностью, что этот инцидент был провокацией. Более правдоподобна версия, согласно которой он должен был оправдать введение военного положения. В любом случае момент, когда это произошло, а также такие факты, как подписание Ярузельским и Каней в срочном порядке 27 марта основополагающих документов, касающихся введения военного положения (в том числе «Основной концепции введения на территории ПНР военного положения с точки зрения безопасности государства» и «Рамочного плана действий вооруженных сил»), а также появление в Варшаве не только маршала Куликова с личным штабом, но и заместителя главы КГБ Владимира Крючкова, служат свидетельством того, что Москва считала — наступило подходящее время для расправы с «Солидарностью». Вероятно, эта дата была назначена тогда, когда в Москве принимали решение относительно сроков проведения учений. Польские средства массовой информации — в том числе телевидение — каждый день передавали информацию об их ходе, создавая атмосферу беспокойства. По мнению Ричарда Куклинского, в то время офицера Генштаба, который лично занимался приготовлениями к введению военного положения, Куликов и Крючков советовали приостановить действие конституции и обеспечить переход власти к армии¹¹. Брежнев, связавшись по телефону с Каней, требовал решительных действий: он заявил, что дело «достигло критической фазы»¹². Однако польское руководство снова пошло на попятную; это было следствием как осторожности тандема Кania—Ярузельский, которые опасались, что приготовления еще не были завершены, так и прежде всего молниеносной мобилизации «Солидарности», на стороне которой выступили почти все организации ПОРП на крупных предприятиях, где влияние профсоюза Леха Валенсы было особенно сильным. Боевой дух обеих сторон остужал примас Вышинский. В результате 31 марта было заключено временное соглашение, предусматривавшее, в частности, с одной стороны, отмену всеобщей забастовки, а с другой — согласие властей на регистрацию в «Солидарности» крестьян. Это означало для Москвы неизбежность пересмотра действовавшей до того момента тактики. В нервной, можно даже сказать, драматической ночной беседе в железнодорожном вагоне в Бресте над Бугом Андропов и Устинов, уполномоченные советского Политбюро, согласились с мнением Кани и Ярузельского, что военное положение будет введено польскими силами, без участия войск Варшавского договора, которые, однако, будут готовы оказать поддержку в случае неудачи. Таким образом, началась «вторая фаза» советской политики в отношении Польши.

Однако это не означало уменьшения давления на польское руководство. Наоборот, лишь после этой беседы Москва начала серьезно задумываться о персональной альтернативе для правящего тандема. В этом принимали участие прежде всего посол Аристов и резидент КГБ Павлов¹³, но самую большую активность проявлял лидер ГДР Хонеккер. Как Социалистическая единая партия Германии, так и «штази» были вплоть до 13 декабря главной опорой для польских «твердолобов» или, как их называли в Кремле, «здоровых сил». 16 мая в Москву съехались на тесное и доверительное совещание Хонеккер (инициатор встречи) и Гусак, которые убедили Брежнева, что Канию следует отстранить от власти. Согласно материалам

Митрохина, девять польских генералов предложили в Москве план проведения государственного переворота, создание военной хунты, отстранение от власти Политбюро, введение военного положения и приостановку военной помощи Варшавского договора¹⁴. Это похоже на политическую фикцию и, мне кажется, является попросту вымыслом недобросовестных информаторов КГБ, но точно передает напряженность, которая существовала в польском коммунистическом истеблишменте. Зато с абсолютной точностью можно проследить попытку отстранения Кани (а вместе с ним и Ярузельского), предпринятую 9 июня 1981 г. согласно плану, представленному в Москве Хонеккером. Не вникая в подробности¹⁵, можно сказать, что «здоровые силы» потерпели поражение: на пленарном заседании ЦК ПОРП по предложению Грабиньского за отстранение Политбюро (тайным голосованием) выступили 24 человека, 5 воздержались, против проголосовали 89 человек. Вероятно, решающее значение имели как тактические ошибки самой Москвы, в частности, одновременная атака на Канию и Ярузельского, так и внутренние трения среди «твердолобых». Так или иначе, умеренная линия Кани получила поддержку, а Брежнев согласился с этим: 18 июня на заседании Политбюро ЦК КПСС он заявил: «Пожи-
вем — увидим»¹⁶.

Неудача «путча в ЦК», как и решение повременить с введением военного положения в конце марта, кажется, подтверждает гипотезу, согласно которой Москва имела ограниченные возможности воздействовать на ход событий в Польше и даже на ситуацию в самой коммунистической партии. Ибо по сути без соответствующей поддержки в самой Польше Советский Союз имел лишь возможность чисто военной развязки, а этого он на тот момент желал избежать любыми путями. Поражение «здоровых сил» выявило, что такой поддержки у Москвы нет и не остается ничего иного, как искать других людей. Репутация Кани ухудшалась с каждым днем, а его пассивность рассматривалась почти как граничащая с предательством, поэтому первоочередной задачей было найти на его место другого человека. Из-за отсутствия доступа к документам ЦК КПСС и КГБ я не смогу определить ни того, когда такие поиски начались, ни того, какие кандидатуры рассматривались. В любом случае Москва не была склонна принимать идеи Хонеккера и Гусака, которые все еще делали ставку на тех самых людей, которые показали несостоятельность в июне. Контакты с ними не прекращались, но достаточно очевидно было, что самое большее, на что они были способны, — это выполнение только вспомогательных заданий, сами же они оказались не в состоянии выделить из своего окружения лидера с соответствующим авторитетом и способностями. Время неумолимо уходило, Кания продолжал набирать отрицательные очки. «Солидарность» сумела провести свой всепольский съезд и выбрать общенациональное руководство, в том числе руководителя (Леха Валенсу), что делало профсоюз весьма легитимным. Мало того, профсоюз почувствовал в себе силы, которым никто не сможет угрожать. Он начал выходить за пределы границ Польши, что было определено как «самоограничивающаяся революция». Все это происходило, несмотря на такие жесты со стороны Советского Союза, как проведение в период съезда самых больших после войны военных маневров в Прибалтике, Литве, Белоруссии и Украине. Делегаты съезда «Солидарности», который проходил в Гданьске, могли своими глазами наблюдать мощный авианосец «Киев», стоявший на рейде. Для Москвы важным сигналом —

собственно говоря, *casus belli* — было принятие съездом «Призыва к людям труда Восточной Европы»: следовать примеру «Солидарности»; в «Призыве» декларировалась поддержка подобных инициатив. Последовала мощная пропагандистская атака внутри Польши и подобная же атака со стороны Москвы и «братских партий», которые обратились к ЦК ПОРП с открытыми письмами, выдержанными в остром тоне. Ситуация все еще не получала разрешения.

«Мы заметили, — рассказывал Хонеккеру Константин Русаков 21 октября, — что в последнее время между Каней и Ярузельским стали очевидными разногласия в подходе к основополагающим вопросам»¹⁷. Поскольку Ярузельский в «значительной мере был готов к решительному противостоянию контрреволюции, мы начали работать с Ярузельским», также включили в работу «добрых польских товарищей», которые проводили с ним переговоры. Ему напомнили, в частности, «о партийных обязательствах», о том, что стоит на кону. Советы, со своей стороны, уверяли, что он может «рассчитывать на помощь и поддержку братской партии». К давлению, вызывающему к идеологическим и политическим составляющим, а также, может быть, играющим на личных амбициях, прибавлялся экономический шантаж. Осуществлялось это легко, поскольку Польша находилась в экономической зависимости от Советского Союза, когда речь шла об энергоресурсах, а также о тесной связи ее промышленного потенциала с рынком восточного соседа¹⁸. Так или иначе, Ярузельский дал себя убедить. 18 октября Пленум ЦК ПОРП в первую очередь принял отставку Кани (104 голоса за принятие отставки при 79 — против), а пару часов спустя избрал первым секретарем ЦК генерала Ярузельского (в данном случае согласно партийным обычаям: 180 голосов — за, 4 — против).

С этого момента Ярузельский занимал ключевые посты — первого секретаря ЦК, премьера (пост, который предусматривал руководство комитетом обороны страны) и министра обороны. В случае введения военного положения это было весьма важно, поскольку определило полную монолитность власти на самом высоком уровне, чего не могли бы гарантировать даже в полной мере сотрудничающие друг с другом два или три человека. Москва, у которой никогда не исчезали подозрения, привитые еще в период борьбы за наследие Ленина, не верила в полной мере в решимость Ярузельского, что прекрасно видно из записей заседаний Политбюро от ноября и декабря 1981 г. Хотя Хонеккер по-прежнему считал, что «здоровые силы» должны по-прежнему приниматься во внимание, в советском руководстве не было такого оптимизма. Брежнев понимал, что на период введения военного положения нет реальной альтернативы Ярузельскому, несмотря на необходимость постоянно подстегивать и контролировать последнего. 7 декабря в очередной раз в Варшаве появился (со своим штабом) маршал В. Куликов, а вместе с ним, вероятно, В. Крючков, на следующий день в польскую столицу с однодневным визитом приехал Николай Байбаков, председатель советского Госплана, который уверял Ярузельского, что страна получит экономическую помощь и дополнительные поставки мяса. Хотя в Кремле до того момента не была известна ни окончательная дата «часа В», ни подробности планируемых мероприятий, была сделана ставка на то, что генерал и его ближайшее окружение предпримут все необходимое. Попросту, не было ни одной новой идеи, как разрешить ситуацию в Польши, однако это не означало, что

такая идея — вместе с военной интервенцией — не могла в определенный момент появиться.

Однако такой необходимости не было: 12 декабря, не дожидаясь наступления полуночи, специальные подразделения армии, Службы безопасности и милиции начали реализовывать приказ о введении военного положения, который официально был объявлен в специальном выступлении Ярузельского в 6 часов утра 13 декабря. Начало операции было принято в Кремле с удовлетворением и наверняка со вздохом облегчения, поскольку это снимало с Советского Союза ответственность и затрудняло выдвижение по отношению к нему обвинений в прямой интервенции. Брежнев позвонил Ярузельскому и поздравил его с принятым решением, а все «братские партии», включая кубинскую, вьетнамскую и лаосскую (но за исключением румынской), получили из Москвы однотипные депеши с просьбой о «предоставлении политической и моральной поддержки польским товарищам, а также дополнительной экономической помощи»¹⁹. Три дня спустя маршал Куликов вылетел в Москву. Надзор был уже лишним.

Москва резко протестовала, когда президент США Рейган возложил ответственность за введение военного положения на нее, но, по-видимому, можно было бы признать правоту престарелого обитателя Белого дома. На самом деле весьма вероятно, что польские коммунисты даже без давления извне ввели бы военное положение либо применили бы какой-нибудь другой способ радикальной расправы с контрреволюцией, связанной с «Солидарностью», но Советский Союз на самом деле оказывал надлежащим образом сильное давление. Повторялись случаи экономического шантажа, а несколько раз СССР даже пытался заставить сделать персональные перестановки на самом высоком уровне власти (что в итоге удалось).

В России до сих пор не вышла в свет ни одна научная работа, посвященная польско-советским отношениям в 1980–1982 гг. или политике Москвы в отношении самого большого партнера по Варшавскому договору. Может показаться, что этой проблематикой просто пренебрегают, поскольку — что весьма естественно — наиболее проблемными вопросами являются внутренние дела Советского Союза, а также конфронтация с США.

¹ Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 401.

² From Solidarity to Material Law: the Polish Crisis of 1980–1982. A Documentary History / Ed. by A. Paczkowski and M. Byrne. Budapest; N.Y., 2007. P. 64–65.

³ 24 сентября дело дошло до смены премьера, нескольких министров и высших руководителей ЦК ПОРП. До ноября из 19 членов и заместителей членов Политбюро, избранных на съезде в феврале 1980 г., осталось только 6, а из 8 членов Секретариата — половина. На высшие должности в свою очередь вернулись несколько человек, отстраненных перед тем Герекком.

⁴ Полный текст на русском и польском языках см.: Документы. Папка Сулова / Под ред. А. Кравчика, Ю. Снопкевича, А. Закревского. Варшава, 1993. С. 15–25.

⁵ Пример из далекого от Польши Алтая см.: Andrew C., Mitrochin W. Archiwum Mitrochina. KGB w Europie i na Zachodzie. Warszawa, 2001. S. 905–906. Больше всего сигналов приходило тогда из Литвы и Украины, а также из регионов, в которых работали польские рабочие.

⁶ MacEachin D. J. US Intelligence and the Confrontation in Poland. 1980–1982. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2002. P. 51; в начале декабря при содействии «утечек» из ЦРУ в американской прессе появилось много информации по поводу подготовки к учениям. Письмо Брежневу направил также президент Франции.

⁷ Однажды Валенса лично участвовал в очистке покрашенного памятника.

⁸ Полную запись соответствующего фрагмента заседания см. в кн.: Генерал Павлов: Я был резидентом КГБ в Польше. Варшава, 1994. С. 288–291 (на польском яз.); С. 283–288 (на русском яз.).

⁹ Там же. С. 290 (на польском яз.); С. 286 (на русском яз.).

¹⁰ *Воронков В. И.* Московская игра на Польшу // *Сегодня*. 1996. № 4. С. 93 (первое издание: *Вопросы истории*. 1995. № 10).

¹¹ *Куклинский В.* Война с народом: Взгляд из центра // *Культура*. 1987. № 4.

¹² *Kania S.* Zatrzymał konfrontację. Warszawa, 1991. S. 111.

¹³ Например, 30 мая Аристов и Павлов направили в Москву депешу, в которой, ссылаясь на «анализ настроения партийного актива», называли Тадеуша Грабиньского самым лучшим кандидатом на пост первого секретаря ЦК. См.: *Andrew C., Mitrochin W.* Op. cit. S. 912.

¹⁴ Там же. С. 913.

¹⁵ См.: *Пачковски А.* «Дорога к меньшему злу». Стратегия и тактика окружения власти, июль 1980 — январь 1982. Краков, 2002. С. 182–194.

¹⁶ Генерал Павлов... С. 345.

¹⁷ Протокол данного заседания см.: *Перед и после 13 декабря. Государства восточного блока по отношению к кризису в ПНР 1980–1982 гг.* / Л. Каминьски и др. (ред.). Варшава: IPN, 2007. Т. 1. С. 327–331.

¹⁸ Экономический шантаж Брежнев использовал ранее, в частности, в течение некоторого времени перед неудачным «июньским путчем», а также в начале августа, когда открывался съезд «Солидарности».

¹⁹ Документы. Портфель Сулова... С. 99.

В. Г. Барановский, Б. А. Шмелев (Россия)

В. Марчиняк (Польша)

С середины 1980-х годов Советский Союз вступает в эпоху перестройки, которая начинается как попытка придать новый динамизм развитию страны и ее взаимоотношениям с внешним миром. Реформаторская логика быстро приобрела кумулятивный характер, требуя осуществления преобразований по все более широкому фронту как во внутренних делах, так и во внешней политике. В настоящей статье предпринята попытка проследить, в какой мере и каким образом этот процесс затрагивал взаимоотношения с Польшей — в том числе и в части существующих в них «трудных проблем».

Впрочем, важнейшее значение в этот период имел общий контекст происходящих событий — как внутри СССР, так и на международной арене. Из них, разумеется, может быть вычленена «польская составляющая», но она в очень значительной мере была производной от более широкого круга обстоятельств, которыми характеризовались драматические перемены в Советском Союзе и вокруг него.

Общая динамика. К середине 1980-х годов в отношениях СССР с социалистическими странами Восточной Европы накопилось немало проблем, обусловленных в первую очередь нарастанием в них социально-экономического кризиса. Для его преодоления было необходимо принципиальным образом реформировать сложившуюся хозяйственную и политическую систему.

Требовала кардинальной перестройки и модель взаимоотношений в рамках «социалистического содружества». В частности, необходимо было пересмотреть основы функционирования СЭВ, который из инструмента интеграции и научно-технического прогресса постепенно превратился в тормоз их осуществления. Об этом, в частности, говорилось в адресованных руководству страны аналитических записках Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР. В частности, подчеркивалось, что механизм управления сотрудничеством стран—членов СЭВ не позволяет достаточно полно учитывать возможности его углубления на микроуровне в связи с исключением из процесса принятия решений

основного хозяйственного звена — предприятия (объединения). Поэтому интеграционные мероприятия нередко насаждаются сверху без должного учета интересов и реальных возможностей непосредственных производителей, что в конечном счете приводит к их неэффективности¹.

Не удовлетворяли требованиям интенсификации взаимного сотрудничества и его товарно-денежные инструменты. Они не оказывали должного воздействия на качество взаимопоставляемой продукции, затрудняли определение оценки экономического эффекта экспорта и импорта, вызывали порой экономически неоправданные убытки или выигрыши у отдельных стран².

В результате доминирующей роли решений, принимаемых на государственном уровне, многие даже малозначительные вопросы хозяйственного взаимодействия приобретали нежелательный политический оттенок. Учеными предлагалась комплексная перестройка механизма социалистической экономической интеграции, которая охватывала бы все его звенья: порядок многосторонней и двусторонней координации планов, кредитные и валютно-финансовые инструменты, деятельность коллективных международных структур (от совместных предприятий до Совета экономической взаимопомощи), правовую систему регулирования сотрудничества (включая порядок международного общения, передачи научно-технической документации).

Такого рода предложения, конечно же, в значительной степени основывались на предположении, что между социалистическими странами можно организовать эффективно функционирующую систему взаимоотношений. Сегодня проверить реалистичность такого предположения уже невозможно. Но стоит заметить, что в предложениях ученых подчеркивалась критически важная роль преобразований, которые надо было осуществить внутри социалистических стран: «успех такой перестройки в решающей степени зависит от создания адекватных для нее предпосылок во внутрихозяйственных механизмах братских стран»³.

Таким образом, изменение всей системы экономических отношений между социалистическими странами и выход на новые рубежи взаимодействия, без чего было невозможно преодоление кризисных явлений, требовали в свою очередь глубоких системных преобразований в каждой из них. В конкретных исторических условиях середины 1980-х годов этого можно было добиться только при активной и иницирующей роли Советского Союза как главного системообразующего элемента «социалистического содружества».

Двумя необходимыми политико-идеологическими предпосылками для преобразования отношений между СССР и его союзниками стало провозглашение Михаилом Горбачевым курса на обновление социализма и проведение политики «нового политического мышления». В обоих случаях этим отношениям задавался вектор трансформации — хотя мера таковой могла, конечно же, стать предметом споров и разногласий.

Формула самого М. Горбачева состояла из двух главных элементов — преемственность и необходимость перемен⁴. Он исходил из необходимости установления равноправных отношений, уважения суверенитета и независимости каждой страны, взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах. При этом главное заклю-

чалось в том, что признание этих принципов означает одновременно и полную ответственность каждой партии за положение в своей стране. Как отмечал Горбачев, это и означало поворот к новым отношениям, отказ от так называемой «доктрины Брежнева», которая никогда не провозглашалась официально, но фактически определяла подход СССР к союзным странам⁵. В своем выступлении в мае 1985 г. в МИД СССР М. Горбачев развил эти идеи и сделал новое по духу и весьма откровенное заявление: «Отношения с братскими социалистическими странами вступили в новый исторический этап. Это уже полноправное общество, и водить их на помочах нельзя. Отношения должны быть новыми. Максимальное внимание к этим нашим друзьям и их нуждам. А то был разрыв между декларациями о дружбе и подлинным духом отношений. Уважать суверенитет, достоинство союзников, в том числе малых, отказываться от иллюзий, будто мы можем всех учить»⁶.

Говоря о новом характере отношений СССР с социалистическими странами, М. Горбачев не отказывался от идеи дальнейшего строительства в них социализма, хотя и нуждающегося в реформировании. Он полагал, что возможности социалистического строя не исчерпаны, что он «способен решить самые сложные свои задачи. Для этого жизненно важно все более активное взаимодействие, которое дает эффект не просто сложения, а умножения наших потенциалов, служит стимулом ускорения общего движения вперед»⁷. Строго говоря, в этом пункте уже возникало поле возможных коллизий по причине несовместимости двух векторов — «обновления социализма» и отказа от него.

М. Горбачев, вероятно, не собирался отпускать союзников в свободное политическое, а тем более геополитическое плавание, поскольку понимал их значение для обеспечения безопасности Советского Союза. Так, выступая на XI съезде Социалистической единой партии Германии в апреле 1986 г., он заявил: «Будущее Советского Союза мы не мыслим вне тесного взаимодействия с ГДР и другими братскими странами». И добавил: «Не только потому, что так велят наши интернационалистские убеждения, но и потому, что без него невозможно решение сложных задач, которые выдвигаются временем»⁸.

Но при этом существовало стремление, сохраняя за СССР лидирующую роль, избавить его от экономического бремени и от головной боли по поводу внутривосточного развития «братских стран». Общий замысел состоял в том, чтобы способствовать приходу к власти реформаторских сил, которые, получив больше самостоятельности, взяли бы на себя и более значительную ответственность за внутренние преобразования. Это разгрузило бы Москву от заботы о союзниках, позволив ей сосредоточиться на решении внутренних проблем страны. А поддержка советских реформ новыми, прогрессистски настроенными лидерами «братских стран» создавала бы прочную политико-идеологическую основу для взаимоотношений внутри социалистического содружества и тем самым открывала новый этап в их взаимном сотрудничестве⁹.

М. Горбачев стремился изменить установившуюся за предшествующие годы традицию, когда лидеры социалистических стран информировались о внешнеполитических шагах Советского Союза по сути дела *post factum* — с тем только, чтобы их формально одобрить и зафиксировать поддержку со стороны союзников в оче-

редной декларации или заявлении Политического консультативного комитета (ПКК) Организации Варшавского договора. Теперь советское руководство считало необходимым сообща обсуждать внешнеполитические инициативы, с которыми намеревался выступить СССР. Союзникам дали понять, что советская дипломатия берет курс на широкое мирное наступление, притом вполне серьезно, не в пропагандистском, а в практическом плане.

Так, на очередном совещании ПКК Организации Варшавского договора в Софии (октябрь 1985 г.) были «сверены часы» накануне советско-американской встречи в Женеве. Как пишет М. Горбачев, «пожалуй, это был первый за многие годы случай, когда советское руководство не просто поставило союзников перед фактом и потребовало формального одобрения своим инициативам, а сочло необходимым сообща обсудить их... Это было по достоинству оценено с их стороны»¹⁰.

Идеи нового руководителя страны касательно кардинального изменения отношений с соцстранами были сформулированы в подготовленной им для Политбюро ЦК КПСС записке «О некоторых вопросах сотрудничества с соцстранами». В ней был сделан вывод о необходимости «подлинного перелома во всей системе сотрудничества с союзниками»¹¹.

Однако главное внимание в записке было сосредоточено на реформе механизма внешнеэкономических отношений. Основания для такого подхода, конечно, были: серьезные проблемы в экономическом и техническом сотрудничестве СССР с социалистическими странами угрожали перерасти в осложнение политических взаимоотношений, подрывали взаимное доверие. Все более очевидным становилось несоответствие структуры экономического и научно-технического сотрудничества потребностям развития социалистических стран. Эта структура практически не менялась на протяжении многих лет: примерно $\frac{2}{3}$ всего содействия европейским социалистическим странам приходилось на 5–6 ресурсоемких отраслей, в основном тяжелой промышленности, а также транспорта и связи.

Общий уровень оказываемого Советским Союзом научно-технического содействия союзным странам был явно несоизмерим с их потребностями. Об этом, в частности, говорилось в записке ИЭМСС «Об эффективности экономического и технического содействия СССР социалистическим странам»¹². В этих странах с начала 1980-х годов осуществлялась серьезная перестройка структуры экономики, значительное развитие получали передовые технологии, а развитие энерго- и материалоёмких отраслей замедлялось. Советское же техническое содействие не было ориентировано на поддержку новых тенденций. В записке делался общий вывод о том, что повышение эффективности экономического и технического сотрудничества СССР с социалистическими странами является важной составной частью перестройки всей хозяйственной жизни страны, и поэтому данная задача требует неотложного решения и мобилизации всех резервов.

На состоявшемся в ноябре 1986 г. в Москве «социалистическом саммите» по проблемам экономического сотрудничества участники дискуссии указывали на несовершенство самой экономической модели, действовавшей в странах «социалистического содружества», на «пороки экономической политики, не обеспечивающей оптимальное соотношение эффективности и социальной справедливости,

социальных программ и стимулов к труду»¹³. По существу, под сомнение ставились основополагающие принципы социализма, которые в предшествующие десятилетия определяли политику правящих коммунистических партий.

Встреча в Москве представляла собой одну из последних попыток сообща найти пути преодоления нараставших во всех странах СЭВ экономических и социальных трудностей, которые грозили перерасти в непредсказуемый по своей силе и последствиям кризис. Правда, отмечает М. Горбачев, «всей глубины его [кризиса] в полной мере тогда еще никто не осознавал»¹⁴. Но становилось очевидным, что выведение сотрудничества СССР с социалистическими странами на качественно новый уровень невозможно без глубокого реформирования действующих в них экономических систем и хозяйственных механизмов.

Между тем в самом Советском Союзе проведение экономической реформы, по словам бывшего тогда членом Политбюро ЦК КПСС Вадима Медведева, «уперлось в необходимость перестройки политической системы, и прежде всего самой партии, глубокой демократизации общества, гласности и свободы слова... Экономическая реформа могла состояться лишь как одна из составляющих всестороннего процесса реформирования общества»¹⁵. Однако именно в этом вопросе подходы горбачевского руководства и большинства лидеров европейских социалистических стран разошлись самым основательным образом.

Не выступая в принципе против проведения преобразований в обществе, они ссылались на то, что многие из политических проблем, мешающих реформированию социализма в их странах, уже якобы решены. Особенно на этом настаивали лидеры коммунистических партий ЧССР, Болгарии, Румынии и ГДР¹⁶. На этой почве начинали усиливаться негативные настроения и в отношении советской перестройки — что, по оценке М. Горбачева, все больше определяло атмосферу в отношениях между руководителями соцстран и всю ситуацию в социалистическом содружестве.

В сущности, на первых этапах намерение советского руководства в плане проведения реформ было поддержано скорее инерционно, чем содержательно — как традиционный акт лояльности к «старшему брату» в обмен на его гарантии авторитарным режимам в союзных странах. Но со временем неприятие перестройки начинает проявляться все больше, особенно в части демократизации и гласности¹⁷. Эрик Хонеккер после январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, посвященного вопросам демократизации и кадровой политики партии, заявил, что путь перестройки для ГДР не подходит. По его указанию запрещается публикация материалов Пленума в печати ГДР. Полное неприятие решений Пленума отмечается в Румынии. Общественности не дают никакой информации. Николае Чаушеску откровенно заявляет советскому послу, что не может согласиться с высказываниями на Пленуме и что «КПСС вступает на опасный путь»¹⁸. Густав Гусак (Чехословакия), Тодор Живков (Болгария) высказывают различного рода оговорки в отношении исходящего из Москвы пафоса преобразований.

А вот Войцех Ярузельский, по словам Михаила Горбачева, «горячо поддерживал перемены в Советском Союзе»¹⁹. Примечательно, что понимание в отношении проводимой им политики М. Горбачев встретил лишь со стороны польского лидера, а также Яноша Кадара (Венгрия). Вероятно, это не случайно — оба возглавляли

страны, в которых реформаторство в условиях «реального социализма» носило от-носительно более продвинутый характер. Хотя развивалось оно по-разному и, как показал дальнейший ход событий, не смогло стать альтернативой смене обществен-ного строя; резонанс от начавшихся в Советском Союзе процессов оказался там гораздо более явственным, чем в заповедниках коммунистической ортодоксии типа ГДР или Чехословакии. Причем четверть века спустя В. Ярузельский обращает вни-мание на такую сторону взаимосвязи советской перестройки и предшествовавших событий в Польше: если бы там не было установлено военное положение в 1981 г., в страну были бы введены войска стран—участниц Варшавского договора, и это «неизбежно усилило бы позиции сторонников жесткой линии в руководстве СССР, Горбачев бы не пришел тогда к власти и не начал бы свои реформы»²⁰.

Ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение сегодня невозможно. Но отсутствие четкой и ясной концепции отношений СССР со своими восточноевро-пейскими союзниками в эпоху перестройки бросается в глаза. Представления о последствиях проводимой политики как для восточноевропейского региона, так и для самого Советского Союза были, по всей видимости, не осмыслены и не про-считаны, а иногда строились больше на благих пожеланиях, чем на анализе реаль-ного положения дел. К примеру, предполагалось, что преобразования в Советском Союзе вызовут благоприятную «волну подражания» в союзных странах. Ведущие в этом направлении процессы поддерживались и даже подталкивались, а когда ру-ководство «братских партий» демонстрировало сдержанность вместо ожидавшегося энтузиазма — поощрялась его смена, приход к партийно-государственному уп-равлению нового поколения политиков (предположительно, менее консерватив-ных и более открытых к новым веяниям)²¹.

Шатались ли режимы в большинстве стран Восточной Европы, или у них были ресурсы для выживания, несмотря на растущие трудности? Как долго они могли продержаться у власти, не начнись проведение реформ в Советском Союзе? Воз-главлявший в эпоху перестройки советское внешнеполитическое ведомство Эду-ард Шеварднадзе писал по этому поводу: «Мы отчетливо видели, что почти во всех странах Восточной Европы политическое руководство быстро теряет контроль над ситуацией, не находит адекватные ответы на требования сторонников демократи-ческих перемен. ...Упорствуя в нежелании осуществлять реформы, консерваторы подвигались на применение приемов и мер, которые независимо от их воли и же-лания сплачивали организованную оппозицию, способствовали ее оформлению в широкое общенародное демократическое движение»²². При этом консервативные силы в социалистических странах искали и находили поддержку в Москве у про-тивников перестройки. Для борьбы с ней традиционно ориентированные партий-но-государственные элиты готовы были к подлинной консолидации в масштабах всего «социалистического содружества»²³.

В этих условиях перед Москвой вставала сложная проблема выработки линии поведения в отношении правящих режимов «братских стран» и противостоящей им растущей оппозиции, которая пользовалась все более широкой поддержкой. Ни одна из моделей поведения не выглядела абсолютно удовлетворительной. Под-держивая правящий режим в той или иной стране, Москва противопоставляла бы себя доминантным общественным настроениям и ставила под вопрос свои отно-

шения с ее будущим руководством. В то же время слишком прямолинейное содействие смещению режимов означало бы вмешательство во внутренние дела «братских стран». Отказ от вмешательства, от «экспорта идей» мог быть выигрышным в политико-пропагандистском плане и отлично вписывался в логику «нового мышления», но грозил полной утратой контроля над ситуацией.

Сегодня популярна точка зрения, что советское руководство оказалось неспособным разрешить данную коллизию — точнее, что ее разрешил ход событий, который вышел из-под контроля инициаторов перестройки²⁴. Но не стоит сбрасывать со счетов и принципиальную значимость отказа от «доктрины Брежнева» — даже если существуют серьезные сомнения в том, что Советский Союз на исходе 1980-х годов был бы способен реализовать ее на практике. Да, *post factum* кажется очевидным, что воспроизвести сценарий 1968 г., когда «Пражскую весну» задавили прямым применением военной силы, Москва, вероятно, уже не могла. Но консерваторы в кремлевском руководстве вполне могли придерживаться иной точки зрения: поскольку шансы «братских партий» в Восточной Европе удержать власть без политической поддержки, экономической подпитки и военных гарантий со стороны Советского Союза становились все более эфемерными — им нужно оказать всемерную помощь. Понятно, к каким последствиям могли бы привести попытки спасти коммунистические режимы или предотвратить их перерождение.

На практике поведение Москвы отличалось нерешительностью и непоследовательностью, которые, впрочем, можно интерпретировать и как осторожность, и как проявление ответственности. Так, начиная с 1987 г. оказывалась поддержка настроениям в пользу замены некоторых высших руководителей в «братских странах». Но на обращение оппозиционных групп румынской элиты об оказании помощи в свержении Николае Чаушеску советский лидер ответил отказом, мотивируя это принципиальным невмешательством во внутренние дела других стран²⁵.

Сценарий драматического клинча, в который могли бы войти Советский Союз и восточноевропейские страны, оказавшиеся в кризисе, не состоялся, и есть все основания поставить это в заслугу горбачевскому руководству. Парадоксально, но, хотя Москва отказалась гарантировать поддержку существовавшим там режимам, социалистическое будущее Восточной Европы не ставилось под вопрос чуть ли не до самого конца их существования. Приведем в качестве примера относящиеся к 1988 г. (!) слова М. Горбачева о том, что в «социалистическом мире разворачивается процесс преобразований и реформ, призванный дать новому общественному строю второе дыхание, поднять его на порядок выше во всех измерениях — экономическом, политическом, идеологическом»²⁶. По его оценкам, «процессы реформ и радикальных преобразований в социалистических странах подтверждают жизнеспособность социализма и его готовность ответить на вызов времени»²⁷.

Однако на деле жизнеспособность «нового общественного строя» сокращалась, как шагреневая кожа. Не оправдывались и надежды на то, что реформы сами по себе станут стимулом для перевода отношений соцстран на новую основу. Наряду с различиями в подходах к осуществлению реформ, методам и темпам их проведения все более обострялись противоречия в экономической сфере взаимодействия. Поскольку реформа экономической системы и хозяйственных механизмов не проводилась либо (как это имело место в СССР) не могла дать быстрого эффекта, то и

застарелые проблемы в экономическом сотрудничестве не решались и поэтому еще более обострялись.

Исчерпала себя старая модель экономических взаимоотношений, когда советское сырье и энергоресурсы обменивались на промышленные товары. Принятая в 1986 г. Комплексная программа социалистической экономической интеграции не давала того эффекта, на который рассчитывали ее инициаторы. Советский Союз, переживавший все более углубляющийся экономический и социальный кризис, оказался не в состоянии выступить в качестве локомотива социалистической экономической интеграции.

Не мог он и оплачивать издержки функционирования экономики социалистических стран за счет поставок им по льготным ценам сырья и энергоресурсов. В Москве начинают возникать представления о том, что союзники стали «обузой» и от них лучше бы «дистанцироваться»²⁸ — это позволило бы снять ответственность за их развитие и целиком сосредоточиться на решении задач, связанных с проведением реформ в стране. В значительной степени указанной логикой было обусловлено и согласие советского руководства на перевод торговых отношений со странами СЭВ на конвертируемую валюту, что нанесло им сильнейший удар в период реформирования.

Нарастающие противоречия между социалистическими странами, их неготовность к перестройке интеграционной модели на рыночный лад в конечном счете привели к роспуску СЭВ (как международной экономической организации), а затем и неуправляемому резкому свертыванию всех форм взаимного сотрудничества в торговой, производственной, научно-технической сферах.

В конце 1980-х годов страны региона и Советский Союз оказались в крайне тяжелом экономическом положении. Наличие экономического кризиса вначале было официально признано в Венгрии, Польше, Югославии, а затем в Болгарии, Румынии, Чехословакии и ГДР. Все более явственными становились черты системного кризиса, охватившего «социалистическое содружество». Стало очевидным, что теория и практика «реального социализма» не универсальны и не адекватны основным тенденциям мирового развития. «Реальный социализм» исчерпал свои исторические возможности и должен был уступить место другим общественно-экономическим и социально-экономическим отношениям, способным гибко и эффективно реагировать на вызовы времени.

В Москве это начинали понимать. Когда осенью 1989 г. в ЦК КПСС обсуждался вопрос о ситуации в восточноевропейском регионе, секретарь ЦК В. М. Фалин заявил, что «нельзя сводить все к “специфике” Польши и Венгрии. В кризисе — послевоенный порядок, нами насажденный. В кризисе — вся система отношений в социалистическом содружестве. Нужно быть готовым к взрыву, хотя не совсем ясно, где рванет вначале»²⁹.

СССР уже не мог взять на себя задачу стабилизации положения в социалистическом содружестве, поскольку и сам переживал глубокий и системный кризис, а также по причине существенно сократившихся экономических возможностей. В 1989 г. череда событий, происходивших в восточноевропейских странах, стала проверкой заявленного Москвой признания свободы социального и политического выбора каждым народом и каждой страной³⁰. Проверкой, которую она выдержала.

Как бы подводя своеобразный итог своей политике в Восточной Европе, М. Горбачев отмечал, что «строй, который существовал в странах Восточной и Центральной Европы, был осужден историей так же, как и в нашей стране. Он давно уже изжил себя, тяготил народы. И спасти этот строй, консервировать его значило бы еще больше ослаблять позиции нашей собственной страны, компрометировать ее в глазах и собственного народа, и всего мира»³¹.

Отказ от сохранения советской гегемонии в Восточной Европе не являлся результатом сознательной и продуманной политики. Он был следствием исторических обстоятельств, с которыми Москва не могла или просто не захотела «конкурировать». Гадать, могла ли она вести себя по-другому, сегодня бессмысленно. Но в итоге демонтаж социализма в регионе произошел в основном мирным путем и без драматических пертурбаций.

Международно-политические обстоятельства. Для уяснения масштабности происшедших на рубеже 1980–1990-х годов перемен имеет смысл напомнить, что установление Советским Союзом контроля над Восточной Европой явилось следствием его победы во Второй мировой войне. Легитимность присутствия СССР в регионе была обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что он явился освободителем восточноевропейских народов от фашистского порабощения. Именно из этого на протяжении длительного времени проистекала значительная поддержка, которой пользовался Советский Союз в Восточной Европе — в какой-то степени нейтрализуя негативную реакцию на его претензии играть роль гегемона, контролировавшего социальное, экономическое, политическое и культурное развитие стран региона, и сглаживая тяготы советского присутствия³².

Важно иметь в виду и еще одну составляющую советского присутствия в Восточной Европе — проистекающую из военно-политических императивов. Восточная Европа рассматривалась Москвой как пояс безопасности, и доминирование там считалось необходимым для обеспечения более надежных позиций в плане противостояния с Западом. Речь шла о своего рода стратегическом предполье, придававшем дополнительную глубину и ресурс прочности оборонительной диспозиции. И одновременно доминирование на этом пространстве использовалось для оказания военно-политического давления на Западную Европу.

Холодная война в значительной степени как раз и возникла именно из столкновения интересов СССР и Запада в Восточной Европе. Борьба СССР за сохранение своих позиций в восточноевропейских странах и активные действия Запада по усилению своего влияния на них во многом определяли состояние дел вокруг европейской безопасности в послевоенные годы.

Подписание Хельсинкского Заключительного акта означало признание Западом территориальных изменений в Восточной Европе, произошедших в результате разгрома гитлеровской Германии. В Москве были склонны интерпретировать это обстоятельство как фактическое согласие с ее доминированием над восточноевропейскими сателлитами. Однако в западных странах такой подход отнюдь не казался самоочевидным. Наоборот, сотрудничество по линии Восток—Запад в экономической, политической и особенно гуманитарной областях рассматривалось как средство постепенного «размягчения» советского лагеря, ослабления контроля

СССР над своими союзниками, переориентации вектора их внешнеполитического и в целом общественного развития.

Возникавшие на этой почве озабоченности всегда становились сильным аргументом в пользу более жесткого подхода Москвы к вопросу о взаимоотношениях с восточноевропейскими странами (и об отношениях с Западом по поводу восточноевропейских стран). Эта тенденция отчетливо прослеживается и с вступлением в эпоху перестройки. Понятно, что провозглашенная М. Горбачевым логика «нового политического мышления» требовала изменить характер отношений с Западом. Но довести ее до признания возможности выхода союзников из сферы советского влияния оказывалось гораздо более трудным делом. Ведь речь шла уже не об общечеловеческих и общецивилизационных принципах, а об обеспечении страной своих геополитических интересов и своей безопасности. Занимавший фактически вторую (после Горбачева) позицию в партийном руководстве Егор Лигачев высказался на этот счет совершенно недвусмысленно: укрепление социалистического содружества, развитие связей и взаимодействия со всеми социалистическими странами является одной из центральных задач внешней политики Советского Союза³³.

Была ли неизбежной геополитическая трансформация региона, расположенного к западу от Советского Союза, в связи с начавшимися в последнем преобразованиями? Это еще один вопрос, на который нет убедительного ответа (если только не считать таковым принятие всего сущего как неизбежности...). Отметим, однако, что происшедшие на волне и вследствие перестройки перемены в Восточной Европе (а точнее, их масштаб и темп) некоторые аналитики считают в какой-то степени неожиданными не только для М. Горбачева, но и для Запада.

Еще в середине 1980-х годов там молчаливо признавали советскую гегемонию в регионе, считали ее чуть ли не само собой разумеющейся. Понятно, что никаких открытых разговоров на этот счет не велось ни на официальном уровне, ни в полуофициальной обстановке, ни даже просто в «приличном обществе». Тема присутствия СССР в регионе была из числа тех, которые по соображениям «политкорректности» не подлежали обсуждению. Максимум, на что рассчитывали в столицах западноевропейских государств и в Вашингтоне, — это некоторая либерализация режимов и определенные послабления в плане их полицейско-репрессивных функций, но уж никак не полная независимость, роспуск Организации Варшавского договора и СЭВ, устранение советского контроля над «социалистическим содружеством». Наоборот, такая перспектива применительно к «нормальным» условиям могла скорее породить опасения касательно дестабилизирующих и потому нежелательных последствий.

Но, во-первых, условия явно переставали быть «нормальными». А во-вторых, есть и иные оценки касательно стратегических расчетов, возникавших в связи с Восточной Европой. Они восходят к традиционной логике бдительно-настороженного отношения к Западу. Очередной всплеск этой логики пришелся как раз на годы, непосредственно предшествовавшие перестройке в Советском Союзе. Примечательны оценки, которые содержались в докладе ИЭМСС АН СССР, подготовленном в 1984 г.

«В нынешних концептуально-стратегических установках политики США и их союзников в отношении стран [социалистического] содружества находит свое выражение стремление создать в течение 80-х годов путем усиления конфронтации и гонки вооружений предпосылки для коренного изменения международного соотношения сил в свою пользу. Нынешний политический натиск империализма... нашедший свое наиболее крайнее воплощение в провозглашенном Рейганом “крестовом походе” против коммунизма, преследует далеко идущую цель покончить с социализмом и коммунизмом до конца XX века»³⁴.

Таким образом, стратегически Запад нацелен на окончательное решение в свою пользу вопроса «кто кого». А тактически — сосредоточен лишь на одной суперидее: ослабить Советский Союз и лишить его международно-политической дееспособности (либо максимально таковую ограничить). Как только появляется хоть какой-то шанс к этому продвинуться — все другие внешнеполитические приоритеты отступают на задний план. Именно такая ситуация, согласно указанной логике, и возникла в связи с вступлением Советского Союза на путь радикальных преобразований — надо было воспользоваться ею для того, чтобы быстро, пока есть к тому возможности, элиминировать имевшиеся у него ресурсы, которые позволяли ему присутствовать на международной арене в качестве достаточно весомой величины.

К числу таких ресурсов относилась и система советского контроля над сателлитами и их мобилизации на поддержку внешней политики Москвы. Этого инструмента ее надо было лишить — причем не дожидаясь того, к какому результату придет сам Советский Союз со своими экспериментами в области трансформации существующего в нем общественного строя. Об этом пишет российский аналитик, который был в рассматриваемый здесь период заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС и поэтому может передать существовавшие «на Старой площади» (то есть в высших эшелонах власти) представления и ощущения. «С провозглашением “нового мышления” США и их ближайшие союзники сознательно работали ради ослабления роли и влияния СССР в ЦВЕ... При этом использовался и весь арсенал средств, применявшийся в годы противостояния, в период холодной войны, включая финансовый рычаг, разного рода приманки, нажим на правительства, закрытые контакты с лидерами оппозиции и пропагандистские каналы. Цель была одна: используя возможности, предоставляемые политикой Горбачева, шаг за шагом раскачивать ситуацию, чтобы добиться благоприятных [для Запада] политических перемен»³⁵. Далее автор приводит цитату из книги президента Дж. Буша-старшего и его советника по вопросам национальной безопасности Б. Скоукрофта, которые пишут, что на первом месте в приоритетах американской администрации стояла Восточная Европа, «где наметившиеся шаги по пути реформ могли дать нам возможность извлечь выгоду из “нового мышления” в Советском Союзе, добиваясь ослабления хватки Москвы»³⁶. Примечательно, что, согласно этому же источнику, задача «оторвать» от СССР его союзников стояла даже выше, чем императивы контроля над ядерными и обычными вооружениями (то есть связанные с обеспечением безопасности самих США!).

Ностальгически-реставрационная ментальность, которая стала набирать силу в России с начала 2000-х годов, видит в таких расчетах возмутительное коварство

Запада. Однако морализаторство на эту тему представляется совершенно беспредметным — хотя бы потому, что оно отталкивается от представления о безусловной легитимности сохранения «социалистического содружества» под контролем и влиянием Советского Союза. Между тем эта легитимность исчезала буквально на глазах. Не только по причине кризиса идеологии и нарастающей недееспособности самого Советского Союза. Но и потому, что его руководство не имело ни стратегии преобразований в восточноевропейских странах, ни критериев адекватной оценки складывающегося там положения дел. Москва была вынуждена импровизировать, постоянно приспосабливаясь к быстро меняющейся обстановке, подстраиваться под «естественный» ход событий.

Были еще две причины, которые предопределяли иррелевантность возможных попыток проведения активного курса на геополитическое удержание Восточной Европы в орбите советского влияния.

Во-первых, даже если исходить из описанного выше представления о том, что отношения по линии Восток — Запад являются имманентно конфронтационными («игра с нулевой суммой»), у Советского Союза к исходу 1980-х годов просто не было ресурсов для поддержания конфронтации. Достаточно сказать, что страна уверенно шла по пути усиливающейся экономической деградации, удержание военно-стратегического паритета становилось все более проблематичным, назревали все более серьезные внутривнутриполитические проблемы. В таких условиях было просто не до Восточной Европы — даже если и хотелось бы сохранить над нею контроль.

А во-вторых, поскольку горбачевская внешняя политика определялась императивами «нового политического мышления», ее главными векторами становились прекращение гонки вооружений, налаживание конструктивных отношений с США и Западом в целом, кооперативные усилия в деле укрепления международной безопасности, прекращение изоляции от наиболее развитой части мира, налаживание с ним сотрудничества в области науки, техники, культуры и т.п. Выдвигался лозунг деидеологизации внешней политики; приоритет должен был отдаваться общечеловеческим, общецивилизационным ценностям; от силовых решений надо было отказаться в пользу политических методов; вместо мирного сосуществования во главу угла следовало поставить идею глобальной взаимозависимости, а в Европе приступить к строительству «общеевропейского дома». На этом пути должны были решаться и важные задачи в плане придания мощного импульса развитию внутри страны — преодолению все более увеличивающегося отставания в области экономики, сокращению бремени ВПК, «которое давило на все отрасли хозяйства, калечило экономику, снижало и так позорно низкий уровень жизни»³⁷.

Отсюда логично вытекала и установка на включение Советского Союза (равно как и стран Восточной Европы) в мировую экономику в качестве ее органичной составной части, и интеграция в Европу³⁸. Это само по себе выводило за рамки политически приемлемого дискурса вопрос о контроле над союзниками. Но важнее другое — приоритетность взаимоотношений с ними явно отходила на второй план в сравнении с тем значением, которое придавалось взаимоотношениям с США и другими западными странами. Именно на этом направлении решались те проблемы, которые Москва считала имеющими первостепенное значение, — связанные с судьбами войны и мира, глобальной безопасности и т.п.

А значит, переводя разговор в плоскость политического реализма, за успех можно было заплатить уступками, гибкостью, переосмыслением своих интересов в других областях. Как считает уже цитированный выше российский исследователь, со временем (к 1989 г.) наступит момент, «когда страны Восточной Европы, фактически сателлиты Советского Союза, станут разменной картой в торге с западными державами» — за благосклонность к проводимому Москвой курсу, за поддержку перестройки, за получение финансово-экономической помощи³⁹. Есть и информация о проводившемся Генри Киссинджером зондаже касательно возможности «разменять» согласие Москвы с мягкой декоммунизацией Восточной Европы на обязательство Вашингтона не действовать против интересов СССР (и даже чуть ли не на формирование советско-американского кондоминиума)⁴⁰.

В 1989 г. перемены в Восточной Европе приобрели лавинообразный характер. Невмешательство Советского Союза в эти события было несомненным доказательством того, что холодная война закончилась⁴¹. Ее начало, как отмечалось выше, было во многом связано именно с переменами в Восточной Европе. И вот там вновь происходили кардинальные пертурбации, которые теперь отнюдь не вызывали грандиозных международно-политических потрясений.

Частично это было вызвано сфокусированностью внешнеполитического внимания главных международных игроков на иных проблемах. Оказавшись несколько «в стороне», Восточная Европа в известном смысле только выиграла: в критической для стран региона фазе развития их не пытались «делить», не навязывали им мучительный выбор, не предъявляли ультиматумов. Но не было и осторожной, сбалансированной, тщательно продуманной корректировки международно-политического статуса Восточной Европы. Москва, которая совсем недавно была главным действующим лицом на этом поле, не могла не почувствовать себя вытесненной с него. Это создавало политический дискомфорт, настраивало ее если не на накопление контрнаступательного потенциала, то по крайней мере на выстраивание глухой обороны.

Двусторонний контекст. В своей восточноевропейской политике советское руководство особое внимание уделяло Польше. Это было связано с рядом обстоятельств.

Главное из них — то, что кризис «реального социализма» проявлялся в Польше наиболее остро по сравнению с другими социалистическими странами. Для ортодоксов и традиционалистов Польша была «слабым звеном» — и по этой причине наиболее уязвимым как для давления извне, так и для «деструктивных действий» внутренней оппозиции.

Советское руководство в первой половине 1980-х годов (как, впрочем, и в предыдущие годы) рассматривало польскую модель социалистического строительства как не соответствующую фундаментальным принципам социализма. Причины польского кризиса видели именно в том, что ПОРП в своей деятельности недостаточно последовательно руководствуется идеями К. Маркса и В. Ленина, которые, «как известно, «наиболее полно» и «правильно» были реализованы в Советском Союзе.

Польским руководителям постоянно давали конкретные советы касательно того, как укрепить в стране социалистические начала и на этой основе обеспечить

более прочные позиции политическому режиму. О характере этих советов можно судить по рекомендациям генерального секретаря ЦК КПСС Константина Черненко, которые он в 1984 г. адресовал В. Ярузельскому: «искоренить антисоциалистические элементы», «ограничить вмешательство церкви в политическую жизнь», «ликвидировать многоукладность в народном хозяйстве», «поставить деревню на социалистические рельсы»⁴². Осуществление такого рода советов на практике могло бы только ускорить движение страны к хаосу и национальной катастрофе. На деле они по большей части игнорировались — что лишь усиливало в глазах кремлевских лидеров репутацию «польских братьев» как склонных к своему равному поведению.

И все же удержание власти в руках ПОРП рассматривалось Москвой как принципиальное условие сохранения страной социалистического выбора. Приход к власти «Солидарности», по оценкам советского руководства, означал бы провал социализма и неизбежные в этом случае внешнеполитические последствия — выход Польши из ОВД, ориентацию на Запад и т.д.

«Польский опыт» вызывал в Москве тревогу и в плане его принципиальной применимости к реалиям других стран социализма. Против правящей партии открыто (и успешно) выступила новая политическая сила — самоуправляющийся профсоюз, не подконтрольный властям и пользующийся поддержкой трудящихся. В социалистической стране появилось рабочее движение нового типа, выступающее против авторитарной системы. Само по себе это обстоятельство оказывало большое влияние на умонастроения правящей советской элиты. Ее демократически мыслящую часть это подталкивало к пониманию необходимости проведения реформ и в Советском Союзе, тогда как у традиционалистских сил активизировался охранительный инстинкт (в частности, в августе 1980 г. создается так называемая «комиссия Сулова» для отслеживания польских событий).

Официальная политика формировалась под воздействием этих достаточно противоречивых импульсов. Советское руководство категорически отменяет всякую возможность установления каких-либо контактов правящей партии с «Солидарностью». Последнюю считают (и не без оснований) открыто ориентирующейся на демонтаж социалистического строя и отстранение коммунистов от власти, и поэтому сама идея диалога с оппозицией кажется Москве ересью. Однако введения своих войск в Польшу для подавления оппозиции она тоже хочет избежать, справедливо опасаясь негативных политических последствий и невозполнимых имиджевых потерь⁴³.

Если для разрешения кризиса необходимы энергичные меры, их должны предпринять сами поляки — такова логика Москвы. Она начинает делать ставку на тех представителей польского руководства, которые склоняются к проведению более жесткого курса, и даже подталкивает их в этом направлении⁴⁴. К таким политическим фигурам относят генерала В. Ярузельского, который становится лидером ПОРП при поддержке Москвы. Советское руководство поддерживает и введение в ночь на 13 декабря 1981 г. чрезвычайного положения.

Хотя советским войскам и было приказано не вмешиваться в происходящие в Польше события, сложившаяся ситуация не могла не вызвать новой волны взаимного отчуждения. В Польше превалировали настроения, согласно которым имен-

но Советский Союз несет ответственность за введение военного положения, ставя цель вообще сделать невозможными преобразования в стране. А в Москве опасались, что принятых мер будет недостаточно, что новому руководству в Варшаве не хватит решимости покончить с антисоциалистическими тенденциями, что деструктивное влияние польского синдрома на другие «братские страны» продолжится и будет становиться даже более сильным... «Вокруг бастующей, бунтующей, мечущейся Польши был сооружен, по сути, санитарный кордон, заморожены или резко сокращены все контакты гуманитарного, и не только гуманитарного свойства»⁴⁵. В советских средствах массовой информации, в партийной печати ничего не говорилось о политике «социалистического обновления», проводимой ПОРП под руководством В. Ярузельского. Как отмечает М. Горбачев, «страх перед “польской заразой” затмевал даже такой очевидный факт, что изолированная, по существу, от контактов с восточным соседом польская общественность оставалась один на один с теми кругами Запада, которые защищали конфронтационные позиции по отношению к Советскому Союзу и использовали сложившуюся ситуацию для подогревания антисоветских, антирусских настроений»⁴⁶.

Большие проблемы возникли в двусторонних советско-польских торгово-экономических связях. Усилилась неэффективность товарной структуры советского экспорта в Польшу: например, с 1980 по 1984 г. удельный вес машинно-технической продукции в нем уменьшился более чем вдвое — с 25 до 12%, а доля топлива, сырья и материалов возросла с 60 до 75%. Это не отвечало прежде всего интересам Советского Союза — но также стимулировало повышение капиталоемкости, энерго- и материалоемкости производства в Польше, что тормозило повышение эффективности ее народного хозяйства⁴⁷.

С вступлением СССР на путь перестройки возникал шанс для того, чтобы придать позитивный импульс развитию двусторонних отношений. М. Горбачев и В. Ярузельский предприняли немалые усилия, чтобы эта возможность была использована. Мера их личного взаимопонимания, как уже отмечалось, была более высокой, чем у М. Горбачева с большинством других партийно-государственных лидеров социалистических стран.

По инициативе польской стороны была разработана и подписана в апреле 1987 г. Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. Она способствовала значительному оживлению контактов общественников, литераторов, журналистов, ученых, творческой интеллигенции и молодежи двух стран. В этом документе, в частности, говорилось и о том, что история не должна быть предметом идеологических спекуляций и поводом для разжигания националистических страстей. Подписание Декларации оживило работу советских и польских историков, которые поставили целью устранить «белые пятна» в истории взаимоотношений двух стран — такие как советско-польская война 1920 г., сталинская расправа над Польской компартией, трагедия Варшавского восстания 1944 г., и особенно весьма болезненная для поляков катынская трагедия. По настоянию М. Горбачева имеющиеся в советских архивах документы по катынской проблеме были собраны для передачи польской стороне⁴⁸.

Эта и другие акции способствовали восстановлению доверия между руководителями двух стран и партий, что благоприятно отражалось и на атмосфере взаимо-

отношений двух государств. Да и в целом общественные настроения в Польше в течение некоторого времени характеризовались ростом симпатий к Советскому Союзу. Начавшаяся в нем «перестройка» давала толчок либерализации и в самой Польше, что, в сущности, означало радикальное изменение направленности тех импульсов, которые шли от Советского Союза в ее сторону.

Однако на противоположной чаше весов оказывались многие традиционалистские представления и стереотипы. А возникшие симпатии к Советскому Союзу не отменяли усиливающееся в Польше негативное отношение к социалистическим порядкам. Оставался и латентный потенциал традиций взаимной настороженности. Не удалось вывести на новый уровень советско-польские торгово-экономические связи, как планировалось при подписании в 1986 г. Комплексной программы научно-технического сотрудничества.

Был и еще один аспект польских дел, который мог вызывать в Москве определенное беспокойство. Важной составляющей внимания к Польше был ее объективный статус как крупнейшей восточноевропейской социалистической страны и проистекающие из этого последствия и для положения дел в социалистическом содружестве, и для безопасности Советского Союза. М. Горбачев в своем выступлении на X съезде ПОРП 30 июня 1986 г. не случайно подчеркнул, что «тесное сотрудничество, союз Польши и Советского Союза — двух самых крупных европейских социалистических государств — непереносимое условие успешного развития наших стран, стабильности и мира в Европе»⁴⁹. Но ведь весомость «польского фактора» могла сработать и не в том направлении, которое считал бы желательным Советский Союз.

Казалось бы, раз перестройка нацеливала на поиск новых подходов и пересмотр догматических представлений о социализме, польский опыт в этом смысле мог бы стать весьма и весьма поучительным и полезным. На деле же масштабы его востребованности оказались более чем скромными. «Братьям по социалистическому содружеству», включая поляков, полагалось брать пример с Советского Союза, а не наоборот. Более того — коль скоро преобразования должны были осуществляться в рамках социалистического выбора, скептическое отношение поляков к последнему было для Москвы дополнительным настораживающим фактором. Ведь оно могло придать перестройке «неправильный» вектор. Иными словами, здесь возникала еще одна потенциально «трудная проблема» — относительно характера преобразований, в которых нуждалась общественно-политическая система.

Однако события в Польше развивались еще быстрее, чем вызревали новые «трудные проблемы» во взаимоотношениях с Москвой. Углубление польского кризиса на фоне ухудшения экономического положения в стране в конце 1980-х годов не оставляло ПОРП пространства для политического маневра. Необходимо было соглашаться на требования оппозиции о ее включении в политическую систему, что означало фактический отказ ПОРП от своей монопольной руководящей роли. Этапным событием стало проведение в феврале — марте 1989 г. круглого стола с участием реформаторского крыла ПОРП и умеренной части «Солидарности»; на его заключительном заседании были подписаны соглашения, которые предусматривали формирование представительных органов власти на основе демократических выборов.

Москва в своем отношении к польским делам постепенно эволюционировала в том же направлении — пошла на установление неофициальных контактов с некоторыми представителями «Солидарности», стала допускать возможность прихода к власти некоммунистических сил (при условии продолжающегося членства Польши в ОВД) и т.п.⁵⁰ Однако состоявшиеся в июне 1989 г. парламентские выборы принесли оглушительный успех оппозиции, опрокинув все сценарии, выстраивавшиеся в советском и польском руководстве касательно постепенного преобразования политической системы и ее плавного перевода на демократические рельсы.

Польша все-таки сыграла роль «спускового крючка», открыв сезон «бархатных революций» в регионе. Одновременно была открыта новая фаза в советско-польских отношениях — как оказалось позднее, непродолжительная и завершающая, поскольку далее начиналась уже история отношений новой России и новой Польши. Пока же Москва и Варшава накапливали опыт обращения с новыми «трудными проблемами».

Начать с того, что кардинальным образом должно было измениться существо отношений двух стран, поскольку их стержнем уже не могла быть модель вассалитета, которую культивировали в рамках «социалистического содружества». Это затрагивало широкий круг тем самого разнообразного плана — от пересмотра юридических документов до преодоления политико-психологических инстинктов и стереотипов. Здесь не могли не возникать спорные и конфликтные ситуации.

В Варшаве и Москве по-разному видели направленность преобразований во взаимоотношениях двух стран. Если либерально настроенные советские руководители размышляли о строительстве «подлинно партнерских» (или «подлинно союзнических») отношений со своими бывшими сателлитами, то последние, по всей видимости, хотели бы эти отношения вообще редуцировать до возможного минимума.

В частности, в 1990–1991 гг. Польша стала одной из главных движущих сил в процессе ликвидации Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. Москва, со своей стороны, пыталась включить в обсуждаемый с Варшавой проект нового договора о дружбе и сотрудничестве положение об отказе от вступления в союзы и заключения соглашений, направленных против другой стороны. В сущности, это была предварительная заявка на проведение кампании против вступления Польши в НАТО, которая с большим размахом была развернута позднее (уже от имени России).

В условиях, когда реформаторский импульс в Советском Союзе постепенно угасал либо начинал давать непредвиденные результаты, начавшийся в Польше демонтаж социализма мог представлять для Москвы определенный интерес. В. Ярузельский вспоминает о том, что первое посткоммунистическое правительство Польши во главе с Тадеушем Мазовецким осуществляло поиск «третьего пути» между введением законов капитализма, которое привело бы к массовой безработице, и сохранением роли государства, что было чревато прогрессирующим застоєм. Именно в этом контексте, по его мнению, М. Горбачев называл Польшу «лабораторией реформ»⁵¹.

Но этот опыт и эти поиски опять-таки оказались невостребованными в СССР. Там экономикой страны по-прежнему руководили советские хозяйственники, не

представлявшие себе иных способов управления, кроме как через Госплан, тогда как набиравшая силу новая элита оказалась неспособной поставить интересы преобразования общества выше своих собственных хватательных рефлексов. А в Польше начинались реформы Бальцеровича, по поводу которых советское посольство слало в Москву панические телеграммы⁵². Именно тогда началось расхождение векторов политико-экономического развития двух стран. Само по себе это не становилось новой «трудной проблемой» в отношениях двух стран, но два десятилетия спустя привело их к совершенно разным результатам — торжеству авторитарно-олигархического капитализма в России и становлению либерально-рыночной модели с весомыми социал-реформистскими компонентами в Польше⁵³.

В связи с прекращением союзнических отношений и ликвидацией ОВД в повестку дня ставился вопрос о выводе советских войск. Эта проблема приобретала особую политическую остроту в связи с необходимостью достаточно быстрого ее решения. Возникла также тема выработки нового подхода к таким проблемам, как общее культурное наследие двух стран, перемещенные ценности, доступ к архивам и т.п.

Наконец, в новых условиях приходилось считаться с возможностью новых интерпретаций касательно не полностью закрытых тем в досье «трудных проблем», связанных с реанимацией исторических обид, комплексов и т.п. Впоследствии так оно и произошло.

В эпоху перестройки и последовавших за ней тектонических изменений во взаимоотношениях Советского Союза и восточноевропейских социалистических стран, в том числе Польши, можно выделить три этапа.

На первом этапе политика Москвы на этом направлении почти не претерпела изменений и мало чем отличалась от той, которая проводилась прежним советским руководством. Хотя динамичная личность нового советского лидера, безусловно, вносила свои оригинальные элементы во взаимоотношения с союзниками⁵⁴.

На втором этапе эти отношения подверглись мощному воздействию идей и практики перестройки, что в конечном итоге привело к кардинальным социальным, политическим, геополитическим изменениям в регионе, укрепило позиции реформистского крыла ПОРП. Советская перестройка выступила в качестве решающего фактора преобразований в регионе. Взяв курс на обновление социализма, его демократизацию в Советском Союзе, советское руководство не могло не распространить его и на взаимоотношения с союзниками. Оно признало не только на словах, но и на деле их право на самоопределение, на свободу выбора путей развития. М. Горбачев публично отказался от концепций «ограниченного суверенитета», «коллективной ответственности за судьбы социализма» и прочих идеологем, оправдывавших возможность вмешательства во внутренние дела союзных государств.

Реформируя социализм в СССР, он полагал, что то же самое должно произойти в других социалистических странах Восточной Европы, в том числе и в Польше, благодаря чему обновится союз социалистических государств, укрепятся советско-польские отношения. Ожидалось, что новые лидеры-реформаторы типа В. Ярузельского будут способны вдохнуть свежие силы в социалистический строй. Однако запас прочности «реального социализма» в Польше (да и не только там) оказался гораздо меньше, чем предполагалось; он исчерпал свои исторические возможности и был обречен на исчезновение с арены истории.

На третьем этапе, когда ПОРП путем парламентских выборов была отстранена от власти, которая оказалась в руках «внесистемной оппозиции», происходит резкое снижение интенсивности сотрудничества и заинтересованности Москвы и нового польского политического режима друг в друге. Новые политические силы, пришедшие в Польшу к власти, стали ориентироваться на Запад, рассчитывая с его помощью решить многочисленные экономические проблемы и вывести страну из кризиса. На Советский Союз, который и сам агонизировал, в лучшем случае предпочитали не обращать внимания — но зачастую пытались возложить на него вину за все мыслимые и немыслимые беды.

На этом участке совместной истории двух стран в их взаимоотношения были добавлены некоторые новые «трудные проблемы». Однако их количество и качество несоизмеримы со значимостью происшедших перемен и открывшейся перспективой урегулирования накопившихся коллизий.

¹ О концепции нового хозяйственного механизма сотрудничества стран—членов СЭВ // Архив ИЭМСС АН СССР. 1985.

² Там же.

³ Архив ИЭМСС АН СССР. 1985.

⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 311.

⁵ Там же. С. 312.

⁶ Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 469.

⁷ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 253.

⁸ Там же. С. 365.

⁹ Брутенц К. Н. Указ. соч. С. 469.

¹⁰ Горбачев М. Жизнь и реформы. С. 315.

¹¹ Там же.

¹² Архив ИЭМСС АН СССР. 1986.

¹³ Горбачев М. Жизнь и реформы. С. 315.

¹⁴ Там же. С. 317.

¹⁵ Медведев В. У перестройки был свой шанс // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. М., 2005. С. 13.

¹⁶ Горбачев М. Жизнь и реформы. С. 317.

¹⁷ Там же. С. 318.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 319.

²⁰ Ярузельский В. «Американская ПРО безопасность Польши не повышала» // Известия. 2009. 20 окт. С. 5.

²¹ Брутенц К. Н. Указ соч. С. 470.

²² Шеварднадзе Э. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 198.

²³ Там же. С. 198.

²⁴ См.: Мусатов В. Л. Метаморфозы политики Горбачева в отношении стран социалистического содружества // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 3—18.

²⁵ Там же. С. 13.

²⁶ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Социалистическую Федеративную Республику Югославию. 14—18 марта 1988 г. М., 1988. С. 30.

²⁷ Там же. С. 81.

²⁸ Брутенц К. Н. Указ. соч. С. 475.

²⁹ Цит. по: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Трансформации 90-х годов. М., 2002. Ч. 1. С. 21.

³⁰ Правда. 19.02.1988.

³¹ Gorbachev M. On my country and the World. N.Y., 1999.

³² Брутенц К. Н. Указ. соч. С. 466.

³³ Лигачев Е. К. Курсом Октября, в духе революционного творчества. М., 1986. С. 28.

³⁴ Актуальные проблемы внешней политики стран социалистического содружества в отношении развитых капиталистических государств в 80-е годы. Международный научный проект. М., 1984. С. 93.

³⁵ Мусатов В. Л. Указ. соч. С. 16.

³⁶ Там же. С. 17; Bush G., Scowcroft B. A world transformed. N.Y., 1999. P. 15.

³⁷ Черняев А. Новое мышление: Вчера и на будущее // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. М., 2005. С. 254.

³⁸ Там же. С. 255.

³⁹ Мусатов В. Л. Указ. соч. С. 7–8.

⁴⁰ Брутенц К. Н. Указ. соч. С. 485; Яковлев А. Н. Перестройка 1985–1991. Документы. М., 2008. С. 363.

⁴¹ Браун А. Перестройка и пять трансформаций // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. М., 2005. С. 57.

⁴² Цит. по: Пачковский А. Власть и оппозиция в Польше по отношению к СССР (1980–1989) // Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 285.

⁴³ «Москва никогда серьезно не думала о прямом военном вмешательстве в польские дела, она рассчитывала на то, что с ситуацией в стране справятся “здоровые силы” в партии» (Бухарин Н. И. Российско-польские отношения. 90-е годы XX века — начало XXI века. М., 2007. С. 41).

⁴⁴ Мусатов В. Л. Россия и Восточная Европа. Связь времен. М., 2008. С. 195.

⁴⁵ Горбачев М. Жизнь и реформы. С. 339.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. аналитическую записку, подготовленную ИЭМСС АН СССР для ЦК КПСС // Архив ИЭМСС АН СССР. 1986.

⁴⁸ Они были переданы польской стороне уже президентом России Б. Ельциным.

⁴⁹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. С. 465.

⁵⁰ См.: Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 45.

⁵¹ Известия. 2009. 20 окт. С. 5.

⁵² См.: Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 48.

⁵³ Портников В. Кто устоит в неравном споре? // Грани.ру. 25.09.2009 08:04. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://grani.ru/Society/History/p.157772.html>.

⁵⁴ Шахназаров Г. Цена свободы. М., 1993. С.100.

Политический опыт Польши и России после 1989 г. в какой-то степени поддается сравнению, поскольку он касается изменений политического режима, происходящих в условиях глубокого экономического и социального кризиса. В обоих случаях результатом стал демонтаж системы управления коммунистической партии. В Польше установилась политическая система, опирающаяся на принцип равновесия властей, политической активности граждан, межпартийной конкуренции, а также избирательной ротации властей. В России же не был последовательно внедрен принцип разделения властей, политическая конкуренция ведется не между партиями, а между институтами внутри иерархической структуры власти, ни разу с 1991 г. не была проведена ротация власти, а также произошла деполитизация общества. Если применительно к Польше можно — со многими оговорками — говорить о переходе от авторитаризма к демократии, то в России был осуществлен, как отмечает А. Ю. Мельвиль, переход от «авторитарной мобилизации» к «олигархической конкуренции»¹. Поскольку переход этот основывается на одновременном сокращении участия, а также усилении соперничества, то в терминологии Роберта Даля можно говорить о движении от *inclusionary authoritarianism* к *exclusionary democracy*. Возникший таким образом режим образует разновидность элитарного правления, при котором формальный характер демократических ин-

ституты делает невозможным действительное осуществление контроля над управлением элит. За рамками рассуждений я оставляю ответ на вопрос, существенный для политической теории: имеем ли мы в случае с Россией дело с так называемой демократией с изъянами (например, делегированной демократией, нелиберальной демократией или суверенной демократией) или же с новым авторитаризмом, который иногда называют гибридным режимом. В этом случае достаточно будет принять стратегию концептуального восприятия посттрансформационных режимов, согласно которой существует принципиальная разница между результатами трансформационных процессов в Центрально-Восточной Европе и ходом тех же процессов на территории бывшего Советского Союза. Б. И. Макаренко заметил, что системы сменяющихся у власти партий возникли к западу от границы Советского Союза еще до 1939 г.², а А. М. Салмин, размышляя над ответом на вопрос «Почему Россия — это не Восточная Европа?», указал на четыре не исключающие друг друга гипотезы: более короткий период функционирования тоталитарных режимов в Восточной Европе; отношение к коммунистическим режимам как к оккупационным, а к антикоммунизму — как к национально-освободительному движению; значительно меньшие размеры государств Восточной Европы; позитивная корреляция между ростом благосостояния и развитием гражданского общества³.

В истории смена политического режима не является исключительным событием. В течение первых пятидесяти лет после Второй мировой войны (1946–1996) отмечено 133 случая смены политического режима как от авторитаризма в сторону демократии, так и в противоположном направлении — от демократии к авторитаризму. С этой точки зрения наиболее богатым является опыт двух континентов — Латинской Америки и Африки, где очень часто смена режимов происходила вооруженным путем. Опыт перехода от авторитаризма к демократии был обобщен в теории политической трансформации, которая первоначально описывала опыт демонтажа авторитарных режимов и консолидации демократии в некоторых странах Латинской Америки и Южной Европы, а после 1989 г. ее стали применять к исследованиям по изменениям общественного строя в Восточной Европе.

Политическая трансформация предполагает прежде всего, что в обществе сохраняется национальный консенсус, основывающийся на том, что большинство граждан не ставит под вопрос свою принадлежность к национальному политическому сообществу. В самом процессе трансформации можно перечислить несколько важнейших моментов: принятие решения о проведении политических изменений, далее — проведение первых выборов, в которых будут соперничать несколько партий, а также консолидация демократии. Об успехе трансформации свидетельствует первая смена власти, а также «консолидация» демократических правил игры. Из этой общей схемы не следует, что всегда и везде трансформация проходит одинаково. Более детальный анализ событий 1989 г. демонстрирует, что в каждой европейской стране советского блока трансформация проходила по-своему, но можно указать на несколько общих черт, таких как мирный характер перемен (за исключением Румынии), большая роль новых общественных движений, действующих без принуждения, частое, хотя и не везде, использование механизма круглого стола и значительная роль общественных элит в процессе проведения изменений.

Советская империя и ее идеологические мутации. Бурные события 1989 г. в Восточной Европе положили начало глубоким политическим, экономическим и общественным изменениям, но охват и район этих изменений приблизительно совпадают с геополитической структурой империи. Одним способом политический процесс проходил в центре империи, то есть в России, и совсем по-другому — по ее краям, в Центрально-Восточной Европе. Империя в этой части Европы распалась дважды: в первый раз после Первой мировой войны, во второй раз — на рубеже 1980—1990-х годов.

Советский Союз не был обычным территориальным государством с национальными интересами, политической системой и бюрократическим механизмом принятия решений. Прежде всего он был идеократией, а также экстерриториальным государством-партией. Телеология этой структуры, а также тип принимаемых решений — не только стратегических, но также и тактических — вытекали из ее архетипа. Решения не столько принимались, сколько интерпретировались в процессе, остававшемся «секретом империи» (*arcane imperia*), иерархией компетентных органов. РКП(б)—ВКП(б)—КПСС всегда была однородной, централизованной, но и международной с точки зрения своих целей и функций организацией, составляющей главную, но все-таки только часть более широкой глобальной целостности. Союз Советских Социалистических Республик никогда не был тождествен пятнадцати советским республикам, отмеченным на карте мира нейтральным розовым цветом. Он напоминал скорее геополитическую систему, состоящую из нескольких концентрических кругов, в территориальном центре которых находилась РСФСР, где коммунистическая партия правила непосредственно, без создания республиканского отделения; второй и третий круги составляли советские союзные республики, а также страны народной демократии со все более сложными формами управления. Система обладала также своей экстерриториальной периферией: разного рода легальными и нелегальными организациями, которые «еще» не получили власть в «своих» странах. Существование этой мировой системы представляло собой вектор, указывающий путь от одной исторической победы к другой, вплоть до окончательного триумфа коммунизма. В этой ситуации идеологическая «мутация» политики, как пишет А. М. Салмин, представляла собой необычайно редкие явления, связанные со значительным обновлением всей элиты, включавшим как смену руководства коммунистической партии, так и физическую либо только политическую ликвидацию части прежней элиты⁴. По сути, таких мутаций в годы советской власти было только две: отказ от экспорта революции и принятие идеологии построения социализма в одной отдельно взятой стране (в конце 1920-х годов), а затем формулирование концепции «мирного сосуществования различных социально-экономических режимов» (в конце 1950-х годов) и разработка программы «построения коммунизма».

В обоих случаях идеологические «мутации» сопровождались определенными изменениями в способе управления. В 1930-е годы в советской системе управления было решено ввести формальное разделение законодательной (Верховный совет, состоящий из двух палат — Совета Союза и Совета национальностей) и исполнительной (Совет народных комиссаров, а с 1946 г. Совет министров) властей. Первые выборы в Верховный совет предвлялись кампанией самокритики и чисткой,

повсюду называвшейся *перестройкой*, целью которой была демократизация партийной жизни, пробуждение критической энергии масс с целью обновления партии. Во время ключевого для этой кампании пленума ЦК ВКП(б), проходившего в феврале — марте 1937 г., в первый и последний раз — вплоть до 1989 г. — была предпринята попытка провести в Советском Союзе тайные выборы депутатов в условиях соперничества за один мандат нескольких кандидатов. Принципиальная разница между *перестройкой* Сталина и *перестройкой* Горбачева заключается в том, что последняя не сопровождалась террором, а массовая критика партийных деятелей быстро переросла в критику системы⁵.

В ходе дискуссии, предварявшей принятие Конституции 1936 г., обсуждалась концепция введения должности президента, избираемого всеобщим голосованием, но от нее было решено отказаться в пользу коллегиальной президентуры — Президиума Верховного совета. В отклонении этой идеи решающее слово было за Иосифом Сталиным⁶, для которого коллегиальная форма правления была значительно более выгодной, поскольку давала большие возможности для неформального руководства институтами власти.

Сторонником единоличной формы управления был и Владимир Ленин, который играл роль харизматичного лидера партии. В большевистской партии очень быстро начался процесс, который Макс Вебер назвал процессом рутинизации харизмы вождя. «Именно в ситуации борьбы за веру это развитие происходит особенно быстро, ибо им, как правило, руководят или вдохновляют его подлинные *вожди* — пророки революции. Потому что и здесь, как и во всяком аппарате вождя, одним из условий успеха является опустошение и опредмечивание, духовная пролетаризация в интересах “дисциплины”. Поэтому достигшая господства свита борца за веру особенно легко вырождается обычно в совершенно заурядный слой обладателей теплых мест»⁷.

Ю. Г. Коргунюк, развивая эту мысль Вебера, доказывает, что большевистская партия в большей степени напоминала простейшую форму добровольного объединения людей — клиентелы, сплотившейся вокруг своего вождя и объединенной мотивами личной материальной выгоды или карьеры. Поскольку большинство партийных и государственных должностей занималось путем назначения, Ленин пользовался в партии непререкаемым авторитетом, а процедура выборов превратилась чуть ли не в пустую формальность⁸. Процесс превращения партии «борцов за веру» в слой «заурядных обладателей теплых мест» породил две противоположные тенденции — обязательность периодической перестройки под руководством следующего харизматического лидера и потребность в более значительной формализации высшей политической власти. Концепция президентуры, создаваемой на всеобщих выборах, хорошо соответствовала обеим этим тенденциям.

Проект формализации разделения властей и введения должности президента, первоначально принятый конституционной комиссией, появился в 1962 г. на заключительном этапе реформы, нацеленной на административную децентрализацию. Введение советской президентуры было прервано процессом отстранения Никиты Хрущева от власти⁹. Нефтяной бум в Советском Союзе позволил забросить реформаторские проекты в экономической и политической сферах. К концу 1970-х годов сложившаяся имперская система находилась если не в состоянии ле-

таргии, то по меньшей мере в состоянии, которое авторы триллеров обычно обозначают термином «зомби»: все его важнейшие функции выполнялись автоматически и бездумно. С этой точки зрения реформы Михаила Горбачева можно интерпретировать как третью по счету — на этот раз неудачную — попытку идеологической «мутации» советского коммунизма путем обновления как мышления, так и части элиты. Характерной чертой этой «мутации», так же как и двух предыдущих, была интерпретация принимаемых политических решений в терминах марксизма-ленинизма, путем обращения к наследию основателя советского государства и отцов марксизма. Отсюда возникали проекты самоуправления трудовых коллективов, усиления роли Советов и созыва Съезда народных депутатов. Горбачев, вводя должность президента, мог также приводить аргумент в пользу правильного прочтения идеи основателя советского государства и разрыва с ошибочной концепцией коллективного управления сталинского периода.

Проект создания советской президентуры можно было также диалектически сконструировать, опираясь на очень важный для марксистской политической мысли анализ опыта великих революций. В марксистской трактовке революция проходит несколько фаз — от умеренного правления, через диктатуру радикалов, диктатуру личности к реставрации. В политическом лексиконе большевиков важное место занимали такие термины, как «революционная диктатура», «термидор», «бонапартизм». Сквозь призму этой концепции Карл Маркс описывал и изучал ход вторичных революций в первой половине XIX в. во Франции. Они завершились первыми в Европе плебисцитарными президентскими выборами 10 декабря 1848 г., на которых благодаря поддержке крестьян и рабочих победил Луи Бонапарт. Это, по мнению Маркса, должно было служить доказательством несовместимости социализма с демократией и необходимости введения диктатуры пролетариата, но инверсия рассуждений Маркса могла привести к выводу, что кризис диктатуры коммунистической партии может быть преодолен в ходе победы ее лидера на президентских выборах.

Концепция введения в России президентуры необязательно должна была вытекать из инверсионного толкования марксистской теории революции, поскольку впервые ее выдвинул Макс Вебер в своих рассуждениях на тему российских революций. Он предлагал ввести в России плебисцитарную президентуру с целью преодоления кризиса модернизации и кризиса легитимизации империи Романовых. Изданные императором Николаем II в октябре 1905 г. два манифеста могли составить основу для построения в России режима конституционной монархии. Была созвана Государственная дума, избираемая всеобщим голосованием, и Совет министров как коллегиальный орган во главе с премьер-министром. Членов правительства назначал и отзывал император, который не был ограничен волей парламентского большинства. Однако политический строй России после 1905 г. не стал классической конституционной монархией, а был неудачной попыткой совмещения самодержавия и участия представителей общества в осуществлении законодательной и исполнительной власти. С одной стороны, императору принадлежала «верховная самодержавная власть», но одновременно он осуществлял законодательную власть — «совместно с Государственной думой» и исполнительную — с Советом министров.

Этот новый российский политический строй Макс Вебер назвал псевдоконституционализмом, представляющим собой единственную уступку со стороны патримониального самодержавия, которое было подвергнуто поверхностной формализации. Кризис традиционного общества, который охватил Россию в начале XX в., привел, по мнению Вебера, к отчуждению всех слоев общества от империи, слому старого патриархального порядка и следующей революции, а не к появлению конституционной демократии. Выход из этой дисфункциональной ситуации Вебер видел в учреждении института президента, избираемого на всеобщих выборах, который благодаря своей харизме смог бы противопоставить себя бюрократии и консервативным социальным группам¹⁰.

Реформы Горбачева. Чрезвычайно интересно, что в ходе очередного кризиса легитимизации власти, вызванного крахом советской модели модернизации, вновь возродилась идея введения института президента. Уже в 1985 г. Вадим Медведев и Георгий Шахназаров предложили ввести должность президента. Сначала Горбачев отклонил этот проект, но после провала экономического «ускорения» он инициировал проведение политической реформы (выборы директоров на государственных предприятиях, выборы народных депутатов). Целью этих реформ было создание хорошо легитимизированного в рамках советского институционального и идеологического порядка нового института государственной власти — президента. Этой цели служили относительно конкурентные выборы народных депутатов, проведенные в 1989 г., и создание советского органа верховной государственной власти — Съезда народных депутатов.

Политические реформы в Советском Союзе начались в конце 1980-х годов, раньше, чем в остальных государствах советского блока. Причины, вызвавшие начало реформ, были подобны причинам, действовавшим в Польше, ГДР или Венгрии, — провал попыток усиления центрального планирования («ускорения»), зависимость советской экономики от мировой системы (значительное падение цен на нефть в 1985 г. и рост расходов на обслуживание внешнего долга). В 1987–1988 гг. экономический кризис начал превращаться в три структурных кризиса, которые Егор Гайдар назвал кризисом лояльности провинций империи, кризисом лояльности населения и кризисом лояльности аппарата принуждения¹¹.

Кризис лояльности провинций империи протекал из геополитической структуры советской империи, в центре которой была коммунистическая партия, первый имперский круг составляла РСФСР, второй — остальные советские республики, а третий — социалистические государства. Начало системных изменений в Центрально-Восточной Европе мы можем датировать 1987–1988 гг. В то же время в СССР начались конфликты между союзными республиками и Союзным центром вокруг концепции республиканского хозяйственного расчета. 16 ноября 1988 г. Верховный совет Эстонской ССР принял декларацию о суверенной государственности в рамках Советского Союза, предусматривавшую примат республиканского права над союзным, а также приоритет республиканского бюджета над союзным. В 1989 г. такие же декларации приняли Литва, Латвия, Армения, Грузия и Азербайджан, а в 1990 г. — Россия, Молдавия, Белоруссия и Украина. В то время когда кризис проник в республиканский центр империи — Россию, декларации о независимости

успели принять Литва, Латвия, Армения и Грузия, а Варшавский договор и Совет экономической взаимопомощи уже клонились к закату.

Кризис лояльности населения возник прежде всего из кризиса снабжения, бюджетного дефицита, инфляции и замораживания сберегательных вкладов. В 1987 г. была легализована частная хозяйственная деятельность, а также увеличена самостоятельность государственных предприятий. Углубляющийся экономический кризис вызывал все более массовые акции протеста, вплоть до всеобщих политических забастовок весной 1991 г.

Кризис лояльности аппарата принуждения возник из «военной революции»¹², а также сокращения финансирования военной промышленности. В феврале 1988 г. начался вывод советских войск из Афганистана, и в то же время развернулась дискуссия о планах конверсии военной промышленности. Кризис лояльности аппарата принуждения имел принципиальное значение для коммунистической партии ввиду системной памяти о нелегальном происхождении советской власти и ключевом значении насилия для ее удержания. С этой точки зрения бросается в глаза сдержанность коммунистов в применении силы. Это принципиальное новшество — не только в истории коммунизма, но также и в истории революций — впервые обнаружилось именно в ходе «бархатных революций» 1989 г., затем повторилось в Советском Союзе в августе 1991 г., а позже в ходе «цветных революций» в Грузии и Украине. В случае применения силы побеждает не тот, кто располагает большими средствами, а тот, кто готов пожертвовать собой ради надличностных целей. Отсутствие этого чувства в августе 1991 г. свидетельствовало о том, что формально еще правящая коммунистическая партия не была уже сувереном. Феномен «сдержанности аппарата принуждения» демонстрирует, что распад Советского Союза вышел далеко за рамки политической трансформации, поскольку он касался проблемы суверенитета, то есть значительно более существенного вопроса, чем политический режим.

Кризис суверенитета Михаил Горбачев пытался предотвратить, иницилируя летом 1988 г. политическую реформу (XIX партийная конференция). В то же время были внесены изменения в конституцию, в соответствии с которыми высшим органом государственной власти становился Съезд народных депутатов, который в свою очередь избирал два других органа власти — Верховный совет и председателя Верховного совета, а с марта 1990 г. — президента СССР. Выборы народных депутатов состоялись в марте 1989 г., когда в Польше еще продолжались заседания круглого стола; $\frac{2}{3}$ депутатов избирались от избирательных округов, а $\frac{1}{3}$ выдвигалась общественными организациями (коммунистической партией, комсомолом, профсоюзами и др.). На один мандат претендовали в среднем два кандидата, но были округа, в которых выборы носили безальтернативный характер. Помимо сложной системы выдвижения кандидатов нововведением было также предоставленное избирателям право принять окончательное политическое решение путем вычеркивания фамилий кандидатов. Итоги выборов народных депутатов были двойственные. Во-первых, они положили начало механизму политической конкуренции, который был закреплен годом позже в ходе республиканских парламентских выборов весной 1990 г. Во-вторых, в результате выборов появился Съезд народных депута-

тов, который мог легализировать новый орган государственной власти в лице президента СССР.

Первоначально новые политические институты старались только снижать уровень социального напряжения, а реальные политические решения продолжали находиться в руках структур коммунистической партии во главе с Генеральным секретарем. Создавая Съезд народных депутатов и избираемый им Верховный совет, Михаил Горбачев не хотел подчиняться конституционным правилам, которые сам навязал другим. Власть над съездом и Верховным советом строилась иерархично и осуществлялась не от имени парламентского большинства, а от имени «бюрократической партийно-государственной олигархии»¹³.

Только в 1990 г. Горбачев решился создать пост президента, подрывая тем самым монопольное положение коммунистической партии¹⁴. Съезд избрал Горбачева первым президентом Советского Союза в марте 1990 г., одновременно изменив 6-ю и 7-ю статьи конституции, гарантировавшие политическую монополию коммунистической партии. Стечение этих обстоятельств носит символический характер, так как хорошо иллюстрирует намерение заменить диктатуру коммунистической партии «сильной» харизматической личностью президента. Очень скоро оказалось, что новому президенту слишком тесно в рамках конституции. После непродолжительного периода парламентаризации Советов Горбачев вернулся к практике концентрации власти. Президент выступил за наделение его чрезвычайными полномочиями по управлению экономикой посредством указов. А так как ни одна из конкурирующих концепций хозяйственной реформы не могла получить поддержку большинства, то в октябре 1990 г. Съезд народных депутатов наделил президента чрезвычайными полномочиями по проведению экономической реформы. Главнокомандующий Вооруженными силами получил право издавать декреты, имеющие силу закона. Так реальная власть начала переходить из рук партии в руки президента¹⁵. Депутаты не были также поставлены в известность о переговорах с руководителями союзных республик по вопросу подготовки нового Союзного договора. В тот же день, когда Горбачев завершил тайные переговоры о Союзном договоре, глава его кабинета призвал ввести чрезвычайное положение.

Неконституционные действия президента Горбачева побудили и других политиков к подобным поступкам. Практически на следующий день после вступления Горбачева на пост президента лидер коммунистов Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил создать должность президента и в союзных республиках¹⁶. Эта декларация сменила логику трансформации, подрывая исходное условие демократизации, которым, согласно классической концепции Д. Ростоу, является «национальная консолидация». Политическая конкуренция начала выходить за пределы внутрипартийной борьбы, в область, определенную институциональной структурой советской федерации. Политическая картина подверглась существенному изменению, тогда как с политической сцены начали исчезать политические партии, а их функции приняли на себя избранные весной 1990 г. новые законодательные собрания в республиках¹⁷.

Суверенитет России. В марте 1990 г. в РСФСР были проведены выборы народных депутатов, образовавших Съезд народных депутатов, то есть верховный орган государственной власти, имеющий полномочия — в соответствии с логикой «со-

ветской демократии» — формировать другие органы власти¹⁸. Первый Съезд народных депутатов РСФСР избрал Верховный совет и председателя Верховного совета, но главным предметом политической конкуренции стало принятие «Декларации о государственном суверенитете РСФСР». Первоначально идею государственного суверенитета РСФСР в составе Советского Союза представили коммунисты — Виталий Воротников, в то время председатель Президиума Верховного совета РСФСР, и Александр Власов, глава правительства РСФСР. Воротников и Власов, которые руководили институтами, имитировавшими в России государственную власть, призвали разграничить компетенции Советского Союза и РСФСР. В ответ Борис Ельцин, соперничавший с Власовым в борьбе за пост председателя Верховного совета, сформулировал лозунг «экономического суверенитета России». По его мнению, намерение передать РСФСР независимую и абсолютную власть имело смысл только при условии создания республиканской собственности¹⁹.

Ельцин полагал, что полная и безраздельная власть, а он именно так понимал термин «суверенитет»²⁰, охватывающая также и экономическую сферу, составляет основу государства. Такое понимание суверенитета соответствовало доминирующей в российской политической культуре точке зрения на власть в соответствии с логикой обладания ею. Оно предполагает важность не институционального аспекта власти, а самого факта обладания ею в полной степени. Принятая 12 июня 1990 г. Декларация полностью отвечала взглядам Ельцина. Она положила начало продолжавшейся несколько месяцев «войне законов», первым аккордом которой был закон «О разделении функций управления институтами на территории РСФСР», отделяющий Совет министров РСФСР от правительства Советского Союза, а последним аккордом — принятый в январе 1991 г. закон «О собственности РСФСР», предусматривавший переход под юрисдикцию республики всей союзной советской собственности на ее территории. Можно рискнуть предположить, что вместе с принятием этого закона Советский Союз перестал быть государством в веберовском значении этого слова, так как он утратил монополию на обладание материальными средствами осуществления власти.

Хотя советский парламентаризм легализовал последствия распада Советского Союза, но он не был в состоянии создать устойчивые основы для новой легитимизации власти. Принятая 12 июня 1991 г. «Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» обращалась не к истории российского государства, а только к чувству «исторической ответственности за судьбу России». Первый Съезд народных депутатов России провозгласил государственный суверенитет РСФСР на всей ее территории, а за исходный пункт принял последствия большевистского переворота. Пункт 2 Декларации гласил, что суверенитет РСФСР является «естественным и необходимым условием существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции»²¹. Большинство депутатов понимало суверенитет как четко не определенную, общую идею, желаемое положение вещей, прежде всего в области экономики, которое может быть реализовано только в рамках обновленного Советского Союза²². При этом необходимо отметить, что Декларация о суверенитете предупреждала о возможности трансформации этой части Советского Союза в федерацию регионов, — это предупреждение воплотилось в жизнь в

1990—1993 гг. В то же время она не касалась вопроса преемственности и легитимизации власти. Интересно, что уже тогда, весной 1990 г., в политических дебатах понятия «суверенитет» и «демократия» тесно связывались между собой, опережая тем самым более поздние идеологические проекты Администрации Президента России. Создатели идеологии «суверенной демократии» хоть и отрешиваются от «смутных 90-х годов», но охотно бы обратились к политическому лексикону того времени за термином «суверенитет», чтобы применить его в отношении «локализации» демократии. Вместо этого противопоставление суверенитета глобальной демократической революции приближает понимание этого понятия к его первоначальному значению как абсолютной и непрерывной власти.

Принятие в 1990 г. деклараций о государственном суверенитете Белоруссией, Молдавией, Россией и Украиной означало принципиальный поворот в развитии политической ситуации в Советском Союзе. В центре этого процесса оказался суверенитет советских республик, а не их демократизация. Компромисс между политическими противниками не был заключен, а принципиальным фактором политического процесса стала эскалация политического напряжения. Система позднесоветской демократии, опиравшейся на конструкцию Съезд — Совет народных депутатов, надломилась дважды, и оба раза в трагических обстоятельствах: в августе 1991 г. на уровне Советского Союза и в сентябре 1993 г. на уровне Российской Федерации. Развитие событий в 1990 г. продемонстрировало ограниченное значение институционального анализа в рамках теории трансформации и напомнило о значении более классических концепций, говорящих о суверене как о субъекте чрезвычайного положения и о государстве как об аппарате принуждения.

В самой России логика конфронтации между союзными и республиканскими властями превратилась в начале 1991 г. в открытый раскол внутри российского Съезда народных депутатов. В этой ситуации Ельцин, власть которого полностью зависела от народных депутатов, предпринял попытку трансформации социальной поддержки в постоянный фактор легитимизации. В этих обстоятельствах родилась идея введения в РСФСР/России поста президента, избираемого всеобщим голосованием. В России эта идея была новой с точки зрения способа формирования верховной власти и источников ее легитимизации. Можно было бы признать, что создание поста президента РСФСР и проведение первых прямых выборов на эту должность 12 июня 1991 г. было реализацией и подтверждением правильности того, как этот процесс изобразил Макс Вебер в начале столетия. Тем более что первый президент России Борис Ельцин увеличил свою популярность, отменив чрезвычайное положение в августе 1991 г. Появился харизматичный президент, способный противопоставить себя бюрократии и консервативным социальным группам. Однако оказалось, что большая победа российской демократии — это ее последнее слово, так как президент России начал перенимать полномочия своего конкурента — президента Советского Союза — методом «ползучего» переворота.

Избрание Ельцина на пост президента и победа демократов в 1991 г. не только революционизировали способ формирования и легитимизации власти, но и положили начало процессу репродукции культурного архетипа власти, сосредоточенной в одних руках. В соответствии с этим архетипом в конституции закреплён принцип разделения властей, понимавшийся тогда как способ размещения конкретных

институтов в иерархичной структуре власти. Процессу культурной репродукции способствовали институциональные факторы. Российская президентура появилась в ходе политической конкуренции как способ преодоления кризиса советской системы, лишенной хребта коммунистической партии. Институт президента занял в политической системе место, освобожденное партией, как бы автоматически вступая в конфликт с Советами и Съездом народных депутатов, наделенным конституцией ничем не ограниченной властью²³. Мораторий на проведение выборов усилил тенденцию, которая обрела институциональную форму еще в 1990 г. В условиях отсутствия публичной борьбы политических партий политическая конкуренция превратилась в соперничество между органами власти²⁴. Однако предметом институционального конфликта было не разделение властей на исполнительную и законодательную, а место в иерархичной структуре власти. Институциональный конфликт привел к кризису двоевластия в 1992–1993 гг. и вооруженным столкновениям в Москве 3–4 октября 1993 г., однако контуры этого кризиса проявлялись еще в августе 1991 г.

Сразу же после августовских событий Верховный совет РСФСР принял закон, изменяющий устройство территориальных органов власти в государстве. Вместо коллегиальных исполнительных комитетов советов (исполкомов) были учреждены должности глав администраций. По закону главы администраций могли быть избраны всеобщим голосованием, но на переходный период — фактически до 1996 г. — Верховный совет установил мораторий на выборы, передав президенту право назначать глав администраций своими декретами. Назначения на должности глав администраций в это время являются показательным примером того, как функционировала исполнительная власть. С целью оценки выдвигаемых кандидатур в августе 1991 г. была создана Администрация Президента, однако не были выработаны какие бы то ни было правила принятия решений по этим вопросам.

Главной задачей Администрации объявлялась оценка вносимых президентом предложений и формулирование советниками позиции. Структурные единицы администрации делились на организационные (например, канцелярия, структура по рассмотрению жалоб и предложений) и функциональные (правовые, контрольные, аналитические). В Администрации не хватало организационных единиц, контролирующих отраслевые правительственные ведомства. Администрация Президента, таким образом, дублировала экспертные, а не исполнительные функции правительственной администрации, и в этом состояло ее отличие от аппарата ЦК КПСС.

Первоначально Администрация не считалась субъектом публичной политики, однако быстрый процесс перехвата Ельциным властных полномочий президента СССР (оборона, внешняя политика и спецслужбы) способствовал тому, что она стала самым влиятельным, наряду с президентом, институтом власти. По сути, от президента и его Администрации зависят все политические институты в России. Эта зависимость носит не только политический и персональный характер, но также характер материальный, поскольку материальное обеспечение деятельности Государственной думы, Совета Федерации, Конституционного суда и некоторых других институтов осуществляется Администрацией. Процедуры принятия решений в Администрации дополнительно усложняла в 1990-е годы самостоятельная

роль отдельных помощников президента, руководителя аппарата и начальника службы охраны, что значительно ограничивало роль формального главы Администрации. Зато в ходе первого президентского срока Владимира Путина роль главы Администрации Президента как фактического начальника так называемой вертикали власти, то есть системы связей Администрации с правительством и федеральными округами, существенно возросла.

В высшей степени неформализованный характер функционирования Администрации Президента очень сближает этот институт с аппаратом Центрального комитета КПСС как неявного органа власти в СССР. Рискнем предположить, что Администрация Президента вместе с Советом безопасности и представителями президента в регионах, а с 2000 г. — в федеральных округах составляет самостоятельную и развитую структуру исполнительной власти, роль которой исходит из центральной позиции президента в политической системе Российской Федерации.

В ноябре 1991 г. V Съезд народных депутатов РСФСР наделил президента на год правом принимать в форме указов все решения, касающиеся проведения хозяйственной реформы и формирования исполнительной власти. Дополнительно 5 ноября съезд назначил Ельцина на должность премьер-министра. В течение нескольких месяцев под юрисдикцию РСФСР/России перешли такие органы исполнительной власти Советского Союза, как Вооруженные силы, внешнеполитическая служба, специальные службы, функциональные министерства (финансов, экономики, железнодорожного сообщения и др.). Большинство советских экономических ведомств превратилось в государственные концерны (например, Газпром). Более того, в указе президента от февраля 1992 г. «силовые» и «политические» министерства были фактически изъяты из Совета министров и подчинены непосредственно президенту. Характерной чертой этого процесса было отсутствие юридических оснований в Конституции РСФСР и в законе о Президенте РСФСР, а также то, что эти преобразования опирались на чрезвычайное законодательство, постановления съезда и указы президента.

Политическая власть в России возникла и сформировалась под влиянием переноса политического противостояния из плоскости межпартийной конкуренции в плоскость двух институциональных конфликтов — конфликта между союзными и республиканскими властями, а также конфликта между Президентом России, с одной стороны, и Съездом народных депутатов и Верховным советом — с другой. Политический процесс в России отличается от политических процессов в других посткоммунистических странах отсутствием базового консенсуса по вопросу трансформации. Победившее в августе 1991 г. меньшинство навязало свою волю большинству, а затем не легализировало последствия распада Советского Союза в форме референдума или парламентских выборов. В марте 1991 г. 71,3% активных избирателей высказывались за сохранение Советского Союза. На Украине результаты мартовского референдума были нивелированы референдумом по вопросу о независимости 1 декабря 1991 г. В России Верховный совет ограничился лишь денонсацией союзного договора 1922 г., не приняв даже декларации о независимости. Такой правовой пробел создает, по мнению Михаила Краснова, советника по юридическим вопросам президента Ельцина, состояние «мировоззренческой

неопределенности», особенно остро ощущаемой в периоды кризисов²⁵. Попыткой заменить мировоззренческую неопределенность является стремление сохранить статус великой державы, в политическом и идеологическом смысле вытекающий из признания странами СНГ (21 декабря 1991 г.) за Россией статуса «государства-продолжателя» Советского Союза²⁶. Тезис о России как «государстве-продолжателе» Советского Союза многократно формулировался Борисом Ельциным и положил начало практике дискурсивной вальвации этого статуса, продолжавшейся после 1999 г. Владимиром Путиным.

Отказавшись от демократической легитимизации нового порядка, новые власти должны были искать социальную поддержку в старой партийной номенклатуре, провинциальной бюрократии, новом классе предпринимателей и в спецслужбах. Укрепление власти победившего меньшинства, получившего ее в результате поражения коммунистического переворота и успеха собственного «ползучего переворота», могло осуществиться только в форме усиления безальтернативного характера власти президента и его окружения, которое постепенно начинало сужаться до круга «семьи». «В этой системе, — пишет Дмитрий Фурман, — не могут появиться <неизменные правила игры> благодаря которым выигрывать, получать власть могут разные силы, а наоборот, обеспечивается неизменность пребывания у власти одного человека (либо его преемников) благодаря изменяющимся в зависимости от условий <правилам игры>»²⁷. Демократия — это такая политическая система, в которой партии проигрывают или выигрывают выборы. В России же в результате победы демократов сложилась система, при которой правящие партии никогда не проигрывали выборы, а смена власти может произойти только в форме переворота. Отсутствие демократической легитимизации изменений осенью 1991 г. предопределило не только безальтернативный характер российской президентуры, но также и дезинтеграцию контекстов политики. Хаотичный характер политической власти в России мы можем признать в равной степени и как следствие революционных преобразований в начале 1990-х годов, и как эффект обязательности «покупки» победителями поддержки влиятельных и активных социальных групп.

Возвращенная свобода. Если в Советском Союзе и России мы имели дело с неудачной попыткой политической трансформации от авторитаризма к демократии, причинами чего были отсутствие легитимизации распада империи и — в результате — не сформировавшийся механизм политической ротации власти, то Польша в процессе освобождения от влияния империи столкнулась с проблемами, вытекавшими из относительной слабости политических партий и конфликтного характера дуализма исполнительной власти. В Польше уже много лет ведется дискуссия о причинах упадка коммунизма и начала перемен в политическом строе, касающаяся также связи между реформами Горбачева и переменами в Польше во второй половине 1980-х годов. Часто высказывается точка зрения, что к переменам в Польше руководители Советского Союза принуждали генерала Войцеха Ярузельского²⁸. С хронологической точки зрения конституционная реформа и выборы народных депутатов в СССР опередили договоренности круглого стола, изменение конституции ПНР, а также выборы в Сейм и Сенат. С концептуальной же точки зрения только начальную фазу изменений в Польше можно рассматривать как часть идео-

логической мутации империи. Выборы в Польше в июне 1989 г. значительно ускорили развитие событий, а упадок коммунизма в Европе окончательно предопределило объединение Германии и ликвидация «советского Пьемонта» в сердце континента²⁹. Июньские выборы в Польше положили начало процессу поступательного введения и установления механизма политической конкуренции, который в Советском Союзе и в России дважды срывался по вине драматических обстоятельств — в августе 1991 г. и в сентябре 1993 г.

Специфической чертой политической трансформации в Польше — на фоне других стран советского блока — было существование организованной и относительно массовой оппозиции, охватывавшей рабочих государственных предприятий, объединенных в профсоюз «Солидарность». Нарастающий экономический кризис и отсутствие перспектив его преодоления в пределах советской империи способствовали тому, что коммунисты начали стремиться к более глубокой интеграции ПНР в мировую систему при одновременном сохранении политической власти. Первые попытки включить отдельные оппозиционные группы в концессионный политический диалог закончились неудачей. В этой ситуации коммунисты начали реализовывать реформаторско-кооптационную стратегию, которая все время сопровождалась ограниченным социальным давлением. Летом 1988 г. начались переговоры министра внутренних дел Чеслава Кищака с лидером «Солидарности» Лехом Валенсой, результатом которых стал запуск механизма круглого стола. Это привело к тому, что 4 июня 1989 г. были проведены всеобщие выборы в две палаты парламента, напоминающие выборы «по куриям», которые имели место в европейских странах на закате абсолютизма.

Созданный подобным образом парламент избрал президента, которым стал глава коммунистической партии генерал Войцех Ярузельский, а Сейм назначил на должность премьера генерала Чеслава Кищака. Из-за сопротивления «Солидарности» миссия близкого соратника президента Ярузельского закончилась провалом, и 24 сентября 1989 г. Сейм назначил на пост премьера Тадеуша Мазовецкого, заместителями которого в коалиционном правительстве стали Лешек Бальцеревич, Чеслав Яницкий (из Объединенной крестьянской партии), Ян Яновицкий (из Демократической партии) и генерал Чеслав Кишак (из ПОРП). Всеобщие президентские выборы, на которых одержал победу легендарный лидер «Солидарности» Лех Валенса, состоялись 25 ноября (первый тур) и 9 декабря (второй тур) 1990 г., а первые вполне демократические парламентские выборы прошли 27 октября 1991 г.

В итоге можно признать, что выборы 1989 г. имели двойственные последствия: с одной стороны, произошло значительное расширение политического участия, а с другой — был запущен механизм политической конкуренции и выборной ротации власти. Независимо от того, какие партии выигрывали на последующих выборах, политическая конкуренция всегда велась в форме соперничества партий. Подобный механизм сформировался также и в остальных странах Центрально-Восточной Европы, независимо от того, появлялись ли политические партии с опорой на социальные сети нелегальной или полулегальной оппозиции или также с опорой на структуру аппарата прежних коммунистических партий.

Сущностью демократической системы является право на создание разного рода политических группировок, которые обладают возможностью представлять и ре-

ализовывать потребности и интересы определенных социальных групп. В условиях политической трансформации основным ограничением в развитии партии является неуверенность, связанная с отсутствием стабильной системы отношений в социальном окружении и конституционно-общественной системе. Партийные лидеры стараются ограничить неуверенность путем получения контроля над внешним окружением и происходящими в нем процессами. Ограничение неуверенности можно признать основным механизмом, определяющим развитие политических партий в условиях трансформации. Партии возникли как результат кризиса участия и кризиса легитимизации предыдущей системы. Их появлению предшествовало полное изменение социальных настроений в отношении политической власти, а также увеличение активности контрэлиты, связанной с оппозицией из «Солидарности». Партии возникли как из части бывшей номенклатуры, так и из контрэлиты, вышедшей из «Солидарности», они создавались скорее сверху, главной площадкой их формирования были очередные парламентские выборы, а также механизм функционирования законодательной власти. Элитарные и парламентские корни партий, отсутствие собственных партийных традиций и союзов с невыкристаллизовавшимися социальными интересами, сила независимых профсоюзов и представительство некоторых хозяйственных отраслей предопределили институциональную слабость партий. Специфика исходных условий стала причиной того, что в Польше не возникли сильные массовые партии. Польские политические партии ближе к моделям картельных партий или модели *catch-all party*.

Помимо этих недостатков польские политические партии, несомненно, объединяют атомизированное общество, а также выполняют основное дисциплинарное требование — успешно стремятся получить и удержать власть, предоставляющую право принимать решения. Они также обеспечили легитимизацию нового начала. Основная сложность, которую несет ситуация перемены, основывающейся в том числе на переходе от видимости единства к явной конкуренции, от монопартии к многопартийной системе, способствует появлению общественного чувства дезориентации и с самого начала затрудняет выполнение задач по легитимизации новой системы. Новые правительства были ограничены влиянием старой бюрократии, а их члены — впутаны в развязывание трудных и генерирующих большую неуверенность отношений с прежней номенклатурой. Помимо этого польская система успешно прошла тест на легитимность, в большей степени благодаря активности политических партий. Подтверждением этому может служить преодоление двух критических пунктов на пути к демократической перемене. Во-первых, в результате выборов многократно происходила передача политической власти в пределах политической системы от одних партий к другим. Причем дважды происходила передача власти от коалиции партий — выходцев из «Солидарности» партиям прежней номенклатуры, что можно признать особо трудной проверкой демократизации. Подобная передача власти коснулась и поста президента. Во-вторых, часто происходила передача власти в самих политических партиях — между их лидерами, что также следует признать важным тестом на консолидацию демократии.

Помимо этих достоинств польские политические партии оказались исключительно недолговечными и неспособными войти в фазу институционализации. Ибо

основными участниками избирательной игры являются в Польше не политические партии, а предвыборные коалиции. Распад больших антикоммунистических коалиций в начале 1990-х годов привел к партийной раздробленности, частым слияниям и последующим расколам. Среди антикоммунистических групп, которые заседали в Сейме, избранном в 1991 г., ни одна не просуществовала больше десяти лет, а их лидеры разбрелись по разным политическим формированиям, часто выступая теперь с заявлениями, противоречащими их первоначальным позициям. Еще в 2001 г. в Сейм прошли политические партии, которые ранее представляли собой только избирательные комитеты (Лига польских семей, Гражданская платформа, Право и справедливость), а Самооборона представляет собой специфическое слияние профсоюза и политической партии.

Польские политические партии чрезвычайно нестабильны. В принципе только две политические группы принимали участие во всех парламентских выборах с 1991 г. под одним и тем же названием — Польская крестьянская партия и Союз левых демократов; все остальные политические партии подвергались частым организационным и персональным метаморфозам. Многие политические партии, которые получили высокие проценты голосов в 1991 и 1993 гг., уже завершили свою политическую жизнь (Конфедерация независимой Польши, Либерально-демократический конгресс, Партия центра, партия Общественное движение, Избирательная акция Солидарность, Союз свободы). Практически на каждом выборах появлялись новые политические субъекты, которые возникали прямо перед выборами, и многие из них оказались партиями-однодневками. Тот факт, что многие из них завоевали голоса значительной части избирателей, хотя их предвыборная программа не была хорошо известна, указывает на весьма слабый характер связей политических партий с избирателями. Хорошим примером флуктуации поддержки служит коалиция Избирательной акции Солидарность и Союза свободы, которая на выборах в 1997 г. получила 47,2% голосов, а через 4 года довольствовалась поддержкой только 8,7% избирателей. Слабость связей с электоратом выражается в многочисленных случаях изменения партийной принадлежности депутатов в течение срока полномочий, что можно расценивать как проявление пренебрежения к воле избирателей. Политическая структура Сейма в конце созыва чаще всего существенно отличается от картины, сложившейся в результате выборов.

Помимо этих негативных тенденций доказательством в пользу стабилизации польской политической системы может быть ее концентрация, то есть увеличение поддержки партий, получающих соответственно первое и второе места на выборах. Победитель на выборах в 1991 г. — Союз свободы — легитимизировался поддержкой 12% избирателей, тогда как самая сильная политическая группа в 2001 г. — Союз левых демократов — получила более 40% голосов. Процент голосов, отданных за две самые крупные партии, рос с 1991 до 1997 г., когда он составил 60%; на последующих выборах этот показатель снизился до 54%, чтобы снова вырасти на следующих выборах. На выборах в 2005 и 2007 гг. два первых места заняли одни и те же партии — Право и справедливость (ПиС) и Гражданская платформа, что может предвещать начало стабилизации польской партийной системы.

Таблица 1

Концентрация польской партийной системы в 1991–2008 гг.

Политическая партия	1991	1993	1997	2001	2005	2008
	Полученные голоса, %					
Сильнейшая	12,32	20,41	33,83	41,04	26,99	41,54
Две самые сильные	23,81	35,45	60,96	53,72	51,13	73,62
	Количество мандатов, %					
Сильнейшая	13,48	31,17	43,69	46,95	33,7	45,43
Две самые сильные	26,88	65,86	79,34	61,08	62,6	81,52

Источник: Antoszewski A. *Demokracja w III Rzeczypospolitej*. Wrocław, 2002. Актуализация данных произведена автором.

Изменения 1989 г. не только запустили в Польше механизм политической конкуренции и выборной ротации власти, но также изменили способ формирования и функционирования исполнительной власти. Правительство утверждается парламентом и несет перед ним политическую ответственность. Поэтому характер и структура польской партийной системы оказывают существенное влияние на функционирование исполнительной власти, так как ее качество в значительной степени зависит от того, кто ее конституирует. Качество исполнительной власти зависит также и от избирательной системы. Как правило, чем менее пропорциональна избирательная система, тем сильнее позиции больших политических партий, а поэтому и позиции правящей партии. Отсутствие избирательного барьера или его низкий уровень увеличивает партийную раздробленность парламента. Подобные последствия вызывает также и применение метода Сен-Лаге, а тем более метода Харе-Нимейера вместо метода Д'Хондта при переводе количества отданных голосов в число мандатов. Хорошим примером являются парламентские выборы 1991 г., когда в Сейм прошли представители 29 политических сил. В период с декабря 1991 г. по май 1993 г. сменились три премьера. Для сравнения: в 1997 г. в Сейм вошли три партии, а премьер Ежи Бузек, хоть и с трудом, но проработал все четыре года. В 2001 г. в Сейм прошли шесть партий, а правительство возглавляли два премьера.

Правление является не только выражением воли суверена, реализуемой при помощи права и нормативных актов, но прежде всего это умение координировать различного рода средства, находящиеся в распоряжении исполнительной власти. Только центр, который сможет привести к тому, что разные институты исполнительной власти будут реализовывать согласованную политическую стратегию, может оказывать влияние на окружающую действительность. В демократических странах такой центр чаще всего находится в правительстве и в институтах, работающих непосредственно на его председателя, и называется ядром правительства (*core of government*).

Во времена ПНР правительство не правило, а лишь осуществляло административные функции. Оно только исполняло решения ПОРП, которая функционировала в соответствии с логикой «секрета империи». Поэтому правительство не должно

было иметь аналитического обеспечения, который готовил бы политические стратегии, у него не должно было быть процедур разрешения конфликтов между министрами, представлявшими разные политические партии, и в конечном счете оно не должно было убеждать граждан в своих решениях, так как его не ждала проверка выборами. Последующие демократические правительства после 1989 г. пытались создать современные инструменты управления, но только в 1997 г. было произведено существенное изменение ядра исполнительной власти. С тех пор премьер должен был стать бесспорным главой правительства, а не только председателем Совета министров. Проблема заключается в том, что в посткоммунистических государствах ядра парламентов изолированы от администрации, которая настроена на пассивное исполнение распоряжений сверху, а не на участие в реализации согласованных политических стратегий. Это происходит потому, что ядро правительства находится за границами неформальной практики принятия решений, а правовые инструменты принуждения к координации внутри правительства являются неэффективными³⁰.

Можно назвать несколько причин такого положения вещей в Польше. Во-первых, отсутствие центра исполнительной власти, проявляющегося хотя бы в виде постоянного конфликта между президентом и премьером. Во-вторых, институциональная раздробленность администрации, основанная на функционировании большого количества министров и центральных учреждений. В-третьих, хаотичный характер правительственных коалиций, что особенно ощутимо, если принять во внимание значительно большее влияние парламента на формирование политики, чем в большинстве стран Западной Европы³¹. Все правительства в Польше после 1989 г. создавались коалициями партий, располагающих в Сейме минимально допустимым количеством голосов, что в условиях сильных идеологических разногласий, исключающих создание синкретических коалиций, приводило к дестабилизации всех правительственных коалиций. Конфликты внутри коалиций провоцируют то, что большинство правительств в Польше эффективно правило только в течение 16 месяцев. По истечении этого времени начинались резкое снижение поддержки в опросах общественного мнения и безвластный дрейф вместо управления. Так было с кабинетом Вальдемара Павляка (хотя он пользовался поддержкой $\frac{2}{3}$ Сейма) и с правительством Ежи Бузека. Афера Рывина произошла на 16-м месяце полномочий правительства Лешека Миллера.

Ярослав Качиньский был едва ли не первым премьером, который сознательно хотел избежать действия «закона 16 месяцев»³². Примененная им политическая стратегия, по мнению Рафала Матгя, «возникла не столько из плана правления, сколько из проекта усиления управляемости коалиционного кабинета»³³. Качиньский старался избежать повторения судьбы кабинетов Бузека, Миллера и Бельки, которые функционировали в ритме политических скандалов, партийных расколов и утечек информации в прессе. Стратегия избежать вовлечения в навязываемую извне повестку была реализована путем инициирования действительных политических кризисов в условиях, гарантирующих возможность сохранения контроля над ними, а также формулирования основных тезисов, направленных против оппозиции, членов коалиций или против отдельных профессиональных групп. Все это должно было отвлечь внимание СМИ и оппозиции от фактических решений пра-

вительства. Дополнительным методом был мониторинг реального или потенциального вмешательства членов правительства, участников коалиций и оппозиции при помощи инструментов, которыми располагает только глава правительства. Принятая Качиньским стратегия привела к быстрой потере капитала доверия внутри коалиции, утрате положительной оценки в общественном мнении и в итоге к снижению управляемости правительства. Кризис доверия привел к поражению ПиС на выборах в 2007 г.

Монополия коммунистической партии, выражавшаяся в конституционном принципе единой государственной власти, после 1989 г. была заменена в Польше принципом сдержек и противовесов разных органов власти. Однако *checks and balances* понимаются исключительно в негативном ключе — как ограничение власти при минимизации значения сотрудничества³⁴. Правило взаимного блокирования касается не только отношений между исполнительной и законодательной властью, но также и отношений внутри законодательных институтов — между Сеймом и Сенатом, а также внутри исполнительной власти — между премьером и президентом. Дуализм законодательной и исполнительной власти напрямую выводится из решений об изменении общественного строя, принятых в 1989 г.

Институты президента и Сената были формально введены законом об изменении конституции, который Сейм принял 7 апреля 1989 г. Закрепленные в этом законе постановления были результатом компромисса, достигнутого во время переговоров круглого стола между оппозицией (в лице «Солидарности») и ПОРП. Сенат должен был избираться всеобщим голосованием, но иначе, чем Сейм, — без применения курриальных квот для разных политических сил. Зато президента должно было избирать Национальное собрание на шестилетний срок. Из принятых решений следовало, что новые институты должны были гарантировать защиту определенных интересов. Сенат должен был гарантировать более широкое участие оппозиции в законодательной власти, чем это предполагалось по закону о выборах в Сейм. Президент же — при условии, что им станет Ярузельский, — должен был защищать интересы номенклатуры.

Политическая практика закрепила формальный дуализм. Принятие летом 1989 г. принципа «ваш президент — наш премьер» должно было стать способом разрешения конкретной проблемы в конкретной ситуации. С позиции сегодняшнего дня можно сказать, что эта концепция, как пишет Мачей Джонек, «стала катализатором деления, формирования острого дуализма по принципу противопоставления, а не кооперации. В дуализм исполнительной власти вписался в 1989 г. существующий и по сей день социальный дуализм, который определяется делением “мы — они”»³⁵. С тех пор практически постоянно в отношениях между премьером и президентом присутствовал политический антагонизм.

Решающее значение для выработки принципов функционирования дуализма исполнительной власти имели первые годы общественных перемен. Закон об изменении конституции 1989 г. наделял президента помимо полномочий репрезентативного характера тремя существенными компетенциями: возможностью применять законодательное вето, правом назначать премьера и полномочиями распустить парламент в строго определенных случаях. Фактически Войцех Ярузельский обладал значительными возможностями оказывать влияние на политику правитель-

ства Тадеуша Мазовецкого, например, через своих близких соратников — генерала Чеслава Кищака и генерала Флориана Сивицкого, которые руководили министерствами внутренних дел и обороны. В сентябре 1990 г. Сейм принял закон о сокращении срока полномочий Ярузельского и обновил конституцию, введя прямой порядок выборов президента. Поражение на выборах Тадеуша Мазовецкого способствовало ослаблению позиции премьера и усилению позиции нового президента — Леха Валенсы.

Важнейшим документом, фиксирующим новую расстановку политических сил в Польше, был одобренный 17 октября 1992 г. Закон о взаимоотношениях между исполнительной и законодательной властью, обычно называемый Малой конституцией. Этот закон усиливал позицию президента, наделяя его, помимо права назначать премьера, возможностью сформировать на срок до шести месяцев в определенных обстоятельствах так называемое президентское правительство. Более того, премьер был обязан учитывать мнение президента при назначении министров обороны, внутренних и иностранных дел. Президент осуществлял «общее руководство» в области внешних связей, внутренней и внешней безопасности страны. Малая конституция разрешала применять неконструктивный вотум недоверия, что в кризисных ситуациях усиливало позицию президента. Политическая практика 1992–1995 гг. дополнительно усилила конституционную позицию президента, тогда как Лех Валенса имел очевидную тенденцию к расширительному толкованию своих компетенций.

Новая Конституция, хотя и была принята 4 апреля 1997 г., писалась с расчетом на ограничение политической роли Леха Валенсы. Положения нового основного закона лишили президента возможности формировать президентское правительство, а также влияния на выбор кандидатур на должности руководителей министерств обороны, внутренних и иностранных дел. Теперь премьер не был обязан информировать президента о работе правительства. По вопросам иностранных дел и безопасности «общее руководство» президента было заменено обязательством сотрудничества президента с премьером и соответствующими министрами. Основной закон вернул конструктивный вотум недоверия, что усилило позиции главы кабинета. Однако за президентом было оставлено много его компетенций, что позволяет говорить о сохранении дуализма исполнительной власти. Сам по себе этот дуализм не является негативным явлением, и проблема заключается только в его применении. Дуализм исполнительной власти в конституционной практике демократических государств является достаточно частым, а для польского политического устройства — традиционным явлением. Он функционировал как в период существования II Польской Республики, так и в польских политических структурах в изгнании. Опыт польской конституционной трансформации демонстрирует, что взаимоотношения в исполнительной власти изменчивы. Это хорошо видно по результатам выборов 2005 г. Лидер партии Гражданская платформа Дональд Туск претендовал тогда на должность президента, а один из лидеров партии Ян Рокита — на пост премьера. В ПиС ситуация была обратная. Лех Качиньский как человек № 2 в партии боролся за пост президента, а лидер партии Ярослав Качиньский стал премьером. Это указывает на политическую неопределенность позиции премьера в Польше — часто главами правительства становились второстепенные политики.

Значение дуализма исполнительной власти увеличивает и структура партийной системы, особенно при сильной партийной раздробленности парламента.

Для безотказного функционирования дуализма исполнительной власти важнейшее значение имеет сотрудничество президента и премьера в деле реализации политики государства, что связано в первую очередь с единством внешней политики. Проблема с дуализмом в Польше заключается в том, что он часто приобретает форму политической борьбы, парадоксально, но острее всего она тогда, когда премьер и президент имеют одни и те же идейные истоки. Это хорошо иллюстрируют президентура Л. Валенсы, когда премьером был Я. Ольшевски, президентура А. Квасьневского с премьером Л. Миллером и президентура Л. Качиньского с премьером Д. Туском. Увеличение эффективности польского дуализма потребует усиления конституционной позиции одного из двух центров исполнительной власти.

Политическая стабилизация в России. Декрет президента Бориса Ельцина от 21 сентября 1993 г., по которому советская конституция переставала действовать, а органы представительной власти распускались, назывался «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», то есть он закладывал основы реформы политического и правового строя послереволюционной России. Принятие новой конституции в декабре 1993 г. завершило двухлетний кризис двоевластия, который привел к вооруженным столкновениям в Москве 3–4 октября 1993 г. В преамбуле к конституции говорится о «соединении общей судьбой на своей земле», о «возрождении суверенной государственности России» и о «сохранении исторически сложившегося государственного единства». Законодатель предположил, что когда-то существовало суверенное российское государство и его территориальная целостность была сохранена. Оставляя в стороне советское прошлое, новые власти не декларировали юридической преемственности ни в отношении Российской империи, ни в отношении недолго просуществовавшей республики. Они также отказались от идеи созыва Конституционного собрания. Новая конституция была принята путем всеобщего голосования 12 декабря 1993 г. Вместе с референдумом по принятию конституции прошли и выборы в Федеральное собрание. Президентские выборы состоялись в 1996 г. и были уже в значительной степени управляемыми — настолько, что в конечном счете Ельцин вернулся к монархической практике назначения преемника.

Среди 27 государств, находившихся в пределах советской империи, 16 государств, не входивших до 1940 г. в состав Советского Союза, избрали парламентскую или смешанную президентско-парламентскую модель организации государственной власти. Во всех этих странах сформировалась в меру стабильная партийная система, а власть несколько раз передавалась по результатам выборов. В 11 других государствах, входивших до 1940 г. в состав Советского Союза, сформировалась президентская система. Партийные системы в этих странах очень слабые, а оппозиция на президентских выборах одерживала победу только в очень редких случаях.

В России система прямых президентских выборов в два тура сформировалась в 1991 г. еще до распада Советского Союза. Однако никогда президентские выборы не выигрывал представитель оппозиции. В 1991 г. президентом стал Борис Ельцин, который к этому времени занимал пост председателя Верховного совета РСФСР, в

2000 г. президентом стал и.о. президента, премьер-министр Владимир Путин, а в 2008 г. на выборах победил официальный «преемник» — вице-премьер Дмитрий Медведев. Дважды, в 1996 и 2004 гг., действовавший президент был переизбран на второй срок. Четыре раза фаворит выигрывал выборы в первом же туре, а в 1996 г. выборы в два тура обеспечили победу Ельцину.

Способ выборов в Государственную думу был учрежден указом президента от 1 октября 1993 г. и — за исключением небольших изменений — действовал до 2005 г. В рамках смешанной системы половина депутатов избиралась простым большинством голосов по одномандатным избирательным округам, а другая половина — по федеральным избирательным округам пропорционально числу голосов, отданных по федеральным избирательным спискам. При пропорциональном разделении мест в Думе используется метод Харе-Нимейера. Применение этого метода, так же как и пятипроцентного избирательного барьера, обеспечило хорошее представительство в Думе партийных лидеров, получавших таким образом большую автономию, позволяющую заключать элитарные компромиссы. Автономия партийных лидеров, ограниченные полномочия Думы и слабость гражданского общества стали причиной того, что в России не сложились политические партии в строгом смысле этого слова. Роль представителей основных интересов взяли на себя депутаты, избираемые по одномандатным округам. Они не были связаны партийной дисциплиной, а главным их политическим средством были личные контакты и связи, что также не способствовало консолидации партийной системы.

В результате применения смешанной избирательной системы Россия достаточно спокойно пережила 1990-е годы, по крайней мере по сравнению с периодом 1990—1993 гг. Антиреформистская оппозиция всегда выигрывала выборы в федеральном избирательном округе, но никогда не была в состоянии сформировать правительство. Оппозиция, как правило, заключала компромиссы с президентом по существенным вопросам, критикуя его только по вопросам, имеющим пропагандистское и эмоциональное значение. В период функционирования смешанной избирательной системы только один раз была инициирована процедура импичмента президенту, тогда как в 1990—1993 гг. Съезд народных депутатов систематически угрожал применить эту процедуру³⁶.

Способ функционирования российской политической системы в 1993—1995 гг. хорошо отражает феномен двойного большинства. На президентских выборах или референдумах победу всегда одерживал кандидат от правящего лагеря, на парламентских выборах всегда побеждала оппозиция, а проигрывали «партии власти». 12 декабря 1993 г. за президентский проект конституции было отдано в 2,7 раза больше голосов, чем за обе «партии власти».

Вместе с принятием новой конституции существенным способом оказания влияния президентом на формирование политических стратегий стали ежегодные послания президента Федеральному собранию. Послания готовились помощниками и советниками президента, которые, опираясь на доступную через правительство информацию, вырабатывали концепцию стратегического прогнозирования и планирования политики. Темой первых посланий, подготовленных в 1990-х годах, было укрепление государства и увеличение эффективности исполнительной власти. На их основе в июле 1995 г. был издан указ «О выработке концепции правовой реформы в

Таблица 2

**Сравнение результатов голосования за «партии власти» на выборах
в Государственную думу и за фаворита на президентских выборах**

Дата	Голоса, отданные	
	за «партии власти»	за президента
Декабрь 1993 г.	21% («Выбор России», Партия российского единства и согласия)	57% («за» президентский проект конституции)
Декабрь 1995 г.	11% (Наш дом — Россия, Партия российского единства и согласия)	
Июнь 1996 г.		35%; 54% (Ельцин; первый и второй туры голосования)
Декабрь 1999 г.	38% («Единство», «Отечество — Вся Россия», «Наш дом — Россия»)	
Март 2000 г.		52% (Путин)
Декабрь 2003 г.	38% («Единая Россия»)	
Март 2004 г.		72% (Путин)

Таблица составлена автором.

Российской Федерации». Такая концепция была выработана в 1997–1999 гг. группой экспертов из Администрации Президента во главе с помощником президента по юридическим вопросам Михаилом Красновым. Она концентрировала внимание на особо важных задачах: реорганизации государства в соответствии с концепцией разделения властей, гарантиях конституционного единства системы исполнительной власти на всех уровнях, выработке концепции государственной службы, приспособлении системы управления к новым условиям рыночной экономики, открытости процесса принятия решений.

Концепции административной реформы возникали из уверенности многих экспертов в неэффективности политической системы, которая сформировалась в России после бурных 1991–1993 гг. Среди экспертов господствовало мнение, что главной причиной неэффективности является концентрация слишком большой власти в руках президента³⁷. Важной проблемой было также превращение России в федерацию регионов. В 1990-х годах центральной политической проблемой был скорее способ функционирования этой федерации, ее эффективность, чем создание более уравновешенной системы публичной власти. Попытка изменения была предпринята только в условиях глубокого социального кризиса, вызванного финансовым крахом 17 августа 1998 г. 7 октября того же года последовали массовые акции протеста с требованиями отставки Ельцина. В этой ситуации президент пообещал заключить политическое соглашение, предусматривающее изменение распределения полномочий между ветвями власти и даже изменение конституции.

Формой компромисса было формирование — в первый и последний раз в истории России — правительства парламентского большинства во главе с Евгением Примаковым.

Значение этого события можно сравнить с избранием Ельцина на пост президента всеобщим голосованием в июне 1991 г. Тем более что создание правительства парламентского большинства сопровождалось обещанием изменить конституцию и произвести новое разделение компетенций между ветвями власти. Формирование правительства Примакова в 1998 г., равно как и избрание Ельцина в 1991 г., таили в себе зачаток регресса, вытекающего из исторических и политических обстоятельств возникновения политического строя Российской Федерации³⁸. Президент имел в виду только тактическое разделение с Думой ответственности за кризис, а не основательное изменение конституции. К тому же правительство утратило поддержку парламентского большинства еще в декабре 1998 г., что в целом вытекало из слабости публичной политики в России, и партийной политики в частности.

Истоки политики Ельцина того времени следует искать в реакции федеральных властей на финансовый крах, что политолог Эмиль Паин назвал «маятником политических стратегий». Если выход из кризиса 1991 г. Ельцин видел в федерализме, то выход из кризиса 1998 г. окружение Ельцина нашло в формировании «катастрофических» настроений после финансового кризиса³⁹. Уже в сентябре 1998 г. несколько губернаторов сформулировали концепцию вертикали власти, то есть оси, связывающей правительство и Администрацию президента. Существенной чертой этой концепции было обращение к архетипу «сосредоточения» полноты власти в одних руках и отказ от проектов административной реформы, основывающейся на углублении институционализации исполнительной власти в России. Назначение на пост премьер-министра Владимира Путина в августе 1999 г., а затем и занятие им поста президента означало поворот к практике неформальной концентрации власти в руках президента и его Администрации.

Путин стал президентом не затем, чтобы осуществить политическую реформу, обещанную во время кризиса, а затем, чтобы стабилизировать ельцинскую политическую систему путем ограничения плюрализма в рамках узких политических элит. В мае 2000 г. были созданы федеральные округа и должности полномочных представителей президента в округах. Полномочные представители, как сотрудники Администрации Президента, должны координировать деятельность территориальных органов на местах администрации (например, специальных и налоговых служб, органов прокуратуры). Были изменены принципы формирования Совета Федерации, а также принципы назначения глав республик, краев и областей; реформа не коснулась, однако, местной администрации. Право назначения глав областей и республик по закону было признано за президентом. Таким образом, значительно расширены его компетенции, перечисленные в главе 9 Конституции 1993 г. В 2004 г. было реорганизовано правительство: создавалось три типа структур правительственной администрации — министерства, службы и агентства. Тем самым одновременно увеличивалось общее их число; с 59 в правительстве Михаила Касьянова до 75 в правительстве Михаила Фрадкова.

В 2001–2005 гг. были проведены также многочисленные изменения, ограничивающие политическую конкуренцию, в том числе увеличен избирательный барьер

с 5 до 7%, ликвидированы одномандатные избирательные округа, а смешанная избирательная система была заменена только пропорциональной системой. Это усилило контроль федеральных властей над формированием избирательных списков, ходом выборов и функционированием парламента. Более того, при пропорциональном распределении мест в некоторых региональных законодательных собраниях (например, в Санкт-Петербурге и Самаре) стали использовать метод Имперали⁴⁰, который особенно благоприятствует большим партиям, то есть в нынешней российской практике — партиям власти.

Важнейшим изменением, осуществленным в годы президентуры Путина, было восстановление негласной инфраструктуры власти, состоящей из огромного числа работников спецслужб, находящихся во всех органах власти, общественных организациях, аналитических центрах, средствах массовой информации и частных фирмах. Причины этого явления нельзя искать в реальных успехах специальных служб в России, поскольку в 1990-е годы их деятельность сопровождалась серией знаковых провалов. Вероятно, причина заключается в соглашении, по которому в обществе принято считать, что 1990-е годы были периодом хаоса. У истоков восприятия периода трансформации как хаоса лежит временная несостоятельность политической власти в первой половине 1990-х годов и частичная утрата государством монополии на легальное применение принуждения, что в соответствии с классическим определением Вебера составляет конституирующую черту современного государства. Хотя упадок государства не был полным, однако сам опыт жизни в условиях угрозы мог сформировать новый образ восприятия общественного порядка. Россияне не проявили в это время большие способности к самоорганизации, но приватизация части средств принуждения была, вероятно, огромным потрясением для общества, характеризующегося болезненным отношением к войне и террору. Михаил Соколов, задумываясь над причинами феномена популярности спецслужб в России, обращает внимание на то, что в процессе трансформации ключевое значение имеет способ определения проблем, с которыми сталкивается общество. Люди, которые узнали, хотя бы и не на собственном опыте, что такое деградация общественных отношений до открытого насилия, наверняка хотели бы видеть обузданными демонов первородной борьбы за быт, а состояние войны всех против всех замененным на состояние холодной войны. В возникшей в 1990-х годах бытовой политической теории речь шла о том, чтобы сохранить социальный порядок с точки зрения его естественной слабости и страха перед хаосом. Уже само определение кризиса 1990-х годов как хаоса таило в себе обязательное делегирование как можно больших полномочий тому институту, который в высшей степени способен заменить первородную борьбу состоянием холодной войны. Специфическое обаяние спецслужб в России заключается в том, что они могут, как свидетельствует Михаил Соколов, «вести свою войну, не оставляя после себя фатальных разрывов в ткани повседневной жизни. Они существуют где-то на границе двух миров, стоя одной ногой в реальности “первичной схватки”, а другой — в реальности обыденной жизни»⁴¹.

Проблема большой политической реформы появилась в России в конце 1990-х годов — примерно в то же время, когда в Польше проводились политические и социальные реформы. Они должны были привести к усовершенствованию дуализма исполнительной власти и усилению ее способности формулировать по-

литические стратегии, но путем усиления позиции лидера правящей партии и главы правительства.

Дополнительной проблемой, помимо отсутствия ядра правительства, ограничивающего эффективность политических реформ в Польше, была принятая в процессе присоединения к Европейскому союзу модель приспособления к требованиям ЕС, вынуждающая отстающие в развитии посткоммунистические периферийные страны в обязательном порядке проводить институциональные и процедурные изменения, соответствующие нормам другого этапа развития. Системное насилие приводило, например, к переориентации значительной части польских финансовых институтов на работу во благо других экономических систем, что в значительной степени ограничивало сферу деятельности политической власти. «Пример Польши показывает, — пишет Ядвига Станишкис, — каким образом системное насилие разрушает управление, а иногда и вовсе ликвидирует автономный системный характер периферийных государств и экономик. Они преобразуются в слабо связанную и вытекающую за номинальные границы национального государства систему “сетей”, реализующих цели, свойственные иным территориям или этапам развития»⁴².

В России концепция реформы была отклонена и сформировалась моноцентричная система политической власти. Однако эта система мало чем напоминала классическую президентскую республику, отличительной чертой которой является отделение исполнительной власти от законодательной, что гарантирует независимую и сильную позицию законодательной власти. С формальной точки зрения Конституция Российской Федерации во многих местах напоминает Конституцию Французской Республики с ее полупрезидентским режимом, но в реальной политической практике полномочия парламента настолько ограничены, что Виктор Шейнис назвал Россию не столько суперпрезидентской, сколько «недопарламентской республикой»⁴³. Морис Дюверже, который ввел понятие полупрезидентской системы, связывал ее возникновение и эволюцию с существованием сильных авторитарных тенденций в обществе. Вытекающая из недостаточного развития гражданского общества в России слабость политических партий и слабость парламента становится причиной того, что характерный для полупрезидентства дуализм исполнительной власти был заменен моноцентризмом, дополнительно усиленным неформальными связями внутри синдиката специальных служб. Возникновение моноцентричной системы власти не только исключило политическую систему из процессов социальной модернизации, но и создало условия для возрождения архаичных и утопических представлений о природе власти (демонизация политических противников и внешних угроз, культ национального вождя). Поэтому если Польша в результате политических и социальных реформ конца 1990-х годов оказалась в ситуации, при которой номинальные границы национального государства размываются процессами глобализации, а проблемой стало навязывание институциональных решений и процедур, свойственных высокоразвитому постиндустриальному капитализму, то в России политическая система после периода глубоких потрясений 1990-х годов быстро вернулась к типичной институциональной конструкции, связанной с дилеммой недолговечности харизматического господства.

¹ Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Л. Шевцова. Россия политическая. М., 1998. С. 166–167.

² Макаренко Б. «Цветные революции» в контексте демократического транзита // Мир перемен. 2005. № 3.

³ Салмин А. Избирательные системы и партии: Выбор выборов // Полития. 2004. № 1. С. 13–15.

⁴ Салмин А. Изнанка внешней политики. Внутренние факторы в системе международных связей, обязательств и проектов Российской Федерации // Idem. Российская полития на рубеже веков. Избранные статьи. М., 2001. С. 145.

⁵ Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб.; М., 2002. С. 191–196.

⁶ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1952.

⁷ Weber M. Polityka jako zawód i jako powołanie. Niezależna Oficyna Wydawnicza. Warszawa, 1989. S. 36.

⁸ Коргунок Ю. Эволюция организационных форм политических партий и современная представительная демократия // Полития. 2004. № 1. С. 53.

⁹ White S. Russia's New Politics. The management of a Postcommunist Society. Cambridge, 2000. P. 72; Бурлацкий Ф. Реформы сверху: Невыученные уроки // Известия. 2004. 15 марта. О проектах советской президентуры см.: Czajowski A. Demokryzacja Rosji w latach 1987–1999. Atla 2. Wrocław, 2001. S. 307–312.

¹⁰ Статьи и другие тексты Вебера о российской революции см. в кн.: Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912 / Hrsg. von W. J. Mommsen. Tübingen, 1989. Переводы текстов на русский язык см.: Вебер М. К положению буржуазной демократии в России (1906). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/universum/dossier/04/mw-01.htm>; Idem. Переход России к псевдоконституционализму (1906). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/universum/dossier/04/mw-02.htm>; Idem. Переход России к псевдодемократии (1917). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2005/12/02/veber.html>. О значении веберовской концепции перехода от традиционного к рациональному обществу для сравнительного анализа политического устройства России см.: Медушевский А. Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 76–93.

¹¹ См.: Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2007.

¹² Staniszkis J. Postkomunizm. Próba opisu. Gdańsk, 2001. S. 65–85.

¹³ См.: Ремингтон Т., Смит С. Крах коммунистической системы и развитие парламентских институтов в России // «Sapere Aude». Вестник Московской школы политических исследований. 1995. № 2. С. 34.

¹⁴ Тезисы концепции советской президентуры представил 13 февраля 1990 г. Федор Бурлацкий, выдвигавший подобные проекты еще в 1962 г.

¹⁵ Ремингтон Т., Смит С. Указ. соч. С. 29.

¹⁶ В Казахстане, Киргизии, Молдавии, Туркмении и Узбекистане президенты избирались прямым путем уже в 1990 г., а в апреле 1991 г. — и в Грузии. В Грузии новые президентские выборы, на этот раз всеобщие, прошли уже в мае 1991 г. Всеобщие выборы были проведены в 1991 г. и в других вышеперечисленных республиках, а также в России, Армении, Азербайджане, Таджикистане и Украине. В Белоруссии и Литве, Эстонии, Латвии посты президентов были введены только после 1991 г.

¹⁷ Ср.: Елизаров В. Цели и средства: Идеи, которые начинают, институты, которые выигрывают // Новое литературное обозрение. № 83. С. 7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/329/343/.

¹⁸ Выборы народных депутатов РСФСР в 1990 г. можно признать полностью конкурентными. Если в 1989 г. на один мандат депутата претендовали примерно два человека, то в 1990 г. этот показатель поднялся до семи претендентов. См.: Шейнис В. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. 1. С. 265.

¹⁹ Ср.: Михайловская Е. Политические слова как вещи, или Опыт чтения одной стенограммы // Новое литературное обозрение. № 83. С. 2–4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/329/339/.

²⁰ В позднесоветском политическом лексиконе термин «суверенитет» имел значение, введенное в 1576 г. Жаном Боденом, и понимался как «абсолютная и неограниченная власть». В московской политической традиции термину «суверен» соответствовал титул «самодержец», принятый Иваном IV в 1547 г.

²¹ Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politika.su/doc/dogs.html>. С. 1.

²² Михайловская Е. Политические слова как вещи... // Новое литературное обозрение. № 83. С. 2–3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/329/339/.

²³ См.: Клямкин И. Постсоветская политическая система в России (возникновение, эволюция и перспективы трансформации). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.liberal.ru/article.asp?Num=53; С. 4–6.

²⁴ Ср.: Елизаров В. Указ. соч. С. 8.

²⁵ Краснов М. Административная реформа (1991–2001): Почему сохраняется ее актуальность // Страна после коммунизма: Государственное управление в новой России. М.: Институт права и публичной политики, 2004. Т. 1. С. 99–101.

²⁶ Цыбуков В. Проблемы правопреемства в Содружестве Независимых Государств. М.: МГИМО, 1994. С. 9–15.

²⁷ Фурман Д. Политическая система современной России и ее жизненный цикл // Свободная мысль. 2003. № 11. С. 6.

²⁸ Самой новой книгой, обосновывающей эту точку зрения, является работа А. Дудека (*Dudek A. Zmierzch dyktatury. Polska lat 1986–1989 w świetle dokumentów. Instytut Pamięci Narodowej. Warszawa, 2009*).

²⁹ Пьемонт — область Италии, которая в 1802–1814 гг. входила в состав Франции. — *Прим. пер.*

³⁰ Goetz K. H., Margets H. Z. The Solitary Centre: the Core Executive in Central and Eastern Europe // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 1999. Nr 4.

³¹ Ср.: Matyja R. Centrum władzy wykonawczej w praktyce rządów Prawa i Sprawiedliwości // Władza wykonawcza w Polsce i Europie / Drzonek M., Wołek A. (red.). Kraków; Nowy Sącz, 2009. S. 51–52.

³² Wołek A. Instytucje, głupku! // Gazeta Wyborcza. 14.02.2007.

³³ Matyja R. Op. cit. S. 59.

³⁴ Wołek A. Demokracja nieformalna. Konstytucjonalizm i rzeczywiste reguły polityki w Europie Środkowej po 1989 roku. Warszawa, 2004. S. 118–119.

³⁵ Drzonek M. Efektywny czy dysfunkcyjny? Dylematy dualizmu polskiej egzekutywy // Władza wykonawcza w Polsce i Europie. / Drzonek M., Wołek A. (red.). Kraków; Nowy Sącz, 2009. S. 21.

³⁶ Ср.: Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et Contra. 2006. № 1. С. 95–103.

³⁷ Лучше всего это мнение отражено в докладе, подготовленном группой экспертов фонда «Реформа»: Миграция А. и др. Проблема субъектности российской политики. Олигархизация власти в Москве чревата ослаблением государства // Независимая газета. 1998. 18–19 февр.

³⁸ Ср.: Клямкин И. Указ. соч. С. 2.

³⁹ Ср.: Паин Э. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. С. 195–212.

⁴⁰ См.: Белонучкин Б. Мелкие партии могут потерять единственный мандат // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2007/03/09/imperiali.html>.

⁴¹ Соколов М. Культ спецслужб в России // Неприкосновенный запас. 2005. № 4. С. 5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.nz-online.ru/index.phtml?aid=35011509.

⁴² Staniszkis J. O władzy i bezsilności. Kraków, 2006. S. 162.

⁴³ Ср.: Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). М.: Московский центр Карнеги, 2005. Т. 2. С. 581.

12

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И СССР

Л. Б. Вардомский (Россия)

Я. Калиньский (Польша)

Экономическое сотрудничество Польши и СССР в период строительства социализма не вызывает таких противоречивых оценок и политических спекуляций, как «Катынь», «Пленные красноармейцы» и тем более «Пакт Молотова—Риббентропа». В нем по большому счету нет вопросов, которые бы бросали тень на современные российско-польские отношения, поскольку экономическое сотрудничество основывалось на соглашениях между странами, содержание которых хотя и не было вполне прозрачным, но по общим положениям доступно всем желающим. И в Польше, и в России имеется обширная научная литература, посвященная их экономическому сотрудничеству, созданная как в период социалистического строительства, так и в годы рыночной трансформации.

Тональность работ, написанных в социалистический и трансформационный периоды, принципиально различается. Для первого характерны исследование информационного характера, описывающие содержание сотрудничества, обсуждающие его отдельные проблемные стороны, а также новые направления и инструменты. Работам второго периода, которых не так много, присущ анализ причин неудачи проекта социалистической экономической интеграции, оценка его плюсов и минусов, потерь и выгод для стран-участниц. В этой связи стоит упомянуть трехтомную монографию «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века», подготовленную в Институте международных экономических и политических исследований РАН и выпущенную в издательстве «Наука» в 2000 и 2002 гг.

В целом с позиции сегодняшнего дня результаты взаимного экономического сотрудничества Польши и СССР в 1945–1991 гг. весьма неоднозначны. С одной стороны, СССР помог Польше в восстановлении ее хозяйства в первые послевоенные годы и в последующей индустриализации. В результате индустриализации Польша сильно подтянулась по уровню экономического развития к наиболее развитым в СЭВ ГДР и Чехословакии. Польша довольно активно участвовала в освоении природных ресурсов СССР, модернизации отдельных отраслей его промыш-

ленности, обеспечении внутреннего рынка потребительскими товарами. Сегодня действуют и нефтепровод «Дружба», и газопровод «Ямал — Европа», и Усть-Илимский целлюлозный завод. Но, с другой стороны, взаимное сотрудничество не решило проблему отставания экономик СССР, Польши и других стран — членов СЭВ от наиболее развитых стран мира. Наоборот, оно еще более возросло. СССР своими крупномасштабными заказами при отсутствии конкуренции не стимулировал модернизацию производства в Польше, что контрастировало с инновационным рывком, совершенным в 1970–1980-е годы странами Запада. СССР не мог стать для партнеров по СЭВ источником новых технологий, поскольку сам остро в них нуждался. В некоторых польских исследованиях встречается точка зрения, согласно которой СССР в послевоенный период экономически закабалил Польшу, эксплуатировал ее народ и ресурсы, всячески сдерживал развитие.

С другой стороны, отвечая на запросы Польши и других стран СЭВ, СССР наращивал сырьевую ориентацию своей экономики, что сегодня определяет специализацию России в мировой экономике и все вытекающие из этого проблемы и противоречия.

На мой взгляд, политика СССР в отношении Польши и других стран СЭВ определялись логикой биполярного мироустройства, геополитического соперничества и блокового противостояния. СССР готов был идти на громадные материальные издержки, на собственное растущее отставание, дабы выдержать предложенную странами Запада конкуренцию. Но до известного времени. К концу 1980-х годов в результате начавшегося в СССР экономического и политического кризиса и связанного с ним освобождения его партнеров по СЭВ и Варшавскому договору от советского политического влияния «отпала необходимость платить за их политическую “лояльность”»¹.

Поражение СССР в холодной войне фактически означало, что средства, вложенные им в «страны народной демократии», оказались в большой степени выброшенными на ветер, в том смысле, что не смогли обеспечить сохранения политического и экономического влияния в этих странах СССР и его правопреемницы России.

Вместе с тем геополитическая цена, заплаченная СССР, и возможные упущенные выгоды Польши как его союзника окажутся не слишком высокими, если предположить, что блоковый паритет предотвратил мировую войну, издержки которой были бы несравненно выше. Иными словами, на определенном этапе сотрудничество СССР с Польшей, равно как и с другими странами «социалистического лагеря», поддерживало геостратегическую стабильность в мире, содействовало наращиванию экономики и человеческого капитала, что сыграло свою роль в период рыночной трансформации.

Экономическое сотрудничество этих стран было далеко не безоблачным. Оно на протяжении всего рассматриваемого периода было пронизано столкновением противоположных интересов. Представление о Польше как о слепом исполнителе указаний Кремля не соответствует действительности. Невозможно представить себе В. Гомулку или Э. Герека как бессловесных марионеток Кремля. Бывший президент Польши В. Ярузельский отмечал, что «она [Польша] испытывала на себе советское давление, порою диктат, но не эксплуатацию: и в самые трудные времена

полякам жилось лучше русских»². Польское руководство, в полной мере осознавая геополитическую важность своей страны для СССР, действовало прежде всего в национальных интересах, как они понимались в то время. Польша научилась извлекать выгоду из своего геополитического положения и вполне успешно делала это до прекращения деятельности СЭВ и Варшавского договора. Польские специалисты, занимавшиеся вопросами взаимного сотрудничества, лучше понимали особенности взаимодействия плановой и рыночной экономики, национальной и мировой экономики, были менее консервативны и менее подвержены идеологическим догмам. Более того, Польша относилась к тем странам СЭВ, которые оказывали влияние на политику СССР, подвигали его на те или иные экономические нововведения, которые, правда, внедрялись со значительным опозданием. В период «перестройки» польские эксперты и бизнесмены сыграли немалую роль в «рыночном» образовании России.

В центре возникавших между странами экономических противоречий лежала идеология централизованного планирования и «игнорирование объективного соотношения цен и затрат в их подлинно рыночном, а не в счетном значении»³. Взаимная внешняя торговля была продолжением централизованной экономики и выполняла функцию балансирования национального производства и потребления. Это делалось в рамках координации народнохозяйственных планов, составными частями которой были двусторонние соглашения о товарообороте на пятилетний период, ежегодные протоколы со списками взаимно поставляемых товаров и контракты на поставку конкретных товаров.

Балансовая роль внешней торговли вытекала из дефицитного характера командно-административной модели экономики. Страны больше ориентировались на импорт недостающих товаров, чем на развитие экспортной продукции. В этих условиях возникло деление товаров, обмениваемых странами, на «твердые» — более дефицитные и пользующиеся спросом на мировом рынке, и «мягкие» — менее дефицитные, но и не пользующиеся спросом на рынках третьих стран. При этом страны стремились к балансированию во взаимной торговле как по группе «твердых», так и по группе «мягких» товаров. Однако это далеко не всегда удавалось, что давало основания для взаимных претензий.

До образования в 1949 г. СЭВ торговля между странами социалистического лагеря шла по текущим мировым ценам. В 1950–1951 гг. в связи с войной в Корее цены на сырье на мировых рынках поднялись в среднем в 1,5–2 раза. Встал вопрос о том, как реагировать на такое повышение цен, учитывая, что плановые отношения требовали и ценовой стабильности во взаимной торговле. С общего согласия было решено сохранить во взаимной торговле уровень цен 1949 — начала 1950 г. Эти цены просуществовали до 1957 г. В 1956 г. из-за закрытия Суэцкого канала резко выросли мировые цены на каменный уголь. Но в 1957 г. они так же резко упали. Это подвигло страны СЭВ к изменению принципов ценообразования на взаимно поставляемые товары.

В 1958 г. была принята схема определения цен взаимной торговли, которая действовала до середины 1970-х годов. Контрактные цены на текущее пятилетие определялись в двустороннем порядке на базе средних мировых цен на соответствующий товар за предшествующее пятилетие. Такая система была более или менее при-

емлема при относительно стабильном уровне мировых цен. Но при их резких перепадах, причем в разной степени на отдельные товары, такая практика ценообразования давала сбой, сильно изменяя условия торговли между странами СЭВ, нанося некоторым из них существенный экономический ущерб.

В 1975 г., реагируя на сильные скачки мировых цен, страны СЭВ модернизировали систему ценообразования, перейдя к так называемым «шагающим ценам». Контрактные цены стали пересматриваться каждый год путем усреднения мировых цен за прошедший пятилетний период⁴. Это позволило несколько смягчить ценовые перепады на мировых рынках, но не сняло проблему как таковую. Таким образом, в данной схеме определения контрактных цен была заложена неизбежность неэквивалентного товарообмена.

Однако в тот период преобладала точка зрения, что все проблемы неэквивалентности обмена можно разрешить через сотрудничество и взаимопомощь, главным инструментом которых была координация народнохозяйственных планов⁵. Природа противоречивых оценок взаимной торговли связана не только с особенностями определения контрактных цен на товары, поставляемые странами друг другу, но и с проблемами пересчета одной валюты в другую.

Специально для обслуживания взаимной торговли была создана система расчетов, основу которой составлял переводной рубль, который по золотому содержанию и отношению к доллару был равноценен советскому рублю. По исходному замыслу переводной рубль должен был стать международной социалистической валютой, обеспечивающей многосторонние расчеты между странами СЭВ через Международный банк экономического сотрудничества (МБЭС). Однако в реальности переводной рубль обеспечивал исключительно двустороннюю торговлю. При этом множественность контрактных цен на один и тот же товар в торговых отношениях разных стран СНГ фактически означала неодинаковую покупательную способность переводного рубля в отношениях между различными странами⁶.

Переводной рубль не имело смысла накапливать, поскольку он фактически возникал, когда происходила товарообменная операция, согласно подписанным странами контрактам, и существовал в виде записей на счетах отдельных стран СЭВ в МБЭС.

Нарастание колебаний мировых цен в 1970–1980-х годах приводило к тому, что товарообороты было весьма трудно сбалансировать без заведомых экономических потерь для одной из сторон. Балансирование нередко осуществлялось либо занижением, либо завышением контрактных цен относительно принятого уровня контрактной цены. Положительное сальдо в виде переводных рублей представляло собой активы, которые нельзя было потратить, поскольку отсутствовали соответствующие товарные фонды. У СССР — поставщика топлива и сырья — за 1975–1985 гг. накопилось 15 млрд неликвидных переводных рублей. У европейских стран СЭВ в результате падения цен на топливо и сырье за 1986–1990 гг. образовались активы в торговле с СССР в 10 млрд переводных рублей⁷.

Неликвидность переводных рублей была обусловлена государственной монополией на внешнеэкономическую деятельность. Отсутствие до конца 1980-х годов реальных курсов пересчета национальных валют в переводной рубль, в конвертируемые валюты и друг в друга отражало фактическую обособленность национальных

экономик друг от друга и от мирового хозяйства. До национальных экономик сигналы от мирового рынка и от рынка стран СЭВ доходили в искаженном виде, не позволяли измерить эффективность или неэффективность взаимной торговли, хозяйственной деятельности в целом, осуществлять специализацию и модернизацию производства. Валютные коэффициенты стали применяться только на заключительном этапе существования СЭВ. Слабость или отсутствие монетарных инструментов регулирования взаимного сотрудничества консервировала отсталую структуру производств в странах, не стимулировала их модернизацию и наращивание выпуска качественных экспортных товаров. На этапе внедрения хозрасчетных отношений в национальных экономиках несовершенный платежно-расчетный механизм бил по доходам предприятий и соответственно по их интересам наращивать взаимные торговые связи.

В развитии внешнеэкономических связей Польши и России по условиям, проблемам и динамике сотрудничества можно выделить три этапа.

Первый — начальный, который продлился до начала 1960-х годов. На этом этапе *содержание сотрудничества определяли необходимость послевоенного восстановления, переход к социалистической индустриализации и острота блокового противостояния*. Сотрудничество между странами осуществлялось в условиях послевоенной разрухи, холодной войны и фактического эмбарго со стороны Запада в период с 1948 по 1954 г. *Export Central Act*, принятый в США в 1949 г., представлял собой правовое оформление доктрины Трумэна, нацеленной на сдерживание экономического развития социалистических стран при одновременном стимулировании развития экономики стран Западной Европы⁸.

Сотрудничество в этот период складывалось в условиях явного доминирования СССР и формирования польской государственности и управления экономикой по советскому образцу.

СССР, учитывая значение Польши в начавшемся его противостоянии с Западом, в этот период оказал ей широкую экономическую помощь в виде беспроцентных и низкопроцентных кредитов в товарной и денежной форме. По данным польского исследователя М. Вилька, за 1946—1949 гг. СССР на условиях кредита поставил Польше около 900 тыс. тонн зерна. Всего за 1947—1957 гг. СССР предоставил Польше кредитов на сумму 4,1 млрд валютных злотых (около 1 млрд долл.). Советские кредиты составили около 10% всех капитальных вложений в промышленность Польши в 1950—1963 гг.⁹. Им были обеспечены поставки необходимого сырья для текстильной, кожевенной, металлургической и химической промышленности. СССР оказал техническую помощь в создании в Польше около 200 промышленных предприятий, для которых была предоставлена необходимая документация и поставлено соответствующее оборудование. СССР помог Польше в восстановлении транспортной инфраструктуры, системы связи и здравоохранения. Он оказывал безвозмездную помощь в подготовке кадров для растущей польской экономики.

Следует подчеркнуть, что эта помощь была своего рода платой СССР за отказ Польши от присоединения к плану Маршалла, который, как известно, был нацелен в частности и на то, чтобы не допустить распространения советского влияния на страны Западной Европы¹⁰. Польша в результате отказа от американской помо-

щи несколько лет подвергалась серьезным ограничениям в торговле с США и другими странами Запада. Кредиты Польше странами Запада предоставлялись по ставке, в 3–4 раза превышающей процентные ставки советских кредитов (2–3%)¹¹.

Первое крупное экономическое противоречие между СССР и Польшей в этот период возникло в 1945 г. в связи с репарациями с территории западных земель, отошедших к Польше по Ялтинским и Потсдамским соглашениям. Советская сторона выступила с предложением создать польско-советские общества, которые бы занимались эксплуатацией угольных шахт в Нижней Силезии. Однако польская сторона это предложение отклонила. В. М. Молотов на встрече представителей польского и советского правительств в Москве в августе 1945 г., основываясь на результатах проведенных оценок имущества на бывших польских землях, включенных в состав СССР (3,6 млрд долл.), и бывших немецких землях, включенных в состав Польши (9,5 млрд долл., в том числе машин и оборудования на 1,75 млрд долл.), отметил существенный дисбаланс в пользу Польши. Следует заметить, что до августа 1945 г. СССР в качестве репараций вывез с западных земель Польши имущества на 0,5 млрд долл.

Различия в оценках репарационного имущества были неизбежны, поскольку они носили весьма приблизительный характер. При этом стороны вполне естественно стремились дать выгодную для себя оценку. Прибегнуть же к услугам независимого аудита в тот период было невозможно.

Молотов в связи с отказом польской стороны создавать совместные общества предложил компенсировать возникшие для советской стороны имущественные потери поставками польского угля по специальной цене 1,12 долл. за т в количестве 8 млн т в 1946 г., 13 млн т — в последующие четыре года и 12 млн т — до конца оккупации Германии. Эта цена составляла в тот период около 10% мировой цены. Польская сторона согласилась, что было зафиксировано в соответствующем Соглашении от 16 августа 1945 г. Согласно этому Соглашению СССР обязался также передать польской стороне 50 тыс. немецких военнопленных для работы на шахтах, отказался от каких-либо претензий на немецкое имущество на территории Польши, признал право Польши на 1/7 репараций, полученных СССР¹².

Следует учесть, что уже в 1947 г. лимит поставок угля был сокращен вдвое — до 6,5 млн т, а в 1950 г. — еще на 25%. Специальные цены на уголь продержались около 10 лет. Валютные потери Польши за продажу угля по специальным ценам, в то время как его можно было продать на европейском рынке по нормальным ценам, оценивались в 500–800 млн долл. В 1956 г. советское правительство признало претензии Польши в объеме 0,5 млрд долл., или около 2 млрд валютных злотых, связанные с ростом мировых цен на уголь, и уменьшило на эту сумму долг Польши, возникший в результате получения кредитов в предшествующий период¹³.

Другое противоречие было связано с транзитными тарифами. По мнению польской стороны, СССР недоплачивал ей за транзит грузов и пассажиров в сообщении с ГДР. В 1957 г. эти претензии были в ходе переговоров разрешены. СССР обязался выплатить Польше компенсацию за транзитные перевозки с 1946 по 1954 г. в объеме 182 млн руб. в товарной форме.

Настаивая на льготных для себя ценах и тарифах, СССР стремился отчасти смягчить для себя тяжелое бремя холодной войны. Страна, так же как и Польша, нахо-

дилась в послевоенной разрухе. Однако в конечном итоге важность Польши как союзника СССР в непростых условиях ее социалистической трансформации заставляла советское руководство идти на уступки.

Еще одна проблема в советско-польских экономических отношениях была связана с переходом во взаимных расчетах от доллара к клиринговому рублю. Если следовать золотому паритету рубля и злотого в 1950 г., то валюты должны были обмениваться из расчета 1 злотый на 1 рубль. Однако из-за больших различий во внутренних ценах в СССР и Польше и значительной инфляции в Польше для СССР такой курс был неприемлем. По соглашению сторон был установлен «специальный» курс — 3 злотых за 1 рубль. Это был своего рода компромисс между сторонами, отражающий особенности национальной ценовой политики и структуры товарообмена того периода. Но это был искусственный курс, который создавал поводы для взаимных упреков в неэквивалентности товарообмена.

В целом для этого периода сотрудничество Польши и СССР играло для индустриализирующихся экономик обеих стран дополняющий характер. Развитие опиралось на внутренние источники — так называемое «автономное» развитие¹⁴.

На долю СССР с начала 1950-х годов устойчиво приходилось около $\frac{1}{3}$ внешне-торгового оборота Польши. Доля Польши во внешней торговле СССР составляла 8–10%.

Экспорт составляли излишки национального производства, которые часто выделялись за счет внутреннего потребления, усиливая внутренние дисбалансы. Польский импорт из СССР в основном формировался на основе потребностей в производственном оборудовании и сырье, а советский импорт из Польши — на основе потребностей в потребительских товарах. Польша в этот период из-за дефицита экспортных ресурсов испытывала серьезные проблемы с платежным балансом, пик которых пришелся на 1955–1957 гг.¹⁵.

Для следующего этапа, который продолжался до конца 1970-х годов, было характерно стремление преодолеть автономное развитие посредством развертывания так называемого международного социалистического разделения труда и социалистической экономической интеграции, а также широкого развития в 1970-е годы сотрудничества с третьими странами. Польско-советское сотрудничество на этом этапе было тесно связано с деятельностью СЭВ. Важный импульс этому придало принятие в конце 1959 г. нового Устава СЭВ и — в 1962 г. — Основных принципов международного социалистического разделения труда. С этого момента начинаются попытки разработки планов специализации продукции между странами. Специализация рассматривалась как способ более полного использования имеющегося производственного потенциала и фактор ее дальнейшего развития. На практике, однако, специализация наталкивалась на большие трудности, поскольку страны СЭВ стремились развивать у себя в основном отрасли обрабатывающей промышленности и крайне неохотно предпринимали инвестиции в капиталоемкие сырьевые отрасли¹⁶. Это нежелание отчасти объяснялось диспаритетом цен на мировом рынке: цены на готовую продукцию устойчиво росли, а цены на топливо и сырье были неустойчивы. Это ухудшало условия торговли для стран — экспортеров топлива и сырья. Следует отметить, что готовые изделия, как правило, относились к группе «мягких» товаров и реализовывались прежде всего на «голодном» советском

рынке по ценам, зачастую превышавшим цены на более качественные западные аналоги.

В начале 1960-х годов в практику сотрудничества все шире входило софинансирование инвестиционных проектов в топливно-сырьевой сфере и возмещение понесенных затрат странами-инвесторами поставками соответствующих видов топлива и сырья. В 1963 г. Польша предоставила СССР кредит в 70 млн руб. на расширение добычи калийной соли в г. Солигорске. Польша участвовала в таких инвестициях в СССР, как расширение производства фосфоритов в Кингисеппе, строительство Усть-Илимского целлюлозного завода, Кiemбаевского асбестового комбината, газопровода Оренбург—Западная граница, нефтепровода Полоцк—Биржай—Мажейкяй и др. Кредиты предоставлялись в основном в виде инвестиционных и потребительских товаров, а также строительных услуг. Взамен участия в расширении производственных мощностей Польша обеспечила себе ежегодно дополнительные поставки 40 тыс. т целлюлозы, 50 тыс. т асбеста, нефти — 1 млн т¹⁷. Данные проекты, реализуемые на основе принципа «инвестиции (в разных формах) в обмен на сырье или топливо», создавали серьезные проблемы во взаимных расчетах. За время реализации проектов происходило существенное изменение ценовых пропорций обмена. Повышение или понижение мировых цен на поставляемое в порядке компенсаций за инвестиционный вклад топливо и сырье нарушало первоначальную эквивалентность обмена, что давало повод для взаимной неудовлетворенности. Одновременно было довольно трудно адекватно оценить инвестиционный вклад стран-партнеров. Разрешение возникавших проблем затруднялось напряженностью национальных балансов производства и потребления отдельных товарных групп.

Совместные сырьевые инвестиции в СССР способствовали углублению его топливно-сырьевой специализации в рамках не только СЭВ, но и мировой экономики в целом. Польша же относительно СССР специализировалась на поставке судов, строительной и дорожной техники, железнодорожных вагонов, оборудования для сахарных заводов и т.д. Бурно развивалось производство военной техники на основе советских лицензий.

Помимо предметной специализации в практику сотрудничества с середины 1960-х годов начала внедряться специализация по узлам и деталям и технологическая кооперация. В 1968 г. было подписано международное соглашение о кооперации между ПНР и СССР в области автостроения. На ее основе польское внешне-торговое предприятие *Polmot* и советский «Автоэкспорт» подписали кооперационный контракт в сфере производства автомобилей *Fiat 125p* и «Жигули». На основе этого соглашения страны обменивались комплектующими (узлами и деталями) для производства автомобилей¹⁸.

В этот же период начинают создаваться международные хозяйственные организации. В их основе была долевая собственность и производственная деятельность в интересах стран-участниц. Во многих организациях («Интерметалл», Организация сотрудничества в подшипниковой промышленности, «Интерхим» и др.) активно участвовали Польша и СССР.

Усложнение сотрудничества за счет его новых форм усугубляло трудности балансирования взаимных товарооборотов на 5-летний срок планирования, поскольку

не решался вопрос пересчета переводного рубля в национальные валюты. Ситуация не выходила из-под контроля до того момента, пока балансовый принцип в сотрудничестве преобладал над принципом эффективности производства и торговли. Но с конца 1960-х годов ситуация стала меняться. В Польше все более отчетливо проявлялся дефицит экспортных ресурсов, который требовал ограничения импорта. При этом происходило увеличение внешней задолженности. Вновь обострились проблемы с платежным балансом. Попытка решить их за счет сокращения внутреннего потребления вызвала в конце 1970 г. политический кризис. Отмена в феврале 1971 г. повышения цен на продукты питания в Польше обошлась СССР «...переводом на польский счет в одном из швейцарских банков 100 млн долл.»¹⁹.

В начале 1970-х годов произошел ряд мировых событий, которые оказали сильное влияние на последующее развитие. К ним относятся рецессия капиталистической экономики и валютный кризис в начале десятилетия, нефтяной кризис 1973—1974 гг., начавшаяся военно-политическая разрядка в Европе, экономические успехи ЕС как торгово-экономического блока и его большой демонстрационный эффект.

В рамках СЭВ в 1971 г. была принята Комплексная программа социалистической экономической интеграции, сердцевиной которой оставалась координация народно-хозяйственных планов стран-участниц. Программа рассматривалась как реальная альтернатива ЕЭС, как инструмент усиления экономической связанности стран СЭВ. Составными частями этой программы были согласованный план международных интеграционных мероприятий, долгосрочные целевые программы сотрудничества, международные хозяйственные организации. Эти механизмы должны были ускорить процессы внутриотраслевой специализации, которую рассматривали как главную движущую силу социалистической экономической интеграции (СЭИ).

В польско-советском сотрудничестве важное место заняли объекты, требующие крупных инвестиций, такие как строительство первой АЭС в Жарновце, правда не состоявшееся, современного металлургического завода «Катовице», строительство авиазавода в Мельце и др. Польша превратилась в одного из главных поставщиков комплектного оборудования в СССР. В 1971—1975 гг. было поставлено оборудование для 22 заводов по производству древесных плит, 25 заводов силикатного кирпича, 13 заводов по производству серной кислоты²⁰.

Осознавая ограниченные технологические возможности СССР и других стран—членов СЭВ и используя условия разрядки, Польша в начале 1970-х годов стала предпринимать попытку быстрой модернизации экономики, прежде всего производств, выпускающих потребительские товары, за счет импорта западных технологий на основе широких внешних заимствований. С модернизацией связывались надежды на переход к интенсивному пути развитию.

СССР также в этот период начал привлекать иностранные инвестиции, но более осторожно, используя принцип возмещения кредитов, зачастую в форме оборудования и материалов, поставками соответствующего продукта: природного газа, нефти, угля, технологической шепы, аммиака и т.д. В обобщенном виде это сотрудничество вошло в экономическую историю как «газ—трубы».

За 1970—1975 гг. отрицательное сальдо Польши в торговле с развитыми капиталистическими странами увеличилось с 239 до 7490 млн валютных злотых²¹. По дан-

ным Л. Бальцеровича, задолженность страны за этот период увеличилась с 1 до 8,5 млрд долл.²².

Новая волна индустриализации на основе западных технологий наложилась на ухудшение экономической конъюнктуры в странах Запада в связи с «нефтяным шоком» 1973–1974 гг. Страны-кредиторы стали меньше потреблять и импортировать, что сыграло свою роль в росте задолженности Польши и развитии очередного кризиса в стране. У Польши возникли проблемы с балансированием импорта из СССР. К концу десятилетия «перегрев» экономики обернулся серьезным спадом и новым политическим кризисом²³.

В этот период наиболее остро проявился фактор разной динамики цен на мировом рынке и на рынке стран СЭВ. Если в странах Запада цены в результате кризиса на многие товары пошли вниз, то на рынке стран СЭВ, отражая ситуацию пятилетней давности, они шли вверх. Во второй половине 1970-х годов резкий рост цен на нефть в 1973 г. воплотился в действующих контрактных ценах. Ясно, что такая ситуация давала немалую пищу для критиков взаимной торговли Польши и России с точки зрения учета национальных интересов. Но если в России публичного обсуждения таких вопросов не было, то в Польше в 1980-е годы они довольно часто поднимались в печати (смотри, например, публицистику Мариана Райско-го). Нельзя исключать, что в таких выступлениях были заинтересованы власти страны, поскольку создавали определенный психологический фон для ведения переговоров с СССР по корректировке цен и объемов поставок отдельных товаров в свою пользу.

Во второй половине 1970-х годов одновременное наращивание интеграционных усилий в рамках СЭИ и расширение внешнеэкономических связей с остальным миром порождали новые проблемы в плане эквивалентности товарообмена. В частности, развитие международной технологической и поузловой специализации столкнулось с проблемой определения справедливых цен, поскольку не во всех случаях можно было определять контрактные цены на основе зарубежных аналогов. Еще одна проблема была связана с возмещением расходов на импорт компонентов и узлов, которые устанавливались на взаимопоставляемую готовую машиностроительную продукцию. Определенную проблему во взаимных отношениях создавал реэкспорт Польшей советской нефти.

Заключительный период — *период затухания сотрудничества в рамках социалистической парадигмы при постепенном переходе к рынку и все более широком включении стран СЭВ в мировую экономику*. Для него характерно снижение темпов роста взаимной торговли. Если за 1970–1980-е годы оборот взаимной торговли, по данным советской статистики, увеличился в 3,4 раза, с 2350 млн до 8002 млн руб., то за следующее десятилетие (1980–1990-е годы) — в 1,5 раза, с 8002 млн до 12 066 млн руб.²⁴. Замедление темпов роста внешней торговли отражало появление серьезных структурных проблем во взаимном сотрудничестве. В российском экспорте в Польшу доля топлива и сырья достигла $\frac{2}{3}$, в том числе 40% приходилось на углеводороды. В польском экспорте более 60% занимала машинотехническая продукция. Наращивание оборотов шло преимущественно на межотраслевой основе. Разные по товарному составу экспорт и импорт было трудно балансировать, поскольку цены колебались то в ту, то в другую сторону. При этом взаимная торговля уже не могла

выполнять балансирующую роль, поскольку дисбалансы в национальных экономиках постоянно усиливались. Неблагоприятный фон для сотрудничества создавали война СССР в Афганистане и рецессия мировой экономики в 1980—1983 гг. Падение мировых цен на топливо оказалось роковым для советской экономики в следующем пятилетии, в 1986—1990 гг.

И у СССР, и у Польши в этот период происходило наращивание внешней задолженности. Задолженность Польши в 1980 г. достигла 25 млрд долл., а в конце 1989 г. — 41 млрд долл. Следует отметить, что из кредитов, которые Польша получила в 1970-е годы, только 20% было направлено на приобретение инвестиционных товаров. Большая же часть — 65% — пошла на закупку материалов и комплектующих, 15% закупленных товаров составляли потребительские товары²⁵.

В 1980—1981 гг. экономическая несбалансированность в Польше обернулась политическим кризисом. Начавшаяся экономическая реформа и помощь со стороны СССР, который выделил 2 млрд долл. и несколько миллиардов руб.²⁶, позволили остановить экономический спад.

В рамках СЭВ делались попытки оживить сотрудничество. Был предпринят ряд крупных инвестиционных проектов. Польша в 1985—1986 гг. осуществляла поставки товаров и услуг в СССР в рамках освоения Ямбургского газового месторождения, масштабная добыча газа на котором началась в 1987 г., и строительства газопровода Ямбург—Западная граница. Еще один крупный проект, в котором участвовала Польша, — Хмельницкая АЭС, первый реактор которой был пущен в 1987 г. А в 1984 г. была построена ЛЭП 750 кВт «Хмельницкая АЭС — Жешув».

В 1986 г. была одобрена Комплексная программа научно-технического прогресса стран—членов СЭВ до 2000 г., было принято решение о формировании объединенного рынка. При этом Польша была наиболее активным членом СЭВ. Она активно участвовала в соглашениях по производственной кооперации, в международных хозяйственных организациях, выступала за развитие прямых торгово-экономических связей между хозяйственными организациями и регионами²⁷. Но было уже поздно. Обе страны погружались в долговой и экономический кризис. Если за 1985—1987 гг. суммарное положительное сальдо СССР в торговле с Польшей составило 1892 млн руб., то в 1988—1990 гг. оно было отрицательным, достигнув значительно большей суммы — 6274 млн руб.²⁸. Отрицательное сальдо внешней торговли Советского Союза с Польшей в 1990 г. составило 38% общей суммы отрицательного сальдо внешней торговли. В 1990 г., по данным Госкомстата СССР, экспорт СССР в Польшу составил 4121 млн руб., а импорт — 7946 млн руб. Советский экспорт в Польшу за 1986—1990 гг. сократился с 6814 млн до 4121 млн руб., а польский экспорт в СССР увеличился с 6127 млн до 7945 млн руб. Рост польского экспорта в 1989—1990 гг. был связан с реэкспортом польскими компаниями на советский рынок потребительских товаров из Восточной и Юго-Восточной Азии²⁹.

Реэкспорт азиатских товаров стал результатом либерализации внешней торговли в Польше, которая приступила к рыночным реформам намного раньше и более решительно, чем СССР. Еще в 1982—1983 гг. централизованное планирование было заменено на «правительственные заказы». Были ликвидированы отраслевые министерства, проведена банковская реформа, существенно расширены возможности для частного бизнеса. В 1989 г. они продолжились уже в системном виде. В рам-

ках плана Бальцеровича началась валютная и внешнеторговая либерализация, была проведена девальвация злотого. В январе 1990 г. была введена конвертируемость национальной польской валюты и завершена внешнеторговая либерализация³⁰. В России системные рыночные реформы и внешнеэкономическая либерализация начались в 1992 г. и уже в ином геополитическом раскладе.

Отражая происходящие изменения, в 1989 г. СССР предложил партнерам по СЭВ перейти во взаимных расчетах на среднемировые цены в свободно конвертируемой валюте. Этот переход начал осуществляться в 1990 г. Соответствующее соглашение между СССР и Польшей было подписано 13 ноября 1990 г. Далее события развивались стремительно. В начале 1991 г. был упразднен денежный символ СЭВ — переводной рубль как средство расчетов стран-участниц. А 28 июня 1991 г. на заключительной, 46-й сессии был упразднен и сам СЭВ.

В результате перехода в расчетах на свободно конвертируемую валюту в 1991 г. объем внешней торговли СССР и Польши резко сократился. По данным Госкомстата, экспорт СССР в Польшу составил 4037 млн руб., а импорт из Польши — 3473 млн руб. В условиях истощения золотовалютных резервов и роста задолженности СССР был вынужден ограничивать централизованный импорт, не исполняя своих обязательств по заключенным контрактам. Внешнеторговая деятельность частного российского бизнеса была ограничена отсутствием валюты для импортеров. Отчасти эту проблему смягчали бартерные операции в рамках прямых торговых связей. Свой вклад в сокращение оборотов внес экономический спад, охвативший страны. Резкое сокращение импорта из Польши сильно ударило по польским компаниям, работавшим на советский рынок, особенно по предприятиям оборонной промышленности³¹, и сыграло свою роль в сокращении производства в Польше.

Одной из центральных экономических проблем в отношениях между Польшей и СССР на заключительном этапе их социалистического сотрудничества стали взаимные долги. На конец 1989 г. задолженность Польши СССР, а также банкам СЭВ, в которых основная часть уставного капитала приходилась на СССР, оценивалась в 2,1 млрд долл. и 4,5 млрд переводных рублей³².

По воспоминаниям Л. Бальцеровича, в переговорах по урегулированию задолженности польская сторона настаивала на пересчете задолженности в переводные рубли, аргументируя это понесенными в прошлом убытками. Потери были связаны в основном с неэквивалентным возмещением инвестиций, которые Польша осуществила в сырьевой сектор СССР в 1970-е и 1980-е годы. По польским оценкам, задолженность СССР по некомпенсированным инвестициям составила 3 млрд переводных рублей без процентов. Советская сторона в ответ выдвигала свои расчеты, согласно которым польские фирмы завышали свои затраты на 15–20% по сравнению с предложениями третьих стран³³.

В качестве аргумента польская делегация использовала также ожидаемые потери Польши в результате перехода с 1 января 1991 г. во взаимных расчетах на свободно конвертируемую валюту. Российская сторона не соглашалась на конвертацию польской валютной задолженности в переводные рубли, обосновывая это большими потерями в текущем товарообмене в результате разнонаправленной динамики цен на взаимопоставляемую продукцию. Цены на поставляемое в Польшу сырье и

топливо были существенно ниже мировых в сравнении с ценами на товары, экспортируемые из Польши в СССР³⁴. Стороны жестко стояли на своих позициях.

Проблема в конечном итоге была решена путем коррекции курса переводного рубля. В октябре 1990 г. переводной рубль был девальвирован относительно доллара в 3,2 раза — с 56 коп. до 1 руб. 80 коп. за доллар. Этому способствовало и большое положительное сальдо Польши в торговле с СССР. По итогам взаимной торговли за 1990–1991 гг. общее положительное сальдо Польши составило 7,5 млрд переводных рублей³⁵. В силу этого баланс взаимных долговых обязательств сильно подровнялся. По данным М. Врублевского, Польша была должна России 4,7 млрд переводных рублей и 2,3 млрд долл., а Россия Польше — 7,9 млрд переводных рублей, 300 млн клиринговых долларов и 30 млн рубл.³⁶ Окончательно взаимные долговые претензии сторон были урегулированы по нулевому варианту плюс 20 млн долл. в пользу Польши в ноябре 1996 г.³⁷

В заключение несколько обобщений и выводов.

1. В рамках командно-административной экономики у Польши прослеживалась значительно большая готовность к экономическим рискам, экспериментам, активным шагам в сторону модернизации экономики, чем у СССР. Руководство Польши, очевидно, исходило из того, что издержки по этим рискам так или иначе разделит СССР. Если же предпринимавшаяся экономическая политика дала бы тот результат, на который рассчитывало социалистическое руководство Польши, то это не только укрепило бы его позиции внутри страны и ограничило влияние оппозиции, но и ослабило бы зависимость от СССР. Безусловно, стоило рисковать. Польша раньше СССР начала реформы и получила от этого определенные преимущества. Кроме того, она в среднем лучше считала деньги и не занималась идеологической благотворительностью. В конечном итоге Польша в сравнительно хорошем состоянии вышла из социализма и стала полноценным членом европейской семьи.

2. СССР не справился с ролью лидера СЭВ по причине консерватизма советского руководства, громадной инерционности его политической и экономической системы. По инновационности — готовности внедрять социальные, политические и экономические нововведения — СССР уступал ряду стран СЭВ, прежде всего Венгрии и Польше. Символично, что придуманная в СССР система контрактных цен и переводных рублей в конечном итоге вызвала крах СЭВ и внесла свой вклад в распад великой страны. СССР вышел из СЭВ с большим долгом перед бывшими партнерами, при том что общая сумма выигрыша, полученного восточноевропейскими странами от торговли с СССР за 1970–1984 гг., по оценкам американских исследователей М. Маррезе и Я. Вануша, составила 196 млрд долл.³⁸ Выигрыш возник в результате в среднем более благоприятных условий двусторонней торговли для восточноевропейских стран, чем для СССР. Далеко не последнее место в этом общем выигрыше занимала и Польша.

3. Подсчет баланса экономических выгод и потерь за годы социалистического сотрудничества, на мой взгляд, является бессмысленным, поскольку субъектами международных экономических отношений были государства. Списки и количества обмениваемых товаров, цены, курсы имели не чисто экономическую мотивацию, а находились в комплексе политических, оборонных, идеологических вопросов. Вплоть до середины 1980-х годов эффективность экономических решений, как

правило, подчинялась политическим и оборонным задачам. Причем в условиях конфронтации Запада и Востока для СССР это была норма поведения.

На мой взгляд, СССР не мог себе позволить эксплуатировать Польшу и другие страны Восточной Европы в форме получения от торговли с ними неких дополнительных доходов. Этого не могло быть по причине как важности внутривнутриполитической стабильности Польши для СССР в ходе холодной войны, так и большей приверженности СССР идеологическим догмам и «пролетарскому интернационализму». Помощь экономически отстававшим или проблемным странам была продолжением внутренней политики подъема «национальных окраин». В результате сложившегося механизма СЭИ происходило перераспределение совокупного валового дохода в пользу партнеров СССР по СЭВ. В результате СССР все более отставал от наиболее развитой части СЭВ, не мог выполнять функции не только технологического, но на заключительном этапе и политического лидера. В конечном итоге СССР заплатил за недооценку фактора экономической эффективности, консерватизм, неготовность к реформам прекращением своего существования.

4. СЭВ не стал существенным фактором развития мировой экономики в технологическом плане. Расширение торгово-экономических связей со странами Запада с начала 1970-х годов вскрыло неэффективность СЭВ как региональной экономической интеграции. Двусторонняя система торговых отношений имела непрозрачный характер, была сильно политизирована, постоянно порождала вопрос «кто кого кормит». ЕЭС было нацелено на повышение конкурентоспособности национальных экономик, а возникавшие диспаритеты в торговых связях прямо или косвенно нивелировались через специально созданные для этого европейские фонды. На начальном этапе торговая блокада Запада привела к некоторой консолидации европейских социалистических стран, а на этапе разрядки расширение межблокового торгово-экономического сотрудничества немало способствовало разобщению и упадку СЭВ.

Опыт СЭВ показывает, что замкнутая региональная группировка, действующая на иных принципах и по иным правилам, в условиях динамично развивающейся мировой экономики обречена на неудачу.

5. Эффективность экономического сотрудничества СССР и Польши в определенной мере отражает современная структура их товарооборота, в котором сохранились действительно конкурентоспособные товары. При этом все постсоциалистические годы российский экспорт сильно превышал польский экспорт в Россию. В современной структуре товарооборота обеих стран сильно сократилась доля машиностроения. Советские «твердые» товары сохранили свою твердость и в изменившихся геополитических условиях. В российском экспорте резко преобладают углеводороды. Основу современного польского экспорта составляют потребительские товары, которые в основном составляли его «твердую» часть и в годы социалистического сотрудничества.

¹ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. От стабилизации к кризису 1966–1989. М., 2002. С. 174.

² Бухарин Н. И. Российско-польские отношения. 90-годы XX века — начало XXI века. М., 2007. С. 39.

³ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 165.

- ⁴ *Богомолов О. Т.* Страны социализма в международном разделении труда. М., 1986. С. 214–214.
- ⁵ Там же. С. 203.
- ⁶ *Некучелов А. Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996. С. 87.
- ⁷ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 163.
- ⁸ *Bozyk P.* Wspolpraca gospodarcza krajow RWPg. Warszawa, 1997. S. 53.
- ⁹ Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977 гг. М., 1979. С. 410–414.
- ¹⁰ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. Становление «реального социализма» 1945–1965. С. 219.
- ¹¹ Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977 гг. М., 1979. С. 413.
- ¹² *Jezerki A., Petz B.* Historia gospodarcza Polski Ludowej 1944–1975. Warszawa, 1980. S. 82–83.
- ¹³ *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J.* Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku. Warszawa; KiW, 1966. S. 491.
- ¹⁴ *Bozyk P.* Op. cit. S. 51–51.
- ¹⁵ Ibid. S. 35.
- ¹⁶ *Jezerki A., Petz B.* Op. cit. S. 248.
- ¹⁷ Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977 гг. С. 421–427.
- ¹⁸ *Bozyk P.* Op. cit. S. 131–132.
- ¹⁹ *Бухарин Н. И.* Указ. соч. С. 39.
- ²⁰ Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977 гг. С. 434.
- ²¹ *Jezerki A., Petz B.* Op. cit. P. 364.
- ²² *Balcerowicz L.* // 800 dni. Szok kontrolowany. Warszawa, 1991. S. 129.
- ²³ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 442–452.
- ²⁴ Внешняя торговля СССР: Статистический сборник. М., 1985–1990.
- ²⁵ *Balcerowicz L.* Op. cit. S. 129.
- ²⁶ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 454.
- ²⁷ Автор был непосредственным участником советско-польской группы по разработке Концепции советско-польского приграничного сотрудничества, работавшей в 1989–1990 гг.
- ²⁸ Внешняя торговля СССР: Статистический сборник. М., 1990.
- ²⁹ *Berkowska E., Czerwinska E., Rasz H.* Ekonomiczne skutki rozpadu ZSRR dla gospodarki polskiej. Podstawowe Sejmu. Biuro Studiow i Expertiz. Kwiecien. 1993. N 127. S. 5.
- ³⁰ *Колодко Г., Нуту М.* Польская альтернатива. Старые миф, реальные факты и новая стратегия в процессе успешной трансформации польской экономики. ИМЭПИ РАН, The United Nations University, WIDER. М., 1997.
- ³¹ Там же. С. 47.
- ³² *Balcerowicz L.* Op. cit. S. 129.
- ³³ *Berkowska E., Czerwinska E., Rasz H.* Op. cit. S. 5.
- ³⁴ *Balcerowicz L.* Op. cit. S. 137.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ *Wroblewski M.* Wspolpraca gospodarcza Polski i Rosja w okresie przemian systemowych // Prace naukowe Akademii Ekonomicznej we Wroclawiu. 2002. N 959. S. 314.
- ³⁷ *Бухарин Н. И.* Указ. соч. С. 70.
- ³⁸ *Marrese M., Vanous J.* The content and Controversy of Soviet Trade Relations with Eastern Europe 1970–1984 // Economic Adjustment and Reform in Eastern Europe and The Soviet Union / Ed. by T. Brada, I. Hewatt, A. Wolf. Durham, 1988. P. 202–203.

Послевоенные польско-советские связи в области народного хозяйства прошли несколько этапов, отличающихся как характером и степенью взаимодействия, так и экономическими результатами. Можно выделить шесть фаз, из которых две (1944–1949 гг. и 1950–1955 гг.) пришлось на сталинский период, а последующие определялись ситуацией второй половины 1950-х, а также 1960-х, 1970-х и 1980-х годов, включая и начало 1990-х¹. Правда, некоторые из этих фаз выделяются в какой-то степени формально, но и они имели свою специфику.

Очень неоднозначным был период до 1949 г., как, впрочем, и вся совокупность взаимоотношений с Польшей этого времени. Тут проявлялись и элементы советской помощи разрушенной стране, и в больших масштабах осуществлялась эксплуатация польской экономики, а попытки Польши установить экономические отношения с капиталистическими странами сковывались оформлением зависимости от СССР. Последнее обстоятельство проявилось в полную силу в годы реализации шестилетнего плана и усугублялось холодной войной. В первой половине 1950-х годов двусторонние экономические отношения стали основой для создания в Польше промышленного и военного потенциала и эксплуатации ее ресурсов и инфраструктуры коммунистической империей. Польской стороне навязывалась система цен и расчетов, оторванная от мирового рынка и выгодная Советскому Союзу.

1956—1959 гг. отмечены попыткой отрешиться от сталинизма и в области экономики, установить партнерские отношения и одновременно налаживать контакты с Западом. Что же касается восстановления прочной связи польской и советской экономик в 1960-е годы, то она приобретает форму «социалистической интеграции» в рамках СЭВ, воскрешаемого из многолетнего летаргического состояния. Попытки «интеграции» приводили к изоляции польско-советских отношений от механизмов мировой экономики и созданию предпосылок для возникновения хозяйственной автаркии.

Новая фаза двусторонних экономических отношений, как в Польше, так и в СССР, наблюдается в 1970-е годы в связи с развитием экономических контактов с капиталистическими странами. Эти контакты не ослабили взаимосвязей двух стран, но расширили их благодаря новым формам сотрудничества. Таким же образом сказались и трудности, переживаемые экономиками обеих стран в 1980-е годы.

В эти два десятилетия усилились и некоторые из наблюдаемых ранее факторов, в частности, отсутствие прозрачности в экономических отношениях, особенно в области расчетов. Это породило ряд спекуляций разного рода, привело к дифференцированным оценкам выгоды от сотрудничества в обеих странах. Падение власти коммунистов в нашей стране в 1989 г. и начавшийся развал Советского Союза создали новые условия хозяйственного сотрудничества, сложные и трудные для обеих стран в силу необходимости перехода на расчеты в свободной валюте и по мировым ценам.

Первые контакты и проблемы (1944—1949). Прежде чем приступить к анализу экономических взаимоотношений с нашим восточным соседом после 1944 г., имеет смысл кратко сказать об их характере и масштабах в прежние времена. Самый динамичный торговый обмен проявился в годы полной утраты независимости польских земель и их включения в состав Российской империи. Особое значение имела инкорпорация в 1851 г. Королевства Польского в российскую таможенную территорию. В результате этого уже в 1864 г. торговые обороты с Россией составили 42% всей торговли Королевства и систематически увеличивались, так что к 1910 г. достигли 67%. Экспорт на восток, в котором преобладали товары текстильной промышленности, а в целом — потребительские товары, на 83% превышал весь импорт. И к тому же торговля с Россией, в противоположность торговле с Западом, характеризовалась высоким положительным сальдо².

Обретение Польшей независимости и образование Советского Союза вызвали многочисленные трудности и осложнения, в том числе и в экономической области. До начала 1939 г. не удалось заключить нормальных договорных отношений. Торговый обмен в 1925 г. взяло в свои руки польско-советское торговое товарищество «Совполторг». В период НЭПа развернулся польский экспорт текстильных товаров, но далеко не на таком уровне, как в XIX в.: теперь наивысшее достижение польского экспорта в СССР едва достигало 4% уровня экспорта в Россию в 1915 г. К тому же с началом осуществления в СССР первого пятилетнего плана Советский Союз ограничил закупку текстиля, предпочитая вкладывать инвестиции в закупку товаров для нужд индустриализации. Новые тенденции в советской промышленности изменили структуру торгового обмена, что сильно сказалось на польском экспорте, которому теперь предпочитали изделия тяжелой промышленности. Уровень взаимного товарооборота был низким; в 1938 г. экспорт в Советский Союз составлял лишь 0,6% от всего польского экспорта, ввоз же из Советского Союза равнялся 1% польского импорта³.

В годы Второй мировой войны экономические взаимоотношения двух стран оживились по весьма специфической причине — с созданием различных формирований Войска Польского на территории Советского Союза. После создания Польского комитета национального освобождения (ПКНО) эти отношения не сразу получили должную договорную основу. Польша поставляла для потребностей Красной армии продовольствие и корм лошадям в рамках наложенных на деревню военных обязательств. Большинство поставок многократно превышало те, что предназначались для Войска Польского и гражданского населения страны. В Красную армию поставлялись также промышленные изделия, в том числе текстиль. В свою очередь советская сторона оказывала помощь жителям некоторых польских городов продовольствием и медикаментами, а также в восстановлении промышленных и инфраструктурных объектов. Одновременно стало повсеместным явлением присвоение находящегося на польских землях имущества и включение его в военный потенциал СССР. Милитаризованные железные дороги фактически оказались в ведении советского командования, ряд магистралей был переведен на широкую колею. В наступательной операции в начале 1945 г. советские войска захватили также и морские порты, в их руках оказалось судоходство по Одере. На обретение польским государством суверенитета в области транспортной инфраструктуры потребовалось несколько лет⁴.

Первый договор, регулирующий экономические отношения, связанные с присутствием Красной армии на территории Польши, был подписан летом 1944 г., а советское руководство в особом приказе уточнило понятие военных трофеев и условия передачи польским властям остального имущества. В начале 1945 г. эти уточнения распространили и на территории, занятые в ходе зимнего наступления советских войск⁵.

Первым торговым соглашением между Народной Польшей и СССР считается подписанный 20 октября 1944 г. Договор между ПКНО и правительством СССР о поставках товаров и условиях расчетов. Он гарантировал поставки из Советского Союза товаров для снабжения населения и восстановления промышленности (мука,

соль, чай, мыло, уголь, нефть, бензин, автомашины). В свою очередь Польша обязалась поставлять уголь, железо, сталь, цемент, цинк, трубы, а также сахар и другие продовольственные товары⁶. В связи с трудностями со снабжением, испытываемыми нашей страной, и необходимостью поставок продовольствия для Красной армии в польском экспорте превалировала продукция тяжелой промышленности.

Дальнейшее регулирование определялось «Договором о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой» от 21 апреля 1945 г. Он стал основой для подписания Торгового соглашения между Польской Республикой и СССР. Частью Соглашения была декларация об установлении научных и технических контактов с целью помощи в возрождении разрушенной страны. С этой целью была создана Польско-советская комиссия научно-технического сотрудничества. Вместе с Торговым соглашением в 1945 г. был подписан Договор о взаимных товарных поставках. В нем имелась, в частности, статья об импорте советского военного оборудования. В документах содержался принцип наибольшего благоприятствования и клиринговый способ расчетов за товарооборот, в основе которых лежали американская валюта и мировые цены⁷.

В 1944–1946 гг. польско-советские торговые соглашения заключались по компенсационному принципу, который определял взаимные поставки законтрактованных товаров. Однако для польской внешней торговли было очень важно получить иностранные кредиты и займы. Небольшие суммы полякам удалось получить в августе (3,5 млн оккупационных краковских злотых), а крупный заем (10 млн руб.) — в декабре 1944 г. В апреле 1945 г. Советский Союз предоставил Временному правительству Польши заем в размере 6,5 млн долларов, предназначенный на восстановление хозяйства. Заем следовало погасить в течение 10 лет, начиная с 1950 г., в валюте или поставками товаров⁸.

О дальнейшей финансовой помощи можно было говорить, лишь покончив с более ранними финансовыми расчетами между Польшей и СССР. В мае 1946 г. во время пребывания в Москве польской правительственной делегации были взаимно аннулированы принятые во время войны обязательства по вооружению Войска Польского и расходы Польши на содержание советских войск и их транзита по территории Польши. Советский Союз выразил согласие предоставить кредит на поставки оружия в Польшу и на финансовую экономическую помощь. В сентябре это нашло отражение в конверсии декабрьского займа 1944 г. и выделении дополнительных сумм в рублях (15 млн) и долларах (0,5 млн). Процентное начисление равнялось 2% в год, а оплата должна была поступать с апреля 1946 г.⁹.

В марте 1947 г. Польша получила заем в золоте на сумму 28,8 млн долл., процентная ставка составляла 2,5%. Продажа золота на американском рынке позволила приобрести машины и продовольствие¹⁰.

Важным элементом мартовской договоренности была ее военная часть. Заключалась она в десятилетнем кредите в размере 100 млн долл., выплаченном в польских злотых, и поставке товаров и услуг для Северной группы советских войск¹¹. Весьма существенными для польского рынка были договоренности о поставках советского зерна. В феврале 1946 г. было подписано соглашение о поставке 200 тыс. тонн, в августе 1947 г. — 300 тыс. тонн зерна, причем половина оплаты предполагалась поставками промтоваров¹².

Польско-советские экономические связи отнюдь не сводились лишь к использованию советских кредитов в финансовой и товарной форме. Самое негативное влияние оказывали многочисленные грабежи, поджоги и разрушения городской инфраструктуры, производимые советскими военнослужащими по мере продвижения фронта. На занимаемых ими территориях, особенно после перехода границы Третьего рейха, советские солдаты и органы военной администрации реквизировали недвижимое имущество — и производственное, и другого рода. В СССР вывозили оборудование и железнодорожные составы, средства связи, промышленное оборудование и деревенский скот. В этом отношении особенно пострадали западные и северные земли (бывшие немецкие), откуда только до середины 1945 г. в СССР было вывезено имущество стоимостью около 500 млн долл. Считается, что общие потери на этой территории могли составить 2 млрд долл.¹³

Проблема бывшего немецкого имущества, оказавшегося на польской территории, была юридически оформлена Договором от 16 августа 1945 г. В нем Советский Союз официально отказался в пользу Польши от любых претензий на бывшее немецкое имущество и другие активы на всей территории государства.

По этому Договору на долю Польши приходилось 15% из репараций СССР, получаемых из его зоны оккупации Германии, и 30% репараций из западных зон, причем эти последние должны были наполовину оплачиваться польскими товарами¹⁴. Польское правительство согласилось с аргументацией советской стороны, которая на переговорах с союзниками добивалась более выгодной для нашего государства границы на западе, включавшей в состав Польши Нижнюю Силезию, и обязалось поставлять уголь и кокс в СССР. Польской стороне были навязаны особые цены — 1,22 долл. за тонну угля и 1,44 долл. за тонну кокса¹⁵. Это была половина довоенных цен и в 10 раз меньше тех, что сложились на мировых рынках. По оценкам, они покрывали только расходы на транспортировку горючего до польско-советской границы или до портов. Столь катастрофически низкие цены явились следствием отказа польской стороны от первоначального предложения создать совместные акционерные общества с преобладанием советских активов для эксплуатации нижнесилезских угольных месторождений¹⁶. Такие акционерные общества со смешанным капиталом оставили по себе дурную славу на территории оккупированной Германии, в Румынии и Венгрии.

Поставки, предусмотренные на весь период оккупации Германии, должны были составить в первый (т.е. 1946-й) год 8 млн тонн, в последующие 4 года — по 13 млн, а затем по 12 млн тонн. Сталин согласился наполовину уменьшить наши поставки угля, однако в таком же размере были уменьшены и репарационные поставки в Польшу. На 50% экспорт угля ограничили в 1951 г. Всего неэквивалентные поставки угля составили около 24 млн тонн, а финансовые потери Польши из-за этого превысили 630 млн долл.¹⁷ Это была своего рода дань, наложенная на нас Советским Союзом, которая к тому же ограничивала возможность наших контактов со странами Запада, переживавшими «угольный голод». Экспорт Польшей угля на Запад был бы не только выгоднее в финансовом отношении, но и давал возможность получать торговые кредиты.

Полученные Польшей при посредничестве советской стороны репарации достигали 228 млн долл. Состояли они в основном из промышленных машин и оборудо-

дования, в том числе целых промышленных предприятий, зачастую сильно изношенных. Существенную позицию в репарациях составляли торговые суда, железнодорожный подвижной состав, а также поставки текущей продукции германской промышленности. К ним прилагались переведенные на польский язык публикации на темы марксистской идеологии и истории СССР. Репарации прекратились в 1953 г., когда СССР отказался получать возмещение из ГДР. Одновременно Советский Союз повысил невообразимо заниженные цены на закупку польского угля¹⁸.

Августовский договор 1945 г. отнюдь не исключал действий советской стороны, направленных на уменьшение нашего национального достояния. Не прекращался демонтаж важных для СССР предприятий на возвращенных нам Германией землях, продолжались самоуправство и произвол некоторых советских военачальников в отношении польского имущества. Затягивались переговоры о передаче советскими властями под польский контроль железных дорог. Только в ноябре 1945 г. было подписано соглашение, регулирующее условия перевозок и использования подвижного состава, а также тарифы и взаиморасчеты. Однако суверенитет Польши был по-прежнему ограничен в отношении транзитных магистралей, а заниженные тарифы вызывали постоянные споры. К тому же размещенные в Польше части Красной армии использовали около 90 промышленных и почти 600 сельскохозяйственных польских предприятий для обеспечения необходимого снабжения воинских частей¹⁹.

В результате стечения обстоятельств, сразу же после окончания войны Советский Союз стал первым торговым партнером Польши. В 1945 г. он поставлял 91% всего импорта Польши и был потребителем 93% нашего экспорта. Столь высокие цифры, значительно превышающие все, что когда-либо на протяжении истории имело место во взаимоотношениях между покоренными Россией польскими землями и самой Россией, были явлением исключительным и временным. По мере установления экономических взаимоотношений с другими странами доля нашего восточного соседа стала уменьшаться в пользу капиталистических государств. Самые низкие цифры имели место в 1949 г. — 18,8% в импорте и 19,45% в экспорте. Соответственно цифры по капстранам составляли 57,4 и 54,6%²⁰.

Из Советского Союза мы получали железную и марганцевую руду, хлопок, зерно, лен, табак, асбестовое волокно, алюминий, медь, синтетический каучук и резиновые покрышки, а также тракторы и грузовые автомашины. Советские поставки удовлетворяли 60% польских потребностей в руде и 70% в хлопке. Мы же экспортировали в СССР уголь, цинк, соду, цемент, товарные вагоны, оконное стекло, сахар, шелковые, льняные, хлопчатобумажные, шерстяные ткани, а также изделия черной металлургии, производимые из советского сырья. Несмотря на систематический рост польского экспорта, импорт оставался значительно большим, что приводило к отрицательному сальдо торгового баланса, покрываемого кредитами. В результате задолженность Польши перед СССР достигла в 1949 г. почти 58 млн долл.²¹.

На пути к зависимости (1950–1955). После того, как Москва заставила нас отказаться от плана Маршалла, Польша вступила на путь укрепления хозяйственных связей с Советским Союзом в ущерб контактам с Западом. В январе 1948 г. был подписан пакет соглашений, которые как бы компенсировали отказ от американского плана помощи. По клиринговому Договору 1948–1952 гг. предусматривалась взаимная поставка товаров на сумму в 1 млрд долл. В Польшу, кроме уже перечис-

ленных товаров, ввозились шарикоподшипники и многие виды автомобилей. В польском же предложении наряду с прежними товарами появились пассажирские вагоны, трубы и сера²². В другом договоре говорилось о поставках в Польшу 2 млн тонн советского зерна в обмен на польский цинк, соду и хлопчатобумажные ткани²³. По третьему договору в Польшу поставлялось промышленное оборудование, в том числе станки для «Новой Гуты», а также для шести химзаводов, цементного завода, завода по монтажу легковых и грузовых автомашин, а также оборудование для угледобывающей промышленности, энергетики и металлургии. В договоре перечислялось также оборудование и станки для бумажной и текстильной промышленности. Договор увязывался с советским кредитом в размере 450 млн долл. под 3%, то есть выше, чем в более ранних кредитных соглашениях. Кредит выдавался сроком на пять лет и должен был погашаться товарами²⁴. Этот так называемый «помаршалловский» пакет в сентябре 1949 г. был дополнен вторым займом в золоте на сумму в 20 млн долл. по условиям мартовского договора 1947 г.²⁵

Предлагая нам финансовую и техническую помощь, Советский Союз опять становился главным поставщиком необходимых нашему хозяйству сырья и материалов, готовых промышленных объектов, машин и оборудования, а также вооружения. Политика СССР была направлена на ограничение наших контактов с Западом. Это, в частности, доказывал тот факт, что под советским давлением мы были вынуждены отказаться от постройки автозавода легковых автомобилей по лицензии «Фиата» и начали выпускать в Жерани (район Варшавы) автомашины марки «Варшава» устаревшей конструкции, навязанной нам советской стороной²⁶. Одновременно Польша обязалась запустить производство судов, предназначенных для советского рынка²⁷. В последующие годы морские суда и их ремонт стали очень важным элементом торгового обмена между двумя государствами. Только подписанное в 1954 г. межправительственное соглашение предусматривало поставки в СССР в 1956–1960 гг. 182 морских судов²⁸.

Следствием тесных связей польской и советской экономик стал отказ в расчетах от американского доллара и переход на клиринговый рубль. Был осуществлен также отход от текущих мировых цен, при этом за основу расчетов взяли их уровень 1949 г. Взаимный курс польского злотого и советского рубля был определен в рамках денежной реформы в Польше в октябре 1950 г. Принятый паритет польской денежной единицы — злотого (0,222168 г чистого золота) определял соотношение: 1 злотый = 1 рублю (паритет злотого и рубля по отношению к доллару равнялся 4:1)²⁹. Для советской стороны, несмотря на то что она контролировала польскую денежную реформу, принятое соотношение оказалось невыгодным по причине разницы уровней внутренних цен и падения покупательной способности злотого. Непосредственное вмешательство Сталина склонило польские власти принять «особый» курс, по которому 1 рубль равнялся 3 злотым³⁰. Следует добавить, что «особые» курсы применялись в Польше также по отношению к другим валютам. Однако принятая в начале 1950-х годов система расчетов и цен повсеместно расценивалась как дающая преференции СССР и трактовалась в категориях «дани» коммунистической империи.

По мере усиления холодной войны и обострения корейского конфликта Советский Союз все настойчивее требовал от Польши развивать производство воору-

жений. Такие задачи ставились еще в принятом в 1948 г. шестилетнем плане, модифицированном затем на период 1950–1955 гг. Возникла необходимость внести изменения в январский договор 1948 г. о поставках промышленного оборудования. Были построены заводы военных реактивных самолетов, танков, радарных установок и пр. По указаниям советского Генерального штаба строились и модернизировались железнодорожные пути, шоссейные дороги, мосты и аэродромы. Инвестиции на военные нужды фигурировали в очередных соглашениях конца июня 1950 г. о взаимных поставках товаров в 1953–1958 гг., о советских поставках промышленного оборудования в кредит и о кредите на военные поставки³¹.

Особое значение имел «Договор между Правительством Польской Республики и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о поставках в Польшу на кредитной основе вооружения и воинского снаряжения в 1951–1957 гг.»³². В этом соглашении оговаривались также поставки необходимых узлов для монтажа промышленного военного оборудования. Советская сторона согласилась также на бесплатное предоставление Польше лицензии на производство вооружения и воинского снаряжения. Поставки на одну треть оплачивались экспортом товаров, а на две трети кредитом в размере 1200 млн руб. с 2%-ным начислением. Расчет по кредиту и процентам осуществлялся в форме поставок польских товаров. Кредит был исчерпан к концу 1955 г., поэтому поставки в 1956 г. осуществлялись на основе дополнительного кредита в 80 млн руб.

С 1950 г. вновь стала возрастать роль Советского Союза в международной торговле Польши. Самые высокие показатели были достигнуты в 1954 г., но и они были намного ниже тех, которыми отмечены первые послевоенные годы. В 1954 г. доля восточного соседа в польском импорте составляла 37,3%, а в экспорте — 37,9%, торговый обмен Польши с капиталистическими странами упал соответственно до 28,9 и 29,7%³³. В импорте из СССР быстрее всего увеличивалась доля машин и оборудования, особенно транспортного. В эту группу товаров входило и вооружение, стоимость которого в 1952 г. составляла 56 млн долл., или около $\frac{1}{5}$ стоимости всего импорта³⁴. С инвестиционными поставками обычно предоставлялись и технологии, иногда устаревшие. В Польшу также направляли советских специалистов. Это помогло осуществить такие проекты шестилетнего плана, как возведение металлургического комбината «Новая Гута», алюминиевого завода в Скавине, автозавода в Варшаве и электростанции в Явожно. Развитие индустриализации означало все большую потребность в советском сырье и полуфабрикатах. К импортируемому ранее теперь прибавились чугунное литье, глинозем и концентраты цинка. Одновременно уменьшились объемы продовольственных товаров и изделий легкой промышленности — видимо, на советском рынке не наблюдалось их избытка. В результате в 1955 г. доминирующую позицию в импорте из СССР занимали сырье и топливо (49,5%), машины и оборудование (38,9%), определенную роль играли сельскохозяйственные товары (9,4%) и совсем ничтожную долю составляли изделия легкой промышленности (2,2%)³⁵.

Определенные изменения происходили и в польском экспорте в СССР. На инвестиционных началах Польша стала экспортировать корабли и станки, а также увеличила вывоз в СССР продукции легкой промышленности, в том числе фарфоровой столовой посуды, декоративных тканей, изделий швейной промышленно-

сти и легкой мебели. В некоторые годы мы экспортировали масло, копчености, мясо и консервы³⁶. Вывозили и вооружение, например, в 1952 г. его стоимость составила 7,5% млн долл.³⁷. До сих пор мало известен факт поставки нами в СССР урановой руды из шахт Нижней Силезии.

К концу выполнения шестилетнего плана в польском экспорте в СССР доминировали сырье, полуфабрикаты и товары широкого потребления (72,9%), а на долю машин и станков приходилось 27,1%³⁸. Только в следующем десятилетии появилась возможность использовать эффекты индустриализации для увеличения предложения продукции тяжелой промышленности. Однако быстро растущий импорт из Советского Союза приводил к сохранению в годы шестилетнего плана, кроме 1953 г., отрицательного торгового сальдо Польши. Это не давало возможности расплатиться с кредитами и увеличивало польскую задолженность.

Попытки уравнять счета (1956–1959). Проводимая в Польше форсированная индустриализация с сильными военно-промышленными акцентами, а также выполнение программы коллективизации сельского хозяйства негативно сказались на производстве товаров широкого потребления. Недостатки в снабжении населения наряду с тяжелыми жилищными условиями и трудностями на работе породили социальное недовольство. Особенно впечатляющей была кровавая расправа с рабочей демонстрацией в Познани в июне 1956 г. В поисках смягчения тяжелого экономического положения в стране польские власти обратились за помощью к СССР. В сентябре они выторговали у Москвы заем в товарах и золоте на сумму 25 млн долл., который следовало погасить товарами до 1960 г. Советская сторона согласилась также пересмотреть условия оплаты заключенных ранее соглашений по кредитам и заменить предусмотренные выплаты в золоте и долларах поставками польских товаров³⁹.

Напряженная экономическая и политическая ситуация в Польше — в атмосфере возможной интервенции советских войск — вызвала изменения в руководстве ПОРП. На волне «польского Октября» главой партии польских коммунистов опять стал Владислав Гомулка. Общественность считала его противником сталинизма и чрезмерной зависимости Польши от СССР. Новая команда начала переговоры с Кремлем, в которых ключевое место занимали негативные аспекты польско-советских хозяйственных взаимоотношений. Переговоры велись в соответствии с «Декларацией правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами» от 30 октября 1956 г.⁴⁰. Она стала предвестницей разрыва с политикой произвола и навязывания Советским Союзом своих условий союзным государствам, столь характерной для сталинского периода.

Польские делегации, посетившие Москву в середине ноября 1956 г. и в мае 1957 г., подняли спорные, вызывающие разногласия вопросы: поставки польского угля по заниженным ценам, военных репараций, оплаты за транзит и задолженность Польши перед СССР. Польские и советские оценки репараций согласовать не удалось. Что касается неэквивалентных поставок угля и польской задолженности, стороны приняли нулевое решение. Договаривающиеся стороны пришли к выводу, что потери, понесенные Польшей при экспорте, покрывали ее задолженность по кредитам, предоставленным ей Советским Союзом. Советская сторона допол-

нительно выделила Польше кредит в размере 286 млн долл., причем 111 млн долл. — на закупку зерна в 1958—1960 гг. Первый кредит аннулировал сентябрьское соглашение 1956 г. и, возможно, был частью неиспользованного кредита январского договора 1948 г.⁴¹.

Группы экспертов рассматривали также проблемы расчетов по советскому транзиту через Польшу, использования телекоммуникационных кабелей и приведения в порядок силами СССР польских морских портов сразу после окончания войны. В результате нелегких переговоров Польша получила 60 млн долл. в качестве компенсации за перевозки и использование системы связи Советской армией в 1946—1954 гг. Одновременно Польша выторговала выгодные для себя тарифы перевозок, которые в последующие годы приносили ей большую прибыль в валюте. Представители советских железных дорог расценили новые тарифы как слишком высокие и невыгодные для себя⁴².

Позитивным моментом явилось подписание в 1958 г. «Соглашения о порядке и условиях использования советскими войсками разного рода объектов и пользования услугами». В нем была использована система клиринговых расчетов, что давало польской стороне возможность приобретать валюту. С января 1957 г. действовал договор об условиях поставок для нужд военной промышленности и армии на 1957—1960 гг., основывающийся на советском кредите⁴³. Следует отметить, что польско-советские хозяйственные споры и общая атмосфера «польского Октября» ограничили наше сотрудничество в области производства вооружений, особенно в том, что относилось к новейшей технологии (например, в Мельце вместо современного истребителя МИГ-21 приступили к производству транспортного биплана АН-2)⁴⁴.

Польско-советский товарообмен 1956—1959 гг. отмечен сильными колебаниями размеров оборотов при постоянно убыточном для Польши торговом балансе. Уже с 1955 г. доля СССР в польской внешней торговле постоянно уменьшалась, и самые низкие показатели были отмечены в 1958 г. (27% в импорте и 25% в экспорте). Значительно возросла роль капиталистических стран⁴⁵.

Под влиянием замедления темпа индустриализации снизилась роль инвестиционных поставок из СССР — с 39% в 1955 г. до 26% в 1959 г. При этом увеличивались поставки нефти и сырья для растущей в соответствии с шестилетним планом тяжелой промышленности. Польский рынок заполнили такие шедшие нарасхват изделия советской легкой промышленности, как часы, велосипеды, фотоаппараты, одновременно осуществлялись небольшие поставки продовольствия. В экспорте в Советский Союз возросла доля машин, агрегатов, транспортных средств (до 42%), продукция прокатных заводов, цемента и кальцинированной соды. По-прежнему меньше по сравнению с началом 1950-х годов вывозилось товаров широкого потребления⁴⁶, но тем не менее возросло количество вывозимой одежды, швейных машинок, а также книг и журналов. Свою пропагандистскую роль сыграли крупные магазины — «Ванда» с польскими товарами в Москве и «Наташа» с советскими — в Варшаве. В них особое внимание уделялось сувенирной продукции и косметике.

В условиях оживления СЭВ (1960—1970). В конце 1950-х годов в экономике Польши произошли изменения. Она стала отходить от принципа увеличения производства потребительских товаров, вызванного к жизни «польским Октябрем».

Руководство ПОРП приняло решение о возвращении к прежней линии, теперь уже на ускоренное развитие в стране индустриализации. На первое место выдвигались топливная и сырьевая отрасли промышленности. Такие тенденции пришли из Советского Союза, переключаясь с хрущевским лозунгом «перегнать капиталистические страны». Одновременно с этим началось и оживление деятельности СЭВ, задачей которого была координация пятилетних и перспективных планов, особенно в области кооперации и специализации. Специализацией польской промышленности стали кораблестроение, металлургия, вагоностроение, станкостроение, текстильное и химическое производство. Руководствуясь принятым в 1961 г. документом «Основополагающие принципы международного социалистического разделения труда», было выдвинуто предложение развития в Польше сырьевой базы, металлургии и химической промышленности⁴⁷.

В области расчетов важным событием явилось начало деятельности в 1964 г. Международного банка экономического сотрудничества и введение переводного рубля. Переводной рубль (равный 0,987412 г золота), приравненный после денежной реформы 1961 г. в СССР к рублю, имевшему хождение внутри страны, заменил в качестве расчетной валюты используемый до сих пор клиринговый рубль⁴⁸. Одновременно вместо двустороннего был введен многосторонний клиринг. Изменения в системе расчетов сопровождались использованием в рамках СЭВ с конца 1950-х годов более гибких цен. В результате до конца 1964 г. действовали средние цены международного рынка 1957–1958 гг., а с 1965 г. — средние цены 1960–1964 гг.⁴⁹. Это стало некоторым прогрессом по сравнению с жесткой системой цен начала 1950-х годов, оцениваемым в более выгодных для Польши категориях *terms of trade*. Однако по-прежнему сохранялись существенные различия между ценами мировыми и действующими в советском блоке, что деформировало экономические расчеты.

В 1964 г. в рамках совместных инвестиций СЭВ был введен в строй нефтепровод «Дружба», соединивший районы нефтедобычи на Волге с Польшей, Чехословакией, ГДР и Венгрией. В Плоцке в сотрудничестве с Советским Союзом были построены Мазовецкий нефтеперерабатывающий завод и химический комбинат. Новые инвестиции увеличили долю советской нефти в общем потреблении нефти в Польше с 79% в 1960 г. до 94% в 1970 г.⁵⁰. Был проведен также газопровод, доставляющий сырье к азотному комбинату в Пулавах и дальше — к Варшаве и Влоцлавеку. В области энергетической инфраструктуры постепенно создавалась система обмена излишками между польской и советской энергосистемами. В 1963 г. введена в строй ЛЭП, соединившая Белосток с советской Белоруссией, а в 1967 г. — ЛЭП между Замостьем и Украиной.

Реализацию указаний СЭВ, особенно в области кооперации и промышленной специализации, должна была гарантировать Польско-советская международная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которая заменила подобную Комиссию, созданную в 1947 г. Изменилась также и система использования научно-технических достижений отдельных государств. Был отменен, за некоторыми исключениями, повсеместный бесплатный обмен документацией.

Важными источниками инвестиционного ускорения в Польше в конце 1950-х — начале 1960-х годов были польско-советские консультации и экономические со-

глашения. Договор, подписанный в марте 1959 г., предусматривал участие восточного партнера в расширении польской металлургии и энергетики, химической промышленности и добычи меди, в геологических изысканиях. Выделяемый на эти цели кредит Польше в 1 млрд валютных злотых использовался, в частности, для строительства нефтеперерабатывающего завода в Плоцке, теплоэлектростанции в Турошове, а также при разработке Легницко-Глоговского меднорудного месторождения. В 1960 г. были подписаны соглашения о советской помощи при постройке промышленных предприятий, о взаимных товарных поставках в 1961–1965 гг., о поставках газа за трубы и платежах⁵¹. Улучшились весьма напряженные во второй половине 1950-х годов отношения в области оборонной промышленности, что привело к началу производства в Польше ракет, вертолетов Ми-4 и танков Т-55.

С 1960 г. в польско-советской торговле обозначился заметный рост товарооборота. Польский импорт к 1967 г. удвоился, а в 1970 г. был почти в три раза больше, чем в 1960 г. Возросли поставки в Польшу металлообрабатывающих станков, нефти и газа, железной руды, изделий металлургической промышленности, асбеста, автомобилей, искусственных удобрений и целлюлозы, фармацевтической продукции. Динамично развивался и экспорт, который в 1970 г. превысил уровень 1960 г. более чем втрое⁵². Быстрее всего рос вывоз металлообрабатывающего и текстильного оборудования, экскаваторов, комплексных технологических линий, сельскохозяйственных машин, автомобилей, железнодорожных вагонов, плавсредств, угля, изделий металлургической и фармацевтической промышленности, лаков и красок, семян, тканей, одежды и обуви, мебели и газовых плит, изделий парфюмерии и косметики. В результате в двустороннем товарообмене польский экспорт преобладал только в 1964–1965 гг. и в 1968 г., в остальные годы этого десятилетия сальдо нашей торговли было отрицательным. Отрицательное сальдо товарооборота покрывалось экспортом услуг, главным образом в строительстве.

В 1960-е годы имело место некоторое изменение структуры товарооборота. В импорте из Советского Союза уменьшилась доля сельскохозяйственной продукции и продовольствия, потребительских товаров, а также сырья, которое все еще составляло свыше 50%, в пользу машин и промышленного оборудования (36%). В польском экспорте рост продаж машин и оборудования привел к тому, что они превысили 50%. Увеличилась также доля потребительских товаров промышленного происхождения (25%) за счет сельскохозяйственных продуктов и продовольствия⁵³. В результате Польша систематически имела положительное сальдо в торговле промышленными машинами и оборудованием. Благодаря этому она могла возвращать взятые ранее кредиты и совершать закупки необходимых товаров, прежде всего сырья. Однако в польско-советских переговорах увеличение поставок топлива и сырья все чаще ставилось в зависимость от кредитования инвестиций в СССР. В 1960-е годы кредиты служили увеличению добычи покупаемых Польшей в Советском Союзе калийных солей, а поставки нефти и газа привязывались к экспорту Польшей соответствующих труб.

В 1960–1970-е годы позиция Советского Союза в польской внешней торговле укрепилась. Доля импорта восточного соседа возросла с 31 до 38%, а экспорта — с 29 до 35%⁵⁴. Так же как и в предыдущие годы, это произошло за счет капиталистических государств.

В условиях расширения контактов с Западом (1971–1979). 1970-е годы характеризовались потеплением отношений по линии Восток—Запад, что привело к расширению контактов в экономике. Особенно сильную прозападную ориентацию осуществляло польское руководство во главе с Эдвардом Герекком. Однако это не привело к ослаблению хозяйственных связей с СССР. Наоборот, заключенные в 1971 г. соглашения предусматривали увеличение взаимного товарооборота машин и оборудования, предназначенных для модернизации производства, а также сырья и топлива⁵⁵. О позитивном влиянии оживления контактов с Западом на экономические отношения между Польшей и СССР свидетельствовало, в частности, сотрудничество польских производителей тормозной аппаратуры с фирмой «Вестингауз», результатом которого стали поставки на советский Камский автозавод (КАМАЗ). В свою очередь производство в СССР лицензионного автомобиля «Фиат» расширило кооперацию с польским автопромом, который выпускал автомобили этого концерна.

В течение пяти лет, с 1971 по 1975 г., польский импорт из СССР вырос на 80%, а экспорт удвоился. В результате более высокой динамики экспорта с 1972 г. наблюдалось положительное торговое сальдо. Однако уже в 1976 г., несмотря на по-прежнему возрастающие обороты, вновь (за исключением 1979 г.) появилось отрицательное торговое сальдо. В целом между 1971 и 1979 гг. польский импорт из СССР увеличился в три раза, а экспорт на восточный рынок — в 3,5 раза⁵⁶. Причиной стал в основном высокий экономический рост в обоих государствах. Однако проблемы польской экономики после 1975 г., приведшие к существенному росту советского импорта, стали причиной фиксации с 1977 г. аккумулярованного отрицательного торгового сальдо.

Рост торгового оборота сопровождался некоторыми изменениями в товарной структуре. В польском экспорте произошли положительные изменения в пользу машин и оборудования (до 59%) за счет сырья и материалов, топлива, а также сельскохозяйственной и продовольственной продукции. На неизменном уровне (25%) остался экспорт промышленных товаров народного потребления. Что касается импорта, то здесь возросла доля промышленных потребительских товаров, а также топлива, сырья и материалов (62%)⁵⁷. Причиной увеличения первой группы стала растущая с 1975 г. нехватка их на польском рынке, а второй — трудности с оплатой на западных рынках и уже упомянутый рост цен.

В 1970-е годы Польша была крупнейшим среди стран, входящих в СЭВ, поставщиком в СССР сырья и топлива. Доминирующую роль играл здесь экспорт угля, поставки которого в СССР в общем вывозе угля из Польши в середине 1970-х достигали 25%. В Советский Союз поставлялось до 46% всего экспорта цинка, а также от 44 до 56% соды и карбида. Быстро росли поставки серы, составлявшие 22% всего польского экспорта. В результате из Польши ввозилось 100% импортируемого Советским Союзом угля (около 9,5 млн т в год), 90% серы и 25% цинка. Одновременно советский газ составлял 100% польского импорта этого сырья, нефть — 80%, железная руда — 78%, хлопок — 73%, а целлюлоза — 71%⁵⁸. Усилилась зависимость Польши от СССР в сырьевой области, а баланс в торговле топливом и сырьем был не в пользу Польши. И тем не менее отрицательное сальдо было гораздо меньшим, чем у других соцстран.

В Советский Союз из Польши направлялось 75–80% промышленных товаров, в том числе 90% подвижного состава и 55% судов. К 1975 г. Польша поставила 103 тыс. товарных вагонов и 81 тыс. пассажирских, что составляло 28% всего советского импорта. С польских стапелей сошли 690 судов грузоподъемностью свыше 2 млн т. СССР был получателем изготавливаемых в Польше самолетов сельскохозяйственной авиации и вертолетов, а также машин для строительства и села, обрабатывающих станков и грузовиков. Существенную роль Польша играла как поставщик комплектующих для грузовых автомобилей, в частности — 100% импортруемых коленчатых валов и коробок скоростей. Она поставляла комплекты запчастей для легковых автомобилей «Жигули», амортизаторы и детали тормозной системы, двигатели, а также оборудование для судов, электромагнитные сцепления и токарные зажимы. Значительную роль в польском экспорте играли готовые промышленные объекты и технологические линии. В 1970-е годы было построено «под ключ» 28 заводов серной кислоты и 16 сахарных заводов, несколько хладокомбинатов и линии по производству древесностружечных и керамических плит. В 1975 г. в СССР вывозилось до 85% всех лаков и красок, экспортируемых из Польши, что составляло около 22% советского импорта⁵⁹.

1970-е годы отмечены динамичным развитием специализации и производственной кооперации между двумя государствами. Число договоров возросло с 5 в начале до 87 в конце десятилетия. Наряду с тесными связями в авто- и авиапроме предприятия в Сталево-Воле на основе советской документации специализировались в производстве на экспорт коробок передач для тяжелой строительной техники, а фабрика в Радомске — задних и передних мостов для экскаваторов. Кооперацией охватывалось также производство самоходных кранов и станков для текстильной промышленности, а в области компьютерной техники благодаря кооперации в нашей стране был налажен выпуск периферийных устройств (блоки памяти, считывающие и печатающие устройства) и даже некоторых типов компьютеров, поставляемых в СССР. Важным фактором развития электроники, в том числе производства цветных телевизоров, стало изготовление в Польше микросхем на базе советской лицензии⁶⁰.

Из Советского Союза ввозились, в частности, изделия металлургической промышленности, обрабатывающие станки, транспортные самолеты, грузовые и легковые автомобили, тепловозы, трактора, строительная и горнодобывающая техника, а также оборудование для металлургических, цементных, коксовых заводов, домостроительных комбинатов и электростанций. Особую роль сыграли советские поставки при возведении флагманского объекта десятилетия правления Э. Герека — металлургического комбината в Катовицах.

Польша стала важнейшим поставщиком среди государств, входящих в СЭВ, потребительских товаров промышленного производства, что составляло 15% советского импорта. Наибольшую динамику демонстрировали фармацевтические товары, обувь, косметика, одежда и мебель. Быстро рос также экспорт хлопчатобумажных тканей, газовых плит и водонагревателей, швейных машин, электротехнического оборудования, спортивных и туристических товаров, телефонных аппаратов. На советский рынок отправлялось и продовольствие, в том числе яйца, мясо птицы, фрукты и овощи, овощные и фруктовые консервы. В середине 1970-х годов на долю СССР приходилось свыше 50% всего польского экспорта картофеля.

В свою очередь Польша была крупнейшим получателем таких советских потребительских товаров, как холодильники, теле- и радиоприемники, велосипеды, часы и фотоаппараты. Из СССР импортировались также металлические изделия, косметика, электробритвы, спортивное снаряжение, ювелирные изделия и игрушки. Особую позицию составлял импорт советского зерна, который в первой половине 1970-х годов колебался от 1 до 2 млн т в год. Параллельно осуществлялся импорт зерна в СССР из западных стран. Польша закупала также рыбу и рыбные консервы, чай и алкогольную продукцию.

Наряду с нормальным торговым обменом часть потребительских товаров попадала на рынки обеих стран в рамках бартера, организуемого предприятиями, торгующими на внутреннем рынке. Советские товары для дома обменивались на польскую одежду, ткани, косметику и игрушки. В Москве открывались новые польские магазины одежды, косметики, цветов и свежемороженых овощей и фруктов.

Иной формой сотрудничества явилось польское участие в развитии добывающей промышленности СССР. Польша была участником 13 соглашений, а ее вклад составил около 1,1 млрд руб. Это позволило увеличить советские поставки нефти, газа, асбеста и ферросплавов. Польские фирмы участвовали в строительстве целлюлозно-бумажных и асбестовых комбинатов, Полоцкого нефтепровода и Оренбургского газопровода, второй очереди нефтепровода «Дружба». А участие в постройке Хмельницкой атомной электростанции и высоковольтных линий электропередачи гарантировало Польше увеличение поставок электроэнергии⁶¹. Часть этих инвестиционных проектов пользовалась возможностями, которые Польша получала благодаря западным кредитам. Это касалось, в частности, специального оборудования, приобретаемого в капиталистических странах или производимого в Польше по западным лицензиям. Кредиты же, предоставляемые Польшей советской стороне, выгодно отличались от западных своими процентными ставками⁶².

Оба государства были заинтересованы в повышении эффективности транспортной системы, в том числе и для военных целей. Для этого были расширены и модернизированы перевалочные железнодорожные узлы на польско-советской границе (так называемые «сухопутные порты») в Малашевицах и Медыке. Во второй половине 1970-х годов при советском участии была начата прокладка широкой колеи железнодорожной ветки Грубешов — район металлургического комбината в Катовицах. Линия железной дороги, соединяющая металлургический комбинат с месторождением серы, облегчала доставку советской железной руды, поташа, оборудования и зерна. В обратном направлении отправляли, в частности, силезский уголь и серу из Тарнобжега. На ширококолейной линии использовался подвижной состав, закупленный в СССР.

Советские самолеты являлись основой функционирования польских авиалиний ЛОТ. Поставки самолетов начались уже в 1940-х годах, сначала — обычных машин, а с конца 1960-х — реактивных. В первой половине 1970-х годов под фирменными эмблемами ЛОТ появилось 6 трансконтинентальных Ил-62, благодаря чему стало возможно выполнять трансатлантические рейсы. Советские самолеты преобладали в польском воздушном флоте до начала 1990-х годов⁶³.

На динамично развивающиеся в 1970-е годы двусторонние экономические отношения неприятную тень отбрасывали все ухудшающиеся условия обмена. От-

рицательное влияние оказывали также дошедшие с некоторым опозданием последствия мирового энергетического кризиса. Поначалу кризис никак не сказался на ценах большинства полезных ископаемых, импортируемых из СССР, поскольку в рамках СЭВ действовали мировые цены 1965–1969 гг. В результате в 1973 г. цены за топливо, сырье и материалы, покупаемые в Советском Союзе, были в среднем на 11%, а в 1974 г. даже на 41% ниже мировых. Ситуация изменилась в 1975 г., когда был установлен принцип ежегодной корректировки цен в товарообороте между странами—членами СЭВ. Базовым уровнем контрактных цен на каждый очередной год стали средние цены мирового рынка за пять лет, предшествующих данному году (поступательная база цен). Это привело к резкому росту цен, особенно на импортируемые нефть и газ, ухудшающему *terms of trade* нашего обмена⁶⁴. Дополнительное отрицательное влияние на наш экспорт оказывал введенный советской стороной в одностороннем порядке завышенный курс переводного рубля. В 1975 г. было принято соотношение 1 долл. = 0,62 руб., что приносило существенные убытки польским предприятиям, поставлявшим в СССР товары, содержащие компоненты западного происхождения⁶⁵. Особенно болезненно это сказывалось при экспорте судов и строительных машин, в которых была велика «валютная составляющая».

В условиях агонии коммунистической системы (1980–1991). Общественно-политические события в Польше начала 1980-х годов оказали серьезное влияние на польско-советские торговые отношения. В 1980 г. торговые обороты выросли, но отрицательное торговое сальдо Польши оказалось очень большим. В 1981 г. наступил спад польского экспорта, что при растущем импорте из СССР привело к удвоению отрицательного сальдо. С польской стороны имели место недопоставки угля, серной кислоты, судов, машин и оборудования, а также продуктов питания и потребительских промышленных товаров. Советский Союз не выполнял предусмотренных договорами поставок железной руды и марганца, коксующихся углей, калийных удобрений, пиломатериалов, локомотивов и судового оборудования⁶⁶.

Ввиду ухудшения экономической ситуации и нарастающих волнений в обществе польские власти обратились к СССР с просьбой о финансовой помощи. На основании постановления Политбюро ЦК КПСС Польше был выделен финансовый кредит в 150 млн долл., кредит на закупку зерна и продовольствия в 190 млн долл., одновременно предоставлялась отсрочка платежей по кредитам на сумму 280 млн долл. Кроме того, советская сторона обязалась поставить в Польшу продовольствие на сумму 150 млн руб. В начале 1982 г. польская делегация в Москве заручилась согласием на предоставление зернового кредита в объеме 300 тыс. т⁶⁷. Принято считать, что в начале 1980-х годов Польша получила кредит на общую сумму 4,9 млрд переводных рублей и 1,8 млрд долл.⁶⁸.

После введения в Польше военного положения наложенные Западом санкции привели к расширению торгового обмена с СССР. Уже в 1982 г. Советский Союз поставил дополнительно около 0,5 млн т зерна, а также кукурузу, рис и другие продукты на 130 млн руб. Товарные поставки и кредиты оплачивались возросшим экспортом польского угля, а некоторые сырьевые поставки шли в счет польского участия в совместных инвестициях. Традиционно главную роль в импорте из СССР играли нефть и газ, железная и марганцевая руды, калийные соли, хлопок и пило-

материалы. Появились и новые товары, которые заменяли покупаемые ранее в капиталистических странах. Западное эмбарго вынудило Польшу искать на советском рынке комплектующие для производства автомобилей и телефонных станций, а также лаков, поставляемых в СССР. Результатом экономического спада в Польше стало серьезное снижение инвестиционного импорта (в частности, автомобилей, тепловозов и бурильных установок) — зачастую из-за отказа польских партнеров получать поставки⁶⁹.

В польском экспорте отмечались противоречивые тенденции: росли инвестиционные поставки за счет вывоза продовольствия и промышленных потребительских товаров, которых не хватало на внутреннем рынке. В 1983 г. на советский рынок было отправлено 40% всего экспорта машин и оборудования — главным образом суда, строительные и дорожные машины, обрабатывающие станки, технологические линии и электронные устройства. Все это составляло 62% общего объема нашего экспорта в СССР.

В 1982–1986 гг. импорт увеличился на 40%, а экспорт почти на 90%, но все это — при сохранении отрицательного торгового сальдо⁷⁰. Ежегодный прирост польского экспорта сохранялся и в последующие годы. Зато импорт из СССР с 1987 г. начал снижаться. Советский Союз в связи с внутренними экономическими проблемами не выполнял своих обязательств по поставкам нефти, газа и электроэнергии, что неожиданно привело к выравниванию взаимного торгового баланса. В результате с 1988 г. польское сальдо оборотов стало постоянно положительным, поскольку импорт сырья и топлива с лихвой перекрывался поставками товаров глубокой переработки.

Депрессия периода трансформации в Польше, возникшая одновременно с началом системных реформ, и поступательный распад Советского Союза привели к падению импорта с востока на 44%. Зато экспорт неожиданно вырос на 22%, что было связано с использованием советскими фирмами при посредничестве польских акционерных обществ резервов переводных рублей, например, на закупку продовольствия и реэкспорт электроники⁷¹. Подобная практика, зачастую полукриминального характера, увеличила положительное сальдо нашего обмена с СССР.

В 1990 г. взаиморасчеты велись еще в переводных рублях, но одновременно осуществлялся постепенный переход к расчетам в конвертируемой валюте и использованию рыночных механизмов. В последний год существования СССР взаимный торговый оборот снизился до 2,2 млрд долл. с одновременным появлением с польской стороны отрицательного сальдо в объеме 0,6 млрд долл. Спад польского экспорта был связан с введением Советским Союзом ограничений на импорт в свободной валюте (платежная блокада). Многие польские предприятия не могли получить оплаты, что привело их к банкротству.

В общем, начиная с 1984 г. роль СССР в польской внешней торговле постепенно уменьшалась: в экспорте с 29 до 24% в 1988 г. и 11% — в 1991 г., а в импорте соответственно с 35 до 23% и 14%. Выиграли от этого капиталистические государства. В 1990 г. после нескольких десятилетий советского преобладания на позицию главного торгового партнера Польши вышла Германия⁷².

Оценку эффективности польско-советских экономических отношений в последние десять лет, как, впрочем, и до того, осложняет отсутствие объективного расчета

стоимости, что является следствием использования переводного рубля, а особенно его невыгодного курса по отношению к конвертируемым валютам и польскому золотому. Веденная в середине 1970-х годов система расчетных цен в течение десяти лет отрицательно сказывалась на формировании польских *terms of trade*. Худшим оказался 1985 г., когда показатель условий обмена снизился до 67%. Некоторое улучшение наступило в 1986 г., но до 1991 г. так и не удалось вернуться к уровню 1975 г.

Главной причиной стал пришедший с некоторым опозданием из-за использования «поступательной базы цен» рост цен на нефть. «Потолок» нефтяных цен в мире был достигнут в 1980 г., а в польско-советской торговле — в 1985 г. Ценовые диспропорции влияли на польское сальдо в торговле с СССР — отрицательно в 1980–1986 гг. и положительно в 1987–1990 гг. Возвращение к отрицательному сальдо в торговле в 1991 г. было вызвано административными ограничениями с советской стороны.

В последний период польско-советского торгового обмена его структура немногим отличалась от сложившейся в 1960-е годы. Импорт выглядел следующим образом: топливо, сырье и материалы — 66,1%, машины и оборудование — 26,4%, промышленные потребительские товары — 6,2% и продовольствие — 1,3%. Принимая во внимание экономические критерии, структура польского экспорта представляется более выигрышной: машины и оборудование — 63,5%, промышленные потребительские товары — 18,3%, 14,7% — топливо и сырье и 3,5% — продукты питания. Советский Союз, таким образом, являлся поставщиком сырья и топлива и получателем промышленных товаров глубокой переработки⁷³.

В последнее коммунистическое десятилетие в Польше и СССР продолжалось масштабное сотрудничество в области специализации и производственной кооперации, консервирующее некоторым образом структуру производства. Польша была крупнейшим партнером Советского Союза в коммунистическом лагере, а объем специализированных поставок в польском экспорте достигал 21%. Кроме того, в связи с низким уровнем использования производственных мощностей в польской промышленности получили распространение так называемые соглашения по переработке. Они охватывали изделия легкой, химической, металлургической промышленности и частично некоторых отраслей машиностроения. За приобретенное в СССР сырье стоимостью 98 млн руб. Польша поставляла в СССР готовые изделия на сумму 165 млн руб. Часть переработанной продукции, в частности 50% изделий легкой промышленности, поставлялась на внутренний рынок. В конце 1980-х годов в обоих государствах по мере развертывания ограниченных реформ в области экономики возникали новые формы сотрудничества. В 1989 г. действовали 34 совместных предприятия (акционерные общества) в области производства, строительства, услуг и торговли. Появились также и «многосторонние» совместные предприятия, например с участием Австрии⁷⁴.

В 1980-е годы, характеризующиеся многолетним отрицательным торговым сальдо, имело место неоднократное предоставление советских кредитов. В результате к концу 1990 г. с польской стороны накопился долг, составляющий, по расчетам советской стороны, 4,5 млрд переводных рублей. Польская сторона с этими расчетами не соглашалась, указывая на необходимость учитывать польское участие в сырьевых инвестициях на территории СССР. По польским оценкам, советские сме-

ты, легшие в основание расчетов, втрое занижали объем понесенных Польшей затрат на территории СССР. Наши убытки на этом основании оценивались более чем в 3 млрд переводных рублей, что вместе с процентами почти покрывало сумму долга. Советская сторона представила свои расчеты, доказывающие, что услуги польских предприятий были на 15–20% дороже, нежели иных иностранных фирм. Выяснением разногласий занялась специальная межправительственная комиссия⁷⁵.

Попытка подвести итоги. Оценка экономических взаимоотношений двух стран после Второй мировой войны всегда порождала разногласия, как в Польше, так и в Советском Союзе (России). У нашего восточного соседа было весьма распространено убеждение, что обязательства в рамках СЭВ, предполагающие обязательные поставки в Польшу нефти и газа, промышленного сырья и зерна вместе с кредитами являлись формой субсидирования польской экономики. Этому мнению вторили и некоторые западные публикации, подсчитывавшие убытки, понесенные СССР в торговле со странами СЭВ.

Противоположная точка зрения господствовала в польском обществе и тех публикациях, которые не попали под коммунистическую цензуру. Торговый обмен и иные формы хозяйственных взаимоотношений с СССР считались эксплуатацией польской экономики во имя осуществления имперских целей СССР. Распространялось убеждение о невыгодности торгового обмена с СССР, делающего нашу структуру производства энерго- и материалоемкой. Особо подчеркивался тот факт, что специфические нужды советской экономики приводили к тому, что наши товары не были конкурентоспособны и не могли продаваться на рынках развитых государств. Указывалось на укрепление автаркических тенденций в обеих странах и усиление зависимости Польши от Советского Союза. Высказывались также мнения, что емкий советский рынок создавал неограниченные возможности для сбыта польской промышленной продукции, а для польской промышленности не было проблем с доступом к советскому сырью. Таким образом, проводилась аналогия с ситуацией XIX в. А тем временем Советский Союз, в отличие от царской России, действительно был заинтересован в польской промышленной продукции, но главным образом инвестиционной, а также в полезных ископаемых. Все это приводило к специфическому характеру индустриализации Польши, где предпочтение отдавалось производству средств производства и горнорудной промышленности. Ни польскому, ни советскому народу это пользы не приносило из-за постоянной нехватки потребительских товаров.

В течение всего рассматриваемого периода в экономических отношениях между Польшей и СССР происходили существенные изменения. Место «дани» Советскому Союзу, связанной с его экономической помощью, имевшей место непосредственно по окончании Второй мировой войны, в 1950-е годы заняли официальные торговые связи. Однако их условия и основные параметры были навязаны советской стороной, а политическое превосходство последней ставило Польшу в положение вассала. В период «польского Октября» был поднят вопрос о расчетах за поставляемый Польшей уголь и обслуживание нужд Красной армии и транзита. Переговоры привели к принципиально удовлетворившим польскую сторону финансовым решениям. То же можно сказать о введенной к концу 1950-х годов в рамках СЭВ системе цен, создавшей выгодные для нашей торговли *terms of trade*.

Однако система цен во внешней торговле, основанная с середины 1960-х годов на переводном рубле с принудительно установленным курсом по отношению к западным валютам и оторванная от мирового рынка, делала невозможным ведение объективного экономического расчета. В подобной ситуации с равным успехом можно было доказывать, что торговый обмен с СССР странам-сателлитам более выгоден, чем с государствами свободного рынка, как и прямо противоположное. И все же преобладало мнение, что до середины 1970-х годов обмен был в пользу экономик политически зависимых государств. Изменения в системе цен, наступившие в связи с энергетическим кризисом, сделали более выгодной позицию Советского Союза. На это оказал влияние не только рост цен на сырье и топливо, но и завышенный по отношению к конвертируемым валютам курс переводного рубля. По имеющимся оценкам, Польша получала за свой экспорт одну четвертую его стоимости. Особенно невыгодны были эти соотношения, когда в экспортируемых товарах присутствовали составляющие, приобретенные за доллары. Правда, полученные от экспорта переводные рубли можно было потратить на импорт из СССР, однако этому часто мешали проблемы, связанные с необходимостью сведения баланса двусторонних товарооборотов. Таким образом, курс переводного рубля позволял Советскому Союзу через польское посредничество выгодно закупать товары на западных рынках.

В принципе хозяйственные связи между Польшей и СССР ничем не отличались от связей, установленных Кремлем во всем восточном блоке. В основе системы лежали идеологические и имперские цели Советского Союза. Сразу после войны преобладал курс на восстановление восточной державы за счет использования системы репараций, «дани» и «военной добычи». С конца 1950-х годов его заменили торговые отношения и кооперация на условиях Москвы. Были созданы искусственные, оторванные от мирового рынка условия сотрудничества, совершенно непрозрачные и исключающие оценку их эффективности. В глубокой тайне держались взаимные поставки вооружений, лицензий, машин и оборудования для нужд военной промышленности и армии. Создавалась атмосфера всеобщей подозрительности и недоверия. В то же время повсеместным было политическое влияние, что выражалось, в частности, в попытках сгладить частые общественно-экономические кризисы. Советский Союз помогал своим вассалам экономически, когда под угрозой была политическая стабильность. Он также не имел ничего против их связей с Западом, когда видел в этом свою выгоду.

Предпринятый в данной работе анализ не дает однозначного ответа на вопрос, поставленный в ее начале: чем были советско-польские отношения послевоенного периода с советской стороны — помощью или получением выгоды? Основная причина — невозможность сопоставления выгодности двусторонних отношений в условиях изолированных от мировых централизованных распределительных экономик. Искаженные экономические связи стали производной всей совокупности послевоенных польско-советских взаимоотношений, в которых решающую роль играли имперские интересы восточной державы. А навязанный ею политический и экономический строй, как и вся система сотрудничества, привели в 1980-е годы польскую экономику к банкротству.

¹ Niektórzy inną periodyzację proponuje Ryszard Sudziński. См.: *Sudziński R.* Etapy i kierunki oraz metody i formy ekonomicznego uzależnienia Polski od ZSRR w latach 1944–1989 na tle pozostałych krajów bloku komunistycznego // *W objęciach wielkiego brata. Sowietci w Polsce 1944–1993 / Pod red. K. Rokickiego i S. Stępnia.* Warszawa, 2009. S. 61.

² *Jezierski A., Leszczyńska C.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1997. S. 202.

³ Compendium statystyczne polskiego handlu zagranicznego w latach 1929–1938, 1945–1960. Warszawa, 1961. PIHZ. S. 63.

⁴ *Wilk M.* Pomoc i współpraca. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1944–1945. Warszawa, 1976. S. 42 etc.

⁵ *Ibid.* S. 29.

⁶ Załączniki do Protokołu do Umowy z dnia 20 października 1944 r o dostawach towarów i warunkach rozrachunków między Polskim Komitetem Wyzwolenia Narodowego i Rządem Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich // *Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1945–1956 / Wybór dokumentów A. Kupich i A. Kochański (Sprawy Międzynarodowe.* 1993. S. 140–141).

⁷ *Wilk M.* Op. cit. S. 184.

⁸ Umowa [z 5 marca 1947 r.] między Rządem Rzeczypospolitej Polskiej i Rządem Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich o uregulowaniu wzajemnych rozrachunków finansowych // *Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1945–1956...* S. 142–143.

⁹ Sprawozdanie nr 5 Biura Rady Handlowej Ambasady RP w Moskwie za okres od 1 lipca do 31 grudnia 1946 r. // AAN. KC PZPR. 295/XI/-414. K. 64.

¹⁰ *Skrzypek A.* Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002. S. 163; Sprawozdanie Ministra Skarbu w sprawie zużytkowania zapasów złota Banku Polskiego i złota pożyczonego od Związku Radzieckiego // AAN. MpiH. T. 62. K. 123.

¹¹ Raport z Moskwy dla wicepremiera H. Minca z 19. XII. 1950 r. // AAN. PKPG. T. 5621.

¹² *Szyr E.* O wspięrcy gospodarczej krajów demokracji ludowej i ZSRR // *O Trwały Pokój i Demokrację.* 1949. Nr 3. S. 4.

¹³ *Jezierski A., Leszczyńska C.* Op. cit. S. 419; *Korzon A.* Niektóre problemy polsko-radzieckich stosunków gospodarczych w latach 1945–1957 // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej.* 1993. T. 28. S. 135.

¹⁴ Umowa między Rzeczpospolitą Polską a Zwiągiem Związków Socjalistycznych Republik Radzieckich w sprawie podziału dostaw reparacyjnych i urządzeń przemysłowych z Niemiec za szkody wyrządzone przez okupację niemiecką // AAN. MpiH. T. 4192. K. 29.

¹⁵ Niezwykłe doniesie umowy dla Polski zawarła w ZSRR polska delegacja rządowa // AAN. MpiH. T. 64. K. 80.

¹⁶ *Bartoszewicz H.* Polityka Związku Sowieckiego wobec państw Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1944–1948. Warszawa, 1999; KiW. S. 195.

¹⁷ *Dotęga J., Kulesa L., Tarnogórski R.* Wykonanie przez ZSRR postanowień reparacyjnych Umowy Poczdamskiej wobec Polski // *Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko-niemieckich 1944–2004.* T. 1. Studia / Pod red. W.Góralskiego. Warszawa, 2004. S. 158 etc.; *Jasiński L. J.* Polskie kontakty gospodarcze z zagranicą w XX wieku. Warszawa, 2003. S. 135

¹⁸ *Dotęga J., Kulesa L., Tarnogórski R.* Op. cit. S. 161–163; Lista dostaw towarowych dla Rzeczypospolitej Polskiej na poczet jej udziału w reparaacjach na 1949 r. // AAN. PKPG T. 5655. K. 1–66.

¹⁹ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 100 etc.

²⁰ Compendium... S. 64, 68.

²¹ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 206.

²² Umowa między Rządem Rzeczypospolitej Polskiej a Rządem Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich o wzajemnych dostawach towarów w okresie lat 1948–1952 // AAN. MpiH. T. 2999. K. 1–3.

²³ Umowa o dostawę 200000 ton zboża z ZSRR do Polski // AAN. MpiH. T. 2999. K. 7–8.

²⁴ Umowa między Rządem Rzeczypospolitej Polskiej a Rządem Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich o dostawach do Polski sprzętu przemysłowego na kredyt // AAN. MpiH. T. 3000. K. 1–4.

²⁵ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 206.

²⁶ Pismo do BRH w Moskwie // AAN. PKPG. T. 2977. K. 188.

²⁷ I raport z rokowań o układ handlowy z ZSRR na rok 1950 // AAN. PKPG T. 291. b.p.

²⁸ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 338.

²⁹ *Karpiński Z.* Ustroje pieniężne w Polsce od roku 1917. Warszawa, 1968. S. 248.

³⁰ Depesza Józefa Stalina do Bolesława Bieruta w sprawie reformy pieniężnej w Polsce, List Bieruta do Józefa Stalina w sprawie kursu złotego wobec rubla // Polska w dokumentach archiwów rosyjskich 1949–1953. Wybór i opracowanie A. Kochański, G.P. Muraszko, A.F. Noskowa, A. Paczkowski, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 92, 98.

³¹ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 272.

³² Polska-radziecka współpraca wojskowa w latach 1950–1957. Dokumenty opracowane przez A. Kochańskiego i A. Kupichta // Sprawy Międzynarodowe. 1993. Nr 3. S. 130.

³³ Compendium... S. 207.

³⁴ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 303.

³⁵ Compendium... S. 254.

³⁶ *Ibid.* S. 259.

³⁷ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 303.

³⁸ Compendium... S. 257.

³⁹ *Ibid.* S. 394.

⁴⁰ *Ibid.* S. 422.

⁴¹ *Ibid.* S. 427.

⁴² *Skrzypek A.* Op. cit. S. 125.

⁴³ Polska-radziecka współpraca wojskowa w latach 1950–1957... S. 142–143.

⁴⁴ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 125 etc.

⁴⁵ Compendium... S. 66.

⁴⁶ *Ibid.* S. 257.

⁴⁷ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 159.

⁴⁸ *Karpiński Z.* Op. cit. S. 257.

⁴⁹ *Ptaszek J.* Polska — Związek Radziecki. Współpraca — integracja. Warszawa, 1978. S. 214.

⁵⁰ *Mitoraj E., Żabiński A.* Zależność energetyczna krajów Europy Środkowo-Wschodniej od ZSRR w latach 1945–1988 // Gospodarka Narodowa. 1992. Nr 4. S. 18–24.

⁵¹ *Skrzypek A.* Op. cit. S. 192.

⁵² Rocznik Statystyczny. 1971. Warszawa, 1971. S. 416.

⁵³ *Pawłowska M.* Polski handel z ZSRR w latach 70-tych i 80-tych // Studia i Materiały CBW. 1992. Z. 39. S. 18.

⁵⁴ Rocznik Statystyczny. 1971... S. 416.

⁵⁵ *Skrzypek A.* Mechanizmy klientelizmu. Stosunki polsko-radzieckie 1965–1989. Pułtusk; Warszawa, 2008. S. 125.

⁵⁶ *Ibid.* S. 363.

⁵⁷ *Pawłowska M.* Op. cit. S. 18.

⁵⁸ *Ibid.* S. 7.

⁵⁹ *Ibid.* S. 12.

⁶⁰ *Rajski M.* Ekonomiczno-handlowe przesłanki kryzysu w Polsce. 1981, *passim*.

⁶¹ *Starzyk K.* Socjalistyczne partnerstwo PRL—ZSRR. Warszawa, 1981. S. 153.

⁶² *Sudziński R.* Op. cit. S. 86.

⁶³ *Kaliński J., Landau Z.* Gospodarka Polski w XX wieku. Warszawa, 2003. S. 311 etc.

⁶⁴ *Ptaszek J.* Op. cit. S. 53.

⁶⁵ *Jasiński L. J.* Op. cit. S. 193.

⁶⁶ *Durko B.* Ostatnia dekada polsko-radzieckich stosunków gospodarczych: bilans zamknięcia // Studia i Materiały. IkiCHZ 1992. Nr 33. S. 1 etc.

⁶⁷ *Skrzypek A.* Mechanizmy klientelizmu... S. 239.

⁶⁸ *Durko B.* Op. cit. S. 16.

⁶⁹ *Pawłowska M.* Op. cit. S. 19.

⁷⁰ *Durko B.* Op. cit. S. 26.

⁷¹ *Ibid.* S. 25.

⁷² Rocznik Statystyczny. 1992. Warszawa, 1992. S. 364.

⁷³ *Pawłowska M.* Op. cit. S. 19.

⁷⁴ *Ibid.*

⁷⁵ *Durko B.* Op. cit. S. 16, 22, 25.

13

РОССИЯ И ПОЛЬША В НОВОМ МИРЕ

А. В. Мальгин (Россия)

К. Пелчиньская-Наленч (Польша)

Рассмотрение российско-польских отношений в период существования постсоциалистических России и Польши в рамках относительного небольшого текста требует известного схематизма, и автор взял бы на себя смелость изложить некую развернутую схему методологического подхода к анализу этих отношений, остановившись подробнее на тех сюжетах, которые вписываются в общую логику настоящей книги.

Вопреки названию книги автор полагает, что современный период российско-польских отношений вполне укладывается в конвенциональный сценарий взаимодействия двух независимых государств и не содержит «черных пятен». Сложности же современных российско-польских отношений вряд ли относятся к разряду трагичных или драматичных, они являются составной частью динамичных международных процессов последних двух десятилетий и только отчасти — наследием прошлого.

Формирование постсоциалистической идентичности и новых внешнеполитических приоритетов. Формирование новой государственной и международной идентичности начинается практически синхронно в России и Польше.

Действительно, два с половиной года, разделяющие победу некоммунистической коалиции во главе с «Солидарностью» на июньских выборах 1989 г. в Польше и распад СССР в декабре 1991 г., по историческим меркам незначительны.

Однако в Польше смене власти предшествовали практически десять лет активного формирования нового политического класса, нового типа общественных отношений, институтов гражданского общества в виде свободных профсоюзов и прототипов нынешних политических партий.

Подготовительный период существования постсоветской России был гораздо меньше и фактически начался именно с неожиданного обретения независимости в сочетании с огромными территориальными, демографическими потерями традиционного для России ареала политико-экономического и культурного существования.

Другими словами, перед Россией в сравнении с Польшей стояла более сложная задача — создания не просто нового политического строя, но абсолютно новой государственности, новой международной идентичности в непривычных для России границах.

Очевидно, что такие «обременения» не могли не сказаться на траектории и динамике России в международных делах, в частности, в европейской политике.

И Россия, и Польша с геополитическими изменениями рубежа 1990-х годов неожиданно для себя приобрели совершенно новых соседей, некоторые из них оказались общими для Москвы и Варшавы — Украина, Белоруссия, Литва. При этом, если для Польши новые соседи практически в самый момент своего появления стали элементом диверсификации ее внешней политики, дополнительным полем для внешнеполитического маневра и, как следствие, усиления позиции в европейских делах, то для Москвы речь скорее шла о появлении дополнительного круга обязанностей и обременений, связанных с широчайшим спектром вопросов правопреемства от бывшего СССР к новым независимым республикам.

Постсоветское пространство поглощало колоссальные объемы временных, дипломатических и других ресурсов России в первой половине 1990-х годов. В значительной степени это сохраняется и в настоящий момент.

Генеральным направлением общественного, экономического и внешнеполитического развития на переломе эпох в России и Польше было бесспорно выбрано западное направление.

Следуя самым общим параметрам западного опыта, каждая из стран на свой лад реформировала все аспекты собственного существования.

В 1991–1993 гг. многие в Москве думали, что такое всеобщее движение к единой парадигме развития снимает все межгосударственные, международные противоречия. Оказалось, что это не так, национальные интересы никто не отменял, они стали проявляться по мере детализации внешней политики новых государств.

Россия впервые в своей новой истории делает попытку формулировки стратегических международных приоритетов в Концепции внешней политики 1993 г. Из нее становится ясно, что европейское направление, европейские институты занимают важное место в системе внешнеполитических ценностей и задач. Москва, прежде всего профессиональное дипломатическое сообщество, пробиваясь сквозь паутину множества тактических проблем и задач, делает ряд принципиальных шагов.

Именно они определили тот вектор в европейской политике, по которому мы движемся и сейчас.

Россия активно участвует в переформатировании СБСЕ в полноценную Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе: в 1993 г. она подает заявку на вступление в Совет Европы; выражает намерение присоединиться к ГАТТ (ныне ВТО); устанавливает минимально достаточные отношения с НАТО через присоединение в 1992 г. к ССАС (ныне СЕАП) и подписание рамочного документа «Партнерство ради мира» в 1994 г.

Россия активно работает с ЕБРР, одним из учредителей которого стал уже находившийся на излете своего существования СССР, на нашу страну распространяется проектная деятельность Европейского инвестиционного банка. Москва уста-

навливает диалог с ОЭСР и тесное взаимодействие с Международным энергетическим агентством, присоединяется к Энергетической хартии¹.

Главным же «европейским событием» для России, если судить с высоты сегодняшнего дня, явилось подписание в июне 1994 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с европейскими сообществами.

СПС не просто стало признанием новых реалий интегрирующейся Европы, оно задало рамку экономических отношений со всеми странами членами ЕС, к которым в 2004 г. присоединилась Польша. Пусть в самом общем виде, но уже в 1994 г. СПС предполагало возможность создания общего экономического пространства и зоны свободной торговли между Россией и ЕС, равно как и постоянный диалог по политическим вопросам европейской и международной повестки дня.

Именно с середины 1990-х годов через подключение к европейским институтам Россия начала системную адаптацию модернизации² — в правовом, экономическом, политическом поле, в сугубо технических вопросах, связанных с европейскими стандартами и регламентами.

Об этом более чем пятнадцатилетнем опыте европейской модернизации России стоит помнить всем излишне самокритичным (в России) и критичным в отношении нашей страны в Польше.

Польша на европейском направлении действует более целеустремленно. Весь период с начала 1990-х годов и вплоть до вступления в ЕС 1 мая 2004 г. для Польши проходит под знаком «возвращения в Европу».

Как ни парадоксально для российского читателя, но это была не только и не столько внешнеполитическая задача, но важнейшая часть строительства новой национальной, государственной идентичности.

Польское возвращение в Европу постепенно меняло внутреннюю организацию жизни страны, при этом сам процесс возвращения был относительно простым с точки зрения инструментария. Польша предприняла усилия к максимально быстрому подключению к имеющимся европейским и евроатлантическим институтам. С 1991 г. Польша — участник Совета Европы. В 1994 г. она присоединяется к натовской программе «Партнерство ради мира» и, как минимум, с этого периода рассматривает для себя перспективу полноценного участия в Североатлантическом альянсе. С марта 1999 г. Польша — член НАТО. Признанием полноценного включения Польши в мировые экономические связи становится ее участие с 1 июля 1995 г. в ВТО, что открыло ей дорогу в такие институты, как ОЭСР и Европейский союз. Польша участвует или является наблюдателем во всем множестве субрегиональных европейских институтов — от Совета государств Балтийского моря до ОЧЭС.

Польша активно поддержала идею В. Гавела об интеграционном сотрудничестве в регионе Центральной Европы, материализовавшуюся в деятельности Вышеградской группы и Центральноевропейском соглашении о свободной торговле. Польские регионы включились в сеть сотрудничества европейских регионов, что дало возможность активизировать экономическую жизнь на приграничных территориях, увеличить человеческие контакты, снять демографическое давление на рынок труда³.

Множество открывавшихся перспектив озадачивало, но Варшава нащупала магистральный путь эффективной европейской политической и экономической самоидентификации.

Варшава с 1 января 1994 г. начинает последовательно реализовывать Европейское соглашение, предусматривавшее ассоциацию Польши с европейскими сообществами. Курс на вступление в ЕС был подтвержден Национальной стратегией интеграции 1996 г.

Длившиеся четыре года, с 1998 по 2002 г., переговоры о вступлении в ЕС успешно завершились 13 декабря 2002 г. 16 апреля 2003 г. было подписано Афинское соглашение о вступлении в ЕС. В отличие от других исторических прецедентов, когда происходило уменьшение или ликвидация польского суверенитета, вступление в ЕС предварялось референдумом. За вступление Польши в Евросоюз высказалось 77,45% поляков из 58,85% принявших участие в голосовании.

С 1 мая 2004 г. Польша стала полноправным членом Европейского союза.

Таким образом, в течение пятнадцати лет Польша завершила переходный период в политической, экономической и социальной жизни, приобрела новую международную идентичность, по сути, выполнив все те задачи, которые стояли перед страной в начале реформ.

По большому счету, именно с этого периода можно начинать отсчет истории новой Польши как конвенционального европейского государства, динамика внутреннего и международного развития которого в принципе не должна подвергаться существенным колебаниям.

Какие и насколько серьезные исключения из этого принципа возможны и, собственно, произошли, постараемся рассмотреть чуть ниже.

Россия на интересующем нас (в связи с двусторонними отношениями) европейском направлении к 2004 г. также накопила достаточный запас достижений.

Россия и ЕС «обменялись» стратегиями развития отношений друг с другом. Традиционно российская дипломатия не склонна к излишней детализации своих планов на том или ином направлении, однако в отношении Евросоюза было сделано исключение. Стратегия развития отношений с ЕС на 2000–2010 гг., утвержденная Указом Президента, однозначно определяла Евросоюз как приоритетного партнера России в Европе с точки зрения не только экономических отношений, но и построения системы безопасности.

При этом в Стратегии подчеркивалось, что в обозримом будущем Россия не стремится ни к участию в ЕС, ни даже к ассоциации с Евросоюзом. Это объяснялось геополитической выгодой внеблокового существования.

К несомненным достижениям относится и завершение переговоров Москвы и Брюсселя о вступлении России в ВТО. Именно позиция Евросоюза как главного российского контрагента являлась критической точкой на пути нашего продвижения к полноценному участию в мировой торговле.

Россия и ЕС выработали «дорожные карты» для продвижения к четырем общим пространствам, главным из которых, несомненно, является общее экономическое пространство, которое в случае его эвентуальной реализации может означать де-факто ассоциацию России и ЕС.

На взгляд автора, это стало своеобразным преодолением положения вышеупомянутой российской Стратегии об отсутствии стремления к ассоциации, показало амбивалентность взглядов российского политического класса на европейскую проблематику.

Кстати, нужно заметить, что слово «ассоциация» и российские, и европейские чиновники произносить опасаются. Это именно та своеобразная психологическая граница, на которой остановились наши отношения.

Парадоксально, но расширение ЕС, приблизившее этот интеграционный союз к России, вернуло к тесным отношениям с Москвой даже те страны, которые в силу тех или иных причин дистанцировались от России. Как известно, вступление Польши в Европейский союз придало совершенно иной характер отношениям Варшавы и Москвы.

Никто не станет отрицать, что европейский контекст оказывал влияние на внутреннюю жизнь России, но очередной этап усилий по созданию российской государственной идентичности в этот период был связан скорее с сугубо внутривнутриполитическими событиями. Главной их сутью стало построение механизма вертикали власти⁴, усиление сплоченности регионов вокруг федерального центра, пачификация исламистского подполья на Северном Кавказе, задачи удвоения валового внутреннего продукта, связанные в значительной степени с консолидацией национального энергетического сектора. Российское государство сумело в короткий срок ликвидировать самые вопиющие пробелы в социальной политике, что приостановило нарастающую демографическую катастрофу.

Во внешней политике, ничуть не исключая стратегического европейского вектора, Россия на переломе веков ориентируется на набравшую популярность в обществе и политическом классе концепцию многополюсного мира. Москва не без оснований видит себя одним из таких полюсов.

Эта концепция получает свое воплощение в целом ряде более или менее успешных построений: «треугольник» Россия — Индия — Китай; Шанхайская организация сотрудничества; полноправное участие в «большой восьмерке», кульминацией которого становится Санкт-Петербургский саммит G8; реализация политического диалога в формате БРИК.

Очевидно, что отмеченное намного шире, чем только европейская составляющая российской внешней политики. Если к этому добавить традиционно плотную повестку по международной безопасности в отношениях России с США и многоаспектные отношения с ближайшими постсоветскими соседями, то станет ясно, почему Польша могла сконцентрироваться на европейском векторе и добиться там кардинальных успехов, а Россия не могла позволить себе такой «роскоши».

Другими словами, перед российским обществом и политическим классом в отличие от польской ситуации стоял целый ряд задач, которые только по мере их весьма непростого и растянутого во времени решения давали бы ответ на вопрос о параметрах новой российской идентичности, в том числе ее международной составляющей.

В отличие от Польши у нас не было некоего одного ведущего фактора, который стал бы локомотивом российского развития, формирования сути и образа нашей страны.

Проблема исторического и внешнеполитического самосознания. Современные Польша и Россия — страны, в значительной степени схожие с точки зрения исторического и внешнеполитического самосознания и самовосприятия. Схожесть эта проистекает из устойчивости идеологем, почерпнутых из истории и с упорством,

достойным лучшего применения, воплощаемых в современной политике. Как во внутренней, так еще больше и во внешней. Не в последнюю очередь это относится и к двусторонним отношениям.

К идеологемам, определяющим сходство России и Польши, относятся — завышенное представление о месте и роли самих себя в международных делах; представление о расположенных рядом соседях как о странах, требующих, а зачастую, жаждущих опеки Москвы или Варшавы; чрезмерное оперирование превосходными степенями таких понятий, как мораль, нравственность, духовность, страдание, мученичество и геройство, применительно к самим себе.

Есть и более глубокие исторические мифы-концепции, одинаковые для обеих стран, которые отчасти опираются на реальность и которые ее, несомненно, формируют.

Среди них можно назвать и концепцию сарматизма, объяснявшую русским и полякам необходимость освоения «утраченных» земель и наличие непривычных для других частей Европы элементов общественного и každодневногo уклада; и концепцию моста между Востоком и Западом; и, несомненно, историческую гордость за спасение Европы от татарского нашествия. Еще раз подчеркнем — все эти идеологемы общие и одинаковы важные, если не сказать популярные, в историческом самосознании.

Другими словами, в России и Польше присутствует иррациональное, фантомное самоощущение самих себя некими специфическими, исключительными странами, державами в том понимании, как этот термин использовался в XVII—XIX вв. Более того, в России «держава» или даже «империя» в полуофициальном дискурсе зачастую используется в качестве самоназвания.

В Польше «державность» и «имперскость» во внешней политике скорее подразумеваются — сдерживающим фактором являются демократические традиции шляхетско-аристократической Речи Посполитой. При этом сам исторический термин «Речь Посполитая», сущностно гораздо шире привычного для других европейских языков термина «республика».

Это, кстати, всегда понимали российские историки и публицисты и транслировали название польского государства. Более того «Речь Посполитая» применительно к отдельным историческим периодам употребляется как синоним слова «Польша».

В историческом восприятии русских и самовосприятии поляков «Речь Посполитая» как термин прекрасно сочетается с таким самоопределением, как «наинянейшая», как страна от «моря до моря», как государство, исторически включавшие в себя все те же «Руси», что перечислялись и в титуле российских самодержцев.

Россия и Польша боятся признаваться в своей схожести. Действительно, если они столь похожи, то в чем же их уникальность для этой части света?

В целом для России и Польши как молодых в их нынешней ипостаси государств характерна склонность к огосударствлению истории, попытки искать объяснения тем или иным современным действиям через непосредственное обращение к удобному историческому факту или удобной исторической интерпретации.

С автором можно спорить и считать его утверждения примитивной, спрямленной интерпретацией национального сознания, гротескной формой, не имеющей ничего общего с официальной позицией.

Но, к сожалению, именно эта гротескность, некритичность привносимых исторических стереотипов доминировала в отношениях России и Польши на протяжении последних полутора десятилетий. Происходило это попеременно по вине то одной, то другой стороны.

В этот период схожесть России и Польши не сближала наши страны, а сталкивала их, как сталкиваются одинаково заряженные частицы.

Парадоксально, но уход в небытие советской (позднесоветской) исторической парадигмы, где трактовка тех же польских восстаний происходила через призму классовой и национально-освободительной борьбы угнетенной нации, снизил объективную пропольскость отечественной исторической индоктринации, вернул ее к историческим парадигмам сугубо «государственнического» характера. Российское же общественное мнение автоматически вернулось к «позапрошлому» восприятию Польши, сформированному в царской России в XIX в.

К такому восприятию, явно неприемлемому с точки зрения польского политического класса и общества, добавлялись сантименты и штампы в отношении к ПНР, которые в понимании современной Польши также оказывались операционно малоприспособными.

Ну и совсем отрицательными элементами стали неуклюжие пропагандистские попытки создать образ врага из Польши в 2005–2007 гг.

Равно нужно отметить, что отрицание современным политическим классом ПНР («безномерной» Речи Посполитой), на взгляд автора, не может быть полезным для исторического и внешнеполитического самосознания современной Польши. Такое отрицание удаляет целый исторический пласт и автоматически делает Варшаву наследницей далеко не безупречных внешнеполитических концептов 1920–1930-х годов. Автору могут возразить, что общественная мысль польской послевоенной эмиграции вполне органически вплетается в современное сознание. Однако любой непредвзятый наблюдатель видит, что, к сожалению, магистральная линия мышления политического класса Польши гораздо более монохромная, чем наследие того же Е. Гедройца или коллективного разума парижской «Культуры». К тому же в силу того, что серьезное возвращение эмигрантской мысли в Польшу происходило в тяжелый пореформенный период начала 1990-х годов, можно утверждать, что она вряд ли завоевала много новых сторонников за пределами интеллигентских кругов среднего и старшего поколений.

Все вышесказанное наложило на рост популярности «исторической внешней политики» в Польше, расцвет которой пришелся на первые два года президентской каденции покойного Л. Качиньского⁵. В отношении России «историческая политика» мобилизовала все негативные стереотипы, формировавшиеся на протяжении десятилетий, если не столетий.

«Историческая политика» — далеко не польский феномен, но только в Польше на какое-то время она стала частью официальной политической доктрины правящей партии, получила свое развитие в виде «исторически обоснованной внешней политики».

Многие известные польские историки и публицисты отмечали, что «нынешняя волна всеобщего исторического ревизионизма, похоже, — явление исключительное, ведущее к основательной переоценке ценностей и ориентиров не только в

области гуманитарных наук, но и в политике. Эта критическая волна направлена не только против широко распространенных представлений и стереотипов, но также и против истин, играющих фундаментальную роль в обосновании установленных форм коллективной памяти — феномена, важного для любого политического порядка»⁶.

«Историческая политика» в целом легла на «благодатный грунт» Центральной и Восточной Европы, Прибалтики, и политическая жизнь в этой части света, в том числе и в России, оказалась буквально насыщена призраками прошлого. По меткому выражению Я. Жаковского, в Европе началось «шествие скелетов». В этот период публичные и не очень исторические интерпретации становились объектом жестких отповедей со стороны внешнеполитических ведомств, а сами интерпретации наивно полагались серьезным внешнеполитическим оружием.

Любая «круглая дата» давала повод ожидать историко-политических провокаций. Некоторые из них приобретали затяжной и вполне современный, «сетевой» характер, как например, постоянное принижение роли нашей страны в победе над фашизмом или проект «анти-Катынь» отрицавший очевидные исторические факты.

К настоящему времени тренд «исторической политики» постепенно начинает угасать. Думается, это происходит в определенной степени и в силу того, что Россия и Польша нашли в себе силы и должную изобретательность, создав специальный механизм обращения к политически чувствительным вопросам истории. Речь идет о Группе по сложным вопросам, о которой будет сказано чуть ниже.

При оценке исторического самосознания современных российского и польского обществ нужно учитывать один принципиальный момент, связанный с контекстом его формирования.

Польша начала переход к реформам из состояния десятилетнего экономического кризиса, который непосредственно отражался на каждодневной жизни граждан. Либеральные реформы по рецепту Л. Бальцеровича оказались для среднестатистического поляка на поверку гораздо менее шоковыми, чем проводимые его российским коллегой Е. Гайдаром. Каждодневный экономический кризис с его самой острой фазой в большинство семей пришел именно в первые годы новой России, а не при советской власти. «Реальный социализм» периода Н. Хрущева и Л. Брежнева явно выигрывал при сравнении с первой половиной 1990-х годов с точки зрения общественного спокойствия, социальной защищенности, отсутствия внутренних вооруженных конфликтов и организованного бандитизма⁷.

Зачастую, по незнанию или в силу сознательного мифотворчества, сравнительные преимущества «позднего реального социализма» необоснованно перебрашивалось и в страшный сталинский период. Правда, в отношении таких экстраполяций хрущевская «оттепель» и горбачевская «перестройка» сделали серьезные «прививки» значительной части населения, показав весь масштаб и трагичность для судьбы страны сталинских преступлений.

Другими словами, объективные и субъективные слабости и неудачи российских реформ делали советский период относительно привлекательным. Для подавляющего большинства россиян разрыв с советским прошлым был и пока остается делом абсолютно искусственным. Это должны понимать все, кто критиковал известное утверждение В. Путина о распаде СССР как о крупнейшей геополитиче-

ской катастрофе двадцатого века. При всей его эмоциональности большинством россиян оно было воспринято вполне органично.

Параллельное становление государственной и внешнеполитической идентичности России и Польши, стран, которые в XX веке примерили на себя почти все мундиры сколько-нибудь заметных идеологий и режимов, не могло идти без активного, а зачастую и агрессивного мифотворчества. Тем более что это мифотворчество опиралось на традиционно не критичное в обеих странах отношение к собственной истории, равно как и на действительно трагичные, страшные страницы — среди которых была и Катень.

Попытки выйти из тупика обоюдных исторических предубеждений, предпринятые на переломе эпох, были в силу ряда причин незавершенными и плохо отложились в общественной памяти. Эта незавершенность, как уже отмечено, происходила из собственно высокой динамики и нестабильности тогдашней жизни, что не способствовало закреплению в общественном сознании самых, казалось бы, правильных шагов. Кто, например, помнит, что историческая встреча В. Путина и Д. Туска в Катени произошла практически день в день через двадцать лет после передачи М. Горбачевым В. Ярузельскому 13 апреля 1990 г. поименных списков польских военных, приговоренных к расстрелу? Только историки. Кто помнит, что еще в 1992 г. Б. Ельцин отдал все основные документы, изобличающие Сталина и его сподвижников в совершении этого преступления? Опять — только историки.

Наверное, именно во внешнем контексте состоит принципиальное отличие российско-польского исторического диалога от польско-немецкого или франко-немецкого, которые начинались на фоне относительно спокойных 1960–1970-х годов.

Наши страны за последние два года приложили системные усилия к преодолению сложных проблем историко-психологического свойства. И большую роль в этом сыграла российско-польская Группа по сложным вопросам. Автору как советнику сопредседателя и ответственному секретарю российской части Группы посчастливилось знать о ее деятельности изнутри и чуть больше, чем внешним наблюдателям.

Политическое решение о формальном изменении статуса, а фактически о создании заново Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений, принятое в 2007 г. стало первым вкладом в выстраивание взаимопонимания по чувствительным сюжетам, напрямую связанным с, казалось бы, сугубо национальной гордостью или сугубо национальной трагедией.

Когда Группа создавалась, никто толком не представлял характера и процедуры ее работы, да и круга рассматриваемых проблем. Неких писанных полномочий и обязанностей у нее не было и нет. Группа выстраивала свою работу, основываясь на политической интуиции и взаимном внимательном восприятии сторон. Важно отметить, что с самого начала, в отличие от многих других «исторических», «общественных» групп и комиссий, у Группы по сложным вопросам выстроились конструктивные, но далеко не сервильные отношения с внешнеполитическими ведомствами двух стран. Тем самым Группа могла лучше чувствовать внешнеполитическую ткань, сохранять общую прагматическую логику своих действий.

Группа не ставила себе политических задач, но фактически их решала. Решала, делая свою работу, связанную с доведением до широкой общественности, а глав-

ное — до правящих элит двух стран истин, очевидных историкам-профессионалам. Взаимное признание исторических фактов стало краеугольным камнем в деятельности Группы. Впрочем, относительно интерпретации событий между польскими и российскими участниками практически не было серьезных разногласий, речь шла о том, как сделать эти интерпретации общественным достоянием в наших странах.

Было выбрано два принципиальных пути. Один — подготовка общего издания по совместной истории двух стран, которое охватывало бы весь период с 1917 г. до наших дней. Парадоксально, но, постаравшись выделить наиболее дискутируемые проблемы, мы обнаружили, что фактически книга становится очерками истории отношений наших стран, так равномерно в хронологическую рамку легли сюжеты, вызывающие либо споры, либо взаимный интерес. По каждому из сюжетов авторы, круг которых несколько шире собственно участников Группы, подготовили два очерка — российский и польский.

Что из этого получилось, судить читателю. Предвестник это издания — книга, вышедшая при поддержке Группы, скомпонованная также на основе двух точек зрения и посвященная генезису Второй мировой войны, получила и в России, и в Польше самые хорошие читательские отклики⁸.

Более дискретный, непубличный характер носила другая сторона деятельности Группы, выражавшаяся в продвижении тех инициатив, которые рождались внутри Группы, на уровень внешнеполитических ведомств и на уровень принятия политических решений. Огромная роль в этом принадлежит сопредседателям Группы — ректору МГИМО, академику А. В. Торкунову и экс-министру иностранных дел Польши, профессору А. Д. Ротфельду. Академический бэкграунд и весомый общественный статус этих людей позволили пробить брешь взаимной закомплексованности пропагандистов и снизить запал политиканов, паразитирующих на трагических страницах совместной истории.

Главная же задача сопредседателей была сугубо позитивной — разъяснять, рассказывать, убеждать тех людей, которые не злонамеренно, а просто в силу отвлеченности от политико-исторической проблематики не понимали остроты того или иного сюжета, правильности артикуляции своих мыслей по чувствительным историческим вопросам. Не понимали, что недосказанная история может мешать строить настоящее и будущее⁹.

Думается, трудно переоценить значимость тех множественных отсылок к деятельности Группы, которые дали премьеры двух стран и в Сопоте, и в Смоленске. Дорогого стоит реплика В. Путина «как мне сказали наши историки».

Но гораздо более важно, что высшие руководители России и Польши, а России, наверное, в большей степени, оказались способными буквально впитывать новую для них информацию и гибко реагировать на проблемы, вроде бы далекие от их текущих забот.

Можно ли говорить, что после 7 апреля 2010 г. мы сняли проблему Катыни, а по сути, и все исторические вопросы с политической повестки дня наших отношений? Да, если принять во внимание действительно эмоциональные, искренние и, наверное, потребовавшие серьезной душевной работы жесты и слова В. Путина у мемориала в Катыни. Да, если исходить из того, что руководитель правительства современной России подтвердил все сказанное его предшественниками, но в го-

раздо более сильных и ярких выражениях. Да, если исходить из того, что два премьера, будучи вместе на мемориальной церемонии, подтвердили абсолютно идентичный подход к пониманию того, кто жертва, а кто преступник. Да, если вникнуть в более широкий, нежели только польский вопрос, антисталинский пафос выступления В. Путина. Да, потому что с участием польского католического епископа была заложена православная церковь в Катыни. Да, потому что парадный расчет Войска Польского принял участие в параде на Красной площади в Москве 9 мая 2010 г., напомнив всем, что наши страны были союзниками в борьбе с общим врагом.

Новая трагедия под Смоленском — гибель в авиакатастрофе 10 апреля 2010 г. президента Польши Л. Качиньского и нескольких десятков видных государственных и общественных деятелей страны — буквально потрясла Россию.

Общественные настроения в отношении Польши и поляков приобрели характер сопереживания, сочувствия, ощущения общности и братства в беде.

Наверное, ничто за все двадцать лет так не притягивало добрых чувств россиян к Польше. Может быть, это звучит цинично, но без слов правды, сказанных обоими руководителями, объединившимися в общей памяти и скорби в Катыни 7 апреля, реакция на катастрофу 10-го была бы несколько иной.

Предельно важно, что российские власти, президент Д. Медведев, премьер В. Путина не только по-человечески откликнулись на эту трагедию, но и дали политические сигналы к дальнейшему сближению с Варшавой.

Очевидно, что это касается всего спектра вопросов, в частности вопросов, связанных с исторической проблематикой. Об этом было заявлено в ходе встреч Д. Медведева с исполнявшим тогда обязанности, а ныне президентом Польши Б. Коморовским 18 апреля в Кракове и 9 мая 2010 г. в Москве.

Обозначенные автором стратегические «да» в ответе на вопрос о том, сняли ли мы исторические вопросы с политической повестки, к сожалению, нужно дополнить и несколькими тактическими «нет». Нет — потому что идет рассмотрение нескольких исков в Европейском суде по правам человека, связанных с неудовлетворенностью истцов решением российских судебных инстанций в отношении «катынских дел». Нет — потому что исторический рефрен стан привычным для внутripольской и внутрirosсийской политической борьбы и впереди — парламентские выборы в наших странах. Нет — потому что российские радикалы по-прежнему, вопреки фактам, повторяют версию катынских событий, изложенную советским дипломат-прокурором А. Вышинским.

К счастью, повторим, это вопросы тактические, их достаточно быстро перемелют время, здравый смысл и политическая воля.

Думается, что все эти три элемента сумеют должным образом задействовать в своей работе создаваемые по решению премьеров общие для двух стран центры диалога и согласия. Обмен письмами и консультации, проведенные в июле этого года по линии министерств культуры, которым поручено обеспечить деятельность центров, позволяют надеяться, что работа этих институтов начнется уже в 2011 г.

Двусторонние отношения. Изменяющееся содержание в изменяющемся контексте. Россия и Польша в багаже своих двусторонних отношений имеют такое разнообразие сценариев их построения, что трудно найти ту историческую или правовую фор-

му, которая обошла бы их стороной. Здесь добровольное и вынужденное союзничество, попытки создать и привнести извне правителей или правительство друг для друга, отношения с правительствами в изгнании, насильное или почти добровольное вхождение исторических частей одного государства в состав другого и, конечно же, периоды равноправных отношений двух значимых европейских игроков.

Именно такой период наступил после 1991 г.

В отношениях современных России и Польши постоянным фактором является и останется в обозримом будущем разница потенциалов, определяемая превосходством России в территориальных, природных, военных и демографических ресурсах¹⁰.

Правда, Польша, являясь частью тесного интеграционного объединения — Европейского союза, который по всем параметрам, кроме военного, превосходит Россию, может в критический момент мобилизовывать и возможности ЕС.

Вместе с тем разница потенциалов в российско-польских отношениях неизбежно ведет к асимметрии взаимного внимания и взаимной заинтересованности. Для Польши Россия может составлять треть, а то и половину всех внешнеполитических усилий и озабоченностей. До такого уровня значение Польши во внешней политике России вряд ли когда-либо дойдет даже на отдельном краткосрочном временном отрезке.

Классические двусторонние отношения, доминировавшие на протяжении веков между нашими странами, ушли в 1991 г. вместе с потерей большей части общей границы. Калининградский участок границы этого никогда не компенсирует. Современные двусторонние отношения будут все больше базироваться на общей (по набору вопросов) для двух стран международной, и прежде всего европейской, повестке дня. Маленький калининградский и морской участки границы могут служить как лакмусовой бумажкой, так и катализатором для отношений в рамках «большой повестки».

Российское-польские отношения в 1990-е годы в значительной степени были нацелены на осуществление вопросов, связанных с необходимым правопреемством от тандема СССР — ПНР. Решались практические вопросы, связанные с совместной границей, договорно-правовым блоком проблем, собственностью, в том числе собственностью заграничных учреждений. Одним из центральных элементов был вопрос об обеспечении вывода советских войск группы «Север» с территории Польши. Вывод войск завершился в 1993 г. Велся поиск системных решений по транзиту российских газа и нефти через территорию Польши и торговле этими товарами. Возможно, с точки зрения сегодняшнего дня многие достигнутые тогда договоренности кажутся обеим сторонам не совсем выгодными, но собственно для постоянной корректировки, учета новых реалий и существуют двусторонние механизмы. Проблема в том, что эти механизмы в более поздние периоды работали с очень большими паузами.

Польша научилась в 1990-е годы использовать «геополитическую ренту». Объективно стал работать задел, созданный еще в советский период. Было завершено строительство первой очереди газопровода Ямал—Европа, польские нефтепроводы стали использоваться для транзита российской нефти. В результате через территорию Польши осуществляется 30% экспорта российской нефти и более 16% рос-

сийского газа. Польские транспортные компании в тот период стали и до сих пор являются одними из крупнейших автомобильных операторов, перевозящих товары и продукты питания из Западной Европы в Россию.

Стоит отметить, что в первое рыночное десятилетие эксплуатировалась в основном старая инфраструктура, счастливым исключением стало только создание новых и переоборудование старых погранпереходов.

Сейчас забывается тот факт, что все 1990-е годы, вплоть до 1 октября 2003 г., между Россией и Польшей существовал безвизовый режим. Каждый, кто сталкивался с получением шенгенской или американской визы, понимает ту степень свободы и открытости, которая существовала в отношениях между нашими странами на низовом уровне.

Одним из сугубо постсоциалистических феноменов 1990-х годов стало массовое распространение индивидуальной, зачастую полуправильной, так называемой «челночной» торговли. Такая торговля позволяла выживать тем полякам и россиянам, которые оказались вне системы организованной экономики в результате рыночных реформ. В приграничных регионах челночная торговля и связанные с ней сектора услуг на какой-то период стали серьезным бизнесом. Челночная торговля помимо зачастую негативного образа мелкого перекупщика несла с собой знакомство самых широких слоев населения России и Польши с жизнью соседней страны. Так вплоть до ужесточения в январе 1998 г. пограничного режима Польшу посещало до 4 миллионов туристов-челночников в год. Оборот челночной торговли составлял до нескольких миллиардов долларов в год. В 1992–2003 гг. неофициальный импорт из Польши превышал официальный¹¹.

Для оценки двусторонних отношений в 1990-е годы важно помнить, что весь регион Центральной и Восточной Европы, и Польша в частности, занимал не самое высокое место в системе внешнеполитических приоритетов.

Новая, «демократическая» элита, как ни странно, привнесла определенную политико-идеологическую паузу в отношения с Европой. Ельцинское окружение с точки зрения внешнеполитических предпочтений можно назвать американоцентричными либералами. США, бывший главный враг, стал главным другом, а все остальное было малозначительно. Степень детализированности, нюансированности восприятия окружающего у политической элиты в самом начале 1990-х годов была предельно низкой. Внешнюю политику России начала 1990-х годов можно представить в виде узкого моста, который брал свое начало в Москве и завершался в Вашингтоне. По представлениям тогдашнего истеблишмента, на другом конце моста и был вождь «Запад», тождественный понятию «Вашингтон». Под этим мостом глубоко внизу оставалась Европа. В западную часть Европы к середине 1990-х годов мы удосужились сделать спуск, в восточную же часть по-прежнему вели достаточно хлипкие мостки¹².

Как ни парадоксально, но то, что с точки зрения сегодняшнего дня может казаться некими «трудными вопросами», в тот период в силу особенностей европейской политики России решалось относительно, а может быть, излишне спокойно, буднично.

Так, в совместной российско-польской декларации, пописанной 25 августа 1993 г. во время визита Президента России Б.Ельцина в Варшаву касательно воз-

возможного членства Польши в НАТО, говорилось, что оно «не противоречит интересам других стран, равно как и России». Это по крайней мере нейтральное отношение позднее трансформировалось в жестко негативное. Но первый сигнал, возможно, данный по ошибке, был услышан в НАТО.

Действительно, уже двумя-тремя годами позже Москва активно пыталась выступить против расширения НАТО, однако российские аргументы и предложения никак не затрагивали и ничуть не ущемляли суверенитета Польши, как пытаются это сейчас представить некоторые аналитики. Проблемы российской политики в отношении НАТО состояли в том, что зачастую ее реагирование было запоздалым, диалог о нерасширении велся в основном с Вашингтоном, не были найдены механизмы работы с европейским и польским истеблишментом, в том числе военным, где далеко не все были сторонниками вступления в Альянс.

С другой стороны, нужно учитывать такой факт, как определенную усталость в Польше от излишне тесного общения с восточным соседом, недоверие к даже вполне разумной идее многосторонних гарантий для стран ЦВЕ. Главное же, что вступление в НАТО большинством в Польше рассматривалось как некий кратчайший путь на Запад, более короткий, чем ассоциация с ЕС.

К началу 2000-х годов динамика российско-польских отношений, основывавшаяся на некоем общем минимально скоординированном, но объективно параллельном процессе приспособления к происходящим в Европе и внутри самих стран изменениям, стала угасать.

Основные и наиболее актуальные вопросы, унаследованные со времен существования СССР и ПНР, были решены, бизнес развивался в значительной степени помимо официальных контактов, его стратегическая часть — энергопоставки и энерготранзит — опирались на взаимоприемлемые правовые и экономические схемы. Последних, кстати, Россия до сих пор не может выработать в отношениях с Украиной и Белоруссией. Членство Польши в НАТО стал спокойным фоновым элементом. «Европейская» перспектива концентрировала внимание и время польских дипломатических кругов и политической элиты.

Отношения с Москвой шли по накатанной, но не самой новой и перспективной колее. В обеих столицах это понимали и пытались найти выход из сложившейся ситуации. Происходит колоссальная интенсификация контактов на высшем уровне, которые, как потом окажется, были недостаточно эффективны с точки зрения долгосрочных результатов. В период 2000–2005 гг. состоялось 11 встреч президентов В. Путина и А. Квасьневского¹³. Первым и одним из наиболее важных в этой серии встреч стал визит президента А. Квасьневского в Москву 10 июля 2000 г.

Эмоциональный подъем в отношениях, в восприятии Польши в России вызвал первый после девятилетнего перерыва официальный визит президента В. Путина в Варшаву 16–17 января 2002 г.

Эти встречи стали опорными точками для выстраивания современных договорно-правовых отношений между Россией и Польшей, в основе которых — более чем четыре десятка межгосударственных и межведомственных соглашений; создания консультационных механизмов; реактивации деятельности Межправительственной комиссии. В ходе визита министра иностранных дел России в Польшу 19–21 июня 2002 г. был дан старт работе Комитета по вопросам стратегии россий-

ско-польского сотрудничества («страткомитета»), который возглавляют руководители внешнеполитических ведомств.

Активная поддержка польскими политиками «помаранчевой коалиции» на Украине в 2004 г., посредничество президента А. Квасьневского многими в Москве были восприняты как шаги антироссийской направленности.

Парадоксально, но даже после этого состоялся обмен визитами на высшем уровне. Правда, они носили «мемориальный» характер — в январе 2005 г. В. Путин приехал в Польшу по случаю 60-летия освобождения концлагеря в Освенциме, а А. Квасьневский, несмотря на сильные антироссийские настроения, возобладавшие в польском истеблишменте и вылившиеся в прессу, все-таки приехал в мае в Москву на празднование 60-летия Победы. Эти визиты ситуации спасти не смогли — более того, они сопровождалась нелицеприятной медиальной кампанией.

На польской стороне она становилась все более жесткой по мере приближения президентских и парламентских выборов. Российская тема стало заметным элементом борьбы политических сил за избирательные голоса. Делались жесткие, обидные и недальновидные заявления. Под сильным огнем предвыборной критики, в том числе за свою активность на российском направлении (это может показаться парадоксальным российскому читателю), оказались уходящий президент А. Квасьневский и в целом польская «левица». Люди из окружения президента обвинялись в некоем незаконном посредничестве в интересах крупной российской нефтяной компании.

Климат двусторонних отношений катастрофически ухудшался. Своеобразным символом этого ухудшения стало то, что произошли весьма странные нападения на польского журналиста и детей российских дипломатов. Стали возникать, а главное, попадать в прессу различные вопросы, связанные с заграничностью. Москва выдерживала до неприличия долгую паузу с назначением нового посла в Варшаве.

В этот же период в Польше возникают и сохраняются, отчасти и поныне, алармистские настроения вокруг энергетических отношений с Россией. Поводом к этому стали как напряженные отношения России с Украиной и Белоруссией по вопросам транзита энергоносителей, прекращение поставок российской нефти на Мажейкский НПЗ из-за аварии, так и строительство газопровода «Северный поток». При этом никаких существенных проблем и сбоев в двусторонних энергетических отношениях не происходило.

Кульминацией же плохих отношений, которая растянулась на два года, стали введенные 10 ноября 2005 г. временные ограничения на ввоз из Польши в Россию мяса и изделий из него, а с 14 ноября 2005 г. — и растениеводческой продукции. Очевидно, что в нормальной ситуации основанные на нескольких конкретных фактах претензии российских санитарных служб могли бы быть сняты в рабочем порядке и без придания им общественной огласки и политического значения.

Президент Л. Качиньский и правительственная коалиция под руководством «Права и справедливости», унаследовавшие уже тяжелые отношения, не имели сил и идей по их исправлению¹⁴.

Двусторонние проблемы накладывались также на общее ухудшение климата в отношениях Москвы и Запада, которое в значительной степени происходило в силу разного понимания ситуации на постсоветском пространстве.

Еще одним серьезнейшим раздражителем стала проблематика противоракетной обороны и настойчивое желание части польского истеблишмента разместить американские объекты ПРО на своей территории.

Вместе с тем необходимо отметить, что политическое руководство обеих стран и внешнеполитические ведомства, не готовые к улучшению отношений, все-таки удерживали их от сползания за критическую черту. Поддерживались отношения на уровне заместителей министра, профильных департаментов МИДов, продолжались контакты по вопросам безопасности по линии НАТО.

Следует сказать, что за исключением попавших под эмбарго товаров польский экспорт в Россию продолжал расти. Параллельно росла цена на продаваемые Россией углеводороды, и, как следствие, торговый оборот в отличие от политических контактов демонстрировал более чем сносный оптимизм. Парадоксально, но «мясное эмбарго» привело к тому, что с января 2006 г. интенсифицировались контакты между странами по вопросу его снятия.

Совершенно новое политическое измерение «санитарная» проблема получила ровно через год после ее возникновения. 24 ноября 2006 г., в канун саммита РФ и ЕС Польша наложила вето на начало переговорного процесса между Москвой и Брюсселем по вопросу о новом соглашении взамен истекавшего в декабре 2007 г. СПС. Это решение Варшавы, думается, заставило многих осознать опасность нерешенных или затянувшихся проблем в отношениях с отдельными странами Евросоюза, пусть даже только что вошедшими в его состав.

Несмотря на убеждения российского внешнеполитического ведомства о том, что проблема мясного эмбарго носит чисто технический и сугубо двусторонний характер, это не возымело действия на руководство Евросоюза.

На саммите Россия — ЕС, который состоялся в мае 2007 г., канцлер Германии А. Меркель и председатель Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу выразили однозначную поддержку позиции Варшавы и подтвердили, что проблема «мясного эмбарго» рассматривается Евросоюзом как проблема отношений России с ЕС. Такая однозначная солидарность окончательно убедила многих в европейской идентичности Польши, равно как и в операционной непригодности игры на «межимпериалистических противоречиях».

Выход из «мясного тупика» был бы даже в этом случае не столь быстрым, если бы в Польше в октябре 2007 г. не состоялись досрочные парламентские выборы. Кабинет Я. Качиньского ушел в отставку, на смену ему пришла прагматичная коалиция «Гражданской платформы» и Польской крестьянской партии. Премьерское кресло занял лидер первой — Д. Туск, а В. Павляк, представляющий крестьянскую партию, получил пост вице-премьера.

Новое правительство Д. Туска представлялось гораздо более разумной и созидательной силой, чем власть его предшественника, когда главным было слово «rozliczenie», которое можно переводить как «сведение счетов». Сведение счетов с историей, с политическими противниками, с идейными оппонентами, с собственными комплексами, с соседями, а в конце концов — со здравым смыслом.

Уже в самом премьерском «экспозе» содержались совершенно новые идеи, новые интонации. Не заметить их, не подхватить было бы со стороны России чрезвычайно глупо, равно как глупо портить отношения с польскими сельхозпроизводителями, чья партия является залогом устойчивости новой коалиции.

К взаимному удовлетворению, в декабре 2007 г. — январе 2008 г. были сняты все ограничения на поставки польской сельхозпродукции в Россию¹⁵.

Встретившиеся 7 декабря 2007 г. «на полях» Совета Россия — НАТО главы дипломатических ведомств обсудили состояние отношений и «выразили обоюдное убеждение в необходимости и возможности их нормализации». Такая формулировка дает возможность справедливо характеризовать предыдущий период как «ненормальный».

Визит Д. Туска в Россию в феврале 2008 г. открыл новую страницу в российско-польских отношениях, главным содержанием которой стало восстановление нормальных отношений, возобновление работы старых или создание новых диалоговых механизмов, решение отложенных правовых вопросов и возвращение в деполитизированном формате к трудным вопросам совместной истории.

Несмотря на постоянно повторяемую мантру о том, что у нас сложные отношения, Россия и Польша за последние неполные три года после прихода к власти коалиции под руководством «Гражданской платформы» эти отношения развивали предельно динамично. Тезис об их сложности скорее является неким штампом, подтверждающим медлительность общественного сознания и средств массовой информации.

Закреплением позитивной динамики в российско-польских отношениях стали участие премьер-министра России В. Путина в мемориальных мероприятиях на Вестерплатте и его встреча с польским коллегой в Сопоте.

Уже было сказано о значении этого визита для продвижения по исторической проблематике отношений. Другими же важными элементами стало урегулирование вопросов судоходства в Калининградском (Вислинском) заливе и обзор всей тематики экономических отношений, проведенные премьер-министрами.

В период после сентябрьской встречи активно велся российско-польский диалог по региональному сотрудничеству и местному приграничному передвижению. Взаимодействие Москвы и Варшавы в этом вопросе оказалось столь плодотворным, что позволило подготовить беспрецедентный документ — Совместное обращение к Европейской комиссии с призывом о совершенствовании действующих внутренних правил ЕС. 6 апреля 2010 г. представители двух стран передали его в Еврокомиссию. Речь идет о предельно упрощенном порядке поездок жителей Калининградской области на сопредельные польские территории и обратно, на глубину до 50 км.

По большому же счету, мы видим, что Польша, будучи членом ЕС, фактически солидаризируется с Россией и предлагает Еврокомиссии внести изменения в, казалось бы, незыблемый шенгенский режим.

Кстати, Польша, а за ней и Литва стали постепенно размывать ригоризм Шенгена именно через такие договоренности со своими соседями — Белоруссией и Украиной. Польша же пытается легализовать еще одно вполне справедливое и достойное подражания в России новшество для своих соотечественников, не имеющих польского гражданства, — «карту поляка». Такая карта дает определенные как визовые, так и внутристрановые льготы тем, кто исторически связан с Польшей и попадает в категорию, аналогичную российским «соотечественникам».

Автору многократно приходилось доказывать, что в долгосрочном плане у нас не может быть плохих отношений хотя бы потому, что для Польши Россия является вторым, после Германии, внешнеторговым партнером. Варшава для Москвы — ведущий экономический партнер в регионе Центральной и Восточной Европы и в целом один из ведущих внешнеэкономических партнеров. Польша занимает седьмое место во внешнеторговом обороте России. Да, кризисный 2009 г. снизил объемы взаимного товарооборота. Но ничего трагичного не произошло. В этом снижении нужно сделать скидку на то, что упали цены на энергоносители, которые и испортили статистику. В 2009 г. с ЕС в целом товарооборот снизился на 40% именно по этой «технической» причине. Улучшение отношений Варшавы и Минска также несколько скорректировало схемы и статистику поставок польских товаров в Россию.

Россия и Польша сейчас переходят в качественно новый этап экономических отношений, когда будет возрастать роль более комплексных схем внешнеэкономического взаимодействия, основанных на взаимном инвестировании. Последнее является императивом в силу того, что относительно простой, хотя и качественный польский потребительский импорт все больше будет замещаться российской продукцией аналогичных ценовых и качественных характеристик. Польские производители это начинают понимать.

Не менее важным для польской экономики, которая практически лучше всех в Европе пережила экономический кризис, являются внешние инвестиции, способные поддержать экономический рост.

Избавление от политических фобий открывает дорогу российским деньгам в польскую экономику. Не случайно премьеры значительную часть своей последней встречи 7 апреля 2010 г. посвятили — а потом рассказали об этом на пресс-конференции — именно вопросам взаимного инвестирования.

Другим важным направлением двусторонних отношений является энергетическое сотрудничество. Опять-таки здесь реальное положение дел и различные спекуляции относительно «русского энергетического шантажа» сильно разнятся. И с точки зрения закупок российских углеводородов, и в плане сотрудничества в сфере транзита, где в отличие от той же Украины или Белоруссии у нас устойчиво работают схемы совместного управления транзитными трубопроводами, Польша является практически образцовой страной в регионе ЦВЕ. Подтверждением этому стало объявленное премьерами достижение договоренностей о закупках природного газа на период до 2037 г. и по транзиту до 2045 г.

Новыми направлениями, которые стали обсуждать еще в Гданьске в сентябре 2009 г., а продолжили в Смоленске, стали перспективы объединения электрических сетей для более стабильного обеспечения приграничных регионов и возможностей сотрудничества в сфере атомной энергетики. Другими словами, по линии двусторонних отношений в Балтийском регионе фактически начинается формирование новых очертаний объединенной с Россией энергетической системы.

На этом фоне сообщение В. Путина на пресс-конференции в Смоленске о начале строительства морского участка «Северного потока» выглядело как еще один логичный шаг по созданию объединенного энергетического комплекса Европы и никаких возражений его польского коллеги не вызвало.

В качестве серьезной проблемы политико-экономических отношений стоит отметить абсолютную общественную неорганизованность польского бизнеса, работающего в России. Отсутствуют эффективные двусторонние структуры делового диалога. Зачастую польский бизнес в России предпочитает работать «под чужим флагом», регистрируя свою компанию как немецкую, австрийскую, но не польскую. Как представляется, на территории России, в отличие от многих других стран, польским властям не удалось создать действенной системы продвижения, механизма страхования собственного бизнеса, равно как и устойчивых связей с экономическими государственными и частными контрагентами. За исключением традиционной сферы энергетики.

На российской стороне бизнес-отношений мы наблюдаем схожую картину. На деловой арене наблюдается практически полное доминирование энергетиков, которые довольствуются минимальным уровнем стабильности и, чувствуя общую политическую конъюнктуру, успешно перебрасывают в политическую повестку сугубо свои бизнес-проблемы, возникающие в их общении с польскими коллегами. Неэнергетический бизнес на польском направлении организован слабо и фактически подчинен магистральному направлению. Думается, что можно привести только один пример, когда относительно значимой силой проявил себя неэнергетический бизнес. Ими оказались мясопереработчики и торговцы-сетевики, которые страдали от эмбарго на поставки польского мяса и изделий из него и приложили определенные лоббистские усилия к его снятию.

Дискретный и намеренно дистанцированный от общего контекста российско-польского взаимодействия бизнес не может играть роли серьезного стабилизатора отношений и, как следствие, сам становится первой жертвой их неровного и эмоционального характера.

Определенные проблемы коммуникации в российско-польских отношениях существуют и в политическом, и даже во внешнеполитическом сообществе. Здесь проблемы скорее концентрируются на российской стороне, так как полякам, среднее поколение которых в большинстве своем владеет русским языком, быстро набрать нужный объем информации о партнере, включиться в непосредственные контакты легче, чем россиянам. Англоязычная же информация о современной Польше, не говоря уже о русскоязычной, или предельно скудна, или неадекватна реальности.

Польша для многих представителей российского истеблишмента остается некоей «terra incognita». Парадоксально, но те простые россияне, которые в начале 1990-х годов «челночили», несколько обновили свое представление о Польше по сравнению со временами развитого социализма. Политики и эксперты такой возможности были лишены — их маршруты лежали в те столицы, где, казалось, делается мировая и европейская политика. О том, что кусочки мозаики для общей европейской картины выплавляют и в Польше, догадывались не часто. Всего раза четыре: первый — когда Польша вступила в НАТО, второй — когда она вошла в ЕС, третий — когда А. Квасневский оказался в Киеве, ну а четвертый — когда Польша наложила вето на переговоры о новом соглашении с ЕС.

Экспертная Москва, к сожалению, не имеет пока привычки системного анализа польского политического процесса.

В России эксперты-полонисты, которых, очевидно, меньше, чем специалистов по России в Польше, с потерей интереса к Центральной и Восточной Европе

оказались или вообще вымыты из профессии, или, как минимум, не были мобилизованы во внешнеполитическую дискуссию. Нужно также понимать, что большинство из профессиональных полонистов — люди старшего поколения. Не в меньшей степени это касается ситуации с полонистами и во внешнеполитическом ведомстве. Они оказались разбросаны по разным департаментам МИДа. Это плохо с той точки зрения, что иногда недостает должной концентрации интеллекта, да и просто рабочих рук на «профильном направлении». Правда, многие полонисты, ушедшие в смежные сферы — постсоветских, европейских, интеграционных исследований, сейчас в связи более акцентированным появлением Польши в этих плоскостях становятся востребованными. Это касается и совсем молодого поколения — студентов, закончившие тот же МГИМО с польским языком, остаются в профессии. Правда, глубина этой тенденции пока всего два — три года.

С оптимизмом стоит отметить, что в последние два года были созданы новые структуры диалога, которые демонстрируют содержательную активность, — речь идет о Форуме общественности, сопредседателями которого являются бывший посол в Польше Л. В. Драчевский и известный режиссер К. Занусси; а также о Форуме регионов, созданном по инициативе руководителей верхних палат парламентов двух стран. В рамках Совета Федерации из общей Восточноевропейской группы, была выделена отдельная группа для поддержания парламентских контактов с польскими коллегами. Еще одной опорой для общественного диалога должны стать создаваемые центры диалога и согласия.

Россия и Польша в европейских и международных делах. Как уже было сказано выше, отношения наших стран выстраиваются все больше не только вокруг собственно двусторонних вопросов, но и вокруг затрагивающих Москву и Варшаву сюжетом европейской и международной повестки. Остановимся на трех сюжетах, имеющих разное влияние, равно как и разные перспективы с точки зрения точек соприкосновения.

НАТО в настоящее время является скорее фоновым элементом для развития российско-польских отношений и не служит источником текущей внешнеполитической динамики. Как писал несколько месяцев назад в своей статье министр национальной обороны Б. Клих: «Польша считает НАТО уникальным форумом для консультаций и сотрудничества между Европой и Америкой. Участие США в альянсе рассматривается нами как абсолютно необходимое условие мощи и жизнеспособности организации, обеспечивающей своим членам ключевые гарантии безопасности... Варшава соответственно поддерживает те инициативы, которые закрепляют США в Европе, содействуют тесному сотрудничеству между европейскими и американскими союзниками на континенте...»¹⁶. Эти слова можно считать квинтэссенцией польского отношения к Североатлантическому альянсу. В отличие от множества слабообязанных (общая романтика борьбы за независимость) или теряющих свое влияние факторов (польская эмиграция) именно НАТО обеспечивает польской политике трансатлантическое измерение. Как следствие — повышает вес страны на международной арене. Это важно понимать и относиться спокойно к несколько большей солидарности Польши и вовлеченности в конкретные операции (Ирак, Афганистан) польских вооруженных сил, чем это позволяют себе старые крупные европейские страны НАТО. У них есть иные способы позиционирования себя в евроатлантических отношениях.

Вместе с тем польская солидарность с США, чей военно-политический истеблишмент, как правило, является носителем более жестких и наступательных планов в отношении развития НАТО, чем европейские коллеги, может проявляться и в вопросах, которые небезразличны России. Это касается прежде всего новой эвентуальной волны расширения альянса.

«Три раунда расширения НАТО после окончания холодной войны представляют собой серьезное доказательство жизнеспособности и привлекательности альянса и его стабилизирующей роли в Европе... Благодаря расширению НАТО евроатлантическое пространство сейчас более спокойное и безопасное, чем в предыдущие десятилетия... Соответственно предельно важно сохранить двери НАТО открытыми для тех государств, которые желают и готовы присоединиться к организации... Никого не должно удивлять, что Польша остается (*на середину 2009 г.* — *Авт.*) сторонником евроатлантических устремлений Украины и Грузии и верит, что сотрудничество с этими странами важно для альянса»¹⁷. Формально это вполне однозначное заявление, которое помогает сохранять четкий атлантический имидж. Вместе с тем нужно понимать, что конкретное наполнение этого тезиса зависит не только от реализма или его отсутствия у польских властей в каждый конкретный период, но и от двусторонних российско-польских отношений.

На прикладном уровне сотрудничество с польской стороной по натовской проблематике выглядит вполне реальным и гораздо более легкоосуществимым, чем даже с западноевропейскими союзниками. Этому очевидно способствует географическая близость, а также та самая *interoperability* (военная совместимость). В нашем случае она объясняется схожестью военного менталитета, традиций, сниженным языковым барьером, знанием частью (все уменьшающейся) офицерского состава особенностей советских/российских вооруженных сил, в значительной степени идентичностью вооружений и боевой техники.

Проблематика противоракетной обороны (ПРО) в период 2005–2009 гг. серьезно усложняла двусторонние отношения и в принципе имеет шанс на дальнейшую реактивацию при изменении курса военно-политического строительства США.

Первые консультации по возможному размещению в Польше элемента системы противоракетной обороны начались в 2003 г., однако этот вопрос уже раньше включался в программу польско-американских официальных встреч. Эти «разговоры вокруг возможных переговоров» для польской стороны означали главным образом получение информации о концепции данной системы, ее операционном развитии, а также о вариантах участия¹⁸. В начале 2005 г. были созданы специальные комиссии по изучению данного вопроса при Министерстве национальной обороны и МИД Польши.

Вопрос о ПРО «рассматривался в основном с точки зрения возможной выгоды от увеличения «американского военного присутствия» в стране и укрепления стратегических отношений между Варшавой и Вашингтоном»¹⁹.

После парламентских выборов в сентябре 2005 г. новое правительство К. Марцинкевича, а потом Я. Качиньского взяло на себя обязательство «работать над включением Польши в американскую систему противоракетной обороны».

Возникшая в обществе дискуссия показала существование в обществе различных мнений по этому вопросу. Критики справедливо замечали, что наличие

объектов американской ПРО на территории страны повышает вероятность того, что именно Польша станет мишенью первого удара. Таким образом, Польша окажется в серьезной опасности из-за США. Двусторонние соглашения с США могли бы привести также к обсуждению мандатов Польши как члена НАТО и ЕС, не говоря уже о неизбежном обострении отношений с Россией. Очевидно, что никакая выгода, полученная от США, не может компенсировать ухудшения уровня безопасности Польши.

Главный аргумент большинства сторонников системы ПРО основывался на том, что этот вопрос как раз и нужно рассматривать не в свете неких внешних угроз Европе или США, а именно с точки зрения роли Вашингтона в политике безопасности США.

Стоит отметить, что в общественной дискуссии, развернувшейся на страницах прессы, только вскользь, в виде дежурных фраз использовалась собственно американская аргументация необходимости ПРО. В эту аргументацию в Польше не верили, ее не использовали ни противники, ни сторонники ПРО. Уже цитируемый автором известный польский аналитик в сфере безопасности в своей статье однозначно замечает, что «большинство сторонников вовлечения Польши в проект противоракетной системы единогласно указывают на Россию и на ее возможный курс в будущем».

Неуверенность и амбивалентность отношения к ПРО в польской политической, даже правящей элите проявлялись в том, что Варшава выставила довольно существенный список проблем, которые она хотела бы решить с помощью Вашингтона в обмен на ПРО. Здесь, помимо собственно военных запросов, связанных прежде всего с модернизацией обычных польских вооруженных сил и укреплением военного сотрудничества, есть традиционные вопросы отмены американских виз для польских граждан, содействие США в вопросах диверсификации энергопоставок.

Другими словами, понимая все труднопросчитываемые издержки от сближения с Вашингтоном по столь неоднозначному вопросу, Варшава требовала их покрыть с запасом.

Наблюдателями этой дискуссии из Москвы, как представляется, упускался один аспект, который мог бы рассматриваться как положительный с точки зрения европейской конвенциональности Польши.

Серьезные споры вокруг ПРО продемонстрировали факт изменения отношения общественного мнения к США. По мнению многих экспертов, предложение об объекте ПРО, будь оно сделано в 2002–2003 гг., «встретило бы возражения только со стороны немногочисленных общественных групп и некоторых радикальных политических группировок»²⁰. Проблематика ПРО парадоксальным образом продемонстрировала, что ускоряется осознание европейской идентичности Польши, романтический атлантизм уходит. В значительной степени это происходит благодаря притоку средств из различных структурных фондов ЕС, поддержки сельхозпроизводителей по линии общей сельскохозяйственной политики, огромной трудовой миграции и университетской мобильности в страны Евросоюза.

Характер завершения (или приостановки) развития польско-американских отношений в связи с проблематикой ПРО можно оценить по-разному. С одной стороны, Польша продемонстрировала должный уровень атлантической лояльности,

и это будут помнить в Вашингтоне независимо от партийной принадлежности находящейся у власти администрации. С другой стороны, Варшава в силу возобладавших здоровых тенденций в Вашингтоне не перешла черту, за которой могли бы начаться разногласия с менее проатлантически настроенными странами ЕС и НАТО. Правда, готовность Варшавы к политической фронде также надолго запомнят в «умеренных» столицах. Как ни парадоксально, но в связи с проблематикой ПРО Польша и Россия начали диалог по сюжетам, которые обычно обсуждались или с ядерными странами, или с «государствами-тяжеловесами» НАТО.

Насколько автор, не будучи специалистом в области военно-стратегических вопросов, может судить, российские коллеги обнаружили наличие в Польше существенного круга сильных экспертов по данной проблематике. Думается, этот «обнаруженный ресурс» способствует лучшим контактам Варшавы и Москвы в многостороннем взаимодействии по стратегическим вопросам.

«Восточная политика», взаимодействие России и Польши по проблематике Евросоюза. Последние несколько лет однозначно продемонстрировали, что Россия в своих отношениях с Польшей не может не учитывать контекст Европейского союза. Вместе с тем сама Польша все настойчивее и не без успеха выступает в качестве силы, оказывающей серьезное политико-экономическое влияние в регионе «новой» Восточной Европы, включающей европейские страны бывшего СССР. Более того, по мере конвенционализации внутренней политики Варшаве удастся транслировать свое видение «восточной политики» на уровень Евросоюза в целом и в столицы его «старых» участников.

Варшава не случайно стала одним из горячих сторонников «восточной политики» Европейского союза. Идея выкристаллизовалась к первой половине 1970-х в кругах польской эмиграции, ее авторами стали яркие публицисты и общественные деятели Ю. Мирошевский и Е. Гедройц.

Как справедливо замечает известный польский историк-международник С. Дембский, концепция «восточной политики» входит «элитарный круг великих идей, которые изменили судьбы народов. Она внесла вклад в деимпериализацию польского мышления о Восточной Европе, ликвидируя искушения реваншизма, что следует считать одним из важнейших достижений польской политической мысли»²¹. В период своего появления концепция «восточной политики» в значительной степени была элементом борьбы идей в эмигрантских кругах и в среде интеллигенции ПНР, «была она исключительно концепцией публициста, интеллектуальной провокацией в отношении тех, кто все еще игнорировал реальность, веря в «возвращение на Кресы»²².

В упрощенных, а значит, более популярных толкованиях концепция «восточной политики» в значительной степени базировались на понимании того, что Польша, отказываясь от державно-исторических амбиций, выстраивает равноправные отношения со своими соседями, что помогает сбалансировать отношения с Россией или даже обезопасить себя от нее в некоей угрожающей ситуации.

Вопрос о месте России в «восточной политике» - всегда ключевой и спорный. Нет единства мнений в Польше (и Евросоюзе) по поводу того, является Россия органической ее частью или скорее неким негативным исходным пунктом.

Казалось бы, цели «восточной политики» были достигнуты естественным образом уже к началу 1990-х годов, когда волею исторического развития стали неза-

висимыми Украина, Литва, Белоруссия (в концепции «восточной политики» они традиционно шли под аббревиатурой УЛБ) и установили вполне конвенциональные отношения с Польшей.

Снова позволю себе длинную, но емкую цитату из С. Дембского: «С течением времени концепции Мирошевского и Гедройца переставали быть готовым рецептом для польской политики в отношении государств Восточной Европы, но по-прежнему инспирировали мышление о ее долгосрочных целях. Под влиянием членства в ЕС и НАТО концепции приняли форму политической доктрины, на которую опирались политика и действия последующих правительств и президентов. Доктрина утверждает, что устойчивая безопасность в Европе будет обеспечена в результате гармонизации общественно-экономического развития в масштабе всего континента. Другими словами, придем к этой цели, когда во всех странах Восточной Европы будет установлен демократический порядок, проистекающей из общественных устремлений, и когда все государства станут участниками интеграционных институтов, охватывающих весь континент»²³.

Очевидно, что «восточная политика» в постсоциалистической Польше получала не только такое либерально-демократическое толкование. Под этой политикой многие общественные силы, зачастую оказывавшие влияние (к счастью, не доминирующее!) и на властные структуры, понимали скорее «прометеизм». То есть возвращение к теории и практике отношений с Украиной и Белоруссией, популярных в 1920-е — начале 1930-х годов и основывавшихся на максимальном распространении польского влияния фактически с единственной целью — ослабления влияния российского.

Популярны «компромиссные» варианты толкований, когда вольно или невольно современное европейское понимание «восточной политики» смешивается с историческими сантиментами или глубоко укоренившимися мифами. Как правило, эмоциональная составляющая такого подхода проявляется в политически напряженные периоды.

Как ни парадоксально, но наличие столь разных течений внутри «восточной политики» Польши сближает ее с политикой России в отношении европейских стран бывшего СССР. И в ретроспективе, и в рамках сегодняшнего политического дискурса в России можно наблюдать наличие самого широкого спектра точек зрения. Здесь и «младодемократическое» стремление «избавиться от обузы» союзных республик, которое рецидивирует в «бухгалтерском» подходе к внешней политике, и откровенно несбыточные имперские стремления. Некая средняя линия — это предложение таким странам, как Белоруссия и Украина, ориентированных на Россию схем институционального сотрудничества. К ним можно отнести и «большой» СНГ, и более узкие форматы Единого экономического пространства, Таможенного союза, Союзного государства.

Предлагая такие схемы, Москва публично опирается на постсоветский многосторонний ресурс, так как, за исключением Союзного государства, везде предполагается более двух участников, но рассчитывает преимущественно на свои силы.

Польша в силу своего сравнительно меньшего потенциала чуть по-иному расставляет акценты. После активной политики развития двусторонних контактов в 1990-е годы, когда действительно был наработан колоссальный политический, деловой, культурный капитал влияния Польши на Украине и в Белоруссии, Варшава

осознала, что собственных ресурсов будет недостаточно для сохранения динамики отношений.

Польша, не будучи еще членом ЕС, пыталась европеизировать свою «восточную политику», была готова поделиться идеями и опытом с Брюсселем в обмен на ресурсы ЕС.

Первой и неудачной польской попыткой разработки восточной политики расширявшегося ЕС был обнародованный в декабре 2002 г. документ польского МИДа с предложениями относительно «новых восточных соседей». Документ географически концентрировался на трех странах: Украине, Белоруссии и Молдавии, а также содержал положения относительно России. Они явно были более сдержанными, и в перспективе отношения с Москвой предполагались менее значимыми, чем со странами, которые могли бы претендовать на вступление в ЕС. В России усилия польских коллег из внешнеполитического ведомства были восприняты традиционно — «нам не нужны посредники в отношениях с ЕС». Наверное, в тот период посредничество Варшавы действительно было не самым сильным инструментом в общении с Брюсселем. Двигателем европейской политики соседства на уровне Евросоюза оказывалась скорее Германия. Правда, и с Берлином при всей дружественности двусторонних отношений Москва по этой проблематике вплоть до 2008—2009 гг. не разговаривала.

Европейская политика соседства в России на официальном уровне воспринималась нейтрально или негативно, а в экспертных кругах вызывала скорее озабоченность, в силу того что схемы, предлагаемые Москвой, буксовали. Прежде всего это касалось украинского направления. У Евросоюза была привлекательная идея — эвентуальное членство соседей в ЕС, процветающем интеграционном объединении, что стимулировало «европейский выбор» постсоветских стран. В ряде столиц, прежде всего в Киеве, к «европейскому выбору» примешивался и «атлантический». «Стремление новых независимых государств в НАТО отражает недоверие к России, сомнения в ее перспективах как стабильного, успешного государства. Это порождает встречное недоверие России к странам-соискателям. Стремление тех же стран в ЕС отражает усиление экономического контроля Брюсселя над ними и ослабление влияния России в этих странах, что имеет свое экономическое и культурное, и психологическое измерение»²⁴, — именно так многие справедливо полагали в Москве.

Действительно, несмотря на все заверения, во многих случаях вполне искренние, одним из «восточных» мотивов является своеобразное геополитическое соревнование России и ЕС в зоне «общего соседства»: кто из них больше нейтральных (промежуточных, лимитрофных - как угодно) стран перетянет на свою сторону. Восточная политика многими воспринимается инструментом именно такого геополитического соревнования.

«Несмотря на все более широкие программы сотрудничества с Европейским союзом и распухшие политические планы политики соседства, четко видно, что из-за российской политики в регионе восточная часть евросоюзного соседства неустойчива с точки зрения не только прочности демократии, но и политической принадлежности»²⁵, — считает польский аналитик К. Шиманьский.

Польская восточная политика, равно как и восточная политика ЕС в целом, традиционно находится в состоянии дилеммы между пониманием России как привилегированного партнера ЕС и недопущением излишнего объема этих привиле-

гий, с тем чтобы не заслонять европейские перспективы Украины, Белоруссии или Молдавии. С учетом политической автаркии Белоруссии в 1999–2009 гг., относительно небольшой внешнеполитической привлекательности и бесперспективности европейского выбора Кишинева при президенте В. Воронине, эфемерности закавказских перспектив польская восточная политика стала фактически украинской внешней политикой. Произошло невольное и удивительное возвращение к схеме... 1918–1920 гг. Можно согласиться с М. Чихоцким — «...удивляет отсутствие новых, свежих стратегических импульсов во взгляде на восточную политику, что противоречит общепринятым убеждениям о наличии у Польши особых компетенций в этом вопросе... Наша восточная политика постоянно вращается вокруг давних схем и образов»²⁶.

В России широкой общественностью польский акцент в восточной политике Евросоюза был также замечен именно в ходе «оранжевой революции» на Украине и в силу ее преимущественно негативного восприятия (не будем вдаваться в подробности — почему) стал также восприниматься негативно. Равно как стали негативно восприниматься и другие яркие проявления польской активности на постсоветском направлении. При этом часто широкая публика не понимала движущих сил этих акций.

Убежден, что украинскую миссию А. Квасьневского только по сугубо внешним признакам можно сравнивать с миссией Л. Качиньского в Грузии.

Подобные друг другу, происходящие из единого корня позднесоциалистической элиты группы Кучмы и Квасьневского имели очень много общих интересов, в том числе экономических, незаметных из Москвы, но важных для Киева и Варшавы. В этом смысле миссия Квасьневского, заинтересованного в стабильности перемен на Украине, действительно была посреднической, а вовсе не миссией «оранжевого мессии». Попытка повторить это другим президентом во время грузинских событий обернулась чем-то близким к фарсу, не случайно и польское руководство, и польское общество фактически раскололись в отношении к этому вопросу. Так всегда бывает, когда поступками движут только эмоции, без подкладки прагматических интересов и знания ситуации.

После прихода к власти Д. Туска внимательным наблюдателям стало заметно, что во внешнеполитическую повестку Польши возвращается и определение «восточного измерения», но оно становится гораздо более европеизированным и сбалансированным. «Особое внимание мы уделим отношениям с Украиной и Россией, равно как и ситуации в Белоруссии», — отметил премьер в своем экспозе при назначении на должность. В отношении последней Д. Туск заметил, что «задачей польской политики будет убеждение всех политических кругов сделать ставку на демократию». Широта и компромиссность этой формулировки свидетельствуют о намерении Варшавы отойти от бесперспективной ориентации исключительно на белорусскую оппозицию.

Наивысшим успехом восточной политики Польши в ЕС стало принятие в 2008 г. польско-шведского предложения «Восточное партнерство» в качестве официальной инициативы Европейского союза. Уже почти два года «Восточное партнерство» является центральным политическим элементом обновленной европейской политики соседства.

Инициатива партнерства несла ставшие уже типическими восточные приоритеты Варшавы. «Предложение более глубокой интеграции с ЕС должно охватывать всех восточных партнеров. В первую очередь этим воспользовалась бы Украина...»²⁷. Упоминание о России в ситуации тогда еще непростых отношений Москвы и Варшавы было сделано вскользь и в значительной степени туманно: «Проектами, финансируемыми в рамках Инструмента Европейского соседства и партнерства (ИЕСП — *ENPI*)²⁸, могла бы быть также охвачена Россия»²⁹.

Очевидно, что при дальнейшей реализации «восточного измерения» в собственно польской, равно как и в европейской политике, польское правительство столкнется с высочайшей динамикой независимых от Варшавы факторов. Это в равной степени касается всех трех постсоветских «сестер» из Восточной Европы, не говоря уже о странах Закавказья. Так, только на Украине такие события, как жесточайший экономический кризис, проявления исторического национализма ушедшего со своего поста президента В. Ющенко, приход нового, некогда нелюбимого многими в Варшаве лидера В. Януковича, стали теми «сюрпризами», которые заставили политический истеблишмент Польши начать новый раунд осмысления восточной политики.

Польской дипломатии, думается, важно добиться прорыва именно на российском направлении, что станет залогом успешности всего «восточного измерения», успеха в глазах коллег по ЕС. Взаимодействие по европейским сюжетам, будь то энергетика, визы, общеполитические вопросы, важно развивать именно сейчас, в преддверии польского председательства в Европейском союзе, которое выпадет на 2011 год. Москва и Варшава, вероятнее всего, должны заранее «пробежать» по всей повестке, с тем чтобы не решать вопросы в спешном и неподготовленном режиме.

Очевидно, что будущее польское председительство будет больше, чем любое другое, сконцентрировано на проблематике постсоветского пространства. В этой связи нам уже сейчас важно думать о том, как можно ко-адаптировать, приблизить друг к другу такие измерения европейской политики, как партнерство Россия—ЕС и «Восточное партнерство».

Количество вопросов и задач европейской политики России, которые можно поставить и решить по линии контактов с Польшей, весьма велико. Если об этом серьезно задуматься, а потом работать в этом направлении, то мы логично придем к осознанию того, что в российском активе оказался один из важнейших, динамичных игроков европейской системы.

Позволю себе самоцитирование статьи в «Независимой газете» пятилетней давности: «...в активе европейской политики России должны быть не только старые гранды — Франция, Германия, Италия. Расширился ЕС — круг наших национальных контрагентов также должен стать шире. В отношениях России с Европейским союзом сорокаmillionная Польша может играть роль такого же “гранда”». Этот тезис становится все более распространенным во внешнеполитическом сообществе России.

¹ В международной публицистике существует расхожее убеждение, что Россия не подписала Энергетическую хартию. Это мнение неверно. Россия этот документ подписала, равно как и Договор к Энергетической хартии (ДЭХ). Более того, ДЭХ был внесен на ратификацию в Госдуму и прошел рассмотрение в профильных комитетах, первое чтение. Со временем ценовая ситуация на мировом рын-

ке, соотношение сил между газовыми, нефтяными, энерготранспортными компаниями на внутреннем рынке России изменились, и у ДЭХ и связанных с ним документов просто не осталось скольконбудь серьезных, заинтересованных лоббистов из корпоративного сектора. С течением времени стало ясно, что в большинстве своем положения ДЭХ, транзитного, инвестиционного и других протоколов, связанных с Хартией, устарели. Таким образом, Россия выступает не против Энергетической хартии как свода правил поведения на энергетическом и связанных с ним рынках, а против тех конкретных положений, которые неадекватны ее интересам или уже самому времени.

² О внешнеполитическом измерении российской модернизации см.: *Мальгин А. В.* Элементы модернизации по выбору: Большая часть элиты понимает международные отношения на уровне XIX века // Независимая газета. 22.06.2010.

³ Польша является участницей следующих еврорегионов: «Померания» (Польша—Германия—Дания—Швеция), с 1991 г.; «Про Европа Вядрина» (Польша—Германия), с 1992 г.; «Шпрее—Ныса—Бубр» (Польша—Германия), с 1993 г.; «Нейсе—Ниса—Ныса» (Польша—Германия—Чехия), с 1991 г.; «Глаценсис» (Польша—Чехия), с 1992 г.; «Прадзяд» (Польша—Чехия), с 1997 г.; «Силезия» (Польша—Чехия), с 1991 г.; «Шленск Тешинский» (Польша—Чехия), с 1998 г.; «Татры» (Польша—Словакия), с 1994 г.; «Карпатский» (Польша—Венгрия—Словакия—Украина), с 1993 г.; «Буг» (Польша—Украина—Беларусь), с 1995 г.; «Неман» (Польша—Россия—Литва—Беларусь), с 1995 г.; «Балтика» (Польша—Дания—Литва—Латвия—Россия—Швеция), с 1998 г.

⁴ Как известно, в 1992 г. была принята польская Малая конституция (временный конституционный акт). Документ был призван играть роль основного закона в переходный период и в условиях фрагментированности политического поля и, собственно, сейма. Малая конституция подразумевала, в частности, усиление президентской власти. Малая конституция действовала до 1997 г., и исполнительная власть сумела использовать несколько завышенный в сравнении с нормальным уровень своих полномочий во благо страны.

⁵ Одной из знаковых статей, посвященных проблематике исторической политики и доступных русскому читателю в переводе, является статья Д. Гавина «Традиция польского критического патриотизма. Опыт сбалансированного подхода», напечатанная в альманахе «Историк и художник» 2008 г. № 1—2. С. 427—439 (оригинальный польский вариант в сборнике: *Pamięć i odpowiedzialność / Red. R. Kostro, T. Merta. Krakow; Wrocław. 2005).*

⁶ *Гавин Д.* Там же. С. 428.

⁷ В своем интервью еженедельнику «Tygodnik Powszechny» в декабре 2007 г. польский сопредседатель Группы по сложным вопросам А. Д. Ротфельд дал эмоциональную, но четкую характеристику восприятия этого периода: «В глазах россиян демократия оказалась тождественна дестабилизации, росту преступности, олигархизации. Короче говоря, с “дерьмократией”. К сожалению, 1991—1999 гг., помимо достижений в области свободы слова, прав личности, открытия миру, принесли миллионам россиян унижение и неуверенность в завтрашнем дне».

⁸ Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / Под ред. М. М. Наринского и С. Дембского. М.: Аспект Пресс, 2009.

⁹ Подробно о деятельности Группы сказано во введении сопредседателей Группы к настоящему изданию.

¹⁰ О понимании автором внешнеполитических ресурсов подробнее см.: *Мальгин А. В.* Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // *Pro et Contra.* 2001. № 4. Т. 6.

¹¹ Подробнее см.: *Бухарин Н. И.* Вступление Польши в Европейский союз и Россия // *Новая и новейшая история.* 2008. № 4. С. 60—73.

¹² Подробнее см.: *Мальгин А. В.* Отношения Россия — ЕС в контекст европейской политики // *Свободная мысль.* 2002. № 1.

¹³ 10 июля 2000 г. прошел визит Президента Польши А. Квасьневского в Москву. 23 августа 2001 г. в Киеве состоялась встреча президентов России и Польши. 14—15 октября 2001 г. А. Квасьневский находился в Москве с рабочим визитом. 16—17 января 2002 г. состоялся первый после девятилетнего перерыва официальный визит Президента России В. В. Путина в Польшу. 6 июня 2002 г. — рабочая встреча президентов в Москве. В мае 2003 г. Президент Польши возглавлял польскую делегацию на торжествах по случаю 300-летия Санкт-Петербурга. 28 июня 2003 г. В. В. Путин и А. Квасьневский провели рабочую встречу в Калининградской области. 6 июня 2004 г. главы государств провели рабочую встречу в г. Кан (Франция). 28—29 сентября 2004 г. состоялся рабочий визит А. Квасьневского в

Россию. 27 января 2005 г. В. В. Путин принял участие в мероприятиях по случаю 60-летия освобождения концлагеря в Освенциме. 9 мая 2005 г. А. Квасьневский участвует в праздновании Дня Победы в Москве.

¹⁴ Российскому читателю может быть не до конца понятен тот идеологический заряд, с которым победившая на президентских и парламентских выборах партия «Право и справедливость» пришла к власти. Многие из стана победителей, в том числе считавшийся идеологом партии Я. Качиньский, ставили вопрос о том, что в развитии Польши наступает этап «Четвертой Речи Посполитой». Сторонники этих взглядов полагали, что с 1989 г. накопился огромный объем системных недостатков в развитии общества и государства, прежде всего некоего морально-нравственного характера. Парадоксальным образом многие из людей, входивших во властные или общественно влиятельные круги, построивших новую Польшу, обвинялись в связях с «коммуной» или ее географическим проявлением — Россией. В частности, такое огульное обвинение прозвучало в отношении всех лиц, занимавших в предыдущие двадцать лет пост министра иностранных дел. В полемическом запале игнорировались такие однозначно «прозападные» достижения Польши, как вступление в НАТО и ЕС. Были созданы специальные институты по реформированию, а фактически — чистке специальных служб, предприняты попытки по ужесточению политики люстрации, усилению партийного контроля партии-победительницы в общепольском Совете по телевидению и радиовещанию, изменению процедуры прохождения законопроектов в Сейме и т.д. В значительной степени именно эти действия и привели к краху правящей коалиции и проведению досрочных парламентских выборов в 2007 г.

¹⁵ В своей статье «Россия—Польша: открывается окно возможностей?», опубликованной в «Независимой газете» 21 декабря 2007 г., автор сделал следующее предположение касательно логики снятия «мясного эмбарго»: «Такой шаг, равно как и ожидаемая отмена ограничений на ввоз продукции польского растениеводства, могут иметь и собственно российское измерение. Относительно дешевые польские продукты могут стать неплохим шагом по стабилизации цен на внутреннем потребительском рынке накануне президентских выборов».

¹⁶ *Klich Bogdan. NATO: A view from Central Europe // Politique étrangère. 2009. No 4. English edition. P. 85–93.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Кулеца Л. Досье по системе противоракетной обороны. Польская перспектива // Европа. 2007. № 2 (23). Т. 7. С. 91–104.* Представляется, что это один из лучших среди кратких обзоров проблематики ПРО в польско-американских отношениях.

¹⁹ Там же. С. 92.

²⁰ Там же. С. 96.

²¹ *Debski S. W elitarnym gronie // Nowa Europa Wschodnia. 2009. No 2 (IV). S. 22–24.*

²² Кресы (Восточные Кресы), польск. *Kresy*, - распространенное в Польше название земель Западной Украины, Западной Белоруссии, зачастую применяемое и к Литве, т.е. к тем территориям, которые исторически входили в состав польского государства.

²³ Там же.

²⁴ *Вардомский Л. Б. Регионализация постсоветского пространства: Факторы, особенности, тенденции. М.: Институт экономики РАН, 2008. С. 24.*

²⁵ *Шиманьский К. Четыре роля евросоюзной восточной политики // Европа. 2008. № 2 (27). Т. 8. С. 53.*

²⁶ *Cichocki M. A. Powrot starych problemow? // Nowa Europa Wschodnia. 2009. No 2 (IV). S. 21–22.*

²⁷ «Восточное партнерство. Польско-шведское предложение». Цит. по русскому переводу: Европа. 2008. № 2 (27). Т. 8. С. 75.

²⁸ В ходе саммита Россия — ЕС в Стокгольме в октябре 2009 г. были подписаны пять соглашений между Правительством РФ и Комиссией ЕС о финансировании программ приграничного сотрудничества Россия — ЕС на период 2009–2013 гг.: «Колаרקтик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия — Россия», «Россия — Латвия — Эстония» и «Россия — Литва — Польша». Общий бюджет этих программ составит 437 млн евро, из которых российская сторона выделяет 103,7 млн евро. Финансирование этих программ с европейской стороны осуществляется в значительной мере через механизм ЕИСП. Другими словами, механизм соседства и партнерства, предусмотренный преимущественно в отношении других постсоветских стран, заработал и в отношении России.

²⁹ Там же. С. 77.

Двадцать лет назад Польша являлась крупнейшим сателлитом глобальной советской империи, ядром которой была Россия. Сегодня Польша — крупнейший сосед России — член Европейского союза, а Россия — крупнейший сосед Польши, не входящий в ЕС. Внутриблоковая линия, отделявшая ПНР от СССР, превратилась в часть внешней границы Евросоюза, которая проходит между западным миром и территорией, рассматриваемой — в зависимости от угла зрения — в качестве соседей и возможных членов ЕС (если смотреть из Брюсселя и Варшавы) или являющейся Россией и сферой ее привилегированных интересов (взгляд из Москвы). История границы формирует символические польско-российские отношения на протяжении последних 20 лет: это не касалось исключительно двусторонних отношений, поэтому они были вписаны в проблемы общеевропейского значения.

Данная работа подводит итоги двух десятилетий отношений независимой Польши и Российской Федерации, которые представлены прежде всего сквозь призму трудных вопросов, поскольку именно они составляли самые важные сферы наших взаимоотношений. Большой период времени позволяет предпринять попытку ответить на вопросы, которые задаются с начала 1990-х годов и на которые нередко отвечают поспешно и стереотипно. В чем заключается суть польско-российских проблем? Являются ли они результатом исторически обусловленных фобий и предрассудков или все же — следствием реального расхождения интересов? И наконец, являются ли трудные отношения пустым пробуксованием на месте или процессом, который вносит новое качество во взаимоотношения?

Рассмотрению этой темы целесообразно предпослать три рассуждения о контексте, которые очень часто ускользают в дискуссиях, посвященных польско-российским проблемам, и уяснение которых является необходимым для понимания динамики и сущности отношений между Москвой и Варшавой.

Во-первых, сегодняшние проблемы не должны заслонять тот факт, что с исторической ретроспективы последние два десятилетия можно назвать золотым веком в польско-российских отношениях. Впервые за несколько сот лет Польша и Россия смогли построить взаимоотношения без обращения к аргументам силы. Более того, была создана двусторонняя правовая база, положения которой — о «неурушимости границ, территориальной целостности, невмешательстве во внутренние дела, а также о праве наций самостоятельно решать свою судьбу»¹, — хоть и не без проблем, но все-таки удалось претворить в жизнь. Это, естественно, было результатом взаимодействия многих факторов, а не только польских или российских решений. Все же то, что мы сейчас рассматриваем как трудное и далеко не удовлетворительное, уже и без того носит переломный характер и является доказательством огромного прогресса, который произошел в политике Москвы в отношении Варшавы, и наоборот.

Во-вторых, польско-российские отношения нельзя сводить исключительно к международному измерению. Несомненно, трудные отношения на уровне властей в небольшой степени отражались на развивающемся, как правило, значительно лучше сотрудничестве бизнеса, общественных организаций, научном и культурном обмене. Действительно, сначала, после распада советской империи, сфера сотрудничества была ограничена, однако это главным образом происходило из-за

новых социально-экономических условий, а не из-за проблем на линии Варшава—Москва.

В-третьих, в отношениях между Польшей и Россией мы имеем дело с асимметрией. И речь идет не о часто высказываемой и, впрочем, очевидной асимметрии потенциалов, а о совершенно несопоставимой чувствительности на то, что в международных отношениях считается трудной или конфликтной ситуацией. Для Польши отношения с Москвой являются одними из наиболее конфликтных. Для Москвы, которая в последние годы была втянута в многочисленные политические, экономические войны и даже вооруженные конфликты, проблемы с Польшей являются одними из многих и далеко не самыми драматичными. Эта асимметрия имеет тяжелые последствия во взаимоотношениях, поскольку она порождает разное восприятие одних и тех же фактов: то, что с точки зрения Варшавы представляется как глубокий кризис, в Москве воспринимается как политическая норма. Последствием является, естественно, иной уровень детерминированности в стремлении решить проблему.

Четыре проблемы. В октябре 1990 г. министры иностранных дел Польши и РСФСР подписали в Москве «Декларацию о дружбе и добрососедском сотрудничестве». Этот документ, подписанный еще до распада Советского Союза, стал символическим началом новых, постсоветских польско-российских отношений. С того времени можно отметить моменты, когда взаимоотношения были хорошими, однако гораздо чаще они оказывались прохладными и напряженными. Несколько раз отменялись визиты на высшем уровне или сокращалась их продолжительность; в течение девяти лет (1993—2002 гг.) президент России ни разу не посетил Польшу, Москва вводила экономические санкции, имел место ряд острых политических и дипломатических выпадов с обеих сторон, а также критических дебатов в прессе обоих государств. Оглядываясь назад, несложно заметить, что проблемы, которые стояли у истоков этой напряженности, касались все тех же самых сюжетных линий: (1) деконструкции российского доминирования в Польше и польской политики в отношении ЕС и НАТО; (2) политики обоих государств в отношении стран Восточной Европы; (3) отношений в энергетической области и, наконец, (4) интерпретации общего прошлого и связанных с ним событий. По прошествии почти 20 лет можно сказать, что именно эти четыре долгосрочных процесса составляли ключевые, а вместе с тем и самые трудные области взаимоотношений. Расхождение по этим вопросам отражалось на других сферах отношений Москвы и Варшавы, порождая ситуации, когда, казалось бы, мелкие события разрастались до уровня серьезных конфликтов. Данная работа концентрирует внимание на этих четырех проблемах. При этом намеренно оставлен в стороне ряд громких для своего времени событий или двусторонних споров, которые мы признаем либо вторичными по отношению к вышеупомянутым фундаментальным проблемам, либо случайными и имеющими небольшое значение для рассматриваемых в долгосрочном периоде польско-российских отношений.

Первая проблема, или спор о суверенитете Польши. После 1989 г. стратегической целью внешней политики Польши, признаваемой большинством представителей польского руководства, была ликвидация всех проявлений советского, а затем и российского господства в Польше и недопущение появления новых форм зависи-

мости. При этом данная цель не рассматривалась как деятельность во вред Российской Федерации, а скорее была обязательным условием существования независимого польского государства. Такая позиция была четко выражена первым некоммунистическим премьером Польской Республики Тадеушем Мазовецким: «В польско-советских отношениях мы открыли новую главу. В них уже не решает идеология и коммунистическая партия... они стали нормальными отношениями государств и их правительств, руководствующихся благом своих народов и государственными интересами. ...Нашим исходным пунктом во взаимоотношениях является независимость польского государства»².

Очень скоро стало ясно, что неизбежным проявлением этой независимости является возможность выбора союзников, поскольку в геополитической ситуации Польши нейтралитет будет *de facto* продолжением зависимости. Поэтому только членство в евроатлантических структурах стало для Польши синонимом полного суверенитета не только в военном и политическом измерениях, но также в области экономики, создающей условия для модернизации государства и успешной системной трансформации.

Однако в Москве польское стремление к независимости, а также являющееся его следствием сближение с Западом часто воспринималось как фактор, снижающий влияние России на континенте и одновременно усиливающий позиции западного «лагеря». Проявлением такого восприятия были попытки ограничить политическую автономию Польской Республики, а также задержать процесс ее интеграции с западными структурами, что в свою очередь встречало сопротивление Варшавы и будило опасения поляков относительно возрождения имперских тенденций в Кремле. Эти разногласия стали источником самых серьезных трений между Польшей и Россией, которые с большей или меньшей силой возникали на протяжении последних двадцати лет.

Еще в 1989 г. польский премьер Мазовецкий получил обещание, что советские войска будут выведены с территории Польши до 1991 г. Это обещание было предано забвению в процессе усиления влияния в Кремле представителей консервативной советской номенклатуры. В течение многих месяцев не было отмечено никакого прогресса в переговорах на эту тему. Перелом наступил после августовского путча 1991 г. В октябре 1991 г. был парафирован договор о выводе войск и установлен срок, когда последний советский солдат должен покинуть территорию Польской Республики, — конец 1993 г. Однако нерешенными оставались имущественные вопросы. Появилось предложение создать акционерные общества со смешанным капиталом, опирающимся на имущество, оставленное Северной группой войск. Участвующие в этих акционерных обществах военные должны были получить право проживать на территории Польши. Сначала польская сторона согласилась включить в договор о выводе войск положения об этих акционерных обществах. Однако это решение встретило крайне острую критику со стороны значительной части польской политической элиты, расценившей его как угрозу суверенитету Польши и сохранение плацдарма для российского военно-политического присутствия. В результате уже в ходе визита президента Леха Валенсы в Москву, 22 мая 1992 г., непосредственно перед подписанием соглашения, польская сторона потребовала убрать эти положения.

В ходе визита президента Польши Леха Валенсы был подписан новый российско-польский договор о двусторонних отношениях. Работа над ним была начата еще в 1991 г. В то время спорным пунктом оказалась, в частности, предлагаемая советской стороной оговорка, ограничивающая возможность вступления в военные союзы и участие в иных пактах без согласия партнера. Теперь Российская Федерация уже не выдвигала «антисоюзнических» постулатов. В Статье 1 говорится, что «стороны строят свои отношения в духе дружбы, добрососедского партнерства и равноправия»³.

Членство в НАТО, военное сотрудничество с США. Однако претворение в жизнь этих положений оказалось проблематичным. Уже на момент подписания договора разгорелись дискуссии о возможном вступлении Польши и других стран Центральной и Восточной Европы в НАТО. Заявления об отрицательном отношении Москвы к этому процессу начали появляться с самого момента возникновения Российской Федерации как самостоятельного государства. Они исходили главным образом из российских военных кругов. Такие настроения усилились в 1993 г. параллельно с явным сближением Чехии, Венгрии и Польши с альянсом. В связи с таким отношением российских политиков к этой проблеме в Польше с большим энтузиазмом восприняли подписанную в ходе визита президента Ельцина в Польшу в августе 1993 г. польско-российскую декларацию, в которой, помимо прочего, заявлялось, что «в перспективе такое решение суверенной Польши [речь шла о присоединении к НАТО. — *Авт.*] не противоречит интересам других государств, в том числе и России»⁴. Однако это заявление не изменило российской политики. В том же году президент РФ направил конфиденциальное письмо руководителям западных стран, в котором он убеждал их в опасностях, связанных с интеграцией стран Центральной Европы в НАТО. Приводились аргументы, что расширение НАТО угрожает изоляцией России и ухудшением ее отношений с Западом, тогда как для европейской безопасности намного важнее сохранить хорошие отношения НАТО с Россией, чем со странами Центральной Европы⁵.

Подобные аргументы появлялись также в ходе полемики в российской прессе. Указывалось, что расширение НАТО может привести к возрождению блоковой политики, к подталкиванию России в направлении авторитарной системы. Однако часть публицистов признавала, что фактором, который может склонить Польшу к такому поведению, является внешняя нестабильность и непредсказуемость РФ. Другие утверждали, что поведение польских властей неадекватно, ибо Варшаве ничего не угрожает ни с востока, ни с запада⁶.

Российская позиция нашла отражение в стратегических документах. Как в опубликованной российским МИДом в январе 1993 г. «Концепции внешней политики», так и в военной доктрине, принятой в ноябре того же года, была закреплена формула об «исторических интересах России» в этом регионе, а также о сохранении «дружественного нейтралитета».

Однако приостановка расширения НАТО не сводилась исключительно к вопросу влияния в Центральной Европе — это было элементом более широкой российской стратегии, касающейся новой архитектуры безопасности в Европе, которая обеспечила бы России возможность получения права голоса по политическим и военным вопросам, одновременно ограничивая американское присутствие на старом континенте.

Такую позицию представил в феврале 1994 г. в Кракове российский министр иностранных дел Андрей Козырев. Он заявил о необходимости ограничения роли НАТО и превращения ОБСЕ в главный институт, координирующий вопросы безопасности в Европе. Чехам, словакам, венграм и полякам Козырев предложил возможность перекрестных гарантий безопасности со стороны РФ и ведущих западных государств.

В Польше это предложение восприняли как отсутствие одобрения политической независимости. Польские власти старались убедить Москву, что расширение НАТО не должно рассматриваться как угроза, а напротив, оно дает шанс на сближение Москвы с альянсом. В июле 1997 г. в Мадриде было принято решение о принятии в союз трех новых государств, в том числе Польши. С этого момента вопрос расширения НАТО перестал быть предметом интенсивной российской критики.

Спустя десять лет после присоединения Польши к НАТО можно сказать, что аргументы обеих сторон оказались адекватными лишь отчасти. Хотя расширение альянса изменило геополитическую ситуацию в Европе, этот процесс кардинальным образом не повлиял ни на политику НАТО в отношении России, ни на внешнюю ситуацию или внешнеполитическую стратегию. Правда, новые члены отличаются большим недоверием в отношении России, тем не менее сам факт расширения не спровоцировал ни долгосрочного сближения альянса с Москвой (польские аргументы), ни обострения отношений. Отмеченные за последние десять лет кризисы были вызваны прежде всего расхождением стратегических целей сторон (например, по вопросу Балкан или Грузии). Как и предполагали в Кремле, новые государства—члены НАТО, особенно Польша, а позже и государства Балтии, оказались горячими сторонниками полностью неприемлемой для Москвы интеграции в альянс Украины и Грузии.

В последние годы спорным вопросом оказались планы размещения на территории Польши американского противоракетного щита. На всем протяжении польско-американских переговоров (2006—2008 гг.) Москва выражала решительный протест по вопросу установки элементов ПРО в Польше, аргументируя это тем, что *de facto* эта система направлена против России. В ответ Москва стала угрожать нацелить свои ракеты в элементы щита в Центральной Европе, а также установить ракеты ближнего радиуса действия нового поколения в Калининградской области. Российская критика в меньшей степени касалась США, а была направлена в основном против Польши и Чехии (где планировалось разместить радар, являющийся элементом системы).

В свою очередь Польша подчеркивала, что проект имеет оборонительный характер и должен служить для защиты от возможной атаки с территории Ирана. Доказательством этому служат технические параметры установки, которая не может быть эффективной против такого крупного ракетного арсенала, который остается в распоряжении Российской Федерации. Польша также ссылаясь на свое суверенное право заключать двусторонние соглашения с Соединенными Штатами. Указывалось на то, что возражения России демонстрируют ее особое отношение к Центральной Европе, в том числе к Польше, поскольку Москва не выступала против размещения антиракетного щита в Дании или Великобритании.

По сути, конфликт по поводу противоракетного щита не касался самой установки и ее характера, а явился продолжением стратегического спора о степени военного присутствия США в Польше и — шире — в Центральной Европе. Россию не устраивало постоянное размещение в регионе каких бы то ни было военных частей США. В свою очередь польское правительство было уверено, что такое присутствие американской инфраструктуры будет способствовать тому, что в случае потенциальной угрозы США будут вовлечены в польские дела, защищая *de facto* «собственные силы» на ее территории.

Интеграция в ЕС. Гораздо менее проблематичным, хотя также вызывавшим определенные разногласия, оказался процесс интеграции Польши в ЕС. Изначально расширение Европейского союза рассматривалось российской стороной как не угрожающее — в отличие от расширения НАТО — интересам России. Это было вызвано оставшимся еще с советских времен представлением, определяющим сферы влияния в основном через призму военного присутствия. По мере сближения Польши и ЕС Москва начала осознавать реальную значимость этого процесса и поднимать вопрос о его возможных негативных последствиях. Однако форма предъявления требований и острота риторики указывают на то, что, кроме сглаживания действительных негативных эффектов процесса расширения ЕС, намерением России была также политическая демонстрация⁷. Ее целью было показать, что, несмотря на расширение ЕС, Российская Федерация не становится периферийной страной, а наоборот, ЕС должен уважать интересы Москвы как важного актора на континенте.

Одним из важнейших конфликтных вопросов оказалась проблема Калининграда. Расширение означало *de facto*, что российский анклав будет со всех сторон окружен государствами—членами ЕС. Еще до присоединения Польши и стран Балтии к Европейскому союзу российская сторона стала указывать на негативные последствия этого факта для связей Калининграда (возможности перемещения людей) с собственно Россией. Это привело к серьезным столкновениям, особенно между Литвой и Польшей, с одной стороны, и Москвой — с другой. Литва категорически отказывалась от вариантов решения этой проблемы, которые затрудняли бы ей в будущем присоединение к Шенгенской зоне; Польша выступила с критикой российской идеи строительства экстерриториального коридора через ее территорию. Более того, Варшава настаивала, чтобы трасса транзита не проходила — ни сейчас, ни в будущем — через территорию Польши (объясняя это инфраструктурными причинами). Европейская комиссия выступила в этом споре *de facto* в роли посредника и примирительной силы. В результате был достигнут компромисс (вступил в силу в июне 2003 г.), который устанавливал транзит исключительно через Литву на основании бесплатных и простых в получении документов (так называемых упрощенных проездных документов).

Другой вопрос, рассматриваемый в качестве проблемного, касался экономических последствий, которые могло бы иметь для РФ расширение ЕС. В соответствии с Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которое регулировало экономические отношения с Россией, новые члены ЕС могли автоматически к нему присоединиться в момент принятия их в состав Сообщества. Однако этот про-

цесс оказался достаточно проблематичным. За несколько месяцев до расширения ЕС в 2004 г. Российская Федерация начала добиваться подписания декларации, которая регулировала бы спорные, по ее мнению, вопросы взаимоотношений. После длительных переговоров в апреле 2004 г. были подписаны протокол к СПС и Декларация⁸. Европейский союз к большинству российских предложений, касающихся экономики, отнесся позитивно. Однако он отклонил возможность смягчения или отступления от норм ЕС, например санитарных, для товаров, импортируемых из России.

Парадоксально то, что именно членство Польши в ЕС оказалось важнее для отношений России с Польшей и Западом в целом, чем в ситуации с НАТО. Очевидно, что присутствие Польши в Европейском союзе не привело к перелому в политике Сообщества в отношении Москвы, однако оно сказалось в некоторых вопросах его стратегии. Это касается политики в энергетической сфере и восточного соседства (эти вопросы будут обсуждаться ниже), а также экономической политики.

Активность Польши, если говорить о принципах экономического сотрудничества с Россией, коснулась так называемого мясного кризиса. Россия в ноябре 2005 г. ввела эмбарго на польские продукты сельского хозяйства, что обосновывалось случаями подделки сертификатов. Экономические потери Польши были небольшими (около 300 млн долл. ежегодно). Однако польская сторона была уверена, что введение эмбарго имеет в значительной степени политический характер и, в том числе, намерение нарушить единую торговую политику ЕС, а также разделить страны Сообщества на те, что получше — поддерживающие хорошие отношения с Россией, и те, что похуже — с которыми у России происходят конфликты. В этой ситуации главной целью польской политики было получить поддержку Европейской комиссии, в компетенции которой формально находились вопросы торговой политики, а также других стран-членов, что было выражением европейской солидарности. 13 ноября 2006 г. Польша заблокировала мандат для Европейской комиссии на начало переговоров с Россией по вопросу нового соглашения, регулирующего правовые рамки отношений ЕС—Россия. Это вынудило государства ЕС сосредоточить свое внимание на этой проблеме и предпринять конкретные меры в отношении Москвы.

Сначала ЕС действовал на двух направлениях — он пытался убедить Польшу снять вето, а Россию — отменить эмбарго. Только ужесточение российской позиции вызвало большую солидарность в Европейском союзе⁹, что очень ярко проявилось во время саммита Россия—ЕС в Самаре в мае 2007 г. Германия, председательствовавшая в то время в ЕС, в лице ее канцлера Ангелы Меркель заявила, что этот вопрос имеет общеевропейское, а не двустороннее измерение.

В итоге эмбарго на мясо было снято только после парламентских выборов в Польше (в промежуток между декабрем 2007 г. и ноябрем 2008 г. — в зависимости от вида продукции) и прихода к власти политических сил, которые выразили готовность улучшить отношения с Российской Федерацией. В то же время было снято польское вето на начало переговоров о новом соглашении Россия—ЕС.

Проблема вторая, или разное понимание соседства. В отличие от процесса политической и военной эмансипации Польши, также являющегося элементом сближения с НАТО и ЕС, проблемные вопросы, связанные со странами Восточной Европы,

никогда не указывались как важная область отношений между Россией и Польшей. Однако *de facto* у обеих сторон были осознанные расхождения интересов в этой области. Напряжение, возникающее из-за этого «скрытого» конфликта, отражалось на двусторонних отношениях, рождая конфликты явно вторичного характера.

Сутью спора было разное видение порядка в Восточной Европе. Причем как для России, так и для Польши будущее этого региона оказалось вопросом фундаментального значения.

Интересы Варшавы концентрировались прежде всего на Украине, в Белоруссии, а позже в Грузии и Литве; последнюю в момент присоединения к евроатлантическим структурам перестали рассматривать как часть «территории соседства». В Польше предполагали, что названные страны должны быть суверенными (а значит, свободными от российского, польского или иного доминирования) и идти по тому же пути системной трансформации, который выбрала Польша: строить демократию, свободный рынок, а также стремиться к интеграции в евроатлантические структуры.

Такое видение являлось имплементацией одной из фундаментальных для польской политической мысли концепций, которая задолго до падения коммунизма была сформулирована в эмиграции двумя выдающимися публицистами Ежи Гедройцем и Юлиушем Марошевским. Она предполагает, что ключевое значение для российской политики в отношении Польши имеет ситуация в странах Восточной Европы — Украине, Литве и Белоруссии (которые авторы называют УЛБ). Контроль Москвы над этими странами открывает путь к закабалению Польши, а их независимость является фактором, благоприятствующим независимости Польской Республики¹⁰.

С точки зрения России, вторичным был вопрос о характере политической или экономической системы, которая сложится в этих странах. Ключевым был вопрос сохранения в максимальной степени их политических, экономических и военных связей с Российской Федерацией, причем эти связи должны носить не партнерский характер, а опираться на российское доминирование. Это означало решительное сопротивление интеграции этих стран в НАТО, а также — хотя и в меньшей степени — в ЕС. Эмансипация государств СНГ расценивалась Россией как угроза ее безопасности и попытка столкнуть Москву на периферию старого континента.

Такое отношение к постсоветским странам, в том числе к восточноевропейским, хорошо отражает программный документ «Стратегический курс России с государствами — участниками Содружества Независимых Государств», утвержденный 14 сентября 1995 г. указом президента РФ. В пункте первом, описывающем цели и задачи российской политики в отношении этого региона, слова «демократия» и «свободный рынок» не встречаются вообще. Вместо этого подчеркивается, что целью России является политическая и экономическая интеграция СНГ, причем в этом процессе следует руководствоваться принципом ненанесения ущерба интересам РФ и стремиться к «укреплению России в качестве главной силы формирования новой системы межгосударственных отношений на территории постсоюзного пространства»¹¹.

Разногласия, касающиеся Восточной Европы, проявлялись в разной степени на протяжении последних двадцати лет. Однако с самого начала очевидна была

асимметрия возможностей и инструментов, которыми располагали Польша и Россия в реализации своей политики. РФ была тут ключевым, за исключением стран самого региона, актором. Польша же, за исключением нескольких конкретных ситуаций, играла второстепенную роль. Для Варшавы очень скоро стало ясно, что поддержка демократизации восточноевропейских стран и их сближение с евроатлантическими структурами невозможны без включения в этот процесс западных государств. Такая возможность появилась после вступления Польши в НАТО и Европейский союз. Впрочем, эта вытекающая из понимания ограниченности собственных возможностей стратегия поиска союзников ошибочно интерпретировалась частью представителей российской элиты и публицистов как действия по внушению или вообще «на заказ» западных держав.

Напряжение на фоне политики в отношении Восточной Европы появилось уже в 1990 г. В то время в Польше был принят принцип «двойственности», целью которого должно было стать расширение диалога с советскими республиками при одновременном сохранении хороших отношений с Кремлем. На практике реализация этой концепции ставила польские власти перед дилеммой: отношения с какой из сторон признать приоритетными. Принимаемые решения часто имели характер «гнилого компромисса». Опасаясь осложнений на линии Варшава—Москва, Польша медлила с дипломатическим признанием Литвы (она стала 26-м государством, признавшим ее независимость). Иначе власти Польской Республики поступили в отношении Украины, которую Польша признала первой, еще до встречи в Беловежской пуще, в результате которой был ликвидирован СССР.

В первые годы после распада Советского Союза польско-российское напряжение на фоне Восточной Европы не было столь очевидным. Россия стремилась к сохранению доминирования в регионе. В концепции внешней политики РФ, а также в новой военной доктрине 1993 г. появились положения «об особой ответственности России на пространстве так называемого ближнего зарубежья». Польша принимала эти сигналы с опаской, отражением которой являются, в частности, слова тогдашнего министра иностранных дел Анджея Олеховского: «Очевидным образом нас беспокоят мнения об “особых интересах” и “особой роли” России на Украине. Такие подходы не способствуют стабильности в Европе. Мы их не принимаем, глубоко веря, что независимость Украины способствует в долгосрочном периоде также развитию демократии и экономики в России»¹². Польской политике не благоприятствовала международная атмосфера. Большинство западных стран не рассматривали государства Восточной Европы как важных европейских акторов. Доминировал подход «прежде всего Россия и только Россия», который *de facto* предоставлял президенту Ельцину положение главного гаранта стабильности на постсоветском пространстве.

Обострение трений между Польшей и Россией произошло в начале 2000-х годов, когда Польская Республика как новый член НАТО стала активно ходатайствовать о принятии в альянс Литвы (это произошло в 2004 г.), что было прямо противоположно позиции Москвы.

Переломным оказался 2004 год. Польша завершила многолетний процесс интеграции и стала членом Европейского союза. Россия политически усилилась пос-

ле президентских выборов, завершившихся эффектным успехом Владимира Путина, и интенсифицировала усилия по укреплению своего влияния в странах СНГ. В такой ситуации на Украине произошел очень серьезный социально-политический кризис: оппозиция (и ее кандидат Виктор Ющенко) обвинила тогдашнего президента Украины, а также продвигаемого им кандидата Виктора Януковича в фальсификации результатов выборов. Кроме того, многое указывало на то, что за кандидатом власти стоит также Москва (в его поддержку высказывались российские СМИ и политики). Сотни тысяч людей вышли на улицы, протестуя против злоупотреблений и противоправных действий властей в ходе выборов.

Польша считала принципиальным, чтобы украинские выборы проходили в соответствии с международными стандартами. Предполагалось, что любой другой сценарий, а именно какое бы то ни было силовое разрешение кризиса, подрывал бы суверенитет Украины, открывая дорогу для российского доминирования, и одновременно усложнял бы, если вообще не губил, сотрудничество Киева с ЕС, НАТО и западными государствами. Это убеждение стояло у истоков участия польских политиков, и прежде всего президента, в процессе урегулирования внутреннего кризиса на Украине. Активность польской стороны решающим образом повлияла на организацию трех заседаний украинского круглого стола, решения которых привели к компромиссу и повторному проведению второго тура выборов. При этом польская сторона старалась действовать прежде всего как один из представителей Европейского союза, прилагая (и вполне успешно) много усилий к тому, чтобы посредническая миссия имела как можно более союзный, а не национальный характер (в том числе в ней принял участие высокий представитель ЕС по вопросам общей внешней политики и политики безопасности Хавьер Солана).

В России в свою очередь польская активность воспринималась как направленная против Москвы и нацеленная на создание польской сферы влияния. В СМИ появились обвинения, что участие Польши было *de facto* поддержкой пропольского кандидата — Виктора Ющенко. Как сформулировал это политолог Сергей Марков, «"проект Ющенко" — это часть польского плана по завоеванию ведущей роли в Центрально-Восточной Европе»¹³. Марков также подчеркнул, что целями поддержки Польшей прозападно настроенного кандидата на Украине являются изоляция России и усиление Польши, поскольку США решили, что вступление Украины в НАТО состоится под протекторатом Польши¹⁴. Близкий к Кремлю политолог, работавший в кампании Януковича, Глеб Павловский также подверг острой критике «доктрину Квасьневского», которая должна была основываться на «ограничении политического влияния Москвы».

На дипломатическом уровне конфликт непосредственно не проявился. Во время визита главы польского МИДа в Москву 17 декабря, перед повторным проведением второго тура выборов на Украине, российский и польский министры согласились, что украинский народ должен самостоятельно, без вмешательства извне избрать президента.

Однако истинной сутью спора оказалось удивительно искреннее для президента заявление польского главы государства Александра Квасьневского, что «для каждой великой державы [имея в виду США. — *Авт.*] Россия без Украины лучше, чем

Россия с Украиной». Это утверждение вызвало немедленную реакцию российского президента Путина, который воспринял заявление Квасьневского как ограничение возможностей России развивать контакты с соседями, и даже ее изоляцию¹⁵.

Охлаждение взаимоотношений, вызванное разногласиями вокруг «оранжевой революции», оставило отпечаток на совершенно не связанных с украинским кризисом и с виду незначительных событиях следующего года. Кульминацией подобных «вторичных» кризисов было дело об избиении и ограблении 31 июля 2005 г. хулиганами в Варшаве трех подростков — детей российских дипломатов. Несмотря на ноту польского МИДа с выражением сожаления, российская сторона признала этот инцидент не случайным хулиганством, а намеренным антироссийским актом. В СМИ была развязана антипольская кампания. В течение недели (5–10 сентября) на улицах Москвы были избиты трое поляков — два сотрудника посольства и журналист. Стоит отметить, что в то же самое время в ходе поездки по Сербии был избит сын посла Польской Республики (очевидно, это было хулиганство без политических подтекстов). Не желая ухудшения отношений, польский посол «замял» это дело¹⁶.

В следующие годы Польша, уже как член Европейского союза, старалась активнее участвовать в совместной европейской политике в отношении Восточной Европы. Кажется вероятным, что по мере получения опыта дипломатии внутри Европейского союза эти попытки становились все более успешными. Все польские инициативы, в том числе: поддержка белорусской оппозиции в 2006 г. в ходе и после президентских выборов, нереализованная идея Восточного измерения, с которой Польша выступила еще в 1998 г., а также с успехом продвигаемая инициатива Восточного партнерства, рассматривались Россией как противоречащие ее интересам и нацеленные на минимизацию ее влияния в Восточной Европе. Однако следует отметить, что, несмотря на явные разногласия, польские и российские высказывания на тему инициативы Восточного партнерства являются гораздо более мягкими, чем в предыдущие годы. Польская сторона подчеркивает, что новая инициатива имеет политически нейтральный характер и нацелена на модернизацию стран так называемого восточного соседства.

Гораздо больше разногласий, чем политика ЕС в отношении Восточной Европы, вызвал и продолжает вызывать вопрос отношений этого региона с НАТО. Официальная Варшава поддерживала вступление в эту организацию стран Балтии, а затем, хотя уже не так однозначно, она выступала за принятие в альянс Украины и Грузии. Москва рассматривает возможное членство Грузии и Украины как абсолютно недопустимый «переход красной черты». Российскую позицию в отношении польской политики хорошо иллюстрирует высказывание министра иностранных дел И. Иванова на пресс-конференции в Москве в 2001 г., созванной после переговоров с его польским коллегой В. Бартошевским. Ответ на вопрос: какую роль может сыграть Польша в расширении Североатлантического альянса, звучал следующим образом: «Если Польша выступит против дальнейшего расширения, то она сыграет позитивную роль в формировании стабильности и европейской безопасности»¹⁷.

В Варшаве критически оценили такую позицию России, назвав ее ограничением полного суверенитета Украины и Грузии. Среди польских публицистов и экс-

пертов преобладает уверенность, что для Москвы этот вопрос настолько принципиален, что она готова обратиться даже к силовым аргументам. Доказательством этого является факт провоцирования вооруженного конфликта в Грузии в августе 2008 г. (что, по другим источникам, оказалось возможным благодаря безрассудным действиям режима Саакашвили), который показал способность Москвы защищать свои интересы, одновременно демонстрируя слабость Запада как гаранта стабильности в постсоветских странах, которые стремятся вступить в альянс.

Проблема третья, или энергетическая геополитика. С точки зрения географического положения и инфраструктурной обусловленности Польша и Россия обладают большими возможностями для взаимовыгодного сотрудничества в энергетической сфере. Можно сказать, что в каком-то отношении они на это сотрудничество просто обречены¹⁸. Однако в то же время эта область взаимоотношений с начала 1990-х годов вызывает большие противоречия и рассматривается, особенно польской стороной, как несущая вызовы и даже серьезную угрозу безопасности государства.

Степень напряженности и значение отдельных спорных вопросов менялись достаточно существенно на протяжении последних лет вместе с эволюцией российской стратегии, с одной стороны, и колебаниями приоритетов отдельных польских правительств — с другой. Однако какие-то конфликтные ситуации возникали более или менее постоянно. Польская сторона опасалась прежде всего чрезмерной зависимости энергетического сектора от России. Признавалось, что это может облегчить монополистические действия, приводящие к невыгодным для Варшавы решениям, а также стать инструментом давления в вопросах, выходящих за рамки экономической сферы. Россия же была заинтересована в сохранении монополии на поставки и в получении максимального контроля над энергетической инфраструктурой, а именно над транзитным трубопроводом.

При этом следует отметить, что польско-российские отношения в энергетической сфере и связанные с этим споры только частично лежали в строго двусторонней плоскости. В последние пять лет они в значительной степени переносились на более широкую европейскую арену и стали частью российской политики в отношении ЕС и польской стратегии как члена Сообщества.

В двусторонних отношениях самые большие разногласия вызывали условия доставки в Польшу природного газа и тесно связанная с этим проблема строительства нового, проходящего через территорию Польши транзитного газопровода.

В начале 1990-х годов приоритетом стало установление новых принципов поставки газа в Польшу. В последние годы существования действовало так называемое Ямбургское соглашение (заключенное в 1987 г. сроком до 1996 г.), которое предусматривало, что в обмен на голубое топливо Польша реализует серию ремонтно-строительных работ в СССР. Вскоре это связали со строительством нового газопровода, который должен был соединить ямальские месторождения с потребителями в Белоруссии, Польше и Германии. После длительных переговоров, 25 августа 1993 г., в ходе визита Бориса Ельцина в Польшу было подписано соглашение о строительстве системы газопроводов для транзита российского газа через территорию Польской Республики и о поставках российского газа в Польшу. Предполагалось, что будет построено две нитки газопроводов пропускной способностью

около 62 млрд м³. В сентябре 1993 г. Министерство промышленности и торговли утвердило статус акционерного общества «ЕвроПол Газ», которое должно было заниматься строительством и эксплуатацией польской части ямальского газопровода. Несмотря на положения договора, в котором говорилось о разделе акций поровну между «Газпромом» и АО «Польская нефтяная и газовая промышленность» (PGNiG), 4% акций получило АО «Газ-Трейдинг» (*Gas-Trading*) со смешанным российско-польским и государственно-частным капиталом. В 1995 г. премьеры Польской Республики и Российской Федерации подписали Приложение к соглашению 1993 г. по вопросу организационных мероприятий по обеспечению реализации соглашения; в итоге в сентябре 1996 г. председатели правления акционерных обществ «Польская нефтяная и газовая промышленность» и «Газпром» заключили 25-летний контракт на поставки российской стороной 250 млрд м³ газа стоимостью 21 млрд долл. США. Соглашение о строительстве газопровода было реализовано только частично. Была построена лишь первая нитка. Строительство было закончено в 1999 г., а полная пропускная способность (32,3 м³) достигнута только в 2005 г.

Так называемое Ямальское соглашение с самого начала вызывало много споров не только в Польше, но также и на линии Варшава — Москва. Они касались договора собственности «ЕвроПол Газ», который *de facto* давал возможность захвата «Газпромом» контроля над этим акционерным обществом. Поскольку последний неформально сотрудничал с частным пайщиком АО «Газ-Трейдинг», это предоставляло ему фактический контроль над всем «ЕвроПол Газом». Такое положение дел в Польше было признано противоречащим интересам страны. Предполагалось, что Ямальский газопровод, равно как и вся стратегическая транзитная инфраструктура, должен контролироваться польской стороной. Была брошена тень даже на высокопоставленных чиновников, которые дали разрешение на такой договор собственности «ЕвроПол Газу». Дело было прекращено. Решение о выделении 4% «Газ-Трейдингу» оказалось тем не менее соответствующим праву. Парадоксально, но вопрос о структуре собственников Ямальского газопровода снова всплыл по инициативе российской стороны во время визита премьер-министра Путина в Польшу в 2009 г. На этот раз именно глава российского правительства высказался за ликвидацию спорного предприятия из структуры «ЕвроПол Газ». Причиной такой позиции скорее всего стал факт, что на этом этапе сотрудничество с «Газ-Трейдингом» уже не было выгодно для «Газпрома». Ликвидация частного собственника давала бы в свою очередь возможность незначительного увеличения доли российского монополиста в «ЕвроПол Газе».

Другой спорный вопрос, связанный с проектом, касался более широкой проблемы диверсификации поставок газа в Польшу. Уже в 1993 г. в стране разгорелась дискуссия: обеспечивает ли Ямальское соглашение энергетическую безопасность благодаря долгосрочным поставкам и уравниванию зависимости Польши от поставок энергоносителей зависимостью России от их транзита через территорию Польской Республики или закрепляет монополию «Газпрома», перечеркивая на много лет любые инициативы по диверсификации поставок. Эта дилемма была одним из вызовов энергетической политике Варшавы в отношении Москвы. Причем стратегия последующих польских правительств была непродуманной и изобиловала резкими поворотами. В 2001 г. во время пребывания у власти коалиции, состоя-

щей из партий Избирательная акция «Солидарность» и «Союз свободы», было подписано предварительное соглашение об импорте газа из Норвегии с 2012 г. По нему Польша должна была получать 5 млрд м³. Следующее правительство, в котором доминировали посткоммунистические партии, отказалось от воплощения в жизнь этих соглашений. Вопрос диверсификации снова стал приоритетным во время правления правой партии «Право и справедливость», чтобы опять отойти на второй план при следующем правоцентристском кабинете «Гражданская платформа» — «Польская крестьянская партия». Последние добивались продления Ямальского соглашения до 2037 г. и увеличения предусмотренных в нем ежегодных поставок примерно на 20–30%. Позиция российской стороны все это время была однозначной — РФ была заинтересована в сохранении монополии и ограничении альтернативных поставок газа на польский рынок.

Вопрос диверсификации соотносился с другим вызовом — нарастающими проблемами, касавшимися безопасности поставок газа в Польшу. Прежде всего это было связано с неоднократными ограничениями поставок этого энергоносителя из России из-за конфликтов с транзитными государствами — Украиной и Белоруссией. Другим фактором, подрывающим доверие польской стороны к России как поставщику газа, был факт использования «Газпромом» позиции монополиста для того, чтобы навязать АО «Польская нефтяная и газовая промышленность» сотрудничество с вызывающей мало доверия компанией-посредником «РосУкрЭнерго». Эта компания, формально являвшаяся независимым поставщиком газа в рамках краткосрочных контрактов (около 2,5 млрд м³ в год), в числе прочего в 2006 г. поставила продление соглашения в зависимость от выгодного для «Газпрома» изменения принципов Ямальского контракта, а в начале 2009 г. вообще прекратила поставки, не разорвав контракт, который должен был действовать до 1 января 2010 г.

С момента вступления в ЕС Польша включилась в дебаты на тему энергетической политики Сообщества. Этот процесс совпал по времени с явной активизацией российской политики в ЕС. Россия, в частности, интенсифицировала усилия по получению доступа к конечному рынку газа в странах-членах, также начала продвигать проекты новых газопроводов, проходящих по территории ЕС. В результате многие из выдвигаемых Варшавой требований в рамках энергетической политики ЕС представляли собой реакцию на политику Москвы, причем большинство из этих предложений *de facto* противоречили интересам «Газпрома».

На форуме ЕС Польша прежде всего:

- стремилась к обеспечению защиты либерализующегося энергетического рынка ЕС от инвестиций со стороны российской газовой монополии, которая ввиду сконцентрированного в одних руках промышленного и транспортного потенциала могла бы получить преимущество над остальными игроками и поставить под угрозу как принципы формирующегося рынка, так и энергетическую безопасность в некоторых странах;

- добивалась поддержки Евросоюзом инфраструктурных проектов, способствующих диверсификации поставок газа и нефти в Центральную и Восточную Европу, то есть *de facto* проектов, делающих возможным доступ в ЕС энергоносителей, отличных от российских. Главным проектом, активно поддерживаемым Польшей в рамках этой программы, является нефтепровод Одесса—Броды—

Гданьск, который должен поставлять каспийскую (главным образом азербайджанскую) нефть на Украину, в Польшу и далее, вероятно, в другие страны Западной Европы (Германию, Словакию, Литву);

- добивалась предотвращения любых инициатив, углубляющих зависимость ЕС от поставок из РФ, а также от российских инвестиций в энергетическом секторе;
- высказывалась за сохранение зависимости России от транзитных стран, в том числе стран, не являющихся членами ЕС, таких как Украина или Белоруссия.

Два последних требования легли в основу протеста Варшавы в отношении продвигаемого Москвой проекта газопровода «Северный поток» из России в Германию по дну Балтийского моря. С точки зрения России, этот инвестиционный проект позволит избежать проблем при транзите, прежде всего через Украину и Белоруссию, но также и Польшу, позволяя напрямую поставлять газ к ключевому потребителю — ФРГ.

С точки зрения Варшавы, новый путь транспортировки газа ослабит позиции транзитных государств в их отношениях с Россией и уменьшит поле для маневра всего Сообщества, в том числе Польши, в области поиска альтернативных «Газпрому» поставщиков природного газа.

Проблема четвертая: история как политический инструмент. Исторический спор был, несомненно, одним из направлений взаимоотношений, которое определенно выходило за пределы двусторонних отношений. С одной стороны, он являлся элементом более широкого международного позиционирования каждой из двух стран, с другой же, он был глубоко вплетен во внешние процессы. Однако значение этого спора (в международном и внутригосударственном измерениях) было для Польши и России совершенно разным.

Для России исторические споры с Польшей составляли всего лишь часть более широкого процесса — определения, в том числе при помощи истории, новой постсоветской идентичности Российской Федерации. Причем эта идентичность, особенно в последнее десятилетие, все больше строилась вокруг имперской идеи, апеллирующей к советским успехам. Отсюда отрицание властями РФ событий прошлого, которые угрожали образу СССР как конструктивной глобальной державы. Представляется важным тот факт, что конфликтные ситуации вокруг исторических вопросов чаще всего не признавались в Кремле таящими потенциальную опасность. Наоборот, нередко они представляли для российских властных элит удобный инструмент, чтобы стимулировать сплочение общества вокруг новой великорусской государственной идеи.

Для Польши исторические противоречия с Россией были важны сами по себе, прежде всего как очередное поле освобождения от бывшей империи. Отсюда особый эмоциональный подход к выяснению и разглашению фактов, которые в течение многих лет замалчивались или подавались в искаженном виде, но были связаны с актами насилия в отношении польского государства и народа со стороны СССР. Эти конфликты большинство польских политиков расценивало как проблему, разрешение которой было бы очень желательным. Однако в отличие от России они не были в таком объеме использованы в качестве инструмента для манипулирования польским или международным общественным мнением. Зато значительно чаще они становились предметом текущего политического торга внутри страны.

Символическим началом исторических проблем можно признать разногласия, которые появились уже во время переговоров по польско-российскому договору 1992 г. Польская сторона хотела внести в документ положение о сталинских преступлениях и компенсациях для польских граждан, которые стали жертвами этого режима. Это встретило решительный отказ властей РФ. В последующие годы необходимость урегулирования этого вопроса путем заключения международного соглашения регулярно обозначалась польской стороной, но абсолютно безуспешно. Со временем интенсивность польских попыток сокращалась, хотя формально вопрос компенсаций находится в списке неразрешенных двусторонних проблем. Российские власти настаивают на том, что эти вопросы регулирует внутреннее законодательство РФ, которым могут воспользоваться также и польские граждане. Однако добиться компенсаций этим путем в большинстве случаев было невозможно (поскольку поляки были репрессированы без приговора суда, что делает невозможным ходатайства о каких бы то ни было компенсациях).

Вторым, значительно более существенным для польской стороны двусторонним правовым спором была проблема окончательного выяснения катынского вопроса. В начале 1990-х годов российские власти совершили ряд ожидаемых действий в этом направлении. Еще в 1990 г. Михаил Горбачев передал некоторые документы НКВД 1939–1940 гг., касающиеся польских военнопленных, президенту Войцеху Ярузельскому. В 1992 г. Борис Ельцин обнародовал и передал польской стороне новые дела, подтверждающие ответственность высших властей СССР за преступление, а годом позже первый российский президент возложил венки к катынскому кресту в районе Варшавы Повонзки. Вопреки существующему в Польше всеобщему убеждению официальных извинений все-таки не последовало. По словам очевидцев¹⁹, возлагая цветы, президент РФ прошептал: «Простите, если сможете».

В этот период проводилась также эксгумация, к концу 1990-х годов появились военные кладбища в Харькове, Катыни и Медном, которые были открыты в 2000 г. Серьезные спорные моменты появились только в 2004 г., когда Военная прокуратура Российской Федерации закрыла начатое еще в 1990 г. следствие по катынскому делу. Вопреки ожиданиям польской стороны преступление не было признано геноцидом. 116 из 183 томов следственного дела были засекречены. Одновременно было отказано в реабилитации погибших поляков — было указано, что это невозможно, поскольку они не были казнены на основе судебного приговора. Эти вопросы, а именно проблема рассекречивания дел, регулярно поднимаются польской стороной, однако постоянно остаются неразрешенными.

Все эти споры были тесно связаны с более широкими дебатами, которые имели символическое и престижное значение и касались событий, связанных с генезисом, началом и последствиями Второй мировой войны. Их катализатором стали прежде всего очередные «круглые» годовщины и подготовка к ним.

Первое такое «столкновение», приуроченное к годовщине, произошло в 1994 и 1995 гг. Лех Валенса не поехал в Москву на празднование 50-й годовщины победы над фашизмом (Польшу представлял премьер Юзеф Олексы). Борис Ельцин не прибыл в свою очередь в Катынь на 55-ю годовщину расстрела. Спор касался, в частности, интерпретации значения конца войны. Как считал Лех Валенса, это было начало новой оккупации в Восточной Европе. Российская сторона почувствовала

себя задетой. Кроме того, с российской стороны указывали на преуменьшение поляками исторической роли советских солдат, а также воевавших вместе с ними польских солдат.

Следующее обострение на фоне очередной «круглой» даты произошло в 2004—2005 гг. в связи с мероприятиями в Польше, посвященными 60-й годовщине Варшавского восстания и 65-й годовщине катынского преступления и начала Второй мировой войны, а также мероприятиями в Москве, посвященными 60-й годовщине победы над фашизмом. Прежде всего состоялся очень острый и эмоциональный обмен мнениями в СМИ. После долгих колебаний президент Квасьневский решил принять участие в московских мероприятиях. Однако поведение российской стороны в отношении его визита было признано в Польше целенаправленно бьющим по престижу Варшавы, в частности, президент Путин ни слова не сказал о вкладе польских вооруженных формирований в победу. Ввиду невозможности представления польской позиции в Москве она была представлена международной общественности в выступлении министра иностранных дел Адама Ротфельда на созванном в ознаменование юбилея победы специальном заседании Генеральной ассамблеи ООН²⁰.

Различное толкование касалось также и роли СССР в начале войны. В Польше подчеркивали общую ответственность Советского Союза и его сотрудничество с фашистской Германией (в частности в форме пакта Молотова—Риббентропа); в России с негодованием воспринималось сравнение роли советского и нацистского тоталитаризма. Разногласия касались также Ялтинской конференции: польская сторона подчеркивала значение этого события как символа окончательного раздела Европы на сферы влияния. Российская сторона (по этому вопросу было опубликовано даже заявление МИД)²¹ обвиняла Польшу в искажении итогов конференции, которая «подтвердила общее желание видеть Польшу сильной, свободной, независимой и демократической».

Следующей годовщиной, которая вызвала сильные эмоции с обеих сторон, была отмечаемая в 2009 г. в Варшаве 70-я годовщина начала войны. В мероприятиях принял участие премьер-министр РФ Владимир Путин. В своем выступлении, а также в предваряющей его статье, опубликованной в «Газете Выборчей», он касался ряда исторических вопросов: Путин осудил пакт Молотова—Риббентропа, отмечая, однако, что ему предшествовал подписанный Францией и Англией в Мюнхене «договор с Гитлером, разрушающий все надежды на создание единого фронта борьбы с Гитлером»²². Он также с пониманием высказался относительно польской восприимчивости по вопросу Катыни. Однако взвешенное выступление премьера Путина в Польше сопровождалось рядом очень острых заявлений официальных лиц и СМИ в России, выдержанных в духе советской историографии. Можно сказать, что эти послы по меньшей мере принимались, если не вдохновлялись, властями, о чем может свидетельствовать тот факт, что некоторые самые острые материалы были показаны по телевидению в форме документальных фильмов²³. В этих фильмах приводилась аргументация в пользу того, что пакт Молотова—Риббентропа был необходимым шагом, обеспечивавшим защиту СССР от нападения Германии. Польша же была представлена как государство, сотрудничавшее с Гитлером в 1930-е годы, в частности с целью агрессии против СССР.

Следует отметить, что как официальные, так и медийные сообщения в России перед 70-й годовщиной начала войны не были сконцентрированы исключительно на Польше. Они составляли часть продвигаемой уже в течение нескольких лет властями РФ концепции генезиса Второй мировой войны. Она доказывает, что общую ответственность за начало войны несут, кроме Германии, еще и другие страны, такие как Франция, Англия, а также Польша, которые, пойдя на компромиссы или сотрудничая с Гитлером, способствовали усилению его мощи, с одной стороны, и маргинализации антифашистского СССР — с другой. Оказавшийся в такой ситуации Советский Союз был вынужден на предупредительной основе начать переговоры с Гитлером.

Два десятилетия трудного соседства. Опыт последних двадцати лет позволяет сделать выводы, которые, как кажется, нарушают привычные представления о польско-российских отношениях.

1. Прежде всего необоснованным кажется часто повторяемое мнение о том, что польско-российские конфликты являются результатом генетической русофобии (с польской стороны) или же иррациональных предубеждений (со стороны российской). Суть польско-российских проблем имеет значительно более очевидный характер и относится к стратегическим вопросам. На самом глубоком уровне находится спор о границе западного мира и сферы воздействия Российской Федерации. Этот спор ведется на многих уровнях. Он касается исторически определяемой идентичности, экономических активов и, наконец, политической сферы. Естественно, он не касается исключительно двух государств. Более того, Польша определенно не самый важный объект здесь, но с точки зрения исторического контекста и географического положения она является одной из стран, которая находится ближе всего к «линии столкновения», что предопределяет ее особое вовлечение в этот процесс.

2. Факты также не подтверждают тезиса, что все принципиальные проблемы между Польшей и Россией останутся неразрешенными. Как раз наоборот, самый важный спорный пункт последних двадцати лет, а именно вопрос эмансипации Польши и ее интеграции в евроатлантическое сообщество, можно признать *de facto* урегулированным. Это демонстрирует то, что польско-российские разногласия должны рассматриваться не как непродуктивное буксование, а скорее как сложный, но все-таки ведущий к определенному новому качеству процесс.

3. Способ, которым был урегулирован спор о суверенитете Польши, показывает, что разрешение стратегических проблем не требует — как часто полагают — сближения приоритетов внешней политики сторон. Во время урегулирования вопроса о евроатлантической интеграции Польши Россия обостряла имперскую риторику. После вступления Польши в НАТО и ЕС, когда ситуация стала однозначной, обе стороны в течение нескольких лет адаптировали свои позиции к новым реалиям. Можно сформулировать тезис, что снижение напряжения наступило в результате минимизации «сферы неопределенности». Москва приняла политическую эмансипацию Варшавы, тогда так Польша постепенно смягчила позицию в отношении своего восточного соседа, став, вопреки ожиданиям, одним из западных партнеров России, который стремится к мирному урегулированию конфликтных ситуаций.

4. Та же закономерность была заметна и в случае очередного, так и не разрешенного спора, которым является разное видение будущего Восточной Европы.

За прошедшие годы проблема усугублялась, в то время когда нарастала неопределенность, в каком направлении будут развиваться страны этого региона: например, во время «оранжевой революции» или накануне предоставления Грузии и Украине планов действия к членству в НАТО. Это наблюдение имеет интересные последствия для будущего этого спора. Предположив, что пересмотр интересов Польши и — шире — ЕС, с одной стороны, и России — с другой маловероятен, можно прогнозировать, что неопределенность (двухвекторная политика этих стран, но также и неоднозначность стратегии ЕС и НАТО) будет только подогревать спор — поскольку расширяется сфера неопределенности. Зато решительная политика, которая в переломный момент и подогревает конфликт, в долгосрочной перспективе может привести к разрешению спора.

5. Динамика польско-российских отношений за прошедшие двадцать лет показала, что отношения между Варшавой и Москвой не обречены — как часто полагают — на состояние постоянного конфликта. С 1990 г. неоднократно происходило потепление политического климата. Периоды более благоприятной конъюнктуры чаще всего были связаны не с изменениями на реальном уровне, а становились производной пересмотра тактики, когда проблемы рассматривались и представлялись с меньшей остротой. Это наблюдение показывает, что политическое решение по менее конфронтационному отношению к спорным вопросам (с польской и российской сторон) может привести к улучшению атмосферы. Однако после периодов потепления всегда рано или поздно наступал очередной кризис. Кажется вероятным, что такие колебания следует ожидать и в дальнейшем. Поскольку иллюзией является убежденность, что, изменив форму, можно реально разрешить серьезные споры. А таковыми, несомненно, остаются, помимо вопроса о будущем Восточной Европы, спор об интерпретации истории, а также вопрос об энергетической безопасности.

6. Вопреки ожиданиям, ключевым моментом для польско-российских отношений оказалось не только членство в НАТО, о котором велись самые серьезные споры, но также и в Европейском союзе. И речь идет не только о часто указываемых цивилизационных изменениях, которые в системно-правовом отношении отделили Польшу от России, но также и о значении реже замечаемого соотношения между польской политикой в рамках ЕС и отношениями между Варшавой и Москвой. Став членом ЕС, Польша получила дополнительные возможности для построения отношений с РФ — при посредничестве и поддержке Брюсселя. В Польше часто не принимается во внимание то, что интеграция Польши в Сообщество расширила также и инструментарий российской стороны, поскольку качество отношений с РФ стало одним из факторов, удостоверяющих, но также и подрывающих легитимность позиции Варшавы (и ее представителей) на международной арене. Как показывает опыт последних лет, эта взаимозависимость может иметь двойственный эффект. Она может увеличивать решимость обоих государств поддерживать нормальные отношения, ограничивая свою конфронтационную риторику (со стороны Варшавы, чтобы избежать подозрений в иррациональной русофобии, и со стороны Москвы, чтобы предупредить «антироссийские» действия Польши в ЕС). Однако она может также привести к эскалации конфликта, если он будет восприниматься инструментально: Россией — для дискредитации Польши в ЕС и посред-

ством этого для раскола внутри Сообщества; Польшей — для консолидации ЕС против Российской Федерации.

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве. 22 мая 1992 г. // Polska—Rosja. Traktat o przyjaznej i dobrosąsiedzkiej współpracy oraz inne dokumenty. Warszawa, 1992. S. 9–26.

² Expose Premiera RP Tadeusza Mazowieckiego w Sejmie. Warszawa, 18 stycznia 1990 // Trybuna Ludu. 19.01.90.

³ Polska—Rosja. Traktat o przyjaznej i dobrosąsiedzkiej współpracy oraz inne dokumenty. Warszawa, 1992. S. 9–26.

⁴ Wspólna deklaracja polsko-rosyjska // Zbiór Dokumentów. Nr 3. 1993.

⁵ Письмо было опубликовано в кн: *Rotfeld A.* Europe: Towards a new regional security regime. SIPRI. Yearbook, 1994.

⁶ См. комментарии А. Пушкова (Московские новости. 10.10.1993) и А. Арбатова (Сегодня. 16.10.1993).

⁷ Подробнее см.: *Menkiszak M.* Rosja wobec Unii Europejskiej: kryzys strategicznego partnerstwa // Ośrodek Studiów Wschodnich. Styczeń, 2006.

⁸ Последняя вступила в силу только после ее ратификации Государственной думой в ноябре 2004 г.

⁹ Россия с целью получения лучшей аукционной позиции выразила готовность распространить запреты на импорт мяса из всего ЕС под предлогом отсутствия согласования с российской стороной условий вступления в ЕС Румынии и Болгарии. Следующей попыткой разделить Союз была позиция Москвы относительно того, что согласие на экспорт мяса в Россию после 1 января 2007 г. получат только те государства, которые подпишут двустороннее соглашение с Россией, гарантирующее безопасность своей продукции. Подписать такое соглашение Россия предложила Германии, Италии, Голландии, Франции, Дании и Ирландии.

¹⁰ Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // Kultura. 1974. Nr 9.

¹¹ Стратегический курс России с государствами — участниками Содружества Независимых Государств // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mid.ru.

¹² Wystąpienie Andrzeja Olechowskiego na posiedzeniu komisji spraw zagranicznych senatu w 1994 roku // Zbiór Dokumentów. 1994. Nr 1. S. 42–54.

¹³ Интерфакс. 25.11.2004.

¹⁴ Ibid. 17.12.2007.

¹⁵ Цит. по: *Eberhardt A.* Stosunki polski z Rosją // Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej. 2006.

¹⁶ *Komar M.* Świat według Mellera. Warszawa, 2008.

¹⁷ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mid.ru.

¹⁸ Для Польши Россия является ключевым поставщиком как природного газа (в 2008 г. 92% импортируемого и 55% потребляемого в Польше газа поступало от «Газпрома» или зависящих от него предприятий), так и нефти (95% импорта и 91% потребления в стране поступают из России).

¹⁹ Это подтверждает в том числе и Станислав Чосек в интервью газете «Нова Трибуна Опольска» (*Nowa Trybuna Opolska*) в 2009 г.

²⁰ Полный текст его выступления см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.msz.gov.pl>.

²¹ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sp/314872473059B3E2C3256FA60050BAC4.

²² См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://wyborcza.pl/1,75477,6983945.List_Putina_do_Polakow__pelna_wersja.html.

²³ 20 августа российский государственный телеканал (РТР) показал документальный фильм «Секреты тайных протоколов», 31 августа в зарубежной версии общественного российского канала *ORT-international* показан документальный фильм «Мог ли Сталин остановить Питлера».

14

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ

Н. И. Бухарин (Россия)

А. Граевский (Польша)

Сложные процессы периода трансформаций в России и Польше внесли существенные изменения в представления и о самих себе, и друг о друге. Распад СССР означал для жителей Российской Федерации утрату прежней национальной идентичности. Поэтому возникновение в 1992 г. новой России поставило вопрос о новой самоидентификации российского общества. С одной стороны, нынешняя Россия — это новое государство, а с другой — она является наследницей тысячелетней истории Русского государства, которое существовало в разных исторических ипостасях. В отличие от советского периода новая национальная идентичность россиян апеллирует к значительно большему числу источников. Она складывается на основе истории Киевской Руси, русских княжеств, Золотой орды, Великого княжества Московского, Русского царства, Российской империи и Советского Союза. Важную роль в формировании этой идентичности играют различные религии — в первую очередь православие, которое имеет сильные византийские корни, а также ислам, иудаизм и буддизм.

На роль важнейшего фактора формирования новой идентичности претендует Русская православная церковь (РПЦ), и в ближайшие десятилетия эта ее роль, очевидно, будет возрастать. В новых исторических условиях восстановилась роль РПЦ как традиционной конфессии государствообразующего народа, ее связь с властью. Она вновь выполняет символическую функцию памяти и культуры для российского общества в поисках национальной идентичности. Иерархи РПЦ в качестве важнейшей задачи церкви выдвигают создание нравственной и идейной базы, которая могла бы послужить основанием для обретения нацией новой идентичности. Идеологическими источниками новой российской идентичности являются также традиции западничества, славянофильства и евразийства.

Как известно, во времена Российской империи православие резко противопоставляло себя католицизму, которое тесно увязывалось с польским национальным началом. В новой России эта проблема в значительной степени потеряла свою ак-

туальность, но старая традиция в той или иной степени может влиять на отношение части россиян к полякам и Польше.

Важную роль в формировании новой российской идентичности играет процесс десоветизации общества в ходе проведения политических и экономических реформ. Этот процесс оказался противоречивым и весьма растянутым во времени. С одной стороны, изменилась политическая и экономическая система страны. Однако движение в направлении формирования демократического правового государства идет медленно. Если РФ уже изрядно продвинулась по пути развития рыночной экономики, то демократизация — это достаточно длительный исторический процесс, так как у страны весьма слабы демократические традиции и от нее нельзя требовать немедленного введения западных стандартов в этой области. Люстрация российской элиты проведена не была. В связи с тем, что значительная часть советской элиты была связана с КГБ, Б. Н. Ельцин и его окружение сочли, что не стоит обострять и так сложную ситуацию в новой России, и отказались от проведения чистки. В результате десоветизация была непоследовательной и осталась незавершенной. Неизжитое постидеологическое сознание, затянувшийся переход к новой модернизации России и мировой кризис затрудняют возвращение к этой проблеме.

Вместе с тем в постсоветской России сразу же возник спор о новой национальной идентичности. Борьба вокруг нее продолжается до сих пор. В начале 1990-х годов идеологи политического движения «Демократическая Россия» призывали порвать со всяким прошлым, как с царским, так и с коммунистическим, и строить новую Россию с чистого листа — на основе идеалов свободы и прав человека. В связи с возникшим после распада СССР идейным вакуумом в 1990-е годы, при Б. Ельцине, пытались сформулировать определяющую и цементирующую нацию идею. Однако предпринимавшиеся попытки разработать российскую национальную идею ни к чему не привели.

В последние годы в стране продолжался спор между сторонниками особого пути России и выбора ею европейского пути развития. Дискуссия показывает, что в итоге особый путь развития сводится коммунистами к восстановлению Советского Союза, а националистами — к возрождению империи (вплоть до царской), что предполагает неизбежный возврат к авторитарному или тоталитарному режиму, который несовместим с демократией и рыночной экономикой. Лишь либерально-демократическая часть интеллигенции ратует за выбор западного пути развития. Неудача реформ российских демократов первой волны и нынешний мировой финансово-экономический кризис вызывают у части населения сомнение в правильности выбора этого пути.

Важную роль в осмыслении новой роли России играет также спор о том, каким государством она должна быть: демократическим, империей, сверхдержавой или великой державой. Коммунисты и националисты выступают за восстановление империи или сверхдержавы, правящая партия «Единая Россия» стремится к возрождению страны как великой державы. Что касается населения, то постимперский синдром, тоска по имперскому величию сохраняются среди заметной его части.

Как вытекает из социологических опросов, за необходимость возрождения статуса России как супердержавы с 2003 г. стабильно выступали 34% россиян, в конце 2008 г. — 37%. Большинство граждан (53%) считают, что лишь «развитая современ-

ная экономика» могла бы обеспечить стране статус державы¹. До половины россиян продолжают определять себя как советских людей, то есть по существу граждан империи². Россияне настаивают на своей особости, уникальности и не горят желанием немедленно «вписывать» себя в глобальные сообщества — европейское, общемировое. Тем не менее наметились явные тенденции открытости внешнему миру. Растет число россиян, идентифицирующих себя со всем человечеством³.

Большинство аналитиков, как российских, так и иностранных, склонны считать, что новая Россия восстановится как великая держава, но в среднесрочной перспективе она сверхдержавой не будет.

Россиянам еще предстоит по-настоящему осознать, что Россия — это страна, кардинально отличающаяся от Советского Союза, что ее возникновение не было вызвано исторической случайностью, а обусловлено объективным ходом событий. Представляется, что военно-имперский путь — это тупиковый маршрут. Не авторитарная военная империя, а великая демократическая европейская держава, по мнению демократической интеллигенции, — таков единственный оптимистический вариант будущего России⁴.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что идентичность современной России носит сложный, эклектичный характер. Она неоднозначна и противоречива. Разные политические силы и общественные круги апеллируют к разным историческим традициям. Россия одновременно живет по российским и антироссийским, советским и антисоветским, западным и антизападным правилам. Российская национальная идентичность представляет собой не «плавильный котел» (как, например, в США), а своего рода «слоеный пирог», ни один из слоев которого нынешней Россией полностью не отвергнут⁵. По всей вероятности, она останется такой на многие годы.

Нынешняя власть не хочет усиления новых противоречий и расколов в российском обществе. Поэтому она не поддерживает призывы к четкому определению, продолжателем каких традиций является постсоветская Россия. Что касается социологических опросов, то из них вытекает следующее: современная Россия чаще всего воспринимается как наследница Советского Союза, через который осуществляется преемственная связь с империей Романовых⁶. Травма от распада империи в российском обществе постепенно проходит. Существующая неопределенность с национальной идентичностью России влияет и будет влиять негативно и на отношения РФ с Польшей.

Новая Россия пока все еще является страной, у которой сейчас отсутствуют серьезные достижения и которая мало чем может гордиться. Роль энергетической державы пока не очень-то получается. Реализация нового большого проекта модернизации страны задерживается из-за мирового кризиса. Поэтому значимые исторические традиции, связанные с наследием Российской империи и/или Советского Союза, как хлеб необходимы нынешней власти.

Как мы уже отмечали, важной частью национальной идентичности является историческая память. В ее формировании и сохранении участвуют государство, СМИ, политические и экспертные группы, система образования и науки. В России эта память по вполне понятным причинам оказывается многоликой, ее элементы конфликтуют друг с другом.

В современном обществе политика и история тесно связаны между собой. Что бы ни говорили политики и историки, те или иные исторические события и личности в зависимости от текущей конъюнктуры присутствуют в общественно-политической жизни и используются в политических интересах. Историческая память — субстанция весьма объемная и пластичная. Из нее на потребу дня всегда можно извлечь любые исторические события и личности, знаки и символы. В странах, переживающих смену вех, часто нормальный процесс исторического исследования и переоценка прошлого превращаются в идеологические кампании по сведению счетов с этим прошлым.

Неслучайно в последние годы появилось понятие «историческая политика», когда история сознательно используется в своих текущих политических целях государством, теми или иными политическими образованиями и общественными группами. Происходит политизация истории. Историческая политика в последние годы стала занимать все большее место и во внешней политике. Государства все чаще выдвигают друг другу исторические претензии, особенно в периоды обострения взаимных отношений. Эти претензии очень негативно влияют на взаимные политические отношения, идеологизируя их.

Сознательное использование политическим классом одного государства исторических обид, нанесенных соседним государством, для своих внутренних и внешних целей ведет к тому, что и соседнее государство также ищет события в истории взаимных отношений для нанесения удара противоположной стороне. Стремление использовать те или иные пласты национальной памяти собственного народа против соседа порождает, подпитывает не что иное, как взаимную вражду. Прошлое в руках политиков нередко ведет к конфронтации, а не к избавлению от негативов прошлого и сотрудничеству между народами. И пока политики не остановятся в деструктивной деятельности такого рода, нормальных взаимных отношений между соседями ожидать трудно.

Различие исторических оценок — это реальность, которую бессмысленно и вредно затушевывать. С ней мало просто считаться, ее надо постараться понять⁷. Почти в каждом из многообразных образов прошлого, порожденных национальной памятью, можно разглядеть как стремление людей оправдать собственный народ, так и компонент исторической истины, более всего понятный именно этому народу и менее заметный для его соседей. Народы никогда не стирают из своей исторической памяти то, что было связано с потерями. Ни в коем случае не следует пытаться превращать особенности национальной памяти в повод для межнациональной вражды и межгосударственных конфликтов. Каждый народ должен стремиться увидеть и понять образы прошлого, сложившиеся у его соседей, и понять ту историческую реальность, которая стоит за этими образами. Не принять, а именно понять; не заменить собственную правду истории чужой правдой, а дополнить и обогатить ею свое видение прошлого.

При любом историческом видении сегодня непродуктивно и опасно делить народы на «жертв» и «палачей», оценивать прошлое в категориях «исторической вины» одних перед другими.

Единственный способ преодолеть нарастающую отчужденность между народами — это свободный, непредвзятый и цивилизованный обмен мнениями по всем

вызывающим разногласия вопросам нашей общей истории. Цель этого обмена мнениями видится нам не в том, чтобы полностью снять противоречия во взглядах, а всего лишь в том, чтобы лучше узнать и постараться понять точки зрения друг друга. Единственными условиями диалога должны стать общая готовность участников уважать другую точку зрения, сколь «неправильной» она бы ни показалась кому-то на первый взгляд, искренний интерес к этой точке зрения и искреннее желание понять ее.

Задача российских и польских историков — защищать историческую правду. К истории надо стремиться подходить честно, не замазывая грехи и ошибки прошлого. Для этого необходим доступ к архивам, в том числе к ведомственным.

Не следует забывать, что историческая память как разделяет россиян и поляков, так и объединяет их. Разное понимание истории нередко связано с фундаментальными различиями в историческом опыте и национальном сознании россиян и поляков. Эти различия тем более ощутимы, когда речь идет об острых вопросах. Особенно по-разному россияне и поляки воспринимают события во взаимных отношениях.

И россияне, и поляки помнят и воспринимают историю XX в. по-своему, хотя сначала жили в рамках единой империи, а затем обе страны находились в одном «социалистическом содружестве». Национальная память по-своему переработала и осмыслила общий опыт. Поэтому и у россиян, и у поляков — свой XX век. Россиянам бессмысленно игнорировать польскую память, делать вид, что ее не существует вовсе; неразумно отрицать ее обоснованность, огульно объявляя ложными те факты и толкования, которые за ней стоят. Россияне должны по-новому понять Польшу и поляков, а поляки — Россию и россиян.

Вряд ли нужно специально напоминать, что существуют элементы общей исторической памяти россиян и поляков. В годы Второй мировой войны от фашистских захватчиков страдали народы обеих стран. Нельзя забывать о совместно пролитой в борьбе с гитлеризмом крови, о масштабном послевоенном сотрудничестве. Миллионы советских граждан и сотни тысяч поляков томились или погибли в сталинских застенках и лагерях, были подвергнуты депортациям.

С новой Россией возродилась историческая память, часть исторических традиций, связанных с Российской империей и имеющих отношение к полякам и Польше. Эти элементы памяти начинают присутствовать в современном сознании россиян — через исторические события XVII—XIX вв. Вырос интерес к периоду «русской смуты» XVII в. Отчасти возвращается давняя негативная оценка польских национально-освободительных восстаний против царизма 1794, 1830—1831, 1863—1864 гг. в связи с их антироссийской направленностью. История российско-польских отношений вновь начинает восприниматься как борьба за существование российского государства и как соперничество между странами за влияние в Восточной Европе.

В конце 2004 г. в России был установлен новый государственный праздник Российской Федерации — День народного единства. Он отмечается 4 ноября в память «освобождения Москвы от польско-литовских интервентов» в 1612 г. отрядами народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. В Польше были опасения, что этот праздник приведет в России к росту ан-

типольских настроений, усилит в массовом сознании россиян негативный стереотип поляка. Однако первое и последующие празднования 4 ноября показали, что этот праздник не вылился в антипольские кампании. Социологический опрос, проведенный в октябре 2009 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), показывает, что половина россиян (51%) не знает, какой именно праздник отмечается в стране 4 ноября. Его правильное название смогли воспроизвести лишь 16% опрошенных⁸. Можно считать, что искусственно смонтированные (в противовес советским историческим традициям — 7 ноября) национально-исторические традиции, проверенные новым знанием и опытом, будут постепенно уходить в прошлое.

К сожалению, школьные учебники и кинофильмы в обеих странах в рамках популяризации отдельных фрагментов исторической памяти пытаются культивировать эпизоды противостояния русских и поляков. Историю России в российских учебниках сейчас трактуют как историю страны-победительницы, в то время как в польских учебниках преподносят ряд периодов истории Польши как истории страны-жертвы, где Россия выступает в роли палача и оккупанта. Польша в XIX–XX вв. неизменно изображается жертвой России и Германии, а иногда даже жертвой США из-за «предательства» в Ялте. В России существуют общественные круги, которые готовы исказить факты в истории советско-польских отношений ради создания образа врага.

В осознании российской молодежью своей национальной идентичности определенную роль стали играть созданные по политическому заказу исторические фильмы «1612» (режиссер В. Хотиненко) и — особенно — «Тарас Бульба» (режиссер В. Бортко). Бортко так охарактеризовал польскую тему фильма: «А что касается поляков, то и волноваться не стоит: что было, то было. Не секрет, что у них своя точка зрения на события, а у нас другая. Лишь бы сейчас не воевали»⁹. В другом интервью Бортко, рассуждая о вражде русских и поляков, объяснил значимость своей позиции так: «Русские и поляки родственники — хотя бы потому, что они славяне. Но мы принадлежим к разным конфессиям, и это очень серьезно. По линии Польша — Россия проходит граница двух миров: восточного православного и западного католического»¹⁰. Такой излишне экспрессивный фильм, вне всякого сомнения, окажет отрицательное влияние на отношение части российской молодежи к Польше и полякам.

Вместе с тем глубина современного исторического сознания россиян, в отличие от поляков, очень невелика. Два народа имеют разный исторический опыт: поляки на рубеже XXI в. — более горький, чем россияне, поскольку основные исторические обиды польскому народу были нанесены в XIX–XX вв. Российской империей и Советским Союзом.

Особенность российского исторического сознания состоит в том, что без государственного механизма его воспроизводства этого сознания не было бы вовсе. Массовое историческое сознание сосредоточено вокруг основных сюжетов советской истории. Главные события — это Великая Отечественная война, полет в космос и Октябрьская революция. Иногда упоминается и Первая мировая война, а все остальное уходит из памяти в мифологическое пространство. СССР, как известно, был одной из сверхдержав. Весь пантеон истории мифологически героичен.

С 2003 г. в десятку значимых исторических фигур начал входить В. В. Путин, с 2008 г. он — уже в пятерке. Одновременно постепенно уходит В. И. Ленин, а поднимаются А. С. Пушкин и И. В. Сталин (в 1989 г. Сталин не входил даже в десятку, а в 2008 г. оказался уже в тройке)¹¹.

В коллективное самосознание образ народа вошел исключительно в качестве мирного, кроткого, терпеливого страдальца, существование которого подвергается самым разным внутренним опасностям и внешним угрозам. В целом национальная история предстает как постоянные испытания, борьба, жертвы, противостояние врагам. Спасение и превращение страны в одну из самых мощных держав возможно лишь благодаря сильной и целеустремленной власти, объединяющей и направляющей аморфную и пассивную массу населения.

В истории российско-польских отношений россияне ориентируются слабо. В январе 2005 г. опрос населения Фондом общественного мнения показал, что большинство из них (54%) ничего не знают о катынском преступлении — массовом расстреле польских военнопленных в 1940 г. Лишь 16% опрошенных заявили, что знают, еще 24% что-то слышали о нем, 6% затруднились ответить. Когда участников опроса спросили, следует ли В. Путину принести официальные извинения за это преступление, оказалось, что треть (33%) посчитали, что следует, 35% — что не следует, а 32% затруднились с ответом. Полагающие, что извинения необходимы, чаще всего исходят из того, что россияне несут историческую ответственность за действия, предпринятые нашим государством в прошлом (11% всех опрошенных), 6% говорят о тяжести совершенного преступления и пользе извинения для дальнейшего развития российско-польских отношений¹². На заданный «Левада-центром» в июле 2009 г. вопрос: «Знаете ли Вы, что в сентябре 1939 г. войска Красной армии вошли в Польшу, сражавшуюся против гитлеровской Германии, и заняли территории, оговоренные в секретном плане Молотова—Риббентропа?» — «да» ответили 16% респондентов и «нет» — 61%¹³.

В коллективной исторической памяти россиян главное место занимает память о победе во Второй мировой войне, точнее — согласно советской и российской традиции — в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. По данным социологического опроса, проведенного в июле 2008 г., именно Великую Отечественную войну россияне считают самым выдающимся событием прошлого века. Она же признана и самым трагическим событием новейшей истории¹⁴. Для россиян победа во Второй мировой войне является важной составляющей и ценностью идентичности. Когда ее ставят под сомнение или вообще дискутируют об этом, они чувствуют себя оскорбленными.

Победа над нацизмом трактуется как основное, а нередко и единственное позитивное наследие советских времен, которое может быть использовано для консолидации современного российского общества. Одновременно оно позволяет отодвинуть преступления Сталина на второй план.

27 января 2009 г. во вступительном слове на заседании Российского организационного комитета «Победа» Президент РФ Д. Медведев подчеркнул, что «наследие Победы — это не просто наша память, наша история. Это и мощный моральный ресурс развития нашего государства. Историческая правда о войне, уроки войны, связь с современностью также имеют непреходящее значение». Он выступил

против искажения правды о войне, о том неоспоримом и решающем вкладе, который Красная армия и Советский Союз внесли в разгром нацизма и в освобождение Европы, о последующем влиянии Победы на развитие мировых исторических процессов¹⁵. При Президенте РФ в мае 2009 г. была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Благодаря победе Советского Союза и союзников во Второй мировой войне был предотвращен спланированный нацистами геноцид народов. Они сохранили свою идентичность. В ряде стран за счет демонизации роли Советского Союза в этой войне пытаются поддерживать антироссийские по своей сущности национальные идентичности.

Россияне резко выступают против попыток фальсификации истории Второй мировой войны, прежде всего против искажения роли Советского Союза в победе над фашистской Германией. Попытки поставить знак равенства между Советским Союзом и фашистской Германией рассматриваются как стремление уравнивать жертв и палачей. В России считают кощунственными попытки отдельных политиков «поставить в один ряд фашистскую оккупацию и освободительную миссию Красной армии»¹⁶. Россия и россияне очень чувствительны к случаям осквернения, уничтожения или переноса памятников и могил советских солдат, погибших при освобождении стран Балтии, Центральной и Восточной Европы. В Польше среди части общества отторжение вызывают тоталитарные символы на этих памятниках.

В феврале 2009 г. глава Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ Сергей Шойгу предложил принять закон, предусматривающий уголовную ответственность за отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне. Противники этого предложения правильно отмечали, что оценка исторических событий не может подвергаться уголовному наказанию. В итоге партия «Единая Россия» отказалась от принятия такого закона. Однако в апреле 2009 г. Шойгу вновь предложил ввести уголовную ответственность за искажение истории и непризнание победы СССР в Великой Отечественной войне.

Нынешняя российская государственная элита все больше осознает и реализует преемственность между советской и российской внешней политикой. Поэтому она, видимо, не скоро будет радикально пересматривать оценки советской внешней политики. Особенно это касается периода кануна Второй мировой войны, самой Второй мировой войны и непосредственно послевоенного периода. Об этом свидетельствует дискуссия о причинах и уроках этой войны, которая развернулась в России летом—осенью 2009 г. Среди участников дискуссии преобладали защитники советской политики в период, предшествовавший началу Второй мировой войны, прежде всего пакта Риббентропа—Молотова. За таким подходом скрывалось оправдание просчетов внешнеполитического курса Сталина. Подогревали ситуацию показавший весьма спорный фильм о причинах начала Второй мировой войны «Тайны секретных протоколов» государственный телеканал «Вести» и близкие к властям фонды «Историческая память» и «Историческая перспектива», которые объявили Вторую Речь Посполитую союзником Третьего рейха, вместе с ним вынашивавшую планы раздела СССР.

Председатель Правительства РФ В. Путин в опубликованной в «Газете выборов» в связи с визитом в Польшу статье и в выступлении на церемонии 1 сентября

2009 г. на Вестерплатте заявил, что Россия давно осудила пакт Риббентропа—Молотова (сам Путин назвал его аморальным) и ожидает от других стран принятия решений о признании ошибочными сделок с нацистами в преддверии Второй мировой войны. Российский премьер назвал аморальными все попытки умиротворить нацистов и отметил, что именно совокупность всех этих действий и привела к началу Второй мировой войны¹⁷. Путину удалось найти ту грань, которая позволила указать на то, что моральное осуждение пакта Молотова—Риббентропа и катынского преступления не означает, что ответственность за них возлагается на нынешнюю Россию.

Современная официальная Россия противодействовала и будет противодействовать оценкам, пытающимся возложить на Советский Союз всю ответственность за начало Второй мировой войны, трактовать нацизм и коммунизм как равное зло, ставить знак равенства между немецкой оккупацией и освободительной миссией Советского Союза. Такие оценки оскорбительны не только для ветеранов, но и для всех россиян, и особенно для тех, чьи семьи пострадали при Сталине. Вместе с тем современная Россия не может принимать на себя и все грехи советского прошлого.

Российские демократы выступают против излишней мифологизации Великой Отечественной войны. Они утверждают, что «для советской системы война действительно закончилась победой — ведь она сохранилась и перекинулась на Восточную Европу. А для народов нашей страны говорить о победе слишком цинично. Такая победа больше похожа на трагедию. Ведь спасенная система еще полвека продолжала мучить и терроризировать собственных граждан»¹⁸. Однако эти утверждения в настоящее время не находят поддержки среди большинства российского общества.

Память о Второй мировой войне как объединяет, так и разделяет россиян и поляков. С одной стороны, Советский Союз и Польша были союзниками по антигитлеровской коалиции. С другой, довоенная польская политическая элита дважды проиграла фашистской Германии — в сентябре 1939 г. и в августе 1944 г., а также проиграла в борьбе за власть в Польше левым силам страны, которых поддерживал Советский Союз. Элита «Постсолидарности» ведет свою историческую родословную от проигравшей довоенной элиты. Поэтому бывшая оппозиционная элита и ориентирующиеся на нее историки склонны считать, что Польша проиграла Вторую мировую войну, а освобождение страны Красной армией называют новой оккупацией.

Позитивная память о Советском Союзе глубоко закрепились в историческом сознании россиян. СССР просуществовал около 70 лет. И это был — в биполярном мире — период максимального могущества России. Поэтому распад Советского Союза был и остается глубочайшей исторической травмой для россиян. В послании Федеральному собранию Российской Федерации в апреле 2005 г. В. Путин заявил, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой» XX в.¹⁹. Поэтому в новой России пуповина, связывающая ее с советским прошлым, не могла быть радикально перерезана. Ряд «советских» элементов стали составной частью новой российской идентичности. Не случайно в 2008 г., во время голосования в рамках проекта «Имя России», где первое место занял великий князь и святой Русской православной церкви Александр Невский, реальными победителями стали И. Сталин и В. Ленин.

Вместе с тем в итоге, с социологической точки зрения, в России в исторической памяти от советского периода истории осталось совсем немного событий, осознаваемых как ценность. Согласно проведенному ВЦИОМ в начале 2007 г. опросу общественного мнения, в качестве таких событий советского периода, которыми можно было бы гордиться и сейчас, респонденты назвали подвиги героев Великой Отечественной войны, полет Юрия Гагарина в космос и запуск искусственного спутника Земли.

В России отсутствует такое отречение от советской истории, какое имеет место в некоторых бывших советских республиках — ныне независимых государствах. В РФ история СССР почти не переписывается с локальных и национальных позиций, хотя и модернизируется, подается иначе, в соответствии с требованиями нового времени. Пересмотр оценок советской истории происходит постепенно.

В современной России, как правило, остаются нетронутыми мемориалы, памятники и памятные доски, связанные с советским периодом. На государственных зданиях новые и старые символы государства нередко сосуществуют друг с другом. Но в последнее время в обществе начинает разворачиваться борьба вокруг советских символов. Обостряется дискуссия о мавзолее Ленина и захоронении его тела. Представители местной власти все чаще начинают поднимать вопрос об избавлении от памятников предыдущей эпохи. Однако, как свидетельствуют результаты проведенного в ноябре 2008 г. опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), большинство (65%) россиян считают возможным и даже необходимым сохранить как часть истории символы коммунизма, в частности, названия улиц и площадей, памятники, изображения серпа и молота и т.п.²⁰

Советский Союз был тоталитарным, чрезмерно централизованным государством, ограничивавшим различные права и свободы, в том числе свободу государств, входивших в советский блок. Советский тоталитаризм возник не случайно и не на пустом месте. Он основывался на многовековой традиции державно-монархической, самодержавной власти. После прихода к власти большевиков сохранению тоталитаризма способствовала затяжная гражданская война. Он возник и по другим объективным причинам, в том числе из-за необходимости быстрого проведения модернизации страны в 1930-е годы мобилизационными методами. Поэтому преодолеть наследие тоталитаризма очень непросто.

В Советском Союзе тоталитаризм и сталинский режим — однопорядковые понятия. Составными частями этого режима были пренебрежение человеческой личностью, государственное насилие, политика массовых репрессий. От репрессий пострадали не только советские граждане и народы, но и иностранцы. Среди пострадавших были сотни тысяч поляков.

В последние годы в определенных кругах российского общества наблюдается кампания по возвеличиванию И. Сталина. Его представляют как великого государственника и модернизатора, «эффективного менеджера», который придал советскому обществу героическую идентичность, овеянную ореолом славы, триумфа, гордости за достигнутые достижения. Часть консерваторов, связанных с правящей партией «Единая Россия», открыто призывают использовать опыт сталинской модернизации, без ее перегибов и жертв. Многим рядовым гражданам, разочарованным в не во всем удачных попытках демократического переустройства страны и введения рыночной экономики, времена Сталина кажутся образцом «по-

рядка в государстве и эффективности в экономике». К тому же мифологема Сталина тесно сцеплена как с символикой великой державы, так и с символикой победы. В 2008 г. Сталину симпатизировали более 50% опрошенных россиян. Нынешняя власть, неявно поддерживая государственнический и вождистский дискурс, в отношении личности Сталина четких сигналов не транслирует²¹. Следует отметить, что Президент Д. А. Медведев 30 октября 2009 г. в своем видеоблоге заявил, что «важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ... Никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь»²².

Сталин и сталинизм все еще нуждаются в объективной исторической оценке. В среде демократической интеллигенции в последние годы возникает беспокойство, что в России усиливается замалчивание и даже оправдание сталинских преступлений. Председатель правления общества «Мемориал» А. Рогинский считает, что память о сталинизме в России — это память о жертвах, которым во многих местах ставят памятники, но не о преступлениях сталинского режима²³. Для страны, пережившей тоталитаризм, отказ от осознания и осуждения преступлений прошлого опасен и может привести к повторению трагедии.

Дискуссия в российском обществе по поводу наследия сталинского режима и его преступлений идет очень вяло. Определенную активность проявляют лишь демократы.

В феврале 2009 г. политический комитет партии «Яблоко» принял «Программу преодоления большевизма, сталинизма и национализма в политической практике и общественном сознании». Эта программа предлагает дать «ясную и недвусмысленную правовую, политическую и нравственную оценку насильственному захвату власти, совершенного большевиками в 1917–1918 гг., характера и природы созданного ими политического режима и его последующей деятельности» и приравнять к уголовному преступлению «оправдание и отрицание факта массовых репрессий, действий по уничтожению социальных групп и народов» и др.²⁴.

Инициативу «Яблока» поддержала партия «Правое дело», которая в марте 2009 г. заявила, что введение уголовной ответственности за оправдание экстремизма нанесет удар и по сталинизму: «Пора раз и навсегда признать Сталина создателем человеконенавистнического режима, признать перед своей страной и всем миром его вину в геноциде собственного народа, сделать безвозвратным выбор в пользу цивилизованного развития»²⁵.

Важную роль в сохранении памяти о жертвах советского государственного террора, в том числе и о поляках, об истории репрессий играет Международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». Его председатель А. Рогинский 30 октября 2009 г. в связи с Днем памяти жертв политических репрессий заявил: «“Десталинизация” — самая насущная проблема сегодняшней России. Ничего более насущного я не вижу. Это то, без чего построение нормального будущего невозможно»²⁶. В 2008–2009 гг. это общество помогало нескольким гражданам Польши добиться судебным порядком реабилитации своих родственников, расстрелянных в 1940 г.

Вместе с тем сохраняется проблема морально-политической оценки сталинских преступлений и вины за эти преступления. Необходимо напомнить, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда сложились условия, позволяющие говорить

правду о страшных событиях прошлого, официальный российский подход к проблеме вины за сталинские преступления, совершенные в отношении иностранцев, был сформулирован Б. Ельциным. В совместном заявлении при подписании президентами России и Польши (Л. Валенса) Договора о дружественном и добрососедском сотрудничестве весной 1992 г., в частности, говорилось: «Стороны признают, что сталинский режим причинил огромные страдания, нанес непоправимый ущерб народам России и Польши»²⁷. В интервью польскому телевидению 17 октября 1992 г. Ельцин заявил, в частности: «Россия не может взять на себя ответственности за катынское преступление. Сделала это партия, сделал это тоталитаризм»²⁸.

Нынешняя российская власть и близкие к ней историки и политологи выступают против того, чтобы Россия, как в известной мере правопреемница тоталитарного режима, постоянно каялась за преступления прошлого режима²⁹. Дело в том, что Советский Союз в отличие от Германии был державой-победительницей, а новая Россия является наследницей этой державы. В июне 2007 г. В. Путин заявил, что «нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины»³⁰. Среди российской элиты преобладает точка зрения, что народы, как и люди, не могут полноценно жить с неизбывным сознанием своей вины. Поэтому любая версия истории должна снимать это чувство. В 2009 г. лидеры страны — Д. Медведев и В. Путин — выступили с моральным осуждением ряда аспектов сталинской внешней политики и репрессий.

Российское общество реагирует на проблему преступлений сталинского режима по-разному — или осуждением совершенных преступлений, или их отрицанием. Некоторые призывают к «суду над коммунизмом». Другие считают, что нынешняя Россия — новое государство и не несет вины за сталинские преступления. Извне нынешней России по-прежнему пытаются навязать комплекс исторической вины за все грехи сталинского тоталитаризма. Парадокс состоит в том, что Советский Союз исчез, а русофобия за пределами России приняла широкие масштабы, усиливаемая относительной слабостью нынешней России, утратившей былые возможности и влияние. Как считает кремлевский политолог Г. Павловский, русских пытаются превратить в евреев XXI в.³¹ «Имперский» еженедельник «Завтра» пишет: «Непрекращающиеся призывы к покаянию за “преступное советское прошлое” автоматически делают нас наследниками “преступного режима”, что крайне деморализует общество и попутно толкает к новому международному “Нюрнбергскому трибуналу”, в котором русские будут выступать вовсе не как судьи или прокуроры»³².

Скорее всего правы те, кто призывает к широкой общественной дискуссии на эту тему, чтобы расставить в этом вопросе все точки над «i» и найти справедливое морально-политическое решение. Следует помнить о том, что советский тоталитаризм нанес урон не только советскому, но и польскому, и другим народам.

Поэтому, например, не только поляки, но и россияне должны помнить о трагических страницах в истории советско-польских отношений. Нельзя оставлять жертв катынского преступления памяти только поляков. Это также составная часть памяти россиян. Ежегодно в апреле в Катынском мемориале и Мемориале Медного в официальных мероприятиях памяти польских военнопленных — жертв сталинских репрессий наряду с официальными польскими представителями должны принимать участие российские руководители соответствующего ранга.

Тем более нынешние российские официальные лица должны занять четкую позицию по поводу попыток определенных российских кругов пересмотреть официальную российскую точку зрения на Катынь как на преступление, совершенное НКВД по приказу высших советских руководителей, и вновь возложить вину на нацистов.

Россия, имеющая исторические проблемы в отношениях со своими соседями, должна стараться строить новые отношения с ними на принципах уважения, доброжелательности, терпимости, добрососедства и сотрудничества во всех сферах. Тогда рано или поздно отношение к России и россиянам стабильно изменится к лучшему.

В 1990-е годы интерес россиян к Польше и полякам хотя и уменьшился, но все же оставался значительным. Российскую элиту интересовал польский опыт перехода к рынку. Как писал советник президента РФ Б. Ельцина С. Станкевич, Польша для России была объектом подражания, примером «настоящего реформаторства»³³. Часть российских бизнесменов приобрели свой первый коммерческий опыт в контактах с польскими партнерами. В тот период специфический интерес к Польше поддерживался десятками тысяч российских «челноков», которые смогли познакомиться с высокой польской бытовой культурой.

Во второй половине 1990-х годов интерес россиян к Польше и полякам резко уменьшился. После установления прямого контакта России с Западом у «новых русских» возникла аллергия на Восточную Европу как на нечто второстепенное. Польша из страны, в предыдущий период близкой, как написал читатель сайта «ИноСМИ.Ru», превратилась в страну «на окраине сознания, где-то далеко на Западе»³⁴.

Сформированное в советские времена восприятие поляков как друзей сменилось неожиданным осознанием, что в прошлом поляки были врагами, что сейчас поляки к русским относятся неприязненно. Русофобия в Польше вызвала отчуждение к полякам и Польше среди части российской интеллигенции.

За истекшие со дня начала перемен двадцать лет какого-то чувства превосходства над поляками у россиян отнюдь не возникло. Скорее наоборот. К Польше не подходили и не подходят как к реальной опасности и угрозе. Однако в последние годы Польша стала считаться проводником внешнеполитических интересов США, польские политики и СМИ в подходе к России воспринимаются как носители двойных стандартов.

Каков же образ поляка в сознании современного россиянина?³⁵ Социологический опрос, проведенный в октябре 2001 г. Фондом общественного мнения (ФОМом), показывает, что сходство между двумя народами русские видят в расовом и этническом родстве (славяне, белые), языке, характере (среди положительных качеств выделяются «душевность», «доброта», «трудолюбие», «широкая душа», «простота», «радушие», «миролюбивость», «наивность»), общей истории, единой религии (христианство), проживание в Европе и др. Русские и поляки отличаются друг от друга языком, конфессиями (русские — православные, поляки — католики), чертами национального характера, культурой и обычаями, национальными традициями. Что касается черт национального характера, то полякам приписываются большая активность, предприимчивость, сплоченность и собранность. В то же время поляков, в отличие от русских, называют хитрыми, скрытными, нетерпимыми. Часть

опрошенных полагает, что у поляков иной, чем у русских, «подход к жизни», что «они ближе к западной психологии» и поэтому у них «более капиталистическое мышление», «больше тяготение к частной собственности, они более свободны». «Поляки ближе к Западу», они «более цивилизованные», чем русские, более воспитанные, «интеллигентные», «более культурные», у них выше «культура производства»³⁶. Этот социологический опрос, видимо, свидетельствует, что русские — это тот народ в Европе, который лучше других понимает поляков.

Представления россиян о Польше в основном унаследованы от недавних социалистических десятилетий. Как следует из социологического опроса Фонда общественного мнения, проведенного в августе 2005 г., Польша ассоциируется у россиян с телесериалом «Четыре танкиста и собака», краковской колбасой и магазинами фирмы «Польская мода». На то время только у 4% россиян была жива ассоциация Польши с «Солидарностью».

В ряду имен, которые олицетворяют Польшу в России, первые две позиции с большим отрывом от остальных заняли весьма популярные в российском обществе певицы Анна Герман и Эдита Пьеха (47 и 45%). Дальше следуют имеющие непосредственное отношение к культуре или науке Барбара Брыльска, Фредерик Шопен и Николай Коперник (их назвали 19–22%). Следующие 16% ответили, что Польша ассоциируется у них с фигурой Папы Римского Иоанна Павла II. Современные политические лидеры, такие как Л. Валенса, В. Ярузельский и А. Квасьневский, упоминаются россиянами реже (8–14%)³⁷.

Если социологические опросы, проведенные в РФ в самом начале XXI в., свидетельствовали, что россияне в отношении поляков не испытывали особых предубеждений и антипатий, то более поздние опросы показали, что отчуждение россиян в отношении поляков и Польши несколько увеличилось. Хорошее отношение к Польше в советские времена замедлило этот процесс отчуждения у россиян. Такое отношение постепенно меняется, но не является враждебным. Социологические опросы, проведенные ФОМом с октября 2001 г. по декабрь 2006 г., показали, что число респондентов, считавших, что Польша является дружественным в отношении России государством, сократилось с 57 до 30%. Соответственно число россиян, считающих Польшу недружественным государством, увеличилось с 25 до 38%. На вопрос: «Если сравнить Ваше отношение к Польше в прошлом и сейчас, какое из предложенных высказываний Вам ближе?» 40% опрошенных заявили, что они относились к этой стране хорошо в прошлом и сейчас относятся хорошо. И только 10% россиян относились и относятся к Польше плохо³⁸.

Согласно социологическому опросу об отношении россиян к различным странам, проведенному Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ) в апреле 2008 г., Польшу другом России считали 2% опрошенных, в то время как врагом — 5%³⁹. Социологический зондаж, проведенный в июне 2009 г. Левада-Центром, свидетельствует, что Польшу другом России считают 2% респондентов, а врагом — 10%⁴⁰.

Социологические исследования, проведенные российскими и польскими социологами в 1998–2002 гг., свидетельствуют, что в польском обществе негативные стереотипы по отношению к России — это часть европейской идентичности, поощряемой правящими элитами. В российском сознании поляки выглядят «оруже-

носцами» агрессивной западной политики, посягающей на российские интересы. Как правило, — и это убедительно показывают результаты исследования — этно-политические мифы каждой из сторон имеют мало общего с реальностью.

Для россиян остается значимой идентичность, ассоциированная с государством, причем сильным, польская же вырастает из национальных и культурных традиций. Прошлое довлеет над настоящим, и это ведет к тому, что у поляков национальная идентичность находится в состоянии мобилизации, словно угроза этой идентичности существует и по сей день. Вместе с тем эта идентичность проявляется «мягко» наряду с открытостью внешнему миру. Польские коллеги, принимавшие участие в исследовании, согласились, что российское общественное сознание более открытое к этнокультурной вариативности, выглядит более современным, чем сознание поляков, более герметическое⁴¹. Однако после вступления в Евросоюз поляки преодолевают свою герметичность.

Россияне и поляки придерживаются разных идентичностей, по-разному оценивают свое прошлое и видят свое будущее. Однако это не должно быть препятствием для развития добрососедских отношений между нашими странами. Необходим постоянный диалог между обществами и историками России и Польши. Российские и, прежде всего, польские политики должны решить: стоит ли перед лицом непростого будущего, которое всех нас ожидает в ближайшие годы, продолжать выдвигать на первый план из исторической памяти те события, которые нас разделяли и теперь сеют неприязнь и препятствуют развитию сотрудничества. Решение или смягчение остроты проблем, источник которых кроется в трудной истории взаимных отношений, — это важный путь к взаимопониманию россиян и поляков, развитию российско-польских отношений на принципах добрососедства и партнерства.

¹ Граждане сохраняют исторический оптимизм // Коммерсантъ. 2008. 12 нояб.

² Данилова Е., Ядов В. Россияне и поляки о своем самочувствии в условиях общественных перемен // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.2008.isgas.ru.

³ Там же.

⁴ Арбатов А. Г. Россия: Особый имперский путь // Россия в глобальной политике. 2005. № 6.

⁵ Кортюнов С. В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М., 2009.

⁶ Распад СССР — главное разочарование XX в. // РБК daily. 2008. 28 окт.

⁷ О «национальных образах прошлого». XX век и «война памяти». Обращение Международного Общества «Мемориал» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.polit.ru (27.3.2008).

⁸ Россияне так и не выучили, что мы празднуем 4 ноября — опрос // РИА Новости. 28.10.2009.

⁹ Режиссер Владимир Бортко: «Нам кажется, что у Тараса Бульбы трагедия, а он гордился смертью Остапа...» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kp.ua (17.04.2009).

¹⁰ Полковник Бульба: Новый русский герой // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.pravmir.ru.

¹¹ Фоторобот российского обывателя // Новая газета. 2008. 6 нояб.

¹² Катынский расстрел // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.fom.ru (20.01.2005).

¹³ 24.08.2009. Пакт Молотова—Риббентропа и нападение СССР на Польшу осенью 1939 года // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.lewada.ru.

¹⁴ Распад СССР — главное разочарование XX в. // РБК daily. 2008. 28. окт.

¹⁵ Вступительное слово на заседании Российского организационного комитета «Победа». 27 января 2009 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru.

¹⁶ Вступительное слово министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с участниками заседания Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Москва, 27 октября 2008 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mid.ru.

¹⁷ «Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?» Статья В. В. Путина в «Газета Выборча» (Польша) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.premier.gov.ru (2009, 31 августа); В. В. Путин выступил на состоявшейся в Гданьске церемонии, посвященной 70-й годовщине начала Второй мировой войны // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.premier.gov.ru (2009, 1 сентября).

¹⁸ Чубайс И. Почему мы не понимаем собственную страну и есть ли в России социальная наука // Новая газета. 2009. 4 февр.

¹⁹ Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru.

²⁰ Большинство россиян — за сохранение символов коммунизма // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.gian.ru (22.12.2008).

²¹ Кремль приукрашивает образ Сталина // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.inopresa.ru (09.12.2008).

²² Память о национальных трагедиях также священна, как память о победах // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru (2009, 30 октября).

²³ Память о сталинизме // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.polit.ru (11.12.2008).

²⁴ Преодоление сталинизма и большевизма как условие модернизации России в XXI в. Окончательная редакция. Решение Политкомитета № 8 от 28 февраля 2009 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: yabloko.ru.

²⁵ 05.03.2009. За пропаганду сталинизма — уголовную ответственность. Заявление Комиссии по идеологии и информационной политике партии «Правое дело» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.pravoedelo.ru.

²⁶ России нужна «десталинизация» — глава «Мемориала» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.inrefax.ru (2009, 30 октября).

²⁷ Дипломатический вестник. № 12. 1992. 30 июня. С. 21.

²⁸ Rzeczpospolita. 17.10.1992.

²⁹ См.: Жили-были. Новейшая история России — что было с нами вчера // Российская газета. 2007. 11 июля.

³⁰ Стенографический отчет о встрече с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук. 21 июня 2007 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kremlin.ru.

³¹ Павловский Г. Русский вопрос в российской политике // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.globalrus.ru (9.01.2007).

³² Тукмаков Д. Гнет блестящего фиаско. Почему власть продолжает «десоветизацию» России? // Завтра. 2008. № 52.

³³ Коммерсантъ-Власть. 1999. 30 нояб.

³⁴ ufa. Прощай, Польша? // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.inosmi.ru (20.02.2009).

³⁵ Подробнее об образе друг друга в предыдущие периоды см.: Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Россия и Польша. Образы и стереотипы. М., 2002; Фалькович С. М. Польша и поляки в глазах россиян // Польша — СССР 1945—1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; Хореев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005; Липатов А. В. Россия и Польша: «домашний спор» славян или противостояние менталитетов // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимнепонимание. М., 2000; Lipatow A. Rosja dzisiejsza między przeszłością a terażniejszością. Toruń, 2007.

³⁶ Поляки: «И они, и мы — славянская раса» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.fom.ru (11.10.2001).

³⁷ Россия и Польша: Тенденции и инциденты // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.fom.ru (25.08.2005); ВЦИОМ: Мнения россиян о Польше разделились почти поровну // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rosbalt.ru (23.08.2005).

³⁸ Россия, Польша и Евросоюз // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.fom.ru (7.12.2006).

³⁹ Пресс-выпуск № 951. Россия: Ее друзья и враги // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.wciom.ru (8.05.2008).

⁴⁰ 10.06.2009. Друзья и враги России // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.levada.ru.

⁴¹ Россияне и поляки на рубеже столетий: Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998—2002 гг.) / Сост. Е. Н. Данилова и В. А. Ядов. СПб., 2006. С. 338—339.

Вопрос расчета с коммунистическим прошлым стал важным элементом общественных дискуссий и мер, предпринимаемых государственными учреждениями как в Польше после 1989 г., так и в России, особенно после распада Советского Союза. Эти дискуссии прежде всего имели внутригосударственное измерение, но вместе с тем они являлись важным фактором, формирующим польско-российские отношения, и стали трудной темой в наших взаимоотношениях. Если в Польше ни одна политическая группировка не ставила под вопрос необходимость проведения расчетов с прошлым (вопросы вызывала лишь форма их проведения), то в России под вопрос ставился общий смысл их осуществления. Новая польская элита состояла из бывшей антикоммунистической оппозиции, и расчеты с коммунистическим прошлым, которое было для Польской Народной Республики формой навязанного сверху ограниченного суверенитета, воспринимала как свой естественный долг, политическую и моральную обязанность. В России, где преемственность властной элиты была доминирующим элементом во всех политических процессах после 1991 г., такой необходимости вовсе не ощущалось. В некоторой степени это было понятно, в том числе по причине того, что расчеты с прошлым подразумевали судебные процессы над политическими руководителями России. Поэтому несколько ключевых вопросов были решены в двух государствах по-разному, что и сделало возможным либо проведение расчетов с прошлым, либо отказ от них. К этим вопросам относятся: реабилитация жертв системы, открытие всех архивов, особенно архивов органов государственной безопасности, установление люстрационных процедур и, наконец, целевые действия государства, направленные на формирование единого общего мышления о прошлом, — то, что обычно называют исторической политикой. В данной работе мы попытаемся сравнить эти явления в Польше и России, а также проанализировать их возможные последствия для текущих польско-российских отношений.

Тяжелое наследие коммунизма. Польская общественность с большим интересом наблюдала за переменами, происходившими в России с середины 1980-х годов. Должно быть, никогда после 1989 г. пророссийские симпатии в Польше не были так сильны, как во время неудавшегося московского путча 19–21 августа 1991 г., когда десятки тысяч людей вышли на московские улицы, чтобы защищать демократию и новую Россию. Символом тех дней также остается свержение памятника Феликсу Дзержинскому, стоявшего перед главным зданием КГБ. Результатом этих событий стал распад СССР, наступивший в декабре 1991 г. 25 декабря 1991 г. Россия перестала быть советской и социалистической. Возникновение Российской Федерации открыло и новую страницу и в истории польско-российских отношений.

В то время многим стало очевидно, что перед Россией, так же как перед Польшей и другими государствами Восточной Европы, стоит задача рассчитаться со своим тоталитарным прошлым — обычно это называют «декоммунизацией». В Польше важными этапами этого процесса стали: реабилитация репрессированных во времена ПНР за участие в деятельности, нацеленной на проведение независимой государственной политики, передача архивов бывших органов безопасности новым государственным учреждениям и их открытие для широкой общественности, а также принятие на законодательном уровне решения изучать прошлое лиц, занимающих

социально значимые должности, на предмет их возможного сотрудничества с тайной политической полицией. В Центральной Европе считалось, что принятие таких мер является условием строительства демократической системы и элементом социальной справедливости, а также возмещением ущерба, нанесенного жертвам прежней системы¹.

При этом для многих поляков было очевидно, что вина за преступления советского тоталитарного режима не лежит на современных россиянах. Однако ожидалось, что будет полностью раскрыта историческая правда о событиях тех лет, что исполнителей преступлений надо осудить, а память о жертвах — почтить. Уже осенью 1989 г. была создана Федерация катынских семей и Комитет исторических исследований катынского преступления. Президент Польши генерал Войцех Ярузельский в беседах с советскими руководителями требовал выяснения всех обстоятельств катынского преступления².

Наиболее важным событием на том этапе стало совместное заявление руководителей Республики Польша и Российской Федерации Леха Валенсы и Бориса Ельцина, опубликованное 22 мая 1992 г. во время визита Валенсы в Россию, в котором осуждался сталинский режим³. Тогда же был подписан Договор о дружественном и добрососедском сотрудничестве, а также договор о выводе войск бывшего СССР с территории Польши. Дополнением этих событий стал приезд в Польшу 14 октября 1992 г. профессора Рудольфа Пихои, спецпосланника президента Ельцина, который передал президенту Валенсе документы по катынскому расстрелу. Среди них был протокол заседания Политбюро ВКП(б) 5 марта 1940 г. Именно тогда было принято решение о расстреле 14 700 солдат и 11 тыс. других польских граждан, находившихся в советских тюрьмах. Эти документы были быстро обработаны и изданы на польском языке, а правда о катынском расстреле стала в Польше предметом общенациональной дискуссии. Были предприняты дальнейшие шаги по увековечиванию памяти жертв этого преступления. 4 июня президент Валенса вместе с делегацией Польской Республики принял участие в торжественной закладке фундамента Польского военного кладбища в Катыни. Важным итогом этого периода стали заседания польско-российского «круглого стола» в феврале 1996 г., организованные в соответствии с соглашением министров иностранных дел обеих стран, подписанным в ноябре 1995 г. На этих заседаниях обсуждались спорные вопросы польско-российских отношений.

Как выяснилось в процессе сведения счетов с прошлым, меньше всего противодействия как в Польше, так и в России вызывала реабилитация репрессированных в ПНР по политическим причинам. Практически без особых возражений в феврале 1991 г. Сейм принял закон, не только признающий недействительными все обвинения, выдвинутые против репрессированных в ПНР лиц за деятельность, направленную на проведение государством более независимой политики, но и также дающий им возможность получения компенсации за нанесенный ущерб и испытанные унижения⁴. В России похожий закон не вызвал значительных разногласий и был принят Верховным советом РСФСР уже в октябре 1991 г. В 1991 г. в Польше было начато расследование сталинских преступлений, что стало следствием изменений и реорганизации Комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше, которая с 1945 г. (первоначально как Комиссия по исследованию немец-

ких преступлений в Польше) занималась расследованием преступлений нацизма. В новой форме это учреждение получило название Комиссии по расследованию преступлений против польского народа, в ее компетенцию вошло и расследование преступлений, совершенных в 1945–1956 гг.

Гораздо более сложной проблемой оказалось не открытие архивов коммунистических спецслужб, а осуществление люстраций на практике. Однако это никак не повлияло на польское общество, в котором все понимали, что во времена ПНР роль тайной полиции была огромна. Она являлась одной из опор тоталитарного государства. Сеть тайных сотрудников не только обеспечивала доступ к информации из разных сфер общества, но и делала возможными различного рода оперативные игры с обществом. Этот инструмент приобрел наибольшее значение в 1980-е годы. Простое применение силы уже не могло решить ни одной из проблем власти, которая все больше теряла контроль над обществом. Особенно в сфере перестройки экономики, банковского сектора, а также средств массовой информации роль агентурных связей оказалась значительной. Впрочем, так было не только в Польше⁵.

Проблемы архивов. После 1989 г. архивы тайной полиции тоталитарного государства так же, как это случалось в предыдущие переломные исторические периоды, вызвали страстные дискуссии и политические споры. Это происходило вследствие понимания факта, что тот, кто контролировал секретную документацию, не только знал о прошлом, но и располагал эффективным инструментом в текущей политической борьбе. В начале 1990-х годов в бывшей ГДР, а позже в Германии и Чехословакии были приняты постановления, согласно которым архивы тайной полиции передавались в полное распоряжение независимых организаций. Их задачей было сделать доступными для широких масс документы органов безопасности тоталитарного государства. Тогда же был установлен порядок процедуры люстрации в отношении лиц, участвовавших в политической жизни. Позже в том же ключе эти проблемы стали решаться в странах Балтии, в Венгрии и Румынии. В Польше, а также на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов попытки расчитаться с наследием тоталитарного режима были прекращены. Это стало результатом доминировавшего в тот момент среди политических элит убеждения, которое нашло адекватное отражение в предвыборном лозунге будущего президента Александра Квасьневского во время избирательной кампании 1995 г.: «Мы выбираем будущее». За этой точкой зрения стояло не только опасение сведения счетов с тоталитарным режимом, но и убежденность в том, что для Польши важнее мобилизация сил для быстрой социальной и экономической модернизации, прошлое же всегда будет роковым образом разделять общество.

Следует помнить, что с осени 1989 г. в течение нескольких месяцев во всех подразделениях Службы безопасности и Военной внутренней службы уничтожалась оперативная документация⁶. Реакцией на информацию о сжигании документов стала созванная министром народного образования профессором Генриком Самсоновичем 20 марта 1990 г. специальная комиссия по надзору за архивами МВД. Однако ее деятельность не принесла результатов, не было внесено конкретных предложений по поводу дальнейшей судьбы архивов.

Комплексное предложение по освоению архивных материалов польских спецслужб внес закон об Институте национальной памяти (ИНП)⁷. Целью этого закона

являлось открытие доступа широких масс к касающейся их документации, собранной в прошлом органами безопасности коммунистического государства. На закон, подготовленный Избирательной акцией «Солидарность» и Союзом свободы, наложил вето президент Александр Квасьневский. Он подготовил собственный проект создания так называемого гражданского архива, доступного преимущественно избранной группе исследователей. Однако Сейму удалось это вето отменить, но только после года усиленной работы в 2000 г. были проведены выборы первого председателя Института национальной памяти. Им стал профессор Леон Керес, в 2006 г. его сменил доктор Януш Куртыка.

Вопросом, вызвавшим массу разногласий, стало предоставление широкого доступа к документам бывших органов безопасности ПНР. Согласно закону только те граждане, которые были зарегистрированы как отдельный источник информации, имеют возможность не только ознакомиться с материалами, которые о них собрали органы безопасности, но также могут узнать фамилии офицеров, которые проводили в отношении них различные операции, а также фамилии людей, которые, будучи тайными сотрудниками полиции, доносили на них. Кроме того, появился шанс научной обработки огромного собрания текущих документов спецслужб ПНР с последующей передачей их в открытый доступ (общая длина документов составляла почти 50 км) в хранилища Бюро выдачи и хранения документов Института национальной памяти. Стоит добавить, что только в общей картотеке хранилось около 3 млн карточек, что говорит о масштабах деятельности тайной политической полиции во времена ПНР⁸.

Наряду с историческими исследованиями, результатом которых стало большое количество серьезных публикаций по новейшей истории ПНР, были проведены также источниковедческие и методологические разработки, которые создали отдельную категорию вспомогательных дисциплин для новейшей истории⁹. Некоторые публикации Института национальной памяти, однако, вызывали не только научные дискуссии, но и горячие политические споры; именно так обстояло дело в случае с книгой о прошлом президента Леха Валенсы¹⁰.

Важной структурой в рамках ИНП является Комиссия по расследованию преступлений против польского народа, в задачу которой входит преследование исполнителей преступлений нацизма и коммунизма. Более того, закон об ИНП впервые ввел в польскую юриспруденцию определение преступлений коммунизма. Оно включает все преступления, совершенные в период с июля 1944 г. до сентября 1989 г., что в итоге сделало возможным преследование и привлечение к ответственности бывших сотрудников органов безопасности ПНР, а также судебного аппарата. В 2006 г. частью ИНП также стало Люстрационное бюро, которое занимается верификацией люстрационных заявлений и лиц, находящихся на социально значимой работе, и ведет каталог, содержащий информацию о них и о сотрудниках аппарата безопасности ПНР.

Содержание архивов бывших коммунистических спецслужб стало причиной дискуссий не только на исторические темы, но и на темы безопасности отдельных стран, которые после 1989 г. получили суверенитет на своей территории. В общественных дебатах подчеркивалась зависимость спецслужб ПНР, равно как и других служб бывшего восточного блока, от советских спецслужб, которые с середины 1980-х годов в отдельных странах Восточной Европы начали эвакуацию наиболее

важных документов из хранилищ местных спецслужб, как гражданских, так и военных¹¹. Поскольку в тех условиях не сохранилось никакой документации, мы можем лишь предполагать, что в руках преемников Первого главного управления КГБ или Службы внешней разведки РФ, а также Главного разведывательного управления (ГРУ) остаются документы по наиболее важным оперативным делам, наиболее ценной агентуре и информация о кадровых сотрудниках спецслужб этих стран. О том, насколько эффективным может быть их использование, говорят необычайные финансовые и политические карьеры, свидетелями которых мы были во всей Восточной Европе, где особенно влиятельные позиции в сырьевом и банковском секторах заняли выходцы из коммунистических спецслужб, в прошлом имевшие контакты с советскими спецслужбами¹².

В то же время возникновение ИНП имело большое значение для польско-российских отношений, так как оно сделало возможным сведение счетов с наследием советского тоталитаризма. В ПНР, как справедливо отмечает Роберт Траба, был создан странный гибрид единственно возможной трактовки истории, в котором пытались совместить классовые и национальные моменты. «В нем не было места для советских преступлений, синонимами которых были “Катынь” и “Гулаг”, не говоря о “депортациях”, “принудительном переселении”, “Восточных Кресах”, “антисоветском подполье”»¹³. В этом же контексте с начала 1990-х годов в Польше велась дискуссия о так называемых белых пятнах в новейшей истории, то есть о трагических событиях XX в., которые по политическим и идеологическим причинам никогда не являлись предметом исследований и общественных дискуссий. Создание ИНП не только преумножило возможности для подобных исследований и обсуждений, но также стало институционализацией присутствия государства в сфере коллективной памяти.

У российской стороны такого учреждения не существовало. Это вызывало предположения о том, что власти Российской Федерации осознанно не желают покончить с тоталитарной системой, из чего следовало, что весь багаж антисоветских настроений переносился в сферу текущих польско-российских отношений. Отказ от расчетов с коммунизмом критиковал в том числе и один из известных советских диссидентов Владимир Буковский, который, говоря о нежелании Бориса Ельцина разоблачать коммунизм, писал: «Безусловно, необходимо было как можно быстрее обезвредить оставшиеся элементы тоталитарной системы, в том числе и КГБ со всей его запутанной агентурной сетью... Но что самое важное — обязательно нужно было раз и навсегда публично дискредитировать и изобличить социалистический режим, свергнуть его с пьедестала, показать и доказать его преступления, что лучше всего было бы делать в рамках открытого судебного процесса или же посредством общественного и гласного следствия, а средствам массовой информации передать для публикации соответствующие документы из архивов КПСС и КГБ. Другими словами, следовало покончить со старыми структурами власти и создать новые»¹⁴.

Однако в России никто не пытался произвести такой радикальный разрыв с прежней системой, так как смена системы произошла не революционным, а реформаторским путем. В России не было общественной силы, которая хотела бы воплотить в жизнь такой радикальный сценарий. Стоит добавить, что этот сценарий не был возможен не только в России, но и в любом другом государстве Восточ-

ной Европы. Перемены везде происходили постепенно, а силы старого порядка длительное время сохраняли серьезные политические и экономические позиции.

Отсутствие институциональных решений не помешало различным польским научно-исследовательским институтам проводить исследования совместно с российскими учеными и архивистами, также работающими в закрытых коллективах, являющихся составной частью МВД или ФСБ. В частности, в результате работы польско-российской рабочей группы (в нее входили представители Бюро выдачи и хранения документов ИМП, Министерства внутренних дел и администрации Польской Республики, Федеральной службы безопасности Российской Федерации) было подготовлено важное издание «Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб»¹⁵. Благодаря сотрудничеству и помощи российских учреждений в Фонде центра КАРТА был создан Восточный архив — необычная картотека, в которой отражены судьбы более чем 160 тыс. польских граждан, сосланных в 1939 г. в отдаленные районы СССР или находившихся на территориях, оказавшихся под советской или немецкой оккупацией, история польского подполья, боровшегося за независимость, а также переселения после Второй мировой войны и преследования в период сталинизма.

Проблема люстраций. Изучение прошлого деятелей, занимающих социально значимые должности, с целью выяснения их возможного сотрудничества с тайной политической полицией коммунистического государства, каким была ПНР, оказалось одним из наиболее тяжелых и противоречивых политических процессов в III Польской Республике. Следует добавить, что практически во всех исследованиях общественного мнения, проводившихся в Польше с начала 1990-х годов, большая часть общества высказывалась в пользу проведения люстраций общественных деятелей и предания гласности документов органов безопасности коммунистического государства. В период трансформации несколько раз менялась правовая основа и методика проведения люстраций, а также способов предания гласности документации тайной политической полиции. Люстрация помимо правового и политического измерений имеет также и моральный контекст, так как является попыткой раскрытия механизмов тоталитарного государства, которые в течение десятилетий оказывали влияние на жизни миллионов поляков.

Первой попыткой разрешения этой проблемы стало постановление Сейма от 28 мая 1992 г., которое обязывало министра внутренних дел раскрыть фамилии послов, сенаторов и государственных чиновников — от уровня воевод и выше, которые в 1940–1990-е годы сотрудничали с Управлением безопасности или Службой безопасности. 4 июня 1992 г., реализуя постановление Сейма о люстрациях от 28 мая 1992 г., министр внутренних дел Антони Мачеревич передал президенту, премьеру, маршалу Сейма и маршалу Сената, первому председателю Верховного суда и председателю Конституционного суда документ, содержащий данные, касавшиеся двух главных лиц государства. Одновременно Конвент старейшин Сейма Польской Республики получил список из 64 послов, депутатов Сейма, сенаторов, а также членов правительства, фамилии которых хранились до этого в архивах МВД. Правда, предоставляя списки лиц, о которых была найдена информация в архивных хранилищах Управления безопасности и Службы безопасности, свидетельствующая об их возможном сотрудничестве с этими органами, министр Мачеревич не стал катего-

рически утверждать, что лица, фамилии которых он указал в списках, действительно являются тайными сотрудниками соответствующих органов. Однако в общественном сознании списки отразились иначе — они были восприняты как перечень агентов коммунистических служб безопасности. Дискуссия о методах реализации Мачеревичем постановления о люстрациях вызвала один из наиболее острых политических кризисов в политической истории III Польской Республики и в итоге привела к падению правительства Яна Ольшевского, а также резко поляризовала польскую политическую сцену. Этому было посвящено большое число статей в прессе и несколько монографий¹⁶.

Очередным нормативным актом, на этот раз принятым согласно нормативному акту, а не постановлением Сейма, был закон от 11 апреля 1997 г. о раскрытии работы или службы в органах государственной безопасности или сотрудничества с ними в 1944–1990 гг. лиц, занимающих социально значимые должности¹⁷. Закон предусматривал, что лица, на которые распространялись люстрации, были обязаны сообщить о своей работе или службе в органах безопасности ПНР или о секретном сотрудничестве с этими органами. О факте работы, службы или сотрудничества следовало также проинформировать широкую общественность. Признание факта сотрудничества с органами безопасности не влекло за собой санкций; только в случае укрывательства этих обстоятельств, так называемой люстрационной лжи, было предусмотрено лишение права занимать общественные посты в течение 10 последующих лет. Истинность предоставленной информации проверял Представитель общественных интересов — специальное лицо при одном из отделов Апелляционного суда в Варшаве, представляющее общественные интересы в ходе люстрационного процесса.

Постановление Конституционного суда от 25 октября 2005 г. ослабило действие такой модели люстраций, так как на его основе любой гражданин, даже бывший тайный сотрудник органов безопасности, мог ознакомиться с документами, которые в прошлом собрала на него тайная полиция ПНР¹⁸. Это стало причиной начала работы над новым законом о люстрациях. Закон о раскрытии информации, содержащейся в документах органов государственной безопасности 1944–1990 гг., а также о раскрытии содержания этих документов, принятый 18 октября 2006 г. голосами не только правящего в тот период большинства («Право и Справедливость», «Самооборона», ЛПР), но также и голосами части оппозиции — партии «Гражданская платформа», прежде всего менял порядок люстраций¹⁹. Упразднился пост Представителя общественных интересов, который был заменен Люстрационным бюро ИНП. По закону около 700 тыс. граждан должны были дать показания о том, что они не сотрудничали со спецслужбами ПНР. Закон вызвал бурные дискуссии в прессе²⁰. Против такого решения вопроса выступали и сторонники люстраций, например, сенатор Збигнев Ромашевский и маршал Сената Богдан Борусевич. Сомнения были также и у президента Леха Качиньского, который хоть и подписал закон, но в то же время начал разработку дополнений к нему.

Однако и исправленный президентом Качиньским вариант закона фактически не был воплощен в жизнь, так как был заблокирован очередным постановлением Конституционного суда от 11 мая 2007 г. Суд признал, что несколько десятков положений закона о люстрациях идут вразрез с конституцией, в том числе положе-

ние, обязывающее Институт национальной памяти опубликовать списки тайных сотрудников, так как «ИНП определял бы, является ли данное лицо сотрудником по своему усмотрению», опираясь на признанное противоречащим конституции приложение к закону об ИНП, где перечислены никогда и никем не определенные категории сотрудничества. Под сомнение также ставились предписания, согласно которым люстрации должны были распространяться на широкие научные и журналистские круги. Люстрационные процедуры были, однако, приостановлены, так же как и механизм обязательного заявления о сотрудничестве с секретной полицией. Однако самым спорным был вопрос люстраций духовенства, а не лиц, занимавших социально значимые посты²¹. В атмосфере скандала вокруг сотрудничества со Службой безопасности 7 января 2007 г. было отменено официальное вступление в сан варшавского митрополита архиепископа Станислава Вельгуса. Широкое обсуждение вызвала также книга ксендза Тадеуша Исаковича-Залеского о проникновении агентов в духовенство краковского архиепископства²².

Декоммунизация, которой не было. В законодательстве Российской Федерации отсутствуют люстрационные меры. В сознании части польской политической элиты и общественного мнения этот факт укреплял убеждение в том, что Российская Федерация является в значительной степени продолжением коммунистического государства, опиравшегося и опирающегося на силы спецслужб и на влияние их агентуры. Преобладает мнение, согласно которому такое положение дел стало причиной того, что в России не было люстраций и не удалось не только открыть архивы коммунистических спецслужб, но даже убрать мумию Ленина из мавзолея на Красной площади, хотя в 1999 г. и казалось, что это наконец произойдет. Единственным законодательным актом, ставшим попыткой почтить память жертв тоталитарной системы, явился принятый 8 октября 1991 г. закон о реабилитации жертв политических репрессий. Данный закон помимо оказания материальной помощи государством жертвам репрессий, также давал возможность уголовного преследования сотрудников ЧК, ГПУ-ОГПУ, НКВД, МГБ, а также прокуроров и судей, участвовавших в организации государственного террора. Однако на практике эти преступления в Российской Федерации совершенно не преследовались. Стоит добавить, что закон был подготовлен еще в советское время, так как в 1987 г. Политбюро ЦК КПСС создало Комиссию по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов. Комиссия проводила расследования, опираясь на документы, находившиеся в архивах КГБ. В 1990 г. было начато предоставление жертвам НКВД и их семьям некоторых документов, связанных с касавшимися их делами. Однако на деле виновники и исполнители этих преступлений в Российской Федерации не преследовались.

Также неудачей закончилась попытка объявить КПСС вне закона, предпринятая после августовского путча 1991 г. 23 августа 1991 г. президент Ельцин издал указ, объявлявший КПСС вне закона на территории всей РСФСР и требовавший конфискации ее имущества. На следующий день Ельцин подписал указ, согласно которому следовало передать архивы КГБ и КПСС в хранилища Российской Федерации. Перелом казался близким, учитывая, что 24 августа 1991 г. Михаил Горбачев отказался от поста генерального секретаря ЦК КПСС²³. Однако все сложилось иначе. 30 ноября 1993 г. было оглашено решение Конституционного суда РФ по делу о

запрещении КПСС. Большая часть пунктов из трех указов президента Ельцина были признаны отвечающими Конституции РФ, часть — не отвечающими. Сохранялся запрет на функционирование высших органов КПСС и Компартии РСФСР, но местные партийные организации могли продолжать свою деятельность. Партийное имущество, являвшееся государственным, подлежало конфискации, не подлежало конфискации лишь то, что было исключительно партийной собственностью²⁴. Однако в итоге была сохранена политическая и организационная сила коммунистической партии, действовавшей в России под другой вывеской — Компартия Российской Федерации. Не удалось осудить и членов Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), арестованных в августе 1991 г. Слушания по их делу начались в Конституционном суде в июле 1992 г. Через год члены ГКЧП были освобождены, а в 1994 г., согласно решению Государственной думы, амнистированы²⁵. Сам Ельцин решение суда по этому делу назвал безобразием²⁶. Последствия этих неудач были значительными. Они затормозили возможность решительного расчета с прошлым, тем более что драматическая общественная и политическая ситуация в стране в скором времени привела к падению популярности президента Ельцина и сместила симпатии россиян в пользу возродившейся прокоммунистически настроенной левой партии под руководством Геннадия Зюганова. Была заторможена реформа спецслужб, которые после конфликта президента Ельцина с Верховным советом в октябре 1993 г. вновь стали важным элементом государственной власти, и стало трудно сводить с ними счеты. Период сведения счетов окончательно завершился в 2004 г., когда вступил в силу закон о пенсионном обеспечении бывших сотрудников государственного и партийного аппарата, установивший для них специальные надбавки. Этот закон фактически стал специальной премией для советской номенклатуры.

Не был реализован и план открытия материалов из архивов КПСС и КГБ. Хотя на основании указа Бориса Ельцина от 24 августа 1991 г. и была создана международная комиссия по изучению деятельности партийных структур и органов государственной безопасности, получившая ограниченный доступ к центральным архивам ЦК КПСС, ее деятельность вскоре была свернута²⁷. В конце 1991 г. в Москве был открыт Центр хранения современной документации, расположившийся в бывшем здании ЦК КПСС. Передаче в Центр подлежали рассекреченные партийные архивы, однако 14 января 1992 г. президент Ельцин подписал постановление «О соблюдении государственной тайны Российской Федерации», которое на практике восстанавливало все грифы секретности, действовавшие во времена СССР²⁸. С октября 1991 г. действовала парламентская Комиссия по передаче архивов КПСС и КГБ на государственное хранение, которую возглавил Дмитрий Волконогов. Впрочем, ее деятельность не привела к быстрым изменениям в этой сфере.

Однако уже в 1990-е годы историки получили доступ к части материалов советских спецслужб и ЦК КПСС, в результате чего, кроме прочего, генералом Волконоговым по первоисточникам была написана биография Сталина. Судьба архивов партии и советских спецслужб решилась в июле 1993 г., когда был принят закон об Архивном фонде Российской Федерации и архивах. Закон однозначно определял, что все документы, касавшиеся государственной безопасности и внешней разведки, подлежат процедурам, установленным в законах о специальных службах²⁹. За-

кон устанавливал, что данные документы могут быть рассекречены лишь по истечении 30 лет с момента их составления, а также давал возможность продления их секретности на более длительный период. Окончательное решение по данному вопросу принимает Межведомственная комиссия по охране государственной тайны, которой среди прочих оказывают содействие в принятии решения эксперты из специальных служб. Открытие архивов спецслужб имеет большое значение для изучения истории Советского Союза. По мнению американского исследователя советских и российских спецслужб Эми Найт, архивы КГБ «были жемчужиной в короне для исследователей советского периода»³⁰. Они касаются не только истории Российской Федерации, но и других бывших советских республик, так как до августа 1991 г. их архивы были перенесены в Россию и распределены по разным хранилищам, где находятся и в настоящее время. Несмотря на то что советские спецслужбы в ходе своей деятельности часто уничтожали данные об элементах своих операций, а в начале 1990-х годов имели место целенаправленные уничтожения материалов, Найт считает, что в архивах, подведомственных Федеральной службе безопасности и Службе внешней разведки РФ, хранится пять миллионов папок оперативной документации, собранной на протяжении всего периода существования советских органов государственной безопасности³¹. Трудно сказать, какова возможность открытия материалов из архива военной разведки ГРУ, так как нет никаких правовых норм, регулирующих этот вопрос.

На практике относительно легко были рассекречены следственные материалы и нормативные акты, значительно труднее — оперативные акты, особенно касавшиеся агентуры³². Эти собрания следственных материалов неоднократно исследовались в научных кругах и публиковались. К примеру, официальное издательское соглашение со Службой внешней разведки РФ подписало американское издательство «Crown Publishen». Часть документов была опубликована в прессе, особенно в специализирующихся на данной тематике журналах «Совершенно секретно» и «Новости разведки и контрразведки». Позже множество интересных материалов и их анализ опубликовал интернет-портал Александра Солдатова <www.agentura.ru>. Большую научную ценность имеют научные издания источников по истории советских органов безопасности, особенно сборник работ под названием «Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ. 1917—1991»³³.

Несомненную ценность представляют также научные работы, исследующие различные формы советской тоталитарной государственности. На волне перестройки советские историки, упрямо желавшие изучить «белые пятна» советской истории, стремились разобраться и в катынском деле. При изучении архивов были открыты документы Главного управления НКВД, касающиеся военнопленных и интернированных в 1939—1940 гг.³⁴. Результаты исследований однозначно свидетельствовали: ответственность за катынское преступление несут сотрудники НКВД. Было опубликовано множество научных монографий и сборников документов, посвященных истории советских служб безопасности, а также жертвам политических репрессий. Стоит подчеркнуть, что были опубликованы также материалы из архивов спецслужб, прежде всего межвоенного периода, а также касающиеся операций, проводимых, например, в отношении польского подполья, боровшегося за независимость своей страны. Авторами этих работ были не только российские историки, но и ученые других стран,

впервые получившие доступ к многим документам советской государственной администрации, органов безопасности и Главного управления исправительно-трудовых лагерей. Благодаря этому смогли появиться на свет такие фундаментальные и важные для понимания сталинского тоталитаризма работы, как монографии Энн Аппельбаум или Энтони Бивора³⁵.

Важную роль в изучении советского прошлого сыграли общественные организации, среди которых особое международное значение имеет Общество «Мемориал» с отделениями в разных городах России и за ее пределами. «Мемориал» проводил мониторинг и публиковал материалы по современному положению прав человека в государствах на территории бывшего СССР, особенно он активизировал свою деятельность после 1991 г. В этом контексте стоит вспомнить о деятельности польской комиссии «Мемориала» под руководством Александра Гурьянова. От имени «Мемориала» Гурьянов предпринимал активные действия, направленные на реабилитацию жертв катынского расстрела, в том числе в качестве наблюдателя на судебных процессах в России, возбужденных семьями пострадавших.

Наиболее комплексной попыткой правового расчета с коммунистической системой в России стала инициатива депутата Галины Старовойтовой, с которой она выступила на III съезде партии «Демократическая Россия». Это был законопроект, предусматривавший одновременные меры по декоммунизации и люстрации; на съезде предложение Старовойтовой было принято. В декабре 1992 г. на обсуждение Верховного совета Российской Федерации был внесен проект Закона «О запрете на профессии для проводников политики тоталитарного режима»³⁶. Законопроект предусматривал десятилетний запрет на занятие общественно значимых должностей для сотрудников аппарата КПСС, начиная с секретарей производственных и территориальных партийных организаций, а также для сотрудников КГБ и агентыры этих служб в некоторых секторах государственной жизни (прежде всего в аппарате исполнительной власти, средствах массовой информации, специальных службах, системе высшего образования). Проект также предусматривал формы люстраций, ответственными за которые должны были стать территориальные суды. Однако законопроект не был принят. В 1997 г. Старовойтова пыталась внести несколько модифицированный проект этого закона на рассмотрение Государственной думы РФ, но и на этот раз безуспешно. Проект принят не был³⁷.

Наследие чекизма. Найдется немного стран, где тайная полиция имела бы такое большое влияние на ход общественной жизни, как в России. Этот факт является одновременно объективным и подвергающимся различным мистификациям, но несомненно оказывающим большое влияние на формирование позиций и общественных оценок в отношениях между Польшей и Россией, особенно с того времени, когда первое место на российской политической сцене занял Владимир Путин. Польская общественность прокомментировала данный факт однозначно: в стране, где у власти стоит бывший полковник КГБ, существуют другие стандарты. Тем более что ряд ключевых постов занимают бывшие сотрудники тайной полиции. Чекисты, как их называют в России, со времен большевистского переворота в 1917 г. являются элитой государства. Они создали новый общественный класс, чрезвычайно сплоченный, контролирующий важнейшие аспекты политической и экономической жизни. Перемены в сфере российских спецслужб нельзя оценивать без

учета многих других проявлений «чекизации» России. Множество высокопоставленных офицеров российских спецслужб в настоящее время занимают важные позиции в общественной жизни и государственной администрации³⁸. Они действуют также в бизнесе, банковском секторе и СМИ. Не только в Польше возникает вопрос: какой след в головах и душах этих людей оставили годы, проведенные на службе в КГБ? Данный факт оказывает также определенное влияние на сферу международных отношений.

Советские специальные службы до 1989 г. имели возможность контролировать все стратегически важные аспекты общественной и экономической жизни во всех государствах-сателлитах СССР в Центральной Европе. Не вдаваясь в детали, каков был масштаб суверенитета партийного руководства в этих государствах, можно констатировать один очевидный факт: все важнейшие шаги как Войцеха Ярузельского, так и Яноша Кадара, Эриха Хонеккера, Густава Гусака должны были быть согласованы с Москвой. Одним из важнейших информационных каналов, помимо дипломатического и партийного, были спецслужбы. Следовательно, возникает вопрос, в какой степени КГБ использовал свои связи с другими спецслужбами восточного блока для проведения операций в Восточной Европе и на Западе³⁹. Как известно, во времена перестройки роль КГБ не сократилась, а наоборот, значительно возросла. Об этом говорят результаты исследований как российских, так и западных ученых⁴⁰. В данном контексте очевидно, что КГБ должен был с особым вниманием наблюдать за ходом событий на территории других государств Восточной Европы, которые, по всей видимости, могли восприниматься как своего рода лаборатория неизбежных перемен.

КГБ имел в Восточной Европе множество оперативных источников⁴¹. Помимо сети официальных контактов на уровне департаментов министерств внутренних дел и спецслужб практиковались «беседы», как охарактеризовал свои контакты с офицером КГБ бывший польский премьер-министр Юзеф Олексы⁴². Такие партнеры для «бесед» находились не только в Польше, но и в Чехословакии, Венгрии, обоих германских государствах. Многие из них в 1990-е годы сделали карьеры в политике, пользуясь тем фактом, что нигде в Восточной Европе не был проведен процесс декоммунизации, хотя бы частично схожий с процессом денацификации, который имел место в Западной Германии после 1945 г. Люстрационные процедуры, хотя их позитивную роль сложно переоценить, не решили всех проблем. Они лишь оградили государственный аппарат и общественную жизнь от тайной агентуры бывших коммунистических спецслужб. Но они не могли противостоять дальнейшему существованию агентуры влияния в политической среде, причем не только среди левых посткоммунистов. Лишь в небольшой степени люстрационные процедуры помогли в борьбе с «нормальной» агентурой современной российской разведки. Предпринятые в Польше предупредительные и ограничительные санкции в отношении российской агентуры в незначительной степени парализовали ее потенциал и оперативные возможности.

Выразительным примером деятельности российской агентуры влияния было избрание президентом Литвы зависимого от российских денег и организационной базы Роландаса Паксаса. Документы, опубликованные после отставки Владимира Мечара, указывают на тесное сотрудничество словацкой службы безопасности СИС

под руководством Ивана Лекса с российской внешней разведкой (СВР) и говорят о возможности влияния российских спецслужб на многие события в Восточной Европе⁴³. Нельзя также забывать о роли спецслужб в трансформации ПОРП. Деньги, которыми Москва, не скупясь, поддерживала своих польских товарищей в 1991 г., перевозились офицером разведки КГБ. Не без причин, например, интересы многих важных для энергетического сектора восточноевропейских компаний связаны с банками и финансовыми структурами на Кипре, который уже давно является районом плотного проникновения сначала советских, а затем и российских спецслужб. Сенсационные заявления, опубликованные бывшим сотрудником архива КГБ Василием Митрохиным, в том числе касающиеся размера средств, вложенных при посредничестве КГБ в различные экономические предприятия итальянских и французских коммунистов, свидетельствуют о том, насколько эффективными были эти методы⁴⁴. Это также отразилось на оценке современного российского государства в контексте принятых в Москве решений не открывать архивы спецслужб и не проводить люстрации.

Расчеты с прошлым. Важным элементом упорядочения обстоятельств и условий диалога с Россией должен быть поворот в вопросах исторических расчетов, которые существенным образом формируют общественное мнение и негативные стереотипы и тем самым оказывают влияние на политическое поведение. В польско-российских отношениях важнейшими политическими вопросами в данной области являются: выплата компенсаций польским гражданам за принудительные работы в бывшем СССР и польским жертвам сталинских репрессий, признание поляков репрессированным народом, обеспечение польской стороне возможности довести до конца расследование катынского преступления, в том числе предоставление доступа к 183 томам расследования, проведенного Военной прокуратурой РФ, а также юридическая квалификация Россией расстрелов в Катыни, Харькове, Калининне как военных преступлений и преступлений против человечности, не имеющих срока давности.

Особенно важным представляется согласование способов эффективного решения проблемы компенсаций полякам за принудительные работы в СССР. Возможности реализации польскими гражданами своего права на компенсацию на основе российского законодательства трудно назвать реальными. Дело осложняется и непостоянной бюрократической процедурой, а предполагаемые размеры компенсаций в польских условиях не представляют большой ценности и не могут считаться даже символическим возмещением ущерба.

В контексте проведения исторических расчетов важным является то, что они не должны концентрироваться исключительно вокруг негативного опыта. Стоило бы сделать усилие и почтить россиян, которые даже во времена сталинского террора и репрессий проявляли сочувствие к полякам. По примеру израильской медали «Справедливый среди народов мира» стоило бы учредить медаль «Справедливый на бесчеловечной земле» и вручить ее тем гражданам бывшего СССР, которые различными способами помогали полякам в лагерях, тюрьмах, в районах депортации. По многим свидетельствам поляков, прошедших через лагеря, складываются образы россиян, которые, порой идя на риск, оказывали им помощь. Таким образом, мы бы могли почтить русских и представителей других национальностей, которые

проявили свою человечность в экстремальных ситуациях, и в то же время провести четкую границу между обычным россиянином и тем «советским человеком», который суровым образом угнетал прежде всего свой народ и несет ответственность за преступления тоталитарного режима. Это было бы также четким подтверждением того, что мы видим разницу между советской машиной террора, которая столь же безжалостно ударила по собственному обществу, и обычными россиянами, зачастую доброжелательно настроенными, готовыми помогать нам. В долгосрочной перспективе такая культурная политика, поддерживаемая соответствующими мероприятиями, продвигающими нашу культуру в России, должна способствовать изменению многих негативных стереотипов, что всегда приносит дивиденды в политике. Фильм «Катынь» Анджея Вайды доказывает, что даже о самых трудных моментах польско-российской истории можно говорить, соблюдая историческую правду, одновременно заставляя обе стороны задуматься о природе коммунистического тоталитаризма, жертвами которого были как поляки, так и русские.

Заботясь о местах захоронения поляков, погибших в России, нужно также осознавать обязанности польской стороны следить за состоянием кладбищ, на которых покоятся солдаты Красной армии, погибшие в битвах на территории польского государства. Их борьба способствовала освобождению Польши от оккупации нацистской Германии⁴⁵. Забота о состоянии этих мест должна быть не только обязанностью польского государства, вытекающей из специального договора по этому вопросу, но и важным моментом в отношении к Польше простого российского солдата и его семьи, живущей сейчас где-то в России и помнящей, что ее предок погиб во время освобождения Польши от нацистских оккупантов⁴⁶. В этом контексте стоит также вспомнить, что для польско-российского примирения важным стало бы участие в диалоге на тему прошлого обеих крупнейших христианских церквей — католической и православной, что придало бы сведению счетов с прошлым необходимое моральное измерение, обогатило бы его пониманием о значении примирения и христианского прощения.

Трудные и еще более трудные темы. Неизвестной остается судьба более 7 тыс. гражданских лиц и офицеров, содержавшихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины и убитых на основании того же политического решения, которое сделало возможным расстрел польских офицеров, находившихся в советском плену. Нам известен так называемый «украинский катынский список» — перечень 3435 личных тюремных дел поляков, арестованных на Украине в 1940 г. Однако нет никакой уверенности в том, что это полный список. Неизвестно также, каким образом была осуществлена ликвидация этой группы лиц и где были захоронены жертвы. Можно полагать, что некоторые были расстреляны в Быковне под Киевом, где в ходе проведенных в 2006 г. работ было обнаружено более десятка братских могил, в которых лежат поляки. Еще меньше мы знаем о так называемом «белорусском катынском списке». В ходе эксгумационных работ в урочище Куропаты под Минском были найдены могилы с останками польских офицеров. Безусловно, вся документация по делам арестованных и убитых в 1940 г. поляков должна была быть передана в Москву. Следовательно, именно в Москве нужно искать информацию как об именах погибших, так и о месте захоронения тел. Эта информация должна быть передана полякам с тем, чтобы и в этих местах были созданы такие же кладбища, как в Катыни, Медном и Харькове.

Другим важным для нас вопросом является юридическая квалификация катынского преступления. 5 марта 2005 г. Главная военная прокуратура Российской Федерации объявила о прекращении расследования Катынского дела. Среди материалов следствия, собранных в 183 томах, было засекречено в общей сложности 116 томов в связи с тем, что они содержат документы, до сих пор имеющие гриф секретности. Никому не было предъявлено обвинений, не было представлено и обоснование решения о прекращении расследования. Российские суды не квалифицируют катынское преступление ни по одной из категорий, не имеющих срока давности. Этот подход означает правовой нигилизм. По понятным причинам это неприемлемо для польской стороны. Тем более что во время Нюрнбергского процесса, когда советское обвинение пыталось возложить ответственность за катынский расстрел на Германию, катынское преступление было квалифицировано как преступление против человечества. Трудно понять, какие тайны страшного преступления хранит современная Россия. Аргумент о том, что речь идет о защите имен сотрудников НКВД, принимавших в нем участие, даже если этого и требует российское законодательство, является неприемлемым. Нет никаких причин, по которым бы современная Россия хранила имена палачей и их помощников, которые действовали не от ее имени, а от имени Советского Союза, Сталина и империи бесправия. Данный вопрос представляется тем более животрепещущим, что польско-российское примирение является исторической задачей. Оно не только важно для истории, но и необходимо для будущего, чтобы последующим поколениям поляков и россиян не приходилось в очередной раз с тревогой приближаться к шкафу, заполненному скелетами прошлого. Этот аспект катынского преступления трактует закон Сейма Польской Республики, принятый без голосования в день 65-летия катынского расстрела. В нем подчеркивается, что Сейм ожидает от российского народа и российских властей «окончательного признания характера преступления в отношении польских пленных как геноцида», демонстрации «мест захоронения огромной группы убитых пленных, чьи могилы до сих пор не удалось обнаружить», а также раскрытия «всех виновников катынского преступления — не только тех, кто отдавал приказы, но и непосредственных исполнителей»⁴⁷.

В ноябре 2008 г. Хамовнический суд Москвы отклонил жалобу семей расстрелянных в Катыни польских офицеров. В ходе судебного заседания имело место обращение к суду военного прокурора Игоря Близева, в котором он заявил, что реабилитация всех расстрелянных польских офицеров не представляется возможной, так как в отношении части из них существовали основания для репрессивных мер. На следующий день влиятельная российская газета «Коммерсантъ» поместила сообщение об этом заявлении под двусмысленным заголовком «Польских офицеров расстреляли без репрессий»⁴⁸. Хотя нынешняя Россия уже и не скрывает, что Катынь была сталинским преступлением, она в то же время оставляет данный факт без каких-либо моральных, политических и практических последствий. Вопрос касается и так называемой исторической политики, в последовательном проведении со времен Бориса Ельцина подходе, представлявшем Сталина прежде всего в роли великого руководителя, а не главного организатора политики террора и виновника преступлений. В России существуют опасения, что последствием реабилитаций могут стать требования возмещения ущерба со стороны семей погибших. Это касается не только поляков, но и представителей других репрессированных и

уничтожавшихся во время войны народов. Однако тут нет другого выхода, кроме всестороннего рассмотрения всех последствий этого чудовищного преступления, совершенного по приказу советских руководителей и исполненного чиновниками этого государства. Только тогда может быть стерт кровавый след, ведущий от тоталитарного советского государства к современной России. В этой связи справедливо звучит вывод профессора Анджея Новака, представляющий собой символическое послание россиянам на тему Катыни: «Катынь не может представляться в нашей исторической политике только как проблема польско-российских отношений, она прежде всего должна быть символом преступлений коммунистического режима против человечества»⁴⁹.

Историческая политика. Напряженность в польско-российских отношениях также явилась последствием действий обеих стран в области государственного закрепления национальной памяти, что сокращенно принято называть исторической политикой. Как в Польше, так и в России эта сфера политической жизни стала инструментом не только внутренней, но и международной политики, хотя предметом ее были не только польско-советские отношения⁵⁰. В Польше эта политика поначалу не носила институционального характера. Ее инициатором был круг историков, музейных работников и политологов, объединившихся вокруг краковского Центра политической мысли. Изданная в 2004 г. этим Центром книга «Память и ответственность» была первым комплексным изложением принципов новой исторической политики⁵¹. Во вступлении к этой книге утверждалось, что государство обязано проводить активную и осознанную политику в исторической сфере, так как «история — это предмет не только внутренних дискуссий, но и серьезных противоречий между государствами и зачастую используется в политических баталиях по самым современным вопросам». Своеобразным девизом новой исторической политики стала мысль Ханны Арендт о том, что государство — это не только общность хорошо и справедливо организованных действий, но также и организованной памяти⁵². Как представляется, инспирированы эти шаги были не только польско-российскими расчетами, но также и польско-российскими отношениями и широкими дискуссиями вокруг еврейского погрома в Едвабне 10 июля 1941 г., вызванными книгой Яна Томаша Гросса «Соседи» и результатами расследования этого преступления, проведенного Институтом национальной памяти⁵³. Дискуссии продолжились после выхода очередной книги Яна Т. Гросса, посвященной этой теме, — «Страх»⁵⁴.

«Травма Едвабне» изменила прежнее восприятие поляками самих себя исключительно в качестве жертв событий Второй мировой войны, она заставила их задуматься над ситуациями, в которых палачами были они сами. В данном контексте также следует упомянуть сложности в польско-украинских отношениях, возникшие вследствие массовых расстрелов, совершенных формированиями украинских фашистов на Волыни и в Восточной Галиции, и польских преступлений в отношении украинцев, проживавших в Польше. Измерение польско-немецких отношений представляется более широким, так как в этой связи предпринимаются попытки переписать историю и возложить ответственность за страдания, испытанные немецким населением после войны. Тут особо острую реакцию вызвала попытка показать немцев как жертв, а поляков и русских как виновных. Это коснулось всей новой литературы, фильмов и выставки «Заметный знак», посвященной выезду и

насильственному выселению немцев с восточных немецких земель. Дополнительным фактором была также активность немецкого Союза изгнанных, направленная на установление в Берлине памятника, посвященного послевоенной судьбе немецкого народа, что в свою очередь вызвало дискуссии на тему ответственности поляков за судьбы изгнанных немцев.

Однако, несомненно, наибольшее значение для формирования новой польской исторической политики имел факт создания по инициативе Леха Качиньского, в тот период мэра Варшавы, долгожданного Музея Варшавского восстания. Создание музея было крайне успешной идеей не только с точки зрения музейного дела, но и с точки зрения изменения тона исторических дискуссий в Польше. Следует подчеркнуть, что музей был создан не в результате официально осознанной общегосударственной политики, а как муниципальное учреждение, образованное благодаря огромному общественному вкладу. Группа, организовавшая музей, сумела выработать концепцию, которая оказалась привлекательной и для молодежи. Вскоре в музее началась реализация программ по новейшей истории Польши. Часть общественности сочла, что новая историческая политика, начатая со строительства этого музея, заложила основу гораздо более широкого проекта, определившего идеологию IV Республики Польша⁵⁵. Важным моментом явилось то, что интеллектуалы, говорившие о необходимости новой исторической политики с 2005 г., стали также частью интеллектуального тыла президента Леха Качиньского и партии «Право и справедливость». Это не могло не оказать влияние на превращение истории в важный инструмент политики и фактор, делающий легитимной власть определенной политической группы.

Музей Варшавского восстания имеет значение и для польско-российских отношений, поскольку делает акцент на том, что восстание в военном плане было направлено против немецких оккупантов и должно было стать элементом защиты польской суверенности и независимости перед лицом наступавшей с востока Красной армии и созданных по решению Иосифа Сталина и действовавших по его указу вооруженных формирований так называемой Люблинской Польши.

На предъявляемые польской стороной исторические претензии российская сторона реагировала как добросовестно проводимыми исследованиями, так и публикациями и неоднократно звучавшими заявлениями политиков пропагандистского характера. Так, в российские политические дискуссии был введен термин «антикатынь», использовавшийся при обсуждении вопроса о пленных солдатах польско-большевистской войны 1920 г., якобы расстрелянных в Борах Тухольских; заметим, что термин «антикатынь» появился сразу же после того, как следственное управление Института национальной памяти начало расследование катынских расстрелов.

Очередным негативным моментом в польско-российской борьбе за историческую память стали мероприятия, посвященные 60-летию начала Варшавского восстания и открытию Музея Варшавского восстания. Президент РФ Владимир Путин не принял участия в этих торжествах, несмотря на то что в них приняли участие представители стран антигитлеровской коалиции — США и Великобритания. Значительным моментом было также участие в этих мероприятиях канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера, который заявил, что Федеративная Республика Германия не будет поддерживать никакие иски немецких граждан в немецких и международных судах.

Важным был поставленный представителями польских левых — Марком Белкой, бывшим премьер-министром, и Влоджимежом Чимошевичем, бывшим министром иностранных дел, вопрос о признании Москвой политической ответственности Советского Союза за поражение восстания. Организованные в Москве мероприятия, посвященные 60-летию победы в Великой Отечественной войне, стали поводом выразить признательность итальянским и немецким антифашистам и проигнорировать польский вклад в разгром Третьего рейха. Польский вклад в победу был четвертым по величине — после СССР, США и Великобритании; из представителей других стран на всех фронтах Второй мировой войны сражалось больше всего поляков, и поляки сражались дольше всех.

Вскоре в российской прессе появилось несколько десятков статей, затрагивавших тематику польско-российских отношений, особое внимание в которых уделялось роли поляков во Второй мировой войне. Большинство содержащихся в статьях тезисов отрицали основополагающие исторические факты, использовали приемы пропагандистской риторики советской историографии, а иногда и просто клевету и ложные обвинения сталинской и «совковой» пропаганды, целью которой было оправдать создание в Польше правительства, послушного СССР. Публиковавшиеся прежде всего в издательствах, связанных с российскими спецслужбами и Министерством обороны, эти публикации являлись очевидными признаками антипольской кампании⁵⁶. В них, например, содержался намек на то, что командир Армии Крайовой генерал Тадеуш «Бур» Коморовский был немецким агентом, а главной задачей Армии Крайовой, уклонявшейся от борьбы с Германией, было уничтожение украинцев и евреев. Подвергалось сомнению мужество польских офицеров, сражавшихся на Западе, в том числе роль войск генерала Владислава Андерса во взятии Монте Кассино.

В России 4 ноября отмечается как День народного единства — в годовщину «освобождения Москвы от польских оккупантов». Вероятно, назначение этого праздника на 4 ноября не носило антипольского характера⁵⁷. Оно было утверждено парламентом в 2004 г. и должно было заменить отмечавшуюся с 1920-х годов 7 ноября годовщину большевистского переворота, или Великой Октябрьской революции.

Накануне первого празднования Дня народного единства в ноябре 2005 г. митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ныне Патриарх Московский и всея Руси, сравнил День народного единства с годовщиной победы над Третьим Рейхом. Вскоре оказалось, что были найдены останки Ивана Сусанина, одного из легендарных символов сопротивления против поляков, при государственном финансировании был снят фильм «1612», имеющий мало общего с исторической правдой, но укрепляющий некоторые антипольские стереотипы. Антипольская историческая публицистика с того момента стала частью пропаганды и использовалась частью политической элиты РФ⁵⁸. Чтобы обосновать перед обществом целесообразность празднования «схватки с поляками», руководство РФ начало создавать новый пропагандистский механизм, привлекая к этому местные власти и систему образования.

12 февраля 2005 г. Департамент информации и печати МИД России дал комментарий на тему «появляющихся в польских средствах массовой информации оценок и результатов последствий Ялтинской конференции союзных держав». По

мнению российского МИДа, поляки заново переписывают историю Второй мировой войны, называя ялтинскую конференцию «преступной». Некоторые аналитики указывали на совпадение этого заявления с моментом вовлечения польского руководства в разрешение политического кризиса на Украине⁵⁹. Это было также частью подготовки к широкому празднованию 60-й годовщины завершения Второй мировой войны в Европе, отмечавшейся 9 мая 2005 г. в Москве как крупный национальный праздник. В этот же период произошла четкая смена акцентов в оценках личности Сталина. Председатель Госдумы Борис Грызлов призвал «заново оценить выдающуюся личность Сталина». В школьной программе акцент в первую очередь делается на то, что Сталин был великим вождем, а темы сталинских репрессий отодвигаются на задний план⁶⁰. В этом контексте возобновлялась также дискуссия на тему оценки пакта Молотова—Риббентропа, новую политическую трактовку которого старались представить некоторые средства массовой информации, а также министр иностранных дел Сергей Лавров. Более дистанцированно отнесся к этому вопросу Владимир Путин, который 10 мая 2005 г. во время пресс-конференции в Кремле по окончании саммита Россия—ЕС упомянул, что Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. осудил пакт Молотова—Риббентропа и протоколы к нему, признав его «юридически несостоятельным и недействительным с момента подписания. Их подписание никак не отражало мнение советского народа». Тогда же он задал риторический вопрос: «Что еще мы можем сказать более точно и ясно по этому вопросу? Или вы хотите, чтобы мы делали это каждый год? Мы считаем, что этот вопрос закрыт. Сказали об этом — и достаточно»⁶¹.

Дополнением этой новой исторической политики стала речь президента Путина, с которой он выступил во время торжественной церемонии в Москве 9 мая 2005 г. В своей речи он подчеркнул роль немецкого и итальянского движения сопротивления, но не вспомнил о поляках, боровшихся с Гитлером на фронтах всего мира, в том числе вместе с Красной армией или в ее рядах⁶². Вечером того же дня Путин встретился с канцлером Германии Герхардом Шрёдером. В ходе встречи российский лидер также выступил с речью, в которой отметил, что первыми «жертвами нацистского режима были немецкие антифашисты». Он также добавил следующие примечательные слова: «Мы хорошо знаем, что те периоды, когда наши народы были вместе, были периодами расцвета европейской цивилизации»⁶³. У любого поляка, услышавшего эти слова, этот «период расцвета» ассоциировался с разделами Польши. В этом контексте нельзя не согласиться с мнением профессора Адама Даниэля Ротфельда, который, оценивая эти заявления, написал, что сейчас «мы имеем дело с пропагандистской попыткой героизации и инструментализации прошлого для строительства новой российской идентичности»⁶⁴.

Другим проявлением новой пропаганды было содержание российских учебников⁶⁵. Анализ 16 самых распространенных в российских средних школах учебников показывает, что в описании польско-российских отношений элемент конфронтации преобладает над элементом сотрудничества или хотя бы взаимного воздействия. Ставится под сомнение не только какое бы то ни было наличие польской государственности, но также и культуры на территориях на восток и юго-восток от линии Буга. Следствием такой позиции является тезис о существовании «исконных» польских территорий — небольшой привислинской страны, которая на про-

тяжении столетий пытается агрессивным образом расширить свое влияние на востоке. Другим следствием является то, что земли между Минском, Киевом и Пшемислом — даже при описании средневековья — называют белорусскими или украинскими. Отсюда делается вывод, что какое-либо присутствие Речи Посполитой на этих территориях было необоснованно, так как эти территории ни имеют ни культурного, ни этнического отношения к Польше. Ясно, что в данной трактовке феномен многонациональной Польской Республики («Rzeczypospolitej Wielu Narodow») и вовсе не может существовать. В отношении религии описание ограничивается конфронтацией православия и католичества, где подчеркивается, что агрессивной стороной в конфликте всегда выступала католическая церковь. Поражает отсутствие какой-либо информации о польских достижениях в области культуры. Нет никакой информации, которая позволила бы понять специфику Польши, ее систему ценностей, ее национальные мифы, которые могли бы объяснить современные стереотипы и чувства поляков, обусловленные ходом их истории.

Значимым фактом в этом контексте была речь, с которой в июне 2007 г. выступил президент Владимир Путин во время конференции преподавателей общественных наук в Новом Огареве. Тогда президент РФ сказал, что следует прививать молодым россиянам гордость за советскую державу и убрать из школьных учебников «оскорбительные моменты», оспаривающие правду о победоносной Второй мировой войне. Он подверг критике ученых, публикующих свои работы на деньги западных организаций, и сказал, что эти работы не должны находиться в школах и университетах⁶⁶. В том же духе высказался во время той же конференции и заместитель главы Администрации президента Владислав Сурков, призвавший исследователей присоединиться к исторической политике государства⁶⁷. На практике это означало конец плюрализма в российских учебниках истории. Типичной стала работа «Новейшая история России. 1945–2006» под редакцией Александра Филиппова, в которой присутствует, например, следующее утверждение: «Крупные чистки 30-х годов привели к созданию класса новых, лояльных и дисциплинированных менеджеров, способных модернизировать страну в условиях дефицита»⁶⁸.

Представляется точным утверждение профессора Юрия Афанасьева, что Россия в период президентства Владимира Путина отказалась от радикальных расчетов с прошлым и выбрала видимость примирения граждан с собственной историей, что было символично подчеркнuto старым советским гимном с новыми словами⁶⁹. Согласно новой концепции, коммунизм принес России не только гибель миллионов граждан, лагеря и репрессии, но и цивилизационный и экономический прогресс. В то же самое время польское общественное мнение и значительная часть политической элиты сходились во мнении, что коммунизм в Восточной Европе на всех этапах своего существования основывался в первую очередь на насилии и страхе. Одной из его опор была тайная полиция, роль которой с упадком системы в Восточной Европе возрастала. Этот факт в значительной степени предопределил польские и даже центральноевропейские дискуссии об исторических расчетах. Ее важным элементом был тезис, что важнейшей целью демократического общества является полный и окончательный разрыв с феноменом «культуры доносов», доминировавшей во всех сферах общественной и частной жизни во всей Восточной Европе. Таких всеобщих гражданских дискуссий не было в России, несмотря на то

что важнейшие черты этого явления были сформированы еще в 1930-е годы в Советском Союзе, где сотрудничество с органами безопасности преподносилось как одно из главных гражданских достоинств. После 1945 г. эта модель общественной жизни стала применяться во всех государствах Восточной Европы. Ее вдохновителями зачастую были коммунисты старшего поколения, прошедшие через советские лагеря и убедившиеся на собственном опыте, какими опасными и болезненными могут быть последствия отказа от доноса. В более поздний период в обществе закрепилось убеждение, что сотрудничество с органами безопасности является элементом общественного и профессионального возвышения. В этой атмосфере появлялись целые династии сотрудников служб безопасности, где профессия офицера безопасности переходила от отца к сыну, также случалось, что по наследству передавалась и роль информатора органов безопасности.

Однако стоит отметить, что к концу второго президентского срока Владимир Путин сделал значительный жест для граждан, которые были жертвами тоталитарного режима. 30 октября 2007 г. он принял участие в мероприятиях, посвященных Дню памяти жертв политических репрессий, во время которых заявил, что сталинские репрессии — это национальная трагедия. Однако он тут же добавил, что ответственность за репрессии лежит не на конкретных людях, а на «пустой идеологии», которая ставилась выше, чем права человека⁷⁰.

Годовщины, которые продолжают разделять. Мероприятия, посвященные 70-летию нападения Третьего рейха на Польшу, с которого началась Вторая мировая война, стали важными международными событиями, имевшими значение также и для польско-российского диалога. Миру напомнили о польской трагедии, а участие в мероприятиях канцлера ФРГ Ангелы Меркель и премьера России Владимира Путина дало надежду на символическое подведение итогов исторических обид. Но этого не произошло по многим причинам, прежде всего потому, что российские СМИ на протяжении лета 2009 г. убеждали соотечественников в том, что Польша в 1939 г. была союзником Гитлера и именно поэтому Сталин должен был вести с ним переговоры⁷¹. Несомненно, этот урок российской исторической политики был воспринят резко негативно польским общественным мнением.

Лишь в незначительной степени это впечатление сумела изменить статья Путина, опубликованная 31 августа 2009 г. в «Газете Выборча» («Gazeta Wyborcza»). Премьер России напомнил в ней, что «аморальный характер» пакта Молотова—Риббентропа был критически оценен российскими политиками еще в декабре 1989 г. Он подчеркнул, что «поляки первыми преградили дорогу агрессорам». Он вспомнил о мужестве польских солдат на всех фронтах Второй мировой войны и завершил статью призывом к примирению и польско-российскому сотрудничеству. Трудно не согласиться с этим выводом, хоть и нельзя оставить без комментариев уделенное в статье внимание тому, что символом общей скорби и взаимного прощения должны стать как кладбища в Катыни и Медном, так и судьбы российских военнопленных, захваченных во время войны 1920 г. Польские офицеры в 1939 г. попали в плен на территории собственного государства, они не нападали на Советский Союз. Они были расстреляны в силу решения советского руководства, которое было выполнено сотрудниками НКВД. Российские пленные, захваченные в 1920 г., были агрессорами, которые попали в плен в основном после Варшавского сражения в

августе 1920 г. Они находились в лагерях для военнопленных, где часть из них вследствие тяжелых бытовых условий и эпидемий умерла. Бесспорно, их судьба печальна, возможно, она заслуживает увековечивания, однако ни в коем случае нельзя ставить знак равенства между ними и жертвами Катыни⁷².

В таком контексте в Польше воспринималась речь премьера Путина, произнесенная 1 сентября 2009 г. на Вестерплатте. Глава правительства Российской Федерации объяснял в своей речи обстоятельства подписания Сталиным договора с Гитлером, не вспоминая даже о преступном тайном протоколе, который по сути своей был актом, провозгласившим четвертый раздел Польши. Хотя премьер России и назвал союз с Гитлером ошибкой, о катынском расстреле, который был непосредственным результатом этого союза, он не сказал ни слова. Даже если премьер Путин намеревался протянуть полякам руку, впечатление испортила активность других российских учреждений и средств массовой информации, которые, несмотря на историческую правду, пытались убедить общественность в том, что в 1939 г. Польша состояла в сговоре с Гитлером, направленном против Москвы. В пользу этого пропагандистского тезиса также была направлена презентация в Москве сборника документов из архивов советской разведки 1935–1945 гг.⁷³ Это была публикация, имевшая явный политический оттенок, который был особенно очевиден во вступлении к книге; к тому же, что важно отметить, публикация была неполной, со множеством хронологических пробелов, не было проведено научной обработки опубликованных документов⁷⁴.

Поэтому следует особо дорожить мнениями тех российских ученых и публицистов, которые в те дни защищали правду и вспоминали, как на самом деле выглядели обстоятельства подписания пакта Молотова—Риббентропа и нападения на Польшу 17 сентября 1939 г.⁷⁵ На глубинный смысл антипольской пропаганды обратил внимание Владимир Емельянов, исполнительный директор Ассоциации международного сотрудничества «Время и мир». В интервью для портала *credo.ru* он, в частности, сказал, что эта пропаганда напомнила о традиционной российской полонофобии, нашедшей свое отражение также в сфере религии⁷⁶. Речь Владимира Путина на Вестерплатте была выслушана в Польше с вниманием, а также с чувством незавершенности⁷⁷. По-другому это выглядело в России, где подчеркивались добрые намерения российского руководителя и жесты в сторону потепления отношений с Польшей⁷⁸. Не было также недостатка во мнениях, критикующих Путина за мнимую чрезмерную уступчивость в отношении поляков⁷⁹.

Однако определенный шанс на улучшение климата польско-российских отношений после статьи и выступления Владимира Путина все же появился, особенно после того, как во время своего визита в Польшу он заявил о готовности принять рекомендации, которые выработала Польско-российская группа по трудным вопросам. Прежде всего речь идет о морально-политическом осуждении катынского преступления, упрощении доступа к архивам по этому делу и создании соответствующих условий, увековечивании памяти жертв Катыни и российских солдат, погибших или умерших в Польше, а также о начале процесса польско-российского примирения. Достижению этих целей должно было также способствовать основание Дома встреч с польско-российской историей с представительством в Варшаве и Москве. В этом контексте также следует вспомнить об инициативе православных

монахов из Осташкова, где с осени 1939 г. и до весны 1940 г. содержались польские военнопленные — солдаты и прежде всего полицейские, убитые позже в Твери и захороненные в Медном. В рамках этой инициативы было предложено построить часовню, посвященную польским мученикам. В ней находится копия Ченстоховской иконы Божией Матери, которая в конце сентября 2009 г. была передана монахам Осташкова на Ясной Горе.

Несомненно, важным событием для польско-российских переговоров по историческим проблемам стало заявление президента РФ Дмитрия Медведева, который 30 октября 2009 г. в своем официальном видеоблоге осудил сталинский террор. Это был его личный комментарий к отмечавшемуся до сих пор очень скромно Дню памяти жертв политических репрессий⁸⁰. Президент России подчеркнул, что жертвами репрессий были миллионы граждан Советского Союза. Полемизируя с официальной линией, доминировавшей на тот момент в российских СМИ, Медведев также отметил: «До сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями. Я убежден, что никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь».

Выступление Медведева может означать корректировку последовательно проводившейся на протяжении многих лет российской исторической политики, в которой Сталин представлялся исключительно как вождь-победитель, разгромивший Третий рейх и освободивший Европу. Не прогнозируя дальнейшее развитие российской исторической политики, можно выразить надежду на то, что заявление президента РФ может быть ознаменованием начала нового этапа, следствием которого будет окончательное осуждение сталинизма как преступной системы, самой большой жертвой которого были сами россияне. Это также упростило бы развитие польско-российского диалога по трудным вопросам.

Итоги. Одним из важнейших факторов, составляющих различие между общественно-политической реальностью в Польше и России, является вопрос об отношении к расчету с коммунистическим прошлым, о мерах, которые необходимо предпринимать в этой связи. Отсутствие мер по сведению счетов с коммунистическим прошлым в России было воспринято польскими политическими кругами, а также частью польской общественности как проявление продолжения советской имперской политики, согласно которой Восточная Европа считалась внешней частью империи и естественной сферой влияния.

Польская политическая элита, кроме Союза левых демократов (СЛД), придерживалась позиции, что суверенное государство все же должно справиться с балластом коммунистического наследия. Не случайно расчеты с этим наследием стали проводиться только там, где было решено строить будущее, опираясь на ясные и четкие критерии. От этих расчетов отказались на территории всего бывшего Советского Союза, кроме Украины и государств Балтии. Это было в большой степени обусловлено различными внутренними обстоятельствами, особенно в России. Можно полагать, что российское руководство признало, что общество еще не созрело для таких расчетов и их проведение сопровождалось бы большими общественными и политическими издержками, так что провести их в полной мере можно будет, когда произойдет естественная смена поколений. Также трудно в один мо-

мент искоренить образ мыслей и систему ценностей, которые были основой гражданского воспитания для нескольких поколений. На эту проблему обратил внимание Владимир Кутнынин. Анализируя российскую историографию, он отметил, что многие современные историки ментально остались в предыдущей эпохе, что является «итогом истории России XX века — времени, когда мифы создавались беспрецедентно интенсивно»⁸¹.

Несомненно, эти вопросы объективно обуславливают различия между Польшей и Россией в подходах к теме расчетов с прошлым. Следует также подчеркнуть, что этот процесс не является «суррогатной темой», как его охотно опошляют противники расчетов с прошлым. В исторической перспективе можно надеяться, что исследователи будут определять четкие линии границ между территориями, где был произведен решительный расчет с тоталитарным прошлым и где этого расчета произведено не было, со всеми вытекающими последствиями — для государственного строя, для общества и для морали. Если согласиться с утверждением Александра Смоляра⁸², что историческая политика является выражением осознанного воздействия политических факторов на коллективную память и идентичность, то представленный выше краткий обзор действий государственных властей в Польше и России показывает, что их отправной точкой являются не только разные интерпретации фактов, но также и абсолютно разные системы ценностей, что, как представляется, будет создавать труднопреодолимые барьеры и в ближайшем будущем.

Окончательные итоги расчетов с коммунистическим прошлым в обоих государствах, несомненно, зависят от политических решений. Работы историков, архивистов и публицистов, а также деятельность различных общественных организаций не подменяют работу компетентных государственных институтов и органов, которые обязаны принимать соответствующие решения в этой области. Лишь одно не подлежит сомнению. Польско-российское примирение является исторической задачей, не только важной для истории, но и обязательной для будущего.

¹ Отчет Центра восточных исследований. Люстрация в государствах Центральной Европы и Прибалтики. Варшава, март 2009 г.

² *Malewicz P.* Polska polityka wschodnia w latach 1989–1991. Toruń, 2008. S. 132.

³ *Stosunki dyplomatyczne Polski. Informator. T. I. Europa 1918–2006.* Warszawa, 2007. S. 350 (Архив МИД Польши / Под ред. К. Щепаняка, А. Герман-Лукашике, Б. Яницкой).

⁴ *Ustawa o uznaniu za nieważne orzeczeń wydanych wobec osób represjonowanych za działalność na rzecz niepodległego bytu Państwa Polskiego.* Dz. U. 91.34.149 z 23.02.1991 г.

⁵ Приватизации в РФ посвящен большой раздел работы Влодзимежа Марциняка (см.: *Rozgrabione imperium. Upadek Związku Sowieckiego i powstanie Federacji Rosyjskiej.* Krakow, 2001. S. 321–435).

⁶ *Co kryją teczki? O tajnych współpracownikach bezpieki z Andrzejem Chojnowski, Grzegorzem Majchrzakiem, Zbigniewem Nawrockim i Tadeuszem Ruzikowskim rozmawia Władysław Bułhak // Biuletyn IPN.* 2005. Nr 3(50). S. 26–27.

⁷ Закон от 18 декабря 1998 г. «Об Институте национальной памяти — Комиссии по расследованию преступлений против польского народа». Dz. U. 155. Poz. 1016. Zm. Dz. U. 1999 г. Nr 38. Poz. 360.

⁸ *Sto kilometrów teczek. O archiwum IPN z Bernadettą Groniek i Leszkiem Postołowiczem rozmawiają Krzysztof Persak i Barbara Polak* Biuletyn IPN. 2002. № 15. S. 4–21.

⁹ *Musiat F.* Podręcznik bezpieki. Teoria pracy operacyjnej Służby Bezpieczeństwa w świetle wydawnictw resortowych MSW PRL (1970–1989). Krakow, 2007.

¹⁰ *Cenckiewicz S., Gontarczyk P.* SB a Lech Wałęsa. Przyczynek do biografii. Gdansk; Warszawa; Krakow, 2008.

¹¹ На связь военных спецслужб ПНР (Службы военной информации, Внутренней военной службы, II Управления Генерального штаба Польской народной армии) со структурами советской воен-

ной разведки ГРУ обращено внимание в Отчете Проверочной комиссии военных информационных служб // *Monitor z Polski*. 16.02.2007.

¹² Подробнее см.: *Grajewski A.* Rola KGB w transformacji społeczno-gospodarczej Związku Radzieckiego // *Przegląd Wschodni*. T VII. Z.1 (25). Warszawa, 2000. S. 311–323.

¹³ *Historia — przestrzeń dialogu*. Warszawa, 2006. S. 53.

¹⁴ *Bukowski W.* Moskiewski proces. Dysydent w archiwach Kremla. Warszawa, 1998. S. 703.

¹⁵ *Powstanie Warszawskie 1944 r. w dokumentach z archiwum służb specjalnych*. Warszawa, 2007.

¹⁶ См. в том числе: *Teczki, czyli widma bezpieki*. Warszawa, 1992; в книге представлена точка зрения противников люстраций. См. также: *Grocki M.* Konfidenci są wśród nas; *Kurski J., Semka P.* Lewy czerwcowy: mówią Kaczyński, Macierewicz; *Glapiński*. Kostrzewa-Zorbas. 1992 г. В книгах представлены мнения сторонников люстраций и мер, предпринятых министром А. Мачеревичем.

¹⁷ Закон от 11 апреля 1997 г. «О раскрытии работы или службы в органах государственной безопасности или сотрудничества с ними в 1944–1990 годах лиц, занимающих социально значимые должности» // *Dz.U.* 1999. Nr 42. Poz. 4287.

¹⁸ *Siedlecka E.* IPN ma pokazać każdemu jego teczkę // *Gazeta Wyborcza*. 26.11.2005.

¹⁹ Закон о раскрытии информации о документах государственных органов безопасности за 1944–1990 годы, а также содержания этих документов. 18 ноября 2006 г. (*Dz. U.* 2007. Nr 63. Poz. 425).

²⁰ *Kowalski S., Kraśko N., Woleński J.* Lustracyjny kotek // *Polityka*. 31.03.2007.

²¹ О проблеме люстрации в костелах Восточной Европы см., в частности: *Grajewski A.* Komplex Judasza. Kościół zraniony. Chrześcijaństwo w Europie Środkowo-Wschodniej między oporem a kolaboracją. Poznań, 1999.

²² *Ks. Tadeusz Isakowicz-Zaleski.* Księża wobec bezpieki na przykładzie archidiecezji krakowskiej. Kraków, 2007.

²³ *Bazyłow L., Wieczorkiewicz P.* Historia Rosji. Wyd. IV, poprawione i uzupełnione. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2005. S. 565.

²⁴ *Jelcyn B.* Notatki prezydenta. Warszawa, 1995. S. 283.

²⁵ Амнистией не воспользовался один из обвиняемых, главнокомандующий сухопутных войск генерал Валентин Варенников, требовавший проведения судебного процесса. Слушание по делу состоялось в октябре 1994 г., Варенников был оправдан.

²⁶ *Jelcyn B.* Op.cit. S. 137.

²⁷ *Bukowski W.* Op.cit.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ Российская газета. 1993. 14 марта; Известия. 1993. 14 июля.

³⁰ *Knight A.* Szpiedzy bez maski. Spadkobiercy KGB. Warszawa, 2001. S. 264.

³¹ *Ibid.* S. 265–266.

³² *Ibid.* S. 272, 284.

³³ Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ. 1917–1991: Справочник. Т. 1–2. М., 2001, 2003.

³⁴ *Лебедева Н., Матерский В.* Пленники необъявленной войны. Международный фонд «Демократия». М., 1997. В 1995, 1996, 2001, 2004 гг. Главное управление государственных архивов опубликовало фундаментальный сборник документов из российских архивов на тему катынского расстрела «Катынь. Документы преступления» (отв. ред. Н. Лебедева, В. Матерский, А. Нелли, Е. Росовская, В. Вошинский).

³⁵ *Appelbaum A.* Gułag, Warszawa, 2005; *Beevor A.* Stalingrad. Kraków, 2008.

³⁶ Выступление В. и Л. Бойцовых на тему люстрации см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.hrgo.org.

³⁷ Передача радио «Свобода» на тему люстраций 26 ноября 2003 г. с участием Руслана Линькова, Николая Донскова и Павла Пашнова. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.lenizdat.ru.

³⁸ Подробный анализ этого явления представила Ольга Крыштановская. См.: *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2004.

³⁹ О совместных операциях польской и советской разведки в отношении ЭЭС в 1980-е годы см.: *Łukasiewicz S.* PRL wobec Europejskiej Wspólnoty Gospodarczej // *Od Piłsudskiego do Wałęsy. Studia z dziejów Polski w XX wieku*. Warszawa, 2009. S. 380–391.

⁴⁰ *Heller M.* Siódmy sekretarz. Blask i nędza Michaiła Gorbaczowa. Lublin, 1993; *Andrew C., Gordijewski O.* KGB. Warszawa, 1997; *Thom F.* Czas Gorbaczowa. Warszawa, 1990.

⁴¹ Множество интересных подробностей на эту тему можно найти в воспоминаниях официально-го представителя КГБ в Польше (Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. Warszawa, 1994).

⁴² Следственная документация по этому делу была опубликована как Белая книга: Akta śledztwa prowadzonego przez Prokuraturę Warszawskiego Okręgu Wojskowego w Warszawie w sprawie wniosku Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 19.12.1995 r. i 16.01.1996. (sygn. Akt Poł. 1/96). Warszawa: Centrum Informacji Rządowej, 1996. Подробности этого дела также: *Badowski R., Atganow, Jakimiszyn i inni*. Wszystko o sprawie Oleksego. Warszawa, 1996; *Januszewski R., Strykowski J.* Szara Księga. Mówią członkowie Sejmowej Komisji Nadzwyczajnej do zbadania zgodności z prawem działania organów państwa w sprawie Józefa Oleksego. Warszawa, 1996.

⁴³ Подробнее см.: *Grajewski A.* Tarcza i miecz. Rosyjskie służby specjalne 1991–1998. Warszawa, 1998. S. 285–300.

⁴⁴ *Andrew C., Mitrochin W.* Archiwum Mitrochina. KGB w Europie i na Zachodzie. Warszawa, 2001; Oraz Archiwum Mitrochina II. KGB i świat. Poznań, 2006.

⁴⁵ *De Lazari A.* Musi to na Rusi // Pamięć i polityka historyczna. Fundacja Stefana Batorego. Warszawa, 2006. S. 69–76.

⁴⁶ Ustawa o grobach i miejscach pamięci ofiar wojen i represji z 22.02.1994 // Stosunki dyplomatyczne Polski. Informator. MSZ Archiwum. Europa 1918–2006, T. 1. / K. Szczepanik, A. Herman-Łukasik, B. Janicka (red.). Warszawa, 2007. S. 355.

⁴⁷ Sejm złożył hołd ofiarom Katynia // Serwis informacyjny PAP. 22.03.2005 r.

⁴⁸ *Воронов А.* Польских офицеров расстреляли без репрессий // Коммерсантъ. № 195. 2008. 14 июля.

⁴⁹ *Nowak A.* Powrót do Polski. Szkice o patriotyzmie po „końcu historii” 1989–2005. Kraków, 2005. S. 245.

⁵⁰ Роли Института национальной памяти в исторической политике Польши были посвящены широкие дискуссии, в том числе при участии маршала Сейма Республики Польша и председателя ИИП Януша Куртыка 30 марта 2006 г. в офисе Института. Запись дискуссии см.: Biuletyn IPN. Nr 5 (64). Maj 2006. S. 3–33.

⁵¹ Pamięć i odpowiedzialność. Ośrodek Myśli Politycznej, Centrum Konserwatywne. Kraków; Wrocław. Авторы тома: Dariusz Gawin, Dariusz Karłowicz, Robert Kostro, Zdzisław Krasnodębski, Tomasz Merta, Łukasz Michalski, Wojciech Roszkowski, Paweł Skibiński, Kazimierz Michał Ujazdowski, Jan Wróbel.

⁵² *Cichocki M.* Czas silnych tożsamości // Polityka historyczna. Historycy-politycy-prasa. Konferencja pod honorowym patronatem Jana Nowaka –Jeziorańskiego. Pałac Raczyńskich w Warszawie 15 grudnia 2004. Muzeum Powstania Warszawskiego. Warszawa, 2005. S. 15.

⁵³ *Gross J. T.* Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Fundacja Pogranicze 2000 r. Wokół Jedwabnego. T. 1;2. Warszawa, 2002.

⁵⁴ *Gross J. T.* Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków, 2008. Книга вызвала острую полемику, суть которой изложена, в том числе, в издании: Cena „Strachu”. Gross w oczach historyków. Wybór publicystyki pod redakcją Roberta Jankowskiego. Warszawa, 2008; Wokół Strachu. Dyskusja o książce Jana T. Grossa. Kraków, 2008.

⁵⁵ *Traba R.* Op. cit. S. 14.

⁵⁶ Ośrodek Studiów Wschodnich. Antypolska kampania historyczna. Warszawa, 11.10.2004.

⁵⁷ *Лейбин В.* Предпочмелный синдром. Памяти 7 ноября // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.polit.ru. 4.11.2005; *Назаров В.* Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.polit.ru. 4.11.2005.

⁵⁸ России возвращают историю. Беседа с Валерием Рязанским, заместителем главы фракции «Единая Россия» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.strana.ru. 2.11.2005.

⁵⁹ *Wilk A.* Rosyjska kampania historyczna // Tydzień na Wschodzie. Nr 385. 17.02.2005.

⁶⁰ *Reitschuster B.* Władimir Putin. Dokąd prowadzi Rosję? Warszawa, 2005. S. 299–300.

⁶¹ *Malczyk J.* Konferencja prezydenta Putina w Moskwie. Serwis informacyjny PAP z 10.05.2005 r. (Точная цитата см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rian.ru/world/20050510/39961021.html. — *Прим. пер.*)

⁶² *Idem.* Uroczystości w Moskwie z okazji 60. Rocznicy zwycięstwa. Serwis informacyjny PAP z 9 maja 2005.

⁶³ *Idem.* Spotkanie Putina ze Schroderem. Serwis informacyjny PAP z 9 maja 2005 r.

⁶⁴ *Roffeld A. D.* Instrumentalizacja historii. Pamięć i polityka zagraniczna // Polska w niepewnym świecie. Warszawa, 2006. S. 438.

- ⁶⁵ *Stanistawski W.* *Obraz Polski w rosyjskich podręcznikach historii. Analiza Ośrodka Studiów Wschodnich.*
- ⁶⁶ Россия не должна оправдываться за свою историю // Информгентство Интерфакс. 2007. 21 июня.
- ⁶⁷ Информгентство ИТАР-ТАСС. 20.06.2007.
- ⁶⁸ *Kowalewski T. A.* *Schyłek Rosji.* Poznań, 2007. S. 200.
- ⁶⁹ *Afanasjew J.* *Groźna Rosja.* Warszawa, 2005. S. 93.
- ⁷⁰ *Kremłowska ideologia zjednoczenia narodowego* // *Biuletyn OSW.* Nr 28. 7–14.11.2007.
- ⁷¹ Более широкое освещение этой кампании см.: *Menkiszaka M., Dubas A.* // *Biuletyn OSW.* № 29/2009. Эта кампания получила также отражение в публицистике. См.: *Radziwinowicz W.* *Kreml potrzebuje mitu Stalina* // *Gazeta Wyborcza.* 22–23.08.2009; *Wildstein B.* *Partyjne rachuby ponad racją stanu* // *Rzeczpospolita.* 13.09.2009.
- ⁷² Подобное заключение содержится в заметке Адама Михника «Это было не совсем так, господин Путин...» // *Gazeta Wyborcza.* 31.08.2009.
- ⁷³ *Секреты польской политики: Сб. документов (1935–1945) / Вступление, выборка и обработка Л. Ф. Соцкова. М., 2009.*
- ⁷⁴ Подробную рецензию на эти публикации см.: *Buthak W.* *Krótki kurs dezinformacji* // *Biuletyn IPN.* Nr 12 (107). Grudzień 2009. S. 14–32.
- ⁷⁵ Особое значение имели публикации на эту тему в «Независимой газете»: *Яжборовская И.* *Путешествие дилетантов в историю* // *Независимая газета.* 2009. 1 сент.
- ⁷⁶ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.Credo.ru. Беседу вел Владимир Ойвин. 7 сентября 2009 г.
- ⁷⁷ *Bursztyn P.* *Wojna na gesty i słowa. Czyli kto wygrał na Westerplatte?* // *Dziennik.* 3.09.2009.
- ⁷⁸ *Ведомости.* 31.08.2009; *Известия.* 2009. 1 сент.; *Коммерсантъ.* 2.09.2009.
- ⁷⁹ *Лебедев С.* *Довоенная Польша была задиристым милитаристским государством* // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rusk.ru.
- ⁸⁰ *Miedwiediew* *potępia stalinowskie represje* // *Biuletyn OSW.* Nr 38. 4.11.2009.
- ⁸¹ *Kutnianin W.* *Пamięć historyczna Rosjan. Między dziejopisarstwem akademickim a historiografią „ludową”.* В: *Пamięć i polityka hi staryczna. Doświadczenie Polski i jej sąsiadów* // S.M. Nowinowskiego, J. Pomorskiego, R.Stobецkiego. (red.). Łódź, 2008. S. 36.
- ⁸² *Smolar A.* *Władze i geografia pamięci* // *Пamięć jako przedmiot władzy.* Warszawa, 2008. S. 49–74.

В. П. Козлов (Россия)

В. Стемпняк (Польша)

История взаимоотношений России и Польши мне всегда казалась похожей на веретено, которое за многие столетия бездумно наматывало нити взаимных подозрений, ненависти и мщения. Отвратительно и нет желания повторять навороты этого веретена, тем более наматываемую на него нить превращать во все более и более толстый клубок. И перевести в плоскость истории, а не современной политики все мерзкие действия двух сторон в отношении друг друга. И, заглушив кликушество безнравственных политиков двух стран, постараться сохранить и построить новые, более прочные, чем ранее, мостики взаимопонимания россиян и граждан Польши.

Сотрудничество в области архивов двух стран как позитивный и реальный факт, уже состоявшийся, и как событие возможного будущего и есть один из таких мостиков, несмотря на то что и в архивной сфере между Россией и Польшей оказалось немало проблем.

На посткоммунистическом пространстве связи российских и польских архивистов многие годы носили наиболее разносторонний и устойчивый характер. У польских историков и архивистов будет всегда интерес к российским архивам — слишком тесно столетиями была переплетена история двух стран, слишком серьезный урон понесли польские архивы в двух мировых войнах XX в. Для российских архивистов важны профессиональные контакты с польскими коллегами — после прихода к руководству польской архивной службы коммуникабельной и энергичной Дарьи Наленч польские архивисты начали еще более активно включаться в западноевропейское архивно-информационное сотрудничество. Ныне они обоснованно претендуют на роль лидера в архивном деле стран Центрально-Восточного региона Европы, реально являясь своего рода связующим звеном между архивистами этого региона и западноевропейских стран.

Красноречивым подтверждением этого были ежегодные «Сковронекские чтения», проводимые в Польше с неременным участием архивистов зарубежных стран. О популярности этих чтений среди архивистов мира свидетельствовало их

постоянство и представительность: в 2004 г. они справили свой 10-летний юбилей. Примечательно, что российские архивисты, приняв участие в первых таких чтениях в 1994 г., с тех пор участвовали во всех.

Резкие предвыборные заявления в адрес России некоторых польских политиков понизили градус отношений и между архивистами двух стран. По существу ныне они оказались в замороженном состоянии — прежние определенность, постоянство профессиональных и человеческих контактов сменились холодной атмосферой выжидания.

Она, эта атмосфера, поддерживается действительными и мнимыми проблемами архивных споров.

Одна из них — раздел архивного наследия Российской империи и перемещенные после Второй мировой войны на территорию России архивы польских государственных и негосударственных организаций и граждан. Она не нова и в принципе в наши дни носит в значительной степени интернациональный характер. Это международная проблема, никогда, особенно в новой и новейшей истории, не утрачивавшая своей актуальности. XX век не только не устранил, но даже обострил и расширил ее, превратив в проблему мирового масштаба. Связано это как с двумя мировыми войнами, так и с распадом империй, в результате которого метрополии, как правило, отказались поделиться со своими бывшими колониями культурными ценностями, в первую очередь архивами. Поэтому сегодня в архивах Франции можно изучать историю Алжира, Туниса, Вьетнама, в архивах Англии — историю Индии, в архивах Австрии — историю Венгрии и т.д. Мир не столь справедлив, как кажется, поэтому многочисленные попытки создать международные правовые рамки решения проблемы встречают сопротивление, в лучшем случае ограничиваются ни к чему не обязывающими декларациями, вроде Гагской конвенции 1954 г., которая так и осталась не подписанной, в том числе цивилизованными европейскими странами¹.

На рубеже 1970–1980-х годов ЮНЕСКО и Международный совет архивов (МСА) попытались частично разрешить проблему имперского архивного наследия в отношении бывших колоний, ставших самостоятельными государствами. Предполагалось микрофильмировать документы приблизительно 70 км архивных полок, вывезенные бывшими метрополиями из колоний². Реализация этого проекта (теперь и в форме оцифрования) идет неспешно уже много лет в рамках двусторонних договоренностей. Такое разрешение проблемы представляется достаточно разумным, хотя у общественности бывших колоний оно будет постоянно вызывать раздражение своей половинчатостью. Однако бывшие метрополии, в частности, Бельгия, Франция, Португалия, Испания, Соединенное Королевство, демонстрируют приверженность именно к копированию документов своих колониальных администраций, без возвращения их подлинников в страны происхождения. В этой связи нелишне напомнить о том, что распад СССР не сопровождался сколько-нибудь значительным вывозом в Россию из бывших союзных республик архивных документов, созданных там не только республиканскими, но даже и союзными организациями.

Как известно, раздел архивного наследия Российской империи между советской Россией и Польшей произошел по Рижскому договору 1921 г. Передачи

польской стороне подлинных архивных документов из российских архивов состоялись в 1922–1924 гг. Иногда приходится слышать, что, во-первых, эти передачи не были завершены, а во-вторых, они сопровождались сознательными изъятиями, своего рода «стерилизациями».

На это можно заметить следующее. Еще при подготовке Рижского мирного договора у российских экспертов существовали сомнения относительно обоснованности передачи Польше ряда документальных комплексов. Речь шла прежде всего об архивных фондах центральных правительственных учреждений Российской империи, занимавшихся делами Королевства Польского, например, Комитета по вопросам Королевства Польского, а также о документах других центральных учреждений Российской империи, имевших на территории Польши свои структуры, например, документах организаций Варшавского военного округа, подчинявшегося имперскому Военному министерству. Нельзя не согласиться с тем, что в данном случае принцип происхождения при разделе архивного наследия, на котором настаивают польские архивисты, весьма и весьма относителен и во всяком случае требует профессионального обсуждения. Архивные фонды местных учреждений центральных органов власти Российской империи, входивших в вертикальные структуры этих органов власти, кажется, правомернее относить к наследию империи, а не какой-то ее ставшей самостоятельным государственным образованием части. Тогда же российские эксперты возражали и против возвращения Польше документов Волынской метрики, имеющей отношение к истории не только этой страны, но и других государств. В отношении этих и подобных документальных комплексов реализация идеи совместного архивного наследия в современных условиях выглядит вполне реалистичной и разумной.

Что же касается сознательной «стерилизации» переданных Польше по Рижскому договору 1921 г. архивных фондов, то, ни в коей мере не оправдывая своих коллег-предшественников, готовивших в 20-х годах прошлого века передачи архивных документов Польше, все же позволю заметить, что они проходили в условиях гражданской войны в России и большого «архивного нестроения» в стране. По этим причинам и могли случиться некие несознательные «изъятия», которые польские архивисты в наше время с помощью созданного в российских архивах научно-справочного аппарата могли установить. Составление их исчерпывающего реестра могло бы быть первым шагом в обсуждении вопроса об их правовом статусе в режиме определения правомочия действия в наше время Рижского мирного договора 1921 г.

Таким образом, раздел архивного наследия Российской империи между современной Россией и современной Польшей с учетом мирового опыта сегодня представляется еще более сложным, чем в 1921 г. Идея совместного архивного наследия в этих условиях кажется наиболее перспективным путем разрешения спора. В первую очередь она предполагает создание совместных справочных пособий, которые могли бы дать хотя бы общее представление о документах по истории России в польских архивах и документах по истории Польши в российских архивах, а также виртуально «объединить» разорванные части фондов одних и тех же учреждений, оказавшиеся в архивах двух стран. Определенный, хотя и не получивший завершения опыт создания такого справочника по общему архивному наследию России и Польши уже имеется. Я имею в виду наработки российских и польских архивистов

в рамках реализации международного архивного проекта, спонсировавшегося Советом Европы, под названием «Сохранение исторической памяти Польши». В дальнейшем можно было бы подумать о масштабном обмене микрофильмами архивных документов и о серии совместных трансграничных документальных публикаций, основанных на архивных документах двух стран.

Разумеется, доступ к совместному архивному наследию (и не только к нему) должен быть открытым и равным. Российская сторона в последние два десятилетия не раз демонстрировала свою открытость. Напомню всего лишь один пример. В конце 1980-х годов в польском Министерстве обороны была создана специальная архивно-историческая комиссия во главе с деловым и энергичным полковником Пентой. После легализации «Особого архива», где хранился значительный массив документов, связанных с судьбами польских военнослужащих в 1940 г., а также событий августа 1991 г., члены этой комиссии, обеспеченные несколькими копировальными аппаратами и достаточными средствами, приступили к масштабному копированию соответствующих архивных материалов. Со временем копирование распространилось и на другие архивы — ГА РФ, Центральный архив Министерства обороны России, затрагивая уже более широкий круг предвоенной истории взаимоотношений двух стран. Работа шла в высшей степени успешно, и тысячи страниц ксерокопий архивных документов из российских архивов заполнили полки польского Военного архива на окраине Варшавы, дав возможность польским военным историкам впоследствии наладить их специальную серийную публикацию.

Несколько иначе выглядит ситуация с польскими архивами, перемещенными в Россию в ходе и после окончания Второй мировой войны.

Для России проблема перемещенных на ее территорию после Второй мировой войны культурных ценностей европейских стран, включая архивы, имеет особую остроту в связи с утратами, которые были нанесены ее Архивному фонду в XX столетии. Революции 1917 г. и гражданская война привели не только к гибели ценнейших документальных комплексов, но и к их массовому вывозу за рубеж или оставлению их там, включая не только личные архивы, но и архивы официальных государственных учреждений — в первую очередь российских посольств, консульств, торговых представительств, смешанных предприятий, войсковых частей. В настоящее время часть сведений о местах хранения этих вывезенных документов (в основном фондов личного происхождения) за рубежом легализована, другие материалы, вероятно, находятся на закрытом хранении в государственных и негосударственных организациях зарубежных государств. Можно предположить, что значительные объемы вывезенных документов, не попав в Русский заграничный исторический архив в Праге³, организованный первой волной российской эмиграции (после Второй мировой войны он был подарен чехословацким правительством СССР), оказались безвозвратно утраченными.

Но еще более грандиозный ущерб Архивному фонду страны был нанесен во время Великой Отечественной войны в результате боевых действий, варварского обращения с архивами оккупантов, вывоза ими архивов в Германию специальными формированиями оккупационных войск, утрат в результате эвакуации и реэвакуации, сознательного уничтожения архивов в ситуациях угрозы их захвата противником. Уже в ходе Великой Отечественной войны и после ее окончания совет-

ская власть попыталась определить ущерб, нанесенный Архивному фонду страны. Первичные документы инвентаризации этого ущерба дали нам возможность подготовить и издать сводный каталог утраченных в то время архивных фондов государственных и партийных архивов. Он включил около 6 тыс. названий. Если предположить, что каждый из таких фондов в среднем насчитывал около 100 дел, получается, что Россия утратила свыше 600 тыс. единиц хранения ценнейших документов по дореволюционной и первых десятилетий послереволюционной своей истории. Так, например, в результате бомбардировок Ленинграда Российский государственный исторический архив лишился свыше 6 тыс. дел дореволюционного Управления казенных железных дорог, филиал Государственного архива Тверской области в городе Ржеве — 117 дел Холмской городской думы, Государственный архив Воронежской области — 351 дела Воронежского наместнического правления и т.д.⁴

Утраты российских архивов отчасти в результате первой волны эмиграции и в ходе Великой Отечественной войны невозможно объяснить форсмажорными обстоятельствами, всегда являющимися результатом действия некой непреодолимой силы. Они стали следствием нападения гитлеровской Германии на СССР. В общественном сознании России эти утраты подпитывали и подпитывают идею компенсации понесенного ущерба, в том числе за счет объявления собственностью России перемещенных на ее территорию архивов европейских стран. И преодолеть это убеждение даже в отношении архивов стран, подвергшихся гитлеровской агрессии, очень трудно.

Тем не менее именно с Польши начался в СССР процесс возвращения перемещенных архивов. Передачи состоялись в 1945, 1956, 1957, 1958, 1961, 1963, 1967 гг. — всего не менее 100 архивных фондов объемом около 300 тыс. единиц хранения⁵.

К началу 1992 г. у новой России не было не только опыта, но и правовой базы решения вопросов, связанных с перемещенными на ее территорию архивными документами. В СССР для этого было достаточно секретных постановлений ЦК КПСС. Поиск путей возвращения перемещенных архивов в это время отрабатывался на перемещенных архивах Франции в рамках специального международного соглашения. Тогда же подобная процедура была предложена Голландии и Польше. Голландия ее приняла, тогда как Польша медлила, вернувшись к этому вопросу лишь в 1994 г., когда Государственная дума Российской Федерации заблокировала процедуру передачи архивных документов Франции в рамках межгосударственного соглашения. Дума потребовала разработки внутригосударственного механизма решения вопросов перемещенных культурных ценностей, приняв в феврале 1997 г. соответствующий закон. С поправками Конституционного суда Российской Федерации он действует и в настоящее время.

Подобного закона нет ни в одной стране. Как бы ни был он несовершенно, но в нем содержатся разрешительные нормы в отношении перемещенных архивов, в первую очередь для стран — союзников СССР во Второй мировой войне. В рамках этого закона уже успешно осуществлены передачи Россией перемещенных архивов Австрии, Бельгии, Голландии, Лихтенштейна, Люксембурга, причем в рамках различных вариантов компенсации России затрат на их обработку и хранение, включая обмен архивными документами. После 1997 г. не раз и не два российская сторона демонстрировала свою готовность вернуть Польше в рамках российского зако-

нодательства оставшуюся часть ее архивного наследия, перемещенную в Россию после Второй мировой войны (как говорилось выше, большая часть польских архивов уже была возвращена в 1945–1967 гг.). При этом предлагался не только вариант материальной компенсации за их хранение, но и обмен на фонды российских белоэмигрантских организаций, находящиеся в архивах Польши. По записям переговоров между архивными службами России и Польши можно легко убедиться в том, что польские архивисты были готовы в разное время и на тот, и на другой вариант. Вероятно, на постановку перед Россией вопроса о возвращении не хватало политической воли. Нет ее и по сей день. Так что старт решения проблемы сегодня за польской стороной.

В течение многих лет определяющим и проблемным нервом сотрудничества российских и польских архивистов оставалась тема Катыни, трансформировавшаяся в конце концов в совместную работу по подготовке соответствующей много-томной документальной публикации.

История подготовки этой документальной публикации уходит еще в советские времена, когда ряд советских историков, прежде всего Н. С. Лебедева и Ю. Н. Зоря, пробив архивно-информационную блокаду, вышли сначала на отдельные документы, а затем и на цельные документальные блоки, связанные с судьбой польских военнопленных в СССР в 1939–1940 гг. В них долгое время не хватало главных документов, в том числе и печально знаменитого постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных, но и того, что было обнаружено, оказалось достаточно, чтобы документально подтвердить трагедию и дать однозначный ответ общественности, прежде всего польской стороне, уже неоднократно до этого настойчиво ставившей вопрос о судьбе более 20 тыс. своих соотечественников. Руководству КПСС были известны результаты архивных разысканий наших историков, однако оно медлило с их обнаружением, понимая все негативные последствия этого для авторитета партии.

Однако процесс был необратим. Сначала слухи о находках Зори и Лебедевой, а затем и серия их публикаций постепенно приподнимали завесу тайны над судьбой польских военнопленных. 27 апреля 1992 г. Роскомархив и Генеральная дирекция государственных архивов Республики Польша заключили соглашение о сотрудничестве. В нем не было прямого упоминания о разрешении на основе архивных документов России катынской проблемы, но она незримо присутствовала, материализовавшись в конце концов в специальный договор, подписанный 11 июня того же года, по которому стороны обязались друг перед другом «подготовить и издать на языке подлинников в полном объеме документы по истории пребывания в лагерях на территории бывшего СССР военнопленных и интернированных поляков с 1939 г., хранящиеся в Центре хранения историко-документальных коллекций, Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военном архиве и Центре хранения современной документации». Договор предусматривал создание рабочих групп каждой из сторон, а также масштабное ксерокопирование всех имеющих отношение к проблеме документов за счет средств Генеральной дирекции и представление ей же одного экземпляра копий.

Автор этих строк был назначен руководителем российской рабочей группы, которая неспешно приступила к разработке модели будущей документальной пуб-

ликации. Сильнейший импульс всей дальнейшей работе над ней вскоре был дан находкой подборки документов о судьбе польских военнопленных в Архиве Президента Российской Федерации, хранившейся в особом запечатанном конверте. находка красноречиво раскрывала запуск механизма уничтожения поляков и последующего сокрытия этого факта. В Польшу в качестве официального представителя президента России с заверенными копиями обнаруженных документов был немедленно командирован руководитель Росархива Р. Г. Пихоя, который и вручил их президенту Польши Л. Валенсе.

Это была грандиозная сенсационная акция, ставшая на несколько дней едва ли не главной новостью мировых средств массовой информации. Уже в начале ноября мы должны были провести переговоры с большой делегацией польских архивистов во главе с руководителем архивной службы Польши М. Войцеховским, который по поручению Валенсы от его имени вез благодарственное письмо своего президента на имя Б. Ельцина.

В этом письме Валенса, помимо благодарности за переданные копии, заверял: «И Вы, господин Президент, и я — хотим, чтобы наши отношения базировались на новой, искренней основе, чтобы до конца освободить их от бремени прошлого. Именно таких отношений с Россией очень хочет польский народ.

Следовательно, полагаю, что очередным шагом в новой эре наших контактов должно явиться полное освобождение от груза прошлого. Его преодоление должно проходить по беспрепятственному пути». Сообщая о направлении своей миссии, президент Республики Польши далее писал: «Очень прошу Вас, господин Президент, оказать Миссии свою поддержку и содействие. Речь идет о быстром открытии всех российских архивов, включая Президентский архив и Архив КГБ, а также о передаче Польше копий документов, касающихся вопросов, указанных в обоих приложениях».

Как видим, польская сторона явно не удовлетворилась предоставленными ей материалами по Катыни, распространяя свои интересы на более широкий круг вопросов двусторонних отношений в прошлом. Это была нормальная наступательная позиция, к которой российская сторона некоторое время была не готова.

Утром следующего дня после официальной церемонии чтения в Росархиве послания Валенсы Ельцину, а затем его передачи в Кремле через С. Станкевича президенту России начались наши переговоры о сотрудничестве. Их результаты были зафиксированы специальным протоколом. Среди прочего в нем было сказано: «В отношении публикации документов о судьбе польских военнопленных и интернированных в СССР стороны пришли к соглашению, что такая публикация должна состоять из нескольких томов (предположительно 3—5) и полностью раскрывать данную тему. Стороны сошлись во мнении, что издание должно носить научный характер и в археографическом отношении отвечать требованиям объективности». Предполагалось завершить работу в течение 5 лет, при этом польская сторона брала ее финансирование на себя.

Уже к январю 1993 г. российская рабочая группа имела первый вариант концепции будущего пятитомного издания, разработанный Н. Лебедевой. В ходе его обсуждения, естественно, возникли разногласия среди членов рабочей группы. Одним из важнейших пунктов таких разногласий стал вопрос о причинах жестоко-

го решения Политбюро ЦК ВКП(б). Наши коллеги из Института военной истории и Института славяноведения и балканистики пытались как-то связать их с судьбами красноармейцев, оказавшихся в польском плену после советско-польской войны 1919–1921 гг., и потому предлагали включить в первый том публикации соответствующие документы по этому событию, вокруг которого также постепенно развертывалась дискуссия, связанная с количеством погибших в польском плену красноармейцев. Кроме того, у них же вызывала смущение «зауженность» проблемы. Начальник Института военной истории Министерства обороны России писал в этой связи: «За рамками исследования остается судьба выживших польских военнопленных, оказавших впоследствии заметное влияние на состояние советско-польских отношений. Речь идет о тех освобожденных польских военнопленных, которые составили основу армии Андерса, Войска Польского; тех, кто принял активное участие в восстановлении освобожденной Польши. Необходимость расширения предмета исследования обуславливается и тем, что немалое число поляков были интернированы в ходе разоружения отрядов Армии Крайовой на завершающем этапе Второй мировой войны. Их судьба не менее драматична».

В заинтересованной дискуссии, в конце концов, российской рабочей группой к началу февраля была выработана концепция будущей документальной публикации. Она должна была состоять из четырех томов, в которых документы в хронологической последовательности объединялись главными темами: 1) «Пленники необъявленной войны»; 2) «Кровавое преступление»; 3) «Судьбы живых»; 4) «Эхо Катыни».

В конце февраля 1993 г. в Москве состоялось обсуждение концепции. Польскую сторону возглавлял известный польский историк, почетный член АН СССР А. Гейштор. В состав многочисленной польской делегации входил и новый директор Генеральной дирекции польских архивов Е. Сковронек. Милый и добрый человек, Сковронек как историк прекрасно понимал, что с соседями можно выяснять отношения, но никогда не стоит ссориться. Именно им был дан сильный импульс для организации ежегодных встреч архивистов Центральной и Восточной Европы, заслуженно носивших по предложению автора этой статьи название «Сковронекских чтений» (в 2004 г. по желанию польской стороны чтения были прекращены).

Совместное обсуждение концепции не вызвало сколько-нибудь серьезных разногласий. Важно отметить, что именно в ходе этого заседания польские архивисты продемонстрировали свой высокий профессионализм, позволивший им потом отеснить от активного участия в подготовке публикации некоторых ангажированных польских военных историков и напрямую выйти на сотрудничество в этом проекте с российскими архивистами. Заседание рабочих групп по первому тому будущей публикации, состоявшееся 2–5 ноября 1993 г. в Варшаве, уже проходило целиком в рамках нашего двустороннего профессионального контакта в атмосфере конструктивности и в духе творчества и взаимопонимания. Ее поддерживало и участие профессора Варшавского университета В. Матерского, который с тех пор стал одной из ключевых фигур издания с польской стороны.

С конца 1993 г. и развернулась собственно работа по подготовке публикации: отбор для нее уже выявленных документов, их обработка, комментирование, подготовка предисловия российской стороны. Мотором всей этой работы стала Н. Лебе-

дева, которая со свойственной ей энергией и темпераментом буквально «подгоняла» наших архивистов. Ей успешно помогала в этом и спокойная сотрудница Росархива Н. Петросова, осуществлявшая археографическую обработку документов. «Бдил» за работой российской группы и культурный атташе Республики Польша в России Г. Куровский, который в данном качестве своей заинтересованностью в те годы дал настолько сильный импульс сотрудничеству российских и польских архивистов, что его действие продолжалось еще не один год, реализуясь в новых проектах.

Выходившие в последующие годы тома, посвященные судьбе польских военнопленных, содержали документальные подтверждения ранее обнародованных фактов и исследований. Публикация уже не носила характера сенсационности. Ее академизм, которым я лично, впрочем, не удовлетворен в полной мере из-за того, что он мог быть еще выше, в принципе исключал какие-либо спекуляции. Поэтому появившаяся после выхода первого тома нашей публикации книга Мухина, в которой автор пытался доказать, что документы о судьбе польских военнопленных в российских архивах сфальсифицированы по указанию Ельцина группой российских архивистов во главе с Пихоей, на этом фоне представляла собой всего лишь реализованную в условиях свободы слова жалкую попытку реабилитации одного из преступлений сталинизма. И хотя политические спекуляции вокруг трагедии будут еще не раз возникать и у нас в России, и в Польше, они неизбежно будут разбиваться о четыре тома документов, освятивших и искупивших память убиенных и открывших облик новой России. Конечно, эти тома открыли миру лишь часть правды мировой истории накануне и в самом начале Второй мировой войны. Полную правду и истину этих событий еще предстоит раскрыть и понять. Но это уже дело честных историков, не zaangażированных ни ненавистью к коммунизму, ни честью своей страны, ни политическим заказом, ни богатым гонораром. Архивисты же сделали свое дело.

Совместная работа российских и польских архивистов над подготовкой документальной публикации «Катынь», ныне завершившаяся с выходом последнего, четвертого, тома, стала важным консолидирующим фактором во взаимоотношениях архивистов двух стран. В апреле 2007 г. небольшая делегация российских историков и архивистов приняла участие в презентации этого тома. Зал польского архива древних актов, размещенного во дворце российского посланника в Польше во времена Российской империи, был переполнен (там оказалось не менее 150 человек). Вопреки нашим опасениям выступления польских коллег оказались в высшей степени корректными и гуманистическими по своей сути. Приблизительный смысл их сводился к тому, что с завершением издания четырехтомника гнойная рана разделения двух народов «убрана» в историю, российский народ пострадал от сталинской диктатуры намного больше, чем польский. Формат презентации вполне соответствовал дипломатическим канонам, но я ощущал, что ее нерв все равно пульсирует и в зале, и вне его. Он не обнажался присутствующими в зале лишь потому, что перед ними сидели россияне, сделавшие возможным появление документальной публикации по Катыни.

Возвращаясь к благодарственному письму Валенсы Ельцину, важно отметить, что российской стороне пришлось также предъявить Польше запоздалый, но встречный запрос. Академические институты, МИД России подготовили ответное пись-

мо Ельцина, в котором содержались не самые приятные для польской стороны требования предоставить копии архивных документов о политике Польши в отношении СССР в 1920–1930-е годы.

Этот обмен письмами между президентами двух стран не дал сколько-нибудь серьезных результатов, но в целом имел положительное значение для архивистов России и Польши. Столкновение дипломатий двух стран на архивно-историческом поле одним из своих результатов имело отправку специальной российской делегации для работы в польских архивах — едва ли не единственный до сих пор случай, когда российское государство осуществило специальное финансирование подобной акции. В ряде польских государственных архивов (в доступе к главным ведомственным архивам нам было вежливо отказано) удалось выявить интересные документальные материалы, правда, не первостепенного значения, отчасти бывшие известными научной общественности и ранее, составить их многостраничный перечень и затем получить копии около 4 тыс. документов, в том числе относящихся к истории советско-польской войны 1920–1921 гг., включая материалы о советских военнопленных на польской территории.

Польские архивисты с живым интересом отнеслись к нашим предложениям подготовить совместную документальную публикацию о судьбе военнопленных красноармейцев во время советско-польской войны 1920–1921 гг., представив документы из польских архивов и приняв участие в их комментировании. В 2002 г. они организовали поездку российских составителей документальной публикации в город Торунь, близ которого находился один из лагерей для военнопленных.

Об этом стоит сказать особо. На месте лагеря вырос лес. Лишь едва заметные среди деревьев бугорки напоминали о том, что в 1910–1920-е годы здесь рядами были вырыты землянки с невысокими деревянными надстройками. Время безжалостно расправилось со следами невольного пребывания здесь людей. Местные жители, даже очень пожилые, недоуменно пожимали плечами в ответ на наши вопросы о лагере — память о нем исчезла. Недалеко от лагеря, правда, находится кладбище в довольно приличном состоянии: скромные белые столбики-плитки ровными рядами обозначили места упокоения военнопленных, начиная с тех, кто первыми обживали лагерные постройки еще в годы Первой мировой войны (лагерь был основан немцами для военнопленных — россиян, включая поляков). Я думал о несовершенстве человеческой памяти, в конце концов, сохраняемой лишь хрупким на вид, но самым долговечным инструментом ее фиксации — документом. Именно публикация документов позволила восстановить жизнь, быт, деятельность наших соотечественников в польских лагерях, чтобы современный читатель, познакомившись с ней, лишний раз горько вздохнул и посетовал на несовершенство мира, нередко устраивающего неестественную смерть людей.

Совместная публикация, носившая трансграничный характер, то есть основанная на документах архивов двух стран, появилась на русском языке в 2004 г.⁶ Она покончила со спекуляциями вокруг этой недружественной страницы в истории взаимоотношений двух стран в XX в. Ее дополнила аналогичная совместная публикация российских и польских архивистов и историков о судьбе польских военнопленных в России в первые годы советской власти, изданная спустя пять лет на польском языке⁷.

Такова ситуация на сегодня. Она противоречива. С одной стороны, документально освещены три болевые точки во взаимоотношениях России и Польши. Увы, это не остановило потока политических спекуляций ни в России, ни в Польше. Но здравым политикам двух стран эти три документальные публикации предоставили фактическое знание о прошлом, которым уже очень трудно распорядиться нечестно. Тем самым обозначен магистральный путь осмысления сложного прошлого взаимоотношений двух стран — совместное освоение архивного наследия. С другой стороны, сохраняется острота решения чисто архивных споров. Часть их, связанная с остатками невозвращенных польских архивов, оказавшихся в России после Второй мировой войны, разрешима в рамках российского законодательства. Другая часть, касающаяся архивного наследия Российской империи, требует профессиональной проработки и сложнейшего правового анализа. Все это возможно. Важно «разморозить» архивные связи между Россией и Польшей, застывшие где-то на уровне 2005 г. Политические события весны 2010 г., несмотря на трагедию под Смоленском, кажется, дают основания для надежды на это.

¹ *Оганян В.* Некоторые вопросы имплементации на национальном уровне норм Гагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Российский ежегодник международного права. 2004. СПб., 2005. С. 153–157.

² *Evans F. B.* Disputed Archival Claims: The Action bu UNESCO and ICA Since 1976. Thessaloniki, 12–15 Oktober.

³ Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999.

⁴ Российская Федерация. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 4. Государственные архивы Российской Федерации. Утраченные архивные фонды. Кн. 1–4. М.; СПб., 1999–2005.

⁵ Подробнее см.: *Козлов В. П.* Зарубежная архивная Россия: Проблемы и направления работы // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 13–23.

⁶ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: Сб. документов и материалов. М., 2004.

⁷ К сожалению, в Россию это издание пока не дошло.

После завершения Второй мировой войны Советский Союз в своих отношениях с Польшей придавал международно-правовые рамки только тем проблемам, которые он считал важными для себя, не считаясь при их разрешении с суверенитетом своего партнера. В этих условиях в числе вопросов, которые регулировались на основе международных договоров, не оказалось проблем правопреемства и реституции архивных документов, несмотря на тот факт, что произошли изменения границ, которые были подтверждены в навязанном Польше Договоре о границе от 16 августа 1945 г.; в стороне остались также массовые перемещения архивов в ходе Второй мировой войны — все это создавало ситуацию, которая требовала именно международно-правового урегулирования. Поэтому после перемен, произошедших в Польше в 1989 г., проблемы, связанные с культурными ценностями в отношениях с Советским Союзом были причислены к одним из самых важных. Предпринятые в этот период действия были встречены согласием с советской стороны. Это послужило поводом для того, чтобы министр иностранных дел Кшыштоф Скубишевский вместе с министром культуры и искусства Иза-

беллой Цывиньской провели 25 мая 1990 г. заседание польской часть польско-советской комиссии по вопросам культурного наследия с целью «рассмотрения некоторых проблем культурного наследия, в частности, возвращения, реституции и репатриации польских культурных ценностей. Польская сторона будет добиваться получения обратно национальных памятников и ценностей культуры, необходимых для науки и культуры Польши, кроме всего прочего, имеющих особое символическое значения для польского народа...»¹. Однако не было проведено ни одного пленарного заседания комиссии. Очевидные признаки распада СССР вынуждали Польшу воздерживаться от настаивания на его проведении, несмотря на заманчивую возможность разрешения многих проблем, источником которых была Москва. Однако следствием предпринятых тогда действий стало накопление документации, которая касалась находящихся на территории СССР архивных документов польского территориального происхождения². В ноябре 1989 г. определило свою позицию относительно этой проблематики Польское историческое общество, представившее два меморандума, содержавшие требования реституции польских архивных документов и предоставления доступа к документам на польском языке, которые хранились в советских архивах³.

После распада СССР и решения Бориса Ельцина предоставить польской стороне доступ к документам, касающимся катынской трагедии, последовало оживление контактов и сотрудничества государственных архивов. 27 апреля 1992 г. было подписано «Соглашение о сотрудничестве между Генеральной дирекцией Государственных архивов Польши и Комитетом по делам архивов при Правительстве Российской Федерации». Что касается интересующих нас проблем ревиндикации и доступа к российским собраниям архивов, особо следует отметить записи, которые содержатся в пунктах 2 (поиск документов, касающихся истории государства-партнера и обмен копиями), 4 (помощь исследователям в пользовании архивами и гарантия доступа к научно-справочному аппарату) и 6 (цитируем полностью: «Стороны установили, что архивные документы, которые являют собой собственность другой стороны, подлежат возвращению законному владельцу. Возвращение этих материалов будет осуществляться на основе взаимного согласования»⁴).

Одновременно с соглашением был подписан специальный «Протокол», а также «Протокольная запись», в которых точно определялись формы и область реализация принятых обязательств. Было принято решение созвать группу экспертов (по три человека с каждой стороны) для осуществления мониторинга проблем сотрудничества. Историческое значение имеет второй пункт «Протокольной записи», касающийся совместных работ над публикацией катынской документации.

Проявив уважительное отношение к этим записям, генеральная дирекция Государственных архивов предприняла ряд шагов, целью которых было претворение в жизнь данных положений. Обязательства по ревиндикации не выполнялись российской стороной. Генеральную дирекцию Государственных архивов проинформировали, что вопросы, связанные с реституцией, могут быть решены только дипломатическим путем. Следовательно, не удалось создать группы экспертов и осуществить действия, предусмотренные в подписанном соглашении. В соответствии с данным соглашением польские государственные органы предприняли многочисленные обращения к аналогичным органам с российской стороны. Эти действия

нашли отражение в нескольких томах корреспонденции, дипломатических нот и отчетов по итогам переговоров между политиками (этими вопросами занимались также президенты Польши и России), дипломатами, а также представителями генеральной дирекции Государственных архивов. Лех Валенса 13 января 1992 г. обратился к Борису Ельцину: «Господин президент, мы с вами начинаем новую эру в отношениях Польши с Россией. Я полагаю, что возвращение Польше всех наших архивных материалов, которые хранятся в Специальном архиве, было бы выражением перелома, который происходит в наших отношениях. Поэтому у меня к вам, господин президент, убедительная просьба ходатайствовать о возвращении этих актов Польше»⁵. Данное письмо содержало также просьбу об обеспечении доступа к архивным материалам, касающимся военнопленных. Это обращение стало первой ласточкой в деле обнаружения документов, касающихся катынского преступления, однако оно не повлияло положительным образом на разрешение вопросов, связанных с ревиндикацией.

В этих условиях в России смогла начать свою деятельность Военная архивная миссия, главным достижением которой является то, что в Польшу было доставлено значительное количество копий документов, которые касались судеб польских военнослужащих и репрессий по отношению к полякам в СССР во время Второй мировой войны. В то же время не изменилась позиция российской стороны касательно вопросов ревиндикации. В тот момент, когда в Варшаве в 1994 г. начали рассматривать необходимость заключения с российской стороной международного соглашения (договора) о взаимном обнаружении и возвращении архивных документов, на что повлияли достижения Франции в этой области, парламент Российской Федерации временно приостановил всю деятельность, связанную с возвращением культурных ценностей; поскольку в нем возобладала точка зрения, согласно которой культурные ценности, попавшие в результате Второй мировой войны на территорию России, являют собой ее собственность как своего рода компенсационную реституцию за уничтожение российских учреждений и ведомств, их культурных фондов, включая архивные материалы.

В этих условиях все дипломатические обращения были безрезультатными. Это происходило, несмотря на то что центральное управление российских государственных архивов (Росархив) на форуме межправительственной комиссии по вопросам ревиндикации ценностей культуры позитивно оценивало стремление польских архивов вернуть перемещенные в результате Второй мировой войны архивы. Российские официальные органы сошлись во мнении, что обращения польской стороны должны быть рассмотрены в соответствии с законом от 5 февраля 1997 г., содержание и сфера применения которого будут подлежать дальнейшим изменениям, и законом «О культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»⁶.

Данный закон, не соответствующий принципам международного частного права, вызвал недовольство за границами России⁷. Против постановлений этого закона в Конституционном суде Российской Федерации выступил президент Б. Ельцин, Конституционный суд признал данный закон противоречащим Конституции Российской Федерации в пунктах, касающихся культурного наследия, в том числе архивных документов, которые происходили из собраний союзных государств. Они

не могли рассматриваться как реституция в качестве возмещения за имущество, утраченное Россией в результате войны.

По отношению к пересмотру данного закона, осуществленному согласно постановлению Конституционного суда Российской Федерации 20 мая 2000 г., по-прежнему высказывались критические замечания со стороны всех без исключения государств — союзников России во Второй мировой войне, культурные ценности которых оказались в руках Красной армии. Кроме того, в Польше закрепились точка зрения, что нет оснований для применения внутреннего российского законодательства при решении проблем, которые регулируются международным частным правом. Обращается также внимание на тот факт, что положения дополненного закона обязывают государства, стремящиеся возвратить свое имущество, осуществлять компенсационные выплаты за затраты России на сохранение, консервацию и приведение в порядок захваченных когда-то культурных ценностей союзных государств.

Стало быть, в подобных условиях самой большой проблемой в сотрудничестве польских и российских архивов является вопрос о возвращении польских архивных документов, которые в результате исторических событий в настоящий момент находятся в собраниях российских архивов. В отношениях Польши с Россией, а затем с Советским Союзом в течение последних трех веков было множество случаев, когда осуществлялись перемещения и изменения прав собственности на архивные материалы⁸. Разделам Польши сопутствовали беспрецедентные дележи и перемещения архивных запасов государства, которое в течение веков находилось в числе европейских держав. Период отсутствия государственности изобилует случаями, когда происходили изменения в названиях собственности и размещении архивов, которые должны быть причислены к национальным польским архивным фондам. Лишь возвращение на международную арену независимого польского государства после окончания Первой мировой войны создало условия, когда можно было бы коренным образом переломить сложившуюся ситуацию. В польско-российских отношениях разрешением проблем в этой области был Рижский мирный договор от 18 марта 1921 г.⁹

Статья 11 Договора содержала ряд постановлений, которые вместе с «инструкцией по исполнению», являвшейся неотъемлемой частью Договора, гарантировали Польше возвращение архивных материалов, вывезенных после 1 января 1772 г. и касающихся ее территории в новых границах. Договор касался не только архивов Речи Посполитой, но и документов, составленных после разделов, в том числе тех, которые были вывезены из Королевства Польского в рамках эвакуации в период с 1.08.1914 по 1.10.1915 г. Однако полной реализации постановлений данного договора не последовало¹⁰.

Оставшиеся в СССР архивные документы возвращались в Польшу после завершения Второй мировой войны, при этом, однако, был осуществлен ряд изъятий. Это привело к нарушению целостности многих архивных фондов. Принципы архивного дела, согласно которым в первую очередь следует сохранять целостность архивных фондов, никак не учитывались советскими архивами. Они осуществляли выемку всех без исключения актов, которые каким-либо образом могли «навредить» СССР либо неправильно «представить историю царской России». Петр Войков назвал это «стерилизацией архивов»¹¹.

После 1945 г. развитие польско-советских отношений в сфере культуры имело одним из следствий передачу польской стороне значительного числа материалов. Советский Союз возвращал Польше архивные документы в несколько этапов. Однако эти акции всегда осуществлялись на основании решения собственных органов; при этом подчеркивался их «дарственный» характер. В этот период Польша также передавала в СССР архивные материалы¹².

В первую очередь в Польшу стали поступать материалы, перемещенные в результате Второй мировой войны, в том числе значительное число актов центральных властей. Они были, к сожалению, подвергнуты «стерилизации». Необходимо отметить передачу в Польшу архивных материалов, которые составляют часть собранных архивов, принадлежавших в свое время Восточной Пруссии, во Вроцлаве, Щецине, а также Гданьского архива (собственность бывшего Вольного города). В этот же период осуществлялось изъятие из передаваемых документов множества единиц из актов, которые были возвращены нам в соответствии с протоколами от 4.10.1961 г. (66 тыс. архивных единиц) и 5.08.1963 г. (около 70 тыс. архивных единиц)¹³.

В современных отношениях между Польшей и Россией присутствует вопрос об архивных документах, связанных с правопреемством государств, в отношении которых в соглашениях не были приняты соответствующие решения либо эти решения не соблюдались. Другой спорный вопрос касается документов, перемещенных в связи с историческими событиями, главным образом в связи с Первой и Второй мировыми войнами.

Характерно, что в своей деятельности на международной арене, касающейся проблемы преемственности архивных документов и в целях преодоления последствий их противоправного перемещения, Польша руководствуется принципами, которые признают также компетентные представители российской стороны. Вопросом первостепенной важности является признание того, что архивные материалы принадлежат тому государству, на территории которого они были созданы, а их случайное или неправомерное перемещение не может влиять на изменение права собственности. Данного подхода придерживаются обе стороны¹⁴. Польская сторона в этом случае также обращает внимание на бесценный опыт ЮНЕСКО в данной области, в том числе предложение Генерального директора этой организации, который 28 августа 1978 г. представил доклад, содержащий рекомендации относительно разрешения международных архивных споров¹⁵. Напомним, что одним из предложенных способов действий в этих рекомендациях является концепция совместного архивного наследия. Предлагается использовать данную рекомендацию в ситуации, когда вследствие территориальных изменений между государствами архивный комплекс или же часть данного архива, содержащая акты, изданные органами администрации, правопреемниками которых являются два или большее количество государств, не могут быть разделены без нарушения его правовой, административной исторической ценности. Благодаря принятию концепции совместного наследия такого рода акты сберегаются в нетронутой форме, являя собой часть архивного комплекса одного из партнеров, а остальные имеют право беспрепятственного пользования¹⁶. Данный постулат ЮНЕСКО, несмотря на то что не рассматривался на Венской конференции о правопреемстве государств, касавшейся

государственного имущества, архивов и долгов¹⁷, является интересным, достойным применения в международных отношениях методом разрешения конфликтов, связанных с архивными документами.

Перемещенные собрания. Польские притязания касаются нескольких групп архивов, общей характеристикой которых является то, что они представляют собой фрагменты либо большие части архивных комплексов, изъятых советскими властями из материалов при возвращении их Польше после Первой и Второй мировых войн. В этих условиях акты именно этих архивных фондов, в любом случае являющихся результатом деятельности учреждения на территории Польши в современных ее границах, появляются в собраниях как польских, так и российских архивов.

Первую группу представляют фрагменты архивных комплексов, созданных местными властями и учреждениями, которые действовали на территории Королевства Польского после разделов Речи Посполитой. Это части 126 архивных фондов 1808–1915 (1918) гг. в количестве около 22 тыс. архивных единиц, эвакуированных из Варшавы в 1915 г. В 1960-е годы некоторые части были возвращены Польше, а остальные до начала 1990-х годов были засекречены и утаивались на территории азиатской части Российской Федерации. После распада СССР архивисты добились рассекречивания этих документов и включения их в состав хранилища Государственного архива Российской Федерации в Москве¹⁸.

Следующую группу составляют фрагменты архивных комплексов, которые создавались учреждениями или частными лицами в межвоенное время на территориях современного польского государства. Среди них преобладают материалы польской разведки, полиции, пограничной службы, акты, относящиеся к деятельности нескольких министерств и центральных учреждений. Среди них находятся и акты германских учреждений, работавших до 1945 г. на западных и северных территориях, и они также составляют предмет наших претензий. Значительное число этих архивных материалов фактически является неотъемлемой частью архивных комплексов, возвращенных Польшей после Второй мировой войны¹⁹.

Список идентифицированных документов, на которые предъявляет свои права Польша, также включает в себя фрагменты собраний Российского государственного архива древних актов, где хранится более десятка браньских, дрохицких, мельницких, супраньских и пшедацких судебных книг (XV–XVIII вв.). Часть из них — это материалы, похищенные из Польши немцами, а также фрагменты книг, хранившиеся в комплексе нашего Главного архива древних документов, которые в прошлом в Москве не были должным образом освидетельствованы. И в этом случае мы имеем дело с тем, что после Второй мировой войны из архивных документов при возвращении в Польшу были изъяты некоторые части. Однако на этот раз причины были несколько иными, нежели в вышеупомянутом случае, когда руководствовались политическими мотивациями. Здесь мы имеем дело с проблемами опознания этих собраний, которое, в конце концов, было осуществлено работниками польских архивов.

Не были исполнены решения Договора о мире между Польшей, Россией и Украиной, заключенного 18 марта 1921 г., в части, касающейся передачи Польше архивных документов центральных российских ведомств, учрежденных после разделов для бывшего Королевства Польского. Документы такого рода хранились в со-

браниях Российского государственного исторического архива в Петербурге, в собраниях Комитета по вопросам Королевства Польского (№ 1170, акты 1831–1841 гг., в количестве 97 архивных единиц), Кодификационной комиссии Королевства Польского (№ 1254, акты 1813–1868 гг., в количестве 250 единиц) и последующего Комитета по вопросам Королевства Польского (№ 1270, акты 1864–1881 гг., в количестве 1605 единиц). Необходимо в данном контексте решить вопрос о статусе книг Королевской метрики (так называемой Волынской метрики), которые хранились в собраниях Российского государственного архива древних актов в Москве. Они являются неотъемлемой частью актов Королевской метрики, которые хранятся в Главном архиве древних актов в Варшаве.

Еще одним архивным учреждением, хранящим акты, которые были созданы на территории Польши, является Российский государственный военно-исторический архив. В нем хранится более десятка собраний актов Варшавского военного округа (№ 1858–1864, 1867, 1872–1874), которые содержат значительное количество материалов. В качестве примера мы сообщаем, что фонд суда Варшавского военного округа, в актах которого встречаются материалы, касающиеся в частности подавления польского национально-освободительного движения в 1874–1914 гг., насчитывает 53 594 единицы (!), в то время как комплекс Варшавского военного округа содержит 5952 единицы документов 1863–1916 гг.

В Главную дирекцию государственных архивов обращались и обращаются учреждения, которые ищут часть своего архивного наследия. Например, неизвестно, где хранятся материалы Епархиального архива в Дрохичыне, захваченные в октябре 1939 г. советскими властями.

Как можно судить по данному обзору, наличествует много проблем, с которыми не сумели справиться наши предшественники и которые представляют большие трудности и для нас. Действительно ли эти проблемы настолько сложны, что и сегодня представляется невозможным найти пути их разрешения? Трудно разглядеть безусловные предпосылки, которые могли бы — при предположении, что мы руководствуемся профессиональной точкой зрения — сделать невозможными попытки предложить конкретные пути решения. Не должен в этом случае вставать на пути разрешения вопроса о происхождении архивных материалов закон Государственной думы от 1997 г. В действительности же самой важной проблемой Польша считает возвращение документации (в момент перемещения на территории сегодняшней Российской Федерации), которая в критические минуты истории находилась в регистратурах ведомств и институтов, где они были созданы, а не в собраниях исторических архивов, то есть не будучи еще ценностями культуры. Мы в данном случае имеем дело с государственным имуществом, по отношению к которому закон, принятый Госдумой, не может быть применен. Это документация, которой целиком посвящена специальная публикация Главной дирекции государственных архивов от 2000 г.²⁰. Данная документация была эвакуирована с нынешней государственной территории Польской Республики в ходе Первой и Второй мировых войн.

Вдумчивого рассмотрения требуют вопросы архивных документов, входивших в состав польских исторических архивов, которые из этих учреждений были перемещены захватчиками и хранятся сегодня в собраниях государственных архивов

Российской Федерации. Оригиналы этих архивных материалов должны быть возвращены Польше.

Что касается остальных документов, которые были названы в рамках данного исследования, можно рассмотреть иные подходы, нежели перемещение оригиналов из мест их сегодняшнего местопребывания. Обращение к концепции совместного архивного наследия ЮНЕСКО будет здесь самым лучшим разрешением²¹. Можно отважиться употребить данную концепцию в полной мере либо ограничиться передачей копий. Нельзя просто занять позицию, согласно которой сторона, получающая эти копии, должна, кроме затрат на их выполнение, нести еще и затраты на научную обработку оригиналов и их подготовку к репрографии. Данного рода притязания имели место в отношениях государственных архивов Польши с государственными архивами Российской Федерации. Позиция, согласно которой документы, происходящие с территории партнера, в собственных собраниях не могут включаться в план срочных работ наравне с материалами, касающимися деятельности собственных административных органов и ведомств, порождает, впрочем, сомнение в правомерности и целесообразности их хранения в собраниях нынешнего обладателя.

Взаимные отношения. Изменения государственных границ в Европе в связи со Второй мировой войной вызвали серьезные последствия. По отношению к архивам можно говорить о настоящей катастрофе, полное преодоление которой до настоящего момента не было возможным. На фоне глобальных перемен в судьбах архивов, произошедших после Второй мировой войны, особое место занимает бывший Государственный архив в Крулевце (древнее польское название города Калининграда). Если архивы на других территориях, переходивших из рук в руки, существуют до настоящего дня и сохраняют значительные части своих исторических собраний, то нынешний государственный архив Калининградской области Российской Федерации может считаться учреждением совсем новым.

Польша передала государствам-правопреемникам архивные запасы, собранные в архивах на своих бывших восточных территориях, которые были утрачены в результате войны. Однако нельзя сказать, что Польше, точно так же как и Литве, Белоруссии и Украине, были переданы запасы бывших германских архивов на полученных Польшей после войны западных и северных территориях. По оценке польских архивистов, Польша получила только от 30 до 60% исторических ценностей, находившихся на этих землях. Остальная часть запасов, перемещенная в глубь Третьего рейха в конце войны, хранится в германских архивах, в том числе в Фонде Прусского культурного достояния, в бывшем Прусском тайном государственном архиве. Значительная часть собраний бывшего Государственного архива в Крулевце, не считая тех документов, которые хранятся в Государственном архиве в Ольштыне, также попала в коллекцию данного комплекса. Фрагменты собраний бывшего крулевецкого архива, которые на данный момент хранятся в Калининграде и Вильнюсе, являют собой едва ли крупинки тех собраний²². Обоснованным является утверждение, что собрание бывшего Государственного архива в Крулевце было поделено между Польшей и Германией.

Одним словом, существует целый набор проблем, который заслуживает написания серьезной монографии. Если можно было бы допустить, что работа Курта

Форстройтера²³ в какой-то мере воспроизводит тяжелую судьбу крулевецкого архива после Второй мировой войны, то проблема международного правового статуса этих собраний все еще не решена²⁴. Если есть желание исследовать данную проблематику, следует отнести к этим двум проблемам как к вступительному слову в процессе формулирования предложений на будущее.

Предпринятая властями Третьего рейха эвакуация крулевецких коллекций на заключительном этапе Второй мировой войны отнюдь не является свидетельством того, что они до конца отдавали себе отчет в приближающейся неминуемой безоговорочной капитуляции и неизбежной утрате территории Восточной Пруссии. Собрание крулевецкого архива было размещено в значительном числе небольших городков. Особое внимание было уделено самым старым частям этого запаса — это стало причиной того, что они сейчас находятся на территории Федеративной республики Германия. Остальные части размещали главным образом на территории нынешнего польского варминско-мазурского воеводства. В самом Крулевце и на востоке от него уже осталось мало архивных документов.

Однако в Государственном архиве в Ольштыне, а также в Главном архиве древних документов в Варшаве встречаются не только архивные документы, эвакуированные из Крулевца на территорию бывшей Восточной Пруссии. Среди них находятся также те, которые Польша получила вследствие предпринятой после 1945 г. акции по возвращению документов из Германии, которая проводилась согласно установлениям, принятым Великими державами, осуществлявшими в тот период суверенную власть на территории побежденного противника²⁵. Архивные документы из запасов крулевецкого архива были перемещены на территорию, которая позднее стала британской оккупационной зоной Германии. Именно власти этой зоны решили передать в 1947 г. Польше часть архивных материалов из запасов Государственного архива в Крулевце: акт Ольштынской рейенции (XIX в.) и так называемые Фолианты Ермланда и Вестпрройзена. На территориях бывшей Восточной Пруссии, которые по Потсдамским соглашениям были включены в состав Польши, что в последующем было подтверждено Договором между Польской Республикой и Федеративной Республикой Германия от 14 ноября 1990 г., закрепляющим существующую между ними границу, польские власти нашли и обеспечили сохранность документов бывшего Государственного архива в Крулевце. Они составляют на сегодняшний день неотъемлемую часть запасов Государственного архива в Ольштыне — учреждения, которое является преемником бывшего Государственного архива в Крулевце, для той части Восточной Пруссии, которая была включена в состав Польши (напомним, что она составляет более $\frac{3}{4}$ территории Восточной Пруссии!). Это прежде всего следующие архивные собрания Провинциального хранителя культуры и искусства Восточной Пруссии, Гомбиньской рейенции, Крулевецкой рейенции и Крулевецкого университета. В сумме Государственный архив в Ольштыне содержит около 2800 единиц архивных документов бывшей Восточной Пруссии. Кроме перечисленных выше, в это собрание входят акты нескольких регистратур государственных ведомств, местных, коммунальных, евангелистских приходов, союзов, товариществ, организаций, банков, также физических особ с периферии Восточно-прусской (XIX в. и 1901–1944 гг.)²⁶.

В период действия акции по возвращению в 1947–1949 гг. Польша обозначила свои претензии по отношению к перемещенным в Германию запасам бывшего Государственного архива Крулевца, расценивая это, с одной стороны, хотя бы как частичное возмещение за немислимые уничтожения польских архивов, осуществленные немецкими оккупантами²⁷, а с другой — как естественный результат изменения государственных границ²⁸.

В Польше было признано, что она обладает правом на исторический запас Государственного архива в Крулевце, принимая во внимание то, что к Польше (повторим еще раз) отошло $\frac{3}{4}$ территории бывшей Восточной Пруссии, история которой тесно связана с историей польской государственности. Эти исторические связи превосходили в польских оценках связи этих земель с Германией, а также с Россией. Более того, Польша, признавая принципы территориального происхождения архивных документов, выразила готовность передать российской стороне архивные собрания, хранящиеся на данный момент в государственном архиве в Ольштыне, которые являются результатом деятельности прусских властей, действовавших в прошлом на территории Калининградской области. По данному вопросу проходили переговоры между директорами польских и российских архивов; а уже в Москве впоследствии, 6 ноября 1992 г., был подписан специальный протокол. В нем подтверждалось, что взамен актов прусской администрации Польша получит от Российской Федерации акты германских властей, которые до 1945 г. действовали на западных и северных частях польской государственной территории, признанных Великими державами ее территориями после окончания Второй мировой войны. Российская сторона в этом документе продекларировала также передачу в полном объеме документации концентрационного лагеря Аушвиц.

Представляется, что вновь пришло время заняться этим вопросом и поставить точку в соглашении, которое было заключено более десяти лет назад. Польша и Россия должны при этом определить свою позицию по отношению к оставшейся, преобладающей части собраний бывшего Государственного архива в Крулевце, которая на данный момент хранится в запасах Фонда Прусского достояния культуры в Берлине. Оба наших государства имеют полное право на то, чтобы настаивать на передаче им этих собраний. При этом существует возможность использования упоминавшейся выше концепции ЮНЕСКО, которая касается общего архивного наследия.

Сделать доступ к архивам доступным. Возможность пользоваться переводами источников, которые хранятся в российских архивах, имеет особо важное значение для польских научных кругов. Именно поэтому Генеральная дирекция Государственных архивов предпринимала все возможные усилия для того, чтобы наладить хорошие отношения между архивными службами Польши и России. Новый этап в этих отношениях начался на рубеже 1990–1991 гг. Тогда был подписан Протокол согласований, который предусматривал подготовку проекта соглашения. В нем была сделана запись о необходимости тесного сотрудничества архивных служб и создания надлежащих условий, которые предоставят широкий доступ к базе источников исследователям с обеих сторон, в соответствии с рекомендациями Международного совета архивов. Речь шла о передаче документов, необходимых для вы-

яснения так называемых черных пятен. Было обращено внимание на необходимость копирования материалов, касающихся трагической судьбы польских солдат в сентябре 1939 г. В Соглашении о сотрудничестве между Главной дирекцией Государственных архивов и Комитетом по вопросам архивов при Правительстве Российской Федерации от 27 апреля 1992 г. была особо подчеркнута необходимость подготовки общих публикаций источников, касающихся отношений между Польшей и Россией. Согласно данному соглашению, обе стороны должны искать документы, касающиеся истории Польши и России, в том числе польско-российских отношений, в принадлежащих им архивах. Стороны пришли к соглашению, касающемуся обмена копиями документов — на выгодных для них условиях. Предусматривалось выделение помощи исследователям другой стороны на аналогичной основе, как и собственным исследователям — в использовании документов из государственных архивов.

С этого момента одной из важнейших областей сотрудничества является публикация источников, касающихся важных событий в истории обоих государств. К настоящему времени стороны выпустили в свет 4 тома документов «Катынь», связанных с массовым убийством польских военнослужащих (Warszawa, 1995–2006. Подборка документов из трех последних томов этой серии была опубликована в Москве в 2001 г. Первый том был полностью издан на русском языке в Москве). В 2004 г. в Москве была издана совместная публикация источников под названием «Красноармейцы в польском плену. 1919–1921 гг.», которая имеет свое продолжение в форме аналогичного собрания архивных документов, иллюстрирующих судьбы польских солдат в советском плену. К ней читатели получают доступ в ближайшее время. Следует подчеркнуть, что вопреки желанию Росархива и благодаря максимальным усилиям со своей стороны польская сторона справилась со всеми взятыми на себя обязательствами, обеспечив доступ к источникам для своих партнеров.

К сожалению, некоторые проекты не были реализованы, в том числе предпринятая нами совместно с украинскими учеными инициатива опубликования много-томного издания, иллюстрирующего трагические события на Волыни, 60-летие которых мы отмечали в 2003 г. (первое издание: «Волынь — Восточная Галиция. 1943–1944». Путеводитель по польским и украинским архивным источникам). Росархив нас проинформировал, что в собраниях Российской Федерации нет материалов, касающихся данной проблематики.

Мы также сталкиваемся с подобной реакцией в ответ на свои просьбы начать поиски в архивах российских специальных и дипломатических служб документов, которые иллюстрируют другие важные исторические события. Это касается, например, поиска источников, связанных с подробностями гибели генерала Владислава Сикорского над Гибралтаром. Мы очень рассчитываем на то, что они могли бы стать материалом совместного издания по данной проблематике.

Такая же ситуация сложилась в случае с очередной инициативой, результатом которой могло бы стать совместное издание источников 1945–1980-х годов, касающихся отношений ПНР и СССР. В данном проекте кроме Генеральной дирекции Государственных архивов с польской стороны мог бы выступить Институт политических исследований. Подобным же образом закончились намерения Генеральной

дирекции получить доступ к материалам, которые иллюстрируют отношение СССР к Варшавскому восстанию.

Очередной проблемой, и при этом необычайно существенной с точки зрения потребностей польского общества, остается сотрудничество в области поиска свидетельств о репрессиях, которые осуществлялись советскими властями в отношении поляков.

Все это свидетельствует о появлении в России ограничений в доступе к архивным материалам для научной деятельности. Принимая во внимание длительные и тесные исторические связи между двумя государствами, значение и количество хранимых в России архивных документов, которые касаются новейшей истории, эту ситуацию следует признать малоприятной. Мы были бы рады, если бы ситуация изменилась. Мы считаем, что Польша и Российская Федерация, как государства, являющиеся членами Совета Европы, должны принять политику доступа к архивным документам как основу своих взаимоотношений. Данное положение является одной из рекомендаций данной организации. В первую очередь сторонам следует соблюдать «Рекомендацию Комитета министров государствам-членам по европейской политике по доступу к архивам» от 2003 г.²⁹ Одним из фундаментальных положений европейской политики доступа к архивным собраниям является признание, что проблемы предоставления доступа должны регулироваться в правовых рамках согласно традициям и потребностями государств-членов. Поэтому возможны ситуации ограничения доступа к архивным материалам на определенный срок. Соккрытие же факта существования материалов, к которым на этот срок был ограничен доступ, не соответствует букве и духу этого документа.

¹ Акт номинации от 25 мая 1990 г. // Собрание архивов Генеральной дирекции государственных архивов Польши (далее: СА ГДГА). 30 50 — 1992. Отделение сотрудничества с заграницей, Ревиндикация, виндикация, экстрадиция.

² Problemy dotyczące materiałów archiwalnych w działalności Komisji Polsko — Radzieckiej do spraw Dziedzictwa Kulturowego // Ibid. S. 26.

³ Postulaty Polskiego Towarzystwa Historycznego w sprawie zwrotu rękopiśmiennych zabytków kultury polskiej ze Związku Radzieckiego // Ibid. Mps. S. 6; Postulaty Polskiego Towarzystwa Historycznego w zakresie dostępu do poloniców przechowywanych w zbiorach radzieckich // Ibid. Mps. S. 10.

⁴ Оригинал соглашения — в СА ГДГА.

⁵ Письмо президента Польской республики к президенту Российской Федерации от 13 января 1992 г. // СА ГДГА.

⁶ Нормативные документы. Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 25.05.2000. № 70-ФЗ, от 22.08.2000. № 122-ФЗ). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.lostart.ru/documents/329.html. 25.08.2009.

⁷ Zob. International Discussion of the Russian Law // Spoils of War. International Newsletter. No 4. August 1996. S. 9–38.

⁸ Попытку представления данной проблематики предпринял Д. Мательский. См.: *Matelski D. Losy polskich dóbr kultury w Rosji i ZSRR*. Poznań, 2003.

⁹ *Kumaniecki J. Pokój polsko — radziecki 1921*. Geneza. Rokowania. Traktat. Komisje mieszane. Warszawa, 1985.

¹⁰ До настоящего момента самыми ценными исследованиями по данной проблематике остаются следующие работы: *Suchodolski W.* Wykonanie art. XI Traktatu Ryskiego w zakresie archiwów państwowych // *Archeion*. 1927. T. 1. S. 66–78; *Wareżak J.* Wykaz materiałów archiwalnych, otrzymanych przez Wydział Archiwów Państwowych z Rosji od r. 1922 do końca 1930 r. // Ibid. T. 9. 1931. S. 16–27; *Szczepański J.*

Rewindykacja polskich archiwaliów w świetle traktatu ryskiego // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Studia / pod redakcją M. Wojciechowskiego. Toruń, 1998. S. 201–208.

¹¹ *Komaniecki J.* Tajny raport Wojkowa czyli radziecka taktyka zwrotu polskiego mienia gospodarczego i kulturalnego po pokoju ryskim 1921–1923. Dwa lata prac delegacji rosyjsko-ukraińskiej, rosyjsko-ukraińsko-polskich Komisji Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej nad wykonaniem ryskiego traktatu pokojowego. Warszawa, 1991. S. 171.

¹² Нельзя не обратить внимания на передачу из Тыльца под Краковом бесценных собраний Государственного архива во Львове, которые попали к полякам от немцев на заключительном этапе войны. Однако мы рассматриваем данный факт уже как в контексте отношений между Польшей и Украиной.

¹³ Подробнее см.: *Wróbel K.* Lipowa, Rewindykacja archiwaliów polskich z ZSRR (1945–1964). Lublin, 1982.

¹⁴ Однозначно это оценивает заместитель руководителя Росархива В. П. Тарасов в своей статье «Проблемы перемещенных архивов», доступной на специальной странице Министерства культуры РФ, которая посвящена утраченным культурным ценностям. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lostart.ru/studys337.html?page=2>. 20.09.2008.

¹⁵ Study regarding problems involved in the transfer of documents from archives in the territory of certain countries to the country of their origin, w: Council of Europe. Reference dossier on archival claims. Strasbourg, 1997. P. 11–29.

¹⁶ Несколько иной является концепция совместного владения архивными документами в международных отношениях. К ней советуем прибегать в том случае, когда ни одно из государств не желает полностью за свой счет хранить акты, представляющие собой совместное культурное наследие.

¹⁷ *Kennedy Grimsted P.* Tropiehs of War and Empire. The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution. Cambridge, Massachusetts, 2001; *Keckskeméti Ch.* Sovereignty. Disputed Claims. Professional Culture. Essays on Archival Policies, Brussels 2000; *Stępniaak W.* Controversies Around Legal Grounds for the Settlement of International Archival Claims // Archives in the Society. ICA precongess meeting — Vienna, 2004. Warszawa, 2003. S. 169–182.

¹⁸ *Gorizontow L. J., Djakow W. A., Pieriegudowa Z. I., Timofiejewa J. B.* Materiały archiwalne organów władzy, instytucji państwowych i organizacji społecznych na terenie Królestwa Polskiego w latach 1813–1918. Informator o zasobach archiwalnych Państwowego Archiwum Federacji Rosyjskiej w Moskwie, otwartych i udostępnionych od 1993 r. // Archiwalia polskiej proweniencji terytorialnej przechowywane w Państwowym Archiwum Federacji Rosyjskiej i Rosyjskim Państwowym Archiwum Wojskowym / pod red. W. Stępniaaka. Warszawa, 2000. S. 23–108.

¹⁹ *Rosowska E.* Archiwalia polskie z zasobu byłego Archiwum Specjalnego Ministerstwa Spraw Wewnętrznych ZSRR, przechowywane w Rosyjskim Państwowym Archiwum Wojskowym (stan udostępnionych akt — 15.IV.1999 r.) // Archiwalia polskiej proweniencji terytorialnej... S. 109–144.

²⁰ См. сноски 18 и 19.

²¹ Это означало бы необходимость введения элементов совместного управления подобными архивами.

²² *Brzeczkowski T.* Archiwalia wschodniopruskie w archiwach rosyjskich oraz w archiwach i bibliotekach wileńskich // Białostoczczyzna, 1997. Nr 1. S. 123–130.

²³ *Fortsreuter K.* Das Preussische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände. Göttingen, 1955.

²⁴ *Stępniaak W.* Z działalności Archiwum Głównego Akt Dawnych w latach 1947–1949. Starania o przejęcie byłego archiwum królewieckiego // Miscellanea Historico-Archivistica. Tom II. Warszawa; Łódź, 1987. S. 73–97.

²⁵ *Zob. W. Stępniaak.* Misja Adama Stebelskiego. Rewindykacja archiwaliów polskich z Niemiec w latach 1945–1949. Warszawa; Łódź, 1989.

²⁶ *Cybulska K., Tarnowska M.* Zasób Wojewódzkiego Archiwum Państwowego w Olsztynie. Informator., Olsztyn 1982.

²⁷ Немцы во время войны на территории Польши разграбили и уничтожили значительное количество архивных документов, в том числе центральных государственных архивов в Варшаве. Проблема компенсации за эти ужасающие потери никогда не обсуждалась!

²⁸ *Zob. szerzej W. Stępniaak.* Prawa Polski do archiwaliów przemieszczonych do Niemiec // Historia lux veritatis. Szczecin 2002. S. 55–62.

²⁹ Более подробно см.: Access to archives. A handbook of guidelines for implementation of Recommendation No R (2000) 13 on a European Policy on Access to archives. Council of Europe. August 2005.

16

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

И. С. Яжборовская (Россия)

М. Корнат (Польша)

Реалии конца XX — начала XXI в. способствовали возникновению свежего, научного взгляда на российско(советско)-польские отношения недавнего прошлого, основательной верификации устоявшихся за предшествующие десятилетия представлений и идеологем. Это стало возможным благодаря расширению свободы научных исследований и доступа к архивным материалам, плюрализму мнений и оценок, достоверность которых, однако, предполагает добросовестность научного анализа и объективность исследователей, понимание ими национально-государственных интересов России.

В период «оттепели», отталкиваясь от первых прорывов и попыток критического переосмысления устоявшихся довоенных представлений, накапливая новый материал и поднимаясь на новый уровень обобщений, историческая наука неуклонно расширяла поле изучения. Поэтапно шел процесс, начатый «Декларацией Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами» от 30 октября 1956 г., ориентированной на строительство отношений на базе равноправия, государственной независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела друг друга.

После XX съезда КПСС в СССР проявились первые новые подходы в изучении двусторонних отношений с напоминаниями о том, что в российской социал-демократической мысли разделы Польши считались преступлением. Стремление империалистических держав торговать судьбами этой страны, переделить ее, использовать в качестве разменной монеты в комбинациях великих держав в годы Первой мировой войны решительно осуждалось. После XX съезда в двусторонних отношениях прорвались старые гнойники. Появилась информация о том, что в

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

Польше на массовых митингах и собраниях, в листовках и публикациях выплескивается накопившаяся напряженность былых конфликтных ситуаций, восходящих к проблемам войны 1919—1920 гг., выселению поляков и репрессий в их отношении в 1930-е годы, советской акции 17 сентября 1939 г., катынскому преступлению, депортациям населения после Второй мировой войны, советизации страны.

В первой половине 1960-х годов была приоткрыта возможность обратиться к научному анализу советско-польских отношений на основе документов, с привлечением полноценных фактов, без прежней односторонней идеологической лакировки исторических событий. Советские издатели двусторонней серии «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» встали перед необходимостью искать консенсус с польскими историками и архивистами в трактовке замалчиваемых конфликтных эпизодов двусторонних отношений, пересмотреть устаревшие идеологические клише типа «белопанская» и «буржуазно-помещичья» Польша, «белополяки» и т.п. Одним из первых актов в области избавления от наследства сталинизма была реабилитация 21 февраля 1956 г. распушенной в 1938 г. компартии Польши.

Во времена «застоя» поощрялись лишь исследования, способствовавшие пропаганде дружбы и сотрудничества между СССР и ПНР. Темные пятна в советско-польских отношениях по-прежнему замалчивались. Оттесненные на второй план трудные проблемы советско-польских отношений в исторической науке практически отсутствовали, поскольку официальная идеология диктовала первостепенную важность лозунгов революционно-пролетарского сотрудничества и братства по оружию в годы Второй мировой войны.

Новые подходы к исследованию советско-польских отношений стали возможными только в период горбачевской перестройки. Возникли условия для критического, трезвого переосмысления исторического прошлого. Появилась возможность взяться за расчистку двусторонних отношений от накопившихся негативных наслоений. Сложные вопросы истории среди экспертов уже не составляли особой тайны, поскольку советское посольство в Варшаве неоднократно передавало их перечень в Москву, в Министерство иностранных дел.

Методологически плодотворным с конца 1980-х — начала 1990-х годов стало принято считать многофакторный анализ, широкий комплексный подход к явлениям внутренней и внешней политики, всей системы международных отношений. Такой анализ позволял масштабнее рассмотреть соотношение судеб великих держав и народов Центрально-Восточной Европы начиная с Первой мировой войны и Версальского мира, становления Советской России и воссоздания независимого польского государства¹, а затем — советско-польских отношений в межвоенный период, в годы Второй мировой войны и послевоенные десятилетия.

Популярным стало применение принципа «короткого и длительного периодов». В рамках «короткого периода» тщательнее изучались события политической истории — ее внутривнутриполитический и внешнеполитический срез, деятельность главных политических лиц, дипломатов и других акторов исторического процесса. В поле внимания исследователей попадали также разнообразные реалии социальной и экономической истории, развития общественного сознания. Происходило обращение к большому отрезкам времени и глубинным силам общественного развития, к рас-

тянутым во времени политическим и иным процессам, расширение временных рамок исследований, охват общих тенденций, позволявших обеспечить более проработанные подходы к «длительному периоду».

21 апреля 1987 г., в 42-ю годовщину Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Польшей, подписями М. Горбачева и В. Ярузельского была скреплена Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. По инициативе польской стороны в этот документ было включено следующее положение: «Не будем оставлять нашим детям и внукам нерешенных проблем»². Важную роль в развертывании этого процесса сыграла созданная на этой основе Совместная комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами.

Совместную комиссию возглавляли в качестве сопредседателей академик Г. Смирнов с советской и профессор Я. Мачишевский — с польской стороны. Перед комиссией была поставлена задача по выявлению «болевых точек» в истории советско-польских отношений и совместной выработке последовательно научных, открытых и честных позиций по трудным, замалчивавшимся или искажавшимся аспектам этих отношений. В подавляющем большинстве случаев источники были в течение нескольких десятилетий недоступны. Изучение «белых пятен» или не проводилось вовсе, или было избирательным, отрывочным и неполным, а нередко просто фальсифицированным. Старые схемы, порожденные упрощенным вульгарно-классовым подходом, сталинскими деформациями, требовали тщательного изучения и переосмысления, принципиального изменения тональности исследований, освобождения от былого идеологического примитивизма, отказа от заскорузлых предубеждений и мифологем.

Начиная с первого пленарного заседания комиссии 19–20 мая 1987 г. развернулась работа по согласованию проблем, в перечень которых были включены воссоздание независимого польского государства, война 1919–1920 гг., роспуск компартии Польши, секретные протоколы к советско-германским договорам от 23 августа и 27 сентября 1939 г., советская кампания 17 сентября 1939 г. и последующая депортация поляков с территории Западной Украины и Западной Белоруссии, Катынское дело, Варшавское восстание и др. Обозначенный круг проблем в хронологических рамках 1917–1945 гг. вскоре был расширен до 22 тем и 25 проектов. По ряду вопросов были созданы рабочие группы, призванные обсудить эти вопросы и сформировать общие или близкие позиции, подняв необходимый документальный материал.

По хронологии первой сложной проблемой было воссоздание независимого польского государства. В послеоктябрьский период восстановление польской государственности — судьбоносное, переломное событие крупнейшего масштаба и огромного значения для польского народа, событие долгожданное и желанное, оказавшее решающее воздействие на все дальнейшее развитие этого народа, советскими историками было отодвинуто в тень Октябрьской и мировой революции. Иллюзия быстрого преобразования всего мира, отношение к польскому государству как к препятствию на этом пути очень затруднили налаживание отношений между Советской Россией и Польшей, затормозили преодоление непростого прошлого и сближение народов в духе демократических деклараций. Комиссия реши-

ла эту проблему позитивно. В 1988 г. юбилей польского государства был совместно отмечен научной общественностью обеих стран проведением конференции и публикацией книги³. Очищенное от идеологических искажений совместное рассмотрение истории начального этапа советско-польских отношений продемонстрировало, насколько многие привычные представления оказываются односторонними, неадекватными. В числе отвергнутых концепций была существовавшая долгие годы негативная оценка воссозданных в 1918 г. в качестве не социалистических, но независимых национальных государств, в том числе и польского.

По прошествии ряда лет, в ноябре 2007 г. усилиями Института славяноведения РАН и постоянного представителя Польской академии наук при РАН в Москве профессора М. Волоса на международной научной конференции были подведены итоги разработок российских и польских ученых в области истории отношений России и Польши в годы Первой мировой войны и Февральской революции, а также Октябрьской революции и гражданской войны в России. Правда, были высказаны и весьма спорные точки зрения. Так, в проблеме «Февральская революция и польский вопрос» демократическое воззвание Петроградского совета «Свободу Польше» — о праве польского народа на независимое государственное существование — было оценено как популистское, непродуманное решение, в духе признания стремления к независимости лишь за «частью польского народа» и отсутствия оснований «для автоматического прекращения отношений между Россией и Царством Польским». Ибо «было бы странным, если бы Временное правительство... предоставило будущей Польше право выбирать ...покровителя самостоятельно»⁴. Рассуждения вне исторического процесса — оккупации польских земель странами Тройственного союза и отсутствия возможностей у российских властей, особенно временных, влиять «в последующем» на решение польского вопроса — выглядят явным анахронизмом. Утверждение, что Сталин в последующем руководствовался логикой Временного правительства, что «сняло для России польскую проблему в международных отношениях на 45 лет»⁵, не является оправданной аналогией.

Обсуждение на заседаниях Совместной комиссии проблематики советско-польской войны 1919–1920 гг., которая почти не разрабатывалась в послевоенный период, сразу обозначило существование целого ряда спорных ключевых вопросов двусторонних отношений. Оценки, формулируемые на заседаниях с научных позиций, сразу пришли в столкновение со старыми идеологическими схемами 1920-х и последующих годов. Академик А. Нарочницкий отстаивал традиционный подход к войне 1919–1920 г. как «третьему походу Антанты», представив Польшу как агрессора, одновременно выполняющего функции «санитарного кордона».

Уже в 1987–1989 г. совместными усилиями ученых двух стран по ряду важных аспектов проблемы была выработана общая позиция, по другим — подходы весьма сблизились. Обе части комиссии подготовили к печати и в единой публикации со сравнительным анализом позиций переиздали основные работы главных действующих лиц военной кампании — М. Тухачевского и Ю. Пилсудского⁶. В ходе работы комиссии ученые согласились с предложением рассматривать войну 1919–1920 гг. в контексте складывавшихся двусторонних отношений, тщательнее изучать позиции обеих сторон, сопоставлять их логику. Например, было отмечено, что идея установления федеративных отношений со смежными территориями вынашивалась в то

время обеими сторонами. Была признана определенная противоречивость советской внешней политики того времени. Так, Народный комиссариат иностранных дел официально признавал принцип уважения прав польского народа на самоопределение и существование суверенного национального государства. В то же время это признание перечеркивалось верой в близкий крах Версальской системы, назревание мировой революции, другими коминтерновскими установками. Это наложило неоднозначный отпечаток на становление и развитие советско-польских отношений, на возникновение и ход войны 1919–1920 гг. Деятельность комиссии по «белым пятнам», проведение при ее активном участии конференций и рабочих встреч, а также ряд новых публикаций⁷ убедительно показали, что отечественной науке следует решительнее отказываться от старых пропагандистских стереотипов.

Сопоставление логики подходов двух сторон к истории войны 1919–1920 гг. и итогов исследований способствовало выработке объективного, сбалансированного видения проблемы.

Важную роль в восстановлении исторической правды о трудных моментах в двусторонних отношениях сыграло организованное по инициативе российской части двусторонней комиссии Всесоюзное совещание историков-полонистов «Актуальные задачи изучения Польши, русско-польских и советско-польских отношений» в январе 1989 г. Различные подразделения научных учреждений и вузов стали вносить в свои рабочие и учебные планы коррективы, соответствующие выводам и рекомендациям комиссии, учитывать их в лекционных курсах и учебных пособиях.

В этом вопросе обозначилась и другая линия. Г. Смирнов в своих воспоминаниях свидетельствует, что у части советских руководителей появилось стремление использовать эти проблемы для противодействия рассмотрению Катынского дела, которое в глазах польской стороны имело особенно большой вес, поскольку вызвало мощный резонанс в польском общественном мнении⁸. Советский сопредседатель не стал препятствовать конструктивному ходу работы катынской подгруппы, которая не без трудностей, но продвигалась в направлении поисков материалов и выработки научной позиции по катынскому преступлению. Он не считал нужным идти путем создания новой конфликтной ситуации при попытке «обнуления» противостояния, хотя с этой целью, «уравновешивая» самые трудные претензии к СССР по поводу тайного, противозаконного расстрела весной 1940 г. 21 857 польских военнопленных, содержавшихся в трех специальных лагерях НКВД и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии, рекомендовалось использовать проблематику войны 1919–1920 гг. Смирнов пишет: «Меня подбивали, чтобы мы в свою очередь поставили вопрос о плохом отношении к советским военнопленным в 19/21 году»⁹.

Выяснение Катынского дела породило новую проблему так называемой «Анти-Катыни» — поисков путей снятия тягостного ощущения вины советской стороны в тайном расстреле почти 22 тыс. польских военнопленных через нахождение «баланса», возможности «вчинить встречный иск». Начало этому в широких масштабах было положено распоряжением президента СССР М. Горбачева от 3 ноября 1990 г., когда организовывалась работа «по обновлению договорно-правовой базы советско-польских двусторонних отношений и выработке проекта нового межгосударственного договора». В обширном перечне поручений советским министер-

ствам и ведомствам восьмой пункт этого распоряжения поручал Прокуратуре СССР ускорить следствие по Катынскому делу и представить соответствующее заключение, а девятый включал ряд учреждений, ведомств и организаций в число тех, которые были ориентированы на обнаружение «архивных материалов, касающихся событий и фактов из истории советско-польских двусторонних отношений, в результате которых был причинен ущерб советской стороне»¹⁰, в том числе политического «противовеса» Катынскому делу в использовании вопроса о судьбах советских военнопленных в результате войны 1919–1920 гг.

В круге изначально выявленных Совместной комиссией ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами сложных проблем межвоенного периода важное место заняли геополитические, прежде всего треугольник СССР—Германия—Польша кануна Второй мировой войны, в том числе польская политика «равноудаленности» от СССР и Германии. Внимание комиссии также привлекли партийно-политические проблемы, в том числе роспуск компартии Польши в 1938 г. и репрессирование польских коммунистов. Предоставленная возможность изучения «совершенно секретных» до того момента документов и материалов из фондов Коминтерна дала плоды в виде ряда статей, раскрывших обстоятельства этой акции и личную роль в ней Сталина¹¹. Затем эта линия получила развитие при исследовании проблематики «Коминтерн и внешняя политика СССР» и «Коминтерн и Вторая мировая война»¹².

Рассмотрение международной ситуации 1930-х годов позволило внести ряд уточнений, касающихся обострения противоречий в Европе в связи с укреплением Германии и роли Польши, которая оказалась в эпицентре противоречий и объективно стала их жертвой. В СССР отношение к ближайшему соседу — Польше — носило особый, во многом знаковый характер. При массивном и повсеместном внедрении идеологического стереотипа «капиталистическое окружение» образ внешнего врага, ближайшего «вероятного противника» начал конструироваться на примере «белопанской» Польши. После воссоздания польского национального государства, а особенно после войны 1919–1920 гг. возобладали представления, что эта страна не оправдала возложенных на нее надежд относительно участия в развертывании мировой революции. Негативные стереотипы времен самодержавия еще не успели основательно переплавиться в шлак, как война наложила на них новый глянec, сплавив воедино старые и новые стереотипы и предубеждения, иллюзии и идеологемы. Поляки чаще всего стали именоваться «белополяками», и этот термин был распространен на весь польский народ.

Советский сопредседатель двусторонней комиссии Г. Смирнов дезавуировал в печати выступление В. Молотова 31 октября 1939 г. на пятой сессии Верховного совета СССР и ряд советских публикаций осени 1939 г. как совершенно неверные по существу и недопустимые с точки зрения элементарных норм международных отношений. В 1989 г. в августовских номерах еженедельника «Новое время» он опубликовал статью «Возвращение к урокам», назвав оценку польского государства как «уродливого детища Версальского договора» «недопустимой по отношению к польскому народу»¹³. Совместно были подготовлены тезисы «Канун и начало Второй мировой войны». Продолжались поиски, а затем была осуществлена публикация советско-германских договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г. с секретными

ми приложениями. Советские ученые подготовили ряд уточняющих трактовку этой проблематики публикаций¹⁴.

Начавшееся изучение периода войны было в основном сосредоточено на проблематике помощи польского населения советским военнопленным, участия советских граждан в польском движении Сопротивления, взаимодействия партизан как форм боевого сораотничества, что вылилось летом 1989 г. в двустороннюю научную конференцию в Москве¹⁵.

Особенно больших и многократных усилий требовало Катынское дело. Польская сторона привлекала к нему внимание постоянно, а советское политическое руководство неуклонно отвергало рассмотрение этого вопроса. Своеобразие истории этого дела состояло в том, что в течение многих десятилетий оно было строго засекречено. Документы и материалы утаивались не только от общественности, но и от закона, и от науки. Впервые публичное слово об этом злодеянии сказали советские журналисты, опираясь на сведения, просочившиеся из Польши. Первая отечественная книга — исследование преступления «Катынский лабиринт» — результат честного и смелого журналистского поиска В. Абарина¹⁶.

Силами нескольких энтузиастов из советской части комиссии удалось создать небольшую подкомиссию и заручиться поддержкой сопредседателя в деле обеспечения доступа к материалам Особого архива и их изучения. Работа в нем В. Парсадановой и Ю. Зори завершилась передачей польской стороне на встрече в Москве 13 апреля 1990 г. президентов М. Горбачева и В. Ярузельского рассекреченных списков узников трех спецлагерей НКВД и ряда других материалов. В сообщении ТАСС она была подкреплена признанием вины советской стороны, что открыло дорогу для публикаций ученых — В. Парсадановой, Ю. Зори и Н. Лебедевой¹⁷. Главные документы Катынского дела опубликовал после их рассекречивания М. Семиряга¹⁸. Первые научные и журналистские статьи советских авторов вместе с польской монографией Ч. Мадайчика были опубликованы в сборнике «Катынская драма»¹⁹.

Исследование советско-польских отношений первых послевоенных лет только начиналось и не успело получить развития. В. Парсаданова подготовила и издала комплексный очерк по этой теме не столько в ходе взаимодействия с польскими коллегами, сколько параллельно с работой в комиссии²⁰.

Совместная комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами завершила свою работу на рубеже 1980–1990-х годов прекращением существования Польской Народной Республики, накануне распада СССР.

Новый этап исследования истории советско-польских отношений и формирования исторической политики начался с распадом социалистического содружества, Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора, с ликвидацией СССР. С возникновением в 1992 г. Российской Федерации и складыванием новой системы международных отношений обнажились прежние проблемы и противоречия. Понадобились тщательное осмысление проблем преемственности, существенная корректировка внешнеполитической концепции России и адекватные действия на международной арене в соответствии с новыми условиями и российскими интересами. Наследие прошлого требовало тщательной верификации, немалых усилий по освобождению от идеологических стереотипов прошлого

и последовательного следования принципам международного права при выстраивании конструктивной внешнеполитической линии.

Обстоятельная проработка ряда ключевых проблем войны 1919–1920 гг. продолжилась публикацией источников. В Институте славяноведения и балканистики РАН под руководством профессора И. Костюшко были подготовлены публикации документов и материалов «Польско-советская война 1919–1920» и «Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг.», а также аналитическая статья на ту же тему²¹. Эта тема потребовала нескольких лет сбора и совместного детального изучения документов и материалов о судьбах красноармейцев в польском плену и польских военнослужащих в советском плену. Итогом стала подготовка совместных документальных изданий²². Спор вокруг количества умерших в лагерях во время эпидемии красноармейцев завершился документальным опровержением неоправданно раздутых в некоторых российских СМИ — до 100 и более тысяч — цифр («специально заморенных голодом» и даже «расстрелянных»²³). Между тем благодаря научным исследованиям расхождения резко сократились: показатели составили, по данным польских исследователей З. Карпуса и В. Резмера, «не более 16–17 тысяч» и, «скорее всего», 18–20 тысяч — по мнению российского историка Г. Ф. Матвеева²⁴.

Совместный исследовательский проект по истории войны 1919–1920 гг., к сожалению, реализовать не удалось, хотя польская сторона в рамках обмена документальными материалами передала в Москву архивные дела по этой тематике. Но интерес к ней ученых не иссякал. Проблемы войны 1919–1920 гг. поднимались, в частности, в связи с судьбами поляков и польских граждан, пострадавших от сталинских репрессий. Этому посвящены работы О. Горланова, А. Гурьянова, А. Рогинского, С. Филиппова²⁵, И. Костюшко²⁶ и др.

Непосредственно истории войны 1919–1920 гг. посвящены опубликованные на рубеже 1990–2000-х годов монографии И. Михутиной, А. Полторака, А. Исаева, М. Мельтюхова и Н. Райского²⁷. Вместе с тем пересмотр устаревших представлений осуществлялся непоследовательно. Михутина, Исаев и Полторак подняли весьма содержательные материалы и освоили новые ракурсы темы (что отличает работы Полторака и Исаева). Книга Михутиной построена на узкой источниковой базе и подчинена решению политической задачи показа негативов одной стороны конфликта — польской. Отход от прежних подходов и оценок просматривается в ее работе далеко не везде, но очевиден в отказе от концепции «третьего похода Антанты».

Монография Полторака «Победоносное поражение» в отличие от публикаций Михутиной, которая ничего не сообщает о своих предшественниках и использует их работы весьма выборочно, отличается внимательным, уважительным отношением к другим ученым. Целая исследовательская глава посвящена историографии советско-польской войны, и критически использован широкий круг источников. Две монографии Исаева и Полторака «Война с Польшей: Россия за линией фронта» и «Уроки советско-польской войны за линией фронта в 1920 г.» являются плодом глубокого научного исследования с новыми подходами.

Книга Мельтюхова «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.» концептуально базируется в основном на работе Михутиной и межвоенной советской литературе. Она пестрит прежними оценками и под-

ходами. Обширная польская литература вопроса использована минимально. Новейшая российская историография игнорируется, российские публикации архивных документов привлекаются весьма избирательно. Следование теории векового конфликта цивилизаций Запада и Востока, России и Польши не позволило автору адекватно поставить и убедительно ответить на коренные вопросы генезиса и возникновения войны, осветить политические планы сторон, их геополитические воззрения, замыслы военного командования и т.д. Зато эта авторская установка использовалась для обоснования конфликтности последующих отношений и косвенного оправдания катынского преступления²⁸.

В апреле 1990 г. катынское злодеяние получило официальную российскую квалификацию как преступление органов НКВД. Затем, после обнаружения и передачи президенту Польши Л. Валенсе 14 октября 1992 г. решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. были выявлены подлинные масштабы и характер этого преступления советских партийно-государственных властей.

В связи с рассекречиванием в Главной военной прокуратуре документов и материалов, изучением вещественных доказательств исследование Катынского дела значительно расширилось. На основании договора руководителей государственных архивных служб России и Польши развернулась совместная масштабная публикация «Катынь: документы злодеяния». В Польше были опубликованы четыре тома документов на языке оригинала, то есть преимущественно на русском, в России — увы, сокращенный вариант из двух томов²⁹. Одновременно в серии «Русский архив. Великая Отечественная» вышел из печати и том документов о судьбах иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР³⁰. На базе выявленных и рассекреченных документов катынской серии Н. Лебедевой была написана монография «Катынь: преступление против человечества»³¹.

Ряд новых срезов проблемы открыло рассекречивание комплекса документов Политбюро ЦК ВКП(б) из «Особой папки» за 1939–1940 гг. по «польскому вопросу» — о массовом пленении и арестах польских граждан в сентябре — декабре 1939 г., об обмене пленных и передаче беженцев Германии, об урегулировании связанных с четвертым разделом Польши советско-германских отношений, о репрессировании польских граждан и т.д.³².

В Варшаве была опубликована подготовленная в ходе следствия по Катынскому делу в Главной военной прокуратуре книга И. Яжборовской, А. Яблокова и Ю. Зори об истории катынского дела — «Катынь: преступление, охраняемое как государственная тайна»³³.

Однако на рубеже 1990–2000-х годов завершить катынское дело в правовом и морально-политическом отношении не удалось. Наоборот, стало усиливаться стремление использовать в противовес ему «Анти-Катынь».

В беседе с московским писателем и ученым В. Оскоцким генерал В. Ярузельский отметил существование принципиальных различий между катынским преступлением и трудной судьбой пленных красноармейцев войны 1919–1920 гг.: «Исаак Бабель, а также другие советские и польские очевидцы событий описывали жестокость обеих сторон, противоборствовавших в 1920 году. Но это было в бою, — констатировал он. — Иное дело — смерть, заданная преступным, человекоубийственным образом, поголовное уничтожение пленных, истребление людей беззащитных.

...катынское преступление совершалось преднамеренно, по приказу Сталина и других членов высшего советского руководства. Военнопленные же красноармейцы погибали прежде всего из-за крайне тяжелых условий в лагерях. Однако это не было запланированным, по приказу сверху убийством, причем сокрытым ложью в течение нескольких десятилетий»³⁴.

Из публикаций дипломатических документов Второй мировой войны должны быть выделены материалы поездки В. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., особенно касающиеся Польши, его беседы с Гитлером в контексте договоренностей секретного протокола, прилагавшегося к Договору о ненападении от 23 августа 1939 г.³⁵.

Военными историками в серии «Русский архив. Великая Отечественная» был опубликован сборник документов «СССР и Польша»³⁶. Его составители в значительной мере придерживались традиционного подхода, освещая создание на территории СССР польской армии под командованием генерала В. Андерса в 1941–1942 гг.; деятельность и взаимоотношения советских и польских партизан на территории СССР и Польши в годы войны; военные события, связанные с периодом Варшавского восстания в августе — сентябре 1944 г. и освобождением Варшавы, а также деятельность советской военной администрации на освобожденной территории Польши в 1944–1945 гг. В приложениях опубликованы документы Армии Крайовой 1943–1945 гг. и немецкие документы о действиях вермахта и войск СС в период Варшавского восстания.

В середине 1990-х годов было закончено выявление документов в государственных и ведомственных архивах и вышли из печати обогащенные новыми ракурсами двусторонних, в том числе советско-польских, отношений объемные издания источников различного происхождения по завершающему периоду войны и первым послевоенным годам³⁷. Своеобразным итогом работы по публикации корпуса документов и обобщенного анализа двусторонних отношений к концу XX в. стали несколько масштабных изданий³⁸. История советско-польских отношений в годы Второй мировой войны получила отражение в двух завершающих книгах серии «Мировые войны XX века» — изданных отдельными томами очерков истории и публикаций документов³⁹. Острые проблемы советско-польско-германских отношений все чаще решались с привлечением более широкого круга историков из разных научных центров, но концепции авторов далеко не всегда совпадали.

На рубеже нового века был сделан очередной важный шаг в сопоставительном изучении двусторонних отношений межвоенного периода. На основе материалов российско-польской конференции, проведенной в Москве Институтом российской истории РАН и Институтом истории ПАН с участием М. Наринского, Л. Нежинского и др., вышел вводящий в оборот новые документы сборник статей, в котором в значительной мере более полно и выверенно в научном отношении представлены взаимоотношения России и Польши в 1930-е годы⁴⁰.

Проблематика советско-польской войны 1919–1920 гг., рассматриваемая в контексте и «короткого», и «длительного» периодов, то есть как важная сквозная тема истории российско-польских отношений XX в., стала предметом исследования В. Парсадановой и И. Яжборовской «Россия и Польша: Синдром войны 1920 г. 1914–1918–1920–1987–2004», охватывающего также историографию обеих стран⁴¹. Ключевые проблемы этой монографии — польский вопрос в годы Первой миро-

вой войны, позиции политических сил России относительно будущего Польши, возрождение польского государства и определение его границ. Основной сюжет — конфронтация политических и военно-стратегических сил России, Польши, Украины и Белоруссии в 1919 г., вооруженное противостояние в 1920 г., неудача планов советизации Польши и распространения мировой революции, утверждение в советско-польских отношениях хронического синдрома, подпитывавшего в последующем антагонизмы и мифологемы противостояния.

Война не дала народам-соседям возможности стряхнуть со своих плеч груз обид, несправедливостей и стереотипов неравноправных в прошлом отношений. Вместо этого она наслонила на прежние, не переосмысленные взаимоотношения угнетенной и угнетающей нации новые пласты неприязни и враждебности. А это очень трудно стереть из памяти и очень легко превратить во взаимное предъявление претензий.

В монографии Парсадановой и Яжборовской отмечается, что новые, во многом случайные границы, проложенные по территориям со смешанным населением, почти нигде не совпадали с этническими размежеваниями, усилив в исторической памяти негативный резонанс вооруженного противостояния. Война оставила на польской стороне почти половину Белоруссии и четверть Украины, «чего не хватало ни на федерацию, ни на буферное государство». Это (особенно с учетом границ, которые пролегли почти в десяти километрах от Минска и в ста километрах от Киева, открыв равнинные, незащищенные, затруднявшие оборону пространства) создало атмосферу осажденной крепости и укрепленного района, постоянной нестабильности и напряженности, опасения конфликтов и угроз со стороны соседа. Советский Союз поднимали из руин и определяли его мироощущение те, кто на полях сражений увидел соседа лицом к лицу как врага в смертельной схватке. Практика последующих двусторонних отношений оказалась в высшей степени обремененной синдромом 1920 г. Впрочем, трудно было ожидать иного от складывавшихся по обе стороны границы авторитарных режимов, относившихся друг к другу с постоянной и настороженной подозрительностью. В Советском Союзе весь межвоенный период продолжал культивироваться образ «хищной», «империалистической», «белопанской» и «буржуазно-помещичьей» Польши. Этот образ стал символом «капиталистического окружения» страны Советов, воплощением злокозненности ее «главного противника», «врага № 1». Завершает монографию двух авторов показ выработки нового, научного видения проблемы в годы «оттепели» и «гласности», закрытия «белого пятна» в истории двусторонних отношений, освобождения от устаревших стереотипов прошлого.

К этой книге примыкают охватывающие широкое геополитическое поле того периода работы В. Зубачевского⁴². Для нового, освобождающегося от идеологических переделок подхода российских историков к советско-польским отношениям межвоенного периода показательны монографии О. Бабенко (середина 1920-х годов), О. Кена и А. Рупасова (конец 1920-х — 1930-е годы)⁴³.

Российские историки из целого ряда научных учреждений, в том числе специалисты по истории международных отношений межвоенного периода, не только российско-польских, но и российско-польско-немецких, российско-французских, российско-английских и других, стали всесторонне изучать проблематику кануна

и начала Второй мировой войны. Они начали более энергично избавляться от былых, устаревших представлений, анализировать и политические, и экономические, и военные аспекты этой проблематики. Следует выделить результаты изысканий Л. Безыменского в Архиве президента — серию написанных на основе новых документов статей и книгу об истории подготовки пакта Молотова—Риббентропа и участия Сталина в составлении секретного приложения к нему, что способствовало «ликвидации» польского государства. Показывая, как Сталин «раздвигал границы СССР», автор раскрывает просчеты сталинской внешнеполитической линии, очищая ее от мифологем⁴⁴.

В последние годы в российской историографии канун и начало Второй мировой войны рассматриваются по-разному, с несколько различной расстановкой акцентов. Внимание российских ученых особо привлек процесс нарастания кризиса Версальской системы, трудности с конструированием системы коллективной безопасности⁴⁵. При анализе Мюнхенского сговора 1938 г. упор делается на согласование действий Польши с Германией и Венгрией против Чехословакии. На дальний план отошли общий контекст урегулирования проблем национальных меньшинств и давление на Прагу Германии, Италии, Великобритании и Франции в поддержку польского требования передать Тешинскую и Заушанскую Силезию (а тем более его предыстория — нарушение Чехословакией во время советско-польской войны соглашения с Польшей о передаче последней части территорий с преобладанием польского национального меньшинства⁴⁶).

Как указывает А. Наумов, польские дипломаты попались на крючок немецких обещаний, стимулировавших претензии Польши на украинские земли, где исторически преобладало польское помещичье землевладение, и на выход к Черному морю. В то время нацистское руководство, переходя к очередному этапу экспансии, уже разработало план нападения на Польшу — «план Вайс». Оно вскоре выдвинуло к ней ряд требований, в том числе — уступить Данциг (Гданьск), согласиться на «коридор» через польское Поморье в Восточную Пруссию для экстерриториального шоссе и железнодорожного сообщения, а также присоединиться к антикоминтерновскому пакту с четко выраженной антисоветской направленностью. Наумов показывает, как вопреки реальной польской внешней политике, с переменным успехом пытавшейся в оборонительных целях проводить курс «равной удаленности» от соседей, но отнюдь не подготовки войны против СССР, неуклонно тиражировались клише, представлявшие Польшу как якобы постоянного врага СССР, ведущего «борьбу за ликвидацию Советского Союза» — символа «капиталистического окружения» страны. Ей инкриминировалось постоянное тяготение к союзу с Гитлером вплоть до его мнимого «заключения».

В свою очередь В. Невежин, занимающийся изучением места Польши в советской пропаганде, жестких оценок ее внешней политики, в том числе в отношении СССР, в книгах об идеологической пропаганде 1930–1940-х годов приводит убедительные доводы того, что сложившиеся ранее негативные представления о Польше в условиях роста (после недолгого перерыва) конфронтационности в отношениях с ней могли только ужесточаться⁴⁷. Происходила реактивация для нужд текущей внешней политики негативных стереотипов времен царизма. Одновременно на уровне лозунговой пропаганды победоносно утверждался показной «классово-ин-

тернационалистский» подход, сугубо плакатные формулы дружбы. Классовые идеологемы были катализатором процесса ускоренного укоренения в широких слоях населения антипольских фобий. В окнах РОСТА постоянно мелькал образ наглого, усатого и пузатого «пана» в узнаваемых национальных одеждах, в конфедератке, с кнутом и кандалами в руках, в одном ряду с заклятыми врагами советской власти, «лакеями» и «наемниками» Антанты — раз за разом подновлялся огрубленный, примитивный образ поляка-врага.

Новой темой в истории советско-польских отношений стали депортации советского польского населения в 1930-е годы, а после присоединения восточных районов довоенной Польши к Советскому Союзу — граждан Второй Речи Посполитой. Исследовались советские правовые документы, на основе которых проводилась депортация, направления депортации, численность депортированных, а также трудности и лишения депортированных поляков. Исследованием этих сюжетов занимались В. Парсаданова и сотрудники общества «Мемориал» А. Рогинский, А. Гурьянов, Н. Петров и другие, которые помогали аналогичной польской организации «Карта» в выяснении судеб депортированных. Вначале в поле зрения ученых оказались зигзаги сталинской национальной политики в 1930-е годы, когда национальные районы, в том числе административные образования польского национального меньшинства в СССР, были быстро ликвидированы вместе с различными формами местного управления, включая национальные сельсоветы, с национальными вузами и школами, книгоизданием, газетами и театрами. Поляки подвергались депортациям с начала 1933 г., а в особенно массовом порядке, целыми деревнями, — осенью 1936 г. Их перемещали в непривычные, чрезвычайно суровые климатические условия с малой возможностью трудоустройства, адаптации и выживания: с Украины в Казахстан, из Белоруссии — в Коми АССР и Сибирь. Конец 1930-х — начало 1940-х годов, как пишет Парсаданова, стали периодом еще более массовых перемещений населения⁴⁸. Из Западной Украины и Западной Белоруссии, по совместным подсчетам, было принудительно вывезено 316–325 тыс. человек⁴⁹. Поляки, в частности, были рассеяны на слабо обжитых территориях в 14 республиках, 20 краях и областях СССР — в 586 спецпоселениях⁵⁰. К началу XXI в. число поляков — жертв сталинских репрессий составляло более 850 тыс. человек. Эти данные документированы многими томами биографических материалов, которые составлены силами польского общественного центра «Карта», опирающегося на помощь Министерства юстиции и генеральной прокуратуры Польши, при взаимодействии с российскими, украинскими и литовскими архивами, с обществом «Мемориал» в Москве, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре, Воркуте, Рязани.

Блок проблем реализации советско-германских договоренностей августа — сентября 1939 г. нередко освещался в российской историографии весьма упрощенно, со многими умолчаниями и искажениями. Начиная с рубежа 1990–2000-х годов российские историки наряду с исследованием международной ситуации во второй половине 1930-х годов в Европе в целом все больше внимания уделяют региону Центрально-Восточной Европы, и прежде всего российско-польским отношениям. В связи с открытием архивов и введением в оборот значительного массива документальных материалов, с расширением поля изучения предмета и возможностью проведения анализа сферы внешней политики без прежнего идеологического

пресса они дали новое, более глубокое прочтение ряда ключевых аспектов темы двусторонних отношений.

Новая концепция кануна и начала Второй мировой войны получила развитие в работах В. Дашичева, Ю. Дьякова, Т. Бушуевой, В. Кулиша, М. Семиряги и других историков, исследующих российско-германо-польские отношения⁵¹. В современной российской историографии, где проблема подготовки, причин и обстоятельств начала Второй мировой войны нередко была оттеснена на задний план, теперь эти сложные перипетии одного из самых противоречивых периодов мировой истории привлекают все больше внимания. Им посвящены десятки международных и российских конференций, сотни круглых столов и публикаций. В большинстве случаев силовое решение судеб польского государства перестало выноситься за скобки. Советско-германский сговор за счет Польши теперь редко изображается как естественный и необходимый шаг, война Германии против Польши — как вооруженное противостояние между двумя империалистическими государствами, к тому же якобы начатое по польской инициативе. Вступление Красной армии на польскую территорию далеко не всегда рассматривается вне категорий международного права, в рамках чисто идеологического обоснования «интернационалистской миссии помощи братьям по крови и классу»⁵².

Среди новаторских публикаций прежде всего отметим коллективный труд «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным в 1939—1941 гг.»⁵³. Он обогатил историографию советско-польских отношений значимой статьей С. Случа «Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши». На основе изучения корпуса советских и германских источников автор сделал ряд свежих выводов, раскрыв эволюцию отношений Сталина с Германией в направлении заключения с нею «пакта о ненападении», когда советский лидер с беспрецедентным прагматизмом молниеносно заменил непримиримое идеологическое и политическое противоборство тесным сотрудничеством. Автор обратил внимание на наличие обоюдных интересов обеих стран, в том числе в отношении Польши. Они и предопределили раздел этой страны. С. Случ проанализировал смену планов Гитлера накануне войны — от замысла первого удара на Западе, обеспечив благоприятный нейтралитет Польши в тылу, к решению «польской проблемы» немирным путем, к диалогу с Москвой. Сталин же тогда сделал однозначный выбор в пользу сближения с Германией⁵⁴.

Н. Лебедева в статье о разделе Польши, опубликованной в том же коллективном труде, прежние идеологемы — «воссоединение» 17 сентября 1939 г. и профорсированные сверху «народные собрания» — ставит в кавычки, а речь В. Молотова на пятой сессии Верховного совета СССР, принявшего в начале ноября 1939 г. Западную Белоруссию и Западную Украину в состав СССР, именует «апофеозом советско-германского сотрудничества, одним из главных результатов которого стал четвертый раздел Польши»⁵⁵.

Заслуживает быть выделенной и особо детальная проработка проблематики кануна и начала Второй мировой войны в публикации «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939—1941: дискуссии, комментарии, размышления», в которой сведены воедино подготовленные С. Случом итоговый обзор советской историографии 1985—1991 гг. и его анализ материалов круглых столов 1989—1990 и 2000—2002 гг., отразивших широкие дискуссии по этой проблематике⁵⁶.

Значимым событием в исследовании той же проблематики стала фундаментальная монография А. Чубарьяна «Канун трагедии: Сталин и международный кризис». По мнению Чубарьяна, «обнаружение» советских подлинников секретных приложений к пакту Молотова—Риббентропа и признание их Вторым Съездом народных депутатов СССР недействительными актами, противоречащими нормам международного права и морали, открыли новый, принципиально важный этап в отечественной исторической науке. Вместе с тем Чубарьян отмечает, что на рубеже XXI в. некоторые историки, не справляясь с анализом сложных и противоречивых тенденций развития того времени, стали возвращать историческую науку «к тем оценкам и представлениям, которые господствовали в отечественной историографии в советское время до конца 1980-х годов»⁵⁷.

Польские сюжеты затрагиваются Чубарьяном весьма осторожно. Оценивая переговоры СССР, Франции и Англии летом 1939 г., сам он считает, что, с одной стороны, они были заведомо обречены на неудачу, поскольку Москва при активных торгово-экономических контактах с Германией «участвовала в них скорее по инерции, нежели из желания достичь практических результатов», хотя «формально переговоры в Москве зашли в тупик именно вследствие нежелания Польши дать согласие на пропуск советских войск». У историков же, полагает он, «нет данных о том, насколько далеко шли устремления Советского Союза. Мы не располагаем свидетельствами о каких-либо конкретных намерениях Москвы укрепиться на польских территориях, да и вряд ли в Кремле могли в тот момент на это рассчитывать»⁵⁸. Он трактует тактику Москвы так: она «не хотела выглядеть соучастником раздела Польши вместе с Германией, а отправной точкой была констатация того, что польское государство фактически перестало существовать», «стремилась не быть воюющим союзником Германии, как бы дистанцируясь от нее даже в совместных действиях против Польши», дабы «сохранить лицо в глазах мирового общественного мнения» и одновременно «найти пропагандистское обеспечение своих действий в глазах населения Советского Союза. В то же время демонстрировалось начало проведения той политики, которая вытекала из шагов по реализации договора с Германией и прежде всего из секретного приложения к нему»⁵⁹.

А. Чубарьян не употребляет идеологему «освободительный поход 17 сентября», но, ссылаясь на ноту советского правительства с пресловутой формулировкой «что Польша как самостоятельное государство фактически перестала существовать», дает последующим событиям такую интерпретацию: это «облегчало советским лидерам простое включение ее восточных областей в состав СССР без формальностей»⁶⁰.

На рубеже нового века в Москве вышла из печати вторая книга участников исследования Катинского дела в Главной военной прокуратуре «Катинский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях» (в авторском коллективе покойного Ю. Зорю заменила В. Парсаданова)⁶¹. Однако отсутствие окончательного, полноценного правового и морально-политического завершения Катинского дела по-прежнему осталось болевой точкой в вопросе нормализации двусторонних отношений между Россией и Польшей. Более того, был открыт простор для новых фальсификаций этого дела⁶². Под разного рода сомнительные в историческом и моральном смысле версии подводилась «база» такого свойства: дескать, научный подход, аргументы юристов и ученых интересуют только узкий круг

специалистов, а для общественного мнения они значения не имеют. Предпринимались попытки, игнорируя установленную истину и существование официальной российской позиции по катынскому вопросу, противопоставить научным исследованиям всевозможные историко-политические спекуляции.

Накануне 70-летия начала Второй мировой войны МГИМО-Университет совместно с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России издал под патронатом президента, правительства и Совета Федерации специальный выпуск журнала «Вестник МГИМО-Университета», посвященный этой дате, — под общим титулом (фраза М. Литвинова «Завтра может быть уже поздно...»). Выпуск открывается обращениями к читателям Президента РФ Д. А. Медведева и ректора МГИМО-У А. В. Торкунова и предваряется статьями С. М. Миронова, С. Е. Нарышкина, С. В. Лаврова и А. В. Торкунова. В этом издании объединены 24 научные работы и выступления публицистов различных направлений, а также обширная подборка исторических документов и материалов, обстоятельно раскрывающие противоречия и эволюцию сталинской политики того времени⁶³.

С введением в научный оборот все более широкого круга публикаций документов⁶⁴ в Российской Федерации разворачивались бурные дискуссии между историками двух основных направлений — «традиционалистами», считающими Мюнхенское соглашение сговором и капитуляцией Запада перед лицом нацистской угрозы, а пакт Молотова—Риббентропа — естественным и логичным шагом Советского Союза, стремившегося защитить свои жизненные интересы в сложной международной обстановке⁶⁵, и «критиками», полагающими, что пакт был не вынужденным решением, а выношенной инициативой Сталина, направленной на ослабление капиталистического Запада и расширение советского влияния⁶⁶. Их борьбу тщательно проанализировал В. Смирнов⁶⁷. Он справедливо указал, что основной корпус документов уже освоен, новые документы проанализированы, но «содержание, характер и тональность этих споров во многом определяются международной обстановкой и политическими переменами в тех или иных странах». В частности, недостаточно разработана проблематика «умиротворения» агрессора, усиления в Великобритании и Франции позиций сторонников отказа от соглашения с Германией, а также значимость проблематики защиты интересов национальных меньшинств, положенной в основу работы Мюнхенской конференции. Автор раскрывает острую борьбу, которая развернулась вокруг советско-германского договора о ненападении и завершилась не только признанием и осуждением самого факта существования секретного дополнительного протокола и других секретных договоренностей с Германией, но и принятием постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. с признанием их «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»⁶⁸. Смирнов выделяет дискутируемые ныне проблемы: кто был инициатором сближения СССР и Германии, как оно происходило на практике, как велись переговоры по разграничению сфер интересов, какую игру вел Сталин, какими соображениями он руководствовался, был или не был пакт вынужденным шагом? Был ли это расчет на возвращение территорий, входивших до Первой мировой войны в состав Российской империи, или на подрыв капитализма в новой мировой войне и т.д.?

Во введении к выпуску подготовленных Аналитическим управлением аппарата Совета Федерации РФ научных работ «К 70-летию начала Второй мировой войны: события и факты межвоенного периода» подчеркивается необходимость противодействовать «перекладыванию на современную Россию ошибок и просчетов советского руководства»⁶⁹. В ряде изданий находят место как идеологически окрашенные в прежнем духе, так и научно верифицированные публикации о сталинской внешней политике.

В коллективном труде Института российской истории РАН «К 70-летию начала Второй мировой войны: исследования, документы, комментарии» документирована, в частности, хроника «военного похода Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину в сентябре — октябре 1939 г.»⁷⁰.

Подготовленное в рамках Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений, двустороннее издание «Кризис 1939 года в интерпретациях польских и российских историков» позволяет сопоставить их современные исследовательские подходы к ключевым проблемам этой непростой темы⁷¹.

Нельзя обойти вниманием и предпринятую М. Мельтюховым в книге «17 сентября 1939: Советско-польские конфликты 1918—1939» попытку разобраться в трактовках советских и российских ученых истории двусторонних отношений накануне и в начале Второй мировой войны. Но для этого надо прежде всего обрисовать его собственную позицию. В своих подходах он в значительной мере воспроизводит представления прежней эпохи («Польша — потенциальный противник № 1», «прямой сообщник Германии», возможный «младший партнер Германии»; СССР может стать «равноправным партнером» великих держав только в условиях нарастания кризиса в Европе; война в Европе открывает «новые перспективы для усиления советского влияния на континенте»⁷²). Применяет М. Мельтюхов и чисто логические аргументы (например, «соглашение о ненападении не может быть направлено против кого-то»), и казуистические рассуждения о том, что нарушения советско-польского соглашения 1934 г. при подписании пакта Риббентропа—Молотова несущественны, ибо, по его мнению, этот пакт *формально* «был вполне совместим» с ним, а если и «противоречил духу», то дух — «вещь достаточно условная...». Отмечая, что вопрос о сохранении польского государства и его границах будет выясняться «только в течение дальнейшего политического развития», а за формулой: «в случае территориально-политического переустройства областей, входивших в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линиям рек...» — не кроются никакие соглашения сторон, автор отрицает явную, хотя и несколько завуалированную, агрессивную направленность пакта. Он утверждает, что пакт не предусматривал «никаких *реальных* территориальных изменений или оккупации “сфер интересов”», и пытается внушить, что за неделю до германо-польской войны «не было» никаких представлений и планов относительно этой войны⁷³.

Рассуждая о роли пакта, Мельтюхов пересказывает взгляды ряда авторов и отказывается понимать позицию тех, кто считает отвечающим интересам СССР союз с Англией и Францией, пассивность которых «позволила советскому руководству активизировать свою политику в отношении Польши ...и приступить к ревизии навязанных ему в 1920—1921 гг. границ». При этом Москва якобы «успешно избежала» опасности «продемонстрировать германо-советский “союз”» и ей удалось

совместить антигерманскую по сути пропаганду и сотрудничество с Германией в разделе Польши.

В своем весьма неоднозначном историографическом очерке Мельтюхов отмечает, что историки оценивают действия СССР в отношении Польши по-разному, и признает, что «практически все авторы осуждают тогдашние утверждения советского руководства о распаде Польши и прекращении ее существования»⁷⁴. Но если большинством российских историков договор о ненападении в преддверии германо-польской войны оценивается как поддержка Советским Союзом агрессивных устремлений Германии и содействие, помощь ей в разгроме Польши, а договор, заключенный 28 сентября — как политическая ошибка, как оформление союза «полномасштабным государственным договором» и фактическое создание военно-политического союза, как отход от нейтралитета и вступление на путь сотрудничества с Германией, то сам автор с этим не согласен⁷⁵. Он не усматривает следов союза не только в текстах обоих договоров, но и во вполне официальном заявлении В. Молотова на сессии Верховного совета СССР 31 октября 1939 г. об итогах польской кампании, в ходе которой Польша, по словам Молотова, была разгромлена двумя (фактически согласованными) ударами — германской и Красной армией⁷⁶. Более того, Мельтюхов утверждает, что Германия «никакой помощи со стороны СССР в Польше не получила», да и «никакого реального устойчивого фронта» со стороны Польши уже «возникнуть не могло». При этом он игнорирует причины сдачи многотысячных польских частей в плен «незначительным группам советских солдат», включая приказ польского командования не оказывать Советам сопротивления и поиск поляками путей, в том числе совместных с советскими частями, продолжения борьбы с германской армией⁷⁷.

Что касается трактовки вступления Красной армии на польскую территорию, то, взвешивая различные оценки этого акта и сопоставляя существующие в отечественной историографии точки зрения, Мельтюхов отмечает, что одни авторы считают его предопределенным договоренностью с Германией о разделе сфер интересов в Восточной Европе⁷⁸, другие — вынужденным действием перед лицом быстрого продвижения вермахта по польской территории⁷⁹, третьи — фактическим вступлением во Вторую мировую войну на стороне Германии⁸⁰. Мельтюхов не отрицает, что практические действия Москвы «с юридической точки зрения... следует квалифицировать именно как агрессию», но считает возможным руководствоваться принципом, что «межгосударственные договоры действуют лишь до тех пор, пока это выгодно» и что необходимо использовать возникающие возможности для реванша за прошлые поражения⁸¹. Признавая, что «с юридической точки зрения имел место раздел территории Польского государства», он выдвигает в защиту этого факта отнюдь не международно-правовые аргументы: это «не только восстанавливало историческую справедливость, но и улучшало стратегические позиции Советского Союза в Восточной Европе, открывало перед ним новые перспективы на пути к закреплению за собой статуса великой державы»⁸².

Вопрос о том, действительно ли Советский Союз вступил тогда во Вторую мировую войну, Мельтюхов подменяет другим: что считать Второй мировой войной? Он предлагает варианты — считать действия Красной армии не «детонатором войны в Европе», а или «миротворческой операцией», или вступлением в войну, «но не на стороне Германии, как полагают некоторые исследователи, а в качестве третьей

силы, действующей в собственных интересах»⁸³. Столь противоречивое определение исследователем своего дискурса, соотнесение принципов международного права и практического внешнеполитического курса страны имеет серьезные негативные последствия для общественного и исторического сознания россиян.

70-я годовщина начала Второй мировой войны выявила противоречивое отношение российской общественности к событиям тех лет, отражающее желание некоторых политиков и публицистов «уравнять счета за прошлое», объявляя постверсальскую Польшу то союзницей нацистской Германии, якобы подписавшей с ней в 1934 г. секретный протокол-приложение к Декларации о неприменении силы (что не получило подтверждения), то виновницей войны с той же Германией. Обнаружился возврат к прежним представлениям, в частности о правомочности ликвидации Польши, которая, как сказал Сталин в беседе с Г. Димитровым 7 сентября 1939 г., есть «фашистское государство» и «уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше!», равно как и расширение позиций социализма⁸⁴.

В настоящее время, по данным Всесоюзного центра по изучению общественного мнения, о «необходимых мерах для отсрочки начала войны» помнят 57% респондентов, о расширении территории до границ царской империи — 14%, а о якобы имевшей место заботе о распространении идеалов социализма — только 9% россиян. Четверть респондентов считают, что заключение советско-германских договоров 1939 г. помогло Гитлеру развязать мировую войну⁸⁵.

Социологический опрос Левада-центра, проведенный 17–20 июля 2009 г. в 128 населенных пунктах 46 регионов РФ, дал следующие ответы на приведенные ниже вопросы и показал такую их динамику⁸⁶:

1. Вы поддерживаете или осуждаете подписание пакта о ненападении между фашистской Германией и СССР?

	Февраль 2005 г.	Июль 2009 г.
Определенно поддерживаю	14	11
Скорее поддерживаю	26	23
Скорее осуждаю	18	27
Определенно осуждаю	6	6
Ничего не знаю об этом/ затрудняюсь ответить	37	44

2. Слышали ли вы о секретных протоколах к пакту о ненападении, подписанному в августе 1939 г. между фашистской Германией и СССР (пакт Молотова—Риббентропа), предусматривавших раздел Польши?..

	Февраль 2005 г.	Июль 2009 г.
Слышал и думаю, что они были на самом деле	43	38
Слышал, но думаю, что это фальшивка	9	11
Не слышал	31	39
Ничего не знаю об этом/ затрудняюсь ответить	17	13

3. Надо ли широко освещать события сентября 1939 г., когда войска Красной армии вошли в Польшу и заняли территории, оговоренные в секретном плане Молотова—Риббентропа? (опрос проведен 23—31 августа 2009 г.).

Надо, молодежь уже не знает истории своей страны со всеми ее светлыми и темными сторонами	36
Надо, чтобы такое не повторилось	20
Надо, поскольку ничего плохого в этом нет, благодаря этим действиям Сталин получил возможность подготовиться к войне	10
Не надо, прошлого все равно не переделаешь, а темных страниц в истории каждой страны и так хватает	16
Не знаю, меня это не интересует	8
Другое	< 1
Я об этом ничего не знаю	12
Затрудняюсь ответить	9

Выяснению подлинных мотивов и обстоятельств событий тех лет и обогащению исторического сознания россиян способствуют новые документальные издания, затрагивающие историю советско-польских отношений в годы Второй мировой войны, в том числе подготовленные совместно с польской стороной⁸⁷, а также публикации о политике Сталина И. Яжборовской, О. Ржешевского и А. Носковой⁸⁸.

Не потеряло своей актуальности в двусторонних российско-польских отношениях и урегулирование катынского дела. Россия официально признала вину сталинского режима за расстрел признаваемых ею военнопленными узников трех спецлагерей НКВД и заключенных тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии. Формально прекращенное 21 сентября 2004 г. за смертью признанных виновными лиц, это дело оставило невыясненным до конца ряд принципиальных вопросов, поскольку материалы дела и постановление были засекречены, а виновные не названы поименно. Их вина сформулирована как превышение должностных полномочий. Все это вызывает закономерные вопросы в отношении квалификации вины и полноценного процессуального и морально-политического завершения дела, способствует новым фальсификациям, ведущим к ухудшению двусторонних отношений. Находятся те, кто заинтересован в реанимации сталинско-бериевских мифологем и применяет для этого всевозможные псевдонаучные историко-политические спекуляции, опираясь на сознательную ложь и подтасованные факты, чтобы отвести вину от подлинных участников преступлений. Воспроизведение мифов сталинских времен характерно для изысканий не только Ю. Мухина, но и С. Куняева, В. Шведа, С. Стрыгина и др.⁸⁹. Стараясь создать иллюзию правдоподобия, они поначалу объявляют о своей приверженности официально утвердившейся в России с 1990-х годов позиции, а затем, искусно вводя в заблуждение читателя техническими мелочами, сеют сомнения в истинности доказательств следствия ГВП РФ и изображают дело как тайну, хотя ее давно уже нет. Сфабрикованное заключение

комиссии Н. Бурденко⁹⁰ давно опровергнуто. Его последователи стараются подорвать принятые правовые аргументы, манипулировать общественным мнением. Для них — не помеха тысячи раскрытых, опубликованных документов и вещественных доказательств, прошедших профессиональную экспертизу, в подлинности которых не приходится сомневаться.

Это касается и использования в качестве своего рода «Анти-Катыни» встречной претензии по вопросу о судьбах красноармейцев, попавших в польский плен в ходе войны 1920 г. и скончавшихся в основном от эпидемий. Даже в новых школьных учебниках по истории России, в которых деятельность Сталина идеализируется, говорится о «десятках тысяч» советских жертв, а само катынское преступление трактуется как оправданный «ответ», «месть» со стороны вождя⁹¹.

В публикации М. Мельтюхова «17 сентября 1939» концепция «Анти-Катыни» получает дальнейшее развитие. Признавая, что расстрел польских военнопленных был «военным преступлением советского руководства», то есть нарушением международного права, автор тут же оправдывает его «предопределенностью», «всеми ходом советско-польских отношений 1919–1939 гг.», в том числе и гибелью якобы около 60 тыс. советских пленных в польских лагерях в 1919–1921 гг.⁹² Мельтюхов утраивает число жертв, однозначно отвергает применимость международного права к катынскому преступлению и, утверждая, что расследование Главной военной прокуратурой катынского дела «не привело к какому-либо однозначному результату», отсылает читателей к псевдонаучным «критикам официальной версии» — Ю. Мухину и В. Шведу⁹³. Итогом пропаганды такого подхода становятся подпитывание прежних фобий, восстановление уродливых стереотипов пропаганды предвоенных десятилетий. И, естественно, очередное противостояние с соседями⁹⁴.

Историографическая составляющая этой темы — критика российскими авторами такого рода литературы на страницах выпусков «Катынских тетрадей», периодического издания Независимого исторического комитета по расследованию катынского преступления и Польского Катынского фонда⁹⁵.

В последние годы российские историки много сделали для изучения советско-польских отношений на завершающем этапе Второй мировой войны, в период освобождения польской территории, роли Советского Союза в борьбе за власть в Польше⁹⁶. Стали исследоваться такие сложные темы, как вступление на польскую территорию частей Красной армии и НКВД, установление в стране просоветского режима и его эволюция, а также борьба с некоммунистическим Движением сопротивления и подпольем. Причину борьбы с этими силами А. Носкова в своих публикациях усматривает в необходимости очищения тыла Красной армии, поскольку они дестабилизировали его, противодействовали геостратегическому курсу Сталина, «намерениям СССР по установлению политически близкой ему власти», мешали решению крупномасштабных геополитических задач в отношении перехода Польши в сферу советского влияния⁹⁷. И. Яжборовская исследовала проблему методов вовлечения Польши в сталинскую блоковую политику⁹⁸.

Много сделано для изучения истории перемещения национальных меньшинств в регионе после Второй мировой войны и во второй половине 1950-х годов, в том числе из Советского Союза в Польшу и из Польши в Советский Союз, когда в основу интенсивных переселений был положен принцип гомогенного, мононацио-

нального государства, позволявшего, как представлялось, избавиться от национальных противоречий. Сталинский план предусматривал проведение обмена находившихся в СССР после 1939 г. поляков и польских евреев на проживавших в Польше украинцев, белорусов и литовцев⁹⁹. Лица, оказывавшие противодействие переселению белорусов, украинцев, русских и русинов из Польши в Советский Союз, подвергались арестам и другим репрессиям¹⁰⁰.

После Второй мировой войны освободительное содержание борьбы польского народа за повторное воссоздание независимого государства трансформировалось, включив компонент радикальных социальных преобразований, которые позволили несколько сгладить отношения с соседями, внедрить в сознание идеи взаимодействия и сотрудничества. Однако застарелые штампы, представлявшие Польшу как «уродливое детище Версальской системы», носителя идеи расчленения России и т.п., не были достаточно последовательно пересмотрены и отвергнуты. Они лишь камуфлировались, будучи глубоко запрятаны при помощи сложной системы засекречиваний. В результате процессы выстраивания межнациональных и межгосударственных отношений развивались противоречиво, а в настоящее время обращение к этим концепциям способствует поддержанию конфликтности отношений.

Между тем плодотворным является не обращение к обедненным по части источниковой базы, односторонним околонуточным изданиям, а разносторонний, опирающийся на сотрудничество ученых двух стран подход¹⁰¹. Такому подходу способствуют совместно подготовленные двусторонние документальные публикации, в том числе об истории Варшавского восстания¹⁰².

Проблемы Варшавского восстания, в том числе позиция Сталина, изложены в статье А. Носковой, в которой показывается, что при сталинском геополитическом замысле «радикальная помощь восставшим для советского лидера была лишена политического и военно-оперативного смысла». При этом автор оговаривает, что задача немедленной советизации Польши не ставилась — вопрос о форме политического режима был второстепенным¹⁰³.

В коллективных трудах Т. Волокитиной, Г. Мурашко, А. Носковой и Т. Покивайловой существование народной демократии как политического режима в странах Центрально-Восточной Европы в 1947–1948 гг. непосредственно увязывается с международными условиями — пока сохранялись хотя бы элементы сотрудничества великих держав, никакая партия в регионе не могла иметь монополию на власть. Авторы считают, что во многом скопировав сталинский тип управления государством, новым элитам не удалось создать аналогов советского политического режима, так как не была достигнута соответствующая глубина проникновения власти и ее идеологии в «ткань» общества. Не удавалось «придушить» национальные традиции и разорвать связи населения католических стран с другим монополистом — церковью¹⁰⁴. И в этой, и в специальной работе о становлении в странах региона политических режимов советского типа авторы пишут о роли советских советников в органах госбезопасности, армии и государственных структурах¹⁰⁵. Тем более вызывает сомнение их утверждение о том, что участие коммунистов во власти было продиктовано только следованием главной цели СССР — удержать страны народной демократии, и прежде всего Польшу, под своим геостратегическим контролем. Тем самым коммунисты рассматриваются лишь как гаранты присутствия своих

стран в советской сфере влияния, а социально-политические преобразования трактуются как «вторичные».

Что касается геополитической заботы Сталина о прочности советской сферы интересов, то это очевидно. Но и постоянного его внимания к выстраиванию внутренних механизмов политической зависимости, о чем пишет И. Яжборовская, отрицать не следует. Об этом свидетельствует усиление идейно-политического прессинга по линии обеспечения будущего устройства Польши во второй половине 1940-х годов¹⁰⁶ и — особенно — под маркой разоблачения «правонационалистического уклона», с обновлением идеологического арсенала и широким использованием антиитовских стереотипов в рамках холодной войны¹⁰⁷.

Занимающийся той же проблематикой Л. Гибианский доказывает, что уже при вступлении в 1944 г. советских войск в большинство стран региона Сталин взял курс на установление под эгидой СССР левых режимов, в которых как можно более значительные, а в идеале определяющие рычаги власти были бы сосредоточены у компартий. Создание таких режимов в 1944–1945 гг. стало результатом сочетания, с одной стороны, советских усилий в этом направлении, с другой — внутренних социально-политических процессов. В работах этого автора Польша относится к числу тех стран, где преобладало прямое советское вмешательство, а власть сформировалась с преобладанием коммунистов, при очень ограниченном коалиционном участии в управлении некоторых некоммунистических группировок и с допуском дозированной многопартийности. До 1947 г. проводилась постепенная, «растянутая» советизация. Она была несоветской по форме, с частичной многопартийностью, но с использованием административного давления и фальсификации выборов для усиления роли или диктата коммунистов, вытеснения или оттеснения от власти ненадежных союзников. В 1947–1948 гг. Сталин и ППР/ПОРП перешли к форсированной советизации, установив монополию власти — фактическую однопартийность¹⁰⁸.

С самого начала возникновения режимов народной демократии, обгоняя унификацию, стала создаваться блоковая система политических, военных, экономических и иных взаимосвязей с СССР. Стремясь к монолитности блока, Сталин крайне остро реагировал на проявления того, что поддерживавшие общий курс лидеры, когда дело касалось специфических интересов их режимов, обнаруживали склонность к частично самостоятельным решениям, к действиям без предварительной советской санкции¹⁰⁹.

В поле зрения российских исследователей оказалось и духовное воздействие на общество стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе Польши, которое осуществлялось с использованием советского опыта — при помощи аналога советской политики в отношении трех основных конфессий региона: православной, римско-католической и греко-католической¹¹⁰. Роль государства значительно увеличилась: если православное духовенство договаривалось с властями, приняв предложенные принципы — сотрудничество и контроль, то греко-католичество как вероисповедный институт было ликвидировано, а римско-католический костел при помощи уступок и репрессий был поставлен под контроль государства и весьма ограничен в своей деятельности, отделен от государства, поставлен в экономическую зависимость. Духовенство заставили признать новый строй и присягнуть на

верность власти, стараясь не допустить его превращения в оппозиционную силу. Но лавируя, уступая и выжидая, духовенство сумело сохранить церковь как институт, поддерживать связь с верующими и их доверие.

К исследованию советско-польских отношений 1950–1980-х и последующих лет российские историки еще только приступают. Основным препятствием является все еще сохраняющаяся значительная закрытость документальной базы. Если первые публикации партийных и государственных документов высокого уровня уже появились¹¹¹, то практически закрыты или не вводятся историками в оборот документы аппарата ЦК КПСС более низкого уровня, министерств и ведомств, СЭВ и др.

Наиболее обстоятельными и открытыми работами являются монография А. Орехова, посвященная истории советско-польских политических отношений периода «польского Октября», и его статья об экономических отношениях того же периода¹¹². Представляет большой интерес и публикация Ореховым беседы советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.¹¹³.

В изучение комплекса проблем подготовки и введения военного положения в Польше 13 декабря 1981 г. внесли вклад как официальные публикации документов¹¹⁴, так и свидетельства бывших сотрудников аппарата ЦК КПСС — В. Воронкова, В. Мусатова и Г. Шахназарова¹¹⁵, работы военных историков¹¹⁶ и воспоминания представителей военного командования Советской армии и резидентуры КГБ¹¹⁷.

Системный научный анализ российско-польских отношений в годы трансформации предпринял Н. Бухарин, предварив его необходимым для понимания проблем и трудностей в современных отношениях разделом об их исторических корнях, особенно относящихся к XIX–XX вв. По существу это первая попытка синтетически представить сквозную историю российско-польских отношений. Его монография и несколько статей посвящены рассмотрению комплекса политических, общественных, экономических и культурных отношений в 1990-е годы и первое десятилетие XX в., включая прогнозы дальнейшего развития отношений¹¹⁸.

Определенные итоги изучения всего комплекса проблем двусторонних советско-польских отношений были подведены на состоявшейся в октябре 2003 г. в Москве двусторонней научной конференции «Польша — СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого». Конференция была организована с российской стороны — Институтом российской истории и Институтом всеобщей истории РАН при участии ученых других научных учреждений России, а с польской стороны — усилиями постоянного представителя ПАН при РАН в Москве профессора Э. Дурачинского и группы сотрудников Института национальной памяти. Разработки российских и польских ученых по ряду наиболее сложных проблем взаимных отношений были объединены в коллективную монографию, позволяющую сравнить их позиции¹¹⁹. Как подчеркнул тогдашний посол Республики Польша в Российской Федерации С. Меллер, «спустя десятилетия существования идеологизированной и лживой истории российские и польские ученые наконец-то могут вести настоящий диалог. Этот диалог особенно труден в отношении проблем новейшего времени»¹²⁰.

Нельзя обойти и тот прискорбный факт, что в последние годы в России были опубликованы несколько публицистических книжек по истории российско-

польских отношений, отражающих кризис общественного сознания в стране. Пронизанные враждой к Польше и полякам они взывают к конфликтогенным мифам и предрассудкам прошлого, носят эклектичный, псевдонаучный или околонучный характер, пытаются реанимировать давно устаревшие схемы и догмы. К числу таких «исследований», наполненных былыми агрессивными идеологемами и мифологемами, следует отнести книги Д. Жукова, А. Мартиросяна, А. Широкограда, Е. Яковлевой и др.¹²¹

Вместе с тем нельзя не отметить, что в расширяющемся в последнее двадцатилетие поле исследований российско-польских отношений новейшего времени все большее внимание уделяется углубленному, научному изучению восприятия образа друг друга¹²², эволюции российской политической мысли о Польше и поляках¹²³ и лучшему пониманию сложных проблем, создающих трудности в общении россиян и поляков.

Будем надеяться, что ближайшее будущее принесет подкрепленные совместными усилиями в области большего взаимопонимания глубокие и интересные исследования по истории двусторонних российско-польских отношений в XX — начале XXI в.

¹ Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996; Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. М., 2009; и др.

² Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. М., 1987. С. 9–10.

³ К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. Вып. I. М., 1989.

⁴ Революционная Россия 1917 года и польский вопрос. С. 85, 89, 91, 92.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Пилсудский Ю. 1920 год. М., 1926; Тухачевский М. Поход за Вислу. М., 1923; а также: М., 1991; Тухачевский М. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. М., 1992.

⁷ Литвин А. Л., Поликарпов В. Д., Спиринов Л. М. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят: Тринадцать бесед. М., 1989; Язборовская И. С. Между Киевом и Варшавой (Советско-польская война 1920 г.) // Открывая новые страницы. Международные вопросы: События, люди. М., 1989. С. 20–26. Затем по этой тематике был издан ряд публикаций документов и статей: Большевицкое руководство. Переписка 1912–1927: Сб. документов. М., 1996; Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. М., 1997; Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999; Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг.: Сб. документов. М., 2000; Давыдов М. Л. Причины поражения Красной Армии под Варшавой в 1920 г. // Из истории России. XX век: Сб. статей. Вып. 2. М., 1996. С. 140–147; и др.

⁸ Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 222.

⁹ Там же.

¹⁰ См. распоряжение М. Горбачева от 3 ноября 1990 г.: Секретные документы из особых папок / Подготовка публикации и вступ. ст. М. Семиряги // Вопросы истории. 1993. № 1.

¹¹ Фирсов Ф. И., Язборовская И. С. Коминтерн и коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11, 12; Они же. Под диктовку Сталина... (о репрессиях против коммунистической партии Польши // Открывая новые страницы... Международные вопросы: События и люди. М., 1989; и др.

¹² Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6; Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1; Его же. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. М., 2007.

¹³ Смирнов Г. Л. Указ. соч. С. 221.

¹⁴ Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; Парсаданова В. С. Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5; Волков С. В.,

Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. М., 1989; Вокруг пакта о ненападении (документы о советско-германских отношениях 1939 г.) // *Международная жизнь.* 1989. № 9; Альтернативы 1939 г. М., 1989; 1939 год. Уроки. М., 1990; Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992; *Вишнев О. В.* «Большая политика»: Март—май 1939 года (к предыстории советско-германского договора о ненападении) // *Россия и Германия.* Вып. 2. М., 2001; и др.

¹⁵ Советские военнопленные и движение Сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны: Сб. статей. М., 1991.

¹⁶ *Абарин В.* Катынский лабиринт. М., 1991. См. также новое, доп. издание: *Abarinow W.* Oprawy z Katynia. Kraków, 2007.

¹⁷ *Парсаданова В., Зоря Ю.* Катынь // *Новое время.* 1990. № 16; *Парсаданова В.* К истории катынского дела // *Новая и новейшая история.* 1990. № 3; *Зоря Ю. Н., Прокопенко А. С.* Нюрнбергский бумеранг // *Военно-исторический журнал.* 1990. № 7; *Зоря Ю. Н.* Режиссер катынской трагедии // *Берия: Конец карьеры.* М., 1991; *Лебедева Н. С.* Катынская трагедия // *Московские новости.* 1990. № 12; *Ее же.* И еще раз о Катыни // *Там же.* № 18; *Она же.* О трагедии в Катыни // *Международная жизнь.* 1990. № 5, и др.

¹⁸ Секретные документы из особых папок / Подготовка публикации и вступ. ст. М. И. Семиряги // *Вопросы истории.* 1993. № 1.

¹⁹ Катынская драма. Козельск, Старобельск, Осташков. М., 1991.

²⁰ *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения. 1945—1949 гг. М., 1990.

²¹ Польско-советская война 1919—1920. Ранее не опубликованные документы и материалы: В 2 ч. М., 1994. Ч. I; Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919—1922 гг. Документы и материалы. М., 2004; *Костюшко И. И.* К вопросу о польских военнопленных 1920 года // *Славяноведение.* 2000. № 3.

²² Красноармейцы в польском плену в 1919—1920 гг.: Сб. документов и материалов. М.; СПб., 2004; Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919—1920 гг. Документы и материалы. М., 2004; доп. и расшир. совместное издание: *Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919—1922: Materiały archiwalne.* Warszawa, 2009.

²³ *Михутина И. В.* Так сколько советских военнопленных погибло в Польше в 1919—1921 гг. // *Новая и новейшая история.* 1995. № 3; *Райский Н. С.* Польско-советская война 1919—1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999, и др.

²⁴ *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjcy i ukraińscy w Polsce w latach 1918—1924. Z dziejów militarnopolitycznych wojny polsko-radzieckiej. Toruń, 1991. S. 153. См. также: *Idem.* Raport o sytuacji jeńców i internowanych oraz o stanie obozu w Dabiu koło Krakowa od listopada 1918 do listopada 1920 // *Polska i jej sąsiedzi w czasach najnowszych.* Toruń, 1995 i in.; Красноармейцы в польском плену. С. 11, 14, 24—26, 28.

²⁵ Репрессии против поляков и польских граждан // *Исторические сборники «Мемориала».* Вып. 1. М., 1997, и др.

²⁶ *Костюшко И. И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.

²⁷ *Михутина И. В.* Польско-советская война 1919—1920. М., 1994; *Полторак С. Н.* Победоносное поражение: Размышления о советско-польской войне 1920 г. В канун ее 75-летия. СПб., 1994; *Исаев А. П.* Уроки советско-польской войны 1920 г. СПб., 1999; *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918—1939. М., 2001; *Его же.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939—1941 (документы, факты, суждения). 3-е изд., испр. и доп. М., 2008; *Райский Н. С.* Советско-польская война 1919—1920 годов и судьбы военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999, и др.

²⁸ *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. М., 2001. С. 416—417, и др.

²⁹ *Katyn. Dokumenty zbrodni.* T. I. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny. Sierpień 1939—marzec 1940. Warszawa, 1995; t. 2. Zagłada. Marzec — czerwiec 1940. Warszawa, 1998. T. 3. Losy ocalałych. Lipiec 1940 — marzec 1943. Warszawa, 2001. T. 4. Echa Katynia. Kwiecień 1943 — marzec 2005. Warszawa, 2006; Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. М., 1997; Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М., 2001.

³⁰ *Русский архив.* Великая Отечественная. М., 1996. Т. 24 (13).

³¹ *Лебедева Н. С.* Катынь: Преступление против человечества. М., 1994.

³² Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923—1944 / Сост. И. И. Костюшко. М., 1997.

- ³³ *Jajborowska I., Jabtokow A., Zoria J.* Katyń: zbrodnia chroniona tajemnicą państwową. Warszawa, 1998.
- ³⁴ *Ярузельский В.* Уроки истории — не соль на раны. Беседу вел В. Оскоцкий. Рязань, 2000. С. 18–19.
- ³⁵ Переписка В. М. Молотова с И. В. Сталиным в связи с поездкой в Берлин // Военно-исторический журнал. 1992. № 9; Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. (Документы из Архива Президента Российской Федерации) // Новая и новейшая история. 1993. № 5; Директивы И. В. Сталина В. М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1995. № 4.
- ³⁶ Русский архив. Великая Отечественная. 13 (3-1). (Т. 3. Ч. 1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994.
- ³⁷ НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По особым папкам И. В. Сталина): Сб. док. М., 1994; СССР—Польша: Механизмы подчинения. 1944–1949: Сб. док. М., 1995; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. Т. I. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997; Т. II. 1949–1953 гг. М.; Новосибирск, 1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: В 2 т. Документы. Т. I. 1944–1948 гг. М., 1999; Т. II. 1949–1953 гг. М., 2002, и др.
- ³⁸ См., в частности: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. М., 1990; 1939 год: Уроки истории. М., 1990; Мировые войны XX века. Т. 1–4. М., 2002.
- ³⁹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002; Кн. 4. Документы и материалы. М., 2002.
- ⁴⁰ Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. статей. М., 2001.
- ⁴¹ *Яжборовская И. С., Парсаданова В. С.* Россия и Польша: Синдром войны 1920 г. 1914–1918–1920–1987–2004. М., 2005.
- ⁴² *Зубачевский В. А.* Геополитические планы Германии, Польши, Советской России в период польско-советской войны 1920 года // Славяноведение. 1999. № 4; *Его же.* Советская политика на северо-востоке Центральной Европы в начале 20-х годов // Отечественная история. 2004. № 3; *Его же.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923): Геополитический аспект. Омск, 2005.
- ⁴³ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 20-х — 30-е гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000; *Кен О.* Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003; *Бабенко О. В.* Польско-советские отношения 1924–1928 гг. От противостояния к сотрудничеству. М., 2007. См. также: *Яжборовская И. С.* Советская пропаганда 20–30-х гг. Складывание традиций и стереотипов советско-польских отношений и их верификация // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998.
- ⁴⁴ *Безыменский Л. А.* Советско-германские договоры 1939 г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3; *Его же.* Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин // Новое время. 1998. № 1; *Его же.* Человек, без которого не было бы пакта // Там же. 1999. № 33; *Его же.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000, и др.
- ⁴⁵ См.: *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны: История кризиса Версальской системы. М., 2007.
- ⁴⁶ *Поп И. И.* Польско-венгерский альянс в период Мюнхена // Мюнхен — преддверие войны. М., 1988. С. 182.
- ⁴⁷ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941. М., 1997; *Его же.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007, и др.
- ⁴⁸ *Парсаданова В. С.* Депортация населения из Западной Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2; Россия. XX век. Документы // Катынь: Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 375, 377–378, и др.
- ⁴⁹ *Гурьянов А. Э.* Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997. С. 77–113, 121–121; Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941. Варшава; М., 2001.
- ⁵⁰ *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 119.
- ⁵¹ *Дашичев В. И.* Пакт Гитлера—Сталина: Мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы. М., 1990; *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992; *Семиряга М. И.* Тайны советской дипломатии. 1939–1941. М., 1992; *Его же.* Советско-германские отношения

(сентябрь 1939 — июнь 1941 г.) // Советская внешняя политика 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов. М., 1992; *Кулиш В. М.* Советская историография Великой Отечественной войны // Война 1939–1945: Два подхода. Ч. I. М., 1995; *Его же.* Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М., 1996; Другая война. 1939–1945. М., 1996, и др.

⁵² *Семиряга М. И.* 17 сентября 1939 г. // Советское славяноведение. 1990. № 5; *Парсаданова В. С.* «Польская» политика СССР в сентябре 1939 — июне 1940 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990; *Ее же.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 7, и др.

⁵³ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным в 1939–1941 гг. М., 1999.

⁵⁴ Там же. См. также: *Слущ С. З.* Россия и Германия в 1918–1945 годах: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1918–1945). М., 1995.

⁵⁵ *Лебедева Н. С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война. 1939–1945; *Ее же.* Германско-советское взаимодействие и ликвидация польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным; *Ее же.* Рижский договор 1921 года и четвертый раздел Польши // *Traktat gyski 1921 roku po 75 latach.* S. 315, 317.

⁵⁶ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007.

⁵⁷ *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 11, 14.

⁵⁸ Там же. С. 27.

⁵⁹ Там же. С. 45, 53, 55.

⁶⁰ Там же. С. 5.

⁶¹ *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. 2-е издание вышло там же в 2009 г.

⁶² *Мухин Ю.* Катынский лабиринт. М., 1995; *Его же.* Антироссийская подлость. Научно-исторический анализ. М., 2003.

⁶³ «Завтра может быть уже поздно...» (М. Литвинов) // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009.

⁶⁴ Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004; Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 — июнь 1941. М., 2008; Секреты польской политики: Сб. документов (1935–1945) / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2009, и др.

⁶⁵ Наиболее показательны в этом отношении работы: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936–1939. М., 1987; *Его же.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989; *Его же.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997.

⁶⁶ См.: *Безыменский Л. А.* Советско-германские договоры 1939 г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3, и др.

⁶⁷ *Смирнов В. П.* Мюнхенская конференция и советско-германский пакт в дискуссиях российских историков // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск. 2009. С. 185–203.

⁶⁸ Известия. 1989. 27 дек. Существование подлинников было признано через три года, во времена правления Б. Н. Ельцина. См.: Там же. 1992. 30 окт.

⁶⁹ К 70-летию начала Второй мировой войны: События и факты межвоенного периода // Совет Федерации Федеративного собрания Российской Федерации. Аналитический вестник. № 13 (380). М., август 2009. С. 2.

⁷⁰ К 70-летию начала Второй мировой войны: Исследования, документы, комментарии. М., 2009, и др.

⁷¹ *Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historókw* / Pod red. S. Dębskiego i M. Narińskiego. Warszawa, 2009.

⁷² *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939: Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 531–533.

⁷³ Там же. С. 534–535.

⁷⁴ Там же. С. 536–537. См. также: *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 гг. М., 1991; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: Конфликт интересов. М., 2000, и др.

- ⁷⁵ Мельтюхов В. М. 17 сентября 1939. С. 536–537.
- ⁷⁶ Молотов В. М. О внешней политике Советского Союза. М., 1939. С. 3.
- ⁷⁷ Мельтюхов В. М. 17 сентября 1939. С. 539–540.
- ⁷⁸ Слущ С. З. Внешнеполитическое обеспечение Польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939–1940) М., 1990; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992.
- ⁷⁹ Розанов Г. Л. Указ. соч.; Орлов А. С. Третий рейх и Третий Рим (1933–1941). М., 1993.
- ⁸⁰ Семиряга М. И. Указ. соч.
- ⁸¹ Мельтюхов В. М. 17 сентября 1939. С. 542.
- ⁸² Там же. С. 544.
- ⁸³ Там же. С. 535, 544.
- ⁸⁴ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 183–184.
- ⁸⁵ Пакт, превратившийся в мифы // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.gzt.ru.
- ⁸⁶ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.lewada.ru.
- ⁸⁷ Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 r. Warszawa; Moskwa, 2003; Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Т. 1–2. Варшава; М., 2001. Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941. Warszawa; Moskwa, 2001; Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М., 2000.
- ⁸⁸ Jaźborowska I. Utworzenie Kominformu: Kominform jako narzędzie manipulacji Stalina w Polsce // Dzieje najnowsze. Warszawa, 1999. N 2; Ржевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. 1941–1945. М., 2004; Сталин и Польша. 1943–1944 гг. Из рассекреченных документов российских архивов / Предисл. и коммент. А. Ф. Носковой // Новая и новейшая история. 2008. № 3; Носкова А. Ф. Сталин, польские коммунисты и создание ПКНО (По новым документам архивов России) // Славяноведение. 2008. № 3.
- ⁸⁹ Куняев С. Шляхта и мы. М., 2005; Он же. Русский полонез. М., 2006; Швед В., Стрыгин С. Тайны Катыни. М., 2007, и др.
- ⁹⁰ Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. М., 1944.
- ⁹¹ См.: История России. 1945–2008 / Под ред. А. А. Данилова, Г. Уткина и А. В. Филиппова. М., 2008; История России. 1900–1945 / Под ред. А. А. Данилова и А. В. Филиппова. М., 2009.
- ⁹² Мельтюхов В. М. 17 сентября 1939. С. 553.
- ⁹³ Там же. С. 619.
- ⁹⁴ См.: Новак А. Польско-советские войны XX века: Историографическое мemento // Новая Польша. 2002. № 10.
- ⁹⁵ Jaźborowska I. Kierunki i poglądy w historiografii rosyjskiej w sprawie zbrodni katyńskiej // Zeszyty Katyńskie. N 22. Zbrodnia katyńska w oczach współczesnych Rosjan. Warszawa, 2007; eadem. Katyńska konfrontacja historii i polityki w Rosji // Zeszyty Katyńskie. N 23. Zbrodnia katyńska między prawdą i kłamstwem. Warszawa, 2008; Pamiątnych A. Rosyjskie publikacje ostatnich miesięcy na temat Katynia // ibid., и др.
- ⁹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док.: В 8 т. Т. I–V. М., 1995–2008.
- ⁹⁷ Из Варшавы. С. 12–13, 15, 16, 18.
- ⁹⁸ Яжборовская И. С. Вовлечение Польши в сталинскую блоковую политику: Проблемы и методы давления на польское руководство. 1940-е годы // Сталин и холодная война. М., 1998.
- ⁹⁹ См.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004.
- ¹⁰⁰ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД о польском подполье 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001. С. 70, 85, 278–279, 351–352.
- ¹⁰¹ Яжборовская И. С. Сотрудничество историков России и Польши в раскрытии правды о Катыни // Российско-польские связи в XIX–XX вв.: Сб. статей. М., 2003.
- ¹⁰² Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб. Powstanie Warszawskie. 1944 w dokumentach z archiwów służb specjalnych. Warszawa; Moskwa, 2007.

¹⁰³ Носкова А. Ф. Польша в политике Москвы. 1943–1945 гг. // Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 105–106.

¹⁰⁴ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944–1948 гг. М., 1993; Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953. Очерки истории. М., 2002, 2009.

¹⁰⁵ Носкова А. Ф., Мурашко Г. П. Институт советских советников в Восточной Европе в 40–50-е годы XX в. // Польша — СССР. 1945–1989.

¹⁰⁶ Карнов А. В. Советский Союз и возникновение «народной власти» в Польше // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995; Яжборовская И. С. «Согласовать со Сталиным» (советско-польские отношения и проблема внутреннего устройства Польши в конце 1943 — начале 1945 г.) // Там же; *Ее же*. Советско-польские партийно-государственные отношения в 40-е гг. XX века // Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; *Yazhborovskaya I.* The Goulka Alternative: the Entry Road // Establishment of communist regimes in Eastern Europe. 1944–1949. Boulder, Colorado, 1997. См. также: Носкова А. Сталин, польские коммунисты и создание ПКНО... // Славяноведение. 2008. № 3.

¹⁰⁷ Яжборовская И. 1948 год: Москва — Варшава — югославский вопрос. М., 1998.

¹⁰⁸ Sowjetisierung Osteuropas — Charakter und Typologie // Sowjetisierung und Enständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953). Köln; Weimar; Wien, 1999.

¹⁰⁹ Гибианский Л. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003; *Его же*. Форсирование советской блоковой политики // Там же.

¹¹⁰ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008.

¹¹¹ СССР и Польша: Октябрь 1956-го. Постановления и записи заседаний Президиума ЦК КПСС // Исторический архив. 1996. № 5–6; Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003; Т. 2. Постановления 1954–1958 гг. М., 2006; Советский Союз и Народная Польша. 1974–1987. Документы и материалы. М., 1989.

¹¹² Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: Из истории советско-польских отношений. М., 2005; *Его же*. Из истории экономических отношений СССР и ПНР («угольная проблема») 1946–1957 гг. // Россия, Польша, Германия: История и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009.

¹¹³ Орехов А. М. Беседы под сводами Бельведера (встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.). Приложение: Запись беседы делегации президиума ЦК КПСС и членов политбюро ЦК ПОРП в Варшаве 19 октября 1956 г. // Славянский альманах-2007. М., 2008.

¹¹⁴ Документы «Комиссии Сулова»: События в Польше // Новая и новейшая история, 1994. № 1. Дополнительные публикации документов из той же коллекции см. в приложении к монографии: General Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. Warszawa, 1994, а также на сайте: Советский архив. Собран В. Буковским. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: psi.ece.jhu.edu.

¹¹⁵ Воронков В. И. События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории. 1995. № 10; Шахназаров Г. Х. Встречи с лидерами социалистических стран // Новая и новейшая история. 2000. № 3; Мусатов В. Л. Россия и Восточная Европа: Связь времен. М., 2008.

¹¹⁶ Лавренов С. Я., Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003; Борецкий Р. Мой генерал. Что он спасал: Режим или страну? М., 2008.

¹¹⁷ Грибков А. И. Судьбы Варшавского Договора. М. 1998; *Его же*. «Доктрина Брежнева» и польский кризис начала 80-х гг. // Военно-исторический журнал. 1992. № 9; Генерал Павлов: Я был резидентом КГБ в Польше. М., 1994; Ачалов В. Я расскажу вам правду. М., 2006, и др.

¹¹⁸ Бухарин Н. И. Российско-польские отношения. 90-е годы XX века — начало XXI века. М., 2007; *Его же*. Россия — Польша // Россия и Центрально-Восточная Европа: Трансформация в конце XX — начале XXI века. Т. II. Взаимоотношения. М., 2005; Российско-польские отношения. 90-е годы XX века — начало XXI века // Трансформации на постсоциалистическом пространстве. СПб., 2009, и др.

¹¹⁹ Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005.

¹²⁰ Там же. С. 5.

¹²¹ Яковлева Е. В. Польша против СССР. 1939–1950. М., 2007; *Мартыросян А. Б.* На пути к мировой войне. М., 2008; *Широкопад А. Б.* Польша. Непримируемое соседство. М., 2008; *Жуков Д. А.* Польша — цепной пес Запада. М., 2009; и др.

¹²² См.: Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; *Липатов А. В.* Россия и Польша: «Домашний спор» славян или противостояние менталитетов // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; Россия и Польша. Образы и стереотипы. М., 2002; *Фалькович С. М.* Польша и поляки в глазах россиян // Польша — СССР. 1945–1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005; *Хореев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005; *Lipatow A.* Rosja dzisiejsza między przeszłością a terażniejszością. Toruń, 2007; и др.

¹²³ *Jaźborowska I.* Rosyjska myśl polityczna o Polsce i Polakach // *Dzieje Najnowsze.* 1997. N 1, и др.

Безусловно, 1989 год стал переломным для послевоенной польской исторической науки. Она получила полную автономию. Исчезло то, что называлось «официальной историографией»¹. Не стремясь давать оценку вклада польской исторической науки во времена Польской Народной Республики, стоит заметить, что польско-советские и польско-российские отношения в XX в. были в ПНР предметом, особенно подверженным идеологической деформации и ограничениям цензуры. Это, однако, не означает, что сегодня в двусторонних отношениях с исторической точки зрения нет запутанных вопросов и ненаучных версий². Несомненно, что после 1956 г. польская историческая наука получила большую самостоятельность, освобождение от идеологического воздействия, и этот процесс нельзя игнорировать³. Историография международных отношений также извлекла пользу из этих значительных перемен⁴. В результате польская историческая наука обладала наибольшей свободой и автономией среди стран Восточного блока.

Однако бесспорным представляется тот факт, что этот процесс в относительно ограниченном масштабе влиял на историографию польско-советских отношений, поскольку она была подчинена политическим интересам ПНР. Как заметил недавно видный российский историк Александр Чубарьян, в этой области исследований «в социалистической Польше историография в основном мало чем отличалась от советской»⁵.

И. В эпоху ПНР возобладало идеологическое толкование польско-советских отношений. В историографии доминировало одностороннее видение внешней политики Польши в межвоенный период, избыточное стереотипными формулировками и высказываниями и повторяющее идеологему о том, что «своей независимостью польский народ был обязан Великой Октябрьской революции»⁶. На первый план выдвигался ленинский лозунг о «праве любого народа на самоопределение», подчеркивалось, что большевистская революция признала право польского народа на независимость, а правительство большевиков в 1918 г. аннулировало договоры о разделах Польши. При этом обходилась значимость внешнеполитической декларации российского Временного правительства от 30 марта 1917 г., в которой за польским народом было признано право на независимость⁷.

Писали об «антисоветском походе Юзефа Пилсудского» в 1920 г., о «польско-германском сотрудничестве» в 1934–1938 гг. и «классовом характере польской внешней политики», а также, конечно, об «антисоветских заблуждениях» министра иностранных дел Юзефа Бека⁸. В обязательном порядке повторялось, что целью дипломатии СССР было создание в Европе системы «коллективной безопасности», что этой цели служила советская «стратегия мира»⁹. Пакт же Гитлера–Сталина от

23 августа 1939 г. назывался всего лишь пактом о ненападении. Все эти положения соответствовали советскому толкованию международной политики, выражением которого были такие книги, как польская «Против фальсификации истории Второй мировой войны» и советская «История дипломатии»¹⁰. Хенрик Верещицкий, весьма независимый в своих взглядах историк, писал, что во время чтения многих работ, посвященных новейшей истории Польши и написанных на основе идеологических установок, у него складывалось впечатление, что «факт появления Польской Народной Республики принимали за отправную точку для оценки всего прошлого»¹¹.

Видение польско-советских отношений, которое формировали в ПНР, не позволяло вспоминать даже о таких фактах, как пакт Молотова—Риббентропа, нападение 17 сентября 1939 г., катынское преступление или навязывание коммунистического строя в 1944—1947 гг.¹². Так появлялось то, что позднее — в 1980-е годы — будет официально названо «белыми пятнами» в польско-советских отношениях¹³. Немногочисленные публикации, посвященные советской дипломатии и сохранявшие деидеологизированный характер, не касались тех вопросов, которые считались наиболее спорными¹⁴.

Несколько слов следует сказать об опубликованных во времена ПНР документах, посвященных польско-советским отношениям. Прежде всего необходимо назвать сборник «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich», который издавался в 1962—1973 гг. Это семитомное издание охватывало межвоенный период и годы Второй мировой войны, однако источники из советских архивов касались второстепенных вопросов и были специально подобраны для подтверждения определенных идеологических тезисов. В целом эти сборники источников не заслуживают высокой оценки¹⁵. Однако в 1980-е годы возможности историков существенно изменились, появились новые публикации, весьма ценные с познавательной точки зрения. Важные документы опубликовала Вероника Гостыньска; они касались очень спорного вопроса — возможности заключения мира между Польшей и Советским Союзом в начале 1920 г.¹⁶. Большой сборник документов подготовила Стефания Станиславска¹⁷. Отметим также издание большого тома дипломатических документов, касающихся Мюнхенской конференции 1938 г., который был подготовлен Збигневом Ландау и Ежи Томашевским (1985), и сборника документов о событиях 1939 г., составленного Рышардом Назаревичем¹⁸. Перед самым началом переломного 1989 г. Влодзимеж Т. Ковельский издал первый и оставшийся единственным из планировавшегося многотомного издания сборник документов о месте Польши в системе международных отношений в период Второй мировой войны 1939—1945 гг.¹⁹.

Многие из не упоминавшихся здесь сборников документов были опубликованы в качестве серийных изданий («Z Dziejów Stosunków Polsko-Radzieckich», «Z Dziejów Najnowszych Powszechnych» и «Archiwum Ruchu Robotniczego»). Кроме того, документы публиковались в журналах, которые издавал Институт истории ПАН («Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej» и «Dzieje Najnowsze»).

В любом, даже самом поверхностном очерке о польской историографии послевоенного времени нельзя оставить без внимания работы польских историков, живших в эмиграции²⁰. Кроме хорошо известных работ обобщающего характера, посвященных истории Польши XX в. и принадлежащих перу Владислава Побога-

Малиновского («Najnowsza historia polityczna Polski. T. 1–3; первый том был издан в 1956 г.) или генерала Мариана Кукеля («Dzieje polskie porozbiorowe 1795–1921». Londyn, 1973), появилось несколько книг, связанных с изучением Советской России²¹. Важнее все же то, что несколько исследований было посвящено изучению польско-советских отношений в межвоенный период и в годы Второй мировой войны²². По-прежнему большое значение и сегодня имеет журнал «Zeszyty Historyczne», который появился в 1962 г. и издавался Литературным институтом Ежи Гедройца в Париже²³.

Определенно, самой важной из всех публикаций польских историков в эмиграции по вопросам внешней политики СССР накануне Второй мировой войны следует признать исследование политического публициста Александра Брегмана (A Bregman) «Najlepszy sojusznik Hitlera. Studium o współpracy niemiecko-sowieckiej 1939–1941» (Londyn, 1958). В основном автор использовал германские дипломатические документы, которые были опубликованы в 1948 г. Госдепартаментом США и касались германо-советских отношений в 1939–1941 гг.²⁴. Первыми же польскими публикациями дипломатических документов, касающихся польско-советских отношений, стала «Польская Белая книга»²⁵, изданная польским правительством в эмиграции еще во время войны, а также том «Polish-Soviet Relations 1918–1943. Official Documents» (1943).

Разумеется, появилось много точек зрения на катынское преступление, сохранение памяти о котором «постыльтинская» польская эмиграция считала своим моральным долгом. Не вдаваясь здесь в перечисление многочисленных публицистических работ, следует прежде всего назвать книгу «Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów»²⁶ и имеющую большое значение монографию Януша К. Заводного²⁷. Нельзя не сказать также и о публицистических работах Тадеуша Женчиковского, посвященных Варшавскому восстанию в августе 1944 г. и установлению власти коммунистов в Польше²⁸. Много внимания историки в эмиграции уделяли также полемике с трактовками польской внешней политики и польско-советских отношений, искаженными идеологическими истолкованиями, которые имели место в ПНР. Наиболее значительным изданием-источником по истории польской внешней политики межвоенного периода следует признать публикацию дневника заместителя министра иностранных дел Яна Шембека, охватывающего 1934–1939 гг. Дневник был опубликован в 1964–1972 гг. Историческим институтом генерала Сикорского в Лондоне в четырех томах²⁹. Были также опубликованы документы польских послов в Берлине и Париже в обработке Вацлава Йенджеевича³⁰. Все эти публикации незаменимы для исследования польской внешней политики и польско-советских отношений накануне Второй мировой войны. Вероятно, самым важным изданием, сохраняющим свою ценность до сегодняшнего дня, остается двухтомный сборник польских дипломатических документов, касающихся польско-советских отношений в годы Второй мировой войны («Documents on Polish-Soviet Relations 1939–1945». Vol. 1: 1939–1942; Vol. 2: 1943–1945. L.; Toronto, 1961). Следует упомянуть и сборник документов Юзефа Бека «Polska polityka zagraniczna w latach 1926–1939», составленный Анной Ченчалой и изданный в Париже в 1990 г. Без этих документов было бы трудно понять взгляды этого политика, пользующегося в России — в том числе и в настоящее время — дурной славой.

Немаловажны и многочисленные мемуары поляков, депортированных в СССР, находившихся там в заключении и освобожденных после подписания 30 июля 1941 г. польско-советского договора. Эта тематика — важная с познавательной точки зрения и полезная в сфере советологических исследований — дала много значимой для истории информации. К тому же многие мемуары представляют ценность и с литературной точки зрения. Здесь невозможно перечислить все важные для польской историографии мемуары. Тем не менее следует выделить воспоминания Юзефа Чапского³¹, Густава Герлинга-Грудзиньского³² (их названия вошли в разговорный польский язык), а также — Беаты Обертыньской³³, Казимежа Заморско-го³⁴, Владислава Андерса³⁵, Александра Вата³⁶, Анатоля Краковецкого³⁷, Збигнева Стыпулковского³⁸, Станислава Свяневича³⁹, Бронислава Млынарского⁴⁰. Особое значение имеют воспоминания дипломатов. Прежде всего следует назвать два сборника документов и мемуаров Станислава Кота (*Kot S. Listy z Rosji do gen. Sikorskiego*. 1955; *Rozmowy z Kremlem*. 1959), а также короткое сообщение его преемника на посту посла польского правительства в эмиграции в СССР Тадеуша Ромера (*Romer T. Moja misja jako Ambasadora RP w Związku Sowieckim. Wspomnienia // Zeszyty Historyczne*. Z. 30, 1974). В конце 1980-х годов появились еще два тома дипломатических отчетов: «Moje zderzenie z bolszewikami we wrześniu 1939 roku» (под редакцией К. Ровинского) и «Pamiętniki znalezione w Katyniu», изданные соответственно в Лондоне и Париже в 1986 и 1989 гг.

Значительным достижением польской историографии в эмиграции следует признать две монографии, посвященные восточной политике Юзефа Пилсудского в 1918–1922 гг., принадлежащие перу Мариана Камиля Дзевановского⁴¹ и Петра Вандыча⁴², а также две книги, посвященные формированию основ польской дипломатии после того, как Польша вновь обрела независимость в 1918 г.⁴³. Еще одним немаловажным изданием является книга, ставшая плодом многолетних исследований советолога Виктора Сукенницкого, являвшегося в довоенное время и профессором Виленского университета (*Sukiennicki W. From Foreign Domination to National Independence. East-Central Europe during the First World War*. 1988). В книге, опубликованной уже после его смерти, автор попытался показать, как народы Центрально-Восточной Европы добивались своей независимости в годы Первой мировой войны, обретая ее в результате распада многонациональных империй. Тем не менее, никто из историков в эмиграции не попытался провести анализ польско-советских отношений межвоенного времени, а единственным изданием, которое частично может претендовать на такую попытку, является книга украинско-американского автора Богдана Будуровича (*Budurowycz B. Polish-Soviet Relations 1932–1939*. N.Y., 1962). Новое истолкование наиболее спорных вопросов принес сборник историографических исследований: «Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920 w osenach historyków», изданный в Варшаве в 2003 г.

Без сомнения, 80-е годы XX в. ознаменовались существенным оживлением польской историографии. Эти изменения были вызваны возникновением «Солидарности» в августе 1980 г., а ее подавление вследствие введения военного положения 13 декабря 1981 г. уже не вернуло польскую историографию международных отношений к *status quo ante*. В 1980-е годы появилось несколько монографий, посвященных польско-советским отношениям в межвоенный период, которые опира-

лись только на польские архивные документы и отличались достоверностью представленной информации. Здесь следует назвать книги Станислава Грегоровича⁴⁴, Войцеха Матерского⁴⁵, Марианна Лечика⁴⁶, Станислава Лопатнюка⁴⁷, а также исследования Яна Рузевича⁴⁸, Яна Яняка⁴⁹ и Хенрыка Виснера⁵⁰.

Проблематика новейшей истории — а вместе с ней и польско-советских отношений этого времени — была отражена и в работах, публиковавшихся в 1980-е годы подпольными издательствами. Было издано несколько важных книг, посвященных различным вопросам польско-советских отношений. Следует назвать, в частности, работы Кристины Керстен (K. Kersten), Ежи Лойко (J. Łojko), также исследование Лефна Гросфельда (L. Grosfeld) о пакте Молотова–Риббентропа (в сталинское время Гросфельд был одним из ведущих представителей «правительственной историографии» ПНР)⁵¹. Весьма заметной была также публикация так называемого «Заключительного доклада посла Вацлава Гжибовского» от 6 ноября 1939 г., содержащего множество дипломатических подробностей, проясняющих проблему разрыва дипломатических отношений между правительством СССР и польским правительством 17 сентября 1939 г.⁵².

Оживление интереса к новейшей истории, которое Польша переживала в конце 1980-х годов, привело к появлению ряда публикаций, посвященных «белым пятнам» истории⁵³. Катализатором этих важных изменений была новая позиция, занятая Михаилом Горбачевым по отношению к сталинской эпохе, — своеобразное подведение ее итогов: в результате стали появляться явно критические оценки пакта Молотова–Риббентропа. В некотором роде девизом этих изменений стало «право на собственную историю», как провозглашала статья Юрия Афанасьева в польском еженедельнике «Политика»⁵⁴.

Следует также отметить работу совместной польско-советской партийной комиссии историков, созданной на основании постановлений ЦК ПОРП и ЦК КПСС для выяснения «белых пятен» в двусторонних отношениях. Польская сторона в рамках работы этой комиссии опубликовала в 1990 г. отчет «Zbrodnia Katyńska. Z prac polskiej części wspólnej Komisji Partyjnych Historyków Polski i ZSRR» (под редакцией Яремы Мачишевского)⁵⁵. Естественно, что попытки польской стороны в то время окончательно разрешить катынский вопрос не встретили ответной готовности и открытости со стороны СССР, несмотря на личное участие в работе комиссии политического руководства ПНР во главе с Войцехом Ярузельским.

В 1989 г. советская сторона официально признала существование секретного протокола к пакту Молотова–Риббентропа. 23 июля 1989 г. заведующий Международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин заявил: «Нет никаких сомнений в том, что существует секретный дополнительный протокол к договору Молотова–Риббентропа, подписанному 23 августа 1939 г.»⁵⁶ Однако, «к слову», Фалин упомянул, что перед началом Второй мировой войны в европейской дипломатии разрабатывались планы раздела СССР, и занимались этим... прежде всего Бек, Геринг, Пилсудский и другие⁵⁷. Фалин также вручил послу ПНР в Москве Влодзимежу Наторфу памятную записку с оценкой всей политической деятельности Сталина летом 1939 г.⁵⁸ Однако в ней содержались не однозначные выводы, а скорее сдержанные оценки по данному вопросу.

II. Можно с уверенностью сказать, что вопросом, который после 1989 г. стал предметом новых толкований и по которому мнения польских и российских историков расходятся до сих пор, является не столько значение революции 1917 г. в России для польского вопроса, сколько происхождение польско-советской войны 1919–1921 гг. и ее международно-политическое значение. Второй значимой проблемой является ответ на вопрос, был ли Юзеф Пилсудский в своей восточной политике политическим «идеалистом» (федералистом), пытавшимся добиться самоопределения украинского и белорусского народов, или, скорее, «реалистом», который хотел прежде всего ослабления России, усматривая в ней главного врага независимой Польши. После исчезновения ПНР появились возможности посмотреть на оба этих вопроса без идеологических обусловленностей⁵⁹. Использовала ли польская историография эти возможности?

Какой все же характер имела восточная политика Пилсудского? Как ее объяснить? Анджей Новак, автор многочисленных исследований, посвященных политике Пилсудского, в частности, очерка «Polityka wschodnia Józefa Piłsudskiego (1919–1921). Koncepcje i realizacja»⁶⁰ и монографии «Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku)» (Kraków, 2001), приложил наибольшие усилия для того, чтобы показать мотивы Пилсудского. Новак также отстаивал тезис о том, что Киевская операция была *de facto* превентивным ударом, поскольку советская сторона в то же время планировала наступательные действия против Польши. В этих условиях польско-советская война 1919–1921 гг. представлялась неизбежной. Новак доказывал, что советское дипломатическое наступление в январе и феврале 1920 г. было политическим маневром: планировалось морально обезоружить противника, а затем неожиданно напасть на него⁶¹. При таком положении вещей историк рассматривал договор между Пилсудским и Петлюрой в апреле 1920 г. и удар польской армии на Киев в мае 1920 г. как превентивные действия. Однако, безусловно, не все польские историки признают тезис о неизбежности польско-советской войны. Прямо противоположной точки зрения по вопросу о восточной политике Пилсудского придерживался Антоний Чубинский:⁶² Эти расхождения во мнениях показал исторический опрос, проведенный в 2000 г. редакцией издававшегося в Кракове двухмесячника «Аркана» по случаю 80-й годовщины Киевской операции Пилсудского и Варшавского сражения⁶³. Часть опрошенных придерживалась мнения, что польско-советский конфликт был неизбежным (точка зрения Мариана К. Дзевановского и Анджея Новака), другие считали, что можно было заключить мир, но Пилсудский не воспользовался этой возможностью, стремясь реализовать свои далеко идущие планы на востоке (так оценивал ситуацию Януш Жарновский)⁶⁴.

В польской историографии — за весь период ее существования, а не только после 1989 г. — есть три принципиально разные интерпретации восточной политики Пилсудского. Сторонники того, что Пилсудский был «федералистом», утверждали: он стремился восстановить многонациональную Польскую Республику в виде нового, модернизированного и приспособленного к реалиям XX в. государства. Первым такую позицию занял Мариан К. Дзевановский, который видел в Пилсудском «европейского федералиста»⁶⁵. Похожего мнения придерживался Януш Чисек, еще один исследователь политического наследия Пилсудского⁶⁶.

Вторая точка зрения подчеркивала, что Пилсудский — политик-реалист, стремившийся не создать какую-то федерацию, а, прежде всего, оторвать от России Украину и связать ее с Польшей. Такое утверждение сформулировал и обосновал дипломат и историк Тытус Комарницкий⁶⁷. Он делал акцент на том, что восточные концепции Пилсудского имели характер «реальной политики» (*Realpolitik*), и в них не было никакого политического идеализма. Комарницкий также напомнил о том, что восточная политика Польши была ответом на советскую политическую программу, ссылавшуюся на принцип самоопределения наций и федерализм, хотя последний принцип и понимался в свете коммунистической идеологии. Перед лицом такой программы Польша не могла позволить себе оставаться пассивной⁶⁸. *Mutatis mutandis*⁶⁹, сходную с Комарницким точку зрения выразил Петр Вандыч, автор новаторской монографии «Polish-Soviet Relations. 1917–1921» (Cambridge /Mass., 1969). Несколько иное мнение высказал Анджей Новак. Его размышления сводятся к тому, что Пилсудский, собственно, и был автором идеи создания «польской империи» — только его усилия в силу разных причин оказались безуспешными⁷⁰.

Восточная политика Пилсудского в 1919–1921 гг. и политика большевистского правительства в отношении Польши в тот же период по-прежнему вызывают многочисленные споры. Наверняка и польские, и российские историки еще не раз будут возвращаться к этим темам.

Однако не только дискуссия вокруг политических целей Пилсудского занимала внимание польских историков. В ходе изучения польско-советской войны 1919–1920 гг. были опубликованы польские военные и дипломатические документы, касающиеся прежде всего Варшавского сражения. Под редакцией Марека Тарчиньского (М. Tarczyński) были изданы два двухтомных сборника оперативных документов Генерального штаба польской армии: «Bitwa Warszawska. 12–28 VIII 1920. Dokumenty operacyjne» (1995) и «Bitwa Niemieńska. 29 sierpnia — 18 października 1920. Dokumenty operacyjne» (1998–1999). Александра Ляйнванд занималась изучением советской пропаганды после прихода большевиков к власти и во время войны с Польшей в 1919–1920 гг.⁷¹. Появилась книга о деятельности польских разведывательных служб — «Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920» (1999), а Гжегож Новик опубликовал детальное исследование о взломе польской разведкой шифровальных систем противника в ходе военной кампании 1920 г.⁷² Януш Чисек составил и опубликовал сборник важных польских дипломатических документов, посвященных международному положению Польши летом 1920 г. и позициям, которые заняли важнейшие европейские государства в отношении польско-советской войны⁷³. В 1996 г. под редакцией Мариана М. Дроздовского была опубликована книга «Międzynarodowe aspekty wojny polsko-bolszewickiej. 1919–1920».

Важной и спорной исследовательской проблемой, которой в польской историографии уделяется много внимания, является оценка Рижского договора, подписанного 18 марта 1921 г. Изучением этого вопроса еще до событий 1989 г. занимался Ежи Куманецкий (J. Kumaniecki). Его монография «Pokój polsko-radziecki 1921» была издана в 1985 г.⁷⁴. В своей работе автор не смог использовать советские дипломатические документы. Куманецкий опубликовал также важные документы, связанные с выполнением положений Рижского договора⁷⁵. Позднее к проблематике этого документа возвращались неоднократно. Так, результатом конференции, организо-

ванной Торуньским университетом, стал объемный сборник докладов под редакцией Мечислава Войцеховского «Traktat gyski 1921 roku po 75 latach» (Тогуń, 1998), который позволяет составить достаточно полное представление об отношении польской политической мысли того времени к Рижскому договору. В 2007 г. вышла монография, посвященная Рижскому договору и опирающаяся на большое число источников; ее автор — Ежи Боженцкий, польский историк, который преподает в Университете Торонто в Канаде⁷⁶. Боженцкий оспаривает существующий в польской историографии миф о том, что в Риге польское государство могло получить значительно большие территориальные приращения.

Что касается оценки значения договора, в польской историографии преобладает следующая точка зрения: этот документ с элементами компромисса стал результатом, с одной стороны отказа польской стороны от федералистских планов на востоке, а с другой — отхода большевистского руководства от идеи советизации Польши. Однако подписанный в Риге договор не носил долгосрочного характера. Оценивая его спустя почти 80 лет с момента подписания, следует видеть в нем скорее своеобразное перемирие в польско-российском конфликте — перемирие на 20 лет, нежели долговременное мирное урегулирование.

Вопросом, который нельзя оставить без внимания, является место Рижского договора в истории Европы. Упомянувшийся выше Анджей Новак поставил вопрос о значении этого договора с точки зрения сохранения Версальской системы в Центрально-Восточной Европе⁷⁷. По его убеждению, Рижский договор имел большое значение для международно-политической стабилизации в этом регионе. Согласно интерпретации Новака, 1920 г. принес первый крупный кризис Версальской системы. Вследствие польской победы в сражении на Висле в августе 1920 г. этот кризис был преодолен, и Версальская система была спасена. По убеждению историка, это событие было настолько важным, что есть все основания называть систему международных отношений межвоенного периода «Версальско-Рижской».

Безусловно, важной, а возможно и преобладающей, темой в исследованиях, связанных с поиском интерпретаций восточной политики Пилсудского в 1919–1921 гг., является «украинская карта» этой политики. Этот вопрос стал предметом исследования многих историков. Заслуживает внимания сборник исследований «Polska i Ukraina: sojusz 1920 roku i jego następstwa», опубликованный под редакцией Збигнева Карпуса, Валдемара Резмера и Эмилиана Вишко в 1997 г. по итогам конференции историков в Торуньском университете. Не слишком удачной, однако, оказалась книга Себастьяна Шайдака о польско-украинском союзе 1920 г., написанная с использованием польских архивных документов⁷⁸.

Несомненно, важным для польской историографии вопросом остается и проблема советских военнопленных в Польше после войны 1919–1920 гг. В российской историографии и публицистике в связи с этим вопросом появились, как известно, безосновательные обвинения в убийстве в Польше около 60 тысяч советских солдат, оказавшихся в польском плену. Эти обвинения стали выражением попыток найти такое «преступление», совершенное польской стороной, которое было бы сопоставимо с катынским преступлением⁷⁹. В польской историографии вопросом о судьбе советских военнопленных в Польше занимался Збигнев Карпус. Его монография, посвященная этой теме, опирающаяся на солидную документальную базу,

трижды издавалась на польском языке и была переведена на русский язык; она отражает позицию, которую занимает польская историография по данному вопросу⁸⁰. Еще одним достижением Карпуса, также посвященным проблематике советских военнопленных в Польше, остается сборник документов об одном из лагерей военнопленных того времени в Тухоли, составленный им вместе с Валдемаром Резмером⁸¹. Рассматривая этот вопрос, следует отметить еще одно издание, авторами которого также являются исследователи из Торуни, — «Emigracja rosyjska: losy i idee» (2002), под редакцией Романа Бэкера (Roman Bäcker) и Збигнева Карпуса.

III. Польско-советские политические отношения в межвоенный период — от Рижского договора 1921 г. до 1939 г. — остаются той сферой исследований, в которой на данный момент написано наибольшее число работ польских историков. Анализировать эти события с позиции сегодняшнего дня, когда прошло 70 лет со времени начала Второй мировой войны, несомненно гораздо легче, поскольку имеет место определенная отдаленность этих событий во времени, что является необходимым условием для исследовательской работы. Интерпретация же событий послевоенного периода гораздо больше зависит от современной политической конъюнктуры, поскольку он пока еще остается «горячей политикой» как для поляков, так и для россиян.

Как известно, в заключении к своей книге «*Polityka polska i odbudowanie państwa*» (1925) Роман Дмовский, который руководил польской дипломатией на Парижской мирной конференции и подписал Версальский договор, заявил, что перед новой Польшей стоит большая задача — установить прочные отношения с Россией. В свою очередь Юзеф Пилсудский, вернувшись в 1926 г. к власти в результате государственного переворота, полагал, что польская внешняя политика должна основываться на двух незыблемых принципах. Первым из них было улучшение отношений с соседними великими державами, а вторым — сохранение двусторонних союзов с Францией и Чехословакией, заключенных в 1921 г. Естественно поэтому, что в Польше сознавали, как важны отношения с ее соседом — «новой Россией». Однако на всем протяжении межвоенного двадцатилетия стабилизации добрососедских польско-советских отношений не произошло. В этой ситуации задачей, с которой пришлось столкнуться польской историографии, было показать сложное взаимодействие различных факторов, которое привело к тому, что двусторонние отношения, кроме периода несомненного оживления в 1931–1933 гг., характеризовались постоянной напряженностью и взаимным недоверием. Последнее позволяет оправданно охарактеризовать эти отношения как своеобразную холодную войну, особенно в 1936–1938 гг.

Работы, посвященные польско-советским отношениям, вписывались в проблематику исследований, связанных с изучением польской внешней политики двадцатилетней эпохи Возрожденной Польши (1918–1939). По вполне обоснованным причинам польские историки достаточно активно интересовались дипломатией Второй Польской Республики.

Наиболее дискуссионными вопросами, по которым возникают существенные разногласия между польской и российской историографией, являются вопросы об отношении Юзефа Пилсудского к СССР после его возвращения к власти в 1926 г., а также о месте, которое занимало польское государство в стратегических концеп-

циях Москвы. В польской историографии господствует убеждение, что Пилсудский стремился поддерживать мирные отношения с Советским Союзом, а его высказывания в беседах с советским послом в Варшаве Петром Войковым только подтверждают предположение о том, что он хотел добиться стабилизации взаимных отношений и сохранения *status quo*, основанного на Рижском договоре⁸². С другой стороны, польские документы недвусмысленно указывают на то, что Пилсудский испытывал глубокое недоверие по отношению к «новой России». Исходя из возможной угрозы безопасности Польши именно со стороны России маршал в декабре 1926 г. озвучил свое убеждение в том, что «если наш сейсмограф затрясется, то сигнал будет исходить прежде всего от России»⁸³.

Советская Россия, а затем и СССР, были государствами «нового типа», и потому договорное урегулирование, которое достигалось в отношениях с этим партнером, «носило отпечаток условности», как удачно выразился Войцех Матерски в своей книге «*Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943*» (Warszawa, 2005). (Книга Матерского была единственной в польской историографии попыткой дать общее представление о польской внешней политике в отношении Советской России и СССР.) Не изменил такого положения дел и польско-советский договор о ненападении от 25 июля 1932 г., который стал предметом детального исследования Михала Захариаса, изданного в виде монографии еще в 1981 г. («*Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936*»), и во многих других его публикациях⁸⁴.

Кроме исследований, посвященных отдельным вопросам двусторонних отношений в межвоенный период, предпринимались также попытки дать общее представление о проблеме⁸⁵. В польской историографии первой попыткой целостного анализа польской внешней политики в отношении СССР и польско-советских отношений в межвоенный период была опубликованная в 1994 г. книга Войцеха Матерского, которая опиралась в основном на польские архивные документы⁸⁶. Сдержанная в оценках и интерпретациях, эта книга вместе с тем стимулировала к поиску ответов на новые исследовательские вопросы и к детальному анализу советских архивных источников по многим проблемам, которые автор только наметил.

В 1995 г. был опубликован 4-й том «Истории польской дипломатии» («*Historia dyplomacji polskiej*»), однако два ее раздела, написанные Анджеем Скшипкой и посвященные «политике балансирования»⁸⁷, не привнесли ничего принципиально нового⁸⁸. Наряду с этим в польской историографии последнего десятилетия внимания заслуживает солидная монография Мариуша Волоса, посвященная француско-советским отношениям: по понятным причинам в ней не могло не быть вопросов, связанных и с Польшей⁸⁹.

Самым важным исследованием польско-советских отношений в 1930-е годы следует признать изданную в 1995 г. книгу Станислава Грегоровича и Михала Ежи Захариаса «*Polska — Związek Radziecki. Stosunki polityczne 1925–1939*», которая представляет собой своего рода обобщающий труд по данной теме, опирающийся на польские архивы.

Работы Грегоровича, Лечика и Захариаса давали общее представление о польской внешней политике в отношении СССР. Из-за отсутствия доступа к советским архивам документальной основой всех этих польских исследований могли

быть только документы польского Министерства иностранных дел. Вопросы польско-советских отношений, безусловно, занимают важное место в книге Марка Казимира Каминьского и Михала Ежи Захариаса «*W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna RP 1918–1939*», обобщающей историю польской внешней политики в период Второй Польской Республики. Впервые книга была издана в 1987 г., но в существенно сокращенном цензурой варианте; в 1993 г. она была опубликована в полном варианте. Авторы предприняли попытку доказать обоснованность «политики балансирования», которую проводило польское правительство в 1934–1939 гг.

Много новых дополнений и уточнений к истории польской дипломатии, связанных с отношениями между Варшавой и Москвой, принесли юбилейные публикации и материалы конференций, организованных Институтом истории Польской Академии наук. Речь идет о коллективных исследованиях «*Rola i miejsce Polski w Europie 1914–1957. W 75 rocznicę odzyskania Niepodległości*» (1994) и «*Od Wersalu do Poczdamu. Sytuacja międzynarodowa Europy Środkowo-Wschodniej 1918–1945*» (1996); обе книги изданы под редакцией Анджея Коруна (А. Корун). Следует также упомянуть книги, посвященные памяти Эдварда Рачиньского («*Z dziejów polityki i dyplomacji. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na wychodźstwie*». 1994) и Петра Лоссовского («*Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej. XIX–XX wiek. Studia ofiarowane Piotrowi Jossowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*». 1995).

В настоящее время одной из проблем, исследование которых необходимо продолжить, является деятельность польской разведки и оценка той роли, которую она сыграла в 1939 г. Тогда, по единодушному мнению польских историков, она не смогла предугадать тот вариант развития событий на международной арене, который вылился в германо-советское сближение. Единственной работой в польской историографии, в которой предпринята попытка исследовать эту проблему и сделать определенные обобщения, является книга Анджея Пеплоньского (А. Peplowski) «*Wywiad polski na ZSRR 1921–1939*» (1996), которая основывалась исключительно на документах Второго отдела Главного штаба⁹⁰. Важные исследования по этой тематике были проведены Рышардом Шавловским⁹¹. Некоторые открытия сделал и Мариан Лечик (М. Leczyk) в своей книге «*Polska i sąsiedzi. Stosunki wojskowe 1921–1939*»⁹². В 1992 г. Хенрик Доминичак (Н. Dominiczak) опубликовал монографию «*Granica wschodnia Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1919–1939*». Хенрик Чвенк изучал деятельность советской разведки на границе с Польшей в 1930-годы⁹³. Появились также исследования, посвященные культурным отношениям между Польшей и СССР и возвращению в Польшу культурных ценностей из СССР после подписания Рижского договора⁹⁴.

Наиболее спорными вопросами в польско-советских политических отношениях 1930-х годов остаются польско-германская декларация о неприменении силы от 26 января 1934 г. и ее влияние на отношения между Варшавой и Москвой, а также проблема Восточного пакта и вопрос о «коллективной безопасности» в Европе. Вероятно, можно предположить, что в польской историографии эти проблемы обсуждаются с определенной сдержанностью в оценках в отличие от российской историографии, которая активно акцентирует внимание на идее «коллективной безопасности» и отмечает «деструктивную» позицию польской дипломатии в этом вопросе.

В историографии времен ПНР польскую декларацию о неприменении силы в отношениях с Германией неверно называли «пактом». Упорно велись поиски доказательств того, что стороны одновременно с подписанием декларации подписали некий секретный протокол⁹⁵.

Среди российских исследователей, занимающихся историей дипломатии, до сегодняшнего дня господствует убеждение в том, что единственным шансом спасти мир в реалиях 30-х годов XX в. и не допустить начала Второй мировой войны было создание системы «коллективной безопасности». Предлагалось создать систему защиты государств, безопасность которых оказалась под угрозой вследствие действий агрессивных держав, и — теоретически — такое предложение было правильным. Концепция «коллективной безопасности» должна была стать ответом международной общественности на экспансионистскую политику Германии, которая стремилась к господству на Европейском континенте. Однако дело в том, что инициаторы создания такой системы предлагали включить в нее Советский Союз как главного гаранта статус-кво в Центрально-Восточной Европе. Если бы Восточный пакт был действительно создан, неизбежно возник бы вопрос о проходе Красной армии через территорию Польши с целью выполнения Советским Союзом взятых на себя обязательств перед Францией. Могло ли польское правительство согласиться на это? Могла ли сталинская Россия действительно быть гарантом, такой ли роли она для себя желала, не было ли у нее здесь своих интересов? Эти вопросы стоит задать себе еще раз, поскольку в западной литературе, несмотря на то что прошло уже шесть с лишним десятилетий со времени окончания Второй мировой войны, по-прежнему достаточно часто выражается неопределенное и неискреннее убеждение в том, что такая система с участием СССР в роли гаранта мира была возможна.

Что касается Восточного пакта, то в историографии периода ПНР были опубликованы многочисленные работы, содержащие весьма критическую оценку дипломатической деятельности Бека. Среди них — работы Ярослава Юркевича (J. Jurkiewicz) «Pakt Wschodni. Z historii stosunków międzynarodowych w latach 1934—1935» (1963), Тадеуша Кузьминьского (T. Kuźmiński) «Polska, Francja, Niemcy. 1933—1935. Z dziejów sojuszu polsko-francuskiego» (1963), Анджея Скшипки (A. Skrzypka) «Strategia pokoju» (1979) и Владзимежа Т. Ковальского (W. T. Kowalski) «Ostatni rok Europy. 1939» (1989). Все эти работы отстаивали точку зрения, согласно которой министр Бек совершил большую ошибку, не приняв проект Восточного пакта, упустив тем самым один из последних шансов спасти мир. В настоящее время польские исследователи, занимающиеся историей дипломатии 1930-х годов, не разделяют этого мнения. Представляется, что во многом прав американский историк Йижи Хохман, который в книге «The Soviet Union and the Failure of the Collective Security, 1934—1938» (Ithaca, 1984) высказал мнение, что такая система была невозможна⁹⁶. Однако это не означает, что данный вопрос можно закрыть для дальнейших исследований и что нельзя ожидать новых интерпретаций этой сложной проблемы в случае использования документов из российских архивов.

Необходимо новое рассмотрение вопроса о кризисе польско-советских отношений осенью 1938 г., которое должно также показать планы Сталина в отношении Польши в то время. В эпоху ПНР Стефания Станиславская посвятила две кни-

ги изучению польской дипломатии в 1938 г.⁹⁷. Предполагаемое новое исследование по данной теме должно ответить на вопрос, была ли частичная мобилизация советских вооруженных сил в августе 1938 г. лишь военной демонстрацией с целью убедить Польшу отказаться от территориальных требований, предъявленных ею Чехословакии, или здесь было нечто большее?

Необходимость интерпретации и оценки польской политики в 1938 г. поднимает довольно сложный вопрос о том, была ли Польша того времени фактором стабилизации или скорее дестабилизации территориального устройства в Центрально-Восточной Европе? Многие историки, прежде всего западные, при ответе на этот вопрос указывают на скорее дестабилизирующие дипломатические действия Бека. Однако это не должно закрывать для нас общую картину двадцатилетнего межвоенного периода. Безусловно, Польша была важным компонентом Версальской системы, в чем соглашались между собой даже такие разные политики, как Владимир Ленин и Уинстон Черчилль. В книге «„Polityka r6wnowagi” (1934–1939). Polska mi6dzy Wschodem a Zachodem» (Krak6w, 2007) автор данной статьи рассмотрел несколько вопросов, связанных с польско-советскими отношениями, в частности, вопрос об отношении Бека к СССР. В результате был сделан следующий вывод: восточная граница Польши по Рижскому договору и ее независимая внешняя политика создавали основу для относительной стабилизации политических отношений в Центрально-Восточной Европе.

Важной проблемой истории внешней политики Польши в межвоенный период является так называемое «прометейское» движение, то есть концепция антисоветского по своему характеру сотрудничества Польши с находящимися в эмиграции элитами народов СССР, стремившимися к созданию собственных независимых государств. Историография времен ПНР провозглашала известный тезис о том, что «прометейское» движение — это проявление «польского империализма» и, по сути, не более чем прикрытие для деятельности польской разведки на востоке⁹⁸. Согласно такой интерпретации, это движение было главным препятствием на пути к установлению добрососедских польско-советских отношений. Нельзя также забывать о том, что на территории Польши действовали коммунистические партии Западной Белоруссии и Западной Украины. К сожалению, в польской историографии нет новых исследований, посвященных «прометейскому» движению. Исключение составляют книга Сергиуша Микулича (S. Mikulicz) «Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej» (1971) и исследование Мирослава Боруцы (M. Boruta) «Wolni z wolnymi, r6wni z r6wnymi: Polska i Polacy o niepodległ6sci wschodnich sasiad6w Rzeczypospolitej» (Krak6w, 2002), которое, к сожалению, слабо подкреплено документами и другими источниками. Есть также несколько других работ, меньшего объема, а также важный сборник документов Эдмунда Харашкевича, главы Экспозитуры № 2 во Втором отделении польского Генерального штаба⁹⁹.

Интересное, хотя и далеко не исчерпывающее проблему исследование принадлежит Петру Окулевичу («Koncepcja „mi6dzyńrza” w myśli i praktyce politycznej obozu J6zefa Piłsudskiego w latach 1918–1926». Poznań, 2001). В нем рассматриваются идеи «освоения» территории «Междуморья», которые предлагались в польской политической мысли со времени возрождения независимого польского государства. Большой вклад в исследование исторических условий, на фоне которых и появилась

идея «прометейского» движения, внес Ян Яцек Брусский [см. его монографию, основанную на обширном источниковедческом материале: *Bruski J. J. Petlurowcy. Centrum państwowe Ukraińskiej Republiki Ludowej na wychodźstwie (1919–1924). Kraków, 2000*]. Ценным вкладом в изучение генезиса данной проблематики является исследование Збигнева Карпуса «*Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku: oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1918–1924*» (Тогуń, 1999). Проблемой, привлекающей внимание польских историков, остается и судьба польского населения в СССР в период между двумя мировыми войнами. Историк из Вроцлава Миколай Иванов (М. Iwanow) первым начал изучать данный вопрос, результатом которого стала работа «*Pierwszy naród ukarany*», изданная в 1991 г., а Войцех Лизак (W. Lizak) представил книгу «*Rozstrzelana Polonia. Polacy w ZSRR. 1917–1939*» (Szczecin, 1990). Под редакцией Владислава Стемпняка (W. Stępnia) в 1998 г. был опубликован сборник документов «*Polacy na Ukrainie*»¹⁰⁰. Ксендз Роман Дзвонковский (R. Dzwonkowski) занимался изучением положения католической церкви в СССР и в этом контексте — положением польского населения в Советском Союзе (см.: *Kościół katolicki w ZSRR 1917–1939. Zarys historii. Lublin, 1997*).

Другой важной проблемой, которая в настоящее время оставлена без внимания, но также требует изучения и проведения новых исследований, является деятельность польских коммунистов и роль Коммунистической партии Польши и Коминтерна в польско-советских отношениях. Здесь следует назвать две книги. Автором первой является Хенрик Чимек (*Cimek H. «Komuniści, Polska, Stalin» (1990)*), а вторую в 2008 г. издал Рышард Назаревич (*Nazarewicz R. Komintern a lewica polska: wybrane problemy*). Необходимо упомянуть и сборник документов, касающихся обмена заключенными между властями Второй Польской Республики и СССР, который был издан Войцехом Матерским¹⁰¹.

Одним из упущений польской историографии, занимающейся изучением внешней политики Второй Польской Республики, является отсутствие углубленных исследований, посвященных концепциям польской восточной политики, которые формулировались различными политическими кругами и направлениями общественной мысли¹⁰². В целом в польской исторической литературе не так много работ посвящено изучению отношения главных направлений польской общественной мысли к проблемам внешней политики. Поэтому по-прежнему неизученными остаются важные вопросы, связанные с отношением политической мысли к польской дипломатии.

Весьма заметным недостатком польской историографии остается отсутствие исследований, посвященных истории польского дипломатического представительства в Москве — сначала дипломатической миссии (1921–1934), а затем посольства (1934–1939)¹⁰³. Нет также и биографий посланников и послов Польши в Москве в 1921–1939 гг.¹⁰⁴. Очень мало работ о польской заграничной службе в межвоенный период; можно назвать только ценные работы Петра Лоссовского¹⁰⁵.

Единственной с 1989 г. источниковедческой публикацией дипломатических документов по польско-советским отношениям был сборник, подготовленный Ежи Куманецким (J. Kumaniecki) «*Stosunki Rzeczypospolitej Polskiej z państwem radzieckim. 1918–1943. Wybór dokumentów*» (1991). Важным, хотя и реализованным с большим

опозданием проектом является многотомная серия «Polskie Dokumenty Dyplomatyczne», подготовленная Польским институтом международных дел под общим руководством Влодзимежа Бородзея (W. Borodziej). К настоящему времени изданы тома документов 1931, 1938 и 1939 гг., а также (совсем недавно) том, охватывающий рубеж 1918–1919 гг. Готовятся к печати тома документов 1936 и 1937 гг. Полное осуществление этого проекта, которое представляется весьма отдаленным по времени делом, откроет для всеобщего пользования обширный свод источников, а проект станет долгожданным польским аналогом подобных серий западных публикаций¹⁰⁶. *Nota bene*: во всех европейских государствах, которые занимали важное место в международных отношениях межвоенного периода, такие серии либо уже изданы, либо готовятся (например, в Чехии). Исключением является Россия/СССР, поскольку издание «Документы внешней политики СССР»¹⁰⁷, во всяком случае, тома, изданные в советское время, не отвечают требованиям исторической науки. Поэтому стоит надеяться, что когда-нибудь в будущем российская серия будет переиздана и дополнена новыми архивными документами, которые ранее были недоступны. В любом случае у российских историков имеются для этого все возможности.

Подводя итоги, можно сказать, что внешняя политика Польши в межвоенный период была исследована относительно полно. Фактографические основы известны и подтверждены документально — так что довольно трудно добавить какие-либо принципиально новые, неизвестные факты к тому объему знаний, которым историческая наука располагает сегодня. Однако все эти знания были получены из польских дипломатических документов; задача использования документов из российских архивов по-прежнему не решена.

Такое положение дел привело к тому, что в польской историографии имеется значительное число монографий, посвященных польско-советским отношениям, однако они написаны с использованием только польских архивных документов. Месту же Польши в советской внешней политике, то есть в концепциях Ленина, а затем Сталина, посвящено не так много работ. Все они были либо публицистическими размышлениями, либо очерками, предвещающими более глубокое изучение вопроса. Так, например, общие размышления о месте Польши во внешней политике Сталина изложил Кароль Грюнберг (K. Grünberg) в своей работе «Polska karta Stalina» (Торунь, 1991).

В целом на протяжении последних двадцати лет, прошедших со времени смены общественно-политического устройства в 1989 г., интерес к отношениям между Варшавой и Москвой в 1921–1939 гг. принес свои плоды. Появилось несколько монографий, а также небольшое число очерков и детальных исследований на эту тему. При этом преобладает интерес к вопросам, касающимся польской внешней политики в 1932–1939 гг., то есть в наиболее бурный и богатый знаменательными последствиями период, который также совпадает с так называемой «политикой балансирования», проводившейся министром иностранных дел Юзефом Бекком.

IV. Вероятно, ни одна из проблем в польско-советских отношениях XX в. не была связана (и продолжает оставаться связанной) с такими серьезными последствиями, какие повлекли за собой пакт Молотова—Риббентропа и советская агрессия 17 сентября 1939 г. Поэтому этим вопросам в польской историографии пос-

ледного двадцатилетия уделено много внимания, хотя было больше публичных заявлений, чем качественных исследований. Первая попытка изучить весь комплекс вопросов, связанных с польско-советскими отношениями накануне Второй мировой войны, была сделана не польскими историками, а немецким исследователем Юргеном Пагелем¹⁰⁸.

В отношениях Варшавы и Москвы на первый план выходит хорошо известная проблема несогласия Польши с концепцией прохода Красной армии через ее территорию в случае войны — как известно, этот вопрос был поднят правительством СССР в ходе московских военных переговоров о заключении договора о взаимопомощи с Францией и Великобританией. Именно эта проблема стала поводом, а может быть, скорее предлогом для того, чтобы завести переговоры в неизбежный тупик. Польская историография уже многократно выражала свое мнение на этот счет¹⁰⁹. В эпоху ПНР единодушно утверждалось, что Бек должен был согласиться с этой концепцией. Разумеется, в данном контексте нельзя не сказать, что согласие Бека означало бы потерю тогдашних восточных территорий польского государства. В современной польской историографии именно этот мотив представляется решающим для оценки той линии поведения, которой тогда придерживался Бек. Таким образом, обвинения в адрес польского правительства за принятое по этому вопросу решение исчезли. Отказ согласиться на проход Красной армии через территорию Польши предоставил Сталину удобный предлог для прекращения переговоров с Великобританией и Францией и сближения с Германией. Следует вспомнить, что московские переговоры между военными миссиями союзников и представителями правительства СССР летом 1939 г. были предметом содержательной статьи Александра Касторы (см.: *Kastory A. Sprawy polskie w moskiewskich rozmowach wojskowych z sierpnia 1939 roku // Studia Historyczne. Z. 2 1990. S. 255–275*).

Советская (а в настоящее время российская) историография негативно оценивает позицию польского правительства в отношении проходивших в Москве переговоров о заключении англо-франко-советского союза. Известно, что 23 августа министр Бек согласился на возможность обсуждения условий сотрудничества с СССР в случае войны — это было нотифицировано в день подписания германо-советского договора о ненападении. Однако в польской историографии преобладает мнение, что независимо от позиции Польши по данному вопросу московские переговоры не имели шансов на успех. Представляется, что в настоящее время эта оценка принимается всеми польскими историками. По-другому дело обстоит с западной литературой, в которой часто именно на западные державы и Польшу возлагается ответственность за безрезультатность московских переговоров в августе 1939 г. Хотя в настоящее время безуспешность переговоров западных держав с СССР в 1939 г. не подлежит сомнению, в некоторых общественных кругах до сих пор господствует такая интерпретация событий. Примером могут послужить взгляды западных историков Эдварда Харлетта Кара, Ингеборги Фляйшхауэр, Аниты Пражмовской, Джеффри Робертса, Михаэля Джабара Карли¹¹⁰.

При рассмотрении этих вопросов нельзя обойти вниманием мнение Хенрика Батовского, который, как известно, занимался изучением политической истории в межвоенный период и создал собственную версию генезиса Второй мировой войны в трех томах, последний из которых назывался «*Agonia rokoju...*»¹¹¹. Из периода

после 1989 г. внимания достойны две статьи Батовского, в которых он затронул тематику, которую ранее, в рамках своих прежних исследований, не мог подвергнуть более глубокому анализу. Мы имеем в виду статью «Układy niemiecko-radzieckie z 23 sierpnia 1939» и реферат «Antecedencje 17 września 1939 roku», который был зачитан в Польской академии умений в Кракове на научной сессии, посвященной обстоятельствам нападения СССР на Польшу в 1939 г.¹¹². Организатором этой сессии был сам историк. Батовский доказывал, что стремление Германии и СССР убрать Польшу с карты Европы было устойчивой тенденцией, глубоко укоренившейся во внешней политике обеих держав в межвоенный период. По мнению историка, после 1918 г. «новая Россия, теперь советская, унаследовала от царской мнение, что Польша должна каким-то образом зависеть от России, следовательно, она не должна быть полностью независимой, а может только обладать какой-то формой самостоятельности, а также может быть территориально объединена, но только таким способом, который будет учитывать прежде всего российскую точку зрения, в значительной мере противоречащую польской традиции и польским устремлениям»¹¹³. Следовательно, концепция раздела Польши появилась не *ad hoc*, в ходе начатых в мае 1939 г. конфиденциальных дипломатических контактов между Берлином и Москвой, а имела длинную предысторию.

Международным положением Польши и польско-советскими отношениями в 1939 г. занимался также Эугениуш Дурачинский. Прежде всего его интересовало место Польши в советской политике в международных реалиях того периода; этому вопросу историк посвятил несколько статей¹¹⁴.

К сожалению, в польской историографии до сих пор нет ни одного исчерпывающего исследования по вопросу об отношении советского политического руководства к Польше и ее внешней политике накануне Второй мировой войны. Безусловно, рассмотрение этого вопроса было бы возможным только при получении неограниченного доступа к российским архивам. Появилось несколько очерков и статей, в которых сделана попытка определить цели и основы советской внешней политики накануне Второй мировой войны. Среди них особого внимания заслуживают очерки Марка Казимира Каминьского¹¹⁵ и Веслава Бальцерака¹¹⁶. Вышла также достаточно поверхностная книга Анджея Касторы «Złowrogie sąsiedztwo. Rosyjska polityka wobec europejskich państw ościennych w latach 1939–1940» (Kraków, 1998). То же можно сказать и о работах, посвященных советско-финской войне 1939–1940 гг.¹¹⁷ и разделу Румынии в 1940 г.¹¹⁸.

Германо-советским отношениям в 1939 г. в исследованиях польских историков уделено гораздо меньше места, а на первый план выходило положение Польши после подписания пакта Молотова–Риббентропа¹¹⁹. И все же нет сомнений в том, что это внимание было функцией отношений между Берлином и Москвой. Значительный интерес польской историографии — также по вполне понятным причинам — привлекало и стремление определить отношение польской дипломатии к советско-германскому сближению в 1939 г., которое стало крахом «политики балансирования» и привело к разделу польского государства. Этому вопросу была посвящена источниковедческая публикация — одна из первых в исторической литературе, подготовленная автором данной статьи¹²⁰.

В целом дипломатия Бека в 1939 г. критично оценивается польской историографией. Однако следует отметить, что все чаще акцентируется внимание на необыкновенно тяжелом положении Польши в то время и на отсутствии вообще каких-либо возможностей изменить ход событий, которые вели к катастрофе. Анализируя отношение дипломатии Бека к угрозе раздела государства в августе 1939 г., Хенрык Батовский утверждал, что «польская дипломатия недостаточно хорошо ориентировалась в сложившейся ситуации и не решилась на принятие каких-то решений — обдумать и принять которые не так легко, — для того, чтобы обезопасить себя. Одной из задач было определить, кто из соседей более опасен и с кем стоит идти на какой-то компромисс, стремясь обезопасить себя от второго, более опасного соседа. Собственно говоря, любое решение могло оказаться плохим. Однако, вероятно, можно было выбрать меньшее зло»¹²¹.

До сих пор поднимается вопрос о том, были ли у польской дипломатии в 1939 г. вообще какие-либо возможности. В 4-м томе «Истории польской дипломатии» («Historia dyplomacji polskiej») эту проблему затронул Анджей Скушпек. Он пришел к выводу, что в польском Министерстве иностранных дел «никто не рассматривал этот договор как предвестие надвигающейся катастрофы. Высокопоставленные лица в министерстве говорили об очередном проявлении российско-германского сговора, о котором давно было известно, о разоблачении двуличности сторон и о взаимном подстрекательстве к войне»¹²².

Советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. посвящены многочисленные исследования и статьи, среди которых стоит выделить принадлежащие перу двух историков из Познани — Станислава Жерко и Збигнева Мазура¹²³. Первый из них занимался изучением отношения Польши к германско-советскому сближению летом 1939 г. Несколько раз к вопросам, связанным с пактом Молотова—Риббентропа, возвращался в своих исследованиях по истории дипломатии Второй Польской Республики Михал Й. Захариас¹²⁴. Ценные размышления на тему политической дальновидности польских правящих элит оставил Роман Вапиньский¹²⁵.

В начале 1990-х годов вышли издания, предназначенные для широкого круга читателей: книга Кароля Грюнберга (K. Grünberg) и Ежи Серчика (J. Serczyk) «Czwarty rozbiór Polski. Z dziejów stosunków radziecko-niemieckich w okresie międzywojennym» (1990) и сборник документов «Zmowa. IV rozbiór Polski», составленный Анджеем Л. Щесняком (A.L. Szcześniak, 1990), а также книга Й. З. Хирша (J. Z. Hirsz) «Państwo polskie po układzie Ribbentrop—Mołotow (1939—1945)» (1991). Эти работы носят публицистический характер, без особого углубления в проблематику, основанного на изучении источников.

Монография автора данной статьи «Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop—Mołotow. Problem zbliżenia niemiecko-sowieckiego w polityce zagranicznej II Rzeczypospolitej», изданная в Варшаве в 2002 г., была первой в польской историографии попыткой наиболее полно и всеобъемлюще рассмотреть взгляды польского политического руководства на международное положение Польши перед лицом германо-советского сближения и договора 23 августа 1939 г.¹²⁶

Одним из главных вопросов в исследованиях, посвященных 1939 году, является проблема ответственности за начало Второй мировой войны. У польских историков нет и никогда не было сомнений в том, что главной причиной начала войны

были германские захватнические устремления, желание установить гегемонию Третьего рейха в Европе. Есть и принципиальное согласие с тем, что пакт 23 августа предоставил Гитлеру чрезвычайно выгодные условия для нападения на Польшу.

В результате договор с Германским рейхом в августе 1939 г. был реализован. Сталин признал его выгодным, поскольку Германия была державой из «лагеря капитализма», которая стремилась изменить существующий статус-кво. Гитлеру в свою очередь было необходимо срочно заключить временный договор с Советской Россией для того, чтобы, начиная военные действия, получить гарантию избежать войны на два фронта, которую Германия не смогла бы выиграть. Это был «пакт, который породил войну». Кажется, такая формулировка немецкого историка Клауса Цернака полностью соответствует точке зрения, утвердившейся в польской историографии¹²⁷. Дипломатический кризис 1939 г. раскрыл перед Москвой такие возможности, которых не было в 1920 г., когда Советская Россия в первый раз попыталась *manu militari* уничтожить возрожденное польское государство.

В связи с событиями 1939 г. в польской историографии развернулась дискуссия вокруг решения польского правительства отклонить германские требования, которые в первый раз были предъявлены в октябре 1938 г. Третий рейх требовал от Польши передать ему Вольный город Гданьск и согласиться на строительство экстерриториальной автострады в Восточную Пруссию через Восточное Поморье. В марте 1939 г. министр Бек окончательно отклонил требования Германии. Бесспорно, их выполнение привело бы к превращению Польши в подчиненного гитлеровской Германии союзника. Также не подлежит сомнению и то, что вождь Третьего рейха стремился использовать Польшу в своих целях, задействовав ее в нападении на Советский Союз.

Вывод о том, что отклонение Польшей требований Гитлера было правильным решением, не имевшим политической альтернативы, разделяется подавляющим большинством польских историков.

Тем не менее в исторической публицистике высказывалось мнение, что решение польских властей в 1939 г. было ошибкой, поскольку оно слишком дорого стоило Польше: принесло конфликт с Германией, а затем войну и раздел государства. Первым такую точку зрения выразил Станислав Мацкевич (S. Mackiewicz) в книге «Polityka Becka» (Paryż, 1964). Подобное мнение высказывали и другие «свидетели истории», не являвшиеся историками, в числе которых — экономист и советолог Станислав Свяневич (S. Swianiewicz), а также Адам Бень (A. Bień), министр Польского государства в подполье и подсудимый в процессе шестнадцати в Москве в июне 1945 г. В Польше сходную позицию занял Ежи Лоек (J. Łojek)¹²⁸.

В последние годы сторонником утверждения о необходимости принять германские требования выступил Павел Вечоркевич, который считал, что такое решение стало бы какой-то альтернативой той ужасной трагедии, которую принесли польскому народу пакт Гитлера—Сталина и катастрофа 17 сентября 1939 г.¹²⁹ Вечоркевич полагал, что такой шаг был бы большим политическим «маневром» в стиле Пилсудского и позволил бы Польше получить небольшую передышку. Вторая мировая война все равно началась бы, но не с раздела Польши. Схожее мнение высказал Гжегож Гурский (G. Górski) в своем очерке «Wrzesień 1939. Rozważania alternatywne», опубликованном в 2000 г.

Ежи В. Борејша, рассматривая этот вопрос в своей книге «Śmieszne sto milionów Słowian. Wokół światopoglądu Adolfa Hitlera», изданной в 2006 г., справедливо назвал такие мнения «сочинительством и недопустимыми спекуляциями о возможностях, а не наукой»¹³⁰.

Безусловно, делая ставку на сотрудничество с Третьим рейхом в войне, Польша должна была бы участвовать в военных действиях против СССР, а также в самой бесчеловечной операции минувшего столетия — преступлении холокоста. Мирное расставание с собственной независимостью — это то, чего народ не может себе позволить. Это экзистенциальный вопрос, то есть вопрос, который не обсуждают. Однако это не означает, что историки не имеют права задавать себе разные, даже самые сомнительные вопросы, хотя, с другой стороны, в дискуссии на эту тему, наверное, уже действительно использованы все возможные аргументы.

С целью восполнить пробелы, возникшие вследствие идеологического и цензурного давления, после 1989 г. польская историография занялась изучением вопроса о нападении СССР на Польшу 17 сентября 1939 г. Уже упоминавшаяся книга Ежи Лойка «Agresja września 1939. Studium aspektów politycznych» была безусловно первой попыткой рассмотреть эту проблему, хотя в ней содержалось немало весьма противоречивых оценок и интерпретаций.

После общественно-политических изменений, произошедших в Польше в 1989 г., первым значительным для польской историографии событием, связанным с рассматриваемым вопросом, была организованная по инициативе Хенрика Батовского уже упоминавшаяся Конференция в Кракове 17–18 сентября 1993 г. По ее итогам год спустя был издан сборник статей и сообщений «17 września 1939. Materiały z ogólnopolskiej konferencji historyków, Kraków 226 października 1993 г.». На этой конференции со своими сообщениями выступили известные исследователи международной проблематики, в частности: Батовский («Antecedencje 17 września 1939 roku»), Мариан Згурняк, Эугениуш Дурачинский, Мечислав Нурек, Петр Лоссовский, Роман Вапинский, Станислав Серповский. Эта конференция, безусловно, засвидетельствовала новый взгляд на международные предпосылки советского нападения на Польшу 17 сентября 1939 г. Можно даже сказать, что она стала первой в польской исторической науке после 1989 г. попыткой развернуть широкую дискуссию вокруг этого события.

Первой попыткой дать целостное представление о советской агрессии 17 сентября 1939 г. стала книга Рышарда Шавловского «Wojna polsko-sowiecka 1939», которую он издал в 1986 г. в Лондоне под псевдонимом Кароль Лишевский (K. Liszewski). Книга Шавловского способствовала введению в обиход польской исторической науки формулировки «польско-советская война 1939 г.». Вместе с определениями «советская агрессия» и «четвертый раздел Польши», которые иллюстрировали судьбу польского государства в 1939 г., она стала одним из ключевых определений, введенных в употребление в то время и сохранившихся до сегодняшнего дня.

Из многочисленных изданий материалов конференций, посвященных советской агрессии 17 сентября 1939 г., заслуживает внимания сборник исследований, изданный в 2000 г. в Белостоке под редакцией Михала Гнатовского¹³¹. Результатом оживления внимания к советской агрессии, которое началось в польской науке

после 1989 г., стало издание более десятка очерков и исследований, опирающихся на более или менее солидную документальную базу и рассматривающих различные аспекты этого события. Об этих проблемах писали: Раймунд Шубаньский¹³², Виктор Кшиштоф Цыган¹³³, Альбин Гловацкий¹³⁴, Й. Жолыньский¹³⁵.

К настоящему времени появились только две полноценные монографии по этой проблеме. В 1997 г. Рышард Шавловский издал двухтомное исследование «*Wojna polsko-sowiecka 1939. Tło polityczne, prawno-międzynarodowe i psychologiczne*», содержащее основательное изложение взглядов автора. Однако в этой работе не были использованы советские источники. Еще один автор — Чеслав Гжеляк опубликовал два детальных исследования и солидную монографию, том «*Wrzesień 1939 na kresach w relacjach*» (1999), а также несколько важных публикаций источников, которые содержат как польские, так и российские архивные документы¹³⁶.

Следует также отметить монографию Славомира Дембского «*Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941*» (2003). Хотя она и не посвящена польским делам, но поскольку вопросы, связанные с Польшей, занимали весьма существенное место в советско-германских отношениях осенью 1939 г. и в 1940–1941 гг., работа проливает свет на многие не известные ранее факты, а также разоблачает некоторые мифы, созданные исторической публицистикой.

Теме советского нападения на Польшу посвящено несколько важных публикаций источников, среди которых «*Wybór dokumentów do agresji 17 września 1939 r.*» (см.: *Wojskowy Przegląd Historyczny. Cz. I–V. Nr 1–4, 1993; oraz 1–2, 1994*), а также трехтомник «*Agresja sowiecka na Polskę w świetle dokumentów*», составленный Чеславом Гжеляком, Станиславом Ячиньским и Эугениушем Козловским в 1994–1996 гг.

Большое значение для осмысления советского нападения 17 сентября имеет проблема его интерпретации в свете норм международного права. Попытки такого осмысления предпринимались неоднократно. Они были связаны со стремлением ответить на вопрос, находились ли Польша и СССР в состоянии войны после 17 сентября 1939 г. Ответ на этот вопрос влечет за собой определенные сложности, например, в связи со статусом военнопленных — граждан Польши на территории СССР. В эмиграции данным вопросом занимался юрист и дипломат Тытус Комарницкий. Автор данной статьи также рассматривал эту проблему в монографии о пакте Молотова–Риббентропа. Содержательное исследование по данной теме осуществил Анджей Кноровский¹³⁷.

В последние двадцать лет польских историков в основном интересовала политика СССР на занятых им восточных территориях Второй Польской Республики. Тем самым была сделана попытка восполнить пробелы в историографии, а также показать, что в 1939 г. территория Польской Республики подверглась разделу вследствие агрессии двух союзных тоталитарных держав, а не была оккупирована только Германией.

Одним из первых осветить эту проблематику попытался Ян Томаш Гросс в книге «*Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Byelorussia*» (Princeton, 1988)¹³⁸. Он же является автором еще одного труда — *case-study* «*Studium zniewolenia: wybory październikowe 22 X 1939*» (Kraków, 1999). Общий, но предварительный обзор этих проблем попытались сделать Чеслав Лучак (Cz. Łuczak)¹³⁹ и Чеслав Мадайчик (Cz. Madajczyk)¹⁴⁰ в докладах, представленных

на конференции «Dzieje stalinizmu w Polsce (1939–1956)», которая прошла в Институте истории Польской академии наук в июне 1992 г.

Однако важнейшим достижением польской историографии по данной проблематике являются детальные монографии, появившиеся в последние двадцать лет. Кшиштоф Ясевич (K. Jasiewicz) приложил много усилий для того, чтобы показать: потеря Второй Польской Республикой восточных земель, произошедшая вследствие Второй мировой войны, стала важным историческим опытом для поляков и изменила облик народа. Обоснованию этого утверждения посвящена его книга: «Zagłada polskich Kresów. Ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. Studium z dziejów zagłady dawnego narodu politycznego» (1998). Войчех Слешиньский (W. Śleszyński) писал о советской оккупации в Белостокском воеводстве¹⁴¹. Марек Вержбицкий (M. Wierzbicki) исследовал отношения поляков и евреев на оккупированных восточных территориях Польши¹⁴². Рафал Внук (R. Wnuk) издал объемную монографию о польском подполье на территориях, отошедших к Советскому Союзу¹⁴³. Важной для польской историографии работой, посвященной положению восточных земель после их занятия СССР, является книга: «Europa nieprowincjonalna (Non-provincial Europe). Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białoruś, Litwa, Łotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1772–1999)», изданная под редакцией К. Ясевича в 1999 г.

Необходимо также отметить сборники документов, которые касаются советской политики на восточных территориях Польши, а также изданную в 2005 г. Институтом национальной памяти книгу «Okupacja sowiecka ziem polskich 1939–1941».

Значительное место в польской историографии занимает проблема депортаций польского населения, проживавшего на восточных территориях Второй Польской Республики, в отдаленные районы СССР. Прежде всего следует назвать работу Альбина Гловацкого (A. Głowacki). Достойны внимания сборник белорусских архивных документов «Deportacje Polaków z północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej 1940–1941», изданный в 2001 г. под редакцией Бернадетты Громек (B. Gromek) и Г. Якубовского (G. Jakubowski), и сборник «Wschodnie losy Polaków» под редакцией С. Чесельского (S. Ciesielski). Вышли также работы о лагерях для польских военнопленных¹⁴⁴ и трудовых лагерях¹⁴⁵. Определенно одной из наиболее значительных стала книга Евы Ковальской (E. Kowalska) «Przeżyć, aby wrócić!: polscy zesłańcy lat 1940–1941 w ZSRR i ich losy do roku 1946» (1998). В той же исследовательской области находится и проблема людских потерь Польши вследствие советской оккупации восточных земель. К этому вопросу обратилась в 1994 г. Кристина Керстен, попытавшаяся провести предварительный подсчет потерь¹⁴⁶.

Одной из наиболее важных работ остается книга «Okupacja sowiecka (1939–1941)...»¹⁴⁷. Альбин Гловацкий в 1998 г. опубликовал монографию «Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941», которая является попыткой обобщить все данные по этой теме. Кшиштоф Ясевич попытался проанализировать процесс формирования и роль правящих советских элит на восточных землях Польши и собрать соответствующие документы в изданном в 2001 г. исследовании «Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939–1941 (Białostoczczyzna, Nowogródzczyzna, Polesie, Wileńszczyzna).

Относительно много внимания в польской историографии последнего двадцатилетия было уделено исследованию советской политики на занятых восточных территориях Польши, которая была своеобразной «лабораторией советизации». Влодзимеж Бонусяк (W. Bonusiak) занимался советской политикой на оккупированных землях Польши¹⁴⁸. Сравнение основ белорусского, литовского и польского обществ также было предметом нескольких публикаций¹⁴⁹. Эти вопросы были предметом исследований Томаша Стшембоша¹⁵⁰, Гжегожа Мотыки¹⁵¹. Большим достижением стала книга «Tygiel narodów, poświęcony stosunkom społecznym i etnicznym na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1939–1953», изданная под редакцией Кшиштофа Ясевича в 2002 г.

В 2000 г. после публикации книги Яна Томаша Гросса «Sąsiedzi»¹⁵² в Польше разгорелась острая дискуссия вокруг преступления в селе Едвабне — участия польского населения в еврейском погроме. Хотя эта проблема не связана с тематикой польско-советских и польско-российских отношений, она, однако, поставила вопрос об отношении польского, еврейского и, разумеется, украинского и белорусского обществ к советской оккупации восточных территорий довоенной Польши, а также к германской армии, вступившей на эти территории летом 1941 г.

В последние годы особенно заметно развилось течение в польской историографии, занимающееся изучением положения польского населения в СССР. Этому вопросу посвятил свою монографию Петр Жарон (P. Żaron)¹⁵³. Из других работ следует отметить «Życie codzienne polskich zesłańców w ZSRR w latach 1940–1946 II Rzeczypospolitej w czasie II wojny światowej» под редакцией А. Маршаллека (1990). Важным исследовательским вопросом остается проблема обращения с польским населением на территории Советского Союза в годы Второй мировой войны. Альбин Гловацкий посвятил этому вопросу исследование «Ocalić i repatriować: opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946)», опубликованное в 1994 г., а также несколько других работ¹⁵⁴. В 1999 г. вышла еще одна монография по этой проблеме, принадлежащая перу Даниэля Бочковского («Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940–1943»). Славомир Кальбарчик посвятил книгу судьбе ученых, оказавшихся в годы Второй мировой войны в советских тюрьмах¹⁵⁵.

Большое значение для изучения положения польского населения на занятых Советским Союзом территориях имеют публикации документов, хотя они немногочисленны и представляют далеко не полную картину событий. Чрезвычайно важной стала подготовленная Яном Т. Гроссом и Иреной Грудзиньской-Гросс публикация писем поляков, сосланных в отдаленные районы СССР, («"W czterdziestym nas Matko na Sybir zesłali": Polska a Rosja 1939–1942»¹⁵⁶. В том же ряду публикаций находится и сборник документов из архива польского посла в СССР в 1941–1942 гг. («Z ziemi sowieckiej — z domu niewoli. Relacje, raporty, sprawozdania z londyńskiego archiwum prof. Stanisława Kota»), который был составлен Й. Дмитруком, Ц. Хеммерлингом, Й. Салковским.

Попыткой дать общее представление о поляках, погибших в СССР в годы Второй мировой войны, является монография Станислава Чесельского, Войцеха Матерского и Анджея Пачковского «Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich» (2002).

Можно считать, что в польской историографии было три основных тематических направления при изучении положения восточных земель Второй Польской Республики после их занятия Советским Союзом: (1) изучение советской политики на присоединенных территориях; (2) документация о положении польского населения на довоенных восточных землях Польши; (3) депортации и судьба польского населения в СССР. Вообще все, что происходило на польских землях к востоку от линии Керзона после советского нападения 17 сентября 1939 г., оставалось в последние годы предметом активного изучения, и это привело к появлению нескольких новых исследований. Эти вопросы принадлежали к наиболее часто рассматриваемым в польской историографии последнего десятилетия.

И. В польско-советских отношениях периода Второй мировой войны есть четыре вопроса, которые чаще всего привлекают внимание польских историков после 1989 г.: политика премьера польского правительства в эмиграции генерала Владислава Сикорского в отношении СССР и возможности, которые давало подписание польско-советского договора от 30 июля 1941 г.; катынское преступление и его влияние на двусторонние отношения; Варшавское восстание и проблема оказания помощи повстанцам; установление общественно-политического строя по советскому образцу, который значительная часть польских историков считает навязанным.

Польско-советские отношения в годы Второй мировой войны были сложными: 17 сентября 1939 г. они были разорваны польским правительством и восстановлены только в июле 1941 г. Сикорский, несомненно, стремился к нормализации двусторонних отношений. Его концепции и взгляды были предметом многих исследований — прежде всего его биографов — Мариана Кукеля (M. Kukiel), Романа Вапиньского, Валентыны Корпальской (W. Korpalska) и американского исследователя Сары М. Тьерри (S. M. Thierry). Среди работ о политике генерала Сикорского, написанных за последние двадцать лет, внимания достойна прежде всего книга Хенрика Батовского (H. Batowski) «Polska dyplomacja na obczyźnie 1939–1941» (1991), ставшая первой попыткой исследования дипломатии генерала. Батовский опубликовал также эссе «Zachód wobec granic Polski 1920–1940. Niektóre fakty mniej znane» (1995), представив в нем свою положительную оценку политики Сикорского в отношении СССР.

Большое значение имели исследования и сборники документов, составленные Эугениушем Дурачинским. Его монография «Rząd polski na uchodźstwie 1939–1945» (1993) и историческое обобщение «Polska 1939–1945. Dzieje polityczne» (1999) отразили новый взгляд на политику польского правительства в эмиграции. Следует отметить важный сборник дипломатических документов, связанных с генезисом договора Сикорского–Майского от 30 июля 1941 г., также изданный Дурачинским¹⁵⁷. Значительный вклад в понимание политики Сикорского, несомненно, внесла Анна М. Ченчала, опубликовавшая два исследования, в которых рассматриваются наиболее спорные аспекты дипломатии Сикорского: вопросы, связанные с польско-советской границей¹⁵⁸. Автор пришла к выводу, что Сикорский обдумывал какие-то не определенные конкретно территориальные уступки с польской стороны.

Спор о внешней политике Сикорского, прежде всего о его отношении к СССР идет в польской историографии уже долгое время. Публицист Станислав Мацке-

вич осудил эту политику в книге «Lata nadziei». В 1970 г. друг Сикорского, генерал Мариан Кукель в книге «Generał Sikorski. Żołnierz i mąż stanu Polski Walczącej» выступил апологетом его политики. Под таким же углом рассматривает политику Сикорского и Станислав Кот (S. Kot). Современная польская историография уже не придерживается такой категоричной точки зрения, а скорее колеблется между умеренной критикой и попыткой объяснить эту политику как безальтернативную.

Большое значение для освещения политики польского правительства в эмиграции, для которого отношения с Советским Союзом были ключевым вопросом, имеет восьмитомное издание «Protokoły z posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej» под редакцией Войцеха Ройка (W. Rojek), в котором опубликованы протоколы заседаний Совета министров Польской Республики за весь период Второй мировой войны¹⁵⁹.

Большую ценность представляет источниковедческое исследование Яцека Тебинко «Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej 1939–1945» (1998), в котором содержится детальный анализ проблемы польско-советской границы в международной политике. Представляется, что эта монография, опирающаяся на британские архивные источники и наиболее полно освещающая данную проблему, является своеобразным итогом многолетних исследований польских историков, посвященных политике правительства в эмиграции. Обратившийся к изучению данного вопроса Петр Эберхардт в 1993 г. издал книгу «Polska granica wschodnia (1939–1945)».

С точки зрения истории дипломатии определенным обобщением предшествующих исследований польско-советских контактов в годы Второй мировой войны остается изданный в 1999 г. 5-й том «Истории польской дипломатии» («Historia dyplomacji polskiej»), охватывающий 1939–1945 гг. В этом томе содержатся разделы, написанные Войцехом Матерским и Кристиной Керстен, в которых рассматриваются данные вопросы. Уже упоминавшаяся книга Матерского «Na widecie. Polityka II Rzeczypospolitej wobec państwa Sowietów 1918–1943», скорее представляет собой попытку дать общее представление о польской политике в отношении СССР, чем рассмотреть польско-советские отношения в межвоенный период и в 1941–1943 гг., поскольку автор, когда писал о 1918–1939 гг., не мог использовать советские дипломатические документы.

Серьезные споры до сих пор вызывает вопрос о решении генерала В. Андерса вывести Польскую армию из СССР¹⁶⁰, что не соответствовало намерениям генерала Сикорского и его стратегической концепции. Петр Жарон написал книгу «Armia Andersa» (1996). Этой тематике был посвящен также сборник документов «Armia Polska w ZSRR 1941–1942», которые собрал и перевел В. Матерский (1992). Ценным польским источником по этим вопросам является изданная в 2000 г. под редакцией Богуслава Поляка переписка между генералом Владиславом Сикорским, главнокомандующим в Лондоне, и командующим Польской армией в СССР (а затем на Ближнем Востоке) генералом Владиславом Андерсом в 1941–1943 гг.¹⁶¹.

Определенное влияние на климат дискуссий вокруг польско-советских отношений в годы Второй мировой войны оказывали разногласия по вопросу о гибели генерала Сикорского в авиакатастрофе над Гибралтаром в июле 1943 г. На протяжении последнего двадцатилетия высказывались разные гипотезы и соображения —

прежде всего в исторической публицистике (и гораздо меньше в академической историографии) — по поводу обстоятельств этого события, не имевшие какого-либо результата. Во многих предположениях повторялись теории о покушении на жизнь польского военачальника, выдвигалась необоснованная гипотеза об участии советских, или британских и советских, или даже польских спецслужб в этом деле¹⁶². Эксгумация останков Сикорского и медицинские исследования, проведенные Институтом национальной памяти летом 2008 г., дали возможность исключить наиболее фантастические теории, согласно которым генерал, как утверждали некоторые публицисты, был застрелен.

После 1989 г. польская историография возвращалась также к истории народного Войска Польского, сформированного в СССР в 1943 г. и воевавшего на советско-германском фронте, то есть к тем вопросам, о которых во времена ПНР чаще всего писали в рамках идеологических канонов. Здесь отправной точкой стала конференция историков, изучающих военное дело, прошедшая в Варшаве в 1993 г.; по ее итогам был опубликован сборник материалов¹⁶³. В этой области исследований внимания достоин также сборник документов «Bez możliwości wyboru: Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945», составленный Чеславом Гжеляком, Х. Станьчиком и С. Зволинским. Они же в 2002 г. издали книгу «Armia Berlinga i Żymierskiego».

Катынскому преступлению в польской историографии отведено много места, однако больше в исторической публицистике, нежели в академических исследованиях. В очерке Ежи Лоека «Dzieje sprawy Katynia», опубликованном в начале 1970-х годов, впервые в Польше была изложена суть этого вопроса¹⁶⁴. Весьма важную монографию посвятил катынскому преступлению Чеслав Мадайчик («Dramat katyński». 1989). Эта монография стала одной из первых работ по данной проблеме после общественно-политических перемен 1989 г., если не считать популярного очерка Анджея Л. Щесняка¹⁶⁵. Неоднократно писали и о польских военнопленных в СССР¹⁶⁶. Были также опубликованы различные документы, относящиеся к катынскому преступлению¹⁶⁷. Можно выделить работы, документально показывающие судьбу польских офицеров, интернированных в СССР после советского нападения 17 сентября 1939 г. и раздела Польши¹⁶⁸. В серии «Z archiwów sowieckich» в 1992 г. был издан сборник документов «Polscy jeńcy wojenni w ZSRR 1939–1941» (в переводе и под редакцией В. Матерского). Под редакцией Тадеуша Дубицкого (Т. Dubicki) и Тадеуша Панецкого (Т. Paniecki) вышло коллективное исследование «Internowanie żołnierzy polskich w latach II wojny światowej» (2004).

В 1992 г. под редакцией Марка Тарчиньского вышла весьма значимая книга «Zbrodnia katyńska. Droga do prawdy. Historia, archeologia, kryminalistyka, polityka, prawo». Преступлениям НКВД посвящено и несколько других исследований¹⁶⁹. К новейшим работам по этой теме принадлежит монография Анны Марии Ченчалы (в сотрудничестве с Войцехом Матерским и Натальей Лебедевой) «Katyń» (Yale, 2006). Кшиштоф Коморовский издал в 2009 г. книгу «Katyń. Zbrodnia nieukarana». Событием, достойным внимания, стала публикация в переводе на польский язык двух книг российских авторов о катынском преступлении; первая написана неутюмым исследователем этой проблемы Натальей Лебедевой: «Katyń. Zbrodnia przeciwko ludzkości» (1997), а вторая — Инессой Яжборовской, Анатолием Яблоко-

вым и Юрием Зорей: «Katyń. Zbrodnia chroniona tajemnicą państwową» (1998). Эти публикации свидетельствовали о том, что после распада СССР в российской историографии начал появляться новый взгляд на катынскую проблему.

Вероятно, польские и российские историки не сильно расходятся во мнениях относительно того, что массовое убийство в Катыни было преступлением, которое необходимо осудить. Однако позиция польской историографии включает в себя принципиальный тезис об исключительности этого преступления, поскольку оно было совершено по отношению к гражданам другого государства, которые были военнопленными. Для русских же это одно из многих преступлений, которые совершил сталинский режим, а народ, находившийся в подчинении этого режима, стал одной из самых главных его жертв. Польским историкам — и вообще полякам — к сожалению, не всегда легко понять такой взгляд на проблему.

Много, очень много внимания в исследованиях, посвященных изучению польского вопроса в годы Второй мировой войны, уделено Варшавскому восстанию 1944 г. Прежде всего следует отметить монографию Януша Заводного (J. Zawodny) «Powstanie warszawskie w walce i dyplomacji» (1994). Антоний Пшигоньский (A. Przygoński) в свою очередь попытался проанализировать советскую политику в отношении восстания «Stalin i Powstanie Warszawskie. Dokumenty» (1994). В том же 1994 г. вышел сборник документов по этой проблематике под редакцией Томаша Стшембоша¹⁷⁰.

К международным аспектам Варшавского восстания историки вернулись на конференции «Powstanie Warszawskie 1944: praca zbiorowa», материалы которой были опубликованы под редакцией Станиславы Левандовской (S. Lewandowska) и германского историка Бернда Мартина (B. Martin) в 1999 г. В 2004 г. вышел еще один сборник исследований и документов — «Międzynarodowe aspekty Powstania Warszawskiego 1944 roku» под редакцией Мариана М. Дроздовского и Ханны Шванковской, в котором был напечатан очерк Эугениуша Дурачинского «ZSRR a Powstanie Warszawskie». Автор изложил суть споров вокруг восстания и сделал вывод, что «успех восстания, политически направленного против намерений Сталина превратить Польшу в вассала или просто советизировать ее, которые верно угадывались руководителями Польского государства в подполье и командованием его армии, эти же люди связывали с действиями Красной армии, главнокомандующим которой был как раз Сталин. Именно его военные и одновременно политические решения должны были обеспечить военную и политическую поддержку тем, кто во имя неделимой, свободной и независимой Польши противостоял замыслам Кремля. Своеобразная *contradictio in adjecto*»¹⁷¹.

Захват лидеров Польского государства в подполье и судебный процесс в июне 1945 г., где они выступали в качестве главных обвиняемых, стали предметом исследований Э. Дурачинского («Generał Iwanow zaprasza. Przywódcy podziemnego państwa polskiego przed sądem moskiewskim». 1989) и Артура Ляйнванда (A. Leinwand) («Przywódcy polskiego podziemia przed sądem moskiewskim». 1992).

О вопросах польско-советских отношений в годы Второй мировой войны были написаны также более обширные научные труды обобщающего характера¹⁷². Следует выделить две книги. Первая из них — очерк Марка Казимежа Каминьского «Od wojny do zniewolenia. Polska a Związek Sowiecki: stosunki polityczne 1939–1945»

(1992); а вторая — довольно поверхностная работа Яцека Слюсарчика (J. Ślusarczyk) «Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945» (2000).

Изучение истории Польши в годы Второй мировой войны, когда Польша находилась под оккупацией двух держав, предоставляет большой простор для различных наблюдений и размышлений. Название эссе Анджея Пачковского — «Polska ofiara dwóch totalitaryzmów 1939–1945»¹⁷³ — является своего рода символическим для всех исследований по этой проблематике. Одним из вопросов, требующих сравнительного исследования, безусловно, остается проблема людских потерь Польши в годы обеих оккупаций.

История послевоенных польско-советских отношений является наиболее слабо исследованной. Это понятно и объясняется прежде всего недоступностью российских архивов.

Безусловно, исходным пунктом исследований, посвященных генезису «новой Польши», остается классическая монография Кристины Керстен «Jałta w polskiej retwpektywie» (1989), в которой автор попыталась развенчать миф Ялты в польском массовом сознании и историографии, доказывая, что решения, принятые на Крымской конференции, являлись подтверждением ситуации, сложившейся к концу войны; при этом ялтинские решения, касающиеся проведения свободных выборов в Польше, не были выполнены.

Слово «Ялта» занимает особое место в памяти поляков; оно всплывает как травмирующее воспоминание и свидетельство того, что судьба польского народа решалась заочно — «о нас без нас». Этот участок памяти наверняка мифологизирован, однако представления не меняются, несмотря на проходящее время и на все переоценки в исторической науке. Так же как Мюнхен для чехов есть и будет местом, где их народ был предан, или как Ватерлоо для французов останется местом поражения. «Ялта» как историческое понятие так часто упоминается в различных публикациях, что для перечисления хотя бы самых важных из них пришлось бы написать отдельное библиографическое эссе. В последнее двадцатилетие появлялись различные размышления историков на эту тему, издавались дополнительные материалы, создавались коллективные труды. В частности, Мариан М. Дроздовский и Ханна Марческа-Загданьская выпустили сборник польской публицистки «Jałta, spór o Polskę» (1998), иллюстрирующий проходившие тогда, в 1945 г., споры в польском общественном мнении о том, какой должна быть дальнейшая польская политика с учетом ялтинских решений. Были проведены различные конференции историков, итогом которых стали сборники исследований «Jałta z perspektywy poliwieczna» под редакцией Станислава Ницеи (St. Niceja, 1995) и «Jałta: szkice i polemiki» под редакцией Дроздовского (1996).

Вопросы польско-советских отношений появлялись в контексте исследований, связанных с внешней политикой послевоенной Польши. Многочисленные работы, вышедшие во времена ПНР, имеют довольно ограниченную ценность¹⁷⁴. В 1990 г. вышла важная работа Влодзимежа Борозея «Od Poczdamu do Szklarskiej Poręby». Работая над изучением того, как зарождалась дипломатия Польской Народной Республики, Войцех Матерский опубликовал исследование «Dyplomacja Polski “lubelskiej”. Lipiec 1944 — marzec 1947», которое вышло в 2007 г. и остается на сегодняшний день наиболее полным исследованием этого вопроса.

Подчинение Польши Советскому Союзу в сталинский период было предметом чрезвычайно большого числа работ, появившихся в Польше за последние двадцать лет. Однако в основном это публицистические очерки, и гораздо реже — научные исследования.

Попыткой основательного исследования советской политики в отношении стран Центральной Европы стала книга Хенрика Бартошевича «*Polityka Związku Radzieckiego wobec państw Europy Środkowo-Wschodniej 1944–1948*», изданная в 1999 г.; однако в ней используются только польские источники. Затронутая в книге проблематика, которая занимает значительное место в современной российской историографии, требует нового истолкования со стороны польских историков.

Естественно, что во времена ПНР появилось большое число исследований, посвященных развитию польско-советских отношений в 1944–1947 гг. В настоящее время эти работы не представляют большой ценности. После 1989 г. больше внимания уделяется установлению коммунистической системы в Польше. Этот вопрос рассматривается в тесной связи с политикой Сталина в польском вопросе. В этой исследовательской области важнейшим достижением по-прежнему остается книга Кристины Керстен «*Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948*», написанная в первой половине 1980-х годов и изданная в Париже в 1986 г.¹⁷⁵. Новое исследование о польском вопросе в политике Сталина, разумеется, потребовало бы использования российских архивных документов.

К внутрипольским вопросам, оказывающим влияние на интерпретацию польско-советских отношений после Второй мировой войны, относится дискуссия о механизмах установления коммунистической власти в Польше. В этой же области находится вопрос, поднятый Институтом национальной памяти: была ли в Польше после 1944 г. гражданская война, или стране просто навязали чужую власть извне? В этом споре пока не наблюдается сближения противоположных сторон. Рышард Назаревич и Петр Гонтарчик заняли наиболее радикальные позиции. Назаревич доказывал, что новая правящая элита имела польский характер, коренившийся в истории деятельности польских леворадикальных сил¹⁷⁶. Гонтарчик пытался показать, что Польская рабочая партия являлась иностранной (советской) агентурой¹⁷⁷.

Появилось несколько книг по истории Польши в период 1945–1947 гг. Анджей Пачковский посвятил книгу политической биографии и концепциям Станислава Миколайчика («*Stanisław Mikołajczyk, czyli kłeska realisty*». 1993). О концепциях польских некоммунистических политических сил в «постялтинской» Польше писал Марек Латыньский (М. Łatyński)¹⁷⁸. Кристина Керстен в эссе «*Spółczesność polskie wobec władzy komunistów*» подняла важную проблему отношения послевоенного польского общества к Советскому Союзу. Эссе стало своеобразным введением в дальнейшие исследования по этой теме¹⁷⁹.

В последние годы еще один довольно спорный вопрос, уже названный выше, стал предметом исследований польских историков: была ли в Польше в 1944–1947 гг. гражданская война или можно говорить только о процессе закабаления польского общества навязанной ему властью, которая опиралась на диктат извне. Одной из попыток ответить на этот вопрос стала книга «*Wojna domowa czy nowa okupacja? Polska po roku 1944. Civil War or New Occupation. Poland After 1944*», изданная под

редакцией Анджея Айненкеля (A. Ajnenkiel) в 2001 г. В поисках ответа на этот вопрос трудно добиться сближения противоположных точек зрения. Для историков более молодого поколения, особенно объединенных вокруг Института национальной памяти, применение понятия «гражданская война» к польским реалиям после 1945 г. представляется неправомерным, поскольку Польша находилась под оккупацией. В свою очередь для историков левой ориентации гражданская война или, по крайней мере, элементы гражданской войны — это действительность, которая позволяет осознать масштабы социальных конфликтов в Польше в то время.

Важной вехой в послевоенных польско-советских отношениях остается 1956 г., который, бесспорно, принес значительное ослабление подчинения Польши, хотя, конечно, не означал восстановления ее независимости. В польской историографии преобладает мнение, что в 1956 г. польский народ получил много, очень много, и никто и ничто не в состоянии поставить это утверждение под сомнение. Сталинская система была демонтирована. Был начат процесс «детоталитаризации», значением которого историку нельзя пренебрегать. Этот процесс сначала стал предметом исследований Збигнева Бжезинского (*Brzeziński Z. Wielkie bankructwo*. 1990), а затем Анджея Валицкого (*Walicki A. Polskie zmagania z wolnością*. 2000). Валицкий не раз обосновывал мнение, что политический режим в ПНР после 1956 г. не может считаться тоталитарным, поскольку это понятие должно относиться к режимам идеократического характера, в которых господствующая идеология является силой, контролирующей разум людей, и выполняет функцию новой религии, мобилизующей массы.

Книги Валицкого полемизируют с господствующим в значительной части польской историографии утверждением о том, что большевизм (а следовательно, и советская система) представлял собой своеобразный результат «естественного» исторического развития России. Валицкий доказывал, что в основу советского тоталитаризма легла марксистская утопия об освобождении человека от влияния сил природы и истории.

В публицистике также поднимается вопрос о том, были ли у Польши шансы вернуть себе независимость в реалиях постялтинского расклада сил. Рассекреченные документы из российских архивов доказывают, что Владислав Гомулка был довольно напористым по характеру и на переговорах с Никитой Хрущевым, которые проходили в Варшаве в октябре 1956 г., добился значительных уступок с советской стороны¹⁸⁰. Уже тот факт, что Центральный комитет ПОРП на своем пленарном заседании самостоятельно провел выборы первого секретаря, не позволив навязать себе диктат извне, сам по себе был беспрецедентным.

Рассматривая вопрос о шансах получения большей независимости от Москвы после 1956 г., Павел Махцевич писал: «Если и существовали какие-либо шансы добиться независимости (наверное, нет) или, по крайней мере, значительного расширения круга гражданских и национальных свобод (вероятно, да), то они были упущены не из-за оппортунизма и нерешительности общества..., а из-за нежелания польских коммунистов. Во многих случаях они не воспользовались ограниченным, но существовавшим полем для маневра, которое у них было в отношениях с Москвой»¹⁸¹. Были ли такие возможности на самом деле или только мы, историки, рассуждаем об их существовании — это спорный вопрос.

Одним из важных поводов к дискуссии о суверенности ПНР была полемика польских историков, занимавшихся изучением дипломатии, о происхождении так называемого плана Рапацкого, то есть концепции создания безъядерной зоны в Центральной Европе (она должна была охватить Польшу, оба германских государства и Чехословакию), с которой выступила польская дипломатия в 1957 г. На эту тему высказывались многие историки и публицисты. Неоднократно принимал участие в данной дискуссии Адам Даниэль Ротфельд¹⁸². Однако особое значение имеет статья Петра Вандыча, опубликованная в сборнике, изданном американскими историками в 1994 г.¹⁸³ Он считает, что концепция была разработана польской стороной самостоятельно и по собственной инициативе, хотя и была согласована с Москвой и ею одобрена.

В 1990-е годы польские историки, занимающиеся международными отношениями, приступили к изучению внешней политики ПНР. Более ранние публикации по этому вопросу, появившиеся до 1989 г., в познавательном плане не имели большого значения. Развитие данной темы в исследованиях, которые дают более углубленное представление о международном положении Польской Народной Республики, следует отметить как значительный прогресс польской историографии¹⁸⁴. В этой области исследований были также предприняты первые попытки изучить отношения ПНР с СССР.

Вопросом из сферы польско-советских отношений, вызывающим особенно много разногласий и публицистических заявлений, является период политического кризиса в Польше в 1980–1981 гг., который вызвал появление «Солидарности» и введение военного положения 13 декабря 1981 г. под руководством генерала Войцеха Ярузельского. Безусловно, одним из важнейших событий, посвященных попыткам объяснить позицию, которую заняло руководство СССР в отношении польского кризиса, была организованная в ноябре 1997 г. конференция в Яхранке. В ней приняли участие историки и политики, которые были главными действующими лицами в событиях 1980–1981 гг. — как с польской, так и с российской стороны. Результатом конференции стал опубликованный в том же году сборник ее материалов¹⁸⁵. Однако конференция не смогла окончательно прояснить наиболее спорные вопросы. Высказывания представителей советской стороны во главе с маршалом Куликовым, которые категорически отрицали существование планов советской интервенции в Польшу в декабре 1981 г., не развеяли сомнений и оставили существовавшие знаки вопроса. Их заявления были восприняты многими польскими публицистами с энтузиазмом, как *testimonium paupertatis*¹⁸⁶ Ярузельского; однако историк не может не сомневаться и не задавать вопросы о том, в какой степени эти заявления соответствуют исторической действительности, а в какой являются мнениями.

В споре об оценке решения Ярузельского ввести военное положение обе стороны занимают прямо противоположные позиции. Сторонники генерала ссылаются на теорию «меньшего зла» и выдвигают аргумент, согласно которому военное положение как раз и было таким «меньшим злом» по сравнению с его альтернативой — военной интервенцией государств—членов Организации Варшавского договора. Те, кто осуждает политику Ярузельского, ссылаются на документы, свидетельствующие о нежелании советского политического руководства осуществлять

военную интервенцию в Польшу в декабре 1981 г.¹⁸⁷. В польском общественном мнении противоречия по этому вопросу постоянно вспыхивают с новой силой. Недавно Институт национальной памяти опубликовал записку адъютанта маршала Куликова генерала Антошкина, в которой сообщается о том, что генерал Ярузельский просил советское руководство оказать помощь в случае, если польские вооруженные силы будут не в состоянии расправиться с «Солидарностью». Публикация вызвала бурю эмоций и привела к активизации противников Ярузельского, который последовательно пытается объяснить свое решение о введении военного положения теорией «меньшего зла»¹⁸⁸. «Большим злом» должна была стать вооруженная интервенция государств — членов ОВД. На полях этой дискуссии, которая наверняка будет продолжаться еще долго, стоит заметить, что только возможность неограниченного доступа к российским архивам позволит сделать более существенные выводы. Однако это представляется довольно отдаленной во времени перспективой.

Проблеме репатриации польского населения из СССР после событий октября 1956 г. было посвящено несколько исследований. Следует назвать, в частности, книги А. Канцкой и Малгожаты Рухневич¹⁸⁹.

Принципиальные разногласия между польской и российской историографией существуют и по вопросу экономического баланса участия ПНР в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ). Польские историки заметно акцентируют внимание на неравноправности экономических отношений между Польшей и СССР и на несоответствии положения ПНР в СЭВ ее экономическому потенциалу. У российской стороны — своя точка зрения по данному вопросу, и здесь у двух историографий нет никаких точек соприкосновения.

Польско-советские отношения после Второй мировой войны представляют — и это естественно — важный компонент послевоенной истории Польши. Поэтому все варианты изложения этой эпохи истории Польши в учебниках представляют собой некую попытку интерпретировать эти отношения. Сказанное относится и ко всем появившимся к настоящему времени исследованиям, авторы которых (Войцех Рошковский, Антоний Чубиньский, Анджей Пачковский, Анджей Фришкий и др.) также попытались дать обобщенное представление об этом историческом периоде..

И все же первой и до сих пор единственной попыткой обобщить имеющиеся данные об отношениях ПНР и СССР остается трехтомная работа Анджея Скшипика («Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957». 2002); «Mechanizmy autonomii. Stosunki polsko-radzieckie. 1956–1965». 2005); «Mechanizmy klientelizmu. Stosunki polsko-radzieckie. 1965–1989». 2008) — своего рода развернутый очерк, дающий общее представление о проблеме. Выводы автора по многим вопросам представляются весьма убедительными, другие интерпретации вызывают возражения. В исследовании имеется много пробелов, которые при сегодняшнем состоянии исследований наверняка невозможно оставить без внимания. Встречаются спорные утверждения, в том числе и такие, с которыми трудно согласиться. Например, в связи со смещением Никиты Хрущева в октябре 1964 г. и вступлением в должность Леонида Брежнева Владислав Гомулка, по мысли автора, должен был «ставить условия признания этого переворота», а также «условия дальнейшего со-

трудничества» (sic!). Учитывая тогдашние реалии, такие утверждения нельзя воспринимать всерьез.

В последние двадцать лет наиболее спорные проблемы в истории польско-советских отношений после Второй мировой войны были предметом довольно многочисленных конференций, в которых принимали участие польские и российские историки. Это следует отметить, несмотря на то что здесь нет места для того, чтобы перечислить хотя бы самые важные из них¹⁹⁰. В этой области важную роль сыграла деятельность Эугениуша Дурачинского в качестве представителя Польской академии наук в Москве, благодаря которой поддерживался диалог между польскими и российскими историками. Очень много значимых проектов, польско-российских симпозиумов и изданий инициировал его преемник Мариуш Волос. Сегодня польско-российский диалог тем более необходим, поскольку он стал возможным после краха правительственных идеологий. Однако наверняка в этой области делается недостаточно, а имеющиеся возможности используются не полностью.

Без сомнения, с исторической точки зрения пока рано давать обобщение польско-советских отношений в послевоенное время. Такой работе должны предшествовать многочисленные детальные исследования, которые до сих пор не были проведены. Прежде всего надо верить, что в будущем, ближайшем или не очень, у историков появится доступ к российским архивам.

VI. К проблемам, которые польская историография оставила без внимания, относятся вопросы, связанные с тем, как поляки и русские воспринимают друг друга. Несмотря на существование многочисленных исследований, посвященных польской политической мысли первой половины XX в. (книги Кшиштофа Кавальца¹⁹¹, Михала Сливы¹⁹²), в польской историографии нет ни одной работы на эту тему. Частично эта проблема затрагивается в книге Гжегожа Заскевича (G. Zackiewicz) «Polska myśl polityczna wobec systemu radzieckiego 1918–1939». Kraków, 2004).

На протяжении пяти послевоенных десятилетий в Польше при существовавшем тогда общественно-политическом строе не было условий для серьезного изучения и анализа большевизма и советской системы. Польская наука могла вступать в диалог с мировой советологией только в ограниченном масштабе — она делала это через посредничество писателей и исследователей, находившихся в эмиграции. Именно за границей в 1976 г. появилось крупнейшее польское произведение в области мировой советологии «Główne nurty marksizmu» Лешека Колаковского (L. Kołakowski)¹⁹³. После 1989 г. и последующего распада Советского Союза начался процесс восполнения пробелов в области советологических исследований. Важным достижением остается вторая — после Колаковского — попытка дать обобщение истории марксизма: «Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom. The Rise and Fall of the Communist Utopia» (1995)¹⁹⁴. Автор книги, Анджей Валицкий, попытался самостоятельно найти ответ на важный вопрос: в какой степени философия Маркса и его последователей легитимизировала советский тоталитаризм?

Важно то, что в этой сфере исследований у польской науки уже есть солидный историографический фундамент, заложенный в межвоенный период. «Польская советологическая школа», возникшая в интеллектуальном климате Второй Польской Республики, — это феномен, в одинаковой степени важный и неизвестный, особенно за границей. До недавнего времени вклад этой школы в польскую

науку был практически не изучен. Однако эти упущения были исправлены. Прежде всего следует назвать опубликованную еще в 1972 г. в США статью Ханны и Рышарда Шавловских «Polish Sovietology 1918/1919–1939»¹⁹⁵. В 1987 г. было опубликовано уже упоминавшееся в нашей статье исследование Яна Яняка «Interpretacje leninizmu w polskiej publicystyce politycznej 1918–1939», а в 1992 г. — книга Лешека Пентковского (L. Piątkowski) «Związek Radziecki w publicystyce polskiej 1922–1928. Społeczeństwo, polityka, gospodarka». Несколько замечаний по вопросу об отношении польских интеллектуалов к тоталитарным системам — в том числе и советской — содержится в книге Анджея Яешке (A. Jaeszke) «Totalni sąsiedzie Polski w publicystyce polskiej 1931–1939 (2001)». В 2006 г. был опубликован коллективный труд Мариана Броды, Юстыны Курчак и Пшемислава Вайнгертнера «Komunizm w Rosji i jego polskie interpretacje». Следует также отметить изданное в 1999 г. исследование Адама Босяцкого «Utopia, władza, prawo. Doktryna i koncepcje prawne „bolszewickiej” Rosji 1917–1921». Хотя книга не касается польско-советских отношений, она представляет мнение польского юриста и историка по ключевому для советологов вопросу — о законе в понимании большевиков.

Автор данной статьи опубликовал несколько книг по этой проблематике; среди них двухтомная монография «Bolszewizm — totalitaryzm — rewolucja — Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939)», изданная в 2003–2004 гг., а также вышедшая в свет в 2003 г. антология работ польских советологов, опубликованных в межвоенный период («Polska szkoła sowietologiczna. 1930–1939»). Обширное предисловие к антологии посвящено тому обществу интеллектуалов, каким был Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно — один из первых в Европе межвоенного периода исследовательских центров, занимавшихся изучением советской системы. К сожалению, в России и Европе история и деятельность этого института неизвестны.

Наша историография занималась изучением еще одного вопроса — места России в польской исторической мысли XX в. Так, историк из Католического университета в Люблине Мирослав Филипович (M. Filipowicz) опубликовал в 2000 г. важное исследование «Wobec Rosji. Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po wojnę światową». Нами написано эссе «Rosja w polskiej myśli historycznej»¹⁹⁶. Безусловно заслуживают внимания два эссе Анджея Новака. Первое из них («ZSRR jako przedmiot badań historycznych») посвящено появившимся в западной советологии теориям, в рамках которых изучают историю советского государства¹⁹⁷. Второе эссе содержит оригинальный взгляд на место России в польской политической мысли XX в.¹⁹⁸. Однако до сих пор не было сделано ни одной попытки написать обобщающее исследование о том, как изменялось место России в польской политической мысли в XX в.

Областью, в которой наметился польско-российский историографический диалог, является так называемая империология. Такое название закрепилось за теми историческими исследованиями, которые используют модель «империи» как исторической структуры в качестве исходного пункта для изучения дореволюционной России, а также подчеркивают ее многонациональный характер и определенную степень преемственности истории России до и после революции (дореволюционной и большевистской). В этой связи исследуется вопрос о роли поляков в

консолидации и дезинтеграции Российской империи. Наибольший вклад в изучение данной проблематики внес Анджей Новак, а его «империологические исследования» перекликаются с современными попытками польской историографии понять два феномена — дореволюционную российскую и послереволюционную советскую государственность, в отношении которых нельзя говорить ни о полной преемственности, ни о полном разрыве между ними¹⁹⁹.

Важной проблемой, изучение которой началось сравнительно недавно, является отношение польской политической мысли к Советскому Союзу. В реалиях, возникших после 1945 г., это означает в первую очередь необходимость изучения политической концепции польской эмиграции, а также взглядов демократической оппозиции, деятельность которой ограничивается 1976–1989 гг.²⁰⁰. Говоря о 1980-х годах, мы, однако, сталкиваемся с новыми историческими проблемами, которые в значительной мере остаются актуальными и в настоящее время. Наверняка пройдет еще какое-то время, прежде чем появится необходимая отдаленность от этих проблем во времени для того, чтобы рассматривать их без эмоций.

Пора — вместо развернутого заключения — подвести некоторые итоги.

(1) В ходе работы над этой статьей автор сосредоточился на тех работах, которые касаются польско-советских отношений. Однако следует иметь в виду, что работы, посвященные России и советской системе, а также внешней политике СССР, часто содержат новые данные и важные интерпретации, которые показывают двусторонние отношения в новом свете. В этой статье были перечислены далеко не все исследования и статьи такого рода; повторю: приоритет отдавался работам, которые были ориентированы на изучение польско-советских отношений²⁰¹.

(2) Польская историография, несомненно, сделала немало для исследования польско-советских отношений в XX в. Однако эти отношения до сих пор являются той областью исследований проблем новейшей истории, в которой в первую очередь следует ожидать появления новых источников и интерпретаций. Самой большой трудностью остается отсутствие доступа к российским (постсоветским) архивам. Возможно, такие проблемы, как международная обстановка, в которой проходило Варшавское восстание, или установление коммунистического строя в Польше в 1944–1947 гг., не говоря уже о марте 1968 г., декабре 1970 г. или о так называемом «польском кризисе» 1980–1982 гг., могли бы предстать в другом свете, если бы российские архивы, хранящие документы советской эпохи, были полностью открыты.

(3) Можно с полной уверенностью сказать, что после общественно-политических перемен, произошедших в Польше в 1989 г., и распада СССР в 1991 г. появились новые возможности для изучения польско-советских отношений в межвоенный период и в годы Второй мировой войны. Некоторые польские историки работали в советских военных и дипломатических архивах. Однако, как правило, у них не было доступа к материалам первостепенной важности²⁰². Так, например, для изучения польско-советских отношений межвоенного периода абсолютно необходимо изучить дипломатическую переписку между Наркоматом иностранных дел СССР в Москве и советским дипломатическим представительством в Варшаве. Следует отметить, что возможность сделать это появляется только сейчас²⁰³.

(4) Безусловно, польские историки сосредотачивались в своих исследованиях на польско-советских отношениях и гораздо меньше внимания уделяли собственно проблемам истории СССР/России. Это можно понять, хотя понятно и то, что подобный подход приводил к тому, что представляемая в польской историографии картина несколько «искажена», неизбежно становясь «полоноцентричной». Представляется, однако, что польские историки не сомневаются в том, что польско-советские отношения в исторической ретроспективе, равно как и освещение современных польско-российских отношений, остаются очень важным вопросом, без которого нельзя понять историю Польши. Можно только гадать, остаются ли отношения с Польшей в прошлом, с точки зрения российских историков, проблемой такой важности, которой они заслуживают²⁰⁴.

(5) Следует также отметить, что за последнее двадцатилетие появилось не так много польско-российских сборников документов, касающихся двусторонних отношений в первой половине XX в. Не были использованы новые возможности, появившиеся вместе с политическими изменениями в двух странах. Конечно же, следует отдать должное упоминавшимся выше многотомным изданиям документов НКВД, посвященных деятельности Польского государства в подполье²⁰⁵. Однако до сих пор не появилось ни одного сборника документов по польско-советским отношениям в межвоенный период. Следует отметить, что эта задача очень актуальна: для ее выполнения необходимо сотрудничество польских и российских историков.

(6) По понятным причинам польская историография последнего двадцатилетия в основном занималась теми вопросами, которые вызывают наибольшую напряженность в польско-российских отношениях. Это тоже своего рода односторонний подход. Однако таким образом историография пытается восполнить пробелы, которые появились в период до 1989 г. вследствие подчинения исторической науки господствующей идеологии и введения цензуры для публикаций.

(7) Если попытаться как можно короче изложить основные положения польской историографии последнего двадцатилетия (1989–2009) по проблемам польско-советских отношений в XX в., можно сказать, что по наиболее «щекотливым» вопросам есть несколько преобладающих тезисов:

а) причины польско-советской войны 1919–1920 гг. были двоякими (Пилсудский стремился оторвать Украину от России и связать ее с Польшей, большевики же стремились ликвидировать «буржуазную» Польшу и советизировать ее);

б) возможности политического сотрудничества Польши и СССР в межвоенный период были очень ограниченными, поскольку Польша стремилась укрепить Версальскую систему, а большевистская Россия добивалась ее разрушения;

в) в 1939 г. Польша стала жертвой двух тоталитарных держав, а пакт Молотова–Риббентропа дал Германии возможность начать войну; однако это не означает, что война не началась бы, если бы советско-германский договор от 23 августа 1939 г. не был подписан;

г) катынское преступление было актом геноцида, преступлением, совершенным в годы Второй мировой войны в отношении граждан другого государства и заслуживает безоговорочного осуждения;

д) установление коммунистического строя после 1945 г. было возможно только при опоре на сталинскую политику свершившихся фактов. В то же время трудно спорить с тем, что после 1956 г. эта общественно-политическая система постепенно приобретала национальные черты и эволюционировала по пути все большего расширения круга суверенных прав ПНР и внутренней автономии общества.

(8) По многим вопросам, являющимся ключевыми для понимания двусторонних отношений в XX в., у современной польской и российской историографий имеются большие расхождения. Их нельзя замалчивать во имя диалога; иначе его цели будут пониматься искаженно. Поскольку расхождения в оценках — явление довольно частое, не стоит сожалеть по этому поводу. Другие народы также испытывают трудности в подходе к спорным историческим вопросам. Например, нет и наверняка не будет одинакового отношения польской и германской историографий к личности прусского короля Фридриха II или сходной оценки исторической роли Наполеона французскими и британскими историками.

(9) Представляется важным сделать еще одно замечание вместо заключения. Польский историк Мариан Хенрик Серейский, ушедший из жизни 30 лет назад, писал, что историография является важной частью культуры народа²⁰⁶. Безусловно, он был прав. Можно было бы расширить его утверждение, добавив, что историография является также весьма важным компонентом, формирующим облик современных международных отношений. Особенно в наше время, когда все больше говорят об «исторической политике» — независимо от того, считаем ли мы такое понятие уместным или нет. И здесь приходит на ум еще одно замечание: то, что мы называем судом истории, является понятием относительным, как утверждал Хенрик Верещицкий²⁰⁷. При обсуждении этого вопроса не раз заявлялось, что таков «суд истории», что именно такие, а не иные выводы следуют из истории, что «приговоры истории нельзя отменить», что «всемирная история — это всемирный суд»²⁰⁸. Однако последующие поколения опровергали то, что казалось установленным, проверенным и «святым». Одним из красноречивых примеров этого является эволюция взглядов немецких историков на отношения с Польшей: в германской историографии было преодолено антипольское прусское наследие. Поэтому пусть приведенное высказывание Верещицкого не будет воспринято как побуждение к релятивизму, который сегодня так отчетливо господствует в философии и гуманитарных науках. Оно только выражает убеждение в том, что каждое поколение и каждый народ по-своему воспринимают одни и те же факты. Более того, ни одну из интерпретаций истории нельзя декретировать. А то, что британский историк, профессор Йельского университета Пол Кеннеди назвал «закатом националистического видения истории», ведет к подрыву многих идей и оценок, которые признавались незыблемыми²⁰⁹.

¹ Такую формулировку использовал историк, который являлся несомненным авторитетом для польской послевоенной историографии — Хенрик Верещицкий (см.: *Wereszycki H. Niewygasła przeszłość. Refleksje i polemiki*. Kraków, 1987. S. 5). Автор данной статьи вкладывает в это понятие такой же смысл.

² До сих пор не появилось ни одной монографии, полностью посвященной польской историографии после окончания Второй мировой войны. Однако недавно были изданы две важные книги — Рафала Стобецкого (*Stobiecki R. Historiografia PRL: ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana*.

Studia i szkice. Warszawa, 2007) и Тадеуша Рутковского (*Rutkowski T. Nauki historyczne w Polsce 1944–1970. Zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa, 2007*). В октябре 2007 г. была проведена важная конференция, организованная Музеем истории Польши: она была посвящена достижениям польской историографии начиная с 1989 г. См.: *Wiek XX. Historiografia 18 lat Niepodległej. Postulaty badawcze i metodologia // Spojrzenie w przeszłość. T. 2: Wiek XIX, XX. Konferencja Muzeum Historii Polski, Jadwisin, 25–26 października 2007 r. Warszawa, 2009*.

³ Об этом верно писал Анджей Валицкий (*Walicki A. Zniewolony umysł po latach. Warszawa, 1993*).

⁴ См.: *Cienciata A. Marxism and History: Recent Polish and Soviet interpretations of Polish Foreign Policy in the Era of Appeasement. An Evolution // East-European Quarterly. Vol. VI. 1/1972. S. 92–118*.

⁵ *Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 44*.

⁶ См. работы Хенрика Яблоньского (*Jabłocki H. Rewolucja październikowa a sprawa niepodległości Polski. Warszawa, 1967*).

⁷ Последним польским историком, изучавшим обстоятельства, при которых составлялась декларация российского Временного правительства, был Петр Вандыч (*Wandydz P. Odezwa Rządu Tymczasowego z marca 1917 roku a interwencja angielska // Zeszyty historyczne. Z. 15. 1969*); исследование было также напечатано в сборнике его статей (см.: *Wandydz P. Polska a zagranica. Paryż, 1986. S. 11–17*).

⁸ *Lapier K. Pakt Pilsudski–Hitler. Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa, 1962*.

⁹ *Skrzypek A. Strategia pokoju. Radziecka polityka zbiorowego bezpieczeństwa w Europie 1932–1939. Warszawa, 1979*.

¹⁰ *Przeciw fałszowaniu historii drugiej wojny światowej. Zbiór artykułów. Warszawa, 1966; Historia dyplomacji // Red. W. Potiomkin. T. 3. Warszawa, 1980. См. также: Historia Wielkiej Wojny Narodowej 1941–1945. Warszawa, 1964*.

¹¹ *Wereszycki H. Spadek wielkiej niewoli // Idem. Niewygasia przeszłość. S. 16*.

¹² *Kowalski W. T., Skrzypek A. Stosunki polsko-radzieckie 1917–1945. Warszawa, 1980; Kowalski W. T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945). Wyd. 2. Warszawa, 1967; Skrzypek A. Kronika koegzystencji. Zarys stosunków polsko-radzieckich w latach 1921–1939. Warszawa, 1985; Mikulicz. Od Genui do Rapallo. Warszawa, 1973*.

¹³ Формулировка «белые пятна» встречается и в историографии других стран Восточного блока, например, в Чехословакии; см., напр.: *Kren J. Bílá místa v našich dějinách? Praha, 1990*.

¹⁴ Например, публицистические работы Станислава Забеллы, который в довоенное время был дипломатом и сотрудником Польского института международных дел (Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, PISM). См.: *Zabiełta S. W kręgu historii. Warszawa, 1970*.

¹⁵ См.: *Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917–1945. Dokumenty i materiały, Warszawa, 1967 / E. Basiński (oprac.); Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze 1921–1939 / S. Łopatniuk (oprac.). Warszawa, 1976; Polsko-radzieckie stosunki kulturalne. 1918–1939 / Balcerak W., Basiński E., Wisner H. (oprac.). Warszawa, 1977*.

¹⁶ *Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r. Materiały archiwalne i dokumenty. Warszawa, 1986*.

¹⁷ *Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów. PISM (на правах рукописи). Warszawa, 1985*.

¹⁸ *Monachium 1938. Polskie dokumenty dyplomatyczne. Warszawa, 1985; Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Zbiór dokumentów 1939. Warszawa, 1986*.

¹⁹ *Polska w polityce międzynarodowej (1939–1945). Warszawa, 1988*.

²⁰ О польской эмиграционной историографии см.: *Stobiecki R. Klio na wygnaniu. Warszawa, 2006*.

²¹ См., напр.: *Bączkowski W. Toward an Understanding of Russia. A Study in Policy and Strategy. Jerusalem, 1947*.

²² *Klochowiec K. Cztery niedotrzymane pakt. Londyn, 1966; Komarnicki T. Jałtański rozbiór Polski w świetle prawa narodów // Jałta wczoraj i dziś. Wybór publicystyki 1944–1985. Londyn, 1988. S. 51–96; Napaść sowiecka i okupacja polskich ziem wschodnich / Red. J. Jasnowski, E. Szczepanik. Londyn, 1985; Siemaszko Z. S. W sowieckim osaczeniu. 1939–1943. Londyn, 1991*.

²³ Ежи Гедройц (J. Giedroyc) — редактор ежемесячного журнала «Культура»; умер в сентябре 2000 г.

²⁴ *Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office / Beddie J. S., Sontag R. J. (ed.). Washington, 1948. На польском языке эти документы были опубликованы после 1989 г.: Białe plamy. ZSRR — Niemcy 1939–1941. Dokumenty i materiały, dotyczące stosunków radziecko-niemieckich od kwietnia 1939 u. do lipca 1941 r. [1990]*.

²⁵ См.: Polish White Book. Official Documents concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations 1933–1939. N.Y., 1940. Вышли также ее издания на французском и немецком языках.

²⁶ 1-е издание, вышедшее в 1948 г., содержит предисловие генерала В. Андерса и было составлено писателем Юзефом Мацкевичем. См. также англоязычную версию: *The Crime of Katyń. Facts and Documents*, foreword by Wiadyslaw Anders (L., 1965). Первой работой о катынском преступлении, написанной польским автором, была «Sprawa mordu Katyńskiego»: она долгое время распространялась в машинописном варианте и была издана только в 2009 г. в Лондоне. Сочинения Юзефа Мацкевича о катынском преступлении собрал и издал Яцек Тшнадель (см.: *Mackiewicz J. Katyń. Zbrodnia bez sądu i kary*. Warszawa, 1997).

²⁷ *Zawodny J. K. Death in the Forest*. 1964 (издание на польском яз.: *Zawodny J. K. Katyń*. Lublin; Paryż, 1989).

²⁸ *Zenczykowski T. Dwa Komitety 1920, 1944. Polska w planach Lenina i Stalina*. Paryż, 1983; *Idem. Polska Lubelska*. Warszawa, 1990; *Samotny bój Warszawy*. 1990.

²⁹ *Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945)*, Т. 1–3 // Опрac. Т. Комарницки. Лондun, 1964–1969 (редактором 4-го тома, вышедшего в 1972 г., был Юзеф Зараньский). В 1989 г. появилось также дополнение к этому изданию (см.: *Diariusz, wrzesień — grudzień 1939* // Опрac. В. Grzeloński. Warszawa, 1989).

³⁰ *Diplomat in Berlin 1933–1939. Papers and memoirs of Józef Lipski, Ambassador of Poland / Jędrzejewicz W.* (ed.). N.Y.; L., 1968; *Diplomat in Paris 1936–1939. Papers and Memoirs of Juliusz Łukasiewicz, Ambassador of Poland / Jędrzejewicz W.* (ed.). Columbia, 1970 (издание на польском языке: *Dyplomata w Paryżu 1936–1939. Wspomnienia i dokumenty Juliusza Łukasiewicza ambasadora Rzeczypospolitej Polskiej* / Wyd. Rozszerzone, oprac. W. Jędrzejewicz i H. Bułhak. Londun, 1989 (wyd. 2. Warszawa, 1995). Автор данной статьи готовит к печати политические документы посла в Москве В. Гжибовского.

³¹ *Czapski J. Na nieludzkiej ziemi*. Paryż, 1962.

³² *Herling-Grudziński G. Inny świat. Zapiski sowieckie*. Londun, 1953 (позднее были осуществлены многочисленные издания этих мемуаров Литературным институтом Ежи Гедройца в Париже).

³³ *Obertyńska B. W domu niewolno Rzym*, 1946.

³⁴ *Sprawiedliwość sowiecka* / Опрac. К. Zamorski, S. Starzewski. Rzym, 1945.

³⁵ *Anders W. Bez ostatniego rozdziału. Wspomnienia z lat 1939–1946*. Londun, 1960.

³⁶ *Mój wiek. Pamiętnik mówiony* / Опрac. L. Ciołkoszowa. Т. 1–2. Londun, 1988.

³⁷ *Krakowiecki A. Książka o Kołymie*. Londun, 1987.

³⁸ *Stypulkowski Z. Zaproszenie do Moskwy*. Londun, 1977.

³⁹ *Swianiewicz S. W cieniu Katynia*. Paryż, 1976.

⁴⁰ *Młynarski B. W niewoli sowieckiej*. Londun, 1974.

⁴¹ *Drzewanowski M. K. Joseph Piłsudski: An European Federalist*. Stanford, 1969.

⁴² *Wandycz P. Polish-Soviet Relations 1917–1921*. Cambridge, Mass., 1969.

⁴³ *Komarnicki T. Rebirth of the Polish Republic. A Study in the Diplomatic History of Europe 1914–1920*. Melbourne, 1957; *Cienciata A. M., Komarnicki T. From Versailles to Locarno. Keys to Polish Foreign Policy 1919–1925*. University Press of Kansas, 1984.

⁴⁴ *Gregorowicz S. Polsko-radzieckie stosunki polityczne w latach 1932–1935*. Warszawa, 1982.

⁴⁵ *Materski W. Polska a ZSRR 1923–1924. Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie*. Warszawa, 1981.

⁴⁶ *Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925–1934*. Warszawa, 1976.

⁴⁷ *Jopadniuk S. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze 1921–1939*. Warszawa, 1987.

⁴⁸ *Różewicz J. Polsko-radzieckie stosunki naukowe 1918–1939*, Warszawa, 1979.

⁴⁹ *Janiak J. Interpretacje leninizmu w polskiej publicystyce politycznej 1918–1939*. Warszawa, 1987.

⁵⁰ *Wisner H. Z historii stosunków kulturalnych polsko-radzieckich 1919–1939*, Warszawa, 1987.

⁵¹ *Polskie aspekty stosunków niemiecko-sowieckich w przededniu i pierwszym okresie II wojny światowej* // *Krytyka. Kwartalnik Polityczny*. 7/1980. S. 89–106.

⁵² [*Grzybowski W.*] „Byłem świadkiem”. Raport końcowy ambasadora polskiego w Moskwie so Ministra Spraw Zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej. Paryż 6 listopada 1939 r. // *Spotkania (Niezależne pismo młodych katolików)*. 1982. Nr 17–18. S. 89–111.

⁵³ В частности, см.: *Ajnenkiel A. Pakt agresji* // *Tygodnik Demokratyczny*. 3.09.1987; *Hajnicz A. Pakt Ribbentrop—Mołotow — w 50 lat później* // *Krytyka*. 1989. Nr 31. S. 34–44; *Król E. C. Polska wobec paktu Ribbentrop—Mołotow* // *Polityka*. 1989. Nr 47; *Idem. Jak odtajniono tajny protokół* // *Ubid*. 1989. Nr 32. S. 14.

⁵⁴ См.: Polityka. 3.10.1987.

⁵⁵ Профессор Мачишевский в одностороннем порядке назвал комиссию «Комиссией партийных историков»; российские историки, входившие в комиссию, были с таким названием не согласны.

⁵⁶ Цит. по: *Garlicki A. Tajne protokoły // Polityka. 5.08.1989. S. 15.*

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ См. об этом важную статью Мачея Кожминьского: *Koźmiński M. Postscriptum po latach // Gazeta Wyborcza. 14–15.08.1999.*

⁵⁹ До 1989 г. вышла только одна монография, рассматривающая эти вопросы, не опираясь на тезисы «официальной историографии». См.: *Juzwenko A. Polska a „biała” Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920). Wrocław, 1973.*

⁶⁰ Очерк опубликован в сборнике исследований А. Новака. См.: *Nowak A. Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej. Warszawa, 1995.*

⁶¹ *Nowak A. Rok 1920: pierwszy plan ofensywy sowieckiej przeciw Polsce // Niepodległość. T. 29. 1997. S. 18–19.*

⁶² *Czubiński A. Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918–1921. Opole, 1993.*

⁶³ См.: *Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920 — alternatywy i konsekwencje // Arcana. Nr 35 (5/2000).*

⁶⁴ См.: Ibid. S. 33–35.

⁶⁵ *Dziewanowski M. K. Piłsudski's Federal Policy. 1918–1921 // Journal of Central European Affairs. Vol. 10. 1950. № 2–3 July–October. S. 113–128, 271–287.*

⁶⁶ *Cisek J. Kilka uwag o myśli federacyjnej Józefa Piłsudskiego // Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej. XIX–XX wiek. Studia ofiarowane Piotrowi Łossowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 1995. S. 91–100.*

⁶⁷ *Komarnicki T. Józef Piłsudski a polityka wielkich mocarstw zachodnich, Londón, 1952; zob. również A. M. Cienciála, T. Komarnicki, From Versailles to Locarno. Keys to Polish Foreign Policy 1919–1925 (Kansas, 1984).*

⁶⁸ Ibid. S. 47.

⁶⁹ Mutatis mutandis — лат. «изменив то, что следует изменить». — *Прим. пер.*

⁷⁰ См.: *Nowak A. Odnowiona Rzeczpospolita, odnowione imperium? // Walka o granice 1918–1921; Idem. Wizja polityczna Józefa Piłsudskiego // Idem. Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inn. Kraków, 2007. S. 179–203, 204–220.*

⁷¹ *Leinwand A. Sztuka w służbie utopii. O funkcjach politycznych i propagandowych sztuk plastycznych w Rosji Radzieckiej lat 1917–1923. Warszawa, 1998; Idem. Czerwonym młotem w orła białego: propaganda sowiecka w wojnie z Polską 1919–1920. Warszawa, 2008.*

⁷² *Nowik G. Zanim złamano Enigmę. Warszawa, 2005.*

⁷³ *Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybór dokumentów. Londyn, 1990.*

⁷⁴ См. также: *Kumaniński J. Po Traktacie Ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921–1923. Warszawa, 1971.*

⁷⁵ *Tajny raport Wojkowa czyli radziecka taktyka zwrotu polskiego mienia gospodarczego i kulturalnego po pokoju ryskim. Warszawa, 1991.*

⁷⁶ *Borzęcki J. The Soviet-Polish Peace of 1921 and the Creation of Interwar Europe. Yale; New Haven, 2007.*

⁷⁷ *Nowak A. Stosunki polsko-radzieckie o polsko-rosyjskie (1919–1921) a ład wersalski // Od Wersalu do Poczdamu. Sytuacja międzynarodowa Europy Środkowo-Wschodniej 1918–1945 / red. A. Koryn. Warszawa, 1996. S. 30–42.*

⁷⁸ *Szajdak S. Polsko-ukraiński sojusz polityczno-wojskowy w 1920 roku. Warszawa, 2005.*

⁷⁹ Эти обвинения появились только в 1980-е годы в связи с тем, что польская сторона ждала выяснения обстоятельств катынского преступления; ранее советская сторона таких обвинений не выдвигала.

⁸⁰ *Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924. Z dziejów militarno-politycznych wojny polsko-radzieckiej. Toruń, 1991 (имеются также издания 1997 и 1999 гг.).*

⁸¹ *Tuchola: obóz jeńców i internowanych 1914–1923. T. 1–3. Toruń, 1997–2007.*

⁸² Ценные документы из российских архивов по данному вопросу («Rozmowy Piłsudskiego z Wojkowem. Fragmenty raportów») опубликовали Петр Вандыч и Ежи Боженцкий в парижском журнале «Zeszyty Historyczne» (2004. Nr 149. S. 10–22).

⁸³ Protokół pierwszego posiedzenia Komitetu Obrony Państwa z dnia 23 listopada 1926 r. / P. Stawicki (oprac.) // *Kwartalnik Historyczny*. 1988. Z. 3. S. 83.

⁸⁴ *Zacharias M. J.* Rozbieżności polsko-sowieckie w okresie VII Kongresu Kominternu // *Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej XIX–XX wiek. Studia ofiarowane Piotrowi Łossowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Warszawa, 1995. S. 343–352; *Idem.* Problem niemiecki w stosunkach polsko-radzieckich (Jesień 1933 — wiosna 1934) // *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały*. T. XVI. 1977. S. 62–85; *Idem.* Józef Beck i «polityka równowagi» // *Dzieje Najnowsze*. 1988. R. X. Z. 2. S. 3–37.

⁸⁵ До 1990-х годов единственной попыткой предпринять историческое обобщение по данной теме было появившееся в 1977 г. эссе Ромуальда Войны (*Rtę Wojna*) о польско-советских отношениях в межвоенный период, которое было опубликовано в сборнике исследований «Przyjaźń i antagonizmy. Stosunki Polski z państwami sąsiednimi w latach 1918–1939» под редакцией Януша Жарновского (J. Żarnowski).

⁸⁶ *Materski W.* Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939. Warszawa, 1994.

⁸⁷ «Политика балансирования» (или «политика равноудаленности») — польская внешнеполитическая концепция, которая появилась в начале 1930-х годов и проводилась в жизнь министром иностранных дел Юзефом Бекком. Суть концепции заключалась в необходимости сохранять равновесие в отношениях Польши с Германией и СССР и делать все для того, чтобы две державы не объединились на антипольской основе. — *Прим. пер.*

⁸⁸ *Skrzypek A.* Zwiększenie samodzielności i stabilizującej roli polityki polskiej w Europie (listopad 1932 — kwiecień 1935); W obliczu wojny (październik 1938 — sierpień 1939) // *Historia dyplomacji polskiej* / Red. G. Labuda. T. 4 / Red. P. Łossowski, oprac. M. Leczyk, P. Łossowski, W. Materski, W. Michowicz, A. Skrzypek. Warszawa, 1995.

⁸⁹ *Wotos M.* Francja — ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. Toruń, 2004.

⁹⁰ А. Пеплоньский является также автором сборника статей «Wywiad a dyplomacja II Rzeczypospolitej» (Toruń, 2004) и монографии о польской контрразведке «Kontrwywiad II Rzeczypospolitej» (Warszawa, 2002).

⁹¹ *Szawłowski R.* Wywiad polski we wrześniu 1939 r. // *Arcana* (Kraków). Nr. 32. 2/2000 S. 116–137; *Idem.* Wywiad polski na Związek Sowiecki w 1939 r. // *Europa nieprowincjonalna (Non-provincial Europe)*. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białoruś, Litwa, Łotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej Polskiej) w latach 1772–1999 / Red. K. Jasiewicz. Warszawa; Londyn, 1999. S. 905–922.

⁹² *Leczyk M.* Polska i sąsiedzi. Stosunki wojskowe 1921–1939. Białystok, 1997.

⁹³ *Ćwiąg H.* Działalność wywiadu sowieckiego na polskim pograniczu w latach trzydziestych, Warszawa 1995.

⁹⁴ *Malak K.* Polsko-radzieckie stosunki kulturalne w okresie międzywojennym. Warszawa, 1991; *Matelski D.* Losy polskich dóbr kultury w Rosji i ZSRR. Próby restytucji. Archiwa — księgozbiory — dzieła sztuki — pomniki. Poznań, 2003.

⁹⁵ О соглашении Бека—Геринга писала Стефания Станиславская (см.: Umowa Göring—Beck z 23 lutego 1938 roku // *Najnowsze Dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914–1939*. T. 3. Warszawa, 1960. S. 183–193). В действительности запись этой беседы не содержит никаких обязательств с польской стороны, а только подтверждает обмен информацией между партнерами о проводимой ими политике.

⁹⁶ Автор данной статьи придерживается такого же мнения. См.: *Kornat M.* Polska i problem „zbiorowego bezpieczeństwa” w polityce zagranicznej ZSRR (1933–1939) // *Związek Radziecki wobec krajów Europy Środkowej i Wschodniej 1920–1991* / Red. J. Diec i A. Tyszkiewicz. Kraków, 2004. S. 117–142.

⁹⁷ *Stanisławska S.* Polska a Monachium. Warszawa, 1967; *Idem.* Wielka i mała polityka Józefa Becka: marzec — maj 1938. Warszawa, 1962.

⁹⁸ Так называлась книга Юзефа Левандовского (*Lewandowski J.* Imperializm słabości. Kształtowanie się koncepcji wschodniej pilsudczyków 1921–1926. Warszawa, 1967). См. так же: *Idem.* „Prometeizm” — koncepcja polityki wschodniej pilsudczyzny // *Biuletyn Wojskowej Akademii Politycznej. Seria Historyczna*. T. I. Z. 2/12. 1958. T. II. Z. 1/14, 1959. S. 31–52; *Idem.* Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI.1918 — IV.1920). Warszawa, 1962. Об этом писал также Алексы Деруга. См.: *Deruga A.* Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). Warszawa, 1969.

⁹⁹ Zbiór dokumentów ppłk. Edmunda Charaszkiwicza / oprac. wstęp, przypisy A. Grzywacz, M. Kwiecień, G. Mazur. Kraków, 2000.

¹⁰⁰ Polacy na Ukrainie. Zbiór dokumentów. Cz. 1: lata 1917–1939. T. I. Przemysł, 1998.

¹⁰¹ Wymiana więźniów politycznych między II Rzeczpospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Dokumenty i materiały / oprac. W. Materski. Warszawa, 2000; *Idem*. Pobocza dyplomacji. Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczpospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Warszawa, 2002.

¹⁰² Довольно поверхностное исследование идей польской внешней политики содержится в книге Януша Фарыся (*Faryś J.* Концепcje polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. Warszawa, 1981).

¹⁰³ В последнее время первую попытку написать такую монографию сделал Марчин Крушиньский (М. Krzyszyński); его рукопись уже сдана в печать.

¹⁰⁴ Единственными очерками на эту тему являются два исследования, написанные автором данной статьи за последние несколько лет. См.: *Kornat M.* Ambasador Wacław Grzybowski i jego misja w Związku Sowieckim w latach 1936–1939 // *Zeszyty Historyczne*. Z. 142. 2002. S. 5–80; *Idem*. Postowie i ambasadorzy polscy w Związku Sowieckim (1921–1939 i 1941–1943) // *Polski Przegląd Dyplomatyczny*. T. 4. Nr 5/21. 2004. S. 129–203.

¹⁰⁵ Dyplomacja Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1992.

¹⁰⁶ Ранее был опубликован только сборник наиболее важных документов: *Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939*. T. 1–2. 1918–1932 / przedm. T. Jędruszczak (oprac.), T. Jędruszczak. M. Nowak-Kiełbikowa. Warszawa, 1989–1996.

¹⁰⁷ Имеются в виду тома, содержащие документы до 1938 г. включительно. Тома, посвященные 1939–1941 гг., содержат много ценных документов.

¹⁰⁸ *Pagel J.* Polen und die Sowjetunion 1938–1939. Die polnisch-sowjetischen Beziehungen in den Krisen der europäischen Politik am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1992.

¹⁰⁹ В 1970-е годы, уже находясь в эмиграции, Стефания Станиславская выразила мнение, что польское правительство должно было согласиться на проход Красной армии. Взамен следовало потребовать гарантий для восточных границ Польши со стороны западных держав, что позднее стало бы существенным козырем в политике польского правительства в эмиграции. См. ее очерк: *Soviet Policy toward Poland 1926–1939* // *The Theory of Two Enemies* / Ed. by A. Korczyński, T. Świętochowski. N.Y., 1975. S. 31–41.

¹¹⁰ *Carr E. H.* German-Soviet Relations between the two World Wars 1919–1939. Baltimore, 1951; *Fleischhauer I.* Der Pakt. Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939. Berlin, 1990; *Prażmowska A.* Britain, Poland and the Eastern Front. 1939. Cambridge, 1987; *Roberts G.* The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War. 1933–1941. L., 1995; *Jabara-Carley M.* End of the Low, Dishonest Decade: Failure of the Anglo-Franco-Soviet Alliance in 1939 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 45. 1993. Nr 2. S. 303–341.

¹¹¹ *Batowski H.* Rok 1938 — dwie agresje hitlerowskie. Poznań, 1985; *Idem*. Europa zmierza ku przepaści. Poznań, 1977; *Idem*. Agonia pokoju i początek wojny. Sierpień — wrzesień 1939 (wyd. 4). Poznań, 1984. Батовский также является автором всеобъемлющего исследования о международных отношениях в межвоенный период (до сих пор единственного в польской историографии): *Między dwiema wojnami 1919–1939*. Zarys historii dyplomatycznej. Kraków, 1988 (wyd. 2). Kraków, 2001.

¹¹² *Idem*. Układy niemiecko-radzieckie z 23 sierpnia 1939 // *Niemcy w polityce międzynarodowej 1919–1939*. T. 4. Na przełomie pokoju i wojny // red. S. Sierpowski. Poznań, 1992. S. 297–306; *Antecedencje 17 września 1939 roku* // *17 września 1939...* S. 17–32. X. Батовский опубликовал также очерк по этому вопросу: *17 September 1939. Before and After. The Road to War* // *East European Quarterly*. Vol. XXII. No 4. 1993. S. 522–534.

¹¹³ *Idem*. Antecedencje... S. 18–19/

¹¹⁴ *Duraczyński E.* Polska w polityce Moskwy latem 1939 // *17 września 1939*. Materiały z ogólnopolskiej konferencji historyków // red. H. Batowski. Kraków? 1994. S. 33–52; *Idem*. Polska w polityce Moskwy, 1939–1941 // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska* (Lublin). T. 51. Sekcja F. Z. 16. 1996; *Ego же*. Польша в политике Москвы 1938–1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // *Война и политика. 1939–1941* // Ред. А. О. Чубарьян. М., 1999. С. 50–64.

¹¹⁵ *Kamiński M.K.* Polityka zagraniczna Związku Sowieckiego w przededniu wojny z Niemcami (1938–1941) // *Droga ku wojnie. Polityka europejska i amerykańska w przededniu drugiej wojny światowej* / Red. T. Kisielewski. Bydgoszcz, 1999. S. 85–104.

¹¹⁶ *Balcerak W.* Na drodze do wojny. Europa Środkowo-Wschodnia wobec agresji niemieckiej i sowieckiej // *Od Wersalu do Poczdamu. Sytuacja międzynarodowa Europy Środkowo-Wschodniej 1918–1945.* / A. Koryn (red.). Warszawa, 1996. S. 106–116.

¹¹⁷ *Konecki T.* Wojna radziecko-fińska 1939–1940. Warszawa, 1998; *Piotrkowski B.* Wojna radziecko-fińska (zimowa) 1939–1940. Legendy, nieudomówienia, realia. Poznań, 1997.

¹¹⁸ *Kastory A.* Rozbiór Rumunii w 1940 roku. Warszawa, 2003.

¹¹⁹ Анджей Сквишпек опубликовал довольно поверхностный очерк «Nie spełniony sojusz? Stosunki sowiecko-niemieckie 1917–1941» (Warszawa, 1992). Славомир Дембский издал всеобъемлющую монографию «Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941» (Warszawa, 2003). Якуб Войтковяк опубликовал исследование «Stosunki radziecko-japońskie 1939–1941» (Poznań, 2000).

¹²⁰ *Kornat M.* (oprac.) Dyplomacja polska wobec zbliżenia niemiecko-sowieckiego w roku 1939 w świetle niepublikowanych dokumentów // *Zeszyty Historyczne (Paryż).* Z. 138, 2001. S. 3–77.

¹²¹ *Batowski H.* Układy niemiecko-radzieckie... S. 304.

¹²² *Skrzypek A.* W obliczu wojny (październik 1938 — sierpień 1939) // *Historia dyplomacji polskiej.* T. 4. S. 608.

¹²³ *Żerko S.* Polska wobec zbliżenia niemiecko-radzieckiego u schyłku lat trzydziestych // *Przegląd Zachodni.* Z. 2. 1998. S. 115–135; *Mazur Z.* Niemiecko-radzieckie porozumienia z sierpnia i września 1939 r. // *Przegląd Zachodni.* Z. 4. 1989. S. 125–151.

¹²⁴ *Zacharias M.J.* Polityka zagraniczna Polski wobec zagrożenia ze strony Niemiec i Związku Sowieckiego w okresie międzywojennym // *Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego, Prezydenta RP na Wychodźstwie.* Warszawa, 1994. S. 276–287; *Idem.* Polska wobec zbliżenia niemiecko-sowieckiego w okresie międzywojennym (ze szczególnym uwzględnieniem układu z 23 sierpnia 1939 r.) // *Rola i miejsce Polski w Europie 1914–1957. W 75 rocznicę odzyskania Niepodległości. Materiały z sesji naukowej w Instytucie Historii PAN 8–9 listopada 1993 r.* / A. Koryn (red.). Warszawa, 1994. S. 108–118; *Idem.* Przesłanki polityki Związku Sowieckiego wobec Polski w 1939 r. // *Dzieje Najnowsze.* R. XXIV. Z. 1–2. 1992. S. 59–78; *Idem.* Rozbieżności polsko-sowieckie w okresie VII Kongresu Kominternu // *Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej XIX–XX wiek. Studia ofiarowane Piotrowi Łossowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin.* Warszawa, 1995. S. 343–352; Его же. Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // *Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX века.* М., 2001. С. 219–230.

¹²⁵ *Wapiński R.* Wzajemne oddziaływanie polityki zagranicznej i wewnętrznej Polski wiosną i latem 1939 r. // *Dzieje Najnowsze.* Z. 1–2. 1992. S. 39–58; *Idem.* Pokolenia Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1991; *Idem.* Rezultat kalkulacji czy chciejstwa? Kwestia współdziałania Niemiec i ZSRR przed 17 września 1939 roku w wyobrażeniach polskich przywódczych (Zarys problematyki) // 17 września 1939. Materiały z ogólnopolskiej konferencji historyków. Kraków 25–26 października 1993 r. / H. Batowski (red.). Kraków, 1994. S. 75–90.

¹²⁶ Problematyka 1939 r. była przedmiotem jeszcze нескольких исследований автора данной статьи. См.: *Dyplomacja II Rzeczypospolitej wobec paktu Ribbentrop–Mołotow* // *Dzieje Najnowsze.* R. XXXII. Z. 2. 2000. S. 23–54; *Bałyckie i polskie reakcje na pakt Hitler–Stalin. Założenia, opinie, prognozy* / *Studia Historyczne (Kraków).* Z. 3. 2001. S. 443–465.

¹²⁷ *Zernack K.* Pakt, który zrodził wojnę // *Gazeta Wyborcza.* 1999. Nr 218.

¹²⁸ *Lojek J.* Agresja 17 września 1939. Studium aspektów politycznych. Wyd 3. Warszawa, 1990.

¹²⁹ *Wojna polska.* Rozmowa z prof. Pawłem Wieczorkiewiczem w 66 rocznicę agresji sowieckiej na Polskę [wywiad prowadził P. Zychowicz] // *Rzeczpospolita.* 17–18 września 2005. Вечоркевич также является автором двух книг, посвященных сталинским чисткам в Красной армии (См.: *Sprawa Tuchaczewskiego.* Warszawa, 1994; *Łańcuch śmierci. Czystka w Armii Czerwonej 1937–1939.* 2001).

¹³⁰ *Borejsza J.W.* Śmiejące sto milionów Słowian // 17 września 1939. S. 14–15.

¹³¹ Agresja 17 września 1939 roku, aspekty międzynarodowe i skutki dla ziem północno-wschodnich Rzeczypospolitej. Materiały z międzynarodowej konferencji organizowanej przez Uniwersytet w Białymstoku w listopadzie 1999 r. / Red. M. Gnatowski. Białystok, 2000. В этом сборнике были опубликованы исследования: С. Дембского («Pakt Ribbentrop–Mołotow a sowiecka agresja na Polskę 17 września 1939 r.»). S. 11–40) и автора данной статьи («Agresja 17 września 1939 r. w perspektywie równowagi europejskiej»). S. 41–82).

¹³² *Szubański R.* Krótki zarys działań wojskowych na wschodnich terenach II Rzeczypospolitej we wrześniu 1939 roku // *Wojskowy Przegląd Historyczny.* 1989. Nr 3.

¹³³ *Cygan W.* Kresy w ogniu. Wojna polsko-sowiecka 1939. Warszawa, 1990.

¹³⁴ *Głowacki A.* Procedura aneksji przez ZSRR wschodnich ziem II Rzeczypospolitej w 1939 r. // *Dzieje Najnowsze*. 1997. Nr 3. S. 89–112.

¹³⁵ *Żołyński J.* Włączenie polskich ziem wschodnich do ZSRR (1939–1940). Problemy ustrojowe i prawne. Wrocław, 1994.

¹³⁶ *Grzelak C.* Kresy w czerwieni. Agresja Związku Radzieckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 2001 (wyd. 2); *Idem.* Dziennik sowieckiej agresji. Wrzesień 1939. Warszawa, 1994; *Idem.* Możliwości obrony Kresów Wschodnich w 1939 roku przed Armią Czerwoną // *Europa nieprovincialna (Non-provincial Europe)*. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białoruś, Litwa, Łotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1772–1999 / red. K. Jasiewicz. Warszawa; Londyn, 1999. S. 923–932; *Idem.* Armia Sowiecka w agresji na Polskę 1939 r. (dokument sprawozdawczy). Warszawa, 2003.

¹³⁷ *Knorowski A.* Paragrafy niezgody. Agresja sowiecka na Polskę 17 września 1939 r. w świetle ówczesnych norm prawa międzynarodowego wojennego. Warszawa, 2002.

¹³⁸ В том же году вышло издание этой книги на немецком языке.

¹³⁹ *Luczak C.* Ziemie wschodnie Drugiej Rzeczypospolitej pod panowaniem radzieckim (1939–1941 i 1944–1945) // *Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu*. T. 34. 1992.

¹⁴⁰ *Madajczyk C.* Radziecki system okupacyjny (1939–1941) // *Dzieje Najnowsze*. 1992. Nr 2.

¹⁴¹ *Śleszyński W.* Okupacja sowiecka na Białostoczczyźnie 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja. Białystok, 2001.

¹⁴² *Wierzbicki M.* Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim: stosunki polsko-żydowskie na ziemiach północno-wschodnich II RP pod okupacją sowiecką (1939–1941). Warszawa, 2006.

¹⁴³ *Wnuk R.* «Za pierwszego Sowietą»: polska konspiracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzesień 1939 – czerwiec 1941). Warszawa, 2007.

¹⁴⁴ *Obozy jenieckie NKWD. IX 1939 – VIII 1941 / Red. S. Jaczyński.* Warszawa, 1995.

¹⁴⁵ *Kalbarczyk S.* Wykaz łagrów sowieckich miejsc przymusowej pracy obywateli polskich w latach 1939–1943. Cz. 1. Warszawa, 1993 (насколько нам известно, следующие части изданы не были).

¹⁴⁶ *Kersten K.* Szacunek strat osobowych w Polsce Wschodniej // *Dzieje Najnowsze*. 1994. Nr 2.

¹⁴⁷ *Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941 / Red. T. Strzembosz, oprac. K. Jasiewicz, T. Strzembosz i M. Wierzbicki.* Warszawa, 1996.

¹⁴⁸ *Bonusiak W.* Polityka ludnościowa i ekonomiczna ZSRR na okupowanych ziemiach polskich w latach 1939–1941 («Zachodnia Ukraina» i «Zachodnia Białoruś»). Rzeszów, 2006.

¹⁴⁹ *Spółeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–1941 / Red. M. Giżejewska, T. Strzembosz.* Warszawa, 1995.

¹⁵⁰ *Opór moralny bierny i opór moralny czynny jako forma walki z okupantem na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941 // Spółeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–1941 / Red. M. Giżejewska, T. Strzembosz.* Warszawa, 1995.

¹⁵¹ *Białorusini i Ukraińcy wobec władzy komunistycznej na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941 // Studia z dziejów okupacji sowieckiej (1939–1941) / Red. T. Strzembosz.* Warszawa, 1997.

¹⁵² *Gross J.* Sąsiedzi: historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny, 2000.

¹⁵³ *Żaron P.* Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej. Warszawa, 1990.

¹⁵⁴ *Głowacki A.* Przemieszczenie obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 roku. Łódź, 1989.

¹⁵⁵ *Kalbarczyk S.* Polscy prawnicy nauki ofiary zbrodni sowieckich w latach II wojny światowej. Zamordowani, więzieni, deportowani. Warszawa, 2001.

¹⁵⁶ Письма были взяты из собрания Института Гувера в Калифорнии.

¹⁵⁷ *Układ Sikorski–Majski. Wybór dokumentów.* Warszawa, 1990.

¹⁵⁸ *Cienciata A. M.* The Question of the Polish-Soviet Frontier in British, Soviet and Polish Policy in 1939–1940: the Littauer Memorandum and Sikorski's Proposal // *The Polish Review*. Vol. XXXIII. 1988. Nr 3. S. 295–324; *Idem.* General Sikorski and the Conclusion of the Polish-Soviet Agreement of July 30, 1941: A Reassessment // *Poland and Europe: Historical Dimensions / Ed. by M. B. Biskupski, J. S. Pula.* N.Y., 1993. S. 109–141.

¹⁵⁹ Издание выходило в 1994–2008 гг. по инициативе Польской академии умений в Кракове.

¹⁶⁰ Польская армия (или Армия Андерса) — часть Войска Польского, сформированная в 1941 г. в СССР. Армия подчинялась польскому правительству в эмиграции, а ее командующим был генерал Владислав Андерс. — *Прим. пер.*

¹⁶¹ Generał broni Władysław Sikorski — generał dywizji Władysław Anders. Korespondencja 1941–1943 / Wybór dokumentów, oprac. B. Polak. Koszalin, 2000.

¹⁶² См., например: *Kisielewski T. A. Zabójcy. Widma wychodzą z cienia.* Poznań, 2006.

¹⁶³ Wojsko Polskie: na froncie wschodnim 1943–1945, w 50 rocznicę bitwy pod Lenino. Warszawa, 1994.

¹⁶⁴ Книга была опубликована под псевдонимом Леопольд Ежевский (Leopold Jerzewski), затем несколько раз переиздавалась подпольными издательствами.

¹⁶⁵ *Szcześniak A. L. Katyń. Tło historyczne, fakty, dokumenty.* Warszawa, 1989.

¹⁶⁶ *Żaroń P. Agresja Związku Radzieckiego na Polskę 17 września 1939 r. Los jeńców polskich, Toruń, 1999; Zagłada oficerów Wojska Polskiego na Wschodzie. Wrzesień 1939 — Maj 1940.* Warszawa, 2000; NKWD o polskim podziemiu 1944–1948: konspiracja polska na Nowogródczyźnie i Grodzieńszczyźnie / Oprac. A. Chmielarz, red. T. Strzembosz. Warszawa, 1997; *Jaczyński S. Polscy jeńcy wojenni w ZSRR. Wrzesień 1939 — maj 1940. Cz. 1–2 // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1995. Nr 3–4; 1996. Nr 3.*

¹⁶⁷ Katyń. Dokumenty zbrodni / Red. W. Materski, B. Woszczyński, N. Liebiediewa, N. Pietrosowa (в 1995–2006 гг. вышли 4 тома).

¹⁶⁸ *Tucholski J. Mord w Katyniu. Kozielsk, Ostaszów, Starobielsk. Lista ofiar.* Warszawa, 1991; *Naznaczeni piętnem Ostaszkowa. Wykazy jeńców obozu ostaszowskiego i ich rodzin.* Warszawa, 2000.

¹⁶⁹ См., в частности: *Zbrodnia nie ukarana. Katyń, Twier, Charków.* Warszawa, 1996; *Zbrodnie NKWD na obszarze województw wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej / Red. B. Polak. Koszalin, 1995.*

¹⁷⁰ *Stalin a Powstanie Warszawskie / Oprac., T. Strzembosz tłum. z ros. W. Materski.* Warszawa, 1994.

¹⁷¹ *Duraczyński E. ZSRR a Powstanie Warszawskie // Międzynarodowe aspekty Powstania Warszawskiego 1944 roku. Dokumenty / Red. M. M. Drozdowski, H. Szwankowska.* Warszawa, 2004. S. 159. «Contradictio in adjecto» — лат. «противоречие в определении». — *Прим. пер.*

¹⁷² *Kersten K. II wojna światowa i podział Europy // Kompleks wypędzenia / red. W. Borodziej, A. Hajnicz.* Warszawa, 1998. S. 252–286; *Hajnicz A. Od paktu Ribbentrop—Mołotow do konferencji jałtańskiej. Próba oceny w świetle prawa międzynarodowego // Kompleks wypędzenia / Red. W. Borodziej, A. Hajnicz.* Warszawa, 1998. S. 230–251.

¹⁷³ См.: *Zeszyty Historyczne (Paryż). Z. 140. 2002. S. 3–38. «Ofiarą dwóch totalitaryzmów» (польск.) — жертва двух тоталитаризмов.* — *Прим. пер.*

¹⁷⁴ Например, трехтомник «Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945)» (Warszawa, 1966) и многочисленные более поздние издания. Внимания достойны статьи Софии Закс, посвященные внешней политике новой власти, в частности, рассматривающие польско-французские отношения с учетом советского фактора.

¹⁷⁵ Польское издание: *Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948.* Warszawa, 1989. Английское издание: *Kersten K. The Establishment of Communist Rule in Poland 1943–1948.* Berkeley, 1991.

¹⁷⁶ *Nazariewicz R. Armii Ludowej dylematy i dramaty.* Warszawa, 1998; *Idem. Komintern a lewica polska: wybrane problemy.* Warszawa, 2008.

¹⁷⁷ *Gontarczyk P. Polska partia robotnicza: droga do władzy. 1941–1944.* Warszawa, 2003. П. Гонтарчик совместно с Марком Ю. Ходакевичем и Лешком Жебровским опубликовал сборник документов «Tajne oblicze GL-AL i PPR: dokumenty». Т. 1–2. Warszawa, 1997.

¹⁷⁸ *Latyński M. Nie paść na kolana. Szkice o polskiej polityce lat powojennych.* Wrocław, 2002 (расширенное 2-е издание).

¹⁷⁹ Текст эссе был опубликован в сборнике сочинений К. Керстен «Między wyzwoleniem a zniewoleniem». Londyn. 1993. S. 5–27.

¹⁸⁰ *Sprzeciw Gomułki wobec dyktatu Kremla. Rozmowy w Belwederze w październiku '56 /oprac. Werblan // Dziś. 2008. Nr 9. S. 162–189.* На русском языке оригинал был опубликован российским историком Александром Ореховым в «Славянском альманхе. 2007 (М., 2008. С. 460–509).

¹⁸¹ *Machewicz P. Niepodległość — zmagowane szanse? // Rzeczpospolita. 16.09.2002.* Статья П. Мацехевича убедительно полемизировала с работой Рышарда Терлецкого (R. Terlecki) «Kapitulacja na własne życzenie» (Rzeczpospolita. 9–11.09.2002). Терлецкий утверждал, что в 1956 г. поляки должны были, воспользовавшись венгерским восстанием, начать активную борьбу за независимость.

¹⁸² *Rofeld A.D. Dylematy polskiej polityki zagranicznej // Polityka zagraniczna odrodzonej Polski 1918–1988 / red. B. Rychłowski.* Warszawa, 1989. S. 36.

¹⁸³ *Wandycz P.* Adam Rapacki and the Search for European Security // *The Diplomats 1939–1979* / eds. G. A. Craig, F. Loewenheim. Princeton, 1994. S. 289–315.

¹⁸⁴ *Jarosz D., Pasztor M. i inni.* Z dziejów stosunków polsko-francuskich 1948–1953. Toruń, 2001; *Pasztor M.* Między Paryżem, Warszawą i Moskwą. Stosunki polsko-francuskie 1954–1969. Warszawa, 2003; *Jarosz D., Pasztor M.* Polska — Francja. 1970–1980. Relacje wyjątkowe? Warszawa, 2006; *Linowski J.* Wielka Brytania w polityce zagranicznej Polski w latach 1945–1956. Toruń, 2001; *Tebinka J.* Nadzieje i rozczarowania. Polityka Wielkiej Brytanii wobec Polski 1956–1970. Warszawa, 2005; *Girzyński Z.* Polska — Francja. 1945–1950. Toruń, 2005; *Kłoczyński A.* Stosunki polsko-szwedzkie 1945–1956. Gdańsk, 2007.

¹⁸⁵ Wejda, nie wejda. Polska 1980–1982. Wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania. Konferencja w Jachrance, listopad 1997. Londyn; Warszawa, 1997.

¹⁸⁶ *Testimonium pauperatis* (лат.) — «свидетельство о бедности», в переносном смысле — признание слабости, несостоятельности в чем-либо; показатель чьего-либо скудоумия. — *Прим. пер.*

¹⁸⁷ Позиции сторонников такой точки зрения подкрепила книга бывшего советского диссидента, заключенного и политического эмигранта Владимира Буковского «Proces moskiewski. Dysydent w archiwach Kremla» (Warszawa, 1998).

¹⁸⁸ Собственно, об этом событии много писала польская пресса всех направлений общественного мнения.

¹⁸⁹ *Kacka A.* Repatriacja ludności polskiej z ZSRR 1955–1959. Warszawa, 1994; *Ruchniewicz M.* Repatriacja ludności polskiej z ZSRR w latach 1955–1959. Warszawa, 2000. Заметим, что книга М. Рухневич опирается на более обширную документальную базу.

¹⁹⁰ Назовем лишь одну из них, которая прошла в Москве в октябре 2003 г. и была организована Институтом истории ПАН и Институтом российской истории РАН. Материалы конференции см.: Польша — СССР 1945–1949 / Ред. Э. Дурачинский и А. Н. Сахаров. М., 2005.

¹⁹¹ *Kawalec K.* Spadkobiercy niepokornych. Dzieje polskiej myśli politycznej 1918–1939. Wrocław 2000.

¹⁹² *Śliwa M.* Polska myśl polityczna w I połowie XX wieku. Wrocław, 1993; *Idem.* Polska myśl socjalistyczna (1918–1948). Wrocław, 1988.

¹⁹³ Лешек Колаковский — философ и профессор Варшавского университета, был отстранен от профессорской деятельности в 1968 г. в атмосфере широкомасштабной кампании, направленной против евреев и интеллигенции. Вскоре после этого он уехал за границу, получив приглашение преподавать в Оксфордском университете, и остался жить в Великобритании.

¹⁹⁴ Издание на польском языке см.: *Marksizm i skok do królestwa wolności. Dzieje komunistycznej utopii.* Warszawa, 1996.

¹⁹⁵ См.: *The Polish Review.* Vol. XVII. 3/1972. S. 3–36.

¹⁹⁶ Опубликовано в кН.: *Polacy i Rosjanie (praca zbiorowa)* / Red. A. Magdziak-Miszewska. Warszawa, 2002. S. 34–56. См. также нашу работу «Россия в польской исторической мысли XIX и XX вв. Идеи и стереотипы // Россия и Запад. Исторический опыт XIX–XX веков / Ред. А. О. Чубарьян. М., 2008. С. 221–240.

¹⁹⁷ См.: *Dzieje Najnowsze.* Z. 1. 1994. S. 103–111.

¹⁹⁸ См. там же. Z. 1. 1997. S. 33–48.

¹⁹⁹ *Nowak A.* Od imperium do imperium. Spojrzenia na historię Europy Wschodniej, Kraków 2004 и *Rosja i Europa Wschodnia: «imperiologia» stosowana* / Red. A. Nowak. Kraków, 2006.

²⁰⁰ Тадеуш Вольша (Т. Wolsza) опубликовал исследование «Za żelazną kurtyną: Europa Środkowo-Wschodnia, Związek Sowiecki i Józef Stalin w opiniach polskiej emigracji politycznej w Wielkiej Brytanii 1944/1945–1953» (Warszawa, 2005). Хенрык Глембоцкий недавно издал детальный очерк «„Jak znaleźć numer telefonu na Kreml?”». *Rosja w strategii politycznej konstruktywnej opozycji w PRL 1986–1989»* (Arcana. Nr 86–87. 2009. S. 38–97), который является анонсом будущей книги на эту тему.

²⁰¹ Имеется в виду исследование Ежи В. Борейши (*Borejsza J. W.* La Russie moderne et l'Union Soviétique dans l'historiographie polonaise après 1989 // *Cahiers du Monde russe.* No 40/3. 1999. S. 529–546).

²⁰² *Materski W.* Tematyka polska w materiałach postsowieckiego zasobu archiwalnego // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej.* T. 33. 1998. S. 169–182.

²⁰³ Находясь в Москве в октябре 2008 г., автор этой статьи получил доступ к Архиву внешней политики Российской Федерации и изучил переписку между НКВД СССР и дипломатической миссией, а затем и посольством СССР в Варшаве в 1932–1936 гг. Эти материалы позволяют представить

16. Современная историография российско-польских отношений

польско-советские отношения в новом свете; однако это не означает, что необходимо пересмотреть взгляды на внешнюю политику Польши.

²⁰⁴ Выдающийся русский историк Олег Кен, недавно ушедший из жизни, писал, что российская историография относится к Польше как к проблеме, не заслуживающей большого внимания. См.: *Ken O. Co historycy rosyjscy chcą wiedzieć o polskiej historii XX wieku? // Arcana. Nr 83. 5/2008. S. 143.* С польской стороны всяческие обобщения были бы неуместным упрощением проблемы.

²⁰⁵ Следует также отметить книгу российского историка Альбины Носковой «NKWD i polskie podziemie 1944–1956» (Kraków, 1998).

²⁰⁶ *Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski. Zagadnienie historiograficzne. Warszawa, 1970.*

²⁰⁷ *Wereszycki H. Niewygasta przeszłość. Refleksje i polemiki. Kraków, 1987.*

²⁰⁸ «Die Weltgeschichte ist das Weltgericht» — известный афоризм немецкого поэта Ф. Шиллера. — *Прим. пер.*

²⁰⁹ *Kennedy P. The Decline of Nationalistic History in the West. 1900–1970 // The Journal of Contemporary History. Vol. 8. No 1. January 1973. S. 77–100.*

Приложения

ЗАПИСЬ ПО ИТОГАМ ВСТРЕЧИ СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ГРУППЫ ПО ТРУДНЫМ ВОПРОСАМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ А. Д. РОТФЕЛЬДА И А. В. ТОРКУНОВА

1–2 февраля 2008 г. в Брюсселе состоялась неформальная встреча Сопредседателей Группы.

Сопредседатели в ходе обмена мнениями пришли к пониманию того, что деятельность Группы в новом составе должна учитывать работу, проделанную Группой в прежнем составе в период с 2002 г. С этой целью в ближайшее время сторонами будет проведена инвентаризация этой работы и сформулирована ее оценка.

Сопредседатели считают важным максимально принять во внимание те усилия, которые были сделаны помимо Группы, в частности, совместные публикации историков, архивных служб и государственных ведомств по отдельным историческим аспектам польско-российских отношений.

Сопредседатели, согласились, что в конкретном плане важно расширить пространство уже имеющихся совместных изданий.

Сопредседатели, в целом, отмечают чрезвычайную важность доведения до средств массовой информации и широкой общественности двух стран тех позитивных моментов, которые существуют в российско-польском взаимодействии по исторической проблематике.

Сопредседатели отметили важность симметричности состава польской и российской частей Группы. При этом, акцент должен быть сделан на придание Группе по преимуществу вневедомственного, общественного и экспертного характера.

Сопредседатели понимают важность наличия в составе Группы людей не только хорошо знающих историю двусторонних отношений, но и способных работать на основе общности взглядов и ценностей.

Сопредседатели обсудили новые подходы и возможности на пути улучшения взаимного доверия и понимания, в том числе придания этому процессу духовного измерения. По мнению Сопредседателей, последнее может быть достигнуто путем привлечения к диалогу Русской Православной и Польской Католической церкви.

Сопредседатели намерены провести соответствующие неформальные консультации на предмет поиска конкретных механизмов и форм подключения церковью к российско-польскому диалогу.

Сопредседатели убеждены в том, что работа Группы должна быть ориентирована в будущее, на поиски решений ведущих к согласию и доверию между нашими обществами. Это должно быть сделано с учетом исторического контекста, в том числе, вопросов, по-прежнему, вызывающих озабоченности обеих сторон.

Сопредседатели полагают важным стимулировать исследовательскую и общественную активность участников Группы помимо собственно официальных засе-

даний. В частности, встречи Группы могут сопровождаться проведением более широких научных конференций по двусторонней тематике, а участники Группы будут всячески поощряться к проведению публичных лекций, выступлений с целью укрепления польско-российского взаимопонимания.

Сопредседатели высказали идею совместной научной публикации польских и российских участников Группы.

Сопредседатели полагают, что заседание Группы в новом составе может быть проведено в мае 2008 г. Местом проведения, в порядке ротации, станет Варшава. В дальнейшем, по мнению Сопредседателей, местами проведения заседаний Группы могут быть другие российские и польские города, что позволит приблизить деятельность Группы к реалиям общественной жизни двух стран.

Сопредседатели согласились, что настоящий документ будет представлен в Министерства иностранных дел двух стран в кратчайшие сроки.

А. Д. Ротфельд

А. В. Торкунов

КОММЮНИКЕ
ПО ИТОГАМ ЗАСЕДАНИЯ ГРУППЫ ПО СЛОЖНЫМ ВОПРОСАМ,
ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(Варшава, 12–14 июня 2008 г.)

1. 12–14 июня 2008 г. в Варшаве состоялось первое заседание российско-польской Группы по сложным вопросам в обновленном составе (список участников Группы в приложении).
2. Сопредседатели Группы — профессор, доктор наук Адам Д. Ротфельд и академик, профессор А. В. Торкунов информировали участников Группы по сложным вопросам о своих ранее состоявшихся встречах и предварительных договоренностях достигнутых в Брюсселе (1–2 февраля 2008 г.) и в Москве (19 мая 2008 г.).
3. Участники согласились, что в дальнейшей работе следует учитывать сделанное Группой с момента ее создания в 2002 г. В этой связи принято решение произвести инвентаризацию и анализ проделанной ранее работы, дать ей оценку — в особенности в вопросах доступа к неизвестным документам, имеющим важное значение для российско-польских отношений. Это в равной мере относится к совместным российско-польским публикациям по проблемам новейшей истории и взаимного доступа к архивам. В этом контексте было решено интенсифицировать исследования и другую активность, результаты которой будут представлены общественности от имени Группы по сложным вопросам.
4. При обсуждении мандата и новых задач Группы было отмечено, что в последние годы политические, равно как и другие аспекты отношений между нашими странами не отвечали ожиданиям общественного мнения России и Польши. Участники Группы с удовлетворением констатировали улучшение политического климата, который формирует условия для решения сложных и чувствительных вопросов, которые достались нам в наследство от истории. Было выражено мнение, что подобные вопросы не должны быть

-
- предметом политических игр, они требуют со стороны политиков и исследователей смелости и ответственности в их рассмотрении и разрешении. В особенной мере это относится к однозначному выяснению всех аспектов катынского преступления и принятия по этому вопросу должных политических решений.
5. Одной из важнейших целей работы Группы является снятие преград на пути к принятию решений на высшем уровне, которые призваны заложить крепкий фундамент партнерских отношений опирающихся на правду и взаимное уважение.
 6. Задачей Группы ни в коей мере не является подмена собой других институтов и государственных структур созданных для развития взаимоотношений между Российской Федерацией и Республика Польша. Группа должна содействовать решению тех проблем прошлого, которые блокируют и затрудняют взаимные отношения и принятие необходимых решений.
 7. Значительное внимание участники Группы посвятили выработке концепции совместной публикации историко-документального характера. Цель публикации — представить российский и польский взгляд на ряд ключевых и противоречивых проблем XX века в отношении между нашими странами и народами. Этот вопрос будет предметом дальнейшего обсуждения на следующем заседании Группы.
 8. Участники Группы с одобрением восприняли информацию Сопредседателей об их контактах с представителями Русской Православной Церкви и Польского Римскокатолического Костела. Сигналы готовности обеих Церквей к активному включению в общественный диалог и к сближению между народами России и Польши будут содействовать созданию духовного измерения отношений между нашими странами.
 9. Группа выражает благодарность высшим представителям польского государства за внимание к ее работе, свидетельством которого стал прием Сопредседателей Группы президентом Республики Польша Лехом Качиньским, а также рабочие встречи с Председателем Совета Министров РП Дональдом Туском и министром иностранных дел Радославом Сикорским, которым было сообщено о планах и результатах ранее проделанной работы.
 10. Группа с одобрением отнеслась к предложению Председателя Совета Министров РП Дональда Туска о том, чтобы в 70-ю годовщину начала Второй мировой войны организовать в Польше научную конференцию, с участием ученых из заинтересованных стран, посвященную причинам и итогам войны начавшейся 1 сентября 1939 г.

Было договорено, что следующее заседание Группы по сложным вопросам пройдет в Москве осенью 2008 г.

КОММЮНИКЕ
ПО ИТОГАМ ЗАСЕДАНИЯ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРУППЫ
ПО СЛОЖНЫМ ВОПРОСАМ

(Москва, 27–28 октября 2008 г.).

27–28 октября 2008 г. в Москве состоялось второе заседание Группы по сложным вопросам в обновленном составе.

Заседание Группы открыл министр иностранных дел России С. В. Лавров, призвавший к деполитизации проблем совместной истории. Сопредседатели Группы академик А. В. Торкунов и профессор А. Д. Ротфельд доложили участникам о проделанной сторонами работе в период между заседаниями. В начале заседания Сопредседатели проинформировали представителей средств массовой информации о достигнутых ранее результатах и дальнейших планах Группы.

Участники Группы в ходе тщательного обзора и детального обсуждения ранее представленных предложений окончательно согласовали концепцию совместной публикации по трудным вопросам российско-польских отношений.

В публикации в частности будут затронуты проблемы межвоенного периода, генезиса Второй мировой войны, Катынского преступления и другие вопросы двусторонних отношений, в том числе последних десятилетий. В ходе заседания был определен круг авторов ответственных за конкретные разделы публикации.

Участники договорились представить варианты своих текстов к середине апреля 2009 г.

Участники Группы одобрили намерение подготовить отдельную публикацию приуроченную к 70-й годовщине начала Второй мировой войны. Ответственными за подготовку этой публикации определены Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) и Польский институт международных дел (PISM).

Участники Группы отметили необходимость лучшего доступа к архивным материалам, что ускорило бы работу над упомянутыми публикациями. Участники приветствовали готовность министра иностранных дел России С.В.Лаврова содействовать лучшему доступу к Архиву внешней политики Российской Федерации.

Участники отметили, что целый ряд вопросов в связи с архивными фондами может быть решен в рабочем порядке в соответствии с установленными межгосударственными процедурами.

Участники Группы, обращаясь к руководству обеих стран, считают важным активизировать усилия по надлежащему выяснению всех обстоятельств и снятию вопроса о катынском преступлении сталинского режима с повестки отношений между нашими обществами и странами. Группа была бы готова обсуждать возможные шаги на пути к этой цели.

Польская сторона выражает благодарность российской стороне за гостеприимство и эффективную организацию работы.

Следующее заседание Группы, в порядке очередности, решено провести в Польше, во второй половине мая 2009 г.

КОММЮНИКЕ
ПО ИТОГАМ ЗАСЕДАНИЯ ГРУППЫ ПО СЛОЖНЫМ ВОПРОСАМ,
ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(Краков, 28–29 мая 2009 г.)

28–29 мая 2009 года в Кракове состоялось третье пленарное заседание российско-польской Группы по сложным вопросам.

1. Сопредседатели Группы профессор А. Д. Ротфельд и академик А. В. Торкунов оценили работу, проведенную Группой после последней встрече 27–28 октября 2008 г. в Москве. Были обозначены планы и намерения, связанные с текущим этапом подготовки совместной публикации о трудных проблемах в российско-польских отношениях XX века.

2. Участники Группы окончательно согласовали содержание и параметры совместного издания, обменялись подготовленными текстами и договорились, что на следующем заседании примут окончательное решение о передаче полного текста книги в издательства для его последующей публикации на польском и русском языках. Была достигнута договоренность о предоставлении заинтересованной общественности и прессе согласованного проспекта предстоящей публикации.

3. Группа уделила большое внимание катынской трагедии, которая приобретает особое общественное звучание в преддверии 70-й годовщины этого преступления. Участники Группы единодушно высказались за то, чтобы общественность двух стран предприняла совместные шаги по сохранению памяти о жертвах Катыни и приданию соответствующим усилиям сторон устойчивого и системного характера. Сопредседателям Группы поручено подготовить конкретные предложения и довести их до министров иностранных дел и руководства обеих стран.

4. Группа высказалась за безусловное сохранение памяти и поддержание в должном порядке мест захоронения военнопленных и репрессированных россиян и поляков на территории двух стран.

5. Участники одобрили сообщение о встрече Сопредседателей Группы с архиепископом Илларионом, митрополитом Волоколамским, состоявшейся 24 апреля 2009 г. в Москве.

6. Была выражена благодарность кардиналу Станиславу Дзивишу, митрополиту Краковскому за встречу и слова поддержки обращенные к Группе по сложным вопросам.

7. Группа высоко оценила готовность высоких иерархов Русской Православной Церкви и Римско-католической Церкви в Польше придать духовно-нравственное измерение преодолению имеющихся трудностей на пути углубления взаимопонимания.

8. Участники Группы с удовлетворением отметили конструктивный характер и итоги международной конференции посвященной генезису Второй мировой войны (26–27 мая 2009 г., Варшава). В конференции приняли активное участие представители Группы. Продуктивная работа ученых из Польши, России, Германии и других государств дает конкретный пример научного диалога и противодействия попыткам фальсификации истории.

9. Участники выражают благодарность мэру города Кракова, профессору Яцеку Майхровскому за оказанное гостеприимство.

10. Стороны договорились, что в соответствии с принципом ротации следующее заседание Группы состоится осенью 2009 г. в России.

Министру иностранных дел Российской Федерации
С. В. Лаврову
Министру иностранных дел Республики Польша
Р. Сикорскому

ОБРАЩЕНИЕ
СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ГРУППЫ ПО СЛОЖНЫМ ВОПРОСАМ,
ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Уважаемые господа Министры!

Как Вам известно, 28–29 мая 2009 г., в Кракове состоялось третье заседание Группы, в ходе которого участники окончательно согласовали структуру и содержание совместной публикации, посвященной сложным вопросам совместной истории, и обменялись подготовленными текстами. Была рассмотрена и одобрена другая совместная публикация, подготовленная при участии Группы и посвященная началу Второй мировой войны. Участники Группы рассмотрели вопросы, связанные с участием в двустороннем общественном диалоге, в т.ч. по историческим проблемам Русской Православной Церкви и Римско-католической Церкви Польши. Работа Группы традиционно проходила в конструктивном и дружественном духе.

Вместе с тем участники Группы отметили, что в вопросе о катынском преступлении Группа достигла предела своих возможностей и не может обеспечить какого-либо продвижения вперед без должной поддержки со стороны министров иностранных дел и руководства двух стран.

Учитывая, что приближающиеся 70-е годовщины начала Второй мировой войны и катынской трагедии могут создать дополнительный негативный эмоциональный фон вокруг исторических проблем и осложнить отношения между нашими странами, Группа поручила Сопредседателям подготовить конкретные предложения по решению вопроса катынского преступления и довести их до сведения министров иностранных дел и руководства России и Польши.

Участники однозначно высказались за то, чтобы рекомендовать руководству двух стран предпринять новые совместные шаги по увековечению памяти жертв Катыни, созданию возможностей поиска новых документов связанных с этим делом.

По мнению участников Группы важно придать соответствующим усилиям сторон устойчивый и системный характер, совместно и окончательно снять проблему Катыни с повестки дня двусторонних отношений.

Руководствуясь этими мотивами, а также мнениями, высказанными в ходе дебатов, Сопредседатели предлагают рассмотреть вопрос об учреждении в России (возможно, в Смоленске) и в Польше (в Варшаве) двух российско-польских центров, которые занимались бы увековечением памяти, вели архивную и мемориальную работу.

Созданные центры (например, под названием Российско-Польский дом совместной истории) предпринимали бы действия и по более широкому кругу вопросов, связанных с историко-мемориальной проблематикой.

В частности, они могли бы взять на себя:

- увековечение памяти жертв и морально-политическое осуждение виновных в этом преступлении;

-
- поддержание в надлежащем порядке мест захоронений, как связанных с катынским преступлением, так и других российских и польских захоронений на территории двух стран;
 - противодействие попыткам фальсификации истории путем поощрения исторических исследований;
 - просветительские функции, прежде всего в отношении молодого поколения.

Для выполнения этого решения руководство обеих стран могло бы назначить ответственных лиц.

Принятие руководством обоих государств совместного решения и информирование о нем общественности в ходе запланированного на осень 2009 г. визита Председателя Правительства Российской Федерации в Польшу было бы важным шагом на пути улучшения и формирования нового типа российско-польских взаимоотношений. Такое решение устранило бы существенные препятствия, негативно влияющие на российско-польские отношения в последние годы и используемые определенными кругами для разжигания неприязненных чувств.

Встречи сопредседателей с высокими иерархами Русской Православной Церкви и Римско-католической Церкви в Польше — доказательство того, что Церкви готовы активно включиться в решение этого вопроса и шире — в процесс сближения наших народов.

Анатолий В. Торкунов
Академик

Адам Д. Ротфельд
Профессор

КОММЮНИКЕ
ПО ИТОГАМ ЗАСЕДАНИЯ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОЙ
ГРУППЫ ПО СЛОЖНЫМ ВОПРОСАМ

(Москва, 9 ноября 2009 г.).

9 ноября 2009 г. состоялось очередное заседание российско-польской Группы по сложным вопросам. От имени министра иностранных дел России, участников Группы приветствовал заместитель министра А. В. Грушко.

Сопредседатели в своих выступлениях дали краткий обзор деятельности Группы между заседаниями и отметили позитивные изменения в историческом диалоге между российским и польским обществами. Особо были отмечены итоги визита премьер-министра России В. В. Путина в Польшу 1 сентября 2009 г. и видео-выступление Президента России Д. А. Медведева 30 октября 2009 г., в котором однозначно было подчеркнута необходимость «изучать прошлое, преодолевать равнодушие и стремление забыть трагические стороны».

Сопредседатели отметили важность общественного, публичного измерения деятельности Группы, в том числе публикации Польским институтом международных дел и Московским государственным институтом международных отношений совместного издания посвященного генезису и причинам Второй мировой войны, замысел которого родился в ходе работы Группы. Равно была отмечена публикация специального выпуска «Вестника МГИМО», приуроченного к 70-й годовщине на-

чала войны, значительную часть которого составили тексты авторов, входящих в состав Группы.

Сопредседатели подчеркнули важность взаимодействия Группы с другими диалоговыми механизмами, в частности с Форумом общественности и межпарламентской группой Россия—Польша.

Участники Группы сконцентрировались на финальном обсуждении совместной публикации, в частности подробно были рассмотрены вопросы историографии, отношений между нашими странами в период и сразу по завершении Второй мировой войны, вопросы «исторической политики». Обсуждение происходило в духе взаимного уважения и характеризовалось профессиональным подходом к рассматриваемым вопросам.

Участники Группы обсудили конкретные шаги в развитие заявлений премьер-министров двух стран 1 сентября 2009 г., в частности о создании Центров совместной истории.

Участники Группы высказались за учреждение таких историко-мемориальных Центров в форме негосударственных, некоммерческих институтов. Сопредседатели готовы предоставить руководителям обеих стран свои развернутые предложения по созданию таких Центров.

Участники Группы обсудили предложения о проведении мемориальной церемонии в Катыни в апреле 2010 г. Сопредседатели обратятся к Русской Православной Церкви и Римско-католической Церкви в Польше с просьбой о совместном поминовении жертв катынского преступления и других жертв сталинского режима, захороненных в Катыни.

Участники Группы решили провести специальное заседание Группы в Смоленске, в апреле 2010 г. и приурочить его к мемориальным церемониям в Катыни.

Участники Группы отметили необходимость уделить особое внимание 90-летию советско-польской войны 1920 г., что должно включать в себя соответствующие мемориальные церемонии в местах захоронения погибших и умерших в плену. Участники отметили необходимость провести приуроченную к этой трагической годовщине презентацию сборника документов посвященного советским военнопленным, равно как и рассмотреть возможность проведения мемориальной исторической конференции.

Участники высказали свою признательность руководству министерств иностранных дел двух стран за постоянную поддержку, которая плодотворно сказывается на деятельности Группы.

Очередное заседание Группы намечено провести в июне 2010 г., в Варшаве. На заседании будет представлена совместная публикация Группы по трудным вопросам российско-польских отношений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Торкунов Анатолий. Васильевич** — доктор политических наук, профессор, действительный член РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол, ректор МГИМО МИД России.
- Ротфельд Адам Даниэль** — сопредседатель российско-польской Группы по сложным вопросам, экс-министр иностранных дел Республики Польша, профессор, член Консультативного совета по вопросам разоружения при Генеральном секретаре ООН.
- Барановский Владимир Георгиевич** — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН.
- Бороздей Владзимеж** — профессор Института истории Варшавского университета.
- Бухарин Николай Иванович** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.
- Вардомский Леонид Борисович** — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.
- Воробьев Андрей Владимирович** — кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.
- Гловацкий Альбин** — профессор Института истории историко-философского факультета Университета г. Лодзи.
- Граевский Анджей** — доктор наук, руководитель международного отдела еженедельника «Гость недели».
- Дембский Славомир** — доктор наук, бывший директор Польского института международных дел, уполномоченный министра культуры и национального наследия по вопросам создания польско-российского Центра диалога и согласия.
- Калиньский Януш** — профессор кафедры экономической и социальной и истории Коллегии общественно-экономических наук Высшей коммерческой школы г. Варшавы.
- Козлов Владимир Петрович** — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
- Корнад Марек** — профессор Института истории им. Т. Мантойфла Польской академии наук (ПАН), факультета политических исследований Высшей школы бизнеса — Национальный университет ЛУИС г. Новый Сонч.
- Лебедева Наталия Сергеевна** — кандидат исторических наук (Россия), доктор исторических наук (Польша), руководитель Центра публикации документов по истории XX века Института всеобщей истории РАН.
- Липиньская-Наленч Дарья** — профессор, ректор Высшей школы торговли и права им. Р. Лозарского г. Варшавы, бывший директор главной дирекции государственных архивов.
- Мальгин Артем Владимирович** — кандидат политических наук, доцент, советник ректора МГИМО МИД России.
- Марчиняк Владзимеж** — профессор Института политических наук ПАН, кафедры международных отношений и национальной безопасности Высшей школы бизнеса — Национальный университет ЛУИС г. Новый Сонч.
- Матвеев Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ имени М. В. Ломоносова
- Матерский Войцех** — профессор, директор Института политических наук ПАН.
- Наленч Томаш** — профессор исторического факультета Варшавского университета, факультета политических наук Гуманитарной академии им. А. Гыштора г. Пултуск.

-
- Наринский Михаил Матвеевич** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.
- Носкова Альбина Федоровна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Парсаданова Валентина Сергеевна** — доктор исторических наук, профессор, научный консультант Института славяноведения РАН.
- Пачковский Анджей** — профессор, руководитель отдела новейшей истории Института политических наук РАН.
- Пелчиньская-Наленч Катажина** — доктор наук, заместитель директора Центра восточных исследований.
- Помяновский Ежи** — профессор, главный редактор журнала «Новая Польша».
- Пшевозьник Анджей** — секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества.
- Ревякин Александр Васильевич** — доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России.
- Стемпняк Владислав** — профессор, зам. директора Главной дирекции государственных архивов.
- Шмелев Борис Александрович** — доктор исторических наук, директор Центра сравнительных политических исследований Института экономики РАН.
- Шубин Александр Владиленович** — доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины, и Белоруссии Института всеобщей истории РАН.
- Яжборовская Инесса Сергеевна** — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Научное издание

БЕЛЫЕ ПЯТНА – ЧЕРНЫЕ ПЯТНА
Сложные вопросы в российско-польских отношениях

Редакторы *В. М. Карев, Е. Н. Ковалева*

Корректор *А. А. Барина*

Художник *Д. А. Сенчагов*

Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 66,95.

Доп тираж 200 экз. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс»

111141 Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

e-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru

Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8 (499) 270-73-59